This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 605.25

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1898.

Slav 25.
Title p

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIV-й. ОКТЯБРЬ. 1903 годъ.

OCT 29 1903

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Воспоминанія К. С. Веселовскаго. . . . . 5—42
II. Новички. (Изъ воспоминаній о Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка). Н. Фирсова (Л. Рускина). 43—63
III. Участіе Екатерины II въ семейномъ дѣлѣ графа К. Г. Разумовскаго. . . . . 65—68
IV. Записки Н. Г. Залѣсова. Сообщ. П. Н. Длусская. 69—86
V. Императоръ Николай I. (Историческая характеристика). II. . . . . 87—104
VI. Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ въ XV и XVI вѣкахъ. . . . 105—130
VII. Батуринскій переворотъ 13-го марта 1672 года. П. Матвѣева. . . . . 131—146
VIII. Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская. (Оконч.). А. Слезскинскаго. 147—164
IX. Цензура въ царствованіе императора Николая I-го. 165—183
X. Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщилъ И. А. Бычковъ. . . . . 185—203
XI. Императоръ Николай I въ донесеніяхъ шведскаго посланника. Сообщ. С. Вародель. . . . . 205—219
XII. Письма декабриста И. Горбачевскаго князю Е. П. Оболенскому. Сообщила княгиня М. Г. Оболенская . . . . . 221—239
XIII. Записная книжка „Русской Старины“: Высочайшее повелѣніе объ удержаніи трети жалованья у вел. кн. Константина Павловича. Сообщ. А. В. Безродный. (стр. 64).—Высочайшая благодарность за основаніе въ Тулѣ дворянскаго училища. 19-го августа 1801 года (184). —Кости еврея какъ предохраненіе отъ падежа скота. 28-го февр. 1810 г. (204).—Крестъ для ношенія духовенствомъ въ память 1812 г. 30-го авг. 1814 г.—Разрѣшеніе особамъ женскаго пола носить медали 1812 года. 18-го января 1816 года. (220).—Посылка флигель-адъютанта Порошина для препровожденія въ Петербургъ принца голштинскаго Георгія. 2-го янв. 1762 года. (240).
XIV. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ)

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ ординарнаго академика К. С. Веселовскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1903.

Библіографическій листокъ.

Н. К. Козминъ. Очерки по исторіи русскаго романтизма. Н. А. Полевой, какъ выразитель литературныхъ направленій современной ему эпохи. Спб. 1903 г.

Большая часть очерковъ, составляющихъ разсматриваемую нами книгу, была помѣщена въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“, въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ“ и нашемъ журналѣ. Въ очеркахъ этихъ дана характеристика Н. А. Полеваго, извѣстнаго представителя русскаго романтизма.

Литературная дѣятельность Полеваго распадается на двое: первая ея половина, представляющая собою полный расцвѣтъ способностей Николая Алексѣевича, совпадаетъ съ временемъ изданія „Московскаго Телеграфа“ (1825—1834 гг.), вторая, начинающаяся со дня запрещенія журнала, есть печальная картина увяданія таланта, сломленнаго житейскими невзгодами.

Особое вниманіе авторъ обращаетъ на наиболѣе выдающіяся сочиненія Полеваго, относящіяся къ тѣмъ годамъ его жизни, когда онъ, увлекаемый желаніемъ добра для соотечественниковъ и исполненный самыхъ благородныхъ стремленій, не щадилъ силъ духовныхъ и физическихъ, работая въ самыхъ разносторонникъ областяхъ.

„Онъ интересуетъ насъ, — говоритъ Н. К. Козминъ,—какъ журналистъ, въ теченіе девяти лѣтъ высоко державшій свое знамя; какъ беллетристъ, пытавшійся примѣнить на практикѣ свои умныя теоретическія сужденія о томъ или другомъ литературномъ жанрѣ; какъ шеллингистъ, впитавшій въ себя нѣмецкую философію изъ сочиненій Кузена; какъ критикъ, устанавливающій лучшіе, чѣмъ прежде, пріемы изслѣдованія.

Не касаясь драматическихъ произведеній Полеваго, написанныхъ послѣ 1834 г., и историческихъ его трудовъ, — какъ не отвѣчающихъ поставленной цѣли изслѣдованія,—г. Козминъ даетъ полную библіографію его сочиненій и литературы о немъ, а также матеріалы для его біографіи.

Въ частности, въ отдѣлѣ „Журналистика“ мы находимъ интересные отзывы иностранныхъ и русскихъ журналовъ о „Московскомъ Телеграфѣ“. Такъ, „Revue encyclopédique“ (т. 32, окт. 1826 г.) дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: При быстромъ и постепенномъ ходѣ наукъ съ нѣсколькихъ годовъ, періодическія сочиненія уже оказали великія заслуги; но они могутъ оказать они еще болѣе, замѣтивъ точку, отъ которой начнутъ свой путь, и направляя наши изслѣдованія къ цѣли, какую дѣйствительно должно предполагать себѣ. Если нынѣшняя словесность и науки не могутъ процвѣтать вмѣстѣ, ограничимся однимъ полезнымъ и не станемъ на бездѣлки тратить времени, котораго недостаетъ намъ на досугъ, болѣе возвышенный. Смотря съ этой точки зрѣнія, мы упрекнемъ издателей „Телеграфа“ за то, что четвертое отдѣленіе и прибавленіе они бы помѣщатьси абрисы правовъ или новости, благопріятныя для успѣховъ наукъ и промышленности. Что касается до полемическихъ статей, къ которымъ они обѣщали, было, остаться чуждыми, мы отсылаемъ авторовъ ихъ къ баснѣ, помѣщенной въ № 17 и нравоученіе которой мы позволимъ себѣ нѣсколько развить... Не сомнѣваемся, что пространство мѣста, посвящаемое нами извѣстію о „Московскомъ Телеграфѣ“, оказывая участіе, какое принимаемъ мы въ семъ новомъ литературномъ предпріятіи,— побудитъ издателей принять съ благой стороны наши замѣчанія. Мы желали бы войти съ ними въ сношенія обмѣномъ изданія ихъ на наше; это дало бы намъ возможность съ своей стороны дѣлать у нихъ выгодные займы для пополненія нашихъ картинъ сравнительнаго просвѣщенія. По мнѣнію того же „Revue“ (т. 34, май 1827 г.), прежніе русскіе журналы теряютъ свое значеніе, которое они пріобрѣли, было, благодаря содѣйствію такихъ лицъ, какъ покойный Карамзинъ, а „Московскій Телеграфъ“ оспариваетъ у нихъ вліяніе, и послѣднее перейдетъ непремѣнно къ нему, если другія періодическія изданія, останутся попытки разрабатывать вообще область наукъ и литературы, не ограничатъ свою дѣятельность какою-нибудь спеціальностію. Организованный въ большей мѣрѣ по плану „Revue“, „Телеграфъ“—первый изъ русскихъ журналовъ и привлекаетъ разнообразіемъ содержанія вниманіе публики; ему такъ же, какъ „Revue“ во Франціи, предстоитъ блестящая будущность въ Россіи, и соперничающіе журналы уступятъ ему первенство. Любопытство читателей должно быть возбуждено занимательностью статей „Телеграфа“, который будетъ пользоваться все возрастающимъ успѣхомъ, въ особенности если перестанетъ полемизировать съ другими изданіями.

Но если во Франціи „Телеграфу“ былъ оказанъ очень хорошій пріемъ, то не такъ обстояло дѣло въ Германіи. Приводимъ отзывъ „Zeitschrift“ въ переводѣ издателя „Галатеи“:... оба сіи журнала [1]) для г. Полеваго, издателя „Телеграфа“, какъ „бѣльмо на глазу“, потому что при нихъ также будутъ прилагаемы модныя картинки. Но особенно раздраженъ онъ на г. Олина, ибо сей нѣмѣлъ дерзость объявить, что будетъ выдавать модныя картинки ранѣе всѣхъ русскихъ журналовъ и, слѣдовательно, ранѣе „Телеграфа“,—дерзость, тѣмъ менѣе простительную въ глазахъ „Телеграфа“, что онъ самъ, въ противоположность всѣмъ настоящимъ телеграфамъ, запаздываетъ обыкновенно со своими извѣстіями и книжками двумя или тремя мѣсяцами: такъ, напр., случается нерѣдко, что книжка, которой слѣдовало бы выйти въ маѣ, проглядываетъ у него на свѣтъ Божій не прежде августа... Удивительно, какъ еще до сихъ поръ такъ мало голосовъ явилось противъ ежедневно возвышающейся запосчивости и очевиднаго пристрастія въ критикахъ сего журналиста, который, не принадлежа собственно къ ученому знанію, ибо всѣмъ берется знать

[1]) Говорятся о журналахъ В. Н. Олина „Карманная книжка для любителей русской

Ординарный Академикъ

КОНСТАНТИНЪ СТЕПАНОВИЧЪ

ВЕСЕЛОВСКІЙ.

(Род. 20 мая 1819 г. † 3 ноября 1901 г.)

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1903.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1903.

~~Slav 5.10~~
P Slav 605.25

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1903 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

ПРОДАЕТСЯ КНИГА:

ИСТОРІЯ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ѳ. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами. Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ **Товарищество «Общественная Польза»**, СПБ. Большая Подъяческая, № 39.

Воспоминанія К. С. Веселовскаго [1]

OCT 29 '03

Писать ли свои записки и воспоминанія или не писать? Передъ этимъ вопросомъ я долго стоялъ въ нерѣшимости. Друзья и пріятели, видя, что я долго жилъ и слѣдовательно много видѣлъ на своемъ вѣку, подталкивали меня—писать, а внутренній голосъ, вмѣсто отвѣта, ставилъ другой вопросъ: для чего писать? Кому будетъ нужно мое писаніе? Спокойно обсуждая этотъ вопросъ въ разное время и въ разныхъ настроеніяхъ духа, я не могъ не признать, что какъ бы ни была ограничена среда, въ которой протекла моя жизнь, какъ бы ни было скромно мое участіе въ современныхъ мнѣ дѣлахъ и событіяхъ,—все же въ замѣткахъ моихъ можетъ отразиться, иногда даже помимо моей воли, кое-что такое, что̀ пригодится со временемъ кому-нибудь для уясненія себѣ нашего времени. Познаніе внутренней жизни общества слагается изъ сличенія огромной массы фактовъ и современныхъ свидѣтельствъ,—и счастливъ тотъ авторъ записокъ, который можетъ своимъ трудомъ доставить хоть

---

[1]) Константинъ Степановичъ Веселовскій, ординарный академикъ (родился 20-го мая 1819 года и скончался 3-го ноября 1901 года) былъ въ теченіе тридцати лѣтъ непремѣннымъ секретаремъ Академіи наукъ. Воспоминанія его въ видѣ отдѣльныхъ статей, касавшихся разныхъ періодовъ его жизни, неоднократно помѣщались въ „Русской Старинѣ". Статьи эти были: „Отголоски старой памяти" („Русская Старина" 1899 года, т. С., октябрь); „Воспоминанія о нѣкоторыхъ лицейскихъ товарищахъ. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій" (1900 г., т. CIII сентябрь); „Воспоминанія о Царскосельскомъ лицеѣ 1832—1838 г." (1900 г., т. CIV октябрь); „Русскій философъ Д. М. Веланскій" (1901 г., т. CV январь); „Время президентства графа Д. Н. Блудова въ Академіи наукъ" (1901 г., т. CVIII, декабрь) и другія. Ред.

малую крупицу годную для такого познанія. Наконецъ, вспомнилъ я о томъ удовольствіи, какое доставляло мнѣ чтеніе записокъ современниковъ о близкомъ къ намъ времени, появлявшихся въ «Русскомъ Архивѣ», «Русской Старинѣ» и другихъ, и долгъ благодарности за это удовольствіе подстрекалъ меня на работу, въ надеждѣ, что и мои замѣтки доставятъ кому-нибудь подобное удовольствіе.

Одно замѣчу, что я поставилъ себѣ за правило—стараться быть сколько можно справедливымъ къ дѣламъ и людямъ,—изображать ихъ такъ, какъ они мнѣ представлялись, не клоня умышленно ни въ ту, ни въ другую сторону,—ни въ сторону восхваленій, ни въ сторону порицаній, въ убѣжденіи, что показаніямъ современниковъ придаютъ цѣнность только искренность и правдивость ихъ. Воспоминанія о прошломъ составляли для меня самого большое наслажденіе въ ту пору жизни, когда они одни и оставались еще доступнымъ удовольствіемъ; а воспоминанія никогда не воскресаютъ въ умѣ нашемъ съ такою живостью, какъ когда приходится заносить ихъ на бумагу; и я писалъ потому, что находилъ удовольствіе—жить мыслію въ прошломъ. Подъ вліяніемъ этого чувства я пустилъ свое перо свободно бѣгать по бумагѣ, рискуя даже говорить иногда о томъ, что могло быть интересно лишь для меня одного. Но я не хотѣлъ излишнею критикою сдерживать порывы памяти, предпочитая представить безыскусственный разсказъ о быломъ времени, предоставивъ критику другимъ.

I.

Нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ. — Первые годы жизни до поступленія на службу.

Степанъ Семеновичъ Веселовскій, отецъ мой, принадлежалъ къ старинному роду дворянъ Смоленской губерніи, внесенному въ шестую часть Родословной книги. Какъ отецъ его, такъ дѣдъ и прадѣдъ владѣли въ той губерніи разными пожизненными имѣніями [1]), впрочемъ небольшими, такъ что они не были въ числѣ богатыхъ, но по тогдашнему времени считались имѣющими приличный дворянскій достатокъ. Всѣ они отбывали воинскую службу, сперва обязательно въ силу закона, а потомъ, со времени отмѣны Петромъ III, въ 1762 году, обязательной

[1]) Уже въ 1700 году Веселовскій владѣлъ въ Россіи недвижимымъ съ крестьянскими дворами имѣніемъ. См. „Вѣдомость общую дворянскимъ фамиліямъ, имѣвшимъ недвижимыя имѣнія съ крестьянскими дворами въ 1700 году“ у Иванова, „Обозрѣніе помѣстныхъ правъ“. М. 1836.

для дворянъ государственной службы,—въ силу обычая, такъ какъ, и послѣ означенной отмѣны, въ родѣ Веселовскихъ считалось дѣломъ дворянской чести—посвятить молодые годы военной службѣ, а уже потомъ, въ извѣстномъ чинѣ, удалиться въ деревню и зажить помѣщичьею жизнью. Такъ дѣдъ моего отца Петръ Ильичъ вышелъ въ отставку полковникомъ, а отецъ — Семенъ Петровичъ — майоромъ. У этого Семена Петровича, дѣда моего съ отцовской стороны, было 14 человѣкъ дѣтей.

Отецъ мой, Степанъ Семеновичъ, родившійся 2-го августа 1781 года, третьимъ сыномъ смоленскаго помѣщика, отставнаго майора Семена Петровича и жены его Луизы Антоновны, урожденной баронесы Плотенъ, получилъ хорошее домашнее образованіе, такъ какъ тогда еще не было общимъ обычаемъ отдавать дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, да и самихъ заведеній этого рода было слишкомъ мало. По достиженіи 18-ти-лѣтняго возраста онъ былъ принятъ на службу 1799 г. (іюля 28-го) подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, въ которомъ затѣмъ произведенъ въ 1802 г. (мая 2-го) въ прапорщики. Извѣстно, что Семеновскій полкъ былъ любимымъ полкомъ императора Александра I, который, еще будучи великимъ княземъ, былъ шефомъ его и сдѣлалъ его предметомъ особой своей заботливости. Государь лично зналъ всѣхъ офицеровъ полка, входилъ въ ихъ семейное положеніе, многимъ изъ нихъ помогалъ негласно изъ собственныхъ средствъ. Поэтому составъ офицеровъ былъ самый отборный «Нерадивому по службѣ [1]) или не умѣвшему съ достоинствомъ носить званіе семеновскаго офицера, въ полку мѣста не было». Поэтому и въ столичномъ обществѣ семеновскіе офицеры пользовались особеннымъ вниманіемъ, имъ былъ открытъ доступъ въ лучшіе дома Петербурга; тотъ балъ считался блестящимъ, на которомъ было много семеновцевъ. Современникъ, Вигель, въ своихъ «Запискахъ» говоритъ [2]): «что при поведеніи совершенно неукоризненномъ, общество офицеровъ полка почитало себя образцовымъ для всей гвардіи. Оно состояло изъ благовоспитанныхъ молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ лучшимъ дворянскимъ фамиліямъ. Строго соблюдая законы чести, они не потерпѣли бы въ товарищѣ ни малѣйшаго пятна на ней. Они не курили табаку и даже между собою не позволяли себѣ тѣхъ отвратительныхъ, непристойныхъ словъ, которыя сдѣлались принадлежностью военнаго языка. Если котораго изъ нихъ увидятъ въ Шустерклубѣ, на балахъ Крестовскаго острова, или въ какомъ-нибудь другомъ подобномъ мѣстѣ, то онъ

---

[1]) П. Диринъ, „Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка". Спб. 1883, 2 тома въ 8 д. л.

[2]) Вигель, „Записки". „Русскій Архивъ", 1892, № 11, стр. 13.

изъ полка общимъ приговоромъ офицеровъ былъ извергаемъ. Они составляли изъ себя какой-то особый рыцарскій орденъ, и все это въ подражаніе вѣнчанному своему шефу».

Въ такой благодатной средѣ протекли для моего отца первые годы по вступленіи его въ дѣятельную жизнь. Они конечно имѣли на него самое благодѣтельное вліяніе. О нихъ любилъ онъ вспоминать съ особымъ восторгомъ до самой своей старости.

Мирныя занятія и столичныя удовольствія въ началѣ царствованія императора Александра I смѣнились и для семеновцевъ боевыми тревогами, вызванными хозяйничаніемъ Наполеона въ Европѣ. Когда императоръ французовъ обратилъ свое грозное оружіе противъ Пруссіи и въ самое короткое время уничтожилъ ея армію, императоръ Александръ двинулъ свои войска на помощь королю прусскому. Въ февралѣ 1807 г. выступилъ въ походъ гвардейскій корпусъ и въ его составѣ и Семеновскій полкъ. Эта кампанія дала отцу случай отличиться на полѣ чести. Участвуя почти во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ, онъ былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Произведенный въ 1808 г. въ штабсъ-капитаны, Степанъ Семеновичъ въ томъ же году (16-го февраля) вышелъ въ отставку, а 26-го іюня поступилъ снова на службу майоромъ въ Бѣлорусскій гусарскій, именовавшійся послѣ принца Оранскаго полкъ. Онъ находился тогда въ составѣ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Турціи, и Степанъ Семеновичъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ въ 1809 и 1810 годахъ. Въ сраженіи 26-го августа 1810 г. при селеніи Батинѣ, гдѣ онъ, командуя эскадрономъ гусаръ, отрѣзалъ часть бѣжавшихъ турокъ, а остальныхъ вогналъ въ рѣку Янтру, взялъ до 140 человѣкъ въ плѣнъ и отнялъ 5 знаменъ. За это дѣло онъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. По этому ордену онъ потомъ, съ 1-го мая 1848 года, поступилъ въ комплектъ пенсіонеровъ и предоставилъ мнѣ заслуженную имъ съ такою честью пенсію, по 150 руб. въ годъ.

По заключеніи мира съ турками, войска, дѣйствовавшія противъ нихъ подъ начальствомъ адмирала Чичагова, возвратились въ предѣлы Россіи и были назначены для помощи главной арміи къ очищенію земли русской отъ Наполеоновскихъ полчищъ; для моего отца представилась возможность принять участіе въ славныхъ для русскаго оружія дѣлахъ «священной памяти двѣнадцатаго года» и въ заграничномъ походѣ 1813 и 1814 годовъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ похода отецъ мой, по желанію его, былъ 20-го декабря 1816 года переведенъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, а черезъ годъ послѣ того (въ іюлѣ 1817 г.) женился на 18-ти лѣтней дочери могилевскаго помѣщика подполковника Петра Васильевича Дол-

гово-Сабурова [1])—Луизѣ Петровнѣ. Она была, съ материнской стороны, внучкою графини Мелиной, могилевской помѣщицы, владѣтельницы прекраснаго имѣнія Мерколовичи, Рогачевскаго уѣзда; въ барскомъ домѣ ея моя мать и воспитывалась съ дѣтскаго возраста, такъ какъ она весьма рано лишилась своей матери. Моя мать очень любила вспоминать о своей бабкѣ, которой она обязана была отличнымъ для того времени образованіемъ. Въ приданое за моею матерью было дано ея отцомъ серебра и другихъ вещей на 15.000 руб. да наличными 5.000 руб., а по наслѣдству отъ ея матери ей досталось село Церковье, съ деревней Головачи (220 ревизскихъ душъ), смежныхъ съ Мерколовичскимъ помѣстьемъ.

Первый ребенокъ, котораго предполагали назвать Константиномъ, въ честь отцовскаго брата, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, оказался мертворожденнымъ (1818 г.). Но въ слѣдующемъ году 20-го мая (1819 г.) въ замѣнъ его явился я на свѣтъ Божій, въ г. Новомосковскѣ, Екатеринославской губерніи, гдѣ находился тогда Александрійскій гусарскій полкъ. Воспріемниками моими были: дядя Павелъ Семеновичъ Веселовскій и какая-то баронесса Розенъ.

Для военнаго человѣка—возить за собою въ обозѣ молодую жену и малыхъ дѣтей неудобно, и поэтому отецъ рѣшился оставить военную службу, и, говоря высокимъ слогомъ—промѣнять мечъ на соху. Въ 1820 г. 8-го января онъ былъ уволенъ по прошенію отъ службы—полковникомъ и съ мундиромъ, поселился съ семействомъ въ женинымъ имѣніи селѣ Церковьѣ, и занялся сельскимъ хозяйствомъ, по примѣру большинства служилыхъ дворянъ того времени. Этимъ новымъ для него дѣломъ отецъ занялся съ свойственными ему энергіей и добросовѣстностью. Неустаннымъ трудомъ онъ привелъ имѣніе въ порядокъ и увеличилъ его доходность; но вмѣстѣ съ тѣмъ росло и семейство. Въ 1820 г. (октября 12-го) родился сынъ Петръ; въ 1821 г. (ноября 20-го) дочь Варвара; въ 1823 г. (марта 16-го) дочь Юлія; въ 1824 г. (августа 21-го) дочь Софія. Стало быть, потребности для содержанія семьи возростали, да нужно было заблаговременно подумать о предстоящихъ въ будущемъ расходахъ на воспитаніе дѣтей, а между тѣмъ доходы съ имѣній, хотя и пріумноженные трудами отца, все же были недостаточны, такъ какъ и все имѣніе было небольшое. Тогда отецъ рѣшилъ попробовать счастіе въ гражданской службѣ. Въ 1826 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и

---

[1]) Въ 1762 году, 28-го іюня, въ день переворота, возведшаго императрицу Екатерину II на престолъ, онъ былъ поручикомъ въ Измайловскомъ полку, столь щедро награжденномъ за тотъ день, и въ числѣ прочихъ награжденъ чиномъ гвардіи капитанъ-поручика. Онъ пользовался особою милостью Потемкина, по ходатайству котораго ему было пожаловано имѣніе Закружье, въ Могилевской губерніи, въ которомъ онъ и жилъ до своей смерти.

по прошенію былъ опредѣленъ 23-го февраля въ министерство финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій, съ переименованіемъ въ надворные совѣтники; а въ 1827 году, іюля 15-го, произведенъ въ коллежскіе совѣтники.

Въ это время министръ финансовъ гр. Канкринъ былъ озабоченъ пріисканіемъ мѣръ къ пресѣченію злоупотребленій при добываніи золота на Уралѣ. По докладу его, состоялся 28-го мая 1826 года высочайшій указъ, которымъ ему предоставлялось опредѣлить впредь до усмотрѣнія, для ближайшаго по сей части надзора, двухъ особыхъ чиновниковъ, которые, завися непосредственно отъ министра, имѣли бы неослабное наблюденіе, дабы при добываніи золота не могло происходить злоупотребленій, при чемъ повелѣно производить имъ жалованіе по 3.500 р., на чрезвычайные расходы безотчетно по 2.000 р. въ годъ каждому и на разъѣзды прогонныя деньги по существующему на то положенію. На этомъ основаніи гр. Канкринъ 23-го іюля 1826 г. опредѣлилъ рекомендованныхъ ему барономъ Дибичемъ, какъ отличныхъ и особаго довѣрія заслуживающихъ чиновниковъ, для надзора за разработками золота въ южной части Урала—Веселовскаго, а въ сѣверной—коллежскаго совѣтника Голяку.

Приготовляясь къ новой службѣ, отецъ отвезъ семейство къ своимъ сестрамъ и брату Василію, въ с. Петровское, подъ Смоленскомъ, а самъ отправился къ мѣсту своего служенія въ г. Златоустовъ. Нѣсколько времени спустя, когда въ Петровскомъ семейство наше умножилось рожденіемъ брата Степана (1827 г., марта 14-го), моя мать, въ убѣжденіи, что служба отца на Уралѣ будетъ продолжительна, отправилась съ дѣтьми въ Златоустовъ. Легко себѣ представить, что это путешествіе, въ то время, было продолжительно, утомительно, сопряжено съ разными неудобствами, а главное—съ большими расходами, непосильными для семьи. Всѣ эти жертвы приносились, въ надеждѣ, что отцу удастся тамъ прочно пристроиться. Но скоро эта надежда рушилась самымъ разорительнымъ для насъ образомъ.

Дѣло въ томъ, что посылка на Уралъ чиновниковъ для надзора и наблюденія за разработками золота была мѣрою вполнѣ неудачною. Пріѣздъ такихъ чиновниковъ былъ актомъ недовѣрія министерства къ начальствовавшимъ на разработкахъ лицамъ, отъ которыхъ эти чиновники должны были неизбѣжно встрѣчать и явное и скрытное недоброжелательство и противодѣйствіе. Канкринъ и самъ скоро замѣтилъ ошибочность принятой имъ мѣры и не далѣе, какъ черезъ годъ, а именно 11-го сентября 1827 года, испросилъ высочайшее повелѣніе должности чиновниковъ для надзора за разработками золотыхъ рудниковъ упразднить, а вмѣсто нихъ разрѣшить главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта имѣть при себѣ двухъ или трехъ чиновниковъ для

особыхъ порученій. Извѣщая объ этомъ моего отца, отъ 21-го сентября 1827 г., Канкринъ прибавилъ, что главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта предоставлено и его, если онъ согласенъ, помѣстить въ число такихъ чиновниковъ, или же выдать ему на обратный проѣздъ изъ Злотоустова въ Петербургъ прогоны на три лошади.

Это извѣщеніе поразило моего отца какъ громомъ. Оказалось весьма ясно, что поѣздкою на Уралъ онъ попалъ въ западню; поступить въ чиновники особыхъ порученій при главномъ начальникѣ уральскихъ заводовъ онъ не могъ, такъ какъ не могъ бы существовать, съ своей семьей, на окладъ жалованья, этимъ чиновникамъ назначенный; ѣхать же обратно въ Петербургъ на сумму «прогоновъ на три лошади» было немыслимо. Поэтому чтобы вырваться изъ такой западни, отецъ принужденъ былъ войти въ долги, которые потомъ долгое время тяготили его.

По оставленіи злополучнаго для насъ Златоустова, отецъ съ семействомъ провелъ часть 1828 года въ Москвѣ. Здѣсь семья еще увеличилась рожденіемъ брата Николая (1828 г., мая 20-го).

Въ слѣдующемъ году мы, наконецъ, пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ отецъ снова сталъ хлопотать о полученіи мѣста въ министерствѣ финансовъ. Въ то время только лишь возводились зданія для учреждаемаго, по мысли Канкрина, Технологическаго института, на углу Обуховскаго и Загороднаго проспектовъ. Для всѣхъ распоряженій по строительной части была назначена въ вѣдомствѣ департамента мануфактуръ и внутренней торговли особая коммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ ст. сов. Николая Ивановича Комарова, а послѣ него директора Технологическаго института стат. сов. Евреинова.

Въ эту коммиссію и былъ назначенъ отецъ мой съ 17-го іюня 1829 г. членомъ. Прочими членами ея были: кол. сов. Оде-де-Сіонъ и архитекторъ академикъ Анертъ, бухгалтеромъ коммиссіи былъ мой дядя Семенъ Семеновичъ Веселовскій. Кромѣ того, при коммиссіи состоялъ, опредѣленный въ нее, въ одно время съ моимъ отцомъ, Карлъ Андреевичъ Тренделенбургъ, пруссакъ, принявшій русское подданство, бывшій съ іюля 1827 г. архитекторскимъ помощникомъ при комитетѣ городскихъ строеній и перешедшій потомъ (съ марта 1831 г.) на службу по военнымъ поселеніямъ. Этотъ Тренделенбургъ былъ моимъ первымъ учителемъ рисованія, впрочемъ не долго.

Коммиссія по построенію Технологическаго института окончила свое дѣло и была закрыта 1-го августа 1831 года; но отецъ мой считался въ службѣ по ней еще до 1-го октября того года, для окончательной сдачи отчетовъ коммиссіи. По закрытіи коммиссіи, отецъ вышелъ въ отставку, и при этомъ, за всю свою службу, составившую по сдѣланному тогда разсчету 33 года 8 мѣсяцевъ и 6 дней, получилъ отъ Канкрина, вмѣсто

всякой пенсіи, лишь единовременно, въ награду, годовой окладъ жалованья 2.500 руб. ассиг.

Убѣдившись изъ двухъ сдѣланныхъ имъ опытовъ въ тщетѣ для него гражданской службы, мой отецъ покинулъ Петербургъ и занялся съ тѣхъ поръ единственно хозяйничаніемъ въ Церковскомъ имѣніи. Его дѣятельность и распорядительность нашли себѣ въ этомъ занятіи лучшее вознагражденіе, чѣмъ какое доставляла ему гражданская служба. Онъ выстроилъ въ Церковьѣ новый болѣе просторный домъ, развелъ большой фруктовый садъ, возвелъ хорошія хозяйственныя постройки и, что заслуживаетъ особаго упоминанія, приложилъ особыя старанія къ улучшенію быта крестьянъ, которые были въ лучшемъ положеніи, чѣмъ у сосѣднихъ помѣщиковъ; сосѣди говорили о моемъ отцѣ, что онъ избаловалъ своихъ крестьянъ.

Онъ скончался 1-го мая 1852 года въ селѣ Церковьѣ, на 70-мъ году жизни и похороненъ 4-го мая, близъ церкви этого села.

Моя мать скончалась тамъ же 4-го іюля 1865 года (род. 12-го іюля 1799 г.); въ день смерти ей исполнилось 65 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 8 дней.

Въ заключеніе, я долженъ почтить память отца словами правдивыми: онъ былъ олицетворенною добротою, безпритязательный для себя, снисходительный для всѣхъ, скромный и забывавшій о себѣ для услуги людямъ, которыхъ онъ любилъ и уважалъ; онъ былъ любимъ всѣми знавшими его. Моя мать, какъ женщина нервная, была иногда подвержена припадкамъ вспыльчивости; но отецъ всегда переносилъ ихъ съ удивительнымъ терпѣніемъ, и поэтому доброе согласіе между ними никогда не нарушалось.

Въ день моего рожденія отцу моему было 38 лѣтъ, а матери съ небольшимъ 20 лѣтъ. Она сама не кормила ни меня, ни другихъ своихъ дѣтей, и это, можетъ быть, было для меня къ лучшему,такъ какъ моя мать была всегда очень нервная женщина. Моею кормилицею была, какъ мнѣ говорили, красивая и отмѣнно здоровая молодая женщина, малороссіянка. Ей вѣроятно я,послѣ родителей, обязанъ въ доброй мѣрѣ тѣмъ здоровьемъ, какимъ я былъ, при самомъ рожденіи, награжденъ на всю жизнь.

Вскорѣ послѣ моего рожденія, отецъ оставилъ военную службу и поселился съ семействомъ въ имѣніи моей матери, селѣ Церковьи, въ Рогачевокомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи. Здѣсь первые годы моей жизни протекли на чистомъ деревенскомъ воздухѣ. Здѣсь, первыя сознательныя впечатлѣнія внѣшняго міра и самыя раннія воспоминанія относятся къ 5-ти или 6-ти лѣтнему возрасту. Помню такъ ясно и съ такими подробностями, какъ бы они и теперь были передъ моими глазами, нашъ старый, небольшой деревянный домъ, все расположеніе въ немъ комнатъ,

и какая была въ каждой изъ нихъ мебель, работы дамашняго столяра, и въ особенности виды, какіе открывались изъ оконъ въ разныя стороны; цвѣтники и фруктовый садъ, прилегавшіе къ дому съ одной стороны, съ другой—дворъ съ хозяйственными постройками, далѣе,—запруженная рѣчка съ плотиною, по которой тянулась дорога къ церкви. Образы этихъ предметовъ врѣзались въ моей памяти съ тѣхъ поръ съ такою отчетливостью, какой не всегда имѣли подобныя впечатлѣнія позднѣйшаго времени. За то и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и въ старости, въ минуты, когда мысль уносится въ глубь прошедшаго, любимымъ и всегда дорогимъ воспоминаніемъ была та скромная обстановка, въ которой протекли въ томъ старомъ домѣ мои первые годы сознательной жизни.

Родители наши прилагали величайшее стараніе къ тому, чтобы доставить своимъ дѣтямъ наилучшее образованіе, принося для этого и матеріальныя жертвы, даже несоразмѣрныя съ ихъ весьма скромными достатками. Первою моею учительницею была сама мать; когда я едва достигъ 6-ти лѣтняго возраста, она начала учить меня читать и писать по-русски и по-французски. Французское чтеніе происходило по маленькимъ томикамъ Беркенъ, «l'Ami des Enfants», по тому самому экземпляру, этого въ то время весьма распространеннаго сборника дѣтскихъ разсказовъ, по которому училась и сама моя мать въ домѣ своей бабушки, графини Мелиной, у которой она росла и воспитывалась. Какъ теперь помню эти небольшія книжечки въ довольно потертомъ зеленомъ переплетѣ.

Эти учебныя занятія были прерваны переселеніемъ семейства нашего въ г. Злотоустовъ, гдѣ уже для меня взяли учителей: Андре—для русскаго языка, ариѳметики и другихъ предметовъ, а Бояршинова—для уроковъ рисованія. Но какъ пребываніе наше въ Злотоустовѣ было, сверхъ всякаго ожиданія, кратковременно, то и занятія съ этими учителями были непродолжительныя, всего около трехъ мѣсяцевъ.

По переселеніи затѣмъ семейства въ Москву (1828), первою заботою родителей было, чтобы время наше—мое и моего брата Петра,—не пропадало для ученія. Тотчасъ же приглашенъ былъ учитель Савельевъ для занятій съ нами по русскому языку и ариѳметикѣ, а для иностранныхъ языковъ взятъ былъ въ домъ гувернеромъ нѣкій Фасоліо, старый италіанецъ, Богъ знаетъ какъ явившійся на берегахъ Москвы рѣки въ роли педагога. О занятіяхъ его съ нами у меня не сохранилось ничего въ памяти; помню только, что онъ имѣлъ большія претензіи, и между прочимъ требовалъ, чтобы каждый день на ужинъ ему подавали биръ-супъ, т. е. пиво, сваренное съ молокомъ, съ приправой изюма и хлѣбныхъ гренковъ. Онъ оставался впрочемъ у насъ не долго и былъ смѣненъ гувернанткою—Маріей Осиповной Дельсаль, француженкой, но говорившею по-русски, какъ русская. Эта была настоящая гувернантка,

опытная въ своемъ дѣлѣ, очень образованная и имѣвшая талантъ—заохотить своихъ учениковъ къ занятіямъ. Она учила насъ русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ и рисованію; получала значительное по тогдашнему времени жалованье (по 1750 руб. асс. въ годъ) и жила у насъ почти два года (съ іюля 1828 г. по май 1830 г.). Ей-то я обязанъ тою хорошею подготовкою, которая такъ пригодилась мнѣ потомъ въ училищахъ.

По переѣздѣ нашемъ затѣмъ въ Петербургъ я былъ отданъ,съ 15-го іюня 1830 года, въ самый лучшій въ то время въ Петербургѣ и поэтому самый дорогой пансіонъ француза Журдана. Этотъ пансіонъ помѣщался въ домѣ Афроемова, на углу Царицына луга, обращенномъ къ Конюшенному мосту, и занималъ два верхнихъ этажа этого дома, такъ какъ училище было устроено на широкую ногу. Дортуары помѣщались въ бель-этажѣ, въ просторныхъ, высокихъ комнатахъ; классныя комнаты были подъ ними, въ третьемъ этажѣ; учебными занятіями руководилъ главнымъ образомъ помощникъ Журдана, его зять—Бераръ, опытный и дѣятельный педагогъ. Пансіонъ раздѣлялся на три класса—младшій, средній и старшій. Я, какъ хорошо подготовленный ученикъ, былъ принятъ въ средній классъ. Каждый классъ состоялъ подъ смотрѣніемъ особаго гувернера, француза; въ среднемъ классѣ таковымъ былъ Дютитръ, который неотлучно былъ съ воспитанниками и спалъ вмѣстѣ съ ними въ дортуарѣ, а въ рекреаціонное время выводилъ ихъ на Царицынъ лугъ, гдѣ пансіонеры играли въ лапту, городки и разныя подобныя игры. Такъ какъ заведеніе было изъ числа дорогихъ, то пансіонерами были все дѣти достаточныхъ родителей и слѣдовательно болѣе или менѣе благовоспитанные.

Отдача меня въ пансіонъ Журдана сопровождалась однимъ обстоятельствомъ, имѣвшимъ на меня большое вліяніе. Годовая плата за пансіонера въ этомъ заведеніи была 2,000 руб. асс.—сумма слишкомъ значительная для бюджета моихъ родителей; но такъ какъ они хотѣли дать мнѣ самое лучшее воспитаніе, не щадя для этого никакихъ жертвъ, то для уплаты Журдану моя мать продала полученное ею въ приданое столовое серебро: эта жертва глубоко меня тронула; она во все время моего школьнаго ученія не выходила у меня изъ памяти и служила постояннымъ стимуломъ—прилежно учиться, чтобы не пропали понапрасну жертвы, дѣлаемыя родителями ради меня.

Но какъ бы ни желали мои родители всего лучшаго для меня, болѣе одного года въ дорогомъ пансіонѣ Журдана они содержать меня были не въ состояніи (съ половины іюня 1830 г. по 15-го іюня 1831 г.). Нужно было подумать объ иныхъ средствахъ продолжать мое воспитаніе.

Мой отецъ желалъ, чтобы и я былъ, подобно ему, военнымъ. По его просьбѣ, мой дядя генералъ-маіоръ Константинъ Семеновичъ Весе-

ловскій, который на другой день послѣ 14-го декабря 1825 года былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и слѣдовательно былъ лично извѣстенъ государю, исходатайствовалъ, что я и мой братъ Петръ были назначены, въ апрѣлѣ 1831 года въ число пажей Высочайшаго двора и внесены въ списокъ кандидатовъ для поступленія въ Пажескій корпусъ, а въ ожиданіи своей очереди поступленія мы оба были отданы въ іюнѣ 1831 г. въ первую С.-Петербургскую гимназію пансіонерами (интернами); приходящихъ въ этой гимназіи въ то время не было. Братъ мой, какъ менѣе приготовленный, былъ принятъ въ младшій (первый) классъ, меня же посадили въ третій классъ.

Переходъ отъ просторныхъ, свѣтлыхъ комнатъ съ паркетными полами Журдановскаго пансіона къ крайне скромному, чтобы не сказать болѣе, помѣщенію гимназіи былъ рѣзокъ; но еще разительнѣе былъ контрастъ въ составѣ учениковъ, въ ихъ манерахъ, въ ихъ обхожденіи между собою и въ предметахъ ихъ разговоровъ. Какъ у Журдана я охотно сходился и сближался съ своими одноклассниками, такъ напротивъ къ своимъ товарищамъ въ гимназіи я чувствовалъ невольное, почти инстинктивное отдаленіе—какъ слѣдствіе разницы въ степени благовоспитанности. Къ моему счастію, не долго пришлось мнѣ оставаться въ гимназіи, и черезъ это я избѣгъ того невыгоднаго вліянія, какое могъ бы оказать на меня, при болѣе продолжительномъ въ ней пребываніи, невысокій уровень нравственности товарищей. А несчастный мой братъ сдѣлался въ гимназіи жертвою неудовлетворительныхъ санитарныхъ условій, схватилъ въ самомъ заведеніи тифъ, котораго онъ не перенесъ, и скончался въ 1832 году іюня 29-го.

О пребываніи моемъ въ гимназіи у меня сохранилось на всю жизнь самое непріятное воспоминаніе.

Изъ гимназіи я былъ переведенъ, 6-го октября 1832 года, на казенный счетъ въ Царскосельскій лицей, гдѣ и кончилъ курсъ 11-го іюня 1838 года. Мои воспоминанія объ этомъ самомъ счастливомъ періодѣ моей жизни, равно какъ о лицейскомъ бытѣ того времени, представлены въ особой статьѣ [1]). Ихъ я ввѣрялъ бумагѣ съ особымъ удовольствіемъ, и потому невольно увлекался въ подробности, можетъ быть и лишнія.

Послѣ восьми лѣтъ, проведенныхъ вдали отъ роднаго крова, весьма естественно было желаніе снова увидѣть дорогой сердцу пріютъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, душевно отдохнуть въ любящей средѣ родной семьи и на просторѣ сельской природы отпраздновать прощаніе съ жизнью «на всемъ готовомъ», прежде чѣмъ начать служеніе обществу, болѣе или менѣе связанное съ борьбою за существованіе. И я рѣшилъ отложить до осени поступленіе мое на службу, а до того времени пожить въ на-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1900 г., т. CIV, (октябрь).

шемъ имѣніи. Ко времени моего выпуска изъ лицея моя мать пріѣхала въ Петербургъ изъ деревни, для того, чтобы взять домой двухъ моихъ сестеръ, кончавшихъ къ этому же времени воспитаніе въ пансіонѣ англичанки г-жи Люджеръ. Проведя нѣсколько дней въ приготовленіяхъ къ дорогѣ, мы всѣ вмѣстѣ отправились около 20-го іюня въ Рогачевскій уѣздъ, Могилевской губерніи, въ имѣніе моей матери село Церковье.

II.

Время службы въ министерствѣ государственныхъ имуществъ (1838—1857).

Послѣ долгихъ лѣтъ жизни въ чужихъ людяхъ, четыре мѣсяца, проведенные въ этомъ нашемъ родномъ уголкѣ, который я покинулъ едва семилѣтнимъ ребенкомъ, и въ который теперь возвратился титулярнымъ совѣтникомъ,—четыре мѣсяца среди сладкихъ ощущеній родственныхъ привязанностей, среди безыскусственной простоты сельской природы были какъ бы возрожденіемъ невѣдомыхъ мнѣ, дремавшихъ дотолѣ сторонъ душевной жизни. Онѣ согрѣвали сердце, скрѣпляли связь съ семьею, и скажи мнѣ тогда родители хоть одно слово о томъ, чтобы я остался жить съ ними, я бы, кажется, съ радостью отказался отъ всякой служебной карьеры и сдѣлался бы навсегда сельскимъ жителемъ, помогалъ бы отцу въ занятіяхъ по хозяйству, а потомъ и самъ бы обзавелся своимъ домомъ, какъ помѣщикъ. Но судьба не всегда справляется съ нашими влеченіями и распоряжается нами по своему изволенію. Отецъ мой имѣлъ честолюбіе за меня, желалъ для меня будущности болѣе широкой и обезпеченной, чѣмъ сидѣніе въ деревенской глуши. И такъ нужно мнѣ ѣхать въ Петербургъ, искать службы, и конечно ужъ не военной, такъ какъ въ карманѣ уже былъ патентъ на чинъ титулярнаго совѣтника.

Итакъ, въ одинъ прекрасный день осенью 1838 г. я очутился среди петербургскихъ улицъ одинокимъ, какъ въ лѣсу. Не было у меня покровителей, не было полезныхъ знакомствъ; не съ кѣмъ было даже посовѣтоваться; все мое знакомство ограничивалось лицейскими товарищами, столь же неопытными въ житейскихъ дѣлахъ, какъ и я. Приходилось самому искать дорогу на ощупь. Зная по наслышкѣ, какъ трудно безъ протекціи получить мѣсто въ министерствахъ, гдѣ на каждое сколько-нибудь порядочное мѣсто всегда есть не мало болѣе и менѣе заслуженныхъ кандидатовъ, я сообразилъ, что болѣе благопріятныхъ шансовъ я могъ ожидать въ обширномъ, только-что незадолго передъ

тѣмъ образованіемъ, министерствѣ государственныхъ имуществъ, въ которомъ право на занятіе вакантнаго мѣста еще не могло быть пріобрѣтено давностью службы въ немъ. Это соображеніе рѣшило мой выборъ. Вслѣдствіе поданнаго мною прошенія, я былъ опредѣленъ 22-го ноября 1838 г. сверхъ штата въ третій департаментъ этого министерства, переименованный впослѣдствіи—въ 1845 г.—въ департаментъ сельскаго хозяйства, и назначенъ состоять при учрежденномъ при томъ департаментѣ ученомъ комитетѣ для занятій по библіотекѣ его. Эти занятія не были и не могли быть многосложны, библіотека еще только зарождалась и вся умѣщалась въ трехъ небольшихъ шкафахъ; ею завѣдывалъ одинъ изъ производителей дѣлъ ученаго комитета, Григорій Васильевичъ Есиповъ, бывшій впослѣдствіи директоромъ архива министерства императорскаго двора. Въ то время это былъ юноша весьма живой и любезный, то, что называется «душа-человѣкъ», страстный игрокъ на билліардѣ, но плохой библіотекарь; онъ самъ распоряжался и покупкою книгъ, и занесеніемъ ихъ въ каталогъ, такъ что на мою долю приходилось не много дѣла. Впрочемъ, на меня возлагались при этомъ и другія занятія; такъ, по порученію ученаго комитета, я перевелъ тогда (1839) на русскій языкъ только-что появившееся въ ту пору сочиненіе знаменитаго французскаго синолога Станислава Жюльена Сокращеніе главныхъ китайскихъ трактатовъ о разведеніи тутовника [1]). Съ того же времени началъ я помѣщать въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ статьи, преимущественно по сельскому хозяйству. Первымъ дебютомъ была статья о моихъ наблюденіяхъ надъ хлѣбными червями, напечатанная въ декабрѣ 1839 г. въ «Земледѣльческой газетѣ», стр. 777, подписанная К—ловскій.

Этотъ комитетъ могъ считаться ученымъ развѣ только по оффиціальной терминологіи, но не по своему составу членовъ, которыхъ никакъ нельзя было назвать учеными. Предсѣдательствовалъ въ немъ директоръ III-го департамента, генералъ-адъютантъ баронъ Иванъ Ѳедоровичъ Деллингаузенъ, впрочемъ недолго, и вышелъ въ отставку въ маѣ 1839 года, вслѣдствіе столкновенія своего съ полиціей [2]). Въ качествѣ членовъ засѣдали въ комитетѣ между прочимъ извѣстный всему Петербургу прожектеръ и аферистъ Наркизъ Ивановичъ Тарасенко-Атрѣшковъ, вычеркнутый впослѣдствіи за что-то изъ списка камеръюнкеровъ; добрѣйшій князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, музы-

[1]) Résumé des principaux traité chinois sur la culture du mûrier. Par Stanislas Julien. Paris. 1837.

[2]) См. записки В. А. Инсарскаго въ „Русскомъ Архивѣ“ Бартенева, 1873, стр. 566.

кантъ и литераторъ втораго сорта; курляндскій баронъ Ѳедоръ Карловичъ Раденъ.

Занятія мои по комитету дали мнѣ на первыхъ же порахъ случай свести знакомство съ Андр. Порф. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, въ то время начальникомъ статистическаго отдѣленія того департамента, а это отдѣленіе помѣщалось черезъ двѣ комнаты отъ залы засѣданій ученаго комитета. Онъ жилъ въ Большой Конюшенной улицѣ, въ послѣднемъ уцѣлѣвшемъ на ней деревянномъ одноэтажномъ домѣ финляндскаго купца Форстрема, купленномъ потомъ (въ 1844 г.) царемъ петербургскихъ булочниковъ Веберомъ, который на мѣстѣ его возвелъ громадный каменный домъ, служащій нынѣ украшеніемъ улицы. Заблоцкій устроился здѣсь, какъ онъ всегда умѣлъ устраиваться—экономно и пріятно: квартиру нанималъ онъ вмѣстѣ съ своимъ университетскимъ товарищемъ, Никол. Андр. Аничковымъ (сдѣлавшимся впослѣдствіи извѣстнымъ по своей дипломатической службѣ въ Персіи), а въ издержкахъ по содержанію стола участвовали кромѣ того служившіе въ азіатскомъ департаментѣ Николай Иванов. Любимовъ (бывшій потомъ директоромъ того департамента и наконецъ сенаторомъ въ Москвѣ) и Николай Ильичъ Тимковскій. Можетъ быть, были еще и другіе. Собираясь вмѣстѣ въ часъ обѣда, каждый изъ участниковъ приносилъ съ собою запасъ городскихъ новостей, и скромная трапеза приправлялась оживленною бесѣдою друзей. Къ этимъ обѣдамъ я не былъ приглашаемъ, потому что не былъ въ числѣ платившихъ участниковъ, но познакомился здѣсь съ Любимовымъ и Тимковскимъ. Этотъ послѣдній, замѣчательно умный и добрый человѣкъ, рано умершій, имѣлъ на меня большое вліяніе. Когда мы съ нимъ бесѣдовали о разныхъ недостаткахъ нашего общественнаго и государственнаго быта и я «по молодости лѣтъ и слабости разсудка» слишкомъ далеко заносился въ разсужденіяхъ о средствахъ ихъ исправленія, Тимковскій, который былъ гораздо старше меня и богаче житейскою опытностью, доказывалъ мнѣ силою неопровержимыхъ доводовъ, что устраненіе тѣхъ недостатковъ не можетъ быть дѣломъ мѣръ внезапныхъ и насильственныхъ, что прогрессъ въ истинномъ значеніи этого слова совершается единственно путемъ не революціи, а эволюціи; что достаточно, если каждый изъ насъ, частныхъ людей, будетъ въ той скромной сферѣ, въ которой поставленъ судьбою, распространять по мѣрѣ силъ своихъ все добро, какое для него возможно. Отъ размноженія такихъ дѣятелей зависитъ то, что каждое поколѣніе становится, по степени просвѣщенія, выше предшествовавшаго, а прогрессъ здоровый и прочный лишь тотъ, который растетъ съ каждымъ поколѣніемъ. Эту истину развивалъ Тимковскій съ такою непобѣдимою силою логики, что она глубоко запала съ тѣхъ поръ въ мою душу. Чѣмъ болѣе я жилъ и мыслилъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ ея спра-

ведливости; она стала для меня непреложною аксіомою, центромъ всѣхъ остальныхъ моихъ убѣжденій и путеводною нитью на поприщѣ практической жизни.

Возвращаюсь къ Заблоцкому, которому принадлежитъ немаловажная роль въ моей судьбѣ. Это былъ безспорно человѣкъ умный; его умъ былъ тѣмъ замѣтнѣе, что это былъ самородокъ, лишенный искусственной оправы хорошаго воспитанія. Онъ, какъ умный человѣкъ, не скрывалъ своего скромнаго происхожденія. Сынъ простаго малороссійскаго казака, онъ самъ иногда, въ минуты откровенности, разсказывалъ, что, когда ему было 14 или 15 лѣтъ, отецъ далъ ему червонецъ и свое благословеніе идти въ люди и искать самому свое счастіе на свѣтѣ, что онъ прибылъ въ Москву, присаживаясь на чумацкіе возы, везшіе соль или мороженую рыбу въ Бѣлокаменную. Въ Москвѣ профессоръ математики въ университетѣ Щепкинъ принялъ въ немъ участіе, по извѣстной за малороссами наклонности—помогать своимъ землякамъ. По свидѣтельству стараго московскаго профессора Ѳ. М. Перевощикова, Заблоцкій былъ въ университетѣ плохимъ студентомъ и только благодаря покровительству Щепкина удостоенъ званія кандидата по математическому факультету. Дѣйствительно, и впослѣдствіи математика не входила въ кругъ его познаній, такъ что онъ самъ смѣясь говорилъ, что хоть на экзаменѣ и отвѣчалъ о кривыхъ втораго порядка, но совершенно забылъ, что это за кривыя.

Съ перваго же нашего знакомства между нами установилось сближеніе: меня привлекалъ къ нему его свѣтлый умъ, а онъ видѣлъ во мнѣ человѣка, который могъ быть ему полезенъ; весьма замѣтною чертою его характера была способность извлекать для себя возможную пользу изъ своихъ знакомыхъ. Полезенъ же для него я могъ быть тѣмъ, что зналъ иностранные языки, которые ему были совершенно незнакомы, (только впослѣдствіи онъ кое-какъ навострился читать французскія газеты). Между тѣмъ какъ умный человѣкъ, онъ хорошо понималъ, что въ тогдашнемъ положеніи русской печати, иностранныя литературы представляли собою единственное средство для знакомства съ исторіею и съ философско-политическими науками.

На первыхъ же порахъ онъ сообщилъ мнѣ мысль—составить вмѣстѣ со мною живописное описаніе Россіи. Я было и приступилъ къ приготовительнымъ работамъ; но, замѣтивъ, что Заблоцкій только подбивалъ меня на работу, а самъ за нее не принимался, и я оставилъ это дѣло.

Когда вскорѣ затѣмъ въ статистическомъ отдѣленіи департамента открылась вакансія помощника редактора, Заблоцкій предложилъ мнѣ это мѣсто, и я былъ опредѣленъ на эту должность 26-го апрѣля 1839 г.

Въ то же время я былъ назначенъ въ составъ одной изъ трехъ коммиссій, на которыя было возложено изыскать способы для оцѣнки зе-

мель, состоявшихъ въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, въ видахъ правильнаго ихъ обложенія податями.

Въ первоначальномъ предположеніи П. Д. Киселева о преобразованіи хозяйственнаго управленія государственныхъ крестьянъ въ число высказанныхъ тамъ «благихъ пожеланій», долженствовавшихъ такъ и остаться пожеланіями, проскользнуло и составленіе «кадастра», съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ его составленія подушный оброкъ съ этихъ крестьянъ былъ замѣняемъ податями поземельною и промысловою.

Въ то время, какъ проектировалась на бумагѣ подобная мѣра (1837), у творца тѣхъ предположеній очевидно не было яснаго понятія о томъ, что такое кадастръ, и какихъ громадныхъ средствъ денежныхъ и техническихъ потребовало бы его введеніе, не говоря уже о томъ, что такая мѣра весьма мало соотвѣтствовала бы экономическому быту государственныхъ крестьянъ [1]). Это незамедлило обнаружиться, какъ только, по утвержденіи первоначальныхъ предположеній Киселева, нужно было приступить къ ихъ осуществленію: тогда увидѣли, что кадастръ у насъ въ то время, по многимъ причинамъ, былъ совершенно невозможенъ.

Поэтому возникъ вопросъ: нельзя-ли пріискать болѣе простые способы оцѣнки казенныхъ земель, состоящихъ въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, съ тѣмъ чтобы взимаемую съ нихъ подушную и оброчную подать переложить на землю и промыслы. Для рѣшенія этой задачи на основаніи изслѣдованій на мѣстахъ, были назначены три коммиссіи, изъ которыхъ одна должна была произвести свои изысканія въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, другая въ губерніяхъ средней полосы, и третья въ южныхъ губерніяхъ. Я и былъ командированъ въ составъ первой изъ этихъ коммиссій, Сѣверной, состоявшей подъ начальствомъ начальника IV отдѣленія нашего департамента кол. ас. Николая Арсеньевича Жеребцова, и въ которую, кромѣ меня, были еще назначены столоначальники того же отдѣленія Влад. Мих. Михайловъ и ученый агрономъ Шмольцъ [2]).

Жеребцовъ былъ человѣкъ съ хорошими познаніями (онъ получилъ

---

[1]) Для разъясненія въ средѣ чиновниковъ министерства понятій о кадастрѣ, мною были тогда составлены и напечатаны въ „Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ“, част. 2 и 3, статьи объ исторіи и современномъ положеніи кадастра во Франціи и о кадастрѣ Нижнерейнскихъ провинцій Пруссіи.

[2]) Коммиссія для изысканій въ средней полосѣ Россіи состояла изъ причисленнаго къ министерству надв. сов. Алексѣя Влад. Веневитинова и камеръ-юнкера Дмитр. Петр. Хрущова, бывшаго впослѣдствіи (1856) товарищемъ министра госуд. имуществъ.

Коммиссія для изысканій въ южныхъ губерніяхъ состояла изъ академ. П. И. Кеппена, племянника Киселева—Николая Алексѣевича Милютина. и Андр. Парф. Заблоцкаго.

образованіе въ институтѣ корпуса путей сообщенія) [1]), веселаго нрава и обходительный, такъ что путешествовать и работать съ нимъ было очень пріятно, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ старшій членъ коммиссіи, обставилъ нашу экспедицію всѣми возможными удобствами, взявъ съ собою хорошаго повара и расторопнаго лакея. Въ теченіе почти шести мѣсяцевъ (съ мая по октябрь 1839), мы объѣхали губерніи Новгородскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, южную часть Вологодской, Нижегородскую, Вятскую и Пермскую, въ которой по Уралу осмотрѣли заводы отъ Екатеринбурга до Богословска, а по ту сторону Урала доѣзжали до Ирбита. Нашъ маршрутъ при этомъ былъ соображаемъ такимъ образомъ, чтобы для мѣстныхъ изысканій нашихъ могли служить пункты весьма различные, какъ по составу народонаселенія (чистые земледѣльцы, промышленники, русскіе и инородцы и пр.), такъ и по топографическимъ и экономическимъ условіямъ, а для этого путь нашъ пролегалъ не по однѣмъ большимъ дорогамъ, но нерѣдко заносило насъ по проселкамъ въ самыя глухія мѣста, почти нетронутыя цивилизаціей и гдѣ можно было наблюдать земледѣльца самаго примитивнаго типа.

Это путешествіе и произведенныя во время его мѣстныя изысканія были для меня случаемъ ознакомиться наглядно съ сельскимъ бытомъ въ обширной полосѣ Россіи, во всемъ его разнообразіи, какъ слѣдствіи различныхъ географическихъ и этнографическихъ условій. Конечно, центромъ нашихъ занятій была поставленная намъ задача изыскать способы оцѣнки земель и промысловъ для удобнѣйшаго и справедливѣйшаго обложенія ихъ; но при этомъ представился случай попутно видѣть многое такое, что для лучшаго познанія Россіи необходимо видѣть собственными глазами; аутопсія способна дать представленіе о предметахъ болѣе живое, чѣмъ какое могутъ дать однѣ книги. Мы имѣли при этомъ случай осмотрѣть Уральскіе горные заводы, Нижегородскую ярмарку, пестрый бытъ инородцевъ Казанской губерніи. Это путешествіе дало мнѣ впослѣдствіи поводъ составить для «Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ» (1841 г.) статью: «Этнографическое описаніе Казанской губерніи», а нѣсколько позже, для «Отечественныхъ записокъ» Краевскаго «Изслѣдованіе о Нижегородской ярмаркѣ (1847)».

По возвращеніи изъ путешествія, коммиссія занялась приведеніемъ въ порядокъ сдѣланныхъ на мѣстахъ наблюденій, черченіемъ сдѣлан-

---

[1]) Онъ впослѣдствіи былъ членомъ ученаго комитета министерства госуд. им. и вице-директоромъ департамента сельскаго хозяйства. Въ литературѣ онъ сдѣлался извѣстенъ сочиненіемъ на французскомъ языкѣ: Essai sur l'histoir de la civilisation en Russie, Paris. Amiot éditeur. 1858, 2 vol. 8°.

ныхъ хозяйственныхъ съемокъ и составленіемъ общаго отчета, который и представленъ въ департаментъ къ 1-му февраля 1840 г.

Въ 1839 г., 8-го мая, директоромъ третьяго департамента государственныхъ имуществъ былъ назначенъ Егоръ Ѳедоровичъ Брадке, бывшій дотолѣ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. При его положительномъ умѣ и административной опытности ему не трудно было замѣтить всѣ слабыя стороны, какъ въ отношеніи личнаго состава, такъ и въ направленіи занятій этого департамента, а обладая большою энергіею и воспитавъ въ себѣ въ замѣчательной степени чувство долга, онъ и самъ приложилъ громадный трудъ къ исправленію замѣченныхъ имъ недостатковъ.

Объ этомъ онъ разсказалъ очень обстоятельно и поучительно въ составленной имъ автобіографіи, напечатанной подъ заглавіемъ: Georg von Bradke (geb. 16 mai 1796, gest. 3 april 1861), eigene Aufzeichnungen über Sein Leben bis zum Iahre 1854. Geschrieben 1857—1859. Als Manuscript gedvuckt [1]).

По роду дѣлъ, которыя, по учрежденію о министерствѣ государственныхъ имуществъ, составляли кругъ вѣдомства третьяго департамента, этотъ департаментъ можно было назвать спеціально-ученымъ и техническимъ, а между тѣмъ предмѣстнику Брадке не посчастливилось обезпечить личный составъ служащихъ наборомъ чиновниковъ съ необходимыми спеціальными познаніями. Въ задачу департамента входили: 1) общія мѣры о развитіи сельскаго хозяйства во всѣхъ его отрасляхъ; завѣдываніе сельско-хозяйственными учебными заведеніями и частными обществами, наблюденіе за успѣхами земледѣльческой промышленности въ Россіи и за границею, устройство образцовыхъ фермъ и т. п.; 2) завѣдываніе межеваніемъ и регулированіемъ казенныхъ земель, вводя въ нихъ кадастръ; 3) собираніе и изданіе статистическихъ свѣдѣній о государственныхъ имуществахъ и о государственныхъ крестьянахъ. Кромѣ всего этого департаментъ долженъ былъ провѣрять проекты новыхъ сооруженій и построенъ по вѣдомству министерства, разсматривать привилегіи на всякаго рода сельско-хозяйственныя изобрѣтенія, и пр. Для плодотворнаго направленія дѣлъ этого рода требовались люди слѣдующіе, а за ихъ недостаткомъ они велись обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ, при чемъ чиновники изощрялись только въ безплодномъ искусствѣ безсознательнаго многословія или, что еще хуже, по разнымъ важнымъ отраслямъ вводились начала, поспѣшно вычитанныя изъ книгъ, плохо понятыя и неусвоенныя. По-

[1]) Т. е. Георга-фонъ-Брадке собственныя замѣтки объ его жизни до 1854. Писано въ 1857—1859, напечатано, какъ рукопись. Извлеченіе изъ этой замѣчательной книги помѣщено въ „Русскомъ Архивѣ“ Бартенева 1875 года.

этому положеніе Брадке, смотрѣвшаго на дѣло гораздо серіезнѣе, было очень трудное. Онъ самъ откровенно признавался, что свѣдѣніе его въ разныхъ предметахъ вѣдомства департамента были весьма недостаточны, и что ему приходилось поэтому пополнять ихъ лишь урывками чтеніемъ книгъ. Легче было бы справиться съ дѣломъ, поставленнымъ въ опредѣленныхъ предѣлахъ; но тутъ еще ничего не было выяснено; все нуждалось еще въ устроеніи.

О себѣ Брадке говоритъ въ своихъ запискахъ, что онъ занятъ былъ въ своемъ департаментѣ почти сверхъ силъ. Огромныя машина, съ сотнею чиновниковъ, распространявшая свое дѣйствіе на все государство и главнѣйшія основанія которой еще надлежало установить, требовала основательнаго и добросовѣстнаго къ ней отношенія. На мою долю приходилось не менѣе 12—14 часовъ работы, и я бывалъ иногда до того утомленъ, что не могъ ни думать, ни говорить.

Работая самъ неустанно, Брадке умѣлъ и своихъ подчиненныхъ заохотить къ труду и возбудить въ нихъ интересъ къ дѣлу, и достигалъ этого не мѣрами строгости, а единственно своимъ нравственнымъ вліяніемъ на нихъ. Такъ одно изъ средствъ, употребленныхъ имъ для того, чтобы заставить чиновниковъ исправно являться на службу, состояло въ томъ, что онъ самъ неизмѣнно пріѣзжалъ въ департаментъ ровно въ 9 часовъ, но прежде всего обходилъ всѣ отдѣленія, замѣчая, кто изъ чиновниковъ еще не пришелъ; затѣмъ регулярно въ 3 часа онъ уѣзжалъ, но передъ отъѣздомъ опять обходилъ всѣ отдѣленія, и къ тѣмъ чиновникамъ, которые при первомъ его обходѣ не были на своихъ мѣстахъ, онъ подходилъ и тихо, съ тономъ мягкаго упрека, говорилъ: «а васъ не было въ 9 часовъ». Этого было достаточно, чтобы достигнуть большей исправности въ служащихъ.

Энергическою дѣятельностью Брадке департаментъ былъ выведенъ изъ того зачаточнаго, хаотическаго состоянія, въ какомъ онъ былъ при первомъ директорѣ, баронѣ Деллингсгаузенѣ; дано было сознательное направленіе главнымъ предметамъ вѣдомства; составлены были уставы Горигорецкаго института, образцовыхъ формъ, школъ винодѣлія и шелководства и другихъ учрежденій; поставлено на прочную почву дѣло о кадастрѣ, т. е. другими словами—о переложеніи подушной подати на земли, упорядоченъ личный составъ департамента, привлеченіемъ въ него болѣе свѣдущихъ чиновниковъ. Но послѣ пятилѣтняго директорства, Брадке почувствовалъ, что его физическія силы не могутъ долѣе выносить такого напряженнаго труда, и оставилъ службу въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, къ сожалѣнію не только гр. Киселева, который очень его цѣнилъ и уважалъ, и всѣхъ его подчиненныхъ, у которыхъ онъ снискалъ себѣ болѣе чѣмъ уваженіе—искреннюю любовь.

Въ годъ назначенія Брадке директоромъ (1839), открылась во-второмъ отдѣленіи департамента вакансія столоначальника, на которую я и былъ помѣщенъ (10-го іюня). Предметомъ занятій этого отдѣленія были «общія» мѣры воспособленія сельскому хозяйству. (Завѣдываніе сельско-хозяйственными учебными и практическими заведеніями было дѣломъ перваго отдѣленія). Какого рода могли быть эти мѣры, не трудно угадать уже изъ того, что всѣ главныя и самыя существенныя условія, опредѣляющія собою положеніе земледѣлія, какъ-то: пути сообщенія, сухопутныя и водяныя, таможенные тарифы и общее направленіе торговой политики, мѣры покровительства фабричной и заводской промышленности, развитіе въ сословіи землевладѣльцевъ общаго образованія, система поземельнаго кредита, всѣ они лежали внѣ сферы дѣйствій не только этого отдѣленія, но и всего министерства государственныхъ имуществъ.

Поэтому всѣ мѣры, какія затѣмъ оно могло принимать на пользу сельскаго хозяйства, въ родѣ устройства губернскихъ выставокъ сельско-хозяйственныхъ произведеній, изданій практическихъ наставленій и руководствъ по разнымъ отраслямъ земледѣльческаго труда и т. п., едва-ли могли приносить какую-либо существенную пользу. Тѣмъ не менѣе отдѣленіе ретиво вело обширную переписку и не хуже другихъ отдѣленій, имѣвшихъ болѣе опредѣленный кругъ дѣятельности, копошилось въ канцелярской работѣ, въ составленіи докладовъ, отношеній, предписаній и пр. Чтобы дать понятіе объ этой канцелярской суетнѣ, приведу два примѣра. Россійскій консулъ въ Гамбургѣ, старый Бахерахтъ, чтобы показать свое усердіе, былъ неутомимъ въ присылкѣ министерству вырѣзокъ газетныхъ статей, которыя ему Богъ вѣсть почему казались заслуживающими вниманіе. О томъ, дѣйствительно-ли онѣ стоили вниманія, самъ Бахерахтъ и судить былъ не въ состояніи, но довольно того, что она была сообщена консуломъ, и нашъ начальникъ отдѣленія камеръ-юнкеръ Струковъ, чиновникъ ретивый, горѣвшій желаніемъ отличиться, тотчасъ дѣлалъ ее предметомъ серіозной переписки. Разъ какъ-то, этотъ Бахерахтъ сообщилъ газетную вырѣзку о какой-то очень расхваленной тамъ Витингтоновой пшеницѣ; тотчасъ объ ней докладъ, выписка его сѣмянъ, разсылка ихъ къ управляющимъ палатами государственныхъ имуществъ, съ предписаніемъ раздать ихъ крестьянамъ для опытовъ посѣва и донести о послѣдствіяхъ, затѣмъ понуканіе замедлившихъ своими донесеніями, своды полученныхъ донесеній и заключительный докладъ, что овчинка не стоитъ выдѣлки и что дѣло подлежитъ сдачѣ въ архивъ. И вся эта канцелярская возня, безполезность которой можно было напередъ предвидѣть, производилась весьма серіозно, какъ бы настоящее дѣло, сопровождаясь обычными въ канцелярскомъ мірѣ спутниками—распеканіями писцовъ, понука-

ніями за медленность дѣлопроизводства и проч. и проч. Другой похожій примѣръ. Академикъ К. М. Бэръ, путешествовавшій по сѣверу Европейской Россіи до Новой Земли включительно, задалъ вопросъ о томъ, нельзя-ли для мѣстъ, гдѣ разведеніе зерновыхъ хлѣбовъ уже очень ненадежно, указать на такое растеніе, которое могло бы тамъ служить сурогатомъ и подспорьемъ въ пищѣ и разведеніе котораго было бы тамъ вѣрнѣе, при тамошнихъ климатическихъ условіяхъ. На основаніи очень ученыхъ соображеній онъ указалъ на одинъ видъ лебеды, растущій въ Перу, въ Кордильерскихъ горахъ на такихъ высотахъ, которыя по термическому своему характеру представляютъ сходство съ самыми сѣверными окраинами Россіи. Бэръ напечаталъ свои разсужденія объ этомъ особою брошюрою подъ заглавіемъ: «Предложеніе о разведеніи квиноовъ въ сѣверныхъ областяхъ Россійской Имперіи». Спб. 1839, 25 стр. in 8° и прислалъ экземпляры его въ министерство. Вслѣдствіе этого сообщенія тотчасъ же послѣдовала обширная переписка о выпискѣ сѣмянъ этой лебеды, затѣмъ разсылка ихъ въ сѣверныя губерніи управляющимъ палатами для опытовъ посѣва, разсмотрѣніе отчетовъ о сдѣланныхъ опытахъ и въ заключеніе докладъ о непригодности для насъ этого сурогата.

Какъ ни безплодна была подобная переписка, она тѣмъ не менѣе поглощала не мало времени и труда, между тѣмъ какъ до главныхъ основъ, отъ которыхъ зависятъ успѣхи сельскаго хозяйства, отдѣленіе не имѣло права касаться. Нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ тратить свои силы на безполезное дѣло, и я сталъ искать иной дѣятельности. Въ должности столоначальника въ означенномъ отдѣленіи я оставался поэтому недолго, менѣе двухъ лѣтъ. За это время могу вспомнить только о томъ, что моимъ младшимъ помощникомъ столоначальника былъ губернскій секретарь Николай Сергѣевичъ Тургеневъ, братъ писателя, прелюбезный человѣкъ, бывшій до того въ военной службѣ, которую онъ долженъ былъ оставить по семейнымъ обстоятельствамъ. Къ гражданской службы онъ не былъ приготовленъ и потому былъ плохимъ чиновникомъ, весьма не искуснымъ въ писаніи дѣловыхъ бумагъ, тѣмъ болѣе, что онъ лучше зналъ по-французски, чѣмъ по-русски, и въ замѣнъ канцелярской работы тѣшилъ насъ веселыми разсказами, на которые онъ былъ неистощимъ: у него я въ первый разъ увидѣлъ и его брата, Ивана Сергѣевича, который въ ту пору только-что вернулся изъ Германіи, весь начиненный нѣмецкою философіею.

Къ этому же времени относится начало моихъ близкихъ отношеній къ Андр. Пор. Заблоцкому, который, затѣвая въ 1830 году изданіе «Журнала министерства государственныхъ имуществъ», предложилъ мнѣ примкнуть къ редакціи этого изданія въ качествѣ помощника редактора. Я тѣмъ охотнѣе принялъ это предложеніе, что занятіе по должности

столоначальника означеннаго отдѣленія департамента очень мало меня удовлетворяло. Несмотря на весьма ограниченныя средства, назначенныя министромъ на изданіе журнала, Заблоцкій не могъ обойтись безъ помощника, такъ какъ въ составъ книжекъ должны были входить между прочимъ иностранныя извѣстія и отчеты о вновь выходящихъ заграничныхъ трудахъ по сельскому хозяйству, а самъ онъ иностранныхъ языковъ не зналъ. Между нами не было условія о томъ, сколько чего я долженъ былъ, какъ помощникъ редактора, поставлять въ журналъ; но, интересуясь самъ этого рода работою, я не соразмѣрялъ своего труда съ получаемымъ погоднымъ гонораромъ; я смотрѣлъ на журналъ какъ на средство для распространенія полезныхъ знаній, и, втягиваясь все болѣе и болѣе въ журнальную работу, я иногда наполнялъ одинъ цѣлыя книжки журнала статьями, мною составленными или исправленными и передѣланными изъ доставленныхъ въ редакцію отъ случайныхъ сотрудниковъ, такъ какъ вся редакція журнала состояла только изъ Заблоцкаго, какъ редактора, и меня, какъ помощника его. Зная, какую долю труда я вносилъ въ это изданіе, мои пріятели постоянно смѣялись мнѣ, что Заблоцкій меня эксплоатируетъ, оставляя мнѣ всю работу, а себѣ—деньги; это была въ значительной степени правда; но я этимъ не смущался, въ сознаніи, что мой трудъ приноситъ пользу общую. Дѣйствительно, въ то время, время придавленности печати, «Журналъ мин. госуд. им.» по общему признанію былъ лучшимъ изъ серіозныхъ журналовъ и былъ одною изъ лучшихъ мѣръ министерства государственныхъ имуществъ для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній. Журналъ началъ выходить съ 1 января 1841 г., и въ теченіе 15 лѣтъ (до 1856 г.), я сотрудничалъ въ немъ, какъ помощникъ редактора, а по назначеніи Заблоцкаго директоромъ департамента сельскаго хозяйства (1856, іюля 7) и по сложеніи имъ по этому случаю званія редактора, я былъ въ теченіе 1857 года фактически редакторомъ журнала. Чтобы не возвращаться потомъ къ этому предмету, скажу тутъ же, съ какими препятствіями и затрудненіями сопряжены были труды по этому изданію. Заблоцкій, человѣкъ крайне осторожный, даже мнительный, былъ самъ строже самой «чуткой» цензуры. Онъ смотрѣлъ, какъ говорится «въ оба», не только на прямой смыслъ излагаемаго, но и на то, къ какимъ толкованіямъ оно могло бы подать поводъ. Такъ приготовленную мною статью о сравнительномъ состояніи земледѣлія въ Англіи и Франціи («Жур. мин. госуд. им.», часть XXI) онъ всю сильно кастрировалъ красными чернилами, въ виду того, что критическія замѣчанія о недостаткахъ французскаго сельскаго хозяйства могли въ нѣкоторой степени относиться и къ русскому земледѣлію, а всякое критическое отношеніе не только къ положенію крестьянъ, но и къ состоянію у насъ промышленности считалось въ ту пору неудобнымъ для

печати. Кромѣ необходимости подчиняться общимъ условіямъ, въ которыя было поставлено тогда печатное слово цензурными порядками, должно было въ томъ, что печаталось въ журналѣ, еще сообразоваться съ видами и взглядами самого министра, черезъ что̀ просторъ какъ въ выборѣ вопросовъ, которые трактовались въ журналѣ, такъ еще болѣе въ ихъ освѣщеніи, сокращался. При такомъ положеніи дѣла безцвѣтность статей становилась какъ бы обязательною. Такъ оправдывалась та истина, что стѣсненіе свободы мысли съуживаетъ взгляды людей; не смѣя касаться самыхъ существенныхъ жизненныхъ вопросовъ, журналъ долженъ былъ преимущественно вращаться въ сферѣ подчиненныхъ и второстепенныхъ вопросовъ техническаго характера или же голыхъ статистическихъ фактовъ.

Какъ могло быть опасно въ то время затрогивать иные предметы, приведу слѣдующій примѣръ. С. А. Масловъ, секретарь московскаго общества сельскаго хозяйства, напечаталъ въ журналѣ этого общества статью о вредѣ для здоровья беременныхъ женщинъ, особенно въ послѣдней порѣ беременности, отъ жатвы хлѣба, такъ что иногда онѣ рожаютъ въ полѣ и приносятъ новорожденнаго домой въ своемъ подолѣ. Статья показалась мнѣ заслуживающею вниманія, и я перепечаталъ ее въ журналѣ министерства. Вскорѣ затѣмъ получаю я отъ Маслова письмо, наполненное горячею благодарностью; его статья навлекла на него цѣлую грозу, отъ которой спасло его только то, что статья была воспроизведена въ оффиціальномъ органѣ министерства.

Возвращаюсь къ началу сороковыхъ годовъ. Къ этому времени относится мое знакомство съ братьями Милютиными, и въ особенности съ Николаемъ, которому впослѣдствіи было суждено принять такое дѣятельное участіе въ трудахъ по освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Знакомство наше весьма скоро перешло въ близкую пріязнь, и мы стали часто видѣться. Онъ жилъ, вмѣстѣ съ младшими своими братьями Владиміромъ и Борисомъ, въ громадномъ домѣ Фредерикса, на Владимірской, противъ церкви. Какъ человѣкъ живой и общительный, онъ имѣлъ обширный кругъ знакомства и любилъ, чтобы у него бывали, особенно же къ обѣду, такъ какъ онъ, очень разговорчивый, не любилъ обѣдать одинъ; и мнѣ не рѣдко доставалось удовольствіе пользоваться его застольными бесѣдами. Я зналъ Милютина въ то время, когда онъ, небольшой чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по счастливой привилегіи молодости, жилъ, что называется, спустя рукава, безъ оглядки, на распашку; когда онъ, незнакомый съ демономъ честолюбія, еще не испыталъ на себѣ, на своемъ характерѣ и на всемъ своемъ бытѣ вліянія успѣховъ и шиповъ политической карьеры. Рѣдко кто могъ избѣжать той метаморфозы, которая выражается афоризмомъ: honores mutant mores, и Милютинъ не составилъ въ этомъ

отношеніи исключенія. Сблизившись съ нимъ въ счастливую пору молодости его, я думаю, что зналъ его, можетъ быть, лучше, чѣмъ тѣ, которые сходились съ нимъ потомъ, въ пору его кипучей политической дѣятельности.

Николай Алексѣевичъ Милютинъ былъ, по своей даровитой натурѣ, то, что называется человѣкъ дѣла—homme d'action, въ противоположность тѣмъ, которыхъ относятъ къ числу мыслителей. Умъ болѣе блестящій, чѣмъ глубокій, темпераментъ страстный, живой, увлекающійся, онъ обладалъ всѣмъ, что нужно для того, чтобы увлекать другихъ и подчинять ихъ своему вліянію. Получивъ образованіе въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, т. е. образованіе очень легковѣсное, не болѣе какъ элементарное, онъ при своемъ природномъ умѣ весьма хорошо обходился безъ высшаго образованія и никогда не чувствовалъ искушенія «отрядомъ книгъ уставить полку» «съ похвальной цѣлью себѣ присвоить умъ чужой». Положительно можно сказать, что онъ не читалъ, да при его живости—не имѣлъ бы и терпѣнія читать не только что изучать серіозныя сочиненія по юриспруденціи, исторіи, политической экономіи или наукъ о финансахъ; но зато весьма быстро схватывалъ на-лету изъ разговоровъ съ людьми серіознѣе его учившимися, а еще болѣе изъ ежедневнаго чтенія французскихъ политическихъ газетъ, всѣ тѣ знанія и взгляды, которые составили собою весь запасъ его политическихъ мнѣній.

Нужно вспомнить, что въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ полная безсодержательность русскихъ политическихъ газетъ была причиною того, что вся образованная молодежь, интересовавшаяся современнымъ ходомъ событій въ Европѣ, усердно читала французскія газеты: «Journal des Debats», «Siècle», «Temps», и др. и на этомъ чтеніи выросли тѣ либеральные взгляды и мнѣнія, которые проявились особенно въ шестидесятыхъ годахъ. Милютинъ былъ ревностнымъ читателемъ этихъ газетъ; живо интересовался парламентскою жизнью Франціи времени Лудовика Филиппа; слѣдилъ съ особымъ интересомъ за всѣми перипетіями борьбы тамъ политическихъ партій и министерскихъ кризисовъ, восхищался краснорѣчіемъ парламентскихъ ораторовъ, и это чтеніе конечно осталось не безъ вліянія на воспріимчивый его умъ; оно было для него школою, въ которой сложилось его собственное воззрѣніе въ дѣлахъ политическихъ. Я говорю, «воззрѣніе», а не «убѣжденіе». Опредѣленныхъ твердыхъ, сознательныхъ политическихъ убѣжденій онъ въ то время не имѣлъ; я разумѣю такихъ убѣжденій, которыя могутъ быть только результатомъ долгой работы мысли, плодомъ внимательнаго изученія исторіи и политическихъ наукъ. Приведу одинъ примѣръ недостатка такого рода убѣжденій. Когда вслѣдъ за открытіемъ первой у насъ желѣзной дороги—Царскосельской, возникла мысль о соединеніи

такою дорогою Петербурга съ Москвою, и былъ назначенъ особый комитетъ изъ нѣсколькихъ министровъ для обсужденія общаго вопроса о желѣзныхъ дорогахъ для Россіи, Строгановъ, бывшій въ числѣ членовъ этого комитета, высказался противъ этого нововведенія и, по его порученію, Милютинъ написалъ для него длинную записку о вредѣ желѣзныхъ дорогъ для Россіи; онъ даже очень гордился своимъ твореніемъ и давалъ читать его своимъ друзьямъ. Конечно, онъ былъ тогда еще очень молодъ; но фактъ тѣмъ не менѣе довольно характеренъ. Милютинъ слылъ за либерала, но либерализмъ его былъ тотъ самый, какимъ были проникнуты всѣ сколько-нибудь умные и образованные молодые люди его положенія, «чувствовавшіе» всѣ невыгоды излишняго стѣсненія интеллигентной жизни въ то время въ нашемъ отечествѣ. Все это я говорю о Милютинѣ—первой половинѣ его блестящей карьеры; позже я рѣже съ нимъ видѣлся и не могу de visu судить о немъ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ шестидесятыхъ годовъ.

Вообще же замѣчу, что его живой, свѣтлый умъ, его сердечная доброта, благородство его характера создавали ему множество друзей и почитателей. Всякій разъ, когда представлялся случай оказать услугу пріятелю или поддержать доброе дѣло, онъ былъ неутомимъ и неистощимъ въ изысканіи средствъ къ тому. Въ числѣ его знакомыхъ не мало было такихъ, которые были многимъ ему обязаны.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ я часто видѣлся съ Милютинымъ; какъ ни зайдешь къ нему, всегда встрѣтишься у него съ кѣмъ-нибудь изъ интересныхъ людей. Въ то время взаимное посѣщеніе знакомыхъ было единственнымъ средствомъ узнавать, что дѣлается въ Петербургѣ, такъ какъ изъ газетъ мы узнавали тогда не много. Милютинъ, который въ 1842 году былъ только еще титулярнымъ совѣтникомъ, но уже начиналъ пріобрѣтать нѣкоторое вліяніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ состоялъ на службѣ, былъ занятъ въ то время образованіемъ вмѣсто бывшей при томъ министерствѣ «Коммиссіи для устройства разныхъ источниковъ городскаго хозяйства»—особаго временнаго по городскимъ дѣламъ отдѣленія, изъ 4-хъ столовъ, при хозяйственномъ департаментѣ министерства; онъ и былъ первымъ начальникомъ этого отдѣленія. Зная отъ меня, какъ неохотно я короталъ свои дни въ писаніи пустыхъ бумагъ въ департаментѣ сельскаго хозяйства, онъ предложилъ мнѣ поступить въ это отдѣленіе столоначальникомъ. Предложеніе было сдѣлано такъ радушно, и я уже такъ сблизился съ Милютинымъ, что я не могъ не согласиться. Скажу откровенно, что мой переходъ подъ начальство Милютина не былъ вызванъ какими-либо честолюбивыми разсчетами о повышеніи по службѣ и т. п. Да Милютинъ и не былъ въ то время въ такой силѣ, чтобы могъ быть полезенъ въ этомъ смыслѣ. Я просто любилъ его, и мнѣ было пріятно

съ нимъ работать. Это было чувство, которое вѣроятно раздѣлялъ я со всѣми, близко знавшими Милютина, къ которому чувствовали симпатіи всѣ имѣвшіе случай сблизиться съ нимъ и узнать его любезный характеръ, доброту, живой умъ и теплое сердце.

Директоръ департамента сельскаго хозяйства, Ег. Өед. фонъ-Брадке, когда я сообщилъ ему о желаніи перейти въ министерство внутреннихъ дѣлъ, письмомъ отъ 7-го апр. 1842 г., увѣдомилъ меня, что онъ «съ искреннимъ сожалѣніемъ» соглашается на означенное мое перемѣщеніе, но всего болѣе былъ недоволенъ А. П. Заблоцкій, изъ опасенія, чтобъ я, увлекаясь Милютинымъ, любившимъ давать ходъ своимъ подчиненнымъ, не оставилъ своихъ занятій по его журналу. Какъ бы то ни было, я былъ перемѣщенъ 10-го мая 1842 г. въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ столоначальникомъ временнаго (городскаго) отдѣленія, и чтобы дать мнѣ возможность ознакомиться съ порядками городскаго быта—командированъ, 30-го іюня того же года, въ Могилевъ, съ порученіемъ осмотрѣть и описать общественное хозяйство этого города, принадлежащія ему имущества, состояніе жителей, лежащія на нихъ повинности и наружное устройство города, а равно обревизовать все городовое хозяйственное управленіе. Въ это порученіе входило между прочимъ одно дѣло, на которое мнѣ было поручено обратить особенное вниманіе. До министерства дошли жалобы города на непосильное обремененіе его повинностями по расквартированію въ немъ войскъ; и министерство желало имѣть положительныя свѣдѣнія по этому предмету для того, чтобы оно могло сдѣлать что-нибудь для облегченія могилевскихъ горожанъ черезъ сношеніе съ всесильнымъ тогда военнымъ вѣдомствомъ. Подробная записка по этому предмету, которую я, на основаніи мѣстныхъ собранныхъ мною свѣдѣній, послалъ еще изъ Могилева Милютину, вполнѣ его удовлетворила, и онъ благодарилъ меня за нее, а по возвращеніи въ Петербургъ (4-го декабря) я представилъ полный отчетъ о возложенномъ на меня порученіи.

Какъ въ 1839 г. мѣстныя изслѣдованія въ обширной сѣверной полосѣ Россіи доставили мнѣ случай близко изучить крестьянскій бытъ разнообразныхъ племенъ, населяющихъ эту полосу, такъ занятія въ 1842 г. въ Могилевѣ ознакомили меня въ подробности съ хозяйственнымъ положеніемъ города, хотя не принадлежащаго къ числу богатыхъ, но представляющаго особый интересъ по этнографическому составу своего народонаселенія.

Послѣ занятій, при которыхъ я имѣлъ дѣло съ самою жизнью народной, пришлось опять сѣсть за свой столъ у Чернышева моста и прилагать всѣ свои способности къ составленію канцелярскихъ бумагъ «по всѣмъ правиламъ искусства», т. е. такъ, какъ требовало начальство, а начальство требовало, чтобы изложеніе было литературно вылощено,

выглажено; чтобы отъ него не пахло прежнимъ канцелярскимъ пошибомъ, при чемъ на выточенность изложенія обращалось иногда больше вниманія, чѣмъ на сущность дѣла. Ко всему этому присоединялось еще требованіе, чтобы бумага была извѣстнымъ образомъ каллиграфирована, на листахъ опредѣленнаго формата и пр. и пр.; однимъ словомъ, сущность дѣла связывалась съ такими подробностями, которыя могли постороннему человѣку казаться мелочами, но которымъ придавалась большая важность въ канцелярской техникѣ. Поэтому несмотря на всю пріятность быть подъ начальствомъ такого человѣка, какъ Милютинъ, я окончательно убѣдился, что столоначальническія обязанности были не по мнѣ. Это, кажется, замѣтилъ и самъ Милютинъ, который находилъ, что я распустилъ свой столъ, то-есть былъ не довольно строгъ и требователенъ съ двумя бывшими у меня помощниками.

Состоя на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, я продолжалъ по-прежнему свои занятія, какъ не служебныя, по «Журналу министерства государственныхъ имуществъ». Заблоцкій, боясь, чтобы я въ концѣ концовъ не выскользнулъ изъ подъ его вліянія, поддавшись обаянію Милютина, удвоилъ свои старанія переманить меня обратно въ министерство государственныхъ имуществъ. Я представлялъ ему, и онъ долженъ былъ со мною согласиться, что при моемъ положеніи относительно Милютина, который, хоть и начальникъ мой, установилъ между нами совершенно пріятельскія отношенія, было бы съ моей стороны неблаговидно покинуть доставленное мнѣ имъ у себя мѣсто для перехода на другое равное мѣсто въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. Поэтому я поставилъ для своего перехода непремѣннымъ условіемъ, чтобы мѣсто, которое будетъ мнѣ предоставлено въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, было бы служебнымъ для меня повышеніемъ. На это Заблоцкій завѣрилъ меня, что по его просьбѣ ему обѣщано назначеніе меня чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ съ окладомъ содержанія и съ разрядомъ должности — выше столоначальника. Только на этомъ основаніи подалъ я Киселеву просьбу о переходѣ на службу въ его министерство, но на нее получилъ отъ директора канцеляріи этого министерства извѣщеніе, что я опредѣленъ съ 15-го мая 1843 г. чиновникомъ для особыхъ порученій VIII класса, съ жалованіемъ 714 р. 80 к. въ годъ; т. е., другими словами, мѣсто равное департаментскому столоначальнику, и при томъ назначенъ для порученій не при министрѣ, какъ было уговорено, а при министерствѣ, это большая разница, и мое назначеніе въ этихъ условіяхъ имѣло видъ, будто я назначенъ для особыхъ порученій при Заблоцкомъ. Ясно было, что Заблоцкій меня надулъ, и что дружба наша была въ этомъ случаѣ, какъ позже при разныхъ другихъ, односторонняя, значительно разжижаемая его природнымъ неумѣреннымъ эгоиз-

момъ. Нечего было дѣлать, ворочаться назадъ было невозможно, пришлось мириться съ сдѣланною ошибкою.

Утѣшеніемъ и вознагражденіемъ меня за мою неумѣстную довѣрчивость было по крайней мѣрѣ то, что я не долго оставался въ означенной должности; и еще въ томъ же году (24-го ноября) назначенъ производителемъ дѣлъ ученаго комитета министерства, въ которомъ за 5 лѣтъ предъ тѣмъ начались мои первыя служебныя занятія. Теперь я засталъ этотъ комитетъ въ значительно измѣненномъ составѣ его членовъ; изъ него многіе выбыли и поступили новые.

Въ числѣ членовъ были: академикъ по предмету статистики П. И. Кеппенъ, и пользовавшійся особымъ расположеніемъ Кисилева—Андр. Порф. Заблоцкій, которому его здравый умъ служилъ замѣною учености. Изъ членовъ перваго набора здѣсь оставался только одинъ князь Влад. Өед. Одоевскій, человѣкъ безспорно даровитый, но къ сожалѣнію слишкомъ многосторонній. Его титулъ «членъ ученаго комитета» плохо вязался съ его литературнымъ рангомъ и возбуждалъ сатирическую жилку его друга Соболевскаго. Всѣмъ извѣстна его хотя и шуточная, но тѣмъ не менѣе, по своей мѣткости, очень злая эпиграмма: «Повѣсткой въ комитетъ зовутъ тебя, князь Вольдемаръ» по случаю того, что свалился съ дерева комаръ, и нужно рѣшить, не причинилъ-ли онъ, своимъ паденіемъ, вреда лѣсамъ. Важность, съ какою князь считалъ себя обязаннымъ, по званію члена ученаго комитета, говорить о самыхъ простыхъ вещахъ, была дѣйствительно комична.

Впрочемъ, въ ученомъ комитетѣ онъ рѣдко вмѣшивался въ пренія, отвлекаясь отъ нихъ чтеніемъ приносимыхъ имъ съ собою корректуръ «Пестрыхъ сказокъ», или «Записокъ доктора Пуффа», гастрономическаго фельетона, которымъ онъ еженедѣльно угощалъ читателей «Литературной газеты» А. А. Краевскаго.

Таковъ былъ въ то время составъ этого «ученаго» комитета.

Что касается дѣлъ, которыя въ немъ разсматривались, то на нихъ сильно отражался бюрократическій характеръ. Во всѣхъ случаяхъ, когда департаментъ не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность при рѣшеніи какого-нибудь вопроса, онъ вносилъ дѣло на обсужденіе ученаго комитета, хотя бы для этого и не требовалось ученыхъ соображеній. Такъ, напримѣръ, случится-ли, что на одной изъ учреждаемыхъ департаментомъ учебныхъ и образцовыхъ фермъ понадобится продать корову, какъ негодную или излишнюю для хозяйства фермы, управляющій, не имѣющій права сдѣлать то собственною властью, представляетъ о томъ на разрѣшеніе департамента, департаментъ передаетъ на обсужденіе ученаго комитета; комитетъ, заслушавъ дѣло, передаетъ, для ближайшаго разсмотрѣнія, одному изъ своихъ членовъ, этотъ пишетъ мнѣніе; комитетъ его выслушиваетъ и одобряетъ; оно превращается въ опредѣле-

ніе, которое передается въ департаментъ къ исполненію, и въ концѣ концовъ этой длинной процедуры управляющій фермою получаетъ разрѣшеніе на свое представленіе въ то время, когда онъ, догадливый и знакомый съ бюрократическою волокитой, уже давно продалъ корову, во избѣжаніе ненужнаго расхода на ея прокормленіе. Дѣла подобнаго типа были не рѣдкостью въ ученомъ комитетѣ, какъ слѣдствіе тѣхъ рамокъ оффиціальнаго контроля и отчетности, въ которыя было поставлено хозяйство фермъ, названныхъ «образцовыми», хотя едва-ли онѣ могли служить для кого-нибудь образцомъ.

Занятія мои по ученому комитету состояли въ томъ, что я долженъ былъ докладывать ему дѣла, вносимыя на его разсмотрѣніе, и редактировать состоявшіяся по нимъ опредѣленія. Они составили для меня хорошую школу, въ которой былъ пріобрѣтенъ тотъ запасъ навыка и опытности, который мнѣ очень пригодился впослѣдствіи, когда я былъ избранъ Академіей наукъ въ ея непремѣнные секретари. Эти занятія продолжались съ небольшимъ два съ половиною года, съ 24-го ноября 1843 г. по 16-е апрѣля 1846 года, т. е. до назначенія меня начальникомъ статистическаго отдѣленія департамента сельскаго хозяйства, по увольненіи изъ этой должности Ив. Ив. Шопена, о которомъ можно сказать, что онъ былъ братомъ извѣстнаго музыкальнаго композитора.

Я получилъ наконецъ возможность посвятить себя занятіямъ, которыя были мнѣ болѣе по душѣ.

Во главѣ этого отдѣленія я пробылъ безъ малаго одиннадцать лѣтъ (съ 31-го декабря 1846 г. по 3-го декабря 1857 г.). О трудахъ и занятіяхъ его за это время мною было подробно изложено въ двухъ изданныхъ подъ моею редакціею книгахъ: 1) «Обзоръ дѣйствій департамента сельскаго хозяйства въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1844 по 1849 гг.». Изд. 2, Спб. 1850 г., стр. 221—276, и 2) «Обзоръ дѣйствій департамента сельскаго хозяйства и очеркъ состоянія главной сельской промышленности въ Россіи въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1844 по 1854 гг.». Спб. 1855 г. Часть III, стр. 2—31. Если къ означеннымъ трудамъ приложить мѣрку современныхъ требованій науки, напримѣръ такихъ, какія предъявляются въ превосходной «Теоріи статистики» профессора Янсона, то вкладъ, внесенный ими въ отечественную статистику, могъ бы показаться не особенно значительнымъ; но для справедливой оцѣнки трудовъ, исполненныхъ почти за полстолѣтія предъ симъ, необходимо принять во вниманіе положеніе и условія, въ которыя поставлена была въ то время дѣятельность отдѣленія,

Личный составъ отдѣленія былъ очень ограниченный; онъ всего на все состоялъ изъ пяти чиновниковъ: начальника, двухъ редакторовъ и двухъ помощниковъ редакторовъ. При вступленіи моемъ въ отдѣленіе я засталъ въ немъ редакторами Марка Николаевича Хозикова, кото-

рый вскорѣ затѣмъ былъ переведенъ на другое мѣсто въ томъ же департаментѣ, и тит. сов. Ивана Христіановича Штукенберга, очень почтеннаго старика, служившаго прежде въ вѣдомствѣ путей сообщенія, трудолюбиваго работника, автора капитальныхъ трудовъ по гидрографіи Россіи; въ 1851 г. онъ оставилъ отдѣленіе, чтобы занять должность библіотекаря Румянцевскаго музея. Послѣ нихъ редакторами перебывали: Николай Владиміровичъ Ключаревъ, вскорѣ умершій; Валеріанъ Полевой; Константинъ Эммануиловичъ Кроузольдъ, братъ присяжнаго повѣреннаго и недавно умершаго инженеръ-генерала; и Пантелеймонъ Александровичъ Кулѣшъ, который впрочемъ оставался въ этой должности не долго (съ 1851 по 1854 гг.).

Помощниками редакторовъ при мнѣ были:

Викторъ Михайловъ Бѣлозерскій, поступившій въ 1847 году. По увольненіи его въ 1853 г., мѣсто его занялъ Иванъ Ивановичъ Михайловъ, бывшій дотолѣ чиновникомъ для производства слѣдствій въ степи вѣдомства оренбургской пограничной коммиссіи, и получившій отъ ученаго комитета мин. госуд. имущ. золотую медаль за «Хозяйственно-статистическое описаніе Астраханской губерніи». Другимъ помощникомъ редактора былъ Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ, младшій братъ Дмитрія и Николая Алексѣевичей, замѣчательно даровитый молодой человѣкъ, подававшій большія надежды, когда внезапная кончина унесла его въ преждевременную могилу. Онъ поступилъ въ отдѣленіе въ 1848 г., тотчасъ по выходѣ изъ университета, а уволенъ въ 1850 г. по случаю назначенія его адъюнктомъ Петербургскаго университета. Наконецъ, въ 1854 г. января 1-го, былъ опредѣленъ помощникомъ редактора Владиміръ Ивановичъ Вешняковъ, по рекомендаціи академиковъ П. А. Плетнева и Н. Г. Устрялова, по каѳедрѣ котораго онъ писалъ диссертацію «О причинахъ возвышенія Московскаго княжества», удостоенную въ 1851 г. золотой медали и напечатанную на счетъ университета.

Какъ ни счастливъ я былъ въ пріисканіи способныхъ сотрудниковъ, но численность ихъ была слишкомъ несоразмѣрна съ обширностью задачъ, постановленныхъ отдѣленію. По учрежденію министерства государственныхъ имуществъ на статистическомъ отдѣленіи лежитъ обязанность собиранія, обработки и обнародованія статистическихъ свѣдѣній о предметахъ вѣдомства министерства, а именно: о сельскомъ хозяйствѣ, о государственныхъ имуществахъ и о свободныхъ сельскихъ жителяхъ, попечительство надъ которыми было ввѣрено министерству—задача столь обширная и многообъемлющая, что для ея выполненія личный составъ рабочихъ силъ отдѣленія былъ очевидно недостаточенъ. Главныя трудности для успѣха работъ отдѣленія проистекали изъ самаго положенія, которое было ему назначено въ системѣ органовъ центральнаго управленія: оно входило въ составъ департамента сель-

скаго хозяйства, а между тѣмъ должно было обработывать статистику государственныхъ имуществъ и крестьянъ, о которыхъ всѣ свѣдѣнія, въ порядкѣ административной подчиненности, сосредоточивались въ дѣлахъ перваго департамента—по губерніямъ на общемъ положеніи состоящимъ, и втораго—по девяти западнымъ и тремъ остзейскимъ губерніямъ.

Всякій, знакомый съ бюрократическими порядками и обычаями, пойметъ, что доступъ къ этимъ дѣламъ для чиновниковъ статистическаго отдѣленія былъ крайне труденъ, чтобы не сказать совершенно невозможенъ. Даже поступавшіе изъ губерній въ I и II департаменты годовые отчеты палатъ государственныхъ имуществъ могли быть сообщаемы отдѣленію не прежде, какъ по прошествіи трехъ или четырехъ лѣтъ, такъ какъ они нужны были тѣмъ департаментамъ прежде всего для составленія годовыхъ отчетовъ самихъ департаментовъ, а послѣ того для разныхъ административныхъ распоряженій. Требовать же копій съ этихъ отчетовъ прямо отъ палатъ не было отдѣленію позволено, даже было запрещено обращаться въ палаты съ требованіями какихъ-либо свѣдѣній или разъясненій, по той впрочемъ причинѣ, что палаты были и безъ того дѣйствительно обременены канцелярскою перепискою. Этимъ отдѣленіе ставилось въ невозможность разработывать, въ научномъ смыслѣ слова, статистическія свѣдѣнія о государственныхъ имуществахъ и крестьянахъ. Обработывать—значитъ прежде всего провѣрить первоначальныя данныя, подвергнуть ихъ критикѣ, а средствъ къ такой критической провѣркѣ отдѣленіе, не имѣвшее права сноситься съ палатами, было ссвершенно лишено. Кромѣ того, было еще и другое препятствіе для такой критики. Первый и второй департаменты, составивъ свои годовые отчеты на основаніи палатскихъ отчетовъ, передавали ихъ управляющему пятымъ отдѣленіемъ собственной е. и. в. канцеляріи статсъ-секретарю В. И. Корнѣеву для составленія общаго по министерству отчета. И тутъ начиналась работа особаго рода—иное пропускалось или сокращалось, другое—«поправлялось» по административнымъ соображеніямъ, факты были представляемы въ томъ освѣщеніи, какое признавалось наиболѣе соотвѣтственнымъ видамъ правительства. Такимъ образомъ, какъ бы предустановлялись тѣ окончательные выводы, къ какимъ должна была бы вести обработка статистическихъ данныхъ, доставляемыхъ палатами, такъ какъ было недопустимо, чтобы обработка ихъ въ отдѣленіи могла приводить къ результатамъ, въ чемъ-либо расходящимся съ тѣми выводами. Припомню здѣсь о томъ своеобразномъ пріемѣ, какимъ Корнѣевъ составлялъ общій по министерству годовой отчетъ: онъ вообще работалъ «легко» и скоро. Дѣлаемая въ департаментахъ работа сводки цифровыхъ данныхъ, долженствовавшихъ служить основаніемъ для выводовъ и заклю-

ченій отчета, требовала времени; поэтому, чтобы поспѣть съ отчетомъ сколь можно скорѣе, Корнѣевъ, еще прежде окончанія этой сводки, заготовлялъ заблаговременно текстъ отчета, оставляя для цифръ пробѣлы, которые наполнялись потомъ[1]); если цифры не подходили къ заготовленному безъ нихъ тексту, то онѣ «исправлялись». Вообще эти отчеты составлялись очень искусно; по своей краткости были «необременительны» для чтенія, а по группировкѣ цифроваго матеріала и по заключеніямъ производили благопріятное впечатлѣніе о дѣйствіяхъ министерства. Въ то время Корнѣевъ жилъ на Большой Морской, противъ министерства государственыхъ имуществъ, въ домѣ Колчина, во второмъ этажѣ, а подъ нимъ, въ первомъ этажѣ, по той же лѣстницѣ, былъ салонъ парикмахера, у котораго на вывѣскѣ красовались слова: «l'art embellit la nature». По этому поводу городскіе остряки увѣряли, что это вывѣска кабинета Корнѣева, главнаго редактора отчетовъ министра государственныхъ имуществъ.

Цѣлый рядъ статистическихъ работъ отдѣленія по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ и отдѣльнымъ отраслямъ управленія государственныхъ крестьянъ и имуществъ, очевидно, долженъ былъ подчиняться видамъ министерства; онѣ большею частью исполнялись не для печати, а единственно для самого министра. При этомъ замѣчу, какъ курьезъ, что въ этихъ работахъ отдѣленію было запрещено употреблять десятичныя дроби, такъ какъ гр. Киселевъ простыя дроби зналъ лучше десятичныхъ.

Еще болѣе чѣмъ по статистикѣ государственныхъ имуществъ и крестьянъ постановлены были въ очень тѣсныя рамки занятія моего отдѣленія по статистикѣ сельскаго хозяйства въ Россіи. За неимѣніемъ тогда, какъ еще и теперь, общей и подробной хозяйственной съемки земель и правильныхъ и полныхъ народныхъ переписей, земледѣльческая статистика Россіи была и тогда, какъ и теперь, невозможна; поэтому приходилось ограничиваться почти лишь однѣми работами описательными, которыя, какъ бы онѣ ни были подробны и многочисленны, не даютъ основанія для приложенія сравнительнаго метода, столь плодотворнаго въ статистикѣ, но возможнаго только тамъ, гдѣ имѣются однородныя числовыя данныя.

Вообще сказать должно, что работы статистическаго отдѣленія если и удовлетворяли потребностямъ министерства государственныхъ имуществъ, то вкладомъ въ науку едва-ли служили, да и не могли служить, по общимъ условіямъ, въ которыя были поставлены у насъ въ то

---

[1]) Къ такой работѣ интерполаціи post hoc и я долженъ былъ иногда прикладывать руку.

время статистическія работы, о чемъ я подробнѣе говорилъ въ своей статьѣ, напечатанной въ «Русской Старинѣ» [1]).

Невозможность статистики, въ собственномъ значеніи слова, нашего сельскаго хозяйства послужила для меня побужденіемъ сосредоточить свои труды на изученіи двухъ главныхъ факторовъ земледѣльческой промышленности—почвы и климата; это было тѣмъ необходимѣе, что для сравнительнаго изученія ихъ на всемъ пространствѣ Европейской Россіи было до того времени сдѣлано слишкомъ мало.

Такимъ образомъ, составлена была мною, при содѣйствіи департамента сельскаго хозяйства, первая по времени общая почвенная карта Европейской Россіи, состоящая изъ 4-хъ листовъ, въ масштабѣ 1 : 2.520.000. Подробности о способѣ ея составленія и о матеріалахъ, употребленныхъ при этомъ, изложены мною въ «Обзорѣ дѣйствій департамента сельскаго хозяйства», Спб. 1855 г., часть III, стр. 19—20. Она представляла собою критически обработанный сводъ лучшихъ свѣдѣній, какія въ то время, при тогдашнихъ средствахъ, возможно было собрать, и служила пособіемъ для почвопознанія Россіи до той поры, пока она была замѣнена болѣе совершенною, изданною въ 1879 году департаментомъ земледѣлія картою, надъ составленіемъ которой трудился г. Часловскій.

Гораздо болѣе могъ я сдѣлать, пользуясь благопріятными обстоятельствами, для изученія нашего климата. При содѣйствіи съ одной стороны департамента сельскаго хозяйства, а съ другой—Академіи наукъ и въ особенности академика А. Я. Купфера и подвѣдомой ему главной физической обсерваторіи, а равно и русскаго Географическаго общества, я получилъ въ свое распоряженіе многіе ряды еще неизданныхъ дотолѣ метеорологическихъ наблюденій; обширная переписка, которую я въ то время велъ съ разными мѣстами и лицами, добывала не мало такихъ наблюденій, при которыхъ, рядомъ съ показаніями метеорологическихъ инструментовъ, были отмѣчены и явленія біологическія, интересныя для сельскихъ хозяевъ. Напечатанныя мною въ газетахъ приглашенія, отъ имени Академіи наукъ, о присылкѣ записей о времени вскрытія и замерзанія рѣкъ въ Россіи, вызвали появленіе большаго числа такихъ записей, дотолѣ не обнародованныхъ, черезъ что положено было начало къ составленію общаго свода такого рода показаній, важныхъ для нашей климатологіи.

Собранная такимъ образомъ масса неизданныхъ наблюденій, по вычисленіи ихъ и по обработкѣ при помощи всего, что представляли печатные источники, послужила для составленія сперва ряда монографическихъ статей по разнымъ вопросамъ русской климатологіи, въ осо-

[1]) „Отголоски старой памяти“, въ „Русской Старинѣ“ 1899 г., октябрь, стр. 5—23.

бенности въ приложеніи по сельскому хозяйству, напечатанныхъ мною въ разное время въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ», въ изданіяхъ Академіи наукъ, Географическаго общества и другихъ, а наконецъ позволила мнѣ, въ особой изданной Академіею наукъ книгѣ[1]), представить первый по времени опытъ обработки общей картины климата Россіи, преимущественно Европейской, особенно со стороны вліянія его на сельское хозяйство.

По выходѣ моемъ изъ департамента сельскаго хозяйства, занятія по климатологіи Россіи въ немъ прекратились, но заведенная мною присылка метеорологическихъ наблюденій изъ Горыгорѣцкаго земледѣльческаго института, съ учебныхъ фермъ и садовыхъ заведеній продолжалась. Такъ какъ они оставались при дѣлахъ статистическаго отдѣленія безъ употребленія и безъ всякой пользы, то я получилъ 27-го марта 1858 года отъ директора департамента предложеніе, не желаю-ли я получать эти матеріалы для метеорологіи Россіи, которые, въ видахъ пользы науки, могли бы быть мнѣ передаваемы, по мѣрѣ ихъ поступленія.

Чувство справедливости заставляетъ меня при этомъ случаѣ упомянуть съ благодарностію о томъ содѣйствіи, какое постоянно оказывалъ мнѣ въ работахъ отдѣленія по изученію почвъ и климата Россіи, столь же просвѣщенный, сколько и доброжелательный, директоръ департамента А. И. Левшинъ, много ѣздившій по Россіи и хорошо знавшій состояніе у насъ разныхъ отраслей сельской промышленности.

Среди этихъ занятій меня засталъ 1852 годъ, составившій точку перелома въ моей судьбѣ: 1-го мая этого года я былъ избранъ въ дѣйствительные члены Академіи наукъ[2]).

И слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь.

Мои друзья и хорошіе пріятели очень радовались этому моему счастію; но были и такіе, которымъ оно было непріятно. Заблоцкій, зорко слѣдившій за тѣмъ, чтобы я не вышелъ изъ сферы его вліянія, при всемъ своемъ умѣ не могъ скрыть своей досады и всякій разъ, когда

---

[1]) О климатѣ Россіи. Спб. 1857, in 4°, стр. XII, 408 и 326. Это сочиненіе удостоено въ 1858 г. отъ Географическаго общества Константиновской медали, по докладу, представленному о немъ членомъ общества Н. Я. Данилевскимъ. См. „Вѣстникъ Имп. Русск. геогр. общества“ 1859. Часть 25, отд. IV, стр. 1—13.

[2]) Отмѣчу здѣсь поразительное совпаденіе: въ тотъ же самый день, 1-го мая 1852 года, скончался мой отецъ, въ нашемъ Могилевскомъ имѣніи, селѣ Церковьи, на 71-мъ году жизни.

видѣлъ меня въ академическомъ (синемъ) вицъ-мундирѣ, никогда не могъ утерпѣть, чтобы съ кислой улыбкой не назвать меня «голубкомъ»; а когда потомъ я задумалъ, изъ накопившихся въ департаментѣ хозяйственно-статистическихъ описаній нѣсколькихъ губерній, издать при Академіи особый сборникъ ихъ и обратился въ ученый комитетъ о разрѣшеніи мнѣ употребить для такого изданія означенныя описанія, остававшіяся въ департаментѣ безъ всякаго употребленія за недостаткомъ средствъ для ихъ изданія и рисковавшія поэтому устарѣть отъ долгаго лежанія въ департаментскихъ картонахъ, то Заблоцкій съ какою-то нервностью возсталъ противъ моего предложенія и сдѣлалъ то, что мнѣ въ такомъ разрѣшеніи было отказано и затѣмъ задуманный мною академическій сборникъ не состоялся.

По отъѣздѣ гр. Киселева посломъ въ Парижъ, мѣсто его въ министерствѣ государственныхъ имуществъ занялъ 30-го августа 1856 г. Василій Александровичъ Шереметевъ; но постигшая его болѣзнь заставила его вскорѣ затѣмъ выйти въ отставку (17-го апрѣля 1857 г.), а управленіе министерствомъ было поручено товарищу министра Дмитрію Петровичу Хрущеву. Хрущевъ былъ большой другъ Заблоцкаго. По полученіи власти, первымъ долгомъ его было, въ знакъ дружбы, исходатайствовать высочайшую благодарность за изготовленное въ томъ году третье изданіе «Хозяйственно-статистическаго атласа Европейской Россіи»—Заблоцкому, который не принималъ никакого участія въ этомъ изданіи, изготовленномъ единственно мною, и мнѣ пришлось только вспомнить—Sic Vos non Vobis.

Вступивъ въ Академію, я по мѣрѣ того, какъ ближе знакомился съ академиками и съ значеніемъ ихъ трудовъ, все болѣе и болѣе привязывался къ этой мирной средѣ, въ которой работы по расширенію предѣловъ человѣческихъ знаній составляютъ цѣль жизни, и въ которой, такъ сказать, братство по оружію служило въ то время къ скрѣпленію между академиками самыхъ пріятныхъ отношеній радушнаго товарищества. А когда, послѣ смерти П. Н. Фусса и неудачнаго опыта академика Миддендорфа исполнять обязанности непремѣннаго секретаря, становилось, по тогдашнему составу конференціи академіи болѣе и болѣе очевиднымъ, что мнѣ придется принять на себя эти обязанности, я началъ подумывать о томъ, чтобы посвятить себя всецѣло и нераздѣльно одной Академіи, оставивъ для этого службу по министерству государственныхъ имуществъ. Но дни шли за днями, и я еще не могъ на это рѣшиться. Но когда 17-го апрѣля 1857 года, генералъ-отъ-инфантеріи М. Н. Муравьевъ былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ, я долженъ былъ уже серіозно помышлять оставить службу въ этомъ министерствѣ, болѣе и болѣе убѣждаясь въ несовмѣстимости его съ моими тогдашними занятіями по Академіи, особенно когда на меня

дѣйствительно уже палъ жребій исправлять должность непремѣннаго секретаря.

Въ то время какъ я еще только собирался покинуть это министерство, вдругъ получилъ я отъ министра приказаніе явиться къ нему въ 10-ть часовъ вечера. Никогда не забуду я этого вечера. Пріѣзжаю къ назначенному часу, столь необычному для занятій министерскихъ чиновниковъ; въ пріемной застаю еще нѣсколькихъ чиновниковъ, вызванныхъ для занятій съ министромъ. Когда дошла до меня очередь, я явился къ нему въ кабинетъ. Съ Муравьевымъ я былъ и прежде знакомъ по Географическому обществу; но тутъ въ министерскомъ кабинетѣ отношенія между нами естественно были иныя. Муравьевъ сидѣлъ за небольшимъ письменнымъ столомъ, не выпуская изо рта длиннаго чубука, изъ котораго курилъ вакштафъ; лакей поминутно входилъ для того, чтобы посмотрѣть, не нужно-ли подать новую трубку. Муравьевъ просилъ меня сѣсть противъ и, устремивъ на меня въ упоръ столь извѣстный пытливый взглядъ его сѣрыхъ небольшихъ глазъ—взглядъ, которымъ онъ, казалось, хотѣлъ пронизать насквозь сидѣвшаго передъ нимъ человѣка—и изложилъ предметъ, для котораго я былъ призванъ. Сущность его рѣчи состояла приблизительно въ слѣдующемъ: «порядокъ, заведенный Киселевымъ въ управленіи государственныхъ крестьянъ, никуда не годенъ; его нужно исправить; для этого мнѣ нужны хорошіе управляющіе палатами въ губерніяхъ. Министру отсюда нельзя видѣть, какъ дѣйствуютъ эти управляющіе. Киселевъ поставилъ этихъ управляющихъ такъ, что они были непосредственно подчинены министерству и были совершенно независимы отъ губернаторовъ. Это порождало много безпорядковъ. Я хочу подчинить управляющихъ палатами губернаторамъ, которые будутъ мнѣ отвѣчать за дѣйствія ихъ и которымъ нужно дать знать объ этомъ циркулярно. Составьте проектъ такого циркуляра. Поняли-ли все, чего я хочу?»

Понялъ-то, конечно, я понялъ; понялъ даже и то, о чемъ онъ мнѣ не говорилъ. Понялъ, что Муравьеву хотѣлось передѣлать то, что было сдѣлано до него, а главное—хотѣлось увеличить свою власть подчиненіемъ себѣ губернаторовъ, которые зависѣли дотолѣ главнымъ образомъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, по представленіямъ котораго они и опредѣлялись. Если же губернаторы будутъ отвѣчать передъ министромъ государственныхъ имуществъ за дѣйствія управляющихъ палатами, то они станутъ къ нему въ зависимое положеніе, а слѣдовательно увеличится вліяніе его въ вопросахъ о назначеніи и смѣщеніи губернаторовъ.

На вопросъ министра о томъ, понялъ-ли я, какой нужно составить циркуляръ, я отвѣчалъ, что понялъ, что постараюсь изложить его сколь можно яснѣе и ближе къ тому, что мнѣ сказано было, и спросилъ когда и къ какому времени я долженъ представить ему проектъ циркуляра.

— Нѣтъ, нѣтъ! проектъ циркуляра нужно составить тотчасъ же! Вы не выйдете отсюда, не составивъ этого проекта. Идите въ сосѣднюю комнату, тамъ найдете все для этого нужное: бумагу, перья и проч., и когда кончите эту работу, принесите ко мнѣ.

Такъ какъ это говорилъ министръ подчиненному чиновнику, то оставалось повиноваться. Когда я ушелъ въ сосѣднюю комнату и сталъ обдумывать все, что я слышалъ, то пришелъ не къ розовымъ заключеніямъ. Что за идея была—задать статистику такую работу, не имѣющую никакой связи со статистикой, тогда какъ въ распоряженіи министра было нѣсколько сотъ чиновниковъ, болѣе наторѣлыхъ въ составленіи дѣловыхъ бумагъ. Затѣмъ къ чему такая поспѣшность въ дѣлѣ, не имѣвшемъ нисколько характера экстренности. Чтобы составить требовавшійся проектъ циркуляра, нужно было обдумать, и обдумать дѣло, взвѣсить каждое слово и каждое выраженіе, сообразить съ дѣйствующими узаконеніями—и все это надлежало сдѣлать безъ всякихъ приготовленій, въ какой-нибудь часъ времени, не сходя съ мѣста, точно какъ будто рѣчь шла о такомъ дѣлѣ, въ которомъ дорога каждая минута. Сообразивъ все это, я не могъ не догадаться, что на этотъ разъ дѣло состояло не въ проектѣ циркуляра; Муравьевъ просто хотѣлъ испытать меня, хотѣлъ узнать, умѣю-ли быстро работать, и способенъ-ли схватывать на-лету мысли начальника и редактировать ихъ въ его духѣ.

Кончивъ заданную работу, я подалъ ее Муравьеву, который, взявъ ее, положилъ въ сторону на свой столъ, а меня отпустилъ.

Вскорѣ послѣ того Муравьевъ отправился въ объѣздъ для осмотра подвѣдомыхъ министерству учрежденій въ разныхъ губерніяхъ, но передъ самымъ отъѣздомъ потребовалъ меня къ себѣ, не помню по какому дѣлу, и между прочимъ сказалъ: «вы засидѣлись на своемъ мѣстѣ; васъ нужно подвинуть». Въ знакъ благодарности, я почтительно поклонился.

Описанный мною вечеръ, съ необычною для меня работою, въ необычной для меня обстановкѣ окончательно укрѣпилъ во мнѣ намѣреніе—оставить службу по министерству государственныхъ имуществъ; объ этомъ я сообщилъ А. П. Заблоцкому, бывшему въ то время уже директоромъ департамента сельскаго хозяйства, и вручилъ ему формальную просьбу о моемъ увольненіи.

Когда эта просьба была доложена управлявшему въ отсутствіе Муравьева министерствомъ, товарищу министра Александру Алексѣевичу Зеленому, то онъ затруднился дать ей ходъ въ отсутствіе Муравьева, который, какъ ему было извѣстно, имѣетъ на меня какіе-то виды.

На это я объявилъ Заблоцкому, что никакого мѣста въ министерствѣ, хотя бы и высшаго противъ нынѣ занимаемаго, я принять не могу,

такъ какъ я безповоротно и нераздѣльно посвятилъ себя службѣ по Академіи, болѣе соотвѣтствующей моимъ наклонностямъ, чѣмъ писаніе департаментскихъ бумагъ, и потому просилъ его доложить объ этомъ А. А. Зеленому.

Такимъ образомъ я и получилъ 3-го декабря 1857 года, просимое мною увольненіе отъ должности начальника статистическаго отдѣленія департамента сельскаго хозяйства.

К. Веселовскій.

НОВИЧКИ.

(Изъ воспоминаній о Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка).

I.

Новиками или новичками, назывались въ военно-учебныхъ заведеніяхъ прошлаго вѣка воспитанники послѣдняго годоваго пріема; старичками же—воспитанники, поступившіе, по крайней мѣрѣ, годомъ ранѣе. Приставанье, т. е. разнообразное, болѣе или менѣе унизительное и тягостное помыканіе новичками со стороны старичковъ существовало почти во всѣхъ заведеніяхъ. Изъ петербургскихъ особенно славились по этой части Михайловское артиллерійское училище, Николаевское инженерное и школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, въ которые мальчики поступали возрастомъ старше (не моложе 14-ти лѣтъ), чѣмъ въ кадетскіе корпуса. Мои воспоминанія относятся почти исключительно до артиллерійскаго училища, въ которомъ я самъ воспитывался въ пятидесятыхъ годахъ, а мой отецъ—въ тридцатыхъ.

Въ нашемъ училищѣ, какъ и въ прочихъ заведеніяхъ, существовалъ, словно освященный временемъ и обычаемъ, кодексъ правъ (или вѣрнѣе безправія) новичковъ. Кодексы эти отличались между собой нѣкоторыми подробностями, но въ основаніи всѣхъ лежали элементы крѣпостнаго права, первообраза «новичества».

Въ училище принимались исключительно дѣти дворянъ. Всѣ они росли на крѣпостномъ правѣ, всѣ привыкли къ крѣпостнымъ услугамъ и забавамъ. Въ примѣненіи кодекса господствовали: право сильнаго, безапелляціонный произволъ «старичковъ», а иногда ничѣмъ не оправдываемая безнаказанная жестокость.

Приставаніе къ новичкамъ многими (въ томъ числѣ и начальствомъ того времени) оправдывалось тѣмъ, что оно пріучаетъ юношу, готовящагося къ военной службѣ, переносить разныя невзгоды, закаляться, и дисциплинируетъ. Этотъ мотивъ породилъ даже слово «закалъ». Такъ любили величаться юнкера-старички, выработавшіе въ себѣ спартанскія, или—какъ было въ модѣ называть при насъ,—«запорожскія», «казацкія», суровыя привычки и «ничего не боящіеся», начиная съ наказаній начальствомъ.

Значительное большинство мальчиковъ готовилось къ поступленію въ училище въ двухъ пансіонахъ, Дыхова и барона Клодта. Пансіоны состояли, такъ сказать, въ связи съ училищемъ: многіе учителя (въ томъ числѣ сами Дыховъ и бар. Клодтъ) были общіе; юнкера младшихъ классовъ заходили въ пансіоны; вообще видались съ кандидатами (мальчиками, готовящимися къ пріемнымъ экзаменамъ). Кромѣ того, старшіе родственники многихъ кандидатовъ сами получили воспитаніе въ училищѣ. Вслѣдствіе всего этого, большинство готовящихся къ поступленію знало, что можетъ ожидать ихъ въ первый годъ пребыванія въ заведеніи.

Правда, поступая туда, мы имѣли нѣсколько преувеличенное представленіе о жестокости старичковъ, ибо многіе разсказы, слышанные нами, относились до временъ прошедшихъ. Я зналъ, напр., отъ моего отца, воспитывавшагося въ томъ же заведеніи въ тридцатыхъ годахъ, и отъ его товарищей, что въ ихъ время одна изъ обычныхъ забавъ старичковъ заключалась въ слѣдующемъ:

Положатъ новика между двумя тюфяками, плотно увяжутъ веревками, такъ однако, чтобы онъ могъ дышать, и вывѣшиваютъ его изъ окна 3-го этажа: то опустятъ до земли, то подтянутъ кверху. Иногда это упражненіе варьировалось. Вмѣсто тюфяковъ, новика плотно запихивали,—прижавъ колѣни къ груди,—въ прочный дубовый табуретъ и подвѣшивали въ табуретѣ между небомъ и землей. Или еще старички становились по угламъ караульной залы и переталкивали, что есть мочи, новичка изъ одного угла обширной комнаты въ другой. Иногда это длилось, покуда жертва не падала отъ изнеможенія или увѣчія. Такая забава рѣдко кончалась безъ болѣе или менѣе тяжкихъ ушибовъ, ибо въ двухъ углахъ залы стояли печки съ заслонками. Одинъ юноша расшибъ себѣ голову о заслонку печки и почти замертво былъ отнесенъ въ лазаретъ. Это и многое другое я слышалъ еще въ дѣтствѣ. Но къ моему времени такія проказы уже вывелись, и, вообще, жестокость новичества постепенно ослабѣвала съ теченіемъ времени, какъ ослабѣвалъ первообразъ его—крѣпостничество.

Тѣмъ не менѣе, кандидаты не безъ страха готовились къ годовому

искусу новичества. Наиболѣе робкіе даже нарочно плохо учились, чтобы не выдержать пріемнаго экзамена.

Во всякомъ случаѣ этого чистилища и на нашу долю оставалось еще довольно (я поступилъ въ 1853 г. и былъ выпущенъ въ офицеры въ 1858 г.).

Вотъ какъ произошло первое соприкосновеніе нашего пріема со «старичками» въ стѣнахъ училища.

II.

Было начало августа; стояла теплая, ясная погода; наши пріемные экзамены подходили къ концу; опредѣлилось уже, кто поступитъ въ училище. Время отъ времени среди экзаменующихся кандидатовъ появлялся какой-нибудь юнкеръ-старичокъ, одинъ изъ будущихъ властителей. Кандидаты робко поглядывали на него, перешептывались; старались опредѣлить, «приставало» онъ или нѣтъ и «закалъ» или не закалъ. Появленіе старичковъ означало, что батарея вернулась изъ лагерей. Когда начались экзамены, то она находилась еще въ Петергофѣ. Окна и двери зданія, обыкновенно занимаемаго юнкерами, были тогда еще заперты, и на длинномъ дворѣ съ большимъ манежемъ въ серединѣ было пусто и тихо.

Теперь же, къ концу пріемныхъ экзаменовъ, пустынное зданіе и дворъ оживились. На тротуарахъ обширнаго прямоугольнаго двора, со всѣхъ сторонъ котораго тянулись сплошныя, одноформенныя желтыя зданія, встрѣчались юнкера группами и въ одиночку. Многозначительно, кто грозно, кто насмѣшливо, поглядывали они на кандидатовъ; иногда заговаривали съ ними, стараясь придать себѣ суровый видъ: робость кандидатовъ въ черныхъ курткахъ и синихъ брюкахъ ихъ тѣшила.

Окна и двери главнаго корпуса, выходившаго на Неву, стояли теперь настежь. Изъ нихъ выглядывали старички; неслись смѣхъ, крики, пѣсни, безпорядочный гамъ. Промежутокъ между возвращеніемъ изъ лагеря и началомъ учебныхъ занятій, длившійся обыкновенно около двухъ недѣль, былъ всегда однимъ изъ самыхъ разгульныхъ періодовъ въ году: ни классовъ, ни фронтоваго ученья. Юнкеровъ, имѣвшихъ родныхъ въ Петербургѣ или около, увольняли на это время въ отпускъ; остальные,—меньшинство,—развлекались въ училищѣ, изобрѣтая разныя неожиданныя забавы, почти не стѣсняемыя начальствомъ, которое само отгуливалось послѣ лагерныхъ трудовъ.

Дня за два до послѣдняго экзамена, около полудня, группа канди-

датовъ, человѣкъ пятнадцать, спустилась съ крыльца офицерскихъ классовъ. Руки и платья были еще въ мѣлу; отроческія лица горѣли отъ волненія, порожденнаго не однимъ окончаніемъ экзамена. Вмѣсто того, чтобы повернуть налѣво къ чугуннымъ воротамъ, т. е. направиться по домамъ и пансіонамъ, кандидаты на этотъ разъ повернули направо, вглубь двора, къ той части зданія, въ которой жили юнкера, къ камерамъ (спальни, дортуары). Изъ распахнутыхъ оконъ этихъ камеръ стали раздаваться какія-то рычанья; цѣль ихъ была очевидна: «задать страху». «Вотъ они!», «Новики!», «Идите, идите сюда!», «Шевелитесь!». Чей-то голосъ нѣсколько разъ свирѣпо съ визгомъ прокричалъ: «распни, распни его! Кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!» Высокій дѣтина махалъ изъ окна нагайкой.

Кандидаты шли туда, ибо утромъ одинъ изъ заглядывавшихъ въ экзаменныя залы старичекъ «приказалъ» тѣмъ, которые, уже очевидно, выдержатъ экзаменъ, «явиться» сегодня въ училище. Ослушаться нельзя. У крыльца имъ повстрѣчался знакомый юнкеръ изъ младшаго класса, прошлогодній новичекъ, и, добродушно улыбаясь, шутя припугнулъ: «вотъ вамъ достанется ужо».

По мѣрѣ нашего приближенія, устрашающіе крики усиливались. Когда же мы прошли въ крыльцо, поднялся какой-то торжествующій ревъ и яростный хохотъ, сильно дѣйствовавшій на молодыя воображенія.

Точно черти какіе-то: «Распни, распни его!».

Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ какимъ-нибудь манеромъ распинаютъ ранѣе попавшагося имъ кандидата. Впрочемъ, черти оказались не такъ ужъ страшны. Большая рекреаціонная зала, въ которую насъ зазвали, была полна полуденнаго свѣта, лившагося въ окна, открытыя на искристую Неву. Юнкера-старички, ожидавшіе насъ тамъ, съ шумными возгласами окружили насъ. Но ихъ было гораздо менѣе, чѣмъ нужно было предполагать по гаму на «страхъ новикамъ». Ихъ преувеличенно угрожающія физіономіи были и молоды и большею частью добры. Все это были юноши лѣтъ 16—17, много 18. Разница лѣтъ съ вновь поступающими небольшая, но въ томъ возрастѣ вообще, внушительная.

Во главѣ окружавшихъ насъ юнкеровъ находился портупей-юнкеръ М—въ, о которомъ носились слухи, какъ объ отчаянномъ закалѣ и приставалѣ. Это былъ рослый, красивый юноша, брюнетъ, мускулистый, съ румянымъ, кровь съ молокомъ, свѣжимъ лицомъ, даже безъ пушка надъ губой съ темно-сѣрыми симпатичными глазами. Онъ былъ въ рубашкѣ и полураспущенныхъ, какъ у казаковъ, шароварахъ, волочившихся по полу. На плечи накинута по-гусарски старая куртка. Глядѣлъ онъ нарочно исподлобья, приклонивъ голову къ низу и выставляя впередъ лобъ, на который спадали шапкой давно нестриженные (благодаря послѣла-

герной свободѣ), темные волосы. Словно онъ боднуть собирался, вообще старался казаться страшнымъ. Говорилъ онъ напряженнымъ, важнымъ басомъ, какъ будто постоянно дѣлалъ внушительный выговоръ, или собирался нещадно распекать. А въ сущности ему самому безпрестанно хотѣлось разсмѣяться. Когда онъ не могъ удержаться отъ прирожденной ему симпатичной улыбки, то конфузился, и румянецъ заливалъ его красивое лицо.

М—въ старался дать понять кандидатамъ, что гордится репутаціей грознаго пристава и закала. Онъ держалъ намъ строгую рѣчь объ основныхъ обязанностяхъ новиковъ—объ исправности передъ начальствомъ, а главное о повиновеніи старичкамъ.

— А то буду пороть, запорр-ю до смерти! — сказалъ онъ, махая внушительной нагайкой [1]) надъ нашими головами.

Остальные юнкера старшаго класса осматриваютъ насъ внимательно, какъ товаръ на ярмаркѣ; даже ощупываютъ; каждаго спрашиваютъ, какъ фамилія, гдѣ родился; посмѣиваются, даютъ клички, тутъ же приставшія къ нѣкоторымъ на всю жизнь; рѣшаютъ: кто изъ насъ по росту въ какой взводъ и въ какую комнату попадетъ; разсчитываютъ, чтобы новики, ради удобства старшихъ, были распредѣлены по возможности равномѣрно въ камерахъ; и распредѣляютъ между нами разныя обязанности.

Портупей юнкеръ К. объявилъ новику Ф., что тотъ будетъ три раза въ недѣлю приходить въ его комнату по вечерамъ переписывать записки химіи. Ив—ко приказалъ Л—цу помѣститься въ его комнатѣ и непремѣнно каждое утро прежде, чѣмъ онъ, Ив—ко, проснется, ставить на столикѣ около кровати стаканъ холодной воды.

— И чтобы не забывать, не то запоррю!.

— У васъ руки, какъ скребокъ,—обращается къ Щ—ву М—скій; вы будете по вечерамъ мнѣ спину чесать.

— У васъ грудь, какъ у птицы;—должно быть, пѣть будете хорошо, въ мой хоръ васъ зачисляю,—говоритъ Л—ву меломанъ 2-го класса С—кій. Спойте-ка, пока, что знаете.

Отговариваться нельзя; сконфуженный юноша что-то затянулъ; кругомъ смѣются; но меломанъ одобряетъ его.

— Покуда скверно, да ничего, обойдется. Вы въ хоръ ко мнѣ. Въ оперѣ бываете?

Оказывается, что новичекъ бываетъ съ родителями въ оперѣ и му-

---

[1]) Казацкія нагайки употреблялись во время конныхъ ученій ѣздовыми юнкерами по уставу; но помимо устава хранились самими ѣздовыми въ камерахъ спеціально для наказыванія новиковъ.

зыку любитъ. Между нимъ и его капельмейстеромъ зарождается уже нѣчто въ родѣ симпатіи.

Страстный охотникъ до «катанья на тройкахъ» (объ этой потѣхѣ ниже), Т. выбираетъ себѣ въ коренники одного изъ здоровеннѣйшихъ новиковъ Д—ва.

М—въ облюбовалъ себѣ въ парадеры высокаго, крѣпкаго новика 4-го класса Б—кова; пощупалъ его мускулы; осмотрѣлъ руки, плечи; пошатнулъ его своими большими красивыми руками и поздравилъ своимъ парадеромъ [1]). Б—въ, смѣлый, веселый мальчикъ, выросшій въ богатой семьѣ симбирскихъ помѣщиковъ, разсмѣялся. И самъ М—въ улыбнулся было, но, спохватившись, заставилъ себя насупиться. Новичковъ изъ нѣмцевъ старшіе предварили, что тѣ будутъ обязаны писать для послѣднихъ нѣмецкія сочиненія. Словомъ, всякій избиралъ для себя подходящихъ на цѣлый годъ слугъ, секретарей, скомороховъ.

Нѣкоторые юнкера изъ 3-го класса шныряли около новиковъ, приглядываясь къ нимъ.

Нѣсколько юнкеровъ 4-го (втораго снизу) класса, только-что произведенные въ старички, ухмылялись, но не смѣли при старшихъ классахъ приступиться къ своимъ новымъ замѣстителямъ. Около стѣны ходилъ взадъ и впередъ высокій, широкоплечій портупей-юнкеръ З—ло, съ головой, кругло-обросшей въ концѣ лагерей золотисто-каштановыми волосами. Онъ ничего не говорилъ; повидимому, былъ погруженъ въ какую-то думу и казался намъ страшнѣе всякаго М—ва, а между тѣмъ, З—ло оказался самымъ мягкимъ изъ старичковъ; пальцемъ никого не тронулъ; часто заступался за мальчиковъ, всегда былъ готовъ дать имъ добрый совѣтъ. Кто-то объявилъ кандидату К., что будетъ его бить каждый день, ибо К. похожъ на Л—на [2]), а Л—нъ, дескать, поролъ его самого, когда тотъ былъ новикомъ.

— Ну, вотъ, новики... помнить, что вамъ сказано... а не то запорю!— возгласилъ опять М—въ, почему-то разсмѣялся и, повернувшись съ видомъ притворнаго высокомѣрія и презрѣнія, направился во внутреннія камеры, волоча по паркету по-казацки спущенныя шаровары.

Обрадованные кандидаты почти бѣгомъ пустились къ лѣстницѣ. Но ихъ окликнулъ сильный голосъ второклассиика Ос—го.

— Чего обрадовались,—не говорилъ, а какъ-то шипѣлъ этотъ 17-лѣтній приставало, казавшійся намъ въ самомъ дѣлѣ почти старикомъ. Хмурое, чувственное лицо, во взглядѣ жестокость, узкій лобъ, голова Нерона. Онъ имѣлъ, какъ и другіе его одноклассники, право распо-

---

[1]) Парадерами въ конной артиллеріи назывались офицерскія лошади, на которыхъ выѣзжали по преимуществу на смотры и парады.

[2]) Вышедшаго уже въ офицеры 2-мя годами ранѣе.

ряжаться новичками и бить ихъ открыто. Но онъ всегда приставалъ по преимуществу исподтишка, норовилъ безцѣльно мучить свою жертву, какъ кошка мышенка.

Послушные его сиплому оклику, понявъ, что удирать опасно, новички съ бьющимися сердцами замедлили шагъ.

Ос—ій, видя, что никто изъ первоклассниковъ не слѣдитъ за новиками, неслышно крался за ними. Когда они приблизились къ лѣстницѣ, онъ, схвативъ за шиворотъ задняго кандидата, далъ ему такого здороваго тумака, что бѣдный мальчуганъ навѣрно бы расшибся о ступени, если бы не передовые товарищи, за которыхъ онъ хватался въ своемъ опасномъ стремленіи внизъ. За то эти передовые, въ свою очередь, невольно толкаемые имъ,—кто падалъ, кто стукался лбомъ о стѣну.

Ос—ій злобно хихикалъ, около него смѣялись, но какъ-то принужденно, вновь испеченные старички. младшихъ классовъ.

Группа ошеломленныхъ новичковъ, едва оправясь на нижней площадкѣ, завернула по лѣстницѣ къ швейцарской. Навстрѣчу имъ тихо поднимались два взрослыхъ юнкера, оба второклассники. Одинъ съ красноватымъ лицомъ, освѣщеннымъ небольшими черными, необыкновенно умными, мягкими, какъ бархатъ, добрыми глазами. Онъ разговаривалъ со своимъ товарищемъ, который, граціозно сложивъ на его плечѣ выхоленныя руки, окаймленныя тонкими голландскими рукавчиками рубашки съ дорогими запонками, ласково глядѣлъ на насъ своими хорошенькими карими глазами. Онъ покачалъ курчавой головой и на-распѣвъ произнесъ: «pauvres cheris; ce n'est pas moi qui leur fera du mal».

Первый черноглазый юноша, Б—въ Р—нъ, заговорилъ совсѣмъ просто по-человѣчески съ однимъ изъ знакомыхъ ему кандидатовъ, словно онъ былъ равное ему существо. Это насъ и удивило, и обрадовало. Очевидно, чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ.

III.

Письменнаго положенія о правахъ и обязанностяхъ новиковъ, конечно, не существовало. Но какъ незнаніемъ закона въ государствѣ, такъ и незнаніемъ этого традиціоннаго кодекса въ училищѣ оправдываться не разрѣшалось. Извѣстенъ онъ былъ и начальству, и дежурнымъ офицерамъ, и преподавателямъ. Начальство не только смотрѣло сквозь пальцы, но до извѣстной степени находило полезнымъ институтъ новиковъ, хотя бы и потому, что имъ поддерживались нѣкоторыя внѣшнія стороны порядка, что въ тѣ времена ставилось въ учебныхъ

заведеніяхъ на первый планъ. Были дежурные офицеры, которые сами пользовались нѣкоторыми, правда, невиннѣйшими обязанностями и услугами новичковъ, особенно въ лагеряхъ. Вообще всѣ власти относились къ новичкамъ гораздо требовательнѣе, чѣмъ къ остальнымъ воспитанникамъ.

Вотъ вкратцѣ кодексъ новичества:

Новиками или новичками вообще называются воспитанники, проводящіе первый годъ въ заведеніи. Изъ этого исключались тѣ, которые поступали въ два высшихъ класса, 1-й и 2-й. Но такихъ бывало въ годъ всего два, три. Новики 3-го класса (ихъ тоже бывало три, четыре въ годъ) пользовались нѣкоторыми привилегіями. Кандидаты же поступившіе въ 4-й и 5-й, самые младшіе классы, несли тяготу во всей полнотѣ. Низшій, 5-й классъ, собственно весь состоялъ изъ новиковъ. Кромѣ этихъ безусловныхъ новиковъ, иногда бывали временные. Старшій классъ могъ по своему усмотрѣнію «разжаловать въ новики» старичка любаго класса кромѣ 2-го. Бывали примѣры, что разжалованіе постигало на нѣсколько недѣль цѣлый классъ, чаще всего 4-й, а иногда даже 3-й. Основныя обязанности новичка были довольно опредѣленны. Исправнѣйшее выполненіе внѣшнихъ дисциплинарныхъ требованій оффиціальнаго, казеннаго устава. Новики должны были и утромъ вставать, и вечеромъ ложиться спать въ опредѣленное время по повѣсткѣ. Первыми выходить въ сборную залу и становиться въ ряды при повѣсткѣ къ столу, классамъ, ученью и проч.; идти всюду строемъ, хотя бы масса старичковъ валила вразсыпную. Внѣклассное время всѣ юнкера жили постоянно въ спальняхъ, называемыхъ «камерами»: днемъ валялись на койкахъ, спали послѣ обѣда въ изрядномъ количествѣ; иногда въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, приготовляли уроки, устраивали разныя забавы; курили въ трубу или въ камины умывальныхъ комнатъ. Новикамъ же такія вольности строго воспрещались. Кромѣ того они обязаны были съ ранняго утра до поздняго вечера охранять старичковъ, чтобы послѣдніе не были застигнуты врасплохъ начальствомъ. Охраненіе выполнялось состемой часовыхъ. Новики 3-го класса, какъ привилегированные, не несли службы часовыхъ, но каждый изъ нихъ дежурилъ поочередно, велъ списки всѣхъ новиковъ младшихъ классовъ и наряжалъ часовыхъ. Мѣста для часовыхъ были избраны едва-ли не съ самаго основанія училища и располагались въ разныхъ закоулкахъ, такъ, что когда появится дежурный офицеръ изъ своей комнаты, или изъ внѣшнихъ залъ, когда приближается высшая начальственная особа, то аванпостный часовой снимается съ своего мѣста и съ особымъ звукомъ, «сыканьемъ», обѣгаетъ свой раіонъ, предупреждая объ опасности. Слѣдующій часовой подхватываетъ и бѣ-

жить по своему раіону. Въ 2—3 минуты бывали оповѣщены самыя отдаленныя камеры, и всѣ безпорядки по возможности сокрыты.

Въ учебные часы, во время перемѣнъ (промежутковъ между лекціями) старички обыкновенно расхаживали по корридору, заходили въ разные классы; новичкамъ же прогулки не дозволялись, но въ каждомъ классѣ за распахнутой дверью стоялъ очередной часовой-новичекъ, слѣдившій въ щелку за движеніемъ начальства. Между прочимъ каждый новикъ былъ обязанъ имѣть въ карманѣ спички и давать ихъ по требованію старичка, желающаго покурить въ трубу. Главный же долгъ всякаго новика заключался въ повиновеніи всякому старичку, при чемъ однако старички высшихъ классовъ имѣли наибольшія права на произволъ.

IV.

Въ первые дни пребыванія въ училищѣ вновь поступившимъ было сугубо тяжело, потому что они не обвыкли, что ни классы, ни фронтовое ученье еще толкомъ не начиналось, и, слѣдовательно, старички пребывали въ постоянной праздности.

Въ камерахъ-ли, въ классахъ-ли, новики сидятъ всегда смирно, на своихъ мѣстахъ; около нихъ постоянно кишатъ группы юнкеровъ и тѣшатся новыми живыми игрушками. Разсматриваютъ ихъ въ упоръ, какъ рѣдкихъ звѣрей, дразнятъ, пощелкиваютъ, главное, стараются задать страху, запугать; испытываютъ ихъ силы; выбираютъ себѣ подходящихъ для разныхъ спеціальныхъ личныхъ услугъ. Иногда велятъ продѣлать какую-нибудь импровизированную нелѣпую шалость. Л—цъ показался кому-то похожимъ на китайца; ему приказываютъ поставить на каѳедру табуретъ, влѣзть на него, сѣсть, по-китайски поджавъ ноги, поднять въ уровень съ ушами указательные пальцы и, мѣрно раскачивая головой, какъ фарфоровая кукла, напѣвать:

Дзынъ, Дзинъ мандаринъ,
Пошелъ въ чайный магазинъ,
Купилъ чаю на алтынъ и т. д.

У новичка волосы очень свѣтлые, его прозовутъ сѣдымъ и велятъ, вспрыгнувъ на кровать декламировать:

Я старъ и сѣдъ...
Но и подъ снѣгомъ иногда
Бѣжитъ кипучая вода...
ш ш ш ш...

*

Заключительное, звукоподражательное шипѣнье онъ долженъ производить, крутя ногой въ знакъ того, что, молъ, изъ-подъ него бѣжитъ кипучая вода.

Другому прикажутъ на вопросъ: «какъ ваша фамилія?» никому ничего не отвѣчать, а только сдѣлать глупо удивленную рожу и развести въ недоумѣніи руками.

Рыженькаго мальчика съ хохолкомъ прозовутъ «попкой» и прикажутъ вмѣсто своей фамиліи отвѣчать крикомъ попугая. Тѣ изъ старичковъ, которые не знаютъ о подобныхъ приказаніяхъ, иногда бьютъ новичка за невѣжливый отвѣтъ; другихъ это забавляетъ.

Порой ознакомленіе съ новыми звѣрьками принимало инквизиціонныя формы. Собственно охотниковъ бить новичковъ «ни за что ни про что» было мало. Но за то эти охотники злоупотребляли своимъ правомъ. Придетъ, напр., во время перемѣны въ 5-й классъ О—й (вышеупомянутый юнкеръ 2-го класса), славящійся, какъ въ древности Тиберій, силой своихъ тупыхъ пальцевъ. Онъ двѣ стеариновыя свѣчи перебиваетъ заразъ среднимъ пальцемъ правой руки, предварительно напряженно приподнявъ его конецъ, какъ рычагъ, лѣвой рукой. Это называлось «бычкомъ». Начинаетъ О—й вызывать новиковъ одного за другимъ и упражняется въ своемъ искусствѣ не надъ свѣчами, а надъ лбами мальчугановъ: каждому по нѣсколько бычковъ.

Еще хуже были «устрицы». Устрицей назывался быстро нанесенный ребромъ руки ударъ въ переднюю часть горла: жертва дѣлала такое движеніе головой, какъ будто что-то проглатывала. Утонченные истязатели давали устрицы даже не рукой, но иногда рычагомъ пружины, захлопывавшей дверь.

Это было дотого жестоко, что охотники забавлялись украдкой отъ своихъ классныхъ товарищей; масса не допускала подобныхъ звѣрствъ. Нагайками безъ вины рѣдко пороли; но «горчишники»,—удары въ спину между крылецъ,—плашмя ладонью практиковались весьма часто.

Затѣмъ «набрюшники»—удары по брюху и т. д. «Тузомъ» назывался здоровый ударъ кулака сзади въ шею, иногда сбивавшій съ ногъ.

Охотниковъ истязать ни за что ни про что новичковъ, повторяемъ было немного, однако достаточно, чтобы отравить существованіе новиковъ. Тѣмъ болѣе, что примѣръ этихъ Нероновъ увлекалъ вовсе не жестокихъ юношей; иной разъ добряки приставали просто изъ удальства или отъ нечего дѣлать. Нѣкоторые изъ послѣдней категоріи «приставалъ» скоро становились друзьями новичка, котораго сначала мучили, и которыхъ имъ дѣлалось жалко. Случалось, что приставаніе было вступленіемъ въ искреннюю дружбу на всю жизнь.

Мѣста для спанья новичкамъ отводились самимъ начальствомъ наименѣе удобныя—койки на угловыхъ и проходныхъ пунктахъ: кто идетъ,

тотъ щипнетъ. Иногда послѣ полуночи, старички, которымъ не спалось, бродя по спальнямъ, мимоходомъ сбрасывали новика на полъ, стащивъ его съ койки вмѣстѣ съ тюфякомъ; или, подхвативъ койку за переднія ножки, ставили ее вертикально къ стѣнѣ, такъ что голова мальчика приходилась внизу. Иногда новика внезапно будили и съ угрожающимъ видомъ задавали какой-нибудь глупый вопросъ, въ родѣ: «есть-ли у вашей бабушки чепчикъ съ оранжевыми лентами?» Или заставляли декламировать безмысленные прозу и стихи, неизвѣстно когда и кѣмъ сочиненные на темы: «вліяніе луны на починку табуретки», или «примѣненіе дифференціаловъ къ печенію блиновъ» и т. п. Эту классическую чепуху новики были обязаны знать наизусть. Случалось, впрочемъ исключительно въ двухъ взводахъ, помѣщавшихся въ верхнемъ этажѣ, отдаленныхъ отъ комнаты старшаго дежурнаго офицера, что всѣхъ новиковъ поголовно будили глубокой ночью и учиняли какую-нибудь потѣху, напр., разводъ съ церемоніей.

Утро приносило новыя заботы и невзгоды. Прогремитъ на площадкѣ, за пустынными, отзывчивыми залами, барабанная дробь повѣстки [1]); сонный служитель, принесшій вычищенное платье и сапоги, разбудитъ новичка—легонько, почти нѣжно. Служители-солдаты, состоявшіе на разныхъ должностяхъ при училищѣ (которымъ сами воспитанники платили жалованье по 3 руб. въ мѣсяцъ), жалѣли обыкновенно новичковъ.

Всѣ старички кругомъ спятъ, словно никакого барабаннаго грохоту не проносилось. Темно еще; мигая и чадя, догораютъ ночники,—маленькія, стѣнныя лампочки съ жестяными абажурами, повернутыми широкими основаніями къ потолку. Холодно; за ночь камеры выстыли. Новикъ спѣша натягиваетъ носки, нижнее бѣлье, сапоги, накидываетъ на плечи стареньбую шинель (въ извѣстной степени, исправляющую у всѣхъ юнкоровъ должность халата раннимъ утромъ и добавочнаго одѣяла ночью), забираетъ изъ своего столика мыло, полотенце и отправляется въ умывальную,—большую просторную, опрятную комнату съ каминомъ; тамъ еще холоднѣе.

Совсѣмъ темно. Ночникъ погасъ. Новики полощутся студеной водой, звякая кранами, брызгаются, не могутъ не шалить, но стараются не шумѣть. Это единственное время и мѣсто, когда они внѣ наблюденія своего стоокаго властителя. Но долго не нашалятся. Опять грохочетъ барабанъ, разсыпаясь дробью и перебѣгая эхомъ въ пустыхъ корридорахъ; замретъ на нѣсколько секундъ и затрещитъ еще бѣшеннѣе, силясь выразить какой-то намекъ на мотивъ. Заря! Надо стоять на

[1]) Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ барабаны въ артиллеріи были замѣнены трубами.

своихъ мѣстахъ у коекъ (кроватей). Дежурный офицеръ заспанный, нечесанный, обѣгаетъ камеры. «Вставайте, господа, вставайте!»—покрикиваетъ онъ не громко, оберегая сонъ счастливыхъ старичковъ. Дежурный новикъ третьяго класса выходитъ на свою работу со списочкомъ въ рукахъ; онъ обходитъ своихъ и товарищей младшихъ классовъ и сообщаетъ имъ шопотомъ нарядъ въ часовые на цѣлыя сутки; кому и въ какіе часы стоять въ классахъ, кому въ камерахъ и т. д.

Часовые первой очереди по камерамъ спѣшатъ тотчасъ же къ мѣстамъ своего назначенія. Сальный, дурно пахнущій, сгорбленный и лысый ламповщикъ, солдатъ изъ чувашей (такъ и прозываемый «чувашко»), онъ же и банщикъ, шаркаетъ изъ комнаты въ комнату, тушитъ окончательно ночники и зажигаетъ лампы. Становится уютнѣе и свѣтлѣе.

Къ счастью, часовымъ новичкамъ приходится стоять раннимъ утромъ, въ относительно теплыхъ, освѣщенныхъ лампами и удобныхъ для наблюденія пунктахъ. Тутъ они, поглядывая по направленію ввѣренной ихъ бдительности перспективы, могутъ, если къ спѣху, даже подготовлять свои уроки и бесѣдовать шопотомъ съ товарищами, выползшими на огонекъ.

Обойдя послѣдній взводъ, офицеръ черезъ двѣ минуты самъ дремлетъ въ большомъ кожанномъ креслѣ, въ своей узенькой комнатѣ, въ чаду нагорѣвшей за ночь масляной лампы.

Новички въ спальняхъ уже совсѣмъ одѣты, но тоже дремлютъ, нахохлившись, сидя на койкахъ, кутаясь въ старыя шинельки.

Зажечь свѣчу, разговаривать между собой въ камерахъ опасно. Старички, безчувственные къ барабану, безчувственные къ офицерскому «вставайте», имѣютъ свойство, какъ нарочно, пробуждаться отъ шороха, производимаго новичкомъ. Того и гляди, кто-нибудь запуститъ въ неосторожнаго сапогомъ, а не то табуретомъ, или пообѣщаетъ нагаекъ. Если новичку надо утромъ рано готовить уроки, то онъ на это долженъ наканунѣ вечеромъ испросить разрѣшеніе кого-либо изъ старшихъ.

Мало-по-малу все училище начинаетъ просыпаться. Дежурный офицеръ, вторично очнувшійся и немножко приглаженный, обѣгаетъ камеры, на этотъ разъ предшествуемый ссыканьемъ тоже обѣгающихъ камеры передъ самымъ его носомъ часовыхъ. Это пронзительное шипѣнье и ссыканье офицеръ какъ будто игнорируетъ. Возгласъ его «вставайте, господа» идетъ crescendo. На ходу онъ теребитъ ноги спящихъ юнкеровъ-старичковъ младшихъ классовъ, рѣдко безпокоя первый и второй классы. Дежурный по училищу портупей-юнкеръ, единственный поднявшійся рано первоклассникъ, въ тяжелой казенной каскѣ съ мѣднымъ сіяніемъ во весь лобъ, съ тяжелымъ чернымъ сул-

таномъ, въ бѣлой портупеѣ на-кось грудн, отрапортовавъ офицеру о «благополучномъ обстоянiи», идетъ за нимъ и тоже расшевеливаетъ младшiе классы.

Часто и этотъ дежурный портупей-юнкеръ облекается въ свою форму, не успѣвъ умыться, въ торопяхъ забывъ надѣть портупею или застегнуть чешуи каски. Изъ этого иногда выходили анекдоты. Напр. заспавшiйся портупей-юнкеръ М—iй явился рапортовать офицеру безъ портупеи и каски и на замѣчанiе капитана М—аго оправдывался тѣмъ, что не успѣлъ одѣться. «Чего другаго можете не успѣть, а каска и тесакъ необходимая принадлежность дежурнаго, всегда должны быть на васъ», хрипѣлъ недоспавшiй, болѣзненно раздражительный, но очень добрый офицеръ.—Слушаю, г. капитанъ,—покорно отвѣчалъ повѣса. Въ слѣдующемъ своемъ дежурствѣ, совпавшемъ съ дежурствомъ того же офицера, при первомъ его обходѣ по утру, М—iй явился въ костюмѣ Адама (оправдываясь тѣмъ, что перемѣнялъ рубашку и не успѣлъ одѣться), но зато при портупеѣ и каскѣ, эмблемахъ дежурнаго, и наказанъ не былъ.

Послѣ втораго офицерскаго обхода въ спальняхъ на новиковъ является большой спросъ. «Подайте мнѣ платье», «принесите стаканъ воды». Двери умывальныхъ комнатъ хлопаютъ безпрерывно. Около обширныхъ умывальниковъ толчется толпа въ нижнемъ бѣльѣ, или шинеляхъ въ накидку. Краны звенятъ, вода журчитъ, льется и брызжетъ. У камина съ постоянно открытой трубой уже курятъ нѣсколько человѣкъ. Опять крики: «Эй, новикъ! Спичку!», «Принесите мнѣ полотенце, я забылъ въ столѣ», «Дайте вашего мыла; у меня все вышло».

Въ камерахъ солдаты-служители проворно застилаютъ покинутыя койки; подымаютъ шторы; въ окна наползаетъ сѣрый полусвѣтъ. Дежурный офицеръ обѣгаетъ еще разъ, поспѣшно взывая, умоляя: «вставайте же, господа! пожалуйста вставайте! батарейный командиръ сейчасъ придетъ». Теперь онъ уже рѣшается дотрогиваться и до заспавшихся первоклассниковъ; теребитъ ихъ за ножные пальцы. Случалось, что на койку, съ которой юнкеръ уже всталъ, подъ одѣяло клали чучело, укутавъ ему голову въ простыню. Конечно, офицеръ не могъ его добудиться, въ самую критическую минуту, когда въ рекреацiонной залѣ уже звенѣли шпоры батарейнаго командира, сдергивалъ одѣяло и только тогда усматривалъ, что его одурачили. Бывало и хуже. Пользуясь утреннимъ сумракомъ, протягивали между ножками двухъ желѣзныхъ кроватей поперекъ прохода веревку; тогда поспѣшно обходящiй камеры офицеръ спотыкался и иногда падалъ на паркетъ.

Въ тридцатыхъ же годахъ, при моемъ отцѣ, одному офицеру, имѣвшему привычку на дежурствѣ напиваться, придираться къ юнкерамъ, а потомъ спать мертвецкимъ сномъ, шалуны обрѣзали ножницами одну по-

ловину усовъ и одну фалду мундира. Съ просонья и похмѣлья онъ не замѣтилъ изъяна и явился въ этомъ видѣ къ обходившему спальни батарейному командиру.

Часовой новикъ, охраняющій преддверіе, входъ въ первый взводъ, завидя въ глубинѣ рекреаціонной залы медленно движущуюся, стройную, худощавую фигуру батарейнаго командира, полковника Дитриxса, (въ началѣ 50-хъ годовъ), схватываетъ свой табуретъ, книги и, ссыкая, неистовѣе обыкновеннаго, обѣгаетъ свой районъ. «Ссыканье» передается слѣдующему часовому, охраняющему изъ караульной залы 2-ой, взводъ, подхватывается на лѣстницѣ часовыми остальныхъ и разносится по всѣмъ спальнямъ. Самъ офицеръ, пользуясь этимъ противозаконнымъ сигналомъ, поспѣваетъ встрѣтить полковника на порогѣ камеръ. Слава Богу, что командиру нужно выслушать нѣсколько рапортовъ, ибо въ камерахъ осталось еще нѣсколько заспавшихся старичковъ; они, стремглавъ, въ однѣхъ рубахахъ, босикомъ «спасаются» въ ватерклозетъ. А новики швыряютъ за ними одежду.

Полковникъ торжественно обходитъ камеры; вездѣ царитъ порядокъ, тишина. Онъ знаетъ, что половина юнкеровъ еще не одѣта, что они теперь курятъ въ умывальной комнатѣ; онъ слышитъ ссыканье; но онъ все это игнорируетъ и движется впередъ какъ можно медленнѣе, чтобы не быть поставленнымъ въ явную необходимость замѣчать безпорядокъ и взыскивать за него.

V.

Хлѣба насущнаго, конечно, никто у новичка не отнималъ; но и самый хлѣбъ насущный, въ нѣкоторомъ смыслѣ, подъ часъ напоминалъ объ уничиженіи. Въ столовой по обѣимъ сторонамъ продольнаго прохода столы были разставлены въ два ряда. Во время обѣда и ужина за каждымъ столомъ сидѣло 11 человѣкъ; во главѣ портупей-юнкеръ на хозяйскомъ мѣстѣ. Миски и блюда ставились передъ нимъ; онъ и его ближайшіе сосѣди, обыкновенно воспитанники 1-го и 2-го (высшихъ) классовъ, брали себѣ львиную часть. Только наименѣе вкусные остатки доставались сидящимъ на крайнихъ мѣстахъ новикамъ. Даже серебряная, внутри позолоченая стопа (большая кружка) съ выгравированнымъ на ней учебнымъ сіяніемъ—свѣтъ науки—случалось, доходила до нихъ опорожненная, безъ квасу, которымъ славилось училище. Приказать же служителю принести квасу новичекъ не всегда рѣшался. Ему самому отдавалось столько приказаній, что онъ сомнѣвался—особенно въ

первое время,—осталось-ли за нимъ право приказывать хотя бы служителю.

Особенно обидно было новичкамъ въ тѣ дни, когда подавали за ужиномъ щи, вмѣсто пироговъ. Кромѣ щей подавалась еще отличная гречневая каша. Щи и каша сами по себѣ хороши. Но каша представляла особенное удовольствіе. Давали ее въ волю; и напитаешься вплотную, и можно запастись ею; набить ею стаканы, снести въ спальню, спрятать въ столикъ у кровати и налакомиться на другой день вмѣсто завтрака. Однако этого новичкамъ не удавалось.

Между тѣмъ каша въ полдень была особенно пріятна, ибо съ основанія училища по 1855 годъ (когда пища и вообще содержаніе значительно улучшились) послѣ утреннихъ и вечернихъ классовъ предлагался только черный хлѣбъ. Возвращаясь изъ классовъ въ камеры, юнкера находили на опредѣленномъ окнѣ каждаго взвода большую корзину съ нарѣзанными ломтями чернаго хлѣба и солонку соли. Хлѣбъ былъ всегда свѣжій, очень вкусный; особенно корки: нижняя сильно мучнистая, верхняя глянцевитая, хрусткая; и между ними аппетитная «еропка». Молодежь веселой розсыпью вбѣгала въ камеры, кидалась къ окну; въ одну минуту расхватывала ломти хлѣба; разсыпалась соль... Новики, конечно, были въ арьергардѣ; толкаться не смѣли; на ихъ долю оставались пустыя, опрокинутыя корзины, пустыя солонки и куски мякиша. А тутъ еще какой-нибудь запоздавшій старичекъ оретъ: «новикъ, достаньте мнѣ горбушку».

Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, завтраки и ужины изъ чернаго хлѣба были соотвѣтственно замѣнены, первые большими пирогами съ начинкой, и вторые—чаемъ съ хорошимъ молокомъ и булками. Вообще пища стала несравненно лучше и обильнѣе.

VI.

Между обѣдомъ и вечерними классами новикамъ было довольно спокойно. Рѣдко кому-нибудь изъ старшихъ придетъ охота позабавиться. Напр., прибѣжитъ первоклассникъ съ ученья и кликнетъ кличъ: «Эй, новики, тройку мнѣ, да чтобы перемѣнныя на станціяхъ были. Б—въ въ корень!».

Новики, до коихъ достигъ кличъ, обращаются въ лошадей. Прочный дубовый табуретъ кладется бокомъ на полъ; закалъ садится на него; ему даютъ въ руки четыре, свитыхъ жгутами, тиковыхъ чехла, стащенные съ коекъ (кроватей). Чехлы означаютъ возжи и постромки. Тройка

новиковъ, излюбленный Б—въ въ корню,—впрягается въ эту упряжь и мчитъ, что есть духу, по гладкому паркету вдоль длинной амфилады. Баринъ гикаетъ; лошади фыркаютъ и ржутъ. Мальчики увлекаются. «Береги-ись!» Всѣ сторонятся. Первая тройка запыхается, раскраснѣется—является другая «со станціи»; и опять «берегись!». Случается, что не одинъ, а нѣсколько старичковъ раззадорятся, и устраивается весьма оживленное катанье на перегонку.

Иногда нѣкоторымъ старичкамъ приходила фантазія просто покататься верхомъ на плечахъ парадеровъ. Однако днемъ всѣ эти потѣхи длились недолго. Вечеромъ дѣло становилось серьезнѣе, даже въ классахъ. Вечеромъ чаще, чѣмъ днемъ, старички приходили «спасаться» въ Камчатку [1]) 5-го класса, и подъ прикрытіемъ новиковъ, составлявшихъ огромное большинство его, учиняли разные безпорядки.

Въ перемѣну (въ перерывъ около $^1/_4$ часа между лекціями) старички почти всегда тѣшились въ 5-мъ классѣ надъ мальчиками. Иногда же приказывали имъ учинять скандалы какому-нибудь не взлюбленному учителю.

Учинять скандалъ по собственной иниціативѣ новички никогда не смѣли; но за то они не смѣли не учинять его, когда имъ было приказано, и особенно, когда отдавшій приказаніе, старичекъ высшаго класса, спасаясь, напр., отъ дифференціаловъ, лежалъ за спинами новичковъ на задней скамейкѣ Камчатки, а иногда и подъ ней, и наслаждался зрѣлищемъ и гамомъ «бенефиса».

Въ камерахъ новичкамъ тоже было, по вечерамъ, между классами ужиномъ и отходомъ ко сну, обременительно. Классныя залы тогда запирались. Особыхъ залъ для занятій не существовало, въ мрачную рекреаціонную никому въ голову не приходило ходить развлекаться или готовить уроки, такъ что вся жизнь отъ вечернихъ классовъ до ужина и отъ ужина до утра сосредоточивалась въ камерахъ. Тамъ было свѣтло, тепло, уютно, людно; вообще располагало къ игривости. Масляныя лампы, правда, освѣщали не ярко, но за то на каждомъ столѣ горѣло по свѣчкѣ. Для занятій всѣмъ юнкерамъ раздавались стеариновыя свѣчи и подсвѣчники. Иногда, раза два, три въ зиму, по иниціативѣ какого-нибудь затѣйника, старичка, желавшаго праздновать свои именины, какую-нибудь знаменательную, или просто фантастическую годовщину, устраивались настоящія иллюминаціи цѣлаго взвода. Развѣшивались китайскіе фонари, разрисованные транспаранты съ приличествующими случаю надписями, эмблемами и карикатурами. Все это разставлялось по столамъ, окнамъ, угламъ. Выходило красиво и забавно. Транспаранты и фонари заготовлялись заблаговременно (многіе юнкера хорошо рисовали).

[1]) Камчаткой въ каждомъ классѣ называлась задняя скамья въ углу, самая отдаленная отъ учительской каѳедры.

Но благодаря обильному содѣйствію новиковъ, самая иллюминація, въ данный, благопріятный моментъ, словно изъ земли выростала, а въ случаѣ приближенія начальства, мгновенно, такъ же искусно, безслѣдно изчезала. А какъ только начальство удалялось, все опять появлялось въ нѣсколько минутъ.

Главныя же потѣхи съ новичками происходили поздно вечеромъ передъ ужиномъ и особенно послѣ него. Иногда, возвращаясь изъ вечернихъ классовъ, нѣкоторые старички заводили потѣхи, но кратковременныя. Напримѣръ: въѣзжали въ камеры верхомъ на новичкахъ, съ правой ноги галопомъ. Или приказывали просто нести себя на рукахъ, какъ римскаго трумфатора, а не то въ развалку, какъ пьяныхъ носятъ. Во время Крымской войны при переходѣ изъ классовъ въ камеры устраивались военныя сраженія, въ особенности осады.

Вечеромъ новичку приходилось часто по волѣ старичковъ отрываться отъ приготовленія уроковъ для досаднаго вздора, рисковать завтра получить плохой балъ. То чеши кому-нибудь спину, то разсказывай сказки, какъ старая няня, покуда тотъ дремлетъ; то скоморошничай, какъ ученая обезьяна. А не то прикажутъ сходить къ Иванову, въ дальній взводъ, спросить у него книгу: «Гони зайца дальше». Ивановъ отсылаетъ къ Петрову, которому будто отдалъ эту книгу; Петровъ къ Васильеву и т. д. Новичекъ бѣгаетъ цѣлый вечеръ, а въ сущности никакой такой книги «Гони зайца дальше» не бывало. Ея заглавіе выдумано спеціально для того, чтобы гонять наивнаго новичка. Еще было хуже, если какой-нибудь старичекъ пошлетъ новика, напр., передать другому старичку грубость, ругательство, или вообще что-нибудь непріятное. Посолъ рискуетъ быть вздутымъ, если исполнитъ порученіе получателемъ, а если не исполнитъ, то посылавшимъ.

Между старичками было не мало художественныхъ артистическихъ натуръ. При мнѣ въ 1853-58 годахъ, было нѣсколько завзятыхъ меломановъ, любителей, пѣвцовъ. Двое-трое водили знакомство съ первоклассными итальянскими пѣвцами того времени, Тамберликомъ и Кальцоляри, послѣдній даже пріѣзжалъ въ училище къ своему юному поклоннику. Были юноши, хорошо понимавшіе и исполнявшіе музыку на фортепьяно, скрипкѣ, віолончели. По субботамъ брали въ складчину ложу въ третьемъ ярусѣ Большаго театра и наслаждались оперой; въ великомъ посту посѣщали концерты. Много между собой бесѣдовали о томъ, что слышали, увлекались, критиковали. Эти артистическія натуры рѣдко приставали къ новикамъ; но они ими пользовались для удовлетворенія своихъ художественныхъ вкусовъ. Устраивали въ училищѣ концерты, хоровое пѣніе, разыгрывали сцены изъ любимыхъ оперъ,

иногда въ костюмахъ сами [1]), иногда при поключительномъ участіи новичковъ.

Помню, зимой 1855 года была устроена процессія изъ «Пророка» Мейербера. Пророкъ въ блестящихъ латахъ (искусно наложенныхъ изъ печныхъ заслонокъ, задрапированныхъ полотенцами), въ мантіи изъ простыни, подъ балдахиномъ изъ простынь же, шелъ въ оклеенномъ золотой бумагою шлемѣ, похожемъ на тіару. Ему предшествовали и за нимъ слѣдовали попарно новички въ соотвѣтствующихъ костюмахъ. Впереди, самые миловидные, въ женскихъ одѣяніяхъ, изъ корзинъ разбрасывали бумажные цвѣты.

Пророкъ, новичекъ, недурной теноръ, выступалъ знаменитой тогда въ Петербургѣ «походкой Тамберлика» (два длинныхъ шага и секундная пауза и т. д.).

Все это въ общемъ при юношескомъ настроеніи и воображеніи производило пріятное, художественное впечатлѣніе. Процессія обходила училище, при звукахъ знаменитаго Мейерберовскаго марша, исполняемаго юнкерами, и старичками и новичками, умѣвшими пѣть.

Чаще этихъ артистическихъ забавъ были забавы воинственнаго или карикатурнаго характера: военныя, фронтовыя, потѣшные ученья смотры и парады, иногда кавалерійскіе; тогда одна половина новичковъ, менѣе рослыхъ садилась верхомъ на плечи другой и гарцовала по командѣ тоже гарцовавшаго на своемъ «парадерѣ старичка». По окончаніи смотра главнокомандующій пропускалъ мимо себя войско церемоніальнымъ маршемъ и благодарилъ. Все какъ слѣдуетъ.

Случались забавы, имѣвшія практическое и даже трагическое для нѣкоторыхъ лицъ значеніе. Вотъ одинъ примѣръ. Было два новичка К. и М., оба младшаго класса; К. былъ располагающій къ себѣ хорошій парень; М. глядѣлъ исподлобья, былъ скроменъ, любилъ подлизываться (заискивать у старшихъ) и вообще не внушалъ къ себѣ ни довѣрія, ни симпатіи, несмотря на свою внѣшнюю миловидность. Случилось, что оба они пробыли нѣсколько дней въ училищномъ лазаретѣ одновременно; при чемъ койки ихъ стояли рядомъ. Вскорѣ послѣ этого отецъ М. замѣтилъ, что у его сына нѣтъ подаренныхъ ему часовъ. Отецъ допросилъ сына; тотъ отвѣчалъ, что покуда онъ былъ въ лазаретѣ, у него часы были украдены. И вѣроятно разсчитывая придать своей лжи больше вѣроятія, заявилъ увѣренность, что укралъ его часы сосѣдъ и товарищъ К.

Отецъ М. сообщилъ объ этомъ училищному начальству; К. былъ въ глубокомъ отчаяніи; а всѣ юнкера пришли въ большое негодованіе.

---

[1]) Въ концѣ 50-хъ годовъ, всѣ такія забавы дозволялись и поощрялись начальствомъ, а до 1855 г. строго преслѣдовались.

Кража между товарищами была у насъ дѣломъ неслыханнымъ. Къ счастью для К., обнаружилось (до того ясно, что если память не измѣняетъ и намъ, самъ отецъ М. просилъ прощенія у К.), что М. нагло солгалъ. Онъ самъ же и продалъ свои часы, чтобы грязно покутить. Тогда, по рѣшенію старшихъ классовъ нашего домашняго форума, М—у было предложено: либо К. дастъ ему при всѣхъ товарищахъ пощечину, либо М. будетъ исключенъ изъ училища тотчасъ же. Получить пощечину считалось юнкерами столь же позорнымъ, какъ и учинить воровство. Всякій новичекъ, получившій пощечину, хотя бы отъ юнкера перваго класса, не только имѣлъ право, но былъ обязанъ ее сдать обидчику; за него въ этомъ случаѣ вступились бы старшіе классы. М. предпочелъ оплеуху. Это до того возмутило всѣхъ противу него, что К—у посовѣтовали не марать рукъ, а М—у было объявлено, что онъ будетъ «смертію казненъ», какъ недостойный даже порки. Благородная нагайка была бы опозорена соприкосновеніемъ съ его спиной. И смертію онъ былъ казненъ на лобномъ мѣстѣ «первопрестольной Москвы».

Москвой называлась самая большая просторная камера центральная верхняго этажа.

Для казни было выбрано вечернее, наиболѣе безопасное относительно начальства время. Предварительно М. былъ ввергнутъ въ тюрьму, т. е. запертъ въ какой-то чуланъ на короткое время. Когда же отперли дверь его заточенія, онъ былъ выведенъ въ камеры, погрузившіяся въ полумракъ. Всѣ лампы были затемнены бумагой. Два человѣка въ маскахъ и красныхъ колпакахъ, съ тесаками наголо, шли по обѣимъ сторонамъ преступника. Впереди и сзади слѣдовала вооруженная стража. Его провели между двумя рядами, облеченныхъ въ черное съ головы до ногъ, таинственныхъ фигуръ; онѣ держали въ рукахъ свѣчи, какъ на похоронахъ, и пѣли заупокойную пѣснь. «Москва», въ которую привели преступника, была тоже погружена въ полумракъ. По серединѣ ея высился эшафотъ, устланный чернымъ сукномъ, окаймленнымъ бѣлыми траурными полосами. Вся обстановка была сооружена изъ дубовыхъ табуретовъ, бумаги, старыхъ шинелей и проч. Надъ центромъ эшафота вздымалась плаха, къ которой и подвели преступника. У плахи стоялъ палачъ съ обнаженнымъ тесакомъ. Таинственныя черныя фигуры со свѣчами стали кругомъ эшафота, не прекращая своего погребальнаго пѣнія.

«Москва» была полна стекшихся со всѣхъ сторонъ зрителей. Народъ негодовалъ и рычалъ. Приговоръ прочелъ аудиторъ. Преступнику было приказано стать на колѣни, молиться; его голова была пригнетена къ плахѣ, и оружіе палача (т. е. обыкновенный артиллерійскій

тесакъ) опустилось на обнаженную шею. Холодное желѣзо скользнуло по напряженнымъ мускуламъ.

Затѣмъ, почти мгновенно, на М. были надѣты заранѣе приготовленныя фуражка и шинель; его вынесли, какъ трупъ, на подъѣздъ училища. Поставивъ на ноги, ему объявили, что онъ «мертвъ для артиллерійскаго училища»; чтобы онъ немедля «сокращался» (т. е. изчезъ) и никогда бы не смѣлъ показываться около его честныхъ стѣнъ. И приговоренный навсегда сократился.

VII.

Нынче, изъ-за полувѣковой дали, этотъ эшафотъ изъ табуретовъ и старыхъ шинелей, этотъ пророкъ въ печныхъ заслонкахъ, тройки съ табуретами, парады въ туалетѣ Адама до грѣхопаденія, все это кажется шутками; много что вызываетъ улыбку. А между тѣмъ, въ свое время, многое въ этихъ проказахъ производило на участвующихъ впечатлѣніе даже не символа, а реальности.

Казнь М. была такъ обставлена, что рѣдкій мальчикъ не былъ проникнутъ ея трагической торжественностью и хоть на нѣсколько минутъ не испытывалъ настроенія, похожаго на то, какое вызывается зрѣлищемъ настоящей казни.

За рѣдкими исключеніями описанныя потѣхи устанавливали, какъ мы уже замѣтили, постепенно и незамѣтно дружескую связь между паріями и браминами. Приставаламъ надоѣдало постоянно запугивать новичковъ новички переставали бояться часто напускной угрозы; взаимно оцѣнивалась честность, прямодушіе и впечатлительность юноши. Во второй половинѣ учебнаго года новичкамъ жилось гораздо легче.

Надо замѣтить, что, не взирая на рабское положеніе, въ которое неписанный кодексъ ставилъ каждаго новика, этотъ же кодексъ (довольно непослѣдовательно, правда) ограждалъ нѣкоторыя его права. Мы упоминали уже, что пощечины никто новику дать не могъ. Старичекъ также, ни въ какомъ случаѣ, не имѣлъ права вводить новика въ расходы, какъ это дѣлалось, говорятъ, въ нѣкоторыхъ другихъ заведеніяхъ.

Если какой-нибудь старичекъ требовалъ отъ новичка хотя бы папиросу (которую все-таки нужно было купить), то онъ дѣлалъ это исподтишка. Если другіе старички узнавали, то подвергали своего товарища строгому порицанію; иной разъ «семейному», такъ сказать, наказанію: запрутъ въ своемъ классѣ и вздуютъ.

Это правило тѣсно связано съ одной изъ прекраснѣйшихъ чертъ артиллерійскаго училища. Тамъ господствовало полнѣйшее отсутствіе всякаго различія, въ смыслѣ товарищескихъ отношеній, между богатыми и бѣдными, между дѣтьми важныхъ, знатныхъ фамилій и сыновьями скромнѣйшихъ провинціальныхъ помѣщиковъ. Въ этомъ смыслѣ товарищество устанавливалось тотчасъ же по вступленіи въ заведеніе и закрѣплялось на всю жизнь. Это можетъ быть одна изъ причинъ существованія во всей русской артиллеріи отмѣннаго товарищескаго духа, которымъ артиллеристы справедливо гордились.

Весной, къ годовымъ экзаменамъ, крупныя проказы и вообще «приставанья» почти совсѣмъ стушевывались. За новичками оставались только обязанности «стоять на часахъ» и бѣгать на посылкахъ. Въ лагери обыкновенно шло менѣе половины новичковъ; остальные пользовались отпускомъ на лѣто. Тѣ же, которые шли въ лагерь, получали тамъ, согласно кодексу, льготы, и имъ жилось довольно спокойно. По окончаніи лагернаго времени, ихъ «производили въ старички». Церемонія производства заключалась въ томъ, что новика прогоняли «сквозь строй», хлестали нагайками, кормили устрицами, тузами и проч. Въ заключеніе, иногда, давали цѣловать нагайку, какъ эмблему благодѣтельности «института новиковъ». Когда же новикъ стоически выдерживалъ краткій финалъ годичнаго искуса, то старички старшаго класса принимали его въ свои объятія и поздравляли его «старичкомъ».

Надо однако замѣтить, что уже въ началѣ 50-хъ гг. «производство» совершалось гораздо проще. Даже удары нагайкой давались только ради уваженія къ старому обычаю и не причиняли боли.

Приставанье къ новикамъ круто ослабѣло въ концѣ 50-хъ гг. Непосредственная причина этого заключалась въ новомъ строѣ воспитательной системы, обусловленной, въ свою очередь, благодѣтельными принципами новаго царствованія.

Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

Высочайшее повелѣніе объ удержаніи трети жалованья у великаго князя Константина Павловича.

8-го декабря 1800 г. послѣдовалъ на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Державина высочайшій указъ:

«Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и государственный казначей Державинъ! Повелѣваемъ изъ числа суммы, на жалованье опредѣленной его высочеству великому князю Константину Павловичу, остановить треть онаго за убытокъ, причиненный пожаромъ по неусмотрѣнію и неосторожности въ его полку. Пребываемъ къ вамъ благосклонны. Павелъ».

Имѣя въ виду, что великій князь жалованье свое получалъ изъ департамента удѣловъ, Державинъ копію съ этого высочайшаго повелѣнія препроводилъ того же числа, для исполненія, министру удѣловъ князю Н. Б. Юсупову, который, въ свою очередь, 15-го того же декабря, снесся съ генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ нижеслѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый государь Петръ Хрисанфовичъ! На сихъ дняхъ полученъ мною отъ господина государственнаго казначея списокъ съ высочайшаго именнаго указа о удержаніи у его императорскаго высочества государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича трети жалованья, вслѣдствіе коего предложилъ я о должномъ исполненіи департаменту удѣловъ; между тѣмъ, увѣдомясь нынѣ, что его императорское высочество, сверхъ взносимой изъ департамента въ комнаты его высочества суммы, изволитъ получать жалованье инспекторское изъ коммиссаріата, почему долгомъ поставляю испрашивать разрѣшенія вашего высокопревосходительства, простирается-ли означенный указъ и на отпускаемыя его императорскому высочеству изъ департамента деньги, или токмо относится до жалованья, выдаваемаго изъ коммиссаріата, тѣмъ болѣе, что въ указѣ оном о департаментѣ и не упомянуто».

На это генералъ-прокуроръ 20-го декабря отвѣтилъ, что, какъ увѣдомилъ его генералъ-интендантъ арміи кн. Волконскій, государю цесаревичу и великому князю Константину Павловичу по полку имени его высочества никакого жалованья не требовано и не отпускалось, а отъ коммиссаріата отпущено инспекторское жалованье изъ 2 тыс. руб., со дня вступленія его высочества въ сію должность, съ 14-го августа по 1-е января будущаго года 761 руб. 9 коп. съ четвертью, и сіе отпущенное велѣно удержать.

Затѣмъ, 6-го января 1801 г., генералъ-прокуроръ объявилъ князю Волконскому о воспослѣдовавшемъ высочайшемъ повелѣніи: «выдачу остановленнаго жалованья его императорскаго высочества государя цесаревича Константина Павловича разрѣшить».

Сообщ. А. Безродный.

Участіе Екатерины II въ семейномъ дѣлѣ графа К. Г. Разумовскаго.

Въ 1775 году — разсказываетъ А. А. Васильчиковъ въ своемъ трудѣ «Семейство Разумовскихъ» — любимая дочь фельдмаршала графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, графиня Елизавета бѣжала изъ дворца съ графомъ Петромъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ, человѣкомъ, пользовавшимся весьма плохою репутаціею и къ тому же уже женатымъ. Поведеніе дочери сильно огорчило отца, и онъ прекратилъ всякія съ нею сношенія. Говорятъ, что раздраженный отецъ явился къ государынѣ и возвратилъ ей фрейлинскій шифръ дочери, объявляя, что дочь его уже не достойна носить пожалованный императрицею знакъ отличія. Однако, благодаря вмѣшательству Екатерины, дѣло было улажено, бракъ узаконенъ, и Кирила Григорьевичъ простилъ своей провинившейся любимицѣ [1]).

Въ распоряженіи редакціи «Русской Старины» имѣются три подлинные документа, относящіеся къ этому эпизоду, именно: всеподданнѣйшее прошеніе графа К. Г. Разумовскаго, черновой собственноручный отвѣтъ Екатерины II на это прошеніе и черновое же собственноручное письмо государыни къ фельдмаршалу князю А. М. Голицыну, бывшему въ то время главнокомандующимъ въ столицѣ.

Изъ этихъ документовъ видно, что въ іюлѣ 1774 года (а не въ 1775 году, какъ говорится въ вышеприведенной выпискѣ изъ труда А. А. Васильчикова) графъ К. Г. Разумовскій письменно обратился къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбою не только лишить дочь фрейлинскаго шифра, но и постричь ее въ монашество, а также подвергнуть наказанію и графа Апраксина. Государыня исполнила просьбу графа Разумовскаго, но только не изъявила согласія на постриженіе графини

[1]) „Семейство Разумовскихъ", т. I, Спб. 1880, стр. 349—350.

Елизаветы Кирилловны въ монахини, въ виду ея молодости (ей шелъ тогда двадцать пятый годъ) и принимая во вниманіе, что, по законамъ, женщинъ нельзя постригать въ монашество ранѣе достиженія ими сорокалѣтняго возраста.

Впослѣдствіи бракъ графа П. Ѳ. Апраксина съ графинею Разумовскою былъ узаконенъ. Первая же его жена, графиня Анна Павловна, рожденная графиня Ягужинская, постриглась въ монахини; она скончалась въ 1801 году.

---

1. Всеподданнѣйшее прошеніе графа К. Г. Разумовскаго.

Всемилостивѣйшая государыня!

Извѣстная любовь дочери моей Елисаветы съ графомъ Петромъ Апраксинымъ около четырехъ лѣтъ меня огорчала и дѣлала позоръ публикѣ. Сколько я ни старался ее отъ сей пагубной страсти отводить и угрозами, и совѣтами, и подсылая братьевъ и сестеръ, чтобъ ее отвлекали; но Апраксинъ столько ее въ свои коварныя сѣти уловилъ, что всѣ и мои и фамиліи моей предпріятія были тщетны и безполезны къ избавленію ея; наконецъ, она, забывъ страхъ и стыдъ и удовлетворяя скотскимъ желаніямъ своего любовника, и обременѣла, что и родня и публика примѣтила, и сама она призналась, о чемъ почелъ за долгъ донесть вашему императорскому величеству.

Послѣ такого ея сквернаго поведенія и несноснаго удара, мнѣ ею нанесеннаго, не могу я ей дать мѣста ни въ сердцѣ моемъ, ни въ достояніи съ прочими дѣтьми моими, ни въ чемъ передо мною не погрѣшившими, вслѣдствіе чего исключаю ее отъ того и другаго. Прибѣгаю къ вашему императорскому величеству и, падъ къ освященнымъ стопамъ вашимъ, всенижайше прошу по разрѣшеніи ея отъ бремени повелѣть взять изъ дому моего, сослать въ отдаленный отъ двухъ резиденцій монастырь и постричь, или избрать по строгости законовъ другой родъ наказанія, соотвѣтствующаго сему поносному ея поступку. Сія высочайшая вашего императорскаго величества милость будетъ мнѣ, оскорбленному отцу, съ фамиліею моею великимъ утѣшеніемъ.

Что же касается до коварнаго льстеца и содѣтеля несчастія ея вышеупоминаемаго Апраксина, то яко оный обругалъ фрелину вашу, употребя къ скотскимъ своимъ забавамъ посредствомъ дворъ вашего императорскаго величества, такое освященное мѣсто, которое почитается хранилищемъ и защищеніемъ чести и невинности, и гдѣ ни око родительское, ни власть ихъ не нужны, ибо онъ, по собственному ея при-

знанію, увозилъ черезъ цѣлую зиму на своемъ экипажѣ всякой разъ, что она дежурила; то уповаю, что правосудіе вашего императорскаго величества не оставитъ такого дерзновеннаго поступка безъ достойнаго истязанія.

Всемилостивѣйшая государыня! вашего императорскаго величества, всеподданнѣйшій рабъ графъ Кирила Разумовскій.

Іюля 5-го дня
1774-го году.

---

2. Отвѣтъ императрицы Екатерины II на прошеніе графа К. Г. Разумовскаго.

Отвѣтъ.

Всякой отецъ совершенную волю имѣетъ съ дѣтьми своими поступить, какъ заблагоразсудитъ, въ чемъ и я препятствовать никому не могу и не буду, а только прошу графа Разумовскаго, чтобъ онъ дочь свою не постригъ, ибо по молодымъ ея лѣтамъ я разсуждаю, что сіе жестоко и закономъ противно, до сорока лѣтъ женщинъ не постригаютъ. Дабы же дочь его по его просьбѣ мною наказана была, то отъ сего числа я ее исключаю изъ числа придворныхъ моихъ фрелинъ и имя мое, которое она носила, отъ нея взять велю, а по разрѣшеніи ея какое графъ Разумовскій отъ меня будетъ требовать опредѣленье или помочь, дать велю, лишь бы сходственно было съ человѣколюбіемъ.

Что же касается до графа Апраксина, то накажу его тѣмъ, что запрещу ему казаться какъ при дворѣ, такъ и въ публикѣ, и вездѣ тутъ, гдѣ встрѣтиться можетъ со дворомъ или домомъ графа Разумовскаго, а за безчестье, учиненное двору, велю его запереть на полгода въ крѣпость, или на три (пропущено: мѣсяца) въ цухтгаусъ ревельской, или на годъ въ Свирской монастырь, чего самъ изберетъ.

---

3. Письмо императрицы Екатерины II къ князю А. М. Голицыну.

Князь Александръ Михайловичъ.

Какъ пріѣдете въ городъ, то пошлите по графа Петра Ѳедоровича Апраксина и объявите ему моимъ именемъ, что по причинѣ той, что онъ столь безчестно и безсовѣстно поступилъ съ графинею Елизаветою Кириловною Разумовской и къ тому употреблялъ время, когда она числилась дневальной при дворѣ, и слѣдовательно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и отцовская власть силы не имѣетъ, то въ сатисфакцію какъ двору мо-

*

ему, такъ и равно оскорбленнаго дома фельдмаршала графа Разумовскаго, который о семъ чрезъ письмо мнѣ (меня) просилъ, даю ему выбрать изъ трехъ одно: или быть заключенъ въ ревельской цухтгаузъ три мѣсяци, или въ здѣшной крѣпости шесть мѣсяци, или годъ подъ началомъ въ Свирской монастырь, по прошествіи котораго сроку запрещается ему дворъ и казаться во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ встрѣчаться съ домомъ графа Разумовскаго; и чего онъ выберетъ, вы его тотъ же часъ туда подъ карауломъ туда и отправьте, къ чему прилагаю здѣсь нужныя повелѣнія для пріема его во всѣхъ трехъ мѣстахъ.

Записки Н. Г. Залѣсова.

XIX [1]).

Поѣздка Крыжановскаго въ Петербургъ,—Боборыкинъ.—Образованіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства (1867 г.).—Кауфманъ.—Работы по Оренбургской желѣзной дорогѣ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Романовскій не преминулъ заявить, что власть изъ Оренбурга стѣсняетъ и парализуетъ всѣ его дѣйствія на Сырѣ и что за двѣ тысячи верстъ управлять краемъ изъ Оренбурга нельзя, и потому сталъ настаивать на совершенномъ отдѣленіи Ташкента отъ Оренбурга или о сохраненіи къ послѣднему только номинальнаго подчиненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выставилъ на видъ всю цѣлесообразность своихъ мѣропріятій по гражданскому устройству края, доказательствомъ чего служила пріѣхавшая съ нимъ мѣстная депутація, которая при представленіи государю заявила, что жители вполнѣ довольны управленіемъ Романовскаго и никого другаго не желаютъ. Надо сказать, что Крыжановскій при всѣхъ своихъ поѣздкахъ въ степь бралъ съ собой за переводчика учителя Неплюевской военной гимназіи Бекчурина, его же взялъ съ собой и теперь въ Петербургъ. Бекчуринъ этотъ, будучи знакомъ со всѣми депутаціями, вскорѣ узналъ отъ нихъ (а можетъ и самъ ихъ подучилъ), что они заявили государю о недовольствѣ на Романовскаго, но что слова ихъ передали наоборотъ, о чемъ какъ переводчикъ, такъ и самъ Романовскій знали заранѣе, ибо послѣднему они и прежде заявляли, что принесутъ государю жалобу на русское управленіе.

[1]). См. „Русскую Старину“ августъ 1903 г.

Такого сообщенія было достаточно для Крыжанскаго, успѣвшаго довести о томъ до свѣдѣнія наслѣдника. Дѣйствительно, вскорѣ депутаты были потребованы къ его высочеству и черезъ переводчика Бекчурина заявили жалобы. Наслѣдникъ доложилъ объ этомъ государю. Романовскій былъ выставленъ обманщикомъ, и участь его была рѣшена. Была составлена особая комиссія по новому устройству Туркестанской области и, несмотря на всѣ возраженія засѣдавшаго въ ней Крыжановскаго, комиссія признала необходимымъ отдѣлить отъ Оренбурга Ташкентъ и образовать изъ послѣдняго Туркестанское генералъ-губернаторство, куда вскорѣ и былъ назначенъ генералъ Кауфманъ, незадолго передъ тѣмъ удаленный изъ Вильны.

Съ отдѣленіемъ Туркестана Крыжановскій согласился въ Петербургѣ на уменьшеніе штата своего окружнаго управленія, и военное министерство такъ насъ обрѣзало, что лишило возможности правильно работать. По полученіи штатовъ, всѣ мы протестовали, и Крыжановскій тотчасъ же послалъ въ Петербургъ просьбу объ оставленіи прежняго состава управленія, но военный министръ отвѣчалъ, что штаты недавно утверждены, а потому измѣнять ихъ безпрерывно нельзя.

Во время пребыванія Крыжановскаго въ Петербургѣ мы мирно работали съ Боборыкинымъ, тѣмъ болѣе, что въ эту же зиму, за уничтоженіемъ въ Оренбургскомъ округѣ особой должности начальника мѣстныхъ войскъ, обязанности этого лица, а равно и инспектора госпиталей были возложены на начальника штаба, т. е. на меня. Такимъ образомъ я сдѣлался командиромъ всѣхъ регулярныхъ войскъ округа и начальникомъ госпиталей, почему нерѣдко писалъ самъ къ себѣ бумаги и самъ же на нихъ отвѣчалъ, разумѣется, по разнымъ управленіямъ, что всегда забавляло моего начальника штаба по мѣстнымъ войскамъ, полковника Петрушевскаго, впослѣдствіи командира 4-го армейскаго корпуса.

Боборыкина я зналъ давно, наравнѣ съ Веревкинымъ (атаманомъ Уральскихъ казаковъ) и Балюзекомъ, управлявшимъ Оренбургскими киргизами, когда они въ молодыхъ еще чинахъ состояли въ штабѣ начальника артиллеріи Дунайской арміи. Боборыкинъ былъ человѣкъ хорошій, очень не глупый. Впослѣдствіи онъ былъ съ графомъ Игнатьевымъ въ Китаѣ, состоялъ, кажется, консуломъ въ Ургѣ и, женившись на Кашкиной, искалъ скромнаго мѣста въ Россіи, когда судьба сразу вывела его послѣ 3-хъ лѣтъ службы въ полковничьемъ чинѣ въ званіе атамана Оренбургскихъ казаковъ, губернатора и въ чинъ генерала.

Между прочими дѣлами мы съ Боборыкинымъ усердно занимались снаряженіемъ войскъ и укомплектованій, слѣдовавшихъ въ этотъ годъ въ Туркестанъ въ значительномъ числѣ. Осмотрѣвъ прибывшія изъ Россіи команды, я доложилъ Боборыкину, что при стоящихъ холодахъ и при неимѣніи въ степяхъ жилья необходимо снабдить всѣхъ людей

полушубками и дать имъ юламейки и кошму на подстилку по примѣру прежнихъ лѣтъ. Боборыкинъ согласился. Сдѣлали представленіе военному министру, но отвѣта не было, а между тѣмъ подходило время отправлять людей, заключены были контракты съ возчиками, назначены числа для отправки транспортовъ, и измѣнить всю эту процедуру не представлялось возможнымъ иначе, какъ заплативъ контрагентамъ большую неустойку. Тогда я просилъ Боборыкина требовать разрѣшенія по телеграфу—послали двѣ телеграммы, но отвѣта также не было. Началась распутица, проволоки на Волгѣ порвались, почтовое сообщеніе прекратилось. Тутъ уже я подалъ письменный докладъ и требовалъ личнаго разрѣшенія Боборыкина на расходы изъ мѣстныхъ суммъ. Боборыкинъ позвалъ меня къ себѣ и выразилъ опасеніе подвергнуться отвѣтственности за такое распоряженіе.

— Ручаюсь вамъ,—отвѣчалъ я ему,—что мы поступаемъ хотя и не по закону, но совершенно резонно. Людей нельзя морозить и заставлять ихъ болѣть; наконецъ, мы теперь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, и вы, какъ главный начальникъ, имѣете право принять экстренныя мѣры.

Боборыкинъ взялъ перо и написалъ на докладѣ: «разрѣшаю», сказавъ:

— Ну, Николай Гавриловичъ, я этого дѣла не знаю и полагаюсь вполнѣ на вашу опытность, не введите меня въ отвѣтъ.

Въ тотъ же день онъ донесъ о своемъ разрѣшеніи по телеграфу, а я сдѣлалъ всѣ распоряженія по удовлетворенію войскъ теплыми вещами. Черезъ два дня были получены двѣ телеграммы отъ начальника Главнаго штаба съ увѣдомленіемъ, что отвѣтъ по нашему представленію посланъ такого-то числа по почтѣ; наконецъ, пришла и самая бумага, гдѣ говорилось, что военный министръ не нашелъ возможнымъ удовлетворить наше ходатайство. Бѣдный Боборыкинъ испугался, но былъ настолько вѣжливъ, что ни словомъ не упрекнулъ меня; я же съ своей стороны взялся составить новый докладъ по этому дѣлу и испросилъ разрѣшеніе послать его къ военному министру и Крыжановскому. Черезъ недѣлю докладъ былъ готовъ, мое знаніе степи дало мнѣ средства написать его съ неотразимой логикой, и Боборыкинъ нѣсколько успокоился. Прошло недѣли двѣ, и мы получили новую бумагу изъ министерства, гдѣ говорилось, что послѣдняя телеграмма Боборыкина была внесена въ Военный Совѣтъ, но что онъ, не найдя возможнымъ утвердить сдѣланный Боборыкинымъ расходъ, положилъ взыскать съ него 50.000 р. съ чѣмъ-то. Боборыкинъ струхнулъ не на штуку, а возвратившійся въ это время Крыжановскій еще болѣе напугалъ его, сказавъ, что съ своей стороны ничего не могъ сдѣлать въ Петербургѣ. Прошли еще три мучительныя недѣли, когда получена была новая бумага, въ которой значилось, что Военный Совѣтъ, разсмотрѣвъ нашъ докладъ, призналъ его уважитель-

нымъ и въ видѣ исключенія разрѣшилъ расходъ въ 50.000 принять на счетъ казны.

Въ половинѣ лѣта пріѣхалъ въ Оренбургъ генералъ Кауфманъ и началъ пріемъ Туркестанской области. Пробывъ съ недѣлю въ Оренбургѣ, онъ отправился черезъ Омскъ въ Ташкентъ.

Возвратясь изъ Петербурга, Крыжановскій сильно сталъ хлопотать о проведеніи желѣзной дороги изъ Оренбурга въ Самару. Но трудно было хлопотать, когда не было сдѣлано никакихъ изысканій, а когда, наконецъ, дали на это земскія деньги, то явился вопросъ: кѣмъ и по какому именно направленію производить съемки и нивеллировку да притомъ въ кратчайшій срокъ, такъ какъ генералъ-губернаторъ по какимъ-то причинамъ желалъ во что бы то ни стало доставить всѣ эти работы въ Петербургъ до Рождества.

Между тѣмъ наступилъ сентябрь мѣсяцъ, и начались холода, когда собрали огромный комитетъ изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ, чтобы рѣшить вопросъ о направленіи и изысканіяхъ пути. Крыжановскій, обративъ вниманіе на всю важность желѣзной дороги для края и необходимость теперь же воспользоваться расположеніемъ правительства къ этого рода постройкамъ, объявилъ, что деньги на изысканія есть, слѣдуетъ произвести ихъ скоро до наступленія зимы, но кѣмъ и какъ? Спеціалистовъ въ Оренбургѣ нѣтъ, особыхъ рабочихъ силъ тоже. Члены комитета молчали. Тогда Крыжановскій или правитель его канцеляріи Холодковскій, не помню хорошенько, сказалъ:

— Единственный человѣкъ, который можетъ намъ помочь—это Николай Гавриловичъ, если онъ согласится взять на себя это дѣло, то оно будетъ произведено и скоро и хорошо; надо, господа, намъ его просить.

Вся чиновная публика и купечество тотчасъ же обратились ко мнѣ съ просьбами. Сочувствуя вполнѣ проведенію дороги, я предложилъ изъ состоявшихъ въ моемъ непосредственномъ распоряженіи топографовъ и офицеровъ немедленно выслать на работы 4-хъ нивеллировочныхъ и 6 съемочныхъ партій подъ начальствомъ четырехъ офицеровъ генеральнаго штаба, а чтобы дѣло шло успѣшнѣе, дать имъ для работъ людей смѣтливыхъ и развитыхъ, для чего и распредѣлить по партіямъ состоявшую въ вѣдѣніи моемъ дисциплинарную команду, образованную изъ ссыльныхъ поляковъ. Деньги расходовать не мнѣ, а канцеляріи генералъ-губернатора, согласно той смѣтѣ, которая будетъ представлена мною на утвержденіе командующему войсками; наблюденіе же за работами и за правильною отчетностью я принимаю на себя безвозмездно.

Поднялся гвалтъ, всѣ бросились меня обнимать и благодарить.

Чтобы понять такую благодарность, надо знать, что чины корпуса топографовъ и генеральнаго штаба имѣли тогда въ Оренбургскомъ краѣ свое спеціальное назначеніе и командировать ихъ на работы посторон-

нія допускалось лишь тогда, когда это признавало возможнымъ ихъ непосредственное начальство, а какъ въ Оренбургскомъ штабѣ постоянно производились огромныя срочныя картографическія и статистическія работы, то посылка помянутыхъ чиновъ исключительно зависѣла отъ меня, да кромѣ того и инструментовъ нигдѣ нельзя было достать, какъ только въ штабѣ. Конечно, командующій войсками могъ мнѣ дать предписаніе и я обязанъ былъ бы его исполнить, но въ такомъ случаѣ онъ рисковалъ, что въ штабѣ прекратятся всѣ военно-топографическія работы, вся отвѣтственность за ихъ неисполненіе падетъ на него и работы своевременно не будутъ представлены на высочайшій смотръ.

По обыкновенію я живо приступилъ къ дѣлу; черезъ три дня чины дисциплинарной команды и топографы были одѣты въ отличные полушубки, снабжены хорошими кормовыми деньгами, а офицеры пособіями и порціонами, и всѣ были готовы къ выѣзду. Каждой партіи я назначилъ часъ для отправленія и, чтобы слѣдить за точностью исполненія, вышелъ самъ на главную улицу города, по которой должны были слѣдовать командированные чины. Тройка за тройкой проносилась мимо меня, всѣ ѣхавшіе выглядывали бодро и весело. Высыпавшіе изъ лавокъ смотрѣть на эти поѣзды купцы отъ удивленія только хлопали руками, заявляя мнѣ свое удовольствіе, что все это дѣло такъ скоро и хорошо исполнилось. Черезъ полтора мѣсяца изысканія были окончены, съемки вычерчены, статистическія данныя собраны и вся работа отправлена Крыжановскимъ въ Петербургъ съ подполковникомъ путей сообщенія Сергѣевымъ. Дисциплинарные чины заработали большія деньги, вели себя прекрасно, бѣжавшихъ не было ни одного; офицеры мои и топографы, получивъ хорошія подъемныя и порціонныя деньги, были очень довольны и усиленными занятіями въ штабѣ вполнѣ наверстали пропущенное ими время. Впослѣдствіи наши работы послужили главнымъ основаніемъ всѣхъ правительственныхъ изысканій по Оренбургской желѣзной дорогѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ я былъ, наконецъ, назначенъ высочайшимъ приказомъ исправлять должность начальника штаба, и затѣмъ опять пошла моя жизнь тихо, мирно.

XX.

Поѣздка Крыжановскаго въ Петербургъ въ 1868 году и возвращеніе въ Оренбургъ.—Балюзекъ.—Веревкинъ.—Поѣздка моя въ Петербургъ.—Введеніе новаго положенія у киргизовъ.

Бывая въ продолженіе 3-хъ лѣтъ постоянно на вечерахъ и обѣдахъ у Крыжановскихъ и ихъ приближенныхъ, мы съ женой рѣшили отпла-

тить имъ хоть разъ хлѣбомъ-солью и съ этою цѣлью пригласили всю высокую администрацію Оренбурга къ себѣ на обѣдъ; я пригласилъ также и всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Обѣдъ вышелъ по-провинціальному парадный, гремѣла музыка. Крыжановскій пріѣхалъ въ мундирѣ генеральнаго штаба и въ концѣ обѣда провозгласилъ тостъ за генеральный штабъ и меня, какъ его представителя, я отвѣтилъ тостомъ за его здоровье и благодарилъ за постоянное его расположеніе къ моимъ офицерамъ. Крыжановскій едва говорилъ, казался совершенно больнымъ, и жена его сказала мнѣ: «вы видите, какъ Николай боленъ, онъ никуда не выходитъ, но къ вамъ во что бы то ни стало захотѣлъ ѣхать».

Къ веснѣ Крыжановскіе уѣхали въ Петербургъ, а оттуда не на долго за границу, къ умиравшей дочери Тилло. Схоронивъ эту милую, симпатичную особу, самъ Крыжановскій долженъ былъ вернуться въ Оренбургъ, чтобы встрѣтить здѣсь путешествовавшаго тогда по Россіи великаго князя Владиміра Александровича.

Во время отлучки Кржановскаго, мнѣ привелось работать съ тургайскимъ губернаторомъ Балюзекомъ. Это былъ добрый, милый человѣкъ, большой музыкантъ, но не знавшій вовсе дѣла. Онъ безусловно соглашался со всѣми моими распоряженіями.

За нѣсколько дней до пріѣзда великаго князя возвратился Крыжановскій, и начались приготовленія къ пріему. Великій князь пробылъ въ Оренбургѣ три дня, и Крыжановскій, проводивъ его, сдалъ должность уже не Балюзеку, а уральскому атаману Веревкину, и черезъ Уфу поѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда за границу.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Крыжановскаго, мы должны были проститься съ нашей доброй г-жей Мисевичъ. Пользуясь амнистіей, подписанной въ минувшемъ году государемъ въ Вержболово, мать ея собралась переселиться въ Варшаву и взяла своихъ дочерей отъ насъ и Зенгбуша. За два года г-жа Мисевичъ привязалась къ намъ, какъ родная; утихъ въ ней польскій напускной энтузіазмъ, взглянула она на дѣло своихъ земляковъ болѣе здраво и серьезно, и сама созналась, что она, какъ 16-ти лѣтняя дѣвочка, подстрекаемая своей фанатичной матерью, дѣлала въ Вильнѣ иногда глупости, состоявшія въ томъ, что во время манифестацій пѣла вмѣстѣ съ другими непозволительные гимны, къ чему впрочемъ ее побуждали и всѣ родные и знакомые. Мы въ свою очередь тоже привыкли къ доброму, вѣчно ласковому обхожденію г-жи Мисевичъ, а дѣти теряли въ ней не столько наставницу, сколько друга или самую близкую родственницу, такъ она умѣла привязать ихъ къ себѣ; поэтому понятно, какъ тяжело было намъ разставаться. Въ день отъѣзда я пріѣхалъ со всей семьей съ дачи, и затѣмъ мы съ женой проводили г-жу Мисевичъ, версты за двѣ за городъ, гдѣ она пересѣла изъ нашего

экипажа въ кибитку своей матери и, не помня себя отъ горя, отправилась въ сопровожденіи солдата въ Бузулукъ.

Прошло недѣли двѣ, и я рѣшился поѣхать осмотрѣть войска и учрежденія въ округѣ, подчиненныя мнѣ по всѣмъ тремъ моимъ должностямъ: начальника штаба, начальника мѣстныхъ войскъ и инспектора госпиталей. Осмотрѣвъ подробно баталіоны, расположенные въ Уфѣ, и найдя ихъ въ отличномъ порядкѣ, особенно губернскій, которымъ командовалъ мой бывшій ротный командиръ, подполковникъ Темниковъ, я черезъ Стерлитамакъ проѣхалъ въ Орскъ и тѣмъ закончилъ свою инспекцію на этотъ годъ. Въ Оренбургѣ бѣдный Веревкинъ умиралъ съ тоски, не зналъ, что дѣлать отъ скуки, когда получилась телеграмма отъ Крыжановскаго, который требовалъ, чтобы ему выслали въ Петербургъ кого-либо изъ знающихъ край людей для завѣдыванія его канцеляріей. Веревкинъ остановился на Холодковскомъ и мнѣ, и дня черезъ два мы отправились въ Петербургъ, взявъ съ собой нашихъ женъ.

Въ концѣ сентября я дотащился до Питера и остановился, какъ всегда, въ «Hôtel de France», какъ разъ напротивъ Крыжановскаго, жившаго въ «Hôtel de la paix». Дѣла было немного, и мы могли считать свою поѣздку прогулкой.

Пробывъ недѣли двѣ въ Петербургѣ и почти не имѣя дѣла, мы съ женой рѣшили съѣздить въ Вильну къ сестрѣ ея m-me Мозель. Пробывъ тамъ дня два, мы прокатились и въ Варшаву, чтобы взглянуть на нашу бѣдную г-жу Мисевичъ, только лишь оправившуюся отъ тяжкой болѣзни. Какъ то, такъ и другое свиданіе было самое радостное; мы пробыли двое сутокъ въ Варшавѣ, уговорили г-жу Мисевичъ хлопотать о паспортѣ для возвращенія къ намъ, въ Оренбургъ, и вернулись черезъ Вильну же въ Петербургъ. Здѣсь дѣлать было нечего, и мы въ одинъ день съ Крыжановскимъ поѣхали восвояси съ тою разницею, что онъ предварительно хотѣлъ заѣхать къ дядѣ своему Безаку въ Кіевъ и къ матери въ Николаевъ. Проѣзжая черезъ Нижній, я встрѣтилъ тамъ на станціи старую свою знакомую, жену доктора Станиславскаго, бойкую барыню, сводившую когда-то съ ума весь Оренбургъ. Съ ней ѣхала какая-то барышня. Разговорясь съ Станиславской, я узналъ, что барышня эта ѣдетъ въ гувернантки къ уфимскому воинскому начальнику Стебуту, но не знаетъ, какъ ей добраться отъ Казани до Уфы. Не имѣя возможности по дороговизнѣ цѣны отыскать себѣ гувернантку въ Петербургѣ, мы съ женой рѣшили предложить этой барышнѣ мѣсто у себя съ тѣмъ, что всѣ расходы, сдѣланные Стебутомъ, будутъ нами уплачены. У барышни оказалась въ Оренбургѣ близкая родственница, и она охотно согласилась промѣнять уфимское мѣсто на наше. Была вторая половина октября, но, несмотря на бурю и темноту ночей, капитанъ волжскаго парохода, на которомъ мы плыли, такъ промчалъ насъ по Волгѣ,

что мы въ срокъ поспѣли въ Самару, а оттуда въ два дня въ Оренбургъ. Проѣзжая послѣднюю ночь, жена простудила себѣ жестоко голову, что̀ съ прежними ея болѣзнями значительно ослабило ея здоровье.

Въ началѣ ноября вернулся и Крыжановскій, а вскорѣ было получено вновь утвержденное положеніе объ управленіи киргизами, которое съ новаго года и слѣдовало ввести въ степи. Начались комитеты о томъ, какъ и когда вводить положеніе, но тутъ сразу оказалось, что оба губернатора, Веревкинъ и Балюзекъ, и не подумали подготовить народъ къ новой системѣ управленія, что объ этомъ если и знали нѣкоторые выборные изъ киргизъ, то очень смутно, между тѣмъ губернаторамъ откладывать введеніе положенія не хотѣлось, такъ какъ съ нимъ имъ назначено было отпускать гораздо большее содержаніе, чѣмъ они получали прежде. Я присутствовалъ на этихъ комитетахъ и удивлялся тѣмъ незатѣйливымъ пріемамъ, которые были утверждены по настоянію губернаторовъ для ввода положенія, точно все дѣло шло объ отдачѣ какого-нибудь пустаго приказа по войскамъ, а не о мѣрѣ, ломавшей весь строй киргизскаго управленія. Назначены были особые чиновники, которые должны были ѣхать въ степь, объявлять о новомъ положеніи киргизамъ и тотчасъ же вводить его и устанавливать мѣстныя власти взамѣнъ существовавшихъ дотолѣ въ степи султановъ-правителей; вспомнили, наконецъ, что полезно было бы перевести положеніе на киргизскій языкъ и распространить его въ степи, но несмотря на то, что киргизскій шрифтъ былъ въ типографіи штаба округа, Балюзекъ распорядился послать положеніе для печатанія въ Казань, и это тогда, когда чиновники уже готовились ѣхать въ степь. Разумѣется, положеніе опоздало и было прислано въ Оренбургъ, когда въ степи начался уже мятежъ. Какъ и всегда въ грубой толпѣ киргизъ, явились свои толкователи новаго закона, по преимуществу муллы, лишавшіеся съ новымъ положеніемъ доходной своей роли судей: начали разсказывать, что по новому положенію будутъ брать киргизъ въ солдаты, уничтожать магометанскую религію, отнимутъ земли и пр. Не чужды были всему этому и султанскіе роды, терявшіе отнынѣ надежду когда-либо занять мѣсто султановъ-правителей, и во главѣ недовольныхъ явился вскорѣ дѣйствительно человѣкъ султанской крови, бывшій воспитанникъ Неплюевскаго корпуса.

XXI.

Бунтъ въ степи.—Высылка отрядовъ и возведеніе новыхъ укрѣпленій.—Приготовленія къ моей поѣздкѣ въ Петербургъ.

Съ первымъ же шагомъ вновь назначенныхъ уѣздныхъ начальниковъ въ западную степь, обнаружилось, что даже ближайшіе къ ли-

нін киргизы не только не ознакомлены съ новымъ положеніемъ, но, напротивъ, оно истолковано имъ кѣмъ-то въ такомъ превратномъ видѣ, что они прямо объявили нашимъ чиновникомъ, что слушать ихъ не хотятъ и положеніе не принимаютъ.

Будь на мѣстѣ чиновниковъ люди болѣе энергическіе, они съумѣли бы по крайней мѣрѣ поддержать въ степи достоинство русской власти, такъ важное въ глазахъ азіатцевъ, но, къ сожалѣнію, выборъ ихъ былъ неудаченъ: посланный въ Илецкій раіонъ чиновникъ сейчасъ же бѣжалъ изъ степи, бросивъ тамъ всѣ свои вещи, а посланный изъ Уральской области войсковой старшина по своему происхожденію былъ ненавидимъ киргизами, а потому тоже долженъ былъ ретироваться изъ степи. Вслѣдъ за изгнаніемъ такихъ лицъ начали формироваться въ степи шайки, и дѣло приняло оборотъ не шуточный.

Напрасно генералъ Крыжановскій и Балюзекъ писали въ степь прокламаціи, высылали для уговора киргизовъ ихъ почетныхъ соотечественниковъ. Возмутившіеся ничего не слушали и взялись за оружіе. Положеніе было весьма печально: войскъ въ краѣ было всего 3 регулярныхъ баталіона. Тѣмъ не менѣе я и Боборыкинъ настояли на немедленномъ открытіи въ степи военныхъ дѣйствій тѣми силами, которыя имѣлись подъ рукою.

Первою заботою было обезпечить Эмбенское укрѣпленіе, совершенно отрѣзанное отъ линіи. Туда тотчасъ же, несмотря на страшную зиму, были направлены двѣ сотни казаковъ, которые, опрокинувъ шайки, благополучно достигли своего назначенія, затѣмъ представлены съ курьеромъ смѣты военному министру на возведеніе двухъ новыхъ укрѣпленій въ степи: на Акъ-Тюбе и Уилѣ, приступлено къ формированію 4-хъ отрядовъ для высылки раннею весною въ степь какъ для возведенія укрѣпленій, такъ и для разсѣянія шаекъ, и призванъ экстренно на службу одинъ баталіонъ пѣшихъ оренбургскихъ казаковъ. Дѣло въ штабѣ закипѣло съ тою энергіею, какой требовали обстоятельства, и я нисколько не сомнѣвался, что собственно съ боевою силою мятежа мы скоро управимся, но что волненіе умомъ населенія пойдетъ непремѣнно въ затяжку.

Наступила масляная, мятежъ все развивался, и Веревкинъ сталъ доносить, что и въ Уральской области онъ не знаетъ, какъ справиться съ киргизами. Доложивъ бумаги Веревкина, я рѣшительно заявилъ генералу Крыжановскому, что ему необходимо лично побывать въ Уральскѣ, расшевелить атамана и своими прямыми приказаніями подвинуть всѣ распоряженія по Уральской области.

Дѣло было устроено тотчасъ же, и въ чистый понедѣльникъ мы мчались въ Уральскъ.

Съ въѣздомъ въ Уральскія земли начались овація генералъ-губер-

натору. Уральцы до тонкости изучили и знали процедуру встрѣчъ начальства, соображая всегда весьма ловко степень угощенія и восторговъ съ выгодами, которыя можетъ принести имъ чествуемое лицо. Такъ было и теперь: на границѣ встрѣтила насъ особая депутація съ привѣтствіемъ отъ войска, на всѣхъ станціяхъ ждали почетные караулы, вездѣ былъ сервированъ чай, закуска, ужинъ, такъ что помню въ одной станицѣ въ 5 ч. утра насъ угощали супомъ, бифштексомъ, рыбой и бламанже, и это почти въ глухой степи. Впереди насъ скакали уѣздный начальникъ и чиновникъ особыхъ порученій атамана, а сзади начальникъ кордонной стражи, и мы, несясь съ сумасшедшей быстротой, въ 4 часа послѣ обѣда подъѣхали къ Уральску. Здѣсь новыя овація: у воротъ полицеймейстеръ съ рапортомъ, у дома почетный караулъ съ музыкой и массы народа безъ шапокъ. Окна затряслись въ домахъ, когда на привѣтствіе Крыжановскаго: «здорово, уральцы» грянуло: «здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство».

Насъ сейчасъ же развели по лучшимъ квартирамъ, гдѣ было уже все готово для пріема до самыхъ мелочей. Въ своей квартирѣ я нашелъ пѣхотныхъ и казачьихъ ординарцевъ, готовый чай, а черезъ пять минутъ явился полицеймейстеръ узнать, не угодно ли еще чего и съ просьбою: что бы ни понадобилось, сказать только ординарцу, и все будетъ сейчасъ же подано безплатно на городской счетъ. Едва я успѣлъ умыться и отдохнуть, какъ пришли звать на чай къ атаману, куда я и отправился.

Атаманъ жилъ въ казенномъ домѣ, имѣя отъ войска всю сервировку и пай въ рыбной ловлѣ.

У атамана я нашелъ сервированный великолѣпнымъ серебромъ чайный столъ и самое радушное гостепріимство со стороны молодой, годившейся ему во внучки, его супруги—моей старой знакомой. Все время пребыванія въ Уральскѣ милая m-me Веревкина хлопотала обо мнѣ, какъ о родномъ, кормила съ своей кухни и простирала свою заботливость до послѣднихъ мелочей. Съ благодарностью вспоминаю объ этой доброй женщинѣ.

Просидѣвъ часа два, я отправился домой спать, дабы собраться съ силами къ слѣдующему дню. Дѣйствительно, силы понадобились. На другой день было торжественное представленіе командующему войсками всѣхъ сословій Уральска, затѣмъ обѣдня и молебенъ въ соборѣ, молебенъ въ мечети, визиты, и въ 4 часа торжественный обѣдъ въ войсковомъ собраніи съ рѣчами, шампанскимъ и музыкою. Вечеромъ былъ раутъ у Веревкина, тамъ съ часъ мы протолковали о дѣлахъ, и рѣшили дѣйствовать вооруженной рукою противъ мятежниковъ. На слѣдующій день пошелъ осмотръ пожарной и мѣстной командъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеній, экзамены дѣвичьяго училища и пр., нако-

нецъ парадный обѣдъ у атамана съ шампанскимъ, рѣчами и пр., и затѣмъ вновь тріумфіальное шествіе въ Оренбургъ чрезъ иллюминованныя станціи.

Возвратясь въ Оренбургъ, Крыжановскій силою обстоятельствъ окончательно былъ убѣжденъ въ томъ, что такъ разумно начато было еще Обручевымъ, т. е. въ необходимости возведенія въ степи укрѣпленій, дабы держать ее въ постоянной покорности. Полетѣли настоятельныя представленія военному министру о скорѣйшемъ отпускѣ суммъ, а необходимыя для сего смѣты велѣно отправлять въ Петербургъ съ курьерами. Съ однимъ изъ этихъ курьеровъ возвратилась къ намъ и наша добрая Мисевичъ. Надо сказать, что, получивъ отъ варшавской полиціи удостовѣреніе, что она ни въ какихъ политическихъ дѣлахъ не была замѣшана, и паспортъ на свободное проживаніе въ Россіи, гдѣ угодно, она сначала переѣхала изъ Варшавы въ Вильну къ сестрѣ моей жены г-жѣ Мозель, а потомъ вмѣстѣ съ нею отправилась и въ Петербургъ.

На Пасху 20-го апрѣля 1869 года я былъ произведенъ въ генералы съ утвержденіемъ въ должности начальника окружнаго штаба.

Несмотря на всевозможныя кляузы контрольной палаты, намъ удалось, наконецъ, добыть деньги, и раннею весною мы двинули въ степь отряды: подполковника барона Штемпеля изъ Уральска для постройки укрѣпленія на р. Уилѣ и флигель-адъютанта полковника графа Борха для постройки укрѣпленія на Акъ-Тюбе; а между ними для дѣйствія въ полѣ отряды полковника графа Комаровскаго и подполковника Веревкина; весь же Орско-Казалинскій трактъ съ особымъ отрядомъ былъ порученъ начальнику артиллеріи округа генералу Кондратьеву. Главное дѣло было сдѣлано, оставалось только энергически вести его, и смѣло можно было надѣяться на ограниченіе мятежа; всѣ инструкціи отряднымъ начальникамъ были составлены мною, я же слѣдилъ и подталкивалъ ихъ къ дѣйствіямъ; пріемная моя въ это время не затворялась: все лѣзло ко мнѣ за разными разъясненіями, разрѣшеніями, деньгами и пр. Работалъ я безъ устали, живо, энергично, не справляясь уже съ приказаніями командующаго войсками, а только дорожа временемъ, и дѣло кипѣло. Отряды дѣйствовали удачно, мятежниковъ погнали къ Усть-Урту, прилинейная степь утихла, но въ такомъ дѣлѣ одною, и притомъ малою, военною силою всего не сдѣлаешь. Новая гражданская администрація не пользовалась довѣріемъ киргизъ, слѣдовало нанести ударъ мятежу въ самое сердце; т. е. на Усть-Уртѣ, гдѣ его поддерживала Хива; но на все это не имѣлось достаточныхъ средствъ подъ рукою: мало было войскъ и способныхъ начальниковъ, а главное: не доставало рѣшимости слишкомъ далеко засылать отряды на безводный Усть-Уртъ.

Высшее правительство сначала смотрѣло на мятежъ, какъ на вздор-

ное дѣло, и, вѣроятно, ожидало мгновеннаго усмиренія киргизъ; но когда прошла половина лѣта, а мятежъ еще не вездѣ былъ подавленъ и безпрерывно требовались новые расходы, то къ намъ стали доходить изъ Петербурга слухи, что тамъ недовольны дѣйствіями генералъ-губернатора, что онъ ввелъ въ заблужденіе правительство, увѣривъ, что степь съ готовностью приметъ новое положеніе и пр.

Между тѣмъ можно было ожидать, что съ весною потребуются новыя силы и расходы для успокоенія киргизовъ, и что въ Петербургѣ этотъ мятежъ во всякомъ случаѣ оставилъ непріятное впечатлѣніе. Вопросъ о томъ, чтобы подготовить почву для испрошенія новыхъ ассигновокъ, становился такимъ образомъ для генералъ-губернатора на первомъ планѣ, и привести его къ благополучному разрѣшенію только и можно было или личнымъ его присутствіемъ въ Петербургѣ или посылкою туда довѣреннаго и знающаго страну человѣка, а какъ бросить взволнованный край было опасно, то Крыжановскій поручилъ мнѣ съѣздить въ Петербургъ и замѣнить его тамъ при различныхъ объясненіяхъ съ представителями власти.

Немедленно была отправлена телеграмма военному министру съ просьбою, за невозможностью генералъ-губернатору отлучиться изъ края, испросить высочайшее соизволеніе на пріѣздъ мой въ Петербургъ для объясненія по весьма важнымъ дѣламъ службы, а черезъ два дня послѣдовалъ по телеграфу же и разрѣшительный отвѣтъ.

Порученія, возложенныя на меня генералъ-губернаторомъ, были очень разнообразны и довольно серьезнаго характера. Мнѣ поручалось: 1) хлопотать о правѣ производить военные расходы по возведенію новыхъ укрѣпленій въ степи авансами, не обращая вниманія на контроль, которому сообщать отчеты лишь впослѣдствіи, по окончаніи всѣхъ расходовъ; 2) о сохраненіи въ прежнемъ размѣрѣ экстраординарныхъ суммъ, отпускавшихся въ распоряженіе генералъ-губернатора; 3) объ увеличеніи штата военной прогимназіи и ассигновкѣ для постройки ея 300.000 руб. сер.; 4) о проведеніи желѣзной дороги въ Оренбургъ и оттуда въ Ташкентъ, а не отъ Каспійскаго моря, какъ это тогда предполагалось; 5) объ отпускѣ добавочныхъ денегъ на окончательное устройство дачи генералъ-губернатору; 6) объ ускореніи рѣшенія относительно поземельныхъ споровъ между киргизами и уральскими казаками; 7) о назначеніи начальника артиллеріи въ Оренбургъ и высылкѣ туда боевыхъ ракетъ; 8) объ ассигнованіи 19.000 р. на поѣздку генерала Крыжановскаго въ степь; 9) объ ассигнованіи денегъ на постройку зданія военно-исправительной роты; 10) объ отчисленіи 20.000 руб. изъ суммъ Букеевской орды на содержаніе Оренбургской гражданской гимназіи; 11) объ отдачѣ степныхъ станцій одному почто-содержателю и объ отпускѣ денегъ на постройку станціонныхъ домовъ и проч. и проч.

Передъ отправленіемъ моимъ Крыжановскій созвалъ особый комитетъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, съ участіемъ торгующихъ въ Туркестанѣ оренбургскихъ купцовъ, въ которомъ окончательно было рѣшено ходатайствовать о направленіи желѣзной дороги въ Среднюю Азію черезъ Оренбургъ, на основаніи чего и была составлена подполковникомъ Тилло особая записка, которая по напечатаніи вручена мнѣ для представленія высочайшимъ особамъ и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Получивъ такую бездну порученій, я невольно долженъ былъ посвятить нѣсколько дней для ознакомленія съ ходомъ гражданскихъ дѣлъ и потому усердно занялся чтеніемъ переписки съ Петербургомъ по канцеляріи генералъ-губернатора. Къ удивленію моему, во всѣхъ донесеніяхъ и телеграммахъ я вездѣ нашелъ увѣренія, что мятежъ въ степи окончательно подавленъ, что киргизы повсюду изъявили раскаяніе, словомъ, что вопросъ о бунтѣ есть вопросъ уже порѣшенный и сданный въ архивъ. Между тѣмъ, степь была въ это время далеко не усмирена, чему служитъ доказательствомъ, что четыре года послѣ того, т. е. до самой экспедиціи Кауфмана въ Хиву изъ Оренбурга, постоянно высылались отряды за Эмбу, и ни одно лѣто не прошло безъ грабежа киргизовъ и драки нашей съ ними. Поэтому я предложилъ написать рапортъ военному министру, въ которомъ обозрѣвалось настоящее положеніе дѣлъ въ степи, говорилось о ея видимомъ порядкѣ, но и заявлялось категорически, что за будущее спокойствіе въ степи нельзя поручиться ни въ какомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока прилегающее къ южной границѣ степи Хивинское ханство не будетъ обуздано или не будетъ разрѣшено выставлять на лѣто по этой границѣ особые наблюдательные отряды. Бумага эта была вручена мнѣ для личнаго представленія военному министру.

XXII.

Поѣздка въ Петербургъ въ 1869—70 гг.

20-го декабря 1869 года я пустился въ дорогу; выдержавъ сильный буранъ подъ Бузулукомъ, я перенесъ еще не малую пытку на Мстинской переправѣ. По случаю пожара моста, насъ вывели изъ вагоновъ передъ рѣкою Мстою, усадили на крестьянскія подводы и такимъ образомъ въ самую мерзѣйшую петербургскую оттепель перетаскивали на другую сторону рѣки. Какъ теперь помню одну даму съ двумя крошками-дѣтьми, изъ которыхъ одинъ грудной. Какихъ трудовъ ей стоило

перетащиться съ ними черезъ страшнѣйшій оврагъ. Бѣдная женщина ѣхала изъ Иркутска хлопотать о переводѣ мужа и была уже въ дорогѣ пятый мѣсяцъ.

31-го декабря я былъ въ Петербургѣ и встрѣтилъ самый радушный пріемъ со стороны сестры моей жены, madame Мозель, въ квартирѣ которой на Васильевскомъ островѣ я и остановился.

На другой день новаго года, я отправился въ Главный штабъ, и первое попавшееся мнѣ лицо былъ генералъ Мещериновъ. Принявъ меня съ важностью, онъ сказалъ:

— Мы предлагали командующему войсками Одесскаго округа взять васъ въ начальники штаба, но генералъ Коцебу не изъявилъ согласія. Что дѣлается у васъ въ степи? А мы здѣсь въ домашнемъ комитетѣ рѣшили взять Александровскій фортъ и восточный берегъ Каспійскаго моря изъ вѣдѣнія Оренбургскаго округа и передать ихъ въ управленіе Кавказскаго намѣстника.

Поговоривъ еще о разныхъ мелочахъ, я отправился къ начальнику Главнаго штаба. Пріемъ графа Гейдена былъ самый любезный; этотъ добрый человѣкъ съ участіемъ освѣдомился о моемъ здоровьѣ, пожалѣлъ, что сейчасъ не можетъ предоставить мнѣ другаго мѣста и, разспросивъ о положеніи степи, приказалъ ѣхать къ военному министру.

При представленіи военному министру, встрѣтившему меня съ извѣстной своей учтивостью, онъ сказалъ мнѣ между прочимъ:

— Вы хотите оставить Оренбургскій край?

— Точно такъ, здоровье мое и жены не позволяетъ мнѣ дольше служить тамъ.

— Жаль, очень жаль.

— Я 13 лѣтъ прослужилъ въ степи, кажется, довольно...

— Вотъ потому-то и желательно, чтобы вы тамъ еще оставались; тамъ необходимы люди опытные, они только и могутъ принести пользу краю. Жаль, очень жаль.

Отпуская меня, военный министръ назначилъ мнѣ особую аудіенцію у себя на квартирѣ для объясненія по оренбургскимъ дѣламъ и приказалъ записку о желѣзныхъ дорогахъ отвезти къ редактору «Инвалида», генералу Менькову, для немедленнаго напечатанія ея, разумѣется, съ нѣкоторыми сокращеніями.

На другой день начались мои мытарства по городу, для объясненія съ начальствующими лицами по порученнымъ мнѣ дѣламъ.

Первый визитъ мой былъ къ генералу Чевкину. Онъ принялъ меня очень любезно, но положительно сказалъ, что никакъ не можетъ сохранить оренбургскому генералъ-губернатору въ прежнемъ размѣрѣ экстраординарныя суммы и что государственная роспись прошла уже Государственный Совѣтъ и окончательно утверждена.

Отъ Чевкина я поѣхалъ къ директору азіатскаго департамента Стремоухову, который тотчасъ началъ развивать свои соображенія насчетъ устройства средне-азіатскихъ дѣлъ. Черезъ двѣ недѣли въ особомъ комитетѣ, собранномъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, Александровскій фортъ, какъ увидимъ, былъ отданъ намѣстнику Кавказа.

Отъ Стремоухова я отправился къ министру финансовъ. Принятый немедленно, я представилъ Рейтерну записку Крыжановскаго о желѣзной дорогѣ и изложилъ всѣ его ходатайства по денежнымъ дѣламъ. Министръ дѣлалъ по временамъ возраженія, обличавшія въ немъ знакомство съ общимъ ходомъ дѣлъ даже въ нашей далекой окраинѣ. Наконецъ, выслушавъ всѣ мои просьбы и доводы, онъ отвѣчалъ:

— Много изъ того, что вы сказали, полезно было бы сдѣлать, но у насъ есть нужды гораздо важнѣе вашихъ и какъ свободныхъ финансовыхъ средствъ нѣтъ, то передайте генералу Крыжановскому, что при всемъ желаніи я не могу исполнить его просьбъ.

На другой день новыя мытарства, ѣду къ министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву, жду два часа въ пріемной, наконецъ, министръ выходитъ. Передаю ему ходатайства генералъ-губернатора и получаю отвѣты: «не помню, справьтесь въ департаментѣ, не знаю, на чемъ остановилось дѣло» и т. д.

Спустя нѣсколько дней собрался, наконецъ, комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Гейдена, для рѣшенія вопроса объ Александровскомъ фортѣ. Въ числѣ приглашенныхъ лицъ находились также директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія, генералъ Гейнсъ, и начальникъ штаба Кавказскаго округа, генералъ Свистуновъ.

По открытіи засѣданія генералъ Гейнсъ, владѣющій хорошимъ даромъ слова, набросалъ передъ нами идиллическую картинку жизни кочевника, но не сказалъ ни слова объ Александровскомъ фортѣ. Съ первыхъ же словъ графа Гейдена было ясно, что вопросъ о присоединеніи форта къ Кавказу былъ уже вопросъ рѣшенный, и если насъ собрали потолковать объ этомъ предметѣ, какъ спеціалистовъ, то развѣ изъ одной служебной вѣжливости. При такой обстановкѣ разсуждать много было нечего, особенно, когда Свистуновъ заявилъ, что на присоединеніе форта къ Кавказу намѣстникъ изъявляетъ свое согласіе.

Видя, что дѣла не поправишь, я рѣшился предложить по крайней мѣрѣ, чтобы Кавказъ, присоединяя къ себѣ фортъ, принялъ на себя и обязанность оберегать южную границу Оренбургской степи отъ туркменъ и хивинцевъ, при чемъ сдѣлалъ бѣглый топографическій очеркъ Усть-Урта и сѣверной части Хивинскаго ханства. Сидѣвшій рядомъ со мною Мещериновъ сказалъ:

*

— Что вы разсуждаете о Хивѣ и объ Усть-Уртѣ?—развѣ вы тамъ были?

— Значитъ, былъ, если говорю.

— Когда же?

— Тогда-то.

— А я этого не зналъ.

— Напрасно вы не спросили, прежде, чѣмъ возражать.

— Да я этого не зналъ.

Черезъ недѣлю былъ присланъ мнѣ журналъ, но я, не имѣя на передачу форта полномочій отъ Крыжановскаго, не согласился его подписать и подалъ особое мнѣніе.

Въ половинѣ января меня принялъ и военный министръ. Доложивъ подробно о дѣлахъ Оренбургскаго края, я только по нѣкоторымъ вопросамъ получилъ разрѣшеніе, остальные же или были отвергнуты или требовали предварительнаго разсмотрѣнія въ главныхъ управленіяхъ. Министръ былъ очень внимателенъ, возставалъ противъ стѣсненій, дѣлаемыхъ контролемъ, и просилъ, чтобы я доставилъ лично ему въ частномъ письмѣ свѣдѣнія о тѣхъ придиркахъ Оренбургской контрольной палаты, которыя не оправдывались никакимъ закономъ.

Въ заключеніе я коснулся своей дальнѣйшей службы, при чемъ министръ пожалѣлъ опять, что я оставляю Оренбургскій край, спросилъ, какое мѣсто я желалъ бы занять.

— Я былъ бы весьма благодаренъ, если бы мнѣ дали то же мѣсто, т. е. начальника штаба, но только внутри Россіи, а если этого нельзя, то хоть атамана какого-нибудь казачьяго войска.

— Мѣстъ начальника штаба теперь нѣтъ свободныхъ, и при томъ вамъ слѣдуетъ дать что-нибудь высшее, впрочемъ, по этому дѣлу вы поговорите подробнѣе съ графомъ Гейденомъ, а онъ передастъ послѣ мнѣ.

Когда же министръ услыхалъ, что я черезъ двѣ недѣли ѣду опять въ Оренбургъ, то очень удивился и спросилъ:

— Развѣ вы не совсѣмъ еще пріѣхали, и семейство ваше въ Оренбургѣ? Я думалъ, что вы туда уже не вернетесь.

Вообще, разговоромъ съ министромъ я остался весьма доволенъ— онъ былъ постоянно любезенъ.

Съ безпрерывными разъѣздами по оффиціальнымъ дѣламъ я не могъ повидать и половины своихъ знакомыхъ и долженъ былъ отказываться почти отъ всѣхъ приглашеній. Мнѣ удалось только завернуть къ старымъ своимъ коллегамъ по академіи Клугину и Аничкову, изъ которыхъ послѣдній страдалъ уже болѣзнью, доведшею его впослѣдствіи до сумасшествія.

Кромѣ этихъ посѣщеній я провелъ одинъ вечеръ у стараго своего

товарища, полковника Лаврентьева [1]) и заѣхалъ къ бывшему своему начальнику генералу Данзасу. У Лаврентьева я нашелъ человѣкъ 10 офицеровъ генеральнаго штаба, съ которыми и проболталъ часа два; тамъ же я встрѣтилъ старую свою оренбургскую знакомую, дочь А. П. Безака—княгиню Трубецкую. Княгиня была по-прежнему мила и любезна.

Пріѣхавъ къ Данзасу, я не узналъ его: такъ онъ постарѣлъ физически и нравственно. Изящный пажъ двора императрицы Маріи Ѳеодоровны, бравый полковой командиръ Екатеринославскаго полка, энергичный начальникъ штаба Оренбургскаго корпуса, человѣкъ, соединявшій съ замѣчательною наружностью огромную начитанность и блестящее остроуміе,—выглядѣлъ теперь совершеннымъ старцемъ.

23-го января я выѣхалъ въ Варшаву. Во всю поѣздку и во время пребыванія въ Варшавѣ стоялъ страшнѣйшій холодъ, не менѣе 23°. Вагоны 2-го класса, въ которомъ я ѣхалъ, тогда не топились, поѣздъ вслѣдствіе мороза безпрерывно задерживался, и я едва, едва не замерзъ. По пріѣздѣ въ Варшаву, остановясь въ «Европейской гостиницѣ», я тотчасъ же поѣхалъ къ роднымъ нашей доброй воспитательницы дѣтей г. Мисевичъ, гдѣ и встрѣтилъ самый радушный привѣтъ. Недѣлю я прожилъ въ Варшавѣ, и эти бѣдные люди не знали, гдѣ меня усадить и чѣмъ угостить.

На другой день я поѣхалъ къ начальнику штаба округа Минквицу и отъ него къ графу Бергу. Фельдмаршалъ встрѣтилъ меня чрезвычайно ласково, долго толковалъ со мною и, узнавъ, что я началъ службу въ генеральномъ штабѣ подъ его начальствомъ и что онъ же отправилъ меня въ первый разъ въ бой въ 1853 г., сказалъ, что ему очень пріятно видѣть своего ученика въ такомъ чинѣ и занимающимъ такое высокое мѣсто. Затѣмъ фельдмаршалъ пригласилъ меня ѣхать въ соборъ на молебствіе по случаю какого-то праздника. Слѣдующіе три дня я посвятилъ подробному осмотру юнкерскаго училища, не оставивъ ни одного предмета безъ вниманія. Постановку занятій училища я нашелъ въ удовлетворительномъ состояніи, но ничего новаго не узналъ, и въ хозяйственномъ отношеніи оно было далеко ниже нашего, только лишь открывавшагося Оренбургскаго училища.

На другой день добрая г. Мисевичъ со слезами проводила меня на вокзалъ желѣзной дороги, а чрезъ сутки съ небольшимъ я вновь былъ въ Петербургѣ. Здѣсь madame Мозель встрѣтила меня ужасной новостью: телеграммой изъ Оренбурга извѣщали, что жена моя больна при смерти. Это извѣстіе послужило причиною, что я рѣшился въ два, три дня за-

[1]) Тогда помощника редактора „Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“.

кончить свои дѣла и, не дожидаясь разъясненій нѣкоторыхъ вопросовъ, тотчасъ же выѣхать къ Оренбургъ. Съ этою цѣлью я на другой же день испросилъ прощальную аудіенцію у военнаго министра, отдалъ ему отчетъ о поѣздкѣ въ Варшаву, повторилъ просьбу о переводѣ и былъ отпущенъ такъ же любезно, какъ и встрѣченъ. Затѣмъ, переѣхавъ къ Гейдену, я рѣшился окончательно переговорить съ нимъ о дальнѣйшей своей судьбѣ.

— Знаете, что я вамъ посовѣтую,—началъ графъ,—вы теперь отчисляйтесь отъ вашей должности, мы сохранимъ вамъ содержаніе, а тамъ посмотримъ, какъ васъ устроить.

— Въ скоромъ времени едва-ли я могу получить что-нибудь?

— Отчисляйтесь на 11 мѣсяцевъ.

— Но если и по прошествіи этого времени я не получу ничего, а я человѣкъ безъ состоянія и долго жить въ Петербургѣ не могу.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ, для васъ всегда найдется мѣсто. Ну, наконецъ, годъ, самое большое полтора, а тамъ мы васъ непремѣнно устроимъ.

— Захочетъ ли военный министръ дать мнѣ мѣсто?

— Помилуйте, вы у насъ на отличнѣйшемъ счету, военный министръ прекрасно о васъ отзывается, наконецъ, намъ нужны такіе боевые офицеры, какъ вы. Мы васъ сдѣлаемъ начальникомъ дивизіи.

— Много есть старше меня генераловъ, я произведенъ по манифесту.

— Это ничего не значитъ. Отчисляйтесь и не бойтесь. Вы-то не останетесь безъ мѣста.

Я нарочно привелъ съ буквальною точностью этотъ разговоръ, чтобы показать, что, отчисляясь впослѣдствіи отъ должности начальника штаба, я дѣйствовалъ, не очертя голову.

Отъ Гейдена я заѣхалъ къ Мещеринову, который подъ страшнымъ секретомъ полушепотомъ передалъ мнѣ въ кабинетѣ своей квартиры, что мнѣ за усмиреніе киргизскаго возмущенія пожалована Станиславская лента.

Къ вечеру въ тотъ же день я уложился, обнялъ въ послѣдній разъ madame Мозель и помчался въ Москву на почтовомъ поѣздѣ, выходившемъ тогда по случаю пожара Мстинскаго моста въ 11-ть часовъ вечера.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Николай I.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА).

III [1]).

Для всесторонней оцѣнки личности Николая Павловича въ 1816—1825 гг. имѣется крайне мало данныхъ. Къ тому же, и въ томъ, что стало извѣстнымъ до настоящаго времени, много противорѣчій и неясностей. Объяснить эту скудость свѣдѣній о немъ слѣдуетъ, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что почти никто изъ современниковъ не предвидѣлъ той роли, которая предстояла ему въ столь близкомъ будущемъ. Къ тому же, его держали въ тѣни, въ скромной должности бригаднаго командира.

Особенностью облика Николая Павловича за это время является какъ-бы раздвоеніе его личности: Николай Павловичъ, такъ сказать, оффиціальный и Николай Павловичъ просто человѣкъ почти не имѣютъ между собою ничего общаго. Насколько первый — суровъ и способенъ даже отвращать отъ себя, настолько второй невольно привлекаетъ къ себѣ. Отсюда и разница въ отзывахъ о немъ современниковъ.

Николай Павловичъ—бригадный командиръ, строгій къ самому себѣ, былъ строгъ и къ другимъ. Его воззрѣнія на военную службу отличались несомнѣнной возвышенностью и основывались на его пристрастіи къ законности, порядку и послѣдовательности. Долгъ, служба — прежде всего, потому что и вся человѣческая жизнь, по его воззрѣніямъ, не что иное, какъ служба.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г., сентябрь.

Объясняя впослѣдствіи, почему онъ чувствуетъ себя такимъ счастливымъ, находясь среди солдатъ, онъ сказалъ: «здѣсь порядокъ, строгая, безусловная законность, никакого всезнайства и противорѣчія, все вытекаетъ одно изъ другаго; никто не приказываетъ, прежде чѣмъ самъ не научится повиноваться; никто безъ законнаго основанія не становится впереди другаго; все подчиняется одной опредѣленной цѣли, все имѣетъ свое назначеніе. Потому-то мнѣ такъ хорошо среди этихъ людей, и потому я всегда буду держать въ почетѣ званіе солдата. Я смотрю на всю человѣческую жизнь, только какъ на службу, такъ какъ каждый служитъ».

Подобныя воззрѣнія вполнѣ расходились съ тѣмъ, съ чѣмъ Николаю Павловичу пришлось столкнуться, вступивъ въ исправленіе возложенныхъ на него служебныхъ обязанностей. «Я началъ знакомиться съ своей командой,—сообщаетъ Николай Павловичъ въ собственноручныхъ запискахъ о событіяхъ 14-го декабря 1825 г.,—и не замедлилъ убѣдиться, что служба шла вездѣ совершенно иначе, чѣмъ слышалъ волю государя, чѣмъ самъ полагалъ, разумѣлъ ее, ибо правила были въ насъ твердо влиты. Я началъ взыскивать—одинъ, ибо, что я по долгу совѣсти порочилъ, дозволялось вездѣ, даже моими начальниками. Положеніе было самое трудное; дѣйствовать иначе было противно моей совѣсти и долгу; но симъ я явно ставилъ и начальниковъ, и подчиненныхъ противъ себя, тѣмъ болѣе, что меня не знали, и многіе или не понимали, или не хотѣли понимать.

«Корпусомъ начальствовалъ тогда генералъ-адъютантъ Васильчиковъ; къ нему я прибѣгъ, ибо ему порученъ былъ, какъ начальнику, матушкою; часто изъявлялъ ему свое затрудненіе; онъ входилъ въ мое положеніе, во многомъ соглашался и совѣтами исправлялъ мои понятія. Но сего не доставало, чтобъ поправить дѣло; даже рѣшительно сказать можно, не зависѣло болѣе отъ генералъ-адъютанта Васильчикова исправить порядокъ службы, распущенный, испорченный до невѣроятности съ самаго 1814 года, когда, по возвращеніи изъ Франціи, гвардія осталась въ продолжительное отсутствіе государя подъ начальствомъ графа Милорадовича. Въ сіе-то время и безъ того уже разстроенный трехгодовымъ походомъ, порядокъ совершенно разстроился, а, къ довершенію всего, дозволено было офицерамъ носить фраки.

«Было время (повѣритъ-ли кто сему?), что офицеры ѣзжали на ученіе во фракахъ, накинувъ на себя шинель и надѣвъ форменную шляпу! Подчиненность изчезла и сохранялась только во фронтѣ; уваженіе къ начальникамъ изчезло совершенно, и служба была — одно слово, ибо не было ни правилъ, ни порядка, а все дѣлалось совершенно произвольно и какъ-бы поневолѣ, дабы только жить со дня на день.

«Въ семъ-то положеніи засталъ я мою бригаду, хотя съ малыми от-

тѣнками: ибо сіе зависѣло и отъ большей или меньшей строгости начальниковъ.

«По мѣрѣ того, какъ началъ я знакомиться съ своими подчиненными и видѣть происходившее въ другихъ полкахъ, я возымѣлъ мысль, что подъ симъ, то есть, военнымъ распутствомъ, крылось что-то важнѣе, и мысль сія постоянно у меня оставалась источникомъ строгихъ наблюденій. Вскорѣ замѣтилъ я, что офицеры дѣлились на три разбора: на искренно усердныхъ и знающихъ, на добрыхъ малыхъ, но запущенныхъ, и на рѣшительно дурныхъ, то есть, говоруновъ, дерзкихъ, лѣнивыхъ и совершенно вредныхъ; но ихъ-то послѣднихъ гналъ я безъ милосердія и всячески старался оныхъ избавиться, что мнѣ и удавалось. Но дѣло сіе было не легкое, ибо сіи-то люди составляли какъ бы цѣпь черезъ всѣ полки, и въ обществѣ имѣли покровителей, коихъ сильное вліяніе, сказывалось всякій разъ тѣми нелѣпыми слухами и тѣми непріятностями, которыми удаленіе ихъ изъ полковъ мнѣ отплачивалось.

«Государь возвратился изъ Ахена въ концѣ года, и тогда въ первый разъ удостоился я добраго отзыва отъ моего начальства и милостиваго слова моего благодѣтеля, котораго одинъ благосклонный взглядъ вселялъ бодрость и счастіе. Съ новымъ усердіемъ принялся я за дѣло, но продолжалъ видѣть то же вокругъ себя, что меня изумляло, и чему я тщетно искалъ причину».

Послѣ приведеннаго объясненія Николая Павловича неудивительно, что у него даже дошло дѣло до открытаго столкновенія съ офицерами лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. Строгое отношеніе великаго князя къ своему служебному долгу отразилось и на нѣкоторыхъ отзывахъ современниковъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, наиболѣе характерный и яркій, принадлежащій Ф. Ф. Вигелю:—«Едва вышедъ изъ отрочества, два года провелъ онъ въ походахъ за границей, въ третьемъ проскакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи его онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли его чело, были какъ будто предвѣстіемъ всѣхъ напастей, которыя посѣтятъ Россію въ дни правленія. Не при немъ онѣ накопились, не онъ навлекъ ихъ на Россію, но природа и люди при немъ ополчились. Ужаснѣйшія преступныя страсти въ его время должны (были) потрясти міръ, и гнѣвъ Божій справедливо карать ихъ. Увы, буря зашумѣла въ то самое мгновеніе, когда взялся онъ за кормило, и борьбою съ нею долженъ былъ онъ начать свое царственное плаваніе. Никто не зналъ, никто не думалъ о его предназначеніи; но многіе въ неблагосклонныхъ взорахъ его, какъ въ неясно писанныхъ

страницахъ, какъ будто уже читали исторію будущихъ золъ. Сіе чувство не мало привлекетъ къ нему сердецъ. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ любимъ».

Замѣтимъ при этомъ, что неблагопріятное впечатлѣніе, которое производилъ оффиціальный Николай Павловичъ въ это время, обусловливалось во многомъ и недостаткомъ свѣтскости и изысканности, за который Марія Ѳеодоровна упрекала и Николая Павловича, и Михаила Павловича, сравнивая ихъ съ медвѣдями или марабу. «Правда,—замѣчаетъ въ своихъ запискахъ и императрица Александра Ѳеодоровна,—что мой Николай, какъ только онъ находился въ обществѣ и, въ особенности, на балу, принималъ выраженіе крайне философское для своего 21-го года».

Но какъ только Николай Павловичъ оказывался внѣ службы и вообще почему-либо считалъ себя свободнымъ, онъ точно перерождался. Вотъ что записалъ о немъ Штокмаръ, лейбъ-медикъ принца Кобургскаго Леопольда: «его манера держать себя полна оживленія, безъ натянутости, безъ смущенія и тѣмъ не менѣе очень прилична. Онъ много и прекрасно говоритъ по-французски, сопровождая слова недурными жестами. Если даже не все, что онъ говорилъ, было очень остроумно, то, по крайней мѣрѣ, все было не лишено пріятности; повидимому, онъ обладаетъ рѣшительнымъ талантомъ ухаживать. Когда въ разговорѣ онъ хочетъ оттѣнить что-либо особенное, то поднимаетъ плечи кверху и нѣсколько аффектированно возводитъ глаза къ небу. Во всемъ онъ проявляетъ большую увѣренность въ самомъ себѣ, повидимому, однако, безъ всякой претензіи».

Симпатичный обликъ вырисовывается и изъ записокъ перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Ѳеодоровны Дарагана, по свойству своей службы въ то время имѣвшаго возможность наблюдать Николая Павловича какъ просто человѣка. «Выдающаяся черта характера великаго князя Николая,—пишетъ Дараганъ,—была любовь къ правдѣ и неодобреніе всего поддѣльнаго, напускнаго. Въ то время императоръ Александръ Павловичъ былъ въ апогеѣ своей славы, величія и красоты. Онъ былъ идеаломъ совершенства. Всѣ имъ гордились, и все въ немъ нравилось; даже нѣкоторая изысканная картинность его движеній, сутуловатость и держаніе плечъ впередъ, мѣрный, твердый шагъ, картинное отставленіе правой ноги, держаніе шляпы такъ, что всегда между двумя раздвинутыми пальцами приходилась пуговица отъ галуна кокарды, кокетливая манера подносить къ глазу лорнетку,—все это шло къ нему; всѣмъ этимъ любовались. Не только гвардейскіе генералы и офицеры старались перенять что-либо изъ манеръ императора, но даже великіе князья Константинъ и Михаилъ поддавались общей модѣ и подражали Александру въ походкѣ и манерахъ. Подражаніе это у Ми-

хаила Павловича выходило немного угловато, ненатурально, а у Константина Павловича даже утрированно, каррикатурно. По врожденной самостоятельности характера не увлекался этой модой только одинъ великій князь Николай Павловичъ. Въ то время великій князь Николай Павловичъ не походилъ еще на ту величественную, могучую, статную личность, которая теперь представляется всякому при имени императора Николая. Онъ былъ очень худощавъ и отъ того казался еще выше. Обликъ и черты лица его не имѣли еще той округлости, законченности, красоты, которая въ императорѣ невольно поражала каждаго и напоминала изображенія героевъ на античныхъ камеяхъ. Осанка и манеры великаго князя были свободны, но безъ малѣйшей кокетливости или желанія нравиться; даже натуральная веселость его, смѣхъ, какъ-то не гармонировали со строго классическими, прекрасными чертами его лица, такъ что многіе находили великаго князя Михаила красивѣе. А веселость эта была увлекательна, это было проявленіе того счастія, которое, наполняя душу юноши, просится наружу. Въ павловскомъ придворномъ кружкѣ онъ бывалъ иногда веселъ до шалости».

По свидѣтельству Жуковскаго, преподававшаго Александрѣ Ѳеодоровнѣ русскій языкъ, «ничего не могло быть трогательнѣе, какъ видѣть великаго князя въ домашнемъ быту. Лишь только переступалъ онъ къ себѣ за порогъ, какъ угрюмость всегда вдругъ изчезала, уступая мѣсто не улыбкамъ, а громкому радостному смѣху, откровеннымъ рѣчамъ и самому ласковому обращенію съ окружающими».

Доказательствомъ того, какимъ, по выраженію Н. К. Шильдера, «золотымъ сердцемъ» обладалъ великій князь, можетъ служить приводимое авторомъ письмо Николая Павловича къ графу Модену, своему гофмаршалу. Между ними пробѣжало однажды какое-то облачко, и Моденъ написалъ великому князю письмо, прося въ немъ разрѣшенія возвратиться въ Петербургъ (дѣло происходило въ Берлинѣ). Въ отвѣтъ на это Николай Павловичъ написалъ ему: «Если бы я зналъ васъ только со вчерашняго дня, я могъ бы ошибиться и придать совершенно невѣрный смыслъ вашему письму; но я не сержусь за него на васъ и вполнѣ извиняю минуту ипохондріи, не первую и, можетъ быть, не послѣднюю; привыкнувъ постоянно говорить съ вами откровенно и, взамѣнъ, ожидая отъ васъ подобнаго же отношенія и незлопамятства, я прошу васъ зайти завтра ко мнѣ между девятью и десятью, и мы слово за слово разберемъ все, что было сказано, и посмотримъ, виноватъ-ли я. Пока же спите хорошенько и не терзайте своего воображенія призраками, часто дѣлающими васъ несчастнымъ, и простите мнѣ выраженія, часто лишенныя основанія».

«Мы,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Александра Ѳеодоровна,—

онъ, какъ и я, были по истинѣ счастливы и довольны только тогда, когда оставались наединѣ въ нашихъ комнатахъ».

«Если кто-нибудь спроситъ,—сказалъ въ одномъ случаѣ Николай Павловичъ своей женѣ,—въ какомъ уголкѣ міра скрывается истинное счастіе, сдѣлай одолженіе, пошли его въ Аничковскій рай».

IV.

Бездѣтность императора Александра, бездѣтность цесаревича Константина Павловича, удаленіе за границу его супруги великой княгини Анны Ѳеодоровны, почти одинаковый возрастъ обоихъ старшихъ братьевъ,—все это естественно должно было наталкивать современниковъ на мысль, къ кому же перейдетъ престолъ послѣ ихъ смерти? Эта мысль въ еще большей степени должна была занимать самого Александра, какъ главу императорскаго дома.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, по крайней мѣрѣ, въ средѣ царской семьи, уже очень рано начали смотрѣть на Николая Павловича, какъ на возможнаго вѣнценосца въ будущемъ. Въ Эрмитажѣ хранится медаль съ изображеніемъ Николая Павловича и съ надписью: «цесаревичъ Николай 10-го января 1809 года». Сохранилось свидѣтельство, что утромъ этого дня къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ приходили по какому-то неизвѣстному пока поводу всѣ члены тогдашней царской семьи. Въ 1812 году Марія Ѳеодоровна, не пуская сына на войну, объявляетъ ему, что его «берегутъ для другихъ случайностей». Тогда же и по тому же поводу, какъ уже упомянуто выше, императоръ Александръ сказалъ ему: «вамъ предстоитъ выполнить другія обязанности; довершите ваше воспитаніе; сдѣлайтесь, на сколько возможно, достойнымъ того положенія, которое займете со временемъ: это будетъ такою службою нашему дорогому отечеству, какую долженъ нести наслѣдникъ престола». Наконецъ, въ воспоминаніяхъ императрицы Александры Ѳеодоровны отмѣчено по случаю рожденія у нея перваго ребенка, Александра Николаевича (17-го апрѣля 1817 года): «я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будетъ со временемъ императоромъ».

Но всѣ приведенныя данныя, указывая, что на Николая Павловича смотрѣли какъ на будущаго наслѣдника престола, въ то же время не исключаютъ возможности царствованія Константина Павловича: Николай Павловичъ, по восшествіи на престолъ бездѣтнаго и безсемейнаго Константина, становился естественнымъ его преемникомъ. Однако, нѣтъ ни-

какихъ сомнѣній, что уже въ 1819 году былъ рѣшенъ вопросъ о возведеніи на престолъ Николая помимо Константина. 13-го іюля 1819 года Александръ Павловичъ обѣдалъ у Николая Павловича и Александры Ѳеодоровны. По разсказу Александры Ѳеодоровны, императоръ Александръ, «сидя послѣ обѣда между ними и дружески бесѣдуя, вдругъ перемѣнилъ тонъ и, сдѣлавшись весьма серьезнымъ, началъ въ слѣдующихъ приблизительно выраженіяхъ говорить своимъ слушателямъ, что онъ остался доволенъ утромъ тѣмъ, какъ братъ исполняетъ свои обязанности, какъ начальникъ бригады, что онъ вдвойнѣ обрадованъ такимъ отношеніемъ къ службѣ со стороны Николая, такъ какъ на немъ будетъ лежать со временемъ большое бремя, что онъ смотритъ на него, какъ на своего замѣстителя, и что это должно совершиться ранѣе, чѣмъ предполагаютъ, а именно еще при жизни его, императора». «Мы сидѣли, какъ окаменѣлые, широко раскрывъ глаза, не будучи въ состояніи произнести ни слова». Государь продолжалъ: «Кажется, вы удивлены; такъ знайте же, что мой братъ Константинъ, который никогда не заботился о престолѣ, рѣшилъ нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю и его потомству. Что же касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается въ монархахъ молодыхъ и обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во-время. Я полагаю, что то же самое сдѣлаетъ король прусскій, назначивъ на свое мѣсто Фрица».

«Видя, что мы были готовы разрыдаться, онъ постарался утѣшить насъ, успокоить, сказавъ, что все это случится не тотчасъ, что, можетъ быть, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, нежели онъ приведетъ въ исполненіе свой планъ; затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ. Можно себѣ представить, въ какомъ мы были состояніи. Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову даже во снѣ. Насъ точно громомъ поразило; будущее казалось мрачнымъ и недоступнымъ для счастія. Это былъ достопамятный моментъ въ нашей жизни».

Съ своей стороны, Николай Павловичъ въ собственноручныхъ запискахъ о 14-мъ декабря 1825 г. и о предшествовавшихъ сему событіяхъ,—запискахъ, написанныхъ имъ для своего семейства, передаетъ объ этомъ знаменательномъ разговорѣ слѣдующее: «Разговоръ во время обѣда былъ самый дружескій, но принялъ вдругъ самый неожиданный для насъ оборотъ, потрясшій навсегда мечту нашей спокойной будущности. Вотъ въ краткихъ словахъ смыслъ сего достопамятнаго разговора. Государь началъ говорить, что онъ съ радостью видитъ наше семейное блаженство (тогда былъ у насъ одинъ старшій сынъ Александръ, и жена моя была беременна старшею дочерью Маріею), что

онъ счастія сего никогда я не зналъ, виня себя въ связи, которую имѣлъ въ молодости, что ни онъ, ни братъ его Константинъ Павловичъ, не были воспитаны такъ, чтобы умѣть оцѣнить съ молодости сіе счастіе, что послѣдствія для обоихъ были, что ни одинъ, ни другой не имѣли дѣтей, которыхъ бы признать могли, и что сіе чувство самое для него тягостное».

«Что онъ чувствуетъ, что силы его ослабѣваютъ; что въ нашемъ вѣкѣ государямъ, кромѣ другихъ качествъ, нужна физическая сила и здоровье для перенесенія большихъ постоянныхъ трудовъ, что скоро онъ лишится потребныхъ силъ, чтобы по совѣсти исполнять свой долгъ, какъ онъ его разумѣетъ, и что потому онъ рѣшился, ибо сіе считаетъ долгомъ, отречься отъ правленія съ той минуты, когда почувствуетъ сему время. Что онъ неоднократно говорилъ о томъ брату Константину Павловичу, который, бывъ однихъ съ нимъ почти лѣтъ, въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ, при томъ, имѣя природное отвращеніе къ сему мѣсту, рѣшительно не хочетъ ему наслѣдовать на престолѣ, тѣмъ болѣе, что они оба видятъ въ насъ знакъ благодати Божіей, дарованнаго намъ сына. Что поэтому мы должны знать напередъ, что мы призываемся на сіе достоинство.

«Мы были поражены, какъ громомъ, въ слезахъ, въ рыданіи, отъ сей ужасной, неожиданной вѣсти; мы молчали. Наконецъ, государь, видя, какое глубокое, терзающее впечатлѣніе слова его произвели, сжалился надъ нами и съ ангельскою, ему одному свойственною, ласкою началъ насъ успокоивать и утѣшать, начавъ съ того, что минута сему ужасному для насъ перевороту еще не настала и не такъ скоро настанетъ; что, можетъ быть, лѣтъ десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкнуть къ сей будущности неизбѣжной.

«Тутъ я осмѣлился ему сказать, что себя никогда на это не готовилъ и не чувствую въ себѣ ни силъ, ни духу на столь великое дѣло; что одна мысль, одно желаніе было служить ему изо всей души и силъ и разумѣнія моего, въ кругу порученныхъ мнѣ должностей; что мысли мои даже дальше не достигаютъ.

«Дружески отвѣчалъ онъ мнѣ, что, когда вступилъ на престолъ, онъ въ томъ же былъ положеніи; что ему было тѣмъ еще труднѣе, что нашелъ дѣла въ совершенномъ запущеніи, отъ совершеннаго отсутствія всякаго правила и порядка въ ходѣ правительственныхъ дѣлъ, ибо хотя при императрицѣ Екатеринѣ въ послѣдніе годы порядка было мало, но все держалось еще привычками, но при восшествіи на престолъ родителя нашего совершенное измѣненіе прежняго вошло въ правило, весь прежній порядокъ нарушился, не замѣнясь ничѣмъ. Что съ восшествія на престолъ государя по сей части много сдѣлано

къ улучшенію и всему дано законное теченіе, и что потому я найду все въ порядкѣ, который мнѣ останется только удерживать.

«Съ тѣхъ поръ государь въ разговорахъ намекалъ намъ про сей предметъ, но, не распространяясь болѣе объ ономъ, а мы всячески старались избѣгать онаго».

Какъ бы въ соотвѣтствіе съ приведеннымъ разговоромъ въ рукописномъ журналѣ Михайловскаго-Данилевскаго за 1819 г. содержится указаніе, признаваемое Н. К. Шильдеромъ «довольно страннымъ». А именно Михайловскій-Данилевскій отмѣтилъ, что «съ 1819 года великій князь Николай Павловичъ началъ присутствовалъ въ кабинетѣ императора Александра при всѣхъ докладахъ военныхъ и гражданскихъ». Но если и допустить, что это сообщеніе вызвано какимъ-то недоразумѣніемъ, оно, все-таки, является характернымъ въ томъ смыслѣ, что указываетъ, что въ положеніи Николая Павловича уже тогда видѣли что-то исключительное.

Какъ же относился къ своему положенію и къ вопросу о престолонаслѣдіи самъ цесаревичъ Константинъ? Въ своемъ разговорѣ съ Николаемъ Павловичемъ императоръ Александръ упомянулъ о природномъ отвращеніи цесаревича къ наслѣдованію престола. Сохранилось также свидѣтельство, что еще въ 1801 году, тотчасъ послѣ мартовскихъ трагическихъ событій, Константинъ Павловичъ сказалъ полковнику Николаю Александровичу Саблукову:

— Ну, хорошая это была каша!

— Хорошая, дѣйствительно, каша,—отвѣчалъ Саблуковъ,—и я весьма счастливъ, что къ ней не причастенъ.

— Это хорошо, другъ мой,—сказалъ цесаревичъ, торжественно присовокупивъ знаменательныя слова:—«послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если хочетъ, но, если бы престолъ достался мнѣ когда-нибудь, то я, конечно, никогда его не приму».

Но, повидимому, помимо приведенныхъ основаній, цесаревичемъ руководили и другія побужденія. Брошенный женою, онъ долго и тщетно добивается развода, признаваемаго Маріею Ѳеодоровною опаснымъ соблазномъ для всей націи, могущимъ повлечь пагубныя послѣдствія для общественныхъ нравовъ. Тѣмъ временемъ онъ увлекается красивою полькой, графиней Іоанной Грудзинскою. Желаніе сбросить съ себя тяготящія его брачныя узы овладѣваетъ имъ съ неудержимою силою. Онъ добивается разрѣшенія развестись, но, на извѣстныхъ условіяхъ: манифестомъ 20-го марта 1820 года оповѣщалось о расторженіи брака Константина Павловича съ Анной Ѳеодоровной, но въ этотъ же манифестъ, въ видахъ «непоколебимаго сохраненія достоинства и спокойствія императорской фамиліи и самой Имперіи», было включено слѣдующее дополненіе къ учрежденію императорской

фамиліи: «если какое лицо изъ императорской фамиліи вступитъ въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть, не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лицо императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и рождаемыя отъ такого союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдованіе престола».

Въ дружеской бесѣдѣ съ Михаиломъ Павловичемъ онъ высказалъ ему однажды въ 1821 году: «не дай Богъ, чтобъ насъ постигло когда-нибудь величайшее несчастіе, какое только можетъ разразиться надъ Россіею: потеря государя; но еслибъ этому суждено было случиться при моей жизни, я далъ себѣ святой обѣтъ отказаться навсегда и невозвратимо отъ наслѣдственныхъ моихъ правъ. Я, во-первыхъ, слишкомъ чту, уважаю и люблю Государя, чтобъ вообразить себя иначе, какъ съ прискорбіемъ и даже ужасомъ на томъ престолѣ, который прежде былъ занятъ имъ, и, во-вторыхъ, я женатъ на женщинѣ, которая не принадлежитъ ни къ какому владѣтельному дому, и, что̀ еще болѣе, на полькѣ: слѣдственно, нація не можетъ имѣть ко мнѣ необходимой довѣренности, и отношенія наши всегда останутся двусмысленными. Итакъ, я твердо положилъ уступить престолъ брату Николаю, и ничто не поколеблетъ этой зрѣло обдуманной рѣшимости. Покамѣстъ она должна остаться въ глубокой между нами тайнѣ; но когда впередъ у тебя будетъ рѣчь объ этомъ съ братомъ Николаемъ, завѣрь его моимъ словомъ, что я ему вѣрный и ревностный слуга до гроба, вездѣ, гдѣ онъ захочетъ меня употребить; а еслибъ и его не стало прежде меня, то я съ такимъ же усердіемъ буду служить его сыну, можетъ быть, еще и съ бо̀льшимъ, потому что онъ носитъ имя моего благодѣтеля».

Но прошло еще нѣсколько времени прежде, чѣмъ вопросъ о престолонаслѣдіи былъ до нѣкоторой степени оформленъ. Только 16-го августа 1823 года былъ подписанъ манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола Николая Павловича вслѣдствіе отреченія отъ своихъ правъ цесаревича Константина Павловича.

Манифестъ этотъ, съ соблюденіемъ величайшей тайны, былъ положенъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ въ ковчегъ государственныхъ актовъ, а копіи съ него въ запечатанныхъ конвертахъ посланы въ Государственный Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ. О существованіи подобнаго акта, конечно, за исключеніемъ самого императора Александра, знали только: архіепископъ Филаретъ, князь А. Н. Голицынъ, графъ Аракчеевъ, прусскій принцъ Оранскій и Карамзинъ съ женою.

«Насколько императрица Марія Ѳеодоровна посвящена была императоромъ Александромъ въ тайну своихъ распоряженій», замѣчаетъ Н. К. Шильдеръ,—трудно сказать. Извѣстно-ли ей было одно отреченіе

цесаревича Константина Павловича, которое она привыкла называть актомъ, или же она знала о существованіи секретнаго манифеста 16-го августа 1823 года,—все это нельзя установить съ желаемою точностью. Императрица же Елисавета Алексѣевна оставлена была совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ переговоровъ по этому дѣлу; ей ничего положительнаго не было извѣстно объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія, что и обнаружилось впослѣдствіи съ достаточною очевидностью въ моментъ кончины императора Александра въ Таганрогѣ.

«Что же касается великаго князя Николая Павловича, то онъ наравнѣ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ ничего не услышалъ отъ государя о послѣднихъ распоряженіяхъ его, то есть, о манифестѣ, измѣнившемъ порядокъ престолонаслѣдія; императоръ Александръ почему-то призналъ совершенно излишнимъ посвятить двухъ главныхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ въ тайну подписаннаго имъ важнаго манифеста».

Такимъ образомъ все дѣло объ отреченіи Константина Павловича и о переходѣ престола въ случаѣ смерти Александра—къ Николаю было окутано какою-то непостижимою тайною. По мѣткому замѣчанію Михаила Павловича, вопросъ о престолонаслѣдіи получилъ характеръ какихъ-то «домашнихъ сдѣлокъ». Легко было предвидѣть, къ чему это должно было повести въ случаѣ катастрофы...

Чѣмъ же объяснить всю таинственность, которою императоръ Александръ окружилъ все дѣло о престолонаслѣдіи? «Можетъ быть, замѣчаетъ біографъ императора Николая,—мы подойдемъ ближе всего къ истинѣ, если станемъ искать причину загадочныхъ дѣйствій императора Александра преимущественно въ той особенности характера государя, по которой онъ хотя и не дорожилъ своимъ саномъ, но ревновалъ къ совмѣстникамъ».

Дѣйствительно, одинъ изъ современниковъ, Н. И. Гречъ, пишетъ по этому поводу: «Императоръ Александръ въ цвѣтѣ лѣтъ мужества скучалъ жизнью, не находилъ отрады ни въ чемъ, искалъ чего-то и не находилъ, опасаясь вѣрить и честнымъ и умнымъ людямъ, и довѣрялъ хитрому льстецу (графу Аракчееву)». Припомнимъ, что, будучи наслѣдникомъ, Александръ внушилъ къ себѣ всеобщую любовь, и что вся Россія восторженно привѣтствовала его вступленіе на престолъ. «Это воспоминаніе тяготило царя. Онъ боялся имѣть наслѣдника, который затмилъ бы его въ глазахъ и мнѣніи народа, какъ онъ, конечно, безъ всякаго умысла, затмилъ своего отца. Соперничества Константина Павловича онъ не боялся; цесаревичъ не былъ ни любимъ, ни уважаемъ, и давно уже говорилъ, что царствовать не хочетъ и не будетъ. Александръ боялся превосходства Николая и заставлялъ его играть жалкую и тяжелую роль пустаго бригаднаго и дивизіоннаго командира,

начальника инженерной части, неважной въ Россіи. Вообразите, каковъ бы былъ Николай со своимъ благороднымъ, твердымъ характеромъ, съ трудолюбіемъ и любовью къ изящному, если бы его готовили къ трону хотя бы такъ, какъ приготовляли Александра».

По другому свидѣтельству, «можно было бы подумать, что императоръ Александръ какъ бы задался цѣлью сосредоточивать на себѣ симпатіи и создавать контрасты между собою и своими братьями».

«Много бѣдствій произошло въ то время отъ таинственности, скрытности, съ которыми велось дѣло о престолонаслѣдіи»,—замѣтилъ впослѣдствіи принцъ Евгеній Виртембергскій, вспоминая въ своихъ бесѣдахъ о 1825-мъ годѣ. И нельзя не согласиться съ Н. К. Шильдеромъ, что «истиннымъ виновникомъ наступившаго 19-го ноября междуцарствія и вызванныхъ имъ замѣшательствъ является лично императоръ Александръ. Единственно благодаря его загадочнымъ распоряженіямъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи всѣ члены царственной семьи были поставлены въ ложное положеніе, а Россія ввергнута въ полное недоумѣніе».

Современникъ этихъ недоумѣній замѣтилъ: «Ежели Александръ сколько нибудь любилъ свое отечество, которое дало ему въ 1812 году такія неоспоримыя доказательства своей преданности, то какимъ же образомъ могъ онъ хладнокровно подвергнуть Россію опасности междоусобной войны?»

«Нельзя играть съ законнымъ наслѣдіемъ престола, какъ съ частною собственностью»,—пишетъ другой очевидецъ событій междуцарствія, принцъ Евгеній Виртембергскій.

V.

Тайна, которую такъ ревниво оберегалъ императоръ Александръ, осталась ненарушенною до самой его кончины. Когда онъ скончался, всѣ были увѣрены, что на престолъ вступаетъ Константинъ. Когда извѣстіе о смерти государя было получено въ Петербургѣ, великій князь Николай Павловичъ первый, нисколько не колеблясь, присягнулъ на вѣрность императору Константину. И началось безпримѣрное въ исторіи соревнованіе двухъ братьевъ, взаимно отказывавшихся отъ престола въ пользу одинъ другаго. Соревнованіе это закончилось печальнымъ днемъ 14-го декабря и вызвало самую разнообразную оцѣнку со стороны современниковъ. «Въ теченіе двухъ недѣль,—замѣчаетъ одинъ изъ нихъ,—русской короной играли какъ мячикомъ, взаимно перебрасывая ее другъ другу». По свидѣтельству Жуковскаго,—«исторія есть не что иное, какъ лѣтопись человѣческаго честолюбія. Пріобрѣтеніе власти, правед-

ное или неправедное, сохраненіе или распространеніе пріобрѣтенной власти, возвращеніе власти утраченной—вотъ главное ея содержаніе, около котораго сосредоточиваются всѣ другія историческія событія. Всѣ жаждутъ власти, явно или тайно, и каждый украшаетъ свою жажду заимствованнымъ именемъ, болѣе или менѣе ей чуждымъ, именемъ патріотизма, любви къ человѣчеству, воли народа, общаго блага, свободы и проч., подлинное же имя ея: своекорыстіе. И всякое средство, самое преступное: обманъ, клевета, измѣна, хищничество, мятежъ, междоусобіе, кажется позволеннымъ для пріобрѣтенія такого великаго блага. Немного представляетъ намъ исторія такихъ дѣйствователей на поприщѣ власти, которыхъ властолюбіе было бы совершенно чисто отъ всякой примѣси своекорыстія; еще менѣе примѣровъ пожертвованія власти изъ одной любви къ правдѣ и долгу. То, что мною разсказано, представляетъ чистѣйшій примѣръ послѣдняго: здѣсь отверженіе власти—и какой власти!—совершилось безъ всякаго своекорыстнаго вида, а просто изъ уваженія къ святынѣ права, совершилось такъ тайно, такъ тихо, что именно то обстоятельство, которое составляетъ достоинство принесенной жертвы, осталось невѣдомымъ для исторіи; но тѣмъ болѣе оно вѣдомо Тому, Кто ведетъ лѣтопись не земнымъ (минутнымъ или вѣковымъ) событіямъ человѣческаго общества, о дѣяніяхъ души человѣческой».

Въ принесеніи присяги Константину Николай Павловичъ проявилъ особенную поспѣшность. Но онъ не только присягнулъ самъ, но принялъ всѣ мѣры, чтобы присягнули и другіе. Михаилъ Павловичъ назвалъ даже впослѣдствіи его образъ дѣйствій «революціоннымъ», а многіе изъ современниковъ строго осуждали его, утверждая, что безъ этой крайней поспѣшности не было бы всей смуты, завершившейся днемъ 14-го декабря.

Чѣмъ же руководился Николай Павловичъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ въ эти безспорно трудные дни? Но прежде чѣмъ попытаться отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтимъ, что въ эти дни въ душахъ Константина и Николая Павловичей разыгрывалась тяжелая драма, и что для того, чтобы разгадать истинный смыслъ поступковъ обоихъ братьевъ, необходимъ, быть можетъ, скорѣе психологъ, чѣмъ историкъ.

Николай Павловичъ зналъ о планахъ императора Александра передать престолъ, помимо Константина, ему, Николаю. Александръ лично объявилъ ему и объ этомъ, и о природномъ отвращеніи Константина къ наслѣдованію престола, и объ его отреченіи отъ всякихъ правъ на него. Тѣмъ не менѣе онъ первый присягаетъ Константину и съ такою поспѣшностью, какъ будто онъ боялся, чтобы что-либо не помѣшало ему въ этомъ. «Вникая ближе въ обстоятельства, при которыхъ совершилась присяга 27-го ноября,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—нельзя также

отстранить постановку такого рода вопроса: могъ ли тогда великій князь Николай Павловичъ уклониться отъ принесенія присяги цесаревичу и съ покорностію ожидать повелѣній изъ Варшавы? Приходится и въ этомъ вопросѣ довольствоваться до нѣкоторой степени уклончивымъ отвѣтомъ. Загадочный образъ дѣйствій императора Александра въ дѣлѣ престолонаслѣдія создалъ такую невозможную обстановку, изъ которой Николаю Павловичу, можетъ быть, трудно было выйти инымъ образомъ, какъ путемъ немедленной присяги». «Если бы поступили иначе,—объясняла Марія Ѳеодоровна 5-го декабря,—была бы пролита кровь» [1]).

Однако образъ дѣйствій Николая Павловича нельзя объяснить только приведенными соображеніями: для него была недостаточна одна воля Александра, онъ хотѣлъ, чтобы она была санкціонирована цесаревичемъ, получившимъ теперь возможность дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, безъ какого-нибудь давленія. Въ своемъ поступкѣ Николай Павловичъ не видѣлъ ничего особеннаго. «Тутъ нѣтъ никакого великодушія съ моей стороны, я исполнилъ долгъ, и больше ничего»,—говорилъ онъ Оленину.

Такимъ образомъ исполненіе своего долга Николай Павловичъ видѣлъ въ предоставленіи цесаревичу полной свободы дѣйствій—подтвердить свое отреченіе или же взять его обратно. Все это наводитъ на мысль, что у Николая Павловича были какія-то основанія сомнѣваться въ полной самопроизвольности отреченія цесаревича. Въ торжественномъ объявленіи цесаревича къ «любезнѣйшимъ своимъ соотчичамъ», найденномъ послѣ его кончины, заключается довольно неопредѣленная фраза о томъ, что, послѣ смерти императора Александра, онъ «непремѣнною поставлялъ обязанностью исполнить то, что на случай кончины его императорскаго величества учинить» ему «повелѣно». Съ другой стороны, нельзя не признать, что поведеніе Константина Павловича во многомъ оправдываетъ высказанное предположеніе. Еще въ 1821 г., во время пребыванія Николая Павловича въ Варшавѣ, цесаревичъ какъ бы издѣвался надъ своимъ гостемъ возданіемъ ему не принадлежавшихъ ему по его сану почестей. Когда же Николай Павловичъ обнаруживалъ, насколько это непріятно ему, Константинъ Павловичъ отговаривался шуткою: «это все отъ того, что ты мирликійскій царь!»

Съ тѣхъ поръ, онъ сталъ часто давать это прозвище брату, къ которому переходили его права на престолъ, и во всѣхъ этихъ выходкахъ такъ и сквозятъ насмѣшка, какія-то досада, недовольство.

---

[1]) Присутствовавшій при этомъ Николай Павловичъ грустно замѣтилъ: „она еще не текла, но будетъ течь“.

Затѣмъ, въ дни, въ которые цесаревичъ съ минуты на минуту ждалъ извѣстія о кончинѣ своего державнаго брата, какой-то мрачный духъ овладѣлъ его душою: онъ сталъ отдаляться отъ всѣхъ, даже отъ горячо-любимой имъ жены, какія-то невысказанныя никому мысли обуревали его душу. Невольно чувствуется, что въ немъ происходила какая-то борьба. Наконецъ, когда это извѣстіе пришло, и нѣкоторые, обращаясь къ нему, сопровождали свое обращеніе титуломъ «величества», это видимо раздражало, сердило его, точно напоминаніе о чемъ-то непріятномъ ему. Онъ объявилъ собравшимся во дворецъ лицамъ о своемъ отреченіи отъ престола, и это объявленіе, въ связи съ хранившимися въ различныхъ учрежденіяхъ актами, подписанными императоромъ Александромъ, отрѣзало цесаревичу всякое отступленіе въ будущемъ, засвидѣтельствовавъ о его вѣрности разъ принятому рѣшенію. Однако, дальнѣйшій образъ дѣйствій Константина Павловича, его медлительность и точно нежеланіе упрочить и выяснить поскорѣе положеніе своего младшаго брата, унаслѣдовавшаго престолъ, отъ котораго онъ отказался, характеръ его управленія поляками невольно заставляютъ предполагать, что въ поступкахъ великаго князя въ дни междуцарствія крылось что-то неискреннее, и это умаляетъ впечатлѣніе, производимое его рѣшеніемъ свято выполнить обязательства, принятыя имъ на себя передъ императоромъ Александромъ.

Дѣйствительно, Константинъ Павловичъ не сдѣлалъ ничего, чтобы хоть чѣмъ-либо облегчить трудное положеніе своего брата. Несмотря на всѣ убѣжденія, онъ рѣшительно отказывалъ въ новомъ актѣ, въ которомъ подтвердилъ бы свое отреченіе отъ престола. Онъ не только отказывался пріѣхать въ Петербургъ, чтобы разсѣять всевозможные толки, что онъ долженъ былъ бы сдѣлать, по выраженію графа Воронцова, по соображеніямъ государственнымъ и изъ сыновней любви: онъ грозилъ, что, если къ нему будутъ приставать, то онъ уѣдетъ еще далѣе отъ Петербурга. Въ первые дни междуцарствія ему какъ будто даже непріятно назвать Николая Павловича императоромъ, и въ письмахъ къ князю Волконскому и Дибичу онъ пишетъ, что распоряженія они получатъ изъ Петербурга «отъ кого слѣдуетъ». Когда уже послѣ 14-го декабря Николай Павловичъ по политическимъ соображеніямъ просилъ его принять командованіе 3-мъ корпусомъ, направленнымъ противъ возмутившагося Черниговскаго полка, цесаревичъ, поблагодаривъ за оказанное довѣріе, подъ благовиднымъ предлогомъ уклонился отъ этого командованія. На-ряду съ этимъ въ своихъ письмахъ къ Николаю Павловичу онъ какъ-то демонстративно часто припадалъ къ его стопамъ. Въ одномъ случаѣ Николай Павловичъ даже писалъ ему: «если вы не хотите привести меня въ отчаяніе и отнять то не многое спокойствіе, которое я еще сохраняю, не обращайтесь ко мнѣ съ этими

ужасными завѣреніями въ уваженіи, которыя оскорбляютъ меня и приводятъ въ отчаяніе; сжальтесь надо мною и не усиливайте трудность и ужасъ моего положенія тѣмъ, чѣмъ вамъ такъ легко не огорчать меня». Но все оставалось тщетно, и цесаревичъ не измѣнялъ своего отношенія къ «мирликійскому царю».

Относительно образа дѣйствій Константина Павловича въ періодъ междуцарствія нельзя также не согласиться съ мнѣніемъ Н. К. Шильдера, что, «въ сущности, рѣшеніе, на которомъ остановился цесаревичъ, сводилось къ слѣдующему: я сдѣлалъ свое дѣло, вы поступили опрометчиво и неправильно, распутывайте же теперь дѣло, какъ знаете, моя хата съ краю!»

Отношеніе Николая Павловича къ цесаревичу составляетъ рѣзкій контрастъ съ отношеніемъ послѣдняго къ своему младшему брату-государю.

Николай Павловичъ не стремился къ престолу. Онъ искренно и вполнѣ образно выразилъ впечатлѣніе, которое произвело на него въ 1819 году сообщеніе императора Александра о передачѣ ему престола; «государь уѣхалъ,—написалъ онъ,—и мы съ женою остались въ положеніи, которое уподобить могу только тому ощущенію, которое должно поразить человѣка, идущаго спокойно по пріятной дорогѣ, усѣянной цвѣтами, и съ которой всегда открываются пріятные виды, когда вдругъ разверзается подъ ногами пропасть, въ которую непреодолимая сила ввергаетъ его, не давая отступить или воротиться,—вотъ совершенное изображеніе нашего ужаснаго положенія».

Послѣ этого разговора онъ не сдѣлалъ ни одного шага, чтобы содѣйствовать закрѣпленію намѣренія императора Александра. Когда получается извѣстіе о смерти государя, онъ ни на минуту не задумывается надъ тѣмъ, какъ поступить ему. Оффиціально—законный наслѣдникъ—цесаревичъ, и этимъ обусловливается весь его дальнѣйшій образъ дѣйствій. «Нѣтъ несчастливѣе меня!» вырывается у него за два дня до фактическаго вступленія на престолъ. Принимая корону, онъ ясно сознавалъ все то «тяжкое» и «трудное», которое нераздѣльно съ бармами Мономаха, и далеко не увлекался прелестью власти, какъ то утверждали его враги. Онъ просто и коротко выразилъ это своей матери, когда императрица Марія Ѳеодоровна, по полученіи извѣстія объ окончательномъ отреченіи Константина Павловича, обратилась къ нему со словами:

— Итакъ, Николай, преклонитесь передъ вашимъ братомъ Константиномъ, потому что онъ достоинъ уваженія и великолѣпенъ въ своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи предоставить вамъ престолъ.

На это Николай Павловичъ отвѣтилъ вдумчивымъ тономъ, послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія:

— Прежде чѣмъ я преклонюсь, какъ вы говорите, матушка, пожалуйста, позвольте мнѣ узнать причины къ этому, такъ какъ я не знаю, которая изъ двухъ жертвъ больше при настоящихъ обстоятельствахъ: со стороны-ли того, кто отказывается, или же того, кто принимаетъ.

Взглядъ Николая Павловича на свои поступки всецѣло вылился въ слѣдующихъ строкахъ его письма къ барону Дибичу 12-го декабря 1825 г.: «я прежде всего былъ честнымъ человѣкомъ, а потому и передъ Богомъ, и передъ государемъ, и передъ отечествомъ чистъ совѣстью и дѣлами».

И безупречная чистота совѣсти Николая Павловича передъ цесаревичемъ отразилась и на отношеніи его къ Константину Павловичу. Какою-то задушевностью, теплотою, просто нѣжностью проникнуты каждая строка его писемъ къ старшему брату. Мало того, въ немъ онъ продолжалъ видѣть своего государя, какъ бы уполномоченнаго покойнаго императора Александра. Свой престолъ онъ считалъ постомъ, на который его поставили цесаревичъ и «покойный ангелъ». Въ письмахъ онъ называлъ Константина Павловича своимъ «господиномъ» (mon maître),—говорилъ о своемъ «сердечномъ подданствѣ ему». Въ одномъ случаѣ, по поводу годовщины полученія въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ императора Александра, Николай Павловичъ писалъ цесаревичу: «наканунѣ дней, съ которыми связаны столь тягостныя, но тѣмъ болѣе священныя для меня воспоминанія, я молю васъ дать мнѣ свое благословеніе, благословеніе человѣка, на котораго я смотрю и постоянно буду смотрѣть въ глубинѣ своей души, какъ на своего господина, какъ на того, который замѣняетъ для меня нашего обожаемаго благодѣтеля, какъ на того, кому я посвятилъ все свое существованіе; сохраните мнѣ прежде всего вашу снисходительность, доброту, довѣріе, дружбу, если я достоинъ ихъ, и хорошенько внушите себѣ что вся моя жизнь посвящена тому, чтобы оправдать ваше довѣріе передъ Богомъ, передъ вами, передъ людьми, передъ самимъ собою». Послѣ приведеннаго отрывка уже не могутъ поражать выраженія, разсыпанныя въ письмахъ Николая Павловича къ цесаревичу, въ родѣ слѣдующихъ: «я позволилъ себѣ», «быть можетъ, вы позволите сдѣлать» и т. д.

«Частная переписка между обоими братьями,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—поддерживалась самымъ дѣятельнымъ образомъ. Со дня своего вступленія на престолъ императоръ Николай до кончины цесаревича въ 1831 году сообщалъ брату въ собственноручныхъ подробныхъ письмахъ о всѣхъ задуманныхъ имъ мѣропріятіяхъ, равно какъ и свѣдѣнія объ общемъ теченіи государственныхъ дѣлъ и всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ. Въ этихъ письмахъ государь, обремененный дѣ-

лами и заботами, называлъ себя шутя: «votre каторжный du palais d'hiver (вашъ каторжникъ изъ Зимняго дворца)». Переписка между обоими братьями драгоцѣнна и въ другомъ отношеніи: она служитъ самымъ достовѣрнымъ матеріаломъ для уясненія тѣхъ отношеній, которыя установились между отрекшимся отъ престола цесаревичемъ и воцарившимся въ силу этого отреченія государемъ. Цесаревичъ, съ своей стороны, откровенно сообщалъ императору свои мнѣнія и взгляды по наиболѣе важнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики того времени, слѣдуя тому же образу дѣйствій, котораго онъ держался при жизни императора Александра. Однажды въ одномъ изъ своихъ писемъ цесаревичъ признался даже, что онъ подъ клятвою обязался передъ Александромъ поступать такимъ образомъ и въ отношеніи къ его преемнику».

П.

Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ

въ XV и XVI вѣкахъ.

IX [1]).

Сношенія Іоанна III съ турецкимъ султаномъ Баязетомъ.—Посольство Михаила Плещеева въ Константинополь.—Нерасположеніе русскаго народа къ туркамъ.—Отношенія Москвы къ Византіи.—Бѣлая тіара.—Вопросъ о правѣ великихъ князей на византійскій престолъ.—Софія Палеологъ и ея братья Мануилъ и Андрей.—Отношенія Россіи къ Польшѣ.—Бракъ литовскаго князя Александра на Еленѣ, дочери Іоанна.—Отношенія Россіи къ Литвѣ.—Непріязненныя дѣйствія.—Попытка папскаго престола возбудить крестовый походъ противъ турокъ.

Восточный вопросъ, въ современномъ значеніи этого слова, возникъ въ Россіи впервые въ пятнадцатомъ вѣкѣ. До тѣхъ поръ Россія вела борьбу съ монголами, такъ сказать, особнякомъ отъ Европы, но, почувствовавъ себя въ силѣ свергнуть ненавистное иго татаръ и пріобщиться къ жизни западныхъ державъ, великій князь московскій счелъ необходимымъ выяснить свое положеніе по отношенію къ турецкому султану.

Въ половинѣ пятнадцатаго вѣка на Востокѣ совершились большія перемѣны. Славянскія племена, обитавшія на Балканскомъ полуостровѣ, были покорены турками. Цвѣтущій нѣкогда Константинополь сдѣлался столицею падишаха и Европѣ угрожало нашествіе мусульманъ. Крылатый левъ св. Марка трепеталъ за свою торговлю на Востокѣ. Венгрія, которой болѣе всего угрожали турки, просила у державъ помощи людьми и деньгами и, папы, проповѣдывавшіе нѣкогда крестовый походъ для освобожденія Св. Гроба, возвысили снова свой голосъ, чтобы спасти

[1]) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1903 г.

христіанъ отъ опасности, которая угрожала имъ со стороны ислама.

Какъ только Европа познакомилась ближе съ Москвою, она стала возлагать надежды на великаго князя, располагая найти въ немъ союзника противъ турокъ.

Іоаннъ III съ удивительной ясностью понялъ свое положеніе и съумѣлъ воспользоваться всѣми выгодами, какія оно представляло. Онъ дѣйствовалъ съ большой хитростью и искусствомъ, руководствуясь соображеніями утилитарнаго характера, какими отмѣчены впрочемъ всѣ его дѣйствія. Двуличная политика долгое время была въ почетѣ въ Кремлѣ. Въ этомъ отношеніи Москва не уступала тогдашней Венеціи или Франціи Людовика XI. Такимъ образомъ, въ то время русскіе послы въ Римѣ и Венеціи усердно поддерживали и поощряли воинственныя мечты папъ и дожей, и можно было думать, что православный князь только и ждалъ случая ополчиться противъ врага христіанскаго міра. Этотъ показной энтузіазмъ и это мнимое рвеніе вводили всѣхъ въ заблужденіе; обѣщанія великаго князя предпринять походъ противъ турокъ оказались обманчивы. Іоаннъ III поддерживалъ съ султаномъ дружественныя отношенія и вовсе не имѣлъ намѣренія нарушать этой дружбы, которой онъ дорожилъ въ видахъ торговыхъ и политическихъ.

На самомъ дѣлѣ, Москва преслѣдовала во внѣшней политикѣ одну цѣль, которая заключалась въ возвращеніи провинцій, отторгнутыхъ отъ нея Польшею и Литвою. Именно въ виду этого великій князь и заключилъ союзы съ иностранными державами и между прочимъ съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ. Но Менгли-Гирей, со времени завоеванія Крыма Баязетомъ былъ вассаломъ Порты и его союзнику не подобало ссориться съ султаномъ, который владѣлъ ключемъ къ Черному морю.

Іоаннъ считалъ нужнымъ щадить турокъ еще и по другой причинѣ: они могли, въ свою очередь, угрожать Польшѣ и сдѣлаться для нея источникомъ постоянной тревоги. Поэтому союзъ съ султаномъ представлялся ему весьма желательнымъ.

Кромѣ того русскихъ и турокъ сближали матеріальные интересы; имъ нужны были рынки для торговли. Торговые караваны турокъ издавна направлялись въ Каффу и Азовъ, гдѣ русскія кожи обмѣнивались на персидскія шелковыя ткани, на матеріи и пряности, привозимыя изъ Индіи. Турецкіе купцы хотѣли удержать эти торговые центры, которые въ рукахъ генуэзцевъ достигли нѣкогда цвѣтущаго состоянія, и употребили всѣ усилія къ тому, чтобы привлечь туда русскихъ, что̀ имъ и удалось. Полагать, что Іоаннъ III поступился бы своими интересами въ угоду западныхъ державъ, было большою ошибкою, это значило жестоко заблуждаться на счетъ его истиннаго характера. Онъ преслѣдовалъ прежде всего утилитарныя цѣли и поэтому держался, быть можетъ безсознательно, системы невмѣшательства. Европа допустила монголовъ

завоевать Россію; на помощь русскимъ не было послано войска, они отвоевали свою независимость своими собственными силами. Что же удивительнаго, если Московскому государству было чуждо чувство солидарности съ великой семьей западныхъ христіанъ? Это равнодушіе распространялось даже на славянъ Балканскаго полуострова, несмотря на единство съ ними языка, вѣры и происхожденія.

И такъ, обѣщавъ врагамъ турецкаго султана свою помощь, великій князь воспользовался въ то же время Менгли-Гиреемъ, чтобы сблизиться съ Баязетомъ. Обмѣнявшись съ султаномъ письмами, онъ послалъ къ нему вслѣдъ за тѣмъ своихъ пословъ, но первый турецкій посолъ былъ задержанъ, въ 1493 г., въ Кіевѣ и вынужденъ возвратиться обратно. Литовцы зорко охраняли границу, подъ предлогомъ, чтобы черезъ нее не могли проникнуть шпіоны; на самомъ же дѣлѣ они старались помѣшать сношеніямъ Москвы съ другими державами, но эта уловка ни къ чему не послужила. Іоаннъ повелъ дѣло искуснѣе Баязета, такъ что русскій посолъ благополучно достигъ Босфора. Михайло Плещеевъ,—такъ звали посла,—былъ человѣкъ молодой, лѣтъ около тридцати пяти, характера стойкаго, высокомѣрнаго. Онъ не признавалъ никакихъ таможенныхъ пошлинъ и, къ великому недоумѣнію турецкихъ чиновниковъ, не дѣлалъ никакого различія между своимъ багажомъ и товаромъ, который онъ везъ для продажи. Паши и визири для него не существовали. Подобно Меншикову, онъ считалъ себя лицомъ достаточно важнымъ, чтобы вести переговоры непосредственно съ самимъ повелителемъ правовѣрныхъ, не подчиняясь унизительному восточному этикету. Странное поведеніе Плещеева покоробило Баязета; онъ горько жаловался на него Менгли-Гирею, но Іоаннъ, лично, не слышалъ отъ него жалобъ. Напротивъ, отвѣтъ султана былъ самый благожелательный и написанъ съ чисто восточной вѣжливостью и такимъ изъявленіемъ дружбы и обиліемъ титуловъ, которое могло удовлетворить самое щепетильное честолюбіе и должно было произвести въ Кремлѣ самое благопріятное впечатлѣніе.

Съ этого времени, вплоть до царствованія Алексѣя Михайловича, когда обстоятельства совершенно измѣнились, отношенія Россіи къ Турціи были самыя миролюбивыя. Іоаннъ IV, Ѳедоръ Іоанновичъ, Борисъ Годуновъ и Михаилъ Романовъ шли по стопамъ Іоанна III, поддерживали дружественныя отношенія со Стамбуломъ, но въ то же время издавали воинственные клики въ угоду западу. До султановъ эти клики не доходили, а если они ихъ и слышали, то не особенно смущались ими. Впрочемъ, предчувствуя, что Турціи можетъ грозить опасность съ сѣвера, они всячески старались устранить эту опасность. Жители Московіи должны были въ самомъ дѣлѣ внушать страхъ туркамъ, такъ какъ православное населеніе Балканскаго полуострова было всецѣло предано единовѣрному «Бѣлому царю», а «Бѣлый царь» былъ неограниченный

повелитель своихъ подданныхъ, ихъ имущества и жизни. Таковъ былъ взглядъ самыхъ просвѣщенныхъ визирей, и они высказывали его откровенно венеціанскимъ посламъ.

Но если въ оффиціальныхъ сферахъ Московскаго государства считали нужнымъ поддерживать съ турками дружественныя отношенія, то народъ питалъ къ нимъ совершенно иныя чувства. Въ немъ глубоко укоренилась слѣпая, безпощадная ненависть къ бусурманамъ, поддерживаемая религіознымъ фанатизмомъ. Русскіе императоры пользовались, впослѣдствіи, этимъ могущественнымъ стимуломъ съ политической цѣлью всякій разъ, когда ихъ войска шли на Дунай. Поэтому англійскій дипломатъ лордъ Броугамъ былъ въ правѣ высказывая свое изумленіе по поводу разницы, существовавшей между сентиментальными манифестами, въ православномъ духѣ, которые обнародывались вначалѣ всякой восточной войны, и тѣми весьма скромными договорами, какими оканчивались эти войны.

Надобно отмѣтить, что бракъ Іоанна III съ наслѣдницей покореннаго турками престола не оказалъ неблагопріятнаго вліянія на дипломатическія отношенія Россіи и Турціи. Великій князь даже присвоилъ себѣ византійскій гербъ—чернаго двуглаваго орла, не возбудивъ этимъ неудовольствія или подозрительности своего могущественнаго сосѣда. Это событіе произвело самое неожиданное впечатлѣніе совсѣмъ въ иной сферѣ, освѣтивъ Восточный вопросъ съ новой стороны. Духовныя узы, существовавшія между Москвою и Византіей, окрѣпли съ появленіемъ въ Россіи Софіи Палеологъ, но это послужило на пользу Москвы, а не Византіи. Смутныя идеи о высшей миссіи, выпавшей послѣ паденія Константинополя на долю православія, которыя высказывались нѣкоторыми учеными богословами, получили такимъ образомъ почву въ совершившемся историческомъ фактѣ, на основаніи котораго въ народѣ вырабатывался мало-по-малу взглядъ на задачи, предстоявшія православной Россіи.

Въ то самое время, когда Іоаннъ III вступилъ въ бракъ съ византійской принцессой, въ народѣ произошла реакція противъ грековъ, коихъ обвиняли въ томъ, что они предались латинянамъ и подготовили этимъ паденіе имперіи. Въ глазахъ москвитянъ, бывшіе евангельскіе герои, проповѣдники истинной вѣры измѣнили своей миссіи, за что̀ и были строго наказаны Провидѣніемъ. Рядомъ смѣлыхъ, логическихъ умозаключеній были сдѣланы изъ этого практическіе выводы.

Византія стремилась нѣкогда къ господству надъ міромъ. Какъ резиденція императора и центръ гражданскаго управленія, молодая гордая столица византійскихъ императоровъ хотѣла быть центромъ религіозной жизни, оспаривая духовное первенство, которое присвоилъ себѣ Римъ. Это выразилось въ магическомъ изреченіи: «Византія есть новый Римъ». Нѣчто подобное повторилось теперь съ Москвою.

Византія,—говорили православные,—не выполнила своего назначенія; оно выпало на долю Москвы, столицы православія, не имѣющей соперницъ въ будущемъ. Псковскій монахъ Ѳилоѳей первый высказалъ эту мысль въ своихъ письмахъ къ великому князю Василію Ивановичу. Онъ же рѣшилъ, не задумываясь, вопросъ о причинахъ паденія Константинополя, терзавшій ученыхъ, сказавъ: «Византія пала потому, что она измѣнила истинной вѣрѣ и приняла латинство».

— Но пала ли въ самомъ дѣлѣ Византія, понимаемая въ высокомъ смыслѣ этого священнаго слова, какъ всѣми чтимое средоточіе христіанской власти, какъ символъ сліянія церкви съ государствомъ?— вопрошалъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ на это Ѳилоѳей,—столица православія не изчезла, она только перемѣстилась. Она находится тамъ, гдѣ бьется сердце вселенской церкви, гдѣ живы апостольскія преданія, гдѣ обрѣтается истинная вѣра, подъ покровительствомъ могущественнаго и свободнаго монарха.

Древній Римъ отказался отъ истинной вѣры; онъ не имѣетъ ни короля, ни законнаго папы, а турки развѣнчали новый Римъ, превративъ его въ мусульманскій городъ; отнынѣ Москва соединяетъ всѣ требуемыя условія, это третій Римъ, вѣчный и блестящій, какъ солнце, коего блескъ ничѣмъ не можетъ быть омраченъ, ибо четвертаго Рима уже не будетъ. Обращаясь къ великому князю съ прочувствованнымъ словомъ, Ѳилоѳей привѣтствовалъ его, какъ главу христіанскаго міра, какъ владыку будущаго.

Въ соотвѣтствіи съ этими высокими представленіями о роли, которую должна была играть Москва, народный геній создалъ цѣлый рядъ легендъ, кои приписывали Москвѣ всемірное главенство въ гражданскомъ и церковномъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, существуетъ преданіе, что одинъ изъ Комненовъ послалъ знаки императорскаго достоинства Константина Мономаха великому князю Владиміру, прозванному также Мономахомъ.

Этотъ фактъ, самъ по себѣ, весьма сомнительный, получилъ съ теченіемъ времени значеніе передачи великимъ князьямъ московскимъ самой императорской власти и какъ бы правомъ на наслѣдство византійскаго престола.

Любопытна также оригинальная легенда о бѣлой тіарѣ, подаренной императоромъ Константиномъ папѣ Сильвестру. Въ Римѣ старались будто бы уничтожить роковой подарокъ, но послѣ одного видѣнія, бывшаго папѣ, она была отправлена въ Византію. Тутъ ей угрожала новая опасность, но патріархъ видѣлъ во снѣ Константина и Сильвестра, которые подали ему мысль предложить эту тіару Василію, епископу новгородскому. Такимъ образомъ это сокровище попало въ Россію и, какъ говоритъ съ торжествомъ легенда, «милость Божія, честь и слава»

покинули древній Римъ и Византію, вся святость и все величіе перешли, по волѣ Божіей, къ Москвѣ.

Смѣлая мысль, высказанная Филоѳеемъ, не пропала даромъ; на ней основывался великій князь Іоаннъ IV, когда, ссылаясь на свое родство съ византійскими императорами, онъ требовалъ, чтобы восточные патріархи подтвердили присвоенный имъ царскій титулъ. Угнетаемые турками, византійскіе епископы и аѳонскіе монахи стремились въ Россію, чтобы заручиться покровительствомъ великаго князя, просили его о денежной помощи и составляли планы похода противъ турокъ; казалось, что Москва сдѣлалась истинной наслѣдницей Византіи.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, ходъ мыслей, который привелъ къ признанію за Москвою этой руководящей роли. Разъ подобная мысль возникла, весьма понятно, какое значеніе долженъ былъ имѣть бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ, давшей ему не только фиктивныя, но дѣйствительныя, по крайней мѣрѣ на видъ, права на наслѣдіе, которое имѣло столь выдающееся значеніе въ глазахъ самого великаго князя и народа. Остается прослѣдить, имѣло-ли это право какую-либо историческую основу, съ точки зрѣнія византійскаго законодательства, или, по крайней мѣрѣ оправдывалось-ли оно взглядами, которые существовали въ то время въ Европѣ.

Послѣ паденія Константинополя въ 1453 г., не могло быть и рѣчи о какомъ-либо народномъ собраніи для избранія императора, ни о сенатѣ, который могъ бы утвердить это избраніе.

Тѣмъ не менѣе на западѣ все еще преклонялись передъ несуществовавшими уже титуломъ и властью.

Венеціанскій сенатъ, всегда осторожный въ своихъ приговорахъ, призналъ, какъ мы говорили, въ 1473 г., по своему собственному почину, права Іоанна III на византійскій престолъ, за неимѣніемъ въ семействѣ Палеологовъ наслѣдниковъ мужскаго пола.

Убѣжденіе въ правахъ великаго князя было столь искреннее, что дожъ не побоялся высказать его открыто даже въ письмахъ къ великому князю. При настроеніи умовъ, господствовавшемъ въ то время среди русскихъ, подобное заявленіе должно было произвести на нихъ глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что права Іоанна на византійскій престолъ не были призрачны и могли сдѣлаться еще осязательнѣе въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, у принцессы Софіи было всего два брата, Андрей и Мануилъ. Они были воспитаны въ Римѣ, подъ надзоромъ Виссаріона но ни тотъ, ни другой не осуществилъ надеждъ кардинала, желавшаго, чтобы молодые принцы носили съ достоинствомъ свое славное имя. Мануилъ былъ характера дѣятельнаго и предпріимчиваго. Наскучивъ подчиненной ролью, какую ему приходилось играть въ Римѣ, онъ промѣнялъ вскорѣ папскій дворъ на дворъ султана и отправился въ

1476 г. въ Константинополь. Но его мечты о богатствѣ и славѣ, которая ожидала его тамъ, не осуществились.

Магомедъ II принялъ его любезно, далъ ему средства къ жизни, далъ нѣсколько рабовъ, но далѣе этого его милости не пошли. Мануилъ не получилъ при его дворѣ никакой должности и не дослужился въ войскѣ до высшихъ чиновъ. Его положеніе было даже довольно печальное; турки не выказывали ему ни малѣйшаго уваженія, а въ глазахъ христіанъ его отъѣздъ изъ Рима былъ гнусной измѣной. Изъ двухъ сыновей Мануила одинъ—Іоаннъ, умеръ христіаниномъ, не оставивъ потомства, а второй—Андрей былъ обрѣзанъ по повелѣнію султана и поступилъ на службу въ турецкое войско.

Такимъ образомъ потомки Мануила утратили всякія права на Византію.

Относительно другаго брата, Андрея, вопросъ былъ сложнѣе. Какъ законный представитель династіи по праву старшинства, при томъ не вступавшій ни въ какія сдѣлки съ турками, онъ считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ византійскаго престола, хотя, повидимому, не имѣлъ намѣренія отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ и не хлопоталъ серьезно о вооруженной помощи со стороны западныхъ державъ. Его честолюбіе не шло такъ далеко, оно было даже нѣсколько низменнаго свойства. По мѣрѣ того, какъ его значеніе падало въ глазахъ Ватикана и денегъ становилось меньше, онъ былъ вынужденъ изыскивать новые источники дохода. Неразборчивый на средства, стремясь только къ наживѣ, онъ вздумалъ торговать своими наслѣдственными правами и отправился съ этой цѣлью странствовать по Европѣ.

Вначалѣ папа Сикстъ IV, относившійся съ уваженіемъ къ памяти Палеологовъ и не забывшій сочувствія, выказаннаго ими къ уніи, и мощей, привезенныхъ ими въ Италію, подарилъ деспоту (въ 1477 г.) дворецъ на Марсовомъ полѣ (Campo Marzo); такимъ образомъ Андрей сдѣлался собственникомъ обширнаго недвижимаго имущества съ принадлежавшими къ нему садами и службами. Кромѣ того онъ получалъ аккуратно изъ папской казны пенсію въ 1.800 дукатовъ. Въ исходѣ 1479 г. она была даже выдана ему впередъ за два года въ виду его поѣздки въ Москву, при чемъ ему было обѣщано, что отсутствіе не послужитъ ему во вредъ.

Но при преемникахъ Сикста это доброжелательное отношеніе смѣнилось холодностью и даже равнодушіемъ. Женитьба деспота на женщинѣ низкаго происхожденія еще болѣе уронила его въ глазахъ папъ. Отъ этого брака онъ имѣлъ сына, который, по свидѣтельству венеціанскаго посланника въ Римѣ Джіустиніана (Giustinian), былъ красивъ собою, но въ нравственномъ отношеніи былъ полнымъ ничтожествомъ. Церемоніймейстеръ Иннокентія VIII и Александра VI эльзасецъ Бурхардъ чаще другихъ современниковъ упоминаетъ въ своемъ

дневникѣ объ «императорѣ Константинопольскомъ». Это объясняется, конечно, тѣмъ, что Андрей присутствовалъ всегда въ Сикстинской капеллѣ, въ тѣ торжественные дни, когда тамъ служилъ папа, пріобщался изъ его рукъ, прислуживалъ ему во время богослуженія и въ то время, какъ кардиналы несли золотыя кисти папскаго одѣянія, онъ скромно несъ его шлейфъ. Въ 1486 г. въ день Срѣтенія Господня ему дали въ руку красную восковую свѣчу, какъ всѣмъ остальнымъ, и только послѣ настоятельной просьбы ему удалось получить бѣлую свѣчу, какая давалась кардиналамъ. Другой разъ, герцогъ Штеттинскій шелъ во время церковной процессіи впереди его, и папа Александръ VI отвѣчалъ на жалобы по этому поводу деспота, что ему лучше избѣгать церемоній, на которыхъ будетъ присутствовать тевтонскій принцъ.

Еще болѣе чувствительнымъ знакомъ немилости было то обстоятельство, что Андрею часто не выдавали пенсіи, пожалованной ему Сикстомъ IV.

Для того, чтобы добиться правильной ея уплаты, ему пришлось обратиться къ вмѣшательству иноземныхъ державъ.

Всѣ эти затрудненія и непріятности и побудили его, быть можетъ, прибѣгнуть, наконецъ, къ сомнительнаго свойства спекуляціямъ. Въ качествѣ деспота, порфиророднаго и наслѣдника императорскаго престола, онъ считалъ себя въ правѣ раздавать привилегіи и права на дворянство. Дабы обставить это подобающимъ блескомъ, Андрей окружалъ себя въ такихъ случаяхъ нотаріусами и посторонними свидѣтелями, входилъ на тронъ, подзывалъ къ себѣ тѣхъ, коимъ онъ жаловалъ отличія, надѣвалъ на нихъ ордена, шпаги, шлемы, возводилъ ихъ въ рыцари или графы, утверждалъ ихъ гербъ, или жаловалъ имъ въ видѣ герба византійскаго орла.

Онъ не только самъ широко пользовался правомъ раздавать эти милости, но передавалъ его другимъ.

Церемонія оканчивалась объятіями и присягой на вѣрность, и Андрей, какъ въ самые цвѣтущіе дни Восточной имперіи, выдавалъ новопожалованному хризо-буллу на пергаментѣ съ подписью, сдѣланною киноварью, и золотой печатью, подвѣшанной на пестромъ шелковомъ шнуркѣ. Первый по времени изъ сохранившихся документовъ этого рода помѣченъ 13-мъ апрѣля 1483 г., онъ данъ на имя графа Осорно, старшій сынъ котораго отличился при дворѣ Фердинанда и Изабеллы и въ войнахъ противъ мавровъ. По отношенію къ нему Андрей широко воспользовался своими императорскими правами и пожаловалъ ему обширныя привилегіи. Въ исходѣ того же года, его милости были оказаны уже не гранду Испаніи, а шестнадцатилѣтнему итальянскому поэту, Анжело Колоччи (Colocci), котораго Андрей пожаловалъ въ рыцари и далъ ему гербъ въ видѣ византійскаго орла. 12-го мая и 22-го іюля 1493 г. были пожалованы такого же рода

отличія людямъ темнаго происхожденія, заслуги которыхъ трудно опредѣлить.

Надобно полагать, что этимъ не ограничились милости, розданныя деспотомъ. У него была выработана извѣстная форма, по которой писались подобнаго рода акты, поэтому можно думать, что это дѣлалось часто. Быть можетъ, пожалованіе этихъ титуловъ и отличій было для Андрея доходной статьей; хотя въ протоколахъ, составлявшихся въ этихъ случаяхъ не упоминается о какомъ-либо денежномъ вознагражденіи, но, зная личность деспота, можно предполагать, что, раздавая такъ усердно привилегіи и титулы, онъ навѣрно извлекалъ изъ этого какую-либо выгоду.

Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Андрей пользовался съ цѣлью наживы и своими наслѣдственными правами. Весьма возможно, что онъ продалъ ихъ великому князю Іоанну III, котораго связывали съ Византіей семейныя узы и который мечталъ объ императорской коронѣ. Деспотъ посѣтилъ Москву дважды, въ 1480 и 1490 гг. Но его пребываніе тамъ было оба раза не продолжительно.

Русскіе лѣтописцы отзываются о немъ крайне несочувственно и говорятъ коротко, что одно изъ его посѣщеній стоило Софіи не мало денегъ. Быть можетъ, онъ заключилъ съ сестрою какой-нибудь договоръ и, какъ второй Исавъ, продалъ ей право первородства. Впрочемъ, обнародованные до сихъ поръ документы не даютъ на это отвѣта, но за то извѣстно, что деспотъ уступилъ свои права за деньги королямъ Франціи и Испаніи.

Прежде всего онъ завелъ переговоры съ французскимъ королемъ, который мечталъ о завоеваніяхъ въ Святой Землѣ и даже о восточной коронѣ. Въ 1491 г. Андрей отправился въ Туръ, для свиданія съ молодымъ королемъ, который пожаловалъ ему, 31-го октября, пенсію въ 723 ливра «въ возмѣщеніе огромныхъ затратъ, сдѣланныхъ имъ на поѣздку изъ Константинополя для обсужденія вмѣстѣ съ нами весьма важныхъ дѣлъ, касающихся блага нашего королевства». За этой первой получкой послѣдовала вторая; 16-го ноября Андрей получилъ отъ короля 350 ливровъ «на обратный путь въ Римъ къ святѣйшему отцу». Андрей поднесъ ему, въ свою очередь, бѣлаго ястреба, истинно царскій подарокъ, который очень цѣнился знатоками и, по всей вѣроятности, былъ привезенъ имъ изъ Москвы. Послѣ этого изчезаетъ всякій слѣдъ переписки между королемъ и Андреемъ вплоть до 1494 г., который ознаменовался весьма важнымъ актомъ.

Карлъ VIII былъ всецѣло занятъ въ то время мыслію о завоеваніи Неаполя, перваго этапа будущаго восточнаго императора на пути въ Византію.

Лелѣя обширные замыслы, ему было важно заключить сдѣлку съ за-

коннымъ претендентомъ на византійскій престолъ. Устроить это дѣло взялся кардиналъ Раймондъ Перро (Perrault). 6-го сентября 1494 г. онъ отправился въ церковь св. Петра (Saint-Pierre in Montorio), гдѣ отслужилъ обѣдню и послѣ освященія св. даровъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ легенды, былъ замученъ апостолъ Петръ, Андрей Палеологъ, въ присутствіи двухъ нотаріусовъ, уступилъ свои права на Константинополь, Трапезундъ и Сербію королю французскому Карлу VIII, за что̀ кардиналъ обѣщалъ ему, отъ имени короля, ежегодную пенсію въ размѣрѣ 4.300 золотыхъ дукатовъ, отрядъ войска въ сто человѣкъ, поземельную собственность, приносящую пять тысячъ дукатовъ дохода, и нравственную поддержку для того, чтобы добиться правильной уплаты пенсіи, которую Сикстъ IV назначилъ ему изъ суммъ, предназначенныхъ на крестовый походъ.

Этотъ обоюдный договоръ было положено представить на утвержденіе короля, а до оффиціальной ратификаціи считать его недѣйствительнымъ. Былъ-ли онъ на самомъ дѣлѣ ратификованъ, въ точности не извѣстно, но, по увѣренію Райнальди (Raynaldi), Карлъ VIII заявилъ папѣ Александру VI, что Андрей Палеологъ уступилъ ему всѣ свои права на Константинополь, изъ чего можно заключить, что договоръ былъ, вѣроятно, ратификованъ. Съ другой стороны, наслѣдникъ византійскихъ императоровъ оставилъ по духовному завѣщанію, подписанному 7-го апрѣля 1502 г., эти же самыя права королю Фердинанду испанскому и королевѣ Изабеллѣ въ знакъ признательности за оказанную ему денежную помощь, что̀ уже совершенно несовмѣстимо съ уступкой его правъ Карлу VIII. Законный наслѣдникъ Андрея, его сынъ Константинъ пережилъ отца нѣсколькими годами; въ 1507 г. онъ былъ простымъ капитаномъ папской гвардіи, хотя носилъ титулъ деспота Мореи; онъ путешествовалъ въ это время въ Германіи, и маркизъ Мантуанскій дѣлалъ приготовленія, чтобы принять его достойнымъ образомъ по возвращеніи его въ Италію. Точная дата кончины Андрея Палеолога не извѣстна, но 17-го іюня 1502 г., его вдова Екатерина получила отъ папы Александра VI скромную сумму 104 дуката «на погребеніе деспота».

Права, дважды уступленныя Андреемъ за деньги, хотя бы и съ согласія его сына, были весьма сомнительны, такъ какъ Софія не думала отказываться отъ византійскаго престола.

Въ глазахъ современниковъ, великая княгиня московская, послѣдняя въ родѣ Палеологовъ, стояла выше всѣхъ своихъ родственниковъ и должна была считаться наслѣдницей Восточной имперіи. Какъ мы видѣли, венеціанскіе дожи признавали ея права оффиціально, впрочемъ, съ нѣкоторою оговоркою; римскіе папы, съ своей стороны, подтверждали ея права, приглашая русскихъ царей идти на завоеваніе Константинополя, ихъ древней вотчины. Было бы любопытно знать на этотъ счетъ мнѣніе самой Софіи. Быть можетъ, она считала Византію своимъ при-

данныхъ и настроила въ этомъ смыслѣ своего мужа. Къ сожалѣнію, о Софіи сохранилось такъ мало свѣдѣній, и они такъ отрывочны и рѣдки, что по нимъ трудно возсоздать ея обликъ и составить себѣ понятіе о томъ, что она думала и чего желала. Русскіе лѣтописцы отзываются о Софіи не особенно сочувственно. Герберштейнъ и Курбскій подтвердили строгій приговоръ лѣтописцевъ.

Софія родилась въ то время, когда Палеологи были въ упадкѣ. Кровавыя распри, происходившія въ ея семьѣ, всевозможныя лишенія и бѣдствія озлобили, вѣроятно, ея характеръ и развили въ немъ не особенно симпатичныя черты. Вступивъ на престолъ, послѣ долгихъ лѣтъ, проведенныхъ въ изгнаніи, окруженная въ своемъ новомъ отечествѣ иноземцами, она не была любима русскими, и они изображаютъ ее женщиной гордой, надменной, хитрой интриганкой. Одно время она имѣла, повидимому, значительное вліяніе на Іоанна и побудила его свергнуть унизительное татарское иго. Перемѣна, совершившаяся при ней во внутреннемъ обиходѣ дворца, также не могла быть дѣломъ простой случайности. При дворѣ, гдѣ царствовала до тѣхъ поръ простота, доходившая почти до грубости, былъ введенъ Іоанномъ III пышный этикетъ, напоминавшій отчасти византійскіе обычаи; были осзданы новыя должности, введена извѣстная іерархія, прежняя свобода смѣнилась строгимъ этикетомъ, великій князь сталъ менѣе доступенъ и болѣе проникнутъ сознаніемъ своего царственнаго достоинства. Князь Курбскій, происходившій изъ стариннаго боярскаго рода, замѣчаетъ съ озлобленіемъ, что Іоаннъ пересталъ совѣтоваться со своими приближенными и сталъ поступать во всемъ по своему усмотрѣнію; очевидно, великій князь московскій разыгрывалъ византійскаго самодержца. Софія, со своей стороны, раскрыла недоступныя до тѣхъ поръ двери терема, давала аудіенціи иностранцамъ и отправляла посланныхъ съ письмами къ правительству Венеціанской республики; все это были неслыханныя нововведенія.

Съ точки зрѣнія религіозной, бывшая византійская принцесса держала себя въ Москвѣ какъ ревностная православная христіанка. Было-ли это отступничество отъ вѣры, или же она поступала въ этомъ случаѣ согласно со своимъ убѣжденіемъ? Это вопросъ совѣсти, который не можетъ, конечно, рѣшить ни одинъ посторонній человѣкъ. Каковы бы ни были истинные религіозные взгляды Софіи, не подлежитъ сомнѣнію, что она усердно исполняла всѣ обряды своей новой вѣры. Если вѣрить лѣтописцамъ, то надъ нею даже совершилось чудо. Для полнаго счастья ей не доставало сына; безутѣшная супруга Іоанна III совершила паломничество въ Сергіевскую лавру, и молитва ея была услышана. Время отъ времени говорили также объ обращеніи въ православную вѣру кого-либо изъ ея приближенныхъ. Какъ увидимъ, Софія не упускала случая заботиться о распространеніи православія.

*

Самой темной эпохой въ жизни Софіи была кратковременная немилость, въ которую она впала у Іоанна. Причиною этой опалы былъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Истинный наслѣдникъ престола, старшій сынъ Іоанна III, скончался, передавъ свои права своему малолѣтнему сыну Димитрію. Когда у Софіи родился сынъ, всѣ поняли, что для него появился опасный соперникъ. Начались заговоры, тайные происки и козни. Нѣкоторые обвинили молодую мать въ честолюбивыхъ видахъ. Было приказано произвести слѣдствіе. Оно стоило жизни нѣсколькимъ боярамъ и нѣсколькимъ женщинамъ, обвиненнымъ въ колдовствѣ. Сама Софія, съ ея новорожденнымъ сыномъ Василіемъ, была удалена отъ Іоанна, и великій князь приказалъ короновать своего внука съ большою торжественностью. Въ Кремлѣ, подобно тому, какъ въ Византіи, совершались дворцовые перевороты, подробности которыхъ не были никому извѣстны. Но современемъ малолѣтній Дмитрій впалъ, въ свою очередь, въ опалу. Софія заняла свое прежнее мѣсто на престолѣ, и наслѣдникомъ Іоанна былъ назначенъ Василій. Если наслѣдница Палеологовъ мечтала когда-либо о престолѣ, то ея мечта сбылась. И такъ великіе князья московскіе, несмотря на свою близость къ Византіи, которая легко могла поселить вражду между ними и Турціей, поддерживали, какъ мы видѣли, съ султаномъ дружескія отношенія; ихъ воинственныя стремленія были направлены противъ иныхъ враговъ,—славянъ по происхожденію, исповѣдывавшихъ такъ же точно, какъ русскіе, христіанскую вѣру.

X.

Отношенія Россіи къ Польшѣ и Литвѣ.—Бракъ литовскаго князя Александра съ Еленою, дочерью Іоанна III.—Вопросъ о религіи невѣсты.—Война Россіи съ Литвою.—Вступленіе Александра на польскій престолъ.—Заключеніе перемирія.—Кончина Іоанна III и вступленіе на престолъ Василія III.—Сношенія съ папами.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Вмѣшательство папъ.—Новое заключеніе перемирія.

Въ то время какъ Россія подпала подъ иго монголовъ, въ Литвѣ, въ дѣвственныхъ лѣсахъ, на берегу Нѣмана родился человѣкъ выдающійся, коего колыбель окружена была легендами. Одаренный изумительной энергіей завоеватель по природѣ, онъ имѣлъ всѣ данныя къ тому, чтобы сдѣлаться родоначальникомъ династіи. Съ истинно желѣзной волею онъ съумѣлъ подавить волненія, терзавшія страну, и внутреннее единство сдѣлалось для нея источникомъ новой силы. Стремясь увеличить свои владѣнія, онъ завоевалъ нѣкоторыя пограничныя русскія земли, основалъ великолѣпную столицу на берегу живописной Виліи и внесъ зачатки просвѣщенія среди своихъ полудикихъ подданныхъ.

Преемники Гедимина, который величалъ себя великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ, шли по его стопамъ и довершили завоеваніе

западной и южной Россіи, и въ царствованіе Владислава Ягеллона, который женился на юной Гедвигѣ, наслѣдницѣ Пястовъ, Литва и Польша соединились подъ однимъ скипетромъ.

Такимъ образомъ по сосѣдству съ Москвою возникло могущественное государство, въ составъ котораго входили русскія земли, и это обстоятельство создало между Россіей и Польшей вѣковую вражду.

По смерти польскаго короля Казиміра IV, въ 1492 году, Литва и Польша снова раздѣлились: одинъ изъ его сыновей, Іоаннъ-Альбертъ вступилъ на польскій престолъ, другой получилъ великое княжество Литовское.

Іоаннъ III, царствовавшій въ то время въ Москвѣ, воспользовался моментомъ, чтобы предъявить свои права на Кіевъ и Волынь, отторгнутые нѣкогда у Россіи Гедиминомъ.

Объединеніе русскихъ земель подъ главенствомъ Москвы составляло уже въ то время политическій идеалъ великихъ князей. Православіе и національное единство давали имъ въ глазахъ русскаго населенія Польши значительныя преимущества. Сознавая всѣ выгоды своего положенія, Іоаннъ воспользовался имъ какъ нельзя лучше. Онъ поддерживалъ тайныя сношенія съ русскимъ населеніемъ Литвы, привлекалъ къ себѣ недовольныхъ и подготовлялъ такимъ образомъ съ замѣчательной настойчивостью почву для будущаго. Послѣ смерти Казиміра тайные происки смѣнились открытою враждою. Іоаннъ обратился къ крымскому хану и къ молдавскому господарю съ просьбою помочь ему войскомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ вторгся въ предѣлы Литвы, гдѣ русскіе овладѣли нѣсколькими крѣпостями.

Великій князь литовскій Александръ не хотѣлъ воевать съ Москвою и не могъ противостоять ополчившимся противъ него врагамъ. Поэтому онъ предпочелъ заключить съ нею міръ на выгодныхъ условіяхъ и мечталъ о бракѣ съ дочерью Іоанна III. Ставъ его тестемъ, прежній соперникъ могъ быть ему защитою противъ Молдавіи и Крыма и, быть можетъ, помогъ бы ему даже въ борьбѣ съ турками. Какъ мало основательны ни были подобныя надежды, онѣ прельщали миролюбиваго Александра, который принялся энергично за осуществленіе своего плана.

Переговоры о бракѣ начались еще въ 1492 г. и продолжались болѣе двухъ лѣтъ. Сначала литовскіе паны завели частнымъ образомъ рѣчь объ этомъ бракѣ съ московскими боярами; когда ихъ предложеніе было выслушано благосклонно, въ Москву въ исходѣ того же года были посланы для переговоровъ оффиціальные послы, коимъ велѣно было увѣдомить Іоанна о смерти Казиміра и о вступленіи на престолъ его сына. Щекотливаго вопроса о бракѣ они коснулись только тогда, когда вино развязало имъ языкъ. Москвитяне отвѣчали, что будетъ благоразумнѣе заключить сперва миръ, а потомъ уже толковать о бракѣ. Въ сущности, съ той и съ другой стороны желали прекращенія войны и

заключенія брачнаго союза. Александръ чувствовалъ себя слабѣе русскихъ въ военномъ отношеніи, а Іоаннъ всегда предпочиталъ сраженіямъ интриги и переговоры.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1494 г. въ Москву снова прибыло изъ Литвы посольство. Русскіе и этотъ разъ настояли на томъ, чтобы прежде всего обсуждались вопросы политики.

Переговоры продолжались недолго, ибо литовцы оказались сговорчивы и согласились сдѣлать весьма важныя территоріальныя уступки; Іоаннъ получилъ Вязьму и широко воспользовался передѣломъ границъ. Кромѣ того за нимъ былъ признанъ титулъ «монарха всея Россіи», подъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ своихъ притязаній на Кіевъ, священную колыбель русскаго народа.

Столь сговорчивые враги легко могли сдѣлаться друзьями, и ничто уже не мѣшало ихъ князю домогаться руки княжны Елены.

2-го февраля литовскіе послы просили отъ имени своего князя руки старшей дочери Іоанна, чтобы «заключить вѣчную дружбу и семейный союзъ навѣки нерушимый».

Имъ отвѣчали согласіемъ. Четыре дня спустя, 6-го февраля, послы впервые увидѣли Елену во время обрученія. Наканунѣ, великій князь заявилъ имъ свое желаніе, чтобы его дочь сохранила «греческую вѣру» и чтобы ей не дѣлали относительно религіи никакихъ притѣсненій. Литовцы поклялись въ этомъ головою.

Великій князь Александръ, довольный тѣмъ, что война была окончена, съ радостью скрѣпилъ все своею подписью, позволивъ себѣ сдѣлать лишь небольшую оговорку въ статьѣ, касавшейся вѣроисповѣданія невѣсты.

«Если Елена пожелаетъ добровольно принять нашу римско-католическую вѣру,—приписалъ онъ,—то ей предоставляется къ тому полное право».

Эта оговорка вызвала энергичный протестъ со стороны русскихъ, посланныхъ въ Литву для того, чтобы обмѣняться договорными грамотами. Они съ ужасомъ отвергли редакцію Александра. Пришлось обратиться къ самому Іоанну, который оказался еще менѣе сговорчивъ. Великій князь заявилъ рѣшительно, что если статья, касающаяся вѣроисповѣданія, не будетъ вычеркнута, то бракъ не состоится. Александръ снова уступилъ. 26-го октября 1494 г., онъ подписалъ собственноручно и приложилъ печать къ договору, написанному въ томъ смыслѣ, какого желалъ Іоаннъ.

Когда, такимъ образомъ, были устранены, наконецъ, всѣ препятствія, въ Москву прибыли въ 1495 г. за невѣстою литовскіе послы Олханскій (Olchanski) и Заберейскій (Zaberejski). Происходившія по этому случаю пиршества и празднества не помѣшали Іоанну предъявить новыя требованія. Онъ хотѣлъ, чтобы вслѣдъ за бракосочетаніемъ, совершеннымъ по латинскому обряду, таковое же было совершено по обряду православной церкви, и чтобы въ Вильнѣ, подлѣ великокняжескаго дворца, была

построена православная церковь. Въ видѣ приданаго Еленѣ были преподаны только строгіе совѣты относительно посѣщенія православной церкви; что касалось латинскихъ церквей, то ей было разрѣшено посѣтить ихъ разъ или два, не болѣе, изъ любопытства. Православнымъ слугамъ, сопровождавшимъ Елену, велѣно было не спѣшить отъѣздомъ изъ Вильно, имъ было приказано остаться тамъ и составить ея личный штатъ. Іоаннъ далъ имъ самыя подробныя указанія относительно ихъ одежды и этикета, который имъ полагалось соблюдать.

Бракосочетаніе Елены совершилось съ большою торжественностью въ Вильно 18-го января 1495 г. Сперва было отслужено молебствіе въ православной церкви. Боярыни расплели дѣвичью косу невѣсты и надѣли ей на голову кику съ фатою; всѣ присутствующіе осыпали ее хмѣлемъ и священникъ осѣнилъ ее крестомъ. Затѣмъ невѣста съ провожатыми отправилась въ каѳедральный соборъ св. Станислава, гдѣ виленскій епископъ Адальбертъ Таборъ совершилъ бракосочетаніе по католическому обряду. Къ великому негодованію русскихъ, попъ едва могъ пробормотать нѣсколько молитвъ, а на другой день—вещь неслыханная,—новобрачные не омылись, по русскому обычаю, въ банѣ.

Медовый мѣсяцъ еще не окончился, какъ между зятемъ и тестемъ возникли снова недоразумѣнія.

Чѣмъ же могъ быть недоволенъ Іоаннъ, и неужели жертвы, принесенныя литовскимъ княземъ, казались ему недостаточными?

Онъ пріобрѣлъ мирнымъ путемъ нѣсколько новыхъ земель; его православная дочь возсѣдала на престолѣ Гедимина, между Россіей и Литвою возникла новая, могучая связь, и всѣ эти блестящіе результаты были достигнуты сравнительно недорогою цѣною. Но внукъ Іоанна Калиты руководствовался въ своей политикѣ новой теоріей, которая открывала ему обширнѣйшіе горизонты. Не считаясь съ требованіями политики, обращая вниманіе только на національность, Іоаннъ различалъ на обширной равнинѣ, которая тянется отъ Карпатъ до Урала и отъ Балтійскаго до Чернаго морей, всего три рода «земель»: земли польскія, литовскія и русскія. Естественныя границы трехъ сосѣднихъ государствъ должны были опредѣляться, по его мнѣнію, этнографическими соображеніями, и границы эти надлежало во что бы то ни стало исправить. Между тѣмъ Литва не думала отказаться отъ завоеванныхъ ею русскихъ земель. Іоаннъ былъ этимъ въ высшей степени озлобленъ и громко заявлялъ свои права на отцовское наслѣдіе, требуя ни болѣе, ни менѣе, какъ возврата Кіева и Смоленска.

Руководствуясь этимъ взглядомъ, онъ не уважалъ правъ литовцевъ и дѣлалъ имъ, несмотря на заключенное перемиріе, всевозможныя непріятности, какъ будто договоръ 1495 г. былъ обязателенъ только для слабѣйшей изъ договаривавшихся сторонъ.

Такимъ образомъ бракъ великой княжны Елены съ великимъ кня-

земъ литовскимъ нисколько не измѣнилъ положенія дѣлъ: этнографическія границы оставались въ области мечтаній, пограничные споры продолжались попрежнему, союзъ Іоанна съ крымскимъ ханомъ и молдавскимъ господаремъ существовалъ ненарушимо, и эти союзники его не думали сложить оружіе. Скрытая вражда могла вспыхнуть при малѣйшемъ поводѣ, а таковой легко могъ представиться, такъ какъ Іоаннъ всегда могъ найти причину вмѣшаться въ дѣла своего зятя.

Какъ мы уже знаемъ, тотчасъ, послѣ обрученія своей дочери онъ потребовалъ, чтобы ей была обезпечена свобода исповѣдывать православную вѣру, чтобы ему были даны гарантіи въ томъ, что ей не будетъ навязана католическая религія. Александръ отказался дать требуемыя гарантіи, и Іоаннъ твердо запомнилъ это.

Положеніе великаго князя литовскаго было весьма затруднительное и щекотливо. Вздумавъ жениться на православной, онъ не подвергъ, какъ-бы слѣдовало, вопроса о бракѣ своевременно на обсужденіе папы, но вскорѣ его стали мучить угрызенія совѣсти, и по прошествіи пяти лѣтъ онъ рѣшилъ разъяснить свои сомнѣнія.

Съ этой цѣлью имъ былъ посланъ въ 1501 г. въ Римъ его секретарь и виленскій каноникъ Эразмъ Чіолекъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Вителліуса, для увѣренія папы въ сыновнемъ послушаніи великаго князя. 11-го марта 1501 г. посолъ въѣхалъ въ вѣчный городъ, имѣя по правую руку деспота Андрея, брата Софіи Палеологъ, а по лѣвую управителя Рима Франческо Ремолино. Свита посланника, состоявшая изъ двѣнадцати всадниковъ и двѣнадцати юношей въ національныхъ одѣяніяхъ, возбудила всеобщее любопытство, самъ папа Александръ VI, желая видѣть это зрѣлище, отправился въ частный домъ и любовался блестящей кавалькадой изъ-за спущенныхъ рѣшетчатыхъ ставень.

На аудіенціи Эразмъ коснулся вопроса о бракѣ великаго князя и сообщилъ папѣ неизвѣстный Риму дотолѣ фактъ о различіи вѣроисповѣданій супруговъ и о томъ, что Александръ клятвенно обѣщался не принуждать свою жену къ принятію латинской вѣры, а равно что великая княгиня не поддавалась никакимъ убѣжденіямъ.

Папа строго осудилъ поступокъ Александра и, разрѣшивъ его отъ данной клятвы, предоставилъ на его выборъ: либо развестись съ Еленой, либо потребовать, чтобы она приняла католическую вѣру. Въ письмѣ на имя виленскаго епископа онъ предъявилъ тѣ же требованія и совѣтовалъ прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ: «пусть великій князь изгонитъ съ своего ложа и изъ своего дома непокорную супругу»,—писалъ онъ,—«и удержитъ принесенное ею приданое».

Каковы были истинныя чувства самой Елены? Въ ея душѣ должна была происходить жестокая борьба. Литовскій дворъ хотѣлъ, чтобы она приняла католическую вѣру; католическіе епископы и монахи предлагали наставить ее на этомъ пути. Съ другой стороны Іоаннъ, опасавшійся

вліянія католиковъ, писалъ своей дочери: «лучше умереть, нежели отречься отъ своей вѣры» и угрожалъ ей проклятіемъ въ случаѣ, ежели бы это случилось. Софія Палеологъ присоединяла къ этому свои материнскія увѣщанія. Можно себѣ представить, что должна была испытывать Елена, выслушивая подобныя наставленія.

Всей душою преданная православной церкви, она однако ни разу не жаловалась своимъ родителямъ на то, что терпѣла притѣсненія изъ-за вѣры, хотя Іоаннъ всячески старался выпытать у нея подобное признаніе.

Въ то время какъ Александръ завелъ переговоры съ Римомъ, между нимъ и Іоанномъ уже два года снова велась война.

Ихъ постоянныя распри должны были неизбѣжно привести къ столкновенію. Выждавъ удобный моментъ, великій князь соединился съ князьями чернигово-сѣверскими и предпринялъ набѣгъ на Литву подъ предлогомъ защиты православной вѣры.

Съ точки зрѣнія военной этотъ походъ не представляетъ ничего интереснаго. Но необходимость заключить миръ чувствовалась всѣми. Пограничныя провинціи, то и дѣло страдавшія отъ прохода войскъ и грабежей, громко требовали мира; Александръ также желалъ его.

Въ 1501 г. онъ былъ избранъ на польскій престолъ, ставшій вакантнымъ по смерти его брата. Такимъ образомъ Польша и Литва соединялись снова подъ однимъ скипетромъ, но присущій имъ нѣкогда воинственный пылъ угасъ. Къ тому же папа сталъ настойчиво требовать, чтобы Елена приняла католическую вѣру: польское духовенство возмущалось тѣмъ, что у него будетъ православная королева, а магнаты не допускали мысли, чтобы она была коронована. Несмотря на всѣ эти непріятности, къ Еленѣ обратились всѣ взоры, когда нужно было найти посредника для заключенія мира.

Великая княгиня приняла на себя роль примирительницы. Вооружившись перомъ, она написала длинныя посланія отцу, матери и братьямъ: это были наивныя изліянія русской любящей женщины. Поляки ошиблись въ разсчетѣ. Іоаннъ счелъ несовмѣстнымъ со своимъ достоинствомъ вести переговоры съ женщиной, хотя бы то была его собственная дочь. Онъ отклонилъ ея посредничество и отвѣчалъ обычными жалобами на утѣсненіе православныхъ христіанъ и оказался сговорчивѣе только тогда, когда со стороны Литвы ему были сдѣланы болѣе выгодныя предложенія для заключенія мира. Этотъ разъ въ дѣлѣ принялъ участіе папа Александръ VI, коимъ руководили, конечно, свои собственныя побужденія.

Въ исходѣ 1500 г. въ Римѣ снова стали помышлять о крестовомъ походѣ противъ турокъ, и 18-го ноября были даны согласно съ этимъ инструкціи кардиналу Изуагліасу (Isuaglias), который отправился хлопотать о содѣйствіи въ Венецію, Венгрію, Польшу и Богемію. Ему было поручено доставить великому князю московскому папское посланіе, въ

коемъ Александръ VI склонялъ Іоанна III примириться съ Польшею, которая получила бы такимъ образомъ возможность обратить свое оружіе противъ турокъ. Кромѣ того папа склонялъ Іоанна самому принять участіе въ лигѣ противъ турокъ.

Кардиналъ-легатъ избралъ въ посредники венгерскаго короля Владислава, а тотъ, въ свою очередь послалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1502 г. въ Москву особаго уполномоченнаго, Сигизмунда Сантая, коего сопровождалъ капеланъ Дитрихъ. Наканунѣ аудіенціи, назначенной великимъ княземъ, Сантай такъ усердно предался возліяніямъ, что не могъ явиться во дворецъ, гдѣ его замѣнилъ сотоварищъ. Въ результатѣ переговоровъ великій князь заявилъ о своей готовности принять участіе въ войнѣ противъ турокъ и заключить миръ съ поляками. Мысль объ участіи въ крестовомъ походѣ была, какъ и слѣдовало ожидать, вскорѣ оставлена, но переговоры съ Александромъ возобновились и литовскій князь послалъ въ Москву своихъ уполномоченныхъ, чтобы заключить миръ.

Добившись отъ Александра огромныхъ уступокъ, Іоаннъ подписалъ перемиріе на шесть лѣтъ, съ 25-го марта 1503 по 25-е марта 1509 г. Москва сохранила свои недавнія завоеванія и пріобрѣла кромѣ того много городовъ, мѣстечекъ и деревень. Вѣрный своей системѣ, Іоаннъ возвратился однако снова къ вопросу о религіи и потребовалъ новыхъ гарантій относительно свободы вѣроисповѣданія своей дочери; не довольствуясь одними обѣщаніями, онъ настаивалъ на томъ, чтобы это было подтверждено граматами, подписанными королемъ и польскими епископами. Тогда Александръ предложилъ, чтобы обѣ стороны послали для рѣшенія дѣла своихъ пословъ въ Римъ. Іоаннъ наотрѣзъ отказался отъ этого, и вопросъ такъ и остался нерѣшеннымъ. Впрочемъ, перемиріе существовало болѣе для вида; ибо великій князь втайнѣ поощрялъ крымскаго хана возобновить непріязненныя дѣйствія противъ Литвы.

Постоянныя жалобы русскихъ волновали Александра, и онъ изложилъ въ 1505 г. свое горе преемнику Пія III, на папскомъ престолѣ, Юлію II.

22-го августа того же года папа отвѣчалъ ему, что онъ разрѣшаетъ Еленѣ придерживаться православныхъ обрядовъ, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она подчинилась постановленіямъ Флорентійскаго собора, иначе говоря, онъ одобрялъ бракъ католика съ православной подъ условіемъ, чтобы она признавала догматы католической церкви.

Между тѣмъ, Елена дорожила не только обрядами, но главнымъ образомъ догматами православной церкви.

Посланіе Юлія II нисколько не измѣнило положеніе вещей, Александръ не хотѣлъ разводиться съ Еленой, и ему не удалось обратить ее въ католическую вѣру.

Такимъ образомъ бракъ, который долженъ былъ соединить потомковъ Гедимина съ потомками Владиміра и возстановить миръ между славянами, только внесъ раздоръ въ семью Александра и далъ Іоанну новый

поводъ къ войнѣ. Родственныя чувства не имѣли никакого вліянія на политику. Выдавъ свою дочь за великаго князя литовскаго, Іоаннъ попрежнему стремился соединить всѣ «русскія земли» подъ скипетромъ Москвы, ссылаясь на принципъ національности, о которомъ въ то время имѣли смутное понятіе.

Великій князь литовскій со своей стороны не хотѣлъ отказаться отъ завоеваній, сдѣланныхъ его предками.

Рѣшить этотъ вопросъ, изъ-за котораго было пролито не мало славянской крови, было суждено будущему.

Опасность, которая угрожала Европѣ со стороны турокъ, заставила римскаго папу искать новыхъ союзниковъ.

Король венгерскій Владиславъ, наскучивъ войною, заключилъ 20-го августа 1503 г. съ турками миръ на семь лѣтъ. Десять дней передъ тѣмъ Венеціанская республика также заключила съ ними полезный для нея, хотя не особенно славный миръ. Отпаденіе отъ лиги Венгріи и Венеціи лишало христіанъ двухъ могущественныхъ союзниковъ, которымъ наиболѣе угрожала Турція. Прочія державы не выказывали особеннаго желанія воевать съ ними. Такимъ образомъ папамъ пришлось поневолѣ обратить свои взоры на Востокъ и сблизиться съ Москвою.

Въ началѣ шестнадцатаго вѣка одно имя турокъ внушало непреодолимый ужасъ, ихъ считали столь опасными врагами на полѣ брани, что всякій новый союзникъ являлся желаннымъ.

Мысль о союзѣ съ Москвою не была новостью; папы давно уже старались привлечь къ лигѣ противъ турокъ монарховъ Европы и Азіи безъ различія вѣроисповѣданія.

Папа Левъ X возлагалъ большія надежды на Москву. Будучи молодымъ кардиналомъ, онъ видѣлъ при дворѣ папы Александра VI русскихъ пословъ (по всей вѣроятности, Ралева и Карачіарова), прибывшихъ въ Ватиканъ отъ имени Іоанна III, которые произвели на него неизгладимое впечатлѣніе. Левъ X былъ убѣжденъ, что они пріѣзжали съ цѣлью засвидѣтельствовать папѣ почтеніе своего монарха и его намѣреніе принять католическую вѣру.

Удивительно, какимъ образомъ подобное убѣжденіе могло возникнуть въ умѣ человѣка, одареннаго проницательностью? или, быть можетъ, русскіе преувеличили данныя имъ полномочія и ввели его въ заблужденіе? Какъ бы то ни было, впечатлѣніе, произведенное на Льва X русскими послами, не изгладилось много лѣтъ спустя. Подъ его вліяніемъ онъ предавался обманчивымъ надеждамъ и полагалъ, что великій князь Василій III, царствовавшій въ то время въ Москвѣ, раздѣлялъ взгляды, которые ошибочно приписывались его отцу Іоанну III.

Замышляя походъ противъ турокъ, Левъ X хотѣлъ, чтобы войскомъ предводительствовалъ король польскій Сигизмундъ I. Но послѣдній не могъ предпринять войну въ отдаленные края, не заключивъ прочнаго

мира со своими сосѣдями; поэтому папа старался примирить его съ двумя врагами, угрожавшими его границамъ—гросмейстеромъ Тевтонскаго ордена и великимъ княземъ московскимъ. Пруссія Фридриха II и Германія Бисмарка въ то время еще не существовали; Московское княжество внушало болѣе страха, и всѣ усилія римской дипломатіи были направлены къ тому, чтобы возстановить миръ на сѣверѣ и поддержать добрыя отношенія между тремя умиротворенными противниками, но всѣ симпатіи папы были, конечно, на сторонѣ католиковъ-поляковъ. Ихъ побѣды надъ русскими считались побѣдами истинной вѣры надъ ересью, и за таковую побѣду ихъ осыпали похвалами.

Король польскій искусно пользовался этимъ настроеніемъ римскаго двора. Его обѣщанія папѣ принять участіе въ войнѣ съ турками не мѣшали ему заключать съ ними перемиріе. Что касается сношеній папы съ Россіей, то, по мнѣнію короля, они должны были подчиняться частнымъ интересамъ Польши, что онъ открыто и высказывалъ. Всякій разъ какъ его армія терпѣла пораженіе, они требовалъ, чтобы папа послалъ въ Москву посредника, котораго возвращали назадъ, какъ только счастье снова улыбалось полякамъ.

Какихъ же взглядовъ держался въ то время въ своей политикѣ великій князь московскій?

Съ кончины Іоанна III въ Россіи не произошло никакой существенной перемѣны. Его сынъ Василій также точно и по тѣмъ же причинамъ дорожилъ добрыми отношеніями къ султану; они обмѣнивались любезными письмами и посольствами. За то Василій отъ всей души ненавидѣлъ Польшу.

Но дружественныя отношенія къ Турціи и вражда къ Польшѣ не мѣшали Василію давать папѣ такія же прекрасныя обѣщанія, какія давалъ ему Сигизмундъ.

Султанъ Селимъ I, прозванный «непреклоннымъ», ознаменовалъ начало своего царствованія избіеніемъ своей семьи; этотъ звѣрскій поступокъ не сулилъ ничего добраго и заставлялъ опасаться за участь побѣжденныхъ турками христіанъ. Имѣя дѣло со столь опаснымъ противникомъ, нужно было обставить походъ какъ можно лучше.

На совѣтѣ кардиналовъ въ Римѣ было рѣшено отправить ко всѣмъ европейскимъ дворамъ папскихъ легатовъ, чтобы побудить монарховъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. При этомъ не была забыта и Московія. 15-го іюля было рѣшено послать туда и въ другія сѣверныя страны кардинала Бакасъ Эрдеда (Bakacs Erdud), примаса венгерскаго. 24-го ноября 1513 г. было написано два папскихъ посланія, одно на имя Василія, другое на имя Сигизмунда, которыя кардиналъ Эрдедъ взялся доставить по назначенію.

Узнавъ объ этомъ, король польскій, только-что передъ тѣмъ получившій отъ Льва X освященный мечъ и шапку, предназначенные па-

пою Юліемъ II «побѣдителю скиѳовъ», возсталъ противъ этого. «Папа можетъ отправить въ Кремль пословъ, говорилъ онъ, но не долженъ писать Василію писемъ, такъ какъ Василій способенъ показать ихъ султану». Опасаясь измѣны, онъ хотѣлъ устранить отъ лиги великаго князя; но неожиданная перемѣна въ ходѣ событій вынудила его въ скоромъ времени самому настаивать на отправкѣ въ Москву посла.

Счастье, вначалѣ сопутствовавшее полякамъ на полѣ битвы въ войнѣ съ русскими, начало имъ измѣнять. Встревоженный за исходъ похода, Сигизмундъ заявилъ 3-го марта 1514 г. кардиналу Эрдеду о своемъ намѣреніи заключить миръ съ Василіемъ и обратить свое оружіе противъ турокъ; онъ желалъ скрыть свое затруднительное положеніе и сдѣлалъ видъ, будто онъ исполняетъ только желаніе папы.

Король предложилъ легату послать въ Москву вмѣстѣ съ польскими послами своего представителя. Эрдедъ тотчасъ выразилъ на это согласіе и назначилъ для этой цѣли Якова Пизо, по происхожденію венгерца, прекраснаго латиниста, владѣвшаго нѣсколькими языками, человѣка добродушнаго и веселаго, который былъ не прочь заняться дипломатіей.

Пизо уже былъ въ Вильно и собирался ѣхать въ Москву. Послѣ паденія Смоленска (29-го іюля 1514 г.), чрезвычайно важнаго для поляковъ стратегическаго пункта, Сигизмундъ настаивалъ на скорѣйшемъ отъѣздѣ Пизо, какъ вдругъ побѣда, одержанная поляками, измѣнила положеніе дѣлъ.

8-го сентября произошло кровопролитное сраженіе на берегахъ Днѣпра, въ окрестностяхъ Орши. Князь Константинъ Острожскій, командовавшій поляками, безпрепятственно переправился черезъ рѣку. Русскіе, понадѣявшіеся на свое численное превосходно, безбоязненно ожидали врага, который послѣ стремительной атаки обратилъ ихъ въ бѣгство. Поле битвы отъ Орши до Дубровны было усѣяно трупами, волны Днѣпра и Кропивны были обагрены кровью, самые главные воеводы и множество солдатъ были взяты въ плѣнъ. Знамена, пушки, обозъ достались побѣдителю. Никогда еще побѣда поляковъ не была столь блистательна.

Послѣ этого Сигизмундъ счелъ себя хозяиномъ положенія. Переговоры съ Москвою были тотчасъ прерваны, и посольство задержано къ великому удовольствію Пизо, который поспѣшилъ извѣстить объ этомъ одного изъ своихъ друзей въ Римѣ.

Онъ былъ очевидцемъ битвы подъ Оршей, восторгался храбростью поляковъ и радовался тому, что ему не придется совершить столь трудное путешествіе. Дальность разстоянія, трудность передвиженія и дурная слава, какой пользовался Василій, произвели на него сильное впечатлѣніе.

Его опасенія смѣнились ужасомъ, когда было получено извѣстіе о таинственномъ изчезновеніи одного гонца, который, какъ говорили, былъ потопленъ русскими.

Побѣда, одержанная при Оршѣ, дотого ослѣпила Сигизмунда, что онъ даже не извлекъ изъ нея всей возможной выгоды. Она не имѣла никакихъ практическихъ результатовъ для Польши, но прогремѣла на всю Европу благодаря многочисленнымъ реляціямъ, въ которыхъ цифры очевидно были сильно преувеличены.

Левъ X привѣтствовалъ съ побѣдою Сигизмунда, послалъ ему свое благословеніе и далъ его войску отпущеніе отъ грѣховъ.

Кардиналы, получившіе денежную помощь изъ Рима, присоединились къ папѣ въ выраженіяхъ своихъ похвалъ.

25-го января 1515 г., протекторомъ Польши, кардиналомъ Грасси было отслужено благодарственное молебствіе и произнесено подходящее къ обстоятельствамъ слово. Сигизмунду было предложено стать во главѣ лиги противъ Турціи,—почетная роль, которую онъ съ радостью принялъ на себя.

Такимъ образомъ первая попытка вмѣшательства со стороны папы между Польшею и Москвою не привела ни къ чему.

Страхъ, который внушало имя султана Селима I, былъ такъ великъ, что въ 1517 году въ Римѣ былъ снова поднятъ вопросъ о походѣ противъ Турціи. Въ этомъ году Селимъ I завоевалъ Египетъ и присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ; всѣ ожидали со страхомъ новыхъ завоеваній его въ Европѣ. Говорили, будто падишахъ поклялся соорудить мечети въ Вѣчномъ городѣ и что съ высоты ихъ минаретовъ раздастся скоро голосъ муэзиновъ.

Левъ X, трепеща за участь Вѣчнаго города, разослалъ къ европейскимъ монархамъ посланіе, въ которомъ убѣждалъ ихъ заключить всеобщій миръ и просилъ дать ему восемь милліоновъ дукатовъ на походъ противъ невѣрныхъ. Получивъ болѣе или менѣе успокоительные отвѣты, онъ торжественно провозгласилъ 13-го марта 1518 г. пятилѣтній миръ и разослалъ во всѣ страны своихъ агентовъ, чтобы ускорить приготовленія къ лигѣ.

Въ числѣ этихъ агентовъ находился доминиканскій монахъ, Николай Шенбергъ (Schaenberg), человѣкъ весьма интеллигентный и дѣятельный. Онъ былъ посланъ папою въ Германію, Венгрію, Польшу, Тевтонскій орденъ, Москву и Татарію. Вѣрительныя граматы, данныя ему на имя Василія, были написаны почти дословно въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и граматы на имя татарскаго хана. Шенбергу велѣно было склонить монарховъ напасть на татаръ одновременно съ разныхъ сторонъ, чтобы нанести имъ рѣшительный ударъ; въ особенности ему велѣно было примирить короля польскаго съ гросмейстеромъ Тевтонскаго ордена и съ великимъ княземъ московскимъ.

Принявъ участіе въ сеймѣ, созванномъ въ Офенѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1518 г., гдѣ засѣдалъ также Герберштейнъ, только-что возвратившійся изъ своей первой поѣздки въ Москву, Шенбергъ отправился оттуда

прямо въ Польшу. Относительно перемирія съ Москвою Сигизмундъ оказался весьма сговорчивъ. Онъ изъявилъ согласіе заключить его на пять лѣтъ и обѣщалъ даже дать папѣ просимую имъ субсидію, если только она будетъ утверждена сеймомъ, безъ котораго онъ не могъ ничего предпринять. Что же касалось сейма, то на его щедрость, по словамъ Сигизмунда, трудно было разсчитывать въ виду плохаго состоянія финансовъ и неисправнаго поступленія податей.

Положеніе Польши было въ то время столь критическое, что король былъ готовъ даже заключить миръ. Поляки были утомлены войною, которая стоила имъ дорого и не дала блестящихъ результатовъ.

Послѣ побѣды подъ Оршею, князь Острожскій потерпѣлъ пораженіе подъ Смоленскомъ, несмотря на то, что у него были въ крѣпости единомышленники; въ 1517 г. онъ потерпѣлъ также пораженіе подъ Опочкою и долженъ былъ отступить, оставивъ на полѣ битвы орудія большаго калибра. Эти неудачи давали понятіе о тѣхъ жертвахъ, какія потребовало бы продолженіе войны.

Вмѣшательство императора не привело въ свое время ни къ чему. Посланный имъ для переговоровъ въ Москву Герберштейнъ ничего не добился: русскіе и поляки одинаково упорно настаивали на сохраненіи Смоленска. По мнѣнію бояръ, добровольная уступка этой крѣпости была бы безуміемъ.

Неудачный исходъ дипломатическихъ переговоровъ въ связи съ пораженіями, понесенными поляками на полѣ битвы, заставляли короля желать мира, поэтому, когда Шенбергъ повелъ объ этомъ рѣчь, то Сигизмундъ съ радостью ухватился за возможность возобновить переговоры, не роняя своего достоинства, прикрываясь желаніемъ сдѣлать угодное папѣ.

Онъ тотчасъ обѣщалъ дать Шенбергу охранный листъ для проѣзда въ Москву, сказалъ ему, что перемиріе будетъ большимъ облегченіемъ для Польши и дастъ ему возможность принять участіе въ лигѣ противъ Турціи; но между прочимъ высказалъ опасеніе, что Василій предложитъ такія тяжкія условія, которыя онъ не въ состояніи будетъ принять, и отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ ограниченномъ, чуждомъ возвышенныхъ идей.

Этотъ отзывъ не смутилъ папскаго посла. Окончивъ переговоры съ королемъ, онъ поспѣшилъ въ Кёнигсбергъ, къ гросмейстеру Тевтонскаго ордена, Альберту Бранденбургскому, который заключилъ только-что передъ тѣмъ, 10-го марта 1517 г., союзъ съ Василіемъ, направленный противъ Польши. Въ то же время онъ поддерживалъ дружескія отношенія съ Римомъ, слѣдовательно, былъ самымъ подходящимъ посредникомъ между папою и великимъ княземъ московскимъ. Для Шенберга было большимъ удобствомъ, что ближайшимъ совѣтникомъ гросмейстера, имѣвшимъ на него огромное вліяніе, былъ его

братъ Дитрихъ, который самъ интересовался Москвою. Дитрихъ Шенбергъ готовился вначалѣ къ духовному званію, но затѣмъ избралъ дипломатическую карьеру, которой онъ страстно увлекся. Онъ былъ того мнѣнія, что, дѣйствуя совмѣстно съ Римомъ, Россія будетъ въ состояніи оказать услуги Тевтонскому ордену. Въ Германіи еще было живо воспоминаніе о бракѣ Іоанна III съ Софіей Палеологъ и о посольствѣ Антонія Бонумбра.

Посѣтивъ Кремль въ 1517 г., Дитрихъ Шенбергъ завелъ рѣчь о сліяніи съ Римомъ. Ему отвѣчалъ отъ имени великаго князя Юрій Дмитріевичъ Малый, одинъ изъ тѣхъ византійцевъ, которые состояли на русской службѣ и были посредниками при сношеніяхъ Россіи съ западными державами. Онъ сказалъ, что Василій чувствуетъ все величіе этой идеи и что русскіе считаютъ себя столь же достойными папскаго благословенія, какъ и прежде. Пораженный этимъ отвѣтомъ, Дитрихъ сообщилъ его въ Кёнигсбергъ, а гросмейстеръ Альбертъ передалъ его въ Римъ.

Велика была радость Льва X, когда онъ услышалъ этотъ отвѣтъ. Онъ поклялся, что если русскіе примутъ унію, то ихъ обряды останутся неприкосновенными, и что все будетъ сдѣлано «во славу Божію». Послѣдовавъ совѣту Альберта, онъ рѣшилъ послать къ Василію особое посольство.

Пріѣхавъ въ Москву вторично въ 1518 г., Дитрихъ торжественно сообщилъ Юрію Малому объ обѣщаніи, данномъ папою, и, смѣшивая дѣла вѣры съ земными заботами, онъ распространился о тѣхъ благахъ, какія унія могла принести русскимъ.

Но Дитрихъ Шенбергъ ошибся на счетъ намѣреній великаго князя; на этотъ разъ отвѣтъ Юрія Малаго былъ не столь благопріятенъ: великій князь отказался вести переговоры объ этомъ вопросѣ, такъ какъ папа могъ воспользоваться этимъ, чтобы примирить его съ Польшею и привлечь его къ участію въ походѣ противъ турокъ, что̀ не соотвѣтствовало видамъ Василія и, какъ присовокупилъ Юрій, «не понравилось бы, быть можетъ, и гросмейстеру».

Дитрихъ не понялъ ироніи, заключавшейся въ этихъ словахъ, и въ слѣдующемъ 1519 году возобновилъ свои ходатайства. Онъ отправился въ Москву просить объ охранной грамотѣ для своего брата Николая и одного генуезца, ѣхавшаго съ нимъ, и довести до свѣдѣнія Василія о пятилѣтнемъ перемиріи, возвѣщенномъ Львомъ X, и о лигѣ противъ турокъ. Коснувшись вопросовъ религіи, онъ намекнулъ таинственно, что папа готовъ дать великому князю королевскую корону, а московскому митрополиту званіе патріарха.

Василія трудно было подкупить обманчивыми надеждами, онъ придавалъ болѣе значенія осязательнымъ выгодамъ. Онъ согласился участвовать въ походѣ и заключить перемиріе съ Польшею, подъ условіемъ,

чтобы ему возвратили захваченные Польшею русскіе города. Хотя онъ былъ также не прочь заключить союзъ съ папою, но онъ заявилъ впередъ, что онъ не измѣнитъ «греческой вѣрѣ»; что касалось вопроса о королевскомъ титулѣ и о патріархѣ, то онъ даже не обсуждалъ его. Впрочемъ, Василій изъявилъ согласіе принять Николая Шенберга и разрѣшилъ католическимъ миссіонерамъ проѣхать въ Персію.

Въ то время какъ гросмейстеръ Тевтонскаго ордена подготовлялъ, такимъ образомъ, Николаю Шенбергу путь въ Москву, въ Польшѣ снова произошла перемѣна, и эти хлопоты оказались излишни. Сигизмундъ, ссылаясь на побѣды, одержанныя надъ русскими, заявилъ, что нѣтъ болѣе надобности посылать къ Василію Шенберга, и запретилъ ему ѣхать въ Москву.

«Мои войска,—писалъ онъ,—побили и оттѣснили московитовъ, и теперь можно продолжать войну еще нѣкоторое время».

Николай Шенбергъ внимательно слѣдилъ за переговорами, которые Дитрихъ велъ въ Москвѣ, и доносилъ о нихъ папѣ. 1-го октября 1518 г. папа выразилъ ему свое полное удовольствіе и обѣщалъ утвердить унію съ Москвою на основаніи постановленій Флорентійскаго собора и дать великому князю королевскую корону.

Этимъ объясняется увѣренность, съ какою Дитрихъ говорилъ въ Москвѣ о титулѣ; онъ хорошо зналъ, что все имъ обѣщанное будетъ исполнено. Николай Шенбергъ, менѣе увлекающійся, но столь же настойчивый, какъ и его братъ, не оставлялъ надежды быть когда-либо въ Москвѣ. Дитрихъ поддерживалъ его въ этихъ мысляхъ и вопреки всякой очевидности попрежнему думалъ, что Василій домогался папскихъ милостей и королевской короны. Любопытно, что Дитрихъ боялся противодѣйствія грековъ, которые, по его словамъ, не одобряли учрежденія въ Москвѣ патріаршества. Отцу Николаю не суждено было видѣть Москвы, такъ какъ 12-го января 1519 г. скончался императоръ австрійскій. Перемиріе, заключенное при его посредничествѣ, потеряло свою силу, и Сигизмундъ, позабывъ воинственныя рѣчи, произнесенныя имъ въ присутствіи Николая, поспѣшилъ обратиться къ папѣ съ просьбою о вмѣшательствѣ съ цѣлью заключенія мира и даже объ отправкѣ въ Москву посла.

«Пусть папа пошлетъ въ Москву,—писалъ онъ, человѣка осторожнаго, опытнаго, честнаго, безпристрастнаго, не монаха, который будетъ заботиться единственно объ исполненіи данныхъ ему приказаній».

О монахѣ упоминалось только для того, чтобы замаскировать желаніе устранить отца Николая.

Левъ X откликнулся на желаніе Сигизмунда. Неудачи Пизо и Шенберга были позабыты, и въ іюлѣ мѣсяцѣ 1519 г. были созваны кардиналы для обсужденія дальнѣйшаго образа дѣйствій.

На засѣданіи присутствовалъ также польскій посолъ. Онъ держалъ

рѣчь о предполагаемомъ союзѣ короля польскаго съ великимъ княземъ московскимъ и гросмейстеромъ Тевтонскаго ордена.

«Король польскій,—говорилъ онъ,— предложитъ Василію заключить унію съ Римомъ, папа объявитъ его «земли» королевствомъ, и Сигизмунду будетъ пріятно видѣть, что великій князь, исповѣдующій римско-католическую вѣру возложитъ на свою главу королевскую корону».

Кардиналы не подозрѣвали, что посолъ говорилъ все это отъ себя лично и что король не одобрилъ бы сказаннаго имъ. Такимъ образомъ, было рѣшено послать уполномоченнаго въ Польшу, Пруссію и Москву съ порученіемъ возстановить миръ на сѣверѣ въ виду предстоявшаго крестоваго похода.

Польскій посолъ былъ доволенъ своимъ успѣхомъ. Желая спасти честь страны и не обнаружить миролюбивыхъ стремленій Польши, онъ распространилъ слухъ, что кардиналы обсуждали только вопросъ о религіозной уніи съ Василіемъ и вовсе не касались политики. Для посольства въ Москву были избраны Захарій Феррери и Джіованни Тедальди; изъ нихъ послѣдній воспитывался въ Польшѣ и зналъ польскій языкъ.

Въ исходѣ декабря 1519 г. посланные прибыли въ Венецію и, пробывъ тамъ всего нѣсколько дней, отправились далѣе наканунѣ новаго года.

Но между тѣмъ какъ послы спѣшили въ Польшу, Сигизмундъ измѣнилъ свои планы.

Уже 26-го января онъ писалъ въ Римъ, что онъ воспользуется папскимъ нунціемъ, смотря по обстоятельствамъ, «если къ тому представится надобность», а вслѣдъ затѣмъ заявилъ открыто Льву X, что онъ не пуститъ ихъ въ Москву, ибо это путешествіе «опасно и неприлично».

Что же была за причина этой перемѣны? Оказывается, Сигизмундъ просилъ папу о посредничествѣ только на всякій случай, но какъ только русскіе сразу согласились заключить миръ, то Сигизмундъ успокоился, папское посредничество оказалось ему ненужнымъ, и онъ предпочелъ договориться со своимъ сосѣдомъ безъ посторонней помощи, а главное, какъ только король и его совѣтники узнали, что Феррери подыметъ въ Москвѣ вопросъ объ уніи и коронованіи, они рѣшили, что папскаго посла нельзя допускать къ исконнымъ врагамъ Польши, и между Польшею и Москвою было заключено, безъ посторонняго вмѣшательства, перемиріе на одинъ годъ.

Такимъ образомъ, ни одинъ изъ трехъ пословъ, отправленныхъ папою къ Василію, не достигъ цѣли своего назначенія. Ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ Кремля, не велъ переговоровъ съ Василіемъ и не могъ сообщить Льву X правильныхъ о немъ свѣдѣній, такъ что папа все время оставался въ полномъ заблужденіи относительно истинныхъ намѣреній великаго князя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Батуринскій переворотъ 13-го марта 1672 года.

(Дѣло гетмана Демьяна Многогрѣшнаго.)

IV [1]).

Въ Москвѣ долго не хотѣли придавать значенія, приходившимъ туда извѣстіямъ «о шатости гетмана Демьяна»—имъ не вѣрили, какъ не повѣрили доносу Михаила Ханенко, пересланному польскимъ правительствомъ въ Москву [2]). Довѣренные люди Москвы въ Малороссіи, архіепископъ черниговскій и нѣжинскій протопопъ Адамовичъ не сообщали ничего подозрительнаго о гетманѣ, и Демьянъ Игнатовичъ продолжалъ пользоваться прежнимъ довѣріемъ. Архіепископъ черниговскій только въ это время сталъ принимать менѣе живое и дѣятельное участіе въ сношеніяхъ гетмана съ московскимъ правительствомъ, что онъ и объяснялъ впослѣдствіи предосудительными сношеніями Демьяна съ Дорошенкомъ, отъ которыхъ архіепископъ тщетно удерживалъ Демьяна. Принимая, въ апрѣлѣ 1672 г. въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, царскаго посланнаго, стольника Михаила Самарина, привезшаго ему грамоту съ извѣстіемъ о низложеніи гетмана, Лазарь Барановичъ сказалъ: что, узнавъ о подозрительныхъ сношеніяхъ Многогрѣшнаго съ Дорошенкомъ (когда именно, онъ не объяснилъ), немедленно написалъ гетману Демьяну Игнатовичу, чтобы тотъ прекратилъ свои ссылки съ Дорошенкомъ. Но гетманъ,—говорилъ архіепископъ,—получивъ отъ меня такой совѣтъ, сильно разсердился, бросилъ присланную ему грамоту и

[1]) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1903 г.

[2]) Избранный правобережнымъ гетманомъ, на Уманской радѣ, тамошній полковникъ Михаилъ Ханенко подчинился полякамъ и сообщилъ королю, что Демьянъ Многогрѣшный вошелъ въ соглашеніе съ его противникомъ Дорошенко, и оба замышляютъ отдать Малороссію, по обѣ стороны Днѣпра, Турціи, въ качествѣ вассальнаго владѣнія. Поляки отослали этотъ доносъ въ Москву (Акты Ю. и З. Россіи, т. IX, № 90, стр. 367).

приказалъ сказать мнѣ: «пусть знаетъ архіепископъ свой клобукъ» [1]). Лазарь Барановичъ очевидно зналъ о замыслахъ гетмана Демьяна и не одобрялъ ихъ, на что указываетъ универсалъ архіепископа черниговскаго, разосланный имъ въ началѣ февраля 1672 г., по всѣмъ подчиненнымъ ему протопопіямъ. Въ этомъ универсалѣ Лазарь Барановичъ, извѣщая о взятіи Астрахани и побѣдѣ царскаго войска надъ мятежникомъ Шелудякомъ [2]) и предписывая, согласно царскому указу, пѣть по всѣмъ церквамъ молебны, присовокупилъ: «и впредь, которые бы измѣнники противъ его царскаго пресвѣтлаго величества возстали бы, чтобы имъ недопомогъ Господь». Это предостереженіе было обращено къ гетману Демьяну, и такъ его понялъ онъ самъ, потому что когда листы вышеуказаннаго универсала были доставлены въ Батуринъ, гетманъ пришелъ въ великій гнѣвъ, ругалъ Барановича и даже хотѣлъ отослать универсалъ обратно въ Новгородъ-Сѣверскій [3]). Лазарь Барановичъ, оградивъ себя разсылкой означеннаго универсала, не счелъ, однако, нужнымъ писать въ Москву о поведеніи гетмана, вызвавшемъ такое предостереженіе. Въ отвѣтной грамотѣ на присланное ему извѣстіе о взятіи Астрахани архіепископъ только отписалъ великому государю о торжественномъ молебствіи, имъ совершенномъ, и разосланномъ указѣ пѣть молебны и возглашать вѣчную память убіенному въ Астрахани митрополиту Іосифу. Архіепископъ Лазарь умолчалъ также и о попыткѣ гетмана Демьяна возстановить его, Барановича, противъ Москвы. Гетманъ Демьянъ, видя, что вліятельный архіепископъ не одобряетъ его соглашенія съ Дорошенкомъ и возникшихъ вслѣдствіе того плановъ, написалъ Лазарю Барановичу, что къ нему пришелъ указъ изъ Москвы ѣхать туда и взять съ собою архіепископа черниговскаго. Послѣдній не повѣрилъ этой выдумкѣ гетмана, но ограничился сухимъ отвѣтомъ, что самъ такого указа не получалъ и по болѣзни въ Москву не поѣдетъ [4]). Нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ, ближайшій совѣтникъ до этого времени гетмана Демьяна, котораго Костомаровъ напрасно выдаетъ за его тайнаго врага [5]), также до своего письма отъ 4-го фе-

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. IX, № 147, стр. 751.

[2]) Послѣ поимки и казни Стеньки Разина, послѣдовавшей 6-го іюня 1671 г., его сторонники продолжали держаться въ Астрахани, гдѣ сидѣлъ его атаманъ Ѳедька Шелудякъ. Царское войско съ воеводой Ив. Богд. Милославскимъ подошло къ Астрахани только въ августѣ этого года, а городъ сдался 27-го ноября 1671 г.

[3]) Архивъ министерства юстиціи, дѣла Малорос. приказа, книг. № 16, л. л. 309—310. О гнѣвѣ гетмана, вызванномъ этимъ универсаломъ писалъ войсковой судья Самойловичъ архимандриту Лежайскому.

[4]) Акты Ю. и З. Россіи, т. IX, № 147, стр. 750.

[5]) См. истор. моногр., т. XV, стр. 354. Протопопъ дѣйствительно былъ врагомъ Демьяна Многогрѣшнаго и при томъ открытымъ до Глуховской рады, послѣ которой между ними послѣдовало примиреніе, и протопопъ усердно сталъ радѣть о поддержаніи добрыхъ отношеній между гетманомъ и Москвой.

врали 1672 г. не писалъ въ Малороссійскій приказъ ничего неблагопріятнаго для гетмана. Симеонъ Адамовичъ, хотя, какъ было указано выше, начиная съ лѣта 1671 года, находился иногда въ недоумѣніи относительно нѣкоторыхъ распоряженій гетмана (напримѣръ, приказы крѣпить города на московскомъ рубежѣ, посылки казаковъ въ помощь Дорошенку), тѣмъ не менѣе надѣялся образумить Демьяна Игнатовича, начавшаго, видимо, склоняться «на прелести» чигиринскаго гетмана. Нѣжинскій протопопъ такъ же, какъ и архіепископъ черниговскій, считалъ Демьяна очень удобнымъ для себя гетманомъ, потому что при немъ могъ играть весьма видную роль въ сношеніяхъ гетмана съ Москвой, и самымъ усерднымъ образомъ заботился о добрыхъ между ними отношеніяхъ, въ чемъ былъ лично заинтересованъ. Онъ неоднократно увѣщевалъ Демьяна Игнатовича не склоняться «на Дорошенковы прелести», но въ Москву о замѣчаемой имъ шатости въ гетманѣ не писалъ. Пріѣхавъ въ Батуринъ, въ концѣ января 1672 г., для свиданія съ гетманомъ, протопопъ былъ крайне смущенъ оказаннымъ ему пріемомъ. Гетманъ Демьянъ выказалъ ему на этотъ разъ явное недовѣріе, бранилъ его всячески и даже грозилъ отсѣчь саблей голову, говоря: «ты заодно съ москалями мною торгуешь» [1]). Испуганный такимъ пріемомъ гетмана, протопопъ не смѣлъ даже открыто видѣться съ начальникомъ стоявшихъ въ Батуринѣ стрѣльцовъ Неѣловымъ и говорилъ съ нимъ тайно въ церкви. Вернувшись 1-го февраля въ Нѣжинъ, протопопъ разсказалъ воеводѣ Ржевскому, что гетманъ сердитъ безмѣрно и говоритъ непристойныя слова про московскихъ людей [2]) и грозилъ усмирить его, протопопа, злою смертью, если услышитъ изъ Москвы что непристойное. Изъ Нѣжина сейчасъ же, по приказанію тамошняго воеводы Ржевскаго, поскакалъ въ Батуринъ стрѣлецкій пятидесятникъ, Кириллъ Митрофановъ, для болѣе подробныхъ развѣдокъ—послѣднему также пришлось наслушаться не мало непристойныхъ словъ отъ гетмана. Только теперь, по возвращеніи Митрофанова изъ Батурина, рѣшился, наконецъ, Симеонъ Адамовичъ сообщить Малороссійскому приказу о странномъ поведеніи гетмана. 4-го февраля съ вышеуказаннымъ Митрофановымъ Ржевскій послалъ отписку въ Москву, а протопопъ приложилъ къ донесенію воеводы письмо къ начальнику приказа А. С. Матвѣеву. Въ этомъ письмѣ протопопъ извѣщалъ, «что на гетмана нашла наглая скорбь», по случаю пущеннаго какимъ-то крамольникомъ слуха, что будто государь на его мѣсто учинилъ гетманомъ Солонину и хочетъ его послать въ Малороссію со

[1]) Это обстоятельство призналъ и самъ Демьянъ Многогрѣшный на допросѣ его въ Москвѣ.

[2]) Письмо протопопа отъ 4-го февраля 1672 г. и отписка Ржевскаго къ великому государю въ архивѣ министерства юстиціи въ дѣлахъ Малор. приказа, кн. № 19, лл. 421—422.

многими ратьми—и что онъ, протопопъ, такой скорби гетмана никакими притчами и мѣрами исцѣлить не могъ. Сообщая, что кромѣ того Демьянъ Игнатовичъ сильно раздраженъ также и другимъ слухомъ, будто государь хочетъ отдать Кіевъ полякамъ, Адамовичъ писалъ: «Демьянъ Игнатовичъ не вѣритъ моимъ клятвамъ, что государь того не мыслитъ. Бога ради попецытесь, какъ скорѣе посылайте какова умна человѣка отъ великаго государя къ гетману съ грамотой, обнадеживая его о Кіевѣ, границѣ и Солонинѣ, подайте мнѣ руку помощи. Ради Бога скорѣе кого присылайте, пусть ѣдетъ днемъ и ночью, чтобы дурна не учинилось» [1]). По полученіи этого письма и отписки нѣжинскаго воеводы Ржевскаго, привезенныхъ въ Москву Митрофановымъ, начальникъ Малороссійскаго приказа А. С. Матвѣевъ немедленно испросилъ царскій указъ о посылкѣ изъ Москвы къ гетману на спѣхъ, того же числа, переводчика Малороссійскаго приказа Григорія Колчицкаго, которому было поручено успокоить гетмана и спросить его, отъ кого идутъ ложные слухи, встревожившіе его, если отъ малороссіянъ, то пусть онъ ихъ уйметъ по своимъ правамъ, если же отъ государевыхъ людей,—то пусть назоветъ отъ кого именно [2]). Въ Москвѣ уже знали о тревожномъ настроеніи умовъ и возникавшей смутѣ въ лѣвобережной Малороссіи до полученія письма протопопа Адамовича. Во второй половинѣ января 1672 г. царскій гонецъ, подъячій, Михаилъ Савинъ сообщилъ въ приказѣ Малой Россіи о пріемѣ его гетманомъ, 18-го декабря 1671 г. [3]). Этотъ Савинъ былъ посланъ въ Малороссію по другому дѣлу (ему было поручено собрать свѣдѣнія въ Лубнахъ о гробницѣ скончавшагося тамъ на обратномъ пути изъ Москвы восточнаго патріарха Аѳанасія, о святости котораго ходила молва въ народѣ), но ему было предписано предварительно заѣхать въ Батуринъ, для врученія гетману царской грамоты,

[1]) По предположенію В. О. Эйнгорна, высказанному въ его книгѣ „Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ“, стр. 808, слухъ о Солонинѣ былъ пущенъ Дорошенкомъ съ цѣлью возбудить неудовольствіе въ гетманѣ Демьянѣ Многогрѣшномъ. Это предположеніе основано на томъ, что Дорошенко, въ видахъ агитаціи въ лѣво-бережной Украйнѣ, не разъ распускалъ ложные слухи, съ цѣлію возбужденія умовъ.

[2]) По возвращеніи въ Москву Григорія Колчицкаго обнаружилось, что отчасти въ распространеніи слуховъ о Солонинѣ виновенъ кіевскій воевода князь Козловскій, который на Рождествѣ говорилъ слугѣ гетмана, присланному къ нему для поздравленія съ праздникомъ, что и въ Кіевѣ слышно о назначеніи гетманомъ Солонины. 2-го марта 1672 года кн. Гр. Аѳанасьевичу Козловскому была послана царская грамота съ выговоромъ. Въ грамотѣ было предписано кіевскому воеводѣ впредь такимъ слухамъ не вѣрить и ихъ не повторять и быть опасну „отъ такихъ словъ“ и когда гдѣ какія смутныя слова объявятся, писать великому государю (мос. арх. министр. юстиціи, дѣла Малор. приказа, кн. № 19, л. л. 457—459).

[3]) Поѣздка въ Лубны нѣсколько задержала Савина и замедлила его возвращеніе въ Москву, тѣмъ и объясняется запозданіе привезенныхъ имъ извѣстій о гетманѣ.

съ предписаніемъ не чинить съ поляками зацѣпокъ изъ-за рубежей, до окончательнаго разрѣшенія порубежныхъ споровъ посольскою коммиссіею. Грамота эта была послана въ виду пріѣзда польскихъ пословъ, для переговоровъ въ Москву прибывшихъ туда 2-го декабря 1671 года. Принимая Савина, гетманъ Демьянъ Многогрѣшный наговорилъ ему не мало непристойныхъ словъ и отозвался довольно рѣзко объ отношеніяхъ московскаго царя къ Малороссіи. Жалуясь, что Андруссовскимъ договоромъ не установлены точныя границы, чѣмъ ему владѣть, гетманъ, разгорячась, прибавилъ: «коль великій государь изволитъ земли наши понемногу королю отдавать, такъ лучше бы всѣхъ насъ разомъ отдалъ— король радъ будетъ. Только у насъ, на сей сторонѣ, войска тысячъ сто наберется, будемъ обороняться и земли нашей никакими мѣрами не уступимъ». Савинъ пробовалъ успокоить на этотъ счетъ гетмана, но тотъ еще болѣе разгорячился и, перебивъ его, сказалъ: «ожидалъ я отъ царскаго величества и себѣ, и малороссійскому народу милости паче прежняго, а онъ насъ отдаетъ въ лядскую неволю. Поляки грабятъ нашихъ малороссійскихъ купцовъ и въ тюрьмахъ держатъ; около Кіева монастырскія села разоряютъ, а великій государь за то имъ ничего не учинилъ! Насъ совсѣмъ не обороняетъ. Коли бъ мы сами себя не обороняли, давно бы всѣхъ насъ поляки забрали. Видно, намъ нечего надѣяться на московскихъ людей!» Сердито оборвавъ Савина такимъ замѣчаніемъ, гетманъ отпустилъ его на подворье, а самъ поѣхалъ «на поле», т. е. на охоту. Гетманъ нашъ сердитъ, объясняли его челядинцы Савину, онъ всегда, когда приходитъ въ сумнительство, ѣдетъ на охоту и про всякія дѣла думаетъ. Извѣстія, привезенныя Савинымъ, а также отписки московскихъ воеводъ, изъ черкасскихъ и порубежныхъ городовъ, вызвали въ Москвѣ опасенія относительно положенія дѣлъ въ Малороссіи. 27-го января туда былъ посланъ, нарочнымъ гонцомъ, стрѣлецкій полуголова Александръ Танѣевъ, а вслѣдъ за нимъ и вышеуказанный переводчикъ Малороссійскаго приказа Григорій Колчицкій. Извѣстія изъ Нѣжина [1]), доставленныя гонцомъ тамошняго воеводы, и письмо протопопа настолько встревожили московское правительство, что Колчицкій былъ наспѣхъ посланъ въ Батуринъ съ грамотой къ гетману, ради его успокоенія, относительно ходившихъ слуховъ. Въ грамотѣ гетману, привезенной Танѣевымъ [2]) въ первую его поѣздку, сообщалось о переговорахъ съ польскими послами и милостяхъ, оказываемыхъ въ Москвѣ посланцамъ гетмана, Солонинѣ съ товарищами, и высказывались надежды на скорое заключеніе вѣчнаго мира съ Поль-

[1]) Савинъ изъ Батурина ѣздилъ съ особымъ порученіемъ въ Лубны, вслѣдствіе чего возвратился въ Москву мѣсяцъ спустя послѣ разговора съ гетманомъ.

[2]) Эта грамота помѣчена 27-мъ января 1672 г., а составлена послѣ полученія свѣдѣній, привезенныхъ Савинымъ.

шей и вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано, до съѣзда на границѣ межевыхъ и расправныхъ судей, держаться владѣній, бывшихъ при заключеніи Андруссовскаго договора, и заѣздовъ отнюдь не чинить. Въ заключеніе грамоты было указано гетману на непристойность сказанныхъ имъ словъ подъячему Савину, насчетъ того, что будто бы государь отдаетъ ихъ земли ляхамъ. На другой день послѣ пріѣзда, т. е. 7-го февраля, Танѣевъ былъ принятъ гетманомъ съ большимъ почетомъ. Передъ врученіемъ грамоты онъ спросилъ гетмана, всѣхъ полковниковъ и войско Запорожское о здоровьѣ и объяснилъ, что великій государь его, гетмана, жалуетъ и милостиво похваляетъ за вѣрную службу. Демьянъ Игнатовичъ, выслушавъ это привѣтствіе, поклонился до земли, а когда Танѣевъ подалъ ему царскую грамоту, онъ поцѣловалъ на ней печать и опять поклонился до земли. По прочтеніи грамоты, Демьянъ сказалъ, что говорилъ Савину объ отдачѣ земель ляхамъ, потому что польская правда и постоянство ему вѣдомы и что поляки постановленныхъ договоровъ не держатъ и теперь заѣзжаютъ за Днѣпръ и за Сожу и малороссійскимъ жителямъ чинятъ разореніе и убытки, но что онъ истинно желаетъ, чтобы у великаго государя состоялось мирное постановленіе съ королемъ. Только, прибавилъ Демьянъ, пусть великій государь, милосердуя о насъ, стародавнихъ своихъ подданныхъ, освободитъ насъ, всѣхъ людей греческаго закона, отъ иновѣрцевъ, и дѣдичную свою отчину, преславный городъ Кіевъ, никогда не отдавалъ бы въ королевскую сторону. Мы же на всякомъ мѣстѣ готовы противъ непріятелей стоять и головы складывать за великаго государя и его наслѣдниковъ. Послѣ оффиціальнаго, весьма любезнаго пріема, гетманъ Демьянъ дружелюбно бесѣдовалъ съ московскимъ посланцемъ о положеніи дѣлъ въ Малороссіи и въ этой частной бесѣдѣ обнаружилъ мотивы, повліявшіе на происшедшую въ немъ перемѣну. Въ разговорѣ съ Танѣевымъ, Демьянъ усердно восхвалялъ Дорошенку, утверждая съ полной увѣренностью, что онъ, сколько бы его ни подбивали поляки, усердно зазывающіе его на свою сторону, никогда съ ляхами не сойдется и не отстанетъ отъ турецкаго царя. Онъ безпрестанно ко мнѣ присылаетъ и клянется, что съ нами ссориться не станетъ. Изъ статейнаго списка Танѣева, въ которомъ подробно записаны его разговоры съ гетманомъ Демьяномъ Многогрѣшнымъ, видно, насколько въ это время Дорошенко успѣлъ обойти недалекаго Демьяна, обольщая его разными обѣщаніями, и между прочимъ запрещеніемъ своимъ казакамъ и татарамъ производить набѣги на эту сторону Днѣпра. Очевидно, по наущенію Дорошенки Демьянъ говорилъ Танѣеву, что государю (т. е. московскому царю) непремѣнно слѣдуетъ занять Гомель, уступленный полякамъ, по Андруссовскому договору,—иначе будетъ малороссіанамъ утѣсненіе. Въ планы чигиринскаго гетмана, въ виду готовой уже тогда вспыхнуть войны

Турціи съ Польшей, входило поссорить Польшу съ Москвой, и Демьянъ въ этомъ случаѣ лишь вторилъ указаніямъ изъ Чигирина.

Танѣевъ, проведя нѣсколько дней въ Батуринѣ, узналъ отъ Неѣлова, начальника стрѣльцовъ, постоянно находившагося при гетманѣ, о недавнемъ пріѣздѣ къ нему нѣжинскаго протопопа и какъ его принялъ Демьянъ. Подтвердивъ все изложенное въ письмѣ Симеона Адамовича, Неѣловъ добавилъ, что гетманъ, когда не пьянъ, то поступаетъ разсмотрительно, а какъ напьется — такъ бѣда: приступа къ нему нѣтъ! Всѣ старшины взгляда его боятся,—говорить о дѣлахъ съ нимъ не смѣютъ; непомѣрно жестокъ. Неѣловъ въ подтвержденіе своихъ словъ привелъ слѣдующіе факты. «Когда гетманъ прослышалъ, будто государь гетманомъ хочетъ сдѣлать Солонину, то пилъ непомѣрно и сердитъ былъ многое время; меня къ себѣ не призывалъ и не говорилъ со мною, а со старшиной— какъ что не по немъ, сейчасъ за саблю. Дмитрашку Райчу порубилъ саблей у себя въ свѣтлицѣ, и тотъ отъ ранъ боленъ; судью Ивана Домантовича пьяный билъ по щекамъ и хотѣлъ саблей изрубить, только я отнялъ у него саблю и рубить не далъ, за что гетманъ меня бранилъ и называлъ москалемъ. Стародубскаго полковника Рославца посадилъ въ тюрьму неизвѣстно за что, а его полкъ отдалъ брату своему Шумейкѣ (Саввѣ Многогрѣшному)» и т. д. Сверхъ того Неѣловъ сообщилъ Танѣеву, что гетманъ Демьянъ безпрестанно тайно ссылается съ Дорошенкомъ и заставляетъ за его здоровье на банкетахъ пить. «Городскіе ключи пока у меня, объяснилъ въ заключеніе Неѣловъ, но какъ кто пріѣдетъ въ городъ, гетманъ велитъ прислать ключи къ нему (т. е. лишаетъ его возможности узнавать о всѣхъ пріѣзжающихъ въ Батуринъ людяхъ)». Разсказавъ все это, а также многократно выраженное Демьяномъ намѣреніе воевать съ поляками, чтобы не допустить сдачу имъ Кіева, Неѣловъ выразилъ серьезное опасеніе, чтобы не стало всякаго дурна, коли гетманъ будетъ такъ вести себя. Съ такого рода свѣдѣніями, находившимися въ явномъ противорѣчіи съ словами самого гетмана, сказанными на пріемѣ, Танѣевъ и уѣхалъ въ Москву. Въ это же время тамъ были получены неблагопріятныя свѣдѣнія о гетманѣ отъ кіевскаго воеводы кн. Козловскаго. Послѣдній посылалъ для развѣдокъ въ города Дорошенкова владѣнія гоголевскаго попа Исаакія, и тотъ донесъ, что у Дорошенка были посланцы Многогрѣшнаго, и собиралась рада въ Корсунѣ, на которой было рѣшено оставаться въ союзѣ съ турками и воевать съ Польшей. Кромѣ того, тотъ же попъ Исаакій узналъ отъ игумена Трахтемірскаго монастыря Артемія Сильницкаго, что Демьянъ Игнатовичъ и его полковники ссылаются съ Дорошенкомъ почасту, чтобы не допустить у великаго государя вѣчнаго мира съ королемъ, а учинить развратье (т. е. разрывъ), и буде великій государь Кіевъ королю отдастъ, чтобы съ Дорошенкомъ совокупиться и, призвавъ татаръ,

съ ляхами биться, а Кіевъ не отдавать [1]). Такимъ образомъ, довольно очевидно, что Дорошенко, усердно мутившій Демьяна, склонялъ его къ содѣйствію готовившемуся тогда наступленію турокъ на Малороссію. При появленіи послѣднихъ весьма вѣроятно пьяный Демьянъ, повѣривъ намѣренно пущенному изъ Чигирина слуху, что царь уступаетъ Кіевъ полякамъ, могъ пойти на Кіевъ, съ цѣлью вытѣснить оттуда московскаго воеводу, какъ союзника поляковъ. Такое предположеніе представлялось вѣроятнымъ—это видно изъ того, что кіевскій воевода обратился въ Москву съ запросомъ, какъ ему поступать, если гетманъ Демьянъ Игнатовичъ придетъ съ полками къ Кіеву [2]). Въ половинѣ февраля 1672 года гетманъ, Демьянъ Игнатовичъ, вызвавъ къ себѣ изъ Нѣжина протопопа Симеона Адамовича, поручилъ ему немедленно, вмѣстѣ съ генеральнымъ есауломъ Грибовичемъ, ѣхать въ Москву для личныхъ объясненій съ начальникомъ Малороссійскаго приказа Матвѣевымъ [3]), по всѣмъ смущавшимъ гетмана дѣламъ, а именно о пограничныхъ спорахъ, разоренія полковникомъ Пивомъ окрестныхъ съ Кіевомъ селъ, не обороняемыхъ кіевскимъ воеводой, а также, чтобы заявить объ огорченіи гетмана, причиненной ему обидой—недопущеніемъ его посланцевъ въ посольскую коммиссію, засѣдавшую тогда въ Москвѣ. Въ отпискѣ гетмана великому государю было сказано, что посланцы гетмана не получили мѣста въ коммиссіи, потому что ляхи называли ихъ своими холопами, отчего имъ пора отстать, потому что не обсохли тѣ сабли, которыя это холопство уничтожили [4]). Кромѣ того, Адамовичъ долженъ былъ разузнать въ Москвѣ о распространившемся въ Малороссіи слухѣ относительно Солонины. Посылка въ Москву Адамовича вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе, впрочемъ легко объяснимое извѣстною непослѣдовательностью гетмана. Обнаруживъ весьма рѣзко и грубо явное недовѣріе къ протопопу, заподозривъ его даже въ предательствѣ, черезъ двѣ съ небольшимъ недѣли гетманъ посылаетъ этого самаго протопопа съ серьезными секретными порученіями въ Москву, отъ которыхъ, повидимому, могли зависѣть его дальнѣйшія рѣшенія. Тайнымъ наказомъ, даннымъ гетманомъ Адамовичу, послѣднему было

---

[1]) Моск. архивъ минист. иностран. дѣлъ. Дѣла Малороссійск. 1672 г., № 1 л.л. 56—58.

[2]) Тамъ же, л. 54.

[3]) Отписка гетмана Многогрѣшнаго великому государю отъ 22-го февр. 1672 г. съ просьбой исполнить ходатайства, представленныя Адамовичемъ. День отправленія этого посольства въ точности неизвѣстенъ; мы знаемъ, что протопопъ и генеральный есаулъ Грибовичъ 20-го февр. были въ Сѣвскѣ, а 28-го февр. въ Москвѣ, гдѣ того же числа, въ приказѣ Малой Россіи наложили А. С. Матвѣеву жалобу гетмана (Моск. арх. миниет. юстиц., дѣла Малорос. приказа, кн. № 19, л. 539).

[4]) Онъ былъ вѣроятно посланъ съ особымъ гонцомъ вслѣдъ за протопопомъ, потому что послѣдній 20-го былъ уже въ Сѣвскѣ на пути въ Москву.

поручено узнать въ Москвѣ подлинно, будутъ-ли отданы полякамъ Кіевъ и восточная Малороссія, и, какъ показалъ впослѣдствіи Адамовичъ, эти развѣдки были главною цѣлію посольства, ибо Демьянъ въ случаѣ, если протопопъ извѣститъ его о намѣреніи государя отдать Кіевъ, рѣшилъ, не спрашивая разрѣшенія Москвы, засѣсть многими людьми Гомель и вступить въ союзъ съ турками [1]). Гетманъ несомнѣнно придавалъ большое значеніе снаряженному, на этотъ разъ, въ Москву посольству, ибо послалъ вмѣстѣ съ протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ, утратившимъ его довѣріе, наиболѣе преданнаго ему человѣка, генеральнаго есаула Грибовича, пользовавшагося полнымъ его расположеніемъ. Въ разговорѣ съ гетманомъ передъ отправленіемъ въ Москву, протопопъ, услыхавъ о намѣреніи Демьяна, въ случаѣ неблагопріятныхъ вѣстей изъ Москвы, вступить въ союзъ съ турками, убѣждалъ его неотступно держаться милости царскаго величества и напомнилъ ему о Брюховецкомъ. Но гетманъ отвѣтилъ Адамовичу: «поѣдь ты только къ Москвѣ и на Москвѣ будешь ты и въ тюрьмѣ». Въ это короткое пребываніе въ Москвѣ, продолжавшееся всего одну недѣлю, Симеонъ Адамовичъ не успѣлъ переговорить наединѣ съ начальникомъ приказа А. С. Матвѣевымъ—переговоры съ послѣднимъ 28-го февраля происходили въ присутствіи Грибовича. Этимъ обстоятельствомъ протопопъ объяснялъ впослѣдствіи то, что не сказалъ ничего о тайныхъ порученіяхъ, возложенныхъ на него гетманомъ. Начальникъ приказа Малой Россіи А. С. Матвѣевъ, въ виду тревожнаго положенія дѣлъ, торопилъ отъѣздъ протопопа. Заявленія, сдѣланныя въ Малороссійскомъ приказѣ посланцами гетмана, т. е. протопопомъ и Грибовичемъ, вызвали вторичную спѣшную посылку Танѣева въ Батуринъ съ государевой грамотой. Того же числа какъ посланецъ гетмана видѣлъ государевы очи, т. е. 28-го февраля, былъ посланъ на спѣхъ Танѣевъ съ обнадеживательною милостивою граматою гетману относительно слуховъ о Солонинѣ и увѣщаніемъ по-прежнему вѣрно служить великому государю [2]). Эта вторичная поѣздка Александра Танѣева, прибывшаго въ Батуринъ 7-го марта, имѣла роковыя послѣдствія для гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, хотя въ сущности только ускорила развязку давно подготовлявшихся событій. Дерзкія слова гетмана, публично имъ сказанныя на пріемѣ Танѣева 7-го марта 1672 г., имѣли непосредственнымъ слѣдствіемъ переворотъ 13-го марта, т. е. низложеніе гетмана Демьяна. «Время пришло мнѣ свой разумъ держать», сказалъ Демьянъ на этомъ пріемѣ Танѣеву. Казацкой старшинѣ, уговаривавшей его не разрывать съ Москвой, по крайней мѣрѣ до возвращенія посланнаго имъ туда посольства, Демьянъ отвѣтитъ: «се у васъ бороды выросли, а ума не вынесли». Начиная со второй половины декабря 1671 г. и въ особенности въ первые мѣ-

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. IX, стр. 683.

[2]) Архивъ минист. юстиціи, дѣла Малорос. приказа, книга № 19, л. 197.

сяцы наступившаго 1672 г. очевидно обнаружилось, что гетманъ Демьянъ, отстранивъ прежнихъ своихъ совѣтниковъ, архіепископа черниговскаго и нѣжинскаго протопопа, совершенно подчинился новому вліянію, или, какъ тогда говорили: «прелестямъ Дорошенка», а этому послѣднему, въ ожиданіи нашествія турокъ на польскую Украйну, было весьма нужно вызвать смуту въ лѣвобережной Малороссіи.

Вздумавъ жить своимъ умомъ, простоватый Демьянъ попалъ въ сѣти чигиринскаго гетмана, и поэтому катастрофа на сей сторонѣ Днѣпра была неизбѣжна. Пріѣздъ Танѣева въ Батуринъ и непристойныя, по выраженію современниковъ, слова гетмана на его пріемѣ только ускорили ея наступленіе. Принимая Танѣева, гетманъ, какъ онъ объяснялъ впослѣдствіи, сказалъ въ пьяномъ видѣ [1]) весьма дерзкую рѣчь объ отношеніяхъ московскаго правительства къ Малороссіи. Отвѣчая на слова царской грамоты, внушавшей ему оставить всякія опасенія и попрежнему вѣрно служить великому государю, Демьянъ замѣтилъ: «какъ намъ не имѣть опасеніе, когда его царское величество тайно отдаетъ въ сторону короля польскаго свою вѣчную отчину, преславный городъ Кіевъ съ малороссійскими городами и со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, въ нестерпимую неволю» и тутъ же сталъ обвинять московское правительство въ лукавствѣ и обманахъ. «Наши посланцы, говорилъ гетманъ Демьянъ, кіевскій полковникъ Солонина, съ товарищами, вопреки глуховскимъ статьямъ, не допущены въ посольскую избу, для прислушанія и вольнаго голоса въ переговорахъ съ польскими послами. Нашихъ посланцевъ держатъ въ Москвѣ, какъ невольниковъ, отговариваясь тѣмъ, будто польскіе послы и коммиссара ихъ не допустили, называя ихъ своими холопами. Нѣтъ! Не польскіе послы и коммиссары, а царскіе бояре и думные люди то учинили», ораторствовалъ расходившійся гетманъ. «Этимъ всему войску Запорожскому вѣчное безчестіе нанесли и полякамъ посмѣхъ учинили. Коли кому на лбу учинятъ рану, такъ послѣ хотя ту рану и лѣчатъ, а знакъ отъ нея до смерти будетъ оставаться. Такъ и у насъ, въ войскѣ Запорожскомъ, это безчестье вѣчно забвенно не будетъ! Его царское величество Кіевъ и малороссійскіе города не саблей взялъ, поддались мы подъ его высокую державную руку добровольно, для единой православной христіанской вѣры и для обороны отъ непріятелей иновѣрныхъ. А когда великому государю Кіевъ, другіе малороссійскіе города и все войско Запорожское не надобны,—пусть велитъ государь своихъ воеводъ и ратныхъ людей изъ Кіева и малороссійскихъ городовъ вывести: тогда мы съ войскомъ Запорожскимъ сыщемъ себѣ инаго государя. Брюховецкій, видя московскія неправды, много терпѣлъ, да не стало терпѣнія, и хотя смерть принялъ, да на своемъ поставилъ! И я, гетманъ, видя неправды ваши, уже велѣлъ Чер-

[1]) Такъ по крайней мѣрѣ онъ самъ оправдывался на допросѣ въ Москвѣ въ неистовыхъ, по его выраженію, словахъ, сказанныхъ на пріемѣ Танѣева.

ниговъ большой городъ отъ малаго отгородить: что изъ этого выйдетъ![1]) Видно, время пришло намъ искать себѣ другаго государя, только никакъ не польскаго короля».—Далѣе, упомянувъ о деньгахъ, будто бы выговоренныхъ польскими послами въ Москвѣ для усмиренія казаковъ Дорошенка[2]), расходившійся гетманъ прибавилъ: «коли поляки, наполнившись московскими деньгами, пойдутъ на Дорошенка, чтобы его усмирить и принять Кіевъ со всѣми малороссійскими городами подъ свою власть, такъ мы, казаки, соединимся съ турскимъ войскомъ и татарами и пойдемъ противъ польскихъ силъ; хотя всѣ мы помремъ, а Кіевъ и малороссійскихъ городовъ Польшѣ не дадимъ. Не станемъ дожидаться, пока поляки соберутся съ силами; тотчасъ послѣ свѣтлаго воскресенія сами пойдемъ на польское государство великимъ собраніемъ. Ни одного поляка не останется у насъ, сказалъ въ заключеніе гетманъ, только православной вѣры люди, и будемъ мы подъ державой турскаго султана. Ну, а какъ надъ польскимъ государствомъ что-нибудь учинится, тогда и кому-то иному достанется».

Такъ говорилъ на оффиціальномъ пріемѣ, 7-го марта, посланцу московскаго царя Танѣеву, гетманъ Демьянъ Многогрѣшный, очевидно уже извѣщенный Дорошенкомъ о письмѣ султана польскому королю, возвѣщавшемъ, по наступленіи весны, вооруженное вмѣшательство Турціи въ дѣла Малороссіи.

Огорошенный такими рѣчами гетмана, Танѣевъ ничего не возражалъ и молча слушалъ выходки и угрозы гетмана, и когда тотъ кончилъ, то московскій посланецъ только объявилъ Демьяну, что великій государь сообщитъ черезъ Солонину списокъ статей, какія будутъ постановлены у бояръ съ польскими послами. Это заявленіе Танѣева вызвало новую выходку со стороны гетмана Демьяна Игнатовича. Онъ сказалъ: «никакимъ спискамъ вашимъ мы не повѣримъ! Мало намъ писаннаго изъ Москвы присылаютъ, только бумагою, да ласковыми словами насъ утѣшаютъ, а подлиннаго ничего не объявятъ». Вообще гетманъ Демьянъ наговорилъ много измѣнныхъ рѣчей, на этомъ пріемѣ (7-го марта) стрѣлецкому полуголовѣ Александру Танѣеву, записанныхъ послѣднимъ въ его статейномъ спискѣ; гетманъ между прочимъ объявилъ Танѣеву, что, несмотря на строгое запрещеніе изъ Москвы, онъ приметъ подъ свой регименъ жителей Гомеля, которые его о томъ просятъ, и не откажетъ въ томъ же и жителямъ другихъ городовъ, если его о томъ просить станутъ—«пора ему, гетману, держать свой разумъ»; гетманъ кромѣ того весьма подозрительно отнесся къ извѣстію о скоромъ пріѣздѣ къ нему, съ дополнительными граматами, стрѣлецкаго головы Михаила Колупаева. «Знаю я, сказалъ Демьянъ

[1]) Въ маломъ городѣ, т. е. замкѣ были расположены московскіе ратные люди.

[2]) Ложный слухъ этотъ былъ пущенъ Дорошенкомъ.

Танѣеву, зачѣмъ Колупаевъ пріѣдетъ, пусть нездоровъ уѣдетъ!» Когда же Танѣевъ сталъ увѣрять гетмана, что Колупаеву не дано никакихъ особыхъ секретныхъ порученій, Демьянъ Игнатовичъ, перебивъ его, сказалъ: «всѣ вы набрались отъ поляковъ ихъ лукавыхъ нравовъ, и ты, Александръ, коль еще разъ пріѣдешь ко мнѣ съ неправдой, будешь въ Крыму». Послѣ такого пріема, оставшись еще на нѣсколько дней въ Батуринѣ, Танѣевъ, конечно, не приминулъ переговорить съ начальникомъ стрѣльцовъ Неѣловымъ и отъ него узналъ, что гетманъ совсѣмъ не тотъ сталъ, что прежде былъ и уже, конечно, соединился съ Дорошенкомъ, убавилъ число караульныхъ стрѣльцовъ у воротъ Малаго города (т. е. замка) и приказалъ надзирать за сношеніями съ нимъ и Танѣевымъ казацкой старшины, но что обозный Петръ Забѣла, судьи Домантовичъ и Самойловичъ и Дмитрашка Райча служатъ великому государю вѣрно и ему, Неѣлову, обо всемъ даютъ знать, но видятся съ нимъ только въ ночное время, опасаясь гетмана. «Они сами тебѣ обо всемъ подлинно скажутъ», добавилъ Неѣловъ, предложивъ Танѣеву и сопровождавшему его подъячему Щоголеву отправиться на свиданіе, ночью, къ обозному Забѣлѣ, у котораго соберутся старшины.

Въ ночь съ 7-го на 8-е марта Неѣловъ, Танѣевъ и Щоголевъ, переодѣвшись въ зипуны караульныхъ стрѣльцовъ, съ бердышами пошли къ обозному Петру Забѣлѣ, у котораго собрались недовольные гетманомъ старшины; въ числѣ послѣднихъ были оба генеральные судьи и бывшій переяславскій полковникъ Дмитрашка Райча. Какъ увидали старшины Танѣева и его сторонниковъ, залились слезами и объявили: «бѣда наша великая, печаль неутѣшимая, слезы неутолимыя! По наученію дьявольскому, по прелести Дорошенковой, гетманъ забылъ страхъ Божій и судъ его праведный, царскую милость и жалованье, великому государю измѣнилъ, соединился съ Дорошенкомъ подъ державу турецкаго султана. Нашъ гетманъ посылалъ къ Дорошенку чернеца, и Дорошенко передъ тѣмъ чернецомъ присягнулъ, а чернецъ присягнулъ передъ Дорошенкомъ за нашего гетмана. Потомъ Дорошенко прислалъ своихъ посланцевъ къ нашему гетману въ Батуринъ, со Спасовымъ образомъ, и на томъ образѣ присягнулъ нашъ гетманъ передъ посланцемъ Дорошенковымъ. Къ намъ, старшинамъ, жаловались собравшіеся у обознаго Забѣлы,—гетманъ сталъ безмѣрно жестокъ, не даетъ ни одного слова промолвить, бьетъ и саблей рубитъ, во всѣхъ полкахъ подѣлалъ полковниками и старшиной своихъ братьевъ, зятьевъ и друзей. Говоритъ, что послалъ Ворошиловъ полкъ, по вѣстямъ, къ Днѣпру, а послалъ онъ этотъ полкъ въ Лубны, къ зятю своему [1]) и велѣлъ поста-

[1]) Андрей Корнѣенко, зять Демьяна Многогрѣшнаго, не задолго передъ тѣмъ получилъ Лубенскій полкъ, а Черниговскій полкъ гетманъ отдалъ брату своему Василію, другой его братъ Шмейко (Савва) также получилъ полкъ, — все это вызвало недовольство старшинъ.

вить на Черниговской дорогѣ; во всѣ полки разосланы универсалы, будто татары вышли къ Дорошенку, и изо всѣхъ мѣстъ велѣлъ идти въ осаду, точно такъ же, какъ и Брюховецкій дѣлалъ. Имущество вывезъ изъ Батурина въ Никольскій Крутицкій монастырь, а изъ монастыря въ сотницу [1]). Самъ съ женой и дѣтьми хочетъ идти въ Лубны 15-го марта, а славу пускаетъ, будто идетъ въ Кіевъ на богомолье и насъ старшинъ возьметъ съ собой, и если мы не захотимъ съ нимъ въ измѣнѣ быть, прибавилъ обозный Забѣла, прикажетъ насъ побить, или въ воду посадить, или по тюрьмамъ разошлетъ».

Во время этого ночнаго свиданія старшины возвели много тяжкихъ обвиненій на гетмана и между прочимъ указали, что Демьянъ распускаетъ завѣдомо ложные слухи, съ цѣлію отвратить казацкую старшину отъ Москвы. Кто-то изъ гостей обознаго сказалъ, что гетманъ призвалъ къ себѣ въ комнату Степана Гречаннаго, только-что вернувшагося изъ Москвы [2]), заставилъ его присягнуть, что будетъ заодно съ нимъ, гетманомъ, и заставилъ его писать про московскія дѣла такое, чего никогда не бывало, чтобы отвратить Украйну отъ государя и, собравъ старшинъ, говорилъ имъ: «пишетъ мнѣ великій государь, чтобы я всю старшину прислалъ въ Москву, а изъ Москвы хочетъ сослать въ Сибирь, на вѣки». Выѣхавъ изъ Батурина, гетманъ туда не вернется—онъ уже послалъ брату своему Василію (вновь назначенному черниговскому полковнику) приказъ отгородить въ Черниговѣ большой городъ отъ малаго, въ которомъ были расположены царскіе ратные люди.

Въ заключеніе, собравшіеся ночью у обознаго, казацкія старшины просили Танѣева, какъ сказано выше, исходатайствовать въ Москвѣ черезъ начальника Малороссійскаго приказа Артамона Сергѣевича Матвѣева, разрѣшеніе отъ великаго государя взять и связать злохищнаго волка (т. е. гетмана Многогрѣшнаго), не допуская его разорить государеву отчину, и отправить сначала въ Путивль, подъ конвоемъ московскихъ ратныхъ людей, а затѣмъ въ Москву для суда надъ нимъ. «Мы сами повеземъ въ Москву Демьяна, написавъ его вины», говорили старшины. Съ такими тревожными вѣстями Танѣевъ 10-го марта уѣхалъ изъ Батурина обратно въ Москву.

Рѣчь гетмана, сказанная Танѣеву 7-го марта, произвела, повидимому, переполохъ въ Батуринѣ, и нѣкоторые изъ старшинъ, напримѣръ, генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ, державшій до того времени сторону гетмана, послѣ нея отъ него отстали. Мокріевичъ, несомнѣнно, въ качествѣ генеральнаго писаря былъ довольно близокъ къ гетману и болѣе или менѣе былъ посвященъ въ его планы и намѣренія. Онъ не имѣлъ поводовъ къ личному неудовольствію про-

[1]) Въ Седневскую сотню.

[2]) Роль этого Степана Гречаннаго, бывшаго писаря Брюховецкаго, въ дѣлѣ Многогрѣшнаго представляется весьма темной.

тивъ гетмана, какъ другіе участники переворота (Дмитрашка Райча, Домантовичъ и т. д.). Онъ не участвовалъ на ночной сходкѣ у обознаго Забѣлы, у котораго собрались враги Демьяна, и прежде пріѣзда Танѣева, сносившіеся съ Неѣловымъ, которому тайно сообщали о предосудительныхъ, съ московской точки зрѣнія, поступкахъ гетмана. Изъ показаній, данныхъ Демьяномъ Многогрѣшнымъ, въ Москвѣ на допросахъ, видно, что гетманъ совѣщался съ Мокріевичемъ въ самыхъ интимныхъ вопросахъ того времени, и, какъ показалъ Демьянъ, писарь Карпъ Мокріевичъ привелъ его на то, что онъ вознамѣрился идти съ обозомъ къ Кіеву, для обороны его окрестностей отъ ляховъ, и по совѣту Мокріевича, гетманъ Демьянъ послалъ Ворошиловъ полкъ, чтобы заѣхать (захватить) спорныя порубежныя мѣста, по рѣкѣ Сожу. Но, вслѣдъ за отъѣздомъ Танѣева, Мокріевичъ принялъ самое дѣятельное участіе въ задуманномъ врагами Демьяна переворотѣ, а въ Москвѣ, куда онъ лично повезъ низложеннаго гетмана, онъ выступилъ злѣйшимъ его обвинителемъ. Мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для полной характеристики Карпа Мокріевича и знаемъ только то, что поведеніе его, въ дѣлѣ Демьяна Многогрѣшнаго, вызвало сильное осужденіе современниковъ, и онъ вслѣдъ затѣмъ сошелъ со сцены, заслуживъ позорное прозвище Іуды предателя. На радѣ въ Казачьей Дубравѣ, избравшей гетманомъ Самойловича, онъ, по настоянію этого послѣдняго, былъ лишенъ писарскаго уряда; на его мѣсто генеральнымъ писаремъ былъ избранъ Савва Прокоповичъ. Можно думать, что Мокріевичъ послѣ опрометчивыхъ словъ Демьяна Танѣеву, видя, что гетманъ запутался въ сѣти Дорошенка и прежде времени сжегъ за собой корабли, порвавъ съ Москвой, которая не проститъ ему брошенныхъ въ глаза царскому посланцу упрековъ и угрозъ, рѣшилъ круто измѣнить свои отношенія къ гетману. Перейдя въ лагерь противниковъ Демьяна, онъ сдѣлался однимъ изъ злѣйшихъ его враговъ. Присоединеніе Мокріевича къ заговору противъ гетмана, конечно, облегчило и ускорило его выполненіе. Весьма вѣроятно и то, что враждебные гетману старшины поспѣшили совершить переворотъ, опасаясь возвращенія въ Батуринъ нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича. Его считали сторонникомъ Демьяна и могли думать, что ловкій протопопъ устроитъ примиреніе гетмана съ Москвой, а помирившись съ московскимъ правительствомъ, гетманъ узнаетъ рано или поздно о доносѣ на него старшинъ и при случаѣ припомнитъ это своимъ недоброжелателямъ. Костомаровъ отзывается съ большой похвалой о смѣлой рѣчи Демьяна Танѣеву, сравниваетъ его съ Богданомъ Хмельницкимъ и даже находитъ, что въ этой рѣчи Многогрѣшный показалъ еще болѣе смѣлости, прямоты и геройства, чѣмъ самъ Богданъ Хмельницкій [1]). Такая оцѣнка выходокъ пьянаго гетмана грѣшитъ явной натяжкой, а сравненіе недалекаго Демьяна съ Богда-

[1]) Историч. монограф., т. XV, стр. 346.

номъ Хмельницкимъ представляется нѣсколько страннымъ. Старый Хмель, когда было нужно, умѣлъ принимать угрожающій тонъ и говорить рѣзкія вещи, во время своихъ переговоровъ съ Польшею и Москвою—онъ могъ это дѣлать потому, что былъ силенъ народною къ нему любовію и внушалъ къ себѣ великое уваженіе и полное довѣріе старшинъ. Демьянъ же Многогрѣшный, когда попробовалъ подражать Богдану, его сейчасъ же схватили и отвезли скованнаго въ Москву. Гетманъ Демьянъ, не любимый народомъ, не уважаемый старшиной, которую онъ озлобилъ своимъ самоуправствомъ и самодурствомъ, держался только поддержкой Москвы. Лишившись этой опоры, онъ долженъ былъ пасть, что и случилось послѣ его пресловутой рѣчи 7-го марта.

Во второмъ письмѣ [1]) отъ 17-го марта 1672 г. Забѣлы съ товарищами къ архіепископу черниговскому о переворотѣ, низложившемъ гетмана, старшина, прося Лазаря Барановича не гнѣваться на то, что ему не было своевременно сообщено о намѣреніи ихъ арестовать гетмана, объяснялъ, что свое намѣреніе они должны были скрывать, надѣясь, что гетманъ образумится и обратится на добро, а также, опасаясь казни, въ случаѣ, если бы Многогрѣшный о томъ узналъ, но, видя въ гетманѣ «не исправленіе, а злобу», они рѣшились его арестовать и если бы немного помедлили, то онъ бы исполнилъ свою измѣнническую волю на общую пагубу. Въ письмѣ, отъ того же 17-го марта, войсковаго судьи Ивана Самойловича [2]) къ новгородскому (т. е. Новгородъ-Сѣверскому) архимандриту Михаилу Лежайскому (правой рукѣ архіепископа черниговскаго), сообщаются нѣкоторыя любопытныя подробности о причинахъ, вызвавшихъ переворотъ. Оправдываясь въ этомъ дѣлѣ передъ близкимъ къ архіепископу архимандритомъ, Самойловичъ писалъ, что бывшій гетманъ, отдаляя себя отъ царскаго подданства, склонялъ на то и старшинъ «поколико кратно подъ туркомъ пребывать», подъ присягой убѣждалъ и что они его, гетмана, отъ того отговаривали, прося по крайней мѣрѣ подождать пріѣзда отца протопопа, но гетманъ имъ въ томъ отказалъ, такъ что срамно и предложить (т. е. написать), а его царское пресвѣтлое величество паче (хуже) Іуды называлъ и говорилъ, что достаточно его Москва до сего времени проводила, и что теперь онъ ей больше не вѣритъ. Все это говорилъ намъ Демьянъ, объяснялъ въ своемъ письмѣ Самойловичъ, «какъ мы выразумѣли прельщенный присягами той стороны гетмана, на что мы имѣемъ доказательства». Въ томъ же письмѣ Самойловичъ сообщалъ, что бывшій гетманъ заставлялъ старшину подъ присягой не извѣщать объ его намѣреніяхъ архіепископа черниговскаго, о которомъ онъ говорилъ, что если попрежнему будетъ дружить съ Москвой и его слушать не станетъ,

[1]) Арх. министр. юстиціи, дѣла Малор. приказа, кн. № 16, л. л. 303—304.
[2]) Тамъ же, лл. 307—311.

то учинится въ Московской Сибири, и «что возокъ на то уже готовъ». Между тѣмъ въ Москвѣ нѣжинскій протопопъ, очевидно, весьма далекій отъ мысли о готовившемся въ Батуринѣ переворотѣ, усердно хлопоталъ по разнымъ дѣламъ гетмана и исходатайствовалъ для него не мало подарковъ. Нагруженный всякимъ добромъ и полученными имъ подарками для гетмана, протопопъ былъ отпущенъ изъ Москвы 7-го марта, а 15-го марта вмѣстѣ съ другимъ посланцемъ гетмана, догнавшимъ его на пути, генеральнымъ есауломъ Грибовичемъ, прибылъ въ Сѣвскъ. Здѣсь они были задержаны мѣстнымъ воеводою, до котораго уже дошли слухи о низложеніи гетмана. Сѣвскій воевода, чтобы задержать посланцевъ гетмана, возвращавшихся изъ Москвы, объявилъ протопопу, что у него нѣтъ свободныхъ подводъ. На другой день, т. е. 16-го марта, протопопъ Адамовичъ съ товарищемъ, не дожидаясь казенныхъ подводъ, наняли вольныхъ ямщиковъ и сказали сопровождавшему ихъ стрѣлецкому головѣ Колупаеву, что ѣдутъ на своихъ подводахъ. Это заставило послѣдняго объявить настоящую причину остановки. Онъ сказалъ Адамовичу: «есть про гетмана не добрыя вѣсти, и ты бы въ Сѣвскѣ подождалъ подлинныхъ о томъ вѣдомостей». Грибовичъ и Миклашевскій на это возразили, что они дурнаго отъ гетмана не чаютъ, а Адамовичъ молча выслушалъ это извѣстіе. Оставшись наединѣ съ Колупаевымъ, встревоженный не менѣе своихъ спутниковъ, протопопъ объявилъ послѣднему, что онъ уже давно замѣтилъ перемѣну въ гетманѣ, который сталъ не довѣрять ему и ругать его, посылалъ деньги запорожцамъ и рѣшился вопреки царскому указу занять Гомель; сталъ гетманъ Демьянъ такъ поступать,—говорилъ протопопъ,—потому что надѣялся на того же, что и Дорошенко, т. е. на султана [1]). Удрученный извѣстіемъ о новой смутѣ, возникавшей въ Малороссіи, протопопъ сказалъ Колупаеву, что ему незачѣмъ ѣхать въ Нѣжинъ, и что онъ будетъ бить челомъ, чтобы жить ему въ Москвѣ, и «чтобы великій государь его пожаловалъ жалованіемъ, чтобы ему сытымъ быть». Колупаевъ отвѣтилъ протопопу, что онъ долженъ по-прежнему великому государю служить правдой въ Нѣжинѣ. Но Адамовичъ упорно твердилъ, что не хочетъ возвращаться въ Малороссію, и что онъ уже достаточно натерпѣлся во время смуты, вызванной Брюховецкимъ, и теперь даетъ клятву уѣхать въ Путивль, если Многогрѣшный дѣйствительно измѣнилъ.

П. А. Матвѣевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Акты Ю. и З. Россіи т. IX, № 147.

Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская.

XVII [1]).

Отверженности отъ міра земнаго Фотій домогался не какъ настоящій отшельникъ, а какъ подражатель. Прежде всего онъ задался мыслью собороваться, будучи еще здоровымъ человѣкомъ, и рѣшилъ сдѣлать это до смерти три раза. Сначала онъ соборовался одинъ въ 1831 году, въ хитонѣ сизаго цвѣта, надѣтомъ на голубой хитонъ, который носилъ подъ рясой. Особоровавшись, онъ разсказывалъ своей дщери, что этотъ обрядъ онъ повторитъ еще дважды. По его словамъ, достаточно было особороваться разъ, какъ онъ уже начинаетъ чувствовать, что постепенно отлетаетъ отъ суетной жизни и на душѣ становится легче. Что же будетъ послѣ третьяго соборованія? Человѣкъ забудетъ все на семъ свѣтѣ, его ничто и никто не станетъ безпокоить, душа облегчится, очистится и будетъ порхать, какъ ангелъ небесный. Какъ не пожелать себѣ такого мирнаго, блаженнаго состоянія, и графиня тоже пожелала особороваться. По мнѣнію Фотія, душевно она была готова къ соборованію, оставалось дѣло только за одѣяніемъ. Чтобы стать съ графинею наравнѣ, чтобы болѣе запечатлѣть взаимность чувствъ, Фотій предложилъ ей собороваться съ нимъ вмѣстѣ. Совмѣстное соборованіе настоятель объяснялъ тѣмъ, что у него съ нею одинъ духъ, одно сердце и «все едино быть должно», тѣмъ болѣе одинаковое одѣяніе—одной ткани и цвѣта хитоны, серебряные пояса и бѣлая обувь. Поэтому Фотій послалъ графинѣ застежку отъ своего хитона, чтобы она купила и себѣ такой же матеріи.

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1902 г.

Затѣмъ рисовалъ ей, въ чемъ она должна «предстать» предъ обрядомъ соборованія: въ хитонѣ «голубинаго» цвѣта, «препоясанномъ» серебрянымъ поясомъ, въ бѣлыхъ чулочкахъ и башмачкахъ. По словамъ Фотія, ей слѣдуетъ причаститься св. Тайнъ въ обрядномъ одѣяніи, сейчасъ же снять его и сохранять въ чистомъ мѣстѣ до слѣдующаго соборованія или до смерти, какъ одѣяніе свѣта, какъ ризы Христовы.

Но графиня не нашла подходящей матеріи. Ей приходилось шить хитонъ неодинаковый. Этого Фотій не могъ допустить, тѣмъ не менѣе избѣгнуть разнообразія было не легко. Если сшить оба новые хитоны, то прежній Фотіевскій надо бросить, между тѣмъ, послѣдній, какъ освященный обрядомъ соборованія, долженъ быть одѣтъ на того покойника, который при жизни въ немъ соборовался. Все-таки Фотій вышелъ изъ затруднительнаго положенія, хотя съ маленькимъ отступленіемъ, а именно: онъ предназначилъ, чтобы прежній его хитонъ сошелъ въ могилу съ Орловой. Фотій наказывалъ графинѣ сшить изъ одинаковой матеріи хитоны для себя и на его ростъ, купить одинаковые поясы и все привезти въ Юрьевъ самой лично ко дню соборованія. Но женскій хитонъ или вѣрнѣе рубашку духовный отецъ совѣтовалъ графинѣ сдѣлать для себя особую, съ большимъ вырѣзомъ и для прикрытія плечъ находилъ нужнымъ пріобрѣсти бѣлый платокъ, затканный серебромъ или золотомъ. Соборованіе Фотія и графини совершалось въ субботу Великаго поста, въ половинѣ февраля 1832 года.

Обрядъ совершался въ храмѣ, гдѣ литургію служилъ самъ архимандритъ. Присутствовали по необходимости два-три монаха; остальная же братія не допускалась, изъ опасности, что могла это событіе сдѣлать «притчей во языцѣхъ».

Хотя Фотій съ усиліемъ доказывалъ письменно и лично, что графинѣ надлежитъ трижды соборoваться, что тогда только она можетъ во всей чистотѣ предстать предъ Богомъ, однако, она соборовалась одинъ разъ, потому что при первомъ же соборованіи Орлова получила дурное впечатлѣніе объ обрядѣ, совершенномъ тайно, стыдливо и внѣ церковныхъ правилъ.

Когда Орлова заболѣла, то Фотій упрекалъ ее, зачѣмъ она не пособоруется второй разъ, тогда бы никакой и «болѣзни не приключилось». Совѣтовалъ ей непремѣнно повторить соборованіе, говоря: «еще нѣчто въ тебѣ грѣха есть». Но графиня, не желая обидѣть своего отца, уклонялась подъ разными благовидными предлогами отъ соборованія и все-таки больше раза не рѣшилась на такой тяжелый обрядъ.

Спустя пять лѣтъ, Фотій соборовался третій разъ 6-го февраля 1837 г. въ своей кельѣ, примыкающей къ придѣлу св. Анны. Обрядъ прошелъ торжественно; соборовали 7 священниковъ и 7 діаконовъ, въ присутствіи всей братіи. Въ кельѣ было душно и жарко, поэтому двери были

открыты въ церковь и пѣвчіе пѣли на двухъ клиросахъ. Всѣ участники въ соборованіи получили отъ архимандрита вознагражденіе, онъ «дарилъ за труды служащихъ золотомъ и серебромъ».

Чтобы смѣлѣе смотрѣть въ глаза смерти, Фотій поставилъ въ подвальномъ храмѣ, что подъ Спасительскимъ соборомъ, гробъ. Прочитавъ девятый часъ въ кельѣ, Фотій спускался въ подвалъ и ложился въ гробъ, но не спалъ въ немъ, а ложился ненадолго, какъ бы для убѣжденія, не развалится ли «вѣчный домъ» отъ живаго покойника. По виду «домъ» не изобличалъ истиннаго отшельничества въ томъ, кому онъ принадлежалъ. Это былъ обыкновенный гробъ, обитый чернымъ бархатомъ и мишурою, куда не стыдно было бы положить и мертваго Фотія. Спустя нѣкоторое время гробъ принялъ болѣе красивую внѣшность. По просьбѣ Фотія, графиня прислала для новой обивки голубаго бархата и серебряныхъ газовъ. Гробъ съ прежней обивкой приглядѣлся и наскучилъ—«черенъ и печаленъ»; Фотію хотѣлось свѣтлой отдѣлки, чтобы онъ былъ «пріятенъ». Нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ гробница изъ плитъ, а на ней надпись, гласящая, что здѣсь сокрыты останки юрьевскаго архимандрита Фотія, умершаго въ 1838 г. Рядомъ другая, такая же гробница, гдѣ погребенъ прахъ графини А. Орловой-Чесменской, умершей чрезъ десять лѣтъ послѣ своего отца духовнаго. Когда-то обѣ гробницы, по завѣщанію графини, покоились подъ однимъ серебянымъ покровомъ изящной работы, на подобіе кольчуги, но въ устраненіе толковъ неблаговидныхъ для памяти покойныхъ, покровъ сняли.

Лежаніе въ гробу выходило нѣсколько комично, и это сознавалъ и самъ Фотій. Надо было, конечно, создать для молитвы такую обстановку, которая бы изнуряла, уединяла отшельника. И вотъ, Фотій велѣлъ сдѣлать въ Спасскомъ соборѣ, въ сѣверной стѣнѣ алтаря каморку, гдѣ можно только сидѣть и стоять на колѣняхъ. Въ полу каморки было пробито отверстіе, ведущее въ подвальный храмъ, гдѣ стоялъ гробъ. Въ ней Фотій молился предъ образомъ Богоматери, затѣмъ чрезъ отверстіе спускался въ подвалъ, чтобы обычнымъ порядкомъ полежать въ гробу. Каморку онъ называлъ клѣтью. Но такая ли это клѣть, какія встрѣчаются въ другихъ монастыряхъ, устроенныя руками самихъ сподвижниковъ вѣры Христовой? Далеко, нѣтъ. Въ юрьевской клѣти устроено правильное сидѣнье; стѣны и потолокъ оштукатурены и выкрашены масляной краской; полъ мраморный, доставленъ графиней. Эту клѣть можно видѣть и теперь, но уже съ задѣланнымъ отверстіемъ.

Фотій пробовалъ и еще одинъ искусъ нашей православной вѣры—періодически молчать. Такой обѣтъ молчанія онъ давалъ въ Великомъ посту; но за послѣдніе годы своей жизни соблюдалъ безмолвіе и въ Филипповомъ. Однако, будетъ ли точное исполненіе, когда къ нему,

какъ къ настоятелю, приходили люди по необдуманнымъ дѣламъ, которымъ онъ, вмѣсто словеснаго отвѣта, писалъ записки. Однажды въ Великомъ посту въ такой періодъ молчанія въ Юрьевъ привезли яраго раскольника, который желалъ окреститься немедленно. Можно ли было откладывать въ долгій ящикъ желаніе снова возвращающагося въ лоно православія. Фотій самъ былъ отцомъ крестнымъ, а матерью заочно назначилъ графиню и всѣ распоряженія дѣлалъ на запискахъ: «Вѣрую» же читалъ его келейникъ.

Всѣ перечисленныя подвижничества въ смыслѣ оффиціальномъ не заходили далеко за предѣлы монастыря, имѣли, можно такъ сказать, домашній характеръ, тѣмъ болѣе они легко поддавались тайнѣ и сокрытію отъ властныхъ глазъ. Другое дѣло было со схимою, которую Фотій тоже хотѣлъ принять. Здѣсь надо разрѣшеніе высшаго духовенства, которое къ схимѣ вообще относилось строго, провѣряло истину побужденій и удостовѣрялось въ соотвѣтствующей жизни будущаго схимника. Утаить—тоже опасно, такъ какъ схима имѣетъ быстрое и широкое распространеніе въ народѣ. Обойти начальство по поводу схимы Фотій никакъ не могъ. Поэтому онъ возбудилъ ходатайство предъ митрополитомъ Серафимомъ о разрѣшеніи ему носить схиму, избравъ, конечно, посредникомъ по этому вопросу свою излюбленную дщерь.

Предъ Серафимомъ Фотій прямо ходатайствовалъ о благословеніи на постриженіе въ схиму, а графиню просилъ въ разговорѣ съ владыкой подходить къ разрѣшенію вопроса издалека, что, молъ, отецъ мой страдаетъ глазами и головными болями, особенно причиняютъ ему мученія глаза, которые щурятся отъ свѣта и солнца, а на вѣтру воспаляются, ты, какъ будто бы сострадая къ его «немощамъ», просишь митрополита облегчить страданія отца, дать ему схиму, закрывающую глаза и облегчающую голову, но безъ благословенія владыки онъ дѣлать ничего не можетъ. Въ случаѣ неудачи насчетъ схимы, если владыко скажетъ, что схиму ему рано, то Фотій просилъ графиню, чтобы она разсказала, будто бы сама видѣла, какъ ея отецъ мучается отъ болей глазъ и головы и что ему непремѣнно нужно носить какой-нибудь «навѣсъ», хотя бы временно, пока поправится его здоровье и лучше всего разрѣшить ему одѣяніе, на подобіе схимническаго и кругловерхую скуфейку, какія пишутся на угодникахъ или легкую шапочку, какъ на святыхъ образахъ, «съ обычнымъ покрытіемъ для легкости головы и здравія очей». Фотій молилъ графиню «крѣпко настоять на подобносхимническомъ одѣяніи», это только якобы можетъ спасти его отъ дальнѣйшихъ тяжелыхъ мученій.

Если Фотій не совсѣмъ вѣрилъ въ разрѣшеніе схимы, то относительно скуфейки и шапочки онъ больше надѣялся, даже просилъ графиню прислать ему ту и другую. Если же владыка не согласится и во

второмъ случаѣ, то Фотій какъ бы угрожалъ, что онъ самъ, «взявъ благословеніе у Христа, облачится въ подобносхимническое одѣяніе и начнетъ носить съ Богомъ, ибо здравіе нужнѣе, нежели владычно благословеніе».

Независимо отъ Серафима, Фотій совѣтовалъ графинѣ обратиться съ этимъ вопросомъ къ секретарю его и просить, чтобы онъ поговорилъ съ владыкой, что надо «утѣшить» архимандрита, что онъ «не прогнѣвается за отказъ въ схимѣ, и будетъ доволенъ единому простому наглавію для закрытія очей». Какъ ни умаляетъ Фотій ходатайство къ митрополиту, а все-таки въ концѣ письма восклицаетъ: «все-таки лучше бы схиму мнѣ разрѣшили принять».

На другой день Фотій снова пишетъ графинѣ, что владыко удивится просьбѣ о постриженіи въ схиму и скажетъ: «вотъ чудакъ, чего захотѣлъ». Навѣрно у владыки не дрогнетъ рука подписать отказъ, хотя будетъ вполнѣ сознавать, что немногіе рѣшаются на такой важный и строгій санъ. Затѣмъ Фотій объясняетъ, что онъ и въ настоящее время схимникъ, только, вмѣсто «кругловерхаго покрова на головѣ», клобукъ имѣетъ, а прочее все какъ у схимника: хитонъ съ крестиками, вериги, воздержанная пища.

Графиня написала Фотію, что, не смотря на всѣ ея усиленныя просьбы, митрополитъ Серафимъ не согласился ни на постриженіе въ схиму, ни на ношеніе подобносхимническаго одѣянія. Тогда Фотій попросилъ графиню передать владыкѣ, что отнынѣ будетъ ли прилично или неприлично архимандриту—онъ станетъ носить клобукъ съ «навѣсниками», какъ у лошади, только не сбоку, а сверху.

Вскорѣ Фотій самъ получилъ отъ владыки «чистый отказъ». Сообщая о семъ графинѣ, онъ добавляетъ: «нынѣ такое время, что ключи отъ вратъ въ царство небесное имѣютъ тѣ, которые сами въ оное царствіе не входятъ и другихъ не пускаютъ».

Фотій пробовалъ свои силы и въ предсказаніяхъ и пророчествахъ, но всѣ его попытки оказывались неудачными.

XVIII.

Много перенесъ Фотій непріятностей чрезъ знакомство съ нѣкоею Фотиной, которая была выслана въ Новгородъ на поднадзорное жительство. Это была ловкая женщина, обладавшая тонкой проницательностью и замѣчательной сметкалкой. Она съумѣла напустить на себя такъ искусно благочестіе, что Фотій души въ ней не слышалъ, называлъ ее

своею дщерью, ангеломъ во плоти. Онъ отзывался о ней графинѣ, что «эта дѣва человѣкъ Божій и сосудъ великія благодати Христовой». Когда Фотина поселилась въ Юрьевомъ монастырѣ, то объ отношеніяхъ ея съ Фотіемъ стали ходить слухи довольно грязнаго свойства. Особенно энергично взялся выяснить эти отношенія тогдашній новгородскій епископъ Тимоѳей. Архимандритъ писалъ Орловой, что Фотину вызывалъ архіерей, всячески, по нѣсколько часовъ, испытывалъ, мучилъ ее допросами. «Тимоѳей—говорилъ Фотій—дерзко заставлялъ Фотину покаяться, что она блудница моя, и убѣждалъ сознаться, сколько она имѣетъ отъ меня дѣтей», и при этомъ добавлялъ: «владыка отговариваетъ Фотину отъ меня, а самъ проситъ взять его къ ней въ наставники».

Въ слѣдующемъ письмѣ Фотій сообщаетъ графинѣ, что къ нему рано утромъ, по секрету, пріѣзжалъ архіерей и уговаривалъ «ради любви владычней» бросить знакомство съ Фотиной, потому что она личность «зазорная и порочная». Когда же Фотій не согласился, то Тимоѳей пристрастилъ его казенной бумагой, которая будто бы получена губернаторомъ и заключается въ томъ, что надъ юрьевскимъ архимандритомъ приказано имѣть административное наблюденіе. И тутъ Фотій не сдался на предложеніе епископа и говорилъ ему, что онъ «не чувствуетъ никакой опасности отъ бумаги».

Епископъ Тимоѳей снова пріѣзжалъ въ Юрьевъ монастырь, усовѣщевалъ архимандрита забыть Фотину и говорилъ между прочимъ: «не было бы бѣды отъ царя, когда дойдетъ до него извѣстіе, что въ обители мужской проживаетъ женщина». Фотій отвѣтилъ: «пусть весь свѣтъ знаетъ; ибо сіе не тайна; она явно ходитъ въ церковь».

Архіерей еще разъ навѣстилъ Фотія по этому же дѣлу и сообщилъ ему, что «бумага о наблюденіи за архимандритомъ отъ государя».

Вскорѣ Фотій проводилъ Фотину въ Переяславскій женскій монастырь и эту разлуку приписалъ губернатору Денферу. Послѣдній, бывъ когда-то хорошимъ знакомымъ Фотія, сталъ въ глазахъ его злѣйшимъ врагомъ. О немъ писалъ архимандритъ графинѣ: «вотъ хитрость пакостника Денфера; выдумалъ, что по высочайшей волѣ велѣно-де дѣлать надо мною наблюденіе».

Не менѣе непріятностей причинилъ Фотію романъ, подъ заглавіемъ «Фатюй», еще не напечатанный, а будто бы готовившійся къ выпуску въ свѣтъ. Романъ своимъ содержаніемъ компрометтировалъ отношенія Фотія къ графинѣ; онъ былъ разсчитанъ на то, что архимандритъ испугается оглашенія романа путемъ печати и поспѣшитъ откупиться солидной суммой. О возникновеніи этого романа Фотій писалъ Орловой подробно. У Иверскаго архимандрита проживалъ нѣкій купеческій сынъ изъ г. Нѣжина, человѣкъ образованный, молодой, лѣтъ 25. Онъ былъ друженъ съ упомянутымъ архимандритомъ, ѣздилъ съ нимъ часто въ

Москву и Петербургъ. Однажды этотъ господинъ пришелъ въ Юрьевъ монастырь и жилъ тамъ нѣкоторое время. Фотій выслѣдилъ, что купеческій сынъ мало занимается монастырскимъ дѣломъ, а больше сидитъ въ своей кельѣ и все что-то пишетъ. Заподозривъ, что онъ «отъ тайной шайки», юрьевскій архимандритъ выискалъ какой-то благовидный предлогъ и отказалъ молодому человѣку жить въ обители. Прошелъ годъ, купеческій сынъ снова явился къ Фотію и, чтобы послѣдній его не узналъ, отпустилъ къ этому времени длинную бороду. На этотъ разъ неизвѣстный пришелъ по другому дѣлу. Онъ вручилъ архимандриту объявленіе и два письма, исходившія отъ брата пришедшаго, служащаго въ главномъ штабѣ. Въ письмахъ говорилось, что авторъ ихъ пишетъ романъ «Фатюй», въ содержаніи котораго набрасывается неблаговидная тѣнь и на Фотія, и на графиню Орлову. Кромѣ того въ сочиненіи этомъ митрополитъ Серафимъ названъ муфтіемъ, монастырь Юрьевскій—мечетью, монахи—браминами, а ближайшая слобода—сералемъ. Въ концѣ одного письма говорилось, что романъ можетъ быть проданъ Фотію въ рукописи за 100 тыс. руб. Архимандритъ очутился въ критическомъ положеніи: или принять посрамленіе или заплатить ни за что, ни про что солидную сумму. «Гибель мнѣ подстраиваютъ,— писалъ онъ графинѣ.—Я списалъ копіи съ объявленія и писемъ. Посылаю ихъ тебѣ, чтобы ты прочитала и посовѣтовалась бы съ княземъ Платономъ (Ширинскимъ-Шихматовымъ). Затѣмъ передай объ этомъ графу Алексѣю (Орлову), чтобы онъ доложилъ государю».

Неизвѣстный второй разъ явился къ Фотію, назвалъ романиста Черновымъ и просилъ дать положительный отвѣтъ—заплатятъ за сочиненіе или нѣтъ.

Архимандритъ пробовалъ было настращать жалобой царю, но получилъ возраженіе, что будто бы царствующая фамилія любитъ романы и даже поощряетъ ихъ авторовъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ Фотій, какъ бы утѣшая себя, пишетъ своей духовной дщери: «Можетъ быть, и нѣтъ никакого романа, а просто хотятъ напугать и содрать деньги. Все же слѣдуетъ проучить злыхъ людей: бездѣльника Чернова, который письма писалъ мнѣ, и брата его бродягу. Ежели такой романъ и въ правду сочиняется, то нельзя ли какъ-нибудь хитро и тайно получить его до напечатанія. Потомъ необходимо внушить царю, чтобы подобные романы не сочинялись и не печатались, такъ какъ отъ нихъ развратъ великій и срамъ царствующему дому».

Графиня отвѣтила Фотію, что она приняла всѣ мѣры къ розыскамъ романа и, если таковой окажется въ дѣйствительности, то обѣщала энергически дѣйствовать противъ его оглашенія въ печати.

Архимандритъ пишетъ ей: «Сказать не можно, какъ я радъ, что

ты взяла на себя хлопоты по случаю романа. Пусть міръ, діаволъ и людъ нечестивый поносятъ меня и тебя и другихъ, но хотя бы на словахъ, а то на бумагѣ клевету и нелѣпости пишутъ. Всякое благочестіе наше поругано да еще и денегъ требуютъ, яко бы тогда не будутъ печатать. Пакостники—мірскіе люди».

Получивъ еще письмо о романѣ отъ графини, Фотій отвѣчаетъ ей: «Ты пишешь, что Алексѣй съ Бенкендорфомъ начали розыски по извѣстному роману. Сіе зѣло добре. Слѣдуетъ добиться истины, чтобы люди не смѣли монаховъ поносить всячески. Я-то срама и поношеній не боюсь, но зачѣмъ же людей соблазнять нами. Кто можетъ ругать такъ клеветно? Одни слуги діавола и сатаны». Хотя послѣ этого письма Фотій писалъ графинѣ Орловой еще сотни писемъ, но однако ни въ одномъ изъ нихъ онъ не обмолвился ни полсловомъ о романѣ «Фатюй».

У Фотія было завѣтное желаніе вылить собственный колоколъ на Юрьевскую колокольню. Между тѣмъ всѣ обстоятельства, которыя создавались Фотіемъ при оборудованіи этого дѣла, были противны властямъ и онъ боролся съ ними, какъ храбрый воинъ на полѣ брани, породивъ длинную переписку съ графиней.

О литіи колокола архимандритъ возбудилъ вопросъ еще въ 1831 году, хитро и довольно кстати. Когда графиня продавала конскій заводъ брату Алексѣю Орлову, монахъ тоже принималъ участіе, какъ совѣтникъ и сторонникъ интересовъ своей дщери. Графиня предложила ему выбрать самому себѣ подарокъ за участіе въ этой операціи. Фотій немедленно воспользовался такимъ предложеніемъ и отвѣчалъ: «Когда продажа завода выгодно устроится, то съ тебя я беру въ 1.000 пудовъ колоколъ, стоимостью въ 50 тыс. Вотъ тебѣ пошлина церковной таможни». Съ этихъ словъ начинаются хлопоты о колоколѣ, и дѣло тянется до 1838 г., т. е. почти до послѣднихъ дней Фотія. На первыхъ же порахъ онъ мѣняетъ предположеніе о вѣсѣ колокола и пишетъ: «Съ ума не сходитъ колоколъ и при томъ побольше вѣсомъ. Нынѣ лѣтомъ (1831 г.) намѣренъ лить въ 1.500 пуд., и будетъ онъ стоить съ подвѣсомъ около 70 тыс. А ты напиши записочку Канкрину, чтобы онъ для сей цѣли предоставилъ какой-нибудь мѣди стараго чекана».

Вылить и подвѣсить колоколъ брался по подряду купецъ Шавринъ, о которомъ Фотій писалъ графинѣ, что, когда онъ пріѣдетъ къ ней, то приняла бы его милостиво и обстоятельно съ нимъ переговорила, при чемъ восторженно объясняетъ ей проектъ внѣшнихъ изображеній. На одной сторонѣ онъ предполагаетъ изобразить Коронованіе Богородицы, на другой — Неопалимыя Купины, на третьей — соборъ Архистратига Михаила. И въ заключеніе прибавляетъ: «А на четвертой, противъ Коронованія, будутъ представлены въ моленіи твой отецъ Фотій и ты, моя дщерь».

Затѣмъ онъ еще увеличилъ вѣсъ колокола, ссылаясь на то, что колоколъ въ 2 тысячи пудовъ «пріятенъ и утѣшителенъ; звонъ его дѣлаетъ при службѣ радость и веселіе». Фотій предполагалъ звонить въ этотъ колоколъ лишь въ дни Господни, богородичные, праздничные и храмовые. Графиня ничуть не протестовала противъ новаго вѣса, какъ это видно изъ слѣдующаго письма архимандрита: «Итакъ мы съ тобой согласились и порѣшили вылить колоколъ большой во имя Неопалимой Купины». Главнымъ образомъ увеличенный вѣсъ имѣлъ ту цѣль, что Фотію хотѣлось другаго колокола. Онъ писалъ: «а со временемъ, буде Богъ благословитъ, постараемся вылить для согласія второй колоколъ поменьше, въ тысячу пудовъ». Большаго количества мѣди почему-то не отпускали съ монетнаго двора. Тогда Фотій началъ хитрить и просилъ графиню маскировать предметъ надобности въ мѣди, говорить, что колоколъ, молъ, отдумали лить, а нужна мѣдь для какой-нибудь иной потребности. Однако ничто не помогло, и мѣди отпустили не много. Это нисколько не разбивало намѣренія монаха. Вскорѣ онъ писалъ Орловой, что металла добылъ «довольное количество пудовъ». Но гдѣ Фотій могъ получить мѣдь? Въ это время случилось въ Новгородскомъ казначействѣ кража старыхъ монетъ, малоцѣнныхъ, но увѣсистыхъ. Воры проникли чрезъ водосточную трубу въ кладовую и вынесли мѣшки съ деньгами на берегъ. Объ этой смѣлой кражѣ есть подлинное архивное дѣло, изъ котораго можно понять, что краденое попало въ руки архимандрита, а послѣднимъ употреблено на колоколъ. Вотъ почему Фотій страшно возставалъ впослѣдствіи противъ того, чтобы лить колоколъ внѣ монастыря, а старался всѣми силами исходатайствовать разрѣшеніе литья на дворѣ, въ стѣнахъ обители, оправдывая это, конечно, болѣе скромными мотивами: «Теперь такое затрудненіе, что, ежели сготовить колоколъ не внутри монастыря, то онъ не внѣзетъ въ ворота, а придется ломать стѣну для такой громады»; графиня отвѣчала, что лучше поступиться стѣною, чѣмъ имѣть непріятности, но духовный отецъ не соглашался и писалъ: «Касательно вылитія колокола я придумалъ добре. Я рѣшилъ лить въ самомъ монастырѣ и хочу только съ мастеромъ переговорить, ибо мѣсто готово, способно и выгодно. Сіе держи въ секретѣ, молчи ни слова никому».

Затѣмъ Фотій сообщалъ графинѣ о томъ, какъ привезли въ монастырь металлъ. «Принималъ мѣдь на берегу и возилъ въ обитель. Пудовыхъ штукъ 1.126. Еще не хватаетъ, но лодочникъ говоритъ, что потерялись въ порогахъ. Олово прислано вѣрно».

Полагая, что матеріала для колокола можетъ не хватить, Фотій просилъ Орлову выслать про запасъ 400 пуд., мѣди по 33 р. и 100 пуд. англійскаго олова по 38 р. Вся прибавка оцѣнивалась въ 17 тыс. Въ случаѣ же не достанетъ мѣди, какъ объяснялъ архимандритъ, колоколъ

придется переливать, а это будетъ стыдно и обойдется не менѣе, чѣмъ купить прибавку, ибо за работу литья подрядчикъ взялъ по 10 р. съ пуда.

Выславъ остальной матеріалъ, графиня возбудила вопросъ о томъ, что вообще на производство колокола слѣдуетъ испросить благословеніе у митрополита Серафима. Это было Фотію крайне не на руку, потому что литье приметъ оффиціальный характеръ и выливать колоколъ въ обители не дозволятъ. Поэтому онъ отвѣчалъ: «Благословенія брать нѣтъ надобности. На что? Когда будетъ колоколъ готовъ, то и спросимъ. А ежели Богъ велитъ для успѣха въ дѣлѣ утаить; то и утаимъ». Послѣ вылитія колокола, Фотій давалъ совѣтъ графинѣ: «Теперь сходи къ митрополиту и скажи ему, что виновата все я, ты, молъ, владыка, былъ удрученъ тяжелыми обстоятельствами, такъ не смѣла раньше молвить слова о благословеніи; потомъ поклонись и проговори: прости меня, владыко. Буде дастъ, Господь пошлетъ ему милость, а не дастъ, значитъ, врагъ держитъ его въ своихъ узахъ».

Благословеніе Серафима, конечно, послѣдовало, такъ какъ препятствовать было уже поздно и безполезно.

Фотій во всѣхъ почти людяхъ видѣлъ своихъ враговъ. Все то, что говорилось о немъ въ дурномъ свѣтѣ, онъ называлъ «клеветой діавольской». Однажды одинъ изъ монаховъ Лотъ былъ обвиненъ за развратъ. Описывая обстоятельства дѣла, Фотій прибавляетъ: «И про насъ говорили много подобнаго, особенно про тебя. Частью про насъ и правда, но не все похоже. Ты была оглаголена злѣйшей блудницей, но я, какъ духовный отецъ твой, знаю, что ты была отъ чрева матери всегда, донынѣ и нынѣ одна и та же всецѣлая тѣлесная дѣвица». Графиня сообщила Фотію, что въ Синодѣ архіереи собираются судить ихъ отношенія, и была того мнѣнія, что судъ ничѣмъ не кончится. Архимандритъ отвѣчалъ: «Знай, что совѣсть ихъ съѣдаетъ, потому что вины за нами не обрѣтаютъ; мы не уступаемъ и не боимся ихъ суда, въ ничто вмѣняемъ».

Дѣйствительно, послѣдствій отъ этого совѣта никакихъ не было, и въ дальнѣйшихъ письмахъ Фотій о немъ ни слова не упоминаетъ.

Едва миновалъ судъ, какъ снова обрушилась на юрьевскаго архимандрита бѣда. Мѣстный викарій обвинялъ его на бумагѣ, что онъ приглашаетъ въ храмъ дѣвицъ для чтенія церковныхъ книгъ, и каждая встрѣча тамъ Фотія сопровождается будто-бы пѣніемъ этихъ дѣвицъ «се женихъ грядетъ въ полунощи».

О доносѣ архимандритъ, конечно, узналъ чрезъ графиню, которая писала ему, что къ ней приходилъ посланный и сообщилъ, что если Фотій дастъ подписку о недозволеніи женщинамъ читать книги, то ему будетъ разрѣшено все, что было прежде запрещено. Она грубо приняла этого человѣка и прогнала вонъ.

Фотій торжествуетъ: «Благодарю, что ты плюнула посланному въ лицо. Въ ничто все считай. Смотри, къ чему придираются. Развѣ былъ Ѳедотъ (викарій) въ Великомъ посту у меня? Чтеніе въ монастырѣ не только совершается поселенными дѣвицами, но даже никѣмъ инымъ, какъ только своей братіей». Однако Фотій былъ уличенъ явными доказательствами въ «дѣвичьемъ чтеніи и пѣніи». Дѣлать нечего, надо было давать подписку. Все-таки не безъ злобы онъ ее написалъ и не преминулъ язвительно упомянуть о ней въ письмѣ. «Далъ я подписку и вчера слышу, что архіерей зѣло былъ радъ, оную получивъ: бѣгалъ и игралъ, какъ ребенокъ, съ ней. Да, сколь мнѣ чувствовалось горько давать, столь сладко и пріятно было викарію получить».

Викарій пріѣзжалъ къ Фотію и благодарилъ его за то, что онъ безпрекословно повиновался начальству, но архимандритъ не признавалъ за собою такого повиновенія, не признавалъ и начальства въ лицѣ викарія. Послѣдній озлобился, и между монахами произошелъ крупный разговоръ. Объ этомъ свиданіи Фотій писалъ такъ: «Архіерей самъ мнѣ открылся, что мнѣ дастъ почувствовать за хлѣбъ и соль. Я знаю, онъ будетъ дѣйствовать чрезъ Набокова (начальникъ военныхъ поселеній)».

Дѣйствительно, Набоковъ видѣлся съ Фотіемъ и высказывалъ свою непріязнь къ губернатору, надѣясь, что и архимандритъ будетъ на его сторонѣ, но монахъ политично уклонился и даже посовѣтовалъ ему самому оставить вражду съ начальникомъ губерніи. Набоковъ не удовлетворился этимъ неудачнымъ маневромъ и придумалъ другой. Онъ сталъ часто пріѣзжать въ монастырь и каждый разъ на глазахъ Фотія прикладывался въ алтарѣ къ престолу. Архимандритъ запретилъ это дѣлать Набокову, сообщивъ графинѣ, что онъ «велѣлъ не допускать и вывесть генерала изъ церкви, что и было исполнено ризничимъ». Этого было достаточно, чтобы о Фотіи распространился слухъ, какъ онъ дерзко поступилъ съ вліятельнымъ лицомъ, которое всегда имѣетъ право входить въ алтарь и прикладываться ко кресту, евангелію и образамъ.

Къ Набокову и викарію присоединился вскорѣ еще митрополитъ Серафимъ. Въ Спасскомъ храмѣ на перилахъ существовали двѣ надписи: одна говоритъ о томъ, что здѣсь 5-го іюня 1825 г. слушалъ литургію императоръ Александръ I; вторая—что въ томъ же году, проживая въ собственномъ домѣ, въ Новгородѣ, графъ Аракчеевъ пріѣзжалъ въ Юрьевскій монастырь и оставался тамъ: въ октябрѣ 4-ре дня, въ ноябрѣ 6-ть и въ декабрѣ—съ 2-го по 25-ое. Фотій, приписывая почему-то числа: 3, 4, 5 и 6 октября къ достопамятнымъ, лично слѣдилъ за вырѣзкой ихъ, тутъ же присутствовалъ и Клейнмихель. Графиня увѣдомила своего духовнаго отца, что митрополиту желательно, чтобы надпись объ Аракчеевѣ была уничтожена. Вѣроятно, Серафимъ руковод-

ствовался тѣмъ, что Аракчеевъ былъ уже въ опалѣ. Фотій сейчасъ же увидѣлъ въ этомъ ловушку и отвѣчалъ Орловой: «Уничтожить надписи я не могу безъ воли государя и формальнаго предписанія, ибо тотъ же Набоковъ донесетъ Клейнмихелю, узнаетъ царь, и мнѣ за такой знакъ неблагодарности къ благодѣтелю зѣло достанется».

Орлова снова повторила желаніе Серафима и прибавила, что, напротивъ, если Фотій не уничтожитъ аракчеевской надписи, тогда ему будетъ худо.

Архимандритъ не могъ повѣрить искренности митрополита и возражалъ своей дщери: «Владыка всегда дѣйствуетъ по политикѣ, думая, что чрезъ викарія и Набокова онъ выиграетъ что-нибудь у царя, сдѣлаетъ ему угодное. Онъ нудитъ меня творить такую подлость; сіе меня очень оскорбило; низкая черта видна у владыки ко мнѣ и графу Аракчееву. И когда же онъ поднесъ мнѣ выпить чашу горечи—въ праздникъ Богоявленія. Сіе писаніе предай огню, а я знаю, какъ проучить Набокова и другихъ». Затѣмъ Фотій повторяетъ, чтобы объ уничтоженіи надписи митрополитъ прислалъ формальную бумагу, иначе выйдетъ новая исторія на «бѣднаго отца», онъ будетъ виноватъ, а митрополитъ откажется отъ своихъ словъ и останется въ сторонѣ.

По поводу надписи Фотій считалъ себя крайне обиженнымъ. Даже когда онъ болѣлъ, писалъ графинѣ: «Чувствую себя получше, пока владыка чѣмъ-нибудь не уязвитъ, я всякій часъ готовъ получить отъ него непріятность».

Вскорѣ митрополитъ Серафимъ прислалъ Фотію оффиціальное предложеніе объ уничтоженіи надписи. Бумага такъ его озадачила, что онъ многимъ пояснялъ: «вотъ получилъ отъ владыки закорючку». Однако и тутъ неуступчивый монахъ началъ отбиваться всѣми силами. Прежде всего онъ доказывалъ о невозможности уничтоженія просто со стороны строительной. Надо было разломать всю рѣшетку, отдѣлить чугунные столбы отъ каменнаго пола и снять мѣдный верхъ, на которомъ существуетъ надпись, затѣмъ все сдѣлать вновь. Работы слѣдуетъ производить лѣтомъ, когда въ храмѣ не бываетъ службы, и при томъ потребуется на устройство не менѣе двухъ мѣсяцевъ, съ затратой порядочной суммы. Митрополитъ не прекословилъ ни о времени, ни о стоимости передѣлки, лишь бы только была уничтожена надпись. Кажется, дѣло ставилось такъ, что приходилось преклониться предъ желаніемъ Серафима, но не тутъ-то было. Фотій отыскалъ болѣе основательный доводъ для своего возраженія; онъ усмотрѣлъ, что аракчеевская надпись вырѣзана вмѣстѣ съ надписью о пребываніи царя, ухватился за это и донесъ по начальству, что съ уничтоженіемъ надписи истребится и память объ императорѣ Александрѣ.

Все-таки Фотій настоялъ на своемъ. Надпись и понынѣ сохранилась

на поручняхъ перилъ. Но ни разу, кажется, не былъ такъ сильно взволнованъ и огорченъ Фотій, какъ тогда, когда на него донесли, что онъ разными незаконными церковными обрядностями возмущаетъ народъ. Тутъ архимандритъ изливаетъ въ письмахъ къ Орловой свой гнѣвъ.

Сначала онъ убѣдительно проситъ графиню, чтобы она настойчиво внушила Бенкендорфу, Клейнмихелю и брату Алексѣю Орлову, что слухъ о возмущеніи пустой, вздорный, что на Фотія только лгутъ и нападаютъ, они же не замедлятъ передать царю, и онъ узнаетъ, откуда пошла клевета и какъ она составилась. Тогда «увѣдаютъ всѣ правду, и Богъ накажетъ клеветниковъ».

Однако слухъ становился упорнѣе. Фотій самъ поѣхалъ къ Орловой и просилъ личнаго ея вліянія на государя о разсѣяніи ложныхъ толковъ. Вернувшись домой, онъ ожидалъ благопріятнаго исхода, но вдругъ получилъ совсѣмъ неутѣшительное посланіе. Графиня писала, что государь не поддается никакимъ убѣжденіямъ и больше вѣритъ слухамъ, чѣмъ ей. Тогда Фотій обрушивается на петербургскихъ властей, подозрѣваемыхъ имъ въ распространеніи клеветы. «Я бѣжалъ изъ града, яко изъ ада, дабы не сдѣлать поклоненія сатанѣ. Яко пророкъ Илія, я бѣжалъ въ горы Божіи, въ мой насажденный рай. Когда неправдою судятъ цари и власти меня, то какъ судятъ простыхъ священниковъ». Наконецъ, графиня сообщила своему духовному отцу болѣе печальную новость, будто императоръ Николай намѣренъ перевести его въ другой монастырь, куда-нибудь на окраину. На это Фотій отвѣчаетъ съ особеннымъ раздраженіемъ. «Царь хочетъ отнять у меня обитель, наслѣдіе святыхъ, садъ мой. Мнѣ садъ сей дорогъ паче, нежели царю его градъ. Мнѣ въ обители дороже святой престолъ для служенія Богу, нежели ему царскій престолъ. Боюсь, что даже отъ мысли не случилось бы гнѣва Божія тому, кто посягнетъ лишить меня достоянія Божія. Не вѣдаютъ бо, что творятъ».

Далѣе графиня успокоиваетъ Фотія и проситъ его не говорить объ этомъ никому; слухъ умолкнетъ, и все будетъ по-старому. Онъ отвѣчаетъ ей, что онъ такъ и дѣлаетъ, какъ она совѣтуетъ: «Вообрази, дочь моя, какое теперь моленіе мое; изъ глубины души вопію предъ Господомъ только, какъ обидѣлъ меня царь и какъ я терплю, но про сіе слова единаго никому не реку, яко нѣмъ и не отверзаю устъ моихъ».

Графиня, одобряя поведеніе архимандрита, снова шлетъ ему успокоительныя письма, но онъ какъ бы и не думаетъ безпокоиться.

«Я молился, какъ мнѣ устоять доселѣ отъ грозы царевой, и видѣлъ царя царей, былъ предъ лицомъ Господа Господей, обрѣлъ милость и теперь не боюсь уже на землѣ ни владыкъ, ни властей, ни самого царя. Вѣрую, что не можетъ быть со мною, аще не будетъ свыше. Чего же печалиться».

Кажется, для литья колокола все было готово, но Фотій какъ-бы спохватился и писалъ графинѣ, что вѣшать такой «зѣло добре» колоколъ на старую колокольню какъ-то стыдно, и потому возбудилъ вопросъ о передѣлкѣ прежней колокольни или о постройкѣ новой. Подъ передѣлкой онъ разумѣлъ надстроить третій этажъ и вообще поднять колокольню выше. Потомъ, когда графиня согласилась на это, Фотій уже проситъ графиню исходатайствовать у Серафима благословеніе на сооруженіе новой колокольни. Орлова заинтересовалась сооруженіемъ и только безпокоилась о томъ, какой будетъ планъ и фасадъ колокольни. Духовный отецъ предложилъ свои услуги, что онъ самъ лично займется составленіемъ чертежей. Фотій составилъ два проекта колокольни и для каждаго отдѣльную смѣту. Первая колокольня обходилась въ 25 тыс., вторая—30 тыс. Сообщая объ этомъ, онъ прибавляетъ: «представлю въ двухъ образцахъ, который полюбится, тотъ пусть и дѣлается». Затѣмъ Фотій прежнюю смѣту измѣнилъ на повышенную, въ которой объяснялъ, что кирпичъ, камень, известь и песокъ стоятъ 51 тыс. руб., а если взять во вниманіе остальное — желѣзо, лѣса, гвозди и работу, то вся колокольня станетъ въ 75 тыс. Надъ этой смѣтой графиня призадумалась и просила духовнаго отца прислать ей чертежи существующей и проектируемой колокольни, какъ-бы давая поводъ думать о передѣлкѣ прежней колокольни. Фотій, исполняя просьбу, писалъ: «посылаю тебѣ планъ новой и старой колокольни, токмо старая не очень будетъ прочна».

XIX.

Въ угоду графинѣ Фотій не мало хлопоталъ о перенесеніи изъ имѣнія Отраднаго въ Юрьевъ монастырь тѣлъ отца и дядей ея. Онъ писалъ: «о, какъ я радъ буду, когда дѣло о тѣлахъ твоего родителя и родственниковъ устроится». Фотій полагалъ привезти тѣла зимою въ 1831 г., но графиня колебалась, сообщая, что зима—время неудобное для приготовленія гробницъ и положенія тѣлъ; архимандритъ же настаивалъ и почему-то торопилъ: «могутъ до весны простоять, а тамъ честно и добре предадимъ землѣ ихъ прахъ». Избравъ мѣсто подъ поломъ Георгіевскаго собора, Фотій писалъ, что направо поставятъ гробницу съ тѣломъ отца графини, а налѣво дядей. Рядомъ съ отцомъ приготовлялось мѣсто для самой Анны Алексѣевны, чтобы ей «положиться». Однако разрѣшеніе на перевезеніе тѣлъ дядей подавалось туго, особенно противилась относительно своего отца Новосильцева. По этому

поводу Фотій сообщалъ: «ежели перевезти не дадутъ твоихъ дядей, то оставь безъ вниманія; былъ бы твой отецъ перевезенъ, это важнѣе всего». Затѣмъ графиня писала, что относительно дядей надежды почти совсѣмъ потеряны. Архимандритъ отвѣчалъ: «значитъ, они недостойны быть съ твоимъ отцомъ положенными въ нашей обители; тебѣ же будетъ пріятнѣе возлечь съ отцомъ, только вдвоемъ». Все-таки впослѣдствіи, кромѣ отца графини, были перевезены въ Юрьевскій монастырь Григорій и Ѳедоръ Орловы.

О здоровьѣ графини Фотій чрезвычайно заботился. Она написала ему о своей болѣзни и сейчасъ же получила соболѣзнованіе. «Что тебѣ сдѣлалось, чадо мое? Какая есть немощь твоя? Обычная или иная какая? Побереги себя и пиши мнѣ постоянно, лучше ли тебѣ». Когда графиня замалчивала о болѣзни, Фотій безпокоился и совѣтовалъ средства. «Не застудилась ли ты? Можно поясницу и гдѣ неловко потереть спиртомъ или оподельдокомъ». Когда графиня поправлялась, онъ писалъ ей: «Я весьма радъ, что тебѣ лучше; сія для меня радость есть болѣе всякаго радованія». Однажды графиня смотрѣла на парадъ и простудилась. Фотій предпослалъ ей безцеремонный упрекъ: «Что за радость и утѣха любоваться парадомъ. Весною смотрѣть въ окно, когда въ комнатахъ воздухъ теплѣе, а на улицѣ холоднѣе. Ты дѣвица старая, должна быть осторожнѣе юныхъ. Неужели ты умная и разумная доселѣ не навыкла отъ похоти смотрѣть на парадъ. Натри все тѣло оподельдокомъ добре и простуда сряду отстанетъ. Помни, въ зеленыхъ банкахъ худой, а самый лучшій въ бѣлыхъ». Затѣмъ совѣтуетъ ей, какъ можно лучше беречь себя, ибо она уже старица, пошелъ шестой десятокъ.

О своей болѣзни, которая свела его въ могилу, Фотій писалъ графинѣ подробно и ежедневно. Онъ заболѣлъ въ концѣ 1835 г. Первое письмо его было о томъ, что у него нѣчто ужасное сдѣлалось съ деснами. Десны чернѣли, разлагались и страшно пахли, такъ что онъ самъ чувствовалъ сильный запахъ гніенія. Кровь въ такомъ обиліи шла изо рта, что онъ смачивалъ ею два полотенца въ сутки. Чтобы облегчить страданія, Фотій рвалъ кусками больное мясо и бросалъ на полъ. Въ началѣ слѣдующаго года Фотій нѣсколько оправился, но лѣтомъ снова заболѣлъ и гораздо хуже. Онъ писалъ, что весь день былъ очень нездоровъ, ночью потъ лилъ градомъ, словомъ, такъ былъ плохъ, что колодой валялся на постели. Описывая свое положеніе, архимандритъ какъ ребенокъ восклицаетъ: «ахъ, какъ свѣжихъ грибовъ мнѣ желательно!» На самомъ дѣлѣ, во время болѣзни, архимандритъ никакой пищи не употреблялъ, будто бы всякая пища ему была противна и вызывала тошноту. Единственно онъ поддерживалъ себя причастіемъ — духовно и физически. Онъ служилъ чрезъ силу, подъ страшнымъ изнеможеніемъ, чтобы вкусить причастіе. Онъ писалъ графинѣ: «О пищѣ и слышать не могу,

даже крохи и капли взять противно. Какъ чудно мнѣ причастіе святое; такъ оно мнѣ вчера было по сердцу, пріятно, хорошо, на потребу, что я уже и выразить не могу. Но лишь послѣ коснулся запивки, и не могу. Дивная вещь. Вино изъ той же бутылки, а пить не могу. Думаю, что еще не время мнѣ умереть».

1838 годъ для Фотія былъ послѣдній. Сначала онъ жаловался, что у него болитъ часто голова и появляется лихорадка, которая трясетъ его обыкновенно отъ 12 ч. дня до полуночи. Въ письмахъ того времени Фотій выражаетъ Орловой сокрушеніе, что въ годину искушенія о немъ никто не вспомнитъ, что его совершенно всѣ оставили, особенно владыка Серафимъ. Но въ то же время пишетъ: «душа моя покойна, когда они не мучатъ меня по своимъ страстямъ».

Далѣе, хирѣя и слабѣя, Фотій все-таки не переставалъ писать графинѣ. Надо удивляться, какъ онъ могъ написать пространное письмо объ одномъ иконописцѣ. Орлова спрашивала: «Бога ради, отче мой святѣйшій, скажи мнѣ слово, что сдѣлалось съ иконописцемъ Александромъ? Я слышала, что на Новый годъ съ нимъ страшное что-то было. Жаль мнѣ его душевно, отличный иконописецъ онъ церковный и съ трудомъ можно нынѣ таковаго во всей Россіи обрѣсти».

Изъ отвѣтнаго письма видно, что Фотій просилъ графиню не жалѣть иконописца, ибо, «что съ нимъ сдѣлалось, то добро было едино, а не зло». Затѣмъ онъ подробно описываетъ всѣ злоключенія, случившіяся съ этимъ иконописцемъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 30. Онъ болѣе пяти лѣтъ писалъ иконы въ Юрьевскомъ монастырѣ для обители, для архимандрита, графини и даже на тотъ случай, когда подносились царской фамиліи. Кромѣ того онъ писалъ иконы патріарху въ Александрію, Египетъ. Но какъ человѣкъ, вдругъ «впалъ въ искушеніе и сталъ ходить въ Новгородъ къ нѣкоей дѣвицѣ блудницѣ». Узнавъ объ этомъ, Фотій внушалъ ему, чтобы онъ, какъ мастеръ священный, жилъ честно, цѣломудренно и «хранилъ бы свое дѣвство», а если не можетъ удержать въ себѣ страстей, то лучше бы вступилъ въ законный бракъ. Однако иконописецъ попрежнему ходилъ къ своей возлюбленной, смущаемый діаволомъ и сатаной. Наканунѣ Новаго года, вопреки правилъ, изложенныхъ въ требникѣ, иконописецъ устроилъ гаданіе, «нѣчто вродѣ волшебства», лилъ воскъ и призывалъ духовъ, чтобы увидѣть свою суженую, какая ему будетъ дана жена. Время было 8 часовъ вечера. Лилъ онъ часа два и вылились изъ воска съ самыми мельчайшими подробностями «скверныя лица, вражьи хари, образы бѣсовскіе». Этому иконописецъ нисколько не удивился. Бросивъ воскъ, онъ предъ сномъ пошепталъ, поколдовалъ на поясъ и легъ спать. Тутъ же спали и его мастера—рабочіе. Вотъ слышитъ онъ, какъ около дома толпа людей кричитъ, дерется и ломится въ ворота. Одинъ изъ толпы спрашиваетъ: «здѣсь есть кто

крещеный? попасть намъ трудно». Затѣмъ всѣ съ шумомъ просили отворить ворота и впустить ихъ въ домъ. Иконописецъ ничуть не струсилъ и спросилъ: «кого вамъ нужно здѣсь?». Толпа отвѣчала: «тебя намъ нужно, пусти насъ поужинать». Послѣдовалъ отказъ, основанный на томъ, что времени уже 11-ть часовъ и на ужинъ подать нечего. Люди потолковали и просили иконописца назначить часъ, когда имъ придти, такъ какъ онъ звалъ ихъ къ себѣ. «Приходите завтра въ обѣднюю»,— сказалъ имъ иконописецъ. Сознавая, что такъ имъ не удастся соблазнъ, они стали приглашать его въ городъ и именно къ его знакомой. Ударили ко всенощной службѣ въ монастырѣ. Все смолкло, и на улицѣ не было слышно ни звука. Иконописецъ одѣлся и отправился въ соборъ. Идя дорогой, онъ замѣтилъ, что впереди ему предшествуетъ какой-то отрокъ. Когда иконописецъ останавливался, то останавливался и отрокъ. Иконописецъ гналъ его прочь, но онъ не слушался и послѣ этого шелъ не впереди, а сзади. Проходя ворота въ частоколѣ, онъ увидалъ, какъ по послѣднему бѣгутъ люди, и спросилъ ихъ: зачѣмъ они здѣсь? Ему отвѣчали: мы всѣ за тобою и съ тобою, куда и ты идешь? Зачѣмъ ты вздумалъ идти къ службѣ? Пойдемъ лучше въ городъ съ нами. Мы тотчасъ тебя доставимъ къ твоей возлюбленной. Она наша, а мы ея слуги и тебя съ нею познакомили, сдружили, связали. Иконописецъ догадался, что это были за люди, и совершенно убѣдился въ нечистой силѣ, когда подошелъ къ собору—люди эти до единаго скрылись, улетучились, какъ дымъ. У святыхъ вратъ онъ видѣлъ по сторонамъ двухъ исполиновъ, которые звали его съ собой и просили не ходить на молитву, но иконописецъ все-таки вошелъ въ соборъ. Только-что онъ выбралъ мѣсто у свѣчной конторы и сталъ оглядываться, вдругъ видитъ, къ нему идетъ знакомая дѣвица, подошла и говоритъ вполголоса: сдѣлай милость, пойдемъ со мной въ городъ; я съ нетерпѣніемъ ждала тебя; тамъ мы въ удовольствіи встрѣтимъ Новый годъ. Иконописецъ понялъ, что эта дѣвица—бѣсъ. Онъ отошелъ и сталъ предъ образомъ Богородицы. Тогда послышались грозные, страшные голоса: вотъ что вздумалъ дѣлать, предъ образомъ молиться, пойдемъ съ нами. Но иконописецъ умиленно возвелъ очи на образъ и услышалъ чей-то мягкій, чудный голосъ: чадо, молись прилежнѣе а, иначе тебя возьмутъ и утащатъ къ себѣ лукавые. Иконописецъ началъ усердно молиться предъ образомъ Живоносный Источникъ и узрѣлъ чудо: изъ чаши потекла вода, какъ настоящая, живая. Онъ испугался и спросилъ невѣдомо кого: надо ли говорить объ этомъ чудѣ. Былъ отвѣтъ: отцу Фотію все разскажи.

Послѣднія письма Фотія полны свѣдѣніями о его болѣзни. Онъ пишетъ, что страдаетъ ознобомъ, тошнотой, во рту сухость, голова болитъ, какъ отъ угара. Болѣзнь приписывалъ непріятностямъ, дѣлаемымъ

*

со стороны митрополита Серафима. «Владыка такъ много влилъ въ мою душу горечи, что отъ него считаю болѣзненное положеніе. Не могу я больше пить чаши горести отъ владыки. Если насильно вольетъ въ уста мои, то пусть дѣлаетъ что хочетъ». Затѣмъ сообщалъ графинѣ, что онъ очень ослабѣлъ. Самъ еще можетъ сойти внизъ, но обратно не подняться и ведутъ двое служителей. Во время служенія страшно изнемогаетъ и доходитъ до дурноты. Чрезъ два-три дня уже пишетъ, что и службу оставилъ по случаю слабости и головной боли. Потомъ увѣдомляетъ: «Наконецъ истощился въ силахъ и свалился на одрѣ. Вчера головы весь день не могъ поднять».

Не принимая никакихъ лѣкарствъ, Фотій попробовалъ облегчить свои страданія теплой водой и пишетъ о результатѣ. Его начало рвать и «много вышло желчи», которою онъ будто бы обязанъ владыкѣ, потому что послѣднимъ не мало влито въ душу архимандрита яда. Вслѣдъ за этимъ Фотій почувствовалъ себя легче, ибо предполагалъ, что «всѣ недуги происходили отъ разліянія желчи». Только просилъ графиню не передавать о его болѣзни владыкѣ, а то онъ можетъ снова налить горести. Письмо архимандритъ заканчиваетъ такъ: «Имѣй все къ веселію твоего сердца. Ты одна желаешь мнѣ здравія, а другіе — скорби и болѣзни».

Наконецъ, Фотій такъ ослабъ, что не могъ въ теченіе десяти минутъ сидѣть на постели. О пріобщеніи онъ сообщилъ п о с е к р е т у, что причастіе ему приноситъ схимникъ въ келью, гдѣ онъ и вкушаетъ.

Узнавъ, что Фотій окончательно сталъ плохъ и безнадеженъ, графиня сообщила ему о своемъ скоромъ пріѣздѣ. Архимандритъ обрадовался и отвѣчалъ: «О, еслибъ ты, чадо, была, то мнѣ бы всего дала пить и ѣсть. А то келейникъ ничего не даетъ, говоритъ, что мнѣ вредно и надо сидѣть на діэтѣ. О, когда тебя дождуся. Если завтра не буду писать тебѣ, то это значитъ, что руки отказываются писать, глаза не могутъ глядѣть».

По пріѣздѣ графиня удивилась, что отъ святѣйшаго отца ея осталась одна тѣнь. Послѣ разныхъ утѣшеній и совѣтовъ, она предложила ему принять доктора. Фотій огорчился и рѣзко возразилъ: «Почто лѣчиться архіерею у поганыхъ врачей. Какъ можно вѣровать врачамъ, а презирать все данное отъ Бога».

А. Слезскинскій

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

XVI [1]).

Почтовый дорожникъ и почтовая карта Россіи.—Лифляндскій латышскій календарь на 1851 годъ.—Карта Малороссійскаго края.—Книга Гагемейстера: „О теоріи налоговъ“.—Инструкція вотчинной конторы.—О не дозволеніи Сергѣю Аксакову издавать „Охотничій сборникъ“.—Портретъ великаго князя Михаила Павловича.—Письма Екатерины Великой къ Вольтеру и Циммерману.—Историческое лото.—Письма гр. Ростопчина къ князю Циціанову.—„Повѣствованіе о Россіи“ Арцыбашева.—Сочиненія Кантемира и Хемницера.

Сношенія министровъ и главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей съ министерствомъ народнаго просвѣщенія были, въ теченіе этого періода, также весьма не многочисленны, что вполнѣ и понятно: ближайшій надзоръ за цензурою со стороны Комитета 2-го апрѣля устранялъ почти совершенно возможность какихъ бы то ни было требованій и заявленій со стороны прочихъ начальствъ. Вотъ, однако, главнѣйшія изъ числа означенныхъ сношеній.

24-го января 1850 года главноначальствовавшій надъ почтовымъ департаментомъ, графъ Адлербергъ, писалъ князю Ширинскому-Шихматову, что изданный нынѣ, безъ вѣдома главнаго почтоваго управленія, «Новый почтовый дорожникъ» есть весьма неудовлетворительная перепечатка прежнихъ подобныхъ же изданій, а такъ какъ этотъ «Дорожникъ» можетъ ввести публику въ напрасную трату денегъ на покупку ея, то онъ, графъ Адлербергъ, и проситъ запретить продажу

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1903 г.

его, а вмѣстѣ съ тѣмъ возобновляетъ прежнюю свою просьбу (первоначально адресованную еще къ графу Уварову, въ 1846 году) на счетъ того, чтобы всѣ сочиненія, относящіяся до почтъ, прежде ихъ напечатанія были присылаемы для просмотра въ почтовый департаментъ: «это необходимо для того, чтобы не подвергнуть публику недоразумѣніямъ, кои могутъ послѣдовать отъ ошибокъ, которыхъ частный издатель не имѣетъ возможности избѣгнуть». Но министръ отвѣчалъ графу Адлербергу, на основаніи справки С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, что упомянутая книга до напечатанія была представляема въ почтовый департаментъ, а какое оттуда послѣдовало разрѣшеніе, то ему не извѣстно.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 5-го сентября 1850 года, графъ Адлербергъ снова писалъ, что въ № 182 «Инвалида» онъ встрѣтилъ объявленіе о продажѣ подробной почтовой карты у книгопродавца Юнгмейстера, и потому онъ снова повторяетъ просьбу строго воспретить главному цензурному комитету разрѣшать всѣмъ частнымъ лицамъ печатать, гдѣ бы то ни было, объявленія объ изданіи почтовыхъ картъ. Но и на этотъ разъ было отвѣчено графу, что въ настоящемъ случаѣ нѣтъ вины со стороны цензурнаго вѣдомства, потому что «Инвалидъ» одобряется къ печатанію не этимъ вѣдомствомъ, а главнымъ штабомъ его величества.

27-го января 1851 г. оберъ-прокуроръ Синода, графъ Протасовъ, препроводилъ къ князю Ширинскому-Шихматову, на его распоряженіе, отношеніе архіепископа рижскаго Платона касательно направленныхъ противъ православія статей въ лифляндскомъ латышскомъ календарѣ на 1851 годъ. Архіепископъ Платонъ заявлялъ, что въ календарѣ находятся еретическія мысли, направленныя противъ существующаго въ православной церкви обыкновенія исповѣдать грѣхи свои и пріобщаться св. таинъ въ тяжкой болѣзни; мысли эти могутъ быть весьма вредны для православныхъ латышей, еще не утвердившихся въ св вѣрѣ, а потому архіепископъ и просилъ запретить календарь и отобрать его отъ тѣхъ, кому онъ розданъ, или по крайней мѣрѣ исключить изъ него ту статью, гдѣ содержатся вышеозначенныя мысли, а издателямъ календаря строго предписать, чтобы впредь они не иначе помѣщали въ немъ статьи, имѣющія отношеніе къ православной церкви, какъ съ дозволенія духовной цензуры. Но 9-го февраля князь Ширинскій-Шихматовъ отвѣчалъ конфиденціально графу Протасову, что, во-первыхъ, онъ съ своей стороны не можетъ раздѣлять опасеній преосвященнаго Платона, чтобы такая книга, какъ лифляндскій календарь, изданная собственно для латышей-лютеранъ, могла быть весьма вредною для православныхъ латышей. Для того чтобы убѣдиться въ такомъ исключительномъ назначеніи календаря, довольно только раз-

вернуть книгу и взглянуть на первые листы ея. Отсутствіе именъ святыхъ угодниковъ и церковныхъ праздниковъ покажетъ ясно всякому православному латышу, что календарь этотъ неправославный, и потому болѣе нежели сомнительно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ сталъ искать въ немъ вразумленія въ истинахъ православной вѣры, тѣмъ болѣе, что для латышей, исповѣдующихъ эту вѣру, издается, на ихъ языкѣ, особый календарь по распоряженію духовнаго православнаго вѣдомства, который, конечно, одинъ только будетъ пользоваться ихъ довѣренностью. Во-вторыхъ, что предлагаемая преосвященнымъ Платономъ мѣра, состоящая въ отобраніи всѣхъ экземпляровъ лифляндскаго календаря отъ частныхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ онъ теперь обращается, едва-ли удобоисполнима, потому что если издателю извѣстно, кому были отъ него р о з д а н ы экземпляры, то безъ сомнѣнія не извѣстно, кому они были п р о д а н ы. Столь же неудобно предполагаемое изъятіе замѣченной статьи изъ экземпляровъ, оставшихся въ распоряженіи издателя или у книгопродавца. Извѣстно, что календари расходятся если не исключительно, то преимущественно, предъ наступленіемъ новаго года и въ самомъ началѣ онаго. Исключеніе означенной статьи въ настоящее время изъ нераспроданныхъ еще экземпляровъ, которымъ весьма мало предвидится сбыта, не только не достигло бы своей цѣли, но и произвело бы совершенно противное дѣйствіе. Обративъ вниманіе латышей на содержаніе этой статьи, оно могло бы возбудить любопытство даже и тѣхъ изъ нихъ, которые исповѣдуютъ православную вѣру, между тѣмъ какъ воспрепятствовать удовлетворенію онаго не было бы возможности по значительному числу оставшихся въ обращеніи прежнихъ экземпляровъ.

Графъ Протасовъ, въ свою очередь, 11-го октября 1851 года препроводилъ отзывъ архіепископа рижскаго на мнѣніе министра народнаго просвѣщенія. Но и съ этимъ новымъ отзывомъ министръ не нашелъ возможнымъ согласиться, и 14-го ноября 1851 года отвѣчалъ графу Протасову, что, уважая въ полной мѣрѣ ревность къ православію архіепископа Платона, считаетъ необходимымъ замѣтить: 1) онъ не находитъ себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе достовѣрности показанія, будто бы послѣдствіемъ напечатанія означенной статьи было то, что въ Сунцелѣ умерло безъ исповѣди и причастія два человѣка православнаго исповѣданія и въ Оппекальскомъ приходѣ одинъ крестьянинъ безъ покаянія—показанія, сдѣланнаго тѣмъ же самымъ лицомъ, по донесенію котораго возникло настоящее дѣло, потому что справедливость этихъ событій могла бы быть доказана только своевременнымъ подробнымъ изслѣдованіемъ ихъ на мѣстѣ, которое не относится къ цензурному вѣдомству; 2) религіозныя статьи, издаваемыя въ свѣтъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, для жителей, и с п о в ѣ д у ю щ и х ъ е в а н-

гелическо-лютеранскую вѣру, должны быть разсматриваемы на основаніи ученія ихъ церкви, пользующейся покровительствомъ нашего правительства. При такихъ обстоятельствахъ, нѣтъ достаточнаго основанія всякое разнорѣчіе лютеранъ съ нами въ ученіи вѣры относить къ посягательству на православіе; съ другой стороны, нельзя требовать, чтобы лютеране приписывали напутствію умирающихъ столько же важности, какъ мы, когда они покаянія не признаютъ за таинство и вовсе отвергаютъ елеосвященіе; 3) что статья, о которой идетъ теперь рѣчь, помѣщена въ календарѣ, издаваемомъ для латышей лютеранскаго исповѣданія, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что въ этой книгѣ говорится о рожденіи Лютера и о введеніи реформаціи, выставлены всѣ праздники протестантской церкви и, по принятымъ ею правиламъ, означены библейскіе тексты для каждаго воскресенья. Посему болѣе нежели сомнительно, чтобы кто-нибудь изъ православныхъ латышей сталъ искать въ неправославномъ календарѣ вразумленія въ истинахъ православія, тѣмъ болѣе, что для латышей, исповѣдующихъ нашу вѣру, издается на ихъ языкѣ особый календарь по распоряженію духовнаго православнаго вѣдомства, который, конечно, только одинъ и будетъ пользоваться ихъ довѣренностью. Но если бы, паче всякаго чаянія, замѣчено было въ комъ-либо изъ православныхъ латышей расположеніе къ чтенію лютеранскаго календаря, въ такомъ случаѣ удобнѣе было бы предостерегать ихъ отъ опасности такого чтенія православнымъ ихъ пастырямъ, нежели подвергать запрещенію помѣщаемыя въ календаряхъ статьи религіознаго содержанія, потому что запретить всѣ сочиненія, напечатанныя на латышскомъ языкѣ въ духѣ протестантскаго ученія, рѣшительно было бы невозможно; 4) если бы допустить цензурное разсмотрѣніе догматическихъ и духовнаго содержанія книгъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, примѣняясь строго къ ученію православія, въ такомъ случаѣ надлежало бы прежде всего запретить Лютеровъ катехизисъ, потому что въ немъ, безъ сомнѣнія, есть мѣста, несогласныя съ православнымъ ученіемъ, по разумѣнію св. отцовъ нашей церкви; 5) находя за тѣмъ, что статья въ латышскомъ календарѣ, признающая спасительность покаянія и причащенія даже и на смертномъ одрѣ, но убѣждающая не отлагать исправленія до приближенія кончины, въ неизвѣстности, когда и при какихъ обстоятельствахъ она постигнетъ грѣшника, не противная ученію православной церкви, и, имѣя при томъ въ виду, что ничто не доказываетъ, чтобы при печатаніи оной было намѣреніе дѣйствовать противъ существующаго въ православной церкви благочестиваго въ этомъ отношеніи обычая, онъ, князь Ширинскій-Шихматовъ, не усматриваетъ въ настоящемъ случаѣ надобности въ особенномъ по цензурному вѣдомству распоряженіи. На этомъ дѣло и кончилось.

9-го февраля 1851 года кіевскій генералъ-губернаторъ конфиденціально писалъ князю Ширинскому-Шихматову, что въ Кіевскомъ цензурномъ комитетѣ одобрена къ напечатанію карта Малороссійскаго края, изданная штабсъ-капитаномъ Туржанскимъ. Хотя въ существующихъ постановленіяхъ нѣтъ запрещенія употреблять названіе «Малороссійскій край», но онъ просилъ увѣдомленія: нѣтъ-ли въ виду главнаго управленія цензуры чего-либо, могущаго служить препятствіемъ къ выпуску карты «Малороссійскаго края», заключающей въ себѣ губерніи Черниговскую, Полтавскую и Харьковскую. Князь отвѣчалъ, что такого запрещенія въ виду нѣтъ и, равнымъ образомъ, по отзыву министерства внутреннихъ дѣлъ нѣтъ такого постановленія и по этому министерству, а только видно, что выраженіе «Малороссійскій край» устранено съ переименованіемъ въ 1835 году главнаго мѣстнаго начальника изъ малороссійскаго военнаго губернатора—черниговскимъ, полтавскимъ и слободско-украинскимъ (нынѣ харьковскимъ) генералъ-губернаторомъ. Поэтому онъ, министръ, и находитъ возможнымъ дозволить выпускъ въ свѣтъ упомянутой карты съ выставленнымъ на оной заглавіемъ.

22-го іюня 1852 года главноуправлявшій путей сообщенія и публичныхъ зданій, графъ Клейнмихель, писалъ министру народнаго просвѣщенія, что г. Гагемейстеръ представилъ ему, по опредѣленію с.-петербургской цензуры, свое сочиненіе: «О теоріи налоговъ, примѣненной къ государственному хозяйству», прося разрѣшить къ напечатанію мѣста, до желѣзныхъ дорогъ относящіяся. Изложенныя въ сочиненіи мысли о сообщеніяхъ въ Россіи и о предполагаемомъ г. Гагемейстеромъ налогѣ по Имперіи, для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, онъ, графъ Клейнмихель, находитъ неосновательными и самый предметъ не подлежащимъ сужденію и распубликованію частнаго лица, и не можетъ разрѣшить къ напечатанію означенныхъ выше мѣстъ. На этомъ основаніи, книга хотя и была напечатана, но съ выпущеніемъ мѣстъ, не одобренныхъ графомъ Клейнмихелемъ. Однако же дѣло на этомъ не остановилось. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 4-го ноября 1852 года, генералъ-адъютантъ Анненковъ писалъ князю Ширинскому-Шихматову: «Въ текущемъ году вышла здѣсь въ С.-Петербургѣ брошюра «О теоріи налоговъ, примѣненной къ государственному хозяйству», сочиненія Ю. Гагемейстера. Комитетъ 2-го апрѣля замѣтилъ, что въ этомъ сочиненіи, при разсмотрѣніи сборовъ, установленныхъ въ Россіи, примѣнительно къ правиламъ теоріи, нѣкоторые изъ этихъ сборовъ подвергаются явному неодобренію. Такъ, напримѣръ, сказано: О сборахъ съ торгующихъ: «нельзя не признаться, что торговые эти разряды довольно неопредѣлительно обозначаютъ состояніе купеческаго класса. Имѣющій, напримѣръ, милліоны въ оборотахъ по внутренней торговлѣ

можетъ состоять во 2-й гильдіи, тогда какъ всякій, коего оборотъ по заграничной торговлѣ превышаетъ 90.000 рублей, долженъ записаться въ 1-ю гильдію». О подушномъ налогѣ съ мѣщанъ: «Недоимки, наростающія на городскихъ жителей преимущественно оттого, что приписываются къ городамъ многіе проживающіе внѣ оныхъ, за подати коихъ отвѣтственность лежитъ на городскихъ обществахъ, подадутъ, вѣроятно, поводъ правительству измѣнить нынѣшній порядокъ подушнаго обложенія въ отношеніи къ мѣщанамъ». На стр. 101—102 осуждается переложеніе россійской монеты на серебро: «Есть въ Россіи,—говоритъ авторъ,—еще особенная причина возвышенія цѣнъ, заключающаяся въ измѣненіи, въ 1838 году, монетной системы и установленіи счетною единицею серебрянаго рубля, вмѣсто ассигнаціоннаго, который составлялъ $3\,^1/_2$-ю часть онаго». И далѣе: «Столько же по инстинктивному чувству этого неудобства (переложенія ассигнаціоннаго счета на серебро), сколько по привязанности къ бывалому, народъ внутри Россіи продолжаетъ вести счетъ на ассигнаціи; но можно было бы, кажется, считать четвертаками, замѣняя нынѣшнюю слишкомъ высокую счетную единицу рубля 25-копѣечниками; ибо опытомъ доказано, что чѣмъ ниже счетная единица, тѣмъ вообще жизнь дешевле».

По вопросу, сдѣланному комитетомъ управляющему министерствомъ финансовъ: съ вѣдома-ли онаго напечатано это сочиненіе, статсъ-секретарь Брокъ увѣдомилъ, что г. Гагемейстеръ обращался къ нему съ просьбою о предварительномъ разсмотрѣніи рукописнаго его сочиненія: «О теоріи налоговъ»; вслѣдствіе чего, рукопись эта, по принятому министерствомъ финансовъ въ подобныхъ случаяхъ порядку, передана была одному изъ членовъ ученаго комитета, замѣчанія котораго и сообщены сочинителю; но что, собственно отъ цензуры, вопроса касательно напечатанія этого сочиненія въ министерство не поступало. Комитетъ 2-го апрѣля, принимая во вниманіе: а) примѣч. къ ст. 23-й уст. ценз. по VIII прод., гдѣ сказано: «сочиненія по части законодательства, кои суть теоретическаго или историческаго содержанія, или содержатъ въ себѣ собственныя разсужденія самихъ авторовъ, разсматриваются въ общей цензурѣ, на основаніи существующихъ правилъ, не обращая ихъ во II-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи»; 5-е прим. къ ст. 12 ценз. уст. по XV прод.: «не пропускаются въ печать разсужденія о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства въ Имперіи, когда подъ средствами разумѣются мѣры, зависящія отъ правительства, и вообще сужденія о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ»; в) высочайше утвержденное 14-го апрѣля 1849 г. положеніе Комитета 2-го апрѣля, состоявшееся по поводу напечатанной въ Дерптѣ диссертаціи кандидата Шитца на полученіе степени магистра правъ о томъ, чтобы не было пропускаемо къ

печатанію никакихъ разборовъ и порицаній существующаго законодательства, находило, что при всей видимой благонамѣренности автора, даже и при томъ вниманіи, котораго многія изъ его замѣчаній достойны со стороны правительства, сочиненіе его, по силѣ вышеприведенныхъ постановленій, разрѣшать къ напечатанію не слѣдовало. Съ другой стороны, принимая во вниманіе, что цензура имѣла въ виду, при разсмотрѣніи рукописи Гагемейстера, неоднократные отзывы о семъ сочиненіи министерства финансовъ, Комитетъ полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія войти въ ближайшее соображеніе: можетъ-ли и долженъ-ли за симъ подлежать отвѣтственности цензоръ, и опредѣлить самую степень оной. Въ предупрежденіе же подобныхъ случаевъ на будущее время, Комитетъ полагалъ необходимымъ принять за постоянное правило, чтобы тѣ сочиненія, въ коихъ теорія законодательства, или финансовой и административной науки, примѣняется авторомъ къ существующимъ собственно у насъ учрежденіямъ, когда они не подлежатъ разсмотрѣнію II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, были, раньше разсмотрѣнія ихъ въ общей цензурѣ, препровождаемы послѣднею въ тѣ правительственныя мѣста и учрежденія, до которыхъ сочиненія эти относятся, и чтобы за симъ общая цензура, при окончательномъ ихъ разсмотрѣніи, принимала за главное основаніе тѣ отзывы и замѣчанія, кои отъ упомянутыхъ мѣстъ и учрежденій сообщены будутъ.

На журналѣ Комитета послѣдовала 2-го ноября высочайшая резолюція: «Справедливо».

11-го же ноября князь Ширинскій-Шихматовъ писалъ генералъ-адъютанту Анненкову, что, согласно съ высочайшимъ повелѣніемъ, онъ подвергъ дѣло это самому внимательному разсмотрѣнію и убѣдился, что цензоръ оказывается совершенно невиннымъ, ибо книга Гагемейстера была раньше цензуры разсмотрѣна въ министерствѣ финансовъ, которое, по исправленіи и исключеніи значительнаго числа мѣстъ, не встрѣтило препятствія къ напечатанію рукописи г. Гагемейстера.

30-го сентября 1852 года товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ писалъ министру народнаго просвѣщенія, что, просмотрѣвъ статью: «Инструкція вотчинной конторы», назначенную для помѣщенія въ «Трудахъ вольнаго экономическаго общества», онъ находитъ, что у насъ внутреннее управленіе помѣщичьими крестьянами и разбирательство между ними споровъ совершенно предоставлено волѣ самихъ владѣльцевъ, или тѣхъ, кого они къ сему уполномочиваютъ. Правительство наблюдаетъ лишь то, дабы крестьяне не были, сверхъ ихъ способовъ, обременены оброками, изнуряемы непомѣрными работами и не подвергались жестокому съ ними обращенію. Въ настоящей инструкціи хотя нѣтъ ничего противузаконнаго въ предписываемомъ къ управленію

порядкѣ, однако жъ нельзя оставить безъ вниманія, что если инструкція эта какимъ-либо путемъ распространится и сдѣлается извѣстною между крестьянами, то они, по собственному невѣжеству, или даже по внушенію неблагонамѣренныхъ людей, весьма легко могутъ счесть оную, какъ печатную, за постановленіе правительства, обязательное для помѣщиковъ, что̀ неминуемо подастъ поводъ къ разнымъ вреднымъ между ними толкамъ и можетъ даже повести крестьянъ къ противузаконнымъ требованіямъ, особенно по поводу содержащихся въ инструкціи нѣкоторыхъ правилъ, клонящихся къ ограниченію власти помѣщика (напримѣръ § 15-мъ инструкціи обозначается или ограничивается количество оброка съ крестьянъ опредѣленною суммою; § 72-мъ постановляется учреждать для разбора споровъ и тяжбъ крестьянъ сельскія расправы изъ лицъ, выбранныхъ самими крестьянами и т. п.). При опасеніи такихъ вредныхъ послѣдствій, онъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, не полагалъ бы удобнымъ дозволять печатаніе означенной инструкціи. Вслѣдствіе того, книга осталась не напечатанною.

Въ апрѣлѣ 1853 г. извѣстный литераторъ Сергѣй Аксаковъ приносилъ жалобу министру народнаго просвѣщенія на то, что Московскій цензурный комитетъ отказалъ ему въ дозволеніи издавать «Охотничій сборникъ», выразясь при этомъ такъ, что Комитетъ «не признаетъ особой пользы въ томъ, чтобы статьи по предметамъ охоты издавались въ видѣ сборника, а потому отказать г. Аксакову въ его просьбѣ, предоставивъ ему, если пожелаетъ, помѣщать такого рода статьи въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, или отдѣльными книжками». Аксаковъ въ своей жалобѣ изъяснялъ, что, по его мнѣнію, «изданіе сборника, въ которомъ могли бы помѣщаться описанія всѣхъ родовъ охотъ, столь разнообразныхъ по обширности Россійскаго государства, можетъ служить не только пріятнымъ чтеніемъ для охотниковъ, число которыхъ довольно значительно, но въ то же время быть источникомъ полезныхъ мѣстныхъ свѣдѣній и наблюденій по части натуральной исторіи, наблюденій спеціалистовъ, которые одни могутъ обогатить науку драгоцѣнными практическими знаніями, часто погибающими безгласно. Когда же министръ народнаго просвѣщенія отнесся къ начальнику III отдѣленія собственной его величества канцеляріи съ просьбой сообщить: нѣтъ-ли, со стороны этого отдѣленія, препятствій къ дозволенію Аксакову издавать «Охотничій сборникъ», то генералъ-лейтенантъ Дубельтъ секретно сообщилъ министру, что въ дѣлахъ III отдѣленія имѣются о литературныхъ занятіяхъ Аксакова слѣдующія свѣдѣнія: 1) Въ I-мъ томѣ «Московскаго вѣстника» за 1830 г. помѣщена была статья его: «Рекомендація министра». Статья эта возбудила тогда своимъ неприличіемъ неудовольствіе государя императора, и цензоръ, одобрившій оную къ печати, былъ по высочайшему повелѣнію подвергнутъ двух-

недѣльному аресту на гауптвахтѣ; 2) бывъ въ 1832 г. цензоромъ, Аксаковъ разрѣшилъ печатаніе изданной въ Москвѣ брошюры: «12 спящихъ будочниковъ»; государь императоръ, признавъ брошюру эту крайне неприличною и неблагонамѣренною, высочайше повелѣлъ: уволить Аксакова отъ должности цензора; 3) въ рукописи, предназначенной для II-го тома «Московскаго сборника», помѣщена была статья Аксакова, которая, по разсмотрѣніи въ главномъ управленіи цензуры, разрѣшена была къ напечатанію съ нѣкоторыми исключеніями. Соображая все это, равно и другія свѣдѣнія, имѣющіяся о Сергѣѣ Аксаковѣ въ III отдѣленіи, нельзя предполагать, чтобы онъ, при изданіи помянутаго сборника, руководствовался должною благонамѣренностью, и потому едва-ли можно ему дозволить изданіе какого бы то ни было журнала. На этомъ основаніи, Аксаковъ не получилъ просимаго имъ разрѣшенія.

Обращаясь, наконецъ, къ непосредственной дѣятельности самого министра народнаго просвѣщенія и главнаго управленія цензуры за это время, мы встрѣчаемъ слѣдующіе факты:

23-го ноября 1849 года князь Ширинскій-Шихматовъ вошелъ съ докладомъ, которымъ испрашивалъ разрѣшенія на выпускъ въ свѣтъ литографированнаго художникомъ Жуковскимъ портрета великаго князя Михаила Павловича,—портрета, предполагавшагося къ продажѣ въ конторѣ общества посѣщенія бѣдныхъ, съ удержаніемъ половины вырученныхъ денегъ въ пользу общества. На это послѣдовала высочайшая резолюція: «запрещать нѣтъ причины, хотя сходства немного».

22-го іюня 1850 года министръ изложилъ въ другомъ докладѣ, слѣдующее: «Въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ поступили, на разсмотрѣніе, предполагаемыя къ новому изданію, въ собраніи сочиненій императрицы Екатерины II, письма ея къ Вольтеру и къ доктору Циммерману, напечатанныя въ 1802 и 1803 годахъ. Цензоръ, разсматривавшій эту переписку, встрѣтилъ затрудненіе въ одобреніи къ печатанію многихъ мѣстъ, заключающихъ въ себѣ или выраженіе нескромныхъ похвалъ Вольтеру и сочиненіямъ его, или шутки и остроты въ отношеніи къ предметамъ, тѣсно связаннымъ съ нашими религіозными убѣжденіями. Что касается до писемъ къ Циммерману, то они могли бы быть разрѣшены къ перепечатанію, за пропускомъ небольшаго числа мѣстъ, замѣченныхъ цензурою, еслибъ не представлялось опасенія сдѣлать болѣе замѣтнымъ исключеніе писемъ Екатерины II къ Вольтеру и обратить на это обстоятельство особенное вниманіе публики».

Съ своей стороны князь Ширинскій-Шихматовъ считалъ болѣе удобнымъ «не разрѣшать новаго изданія этой переписки, въ чемъ и не настоитъ особенной надобности».

На докладѣ послѣдовала высочайшая резолюція: «Не разрѣшать

новаго изданія писемъ къ Вольтеру, признавая возможнымъ дозволить перепечатаніе писемъ къ Циммерману, съ исключеніемъ мѣстъ, замѣченныхъ цензурою».

Къ этому времени относится одна очень существенная мѣра, принятая министромъ народнаго просвѣщенія для того, чтобы усилить цензурный надзоръ и по возможности предотвратить или парализовать слишкомъ частыя и для него безпокойныя замѣчанія со стороны Комитета 2-го апрѣля.

15-го апрѣля 1850 года князь Ширинскій-Шихматовъ писалъ: «Бдительный надзоръ за духомъ и направленіемъ выходящихъ въ свѣтъ книгъ, въ особенности же повременныхъ изданій, составляетъ въ настоящее время одну изъ важнѣйшихъ обязанностей ввѣреннаго мнѣ министерства. Изъ сего слѣдуетъ, что всѣ издаваемые у насъ газеты и журналы надлежитъ внимательно прочитывать тотчасъ по появленіи ихъ въ печати, дѣлать нужныя по содержанію ихъ замѣчанія и доводить немедленно до моего свѣдѣнія о всякомъ отступленіи отъ цензурныхъ правилъ, дабы я могъ тогда же употреблять нужныя мѣры строгости и предупреждать подобныя упущенія на будущее время. Между тѣмъ, ни министерство народнаго просвѣщенія, ни главное управленіе цензуры, не имѣютъ къ такому постоянному наблюденію рѣшительно никакихъ способовъ, потому, что теперь въ канцеляріи министра состоитъ только нѣсколько чиновниковъ, занимающихся собственно административною частью цензурнаго вѣдомства. Чтобы помочь столь ощутительному недостатку, я не нашелъ другаго средства, какъ возложить изъясненное выше занятіе на четырехъ состоящихъ при мнѣ чиновниковъ особыхъ порученій, снабдивъ ихъ надлежащимъ для того наставленіемъ и распредѣливъ между ними всѣ журналы, подлежащіе цензурѣ ввѣреннаго мнѣ министерства. Но какъ я долженъ былъ употребить для столь важнаго дѣла, требующаго особенной проницательности и благоразумія, чиновниковъ, уже состоявшихъ при министрѣ, безъ возможности выбора къ тому людей истинно способныхъ, которые конечно не согласились бы принять на себя этотъ нелегкій трудъ на томъ же основаніи, т. е. безъ жалованья, то и нельзя не сомнѣваться, чтобы распоряженіе мое увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Для отклоненія на будущее время такого неудобства, я полагалъ необходимымъ имѣть въ вѣдѣніи главнаго управленія цензуры по крайней мѣрѣ трехъ чиновниковъ, свободныхъ отъ всякихъ другихъ служебныхъ занятій, достаточно обезпеченныхъ содержаніемъ, съ такими же качествами и способностями, какъ и цензора, которыхъ дѣйствія они повѣрять будутъ обязаны».

Это предположеніе получило высочайшее одобреніе, и исполненіе его возложено было на чиновниковъ особыхъ порученій: графа Комаровскаго, Кузнецова, Родзянку и Гедеонова. Такимъ образомъ, у насъ

образовалось т р и одновременно дѣйствовавшихъ цензуры: цензура отдѣльныхъ цензоровъ, съ относящимися сюда же цензурными комитетами и главнымъ управленіемъ цензуры; Комитетъ 2-го апрѣля, какъ высшее наблюдательное учрежденіе, имѣвшее предметомъ все уже появившееся въ печати, и, наконецъ, корпусъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ при министрѣ, которыхъ обязанность была совершенно та же самая, что̀ и у Комитета 2-го апрѣля.

7-го февраля 1851 года министръ просвѣщенія писалъ с.-петербургскому попечителю, что въ нѣкоторыхъ газетахъ иногда печатаются объявленія о предстоящихъ спектакляхъ, съ упоминаніемъ о такихъ новыхъ пьесахъ, которыя не были еще разсмотрѣны и одобрены въ III-мъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи. Находя такія объявленія преждевременными и неумѣстными, тѣмъ болѣе, что подобныя пьесы легко могутъ подвергнуться запрещенію цензуры театральныхъ представленій, министръ предписывалъ объявленія о представленіяхъ на театрахъ какихъ бы то ни было новыхъ пьесъ допускать не иначе, какъ по одобреніи ихъ III-мъ отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи.

Разсмотрѣвъ представленіе московскаго попечителя о дозволеніи приглашать въ засѣданія тамошняго цензурнаго комитета одного изъ учителей музыки, для разсматриванія музыкальныхъ пьесъ, прежде разсматриванія цензорскаго, съ назначеніемъ ему за этотъ трудъ какого-либо вознагражденія,—главное управленіе нашло въ засѣданіи 17-го февраля 1851 года, что поводомъ къ этому представленію было опасеніе, что подъ знаками нотными могутъ быть сокрыты злонамѣренныя сочиненія, написанныя по извѣстному ключу, или что къ мотивамъ церковнымъ могутъ быть приспособлены слова простонародной пѣсни и наоборотъ, а потому опредѣлило для предупрежденія такого злоупотребленія предоставить московскому попечителю, въ случаяхъ сомнительныхъ, поручать извѣстнымъ ему лицамъ, знающимъ музыку, предварительное разсмотрѣніе музыкальныхъ пьесъ, и о вознагражденіи ихъ, по мѣрѣ трудовъ, входить съ особыми представленіями въ концѣ года. А какъ подобное сему опасеніе болѣе можетъ быть возбуждено иностранными музыкальными произведеніями, нежели издаваемыми въ Россіи, то обратить на сказанное обстоятельство вниманіе Комитета иностранной цензуры.

24-го марта 1851 года главное управленіе цензуры слушало представленіе комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ о сочиненіи: «Историческое лото съ портретами россійскихъ государей въ вопросахъ и отвѣтахъ», изданіе Антоновича, и нашло, что посредствомъ игръ изученіе какой-либо науки невозможно, и что даже самая цѣль предложить дѣтямъ этотъ способъ, особенно еще съ присоединеніемъ

къ игрѣ портретовъ россійскихъ государей, нимало не соотвѣтствуетъ важности предмета; сверхъ того, эти изображенія исполнены безъ соблюденія исторической вѣрности, а потому главное управленіе признало невозможнымъ дозволить это сочиненіе къ напечатанію.

30-го марта 1851 года князь Ширинскій-Шихматовъ писалъ московскому попечителю, что изданія Археографической коммиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подвергаются иногда критическимъ разборамъ частныхъ лицъ, помѣщаемымъ въ повременныхъ изданіяхъ, а потому онъ предписываетъ Московскому цензурному комитету, чтобы подобные разборы допускаемы были имъ къ напечатанію не иначе, какъ съ разрѣшенія его, министра.

15-го апрѣля 1851 года князь Ширинскій-Шихматовъ писалъ московскому попечителю, что назначенныя для напечатанія въ «Москвитянинѣ» Письма графа Растопчина къ командующему въ Грузіи князю Циціанову, по содержанію своему, относятся къ тремъ главнымъ предметамъ: 1) сужденія о многихъ лицахъ временъ 1803—1804 годовъ, приближенныхъ къ нашему двору, или занимавшихъ высшія должности въ государствѣ, 2) разсказы о политическихъ событіяхъ того времени въ Европѣ и объ отношеніяхъ ихъ къ политикѣ нашего отечества, также о нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженіяхъ внутри государства и т. п., 3) подробности о домашней и семейной жизни графа Растопчина, объ управленіи его собственными имѣніями и о разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства. Потому, съ исключеніемъ первыхъ двухъ разрядовъ писемъ, которыя онъ, министръ, считаетъ неудобными допустить къ напечатанію, третьи, относящіяся къ семейной жизни и сельскому хозяйству, могутъ быть дозволены къ напечатанію.

Въ іюнѣ 1851 года министръ просвѣщенія поручалъ академику Устрялову представить свое мнѣніе о возможности допустить къ напечатанію «Повѣствованія о Россіи» Арцыбашева, заключающія описаніе дѣлъ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ и о первой супругѣ Петра I, такъ какъ они изображаются едва-ли не въ первый разъ съ подобною полнотою и въ совокупности. Устряловъ отвѣчалъ 6-го іюля, что, разсмотрѣвъ въ корректурныхъ листахъ это сочиненіе, онъ находитъ, что обстоятельства суда надъ Алексѣемъ Петровичемъ большею частью изложены на основаніи обнародованнаго въ 1718 году «Объявленія розыскнаго дѣла и суда» (перепечатаннаго Погодинымъ въ «Московскомъ вѣстникѣ» 1829 года); посему все, что изъ него заимствовано Арцыбашевымъ, есть достояніе исторіи. Жалѣть только надобно, что авторъ, безъ надлежащей отчетливости пользуясь собранными въ «Объявленіи» документами, многія необходимыя для уразумѣнія дѣла подробности выпустилъ изъ виду, а нѣкоторыя важныя обстоятельства

даже исказилъ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что «свѣтскіе судьи единогласно приговорили царевича къ смерти. Черезъ день объявлено тайнымъ совѣтникомъ Толстымъ собранному Сенату разсужденіе духовныхъ судей, въ которомъ хотя не выставлено приговора царевичу, но приведены слова Ветхаго Завѣта, изъявляющія одно съ приговоромъ свѣтскихъ», между тѣмъ, какъ духовные судьи выписали примѣры не только изъ Ветхаго Завѣта, но и изъ Новаго, и въ заключеніи, предоставивъ рѣшеніе дѣла благоизволенію государя, присовокупили: «Аще по дѣламъ и по мѣрѣ вины восхощетъ наказати падшаго, имать образцы, яже отъ Ветхаго Завѣта выше приведохомъ; аще благоизволитъ помиловати, имать образъ самого Христа, который блуднаго сына кающагося воспріятъ, жену въ прелюбодѣяніи яту и камеміемъ побіенія по закону достойную, свободну отпусти, милость паче жертвы превознесе: милости рече, хощу, а не жертвы. Имать образецъ и Давида, который гонителя своего, сына Авессалома, хотѣлъ пощадить, глаголя вождемъ своимъ: пощадите ми отрока моего Авессалома». Слѣдовательно, духовные судьи, всегда вѣрные долгу своего сана, далеко не одно изъявляли съ приговоромъ свѣтскихъ, рѣшительно осуждавшихъ царевича на смерть, а очевидно склоняли государя къ помилованію. Другая ошибка автора, безпрестанно впрочемъ повторяемая во всемъ его сочиненіи, состоитъ въ томъ, что онъ не отличалъ первыхъ, главныхъ источниковъ отъ позднѣйшихъ компиляцій, и въ статьѣ о царевичѣ ссылался безъ разбора и на подлинные документы, и на невѣрные разсказы лицъ, которыя не были даже современниками. Главнымъ авторитетомъ ему служило сочиненіе типографщика Дмитрія Ѳеодози, напечатавшаго въ Венеціи въ 1772 году «Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго»,— сочиненіе, исполненное безчисленнымъ множествомъ всякаго рода погрѣшностей. Оттого Арцыбашевъ въ статьѣ о царевичѣ впадаетъ въ грубыя ошибки, въ которыя ввелъ его Ѳеодози: «духовный судъ, которому отдана была царица Евдокія, велѣлъ высѣчь ее двумъ монахинямъ». Зная всѣ подробности, всѣ документы розыскныхъ дѣлъ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ и матери его Евдокіи, онъ, Устряловъ, можетъ засвидѣтельствовать, что ничего подобнаго не было. Равно несправедливо, говоритъ онъ, что «Вяземскій былъ колесованъ съ Кикинымъ». Изъ дѣлъ архива видно, что онъ сосланъ былъ въ Архангельскъ. Имѣя въ виду все вышеизложенное, онъ, Устряловъ, полагаетъ, что статья Арцыбашева въ настоящемъ видѣ напечатана быть не должна. Главное управленіе цензуры, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, опредѣлило 14-го іюля 1851 года: вышеозначенныя описанія дозволить напечатать не иначе, какъ по исправленіи ихъ согласно съ замѣчаніями академика Устрялова.

14-го августа 1851 года князь Ширинскій-Шихматовъ изложилъ въ докладѣ государю слѣдующее: «Попечитель С.-Петербургскаго округа довелъ до моего свѣдѣнія, что книгопродавецъ Смирдинъ представилъ въ цензуру экземпляръ сочиненій Кантемира и Хемницера, для пропуска онаго къ печатанію новымъ изданіемъ. Послѣднее изданіе было напечано въ 1847 году. Цензоръ, разсматривавшій эту книгу, встрѣтилъ справедливыя сомнѣнія, относительно позволительности нѣкоторыхъ мѣстъ, въ обоихъ авторахъ. Въ сочиненіяхъ Кантемира онъ нашелъ: 1) Сарказмы на духовенство, монашество и высшій іерархическій санъ, которые можно извинить только тѣмъ, что они относятся къ отдаленному времени, не составляя современной сатиры; 2) Шутки и остроты надъ такими предметами, въ примѣненіи къ которымъ шутка или острота дѣлается болѣе или менѣе непозволительною выходкою и даже кощунствомъ; 3) нескромныя площадныя выраженія, употребленіе которыхъ въ обществѣ и литературѣ нашего времени принимается за нарушеніе приличія.

Въ сочиненіяхъ Хемницера оказались подобныя же шутки и неприличія, какъ, напримѣръ, сближеніе собаки съ монахомъ, или волчьихъ поступковъ съ господскими, но чаще приводитъ въ сомнѣніе основная идея басенъ, между которыми есть написанныя для нравоученія, заключающаго въ себѣ очевидный парадоксъ, а въ другихъ сатира обращена на дѣйствіе верховной власти. Такъ какъ эти сочиненія выходили многими изданіями и тысячами обращаются съ давняго времени въ публикѣ, то цензоръ затруднился въ строгомъ примѣненіи къ нимъ правила о разсматриваніи печатныхъ книгъ наравнѣ съ новыми рукописями. Онъ осмѣливается думать, что исключенія и перемѣны въ такихъ книгахъ, которыми пользовались цѣлыя поколѣнія, могутъ вызвать болѣе вреда, нежели пользы, потому, что мѣста, несогласныя съ требованіями цензуры, будучи выпущены въ новомъ изданіи, дѣлаются сами по себѣ лучшими указателями для пріисканія ихъ въ старыхъ экземплярахъ, которыхъ изъять изъ употребленія нельзя; а чрезъ то и самыя идеи, составляющія отступленія отъ цензурныхъ правилъ, становятся гласными и видными, бывъ до того времени, по крайней мѣрѣ для многихъ, совсѣмъ незамѣтны. Съ другой стороны, допущеніе пропусковъ и перемѣнъ въ произведеніяхъ писателей, стяжавшихъ общее уваженіе и заслуженный авторитетъ, представляется почти равносильнымъ запрещенію печатать ихъ новыми изданіями. Никто не предпринимаетъ новаго изданія старыхъ книгъ, безъ разсчета на вознагражденіе за употребляемый на него трудъ и капиталъ; но разсчетъ на изданіе съ пропусками и перемѣнами—самый невѣрный. Экземпляры такого изданія на столько же потеряютъ цѣну и довѣріе въ публикѣ, насколько чрезъ нихъ именно пріобрѣтутъ старые эк-

земпляры прежнихъ изданій, хотя бы и гораздо менѣе удовлетворительныхъ въ другихъ отношеніяхъ. С.-Петербургскій попечитель, соглашаясь съ соображеніями цензора, полагалъ: не усиливать вліянія этихъ мѣстъ, дѣлая ихъ посредствомъ исключеній болѣе замѣтными; по его мнѣнію, достаточно было бы выпустить только вполнѣ двѣ небольшія пьесы Кантемира: «Эпиграмму на икону Св. Петра» и изъ Хемницера извѣстную басню: «Привилегія».

«Имѣя въ виду,—писалъ князь,—что представленный къ цензору томъ сочиненій Кантемира и Хемницера принадлежитъ къ изданному Смирдинымъ «Полному собранію сочиненій русскихъ авторовъ», и что недоумѣнія, подобныя встрѣченнымъ нынѣ, должны непремѣнно возникнуть и при возобновленіи изданія другихъ извѣстныхъ нашихъ писателей, напримѣръ, Державина, Фонвизина и даже Крылова, я считаю необходимымъ постановить, для надлежащаго на будущее время руководства, нѣкоторыя общія на этотъ конецъ правила: 1) предоставить главному управленію цензуры, при разсмотрѣніи донесеній цензурныхъ комитетовъ о сомнительномъ содержаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, оказывать разсудительное снисхожденіе къ примѣненію, къ содержанію ихъ цензурныхъ правилъ, съ принятіемъ въ соображеніе времени первоначальнаго выхода произведеній ихъ въ свѣтъ, тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ, слога и языка, которыми эти произведенія написаны, большей или меньшей занимательности ихъ, вѣроятнаго числа и состоянія читателей оныхъ въ настоящее время, и, наконецъ, тѣхъ впечатлѣній, которыхъ ожидать должно отъ чтенія сихъ твореній въ предѣлахъ нынѣшняго ихъ обращенія, различая сочиненія, относящіяся къ легкому чтенію и доступныя большому числу читателей, отъ тѣхъ, которыя читаютъ только люди, посвятившіе себя подробному изученію нашей литературы; 2) заключенія главнаго управленія цензуры о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, съ изъясненіемъ причинъ предполагаемаго снисхожденія, представлять черезъ министра на высочайшее благоусмотрѣніе; 3) на основаніи сихъ правилъ разсмотрѣть и разрѣшить представленіе с.-петербургскаго попечителя о сочиненіяхъ Кантемира и Хемницера, имѣя въ виду, что сатиры перваго относятся къ нравамъ и обычаямъ его времени, во многомъ уже измѣнившимся; и что устарѣвшій способъ выраженія и силлабическій размѣръ употребленныхъ имъ стиховъ, несоотвѣтственный свойству отечественнаго нашего языка, будутъ постоянно препятствовать сочиненіямъ его имѣть значительное число читателей».

Предположенія эти высочайше утверждены 14-го августа 1851 года. Когда же, вслѣдствіе того, въ главномъ управленіи цензуры при-

*

ступлено было къ разсмотрѣнію «сомнительныхъ» мѣстъ, подлежавшихъ исключенію въ сочиненіяхъ обоихъ авторовъ, генералъ-лейтенантъ Дубельтъ въ особомъ мнѣніи изложилъ, что «никакія разсужденія не могутъ быть достаточны, чтобы перенесть въ новое изданіе тѣхъ выраженій князя Кантемира, которыя въ старомъ изданіи замѣчены цензоромъ, они всѣ должны быть исключены. Что же касается до Хемницера, то нѣкоторыя мѣста стараго изданія могутъ остаться и въ новомъ».

Послѣ того, по разсмотрѣніи вопроса этого въ главномъ управленіи цензуры, князь Ширинскій-Шихматовъ вошелъ 9-го марта 1852 года къ государю съ докладомъ, гдѣ изъяснилъ: «главное управленіе, разсмотрѣвъ всѣ приведенныя выше мѣста отдѣльно и приступивъ къ общему заключенію, находило, что если бы сочиненія Кантемира появлялись въ первый разъ и имѣли цѣлью осмѣяніе современныхъ намъ нравовъ и обычаевъ, въ такомъ случаѣ, сообразно съ строгостью дѣйствующихъ нынѣ цензурныхъ постановленій, безъ сомнѣнія, большая часть внесенныхъ въ выписку мѣстъ подлежала бы запрещенію. Но какъ высочайше предоставлено главному управленію цензуры, при разсмотрѣніи полныхъ собраній извѣстныхъ нашихъ писателей, оказывать разсудительное снисхожденіе въ примѣненіи къ нимъ цензурныхъ правилъ, на изложенномъ выше основаніи, то оно обязано было принять въ уваженіе: а) что стихотворенія Кантемира напечатаны были первоначально за 120 лѣтъ; б) что они непосредственно относятся къ нравамъ и обычаямъ того времени и очень мало могутъ имѣть примѣненія къ настоящему; в) что обветшалый способъ выраженія, тяжелый слогъ и силлабическій размѣръ стиховъ этого писателя, несообразный со свойствами русскаго языка, будутъ постоянно препятствовать сочиненіямъ его имѣть значительное число читателей. Можно утвердительно сказать, что стихотворенія его не будутъ обращаться въ рукахъ образованныхъ лицъ женскаго пола, дѣтей и даже грамотныхъ лицъ низшаго сословія; г) что по всѣмъ симъ причинамъ нельзя ожидать невыгодныхъ впечатлѣній отъ сочиненій Кантемира въ весьма ограниченномъ кругу просвѣщенныхъ читателей, которые, изъ любознательности или любопытства, захотятъ ознакомиться съ его произведеніями. Читатели этого разбора будутъ умѣть перенестись мыслью къ его времени и къ тогдашнему положенію общества, котораго пороки онъ описываетъ, и охотно простятъ ему даже и преувеличенія, на что нѣкоторымъ образомъ давало ему право свойство самой сатиры. Съ другой стороны, главное управленіе не могло упустить изъ виду, что замѣна въ стихотвореніяхъ однихъ выраженій другими, весьма затруднительная, если не совсѣмъ невозможная для цензуры, будетъ во всякомъ случаѣ замѣчена читателями въ новомъ ихъ изданіи. То же

самое произойдетъ непремѣнно и при выпускѣ цѣлыхъ стиховъ, не говоря уже о томъ, что послѣдняя мѣра должна по необходимости разрушить связь и послѣдовательность изложенія, а иногда и совершенно затемнить смыслъ. Наконецъ, какъ справедливо замѣтилъ и цензоръ, перемѣны и исключенія въ такихъ книгахъ, которыми пользовались цѣлыя поколѣнія, могутъ произвесть болѣе вреда, нежели пользы, потому что мѣста, не согласныя съ требованіями цензуры, будучи выпущены или даже только измѣнены въ новомъ изданіи, дѣлаются сами по себѣ лучшими указателями соотвѣтствующихъ имъ мѣстъ въ старыхъ изданіяхъ, которыхъ нѣтъ возможности изъять изъ обращенія; а чрезъ то и самыя идеи, составляющія отступленіе отъ строгости цензурныхъ правилъ, становятся гласными и видными, бывъ до того времени, по крайней мѣрѣ для многихъ, вовсе незамѣтными. При такихъ обстоятельствахъ главное управленіе цензуры, пользуясь высочайше предоставленнымъ ему правомъ оказывать снисхожденіе, опредѣлило: 1) разрѣшить новое изданіе сочиненій Кантемира, не измѣняя текста стихотвореній его, съ исключеніемъ только «Эпиграммы на икону св. Петра», которая влагаетъ въ уста этого апостола слова, не соотвѣтствующія его священному характеру. Состоя только изъ четырехъ стиховъ и не имѣя никакой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, эпиграмма эта можетъ быть выпущена безъ всякаго неудобства; 2) въ посвященіи императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ стихотвореній Кантемира сдѣлать, послѣ титула, слѣдующее дополненіе: «при всеподданнѣйшемъ поднесеніи первыхъ двухъ сатиръ, потому что въ 3-й и послѣдующихъ затѣмъ сатирахъ уже встрѣчаются нескромныя выраженія, несовмѣстныя съ высокою честью посвященія всей книги августѣйшему ея имени»; 3) въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ Кантемира, которыя составляютъ только приложенія къ тексту, исключить все, что не соотвѣтствуетъ строгости цензурныхъ правилъ, по сдѣланному въ главномъ управленіи цензуры особому указанію; 4) при такомъ снисхожденіи цензуры, чтобы число читателей Кантемира ограничивалось только людьми, посвятившими себя подробному изученію нашей литературы, стихотворенія его не соединять, какъ это было сдѣлано въ послѣднемъ изданіи, въ одномъ томѣ съ стихотвореніями Хемницера, которыя, составляя легкое и пріятное чтеніе, могутъ обращаться въ рукахъ всякаго рода читателей и преимущественно дѣтей. Что касается до сомнительныхъ мѣстъ въ басняхъ и сказкахъ Хемницера, главное управленіе цензуры не могло не убѣдиться, что и въ отношеніи къ нимъ по большей части существуютъ тѣ же причины, препятствующія сокращать или измѣнять текстъ автора, какія замѣчены выше при разсужденіи о Кантемирѣ, съ тою разницею, что стихотворенія перваго, какъ менѣе отдаленныя отъ нашего времени, написаны

правильнымъ размѣромъ и болѣе обработаны на счетъ языка и слога. Составляя такимъ образомъ чтеніе, доступное для большаго круга читателей обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, басни и сказки Хемницера, до появленія произведеній въ томъ же родѣ Дмитріева и Крылова, были преимущественно предназначаемы для дѣтей, да и теперь еще удерживаютъ почетное мѣсто въ дѣтскихъ библіотекахъ. Изъ этого слѣдуетъ, съ одной стороны, что сочиненія Хемницера заслуживаютъ тѣмъ большее вниманіе цензуры, что воспріимчивость впечатлѣній въ дѣтскомъ возрастѣ несравненно сильнѣе, а съ другой, тѣмъ болѣе представляютъ неудобствъ къ исключенію нѣкоторыхъ мѣстъ, что басни и сказки этого писателя извѣстны всякому образованному человѣку, а дѣти выучиваютъ доселѣ многія изъ нихъ на память. По такимъ уваженіямъ, главное управленіе цензуры, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія сомнительныхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Хемницера, руководствуясь высочайше дарованнымъ ему правомъ оказывать въ подобныхъ случаяхъ разсудительное снисхожденіе, опредѣлило: разрѣшить новое изданіе басенъ и сказокъ Хемницера, съ исключеніемъ только двухъ: «Левъ, учредившій совѣтъ» и «Привилегія», изъ которыхъ въ первой иносказательно выражается неосновательность распоряженія верховной власти, а во второй приписывается ей обдуманное своекорыстіе и исключительное попеченіе только о своей собственной пользѣ, что несовмѣстно съ важностью, достоинствомъ и существомъ благодѣтельныхъ началъ монархическаго правленія. Затѣмъ оставить прочія стихотворенія Хемницера, какъ напечатанныя прежде сего въ значительномъ числѣ изданій и извѣстныя весьма многимъ читателямъ,—неприкосновенными, тѣмъ болѣе, что они, появившись первоначально за 70 или 80 лѣтъ, относятся къ нравамъ и обычаямъ, по большей части уже измѣнившимся, и потому мало представляютъ случаевъ къ примѣненію въ настоящее время. Къ необходимости такого снисхожденія приводитъ, между прочимъ, и то уваженіе, что изъятіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ басенъ невозможно безъ поврежденія смысла, а исключеніе въ большомъ числѣ цѣлыхъ басенъ обратило бы на себя особенное вниманіе публики, возвысило бы цѣну экземпляровъ прежнихъ изданій, и изъ пыли библіотекъ пустило бы ихъ снова въ обращеніе, а слѣдовательно, и цѣль цензуры не была бы достигнута. Повергая на высочайшее благоусмотрѣніе такое заключеніе главнаго управленія, министръ присовокупилъ, что хотя предполагаемое исключеніе изъ стихотвореній Хемницера и двухъ только басенъ не можетъ также не обратить на нихъ вниманіе публики, но какъ здѣсь дѣло идетъ о благовременномъ предохраненіи юношества отъ ложнаго взгляда на благодѣтельныя начала монархическаго правленія, то онъ, министръ, осмѣливается думать, что означенное неудобство, какъ второстепенное, должно уступить мѣсто важнѣйшему

обстоятельству, требующему, для упраздненія вреднаго вліянія въ дѣлѣ воспитанія, принятія рѣшительной мѣры».

На этомъ докладѣ послѣдовала 11-го марта 1852 года высочайшая резолюція: «Согласенъ; но по моему мнѣнію сочиненій Кантемира ни въ какомъ отношеніи нѣтъ пользы перепечатывать, пусть себѣ пылятся и гніютъ въ заднихъ шкапахъ библіотекъ, гдѣ занимаютъ лишнее мѣсто» [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Четыре года спустя, въ 1857 году тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Норовъ, вслѣдствіе ходатайства книгопродавца Смирдина, вновь входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о напечатаніи новаго изданія сочиненій Кантемира, но, и въ новомъ царствованіи резолюціею 18-го января 1857 года опять высочайше подтверждено распоряженіе бывшаго министра народнаго просвѣщенія князя Ширинскаго-Шихматова.

еще не у васъ въ рукахъ, то дѣлать нечего. Прошу васъ однакожъ употребить всевозможное стараніе мнѣ его доставить. Не забудьте, что это послѣднее его ко мнѣ слово.

Думаю, что у васъ и голова, и сердце полны впечатлѣніями вашего путешествія[1]); итакъ вамъ не до разговоровъ со мною. Пришлите письмо, если возможно; если же нѣтъ, то скажите М. М.[2]), что прислать нельзя, и больше ничего. А затѣмъ прощайте, любезный Василій Андреевичъ.

Препокорный вашъ Петръ Чаадаевъ.

XXI. Письмо Д. Г. Глинки[3]).

Стокгольмъ, 9-го (21-го) августа 1838.

Почтеннѣйшій Василій Андреевичь.

Порученіе, которое вы мнѣ дали, сообщать вамъ статьи здѣшнихъ газетъ по случаю прибытія его императорскаго высочества[4]) въ Стокгольмъ, я постоянно имѣлъ въ виду и съ большимъ вниманіемъ прочитывалъ здѣшніе журналы, чтобъ не пропустить такой статьи. Но, къ большому сожалѣнію моему, не встрѣтилъ я ни одного разсужденія, кромѣ приложеннаго при семъ, въ которомъ посѣщеніе это обсуживалось бы съ нѣкоторымъ развитіемъ мыслей. Всѣ же шведскіе журналы, въ коихъ упомянуто хотя однимъ словомъ о великомъ князѣ, препровождены къ вамъ, вмѣстѣ съ прочими вашими вещами. Но въ нихъ совершенно ничего не заключается, что̀ стоило бы вниманія и перевода. Оно, можетъ быть, страннымъ вамъ покажется, что посѣщеніе, которое произвело здѣсь такое впечатлѣніе и такъ польстило самолюбію шведовъ, не дало поводу къ бо̀льшему числу благорасположенныхъ разсужденій, но хотя честь, сдѣланная государемъ и великимъ княземъ Швеціи, смягчила непріязненныя ихъ чувства къ намъ до того, что ни одного предосудительнаго слова не сказано было насчетъ высокихъ посѣтителей,

---

[1]) Съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ по Россіи.

[2]) Матвѣю Михайловичу (Солнцеву).

[3]) Печатается съ подлинника, принадлежавшаго академику А. Ѳ. Бычкову.—Дмитрій Григорьевичъ Глинка († 1883), — сынъ Григорія Андреевича Глинки († 1818), предложившаго въ 1817 году Жуковскому стать учителемъ русскаго языка великой княгини Александры Ѳеодоровны (о чемъ см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 177—178), — былъ старшимъ секретаремъ нашей миссіи въ Стокгольмѣ, впослѣдствіи посланникомъ въ Бразиліи и Лиссабонѣ.

[4]) Наслѣдника Александра Николаевича (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 382—390).

но до большой дружбы еще далеко. Впрочемъ, должно довольствоваться и тѣмъ, что выиграли. Не удивляйтесь, Василій Андреевичъ, что я на французскій языкъ перевелъ статью и стихи, коихъ вы отъ меня также потребовали переводъ. Въ продолженіе семилѣтняго пребыванія за границею я нѣсколько потерялъ навыкъ своего языка; такъ что даже совѣстился бы писать это письмо испорченнымъ слогомъ къ первому нашему писателю, если бы не зналъ, что великіе снисходительнѣе малыхъ. Пользуясь симъ случаемъ, возобновляю вамъ, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, искреннѣйшую свою благодарность за великое благорасположеніе, которое вы мнѣ оказали, и, въ надеждѣ, что удостоюсь его сохранить, остаюсь преданнымъ и обязаннымъ кумомъ[1]) вашимъ Д. Глинка.

XXII. Письмо А. Т. Маркова[2]).

Римъ, генваря 3-го (15-го) дня 1839.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

При посѣщеніи моей студіи и при обозрѣніи моихъ работъ [3]) вашему превосходительству угодно было приказать мнѣ составить записку о моихъ художественныхъ предпріятіяхъ и нуждахъ.

Повинуясь вашему превосходительству, имѣю честь изъяснить слѣдующее:

Воспитываясь въ Императорской академіи художествъ, избралъ я родъ исторической живописи, прошелъ полный курсъ, удостоенъ былъ всѣхъ премій и посланъ въ чужіе краи для усовершенствованія, имѣлъ порученіе сдѣлать копію съ знаменитой картины Рафаэлевой Madonna di St. Sisto, которую представилъ въ академію вмѣстѣ съ другою картиною своего сочиненія, изображающею падшаго ангела Аббадону, за что̀ удостоенъ отъ академіи похвалы.

Поощренный лестнымъ отзывомъ, я произвелъ новую картину, изображающую Фортуну и нищаго, за которую академія художествъ удостоила меня званія академика и помѣстила мою картину въ музей для пользы учащихся.

---

[1]) 16-го мая 1838 г. у Д. Г. Глинки родился сынъ Николай Дмитріевичъ († 1884), бывшій впослѣдствіи нашимъ консуломъ во Франкфуртѣ. Подъ 2-мъ іюня въ дневникѣ Жуковскаго записано: „Крестилъ у Глинки именемъ государя“ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 386).

[2]) Алексѣй Тарасовичъ Марковъ (р. 1801 † 1878), историческій живописецъ.

[3]) Жуковскій посѣтилъ Маркова въ Римѣ 10-го (22-го) декабря 1838 года (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 449).

По окончаніи срока моего пенсіона, по порученію отъ правительства сдѣлана мною копія съ Рафаэлевой картины Incendio di Borgo[1]) и кромѣ сего произвелъ оригинальную картину своего сочиненія, изображающую Русское семейство сиротъ на могилѣ родителей[2]). Обѣ сіи картины были удостоены воззрѣнія его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича.

Послѣ вышеупомянутыхъ работъ моихъ, желалъ бы я, по примѣру другихъ прославившихся въ Италіи достойныхъ предшественниковъ, имѣть способъ произвесть въ Римѣ историческую значительную картину собственнаго сочиненія[3]) и тѣмъ самымъ пріобрѣсть художественную извѣстность, дабы, возвратясь потомъ въ отечество, быть достойнымъ предстать предъ лицомъ моего монарха и повергнуть къ стопамъ его величества окончательный трудъ и плодъ моего изученія въ чужихъ краяхъ.

Вотъ единственный предметъ моихъ желаній! Вотъ мысли и заботы, которыми преисполненъ духъ мой!

Какъ ни лестно мнѣ исполнить порученіе сдѣлать еще копію съ чудеснаго Рафаэля, но со всѣмъ тѣмъ не могу не признаться, что истинное мое желаніе состоитъ въ томъ, какъ я упомянулъ выше, (чтобы) получить способъ произвесть значительную историческую картину собственнаго сочиненія.

Впрочемъ, предавая какъ мое прошеніе, такъ и самого себя великодушному вашему благорасположенію, имѣю честь быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Алексѣй Марковъ.

XXIII. Письмо М. П. Погодина[4]).

Вѣна, 21-го февраля н. с. 1839.

Какъ мнѣ жаль, милостивый государь Василій Андреевичь, что я не могъ дождаться васъ въ Вѣнѣ[5]): спѣшу въ Италію[6]). Грудь и глаза

[1]) Жуковскій былъ невысокаго мнѣнія объ этой копіи Маркова. „Негодный списокъ Пожара въ Борго", замѣтилъ онъ въ своемъ дневникѣ (тамъ же, стр. 449).

[2]) И объ этой картинѣ сохранился слѣдующій нелестный отзывъ Жуковскаго: „Сироты на гробѣ, италіанизированные русскіе крестьяне, безъ всякаго искусства и дара" (тамъ же).

[3]) За оконченный эскизъ „Христіанскіе мученики въ Колизеѣ" академія художествъ признала Маркова въ 1842 году профессоромъ 2-й степени.

[4]) Печатается съ подлинника, принадлежавшаго академику А. Ѳ. Бычкову.—Нѣсколько писемъ Погодина къ Жуковскому (1829—1846 гг.) напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" 1899 года, книга третья, стр. 300—310. Погодинъ въ 1839 году путешествовалъ за границею.

[5]) Жуковскій, сопровождавшій цесаревича Александра Николаевича въ его заграничномъ путешествіи 1838—39 гг., пріѣхалъ въ Вѣну 19-го февраля (3-го марта н. ст.) 1839 г. („Дневники В. А. Жуковскаго", стр. 471).

[6]) Изъ Вѣны въ Тріестъ Погодинъ отправился 23-го февраля (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга пятая, Спб. 1892, стр. 229).

безпокоятъ меня сильно. Поручаю подъ ваше покровительство славянскихъ литераторовъ, особенно Вука Стефановича[1]), котораго вы уже знаете и объ которомъ просилъ я васъ прежде. Онъ представитъ свои изданія великому князю. У него большое семейство и дочь-невѣста. Что, если бы вы исходатайствовали ей на приданое! Она помолила бы Бога и за нашу славную невѣсту[2])!

Первое мѣсто въ Вѣнѣ принадлежитъ г. Копитару—первоклассный ученый, наслѣдникъ Добровскаго, у котораго просите славяно-церковнаго словаря.

Въ Прагѣ прошу вашего ходатайства за гг. Юнгмана, автора словаря чешскаго, Ганку и Челаковскаго[3]), переводчика нѣкоторыхъ русскихъ стихотвореній, сочинителя оды на смерть императора Александра; хотя впрочемъ онъ провинился нѣсколько въ послѣднее время предъ Россіей, но за то наказанъ жестоко, и раскаивается искренно.

Кума[4]) ваша здорова и свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

Простите меня за мои докуки. Если не вы, то кто же похлопочетъ о литераторахъ, а вѣдь вы знаете, какъ они бѣдны вездѣ, а здѣсь въ особенности.

Свидѣтельствуя вамъ усерднѣйше мое почтеніе, остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Погодинъ.

Ну что значитъ полдюжины перстеньковъ, хоть и съ крупными брилліантами? Кланяюсь вамъ въ ноги. Святое дѣло.

---

[1]) Караджича. За него Погодинъ просилъ Жуковскаго еще въ 1836 году („Русскій Архивъ“ 1899 г., книга третья, стр. 301).

[2]) Принцессу Марію Гессенскую, невѣсту наслѣдника Александра Николаевича (впослѣдствіи императрицу Марію Александровну).

[3]) Копитаръ, Добровскій, Юнгманъ, Ганка—извѣстные славянскіе ученые. О Челаковскомъ см. выше, стр. 134, прим. 2-е. Во время польскаго возстанія 1831 г. Челаковскій держалъ сторону русскихъ, но потомъ его мнѣнія измѣнились, и онъ сталъ сочувствовать полякамъ. Эти симпатіи онъ перенесъ и въ издававшуюся подъ его редакціею оффиціальную газету „Пражскія Новины“. Въ № 92 этой газеты за 1835 годъ была помѣщена статья о посѣщеніи императоромъ Николаемъ I Варшавы и о пріемѣ, оказанномъ имъ польской депутаціи. Къ тексту рѣчи государя къ депутаціи редакція газеты присоединила отъ себя крайне рѣзкое замѣчаніе, осуждавшее эту рѣчь. Вслѣдствіе нѣшательства русскаго посольства въ Вѣнѣ, Челаковскій потерялъ и редакторство, и профессуру въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ онъ занималъ каѳедру чешскаго языка (см. Францевъ, „Очерки по исторіи чешскаго возрожденія“, Варшава. 1902, стр. 183—184).

[4]) Жуковскій крестилъ у Погодина въ 1837 г. („Дневникъ В. А. Жуковскаго“, стр. 347).

XXIV. Письма А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггена[1]).

1.

Курганъ, 16-го (28-го) августа 1846 г.

Письмо ваше отъ 1-го (13-го) іюня[2]), почтеннѣйшій и единственной Василій Андреевичь, имѣлъ я счастіе получить. Я употребляю здѣсь выраженіе счастіе безъ всякаго преувеличенія, ибо, кромѣ того, что письма ваши составляютъ для меня одно изъ самыхъ радостныхъ и утѣшительныхъ явленій въ жизни моей, письмо ваше, на этотъ разъ, меня еще и успокоило, прекративъ въ душѣ моей довольно тягостныя сомнѣнія. Будучи по характеру недовѣрчивъ къ самому себѣ, я, отправивъ моего Кесаря[3]) къ Леонтію Васильевичу[4]), впалъ въ мучительное раздуміе. Мысль, что переводъ мой неудаченъ, что онъ могъ бы быть лучше и пр., тревожила меня и возросла наконецъ до такой степени, что я уже началъ не на шутку жалѣть и раскаиваться въ поспѣшной отправкѣ моей рукописи. Были даже такія минуты, въ кои я готовъ былъ сжечь моего Кесаря, еслибы имѣлъ къ этому возможность, и вы теперь можете вообразить себѣ мою радость, для которой выраженіе счастіе, конечно, не преувеличено, когда, находясь въ такомъ расположеніи духа, я наконецъ получилъ ваше утѣшительное письмо. Признаюсь вамъ, я и теперь, не успѣвъ еще совершенно сбросить съ себя ветхаго Адама, приписываю благосклонные ваши отзывы о моемъ переводѣ болѣе снисходительности, вамъ, какъ и всѣмъ истинно даровитымъ людямъ, столь свойственной, нежели настоящему достоинству моей книги; но какъ бы то ни было, а письмо ваше, за которое отъ всей души васъ благодарю, успокоило меня. Подобно почти всѣмъ больнымъ воображеніемъ, любящимъ отыскивать мнимыя свои бо-

---

[1]) Подлинники хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.—Съ декабристомъ Александромъ Ѳедоровичемъ фонъ-деръ-Бриггеномъ Жуковскій познакомился въ Курганѣ въ 1837 г. „Я его (Бриггена) всего на все видѣлъ одинъ разъ въ Курганѣ при моемъ проѣздѣ черезъ этотъ городъ съ государемъ наслѣдникомъ,—писалъ Жуковскій Л. В. Дубельту 27-го іюня 1845 года.—Все наше знакомство ограничено однимъ часомъ, который я провелъ съ нимъ въ его курганскомъ домикѣ“ (см. статью Н. Ѳ. Дубровина „Василій Андреевичъ Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ“ въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., апрѣль, стр. 115).

[2]) Напеч. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 618—622.

[3]) Переводъ Записокъ Юлія Цезаря, исполненный Бриггеномъ. Этотъ свой переводъ онъ хотѣлъ посвятить Жуковскому (см. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 115; Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 615).

[4]) Дубельту, управлявшему III Отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи.

лѣзии въ лѣчебникахъ, обрадовался и я, отыскавъ описаніе моего недуга въ Квинтиліанѣ, который, перебирая чрезвычайно остроумно всѣ качества, необходимыя писателю, упоминаетъ и объ излишней недовѣрчивости къ самому себѣ, называя эту слабость несчастнымъ расположеніемъ себя злословить. Но, не взирая на слова великаго учителя, мнѣ кажется, говоря о себѣ, что нашему брату, не принадлежащему къ отборной умственной аристократіи рода человѣческаго, недовѣрчивость болѣе къ лицу, нежели самонадѣянность, съ помощію которой въ наши времена, и въ особенности у насъ въ Россіи, конечно, далѣе пойдешь.

Душевно сожалѣю, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, что здоровье ваше вамъ такъ измѣнило; надѣюсь однако, что это будетъ непродолжительно и что Всевышній услышитъ молитвы и исполнитъ желанія всѣхъ тѣхъ, которые васъ любятъ и уважаютъ, а число ихъ очень значительно. Умѣренный климатъ Франкфурта и медицинскія пособія, которыя у васъ подъ рукою, принесутъ вамъ, конечно, пользу. Франкфуртъ и мнѣ очень знакомъ. Въ 1813-мъ году провелъ я въ немъ пріятнымъ образомъ три мѣсяца, живши въ домѣ виртембергскаго тайнаго совѣтника Плита, въ Бухгассе, рядомъ съ Бетманомъ, напротивъ книгопродавца Варрентрапа, которой меня снабжалъ книгами. Въ Франкфуртѣ познакомился и подружился я съ Н. И. Тургеневымъ, которой меня искренно любилъ и которой теперь, послѣ смерти добрѣйшаго нашего Алек(сандра) Ив(ановича), остался одинъ отъ всѣхъ братьевъ. Но, не взирая на многочисленныя историческія воспоминанія этого города, казался онъ мнѣ весьма прозаическимъ, и если бы мнѣ привелось жить въ тѣхъ мѣстахъ, то я избралъ бы себѣ такое мѣсто, откуда изъ оконъ моихъ могъ бы смотрѣть на величественный Рейнъ и на ненаглядные его берега.

По письму вашему полагаю я, что вы теперь вторую часть моего Кесаря отъ Леонтія Василіевича уже получили. Желая, чтобы переводъ мой былъ по возможности полнѣе, помѣстилъ я въ концѣ этой части дошедшіе до насъ отрывки Кесаря, въ число же примѣчаній включилъ и нѣкоторыя примѣчанія Тулонжона[1]), коего переводъ Кесаря былъ ко мнѣ доставленъ, когда я уже кончилъ болѣе половины второй части. Занимаясь моимъ переводомъ, имѣлъ я передъ глазами одинъ только латинскій текстъ и нашелъ послѣ, повѣряя мой переводъ, что я ошибся въ трехъ мѣстахъ, понявъ превратно смыслъ подлинника. Я надѣюсь, что если переводъ мой и не заслужитъ сомнительной

[1]) Графъ François-Emmanuel Toulongeon (р. 1798 † 1812), французскій генералъ. Его переводъ Записокъ Юлія Цезаря былъ напечатанъ въ 1813 году.

похвалы, доставшейся въ удѣлъ переводамъ Перо д'Аблянкура[1]), о коихъ сказали: «ce sont des belles infidèles», то, по крайней мѣрѣ, знающіе это дѣло подтвердятъ отзывъ труда добросовѣстнаго и вѣрнаго, коимъ вы его удостоили. Что касается до моего посвященія, въ коемъ вы желаете, чтобы осталось только ваше имя, въ дательномъ падежѣ, безъ прибавленій[2]), то признаюсь вамъ, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, я въ этомъ случаѣ готовъ не только вамъ противорѣчить, но даже съ вами и поспорить. Отложивъ въ сторону недовѣрчивость къ себѣ, я почти убѣжденъ въ томъ, что истина, высказанная отъ души безъ преувеличенія и въ столькихъ словахъ, сколько нужно было, чтобы ее коротко выразить, сама на себя налагаетъ отпечатокъ изящнаго. Если, можетъ быть, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, вы имѣете причины требовать остракизма для прилагательныхъ, въ лапидарномъ слогѣ, помѣщенныхъ въ моемъ посвященіи, то я на это согласенъ, но ни въ какомъ случаѣ не соглашусь на уничтоженіе послѣднихъ двухъ строкъ, въ коихъ говорю о моемъ почтеніи и преданности. Всякой имѣетъ свои права Кесарь ваша собственность [3]), но посвященіе принадлежитъ мнѣ,—sua cuique [4]); вынужденною же уступкою одного усилитъ я еще болѣе свое право на удержаніе другого.

По совѣту вашему примусь я, въ будущемъ мѣсяцѣ, за переводъ Саллюстія[5]): я для этого поджидаю только прибытіе нужныхъ мнѣ

[1]) Извѣстный, но не точный переводчикъ XVII вѣка Nicolas Perrot d'Ablancourt (р 1606 † 1664); его переводамъ было присвоено прозвище „les belles infidèles“ (невѣрныя красавицы).

[2]) Въ посвященіи Бриггена было сказано слѣдующее: „Посвящаю Василію Андреевичу Жуковскому, душою и стихомъ поэту и другу человѣчества, въ знакъ личнаго уваженія и преданности нелицемѣрной“ (см. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 119).

[3]) Еще въ 1845 году Жуковскій выразилъ желаніе взять на себя изданіе Бриггенова перевода Записокъ Цезаря и пріобрѣсти рукопись этого перевода за 2.500 р., съ тѣмъ что по выходѣ книги Жуковскій будетъ ее продавать, пока не покроетъ расходы на изданіе, а затѣмъ чистый барышъ будетъ посылаться Бриггену. Получивъ первую часть перевода Цезаря, Жуковскій послалъ Л. В. Дубельту для Бриггена часть денегъ, 714 р. 26 к., которыя 3-го ноября 1845 г. и были отправлены по назначенію (см. Н. Ѳ. Дубровинъ „Василій Андреевичъ Жуковскій въ его отношеніяхъ къ декабристамъ“, въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., апрѣль, стр. 115).

[4]) Т. е. всякому свое.

[5]) „Теперь принимайтесь за новую работу—писалъ Жуковскій Бриггену.—Вы желаете знать отъ меня, кого бы я предпочелъ изъ двухъ: Саллюстія или Гиббона. Безъ всякой остановки говорю: Саллюстія. Можно ли думать о переводѣ 14 томовъ in 8° Гиббона? Если хотите разсказать намъ паденіе Римской имперіи, то возьмитесь скорѣе за маленькій волюмъ Монтескьё: онъ едва-ли не тяжеловѣснѣе Гиббона, въ которомъ не все золото, много и свинцу, много и мышьяку; его бѣшеная ненависть къ христіанству мнѣ противна“ (Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 620—621).

книгъ. Мнѣ теперь будетъ опять почти на годъ занятія. Ваше мнѣніе о Гиббонѣ совершенно справедливо. Переводъ писателя хотя и классическаго, но въ 13-ти или 14-ти полновѣсныхъ томахъ, дѣло несбыточное для нашего книжничества. Кто бы рѣшился его напечатать, и многіе ли нашлись бы его купить, при дороговизнѣ русскихъ книгъ?— Гиббонъ въ изображеніи христіанства заплатилъ дань своему вѣку и эти misrepresentations[1]) (какое прекрасное выраженіе) очень повредили превосходному его сочиненію. Ученой его издатель Milmann[2]) не только обогатилъ свое изданіе Гиббона дѣльными примѣчаніями, которыя могутъ служить противоядіямъ, но, не довольствуясь этимъ, написалъ еще для опроверженія его превосходную исторію первыхъ трехъ столѣтій христіанскаго ученія[3]). Несмотря на мое уваженіе къ Гизо, снабдившаго Гиббона также примѣчаніями, готовъ я однако въ этомъ отношеніи отдать преимущество Мильману. Описаніе переселенія народовъ, исторія Магомета и калифовъ (какія картины) и наконецъ дивная 44-я глава, которая въ нѣмецкихъ университетахъ принята за основаніе историческаго изложенія римскаго права, содѣлаютъ навсегда твореніе это безсмертнымъ, не взирая на значительные его недостатки. Письма І.-Ф. Мюллера къ Бонштеттену[4]) прелестны. Я болѣе 25 лѣтъ не имѣлъ ихъ въ рукахъ, но и теперь помню многія мѣста наизусть со временемъ можно будетъ ихъ передать на русскій языкъ. Что же касается до писемъ Цицерона[5]), о коихъ я упоминаю во второй части моего Кесаря, въ концѣ хронографіи, то я думаю, что для нихъ не пришло еще время явиться на русскомъ языкѣ. Мнѣ кажется,—я думаю, что и вы будете согласны съ моимъ мнѣніемъ,—что всякому занимающемуся у насъ переводами дѣльныхъ книгъ,—этою важною отраслью словесности, коею не пренебрегали и первоклассные европейскіе писа-

---

[1]) Разсказы съ ложною окраскою.

[2]) Англійскій поэтъ и историкъ Henry-Hart Milman (р. 1791 † 1868), издавшій въ 1839 г. сочиненіе знаменитаго англійскаго историка Гиббона „Исторія упадка и паденія Римской Имперіи".

[3]) History of Christianity under the Empire (1840 г.).

[4]) Письма знаменитаго швейцарскаго историка Іоганна Миллера (р. 1752† 1809) къ его другу Карлу-Виктору Бонстеттену (р. 1745 † 1832) были изданы въ 1802 году въ Тюбингенѣ подъ заглавіемъ „Briefe eines jungen Gelehrten an seinen Freund". „Я бы рекомендовалъ вамъ—писалъ Жуковскій Бриггену—и письма Іоганна Миллера, особливо переписку его съ Бонстеттеномъ: нѣтъ чтенія привлекательнѣе и воспламенительнѣе къ работѣ. Я бы эти письма далъ въ руки всякому юношѣ, въ которомъ горитъ жаръ къ наукѣ и стремленіе къ благородной дѣятельности и который питаетъ въ душѣ любовь къ добру и къ чистой славѣ". Извѣстно, что въ молодости самъ Жуковскій перевелъ нѣсколько писемъ Миллера къ Бонстеттену (напеч. въ „Вѣстникѣ Европы" 1810 г., № 16, стр. 263—285).

[5]) За переводъ которыхъ Жуковскій также совѣтовалъ приняться Бриггену.

тели,—должно въ особенности имѣть въ виду тѣхъ читателей, которые, не зная иностранныхъ языковъ, должны довольствоваваться только чтеніемъ русскихъ книгъ. Переводы такого рода принесутъ наибольшую пользу: а для таковыхъ читателей, знающихъ Цицерона по наслышкамъ или по компендіямъ, письма его, хотя бы и переданныя съ примѣчаніями умнаго Виланда[1]), останутся во многихъ случаяхъ недоступными. Въ этихъ обстоятельствахъ сочиненія историческія имѣютъ преимущество, и превосходное сочиненіе Мидльтона «Жизнь Цицерона[2])» была бы полезнѣе. Отъ нечего дѣлать и для упражненія, перевелъ я болѣе половины Виландова Діогена[3]) на латинскій языкъ. Я очень уважаю великаго этого человѣка, который, сидя въ мнимой своей бочкѣ словами и примѣромъ проповѣдовалъ святую истину, что человѣкъ самъ себѣ господинъ и что никакая сила, никакая власть не могутъ его унизить, если онъ самъ этого не захочетъ. На этой степени дѣлается онъ, изъ созданія слабаго и ничтожнаго, во многихъ отношеніяхъ даже презрительнаго, истиннымъ царемъ нравственнаго міра;—но и тутъ много призванныхъ, а мало избранныхъ.—Простите, добрѣйшій и единственной Василій Андреевичъ, и не забывайте душою вамъ преданнаго Александра фонъ-деръ-Бриггена.

2.

19-го іюня 1847 г. Курганъ.

Сейчасъ, т. е. 19-го іюня с(гараго) с(тиля), получилъ я, единственный Василій Андреевичъ, ваше письмо [4]), и теперь же избравъ поспѣшно изъ безконечнаго запаса всего, что желалъ бы отъ души вамъ сказать, самое нужное, принимаюсь за перо, дабы не опоздать моимъ отвѣтомъ къ почтѣ, которая завтра отходитъ

Объ изданіи моего перевода Кесаря, которой по милости вашей, теперь уже не мой [5]), не имѣю я ничего сказать [6]). Онъ принадлежитъ

---

[1]) Письма Цицерона съ примѣчаніями Виланда были изданы, въ семи томахъ, въ Цюрихѣ въ 1808—1812 гг.

[2]) Сочиненіе англійскаго богослова и литератора Conyers Middleton'a (р. 1683 † 1750) „Life of Cicero“ было напечатано въ 1741 году. Въ отвѣтномъ письмѣ Жуковскаго къ Бриггену, отъ 6-го (18-го) мая 1847 г., въ томъ мѣстѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ этой книгѣ, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 г. (столб. 856), а затѣмъ и въ Сочиненіяхъ Жуковскаго (изд. 7-е, т. VI, стр. 624), имя автора напечатано съ искаженіемъ („Въ своемъ письмѣ вы говорите о Майдемоновой жизни Цезаря...“).

[3]) Die Dialoge des Diogenes вышли въ свѣтъ въ 1770 году.

[4]) Это письмо Жуковскаго, отъ 6-го (18-го) мая 1847 г., напечатано въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 622—625.

[5]) См. выше, стр., 192, прим. 3-е.

[6]) Жуковскій просилъ Бриггена сообщить ему, не теряя времени, „все, что у васъ (Бриггена) можетъ быть въ мысляхъ на счетъ изданія“.

вамъ, и судьба его зависитъ вполнѣ отъ вашего благоусмотрѣнія; прошу только прибавить нѣсколько дополнительныхъ примѣчаній. Число ихъ незначительно, но одно изъ этихъ примѣчаній весьма важно. Оно относится къ эпилогу жизнеописанія Кесаря, въ коемъ я упоминаю, что и Тацитъ называлъ Кесаря божественнымъ. Къ словамъ Тацита внизу въ выноскѣ: «Summus auctorum d i v u s Julius [1])» надобно прибавить еще другое его изреченіе о Кесарѣ въ томъ же смыслѣ: «Divinum ejus (Caesaris) ingenium» [2]) (Dial. de orat). Выраженіе d i v u s хотя и означаетъ божественный, но можетъ быть также принято и за оффиціальную формулу, которую римляне употребляли, говоря объ усопшихъ своихъ императорахъ, обыкновенно сопричисляемыхъ къ лику боговъ. Прочія примѣчанія обозначены мною въ концѣ этого письма на особенномъ листкѣ: ихъ немного, но излишними они не будутъ. Мнѣ, право, совѣстно, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, когда подумаю, что мой переводъ, въ толь недосужное для васъ время [3]), васъ непремѣнно затруднитъ; болѣе же всего тревожитъ меня мысль, что трудъ мой не совсѣмъ удаченъ; но съ другой стороны успокоиваетъ меня сознаніе, что я трудился добросовѣстно, что за вѣрность перевода моего я смѣло могу ручаться и, наконецъ, что примѣчанія почерпнуты изъ лучшихъ источниковъ и заслуживаютъ вниманія любителей исторіи. Тропа проложена; помоги Богъ другому, въ обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ, сдѣлать изъ нея не только покойное, но даже красивое шоссе. Что дѣло это очень затруднительное, тому можетъ служить доказательствомъ и то, что нашъ знаменитый Ермоловъ нѣсколько разъ принимался переводить Кесаря и наконецъ оставилъ. Вторую часть отправилъ я въ январѣ 1846 года въ Петербургъ и полагалъ до полученія послѣдняго вашего письма, что она давнымъ давно покоится подъ вашимъ покровомъ на берегахъ Майна [4]). Примѣчаніе 136-е въ этой второй части о лихоимствѣ я думаю лучше выбросить, оно не у мѣста. Какъ не позавидовать тѣмъ, которые могутъ продолжать свою корректуру до послѣдней минуты, даже на пробныхъ листахъ, только (что) вышедшихъ изъ типографическаго станка!

Занятія мои въ теченіе этого года были довольно незначительны. Во-первыхъ, по причинѣ здоровья, заставившаго и меня заплатить дань свирѣпствующей въ здѣшнемъ краѣ лихорадкѣ, во-вторыхъ же и потому, что отсутствіе опредѣлительной цѣли при занятіяхъ и убійствен-

[1]) Т. е. величайшій изъ авторовъ, божественный Юлій.

[2]) Т. е. божественныя его способности.

[3]) Жуковскій сообщалъ въ письмѣ о предполагавшемся скоромъ отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ.

[4]) Въ томъ же письмѣ Жуковскій писалъ, что у него въ рукахъ только первый томъ Кесаря.

ная мысль, что всю эту бумагу, исписанную хотя и съ трудомъ, но con amore, придется сжечь, мертвитъ не только воображеніе, но тяготитъ, какъ свинецъ, даже механическое движеніе пера и руки. Не взирая на это, удалось мнѣ кончить переводъ Катилины Саллюстія. Тутъ привелось мнѣ ходить, какъ вы говорили, по канату не только натянутому чужою рукою, но еще по канату не гладкому, на коемъ едва-ли не столько же узловъ, сколько отъ временъ Саллюстія до насъ лѣтъ. Лаконизмъ и обороты его совершенно несвойственны нашему языку. Языкъ его не языкъ природы, но чисто искусственный, и, читая его, можно вполнѣ убѣдиться, что Гёте говорилъ правду, сказавъ, что писать и говорить двѣ разныя вещи. Переводъ мой, какъ мнѣ кажется, недуренъ, и я бы охотнѣе сталъ продолжать это дѣло, еслибъ могъ знать ваше мнѣніе о моемъ переводѣ Катилины. Мыслящій читатель найдетъ въ Саллюстіи сокровища политической мудрости.

Предложеніе ваше, чтобы я взялся переводить письма І.-Ф. Мюллера, мнѣ по сердцу. Я давно думалъ приняться за переводъ какого-нибудь легкаго сочиненія, даже романа, и имѣлъ въ виду Обермана Сенанкура [1]), графа Ксавіе-де-Местера [2]), или же Калеба Виліама Годвина [3]), котораго я знаю только по слухамъ и о коемъ отзываются, какъ о произведеніи геніальномъ. Письма Іоганна Мюллера и въ особенности прелестныя его письма къ Бонштеттену и нѣкоторыя письма къ Глейму доставятъ мнѣ не только занятіе неутомительное, но и чистое наслажденіе. Всеобщая исторія его дѣло другое [4]). Занятіе это серіозное и требовало бы много времени; а я, признаюсь вамъ, давно уже имѣю для этого нѣчто другое въ виду, о чемъ съ вами поговорю въ этомъ же письмѣ, кончивъ о Мюллерѣ, заброшенномъ грязью Менцелемъ [5]). Если бы мнѣ и случилось приняться переводить изъ области исторіи, то я предпочелъ бы какое-нибудь спеціальное сочиненіе или біографію или исторію какой-нибудь особенной эпохи, напримѣръ исторію Медицисовъ Роское [6]) (какой дивный сюжетъ!) или Hallam's [7]) Literary History

---

[1]) Обермань—извѣстный романъ французскаго литератора Etienne-Pivert Sénancour'a (р. 1770 † 1847), вышедшій въ свѣтъ въ 1804 году.

[2]) Извѣстный французскій писатель графъ Xavier de Maistre (р. 1764 † 1852).

[3]) Things as they are, or the Adventures of Caleb Williams—вышедшій въ свѣтъ въ 1794 году романъ англійскаго писателя Godwin'a (р. 1756 † 1836).

[4]) Жуковскій предлагалъ Бриггену приняться за переводъ 24 книгъ „Всемірной Исторіи“ Миллера, за которыми могъ бы послѣдовать переводъ Новѣйшей Исторіи Менцеля.

[5]) Историкъ Karl-Adolf Menzel (р. 1784 † 1855).

[6]) Сочиненіе историка William'a Roscoe (р. 1753 † 1831) „Life of Lorenzo de' Medici, called the Magnificent“ было издано въ 1796 году.

[7]) Henry Hallam, историкъ и критикъ (р. 1777 † 1859). Его сочиненіе:

of Europe. Послѣ великаго переворота, сдѣланнаго въ исторіографіи г-номъ Гизо, давшаго совершенно новое и неоспоримо лучшее направленіе этой отрасли словесности, почти всѣ сочиненія о всеобщей и всемірной исторіи болѣе или менѣе устарѣли, хотя въ другихъ отношеніяхъ и сохранили неотъемлемое свое достоинство, какъ и Исторія Мюллера. Объемъ всемірной исторіи, если подъ этимъ словомъ отказываешься разумѣть агрегатъ частныхъ исторій народовъ, слишкомъ обширенъ, чтобы не потерять изъ виду всякую другую цѣль, кромѣ той, которую указалъ Гизо, и мнѣ кажется, если я не ошибаюсь, что время для сочиненія такой всеобщей исторіи еще не пришло; но довольно и даже слишкомъ много объ этомъ. Итакъ дѣло рѣшено, я принимаюсь за переводъ писемъ Мюллера. За предложеніе ваше выслать мнѣ сочиненія Мюллера благодарю я васъ, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, но безъ этого можно обойтись, ибо всѣ сочиненія Мюллера находятся въ моей библіотекѣ, оставшейся въ деревнѣ, и будутъ по первому моему требованію тотчасъ ко мнѣ высланы. Если біографія М(юллера), писанная Гереномъ [1]), о коей вы упоминаете, маленькая книжечка, носящая заглавіе J. v. M(üller) Historiker, v. Heeren [2]), то и эта книга находится въ моей библіотекѣ. Кончивъ отвѣты на всѣ вопросы, которые вы мнѣ изволили предложить, долженъ я обратиться къ другому предмету и принесть вамъ исповѣдь въ литературныхъ моихъ замыслахъ, исповѣдь дерзкаго, но не совсѣмъ кающагося грѣшника.

Во время почти семилѣтняго пребыванія моего въ уединенномъ Пелымѣ [3]), подъ сѣнью дремучихъ лѣсовъ, на пепелищѣ Миниха (я тамъ засталъ 110-лѣтняго старца, служившаго Миниху), занимался я исключительно царицею наукъ философіею; римскіе же классики служили мнѣ только для разнообразія занятія, вмѣсто отдохновенія. Въ это время изучилъ я великаго Канта, коего всѣ сочиненія были у меня подъ рукою, а съ нимъ вмѣстѣ и Спинозу, Фихте, Рейнгольта, Шеллинга, изъ самыхъ же новѣйшихъ въ особенности Круга [4]), послѣдователя Канта и основателя системы трансцедентальнаго синтетизма. Я не стану описывать вамъ то наслажденіе и душевное спокойствіе, которое мнѣ доставило это занятіе; не стану разсказывать, что я чувствовалъ, когда глазамъ моимъ открылся новый и привлекательный

„Introduction to the Literature of Europe in the 15th, 16th and 17th centuries вышло въ свѣтъ въ 1837 году.

[1]) Извѣстный историкъ Арнольдъ Геренъ (Heeren, p. 1760 † 1842).

[2]) Книжка Герена вышла въ свѣтъ въ 1809 именно подъ этимъ заглавіемъ („Johann v. Müller der Historiker“).

[3]) На поселеніи въ Пелымѣ Бриггенъ пробылъ съ конца іюня 1828 до начала марта 1836 г. (см. статью С. Н. Брайловскаго „Изъ жизни одного декабриста“ въ „Русской Старинѣ“ 1903 г., мартъ, стр. 545).

[4]) Вильгельмъ-Францъ Кругъ (p. 1770 † 1842).

міръ умственный, а скажу только, что созерцаніе этихъ первобытныхъ началъ, существующихъ въ душѣ человѣческой, породило во мнѣ желаніе познакомить мыслящихъ моихъ соотечественниковъ съ истинами, къ коимъ я получилъ доступъ. Ученіе Кенигсбергскаго мудреца [1]) вполнѣ убѣдило мой разсудокъ и удовлетворило требованіямъ моего сердца, и это-то ученіе хотѣлъ я передать русской публикѣ. Сначала и въ пылу моего рвенія думалъ было я написать книгу, коей бы далъ, à peu près, слѣдующее заглавіе: «Изложеніе главнѣйшихъ истинъ критической философіи съ дополненіями и улучшеніями новѣйшихъ ея послѣдователей для непосвященныхъ»; но, обдумавши, увидѣлъ я всю трудность этого предпріятія, въ особенности при невозможности пользоваться всѣми необходимыми для этого средствами, и рѣшился поэтому на дѣло болѣе удобоисполнимое, къ коему и намѣренъ приступить въ началѣ будущей зимы и о коемъ я вамъ намекнулъ выше. Возвратившись опять къ непритязательному, хотя и полезному, занятію переводчика, намѣренъ я исполнить обѣтъ, данный мною философіи, переводомъ превосходнаго сочиненія Круга: «Universalphilosophische Vorlesungen für Gebildete beyderley Geschlechtes», сочиненіе, прославившееся въ Германіи: Въ прибавленіяхъ къ этой книгѣ постараюсь я изложить въ очеркѣ философію Канта и главнѣйшіе ея результаты по Виллерсу и Рейнгольту; системы же новѣйшихъ философовъ и въ особенности Гамильтона [2]), коего ветеранъ философіи, умный старикъ Ребергъ [3]), называетъ остроумнѣйшимъ изъ новѣйшихъ философовъ, по Вильму [4]) и философскимъ отрывкамъ самого Гамильтона. По Journal des Débats, который я получаю отъ одного моего пріятеля, двѣ первыя части книги Вильма вышли въ Парижѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ и должны теперь уже быть въ Петербургѣ; вотъ заглавіе достопримѣчательнаго этого сочиненія: «Histoire de la philosophie allemande depuis Kant jusqu'à Hegel, par M. J. Vilm. Paris. 1846. 4 vol. in 8°, ouvrage couronné par l'Institut». Съ этимъ вмѣстѣ вышли и «Fragments de philosophie par Hamilton, traduits par M. L. Peisse [5])», 1 vol. in 8°; и эта книга очень достопримѣчательна не только по достоинству своему, но и потому, что Гамильтонъ, полемизируя противъ Канта, приходитъ другими путями къ тѣмъ же результатамъ cognizance и conceive [6]). Я горю нетерпѣніемъ видѣть эти книги у себя, и вы бы, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, оказали бы мнѣ истинное благодѣяніе, если бы ихъ мнѣ

---

[1]) Т. е. Канта.
[2]) Англійскій философъ Sir William Hamilton (р. 1788 † 1856).
[3]) August-Wilhelm Rehberg (р. 1757 † 1836).
[4]) Французскій философъ Joseph Willm (р. 1790 † 1852).
[5]) Louis Peisse, французскій литераторъ (р. 1803 † 1880).
[6]) Понятія и представленія.

выслали вмѣстѣ Fragments philosophiques de Cousin [1]) 1833, 1 v.Я бы тотчасъ принялся приводить въ порядокъ матеріалы для давно предполагаемыхъ мною занятій и роскошествовалъ бы, какъ сибаритъ, въ кругу Саллюстія, Мюллера и моихъ любимыхъ философовъ. Одиссеи вашей ожидаю я съ нетерпѣніемъ; я читалъ объ ней отзывы Гоголя [2]) въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но и безъ этихъ отзывовъ былъ я уже впередъ увѣренъ, что это будетъ произведеніе дивное: «ex ungue cognoscitur leo» [3]); но пора кончить: я уже черезчуръ заболтался.

3.

24-го декабря 1848. Курганъ.

Единственный Василій Андреевичъ.

Послѣднее письмо ваше, изъ Баденъ-Бадена [4]), чрезвычайно обрадовало меня, не имѣвшаго болѣе году никакого о васъ извѣстія; вскорѣже послѣ вашего письма (недѣли черезъ три) получилъ я 5-ю, 6-ю и 8-ю часть вашихъ сочиненій, напечатанныхъ въ Карлсруэ, и въ томъ числѣ первую часть Одиссеи. Благодарю васъ душевно за этотъ драгоцѣнный подарокъ, доставившій мнѣ-отшельнику, погребенному въ гиперборойскихъ снѣгахъ, чистѣйшее наслажденіе. Я и прежде любилъ Гомера, читая и перечитывая его безпрестанно въ дивномъ переводѣ Фосса [5]); но теперь Гомеръ будетъ мнѣ еще болѣе любезенъ, болѣе близокъ къ сердцу, въ особенности его Одиссея, которую я всегда ставилъ выше Иліады, дѣлающейся [6]) иногда монотонною въ частыхъ описаніяхъ битвъ. Занятый теперь службою, успѣлъ я прочесть только первыя пять пѣсней вашей Одиссеи и восхищался, слушая Гомера, который, не взирая на свою старость, обыкновенно неперемчивую, такъ хорошо перенялъ у васъ искусство говорить прекраснымъ русскимъ языкомъ и говорить по привычкѣ своей экзаметрами, которые слушаешь, какъ музыку. Мысль ваша сдѣлать Одиссею книгою чтенія при воспитаніи юношества истинно богатая. Желаю отъ сердца, чтобы это скорѣе приведено было въ исполненіе, ибо увѣренъ, что эта первобытная, чистая и исполненная жизни природа освѣжитъ не только умственныя способности молодаго поколѣнія, но, главное, укрѣпитъ и дастъ силу характеру,

---

[1]) См. „Русс. Стар.," авг. 1903 г., стр. 445, прим. 7-е.

[2]) Извѣстная статья Гоголя „Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ".

[3]) Т. е. льва узнаешь по когтямъ.

[4]) Это письмо, отъ 10-го (22-го) октября 1848 г., напечатано въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 626.

[5]) Стихотворный нѣмецкій переводъ Гомера, сдѣланный Іоганномъ Россомъ (р. 1751 † 1826), появился въ свѣтъ въ 1781 году.

[6]) Въ подлинникѣ описка: дѣлающуюся.

недостатокъ коего у насъ столь ощутителенъ. Послѣ Библіи нѣтъ, кажется, другой книги, кромѣ Одиссеи (Энеида уже не то), болѣе пригодной для чтенія и нравственнаго образованія, не только юношескаго, но даже и младенческаго возраста.

Роковой 1848-й годъ прожилъ бы я довольно покойно, еслибъ не болѣлъ иногда за дальнихъ родныхъ и близкихъ, коихъ безпрестанно страшился лишиться холерою. Ужасная эта болѣзнь, свирѣпствовавшая въ Россіи повсемѣстно, посѣтила наконецъ и Сибирь. Внезапно, и какъ бы упавъ съ неба, явилась она въ Тобольскѣ, гдѣ до двухъ тысячъ человѣкъ сдѣлались ея жертвою. Изъ Тобольска перешла она, распространившись по теченію рѣки, и на сѣверъ къ Березову, въ Тюмень, также и въ Ялуторовскій и Ишимскій округъ. Угрожая, такимъ образомъ, Кургану съ сѣвера и востока, начала она, въ тоже время, приближаться къ намъ съ юга, со стороны Оренбургской линіи, гдѣ и остановилась въ ста верстахъ отъ Кургана. Она существуетъ и теперь, только въ слабой степени, что и должно, кажется, приписать дѣйствію продолжающагося здѣсь жестокаго мороза. Должно опасаться, чтобы теплота весны не пробудила вновь эту смертоносную и мучительную гидру. Судороги, которыя сопровождаютъ эту болѣзнь, ужасны, и невольно содрогнешься, видя такія мученія. При скорой помощи болѣзнь эта бываетъ и не смертельна, но, пропустивъ время, смерть неизбѣжна.

Послѣ многихъ и весьма необыкновенныхъ превращеній, коимъ судьбѣ моей было угодно меня подвергнуть, испыталъ я въ этомъ году еще новое въ этомъ же родѣ, превратившись въ коллежскаго регистратора. Будучи поставленъ обстоятельствами въ необходимость служить и предпочитая службу по министерству юстиціи, какъ болѣе почетную, избралъ я себѣ этотъ путь и былъ очень доволенъ, когда мнѣ дали исправлять должность засѣдателя въ Курганскомъ окружномъ судѣ [1]). Повѣрилъ-ли бы я этому въ 1820 году, когда я былъ полковникомъ Измайловскаго полка и когда счастіе, или то, что обыкновенно называютъ счастіемъ, мнѣ со всѣхъ сторонъ улыбалось! Я сказалъ бы: это невозможно; однако это сбылось, и я вполнѣ тутъ испыталъ истину словъ Св. Писанія: «Всякъ человѣкъ есть ложь предъ Богомъ». Служба эта для меня не отяготительна и по новости даже мнѣ нравится; часто однако, глядя на огромныя кипы бумагъ, лежащія предо мною, невольно повторяю я слова Ювенала:

---

[1]) Еще въ мартѣ 1838 года Бриггенъ былъ опредѣленъ на службу въ Курганскій окружный судъ канцеляристомъ (см. С. Н. Брайловскій „Изъ жизни одного декабриста“ въ „Русской Старинѣ“ 1903 года, мартъ, стр. 554—555).

Oblita modi millesima pagina surgit
Omnibus, et multa crescit damnosa paruro:
Sic ingens rerum numerus jubet atque operum lex [1]).

Простите, добрѣйшій и единственный Василій Андреевичъ; да сохранитъ васъ Всевышній среди всѣхъ окружающихъ васъ треволненій.

Вашъ Александръ фонъ-деръ-Бриггенъ.

4.

23-го марта 1850. Курганъ.

Почтеннѣйшій и единственный Василій Андреевичъ.

Крылатое слово, брошенное вами въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Баденъ-Баденѣ [2]), долетѣло ко мнѣ въ Курганъ въ февралѣ; но необыкновенныя занятія по службѣ, отчасти же и здоровье, которое мнѣ иногда измѣняетъ, не позволили мнѣ, слѣдуя обыкновенію моему, тотчасъ отвѣчать на ваше письмо. Не взирая, что я болѣе года не получалъ отъ васъ извѣстія, мнѣ никогда на умъ не приходило, чтобы могло быть, что васъ ужъ нѣтъ на свѣтѣ; но напротивъ какая-то увѣренность или лучше eine gewisse geheimnissvolle Ahnung der Seele [3]), которую я объяснить себѣ могу только тѣмъ, что непоколебимая вѣра моя въ благость Провидѣнія, которая въ душѣ моей сливается съ мыслію объ васъ, единственный Василій Андреевичъ—не позволяла мнѣ думать, чтобы, осѣненный покровомъ Всевышняго за доброту вашу, вы бы не были живы и здоровы. О болѣзни вашей супруги я зналъ изъ прежнихъ писемъ вашихъ и предполагалъ, въ чемъ и не ошибся, что это неблагопріятное обстоятельство не дозволитъ вамъ располагать вашимъ возвращеніемъ въ Россію, несмотря на то, что при нынѣшнихъ смутахъ пребываніе за границею не совсѣмъ можетъ быть для васъ пріятно. Вторую часть вашей Одиссеи получилъ я въ концѣ прошлаго года и благодарю васъ за прекрасный этотъ подарокъ, который я не могу лучше похвалить, какъ сказавъ, что, переходя отъ божественныхъ страницъ надгробныхъ рѣ-

---

[1]) См. VII сатиру Ювенала, ст. 100—102. Приводимъ эти стихи въ переводѣ А. А. Фета, присоединивъ, для большей ясности, два предшествующіе стиха:

Вашъ-то затѣмъ плодотворнѣй-ли трудъ, исторіографы?
Болѣе требуетъ времени онъ и болѣе масла;
Ибо безъ всякихъ границъ страницею тысячной станетъ
Дѣло у нихъ, разростаясь на счетъ изводимой бумаги.
Такъ велитъ безконечность событій и свойство занятій.

[2]) См. это письмо, отъ 31-го октября (12-го ноября) 1849 г., въ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 625—628.

[3]) Т. е. какое-то таинственное предчувствіе души.

чей Боссюэта и Флешіе [1]), которыхъ я постоянно читаю, я съ истиннымъ наслажденіемъ прочитываю вашу Одиссею. Кажется, теперь уже никому не придетъ на умъ сказать, чтобы экзаметръ былъ свойственъ токмо одному греческому языку. Вашъ переводъ, въ коемъ вы такъ удачно выказали всю красоту и богатство нашего языка, и то съ такою легкостью, что я теперь не удивляюсь, какъ вы могли, при шумѣ политическихъ бурь и среди домашнихъ заботъ, менѣе нежели въ сто дней кончить послѣднія XII пѣсни (sic), вполнѣ опровергаетъ это мнѣніе. Языкъ у васъ такъ хорошъ, что, по моему мнѣнію, и самъ старикъ Гомеръ не могъ бы лучше пересказать по-русски то, что высказалъ по-гречески. Въ превосходномъ переводѣ Фосса чувствуешь иногда натянутость и принужденіе, чего въ вашемъ нѣтъ. Фоссъ имѣлъ предъ вами то преимущество, что писалъ на языкѣ, не менѣе богатомъ русскаго, но давно обработанномъ и въ этомъ видѣ вошедшемъ въ общенародное употребленіе; тогда какъ нашъ языкъ, недавно перешедшій отъ книжнаго къ популярному, такъ еще новъ или не прилаженъ, что среди изобилія часто чувствуешь недостатокъ. Съ перваго взгляда кажется это парадоксъ, но это дѣйствительно такъ; напримѣръ, стоитъ только взять частицу поелику, понеже, потому что и наконецъ Пушкинское зане. Какой обильный запасъ, а за всѣмъ этимъ часто станешь втупикъ, не зная, что употребить! Но если Фоссъ имѣлъ преимущество орудовать языкомъ болѣе обработаннымъ, то вы имѣли предъ нимъ преимущество языка болѣе музыкальнаго, преимущество, коимъ вы превосходно воспользовались. Ваши экзаметры музыка: повѣрьте мнѣ, я говорю это безъ лести, и если у Фосса иногда и находишь такой дивный стихъ, какъ 59-й и 60-й XVI пѣсни его Одиссеи, то въ вашей они встрѣчаются почти на каждомъ шагу. Если я заболтался, говоря о вашей Одиссеѣ, и, можетъ быть, вамъ наскучилъ моею болтовнею, то сами на себя пеняйте. Вы вызвали меня сказать вамъ мое мнѣніе, а о томъ, что любишь, не говорится коротко.

Отъ вашей Одиссеи перейду я, «si fas est parva componere magnis» [2]), къ моему Кесарю. Начну съ того, что съ искреннею признательностью поблагодарю васъ за присланныя мнѣ деньги, которыя я принимаю отъ васъ, единственный Василій Андреевичъ, не какъ возмездіе за трудъ мой, который самъ собою меня уже достаточно наградилъ и возмездія котораго я не ожидалъ, да и требовать не могу, а какъ даръ, присланный мнѣ по нѣжному скромносердечію вашему, подъ благовиднымъ предлогомъ. Если справедливо (а по-моему оно справедливо) то, что сказалъ

[1]) Современникъ знаменитаго Боссюэта, епископъ нимскій Флешье (Fléchier, p. 1632 † 1710).

[2]) Т. е. если можно, говоря о великихъ и едметахъ, касаться малыхъ.

одинъ великій сердцевѣдецъ, что будто всякое благодѣяніе заставляетъ благодѣтеля болѣе любить облагодѣтельствованнаго имъ; то, любя и уважая васъ отъ души, сердцу моему было бы отрадно доказать вамъ мою приверженность на дѣлѣ; но, не имѣя къ тому возможности, мнѣ пріятна мысль, что вы любите меня, если не по заслугамъ моимъ, то хоть по благодѣяніямъ вашимъ. Что же касается до напечатанія моего Кесаря, то прошу васъ отложить это до возвращенія вашего въ Россію. Я совершенно счастливъ въ тотъ день, когда получаю отъ васъ письмо. «Такъ несказанно твои разговоры и рѣчи плѣняютъ душу мою» (Од(иссея),IV, 597). А съ вашей стороны достаточно хоть нѣсколько строкъ, чтобы доставить это счастіе душою вамъ преданному Александру фонъ-деръ-Бриггену.,

1849 годъ былъ, изъ всѣхъ, проведенныхъ мною въ Сибири, самый неблагопріятный для меня; нынѣшній же годъ, по предзнаменованіямъ обѣщаетъ быть лучше.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

Кости еврея, какъ предохраненіе отъ падежа скота.

Рапортъ Правительствующему Синоду волынскаго-житомірскаго епископа Даніила.

28-го февраля 1810 г. № 788.

Въ Волынской епархіи въ послѣдней минувшаго 1809 года половинѣ кликушъ, притворнонародцовъ, босыхъ, такъ же и другихъ суевѣрій не было, кромѣ, что Ровенскаго повѣта, какъ рапортомъ нынѣ отъ тамошняго духовнаго правленія донесено, въ селѣ Оржевѣ жители, Осипъ Зелюшка, Романъ Жуй, Корнѣй Товчинъ и Андрей Ковальцовъ 8-го октября того 1809 года на еврейскомъ кладбищѣ мѣстечка Деражна вырыли мертваго еврея кости, и оныя по суевѣрію держали въ своихъ хлѣвахъ, ради прекращенія возникшаго скотскаго падежа, о каковомъ ихъ поступкѣ произведено ровенскимъ нижнимъ земскимъ судомъ слѣдствіе, и оное отослано для поступленія съ виновными по законамъ въ тамошній повѣтовый судъ. О чемъ и что въ монастыряхъ, соборахъ, также соборныхъ и приходскихъ церквахъ поученія читаются, Свят. Правительствующему Синоду, по силѣ указа 1731 года ноября 25-го дня, всесмиреннѣйше рапортую.

Императоръ Николай I въ донесеніяхъ шведскаго посланника.

Депеша шведскаго посланника въ Петербургѣ Пальмшерны къ шведскому министру иностранныхъ дѣлъ графу Ветерштету.

1.

3-го (15-го) февраля 1826 г. С.-Петербургъ.

Прошлое воскресенье, 12-го февраля въ часъ дня, я имѣлъ честь получить аудіенцію у русскаго императора и передать ему три письма отъ короля. Когда я былъ введенъ графомъ Нессельроде, императоръ находился въ одной изъ галлерей Эрмитажа. Его императорское величество удостоилъ принять меня весьма милостиво. На всѣ мои увѣренія въ чувствахъ короля къ высокой персонѣ императора и въ желаніи его королевскаго величества еще болѣе упрочить дружескія отношенія между Россіей и Швеціей, императоръ Николай I отвѣтилъ, что онъ не только съ удовольствіемъ принимаетъ мои увѣренія, но даже приказываетъ мнѣ передать королю, что онъ съ самаго начала разсчитывалъ на взаимность дружескихъ и прочныхъ отношеній. Когда императоръ принялъ отъ меня письма короля, то сказалъ, что чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что я остаюсь при той должности, которую занималъ раньше.

Ваше превосходительство изволите, вѣроятно, помнить, что во время аудіенціи, данной мнѣ покойнымъ императоромъ Александромъ I, мнѣ не пришлось говорить рѣчи, въ виду того, что разговоръ принялъ не принужденный и пріятный оборотъ, что почти всегда бывало съ Александромъ I. Императоръ Николай обладаетъ совершенно такими же пріятными качествами и тѣмъ же снисхожденіемъ, вслѣдствіе чего у

всякаго, кто имѣетъ счастье приблизиться къ нему, пропадаетъ сразу страхъ и неловкость, потому-то, и на этотъ разъ, мнѣ не пришлось произносить рѣчи. Я имѣлъ счастье говорить съ императоромъ въ теченіе четверти часа; разговоръ, почти все время, касался важныхъ событій послѣднихъ недѣль; постараюсь въ слѣдующій разъ подробно передать вашему превосходительству весь разговоръ, во время котораго я снова имѣлъ случай преклониться передъ благородствомъ и твердостью характера русскаго монарха, которыми онъ съ перваго дня своего царствованія поражаетъ всѣхъ. При прощаніи его императорское величество снова упомянулъ о прочности дружескихъ отношеній къ королю и удостоилъ меня лично нѣсколькими ласковыми словами.

Графъ Нессельроде увѣдомилъ меня, что я въ этотъ же день буду имѣть счастье представиться обѣимъ императрицамъ, однако приказаніе это было отмѣнено. Оберъ-гофмейстеръ императрицы графъ Модена встрѣтилъ меня извѣстіемъ о томъ, что по случаю дня рожденія императора Франца снятъ трауръ, вслѣдствіе чего аудіенція у императрицъ отложена до другаго раза. Я не имѣлъ еще счастія представляться имъ, послѣ кончины высокаго монарха, котораго всѣ будутъ долго оплакивать. Вчера, сегодня и завтра, по случаю разныхъ празднествъ при дворѣ и въ церквахъ, будетъ снятъ трауръ. Число экстраординарныхъ пословъ, по случаю восшествія на престолъ Николая I, все болѣе увеличивается.

Послѣ долгихъ ожиданій, я получилъ, наконецъ, извѣстіе изъ Константинополя отъ 11-го (23-го) января. Тамъ уже знаютъ о событіяхъ 14-го (26-го) декабря. Съ 3-го (15-го) декабря нѣтъ никакихъ извѣстій изъ Греціи, но по слухамъ (какъ говорилъ мнѣ графъ Левенгіельмъ) Мисолонжи держится еще, и турки сильно страдаютъ отъ холода и отъ всякихъ неудачъ.

2.

Пальмшерна къ Ветерштету.

5-го (17-го) февраля 1826 года, Петербургъ.

Послѣдній рапортъ былъ посланъ мной вчера черезъ Торнео съ однимъ молодымъ шведомъ Якобсономъ, на котораго я вполнѣ могу положиться и который будетъ имѣть честь предать вашему превосходительству эту депешу. Считаю своимъ долгомъ болѣе подробно изложить на сей разъ все, что было говорено во время моей послѣдней аудіенціи у императора Николая I, ибо я увѣренъ въ томъ, что ваше превосходительство интересуетесь всѣмъ, что характеризуетъ монарха, котораго всѣ знаютъ

еще такъ мало. Я съ большимъ удовольствіемъ займусь этой характеристикой, въ виду того, что, судя по ней, его величество король получитъ новое подтвержденіе дружескаго расположенія къ нему императора.

Прежде чѣмъ я успѣлъ прибѣгнуть къ фразамъ, принятымъ въ такихъ случаяхъ, императоръ коснулся ужаснаго происшествія, которымъ въ данную минуту заняты умы всѣхъ. Преисполненный ужасомъ и удивленіемъ вслѣдствіе разныхъ открытій, я далъ понять императору, что находился въ толпѣ, откуда видѣлъ его безъ свиты и, слѣдовательно, подверженнаго страшной опасности.

— Толпа эта,—отвѣтилъ императоръ,—состояла изъ добродушныхъ мужиковъ, но я находился долгое время между двухъ убійцъ.

Какъ я уже раньше имѣлъ честь доложить вамъ, разговоръ, касаясь все той же темы, продолжался около четверти часа. Я хочу здѣсь привести самыя главныя слова императора.

— Явилась необходимость—продолжалъ Николай I—произвести массу арестовъ. Такіе аресты не представляютъ несчастія для арестуемыхъ, получающихъ, вслѣдствіе этого, возможность оправдаться и избавиться отъ дальнѣйшихъ подозрѣній; способъ этотъ неизбѣженъ. Въ такой странѣ, какъ наша, къ счастью не конституціонной, аресты происходятъ совершенно законнымъ образомъ, и если явилась бы необходимость, я приказалъ бы арестовать половину націи, ради того, чтобы другая половина осталась не зараженной.

На это я замѣтилъ императору, что аресты, вслѣдствіе подозрѣній, совершаются законнымъ образомъ и въ конституціонной странѣ, напримѣръ, въ Швеціи. За этимъ послѣдовало нѣчто въ родѣ объясненія шведской конституціи. Императоръ сталъ между прочимъ доказывать мнѣ, что Швеція не совсѣмъ конституціонное государство. На это я отвѣтилъ, что наши государственные законы въ дѣйствительности не имѣютъ ничего общаго съ современными фабрикаціями, ибо эти законы основаны на вѣковыхъ привычкахъ, дающихъ нашимъ монархамъ настоящую, непоколебимую власть. Его императорское величество отвѣтилъ:

— Да, у васъ конституція не принужденная, а это самое главное. Принужденная конституція приходитъ съ низу, а не принужденная съ верху.

Почти въ ту самую минуту, какъ должна была окончиться аудіенція, я нашелъ возможность, въ краткихъ словахъ, разсказать о глубокомъ, искреннемъ горѣ короля, при извѣстіи о смерти императора Александра I, съ которымъ его королевское величество былъ связанъ крѣпкими узами и дорогими воспоминаніями; далѣе, я высказалъ, какимъ утѣшеніемъ послужили для короля въ этомъ горѣ увѣренія дружбы императора. Подъ конецъ я прибавилъ, что король надѣется, что импе-

раторъ приметъ, какъ наслѣдство послѣ Александра I, тѣ глубокія и искреннія чувства, которыя онъ питалъ къ умершему. На это императоръ отвѣтилъ, что не только принимаетъ увѣренія короля, но приказываетъ мнѣ передать ему, что ни минуты не сомнѣвался въ искренности его чувствъ. Относительно себя, я высказалъ надежду, что постараюсь, на ввѣренномъ мнѣ поприщѣ, оправдать довѣріе моего повелителя, на что̀ императоръ съ своей стороны отвѣтилъ, что благодаритъ короля за то, что онъ оставилъ меня на занимаемомъ мною прежде посту. Въ разговорѣ Николая I есть много изящества, онъ выражается корректно, ясно и съ большой легкостью. Что онъ красавецъ, всѣмъ уже извѣстно, при чемъ въ манерахъ ведетъ себя съ достоинствомъ и согласно своему возрасту.

Примѣчаніе отъ 5-го (17-го) февраля 1826 г.

Меня еще слишкомъ сильно интересуетъ заговоръ, для того чтобы я могъ, какъ мнѣ хотѣлось, слѣдить за ходомъ переговоровъ, касающихся Турціи и Греціи; къ тому же, затрудненія получать точныя извѣстія все болѣе и болѣе увеличиваются. Меня не много успокаиваетъ то обстоятельство, что министерство и самъ императоръ Николай I находятся почти въ одинаковомъ положеніи, т. е. имъ не хватаетъ времени серіозно заняться этими дѣлами. Между прочимъ, постараюсь сдѣлать описаніе, которое, быть можетъ, послужитъ характеристикой той системы, которой слѣдуютъ здѣсь въ данный моментъ.

Меня старались увѣрить, что императоръ, во время аудіенціи, данной имъ французскому послу, говорилъ ему приблизительно слѣдующее:

— Господинъ посланникъ, существуетъ предметъ, сильно интересующій меня и всѣхъ другихъ, а именно, положеніе въ Греціи; я искренно желаю возстановить порядокъ вещей и желалъ бы это сдѣлать съ помощью моихъ союзниковъ; если же это не удастся, я самъ положу конецъ непріятностямъ, соблюдая при этомъ, въ отношеніяхъ Россіи къ Портѣ, интересы моего государства.

Если слова эти были дѣйствительно сказаны императоромъ, то мнѣ кажется, что они потверждаютъ мнѣніе, что Россія не желаетъ связывать себѣ руки и не входить въ какія бы то ни было обязательства, могущія помѣшать ей, если она пожелаетъ, впослѣдствіи предпринять какое-нибудь рѣшеніе. Мнѣ думается, что подобное рѣшеніе будетъ совершенно зависѣть отъ внутренней политики, и дипломатическіе разговоры будутъ имѣть лишь второстепенное вліяніе. Судя по переговорамъ, я имѣю данныя предполагать, что весной, передъ самой смертью императора Александра I, было много шансовъ къ объявленію войны. Послѣ

этого событія, извѣстно, что лордъ Страдфортъ взялся за дѣло, и что ему, повидимому, удалось дать вещамъ спокойный наружный видъ; говорятъ, что онъ будто бы составилъ проектъ примиренія, очень понравившійся въ русскомъ министерствѣ, но не одобренный Каннингомъ.

Конфиденціальная замѣтка отъ 5-го (17-го) февраля 1826 г.

Петербургское общество уже нѣкоторое время занято пріѣздомъ его королевскаго высочества кронпринца сюда. Я, котораго много объ этомъ спрашивали, отвѣчалъ всегда, что мнѣ ничего не извѣстно. Вашему превосходительству, конечно, не безъизвѣстно, что большинство иностранныхъ дворовъ уже приняли мѣры, дабы присылкой экстраординарныхъ посольствъ поздравить императора, не говоря уже объ огромномъ количествѣ царскихъ особъ, пріѣхавшихъ сюда, которые, за исключеніемъ эрцгерцога, всѣ состоятъ въ родствѣ съ императоромъ. Говорятъ, что Россія, слѣдуя старому обычаю, не посылала никого ни въ Стокгольмъ, ни въ Парижъ, ни въ Лондонъ, такъ что если мы также никого не пошлемъ въ Петербургъ, то будутъ считать, что мы слѣдуемъ старому, давно изчезнувшему обычаю. Быть можетъ, съ моей стороны слишкомъ большая смѣлость обсуждать этотъ вопросъ, который и безъ того обратитъ на себя вниманіе нашего правительства. Однако, считаю своимъ долгомъ сообщить вашему превосходительству, что въ томъ обществѣ, гдѣ я бываю, идутъ по этому поводу разговоры, и мнѣ кажется, что большинство, безъ сомнѣнія, замѣтило бы, если мы въ этомъ случаѣ сдѣлаемъ исключеніе. Судя по тому, что я со всѣхъ сторонъ слышу, слишкомъ долгое замедленіе со стороны Швеціи возбудитъ лишніе толки. Дружба графа Блума съ графомъ Нессельроде даетъ первому возможность ставить этикетъ и экономическія соображенія датскаго двора законными причинами не присылать экстраординарнаго посольства, хотя, не смотря на это, датскій король прислалъ сюда своего адъютанта. Если же король рѣшился не присылать никого въ Петербургъ, тогда я употреблю всѣ усилія на то, чтобы согласно даннымъ мнѣ инструкціямъ объяснить дѣйствія нашего правительства. Мои личныя отношенія къ графу Нессельроде лишаютъ меня возможности объясниться съ нимъ по этому поводу.

3.

Пальмшерна къ Ветерштету.

С.-Петерб., 24-го февраля (8-го марта) 1826 года.

Въ воскресенье, 21-го февраля (5-го марта), я имѣлъ честь представляться ихъ императорскимъ высочествамъ великому князю Михаилу

и великой княжнѣ Еленѣ. Оба приняли меня очень милостиво. Великая княжна, умѣющая выбирать пріятную тему для разговора, заговорила со мной о королѣ, о королевской семьѣ и о Швеціи. При близкомъ знакомствѣ съ великимъ княземъ, узнаешь, что онъ, кромѣ твердаго характера, который еще такъ недавно имѣлъ случай выказать, обладаетъ глубокими и обширными знаніями. Нѣсколько человѣкъ изъ моихъ сослуживцевъ и другихъ иностранцевъ имѣли честь въ этотъ день быть принятыми на аудіенціи. 6-ое (18-ое) марта назначено для ввоза тѣла императора Александра I, а 13-ое (25-ое) для погребенія въ Петропавловской крѣпости. Въ теченіе семи дней между обѣими церемоніями, тѣло императора будетъ выставлено въ Казанскомъ соборѣ. Церемоніалъ во время этихъ событій уже оффиціально объявленъ дипломатическому корпусу княземъ Куракинымъ, назначеннымъ оберъ-гофмаршаломъ при погребеніи.

Говорятъ о томъ, будто бы заключенные въ крѣпости за участіе въ заговорѣ будутъ, во время погребенія, отосланы въ другія мѣста; иные думаютъ, что судъ надъ этими заговорщиками будетъ къ тому времени оконченъ. День для коронаціи еще не опредѣленъ точно; судя по послѣднимъ извѣстіямъ, Николай I будетъ короноваться не раньше 26-го іюня (8-го іюля), однако, не ручаюсь за точность этихъ слуховъ. Сейчасъ узналъ, что еще не рѣшено, будетъ ли герцогъ Веллингтонъ присутствовать при коронаціонныхъ торжествахъ; говорятъ, будто бы онъ не можетъ отсутствовать такъ долго изъ Лондона. Въ такомъ случаѣ сюда прибудетъ, въ качествѣ экстраординарнаго посла, герцогъ Девонширскій. Что же касается принца Вреде, то онъ покидаетъ Петербургъ въ концѣ этого мѣсяца. Оба фельдмаршала окружены большими почестями, они ежедневно присутствуютъ на парадахъ. Императоръ былъ на-дняхъ съ визитомъ у герцога Веллингтона. Гвардейскій полковникъ Рошфоръ, посланный на границу къ нему навстрѣчу, будетъ состоять при немъ во время его пребыванія въ Петербургѣ.

Примѣчаніе 24-го февраля (8-го марта) 1826 г.

Мнѣ говорили, что герцогъ Веллингтонъ часто посѣщаетъ графа Нессельроде. Долженъ сознаться вашему превосходительству, что мнѣ до сихъ поръ не удалось узнать, имѣютъ ли эти посѣщенія политическій характеръ. Не желая слишкомъ явной погоней за новостями компрометтировать шведскій дворъ, который имѣю честь представлять здѣсь, я надѣюсь однако, что случай не замедлитъ представиться, когда буду въ состояніи узнать суть переговоровъ между Нессельроде и Веллингтономъ.

Я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что здѣсь ожидаются, послѣ царскихъ похоронъ, большія перемѣны, т. е., что главные государственные дѣятели будутъ замѣнены новыми. По этому поводу носятся разнообразные слухи, о которыхъ я пока умалчиваю, въ ожиданіи болѣе опредѣленнаго потвержденія.

4.

Пальмшерна къ Ветерштету.

С.-Петерб., 27-го февраля (11-го марта) 1826 г.

День для ввоза тѣла императора Александра I еще оффиціально не назначенъ. Черезъ нѣсколько дней ихъ императорскія величества уѣзжаютъ въ Царское Село, куда тѣло прибудетъ сегодня или завтра. Тамъ ихъ величества будутъ говѣть на первой недѣлѣ великаго поста. Сколько времени они пробудутъ тамъ, пока не извѣстно; предполагаютъ, что вдовствующая императрица пробудетъ въ Царскомъ Селѣ дольше, вслѣдствіе чего день въѣзда тѣла въ Петербургъ будетъ отложенъ. Относительно коронаціи пока ничего не извѣстно. Неопредѣленность срока для коронаціонныхъ торжествъ, по словамъ графа Нессельроде, происходитъ отъ того, что похоронная церемонія еще не окончена.

Примѣчаніе 27-го февраля (11-го марта) 1826 г.

Вчера герцогъ Веллингтонъ имѣлъ аудіенцію у императора Николая I, которая продолжалась цѣлыхъ два часа. Хотя подобное обстоятельство недостаточно для того, чтобы выводить изъ него какія-нибудь заключенія, однако, нельзя сомнѣваться въ томъ, что эта аудіенція имѣла, по всей вѣроятности, характеръ политическій и что герцогъ не безъ цѣли посланъ въ Петербургъ.

5.

Пальмшерна къ Ветерштету.

С.-Петербургъ, 3-го (15-го) марта 1826 года.

Ваше превосходительство, прошу васъ принять мои искреннія поздравленія, по случаю необычной милости императора къ вамъ. Въ Россіи голубая лента считается большимъ отличіемъ, въ виду того, что ею награждаются не многіе. Я слышалъ, что во всемъ государствѣ не болѣе двадцати человѣкъ имѣютъ этотъ орденъ. Долженъ сознаться вашему превосходительству, что я хотя и зналъ о намѣреніи императора даровать вамъ это отличіе, но счелъ своимъ долгомъ предоставить

*

генералу Сухтелену удовольствіе сообщить вамъ о милости русскаго императора.

Императорская семья находится въ данную минуту въ Царскомъ Селѣ, куда 28-го февраля (12-го марта) прибудетъ тѣло покойнаго императора. Государь, въ сопровожденіи ихъ высочествъ и принца Оранскаго, поѣхалъ навстрѣчу тѣла за 4 версты отъ Царскаго Села. Мнѣ передали нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этой тяжелой минутѣ. Когда его императорское величество увидѣлъ приближающуюся колесницу, на которой поставлено было тѣло его брата, то опустился на колѣни и оставался въ этомъ положеніи, пока колесница не проѣхала мимо него. Горе императора глубоко и искренно, такъ что всѣ присутствующіе не могли удержать слезъ. При въѣздѣ тѣла въ Царское Село, не смотря на громадное стеченіе народа, среди толпы царилъ образцовый порядокъ. Похоронная процессія прибудетъ во дворецъ (Чесменскій), находящійся въ 6-ти верстахъ отъ городскихъ воротъ, 5-го (17-го) марта. Въѣздъ въ Петербургъ назначенъ на 6-е (18-е) марта. Судя по церемоніалу, процессія начнется у въѣзда въ городъ и будетъ увеличиваться постепенно на ходу, такъ какъ, участвовавшіе въ шествіи примкнутъ къ нему на заранѣе для всѣхъ условленномъ мѣстѣ. Ея императорское величество, вдовствующая императрица, намѣревается пѣшкомъ проводить тѣло отъ городскихъ воротъ до Казанскаго собора. Императрица Александра и вел. княгиня Елена по случаю нездоровья, по всей вѣроятности, не будутъ участвовать въ церемоніи. Дипломатическій корпусъ получилъ уже приглашеніе присутствовать на отпѣваніи въ Казанскомъ соборѣ. Мы должны собраться всѣ въ этотъ день у французскаго посла между 8-ю и 9-ю часами утра. Городъ начинаетъ уже принимать траурный видъ. Огромный базаръ, носящій названіе Гостиннаго двора, будетъ весь покрытъ чернымъ сукномъ. Перенесеніе и погребеніе тѣла въ Потропавловской крѣпости послѣдуетъ 13-го (25-го) марта. Всѣ мѣры для поддержанія тишины и порядка, уже приняты; владѣльцы заводовъ и домовъ получили приказъ, не выпускать рабочихъ и прислугу, въ этотъ день изъ дома; вышелъ также приказъ охранять квартиры городскихъ жителей, добы воры и мошенники не могли бы воспользоваться этимъ случаемъ.

6.

10-го (22-го) марта 1826 года.

Графъ Браге, пріѣхавшій въ Петербургъ въ ночь на 7-ое (19-ое) марта, передалъ мнѣ депеши вашего превосходительства. Въ виду того что онъ самъ желаетъ дать отчетъ о своемъ, крайне тяжеломъ и опасномъ путешествіи, и описать визитъ нашъ у графа Нессельроде, я

ограничусь лишь краткимъ повѣствованіемъ того, что касается лично меня. Согласно желанію вашего превосходительства и здѣшнему обычаю, мы были принуждены просить для графа Браге аудіенцію у императора. Графъ Нессельроде, увѣдомленный мною о пріѣздѣ Браге, объявилъ намъ самымъ любезнымъ образомъ, что въ данный моментъ такая аудіенція невозможна. Я уже заранѣе предчувствовалъ, что государю невозможно будетъ принять кого бы то ни было въ тѣ дни, между прибытіемъ тѣла и погребеніемъ. Глубокое горе при видѣ Петропавловской крѣпости, принимающей въ нѣдры свои останки Александра I, строгость церемоніала, а самое главное правила религіи и обряды православной церкви, все вмѣстѣ взятое, помѣшало императору тотчасъ же дать Браге аудіенцію послѣ его пріѣзда въ столицу; даже лордъ Страдфордъ еще не получилъ таковой. Въ теченіе всей этой недѣли императоръ посвятилъ нѣсколько часовъ лишь самымъ неотложнымъ и важнымъ дѣламъ. Его императорское величество проводитъ дни въ самой строгой замкнутости, и даже не показывается, какъ прежде бывало, на парадахъ. Приглашеніе присутствовать на похоронахъ безъ предварительнаго представленія и увѣренность получить аудіенцію тотчасъ послѣ похоронъ, вотъ все, на что можно надѣяться пока, хотя и этого трудно ожидать. Прилагаемая газета избавляетъ меня отъ описанія деталей грустнаго дня 6-го (18-го) марта, хочу лишь добавить, что повсюду въ городѣ царилъ образцовый порядокъ и, какъ по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, ничто не нарушило грандіозный отпечатокъ всеобщаго горя, и что церемонія импонировала на всѣхъ. У всѣхъ останется долгое воспоминаніе и неизгладимое впечатлѣніе объ этомъ грустномъ днѣ; погода не благопріятствовала грустному торжеству; былъ страшный холодъ, и въ ту минуту, какъ процессія остановилась у собора, пошелъ сильный снѣгъ съ сѣвернымъ вѣтромъ. Не смотря на это, императоръ слѣдовалъ за гробомъ все время пѣшкомъ; счастье, что здоровіе его переноситъ подобныя напряженія. Казанскій соборъ грандіозно разукрашенъ; вызолоченный катафалкъ и саркофагъ, великолѣпны. Соборъ открытъ и день и ночь для всѣхъ кто желаетъ поклониться праху императора; по утрамъ солдатамъ разрѣшено посѣщеніе собора и среди нихъ замѣчается всеобщее, искреннее горе. Ихъ императорскія величества и великій князь бываютъ въ соборѣ ежедневно, иногда по два раза, чтобы присутствовать на панихидахъ. Быть можетъ, король помнитъ кучера покойнаго императора. Вы удивитесь ваше превосходительство, что я при такомъ событіи вспомнилъ о человѣкѣ, занимающемъ такую низкую должность, но Илья, никогда не разстававшійся съ Александромъ I во время его выѣздовъ и путешествій, везъ гробъ изъ самаго Таганрога вплоть до Казанскаго Собора. Когда въ Москвѣ нашли, что его кафтанъ и борода не подходятъ къ траурной церемоніи, онъ предложилъ

охотно сбрить свою бороду, что считается въ Россіи самой большой жертвой, которую мужчина, принадлежащій къ этому классу можетъ принести; ему однако разрѣшили оставить бороду, и онъ исполнилъ, послѣ смерти императора, тѣ же обязанности, которыя при жизни его такъ ревностно оберегалъ.

Тотчасъ послѣ похоронъ, большинство экстраординарныхъ посольствъ покидаютъ Петербургъ.

7.

Пальмерна къ Ветерштету [1]).

Аудіенція, дарованная императоромъ графу Браге, назначена на сегодняшній день, послѣ чего графъ будетъ представляться императрицѣ. Лордъ Страдфордъ получитъ также сегодня аудіенцію. Впрочемъ, ихъ императорскіе величества продолжаютъ пока вести замкнутый образъ жизни; государь не показывался еще на парадахъ; единственный иностранецъ, имѣвшій пока доступъ къ императору, это виртембергскій генералъ Варнбюлеръ, которому назначена была прощальная аудіенція по особымъ причинамъ, а именно, генералъ боялся не застать въ живыхъ своего сына, опасно заболѣвшаго въ Штутгартѣ. Не удивительно, что послѣ горестныхъ событій послѣднихъ дней, сопряженныхъ съ физическимъ напряженіемъ, ихъ императорскіе величества продолжаютъ вести замкнутую жизнь. 13-го (25-го) марта—въ день похоронъ царская семья была сильно разстроена; прилагаю къ моему письму статью изъ «Journal de St.-Petersbourg», которая избавляетъ меня отъ описанія церемоніи въ Петропавловской крѣпости, на которой я присутствовалъ вмѣстѣ съ графомъ Браге, и всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, отъ 10-ти часовъ утра до 4-хъ часовъ пополудни. Излишне было бы съ моей стороны прибавить что-нибудь къ этому описанію, или упомянуть о той минутѣ, когда саркофагъ былъ опущенъ въ могилу; это послѣднее прощай вызвало у всѣхъ присутствовавшихъ искреннія слезы. Въ то время, когда хоръ пѣвчихъ, согласно обряду греческой церкви, запѣлъ чудную молитву, служащую окончаніемъ похоронной церемоніи, всѣ стали тѣсниться около могилы, чтобы бросить въ нее горсть земли, какъ послѣдній знакъ благодарности благодѣтелю столькихъ народовъ. Послѣднія слова этой чудной молитвы упоминаютъ о надеждѣ, чтобы память объ умершихъ осталась вѣчной; эта надежда имѣла отголосокъ въ сердцѣ каждаго изъ присутствующихъ, и потомство покажетъ, что молитва

---

[1]) Число и мѣсяцъ не обозначены.

эта была услышана Богомъ. Среди моихъ воспоминаній прошлаго, я никогда не ощущалъ еще подобной минуты; однако я начинаю забывать, что сантиментальность и чувствительность не должны входить въ составъ оффиціальнаго рапорта. Катафалкъ и украшеніе собора представляли, въ смыслѣ вкуса и роскоши, совершенство, дѣлающее честь художнику. На слѣдующій день послѣ похоронъ въ протестантскихъ церквахъ была отслужена траурная обѣдня.

День коронованія пока еще оффиціально не назначенъ; надѣюсь узнать объ этомъ въ разговорѣ, который буду имѣть на-дняхъ съ Нессельроде; многіе утверждаютъ, что коронація состоится 1-го іюля стараго стиля; я слышалъ, что 60.000 человѣкъ войска будутъ сосредоточены въ тѣ дни въ Москвѣ.

8.

31-го марта (12-го апрѣля) 1826 г.

Снова берусь за перо, чтобы посвятить ваше превосходительство въ нѣкоторыя политическія новости, касающіяся Турціи. Чувствую себя не совсѣмъ въ своей тарелкѣ отъ того, что недостаточно посвященъ въ суть этого дѣла. Чтобы получить болѣе точныя свѣдѣнія, я обратился за объясненіями къ графу Нессельроде, стараясь все время держаться въ границахъ приличія. Его сіятельство, не давъ мнѣ окончить мои прелюдіи, перебилъ меня, сказавъ, что императоръ, желая выказать королю новый знакъ довѣрія и дружбы, рѣшилъ посвятить графа Сухтелена въ тайны, касающіяся Турціи. Далѣе, графъ обѣщалъ извѣстить меня, какъ только будутъ готовы депеши, и надѣялся черезъ нѣсколько дней послать нарочнаго въ Швецію и при этомъ прибавилъ:

— Относительно Порты, мы приняли мѣры, гораздо сильнѣе предъидущихъ, для того, чтобы выйти изъ неопредѣленнаго положенія, въ которомъ находимся въ данный моментъ!

Между прочимъ, его сіятельство надѣется уладить все къ лучшему, тѣмъ болѣе, что остальныя державы согласны между собой, а герцогъ Веллингтонъ обѣщалъ, съ своей стороны, содѣйствовать, насколько будетъ возможно. Въ ожиданіи того, что извѣщеніе графа Нессельроде послужитъ комментаріемъ къ этой депешѣ, я постараюсь сдѣлать небольшое résumé положенія дѣлъ въ данную минуту, настолько, насколько я вообще посвященъ въ дѣла.

Въ послѣдніе дни жизни императора Александра I русскій дворъ, какъ извѣстно вашему превосходительству, старался дать новый оборотъ переговорамъ, въ которыхъ явно высказывалось намѣреніе продолжать обвиненія противъ Порты, самостоятельно, безъ помощи Англіи.

Не отстраняя совсѣмъ вмѣшательства своихъ союзниковъ, императоръ Николай продолжалъ придерживаться той же системы. Императоръ объявилъ, между прочимъ, что, не смотря на искреннее желаніе сохранить миръ въ Греціи, вопросъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ жалобами на Порту; далѣе, императоръ объявилъ, что онъ готовъ оставить вопросъ о Греціи совсѣмъ и заняться лишь отношеніями Россіи къ Портѣ, слѣдуя интересамъ своего государства; этимъ онъ надѣялся избавиться отъ неурядицы, въ которую преднамѣренно ставили Александра I тѣмъ именно, что смѣшивали эти два вопроса и заставляли ихъ зависѣть другъ отъ друга. Теперь спрашивается, въ чемъ именно состоятъ эти обвиненія противъ Порты, о которыхъ говоритъ Россія, и которыя раньше считались ею же за нестоющія вниманія? Отвѣтъ получается слѣдующій: положеніе въ княжествахъ не соотвѣтствуетъ status quo 1820 года. Впрочемъ, эти, по своему существу, ничтожныя обвиненія получаютъ значеніе лишь потому, что они оскорбляютъ достоинство Россіи и уменьшаютъ ея вліяніе. Одинъ изъ моихъ коллегъ увѣрялъ меня, что недѣли три тому назадъ въ Константинополь посланъ шестинедѣльный ультиматумъ, по истеченіи котораго, господинъ Минчаки получитъ ордеръ выѣхать, если до тѣхъ поръ не получится отвѣтъ. Мнѣ говорили также, что срокъ ультиматума наступитъ 13-го (25-го) мая. Слухъ этотъ очень правдоподобенъ и подтверждается многими представителями первоклассныхъ державъ. Слѣдуетъ-ли изъ этого выводить заключеніе, что императоръ Николай рѣшился объявить войну? Не осмѣливаюсь давать рѣшительный отвѣтъ на столь важный вопросъ, однако, долженъ признаться, что въ этомъ вопросѣ можно сказать много за и противъ, и что общественное мнѣніе подтверждаетъ слухи о войнѣ.

Мнѣ сказали, что требованія Россіи сильно увеличились, и я знаю, что лордъ Страдфордъ находитъ, что эти требованія превзошли границы трактата; между тѣмъ фактъ тотъ, что даже лордъ Веллингтонъ признаетъ эти требованія, и что представители первоклассныхъ державъ писали отсюда къ Портѣ, одобряя претензіи Россіи. Россіи должно быть ужасно тяжело сознавать окончательную потерю своего вліянія въ Константинополѣ. Такое положеніе дѣлъ не можетъ долго продолжаться, и возможно ли, чтобы вліяніе Россіи возстановилось вновь, безъ той энергіи, которую императоръ Александръ I, жертвуя собой для общаго блага, не хотѣлъ употребить послѣ 1821 года? Можно-ли возстановить это вліяніе, не прибѣгая къ насилію? Развѣ мыслимо, послѣ того, какъ ультиматумъ посланъ уже во второй разъ, избѣжать оружія?..

9.

20-го іюля (1-го августа) 1826 г. Москва.

Отправивъ почту, я поспѣшилъ приготовиться къ моему отъѣзду. Мнѣ удалось собраться въ путь 13-го (25-го) числа въ часъ ночи и прибыть въ Москву 17-го (29-го) числа въ 8 часовъ утра вмѣстѣ съ Терсмеденомъ и Нурдинымъ. Не смотря на громадное число публики, ежедневно прибывающей въ Москву, дорога между Петербургомъ и Москвой окружена всякими удобствами, благодаря энергичнымъ распоряженіямъ почтъ-директора Булгакова.

Ихъ императорскія величества ожидаются сегодня или завтра въ Петровскій дворецъ. Пока еще не извѣстно, произойдетъ ли въѣздъ 22-го, 23-го или 25-го іюля стараго стиля; что касается коронаціи, то могу положительно сказать, что она отложена на 16-е (28-е) августа, хотя въ церемоніалѣ, оффиціально объявленномъ дипломатическому корпусу, не обозначено еще число и оставлено пустое мѣсто.

Графъ Нессельроде ожидается въ Москву одновременно съ императоромъ.

10.

27-го іюля (8-го августа) 1826 г. Москва.

Третьяго дня происходилъ торжественный въѣздъ императора въ Москву. Церемоніалъ въѣзда будетъ несомнѣнно описанъ въ «Journal de St.-Petersbourg», по которому ваше превосходительство можете судить о всемъ происшедшемъ въ эти дни; съ своей стороны могу лишь добавить, что картина была великолѣпная, чему способствовала чудная погода. Въ распоряженіе дипломатическаго корпуса отдана была цѣлая гостиница, помѣщающаяся на Тверской улицѣ, откуда прекрасно было видно грандіозное и торжественное зрѣлище. Императоръ Николай былъ верхомъ на чудной лошади и окруженъ блестящей свитой. Императрица Александра сидѣла въ экипажѣ и рядомъ съ ней великій князь, будущій наслѣдникъ престола; при видѣ его, народъ удвоилъ радостные крики «ура!». 56.000 человѣкъ войска находилось въ этотъ день при въѣздѣ императора. День окончился блестящей иллюминаціей.

11.

Пальмшерна къ Шульценгейму.

Москва, 14-го (26-го) августа 1826 г.

13-го числа я совершилъ, въ обществѣ генерала Шернкрона, девяти-дневную поѣздку, которая меня очень заинтересовала. Не смотря

на то, что всѣ поголовно жалуются на Нижегородскую ярмарку въ нынѣшнемъ году, я нахожу, что она превосходитъ всѣ остальныя европейскія ярмарки, даже Лейпцигскую. Не смотря на то, что ярмарка въ Нижнемъ-Новгородѣ продолжается четыре недѣли, въ городѣ въ это время число пріѣзжихъ достигаетъ отъ 60 до 70 тысячъ, кромѣ населенія. Бухарцы, персы, армяне находятся тамъ въ большомъ числѣ. Нижній-Новгородъ представляетъ собой соединительный пунктъ между Европой и Азіей. Чай изъ Кяхты, мѣха и шали изъ Кашемира, и разные другіе товары мѣняются тамъ на русскій товаръ и продукты, что приноситъ, въ смыслѣ промышленности, громадную прибыль государству. Одновременно съ этимъ, Нижегородская ярмарка является мѣстомъ сбыта желѣза изъ губерній Оренбургской, Пермской и Вятской. Плодотворныя и густонаселенныя провинціи, окружающія живописную рѣку Волгу, находятъ также на этой ярмаркѣ сбытъ своимъ продуктамъ и возможность снабдить себя необходимыми предметами. Прежде ярмарка происходила въ Макарьевѣ, гдѣ мѣстность представляла массу неудобствъ, потому покойный императоръ Александръ I, сознавшій громадную пользу ярмарки, нашелъ нужнымъ и полезнымъ перенести ее въ Нижній-Новгородъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Волга соединяется съ Окой, поручивъ покойному генералу Бетанкуру наблюденіе за работами, для которыхъ послѣдній составилъ планъ. Громадный, великолѣпно построенный базаръ вмѣщаетъ болѣе чѣмъ 3.000 лавокъ и столько же помѣщеній для торговцевъ. Кромѣ того, рядомъ съ базаромъ находятся около тысячи лавокъ, построенныхъ лишь для времени ярмарки, и, не смотря на такое колоссальное помѣщеніе, товаръ, привезенный въ то время въ Нижній-Новгородъ, не помѣщается въ лавкахъ и остается на баркахъ, приходящихъ туда. Въ общемъ Нижегородская ярмарка представляетъ изъ себя нѣчто совершенно своеобразное.

12.

Москва, 17-го (29-го) августа 1826 г.

Я только-что намѣревался отправить мой рапортъ, какъ изъ Варшавы прибылъ сюда великій князь Константинъ. Нѣкоторые предполагаютъ здѣсь, что императоръ написалъ его высочеству и предоставилъ ему лично рѣшить, дозволятъ-ли дѣла въ Польшѣ ему присутствовать при коронаціонныхъ торжествахъ. Многіе предполагаютъ, что императоръ не былъ увѣренъ, пріѣдетъ-ли великій князь въ Москву; большинство думало, что слѣдствіе, происходившее въ Варшавѣ[1]), за-

[1]) По дѣлу декабристовъ. Ред.

держитъ его императорское высочество, потому всѣхъ удивилъ его пріѣздъ сюда. Первая встрѣча царственныхъ братьевъ была, по слухамъ, во всѣхъ отношеніяхъ трогательная.

Великій князь прибылъ сюда безъ предварительнаго извѣщенія черезъ курьера, и когда о его пріѣздѣ было доложено императору, его величество находился въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Государь, думая, что ему докладываютъ о великомъ князѣ Михаилѣ, приказалъ, чтобы его попросили подождать, но, узнавъ, наконецъ, что пріѣхалъ великій князь Константинъ, онъ бросилъ все и поспѣшилъ ему навстрѣчу.

13.

Москва, 21-го августа (2-го сентября) 1826 г.

Третьяго дня, вчера и сегодня герольды объявляютъ повсюду о предстоящихъ коронаціонныхъ торжествахъ; если я не ошибаюсь, то этотъ обычай существуетъ повсюду. Главная церемонія будетъ происходить завтра въ 9 часовъ утра. Всѣ, которымъ приказано присутствовать при торжествѣ, должны собраться въ Кремлѣ къ 7-ми часамъ утра. Вездѣ замѣтны приготовленія къ роскошной иллюминаціи; цѣлая серія празднествъ послѣдуетъ одна за другой; уже насчитано десять, или одиннадцать такихъ празднествъ: балъ gala въ Кремлѣ, балъ маскарадъ въ Большомъ театрѣ, народное гулянье съ даровымъ угощеніемъ, балы, данные дворянствомъ, городомъ, экстраординарными посланниками, французскимъ и англійскимъ, и т. д. Послѣднее празднество произойдетъ не ранѣе 12-го или 14-го сентября, стараго стиля, послѣ чего императоръ возвращается въ Петербургъ. Принужденный остаться въ Москвѣ до отъѣзда его императорскаго величества, не смѣю надѣяться быть въ Петербургѣ раньше начала октября.

Сообщ. **С. Вародель.**

Крестъ для ношенія духовенствомъ въ память 1812 года.

Указъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода—князю Голицыну.

30-го августа 1814 г.

Манифестомъ, сего числа изданнымъ, установили мы для духовенства крестъ въ ознаменованіе знаменитой эпохи 1812 года. Предоставляя вамъ поднести на утвержденіе наше рисунокъ отличію сему, повелѣваемъ изъявить Святѣйшему Правительствующему Синоду волю нашу, дабы упомянутымъ отличіемъ пользовалось то единственно духовенство, которое до наступленія 1813 года священнодѣйствовало.

Разрѣшеніе особамъ женскаго пола носить медали 1812 года.

Записка графа Аракчеева Комитету министровъ.

18-го января 1816 г., № 62.

Государь императоръ въ разрѣшеніе вопроса, изложеннаго въ журналѣ Комитета гг. министровъ 6-го февраля 1815 года, повелѣваетъ: старѣйшимъ въ дворянскомъ родѣ женскаго пола, имѣющимъ и не имѣющимъ дѣтей, позволить, кто пожелаетъ, носить обыкновеннымъ образомъ бронзовыя медали, въ память 1812 г. установленныя, не запрещая употребленія ихъ и въ уменьшенномъ противъ настоящихъ видѣ.

Письма декабриста И. Горбачевскаго — князю Е. П. Оболенскому.

4 [1]).

Петровскій заводъ. 1862 г., марта 22-го дня.

Мой дорогой, мой неоцѣненный, мой, мой и мой Евгеній Петровичъ, пощади. Я получилъ твой портретъ, и возможно ли быть такимъ старикомъ, что это? на что это похоже: сѣдой, въ морщинахъ, что же дальше будетъ? но, впрочемъ, дѣло не въ томъ теперь. Получивши твое письмо и увидѣвши тебя, я не зналъ, что съ собой дѣлать: грудь стѣснилась, рядъ воспоминаній блеснулъ въ головѣ, сердце замерло; все, говорю тебѣ истинно истину. Потомъ, какъ будто отдохнувъ, я началъ смѣяться; началъ въ голосъ тебя благодарить, ходить по комнатѣ и забывши, и не видѣвши мальчика—внука о. Поликарпа, который мнѣ принесъ твое письмо. Такое впечатлѣніе, и такія впечатлѣнія производятъ на меня и ваши письма иногда, и ваши портреты. Благодарю тебя отъ души и сердца за твое вниманіе и твою память обо мнѣ. Не забывай моего одиночества, тогда повѣришь моимъ словамъ и чувствамъ. Я твой портретъ лучше разсмотрѣлъ, можетъ быть, нежели ты самъ. Я взялъ увеличивающее стекло съ двухъ сторонъ выпуклое (лупу) и смотрѣлъ на тебя. Ты мнѣ представился живымъ, я всѣ у тебя пересчиталъ морщины и складки на платьѣ,—необыкновенно похожъ.

Мнѣ прислали послѣ смерти И. И. Пущина его портретъ, тоже фотографія, только величиною въ четверть листа, онъ мнѣ казался очень похожимъ, но недавно доставили мнѣ лупу; когда посмотрѣлъ на Пущина, все лицо выдалось рельефно, подвинулось какъ будто впередъ, я

[1]) См. «Русскую Старину» 1903 г., октябрь.

не могъ долго смотрѣть, это совершенно онъ, живой и прямо смотритъ въ глаза.

Прости меня великодушно, что давно къ тебѣ не писалъ, проклятая малороссійская лѣнь, нездоровье и разныя дрязги и хлопоты были тому причиною, что за перо не хотѣлось взяться; впрочемъ, я писалъ къ тебѣ и къ Натальѣ Петровнѣ, скажи мнѣ получили-ли вы эти письма. Однимъ словомъ, на каждое письмо отвѣчаю, хотя не тотчасъ по полученіи. Не говори мнѣ о вашей гласности, я не такъ понимаю ее, какъ это дѣлается; вѣроятно, я не все читаю, что пишутъ, и это очень натурально потому, что здѣсь бѣдность и на книги, и на гласность. Я даже еще хорошо не понялъ и свободу крестьянъ, что это такое: шутка или серьезная вещь. Постепенность, переходное состояніе, благоразумная медленность, все это для меня такая философія, которую я никогда не понималъ. И я тебѣ говорю истину буквальную. Мать моя была изъ фамиліи Конискихъ и была когда-то помѣщицей, была истая малороссіянка, т. е. ничего не понимала и не знала, кромѣ монаховъ и Кіевскую лавру, куда отдавала послѣднюю копѣйку; зато была очень набожна и хозяйка, т. е. много было сала и моченыхъ яблокъ. Она, не знаю уже какимъ образомъ, сдѣлала такъ, что имѣніе, то же не знаю большое или малое, передала мнѣ и моему брату тому слишкомъ 40 лѣтъ. когда я вышелъ въ офицеры въ артиллерію, а братъ мой вышелъ въ полевые или военные инженеры.—Я пріѣхалъ домой, проѣздомъ въ бригаду, которая стояла на квартирахъ въ Малороссіи, и засталъ дома одного отца; мать умерла, сестры вышли замужъ, онъ бѣдный одинъ былъ; это было далеко отъ Малороссіи, я у него недолго гостилъ, потому что нашъ корпусъ пошелъ въ походъ въ Италію (Неаполь) и мнѣ не дали отпуска. Уѣзжая въ бригаду и уже совсѣмъ собравшись, отецъ мой вынулъ какую-то связку бумагъ и сказалъ мнѣ: ты теперь получилъ званіе, вотъ тебѣ документы на владѣніе имѣніемъ послѣ твоей матери,—дѣлай что хочешь. Я не обратилъ на это вниманіе и бросилъ въ чемоданъ эту связку бумагъ, которую никогда въ жизни не развязывалъ и до сихъ поръ не знаю, что тамъ было написано. Но отецъ меня при этомъ просилъ, что если когда-либо я буду въ деревнѣ, то чтобы я непремѣнно побывалъ бы на той яблонѣ, на которую онъ, бывши мальчикомъ, туда лазилъ, она стояла на берегу ручья, особенно. Я уѣхалъ. Пріѣхавши въ губернскій городъ, я нашелъ тамъ какого-то нашего дальняго родственника; дуракъ набитый и чиновникъ, предлагаетъ мнѣ, какъ помѣщику, съѣздить въ деревню. Я сначала отказался, и какіе резоны онъ мнѣ ни представлялъ, ничего не помогало,—мой отвѣтъ ему былъ одинъ, что всякая деревня помѣщичья для меня отвратительна. Но вспомнивши, что мнѣ надобно побывать на яблонѣ—исполнить волю и завѣщаніе отца, я согласился, тѣмъ болѣе, что это было по дорогѣ въ бригаду, которая

стояла въ Полтавской губерніи. Только-что пріѣхали, я, не входя въ домъ, побѣжалъ къ яблонѣ, сбросилъ съ себя сюртукъ, полѣзъ на яблоню, чуть себѣ шею не своротилъ, посмотрѣлъ кругомъ, опять долой и прихожу къ дому, а чиновникъ уже собралъ тамъ народъ, посмотрѣть на новаго барина.—Увидѣвши толпу хохловъ, не знаю кому я приказалъ лошадей запрягать дальше ѣхать; чиновникъ вытаращилъ глаза.

— Куда такъ скоро?

— А мнѣ что тутъ дѣлать?—сказалъ ему.

— Вотъ ваши крестьяне.

Я, чтобы кончить развязку, подошелъ къ толпѣ и сказалъ имъ рѣчь, конечно, она не Цицерона и Демосѳена, но по-своему, потому что меня вся эта глупость взбѣсила.

— Я васъ не зналъ и знать не хочу, вы меня не знали и не знайте, убирайтесь къ чорту.

Сѣлъ въ телѣжку и уѣхалъ ту же минуту, даже не поклонившись родственнику-чиновнику, который за это послѣ жаловался на меня отцу, а тотъ хохоталъ до упаду. Долгое время спустя вспомнилъ объ имѣніи, вынулъ изъ чемодана бумаги и при письмѣ послалъ ихъ въ Грузію къ своему брату, предлагая ему эти бумаги взять и владѣть имѣніемъ, говоря въ письмѣ, что я не хочу быть помѣщикомъ, что я не хозяинъ, что я не знаю въ этомъ толку, и что я также отказываюсь отъ всего этого, какъ и отецъ, который не любилъ ничего подобнаго. Братъ присылаетъ мнѣ обратно бумаги изъ Грузіи и пишетъ, что онъ такихъ мерзостей не чтецъ и что ты, братъ Иванъ (извини)—глупецъ.

Вотъ тебѣ, Евгеній Петровичъ, наша, съ крестьянами уставная грамота.—Отецъ мой, больной, едва доѣхалъ до этой деревни и положилъ тамъ свои кости. Не помню хорошо, но кажется въ 1835 году, будучи въ отставкѣ, написалъ свои записки, преоригинальная и любопытная вещь. И знаешь ли, какая съ ними исторія? Сестра мнѣ ихъ прислала сюда, въ Петровскій заводъ, у меня ихъ отобрали и отослали въ канцелярію III-го отдѣленія; у меня онѣ были не болѣе трехъ дней, едва я успѣлъ прочитать.

Покойница сестра моя ѣздила на его могилу и писала ко мнѣ, что крестьяне поставили въ своей церкви образа Іоанна Богослова и Николая Чудотворца (имя мое и брата моего) и молятся имъ. Сестра моя объ этомъ писала съ восхищеніемъ и умиленіемъ, а я ей отвѣчалъ, что всегда я малороссіянъ считалъ глупцами и всегда буду ихъ таковыми почитать, и объ нихъ такъ думать,—тѣмъ вся эта исторія и кончилась, и до сей минуты не знаю и никогда не спрашиваю о своей родинѣ.

Все это я тебѣ сказалъ въ краткихъ словахъ, въ подтвержденіе тѣхъ словъ и мысли, что я прежде о вашихъ крестьянскихъ дѣлахъ

написалъ, т. е., что такъ дѣлать, съ ними, какъ теперь поступаютъ, значитъ, что я толку себѣ не могу дать;—не понимаю, изъ чего хлопочутъ, когда въ этомъ есть необходимость; почему себя помѣщики къ этому не пріуготовили, почему въ нихъ нѣтъ идеи и чувства любви къ ближнему, почему, почему и многое бы я могъ сказать почему,—но это оставляю,—пусть, дѣлаютъ, что хотятъ, и имъ же хуже будетъ, если что и случится.

Что пишу другой листъ, а тебѣ скучно читать, не жалуйся,—этому ты самъ причиною. Жалуясь, что я мало пишу къ тебѣ, такъ терпи и я буду продолжать, и продолжаю. Помѣщикамъ сказать стоило бы только,—дѣлайте что хотите, слушайте кого хотите, берите свое, и что вамъ нужно и необходимо, идите, куда хотите,—ну самое меньшее хоть къ чорту, только оставьте насъ въ покоѣ.—Неужто это безпорядокъ и ковардакъ будетъ, если бы такъ сказали, прибавя управляйтесь сами какъ знаете.—Неужто не нашлись бы добрые люди, въ такомъ случаѣ, имъ помочь совѣтомъ и дѣломъ, да и правительству легче было бы достичь цѣли освобожденія, безъ всякихъ положеній, уставовъ и ужасающей огромной переписки. Ты мнѣ скажешь, что я философъ, не политикъ и не администраторъ, если съ людьми такъ думаешь поступать; съ ними надобно такъ поступать, чтобы они ничего не понимали и не знали, что съ ними хотятъ дѣлать; они не умѣютъ себя сдѣлать счастливыми, а мы ихъ такими сдѣлаемъ; они не умѣютъ управлять, мы знаемъ все и можемъ управлять; мы все сдѣлаемъ, мы все знаемъ, пусть только землю пашутъ, а писать уставы мы будемъ.—Коль скоро все это правда,—коль скоро такъ все надобно и необходимо,—тогда поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.—Мѣста мало осталось писать, почта скоро отходить будетъ, а я все болтаю.—Скажу лучше тебѣ что-нибудь о себѣ: здоровье мое хорошо бы было, если бы не проклятый мой недугъ, о которомъ ты слыхивалъ когда-то; спина здорова и мало хожу и двигаюсь, не такъ, какъ ты, поспѣваешь во всѣ концы своей Калуги.—Если бы не нужно было хлопотать о своемъ поганомъ существованіи, я бы обложилъ себя книгами, перьями и тогда на свѣтъ глазъ не показалъ бы. Я бы, какъ звѣрь, погрузился бы въ летаргію и былъ бы счастливъ.

Бестужевъ Михаилъ писалъ ко мнѣ, (просилъ) пріѣхать къ нему проститься,—онъ ѣхать хочетъ въ Россію. Можетъ, послѣ, когда будетъ тепло, побываю у него. Завалишинъ здоровъ.—Прошу тебя напиши мнѣ что-нибудь о Алекс. Викт. Поджіо, почему онъ пересталъ ко мнѣ писать, что все это значитъ? Да, забылъ тебѣ сказать и отвѣтить на твои вопросы. Въ письмѣ твоемъ ты спрашиваешь, что мой парикъ, что мои бакенбарды,—бодръ ли я и крѣпокъ ли на ногахъ и проч.—Ты знаешь-ли, я себѣ далъ слово жить сто

лѣтъ,—слѣдовательно, чтобы такую программу исполнить, по-моему рано еще имѣть сѣдые волосы,—ихъ у меня нѣтъ; — здоровье также большое, какъ и мои бакенбарды,—если бы только не одна болѣзнь, которая отъ сидячей жизни бываетъ.—Бываю часто нездоровъ, но это проходящее, но главная у меня болѣзнь скука и тоска. Я бы ихъ отдалъ любому помѣщику, который не хочетъ разстаться съ крестьянами своими. Когда вспомню, сколько васъ тамъ осталось,—жалѣю, почему мои бывшіе товарищи не безсмертны, хотя бы на сто лѣтъ, пока я буду жить.—Твое порученіе исполнено,—старику Насонову тотчасъ же деньги были отданы.—Конечно, не буду тебѣ описывать, что было при этомъ сказано, сколько благодарности тебѣ и сколько вылилось изъ устъ старика на тебя благословеній.—Когда я ему показалъ твой портретъ, онъ очень радовался, дѣлалъ свои замѣчанія, и когда я ему далъ стекло еще на тебя посмотрѣть хорошенько, онъ замѣтилъ, что у тебя сапоги ваксой вычищены, что сюртукъ у тебя сѣраго цвѣта.

Поклонись отъ меня усерднѣйше, искренно, отъ всей души и теплыхъ чувствъ Петру Николаевичу,—желаю ему здоровья и всего лучшаго, я помню очень хорошо, какъ мы прежде жили вмѣстѣ въ трущобѣ, и тамъ хохотали, смѣялись, не смотря ни на какіе замки, дежурныхъ и часовыхъ.—Попроси его прислать мнѣ свою карточку съ портретомъ, увѣрь его, что это для меня будетъ утѣшеніе и знакъ его памяти обо мнѣ.

Но, однако жъ, Евгеній Петровичъ, пора же мнѣ съ тобой перестать говорить.—Я бы желалъ, и могу это даже сдѣлать, говорить съ тобой три дня, три года, пожалуй, безпрестанно и безъ конца, но боюсь тебѣ наскучить.—Прошу покорнѣйше тебя, засвидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе и отдай мой усерднѣйшій поклонъ Наталіи Петровнѣ, и пусть меня проститъ, что адресую къ тебѣ письмо на ея имя.—Боюсь посылать на твое имя, пожалуй, при твоей движимости, тебя не будетъ и въ Калугѣ.—Я бы и не прочь отъ того, что желалъ бы и радовался бы получить и отъ нея когда-нибудь письмо, но боюсь объ этомъ не только просить, но и думать; безпокоить другихъ не могу;—но прошу тебя еще разъ пожелать отъ меня здоровья и всякаго благополучія.

Писалъ бы еще къ тебѣ, и много мнѣ бы надобно еще тебѣ сказать,—но теперь я усталъ, и тебѣ надобно дать покой, и избавить тебя отъ своей болтовни дикой и безпорядочной.—Прощай, жму тебѣ крѣпко руку, мало мнѣ,—обнимаю мысленно и душевно тебя,—желаю тебѣ всего спокойнаго, лучшаго и утѣшительнаго. Пиши ко мнѣ, я одинъ—мнѣ грустно и скучно.—Прощай, твой навсегда Иванъ Горбачевскій.

Такъ спѣшу на почту, что не успѣваю прочитать, что я къ тебѣ написалъ, не вставая съ мѣста, извини за поспѣшность.

5.

Петровскій заводъ, Забайк. обл. 1862 г., іюля 12-го дня.

Любезнѣйшій Евгеній Петровичъ! Получилъ твое письмо отъ 22-го апрѣля въ концѣ прошлаго мѣсяца и благодарю отъ всей души тебя за твою обо мнѣ память; но не жалуйся, что такъ долго не отвѣчалъ; да и возможно ли имѣть часто переписку между собою, если такъ всегда твои письма будутъ ходить по всѣмъ угламъ Россіи. Прилагаю, и посмотри на свой конвертъ и адресъ ко мнѣ,—все вѣрно написано,—а между тѣмъ твое письмо изъ Калуги было послано въ Петрозаводскъ въ Олонецкую губ., потомъ въ какой-то Петропавловскъ, и потомъ уже въ Петровскій заводъ. Что скажешь, если у васъ тамъ въ Россіи такой же прогрессъ и успѣхъ во всѣхъ дѣлахъ, какъ и въ почтовомъ вѣдомствѣ. Я однажды получилъ письмо, на конвертѣ адресъ былъ сдѣланъ очень правильно, но почтовое вѣдомство зачеркнуло слово Забайк. обл., а написало въ Амурскую область, и письмо туда и оттуда было пересылаемо. Очень часто здѣсь получаются письма изъ Россіи, чрезъ Петропавловскій портъ въ Камчаткѣ, туда посланныя почтовымъ вѣдомствомъ вмѣсто Петровскаго завода. Не говори, что со временемъ все улучшится, эту поговорку я слышу, кажется, 60 лѣтъ,—скажи только, какое надобно имѣть терпѣніе, жить здѣсь, всего быть лишену, съ прибавкою, что отнимаютъ и послѣднее утѣшеніе и самое дорогое,—это письма, которыя должны получать по милости почтов. вѣдом. чрезъ цѣлые мѣсяца, и ожидать мѣсяцы. — Благодарю душевно за твое письмо и за всѣ для меня пріятныя извѣстія, радуюсь за Кирѣева, за Бѣляева и Павла Сергѣевича,—кланяйся всѣмъ отъ меня. Я писалъ къ тебѣ нѣсколько писемъ,—прошу, упоминай въ своихъ отвѣтахъ, отъ котораго числа получены тобою мои письма, можетъ быть, почтовое вѣдомство выдумаетъ другую Калугу и туда посылать будетъ письма. Я писалъ къ Поджіо, писалъ къ Наталіи Дмитріевнѣ, и все до сихъ поръ нѣтъ отвѣта,—не знаю, живы ли они; что значитъ, что не пишутъ? Отъ Наталіи Дмитріевны было ко мнѣ письмо еще зимою, съ тѣхъ поръ ни слова не получаю.—Писалъ къ нимъ, но пересталъ, теперь жду отъ нихъ писемъ, и ничего не получаю. Не удивляйся, что я не женатъ и не имѣю семьи;—не такая моя жизнь была, чтобы объ этомъ было время думать, не такія были мои обстоятельства, чтобы объ этомъ позаботиться, характеръ у меня такой, что мало думаю о себѣ; всегда я воображалъ и думалъ, что живу на мѣстѣ только временно; заботы о себѣ и пріобрѣтеніе на будущее чего-нибудь—всегда у меня на второмъ планѣ жизни моей; всегда у меня мысли и чувства были обращены на другое дѣло, давно прошедшее; всегда я жалѣлъ о проигранномъ, и этого никогда не

могъ забыть. Ни женщина, ни семья, никогда бы не могли меня заставить забыть, о чемъ я прежде помышлялъ, что намѣревался сдѣлать и за что пожертвовалъ собой. Конечно, теперь вижу и самъ, какъ ужасна жизнь стараго холостяка; скучно, грустно и будущаго нѣтъ, но одно еще меня поддерживаетъ,—это вѣра въ какое-то будущее, хорошее, въ идею, которую тогда только покину, когда перестану дышать. И истину тебѣ скажу, не смотря на частое нездоровье,—не смотря на всѣ разстройства по дѣламъ моимъ и на всѣ неудачи; не смотря на дороговизну неслыханную здѣсь, а съ нею и лишенія всевозможныя, которыя испытываю и терплю,—я все еще держусь, крѣплюсь,—чего-то надѣюсь; все еще люблю людей, дѣлюсь съ ними послѣднимъ, желаю имъ добра и всего лучшаго.—И все это происходитъ отъ идеи, очень хорошо тебѣ знакомой, которой я живу, и не допускаетъ меня покуда еще придти въ отчаяніе.—Но я почти одичалъ, напримѣръ, меня удивляетъ, какъ это такъ сдѣлалось, какъ у васъ у всѣхъ достало умѣнья устроить себя такъ, что живете спокойно, — умѣли завестись семьями, — разсуждаете хладнокровно, смотрите на дѣла людскія спокойно, чего-то отъ нихъ ожидаете хорошаго и проч. Какое спокойствіе можно имѣть при такомъ порядкѣ вещей, чего можно надѣяться отъ людей, что можно пріобрѣсти для себя, безъ хитрости и эгоизма, ожидая на каждомъ шагу обманъ и всякаго рода затрудненія? Услышавши отъ меня все это, я не думаю, чтобы ты подумалъ, что я боюсь труда, и что у меня голова не на своемъ мѣстѣ.—Нѣтъ, сердце у меня поганое и для меня вредное,—оно всегда у меня беретъ верхъ надъ разсудкомъ,—вотъ и вся причина. Но полно объ этомъ.—Съ любопытствомъ читалъ въ твоемъ письмѣ о крестьянахъ,—одному удивляюсь, чтобы сдѣлать людямъ добро, надобно для этого время и формалистика какая-то.—Конечно, говорятъ, это нужно для порядка и устройства, пускай такъ;—но за что же имъ-то навязывать, что имъ не нравится? Я вижу, что ты надѣешься на будущее гражданское устройство по обѣщаніямъ,—завидую тебѣ въ этомъ, если оно тебѣ доставляетъ утѣшеніе.—Я пересталъ вѣрить и обѣщаніямъ людскимъ, и въ хорошую будущность;—опекунство и благодѣянія тяжелая вещь.

Поликарпъ Павловичъ тебѣ усерднѣйше кланяется, былъ вчера у меня, и мы, глядя на твой портретъ, много говорили о васъ всѣхъ близкихъ къ нашему сердцу. Получаю иногда письма отъ Дмитрія Завалишина, бѣдный не на розахъ отдыхаетъ; отъ Мих. Бестужева давно не получалъ писемъ, но знаю, что здоровъ и спокоенъ; — занятъ своей семьей, все и всѣхъ забылъ; пишетъ, что ѣздилъ въ Кяхту, увидѣлъ тамъ новые мостовыя и тротуары, и въ восхищеніи отъ такого прогресса.—У насъ все еще продолжаются землетрясенія, а особливо около Байкала, но на это никто уже вниманія не обращаетъ; прошу покорнѣйше тебя засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе

*

твоей семьѣ и мой сердечный привѣтъ твоимъ дѣтямъ; Наталіи Петровнѣ тоже мой усерднѣйшій поклонъ и мое почтеніе,—желаю всѣмъ здоровья и всего лучшаго, жму тебѣ руку,—всякій день гляжу на тебя, и съ тобой мысленно бесѣдую.—Прошу тебя, умоляю, пиши ко мнѣ, кланяйся отъ меня усерднѣйше Петру Николаевичу, пусть пришлетъ мнѣ свой портретъ.—Прощай, мой Евгеній Петровичъ, обнимаю тебя, твой на всегда Иванъ Горбачевскій.

Увѣдомь меня, что Поджіо дѣлаетъ, гдѣ Наталія Дмитріевна, почему не пишутъ, скажи мнѣ.

6.

1862 г. августа 27-го дня. Петровскій заводъ.

Если бы ты могъ видѣть мою радость, мой Евгеній Петровичъ, когда я получилъ твое письмо; если бы ты могъ въ то время взглянуть на меня, и я могъ бы пересказать все то, что въ это время чувствую,—тогда бы я только былъ доволенъ тѣмъ, чтобы могъ передать на письмѣ, если бы это возможно было. Не знаю же, — какъ и благодарить за твое письмо отъ 2-го іюня, полученное мною 21-го іюня, за письмо милое, любезное—утѣшительное для меня. Не пеняй за долгое молчаніе мое,—много къ тому было причинъ, особенно мое нездоровье,—двѣ недѣли не выходилъ изъ комнаты и ничего не могъ дѣлать.

Я еще былъ обрадованъ и нечаянно—получивши письмо отъ Ив. Вас. Кирѣева изъ Тулы.—Вотъ, кажется, уже около 30 лѣтъ, какъ мы не говорили другъ съ другомъ, и теперь я узналъ, что онъ живъ, здоровъ и устроился.—На этой почтѣ буду ему отвѣчать. Получилъ тоже два письма отъ Алекс. Виктор. Поджіо, изъ Черниговской губерніи, онъ уже тамъ, вѣроятно, тебѣ извѣстно; но что наиболѣе порадовало меня, что его здоровье поправилось, и онъ живетъ покуда вмѣстѣ съ Серг. Григорь. (княземъ Волконскимъ). Но что меня сильно печалитъ, это то, что я не получаю писемъ отъ Наталіи Дмитріевны, не смотря, что писалъ въ этомъ году къ ней три письма; не знаю, что думать объ этомъ. Послѣднее ея письмо ко мнѣ было отъ ноября мѣсяца прошлаго года, которое я получилъ 12-го января, и съ тѣхъ поръ ни слова не получаю.—Если можно объясни мнѣ, что за причина, что она ко мнѣ перестала писать. Твое послѣднее письмо было въ Читѣ и оттуда ко мнѣ прислано; и мнѣ объяснили почтовую причину, — которая очень глупа, но все же для нихъ отговорка. На твоихъ конвертахъ не написано Верхне-Удинскаго округа,—а прямо Забайкальская область, въ Петровскій заводъ, вотъ письмо и путешествовало въ Читу лишнихъ 500 верстъ и обратно.—

Надобно надписывать: Забайкальская область, Верхне-Удинскаго округа, въ Петровскій заводъ.

Съ большимъ любопытствомъ я читалъ въ твоемъ письмѣ разныя курьезныя дѣла, происходящія въ вашихъ странахъ,—признаюсь тебѣ—и радовался, и смѣялся; и что за дѣтская игра; почему бы, кажется, не кончить однимъ разомъ, — чего бояться? что за страшилище такое — порядокъ, и видѣть въ другомъ не животное, а человѣка? — Конечно, скажу на это,—привычка, понятія старыя и проч.—Да гдѣ же разумъ и чувство теплое къ ближнему. Ты говоришь, что со временемъ все устроится.—Слово «со временемъ» я худо понимаю.—Много, мнѣ кажется, происходитъ зла отъ этого слова, зачѣмъ то дѣлать завтра, что можно сдѣлать сегодня. —Пиши, прошу тебя, объ этихъ дѣлахъ, они меня очень занимаютъ; мы тутъ ничего не видимъ и ничего не знаемъ, кромѣ пустыхъ газетъ, благодаря хваленой гласности. Ты пишешь ко мнѣ о Гаврилѣ Степановичѣ (Батеньковѣ), но я не знаю, кто это Гавр. Степ., напиши мнѣ, что это за особа. Грѣшно можетъ въ этомъ случаѣ завидовать, а завидую ему, что онъ можетъ, когда ему вздумается, ѣхать и въ С.-Петербургъ, и въ Варшаву, и въ деревню.—Я бы хотѣлъ съѣздить и къ Бестужеву, и къ Завалишину, — хотя бы у нихъ отдохнуть и поговорить, — это не очень далеко, да «не наша ѣда лимоны»!!! какъ говорятъ русскіе.

Очень радъ, что ты вздумалъ перестать пить спиртные напитки; эту всякую мерзость я до сихъ поръ не беру въ ротъ,—не смотря на то, что даже иногда доктора совѣтуютъ мнѣ выпить чего-нибудь рюмку,—но я не слушаю.—Я бы тебѣ совѣтовалъ и квасъ бросить употреблять. Эту русскую привычку оставь, я на него глядѣть не могу, и радовался всегда вашему ворчанію въ казематѣ, когда я вамъ дѣлалъ скверный квасъ, чтобы васъ отучить отъ такой гадости; но вижу изъ твоего письма, что вы всѣ не исправились, какъ и русскіе помѣщики, отъ дурныхъ привычекъ.—Я ѣмъ въ цѣлый день одного цыпленка, да пью чай, который у насъ теперь хорошъ и дешевъ; ужинъ мой всегда состоитъ изъ базарной грошевой булки и куска сахару, иногда, если деньги лишнія есть, то куплю банку варенья и двѣ три ложки варенья съ булкой—вотъ и весь ужинъ. Но дѣло не въ томъ, любезнѣйшій мой Евгеній Петровичъ: часто мое воображеніе играетъ, ну, что бы если бы случилось такъ, мы бы съ тобой въ Калугѣ пошли бы къ Петру Николаевичу ужинать?—Онъ бы намъ далъ макароны съ сыромъ и бульономъ, какъ мы часто съ нимъ у него въ казематѣ ужинали.—О! тогда бы я не только бы выпилъ съ нимъ спиртнаго и вмѣстѣ, конечно, съ тобою, не смотря на то, что оно теперь тебѣ вредно,— но я готовъ, тогда бы выпить яду, что ты называешь квасомъ. А сколько бы воспоминаній, разговору, разсказовъ о быломъ — прошедшемъ, которыми я только и живу, не зная настоящаго и не имѣя никакого будущаго, и даже рѣшительно—

не вѣрю ему въ хорошемъ. Прошу тебя убѣдительно, пиши ко мнѣ; я буду къ тебѣ писать, не ожидая твоихъ писемъ. Писалъ бы теперь къ тебѣ больше, но не совсѣмъ здоровъ; да я и разстроенъ немножко: засуха у насъ ужасная, неслыханная, сѣна почти нѣтъ и не будетъ, а это по-заводскому первый продуктъ для заработка; теперь уже маленькую копну сѣна продаютъ по 1 руб. сер., что же будетъ дальше? Прошу также засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе, и мой усерднѣйшій поклонъ передать твоей супругѣ (и мой душевный и сердечный привѣтъ твоимъ дѣтямъ), также равно и добрѣйшей Наталіи Петровнѣ; тебя же заочно обнимаю,—жму тебѣ руку и на всегда остаюсь твой. Ив. Горбачевскій.

7.

1862 г. ноября 15-го дня. Петровскій заводъ.

Два письма твоихъ у меня, любезнѣйшій мой Евгеній Петровичъ! и какъ утѣшительно благодарить тебя за память обо мнѣ, за твою готовность писать ко мнѣ и за всѣ извѣстія и подробности, самыя интересныя для меня. Вспомни мою жизнь, я одинъ въ моей казармѣ, ибо въ ней, кромѣ меня и работниковъ, никого нѣтъ.—Нѣтъ знакомыхъ здѣсь по мысли, ни друзей по сердцу, тогда будешь хорошо знать, что значитъ для меня получать письма. Благодарю тебя за все, еще болѣе за присылку портрета Петра Николаевича, отъ котораго я до сихъ поръ не могу глазъ своихъ отвести, такъ онъ хорошъ, такъ онъ мнѣ знакомъ; пожми руку ему за меня, поклонись и скажи, что память его для меня и дорога, и пріятна. Смотря на васъ обоихъ, я забылся на нѣсколько часовъ, легко мнѣ стало и сколько возродилось воспоминаній! Поздравляю тебя съ прибылью въ твоемъ семействѣ, желаю искренно и отъ души утѣшенія тебѣ въ будущемъ отъ дѣтей твоихъ, а про себя думаю, можетъ быть, будетъ и для меня время, когда я увижусь и познакомлюсь и съ твоимъ Михаиломъ. Первое твое письмо было отъ 8-го сентября, второе отъ 23-го того же мѣсяца; читалъ и читаю ихъ со вниманіемъ.—Желалъ бы имѣть твою вѣру въ прекрасную будущность Россіи; желалъ бы твоими глазами и твоими чувствами глядѣть на людей и вѣрить имъ.

Не сокрушайся отъ нашихъ сомнѣній, это въ порядкѣ вещей, всмотрѣвшись въ нашу жизнь. Что вы тамъ дѣлаете, что тамъ происходитъ, мы здѣсь ничего подобнаго не ощущаемъ, ничего новаго не видимъ, ничѣмъ новымъ не пользуемся. Ты скажешь, а 19-е февраля ничего вамъ не принесло? Ничего.—Прочитали въ церкви, разошлись въ раздумьи, потупя головы въ землю. Стариковъ отпустили съ работы—

въ отставку, и все опять осталось по-прежнему. Отставнымъ приказано составить общество и управленіе, а они сами не знаютъ, что съ собою дѣлать; ихъ учатъ, имъ говорятъ, они ничему не вѣрятъ,—для нихъ будущаго нѣтъ. Одни пошли нищенствовать по деревнямъ, другіе бросились съ отчаянія на золотые пріиски,—т. е. изъ огня въ воду, чтобы тамъ и утонуть на всегда; остальные работаютъ до срока, безпощадно воруютъ и пьютъ мертвую. Вотъ тебѣ нашъ прогрессъ,—вотъ народныя школы, наши права, пей сколько хочешь; вотъ единственныя улучшенія по части искусствъ и ремеслъ.—Ты пишешь, что у васъ есть общественныя дѣла; — здѣсь это слово непонятно и нигдѣ его не услышишь. Здѣсь, кто въ лѣсъ, кто по дрова—это истина въ буквальномъ смыслѣ.—Все я говорю вкратцѣ; невозможно въ письмѣ все высказать. — Скажу только, что сочувствую и сердцемъ и душой твоимъ мыслямъ и желаніямъ родной странѣ, но не знаю, почему не могу раздѣлять твоихъ надеждъ,—все въ тебѣ хорошо, прекрасно, кромѣ твоей надежды.

Недавно я получилъ отъ Дмитрія Ириарховича (Завалишина) письмо изъ Читы; жалуется на свое тяжелое положеніе; обремененъ семействомъ, хотя своихъ дѣтей нѣтъ; но у него на рукахъ старуха мать Фил. Осипов. его покойницы жены, которая до сихъ поръ жива, и еще двое сестеръ бывшей его жены. Его не печатаютъ статей, отъ которыхъ онъ надѣялся получать доходъ, и на это жалуется на Муравьева.—Бестужевъ живетъ въ Селенгинскѣ, живъ и здоровъ и обезпеченъ хорошо.—О нигилистахъ, о которыхъ ты пишешь и которые представлены въ романѣ Базарова,—они меня не удивляютъ, и ихъ явленіе не есть по-моему новость; мнѣ кажется, они всегда были и будутъ, при такомъ порядкѣ вещей.—Конечно, они являются въ разные періоды, подъ разными названіями, а что они доходятъ даже до смѣшнаго, и это въ порядкѣ вещей, и они въ этомъ почти не виноваты: гдѣ неопытность, молодость, тамъ и крайности.—Поклонись отъ меня Кирѣеву, я очень сожалѣю объ его горѣ; поклонись отъ меня Павлу Сергѣевичу, я его очень помню и до сихъ поръ люблю его сердечно. Отъ Поджіо изъ Черниговской губерніи давно не получалъ писемъ; отъ Наталіи Дмитріевны, наконецъ, получилъ письмо.—Очень радъ я былъ, узнавши, что она здорова; я отъ нея и не требую частыхъ писемъ,—и самъ тоже рѣдко къ ней пишу, но скучаю, когда не получаю долго писемъ,—такая уже моя доля въ Сибири. Живу я теперь хуже даже противу прежняго, — работы нѣтъ никакой и ни отъ кого; все дорого такъ, что выписываютъ желѣзо изъ Томска уральское, гораздо дешевле продается, нежели здѣшнее; здѣсь на мѣстѣ пудъ полосоваго 2 р. 96 к. серебромъ,—и относительно все дорого; къ тому же сѣно, какъ главный продуктъ для здѣшнихъ работъ, уже теперь 40 и 50 к.

сер. за пудъ,—не слыханная вещь; работникъ въ мѣсяцъ стоитъ, кромѣ пищи и нѣкоторой одежды 8 руб. сер. въ мѣсяцъ, а иногда и 10 р. Что послѣ этого можно пріобрѣсти, при такомъ состояніи цѣнъ?—Всѣ меня просили тебѣ усердно кланяться, и Полик. Павл. и Дмитр. Иван., да еще прибавилъ свой поклонъ и почтеніе старикъ Добрынинъ.—Прошу также отъ меня отдать твоему семейству и старому и малому и всѣмъ мое глубокое почтеніе и мой усердной поклонъ. Чувствительнѣйше благодарю Наталію Петровну за память обо мнѣ,—желаю ей здоровья и всего въ мірѣ лучшаго и добраго,—свидѣтельствую ей мое глубочайшее почтеніе.

Обѣщаю къ тебѣ почаще писать, но прошу, не считайся моими письмами, пиши, потому что есть о чемъ писать тебѣ, живешь не тамъ, гдѣ мы, у насъ все одно и то же, скука, горе—безнадежность. Обнимаю тебя мысленно и сердечно. Твой на всегда Ив. Горбачевскій.

8.

Петровскій заводъ, 1863 г. апрѣля 15-го дня.

...Ты спрашиваешь, какъ я живу, чѣмъ занимаюсь, и проч. Тяжко объ этомъ говорить; отвратительно мнѣ стало хозяйство, ни къ чему не ведущее, къ тому же я часто бываю нездоровъ, — слѣдовательно, при нравственности здѣшнихъ рабочихъ,—это не хозяйство, а мученіе, убытокъ всегдашній; прежде это было еще сносно, потому что я занимался кое-гдѣ по комиссіямъ золотопромышленниковъ, но теперь, вотъ уже другой годъ, ничего они здѣсь не покупаютъ, по дороговизнѣ заводскихъ издѣлій, которыя гораздо дороже уральскихъ. Шутка сказать, у насъ здѣсь на мѣстѣ, безъ провоза, пудъ полосоваго желѣза 2 р. 96 к. серебр., а уральское въ Иркутскѣ 3 руб. сер. и лучшее;—такое отношеніе приложи ко всѣмъ припасамъ и издѣліямъ. Кто же себѣ врагъ, и кто, слѣдовательно, будетъ здѣсь покупать. Повѣришь ли, вотъ уже второй годъ, я мнѣ не было поручено, ни на копѣйку, чего-либо здѣсь купить; — или сдѣлано худо или дорого,—что-нибудь одно; будь этотъ заводъ не въ казнѣ, но въ частныхъ рукахъ, другое было бы. Теперь у меня одно занятіе, что беру иногда подрядъ возить уголь, но тутъ никакой выгоды, напротивъ, всегда убытокъ,—взявши въ разсчетъ содержаніе людей, лошадей и ремонтъ. Но скажешь, зачѣмъ же брать невыгодной подрядъ? — и этотъ вопросъ очень натуралеиъ; но для насъ, бѣдняковъ, онъ очень натуралеиъ. Если денегъ нѣтъ въ карманѣ ни копѣйки, а надобно купить, заплатить, сдѣлать, приготовить, гдѣ тогда взять денегъ? Одинъ источникъ, взять подрядъ въ казнѣ, а тамъ что будетъ?—о томъ одинъ Богъ вѣдаетъ;

и это такъ убыточно, такъ безтолково, что бѣжалъ бы за тридевять земель, лишь бы избавиться подъ старость такихъ заботъ, по своему роду самыхъ тяжелыхъ для души и мысли. Если бы я былъ на сколько-нибудь обезпеченъ впередъ, чего очень бы желалъ, для своего спокойствія, я взялся бы кое-что писать, тѣмъ болѣе, это надобно бы сдѣлать, что я изъ южныхъ остался только одинъ, рѣшительно одинъ, которой бы могъ собрать въ одно все прошедшее. Меня многіе объ этомъ просятъ, но только просятъ; между тѣмъ забываютъ, что для этого надобно спокойствіе и матеріальное, и душевное. Очень любопытно для меня твое описаніе вашихъ засѣданій по общественному дѣлу; мы здѣсь ничего подобнаго не видимъ и не слышимъ; вотъ теперь всѣ до одного отпущены служители на волю, но никакого до сихъ поръ между ними нѣтъ устройства, никому какъ будто до этого дѣла нѣтъ; кто они такіе, что значатъ, что будетъ съ ними, никто сюда не ѣдитъ, ничего не пишутъ; школы нѣтъ,—пріюта нѣтъ, ничего нѣтъ въ полномъ смыслѣ слова, но зато у насъ въ заводѣ 18 кабаковъ буквально. Кажется, по всѣмъ правиламъ выдѣлка желѣза должна бы быть больше, при вольномъ трудѣ, но такъ идетъ казенное управленіе, что при обязательной работѣ выдѣлывали въ лѣто 30.000 пудовъ желѣза, а теперь составленъ разсчетъ только на 10.000 пудовъ. Это факты тебѣ самые вѣрные; разсужденія оставимъ въ сторонѣ, для нихъ здѣсь мало мѣста, ты угадаешь, въ чемъ дѣло.

Прошу покорнѣйше отдать мой усердной поклонъ Петру Николаевичу, желая ему всего лучшаго; Поликарпъ Павловичъ кланяется тебѣ усердно, часто меня посѣщаетъ, и всегда у меня съ нимъ о тебѣ разговоръ. Поклонись отъ меня Кирѣеву, Павлу Сергѣевичу; сегодня же пишу и къ Наталіи Дмитріевнѣ, не пишетъ ли къ тебѣ Поджіо, я отъ него давно не имѣю писемъ; прощай, мой Евгеній Петровичъ, пиши ко мнѣ, твои письма о всѣхъ васъ—одно мое здѣсь утѣшеніе, будь такъ добръ, не забывай твоего на всегда Ивана Горбачевскаго.

Засвидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе и мой усердный поклонъ твоей сестрицѣ Наталіи Петровнѣ, супругѣ и всему твоему семейству, а особенно малымъ мой сердечный привѣтъ. Пиши мнѣ о нихъ всѣхъ въ своихъ письмахъ, также пиши, отъ котораго числа мои письма получаешь. Буду къ тебѣ писать, спрашивай, о чемъ хочешь—отвѣчать буду.

9.

1863 г., іюля 4-го дня, Петровскій заводъ.

Письмо твое, мой дорогой Евгеній Петровичъ, отъ 14-го апрѣля, меня обрадовало, я ужъ не зналъ, что и думать о твоемъ молчаніи,—

самъ же боялся писать, полагая, что тебя нѣтъ дома, вѣроятно, куда-нибудь уѣхалъ. — Письмо твое, странное дѣло, мною здѣсь получено 3-го іюня, гдѣ оно такъ долго ходило, это только одному почтовому департаменту извѣстно, а не намъ, смертнымъ;—но все же спасибо, мой любезнѣйшій Евгеній Петровичъ, за твою память и теплыя чувства ко мнѣ. Не можешь себѣ представить, что значутъ для меня ваши письма изъ Россіи.—Желалъ бы я, чтобы ты взглянулъ на меня, что со мною тогда дѣлается, получивши изъ Россіи письма;—вѣдь это все равно, что кто бы мнѣ отворилъ окошко, сидѣвши въ темной комнатѣ нѣсколько мѣсяцевъ; я все ожидал и теперь ожидаю обѣщанной тобою некрологіи Мих. Мих. что же не посылаешь, да еще лучше было, если бы ты къ этому и приложилъ бы карточку покойника.

Нѣсколько времени я былъ крѣпко боленъ,— ревматизмъ въ правой ногѣ свалилъ меня въ постель; такая жестокая боль была, что я почти кричалъ, но опіумъ съ каломелемъ утушили этотъ приступъ боли, и хотя не совсѣмъ, но все же теперь съ костылемъ по комнатѣ двигаюсь.—Всѣ твои извѣстія такъ для меня любопытны, что я ихъ и чувствомъ и умомъ пожираю, такъ сказать.—Это не то для меня, что въ газетахъ пишутъ, тамъ я ничему не вѣрю; мы тамъ всегда побѣдители и правы; всѣ виноваты, кромѣ насъ; народъ шайка, начальники разбойники.—Я это приписываю бѣдности нашего русскаго языка, на немъ иначе нельзя выражаться, другія слова еще не усвоены имъ.

Ты спрашиваешь моего мнѣнія насчетъ несчастной этой Польши,— говоришь, что это у васъ тамъ вопросъ жизненный. — Я бы сказалъ тебѣ мое мнѣніе, но боюсь быть пристрастнымъ.—Ты знаешь, что я малороссъ,—мой отецъ покойникъ разсказывалъ мнѣ, что, онъ бывши большимъ уже мальчикомъ, помнитъ, когда наши церкви были на откупу у жидовъ; говаривалъ, что онъ бывалъ за граннцею въ молодыхъ лѣтахъ, т. е. за Днѣпромъ, и былъ свидѣтелемъ, какъ иногда католическіе студенты били православныхъ священниковъ и ихъ всячески оскорбляли. При имени ляха онъ дрожалъ, и эту дрожь передалъ намъ своимъ дѣтямъ, разсказывая о бѣдствіяхъ своей любезной Малороссіи. Я хотя и теперь дрожу при имени ляха, но у меня въ головѣ уже не то, что у нашихъ было, и помню слезы моей матери, когда она намъ разсказывала, что хотя церкви и были свободны отъ опекуновъ, но все же по какому-то вліянію жида онѣ ему платили и льстили, чтобъ онъ съ ляхомъ не ворчали; разсказывала (и при этомъ всегда плакала) какъ они прятались, чтобы тихонько отъ ляха и жида учиться русской или славянской грамотѣ, и читать на славянскомъ языкѣ молитвы.— Ну, сохрани Боже, объ этомъ узнаетъ ляхъ, или ксендзъ, или жидъ, бѣда, разореніе цѣлому дому. Я могъ бы томы написать подобныхъ разсказовъ моихъ стариковъ, но время ли теперь такое, чтобы русскимъ

мстить за старое; въ томъ ли теперь вопросъ? Жаль мнѣ крѣпко, что не имѣю времени все написать разсказы нашихъ стариковъ; передать ихъ дрожь отъ имени ляха, ихъ ненависть къ нимъ и описать наше поколѣніе и ихъ взглядъ на вещи.

Такъ, мой Евгеній Петровичъ, оставимъ всѣ эти вопросы, они мутятъ мои мысли и коробятъ мое сердце; скажу тебѣ, что нечаянно для меня я получилъ позволеніе жить въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Я бы этому обрадовался, если бы была возможность мнѣ ѣхать; но ѣхать на неизвѣстное, жить съ людьми, которыхъ не знаю, хотя и считаются родными, что я буду тамъ дѣлать и проч. Бросить свой уголъ, все это меня удерживаетъ; что будетъ дальше—не знаю, послѣ тебѣ скажу. Конечно, если мнѣ удалось бы поѣхать, я бы хотя на нѣсколько часовъ свернулъ бы на Калугу, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Завалишина изъ Читы, противъ его желанія, перевели въ Казань, и его туда, какъ говорятъ, везутъ. Онъ не хотѣлъ ѣхать до смерти своей тещи, которой 85 лѣтъ, но теперь долженъ ѣхать; ожидаю отъ него письма.—Повѣришь ли, у насъ здѣсь все такъ по-старому, что какъ при тебѣ было, такъ и до сихъ поръ все идетъ; такъ ли это у васъ, вы этимъ не хвалитесь, какъ мы.

Мое глубочайшее почтеніе и мой искренній поклонъ всему твоему родному; обнимаю и жму руку твою, твой на всегда Ив. Горбачевскій.

Прошу тебя, упоминай, какія письма, т. е. отъ котораго числа получаешь.

Петру Николаевичу мое глубочайшее почтеніе и мой сердечный привѣтъ и поклонъ.

Прошу тебя, напиши мнѣ когда-нибудь о своихъ дѣтяхъ подробнѣе,—вѣдь по чувству они мнѣ близкія.

10.

1863 г. сентября 19-го дня. Петровскій заводъ.

Миръ и мнѣ прощеніе, мой дорогой Евгеній Петровичъ! Я получилъ давнымъ давно твое письмо и до сихъ поръ не отвѣчалъ; исторія моего молчанія всегда почти одна и та же. Грусть, тоска и нездоровье, эти вещи иногда меня такъ одолѣваютъ, что рука не подымается взять перо; теперь же особенныя были причины молчанія, но всегда помнилъ и совѣсть меня мучила за то, что не писалъ къ тебѣ. Я получилъ твое письмо 15-го іюля,—оно было отъ 5-го іюня, и не смотря на то, что оно мнѣ было прислано изъ Читы, все-таки скоро пришло ко мнѣ. Впрочемъ, дѣло не въ томъ.—Пишу къ тебѣ и въ душѣ и въ сердце отзывается безпрестанно чувство моей тебѣ благодарности;—такъ мнѣ

утѣшительно читать твои письма, такъ мнѣ тогда легко и радостно думать, что меня помнишь и говоришь со мною; да сохранитъ тебя все доброе и разумное отъ сомнѣній въ правдѣ, что пишу и говорю. Еще не писалъ и потому, что дважды былъ боленъ; я купался, и вѣтеръ былъ очень сильный и холодный,—получилъ отъ того и горячку, и сильный ревматизмъ въ правой ногѣ. Съ этимъ я возился почти мѣсяцъ; потомъ повторилось отъ нетерпѣнія и неосторожности; послѣ ѣздилъ въ Селенгинскъ по разнымъ дѣламъ, можно сказать, пустымъ, видѣлъ Бестужева, пробылъ у него сутки, воротился домой. Мих. Алекс. живетъ спокойно,—сидитъ дома и тоже окруженъ дѣтьми, которыхъ у него теперь четверо; собирался въ Россію, но теперь покуда остался, чтобы подросли дѣти. Пріѣхавши отъ Бестужева, я получилъ письмо изъ Верхне-Удинска, что тамъ проѣздомъ Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ. Я тотчасъ же взялъ подорожную и туда уѣхалъ. Засталъ его еще въ городѣ и узналъ отъ него, что ему вышелъ отъ высшаго начальства приказъ уѣхать изъ Читы въ Казань на жительство; его очень огорчило; бросилъ въ Читѣ безъ всего свое семейство,—покуда не напишетъ и не пришлетъ денегъ, чтобы его перевезти туда же, гдѣ онъ самъ будетъ жить. Все это печально,—и насъ осталось теперь только двое за Байкаломъ, я думаю, и въ цѣлой Сибири: я да Мих. Бестужевъ. Журнальныя статьи и переписка съ начальствомъ, все это, какъ кажется, заставило начальство удалить «съ сихъ прекрасныхъ мѣстъ» Дм. Иринарховича.—Онъ рѣшительно убитъ, такъ его эта нечаянность поразила;—ему жаль семейство, съ которымъ жилъ съ 39 года; насчетъ всего другаго онъ спокоенъ.—Бывши въ Читѣ, ты, я думаю, слышалъ отъ нашихъ дамъ о Филанцетѣ Осиповнѣ;—это теща Дмит. Иринар., ей теперь 85 лѣтъ, и ей надобно ѣхать въ Казань.—Завалишинъ просилъ меня, когда пришлетъ денегъ, провести ее чрезъ Байкалъ до Иркутска; я обѣщалъ, но какъ это сдѣлать?—Какимъ образомъ такую дряхлость довезти до Иркутска, не только до Казани, этого я не знаю, все осталось до будущаго.—При ней еще двѣ дочери и тѣ больныя.—Дмит. Ирин. съ ними простился, какъ съ мертвыми: очѣ въ это время, какъ ему ѣхать, были въ обморокѣ.

Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я въ твоемъ письмѣ о вашихъ посредникахъ, о вашихъ крестьянахъ, все это прекрасно, все это хорошо; видно движеніе во всемъ. Даже намъ здѣсь жившимъ (живущимъ) странно читать, видя здѣшній застой; мы не знаемъ никакого передвиженія, у насъ, какъ кажется, все по-старому. Правду сказать, и у насъ есть маленькое движеніе, вѣдь надобно же другому обойти въ день 23 кабака, это не шутка,—все же надобно двигаться. Но мало этого бѣдствія, у насъ съ начала весны не было ни капли дождя, а теперь въ сентябрѣ мѣсяцѣ пошли проливные дожди, потомъ снѣгъ до колѣна, и все это вдругъ обратилось въ воду, такъ что всѣ рѣки вышли изъ бере-

говъ; хлѣбъ, сѣно—все унесло. Можешь судить о полноводіи одной Селенги,—что домъ Курбатова, который ты знаешь, рѣшительно теперь стоитъ въ водѣ, и по этой улицѣ ѣздятъ на лодкахъ; у насъ уже теперь хлѣбъ на базарѣ за пудъ платятъ 1 р. серебромъ, что же будетъ дальше, и каково бѣднымъ жить при такой дороговизнѣ; какимъ образомъ хозяйничать при такомъ состояніи цѣнъ на всѣ жизненные припасы.

Я бы съ большой охотой занялся литературными произведеніями, о которыхъ ты пишешь. Эта охота и тяжесть на душѣ у меня лежатъ, но какъ приступить къ этому, при моихъ заботахъ и хлопотахъ этого проклятаго хозяйства, которое бы если бы я былъ обезпеченъ на годъ, на два—чтобы ни о чемъ не думать, и имѣть одно занятіе,—я бы его бросилъ за грошъ, лучше сказать, не знаю, какъ сказать, я бы все бросилъ въ грязь и остался бы одинъ спокоенъ и дѣлалъ бы то, что необходимо нужно для многихъ и даже для пользы своей, гораздо (болѣе) выгодной этого хозяйства и разныхъ глупыхъ подрядовъ разорительныхъ. Не говори мнѣ, мой Евгеній Петровичъ, что нужно все вмѣстѣ дѣлать,—нѣтъ и нѣтъ, по крайней мѣрѣ для меня; я не люблю средины и никогда не могъ эту, какъ говорятъ, благоразумную вещь исполнить и исполнять; мой глупый характеръ;—не могу ни любить хладнокровно, ни ненавидѣть благоразумной срединой; не могу дѣлать какъ-нибудь и что-нибудь,—даже ходить не могу тихо, не могу имѣть работу и чтобы быть при этомъ хладнокровну. Я спокоенъ тогда, какъ ты самъ, я думаю, у меня замѣтилъ, когда мы жили вмѣстѣ,—я спокоенъ въ казематѣ и на своей постели съ книгой въ рукахъ, и то если она по мнѣ. Занятіе—занятію не должно мѣшать, такъ я думаю, а тѣмъ болѣе хозяйство, котораго я никогда не любилъ и не люблю. Я хорошъ экономъ для чужихъ денегъ, но о своихъ я не думаю. Тѣмъ болѣе мнѣ надобно перемѣнить же родъ занятій, это моя необходимость; я старъ сталъ, часто нездоровъ, я бы радъ былъ занятію, которое бы только говорило моему уму и сердцу,—вотъ въ чемъ моя дума безпрестанная, которую я не могу исполнить, потому что бѣденъ. Но я бѣденъ только относительно другихъ и моихъ намѣреній. Для спокойствія тоже душевнаго и физическаго желалъ бы имѣть нѣкоторое обезпеченіе для жизни; силъ и способовъ по мѣсту жительства на это у меня не достаетъ,—однако же, я богатъ тоже относительно тѣхъ, которые мнѣ работаютъ, со мною живутъ, и которые, вертясь около меня, питаются, а ихъ много для меня. Сказать имъ всѣмъ поди прочь, на это не достаетъ у меня силъ, отпустить человѣка безъ ничего; если ты бѣдному и нищему въ состояніи сказать поди прочь—напиши мнѣ,—я попробую тебѣ подражать. Я съ тобою говорю откровенно, зная, что ты объ этомъ никому не скажешь; пишу единственно все тебѣ такъ подробно для того, чтобы ты зналъ мое положеніе, мое состояніе духа, и отчего я иногда бываю и раздра-

жителенъ и пишу иногда вздоръ и глупости. Ты спросишь, почему я не ѣду въ Россію; съ чѣмъ, какъ, куда, зачѣмъ, къ кому, разбери всѣ эти слова по одиночкѣ, тогда и оправдаешь меня.

Одно мое утѣшеніе читать; одно мое спокойствіе сидѣть дома, и я нигдѣ ни у кого не бываю, рѣдко выхожу; одно мое развлеченіе, если кто-нибудь ко мнѣ придетъ изъ старыхъ знакомыхъ—вотъ моя жизнь; прибавь къ этому дряхлаго и слѣпаго Насонова и тому подобныхъ, которые меня часто посѣщаютъ, и за совѣтомъ, и за лекарствомъ, и зачѣмъ-нибудь другимъ. Вотъ заботы пріятныя для души, но иногда отъ нихъ сердце болитъ.

Весь этотъ вздоръ не тебя, а меня касается. Ты спрашиваешь моего мнѣнія о Польшѣ и тѣхъ безпорядкахъ, которые тамъ теперь. Объ этомъ лучше поговорить было бы, но я этого вопроса боюсь;—боюсь сдѣлать ошибку по чувству любви къ ближнему; боюсь сдѣлать тоже ошибку по разсудку, ибо не знаю причинъ pro и contra. Судить объ этомъ справедливо, по однѣмъ газетамъ, не знавши общественнаго мнѣнія и настоящаго дѣла, трудно, и для того оставляю все до будущаго; только прошу тебя, продолжай также объ этомъ писать, какъ ты писалъ, для меня это самое лучшее.

Допотопные костяки, каковы Насоновъ, Первоухинъ и Поликарпъ Павловичъ, свидѣтельствуютъ тебѣ свое глубочайшее почтеніе и убѣдительно меня просили тебѣ кланяться. Послѣдній часто у меня бываетъ, и всегда у насъ разговоръ о тебѣ, глядя на твой портретъ; мы за одно тоже всѣхъ тутъ же и вспомнимъ. На-дняхъ получилъ письмо отъ сына Евгенія, онъ гдѣ-то служитъ на кораблѣ въ Желтомъ морѣ, такъ пишетъ, по духовному вѣдомству. Поджіо ко мнѣ пересталъ писать,—я слышалъ отъ кого-то, что будто бы онъ уѣхалъ за границу,—правда ли это? Мой усерднѣйшій поклонъ, мой душевный привѣтъ Петру Николаевичу и всѣмъ, съ кѣмъ ты изъ нашихъ въ перепискѣ. Письмо твое—отъ 15-го іюня, а я уже почти готовъ жаловаться, что отъ тебя такъ долго нѣтъ писемъ; но я еще благодарю тебя за неоставленіе меня своею памятью, чувствами своими близкими мнѣ, и все это для меня дорого и поддерживаетъ меня переносить бодро все, что ни есть со мною. Прощай, мой Евгеній Петровичъ, будь здоровъ, пиши ко мнѣ почаще, не смотри на меня, что рѣдко пишу; брани меня за это, но пиши, я обѣщаю тебѣ писать тоже почаще, обнимаю тебя мысленно и на всегда твой

Ив. Горбачевскій.

Само собою разумѣется,—домашнимъ твоимъ мой усерднѣйшій поклонъ, и засвидѣтельствуй мое глубокое почтеніе; дѣтямъ твоимъ, какъ роднаго, мой поцѣлуй.

11.

1864 г. мая 14-го дня. Петровскій заводъ.

....Всѣ ваши тамошнія перемѣны, конечно, меня лично радуютъ, но для насъ, сибиряковъ, ничего онѣ не значатъ, намъ здѣсь отъ нихъ не лучше и не хуже, у насъ все по-старому;—тѣ же порядки, тотъ же произволъ, та же дичь въ промышленности и во всей жизни. Можетъ быть, говорятъ здѣсь, нужны для Россіи улучшенія, но для Сибири ихъ не нужно,—все хорошо; и если бы кто изъ васъ пріѣхалъ сюда (что Боже сохрани!), то нашелъ бы все такъ, какъ было въ 1826 году. Это я говорю правду, для тебя особенно это должно быть и видимо и ясно.

Говорятъ, что отъ столицы до Иркутска уже давно проведенъ телеграфъ, но все же намъ не легче; вчера здѣсь получено письмо изъ Иркутска, въ которомъ пишутъ, что въ эту столицу Восточной Сибири не получено п я т н а д ц а т ь почтъ, по случаю скверной дороги; это пишу къ тебѣ для того, что я уже другой мѣсяцъ ни единаго слова не получаю изъ Россіи; телеграфъ, разумѣется, сдѣланъ для богатыхъ, 50 коп. серебр. за каждое слово до Петербурга положена цѣна.

Бестужевъ Мих. пишетъ ко мнѣ, что самъ нездоровъ и дѣти его тоже больны,—все собирается ѣхать въ Москву, но когда это будетъ, не знаю; вѣроятно, ты когда-нибудь увидишься съ Дмитр. Ирин.; онъ давно уже въ Москвѣ.....

Не знаю, просить ли тебя, чтобы ты писалъ ко мнѣ чаще; совѣстно мнѣ объ этомъ безпокоить, и лучше полагаюсь на твою память и доброе твое сердце; вспомни, гдѣ я живу, и что должны быть для меня письма тѣхъ, съ которыми я связанъ навсегда и душевно и мысленно; у меня нѣтъ родныхъ другихъ, кромѣ васъ всѣхъ; жму твою руку, обнимаю тебя мысленно, благодарю за письма и остаюсь твой на всегда

Ив. Горбачевскій.

Каково здоровье Павла Сергѣевича? Мой ему душевный привѣтъ, также и Ивану Васильевичу, почему бы ему когда-нибудь не написать.

Сообщ. княгиня **М. Г. Оболенская.**

Посылка флигель-адъютанта Порошина для препровожденія въ Петербургѣ принца голштинскаго Георгія.

Экстрактъ изъ протокола учрежденной при дворѣ Е. И. В. конференціи.

2 января 1762 г.

Понеже съ флигель-адъютантомъ Е. И. В. и подполковникомъ Порошинымъ отправляются отъ двора Е. В. столовые и поваренные приборы и къ тому потребные служители, и потому необходимо надлежитъ къ прежде выданной тысячѣ руб. выдать на излишніе расходы еще тысячу руб.

Впрочемъ, какъ помянутый флигель-адъютантъ и подполковникъ для того отправляется, чтобъ препроводить сюда ко двору Е. И. В. его свѣтлость принца Голштинскаго Георгія, то всемѣрно надлежитъ изъ Правительствующаго Сената указы дать, чтобы по дорогѣ сюда отъ Риги, гдѣ есть дворцы, оные вездѣ топлены и въ готовности содержаны были, также чтобъ рижская губернская канцелярія столько на всѣхъ станціяхъ подводъ поставила, сколько помянутый флигель-адъютантъ требовать станетъ.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

лучше другихъ, обо всемъ судить и рядить, а самъ, между тѣмъ, часто дѣлаетъ грубѣйшія ошибки, всеобщно противъ логики и хронологіи, а иные утверждаютъ, даже противъ грамматики.

Помѣстивъ подобную статью на страницахъ своего журнала, С. Е. Раичъ не удержался, чтобы не присоединить своихъ замѣчаній къ отзывамъ выше указаннаго журнала. „Добился, или дописался, наконецъ, издатель „Московскаго Телеграфа", — читаемъ въ „Галатеѣ", — до Геростратовской славы въ ученомъ мірѣ. Молва объ его журнальныхъ подвигахъ откликнулась за рубежемъ Россіи, и теперь, къ сожалѣнію, не только у насъ, но и вездѣ знаютъ уже, что такое г. Полевой въ литературѣ и къ какимъ созвѣздіямъ слѣдуетъ отнести его „Московскій Телеграфъ", блуждающій по горизонту русской словесности". Далѣе писалось: „мы просимъ его (Полеваго), ради возстановленія доброй славы нашей журналистики, перемѣнить свое предосудительное литературное поведеніе, отказаться отъ неприличной журнальной назойливости, предпочитать общую пользу нашего просвѣщенія жалкимъ выгодамъ мелочнаго эгоизма; просимъ его быть скромнѣе и безпристрастнѣе въ своихъ критическихъ толкованіяхъ и пересудахъ и болѣе всего помнить, что въ глазахъ мыслящаго: перстъ указательный и рѣшительная отвага всегда суть болѣе отрицательные, чѣмъ положительные признаки премудрости".

Дерзкая выходка „Галатеи" вызвала рѣзкій отпѣтъ Полеваго, несмотря на его искреннее желаніе не вступать въ полемическія распри.

Большинство русскихъ журналовъ того времени относилось непріязненно къ „Московскому Телеграфу". Въ „Славянинѣ" А. Ѳ. Воейкова была напечатана чрезвычайно интересная для характеристики пріемовъ тогдашней полемики статья: „Вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею изъ журнальныхъ листковъ для издателя „Московскаго Телеграфа". Здѣсь были собраны и сгруппированы выдержки изъ самыхъ ѣдкихъ и недоброжелательныхъ отзывовъ о журналѣ Полеваго за 4 года его существованія (1825 — 1828). Непріязнью вѣетъ отъ рецензій „Вѣстника Европы". Въ боевое положеніе по отношенію къ „Телеграфу" сталъ и „Сынъ Отечества"; отъ него не отставали „Сѣверный Архивъ" и „Сѣверная Пчела", гдѣ позволялъ себѣ невозможныя, подчасъ непристойныя, выходки Ѳ. В. Булгаринъ. Затаенное недоброжелательство сквозитъ въ рецензіи „Московскаго Вѣстника"; а „Литературная Газета" была гораздо сдержаннѣе „Московскаго Вѣстника" въ своихъ нападкахъ на Полеваго.

Въ невыразимо тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ, — говоритъ Н. К. Козминъ, — приходилось работать Полевому: онъ старался способствовать развитію и просвѣщенію общества; чрезмѣрно трудясь, часто выбивался изъ силъ и, вмѣсто одобренія, встрѣчалъ одни порицанія. Выводимый изъ себя, онъ писалъ иногда антикритики; но къ его чести надо сказать, что полемическій задоръ не былъ свойственъ складу его ума и характера. Какъ ни страдало его самолюбіе, какъ ни больно было думать, что можетъ найтись читатель, который не слово повѣритъ ожесточеннымъ врагамъ, — сознаніе своей правоты и пользы, приносимой тѣмъ предпріятіемъ, на которое онъ затратилъ свои лучшія силы, — умиротворяло Полеваго.

Въ отдѣлѣ „Романъ" мы находимъ прежде всего отзывы русской журналистики о повѣсти Н. А. Полеваго „Клятва при Гробѣ Господнемъ". Появившись въ 1832 г., „Клятва" была крупнѣйшимъ произведеніемъ Полеваго въ повѣствовательной формѣ, но не была первымъ, такъ какъ еще въ 1828 г. въ „Московскомъ Телеграфѣ" были положены имъ начатки исторической повѣсти въ „Симеонѣ Кирдянѣ".

Далѣе приведены отзывы о „Византійскихъ легендахъ", появившихся приблизительно въ мартѣ 1841 г. „Сѣверная Пчела" отозвалась безусловно одобрительно о „Византійскихъ легендахъ"; рецензія „Отечественныхъ Записокъ" была умѣреннѣе. Гораздо рѣзче критика „Литературной Газеты". „Во всякой литературѣ, — читаемъ въ № 40 за 1841 г., — бываютъ особеннаго рода неутомимые дѣятели, которые пользуются часто большою извѣстностью, слышутъ за людей дарованныхъ, но которые, по самомъ-то дѣлѣ, не будучи людьми бездарными, болѣе способные и ловкіе, нежели талантливые люди. Они берутся за все и, относительно, во всемъ успѣваютъ и во всемъ обнаруживаютъ ту степень умѣнья и ловкости, которую толпа охотно признаетъ за талантъ и даже за геній". Въ „Москвитянинѣ" „Легенды" нашли самый суровый и холодный пріемъ. Шевыревъ, нѣкогда сотрудникъ „Московскаго Телеграфа", по впослѣдствіи примкнувшій къ врагу Полеваго — Погодину, написалъ статью, соотвѣтствующую взглядамъ и вкусамъ редакціи журнала. „Не изъ творческой фантазіи, — писалъ С. П. Шевыревъ, — не изъ сферы ума, свѣтлаго подражающаго, не изъ лабораторіи труда ненасытнаго и добросовѣстнаго вышли такъ называемыя „Византійскія легенды X-го вѣка", — нѣтъ, онѣ вышли изъ свѣта изъ того романнаго производства, которое, какъ и всякое другое въ нашей литературѣ, мы считаемъ обязанностью обличать передъ публикою".

„Аббадона" несравненно выше „Клятвы при Гробѣ Господнемъ", — писалъ В. Г. Бѣлинскій въ „Молвѣ". Можетъ быть, это происходитъ оттого, что здѣсь г. Полевой былъ, такъ сказать, болѣе въ своей тарелкѣ, ибо вообще его талантъ, несмотря на всю его многосторонность, особенно торжествуетъ въ изображеніи такихъ предметовъ, которые имѣютъ близкое отношеніе къ нему самому по опыту жизни. Представить художника въ борьбѣ съ мелочами жизни и ничтожествомъ людей — вотъ тема, на которую г. Полевой пишетъ съ особенною любовью и съ особеннымъ успѣхомъ: доказательствомъ тому его повѣсть „Живописецъ" и разсматриваемый мною романъ. Эти два произведенія я почитаю лучшими произведеніями г. Полеваго: въ нихъ онъ самъ является художникомъ".

Слѣдующіе отдѣлы труда г. Козмина носятъ заглавіе: „Теорія драмы", „Критическіе пріемы" и „Сужденія о классической и романтической литературахъ". Далѣе помѣщены приложенія и указатель именъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ **Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по 9 рублей.**

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ".

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Slav 2

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIV-й. НОЯБРЬ. 1903 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Послѣ отечественной войны.** (Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка). Н. Дубровина .... 241—271

II. **Изъ воспоминаній о графѣ П. А. Валуевѣ.** П. Д. Стрекопытова..... 273—293

III. **Императоръ Николай I.** (Историческая характеристика). П..... 295—306

IV. **Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ** въ 1823 году. П. Вигель-Пащуандзева..... 307—315

V. **Записки Н. Г. Залѣсова.** 317—332

VI. **Н. И. Гречъ, Ѳ. В. Булгаринъ и А. Мицкевичъ.** (Матеріалы для ихъ біографій). Сообщ. Н. Д..... 333—351

VII. **Платонъ Григорьевичъ Ободовскій.** Ив. Кубасова ..... 353—366

VIII. **Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ въ XV и XVI вѣкахъ.** .... 367—400

IX. **Оренбургская гимназія стараго времени.** Н. Вопкаревича..... 401—417

X. **Княгиня Д. Х. Липенъ и ея переписка съ разными лицами.** ..... 419—436

XI. **Предложеніе о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи въ 1826 году.** Сообщилъ Н. Ольферьевъ..... 437—440

XII. **Мелкія замѣтки объ отношеніяхъ императора Александра къ полякамъ.** Сообщ. П. М. Майковъ. 441—458

XIII. **Батуринскій переворотъ 13-го марта 1672 года.** (оконч.). П. Матвѣева. 459—470

XIV. **Турецкіе эмиссары въ Россіи передъ войной 1877—1878 гг.** П. Юдина. 471—476

XV. **О пособіяхъ возвращающимся въ отечество полякамъ-изгнанникамъ.** .... 477—480

XVI. **Записная книжка „Русской Старины“:** Замѣтка по поводу статьи: Башня Марины Мнишекъ. П. Пирлинга. (стр. 272).—Рескриптъ и двѣ собственноручныя записки императрицы Екатерины II къ статсъ-секретарю С. Ѳ. Стрекалову. (294).—О найденномъ въ войсковой канцеляріи войска Донскаго французскомъ знамени. Сообщ. А. В. Безродный. (316).—О невыпускѣ въ Царство Польское поэмы Мицкевича «Панъ Тадеушъ». Сообщ. С. П. Никольскій (352).—Старый обычай на волжскихъ судахъ. Сообщ. А. Н. Минхъ. (418).

XVII. **Библіографич. листокъ.** (на оберткѣ)

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Платона Григорьевича Ободовскаго.**
2) **При семъ № прилагается объявленіе т-ва „Проводникъ“.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Польшая Подъяческая, № 39.
1903.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1903 года.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи царствованія императора Петра Великаго. Собралъ Е. Шмурло, профессоръ императорскаго Юрьевскаго университета. Томъ I. 1693—1700 Юрьевъ. 1903 г.

Въ своемъ капитальномъ трудѣ Е. Ф. Шмурло поставилъ себѣ цѣлью пополнить архивнымъ матеріаломъ наши свѣдѣнія о царствованіи и дѣятельности Петра Великаго въ его сношеніяхъ съ Западной Европой. Эти сношенія,—говоритъ г. Шмурло,—изучались до сихъ поръ преимущественно въ направленіи сѣверо-западномъ, что и понятно, такъ какъ международная жизнь Россіи начала XVIII вѣка въ войнахъ и дипломатіи, въ промышленности и торговлѣ, въ учрежденіяхъ и школѣ,—сильнѣе всего проявлялась въ ея сношеніяхъ съ протестантскими государствами: Швеціей, Пруссіей, Голландіей, Англіей. Однако не ничтожны были тогда сношенія Россіи и съ Германіей, Венеціей, Римомъ, хотя бы въ силу того, что эти государства постоянно и близко разными сторонами соприкасались съ Польшею, а съ Польшею, какъ извѣстно, Россія связывали самые насущные и неотложные вопросы жизни. Такимъ образомъ международное положеніе Россіи временъ Петра Великаго опредѣлялось направленіемъ не только сѣверо-западнымъ, но и юго-западнымъ, а потому вниманіе историка должно быть обращено на отношенія ея къ міру не только германо-протестантскому, но и романо-католическому. Въ этомъ послѣднемъ направленіи и намѣчена программа разсматриваемаго нами сборника: Риму и Венеціи отведено въ немъ преобладающее мѣсто.

Первый томъ сборника охватываетъ собою періодъ времени съ начала 1695 г. до 19-го (29-го) августа 1700 г.,—начала великой сѣверной войны.

Источниками для этого собранія документовъ послужили: а) архивы: ватиканскій, папскій церемоніальный, венеціанскій государственный, парижскій министерства иностранныхъ дѣлъ, московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и московскій—министерства юстиціи; б) библіотеки римскія: корсиніевская, барберинівская и національная; в) кромѣ того, для примѣчаній г. Шмурло пользовался матеріаломъ: государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ, вѣнскаго государственнаго архива и библіотеки св. Марка въ Венеціи.

По своему происхожденію весь матеріалъ перваго тома можетъ быть разбитъ на слѣдующія восемь группъ: 1) во главѣ всего стоятъ донесенія папскихъ нунціевъ съ отвѣтами и распоряженіями папскаго государственнаго секретаря кардинала Спады. Вопросами, особенно интересовавшими Римъ въ разсматриваемый періодъ, были: военныя дѣйствія Россіи противъ турокъ, какъ участницы антитурецкой лиги, въ успѣхѣ которой былъ заинтересованъ папа; положеніе православія, точнѣе—успѣхи уніи, въ Польшѣ; разрѣшеніе свободнаго проѣзда чрезъ Россію католическихъ миссіонеровъ, направлявшихся въ Китай и въ Персію, и разрѣшеніе свободнаго отправленія католическаго богослуженія въ предѣлахъ Россіи. Интересуясь преимущественно дѣлами церкви, варшавскіе нунціи, естественно, удѣляли ей и больше вниманія: борьба, которая велась въ эту пору въ Польшѣ, на почвѣ перехода православныхъ въ унію и превращенія православныхъ епархій въ уніатскія,—нашла соотвѣтственное выраженіе и въ ихъ депешахъ; въ то же время варшавская нунціатура не могла игнорировать великаго посольства и появленія Петра Великаго за границей, особенно когда выяснились намѣренія его посѣтить Римъ и папу. Депеши кардинала Спады тѣсно примыкаютъ къ депешамъ вѣнскаго и варшавскаго нунціевъ; по нимъ можно судить о степени интереса, съ какимъ папская курія относилась къ политическому положенію тогдашней Россіи и къ религіозной жизни православнаго населенія Польши.

Вторая группа дополняетъ первую, и источникъ ея по существу тоже римскій, и касается стремленій католичества осуществить идеалъ универсальной, единой христіанской церкви.

Въ особую группу выдѣлены, вслѣдствіе большого ихъ количества, — письма о. К. Вота. Карлъ-Марій Вота, іезуитъ и духовникъ польскихъ королей Яна Собѣскаго и Августа II, мечталъ сдѣлаться вторымъ Поссевиномъ и домогался стать во главѣ новой миссіи отъ папы къ московскому государю, въ надеждѣ достичь того, чего не удалось знаменитому посреднику въ расправѣ Іоанна Грознаго съ Стефаномъ Баторіемъ: видѣть православную церковь признавшею главенство римскаго первосвященника. Къ сожалѣнію, письмами Вота, представляющими большой интересъ, Е. Ф. Шмурло имѣлъ право пользоваться лишь подъ условіемъ не дѣлать съ нихъ полныхъ копій и довольствоваться однимъ краткими извлеченіями; поэтому они приведены въ сборникѣ не только въ отрывкахъ, но и почти исключительно въ переводѣ.

Обширный отдѣлъ составляютъ донесенія представителей Венеціанской республики при дворахъ: варшавскомъ, вѣнскомъ и римскомъ. Подобно Риму, не имѣя собственныхъ представителей при московскомъ дворѣ, венеціанскій сенатъ значительную часть свѣдѣній о Россіи получалъ черезъ посредство посланниковъ варшавскаго и вѣнскаго. Резидентъ Альберти съ особымъ вниманіемъ слѣдитъ за дѣйствіями русскихъ войскъ подъ Азовомъ и на Днѣпрѣ; отмѣчаетъ проѣздъ черезъ Варшаву боярина Б. П. Шереметева и другихъ русскихъ, ѣхав-

ПЛАТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ОБОДОВСКІЙ.

(Въ ранней молодости).

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

I.

Манифестъ 18-го мая 1814 года.—Празднества въ Москвѣ.—Возвращеніе императора Александра въ Петербургъ.—Новыя назначенія.—Манифестъ 30-го августа 1814 г.—Благодарность государя народу.—Старое пристрастіе къ французамъ.—Осужденіе этого порока литературою.—Состояніе высшей администраціи.—Полномочіе Комитету министровъ по случаю отъѣзда императора въ Вѣну.—Положеніе и дѣятельность Сената.—Составъ служащихъ, недостатокъ ихъ и необезпеченность.

Заключивъ 18-го (30-го) мая 1814 года миръ съ Франціею, императоръ Александръ I въ тотъ же день подписалъ въ Парижѣ манифестъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ, тяжкій ранами, пріятыми въ грудь отечества нашего, для низложенія коварныхъ замысловъ властолюбиваго врага, вознесъ Россію на верхъ славы, явилъ передъ лицомъ вселенной въ величіи ея, положилъ основаніе свободы народовъ...

«Россійское дворянство, сильная подпора престола, на коей всегда возлежало величіе его; служители алтарей всесильнаго Бога,—ихъ же благочестіемъ утверждаемся на пути вѣры; знаменитое заслугами купечество и граждане не щадили никакихъ пожертвованій. Кроткій поселянинъ, не знакомый дотолѣ со звукомъ оружія—оружіемъ защищалъ вѣру, отечество и государя.—Жизнь казалась ему малою жертвою.

Чувство рабства незнаемо сердцу россіянина. Никогда не преклонялъ онъ главы передъ властію чуждою[1])».

Манифестъ этотъ произвелъ въ разоренной Москвѣ огромное впечатлѣніе и возбудилъ всеобщія надежды. Вся Москва безъ распоряженія начальства была нѣсколько дней иллюминована и украшена эмблематическими прозрачными картинами. У Калужскихъ воротъ, въ домѣ Полторацкаго, уцѣлѣвшаго отъ пожара, дворянство устроило праздникъ. А. М. Пушкинъ сочинилъ «Прологъ»; княгиня Вяземская съ дамами и дѣвицами исполняли его. Бюстъ императора былъ поставленъ на пьедесталѣ, охраняемомъ и увѣнчанномъ геніями; къ нему и обращался хоръ. На пьедесталѣ красовалась надпись, сочиненная княземъ П. А. Вяземскимъ:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель!
Какой вѣнецъ ему? Какой алтарь?
Вселенная! падни предъ нимъ: онъ твой спаситель;
Россія имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь!

За «Прологомъ» былъ сожженъ фейерверкъ, а потомъ начался балъ, продолжавшійся до пяти часовъ утра. Для народа были устроены амфитеатры съ фокусниками и разными представленіями[2]).

Отказавшись отъ титула Благословеннаго, отъ постановки ему при жизни памятника и выбитія въ честь его медали, императоръ Александръ 12-го (24-го) іюля прибылъ въ Павловскъ, запретивъ предварительно всякія парадныя ему встрѣчи. «Ненавидя оныя всегда,— писалъ онъ петербургскому главнокомандующему С. К. Вязмитинову,— почитаю ихъ еще менѣе приличными нынѣ. Единъ Всевышній причиною знаменитыхъ происшествій, довершившихъ кровопролитную брань въ Европѣ. Передъ Нимъ всѣ должны мы смиряться. Объявите повсюду мою непремѣнную волю, дабы никакихъ встрѣчъ и пріемовъ для меня не дѣлать. Пошлите повелѣніе губернаторамъ, дабы ни одинъ не отлучался отъ своего мѣста для сего предмета. На вашу отвѣтственность возлагаю точное исполненіе сего повелѣнія».

Получивъ такое повелѣніе, Вязмитиновъ приказалъ разобрать всѣ сооруженія для иллюминаціи.

13-го (25-го) іюля императоръ Александръ прибылъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ. «Наконецъ, мы дождались прибытія государя императора», писалъ В. М. Поповъ Д. П. Руничу[3]), хотя впрочемъ его величество прибылъ и скорѣе нежели всѣ мы полагали и совсѣмъ не тѣмъ трактомъ, какъ думали и гдѣ приготовились его везти. Врожденное ему

---

[1]) Полн. собр. законовъ, т. XXXII, № 25586.

[2]) Записки А. Н. Энгельгардта, изд. 1867 г., стр. 227 и 228.

[3]) Въ письмѣ отъ 17-го іюля 1814 г. Рукописи Император. Публичной библіотеки.

смиреніе, умножаясь въ немъ по мѣрѣ его усугубляющагося величія, не допустило принять ни единой изъ тѣхъ почестей, какія преданный ему душою благодарный и восхищенный народъ его готовилъ толь усердно. Прибывшіе сюда изъ разныхъ губерній депутаты для встрѣчи и умноженія почестей, были только простыми свидѣтелями того скромнаго появленія въ своей столицѣ монарха, прославляемаго во всей Европѣ, съ каковымъ угодно было ему сюда въѣхать.

«Прибывъ 12-го числа въ 11 часу вечера въ Павловскъ и послѣ свиданія съ государынею императрицею, каковаго никто не могъ описать, государь изволилъ ночевать или, лучше сказать, отдохнуть нѣсколько часовъ въ Царскомъ Селѣ, а потомъ по утру въ седьмомъ часу, прохожіе по Невскому проспекту увидѣли внезапно коляску въ четыре лошади, ѣдущую и поворачивающуюся къ Казанской церкви, безъ всякой свиты; одинъ только казакъ ѣхалъ впереди, какъ обыкновенно бываетъ съ пріѣзжающими изъ арміи. Въ соборѣ еще не было священника, потому что было рано и никто не зналъ. Отслушавъ молебенъ, государь изволилъ поѣхать къ себѣ, и тогда уже народъ, мало-помалу собравшійся, послѣдовалъ за коляскою, восклицая «ура!»

Императоръ отправился въ Каменноостровскій дворецъ, и на слѣдующій день было совершено торжественное молебствіе въ Казанскомъ соборѣ.

Первымъ распоряженіемъ Александра, по возвращеніи его въ Петербургъ, было повелѣніе Комитету министровъ оставаться впредь до указа на томъ основаніи, «на какомъ онъ во время отсутствія моего находился [1])». Вслѣдъ за тѣмъ 31-го августа Комитетъ министровъ былъ уполномоченъ приводить въ исполненіе свои положенія до воспослѣдованія высочайшаго утвержденія[2]), и такимъ образомъ сталъ во главѣ управленія Имперіею.

Въ короткій промежутокъ пребыванія государя въ столицѣ послѣдовали многія перемѣны: 1-го августа государственный канцлеръ графъ Румянцевъ уволенъ отъ дѣлъ [3]), и 10-го августа было повелѣно статсъ-секретарю тайному совѣтнику графу Нессельроде продолжать докладывать по всѣмъ дѣламъ иностраннаго департамента, а управленіе коллегіею иностранныхъ дѣлъ поручено тайному совѣтнику Вейдемейеру.

Наступило 30-ое августа—день тезоименитства императора Александра, ознаменованное многими милостями и обѣщаніями. Фельдмаршалъ графъ Н. И. Салтыковъ возведенъ въ княжеское достоинство съ присвоеніемъ титула свѣтлости и назначеніемъ ему офицерскаго караула.

---

[1]) Полное собр. законовъ, т. XXXII, № 25620.
[2]) Тамъ же, № 25682.
[3]) Указъ Сенату 1-го августа 1814 г.

*

Графу Аракчееву пожалованъ былъ портретъ при особомъ рескриптѣ; князь Лопухинъ возведенъ въ первый классъ, графъ Н. А. Толстой, спутникъ государя во всѣхъ его путешествіяхъ, получилъ алмазный перстень съ портретомъ и 50.000 руб.; главнокомандующій въ Петербургѣ С. К. Вязмитиновъ награжденъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Графъ Ростопчинъ уволенъ отъ званія главнокомандующаго въ Москвѣ, и его мѣсто занялъ генералъ Тормасовъ. Вмѣсто уволеннаго министра юстиціи И. И. Дмитріева назначенъ Д. П. Трощинскій, и наконецъ государственный секретарь А. С. Шишковъ уволенъ отъ этого званія и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Передъ увольненіемъ императоръ Александръ поручилъ А. С. Шишкову написать манифестъ, который положено было объявить 30-го августа.

«При написаніи сего манифеста,—говоритъ Шишковъ въ своихъ запискахъ [1]),—неоднократно читалъ я оный государю, и всегда въ присутствіи графа Аракчеева, чего при прежнихъ чтеніяхъ написанныхъ мною бумагъ никогда не бывало. При первомъ чтеніи, государь съ нѣкоторою суровостью спросилъ у меня: для чего дворянство я поставилъ выше воинства? (ибо такъ сперва у меня было). Я отвѣчалъ, что дворянство есть первое государственное сословіе, снабжающее войско изъ среды себя полководцами, военачальниками, ратниками, и словомъ всѣми потребными силами; а потому яко цѣлое, долженствуетъ преимуществовать передъ частью самого себя. — «Вотъ, сказалъ мнѣ съ насмѣшкой государь, стану я равнять такого-то съ такимъ-то!» (онъ назвалъ здѣсь два лица по именамъ). На это отвѣчалъ я:—«Государь! сравненіе двухъ частныхъ лицъ не даетъ справедливаго заключенія о двухъ сословіяхъ, происходящихъ одно отъ другаго».—Я хотѣлъ продолжать еще далѣе мои доводы, но государь, не слушая меня, повелительнымъ голосомъ приказалъ мнѣ статью о воинствѣ поставить выше статьи о дворянствѣ, и я, въ первый разъ увидя его гнѣвнаго, принужденъ былъ замолчать.

«На другой день переписавъ бумагу, принесъ я къ нему оную для подписанія. Прочиталъ еще разъ. — Онъ взялъ перо; но вдругъ остановился, оттолкнулъ отъ себя бумагу и сказалъ: «Я не могу подписать того, что противно моей совѣсти, и съ чѣмъ я не мало не согласенъ». Я съ удивленіемъ взглянулъ на него и, увидя, что онъ отъ досады весь покраснѣлъ, сказалъ ему съ твердостью:—«Государь! вы нигдѣ при чтеніяхъ моихъ не изволили сдѣлать замѣчанія вашего, и потому я не знаю, какое мѣсто или слово мое противно мнѣнію и волѣ вашего величества». Онъ указалъ мнѣ на статью о помѣщикахъ и крестьянахъ, гдѣ о существующей между ими связи сказано: «на обоюдной

[1]) Берлинское изданіе 1870 г. Томъ I, стр. 308 и 309.

пользѣ основанная». Выраженіе сіе находилъ онъ съ мнѣніемъ своимъ несогласнымъ и несправедливымъ. Я хотѣлъ объяснить ему, что всякая связь между людьми, изъ которыхъ одни повелѣваютъ, а другіе повинуются, на семъ токмо основаніи нравственна и благотворна; что самая вѣра и законъ предписываютъ сіе правило, и что помѣщики, не наблюдающіе онаго, лишаются власти управлять своими подчиненными; но онъ не допустилъ меня ни до какихъ объясненій, вычернилъ одно только сіе выраженіе, оставя все прочее, тожь самое подтверждающее, и отдалъ мнѣ назадъ бумагу для переписанія [1]). По выходѣ моемъ отъ него, не могъ я удержаться, чтобы графу Аракчееву, наблюдавшему во всѣ сіи споры глубокое молчаніе, не сказать: «Я думаю, ваше сіятельство находите меня правымъ, и если бы государю угодно (бы) было выслушать меня безъ гнѣва, то я увѣренъ, что и онъ согласился бы со мною». На это графъ ни слова не отвѣчалъ мнѣ, и мы разстались безъ всякихъ другихъ объясненій».

Быть можетъ, графу Аракчееву было уже извѣстно, что А. С. Шишковъ, въ качествѣ государственнаго секретаря, былъ болѣе не нуженъ императору Александру.

Въ исправленномъ и объявленномъ 30-го августа 1814 года манифестѣ [2]) государь говорилъ, что долговременное отсутствіе изъ отечества тяготило его, и единственнымъ утѣшеніемъ была увѣренность, что отсутствіе это было необходимо для чести и безопасности Россіи и для спокойствія всей Европы.

«Никогда не чувствовали мы толико великаго блаженства, какъ при вступленіи въ предѣлы благословенной области нашей, куда несли мы сердце, исполненное любовію къ достойному оной народу нашему и гдѣ встрѣчены были всеобщимъ усердіемъ и радостію».

Въ ознаменованіе тѣхъ взаимныхъ чувствованій, «на любви, благодарности и благополучіи основанныхъ, которыя мы здѣсь вкушаемъ, говорилъ императоръ, и въ сохраненіе памяти безпримѣрнаго единодушія и ревности, увѣнчанныхъ отъ руки Всевышняго столь знаменитыми происшествіями»,—Александръ прежде всего пожелалъ воздать благодареніе Богу и съ этою цѣлію постановилъ: День Рождества Христова, 25-го декабря, въ воспоминаніе избавленія Россіи отъ нашествія непріятеля, признать днемъ благодарственнаго празднества. По окончаніи

---

[1]) Сіе несчастное въ государѣ предубѣжденіе противъ крѣпостнаго въ Россіи права, противъ дворянства и противъ всего прежняго устройства и порядка, внушено въ него было находящимся при немъ французомъ Лагарпомъ и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французовъ, отвращавшихъ глаза и сердце свое отъ одежды, отъ языка, отъ нравовъ и словомъ отъ всего русскаго". Примѣчаніе А. С. Шишкова.

[2]) Полн. собр. законовъ, т. XXXII, № 25671.

обычной совершаемой въ сей день службы приносить особое благодарное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, при чтеніи установленной на этотъ случай молитвы; во весь день быть колокольному звону [1]).

Затѣмъ въ ознаменованіе заслугъ всѣхъ сословій государства были пожалованы: духовенству особо учрежденный крестъ для ношенія на груди и съ надписью «1812 годъ»; воинству—особая медаль, съ обозначеніемъ на ней года и числа вступленія въ Парижъ. При этомъ императоръ Александръ заявлялъ всенародно, что своими подвигами русское воинство «не токмо отечество свое, но и всю Европу спасло и удивило, да вкусятъ сладкую награду въ душѣ и совѣсти своей. Всякое иное возмездіе не сравнится съ дѣлами его и доблестію». Тѣмъ не менѣе государь надѣялся, «что продолженіе мира и тишины подастъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать имъ осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства» [2]).

Обращаясь къ дворянству, императоръ Александръ писалъ: «Благородное дворянство наше, вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничѣмъ не нарушимую преданность и любовь къ царю и отечеству, наипаче же нынѣ изъявившее безпримѣрную ревность щедрымъ пожертвованіемъ не токмо имуществъ, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на Владимірской лентѣ медалію, съ тѣмъ самымъ изображеніемъ, каковое находится уже на медали, учрежденной на 1812 годъ». Эту медаль имѣли право носить отцы или старѣйшины семействъ, а по смерти ихъ она должна сохраняться у потомковъ, какъ знакъ оказанныхъ предками ихъ въ 1812 году «незабвенныхъ» заслугъ отечеству.

Зная, что дворянство въ бывшую войну сильно пострадало и понесло огромные убытки, Александръ выражалъ увѣренность, что «истинная и неувядаемая слава исцѣлитъ раны его, утѣшитъ въ скорби умножитъ еще болѣе должную и справедливую гордость быть россіяниномъ и увеличитъ заботу и попеченіе его о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами достойныхъ любви его домочадцевъ. Воздержанность же отъ роскоши—матери пороковъ, и хозяйственное домостроительство, источникъ изобилія, спокойствія и чистоты нравовъ, вознаградятъ сторицею всѣ претерпѣнныя разстройства и убытки».

Купечеству объявлены благоволеніе и благодарность и обѣщано

---

[1]) Полное собр. законовъ, т. XXXII, № 25669.

[2]) Обѣщаніе образовать военныя поселенія, начало которымъ было положено еще въ 1811 году.

тѣхъ изъ нихъ, которые оказали особо важныя заслуги, наградить особою бронзовою медалью, на лентѣ ордена Св. Анны [1]).

«Почтенное мѣщанство и крестьяне, которые трудолюбіемъ своимъ извлекаютъ изъ земли первоначальную для всѣхъ пищу, изъ среды коихъ исходитъ воинъ на защиту отечества, и которые въ самое грозное время самолютѣйшей войны показали духъ православія, вѣрности и мужества, едва-ли когда имѣвшей примѣръ въ бытописаніяхъ... да получатъ мзду свою отъ Бога». Впрочемъ, императоръ обѣщалъ въ теченіе 1814 года, а можетъ быть и нѣсколькихъ лѣтъ не производить рекрутскаго набора. «Между тѣмъ, мы предполагаемъ и ожидаемъ несомнѣнно, что они въ наставшее послѣ жестокой брани мирное и спокойное время, пребывая вѣрны долгу и званію своему, умножатъ прилежаніе свое къ сельскимъ трудамъ и ремесленнымъ промысламъ и тѣмъ исправятъ нанесенныя непріятелемъ разоренія. Господи! молю Тя, да сбудутся съ ними словеса пророка Твоего Давида: Бразды Твоя да упоятся, и жита Твоя умножатся; поля Твоя исполнятся тука, овцы будутъ многоплодны и волове Твои толсти; удолія умножатъ пшеницу, пустыни возвеселятся и холмы радостію препояшутся. Тако да взыщетъ ихъ милость Твоя».

«Со стороны же человѣческаго попеченія» правительство обѣщало позаботиться о казенныхъ крестьянахъ, а относительно помѣщичьихъ императоръ Александръ выражалъ увѣренность, что забота его о ихъ благосостояніи предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. «Существующая издавна между ими [2]), русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и нынѣ многими опытами взаимнаго ихъ другъ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что съ одной стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадахъ своихъ, заботою; а съ другой—они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства».

Въ концѣ манифеста были объявлены льготы и милости, состоявшія въ прощеніи недоимокъ и казенныхъ взысканій, равно объ освобожде-

---

[1]) Медали эти носились въ петлицѣ на лѣвой сторонѣ груди и жаловались тѣмъ купцамъ, которые внесли пожертвованіе не менѣе десятой части капитала, присвоеннаго той гильдіи, въ которой они состоятъ. Жаловались медали и тѣмъ купцамъ, которые, принявъ въ свой домъ раненыхъ офицеровъ или солдатъ, въ какомъ бы числѣ ни было, доставляли имъ присмотръ, пищу и все необходимое и тѣмъ содѣйствовали ихъ выздоровленію (см. Арх. министерства юстиціи, дѣло 1816 г. № 173).

[2]) Вотъ здѣсь и помѣщена была Шишковымъ фраза: „на обоюдной пользѣ основанная“, съ которою не согласился императоръ Александръ.

деніи обывателей нѣкоторыхъ разоренныхъ губерній отъ платежа податей и повинностей. Для облегченія народа отъ подушнаго сбора повелѣно произвести по всей Имперіи народную перепись, чтобы не заставлять платить за умершихъ. Въ указѣ министру юстиціи [1]) было пояснено, что всѣмъ бѣглымъ какъ военнаго, такъ и гражданскаго званія, кто изъ-за границы явится, предоставляется полная воля избрать себѣ родъ жизни, вступать въ военную службу, возвращаться на прежнія жилища, записываться по городамъ или селиться на назначенныхъ для того мѣстахъ. Помѣщичьихъ крестьянъ, которые по сему дозволенію вступятъ въ службу или припишутся въ казенное вѣдомство, предписано зачитать владѣльцамъ за рекрутъ при будущихъ наборахъ. Тѣ же бѣглые, которые не были за границею, а проживали внутри государства, получая прощеніе «въ винахъ, ими содѣянныхъ, должны быть обращены въ то состояніе, къ которому принадлежали».

Этимъ пока ограничились всѣ распоряженія императора Александра. Возвратившись въ столицу 13-го іюля, онъ уже 1-го сентября выѣхалъ въ Вѣну, и въ Россіи все пошло по-старому. Разоренные сельскіе жители возвращались въ свои дома, хлопотали о возстановленіи ихъ и нуждались въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ жизни. Другая часть зажиточнаго, господствующаго и служащаго населенія, по которому только скользнулъ непріятельскій погромъ, возвратясь въ свои насиженныя мѣста и должности, зажили по-прежнему, «заклипѣла трескотня карточная и столы ломберные удомосѣдились» [2]).

Въ Москвѣ балъ слѣдовалъ за баломъ; иллюминаціи и фейерверки освѣщали развалины первопрестольной столицы; во многихъ богатыхъ домахъ устраивались любительскіе спектакли, по нѣскольку въ одинъ и тотъ же день.

«Подобно какъ у васъ въ Москвѣ, писалъ Петръ Лунинъ А. П. Тормасову [3]), и здѣсь (въ Петербургѣ) по всѣмъ частямъ города пляшутъ и комедію играютъ, въ чемъ и я участвую нерѣдко.—Надняхъ должны (были) въ моемъ домѣ играть оперу «Адольфъ и Клара», но смерть Архарова, въ его зятѣ графѣ Соллогубѣ, лишаетъ актера и одними балами отдѣлываюсь; а при томъ только прошу, чтобы самого не заставили прыгать и за то денежною платою обложенъ и всѣми издержками...»

Нашествіе на Россію «двунадесяти языкъ» не заставило людей со средствами измѣнить свои привычки, не обновило ихъ. Эта часть населенія, меньшая по численности, но сильная своимъ обще-

---

[1]) Отъ 30-го августа 1814 года.

[2]) Записки о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ похода 1812 г. С. Глинки стр. 34 и 127.

[3]) Въ письмѣ отъ 9-го февраля 1815 г. Госуд. Арх. XI, № 1049.

ственнымъ положеніемъ, не устранила даже отъ себя прежняго пристрастія ко всему иностранному.

— Мы только и ожили,—говорили великосвѣтскія дамы, — когда явились къ намъ плѣнные.

«Выморозки», какъ называли тогда оставшихся въ Россіи воиновъ Наполеона, разсыпались партіями во внутреннія губерніи и расхватывались всюду, гдѣ только появлялись; въ дворянскихъ семействахъ устраивались для нихъ обѣды, балы, концерты, а барыни и барышни влюблялись. «Многіе помѣщики въ губерніяхъ,—писалъ графъ Ростопчинъ,—ваяли въ услуженіе французскихъ солдатъ, забывъ, что руки, подающія имъ пить, грабили и убивали русскихъ, жгли Москву и оскверняли храмы Божіи».—Бѣдствіе, постигшее Москву, разореніе имѣній въ губерніяхъ, по которымъ прошла непріятельская армія, никого не образумило, и большинство по-прежнему бредило французами.

«Зная образъ вашихъ мыслей,—писалъ графъ Ростопчинъ С. Н. Глинкѣ [1]),—любовь къ отечеству и страсть ко всему русскому, представляю себѣ, какъ вамъ больно, видя, что послѣ всѣхъ адскихъ дѣяній французскихъ разбойниковъ, послѣ очевидныхъ плодовъ разврата, ими содѣяннаго въ душахъ, сердцахъ и умахъ,—пристрастіе къ нимъ не довольно не изчезло, но еще усилилось отъ учтиваго какого-то сострадания къ несчастнымъ съ восклицаніями на ихъ языкѣ».

— Я слышалъ,—говоритъ Гнѣдичъ,—какъ молили Бога о спасеніи отечества—языкомъ враговъ Бога и отечества, сохраняя выговоръ во всемъ совершенствѣ [2]).

— Какъ можно жить,—замѣчала молодежь,—и не говорить по-французски, не любить этотъ ловкій народъ. Мы даже сны видимъ на французскомъ языкѣ, и если молимся, то, по наставленію нашихъ гувернантокъ, читаемъ молитвы по-французски.

«Изгнавъ дерзкаго галла за предѣлы своей земли,—пишетъ Ю. К. Арнольди [3]),—Русь выказала обычную великую черту своего характера: она позаботилась о плѣнныхъ непріятеляхъ, которыхъ насчитывались десятки тысячъ. Рѣдкій былъ тогда домъ, въ которомъ не встрѣчался бы плѣнный французъ: имѣть у себя «своего» француза, это установилось тогда само собою для каждаго порядочнаго дома».

Московскія барыни очень огорчались тѣмъ, что Кузнецкій мостъ обрусѣлъ и, вмѣсто Викторины Пешъ и Антуанеты Лопатеръ, торгуютъ Доброхотовъ, Григорьевъ, Пузыревъ и проч.

— Кто же будетъ насъ одѣвать?—спрашивали модницы.

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ 1813 г. № 5 (май), стр. 73.

[2]) Описаніе торжественнаго открытія Императорской Публичной библіотеки, стр. 131.

[3]) Въ своихъ воспоминаніяхъ, „Русскій Архивъ“ 1891 г. № 7, 328.

Но не въ платьѣ было дѣло.—Большая часть французовъ и француженокъ содержали лавки только для вида, а обогащались другимъ: «тутъ бывали свиданія, нечаянныя встрѣчи; тутъ обиталъ развратъ высокаго тона»[1]).

Съ изгнанія въ 1812 году непріятеля изъ Россіи, по словамъ Сахарова[2]), наступила вторая эпоха пристрастія ко всему иностранному. «Просвѣтителями этой эпохи сдѣлались безсмысленные остатки отъ разбитой Наполеоновской арміи, когда плѣнныхъ французовъ разбирали на расхватъ и ввѣряли имъ своихъ дѣтей. Кухарки, прачки, сапожники и портные начали просвѣщать русскихъ въ разводимыхъ пансіонахъ».

Изъ нихъ выходили молодые люди съ идеями о космополитизмѣ, съ презрѣніемъ къ Россіи и съ полнымъ невѣжествомъ. «Эти отверженцы,—говоритъ Сахаровъ,—не знающіе чести и славы родины, думаютъ и дѣлаютъ все по-чужеземному, по внушеніямъ бродягъ. Не говорю уже о женщинахъ этой отвратительной эпохи, глубоко упавшихъ своею развратностью и прославившихъ себя наглостью. Нынѣ онѣ стараются свои грѣхи прикрыть ханжествомъ, глупымъ обманомъ о высокой чести ихъ молодости. Эта несчастная эпоха продолжалась недолго, до 1820 г.; но она оставила гибельныя послѣдствія на цѣлое столѣтіе».

Люди положительные, основательные, любившіе отечество, глубоко скорбѣли о такомъ направленіи общества. «Я старый человѣкъ,—писалъ житель изъ окрестностей Петербурга[3]), и—быть можетъ, немного мнѣ осталось жить на свѣтѣ; но дорого бы далъ дожить до того времени, когда любезные наши соотечественники, познавъ въ самихъ себѣ стыдъ, стали бы говорить по-русски»...

— Если столь сильно овладѣло уже вами предубѣжденіе,—говорилъ Гавріилъ Петровичъ Ермоловъ[4]),—что безъ французскаго языка дѣти ваши не могутъ быть просвѣщенными и добрыми, отдайте ихъ въ казенныя мѣста (заведенія): тамъ правительство печется о воспитаніи юношей; оно приготовляетъ гражданъ и подданныхъ благочестивыхъ; оно имѣетъ обязанность надзирать само за ними и для своего могущества, славы и благоденствія содѣлать ихъ лучшими и полезными. Если вы скажете, что не можетъ быть большаго успѣха въ наукахъ, по множеству тамъ учащихся, то посмотрите примѣчательнѣе у себя въ домахъ, что дѣлалось и дѣлается? Вы увидите, что наемникъ вашъ французъ или француженка, за тысячи, вами платимыя, едва-ли зани-

[1]) Замѣчанія на французолюбцевъ „Рус. Вѣсти.“ 1813 г. № 12, стр. 45 и 46.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1873 г. Т. II, № 6, стр. 904. — „Сынъ Отечества“ 1813 г № 26, стр. 301—305.

[3]) „Русскій Вѣстникъ“ 1813 г. № 12, стр. 40.

[4]) „Русскій Вѣстникъ“ 1813 г. № 10, стр. 60.

маются ученіемъ дѣтей вашихъ три часа въ сутки? Они берутъ деньги съ васъ за то, чтобы быть распорядителями порядка, стола, удовольствія въ домѣ вашемъ и занимаютъ васъ пустословіемъ, или берутся просвѣтить васъ самихъ въ образѣ жизни и поведеніи вашемъ: короче сказать, они дѣлаются вашими путеводителями».

Обращаясь къ отцамъ и матерямъ, Г. П. Ермоловъ совѣтывалъ имъ научить дѣтей быть благочестивыми, уважающими лѣта и достоинства, познанію исторіи своего народа, въ которой найдутъ они примѣры добродѣтели, повиновенія, мужества и твердости [1]).

— Тогда,—говорилъ онъ,—мы будемъ имѣть почтенныхъ дѣтей, утѣшающихъ насъ въ старости, послушныхъ подданныхъ и вѣрныхъ сыновъ родины, за нее полагающихъ животъ свой.

«Не должны ли мы,—спрашивалъ А. Безобразовъ [2]),—обратить вниманіе наше на прошедшіе полвѣка, въ продолженіе коего роскошь и нѣга ослѣпили насъ до того, что мы допустили дерзкихъ пришельцевъ иноземныхъ, своимъ хитрымъ лицемѣрствомъ, обладать не только умами, но и потаенными чувствами сердецъ нашихъ. Избытки наши сдѣлались источниками ихъ обогащенія, и сіи мнимые образователи нравственности еще доселѣ считаютъ карманъ нашъ—за свой, образованіе ума нашего—за даръ ихъ благостыни. Они, подобно тѣмъ гадинамъ морскимъ, кои во время бури изъ глубины водъ извергнутыя на берега заражаютъ зловоніемъ окрестности,—заразили правила вѣры, чести, нравы и обычаи наши. Мы не можемъ въ семъ не сознаться, но сознаніе есть свойство великихъ душъ и вѣрный залогъ обращенія къ истинѣ. Не горестно-ли истинному сыну отечества видѣть, что доселѣ подражаемъ мы мнимому просвѣщенію, вкусу, обращенію, образу воспитанія тѣхъ самыхъ враговъ, кои поколебали все святое во внутренности отечества нашего. Къ вамъ дерзаю обратиться, благомыслящіе соотечественники, чувства коихъ, увѣренъ я, давно уже стремятся достигнуть цѣли, свергнуть съ себя оковы иноземныя и доказать вселенной, что русскіе посреди братскаго своего сообщества насладиться могутъ просвѣщенною добродѣтелью».

Почти вся періодическая литература была направлена противъ хозяйничанья французовъ въ русскихъ семействахъ и противъ пристрастія высшаго общества къ французскому языку. Приглашая ректора С.-Петербургской духовной академіи Филарета [3]), принять участіе въ торжественномъ открытіи Императорской Публичной библіотеки, директоръ ея А. Н. Оленинъ предлагалъ ему сказать рѣчь, въ которой бы

[1]) Тамъ же, стр. 63 и 64.

[2]) Въ своей книгѣ: „Краткое обозрѣніе подвиговъ россійскаго дворянства". С.-Петербургъ, изд. 1813 г. стр. II—XVIII.

[3]) Впослѣдствіи митрополита московскаго.

онъ, между прочимъ, обсудивъ вопросъ, не вредно-ли будетъ современемъ для народной нравственности и для любви къ отечеству общее употребленіе живаго чужаго языка съ исключеніемъ природнаго даже въ обыкновенномъ разговорѣ съ ближайшимъ родственниками.

«Признаюсь,—писалъ Оленинъ,—я не могу довольно надивиться непонятной для меня страсти щеголять знаніемъ, а особливо чистымъ произношеніемъ всѣхъ языковъ, кромѣ своего природнаго. Скоро между нами будетъ какъ при Вавилонскомъ столпотвореніи! Не услышитъ кійждо гласа ближняго»[1]).

И правда, состояніе умовъ было таково, что путаница мыслей не имѣла предѣловъ[2]). Люди, не видавшіе ничего лучшаго, забившіеся въ глуши провинцій, жили по-старому, никого и ничего не слушали и утопали въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Но въ то время когда высшій и отчасти зажиточный средній классъ преклонялись передъ французами, втершимися въ ихъ дома, масса народа ненавидѣла ихъ и отождествляла со словомъ cochon. «Нынѣшнее слово французъ есть синонимъ чудовищу, извергу, варвару и проч.»[3]). Эта часть общества смотрѣла на французовъ какъ на пролазовъ, обирающихъ хозяевъ и вносящихъ за то растлѣніе въ русскія семейства. Въ каррикатурѣ Теребенева: жидъ обманываетъ вещами, цыганъ—лошадьми, а французъ—воспитаніемъ, спрашивалось, который вреднѣе? Каррикатура изображала слѣдующее: съ правой стороны еврей услужливо подаетъ ящикъ съ галантерейными вещами; посреди цыганъ старается украдкою разгорячить клячу, а на лѣвой сторонѣ французъ, качаясь въ стулѣ, самодовольно любуется билетомъ, на которомъ написано: 10 руб. за часъ. За нимъ у стола сидитъ мальчикъ за книжкою и возлѣ него французскіе романы, исторія Франціи и, наконецъ, географическая карта, на которой видна только Франція; законы же русскіе и русская грамматика лежатъ подъ столомъ; надъ сочиненіями русскихъ авторовъ трудится мышь, а катехизисъ валяется подъ ногами учителя.

— Люди,—говорилъ В. Н. Каразинъ[4]),—которые явно пренебрегаютъ священнымъ основаніемъ всѣхъ высокихъ чувствованій, способны-ли питать въ себѣ какія-либо религіозныя чувства, къ числу коихъ

---

[1]) Описаніе торжественнаго открытія Императорской Публичной библіотеки, стр. 90.

[2]) Письмо С. С. Уварова барону Штейну 18-го ноября 1813 г. „Русскій Архивъ“ 1871 г. Т. I, стр 130.

[3]) „Сынъ Отечества“ 1812 г. Ч. VIII, стр. 90.

[4]) Въ запискѣ, поданной императору Александру еще въ ноябрѣ 1806. Арх. канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода, д. № 26515.

принадлежитъ и любовь къ отечеству? Могутъ-ли понятія и имя отечества быть священными для тѣхъ, кто чуждается должностей отцовъ семейства?—Безбрачная жизнь, которая въ извѣстныхъ лѣтахъ и состояніи есть вѣрнѣйшая вывѣска разврата, день ото дня входитъ въ обыкновеніе.—Число счастливыхъ супружествъ непрестанно уменьшается, равно какъ и послушныхъ родителямъ дѣтей, да и кто мыслитъ о воспитаніи ихъ въ началахъ, свойственныхъ христіанину и жителю своей земли?

Полуграмотные отцы жили вкусно и сытно, матери проводили время въ интимныхъ бесѣдахъ съ гувернерами-французами, а дѣти оставались безъ призора, безъ воспитанія, развращались ими.

«Наше время,—писалъ графъ С. Р. Воронцовъ графу Ростопчину [1]),—торжественно провозглашаемое вѣкомъ просвѣщенія и философіи, едва-ли въ извѣстномъ смыслѣ не носитъ на себѣ болѣе зачатковъ варварства, чѣмъ всѣ предъидущія поколѣнія; потому что наше полупросвѣщеніе, наше ложное образованіе, эгоизмъ и развращеніе нашихъ нравовъ, развиваемое нашимъ правительствомъ въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, уже давно успѣли бы затушить въ насъ всякую искру патріотизма, если бы нашъ патріотизмъ не восторжествовалъ надъ угнетающею его силою, такъ сказать, вопреки правительству, которое, руководимое нѣмцами и ливонцами, само вводило къ намъ пороки...»

Они существовали въ семействахъ, въ общественной жизни и еще больше въ администраціи, начиная съ высшихъ и до низшихъ учрежденій.

Съ образованіемъ министерствъ императоръ Александръ надѣялся упорядочить администрацію и дать государству лучшее управленіе, но вышло наоборотъ. «По предположенію о министерствахъ,—говоритъ современникъ [2]),—въ особенности было обращено вниманіе на то, дабы установить отвѣтственность министровъ; обязать ихъ лично отвѣчать за всѣ ихъ дѣйствія, обязать непремѣнно представлять государю императору каждогодно отчеты по управленію ихъ и проч. Все сіе имѣло ту цѣль, чтобы министры, не стѣсняясь въ дѣйствіяхъ своихъ, не теряли изъ виду, что они обязаны оправдывать дѣйствія свои; но едва установленіе сіе получило образованіе, какъ министры начали отходить отъ онаго». Одни, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать самостоятельно, обращались въ Сенатъ, чтобы, получивъ отъ него резолюцію, **всегда соотвѣтствующую желаніямъ ихъ**, оградить себя отъ всякой отвѣтственности.—«Съ самаго начала министерствъ нѣкоторыми разсуждаемо

---

[1]) Отъ 7-го (19-го) марта 1813 г. изъ Лондона. „Рус. Арх." 1872 г. Т. II, стр. 2186.

[2]) Записка о внутреннемъ управленіи Россіи. — Сборникъ матеріаловъ собст. Его Величества канцеляріи, выпускъ VII, стр. 118.

было, что покойнѣе дѣйствовать черезъ Сенатъ, нежели самому.—Министръ, который слыть можетъ человѣкомъ сильнымъ у двора, легко можетъ черезъ двухъ или трехъ сенаторовъ вести все въ Сенатѣ по своимъ видамъ, и даже, буде пожелаетъ, удовлетворять склонностямъ къ самовластію или къ мщенію».

Съ другой стороны, министры, характера самовластнаго, скоро замѣтившіе постепенное, какъ увидимъ, паденіе значенія Сената, захватили власть въ свои руки, стали независимы, не давали никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Каждый министръ представлялъ собою самостоятельную административную единицу, ничѣмъ и ни кѣмъ не ограниченную и не связанную съ другими, отчего происходилъ рядъ противорѣчій въ распоряженіяхъ. — Докладывали министры сами, и каждому изъ нихъ опредѣлены были дни.—«Изъ этого вышло, — писалъ Иванъ Пестель [1]),— что самые дни сіи заставляли каждаго искать дѣла и часто не по надобности, не по обстоятельствамъ, а просто для того, что докладной день безотговорочно того требовалъ, и чтобы не казаться передъ государемъ праздным.—Вотъ откуда пошли скоропостижныя измѣненія законовъ и недозрѣлыя мѣры». Расплодилась переписка, увеличилось число чиновниковъ, исполнявшихъ единоличиую волю министра. Директоры департаментовъ обратились въ секретарей, начальники отдѣленій—въ писцовъ, и «вскорѣ вся администрація представляла собою огромныя праздныя канцеляріи министровъ» [2]).

Прежде по коллегіальному порядку: разсуждали, имѣли пренія,—говоритъ современникъ [3]),—согласовались съ уставами, не смѣли переступить за опредѣленную черту, подчинялись главѣ—Сенату. «Нынѣ нѣтъ возраженій, одно лицо (министра) отвергаетъ полезныя представленія—произволъ все опредѣляетъ безъ отвѣтственности». Распоряженія министерствъ, каковы бы они ни были, считались закономъ и должны были исполняться. Къ сожалѣнію, распорядители были не опытны и совершенно не знали Россіи. Это незнаніе тяжело отзывалось на населеніи.

«Правительство наше,—писалъ В. Н. Каразинъ [4]),—дѣйствуетъ по умозрительнымъ лишь соображеніямъ, по представленіямъ о вещахъ не вѣрнымъ или недостаточнымъ. Оно видитъ болѣзнь, сокрушается о ней, стремится исцѣлить ее, отъ времени до времени испытываетъ разныя

---

[1]) Въ запискѣ, представленной графу Аракчееву при письмѣ отъ 11-го января 1816 г. Арх. собств. Его Величества канцеляріи, по военной части, дѣло 1816 г. № 68.

[2]) Показаніе Г. С. Батенкова 25-го марта 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 11.

[3]) Павелъ Сумароковъ, въ запискѣ: „О новомъ устройствѣ всѣхъ частей въ губерніяхъ". Арх. Государс. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. № 4.

[4]) Графу В. П. Кочубею въ запискѣ, представленной при письмѣ 19-го ноября 1819 года. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. № 267.

средства, но ошибается въ нихъ по недостатку анатомическаго и физіологическаго познанія объ огромномъ тѣлѣ, которымъ владѣетъ. Увы! всѣ мы отъ мала до велика, отъ меня, неважнаго частнаго человѣка, до васъ—министра, достаточно чтимаго въ Европѣ и въ Азіи, не вѣдаемъ еще Россіи нашей. Признаемся въ семъ безъ стыда; простительно не успѣть въ томъ, что совсѣмъ невозможно. У насъ нѣтъ еще россійской статистики».

Отъ недостатка такого знанія выходили часто нелѣпыя распоряженія и запросы.

Въ 1809 году слободско-украинскій губернаторъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ о пріобрѣтеніи въ казну дачи Хорвата для заведеній приказа общественнаго призрѣнія. При представленіи плана и описанія дачи, онъ упомянулъ о маленькомъ ручьѣ Немышлѣ, высыхающемъ лѣтомъ и впадающемъ въ другой такой же протокъ—Харьковъ.—Послѣдовавшій изъ министерства запросъ, судоходна-ли рѣка Немышля, вызвалъ всеобщій смѣхъ въ губернскомъ городѣ.

Въ 1812 году министръ полиціи сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи въ армію воловъ въ равномъ числѣ какъ изъ Полтавской, такъ и изъ Черниговской губерніи, въ которой жители работаютъ лошадьми. То же распоряженіе относилось и до Орловской губерніи. Жители двухъ послѣднихъ губерній принуждены были платить по 300 руб. за вола, чтобы исполнить повинность, тогда какъ для Полтавской губерніи повинность эта была нечувствительна. Графъ Аракчеевъ приказалъ обсаживать дороги около Чугуева елью, которой ближе 500 верстъ не было; спрашивалъ, сколько телѣгъ навозу кладутъ на десятину украинскіе поселяне.

Планы на каменныя строенія посылались министерствами въ такія мѣста, гдѣ не было камня и лѣса для обжиганія кирпича; планы для постройки великолѣпныхъ мостовъ посылались туда, гдѣ не было ни одной рѣки. Жители плодородныхъ и промышленныхъ губерній были обложены равною или еще меньшею податью, чѣмъ тѣ, жалкія нивы которыхъ лежали въ болотахъ и каменистыхъ мѣстахъ и которыя были совершенно лишены промышленности по большому отдаленію отъ городовъ, дорогъ и судоходныхъ рѣкъ.

«Чего не знаетъ начальникъ отдѣленія,—писалъ В. Н. Каразинъ,—того не вѣдаетъ и директоръ департамента. Министръ также не можетъ указать сему послѣднему, ибо для всѣхъ равно мракъ закрываетъ вещи. Какая человѣческая проницательность можетъ замѣнить познанія историческія. Ихъ у насъ очень мало, и тѣ, которыя есть, безъ системы, безъ всякой между собою связи».

«Читая мнѣнія Сената и Совѣта,—говорилъ Коховскій [1]),—я нѣ-

[1]) Въ письмѣ генералу Левашеву 14-го марта 1826 г.

сколько познакомился съ сенаторами и совѣтниками государя.—Къ сожалѣнію, мало между ними людей ясно видящихъ и способныхъ понимать здраво и обсуживать предметы. Большая часть изъ нихъ дурно знаетъ состояніе государства».

Эти люди рѣшали дѣла и не допускали никакихъ возраженій. Каждый министръ поступалъ по-своему. Одинъ и тотъ же вопросъ не рѣдко рѣшался разными министрами, а иногда въ одно и то же время, но чаще одинъ начиналъ его, другой кончалъ, и подчиненныя мѣста не знали, чьи распоряженія исполнять и въ случаѣ надобности къ кому обращаться за разрѣшеніемъ дѣлъ. Послѣднія разрѣшались Сенатомъ, Комитетомъ министровъ, а иныя поступали въ Государственный Совѣтъ, «такъ что всѣ три установленія могутъ заниматься дѣлами однородными или случайно или по произволу министровъ» [1]). Часто министры спорили между собою и нарушали единство управленія.

«Наши умные дьяки (министры),—писалъ Петръ Лунинъ А. П. Тормасову [2]),—и правители дышла государственнаго, въ бумажной и чернильной перебранкѣ. Присутствіе государя [3]) могло бы скоро сіе остановить, а теперь Богъ знаетъ чѣмъ кончится! Одни мы платимся отъ этой вражды, потому что всѣ дѣла остановились и время отъ времени разстраиваются. Ходячая звонкая монета убавляется, а гордость, надменность и любочестіе министровъ усиливается. А каждаго разобрать порознь—не что иное, какъ надутыя лягушки. Прилично напомнить Хемницера басню «Оселъ въ уборѣ».

Твое достоинство и чинъ опредѣляетъ
Одинъ уборъ твой
Золотой.
Другихъ достоинство умы ихъ отличаетъ.
И, наказавъ осла, левъ снять уборъ велѣлъ,
А какъ оселъ другихъ достоинствъ не имѣлъ,
То безъ убора сталъ опять простой оселъ [4]).

Жолчныя строки эти вылились подъ впечатлѣніемъ расшатанности управленія и самовластія министровъ, направленнаго въ разныя стороны.

«Сіи истинные въ наше время аристократы,—говорилъ Г. С. Батенковъ [5]),—владѣли ввѣренными имъ частями какъ бы удѣлами. Смѣна или смерть одного министра производила новый раздѣлъ департамен-

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ собствен. Его Величества канцеляріи, выпускъ VII, стр. 118.

[2]) Отъ 23-го марта 1815 г., Госуд. Арх., XI № 1049.

[3]) Императоръ Александръ былъ въ то время за границею.

[4]) Полное собраніе басенъ Хемницера, изд. 1891 г. стр., 133 и 134.

[5]) Въ показаніи 25-го марта 1826 г. Госуд. Арх., I д. № 11.

товъ, не по существу предметовъ, но по уваженію лицъ, и они тягались между собою какъ бы о правѣ на наслѣдіе.

«Къ довершенію неустройства образовали Комитетъ министровъ. Ничего не можно было придумать къ прикрытію всѣхъ безпорядковъ передъ государемъ и къ обнаженію его одного лица передъ народомъ. Все производство дѣлъ оставалось въ тайнѣ; формы, подъ видомъ простоты и скорости, прикрывали всѣ упущенія и своевольства. Канцелярія могла дѣлать, что хотѣла и, вмѣсто обѣщанной учрежденіемъ министерствъ отвѣтственности каждаго лица, даже до начальника стола за всѣ дѣйствія, они всѣ совокупно съ министрами прикрывались объявленными на все высочайшими соизволеніями, и государь одинъ несъ на себѣ всю тяжесть ошибокъ и неустройствъ.

«Въ Комитетѣ министровъ, какъ на большой дорогѣ, толпились всѣ неустройства, безпорядки и несправедливости. Но сего мало: придумали еще особенные пути къ умноженію смѣшенія. По множеству частныхъ случаевъ учреждены разные комитеты, съ такою же, какъ главный комитетъ, силою. Одинъ перевершалъ дѣла другаго; рѣшенія, утверждаемыя высочайшею властью, являлись часто по одному и тому же дѣлу въ совершенномъ между собою противорѣчіи, шли къ исполненію не извѣстными и установленными путями, но тѣми, какіе по особымъ видамъ дѣйствующихъ лицъ казались удобнѣйшими».

— Комитетовъ много,—это правда,—говорилъ П. Лунинъ [1]),—но толку и денегъ мало, а кто больше грабитъ и беретъ, тотъ и правъ и довольственно живетъ. Вотъ наше положеніе, и мы, кажется, забыли вѣру, любовь къ ближнему и честь. Эгоизмъ одинъ управляетъ нашими умами и дѣяніями.

Въ 1812 году, передъ отъѣздомъ въ Вильну, императоръ Александръ, какъ извѣстно, поручилъ управленіе государствомъ Комитету министровъ, устранивъ отъ этого Государственный Совѣтъ и Сенатъ, оставшіеся почти безъ всякой власти. Въ главѣ Комитета былъ поставленъ князь Салтыковъ. Почти ежедневно по вечерамъ министры собирались въ его домѣ на совѣщанія, гдѣ, — писалъ П. Лунинъ [2]), — «толстотушный министръ финансовъ крѣпко пыхтитъ, внутренній (Козодавлевъ) козой блѣетъ, а прочіе всякій своимъ ходомъ, уловкою, придворнымъ и задворнымъ правиломъ засѣдаетъ—всякій за себя, одинъ Богъ за всѣхъ. Вотъ наше внутренное положеніе зыблемое и безнадежное».

«Въ откровенности говорю,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ [3]),—что, зная ходъ всѣхъ г.г. министровъ и временное (частое?) ихъ измѣненіе,

---

[1]) Въ письмѣ А. П. Тормасову отъ 20-го апрѣля 1815. Госуд. Арх. XI. № 1049.

[2]) А. П. Тормасову 6-го апрѣля 1815 г. Госуд. Арх. XI № 1049.

[3]) А. П. Тормасову отъ 9-го февраля 1815 г. Тамъ же.

подобно барометру,—надежнѣйшее и одно средство и путь по всѣмъ дѣламъ прямо къ старику князю Николаю Ивановичу (Салтыкову) адресоваться; — прочіе надутые пузыри. Многое можетъ по немъ князь Лопухинъ, но не хочетъ и слишкомъ остороженъ».

Поставленный во главѣ управленія государствомъ, Комитетъ министровъ ни по своему составу, ни по характеру дѣятельности и компетентности, не могъ сосредоточить въ себѣ единой власти, по всѣмъ многоразличнымъ частямъ администраціи. Являлись часто недоразумѣнія, упущенія, недомолвки и скороспѣлыя распоряженія; ходъ правительственной машины разстраивался.

Но императоръ Александръ былъ противнаго мнѣнія.

«Вамъ извѣстна воля моя, — писалъ онъ князю Салтыкову [1]), — на основаніи коей, для удобности и общаго соображенія въ рѣшеніи дѣлъ текущихъ, вносятъ министры представленія свои въ Комитетъ министровъ. Минувшіе четыре года показали въ полной мѣрѣ возможность и удобность въ исполненіи предположенія таковаго; а польза общаго сужденія въ государственныхъ дѣлахъ не требуетъ никакихъ изъясненій. Считая излишнимъ объяснять вамъ, что заключенія комитета разсматриваются всегда мною прежде исполненія журналовъ, слѣдовательно, я всегда могу видѣть согласіе или противное мнѣніе представляемому министромъ, я нахожу, что симъ порядкомъ ходъ текущихъ дѣлъ основательно устроенъ.

«Но есть предметы въ каждомъ министерствѣ, по коимъ управляющіе оными будутъ находить необходимымъ мнѣ ихъ лично представлять. Вслѣдствіе сего поручаю вамъ объявить министрамъ, дабы каждый изъ нихъ составилъ и прислалъ къ вамъ записку о сихъ предметахъ, кои, по его мнѣнію, не могутъ быть вносимы въ Комитетъ министровъ, а требуютъ личнаго въ кабинетѣ моемъ доклада».

Хотя императоръ Александръ и требовалъ, чтобы было подробно объяснено, какія именно дѣла считаютъ министры необходимымъ лично докладывать государю, но строгаго порядка въ этомъ было установить нельзя, и министры, предпочитая личный докладъ государю, не вносили многихъ дѣлъ въ Комитетъ министровъ.

Пользуясь полною самостоятельностью и безконтрольностью, они совершенно устранили Сенатъ и лишили его всякаго значенія.

— Данныя ему привилегіи,—говорилъ П. Сумароковъ,—обычаями, новизнами измѣнились, послушаніе отъ судилищъ прекратилось. Не внемлятъ учащеннымъ предписаніямъ. Начальники удерживаютъ указы и не исполняютъ ихъ,—все остается безъ взысканія. Однимъ словомъ,

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 8-го марта 1816 г. — Арх. собств. Его Величества канцеляріи, кн. № 14.

Сенатъ, этотъ надежный руль государя, предстоитъ непонятною инстанціею. Соблюдаются только формы, очищаются рапорты, нумера бумагъ умножаются, по губерніямъ хаосъ [1]).

«Съ теченіемъ времени Сенатъ обратился только въ типографію, печатавшую указы» [2]).

«Въ настоящемъ устройствѣ и составѣ Сената,—писалъ современникъ [3]),—утвердилось одно вредное обстоятельство—это, что мало оканчивается дѣлъ въ департаментахъ. Они (дѣла) по разногласіямъ переносятся въ общее собраніе, гдѣ также встрѣчая мало согласія, съ тремя, четырьмя, или болѣе мнѣніями, поступаютъ въ Совѣтъ (Государственный), такъ, что уже дѣла судныя не оканчиваются у насъ по свойственному и почти вообще принятому правилу въ 3-й инстанціи, но проходятъ шесть, семь и болѣе инстанцій. Неудобство сіе происходитъ главнѣйше отъ слѣдующихъ причинъ: во-первыхъ, отъ большаго слишкомъ числа сенаторовъ, въ департаментахъ и въ общемъ собраніи присутствующихъ; во-вторыхъ, отъ совершеннаго незнанія многими изъ нихъ дѣлъ гражданскихъ; въ-третьихъ, отъ поверхностнаго вниманія къ дѣламъ многихъ сенаторовъ, кои, бывъ заняты другими должностями, часто не присутствуютъ въ Сенатѣ, между тѣмъ какъ они или должны, или желаютъ, или находятъ виды свои въ каждое дѣло вмѣшиваться».

Такой порядокъ обратилъ на себя вниманіе императора Александра.

«До свѣдѣнія моего дошло,—писалъ онъ Д. П. Трощинскому [4]),—что сенаторы, даже не занятые никакими должностями, уклоняются отъ присутствованія въ Сенатѣ, подъ предлогами, не заслуживающими уваженія, такъ, что нерѣдко слушаютъ дѣло одинъ или два сенатора, да и тѣ пріѣзжаютъ на самое короткое время. Отчего происходитъ не только медленность въ отправленіи правосудія, но и размноженіе недѣльныхъ голосовъ, которыхъ не могло бы случаться во множественномъ числѣ, какъ нынѣ бываетъ, еслибъ дѣла прилежно разсматриваемы были въ полномъ присутствіи и сужденіе по онымъ производилось всѣми членами совокупно.

«Взирая съ неудовольствіемъ на таковыя послѣдствія, происходящія, какъ мнѣ кажется, отъ невниманія къ особеннымъ обязанностямъ службы столь важному званію, каково есть въ государствѣ званіе сена-

---

[1]) Записка тайнаго совѣтника Павла Сумарокова.—Арх. Государ. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., д. № 4.

[2]) Показаніе Г. С. Батенкова 25-го марта 1826 г. Государс. Арх. I, д № 11.

[3]) Сборникъ матеріаловъ изъ архива собствен. Его Велич. канц., вып. VII, стр. 123.

[4]) Въ рескриптѣ отъ 22-го января 1815 г. Полное собр. закон., т. XXXIII № 26091.

*

тора, законами предоставленной, повелѣваю вамъ объявить мою волю Правительствующему Сенату, дабы всѣ члены онаго, памятуя всегда священный долгъ, присягою на нихъ возлагаемый, старались ревностно и по чистой совѣсти проходить настоящее служеніе свое, для котораго они и въ сіе достоинство возведены. А при томъ я желаю, чтобы всѣ члены Сената съѣзжались въ собраніе, и всякій разъ находились въ оном положенные генеральнымъ регламентомъ часы, въ приличныхъ по своей степени занятіяхъ.

«Но что принадлежитъ до министровъ, также почитающихся членами Сената, то какъ они озабочены управленіемъ отдѣльныхъ частей, не позволяющихъ имъ быть ежедневно въ оном, наравнѣ съ прочими сенаторами, въ такомъ случаѣ дозволяю имъ собираться въ Сенатъ единственно по дѣламъ, относящимся до министерствъ, ихъ управленію ввѣренныхъ, и заслуживающимъ особенное уваженіе, для чего назначать нарочито дни, въ которые всякій министръ, по сдѣланной ему отъ Сената повѣсткѣ, долженъ уже будетъ въ оном непремѣнно присутствовать. Вамъ же наипаче подтверждаю, по званію вашему, строго наблюдать за выполненіемъ сего и мнѣ представлять о всемъ томъ, что будетъ имѣть и самый видъ уклоненія отъ общаго порядка и правосудія».

Понимая щекотливость положенія Трощинскаго въ этомъ отношеніи, императоръ Александръ приказалъ ему предоставлять дневныя записки, кто изъ сенаторовъ присутствовалъ въ Сенатѣ, и въ которомъ часу прибылъ [1]).

Прошло болѣе года, а движеніе дѣлъ въ Сенатѣ не усилилось. Тогда государь 5-го августа 1816 года вновь обратился къ Трощинскому со слѣдующимъ рескриптомъ [2]).

«По настоящемъ выздоровленіи вашемъ отъ болѣзни, я желаю, чтобы вы, занявъ прежнее свое мѣсто, продолжали съ прежнею дѣятельностью отправлять должность вашу. Я, въ полной къ вамъ довѣренности, поручаю вамъ усугубить надзоръ, дабы дѣла, какъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, такъ и во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ, имѣли успѣшнѣйшее теченіе, чтобы законы и указы повсюду исполнялись неизмѣнно, чтобы бѣдные и угнетаемые находили въ судахъ защиту и покровительство, чтобы правосудіе не было помрачено ни пристрастіями къ лицамъ, ни мерзкимъ лихоимствомъ Богу противнымъ и мнѣ ненавистнымъ, и чтобы обличаемые въ семъ гнусномъ порокѣ не терпимы были въ службѣ и преслѣдуемы всею строгостію

---

[1]) Предписаніе Трощинскаго оберъ-прокурору 1-го департамента Сената.—Арх. минис. юстиціи, д. № 4580.

[2]) „Русская Старина“, 1895 г. № 8, стр. 134.

законовъ; въ чемъ вы, по долгу званія вашего, неослабно наблюдать и о послѣдствіяхъ меня въ откровенности извѣщать не оставьте, донося равномѣрно и о тѣхъ отличныхъ чиновникахъ, которыхъ за усердную и безпорочную службу найдете достойными особеннаго моего воздаянія».

Законныя желанія императора разбивались о всеобщую лѣнь и нерадѣніе.

«При вступленіи моемъ, въ 1814 году, въ званіе министра юстиціи,— доносилъ Трощинскій Государственному Совѣту [1]),—нашелъ я на консультаціи нерѣшенныхъ дѣлъ, поступившихъ изъ общихъ собраній Правительствующаго Сената, по разногласіямъ сенаторовъ, 319, изъ коихъ нѣкоторыя были съ 1809 г., продолжавшіяся въ нижнихъ инстанціяхъ по 30 и 40 лѣтъ».

Въ одномъ изъ дѣлъ архива министерства юстиціи сохранилась слѣдующая собственноручная записка Д. П. Трощинскаго [2]):

«Невозможно никакъ терпѣть толикой въ дѣлахъ медленности.

«Въ собраніи сегодня слушано одно дѣло, но и то не рѣшено или за разногласіемъ, или за выбытіемъ нѣкоторыхъ сенаторовъ прежде окончанія изъ присутствія. И для того почитаю нужнымъ принять мѣры, указанныя мнѣ рескриптомъ, на имя мое даннымъ, который на сей конецъ мнѣ доставить, истребуя, между тѣмъ, записку изъ Сената о приходѣ и выходѣ сенаторовъ въ послѣднюю пятницу» [3]).

Получивъ эту записку, Трощинскій приглашалъ сенаторовъ къ прилежнѣйшему отправленію своихъ обязанностей и просилъ ихъ пріѣзжать въ присутствіе не позже 9 часовъ утра и оставаться тамъ непремѣнно до окончательнаго рѣшенія дѣлъ [4]).

Несмотря на эти распоряженія, дѣло костромскаго губернатора Пасынкова тянулось съ 1815 по 1820 годъ; дѣло орловскаго вице-губернатора Бахметева началось въ 1819 году и не было еще окончено въ 1830 г. Высочайшій указъ 19-го марта 1800 г. о лихоимцахъ и ростовщикахъ не былъ распубликованъ Сенатомъ до 15-го ноября 1815 года [5]).

«Не безъизвѣстно Правительствующему Сенату,—писалъ Трощинскій,—съ какою медленностію приводятся въ исполненіе посылаемые изъ онаго указы, не только по просительскимъ дѣламъ, но и по дѣламъ

---

[1]) Отъ 13-го октября 1816 г. Арх. Госуд. Сов., дѣло департ. законовъ № 30 (31).

[2]) Арх. министерства юстиціи, дѣло № 4560.

[3]) На запискѣ сдѣлана помѣта: „6-го ноября писано оберъ-прокурору Титову, о доставленіи требуемой записки“.

[4]) Предписаніе Титову, 9-го ноября 1816 г., Арх. министерства юстиціи, д. № 4560.

[5]) Полное собраніе законовъ, т. XXXIII, № 25997.

уголовнымъ, слѣдственнымъ, сопряженнымъ съ казенными интересами, ибо въ нѣкоторыхъ губерніяхъ остаются они, къ удивленію, цѣлыми сотнями безъ всякаго дѣйствія».

По экзекуторскимъ вѣдомостямъ, представленнымъ въ 1822 году Сенатомъ министру юстиціи, оказалось слѣдующее число неисполненныхъ сенатскихъ указовъ:

По общему собранію	съ 1817	по 1821	годъ	. . . . .	70
„ I департаменту	„ 1817	„ 1821	„	. . . . .	578
„ II „	„ 1817	„ 1821	„	. . . . .	352
„ III „	„ 1819	„ 1822	„	. . . . .	107
„ IV „	„ 1819	„ 1822	„	. . . . .	90
„ V „	„ 1819	„ 1822	„	. . . . .	212
„ VI „	„ 1819	„ 1822	„	. . . . .	571
„ VII „	„ 1810	„ 1822	„	. . . . .	1592
„ VIII „	„ 1805	„ 1822	„	. . . . .	1679 [1]

Въ такой мѣрѣ не исполнялись распоряженія Сената, а что дѣлалось внутри Россіи? Тамъ дѣла шли еще того хуже.

«Всѣ дѣла въ Черниговской губерніи идутъ медленно.—доносилъ князь Репнинъ [2]),—и какъ чиновники, такъ и присутственныя мѣста довольствуются единственно писаніемъ по одному дѣлу пяти или шести бумагъ, несмотря, приводятся-ли первыя повелѣнія ихъ къ точному исполненію.

Каждый изъ служащихъ въ губерніяхъ зналъ, что всѣ распоряженія могли ограничиваться однѣми написанными бумагами; что никто не слѣдилъ за ихъ исполненіемъ и не принималъ мѣръ къ взысканію съ виновныхъ, уклонявшихся отъ честнаго исполненія своихъ обязанностей. Подтвержденія, безъ взысканія, не имѣли никакого значенія и, по заявленію генералъ-адъютанта Балашова, онъ нашелъ, что въ Рязанской губерніи подтвержденія и повторенія Сената по одному и тому же дѣлу давались 17 разъ и все-таки не были исполнены. Губернскія правленія обыкновенно отвѣчали, что причиною медленности въ рѣшеніи дѣлъ есть чрезвычайное увеличеніе переписки со времени образованія министерствъ. Все это привело къ тому, что по произведеннымъ ревизіямъ оказалось не рѣшенныхъ дѣлъ:

Въ 1817 году въ губерніяхъ:	Виленской	6.556
	Курской	15.434
	Орловской	13.535
	Полтавской . . .	10.378
	Рязанской	11.442
	Смоленской . . .	8.020

[1]) Арх. министерс. юстиціи, дѣло 1822 г. № 1926.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи 4-го ноября 1816 г. Арх. собств. Его Величества канцеляріи, дѣло 1816 г. № 35.

Въ 1817 году въ губерніяхъ	Тамбовской . . .	9.770
	Черниговской . .	9.772
	Въ землѣ войска Донскаго.	10.263 дѣла [1])
Въ 1819 году въ губерніяхъ:	Олонецкой . . .	6.000
	Вологодской . . .	16.000
Въ 1820 году въ губерніяхъ:	Орловской	16.000
	Тульской	5.395
Въ 1821 году въ губерніи	Рязанской	6.000
Въ 1822 году въ губерніи	Казанской	10.480 дѣлъ [2]).

Даже въ С.-Петербургской палатѣ гражданскаго суда дѣла оставались по нѣскольку десятковъ лѣтъ не исполненными, рѣшались безъ очереди и составленныя опредѣленія не исполнялись весьма продолжительное время [3]).

Приведенныя цифры ясно указываютъ, что чиновничество руководствовалось родною поговоркою: казенное дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не у б ѣ ж и т ъ.

«Обращая безпрестанно вниманіе, писалъ графъ М. С. Воронцовъ [4]), на теченіе дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ Новороссійской губерніи и замѣтивъ медленное производство оныхъ, я искалъ источника, изъ котораго проистекаетъ таковая медленность.

«Въ скоромъ времени я замѣтилъ, что медленное теченіе дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, равно какъ и производство слѣдствій, происходитъ болѣе отъ неисполненія въ точности и въ свое время низшими присутственными мѣстами и чиновниками предписаній губернскаго начальства; равнымъ образомъ и оттого, что губернскія правленія, побуждая нерадивыхъ къ скорѣйшему окончанію дѣлъ, довольствуются одними подтвержденіями, не употребляя противъ виновныхъ законной строгости».

Безотрадность такого положенія дѣлъ была естественнымъ послѣдствіемъ личнаго состава губернскихъ учрежденій. Они наполнялись людьми необразованными, старыми, убогими и неимущими. Гражданская служба была въ полномъ загонѣ.—Но если «отъ хорошаго устройства военныхъ силъ,—сказано въ одной изъ записокъ [5]),—зависитъ наружная безопасность государства, то на устройствѣ гражданской части

---

[1]) Полное собраніе законовъ, т. XXXIV, № 27134.

[2]) Арх. министр. юстиціи, дѣла 1820 г. № 837 и № 1594; 1821 г. № 1519; 1822 г. № 1768.

[3]) Тамъ же, № 3567.

[4]) Въ отношеніи министру юстиціи 22-го апрѣля 1824 г. Арх. министр. юстиц., д. № 3230.

[5]) Взглядъ на гражданское устройство и проч. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., д. № 31.

основано внутреннее спокойствіе онаго.—Прискорбно должно быть истинному сыну отечества взирать на сильную державу, заставляющую трепетать цѣлый міръ передъ легіонами непобѣдимыхъ и несущую въ сердцѣ своемъ глубоко укоренившуюся язву, разстраивающую внутреннее благосостояніе оной.

«Свобода, съ которою въ Россіи переходили изъ гражданской службы въ военную, а изъ военной въ гражданскую, родила мысль, что не человѣкъ для мѣста долженъ быть способенъ, а мѣсто для человѣка.—И не могло быть иначе, когда видѣли людей, посвятившихъ лѣта юности мирнымъ занятіямъ статской службы, поступающихъ офицерами въ полки, а подвизавшихся на полѣ брани входящихъ въ управленіе труднѣйшими гражданскими должностями».

Гражданскіе чиновники состояли тогда изъ четырехъ разрядовъ: 1) изъ дѣтей приказныхъ служителей и разночинцевъ; 2) изъ дворянъ, служащихъ по выборамъ; 3) изъ дворянскихъ дѣтей, получившихъ легкое свѣтское образованіе, поступавшихъ преимущественно въ министерства и къ генералъ-губернаторамъ по особымъ порученіямъ и 4) изъ бывшихъ въ военной службѣ, утратившихъ здоровье и опредѣляемыхъ къ болѣе или менѣе важнымъ должностямъ.—Всѣ низшія должности въ присутствіяхъ какъ въ уѣздныхъ, губернскихъ, такъ и столичныхъ городахъ пополнялись необразованными приказными, составлявшими какое-то особое сословіе между дворянствомъ, купечествомъ и народомъ.

«Въ губерніяхъ видимъ мы,—писалъ сенаторъ П. Сумароковъ, возсѣдающихъ за зерцалами людей безъ свѣдѣній, просвѣщенія, нерѣдко выходцевъ изъ низкаго состоянія, безъ чести, безъ правилъ, торгующихъ правосудіемъ».

И дѣйствительно, сынъ сторожа, дьячка или приказнаго служителя, обучась кое-какъ у отца чертить буквы и разбирать часовникъ, помѣщался съ малолѣтства въ судъ, въ званіи писца или просто ученикомъ. Здѣсь за перепискою маловажныхъ исходящихъ бумагъ оканчивался курсъ его воспитанія, а въ примѣрахъ, старшими подаваемыхъ—усовершенствованіе нравственной его образованности. Затвердя нѣсколько указовъ, писецъ становился уже приказнымъ, и кругъ его дѣятельности расширялся.

«Начинаютъ стекаться просители; онъ сочиняетъ со словъ ихъ разныя бумаги, ходатайствуетъ по дѣламъ, изучается въ искусныхъ хитростяхъ и пріобрѣтаетъ къ несчастію навыкъ основывать доходы на бѣдствіи тяжущихся или подсудимыхъ.—Тонкостью, разными услугами или искуснымъ приложеніемъ законовъ, успѣвъ обратить на себя вниманіе начальника, онъ производится въ классный чинъ и тогда, пользуясь преимуществами личнаго дворянства, предается безбоязненно всѣмъ

наклонностямъ своимъ, ибо знаетъ, что оскорбленъ быть не можетъ.— Если сей приказный одаренъ нѣкоторыми умственными способностями, то, поступивъ въ званіе секретаря, возвышается далѣе и далѣе, и горе тѣмъ, кто будетъ зависѣть отъ вредной опытности и правосудія его»! [1]).

Такіе люди слѣдовали пословицѣ: «рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше» и старались при первомъ удобномъ случаѣ получить болѣе тепленькое мѣстечко. Донося о безотрадномъ положеніи Вологодской и Олонецкой губерній, генералъ-губернаторъ Клокачевъ писалъ [2]):

«Обязанностію моею поставляю всеподданнѣйше присовокупить, что всѣ вновь министерствами учреждаемыя и образуемыя по губерніямъ части, какъ-то: горныхъ и соляныхъ дѣлъ, винная, таможенная, лѣсная, банковая и проч. доставляютъ чиновникамъ несравненно большія жалованья противъ губернскихъ штатовъ, отчего происходитъ то, что люди способные и лучшіе изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и другихъ службеій перемѣщаются во вновь открывающіяся мѣста, гдѣ жалованья больше, а должности и обязанности по службѣ не столь важныя и многотрудныя.

«По новымъ штатамъ, по части министерства финансовъ вышедшимъ, получаютъ жалованье секретари, столоначальники и бухгалтеры отъ 1000, 1500 и до 2000 рублей (не говоря о старшихъ чинахъ) и даже нижніе канцелярскіе чины отъ 200, 300 и до 500 руб. въ годъ; многіе при томъ еще имѣютъ и готовыя казенныя квартиры. Напротивъ того, предсѣдатели въ уголовной и гражданской палатахъ, состоя въ V классѣ, имѣютъ до нынѣ жалованье 840 р., по штатамъ 1775 г. опредѣленное, по коимъ получаютъ совѣтники губернскаго правленія и палатъ, а совѣтники и судьи по 600 руб., а другіе чины оныхъ и секретари еще менѣе и не соотвѣтственно ни трудамъ ихъ, ни обязанностямъ, на нихъ лежащимъ. Напримѣръ, въ уѣздномъ судѣ судья получаетъ жалованья 300 р., два засѣдателя дворянскіе по 250 р., два сельскихъ по 60 р. и секретари 200 р., итого на всѣхъ шесть человѣкъ выходитъ 1.120 р.; меньше, чѣмъ одинъ какой-нибудь помощникъ столоначальника по вновь образованной части получаетъ.

«Между тѣмъ обязанности уѣзднаго судьи и его сочленовъ, по мнѣнію моему, суть особенной важности. Въ уѣздномъ судѣ всякое дѣло получаетъ свое начальное основаніе. По дѣламъ уголовнымъ и слѣдствен-

---

[1]) Взглядъ на гражданское устройство и предположеніе о мѣрахъ, вѣроятно могущихъ пресѣчь укоренившіеся безпорядки. Арх. Государствен. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., д. № 31.

[2]) Во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 15-го декабря 1819 г. Архивъ собственной Его Величества канцеляріи, кн. № 86.

нымъ судъ уѣздный полагаетъ свой приговоръ или сентенцію, осуждающую даже дворянина къ лишенію чести, жизни и проч.; а по гражданскимъ разсматриваются документы и доказательства собственности, опредѣляются права на владѣніе оною. Часто Правительствующій Сенатъ рѣшенія свои основываетъ на положеніяхъ уѣздныхъ судовъ, въ которыхъ, какъ выше сказано, дѣло идетъ о жизни, чести и имѣніи,—слѣдственно, чиновники, засѣдающіе въ оныхъ, должны быть свѣдущи въ дѣлахъ и законахъ, а посему и заслуживаютъ, по мнѣнію моему, преимущественнѣе другихъ неважныхъ частей, чтобы опредѣлено имъ было приличное содержаніе. Которые же чиновники нынѣ находятся при должностяхъ по уѣзднымъ особенно судамъ, всѣ почти въ самомъ бѣднѣйшемъ положеніи, едва почти пропитываются и ежели остаются въ службѣ, то потому только, что по старости лѣтъ, бывъ при томъ обременены семействами, не имѣютъ возможности перемѣнить службы».

«Лучшіе люди изъ дворянскаго сословія,—говорилось въ одной изъ записокъ [1]),—кои токмо не въ военной службѣ, идутъ служить къ винной операціи, гдѣ и наградъ и выгодъ больше; а въ присутственныхъ мѣстахъ никого не остается, ни выбирать, не опредѣлять».

Жалованье служащихъ было далеко не уравнено. Губернаторъ, хозяинъ губерніи, получалъ менѣе вице-губернатора; чиновники цѣлаго уѣзда, вмѣстѣ взятые, получали жалованье равное одному надзирателю питейнаго сбора. Состояніе приказныхъ было бѣдственное: за 30 или 40 руб. въ годъ они обречены были работать съ утра до вечера; «наемные въ домахъ служителя» получали болѣе ихъ. «Надобно видѣть въ губерніяхъ несчастныхъ сихъ людей, чтобы принять въ нихъ участіе».

«Они большую часть ночей,—говорилъ князь Лобановъ-Ростовскій [2]),—безъ отдыха въ работѣ проводятъ и нѣсколько лѣтъ всѣхъ наградъ и поощреній лишены. Канцеляріи же департаментовъ Сената безъ отдыха также работаютъ, но при томъ грѣхъ скрыть отъ вашего величества, что сіи послѣдніе въ жалостномъ положеніи, служа на штатахъ 1762 г. и по недостатку канцелярскихъ служителей, на мѣсто одного выбывшаго принимаютъ двухъ и болѣе и окладъ выбывшаго дѣлятъ на трехъ и четырехъ вновь принятыхъ, дабы въ денежномъ расходѣ не выйти изъ штатнаго положенія; отчего доводится инымъ жалованья по 50 руб. въ годъ. Главная же непріятность изъ того, что въ комъ хотя малая способность обнаружится, тотъ проситъ отъ Сената увольненія, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ».

---

[1]) Записка неизвѣстнаго, представленная государю Сперанскимъ 20-го ноября 1821 г.

[2]) Тогда министръ юстиціи. См. всеподданнѣйшее собственноручное письмо его 30-го ноября 1817 года. Архивъ собствен. Его Величества канцеляріи, кн. 39.

Остававшіеся на службѣ въ Сенатѣ, а тѣмъ болѣе въ губернскихъ учрежденіяхъ терпѣли во всемъ нужду и лишенія. Недостатокъ всего необходимаго для содержанія себя и семейства «есть одно изъ горестнѣйшихъ положеній жизни и тѣмъ болѣе бѣдственное, что неминуемо влечетъ къ преступленіямъ, могущимъ открыть средства къ пресѣченію бѣдности. Всякій писецъ, поступая въ 14-й классъ, долженъ и жену и дѣтей содержать прилично новому своему званію. Съ возвышеніемъ его умножаются и условныя нужды, почему и не удивительно, что новый дворянинъ, не имѣющій надлежащихъ понятій о чести и обольщаемый предложеніями просителей, посягаетъ противъ законовъ, которыхъ кара столь рѣдко его достигаетъ. Вообще приказный даже и класснаго чина получаетъ столь ограниченное жалованье, что не можетъ изъ онаго сшить себѣ не только мундира, но даже самаго простаго платья; нужно имѣть квартиру, освѣщеніе и пищу. Когда же несчастный еще отягощенъ семействомъ, то лишенъ всѣхъ средствъ не только содержать, но и кормить оное» [1]).

Все это ставило служащихъ въ необходимость проживать на службѣ собственные доходы, у кого они были, или же пополнять недостатки незаконно пріобрѣтаемыми доходами. Отсюда произошло то, что люди честные и съ состояніемъ ограниченнымъ стали удаляться отъ должностей, съ полученіемъ которыхъ сопряжено было собственное ихъ и семействъ разореніе, и искали себѣ болѣе обезпеченной службы.

Получивъ право выбирать изъ своего сословія должностныхъ лицъ въ самыя важныя учрежденія въ губерніяхъ, дворянство сначала считало за честь вступленіе даже на низшія должности. Но не долго продолжалось это. Зависимость дворянскихъ чиновниковъ (т. е. служившихъ по выборамъ) отъ назначаемыхъ правительствомъ постепенно удаляла лучшее дворянство, которое предоставляло служеніе по выборамъ мелкопомѣстному и менѣе уважаемому.

«Съ тѣхъ поръ,—говоритъ современникъ,—какъ званіе дворянства перестало быть послѣднею наградою подвиговъ на пользу отечества и сдѣлалось первою стезею къ началію служенія, Россія наполнилась тысячами бѣднѣйшихъ и потому не имѣющихъ средствъ къ образованію своему дворянъ. Границъ къ умноженію ихъ и понынѣ не положено».

— Старинное дворянство,—говорилъ Н. Сумароковъ [2]),—въ коемъ заключалась слава, честь, подпора прежнихъ нашихъ самодержцевъ, нынѣ отъ мутныхъ, несвойственныхъ ему потоковъ, засорилось, потускло, едва мерцаетъ, подавленное новыми выходцами.

---

[1]) Взглядъ на гражданское устройство и предположеніе о мѣрахъ, могущихъ пресѣчь или по крайней мѣрѣ значительно уменьшить укоренившіеся безпорядки. Арх. Гос. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. д. № 31.

[2]) Въ своей запискѣ 1826 г., тамъ же д. № 57.

Дворянство тогда раздѣлялось на три разряда: на просвѣщенныхъ, на грамотныхъ только, которые или «мучатъ другихъ, какъ судьи, или сами таскаются по тяжбамъ», и, наконецъ, на полныхъ невѣждъ, которые жили по деревнямъ, служили церковными старостами и ничѣмъ не занимались. «Изъ нихъ мелкопомѣстные составляли язву Россіи: всегда порочные, ропщущіе, но желающіе жить выше своихъ средствъ, мучили крестьянъ своихъ нещадно. Богатые дворяне, живя въ столицахъ, довѣряли хозяйство наемникамъ-управителямъ, которые обирали крестьянъ, обманывали владѣльцевъ и девять-десятыхъ имѣній въ Россіи были разстроены и заложены. Сохранилось весьма не много семействъ съ чистыми и не разстроенными имѣніями.

«Недостатокъ средствъ заставилъ многихъ служить изъ-за хлѣба Званія исправниковъ и засѣдателей земскаго суда первые впали въ пренебреженіе, ибо и лучшихъ изъ нихъ начали почитать по крайней мѣрѣ орудіями мздоимства. Званіе судей и засѣдателей уѣзднаго суда были менѣе пренебрежены; званіе уѣздныхъ предводителей, употребляемыхъ часто исполнительною властью, къ должностямъ несогласнымъ съ прежними правами ихъ, тоже много потеряло въ уваженіи общественномъ [1]). Одно званіе губернскаго предводителя осталось неприкосновеннымъ и потому цѣлью желаній и надеждъ достойнѣйшихъ людей».

При такомъ положеніи, съ приближеніемъ выборовъ, лучшіе дворяне или бѣжали изъ губерніи, или просили пріятелей и всѣхъ своихъ знакомыхъ не выбирать ихъ ни на какую должность [2]).

Въ столичныхъ, а въ особенности въ губернскихъ учрежденіяхъ сталъ чувствоваться недостатокъ чиновниковъ, вызывавшій остановку въ дѣлахъ. По донесенію губернскаго прокурора, 11-го октября 1814 года, въ Херсонской губерніи въ послѣднее трехлѣтіе не было: въ Александрійскомъ уѣздѣ исправника, въ Херсонѣ—полицеймейстера, а въ Елизаветградѣ—городничаго; дворянскіе засѣдатели и судьи, почти во все трехлѣтіе, со дня выборовъ, не являлись на службу подъ предлогомъ болѣзни и жили въ своихъ имѣніяхъ, не смотря на неоднократныя требованія губернатора [3]). Для наполненія чиновниками при-

---

[1]) На многія дворянскія должности выбирались люди сомнительной нравственности и низкаго происхожденія: въ Саратовской губерніи исправникъ Горяиновъ былъ изъ дворовыхъ людей. Порховской уѣздный предводитель дворянства Голубовъ былъ крѣпостной графа Разумовскаго.

[2]) Такое уклоненіе отъ общественной службы происходило и среди купечества, платившаго деньги, чтобы только не выбирали ни на какую должность по магистрату или ратушѣ. Если же подкупъ не помогалъ, то они оставляли свое сословіе и приписывались къ обществамъ городовъ, въ которыхъ никогда пребыванія не имѣли.

[3]) Арх. министерства юстиціи, дѣло 1814 г. № 1923.

сутственныхъ мѣстъ въ Казанской и Таврической губерніяхъ, приходилось принимать исключенныхъ за пороки въ другихъ губерніяхъ.

Новороссійскій генералъ-губернаторъ, графъ М. С. Воронцовъ, указывалъ на это министру юстиціи князю Д. И. Лобанову-Ростовскому, который отвѣчалъ ему [1]):

«Не въ одномъ Новороссійскомъ краѣ встрѣчается затрудненіе въ наполненіи присутственныхъ мѣстъ людьми хорошими, но къ крайнему сожалѣнію по всему пространству Россіи повсемѣстно весьма ощутителенъ недостатокъ въ людяхъ свѣдущихъ, дѣловыхъ и нравственныхъ. Даже министерскіе департаменты и канцеляріи Правительствующаго Сената, гдѣ въ сравненіи съ губернскими и уѣздными мѣстами предоставлены служащимъ многія выгоды, не изобилуютъ людьми по желанію. Сему несчастію, по-моему, двѣ главныя причины: первая, что общее просвѣщеніе у насъ еще въ младенчествѣ. Лучшіе образованные люди, какъ бы гнушаясь гражданской службы, большею частію идутъ въ военную, а выходя изъ оной, достаточные остаются въ отставкѣ; прочіе же вступаютъ въ гражданскую службу съ тѣмъ только, чтобы снискать себѣ способы къ пропитанію, большею частію оказываются къ оной неспособными, ибо гражданская служба требуетъ и свѣдѣній въ законахъ, и долговременнаго практическаго навыка. То же можно сказать и о служащихъ по выборамъ дворянахъ. Слѣдственно, присутственныя мѣста и особливо канцеляріи наполняются большею частію изъ такихъ людей, которые, съ самаго вступленія въ службу въ канцелярскомъ званіи, приготовляютъ себя къ должностямъ, можно сказать, самоучкою и продолжительнымъ навыкомъ; и сіи-то люди впослѣдствіи времени дѣлаются главнѣйшими пружинами въ производствѣ дѣлъ.

«Вторая причина недостатка въ хорошихъ людяхъ по присутственнымъ мѣстамъ есть слишкомъ малое жалованье, которое нисколько не обезпечиваетъ безбѣднаго содержанія служащаго. Человѣкъ, не имѣя способовъ къ содержанію себя и чувствуя себя сколько-нибудь къ дѣлу способнымъ, ищетъ себѣ служенія въ другихъ мѣстахъ, гдѣ можетъ найти болѣе выгоды и нерѣдко предпочитаетъ коронной частную службу. По сему-то и нельзя надѣяться, чтобы получившіе воспитаніе въ университетахъ могли поступать, напримѣръ, въ уѣздные стряпчіе, или другія подобныя должности, когда они удобнѣе могутъ открыть себѣ путь въ высшихъ мѣстахъ. Однѣ только награды чинами и орденами удерживаютъ хорошихъ людей на службѣ гражданской, но и награды имѣютъ свой предѣлъ. Въ недавнемъ времени было предположеніе, чтобы вообще оклады по губерніямъ возвысить, на каковой конецъ составлены были новые губернскіе штаты, но финансы государственнаго каз-

[1]) Въ письмѣ отъ 27-го января 1824 г.; тамъ же, дѣло 1824 г. № 3230.

начейства не допустили привести сего предположенія въ дѣйствіе, и по положенію Комитета министровъ отложено оно до удобнѣйшаго времени.

«Изъ сего ваше сіятельство удостовѣриться изволите, что затрудненія въ наполненіи присутственныхъ мѣстъ людьми и свѣдущими и хорошими проистекаетъ отъ причинъ, теперь еще не преоборимыхъ, и весьма бы желательно, чтобы причины сіи совершенно изчезли, на что однакожъ потребно и много времени и благопріятствующихъ обстоятельствъ. До того же счастливаго событія не остается инаго, какъ пользоваться тѣми средствами, какія въ настоящемъ положеніи вещей представляются, какъ-то: поощреніе усердныхъ, взысканіе съ нерадивыхъ и строгое преслѣдованіе преступленій».

Ничего подобнаго не предпринималось: преступленія преслѣдовались лишь по возникавшимъ жалобамъ, весьма рѣдко по починамъ губернскихъ прокуроровъ, а на награды гражданскихъ чиновниковъ были очень скупы. Князь Лобановъ-Ростовскій просилъ императора Александра обратить вниманіе на послѣднее, какъ на единственное средство къ успѣшному веденію дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ государственному секретарю В. Р. Марченко [1]):

«По несовершенству всѣмъ намъ свойственному и въ удѣлъ опредѣленному свыше, безъ стыда сознаюсь и въ моемъ (несовершенствѣ), которое при старости лѣтъ и дряхлости, по свойству чрезмѣрной, коль смѣю сказать, дѣятельности и въ послѣдствіе взыскательности, дѣлаютъ меня для подчиненныхъ тягостнымъ, для пользы же службы полезнымъ или нѣтъ—не знаю.

«Но успѣхъ въ дѣлахъ въ истекшемъ году, кажется, судя сравнительно, ходатайствуетъ за меня, что изъ отчета усмотрѣть можно, по которому въ истекшемъ году рѣшено дѣлъ болѣе прошлогоднаго слишкомъ 200 т., а въ иныхъ палатахъ ни дѣлъ, ни колодниковъ не осталось. Послѣ того, чтобы взыскательность не обратилась въ несносное бремя, справедливость требуетъ, чтобы она услаждалась приличными наградами достойныхъ, а паче по части, гдѣ нѣсколько лѣтъ о нихъ никто не слыхалъ—безъ того духъ упасть долженъ и въ начальникѣ и въ подчиненныхъ.

«Откровенное сіе изложеніе прокладываетъ мнѣ слѣдъ обратиться къ вашему превосходительству съ покорною моею просьбою о благосклонномъ содѣйствіи вашемъ, чтобъ представленіе мое о чиновникахъ по департаменту юстиціи и Сенату, уваженное Комитетомъ гг. министровъ, удостоилось милостиваго высочайшаго воззрѣнія, съ свойствен-

---

[1]) Отъ 17-го января 1818 г. Арх. собств. Его Величества канцеляріи, кн. № 55.

ною его величеству благосклонностью къ трудамъ и усердію вѣрноподданныхъ его.

«Награды подчиненныхъ суть высшая награда начальнику; противоположность же убиваетъ сего послѣдняго безповоротно. Искренность чувствъ сихъ излагаетъ старый солдатъ, которымъ руководствуетъ сердце».

Просьба и желаніе князя Лобанова-Ростовскаго не были вполнѣ исполнены.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка по поводу статьи: Башня Марины Мнишекъ.

Г. Синюхаевъ напечаталъ въ сентябрьской книгѣ «Русск. Старины» очень дѣльную статью о башнѣ Марины Мнишекъ, которую онъ самолично и тщательно изслѣдовалъ. Кто только интересуется эпохою «Смутнаго времени», будетъ ему благодаренъ за предпринятый трудъ. Существованіе башни, въ связи съ народнымъ преданіемъ, имѣетъ безспорное значеніе. Если найдутся слѣды гробницы Марины, то загадка будетъ вполнѣ разрѣшена.

При всемъ томъ съ опроверженіемъ испанскихъ источниковъ, которые со словъ кармелита Ивана-Ѳаддея утверждаютъ, что Марина была сожжена, никакъ нельзя согласиться.

Г. Синюхаевъ произвольно превращаетъ Ивана-Ѳаддея въ Яна-Тадеуша и затѣмъ распространяется о злыхъ намѣреніяхъ Польши.

Но Польша и поляки здѣсь ни при чемъ. Иванъ-Ѳаддей былъ родомъ испанецъ, родился въ Калагорѣ и вступилъ въ орденъ въ Валіадолидѣ въ 1597 г. Первоначально онъ именовался Иваномъ a Sancto Elisaeo, и только въ 1604 году, посылая его въ Персію вмѣстѣ съ италіанцемъ Павломъ и испанцемъ Викентіемъ, папа Климентъ VIII перемѣнилъ его имя и назвалъ его Иваномъ-Ѳаддеемъ въ честь святаго апостола Ѳаддея. Это тѣ самые три кармелиты, которые были въ Москвѣ при Самозванцѣ. Отецъ Иванъ-Ѳаддей возвратился изъ Персіи въ Римъ въ 1630 году, былъ назначенъ испанскимъ архіепископомъ и умеръ въ Испаніи, въ Леридѣ, не успѣвъ достигнуть своей епархіи. Особаго доказательства его добросовѣстности въ отношеніи къ Россіи требовать нельзя, но вся его жизнь доказываетъ, что онъ былъ человѣкъ честный, неспособный искажать преднамѣренно истину. (Изъ «Смутнаго времени», стр. 56, съ ссылками на «Historia Fratrum Discalceatorum»).

П. Пирлингъ.

Изъ воспоминаній о графѣ П. А. Валуевѣ.

Я познакомился съ П. А. Валуевымъ въ 1861 году, вскорѣ послѣ вступленія его въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, представляясь ему въ Петербургѣ, куда я пріѣзжалъ по дѣламъ дворянства, будучи въ то время нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ. Начавшіяся съ тѣхъ поръ служебныя съ нимъ отношенія продолжались, съ болѣе или менѣе значительными перерывами, до конца семидесятыхъ годовъ; частныя же почти не прекращались до послѣднихъ лѣтъ его жизни.

Назначеніе П. А. Валуева министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣ С. С. Ланскаго, уволеннаго съ возведеніемъ его въ графское достоинство, считалось, какъ извѣстно, однимъ изъ признаковъ поворота во внутренней нашей политикѣ, въ смыслѣ болѣе внимательнаго отношенія къ дворянству и къ его интересамъ, игнорированіе которыхъ было характерною чертою предшествовавшаго времени и возбуждало въ средѣ дворянства глубокое недовольство. Поворотъ этотъ однако совершился не сразу, и не сразу Валуевъ вступилъ на путь рѣшительныхъ и самостоятельныхъ дѣйствій въ новомъ направленіи. Имѣя противъ себя сильную партію, раздраженную его назначеніемъ, въ которомъ усматривалось торжество реакціонныхъ происковъ, онъ по возможности избѣгалъ всего, что могло усугубить это раздраженіе. Не скрывая своего сочувствія къ дворянству, онъ былъ дипломатически сдержанъ въ объясненіяхъ своихъ съ его представителями, являвшимися къ нему съ разнаго рода жалобами на односторонній образъ дѣйствій мѣстной администраціи въ примѣненіи Положенія 19-го февраля, но съ самаго почти вступленія его въ управленіе министерствомъ нельзя было не замѣтить существенной перемѣны въ характерѣ отношеній къ дворянству въ смыслѣ бо́льшаго къ нему довѣрія, какъ это проявилось, между про-

чимъ, въ дѣлѣ столкновенія между губернаторомъ и предводителями, въ Нижнемъ, по поводу назначенія мировыхъ посредниковъ.

Назначеніе мировыхъ посредниковъ, какъ ближайшихъ исполнительныхъ органовъ введенія въ дѣйствіе Положенія 19-го февраля, было дѣломъ первостепенной важности послѣ его обнародованія; но вступленіе ихъ въ отправленіе своихъ обязанностей состоялось лишь по прошествіи $1^1/_2$—2-хъ мѣсяцевъ со дня объявленія манифеста, и въ этотъ продолжительный промежутокъ времени, когда помѣщичья власть уже не существовала, а вновь организованныхъ властей еще не было, забота о порядкѣ и спокойствіи въ селеніяхъ фактически лежала на уѣздныхъ предводителяхъ, принявшихъ на себя эту заботу въ силу необходимости и какъ-бы съ молчаливаго согласія правительства; и если періодъ этотъ, возбуждавшій столько тревогъ и опасеній, вообще прошелъ у насъ относительно благополучно, то заслуга въ этомъ, можно сказать, всецѣло принадлежитъ уѣзднымъ предводителямъ,—заслуга, далеко недостаточно оцѣненная историками освобожденія крестьянъ.

Избраніе лицъ на должность мировыхъ посредниковъ, естественно, составляло предметъ самыхъ серьезныхъ совѣщаній предводителей съ дворянствомъ.

Въ силу Положенія 19-го февраля избраніе ихъ предоставлялось губернатору, по совѣщанію съ губернскимъ и уѣздными предводителями. На это совѣщаніе тогдашній нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ, вообще не стѣснявшійся въ произвольныхъ дѣйствіяхъ, благодаря неограниченному къ нему довѣрію Ланскаго, хотѣлъ смотрѣть, какъ на простую формальность; составивъ, по собственному своему усмотрѣнію, списокъ мировыхъ посредниковъ, онъ предъявилъ его предводителямъ, выслушалъ ихъ возраженія, но отказался отъ какихъ бы то ни было измѣненій въ своемъ спискѣ. Вслѣдствіе сего и тщетности всѣхъ протестовъ со стороны, какъ уѣздныхъ предводителей, такъ и моей, мы рѣшили послать коллективную телеграмму Валуеву съ жалобой на произвольный образъ дѣйствій губернатора. На слѣдующій же день Муравьевымъ получено отъ Валуева, по телеграфу же, внушительное разъясненіе, послѣ котораго окончательно состоялся выборъ мировыхъ посредниковъ, согласно списку, предложенному предводителями, за исключеніемъ 2—3 лицъ, по поводу которыхъ не было никакихъ особенныхъ споровъ и пререканій.

Отношеніе новаго министра къ представителямъ дворянства, въ данномъ случаѣ, имѣло существенное для насъ значеніе; съ этого момента мы стали надѣяться видѣть въ немъ опору законныхъ правъ и интересовъ дворянства.

* * *

Въ іюнѣ 1861 года, во время пребыванія государя въ селѣ Нескучномъ, подъ Москвою, я ѣздилъ туда представиться государю. Цѣлью моей было высказаться при этомъ случаѣ объ одностороннемъ, въ крестьянскомъ дѣлѣ, образѣ дѣйствій губернатора А. Н. Муравьева, во вредъ интересамъ помѣстнаго дворянства и о слабости его дѣйствій въ прекращеніи возникавшихъ безпорядковъ [1]). Почти одновременно, но уже послѣ представленія моего государю, пріѣхалъ въ Москву и Валуевъ. Находившіеся тамъ, въ это время, нижегородскіе дворяне просили меня представить ихъ Валуеву, для личнаго изложенія ему своихъ жалобъ по поводу обстоятельствъ, о которыхъ я уже объяснялся съ нимъ въ Петербургѣ и о которыхъ докладывалъ государю. Валуевъ принималъ насъ вечеромъ. Во главѣ представлявшихся былъ баронъ А. Н. Дельвигъ (впослѣдствіи — управляющій министерствомъ путей сообщенія). Выслушавъ барона Дельвига, Валуевъ отвѣчалъ длинною и красивою рѣчью, всѣхъ очаровавшею и успокоившею. Мы откланялись и затѣмъ поѣхали въ дворянское собраніе побесѣдовать объ общихъ дѣлахъ и поужинать. За ужиномъ было много разговоровъ, не обошлось безъ шампанскаго, пили и за здоровье Валуева. Вдругъ кто-то задалъ вопросъ: однако, господа, что-же, въ сущности, сказалъ намъ Валуевъ? Всѣ переглянулись; «да ничего!» отрѣзалъ баронъ Дельвигъ; мы разсмѣялись. Въ красивой рѣчи Валуева дѣйствительно опредѣленнаго ничего не было; но тотъ же баронъ Дельвигъ, да и другіе, впослѣдствіи признали, что въ данное время Валуевъ и не могъ говорить иначе, такъ какъ и самъ еще не имѣлъ подъ собою достаточно твердой почвы.

Часто вспоминалъ я о разсказанномъ эпизодѣ, какъ образцѣ той ловкости, съ которою П. А. Валуевъ, благодаря своему такту и краснорѣчію, умѣлъ иногда выходить изъ щекотливыхъ или затруднительныхъ положеній. Въ умѣ его вопросъ о Муравьевѣ уже былъ предрѣшенъ,— окончательное рѣшеніе зависѣло отъ государя... Муравьевъ былъ вызванъ въ Москву, для объясненій, а черезъ три мѣсяца состоялось и отозваніе его изъ Нижняго.

* *
*

Въ одномъ изъ уѣздовъ, небольшимъ кружкомъ дворянъ данъ былъ, по какому-то случаю, обѣдъ съ участіемъ крестьянъ. За этимъ обѣдомъ помѣщикъ Б. (занимавшій прежде видное положеніе въ губерніи) произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ, и при томъ въ рѣзкой формѣ, что

---

[1]) Объ этомъ было мною подробно разсказано въ статьѣ „Нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ“, помѣщенной въ майской книжкѣ „Русской Старины“ 1891 г. Я рѣшился представиться государю вслѣдствіе совѣта, даннаго мнѣ Валуевымъ, послѣ объясненія моего съ нимъ о положеніи дѣлъ въ Нижегородской губерніи.

*

нижегородское дворянство будто-бы не сочувствовало освобожденію крестьянъ. Описаніе этого обѣда и самая рѣчь г. Б. напечатаны были въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Выходка эта возмутила дворянство. Подъ впечатлѣніемъ общаго негодованія предводители рѣшили внести это дѣло на обсужденіе предстоявшаго, для разрѣшенія разныхъ вопросовъ, чрезвычайнаго собранія дворянства, о чемъ также напечатано было въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». По ближайшемъ однако же соображеніи, многіе находили, что публичное обсужденіе этого дѣла въ чрезвычайномъ собраніи дворянства поведетъ лишь къ возбужденію только-что успокоившихся страстей, а потому едва-ли представляется удобнымъ. Такъ смотрѣлъ на дѣло и Валуевъ, которому я писалъ объ этомъ и отъ котораго получилъ (12-го февраля 1862 г.) нижеслѣдующее письмо:

Милостивый государь
Петръ Дмитріевичъ!

«Покорнѣйше прошу ваше превосходительство позволить мнѣ прежде всего отвѣтить на ваше частное письмо. Завтра дамъ отвѣтъ на оффиціальное. Извините, что оба отзыва нѣсколько опоздали. Но причиною тому—съ одной стороны разныя не нижегородскія заботы [1]), съ другой—желаніе предварительно лично объясниться съ г. Б. Полагаю, что вы меня знаете на столько, и на столько могли оцѣнить направленіе министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы быть убѣждены въ моемъ полномъ несочувствіи къ раздражительнымъ рѣчамъ и къ мелодраматическимъ демонстраціямъ въ родѣ возсѣданія за обѣдомъ несадящихся за оный, но сажаемыхъ за оный крестьянъ. Но съ другой стороны, чѣмъ менѣе затягивать и растягивать послѣдствія такихъ случаевъ, тѣмъ лучше.

«Я сегодня отправилъ къ А. А. Одинцову [2]) письмо, въ которомъ прошу о содѣйствіи по сему дѣлу и къ которому прилагаю письмо на его имя г. Б., формально заявляющаго, что сказанное имъ вовсе не имѣло непосредственнаго отношенія къ нижегородскому дворянству. Мнѣ кажется, что этотъ формальный désaveu имѣетъ надлежащее зна-

---

[1]) Въ этой фразѣ была шпилька по адресу нижегородскаго дворянства, относившаяся отчасти и лично ко мнѣ. Валуевъ не любилъ „исторій“, а между тѣмъ, кромѣ возбужденной выходкою Б., у него еще была на памяти и другая,—съ мѣстнымъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ полковникомъ К.: во время обсужденія въ предшествовавшемъ дворянскомъ собраніи, при многочисленномъ стеченіи публики, представленнаго мною проекта ходатайства о преобразованіи управленія земскими повинностями. Полковникъ К. пріѣхалъ въ собраніе и помѣстился на хорахъ; присутствіе его многимъ дворянамъ не понравилось и его попросили удалиться; изъ-за этого инцидента возникла цѣлая переписка. Дѣло однако благополучно уладилось.

[2]) А. А. Одинцовъ—нижегородскій губернаторъ, смѣнившій А. Н. Муравьева въ сентябрѣ 1861 года.

ченіе, quoi-qu'il ne soit qu'un fait de bonne grâce, но въ этомъ, позвольте откровенно присовокупить, ваше превосходительство имѣете свою частицу участія. Почему не было вамъ угодно, по званію губ. предводителя, прямо пригласить г. Б. къ объясненію,—прямо потребовать отъ него объясненія?

«Во всякомъ случаѣ, разсмотрѣніе этого дѣла на чрезвычайномъ съѣздѣ я нахожу, согласно съ вашимъ мнѣніемъ, рѣшительно невозможнымъ.

«Позвольте надѣяться на благополучный исходъ дѣла и примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

Петръ Валуевъ».

Послѣ приведеннаго письма, содержаніе котораго мною передано было уѣзднымъ предводителямъ, дѣло оставлено безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. При дружномъ согласіи во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ и уваженіи, которое намъ внушалъ П. А. Валуевъ, достигнуть этого результата было не трудно.

* * *

Какъ извѣстно, еще въ 1858 году петербургское дворянство ходатайствовало передъ правительствомъ о преобразованіи мѣстнаго управленія земскими повинностями, при чемъ представило и проектъ организаціи этого управленія, основаннаго на выборномъ началѣ, но проекту этому не было дано хода. Въ декабрѣ 1860 г. нижегородское дворянство вошло съ такимъ же ходатайствомъ, равнымъ образомъ представивъ проектъ организаціи земскихъ учрежденій, въ общихъ чертахъ сходный съ началами, проектированными петербургокимъ дворянствомъ. Примѣру нижегородской послѣдовали и другія губерніи. На основаніи представленныхъ дворянствомъ проектовъ, выработанъ былъ образованною при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особою коммиссіею проектъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Разнородность входившихъ въ составъ этой коммиссіи элементовъ, какъ напр. гр. Д. Н. Толстаго, отстаивавшаго—по скольку раздѣлялъ ихъ—мысли Валуева, и Я. А. Соловьева, проводившаго идеи Н. А. Милютина, не могла не отразиться на министерскомъ проектѣ, подвергавшемся многократнымъ измѣненіямъ. Не задолго до представленія этого проекта въ Государственный Совѣтъ, Валуевъ въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ Петербургъ, далъ мнѣ его прочесть, при чемъ предложилъ мнѣ, какъ составителю нижегородскаго проекта, письменно изложить свои замѣчанія. Разобравъ министерскій проектъ, я откровенно высказалъ свое мнѣніе, главнымъ образомъ относительно ограниченности правъ, предоставленныхъ земству, недостаточной его самостоятельности и бюрократическаго характера многихъ сторонъ проектированнаго положенія. Нѣкоторыя изъ моихъ замѣчаній Валуевъ находилъ противуправительственными, выразивъ мнѣ по этому поводу,

что не ожидалъ такихъ замѣчаній отъ одного изъ будущихъ губернаторовъ [1]); однако противъ большинства изъ нихъ онъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій [2]); а когда я указалъ на недостаточный, по моему убѣжденію, перевѣсъ землевладѣльческаго класса въ земскихъ собраніяхъ, онъ съ досадой отвѣтилъ: «да я и самъ того же мнѣнія, но всѣ статьи, относящіяся до представительства въ земскихъ собраніяхъ, къ избирательному цензу и пр., сочинялись уже не въ моемъ вѣдомствѣ...». На вопросъ мой, гдѣ именно, онъ съ иронической улыбкой назвалъ одно изъ вѣдомствъ, компетентность котораго въ настоящемъ дѣлѣ менѣе всего могла бы считаться авторитетною.

Въ Государственномъ Совѣтѣ министерскій проектъ подвергся и дальнѣйшимъ измѣненіямъ, въ направленіи, во многомъ несогласномъ со взглядами Валуева. Почему, въ данномъ случаѣ, онъ не хотѣлъ отстоять своихъ мнѣній,—осталось мнѣ непонятнымъ.

* * *

Въ октябрѣ 1862 г. мнѣ случилось вновь быть въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ въ Нижній, я зашелъ къ Валуеву проститься, при чемъ узналъ, что и самъ онъ, вслѣдъ за мною, уѣзжаетъ въ Москву, откуда намѣренъ проѣхать въ Нижній. (Это былъ, кажется, первый выѣздъ его въ провинцію, послѣ назначенія его министромъ внутреннихъ дѣлъ). Я тотчасъ же телеграфировалъ объ этомъ исправлявшему мою должность горбатовскому уѣздному предводителю А. А. Турчанинову (впослѣдствіи нижегородскій губернскій предводитель), прося его немедленно созвать всѣхъ уѣздныхъ предводителей и пригласить въ Нижній мировыхъ посредниковъ. По прибытіи въ Нижній, я нашелъ

---

[1]) Не задолго передъ тѣмъ Валуевъ спрашивалъ меня, согласенъ-ли я буду на назначеніе меня губернаторомъ. На первый разъ, признаюсь, не очень улыбалась мнѣ мысль промѣнять независимое и почетное положеніе губ. предводителя на губернаторскую должность, да и тяжело было разставаться съ нижегородскимъ дворянствомъ, которое я любилъ и уважалъ. Но я былъ тогда молодъ; предложеніе Валуева льстило моему самолюбію, и мнѣ казалось, что положеніе губернатора открывало болѣе широкое поле дѣятельности; я рѣшился воспользоваться его предложеніемъ. Въ томъ же году, въ ноябрѣ, во время съѣзда губернскихъ предводителей въ Москвѣ, по случаю пребыванія тамъ государя, состоялось мое назначеніе губернаторомъ въ Рязань. Съ этого времени начался рядъ назначеній губернаторовъ изъ губернскихъ предводителей.

[2]) Вообще Валуевъ и самъ, повидимому, сознавалъ неудовлетворительность проекта и не въ однѣхъ только частностяхъ: въ вопросѣ о земской дѣятельности онъ, вопреки предположеніямъ, въ дѣйствительности шелъ дальше, подавая уже въ 1863 году государю мысль о привлеченіи общественныхъ силъ къ ближайшему и непосредственному участію въ законодательныхъ работахъ. Мысль эта однако поддержана была только великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. (Дневникъ Валуева).

уже всѣхъ уѣздныхъ предводителей въ сборѣ, также и большую часть мировыхъ посредниковъ,—остальные съѣзжались. Наличное дворянство въ Нижнемъ тогда было довольно многочисленное. Рѣшено было чествовать Валуева обѣдомъ. Онъ пріѣхалъ въ назначенный имъ день, въ сопровожденіи одного изъ своихъ чиновниковъ особыхъ порученій Л. С. Макова (впослѣдствіи — министръ внутреннихъ дѣлъ), и остановился во дворцѣ (гдѣ имѣлъ постоянное пребываніе и губернаторъ). На слѣдующій же день состоялся пріемъ предводителей, членовъ мировыхъ учрежденій, администраціи и купечества. Представительная внѣшность Валуева, тонкость въ обращеніи и всѣ его пріемы не могли не произвести впечатлѣнія, а своею изысканною любезностью онъ сразу завоевалъ общую симпатію. Въ тотъ же день состоялся и предположенный обѣдъ въ домѣ дворянства. Собраніе было многочисленное, и обстановка торжественная. Послѣ обычныхъ тостовъ: за государя, сопровождавшагося восторженнымъ «ура!» и исполненіемъ гимна, и за царствующій домъ, я обратился къ П. А. Валуеву отъ имени дворянства, съ краткимъ привѣтствіемъ и провозгласилъ за его здоровье тостъ, встрѣченный единодушнымъ «ура!» Вслѣдъ затѣмъ, Валуевъ всталъ и произнесъ блестящую рѣчь, въ которой, упомянувъ о заслугахъ дворянства въ крестьянскомъ дѣлѣ, указалъ на исконное его призваніе, выразивъ твердое убѣжденіе въ сохраненіи имъ за собою своей исторической роли. Къ сожалѣнію, я не сохранилъ у себя текста этой рѣчи; кто-то изъ присутствовавшихъ записалъ ее и послалъ въ «Московскія Вѣдомости»; не знаю, была-ли она тамъ напечатана; помню только такую фразу: «напрасно многіе думаютъ и утверждаютъ, что съ упраздненіемъ крѣпостнаго права дворянство утратило свое значеніе и насталъ уже, будто бы, конецъ существованію его, какъ первенствующаго и передоваго сословія,—все прекрасное не умираетъ»... При этихъ словахъ послѣдовалъ такой взрывъ рукоплесканій, раздались такія оглушительныя «браво!» и «ура!», что Валуевъ долго не могъ продолжать говорить [1]). Когда все смолкло, онъ докончилъ развитіе своей мысли и заключилъ свою рѣчь выраженіемъ живѣйшей благодарности дворянству за оказанный ему радушный и блестящій пріемъ. Слова его вновь покрыты были единодушнымъ «ура!». Послѣ этого было еще нѣсколько тостовъ, въ томъ числѣ за губернатора А. А. Одинцова, пользовавшагося всеобщею любовью. Когда я подошелъ къ нему и мы съ нимъ обнялись и поцѣловались, залъ дрогнулъ отъ аплодисментовъ, къ которымъ

---

[1]) Могъ-ли тогда Валуевъ представить себѣ, что когда-нибудь, въ средѣ россійскаго дворянства родится мысль — ходатайствовать о предоставленіи дворянамъ преимущественныхъ правъ на занятіе сидѣльческихъ должностей въ казенныхъ винныхъ лавкахъ?

присоединился и Валуевъ. Одинцовъ былъ однимъ изъ первыхъ его ставленниковъ, котораго онъ счелъ нужнымъ послать именно въ Нижній, куда назначеніе такого спокойнаго и миролюбиваго человѣка, какъ Одинцовъ, послѣ Муравьева, было необходимо, и Валуевъ былъ радъ воочію убѣдиться, что не ошибся въ своемъ выборѣ. Послѣ обѣда Валуевъ еще нѣкоторое время оставался въ Собраніи, разговаривая съ представителями мѣстнаго общества, и затѣмъ, поблагодаривъ еще разъ за радушный пріемъ, отбылъ во дворецъ.

Въ тотъ же день вечеромъ состоялся у губернатора раутъ, на которомъ, кромѣ представителей дворянства, собралось все мѣстное общество. Тутъ любезность Валуева проявилась во всемъ блескѣ; попеременно разговаривая, то съ предводителями, то съ мировыми посредниками и съ представителями различныхъ вѣдомствъ, онъ безусловно всѣхъ очаровалъ. Въ особенности остались имъ довольны мировые посредники, къ которымъ онъ отнесся съ самымъ лестнымъ для нихъ вниманіемъ. Не лишнимъ счелъ онъ подойти и къ группѣ бывшихъ тутъ пароходныхъ дѣятелей, составлявшихъ тогда въ Нижнемъ особый кружокъ со своимъ образомъ мыслей и своимъ направленіемъ; состоя большею частью изъ моряковъ, оставшихся безъ дѣла и безъ средствъ послѣ Крымской войны и поступившихъ, съ хорошимъ содержаніемъ, на частную службу пароходныхъ обществъ, людей большею частью образованныхъ, кружокъ этотъ имѣлъ свое значеніе въ мѣстной общественной жизни. Герценъ и его идеи находили въ его средѣ горячихъ почитателей и пропагандистовъ. Вслѣдствіе близкаго и постояннаго соприкосновенія съ наиболѣе развитою частью приволжскаго рабочаго населенія, принадлежавшія къ этой группѣ лица не могли не имѣть вліянія на эту часть населенія, а обстоятельство это заслуживало вниманія, въ виду начинавшагося уже въ то время броженія въ Приволжскомъ краѣ (золотыя грамоты). Любезно разговаривая съ сказанной группой объ интересахъ торговли и промышленности, Валуевъ ловко коснулся и отношеній ея къ населенію и сказалъ мимоходомъ нѣсколько вѣскихъ словъ, которыя, кажется, не остались безъ дѣйствія.

На третій день Валуевъ выѣхалъ обратно въ Москву и Петербургъ. Кратковременное пребываніе его въ Нижнемъ оставило въ средѣ дворянства наилучшія впечатлѣнія, а крестьянское дѣло въ губерніи, правда, уже вошедшее въ должныя, законныя рамки, получило, благодаря его пріѣзду, еще болѣе устойчивое и твердое направленіе.

* * *

Передъ отъѣздомъ изъ Нижняго Валуевъ передалъ мнѣ, что въ ноябрѣ предполагается прибытіе государя въ Москву и что къ тому времени соберутся туда губернскіе предводители сосѣднихъ съ Московскою губерній, при чемъ выразилъ желаніе видѣть тамъ и меня. Вскорѣ, а именно

въ началѣ ноября, я получилъ отъ Валуева оффиціальное приглашеніе, съ припискою, что онъ былъ бы очень радъ увидѣть также и нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ гостепріимныхъ нижегородцевъ. За позднимъ временемъ со мной успѣлъ выѣхать только горбатовскій уѣздный предводитель А. А. Турчаниновъ. Насъ, губернскихъ предводителей, съѣхалось въ Москву человѣкъ двѣнадцать. Одновременно вызваны были туда и всѣ уѣздные предводители и мировые посредники Московской губерніи. Получили приглашеніе также и многіе дворяне Московской и сосѣднихъ губерній. На 18-е ноября намъ назначено было собраться въ большомъ залѣ Кремлевскаго дворца. Собраніе было многолюдное. Государь, войдя въ залу вмѣстѣ съ императрицей, привѣтствовалъ насъ рѣчью, въ которой, выразивъ свое удовольствіе видѣть собравшихся въ древней первопрестольной столицѣ представителей дворянства, высказалъ увѣренность, что сословіе это, чувствамъ преданности котораго онъ привыкъ вѣрить, будетъ и впредь лучшею опорою престола, какъ оно всегда было и должно быть, а потому вполнѣ надѣется на его единодушіе помогать ему во всемъ ко благу и могуществу дорогаго отечества. Восторженное, долго не умолкавшее «ура!» было отвѣтомъ на эти многознаменательныя слова.

Послѣ этого губернскіе предводители представлялись государю, а затѣмъ онъ самъ представлялъ ихъ императрицѣ, удостоившей каждаго изъ насъ какимъ-нибудь милостивымъ словомъ. Вспоминаю, что одинъ изъ губернскихъ предводителей (рязанскій,—Рѣдкинъ), наэлектризованный общимъ въ залѣ воодушевленіемъ, въ порывѣ восторженнаго состоянія, самъ взялъ руку императрицы и поцѣловалъ ее; императрица улыбнулась, улыбнулся и государь. Говоря со мною, императрица вспомнила о пребываніи въ прошломъ 1861 году наслѣдника цесаревича Николая Александровича въ Нижнемъ, откуда я сопровождалъ его, на пароходѣ, до границы Казанской губерніи [1]). Послѣ нашего представленія, государь обошелъ ряды собравшихся, почти всѣхъ удостоивая милостиваго слова. Ликованіе было всеобщее.

Чрезъ нѣсколько дней государь, въ присутствіи предводителей и мировыхъ посредниковъ, принималъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ Московской губерніи, и сказалъ имъ внушительную рѣчь, по поводу распространившихся между крестьянами ложныхъ толковъ, вмѣняя имъ строгое повиновеніе властямъ и неуклонное исполненіе установленныхъ повинностей, не слушая злонамѣренныхъ толковъ и не ожидая никакой другой воли, кромѣ той свободы, которая имъ даро-

---

[1]) О пребываніи цесаревича въ Нижнемъ въ 1862 г. я писалъ въ „Русской Старинѣ“ въ 1899 году.

вана. Съ благоговѣніемъ крестьяне выслушивали каждое слово государя, и рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе.

Въ продолженіе всего нашего пребыванія въ Москвѣ, мы пользовались необыкновеннымъ вниманіемъ. Мы были приглашаемы на всѣ происходившія торжества. За царскимъ обѣдомъ, на который, кромѣ насъ, приглашены были всѣ находившіеся въ Москвѣ губернаторы, а также мѣстные уѣздные предводители и мировые посредники и многіе дворяне,—губернскіе предводители занимали мѣста за однимъ столомъ съ государемъ [1]). Многіе изъ насъ удостоились, послѣ обѣда, продолжительнаго разговора съ государемъ, а также и съ императрицею, любезность которой очаровала всѣхъ; государь милостиво разспрашивалъ о мѣстныхъ дѣлахъ и главнымъ образомъ о ходѣ крестьянскаго дѣла, иногда обращаясь къ намъ и съ вопросами болѣе частнаго характера. Такъ, разговаривая со мною, онъ съ участіемъ спросилъ, успѣю-ли я съѣздить въ Нижній для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ и пріѣхать въ Рязань (куда я только-что назначенъ былъ губернаторомъ) къ открытію предстоявшаго тамъ губернскаго дворянскаго съѣзда и кто меня замѣститъ въ Нижнемъ, въ должности губернскаго предводителя? Я отвѣчалъ, что не премину во-время пріѣхать въ Рязань, должность же губернскаго предводителя предполагаю сдать предводителю ближайшаго къ Нижнему уѣзда, Горбатовскаго,—Турчанинову; государь уже зналъ Турчанинова и одобрилъ мое предположеніе. Ко всѣмъ безъ исключенія дворянамъ государь относился съ привѣтливостью и благодушіемъ, оставлявшимъ неизгладимое впечатлѣніе; многіе, вспоминая объ этихъ дняхъ, не могли безъ слезъ говорить о слышанныхъ ими милостивыхъ словахъ и привѣтливомъ съ ними обращеніи. Въ эти торжественные дни обаяніе государя проявилось во всемъ его чарующемъ величіи [2]).

Въ числѣ лицъ, окружавшихъ тогда государя, рельефно выдѣлялась представительная фигура П. А. Валуева. Невольно я наблюдалъ за нимъ въ день торжественнаго пріема дворянства. Въ то время, когда госу-

---

[1]) Вспоминаю такой случившійся со мной инцидентъ: когда стали усаживаться за столы, я, проходя мимо одного изъ нихъ, замѣтилъ на спинкахъ стульевъ надпись „Гг. губернаторы", а такъ какъ я уже былъ тогда назначенъ губернаторомъ, то, полагая, что мѣсто мое за этимъ столомъ, усѣлся за нимъ, между тѣмъ, мѣсто мнѣ было назначено съ губернскими предводителями и когда, послѣ обѣда, государь подошелъ ко мнѣ, онъ сказалъ: „А твое мѣсто за столомъ, противъ меня, оставалось пустымъ; я спрашивалъ, куда ты дѣвался? Оказалось, что ты уже затесался тамъ между губернаторами!" Оплошность моя крайне смутила и раздосадовала меня, но благодушное, обращеніе государя моментально изгладило это впечатлѣніе.

[2]) Картинно изображенъ пріемъ государемъ дворянства и крестьянъ въ „Исторіи императора Александра II" С. С. Татищева (т. I, стр. 405—407). Тутъ же приведены, дословно, и рѣчи, сказанныя государемъ.

дарь говорилъ свою рѣчь, противъ него стоялъ Валуевъ, и я видѣлъ на лицѣ его отраженіе чувства глубокаго удовлетворенія. И, дѣйствительно, если съ самаго вступленія своего на постъ министра внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, кромѣ твердаго и безъ всякихъ уклоненій исполненія Положенія 19-го февраля, поставилъ себя главною задачею всѣми силами содѣйствовать умиротворенію дворянства, послѣ того болѣе чѣмъ равнодушнаго, или, по выраженію историка, пренебрежительнаго [1]) отношенія, котораго оно было предметомъ донего,—то въ эти «московскіе дни» онъ могъ убѣдиться, что, дѣйствуя въ своемъ направленіи, онъ былъ вѣрнымъ истолкователемъ мысли и чувствъ своего государя.

* * *

Во время службы моей въ Рязани, я имѣлъ удовольствіе, въ 1864 г., открыть первое Рязанское земское собраніе. Введеніе мѣстнаго самоуправленія было еще въ Нижнемъ излюбленною моей мечтою, и я съ настойчивымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея осуществленіемъ. Открывая Рязанское земское собраніе, я обратился къ нему съ рѣчью, въ которой, указавъ на предстоявшіе земству первоначальные труды, требовавшіе усиленной и упорной работы, вмѣстѣ съ тѣмъ горячо привѣтствовалъ зарю открывающейся мѣстнымъ общественнымъ силамъ широкой самодѣятельности [2]). Рѣчь моя произвела на Валуева самое лестное для меня впечатлѣніе; она была одобрена даже такимъ строгимъ судьею, какъ графъ Дм. Ник. Толстой, писавшій о ней изъ Рязани Валуеву, съ которымъ находился въ постоянной и интимной перепискѣ. Но благопріятныя для меня впечатлѣнія этого періода моей государственной службы вскорѣ были испорчены послѣдующими событіями.

Еще въ томъ же (если не ошибаюсь) году, московское дворянство во всеподданнѣйшемъ адресѣ ходатайствовало о привлеченіи сословныхъ представителей къ ближайшему участію въ государственныхъ дѣлахъ [3]). Послѣдствіемъ этого адреса было закрытіе по высочайшему повелѣнію дворянскаго собранія и объявленіе московскому дворянству высочайшаго выговора. Вслѣдъ за тѣмъ губернаторы получили отъ министра внутреннихъ дѣлъ циркуляръ, въ которомъ сообщалась высочайшая воля, чтобы впредь въ дворянскихъ собраніяхъ не было допускаемо никакихъ сужденій по вопросамъ, подобнымъ возбужденному московскимъ дворянствомъ. Но на состоявшемся, вскорѣ послѣ этого, губерн-

---

[1]) С. С. Татищевъ, „Исторія императора Александра II", т. I, стр. 392.

[2]) Рѣчь эта помѣщена въ изданномъ Рязанскою губернскою управою „Сборникѣ" за 25-ти лѣтнюю дѣятельность Рязанскаго земства.

[3]) Въ сочиненіи С. С. Татищева Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе", приведенъ интересный, по поводу этого адреса, разговоръ государя съ московскимъ дворяниномъ Голохвастовымъ. (Т. I, стр. 533).

скомъ съѣздѣ рязанскаго дворянства однимъ изъ весьма почтенныхъ мѣстныхъ дворянъ внесено было предложеніе—выразить, въ особомъ адресѣ, московскому дворянству, сочувствіе за мысли и желанія, изложенныя имъ въ вышесказанномъ всеподданнѣйшемъ адресѣ. Такое дѣйствіе въ сущности было равносильно повторенію московской манифестаціи, и многіе отлично это понимали, но большинство, увлеченное сдѣланнымъ предложеніемъ, встрѣтило его шумнымъ одобреніемъ. Послѣ тщетныхъ, вслѣдствіе моихъ настояній, усилій, со стороны нѣкоторыхъ, наиболѣе вліятельныхъ членовъ собранія, съ которыми я былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ,—къ отклоненію сказаннаго предложенія, я послалъ губернскому предводителю (А. Н. Рѣдкину) копію съ вышеприведеннаго министерскаго циркуляра. Но послѣдній, вмѣсто того, чтобы своею предсѣдательскою властью остановить всякія дальнѣйшія сужденія по возбужденному вопросу, ограничился прочтеніемъ циркуляра собранію; собраніе же, выслушавъ циркуляръ, постановило: принять его къ свѣдѣнію и выразить, какъ уже и предрѣшено было, московскому дворянству полное свое сочувствіе по поводу всеподданнѣйшаго его адреса. Я немедленно телеграфировалъ объ этомъ министру; съ своей стороны донесъ объ этомъ министру юстиціи и губернскій прокуроръ, присутствовавшій въ собраніи. На другой день я получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ телеграмму, содержавшую въ себѣ высочайшее повелѣніе о немедленномъ закрытіи собранія, а вслѣдъ затѣмъ и другую, сообщавшую, что по высочайшему повелѣнію губернскій предводитель уволенъ отъ должности.

Дѣло это было самымъ для меня непріятнымъ во все время моей службы. Непріятнымъ стало и положеніе мое въ отношеніи къ дворянству, въ особенности съ того момента, когда уволенный по высочайшему повелѣнію губернскій предводитель Рѣдкинъ былъ, вопреки моимъ совѣтамъ и предостереженіямъ [1]), вновь избранъ губернскимъ предводителемъ, а затѣмъ состоялось и утвержденіе его въ должности. Чувствуя потребность видѣться съ Валуевымъ, я отправился въ Петербургъ. Пріемъ его не особенно меня порадовалъ. При объясненіи съ нимъ о вышеописанномъ дѣлѣ, онъ, правда, не высказалъ мнѣ

[1]) Лично противъ Рѣдкина я никогда ничего не имѣлъ. Что его вновь выберутъ,—въ томъ я не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Между тѣмъ, увѣдомляя меня о состоявшемся, вслѣдствіе ходатайства дворянства, высочайшемъ разрѣшеніи на созывъ дворянскаго собранія для выбора вновь губернскаго предводителя, Валуевъ въ шифрованной телеграммѣ прибавилъ: „но чтобы и не помышляли вновь выбирать Рѣдкина“. Посылая мнѣ такую телеграмму, Валуевъ, вѣроятно, и самъ сознавалъ ея безцѣльность, но въ то же время телеграмма эта ставила меня въ крайне затруднительное, болѣе чѣмъ щекотливое и отвѣтственное положеніе.

никакого неудовольствія (подобно тому, какъ это обыкновенно бывало и бываетъ въ отношеніи къ губернаторамъ, когда во «ввѣренной имъ губерніи» не все «обстоитъ благополучно»), и даже успокоивалъ меня, сказавъ: après tout, l'Empereur ayant été de votre côté [1]), vos préoccupations relativement à cette affaire me paraissent ne plus avoir de raison d'être, но сказано это было холодно, и прежней съ его стороны поддержки я съ этого времени уже не встрѣчалъ...

* * *

Прослуживъ около четырехъ лѣтъ въ Рязани губернаторомъ, я оставилъ государственную службу. Я не намѣренъ былъ болѣе продолжать ее; но по обстоятельствамъ вновь вступилъ въ нее въ слѣдующемъ же 1867 году. Состоя при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ началѣ безъ опредѣленныхъ занятій, я пользовался относительно свободнымъ временемъ для занятій частными дѣлами, а именно желѣзнодорожными, которыя въ то время были въ полномъ разгарѣ, разсчитывая сколько-нибудь поправить свои дѣла, нѣсколько расшатанныя прежнею предводительскою и губернаторскою службою.

Въ одинъ, какъ говорится, прекрасный день (въ дѣйствительности же, оказавшійся для меня вовсе не прекраснымъ),—это было въ началѣ іюля, я получилъ отъ Валуева записку, приглашавшую меня немедленно пріѣхать къ нему. Не предполагая ничего особенно важнаго или экстреннаго, я отправился на Аптекарскій островъ, гдѣ тогда жилъ Валуевъ, на казенной дачѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ проѣхаться и далѣе по островамъ, провести тамъ остатокъ дня и освѣжиться отъ городской пыли и духоты. Но этому плану не суждено было осуществиться. Я засталъ Валуева въ какомъ-то нервномъ и озабоченномъ состояніи. Всегда любезный и привѣтливый, онъ, едва поздоровавшись, безъ всякихъ предисловій, встрѣтилъ меня такою рѣчью: «Прошу ваше превосходительство безотлагательно собраться въ дорогу. Я получилъ отъ архангельскаго губернатора телеграмму, которою онъ требуетъ немедленной высылки

---

[1]) Въ происходившемъ по поводу этого дѣла, въ присутствіи государя, засѣданіи совѣта министровъ, всѣ (не исключая, кажется, и самого Валуева) находили, что я не долженъ былъ посылать губернскому предводителю министерскаго циркуляра, и что я будто бы только скомпрометтировалъ этотъ документъ, такъ какъ изложенная въ немъ высочайшая воля не была исполнена и собраніе осталось при своемъ рѣшеніи. Но государь положилъ конецъ, всѣмъ преніямъ, сказавъ: „А я нахожу, что губернаторъ поступилъ совершенно правильно и не могъ и не долженъ былъ поступить иначе".

По поводу этого дѣла въ дневникѣ Валуева встрѣчается лишь разсказъ о происходившемъ у него объясненіи съ Рѣдкинымъ и другими депутатами отъ рязанскаго дворянства.

ему двухсотъ тысячъ рублей на закупку хлѣба для нуждъ мѣстнаго населенія, въ виду ожидаемаго неурожая. Я сомнѣваюсь въ настоятельности такой мѣры; я уже раньше послалъ ему 50 т. р.; онъ находитъ эту сумму недостаточною. Вы отправитесь въ Архангельскъ, удостовѣритесь на мѣстѣ въ степени дѣйствительной нужды и необходимомъ отпускѣ требуемой суммы, и о послѣдующемъ извѣстите меня телеграммою. Если вы найдете отпускъ требуемой княземъ Гагаринымъ [1]) суммы необходимымъ, она будетъ немедленно отпущена; если, по ближайшемъ ознакомленіи съ положеніемъ дѣла, вы признаете и эту сумму недостаточною, то размѣръ ея будетъ увеличенъ, согласно вашему требованію, но съ тѣмъ, чтобы заготовка хлѣба, на счетъ отпущенныхъ суммъ, происходила во всякомъ случаѣ, не иначе, какъ при непосредственномъ вашемъ участіи. Вы заѣдете завтра въ министерство, за полученіемъ оффиціальной и подробной инструкціи, прогонныхъ денегъ и пр.»...

Я былъ ошеломленъ неожиданностью возлагаемаго на меня порученія; поѣздка въ такую даль, непривычка къ подобнымъ командировкамъ, мысль, что я долженъ бросить весьма важное для меня частное дѣло въ моментъ, когда оно приближалось къ развязкѣ,—все это сильно смутило меня. Я попробовалъ было отговориться, но Валуевъ не далъ мнѣ докончить: «для службы его императорскому величеству отговорокъ нѣтъ»,—сухо возразилъ онъ:—«назначеніе ваше уже состоялось и о немъ, кому вѣдать слѣдуетъ, извѣстно; прошу ваше превосходительство не замедлить выѣздомъ и выѣхать, если возможно, не позже завтрашняго дня».

Послѣ этого мнѣ оставалось только откланяться. Въ тотъ же день я сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія къ отъѣзду, а на слѣдующій по утру отправился въ министерство за полученіемъ нужныхъ бумагъ, прогоновъ и пр. Къ вечеру сборы мои были окончены.

Между тѣмъ въ теченіе дня, повидавшись съ нѣкоторыми лицами, я могъ узнать о нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ, имѣвшихъ существенное значеніе по отношенію къ порученному мнѣ дѣлу.

Въ началѣ лѣта, великобританскій консулъ въ Архангельскѣ доносилъ своему правительству, что виды на урожай въ Архангельской губерніи крайне неблагопріятны, что мѣстные запасы хлѣба истощены и что не только нельзя разсчитывать на какой бы то ни было вывозъ его изъ архангельскаго порта, но, напротивъ, слѣдуетъ ожидать требованія таковаго изъ-за границы, для нуждъ мѣстнаго населенія. Извѣстіе это перешло въ лондонскія газеты, разумѣется, съ обычными преувеличеніями, при чемъ въ одной изъ нихъ (кажется, въ «Times») недостатокъ

[1]) Кн. С. П. Гагаринъ—архангельскій губернаторъ.

продовольственныхъ средствъ въ губерніи былъ раздутъ до размѣровъ угрожающаго мѣстному населенію голода. Эта газетная статья тотчасъ же была подхвачена въ Петербургѣ, въ сферѣ, къ Валуеву недоброжелательной, и ко всякимъ другимъ на него нареканіямъ прибавили обвиненіе въ недостаточномъ вниманіи къ народнымъ нуждамъ... Въ какомъ видѣ дѣло это дошло до государя, и какія по этому поводу могли происходить объясненія его съ Валуевымъ, мнѣ не извѣстно, но говорили, что въ виду бѣдственнаго положенія населенія Архангельской губерніи, считавшагося уже какъ бы окончательно установившимся фактомъ, послѣдуетъ распоряженіе объ открытіи особаго Комитета для вспомоществованія нуждающимся (что впослѣдствіи и подтвердилось). Послѣ всего этого мнѣ стало понятно то озабоченное и нервное состояніе, въ которомъ я засталъ Валуева, когда онъ вызвалъ меня для возложенія на меня вышесказаннаго порученія.

Не буду описывать здѣсь моего путешествія и пребыванія моего въ Архангельскѣ. Передамъ лишь результаты этой поѣздки.

Я прибылъ въ Архангельскъ, кажется, на пятый день. Князь Гагаринъ [1]) уже былъ предупрежденъ о моемъ пріѣздѣ и ожидалъ меня. Съ первыхъ же объясненій я убѣдился, что требованіе немедленнаго отпуска 200 т. р. на заготовленіе хлѣба для нуждъ мѣстнаго населенія, вслѣдствіе дѣйствительно крайне плохихъ видовъ на урожай въ Сѣверномъ краѣ (въ чемъ я и самъ отчасти могъ удостовѣриться, въ проѣздъ свой по Олонецкой и Архангельской губерніямъ) не имѣло, однако же, соотвѣтственнаго настоятельнымъ потребностямъ основанія, такъ какъ наличныхъ запасовъ въ казенныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи, за отпускомъ уже въ распоряженіе продовольственнаго комитета 50 т. р. для добавочныхъ заготовокъ, при наличности и иныхъ продовольственныхъ средствъ населенія и значительныхъ промысловыхъ заработковъ, могло быть достаточно для обезпеченія мѣстныхъ нуждъ, и о какой-либо голодовкѣ не могло быть и рѣчи; о чемъ я тотчасъ же телеграфировалъ Валуеву.

Ближайшее затѣмъ изученіе продовольственнаго дѣла въ Архангельской губерніи и его условій не могло не привести къ заключенію о

---

[1]) Я зналъ кн. С. П. Гагарина еще въ Нижнемъ, во время совмѣстныхъ нашихъ занятій въ губернскомъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, въ качествѣ членовъ комитета, а затѣмъ и редакторовъ по составленію проекта „Положенія“, отъ большинства. По окончаніи комитетскихъ занятій онъ назначенъ былъ вице-губернаторомъ въ Пензу, а затѣмъ переведенъ въ Архангельскъ губернаторомъ. Человѣкъ умный, но крайне впечатлительный и нерѣшительный, князь Гагаринъ легко поддавался вліянію окружающей его среды. Онъ былъ единственнымъ, кажется сыномъ князя Павла Павловича Гагарина, предсѣдателя Комитета министровъ.

совершенномъ почти незнаніи этихъ условій или по крайней мѣрѣ маломъ съ ними знакомствѣ въ Петербургѣ, а вслѣдствіе сего и объ ошибочныхъ представленіяхъ относительно дѣйствительной нужды въ этомъ краѣ.

Архангельская губернія, вслѣдствіе климатическихъ и почвенныхъ условій, никогда не производила хлѣба, въ количествѣ достаточномъ для потребностей мѣстнаго населенія; недостающее его количество пополнялось покупкою изъ партій, привозимыхъ изъ сосѣднихъ Вологодской и Вятской губерній; въ случаѣ недостаточнаго его привоза или его дороговизны, жителямъ отпускалось потребное количество, за наличныя деньги или заимообразно, по заготовительной цѣнѣ, изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ. Установленнаго для этихъ магазиновъ количества запасовъ, при должной распорядительности, оказывалось достаточнымъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, не только въ обыкновенные, но и въ неурожайные годы. Затѣмъ, на всемъ обширномъ пространствѣ губерніи, мѣстное населеніе располагаетъ такими продовольственными средствами, какія почти вовсе не встрѣчаются въ нашихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, какъ-то: изобиліе всякаго рода рыбы, мяса, дичи и пр., вслѣдствіе чего и потребность въ хлѣбѣ (не говоря о его доброкачественности) далеко не представляется, въ этомъ краѣ, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ она является въ другихъ губерніяхъ, гдѣ хлѣбъ составляетъ существеннѣйшій и ничѣмъ не замѣнимый пищевой продуктъ, и недостатокъ его въ томъ краѣ, въ случаѣ мѣстныхъ неурожаевъ, не можетъ возбуждать и тѣхъ тревожныхъ опасеній, какія таковой внушаетъ въ черноземныхъ нашихъ мѣстностяхъ, постигаемыхъ болѣе или менѣе крупнымъ недородомъ.

Между тѣмъ, въ моментъ пріѣзда моего въ Архангельскъ, запасы хлѣба въ казенныхъ магазинахъ даже не были еще тронуты.

Все это убѣдило меня, что при данныхъ условіяхъ, производство, на нужды Архангельской губерніи, экстраординарнаго расхода, за отпускомъ уже на этотъ предметъ 50 т. р., было бы мѣрою, не оправдываемою настоятельною въ ней потребностью, между тѣмъ какъ операція по закупкѣ въ данное время значительнаго количества хлѣба, будучи только на руку мѣстнымъ коммерсантамъ, неминуемо вызвала бы повышеніе на него цѣнъ, въ прямой ущербъ интересамъ населенія.

Князь Гагаринъ вполнѣ согласился со мною, и въ этомъ смыслѣ отправлено мною окончательное донесеніе министру.

Отправивъ свое донесеніе, я вслѣдъ затѣмъ выѣхалъ въ Петербургъ.

По пріѣздѣ я уже не засталъ Валуева; онъ выѣхалъ въ Варшаву, съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться за границу. Изъ Варшавы онъ телеграфировалъ князю А. Б. Лобанову-Ростовскому (тогда—товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ; впослѣдствіи—министръ иностранныхъ

дѣлъ), чтобы въ случаѣ возвращенія моего изъ Архангельска я немедленно отправился въ Варшаву. По прибытіи туда я подробно доложилъ Валуеву о результатѣ моей командировки. Въ Варшавѣ я долженъ былъ еще оставаться нѣкоторое время по разнымъ возложеннымъ на меня дѣламъ; вернувшись въ Петербургъ, я уже засталъ тамъ и Валуева, возвратившагося изъ своей заграничной поѣздки. Тутъ я узналъ объ учрежденіи, по высочайшему повелѣнію, особаго комитета для вспомоществованія нуждающемуся населенію Архангельской губерніи по случаю постигшаго ее неурожая. Комитетъ этотъ состоялъ изъ представителей отъ разныхъ вѣдомствъ; предсѣдателемъ его былъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ (впослѣдствіи—императоръ Александръ III), и засѣданія комитета происходили въ Аничковскомъ дворцѣ. Такая обстановка придавала комитету особенное значеніе. Въ чемъ заключались его дѣйствія, мнѣ обстоятельно было не извѣстно; слышалъ только, что, по распоряженію его, командированы были въ Архангельскую губернію разныя лица для раздачи денежныхъ пособій. На вопросы, съ которыми я обращался къ Валуеву по этому предмету, онъ отвѣчалъ какъ-то уклончиво и неохотно, и я послѣ его уже не разспрашивалъ. Самъ онъ, повидимому, вскорѣ пересталъ интересоваться этимъ дѣломъ, предоставивъ полную свободу дѣйствій своему делегату въ комитетѣ, директору хозяйственнаго департамента А. Д. Шумахеру и усиленно занялся дѣлами царства Польскаго, требовавшими въ то время особеннаго вниманія.

* * *

Положеніе П. А. Валуева въ 1867 году стало шаткимъ. Неудовольствіе, возбужденное въ извѣстной средѣ самымъ его назначеніемъ министромъ врутреннихъ дѣлъ, не прекращалось, правда, и во все время его управленія министерствомъ, то усиливаясь, то затихая, сообразно чему, и распространяемымъ въ обществѣ враждебнымъ Валуеву толкамъ, измѣнялись и отношенія къ нему оффиціальныхъ сферъ, при чемъ оставалось, кажется, вполнѣ неизмѣннымъ только личное къ нему расположеніе государя, но въ этомъ году всякія на него нападки стали проявляться съ бо̀льшею рѣзкостью, и слухи и разговоры о скоромъ его уходѣ уже не прекращались. Ко всѣмъ нареканіямъ присоединились и обвиненія въ потворствѣ полякамъ. Ядовитыя статьи «Московскихъ Вѣдомостей» (Катковъ) подливали масла въ огонь. Подъ вліяніемъ всего этого онъ сталъ нервнымъ и раздражительнымъ, и нерѣдко терялъ свойственное ему самообладаніе.

Вслѣдствіе пріѣзда въ Петербургъ намѣстника въ царствѣ Польскомъ гр. Берга, назначено было засѣданіе комитета по дѣламъ царства. Такъ какъ Валуевъ былъ несовсѣмъ здоровъ, то засѣданіе происходило у него на дому. Я былъ приглашенъ Валуевымъ въ это засѣ-

данію [1]), для прочтенія комитету полученныхъ имъ изъ Варшавы конфиденціальныхъ писемъ, бросавшихъ яркій свѣтъ на тогдашнія обстоятельства въ краѣ; этимъ письмамъ Валуевъ придавалъ существенное значеніе въ виду нѣкоторыхъ проектированныхъ имъ, по соглашенію съ намѣстникомъ, мѣропріятій. Однако письма эти не произвели на членовъ комитета ожидаемаго впечатлѣнія, и высказанныя Валуевымъ по ихъ поводу заключенія встрѣчены были возраженіями, явно свидѣтельствовавшими о несочувствіи его политикѣ. Графъ Бергъ все время упорно молчалъ, предоставивъ говорить и отбиваться одному Валуеву; но послѣдній, въ этотъ разъ, вовсе расположенъ не былъ входить въ какую бы то ни было полемику; онъ выслушивалъ возраженія, повидимому, спокойно, хотя по нервнымъ его движеніямъ нельзя было не замѣтить внутренняго его раздраженія. Засѣданіе было неожиданно прервано пріѣздомъ гр. Адлерберга, имѣвшаго что-то передать Валуеву по порученію государя. Пройдя съ нимъ въ кабинетъ, переговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ и затѣмъ проводивъ его до дверей, Валуевъ вернулся на свое мѣсто и тотчасъ же, не обращаясь ни къ кому въ особенности, сказалъ: «Странное дѣло! Намѣстникъ въ царствѣ и министръ внутреннихъ дѣлъ, отвѣтственные во всемъ, что касается края, и ближе всего знакомые съ мѣстными условіями и обстоятельствами,— признаютъ въ данное время тѣ или другія мѣры полезными и необходимыми; а господа, менѣе знакомые съ мѣстными дѣлами, и въ нихъ неотвѣтственные, и занимающіеся ими лишь такъ, между прочимъ, когда приходится говорить о нихъ въ комитетѣ,—находятъ все предлагаемое непригоднымъ или невозможнымъ»..... Вслѣдъ затѣмъ Валуевъ всталъ; никто не успѣлъ ему возразить; извинившись своимъ нездоровьемъ, онъ закрылъ засѣданіе.

Характерное засѣданіе это врѣзалось въ моей памяти; оно носило всѣ признаки крайняго переутомленія Валуева въ не прекращающейся борьбѣ [2]); слухи о скоромъ его уходѣ на этотъ разъ подтвердились; въ мартѣ 1868 года онъ оставилъ свой постъ.

* * *

Съ увольненіемъ Валуева отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, окончился первый и самый плодотворный періодъ его государ-

---

[1]) Я занимался, въ то время, по порученію Валуева, нѣкоторыми дѣлами царства Польскаго.

[2]) Вечеромъ въ тотъ же день, я зашелъ къ Валуеву, съ которымъ мнѣ понадобилось видѣться по какому-то дѣлу. Онъ почему-то нашелъ, что я въ нервномъ состояніи, и спросилъ, ужъ не привело-ли меня въ такое состояніе утреннее засѣданіе? Это значило, что называется, валить съ больной головы на здоровую.

ственной дѣятельности. Послѣдующая затѣмъ, послѣ нѣкотораго перерыва, дѣятельность его въ званіи министра государственныхъ имуществъ ознаменовалась предпринятымъ имъ капитальнымъ дѣломъ изслѣдованія состоянія нашего сельскаго хозяйства. Изслѣдованіе это, которое Валуевъ уподоблялъ такъ-называемымъ enquêtes parlementaires, производилось подъ его предсѣдательствомъ, особою, по высочайшему повелѣнію и вслѣдствіе его доклада учрежденною коммиссіею, состоявшею изъ представителей отъ различныхъ вѣдомствъ [1]). Коммиссіею этой допрошено было болѣе тысячи лицъ, изъ числа предводителей, губернскихъ и уѣздныхъ, предсѣдателей земскихъ управъ, и землевладѣльцевъ всякихъ категорій и разрядовъ. Труды этой коммиссіи, къ сожалѣнію, остались безъ результата. Во время самыхъ ея занятій, многіе въ высшихъ сферахъ смотрѣли на все, въ ней происходившее, какъ на блестящую комедію. Разъ, какъ-то, изъ любопытства, заѣхалъ въ коммиссію бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевъ. Во время одного изъ перерывовъ, онъ взялъ меня подъ-руку и, отведя въ сторону, спросилъ: думаю-ли я, чтобъ изо всего этого вышло что-нибудь серьезное? Серьезнаго ничего и не вышло. Собранный коммиссіею обширный матеріалъ, съ его выводами и заключеніями, поступилъ въ Комитетъ министровъ и остался тамъ безъ дальнѣйшаго движенія... Если бы на этотъ трудъ тогда же было обращено должное вниманіе, то, быть можетъ, не потребовалось бы тѣхъ колоссальныхъ жертвъ на помощь землевладѣнію и бѣдствующему населенію, которыя понесло государство 20 — 25 лѣтъ спустя; не потребовалось бы и нынѣ того напряженія всѣхъ общественныхъ и государственныхъ силъ къ изысканію исхода изъ труднаго экономическаго положенія, какое стало роковою необходимостью въ виду уже назрѣвшаго кризиса... Такими же почти результатами сопровождались и труды другой, также по почину Валуева, учрежденной по высочайшему повелѣнію коммиссіи о лѣсоохраненіи [2]), которымъ у насъ занялись серьезно тогда уже, когда во многихъ мѣстностяхъ и охранять было нечего.

Послѣднимъ фазисомъ политическаго значенія П. А. Валуева, возведеннаго въ графское достоинство, было время его пребыванія предсѣдателемъ Комитета министровъ; значеніе его въ этомъ званіи оставалось непоколебимымъ до момента призванія къ власти графа Лорисъ-Меликова.

* *

[1]) Представителями отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ этой коммиссіи назначены были, согласно желанію Валуева, я и Л. С. Маковъ (Маковъ еще былъ тогда правителемъ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ; я—былъ членомъ совѣтовъ министра внутреннихъ дѣлъ и Главнаго управленія по дѣламъ печати).

[2]) По желанію Валуева, я былъ также назначенъ членомъ этой коммиссіи отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. *

Полной, обстоятельной и правдивой оцѣнки дѣятельности П. А. Валуева еще не появлялось. Отзывы, которые иногда о немъ встрѣчаются въ замѣткахъ и воспоминаніяхъ, помѣщаемыхъ въ нашихъ историческихъ журналахъ, по большей части поверхностны, односторонни, часто отрицательны. Вообще, какъ мнѣ кажется, рѣдко къ кому-либо изъ нашихъ государственныхъ людей относились съ такою несправедливостью, съ какою современники относились къ П. А. Валуеву: истинныя его заслуги игнорировались, и ни одна ошибка ему не прощалась. Чѣмъ объяснить это? Партійностью-ли, или, можетъ быть, чувствомъ зависти къ блестящимъ дарованіямъ этого государственнаго человѣка, ярко выдѣлявшимъ его въ ряду современныхъ государственныхъ дѣятелей?

Начертаніе характеристики П. А. Валуева дѣло будущаго историка. Позволю себѣ лишь привести здѣсь, мимоходомъ, слышанный мною отъ одного изъ близкихъ къ нему людей, графа Дм. Ник. Толстаго [1]), отзывъ объ отношеніи Валуева къ окружающей его средѣ. «При всемъ своемъ умѣ» какъ-то разъ говорилъ онъ мнѣ: «и при всѣхъ выдающихся своихъ талантахъ, Валуевъ не съумѣлъ (?) сгруппировать вокругъ себя силы, необходимыя для успѣшнаго выполненія какой бы то ни было своей политической задачи и борьбы съ враждебными ему теченіями; взявъ на себя колоссальную массу труда, онъ стоялъ одиноко, и въ этой его изолированности — одна изъ причинъ неустойчиваго его положенія и всякихъ его колебаній... Припоминаю впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ кружка дѣятелей 1858—1860 годовъ, собравшихся въ день 19-го февраля для чествованія годовщины освобожденія крестьянъ. Я былъ пораженъ единодушіемъ, царившимъ въ этой группѣ людей, какъ бы сплоченныхъ около одного знамени; это была организованная партія, со своимъ штабомъ и своими кадрами, способная и готовая твердо, послѣдовательно и энергично провести свою политическую программу, какъ только она могла бы стать у власти! Ничего подобнаго не было и нѣтъ около Валуева,—все это я откровенно высказалъ ему, когда послѣ этого обѣда [2]) онъ разспрашивалъ меня о моихъ впечатлѣніяхъ». Что на это отвѣчалъ ему Валуевъ,—Толстой не договорилъ.

«По уровню идей, по широтѣ взглядовъ и образа мыслей, по своему политическому воспитанію,—Валуевъ стоялъ особнякомъ въ ряду дѣятелей царствованія Александра II»,—такъ выразился, недавно, въ разговорѣ со мною о немъ, одинъ изъ знатоковъ новѣйшей нашей исто-

---

[1]) Графъ Д. Н. Толстой былъ одно время директоромъ департамента полиціи исполнительной; оставивъ службу, онъ поселился въ своемъ Данковскомъ (Ряз. губ.) имѣніи и писалъ свои записки.

[2]) Графъ Д. Н. Толстой не принадлежалъ къ вышесказанному кружку, но былъ приглашенъ имъ на обычный въ день 19-го февраля обѣдъ, по близкимъ отношеніямъ къ нѣкоторымъ изъ его членовъ.

ріи. «Валуевъ», прибавилъ онъ, «опередилъ свое время, и ему слѣдовало бы появиться на политической сценѣ значительно и значительно позже»...

П. А. Валуевъ, какъ извѣстно, оставилъ послѣ себя обширный дневникъ, обнимающій собою едва-ли не полувѣковой періодъ времени. Дневникъ этотъ, конечно, освѣтитъ и собственную его дѣятельность. Оставилъ по себѣ записки о своемъ времени и графъ Дм. Ник. Толстой (бывшій долгое время сослуживцемъ Валуева); записки эти, вѣроятно, послужатъ существеннымъ дополненіемъ къ дневнику Валуева. До опубликованія этихъ цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, останется, во всякомъ случаѣ, много недосказаннаго, неопредѣленнаго и невѣрнаго въ характеристикѣ государственнаго человѣка, занимавшаго столь крупное мѣсто въ нашей политической жизни послѣдней половины прошлаго столѣтія.

П. Д. Стремоуховъ.

Рескриптъ и двѣ собственноручныя записки императрицы Екатерины II къ статсъ-секретарю С. Ѳ. Стрекалову.

I.

Степанъ Ѳедоровичъ. Давъ позволеніе княгинѣ Катеринѣ Романовнѣ Дашковой по прошенію ея отлучиться на время для домашнихъ ея дѣлъ, мы поручаемъ вамъ въ управленіе Санкт-Петербургскую Академію наукъ до возвращенія княгини Дашковой. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны, Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Апрѣля 19-го, 1784 года.

II.

Степанъ Федоровичъ. Пошлите спросить на Петергофской мельницѣ, нѣтъ-ли круглой табатьерки или сибирскаго камня или хрусталя, и буде есть, чтобъ прислали ко мнѣ.

III.

Долго-ли намъ свѣтъ обманывать? печатаете будто реляціи и будто ко мнѣ, а въ самомъ дѣлѣ она переправлена [1]) всячески. И такъ одиножды на всегда, дабы сходнѣе было бы истинѣ, приказываю я, что когда нельзя печатать реляціи слово отъ слова, а только выпись исправленной дѣлаете, то имѣетъ оной печатать не подъ моимъ титуломъ, а просто экстрактомъ изъ полученныхъ извѣстій отъ такого-то генерала, ибо я не хочу, чтобы мое имя было употреблено тутъ, гдѣ оно будетъ ложью, для того что такъ ко мнѣ писано не было.

[1]) Въ подлинникѣ: „переплавена“.

Императоръ Николай I.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА).

V [1]).

Въ душу Николая Павловича были заброшены природой чудныя сѣмена. Они долго не всходили, какъ бы выжидая обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ могли бы сразу распуститься пышнымъ цвѣтомъ. Такими обстоятельствами явилось 14-е декабря и предшествовавшіе ему дни.

Удивительна перемѣна, происшедшая тогда въ Николаѣ Павловичѣ и поразившая современниковъ. Нравственно онъ какъ-то мгновенно выросъ въ глазахъ всѣхъ.

«Еще утромъ этого дня,—писала графиня М. Д. Нессельроде,—не знали его громадныхъ достоинствъ, которыя неожиданно обнаружились подъ вліяніемъ этихъ грустныхъ обстоятельствъ. Въ нѣсколько часовъ, своею храбростью, присутствіемъ духа, твердостью, гуманностью онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ сердца и довѣріе войскъ, обитателей столицы».

Въ другомъ же случаѣ она замѣтила: «государь продолжаетъ, какъ началъ, удивлять своимъ присутствіемъ духа, своею гуманностью, своею твердостью, своею дѣятельностью».

«Ну,—воскликнулъ французскій посолъ графъ Лаферронэ, послѣ первой бесѣды съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ,—какая рѣчь, какое благородство, какое величіе! И гдѣ до сихъ поръ онъ скрывалъ все это?»

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г., октябрь.

«Я знаю,—замѣтилъ о самомъ себѣ Николай Павловичъ, — что я былъ непріятнымъ бригаднымъ командиромъ, невыносимымъ дивизіоннымъ начальникомъ: я долженъ былъ поступать тогда извѣстнымъ образомъ, но теперь мое положеніе иное, и я перемѣнюсь».

И онъ перемѣнился.

«День 14-го декабря,—пишетъ историкъ,—окончательно закалилъ характеръ императора Николая».

Многіе, навѣрно, станутъ искать въ послѣднемъ трудѣ Н. К. Шильдера подробной исторіи движенія декабристовъ, а не найдя ея, будутъ разочарованы. Но предъявлять подобныя требованія—несправедливо. Не говоря уже о томъ, что движеніе, породившее декабристовъ, относится всецѣло къ александровской эпохѣ, нужно помнить ту задачу, тѣ рамки, которыя ставилъ себѣ авторъ. А рамки эти—жизнь Николая Павловича. Поэтому всѣхъ событій его царствованія онъ могъ и долженъ былъ касаться лишь настолько, насколько они связывались съ личностью, такъ сказать, героя его труда. И эту задачу, насколько можно судить по первому тому, онъ выполнилъ блестяще.

Но, останавливаясь, съ своей стороны, на причинахъ возникновенія въ Россіи тайныхъ обществъ въ первую четверть прошлаго столѣтія, Н. К. Шильдеръ высказываетъ: «все, что было въ Россіи просвѣщеннаго, благороднаго, было приготовлено первою половиною царствованія Александра I. Затѣмъ наступилъ крутой переломъ, и началась безумная реакція; положеніе сдѣлалось трагическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безвыходнымъ. Всякій тогда сознавалъ, что при системѣ дѣйствій извнѣ Меттерниха, а внутри Аракчеева, Россія будетъ отодвинута назадъ, и потому считали необходимымъ, какъ замѣчаетъ одинъ изъ декабристовъ, съ полнымъ самоотверженіемъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, провозглашеніе новыхъ началъ и тѣмъ отдѣлить эпоху, дотолѣ безсознательную, отъ той, въ которой должно начаться дѣйствіе сознанія. Пусть,—прибавляетъ онъ,—назовутъ это заблужденіемъ, но въ ту эпоху подобное заблужденіе было возможно.

«Безъ сомнѣнія, — пишетъ баронъ Розенъ, — въ странахъ, въ коихъ водится хоть сколько-нибудь свобода тисненія, хоть сколько-нибудь гласности, и въ коихъ каждое частное лицо можетъ передать печатно и устно свои убѣжденія по дѣлу общественному, тамъ на что̀ тайное общество? Оно было бы безсмысліемъ. Но въ Россіи, только-что избавившейся отъ «слова и дѣла», отъ «тайныхъ канцелярій», не было ни одной основы государственной; всѣ прежніе и новые законы подчинены были неограниченной власти государя, озареннаго европейскою славою, наименованнаго Благословеннымъ и избавителемъ Европы, даровавшаго конституцію Польшѣ, Финляндіи, свободу крестьянамъ Прибалтійскихъ губерній, мужа умнаго,

добраго, искренно желавшаго блага для своего отечества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишеннаго всѣхъ средствъ сдѣлать что-нибудь для гражданской жизни своего отечества. Александръ I, въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія, свалилъ все бремя государственнаго управленія на плечи Аракчеева, на слугу, ему вѣрнаго, но не государственнаго мужа, а самъ подчинился наущеніямъ Меттерниха и подъ конецъ предался мистицизму, и думалъ только о спасеніи собственной души своей».

Въ оцѣнкѣ личности декабристовъ авторъ становится на строго объективную точку зрѣнія. «Въ дѣлѣ декабристовъ,—пишетъ онъ,—необходимо различать то, что̀ является принадлежностью, общею всему дѣлу, отъ дѣйствій и преступныхъ увлеченій отдѣльныхъ лицъ, а въ этихъ дѣйствіяхъ необходимо также строго различать собственно политическія дѣйствія лицъ отъ тѣхъ, въ которыхъ проявилась нравственная характеристика ихъ. Но каковы бы ни были сужденія о дѣлѣ вообще, представителями котораго явились декабристы, въ немъ выдѣляется одна общая черта, которую отрицать невозможно, признавая даже самое дѣло ошибочнымъ или слѣдствіемъ заблужденія. Черта эта есть самопожертвованіе, въ самомъ обширномъ значеніи слова. Жертвами затѣяннаго движенія явились не такія лица, которымъ терять было нечего; напротивъ, всѣ или уже составили себѣ, или могли составить блестящую карьеру, именно при томъ порядкѣ, противъ котораго возставали. Съ другой стороны, тутъ не были люди неспособные, недоучки, которые примкнули бы къ тайному обществу отъ бездѣлія; напротивъ того, среди членовъ союза были люди, занимавшіе опредѣленныя, нерѣдко важныя мѣста, извѣстные своею исполнительностью по службѣ, во всѣхъ званіяхъ, на всѣхъ мѣстахъ; наконецъ, люди, которые въ ближайшей практической сферѣ дѣйствовали согласно съ своими убѣжденіями, гуманно, благородно, справедливо, заслуживая довѣріе какъ подчиненныхъ, такъ и другихъ зависѣвшихъ отъ нихъ людей. Первоначальное движеніе было, несомнѣнно, чисто и безкорыстно, при чемъ самопожертвованіе руководителей его является еще тѣмъ болѣе яркимъ, что едва-ли кто-либо изъ нихъ лелѣялъ надежду на успѣхъ; всѣ, напротивъ того, приготовлялись пасть жертвою своихъ убѣжденій».

Одинъ изъ декабристовъ, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, писалъ въ 1870 году: «Мы были дѣтьми 1812 года. Жертвовать всѣмъ, даже жизнію для блага отечества, было влеченіемъ сердца. Въ нашихъ чувствахъ отсутствовалъ эгоизмъ. Призываю Бога въ свидѣтели».

VI.

Какъ же относился къ декабристамъ и ихъ заговору самъ Николай Павловичъ?

Для него прежде всего и во всѣхъ отношеніяхъ это была—«позорная исторія (infâme histoire)». По его понятіямъ, при его прямотѣ, тайное и преступное являлись синонимами. Онъ благоговѣлъ передъ памятью Александра, а декабристы замышляли убить его. Для него мысль, что заговоръ имѣлъ цѣлью посягнуть на жизнь покойнаго императора, дѣйствительно, «поражала вмѣстѣ ужасомъ, омерзѣніемъ и прискорбіемъ». Въ этомъ направленіи его поддерживалъ и цесаревичъ Константинъ Павловичъ, писавшій ему: «эта сволочь была недовольна, что имѣетъ государемъ ангела, и составляла заговоръ противъ него! Что же имъ нужно? Это чудовищно, ужасно, покрываетъ позоромъ всѣхъ хотя бы совершенно невинныхъ, даже не думавшихъ о возможности чего-либо подобнаго».

Намѣренія декабристовъ представлялись Николаю Павловичу «ужасными намѣреніями». Въ дружеской бесѣдѣ съ Лаферронэ, французскимъ посломъ, онъ высказалъ, что «страшно подумать о поразительныхъ ужасахъ, которые совершились бы въ этомъ злополучномъ городѣ, если бы Провидѣніе не позволило... разстроить этотъ адскій умыселъ. Съ перваго появленія на революціонномъ поприщѣ русскіе превзошли бы вашихъ Робеспьеровъ и Маратовъ». По отношенію къ нему лично намѣренія декабристовъ должны были невольно представляться ему чѣмъ-то дикимъ и безсмысленнымъ, какимъ-то «бредомъ», такъ какъ при его взглядахъ на свою власть у него, дѣйствительно, не могло быть иного желанія, какъ «видѣть отечество на самой высшей степени счастія и славы».

Наконецъ, въ движеніи декабристовъ Николай Павловичъ усматривалъ какъ бы развѣтвленіе общей революціонной пропаганды, занесенную къ намъ извнѣ «заразу», бороться съ которой онъ считалъ «дѣломъ всей Россіи». Мало того: въ подавленіи этой революціонной вспышки онъ видѣлъ свою заслугу не только передъ Россіей, но и передъ Европой вообще. «Дѣло идетъ не только о существованіи Россіи, но и о спокойствіи всей Европы»,—высказалъ онъ въ одномъ случаѣ.

Все это въ глазахъ самого Николая Павловича обязывало его строго отнестись къ декабристамъ. «Страшно сказать, но необходимъ внушительный примѣръ»,—вырвалось у Николая Павловича подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ декабрскихъ происшествій. «Проявлю милосердіе, много милосердія, нѣкоторые даже скажутъ—слишкомъ много, но съ вожаками и зачинщиками заговора будетъ поступлено безъ жалости, безъ

пощады. Законъ изречетъ кару, и не для нихъ воспользуюсь я принадлежащимъ мнѣ правомъ помилованія. Я буду непреклоненъ; я обязанъ дать этотъ урокъ Россіи и Европѣ». Наставленіе его учителя исторіи Пюже, что государь не въ правѣ прощать врагамъ государства, также не могло не воскреснуть въ его памяти въ эти исключительные моменты. Помимо того, нѣкоторые, въ томъ числѣ и цесаревичъ, были склонны видѣть въ дѣлѣ декабристовъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ то, что́ было обнаружено слѣдствіемъ. Трижды перечтя сообщеніе о петербургскихъ событіяхъ, Константинъ Павловичъ писалъ императору Николаю: «мое вниманіе сосредоточилось на одномъ обстоятельствѣ, поразившемъ меня, а именно, что списокъ арестованныхъ содержитъ фамиліи лицъ, настолько неизвѣстныхъ, насколько незначительныхъ сами по себѣ и по тому вліянію, которое они могутъ оказать, что я смотрю на нихъ лишь какъ на блудныхъ дѣтей или на застрѣльщиковъ банды, главные дѣятели которой остались на время сокрытыми, чтобы по этому событію удостовѣриться въ своей силѣ и въ томъ, на что́ они могутъ разсчитывать. Они виновны, какъ блудныя дѣти или застрѣльщики, и не можетъ быть снисхожденія въ отношеніи ихъ, такъ какъ въ подобнаго рода дѣлахъ не слѣдуетъ допускать даже увлеченій; но въ то же время слѣдуетъ разыскивать зачинщиковъ и непремѣнно найти путемъ признаній арестованныхъ». «Пусть ваше милосердіе не увлечетъ васъ слишкомъ далеко»,—внушалъ цесаревичъ въ другомъ письмѣ. Наконецъ, самъ верховный уголовный судъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ счелъ долгомъ представить, что «есть степени преступленія, столь высокія и съ общею безопасностью государства столь смежныя, что самому милосердію онѣ, кажется, должны быть недоступны».

Но, признавая необходимымъ «внушительный примѣръ», Николай Павловичъ съ своей стороны дѣлалъ все, чтобы обезпечить безпристрастное и справедливое разсмотрѣніе дѣла. Прочтя въ проектѣ секретнаго указа объ учрежденіи слѣдственнаго комитета фразу: «руководствуясь примѣромъ августѣйшихъ предковъ нашихъ, для сердца нашего пріятнѣе десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію», государь обнялъ представившаго ему проектъ указа военнаго министра, генерала Татищева, и сказалъ ему:

«Ты проникнулъ въ мою душу; полагаю, что многіе впутались не по убѣжденію въ пользѣ переворота, но по легкомыслію, такъ и надобно отдѣлить тѣхъ и другихъ».

«Я предлагаю затѣмъ, для суда, отдѣлить тѣхъ, которые дѣйствовали со знаніемъ дѣла и предумышленно, отъ тѣхъ, которые дѣйствовали, такъ сказать, въ состояніи своего рода бреда»,—писалъ Николай Павловичъ Константину Павловичу даже подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ «ужаснаго дня».

«Мы арестуемъ,—писалъ государь цесаревичу позднѣе, въ февралѣ 1826 года,—не для того, чтобы искать жертвы, но для того, чтобы имѣть возможность оправдать оклеветанныхъ». Въ манифестѣ же объ учрежденіи верховнаго уголовнаго суда было выражено, что государь ожидаетъ и требуетъ отъ суда «справедливости, справедливости нелицепріятной, ничѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утверждаемой».

Вѣрный своему слову проявить милосердіе, Николай Павловичъ смягчилъ приговоръ суда, смягчилъ «сколько долгъ правосудія и государственная безопасность дозволяли»: четвертованіе для пяти лицъ было замѣнено менѣе жестокою казнью, смертная казнь для 31 лица замѣнена ссылкой въ каторжныя работы безъ срока, а наказанія для прочихъ осужденныхъ были также смягчены.

Но при всемъ убѣжденіи Николая Павловича въ необходимости дать внушительный примѣръ, и послѣ смягченія почти всѣхъ приговоровъ Верховнаго суда, предстоящая казнь пяти заговорщиковъ мучила его. Въ день этой казни, 13-го іюля, государь, находившійся въ Царскомъ Селѣ, былъ блѣденъ и мраченъ. Послѣ пріѣзда фельдъегеря съ извѣстіемъ о томъ, что казнь уже совершена, Николай Павловичъ отправился въ церковь помолиться, а затѣмъ заперся въ своемъ кабинетѣ. Грустное настроеніе государя продолжалось весь день, и вечеромъ, за чаемъ у императрицы, онъ почти не разговаривалъ.

Кто знаетъ, быть можетъ, невольное сожалѣніе, что своевременно не представилось повода уменьшить число казненныхъ еще на одного человѣка, сказалось въ слѣдующемъ замѣчаніи Николая Павловича. Ознакомившись послѣ казни декабристовъ съ бумагами Рылѣева, переданными ему Бенкендорфомъ, Николай Павловичъ сказалъ:

«Я жалѣю, что не зналъ о томъ, что Рылѣевъ талантливый поэтъ; мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять ихъ».

Послѣ же казни декабристовъ государь написалъ князю А. Н. Голицыну слѣдующія строки, крайне характерныя для обрисовки его личности: «Все кончено, остаются вдовы, и я поручаю моему дорогому Голицыну то, чѣмъ вы займетесь, я вполнѣ увѣренъ въ этомъ, съ удовольствіемъ; распорядитесь справиться о бѣдной Рылѣевой и скажите ей, что я прошу ее, чтобы она располагала мною при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, и что я надѣюсь, что она не откажетъ мнѣ постоянно извѣщать меня обо всемъ, въ чемъ ей можетъ встрѣтиться надобность. Равнымъ образомъ узнайте, пожалуйста, что дѣлаютъ Муравьева (жена Никиты) и Трубецкая».

Но какими благодарными побужденіями ни руководился бы императоръ Николай въ отношеніи къ декабристамъ, положеніе его и декабристовъ передъ судомъ потомства крайне неровно: всѣ преимуще-

ства находятся на сторонѣ послѣднихъ. Прежде всего, они слабые въ сравненіи съ могущественнымъ государемъ, а симпатіи людей склоняются обыкновенно въ сторону слабыхъ. Затѣмъ, въ глазахъ потомства они окружены вѣнцомъ мученичества, и слово каждаго изъ нихъ, хотя бы самаго недостойнаго и не знающаго, какъ оправдать свое малодушіе на слѣдствіи, будетъ принято на вѣру, какъ неопровержимый документъ, тогда какъ самое чистое, самое безкорыстное побужденіе или слово Николая Павловича будетъ неизбѣжнымъ образомъ опорочено.

VII.

Событіе 14-го декабря во всей своей совокупности оказало громадное вліяніе на Николая Павловича и на направленіе его дѣятельности. По свидѣтельству Н. К. Шильдера, происшествія 14-го декабря произвели на него тяжелое впечатлѣніе, отразившееся на характерѣ правленія всего послѣдовавшаго затѣмъ тридцатилѣтія. Укажемъ здѣсь на подходящее къ разбираемымъ событіямъ явленіе: императору Александру I никогда не удалось одолѣть прискорбное припоминаніе о событіяхъ 11-го марта 1801 года, среди которыхъ совершилось его воцареніе, какъ преемника Павла I. Къ несчастію, самый фактъ немирнаго воцаренія повторился снова въ 1825 году, хотя и въ иной формѣ. «Никто не въ состояніи понять ту жгучую боль, которую я испытываю и буду испытывать во всю жизнь при воспоминаніи объ этомъ дѣлѣ»,— признался Николай Павловичъ французскому послу графу Лаферронэ вскорѣ послѣ своего воцаренія. Такимъ образомъ, несомнѣнно устанавливается фактъ, что воспоминаніе о мятежѣ 14-го декабря и связанномъ съ нимъ обширномъ заговорѣ должно было оставить въ умѣ императора Николая неизгладимые слѣды, отъ которыхъ онъ, дѣйствительно, не могъ освободиться до смертнаго одра. Но этимъ не ограничилось причиненное зло. Печальныя событія, ознаменовавшія собою первый день его царствованія, должны были сопровождаться, сверхъ того, еще и другимъ явленіемъ: они поставили государя въ совершенно особыя условія ко всякому свободному и независимому выраженію какой бы то ни было политической мысли, не согласовавшейся съ его собственными крайне опредѣленными воззрѣніями. При малѣйшемъ нарушеніи общественнаго спокойствія и дисциплины императоръ Николай имѣлъ привычку повторять: «Ce sont mes amis du quatorze» (Это мои друзья 14-го числа). Такимъ образомъ, это печальное событіе надолго

отдалило возможность какой бы то ни было либеральной реформы въ Россіи.

Высказанный взглядъ вполнѣ согласуется съ слѣдующими строками одной рукописной исторической записки, графа Дмитрія Андреевича Толстаго: «Что сдѣлалъ бы великій государь для своего народа,—пишетъ Толстой,—если бы на первомъ шагу своего царствованія, онъ не встрѣтился съ 14-мъ декабря 1825 года,—неизвѣстно; но что это печальное событіе должно было имѣть на него огромное вліяніе, кажется несомнѣннымъ. Ему, повидимому, слѣдуетъ приписать то нерасположеніе ко всякому либеральному движенію, которое постоянно замѣчалось въ распоряженіяхъ императора Николая. Одаренный сильною волею и обширнымъ государственнымъ умомъ, онъ твердою рукою повелъ Россію къ предположенной имъ цѣли, стремясь неуклонно по пути, самимъ имъ избранному, а такъ какъ характеръ этого великаго государя былъ вполнѣ національнымъ, то вышло, что Россія не только безропотно, но даже охотно за нимъ слѣдовала».

Къ этой оцѣнкѣ правленія Николая Павловича, принадлежащей перу русскаго государственнаго дѣятеля, близко подходитъ характеристика, сдѣланная по тому же поводу англійскимъ дипломатомъ лордомъ Лофтусомъ. По его мнѣнію: «во всей личности императора Николая было что-то отмѣнно внушительное и величественное, и, несмотря на суровое и строгое выраженіе лица, въ его улыбкѣ и обращеніи было что-то чарующее. Это былъ выдающійся характеръ, благородный, великодушный и любимый всѣми, кто его близко зналъ. Строгость его была скорѣе вызвана необходимостью, нежели собственнымъ желаніемъ; она возникла изъ убѣжденія, что Россіей необходимо управлять твердой и сильной рукой, а не отъ врожденнаго чувства жестокосердія или желанія угнетать своихъ подданныхъ.

Съ своей стороны Н. К. Шильдеръ замѣчаетъ: «Теперь наступилъ конецъ космополитизму, господствовавшему въ управленіи Россійскимъ государствомъ въ первой части XIX столѣтія. Хотя императоръ Николай и утверждалъ въ письмахъ къ цесаревичу, что начала, которыми руководствовался покойный ангелъ, служатъ ему катихизисомъ, но по своимъ убѣжденіямъ и вполнѣ національному характеру онъ не замедлилъ вступить на совершенно иной путь, чѣмъ тотъ, по которому слѣдовалъ его предмѣстникъ. Дѣйствительно, престолъ занялъ государь, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, съ вполнѣ опредѣлившимся міросозерцаніемъ и обладающій твердымъ и непреклоннымъ характеромъ. Вскорѣ всѣмъ стало ясно, что наступила новая эпоха, въ которой требовалось безпрекословное повиновеніе всемогущей и ясно выраженной волѣ воцарившагося монарха».

Во внѣшней политикѣ вліяніе событія 14-го декабря сказалось тѣмъ,

что, по выраженію французскаго историка [1]), «оно какъ-бы обрекло его (императора Николая) на роль укротителя революцій».

«Борьба съ революціей внѣ и внутри»—вотъ девизъ, какъ-бы избранный себѣ Николаемъ Павловичемъ подъ вліяніемъ событій, ознаменовавшихъ собою его восшествіе на престолъ. Сохранился разсказъ, что въ одинъ изъ первыхъ же дней своего царствованія императоръ Николай сказалъ великому князю Михаилу Павловичу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего происходившаго: «Революція на порогѣ Россіи, но, клянусь, она не проникнетъ въ нее, пока во мнѣ сохранится дыханіе жизни, пока, Божіею милостью, я буду императоромъ».

VIII.

Для Россіи «14-е декабря» имѣло громадное значеніе еще въ слѣдующемъ отношеніи. Раскрывъ Николаю Павловичу картину неустройствъ внутренней жизни Россіи, оно утвердило его въ намѣреніи заняться внутренними дѣлами, намѣреніи, которое онъ проявилъ еще до оффиціальнаго своего восшествія на престолъ. По крайней мѣрѣ, 10-го декабря 1825 г. графиня Нессельроде писала своему брату: «я знаю, что великій князь Николай чувствуетъ необходимость заняться внутренними дѣлами; онъ высказалъ это и сознаетъ всю трудность задачи». Затѣмъ, уже позднѣе, въ январѣ 1826 г., въ дружеской бесѣдѣ съ французскимъ чрезвычайнымъ посломъ де-Сенъ-При, въ отвѣтъ на его опасенія за будущее въ виду всеобщаго стремленія къ преобразованіямъ въ управленіи, необходимость которыхъ сознавалась даже людьми самыми преданными и благоразумными, императоръ Николай воскликнулъ: «Кому вы это говорите? Кто знаетъ это лучше меня?»

Но, признавая необходимость преобразованій, Николай Павловичъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они исходили отъ законной власти. «Не отъ дерзостныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія», читаемъ мы въ манифестѣ 13-го іюля 1826 года, какъ бы ликвидировавшемъ дѣло декабристовъ. «Всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности», возвѣщалось далѣе въ томъ же манифестѣ, —«всегда будутъ приняты нами съ благоволеніемъ, ибо—заявленіе крайне характерное для Николая Павловича, всецѣло обусловленное его взглядомъ

[1]) „Histoire générale" подъ редакціей Лависса и Рамбо.

на свою власть—мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степени счастія и славы».

Результатомъ убѣжденія Николая Павловича въ необходимости улучшить внутреннее состояніе Россіи явились въ первое же время его царствованія: учрежденіе III отдѣленія собственной его величества канцеляріи, рядъ распоряженій по крестьянскому вопросу и образованіе секретнаго комитета 6-го декабря 1826 года.

Относительно поводовъ къ учрежденію III отдѣленія генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Императоръ Николай стремился къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во многія части управленія, и убѣдился изъ внезапно открытаго заговора, обагрившаго кровью первыя минуты новаго царствованія, въ необходимости повсемѣстнаго, болѣе бдительнаго надзора, который окончательно стекался бы въ одно средоточіе; государь избралъ меня для образованія высшей полиціи, которая бы покровительствовала утѣсненнымъ и наблюдала за злоумышленіями и людьми, къ нимъ склонными».

Но еще болѣе неопровержимымъ доказательствомъ цѣлей, которыя имѣлись въ виду Николаемъ Павловичемъ при учрежденіи III отдѣленія, должна служить инструкція, данная шефомъ жандармовъ 13-го января 1827 года поручику Шервуду-Вѣрному, командированному въ различныя губерніи съ особыми порученіями. Въ этой, крайне своеобразной, инструкціи мы читаемъ: «Стараясь выполнить въ точности высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли государя императора и отеческому его желанію утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій, видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

1) «Обратить особенное ваше вниманіе на могущіе произойти безъ изъятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки.

2) «Наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьей-либо личной властью и преобладаніемъ сильныхъ лицъ или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

3) «Прежде, нежели приступить къ обнаруживанію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично сноситься и даже предварять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей или судовъ или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны, ибо цѣлью вашей должности должно быть, прежде всего, предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла,

напримѣръ, дойдутъ-ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и дурныхъ поступкахъ молодыхъ людей, предварить о томъ родителей и тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ, или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добру и вывести ихъ на путь истинный, прежде нежели обнаружить гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

4) «Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила, несомнѣнно, должны вамъ пріобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству. Въ васъ всякій увидитъ чиновника, который чрезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго, и беззащитнаго и безгласнаго гражданина немедленно поставить подъ высочайшую защиту государя императора.

«Сколько дѣлъ, сколько беззаконныхъ и безконечныхъ тяжбъ посредничествомъ вашимъ прекратиться могутъ, сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностью ближняго, устрашатся приводить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству его императорскаго величества...

5) «Вы, безъ сомнѣнія, даже по собственному влеченію вашего сердца стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди совершенно бѣдные, или сирые, служащіе безкорыстно вѣрой и правдой, не могущіе снискать пропитаніе однимъ жалованіемъ, о таковыхъ имѣете доставлять мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю его императорскаго величества: отыскивать и отличать скромныхъ вѣрнослужащихъ.

«Вамъ теперь ясно открыто, какую ощутительную пользу принесетъ точное и безпристрастное выполненіе вашихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете себѣ представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительности дѣйствія, то, конечно, нѣтъ мѣры наказанію, какому подвергнется чиновникъ, который, чего Боже сохрани, и чего даже помыслить не смѣю, употребитъ во зло свое званіе, ибо тѣмъ самымъ совершенно разрушитъ предметъ сего отеческаго государя императора учрежденія.

«Впрочемъ, нѣтъ возможности наименовать здѣсь всѣ случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы во всѣхъ случаяхъ должны руководствоваться, но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей».

Совершенно тожественная инструкція была дана и полковнику Бибикову.

Обратилъ Николай Павловичъ вниманіе и на положеніе крестьянъ. Двумя рескриптами на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланскаго, отъ 19-го іюня и 6-го сентября 1826 г., государь предписывалъ дворянству «христіанское и сообразное законамъ обращеніе съ крестьянами». «Къ истинному моему сожалѣнію,—сказано въ рескриптѣ отъ 19-го іюня,—доходятъ до моего свѣдѣнія несогласные съ симъ примѣры; а потому и повелѣваемъ вамъ поставить на видъ означенную волю мою, кромѣ всѣхъ начальниковъ губерній, въ особенности всѣмъ предводителямъ и маршаламъ дворянства... Вы имъ предпишите, что неуспѣшное исполненіе сей достойной уваженія ихъ обязанности подвергнетъ ихъ неизбѣжному взысканію по законамъ вмѣстѣ съ тѣми, кои дозволятъ себѣ удалиться отъ изъявляемой мною здѣсь воли моей, такъ какъ и порядокъ въ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, ихъ заботливостію и предвареніями соблюденный, всегда будетъ предметомъ моего особеннаго вниманія и вмѣнится имъ въ заслугу».

Въ рескриптѣ же 6-го сентября были преподаны правила, которыми должны руководствоваться уѣздные предводители дворянства въ случаяхъ, когда будетъ обнаружено со стороны помѣщиковъ, въ обращеніи съ крестьянами, злоупотребленіе власти въ непомѣрномъ-ли распорядкѣ работъ и повинностей, или въ непомѣрныхъ наказаніяхъ. При этомъ государь указывалъ въ рескриптѣ, что онъ во всѣхъ случаяхъ ищетъ и всегда искать будетъ «лучше предупреждать зло, нежели преслѣдовать его наказаніемъ, когда оно уже возникло».

Учрежденный же 6-го декабря 1826 года, подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея, особый секретный комитетъ имѣлъ своею цѣлью пересмотръ всего государственнаго устройства и управленія и представленіе заключенія о необходимыхъ преобразованіяхъ.

Вотъ какими намѣреніями былъ одушевленъ по своемъ воцареніи Николай Павловичъ, признававшій необходимымъ положить «въ основу управленія всю силу и строгость законовъ».

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ

въ 1823 году [1]).

Къ 1821 году посланникъ нашъ при Портѣ Оттоманской, баронъ Строгановъ, вслѣдствіе звѣрскаго обращенія турокъ съ христіанами, оставилъ Константинополь. Дипломатическія сношенія Россіи съ Турціею были прерваны, но Россія, тѣмъ не менѣе, не объявила ей войны. Если легко было порвать дипломатическія сношенія, труднѣе было сдѣлать это съ сношеніями торговыми: оба государства, вслѣдствіе непосредственнаго сосѣдства своего и владѣя каждое значительною береговою линіею по Черному морю, призваны были, силою вещей, къ веденію постоянныхъ обоюдныхъ торговыхъ сдѣлокъ и предпріятій. На основаніи сего, Россіи пришлось обратиться къ одной изъ иностранныхъ державъ съ просьбою о принятіи подъ свое покровительство торговыхъ интересовъ русскихъ подданныхъ. Выборъ Россіи остановился на Англіи, и великобританскій посланникъ, лордъ Странгфордъ сталъ представителемъ русскаго правительства на берегахъ Босфора. Такимъ образомъ Англіи пришлось вмѣшаться между нами и Турціею. Какъ только познала это Австрія, и она, съ своей стороны, тотчасъ же предложила свои услуги.

Оба посланника, англійскій и австрійскій, баронъ Оттенфельсъ получили немедленно приказанія отъ своихъ правительствъ склонить Турцію къ принятію справедливыхъ требованій русскаго правительства. Но такое, слишкомъ дружественное расположеніе с.-джемскаго и вѣн-

[1]) Статья эта составлена на основаніи матеріаловъ, извлеченныхъ изъ петербургскихъ архивовъ: министерства иностранныхъ дѣлъ и Императорскаго Двора.—См. также „Русскую Старину“ май 1901 г.

скаго кабинетовъ, по отношенію къ Россіи, должно было возбудить справедливое подозрѣніе въ безкорыстіи предложенныхъ намъ услугъ. Не трудно было догадаться, что обѣ державы оттого только съ такою ревностію защищали интересы Россіи, что онѣ—и та и другая—опасались столкновенія Россіи съ Турціею, опасались усиленія первой и разгрома второй. Содѣйствуя, повидимому, намъ, онѣ въ сущности спасали турокъ.

Въ такомъ положеніи находились въ началѣ 1823 года наши сношенія съ Турціею, когда посланникъ нашъ въ Вѣнѣ, Татищевъ [1]), доносилъ графу Нессельроде, что на предложеніе наше, поддержанное Англіею и Австріею, о созывѣ конгресса въ Вѣнѣ, Порта отвѣтила отказомъ. Татищевъ, совѣтуя пока вести это дѣло самымъ конфиденціальнымъ образомъ, а именно: такъ, чтобы никто кромѣ Россіи и Австріи объ этомъ не зналъ, предлагалъ Вѣну мѣстомъ для переговоровъ между нами и Портою. Въ то же самое время присутствіе русскаго предотавителя на предстоявшемъ конгрессѣ умалило бы, по его мнѣнію, дѣятельность лорда Странгфорда. Послѣдній принималъ столь живое участіе въ дѣлахъ нашихъ, что глава англійскаго кабинета, Каннингъ, какъ о томъ доносилъ князь Ливенъ [2]), счелъ даже нужнымъ до извѣстной степени désavouer (отречься отъ политики) лорда Странгфорда. Старанія Татищева не увѣнчались успѣхомъ, ибо, какъ графъ Нессельроде [3]) увѣдомилъ Татищева, англійскому посланнику поручалось нашимъ правительствомъ продолжить переговоры съ Портою; но если турецкое правительство прислало бы въ Вѣну лицо, облеченное надлежащими уполномочіями, Татищеву разрѣшалось вступить съ лицомъ этимъ также въ переговоры. Порта никого въ Вѣну не прислала, и намъ пришлось сноситься съ нею, при помощи Англіи и Австріи. Нужно отдать, тѣмъ не менѣе, полную справедливость дипломату, заступавшему наши интересы: на самомъ дѣлѣ, лордъ Странгфордъ—изъ какихъ бы то ни было побужденій—многое сдѣлалъ для улаженія русско-турецкой распри. Немаловажною заслугою должно считать, что онъ [4]) хлопоталъ весьма дѣятельно, чтобы Турція не вздумала возстановлять крѣпостей на лѣвомъ берегу Дуная,—conditio, sine qua non возобновленія съ нашей стороны дипломатическихъ сношеній съ нею. Въ то же самое время лордъ Странгфордъ, предвидя возможность сего, совѣтовалъ назначить на первое время не посланника, а только повѣреннаго въ дѣлахъ, рекомендуя правительству нашему

---

[1]) Татищевъ—Нессельроде. Вѣна 25-го марта (6-го апрѣля) 1823 г.
[2]) Ливенъ—Нессельроде. Лондонъ 11-го (23-го) сентября 1823 г.
[3]) Нессельроде—Татищеву. С.-Петербургъ 7-го мая 1823 г.
[4]) Татищевъ—Нессельроде. Вѣна 25-го марта (6-го апрѣля) 1823 г.

г. Фонтона на эту должность. Россія и Англія, повидимому, шли рука въ руку, но были однако пункты, по которымъ обѣ эти державы придти къ соглашенію не могли. Затрудненія заключались въ вопросѣ исключительнаго протектората Англіи надъ греками. Двѣ слѣдующія депеши нашего министерства Татищеву могутъ служить тому доказательствомъ. Въ первой [1]) с.-петербургскій кабинетъ категорически заявлялъ, что единоличнаго протектората Англіи надъ Мореею и Греческимъ архипелагомъ допустить не можетъ, что судьба грековъ должна быть рѣшена не иначе, какъ по достиженіи полнѣйшаго соглашенія союзныхъ державъ, и о чемъ, между прочимъ, было договорено на конгрессахъ Вѣнскомъ и Веронскомъ. Россія заявляла о намѣреніи своемъ держаться коллективнаго воздѣйствія на Порту и не допускать отдѣльнаго протектората никакой державы, не добиваясь въ то же самое время таковаго и для себя. Въ слѣдующей депешѣ [2]) отъ того же числа русскій вице-канцлеръ извѣстилъ нашего посланника въ Вѣнѣ, что Англія отказалась отъ единоличнаго протектората надъ Грецією.

Разумная настойчивость нашего кабинета оказала полезное свое вліяніе на дѣло: Англія уступила, а мы поставили на своемъ.

Положеніе дѣлъ на Востокѣ было таково, что не могло не быть предметомъ безпокойствъ всѣхъ державъ, имѣвшихъ политическіе интересы на Востокѣ. Такъ какъ отъ положенія сего наиболѣе страдали проживавшіе въ Греціи и дунайскихъ княжествахъ наши единовѣрцы, то весьма понятно, что русское правительство болѣе, нежели всякое другое, должно было принять къ сердцу судьбу близкихъ ему по вѣрѣ людей. Уже проѣздомъ черезъ Инспрукъ, послѣ Веронскаго конгресса [3]), рѣшено было обоими императорами, Александромъ и Францемъ, встрѣтиться въ слѣдующемъ году на одномъ изъ пограничныхъ пунктовъ обѣихъ Имперій. Впослѣдствіи пунктомъ этимъ выбранъ былъ городъ Чѐрновцы, вблизи турецкой границы, дабы страхомъ коллективнаго вмѣшательства русскаго и австрійскаго правительствъ воздѣйствовать на ослѣпленную упрямствомъ Турцію. Какъ упоминалось въ этой циркулярной депешѣ, цѣлію этой встрѣчи было лишь возстановленіе дружескихъ сношеній Россіи съ Портою и замиреніе Греціи. Далѣе прибавлялось, что только эти два вопроса будутъ предметомъ переговоровъ. Съѣздъ этотъ не долженъ былъ ни въ какомъ случаѣ служить угрозою остальной Европѣ, а потому другимъ державамъ не изъ-за чего было тревожиться. Отправленная изъ Черновъ-

[1]) Нессельроде—Татищеву. С.-Петербургъ, 26-го мая 1823 г.

[2]) Нессельроде—Татищеву. С.-Петербургъ, 26-го мая 1823 г.

[3]) Циркулярная депеша представителямъ Россіи за границей. Черновцы, 28-го сентября 1823 года.

цевъ циркулярная депеша эта должна была устранить безпокойство, появившееся среди остальныхъ европейскихъ кабинетовъ, недовѣрчиво взглянувшихъ на Чѣрновицкое свиданіе. Къ державамъ этимъ принадлежали въ описываемое нами время Англія, Франція и Пруссія. Хотя первая, черезъ лорда Странгфорда, могла всегда быть болѣе или менѣе au courant событій, ее интересовавшихъ, но не таково было положеніе Франціи. Державѣ этой казалось, что ее игнорировали. Французскій посолъ въ Лондонѣ, князь Полиньякъ, передалъ послу нашему князю Ливену [1]) удивленіе свое, что Франція поставлена въ совершенное невѣдѣніе относительно предстоявшихъ переговоровъ въ Чѣрновцахъ. Тѣмъ болѣе страннымъ казалось это князю Полиньяку, что и Франція принимала участіе въ поддержаніи и охраненіи началъ Священнаго союза. По мнѣнію французскаго дипломата, происходившіе въ Чѣрновцахъ [2]) переговоры, касаясь общеевропейскихъ интересовъ, не должны были происходить между двумя только державами. Вотъ каковъ былъ взглядъ Франціи на встрѣчу монарховъ Россіи и Австріи на берегахъ Прута.

Что же касается Пруссіи, тогда уже причислявшей себя къ великимъ державамъ, правительство ея не желало оставаться простымъ зрителемъ происходившихъ осенью 1823 года въ Галиціи и Буковинѣ совѣщаній. Посланникъ Татищевъ, во всеподданнѣйшемъ донесеніи [3]), увѣдомлялъ императора Александра, что князь Меттернихъ желалъ бы знать взглядъ русскаго царя на случай пріѣзда принца Вильгельма Прусскаго (впослѣдствіи германскаго императора Вильгельма I) въ Черновцы. Приглашеніе предоставлялось совершенно на благоусмотрѣніе императора Александра Павловича. Въ случаѣ отказа, князь Меттернихъ обязывался не сообщать о томъ въ Берлинъ.

Что принцъ Вильгельмъ не былъ въ Чѣрновцахъ, въ томъ удостовѣряетъ насъ тотъ фактъ, что о пребываніи его какъ въ семъ городѣ, такъ и во Львовѣ, нигдѣ не упоминается. Трудно предполагать, что забыли вовсе упомянуть о сынѣ прусскаго короля. Между тѣмъ изъ разсмотрѣнія камеръ-фурьерскаго журнала [4]) за 1823 годъ мы въ немъ нашли, что принцъ Прусскій Вильгельмъ прибылъ въ С.-Петербургъ 29-го сентября (въ день оставленія императоромъ Александромъ Павловичемъ Чѣрновцевъ), а 7-го ноября возвратился въ Пруссію, четыре дня по возвращеніи государя въ Царское Село. Очень можетъ быть, что молодой принцъ былъ дѣйствительно посланъ отцомъ своимъ

---

[1]) Ливенъ—Нессельроде. Лондонъ 11-го (23-го) сентября 1823 г.

[2]) На самомъ дѣлѣ они, какъ извѣстно, происходили во Львовѣ.

[3]) Татищевъ—императору Александру Павловичу. Вѣна, 25-го сентября 1823 года.

[4]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1823 г. № 21.

королемъ прусскимъ для разузнанія сущности переговоровъ между императорами Александромъ и Францемъ, но порученная ему въ такомъ случаѣ дипломатическая миссія не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ принцъ Вильгельмъ провелъ все время въ Петербургѣ и окрестностяхъ его. Пребываніе его къ тому же совпадало съ временемъ помолвки великаго князя Михаила Павловича съ принцессою Виртембергскою Шарлоттою, впослѣдствіи великою княгинею Еленою Павловною.

16-го августа, по словамъ камеръ-фурьерскаго журнала, въ сопровожденіи барона Дибича, государь оставилъ Царское Село и отправился сначала на югъ Россіи для инспектированія войскъ, а оттуда въ Чѐрновцы на свиданіе съ императоромъ австрійскимъ. За два дня до отъѣзда государя, нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ сдѣлано было всѣмъ представителямъ, за границею находившимся, вышепомянутое циркулярное сообщеніе [1]), которое должно было разсѣять проникшіе въ иностранную прессу тревожные слухи о цѣли предстоявшаго свиданія обоихъ императоровъ въ Буковинѣ. Почти одновременно Татищевъ [2]) писалъ графу Нессельроде, что князь Меттернихъ, озабоченный медленностью дипломатической работы въ Константинополѣ, всѣ упованія свои возлагалъ на Чѐрновицкое свиданіе обоихъ императоровъ на границѣ трехъ имперій—Россіи, Австріи и Турціи, какъ на вѣрное средство для образумленія послѣдней. Въ такомъ же духѣ написано письмо австрійскаго канцлера императору Александру Павловичу, въ коемъ князь Меттернихъ [3]) доносилъ государю, что интернунцію барону Оттенфельсу приказано имъ было всячески поддерживать требованія Россіи и выражалъ одновременно увѣренность свою въ успѣхахъ предстоявшихъ въ Чѐрновцахъ переговоровъ. Князь Меттернихъ [4]) писалъ интернунцію (съ препровожденіемъ копіи съ депеши графа Нессельроде посланнику Татищеву, которую просилъ держать въ тайнѣ), что онъ разсчитывалъ вполнѣ на благопріятный результатъ отъ свиданія обоихъ императоровъ и извѣщалъ о согласіи с.-петербургскаго кабинета на раздѣленіе самыхъ переговоровъ, для удобства и въ виду бо̀льшихъ шансовъ на успѣхъ, на два періода: 1) возстановленіе торговыхъ сношеній Россіи съ Портою, оставленіе Молдавіи и Валахіи турецкими войсками и 2) замиреніе Греціи вслѣдствіе уступокъ, которыя Турція должна была сдѣлать грекамъ и покровительствовавшей имъ Европѣ.

О самой дѣятельности государя въ Чѐрновицахъ свѣдѣній мы не полу-

---

[1]) Циркулярная депеша. С.-Петербургъ, 14-го августа 1823 г.
[2]) Татищевъ—Нессельроде. Вѣна 9-го (21-го) августа 1823 г.
[3]) Меттернихъ—Нессельроде. Вѣна, 9-го (21-го) августа 1823 г.
[4]) Меттернихъ – Оттенфельсу. Вѣна, 13-го сентября 1823 г.

чили. День его отъѣзда намъ извѣстенъ, а именно 28-го сентября, что же касается дня пріѣзда, въ этомъ отношеніи мы должны принять на вѣру число 23-го сентября (5-го октября), показываемое ксендзомъ Кунцемъ [1]). Стало быть, пребываніе въ Чѣрновцахъ русскаго императора продолжалось всего 5 дней. Находящееся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ свѣдѣніе, касающееся Чѣрновицкаго свиданія, заключается, между прочимъ, въ слѣдующемъ: графъ Нессельроде, находившійся во Львовѣ, на томъ основаніи, что заболѣвшій въ этомъ городѣ князь Меттерних доносилъ императору Александру Павловичу, что [2]) былъ боленъ лихорадкою и чувствовалъ себя весьма слабымъ. Вѣнскій кабинетъ благодарилъ русскаго императора за умѣренность его политики, выяснившейся во время Черновицкаго свиданія обоихъ монарховъ, но въ то же самое время просилъ правительство наше о непризнаніи обязательной коллективной гарантіи союзныхъ державъ (puissances alliées) по греческимъ дѣламъ. Графъ Нессельроде, по приказанію государя, уступилъ домогательствамъ вѣнскаго кабинета, который, конечно, могъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ уступчивостью Россіи. Австрійское правительство не захотѣло остаться въ долгу у русскаго, и мы нашли копію съ депеши князя Меттерниха [3]) интернунцію, барону Оттенфельсу, въ которой князь рекомендовалъ Портѣ очищеніе Княжествъ, обращая вниманіе турецкаго правительства на то, что по оффиціальнымъ и вполнѣ достовѣрнымъ даннымъ, содержаніе турецкихъ войскъ въ Молдо-Валахіи обходилось мѣстному населенію непомѣрно дорого. Въ другой своей депешѣ австрійскій канцлеръ, выставляя на видъ умѣренность русскаго царя, поручалъ барону Оттенфельсу благодарить лорда Странгфорда за его дѣйствія по возстановленію добрыхъ отношеній между Россіею и Портою, заявляя о подтвержденіи интернунціею приказаній энергично поддерживать лорда Странгфорда въ переговорахъ. Изъ этихъ двухъ депешъ ясно видно, насколько Австріи хотѣлось достигнуть возстановленія добрыхъ сосѣдскихъ отношеній между Россіею и Портою. Причина подобнаго желанія со стороны Австріи выше уже была объяснена.

Наканунѣ отъѣзда своего изъ Черновцевъ императоръ Александръ удостоилъ князя Меттерниха письмомъ, которое приводимъ мы здѣсь in extenso [4]):

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1901 г. Май, „Свид. двухъ императоровъ“.

[2]) Нессельроде—императору Александру Павловичу. Львовъ, 3-го (15-го) октября 1823 года.

[3]) Меттерних—Оттенфельсу. Львовъ, 16-го октября 1823 г.

[4]) Lettre de Cabinet de S. M. l'Empereur Alexandre au prince de Metternich en date de Czernovits, le 28-го septembre 1823 г. (кабинетское письмо

«Je n'ai point répondu à la lettre que Vous m'avez adressée, mon prince, sous la date du 3 septembre parce qu'au moment où je l'ai reçue j'étais en route pour Czernovitz où j'espérais pouvoir m'expliquer de vive voix avec vous sur les graves questions que la politique des Cours alliées s'occupe aujourd'hui à résoudre et Vous témoigner les sentiments que je Vous porte. C'est avec bien du regret que je me vois trompé dans cette attente par l'indisposition qui Vous retient à Léopol. J'aime à croire que les circonstances qui réalisent mes voeux et les Vôtres, en raffermissant la paix, le succès qui couronne Vos efforts et les communications que je charge le Comte de Nesselrode de Vous faire en personne, Vous offriront des motifs d'une satisfaction réelle. Recevez, avec mes souhaits pour Votre prompt rétablissement, l'assurance de ma haute estime [1])».

На это письмо австрійскій канцлеръ отвѣтилъ письмомъ, которое считаемъ также нужнымъ привести здѣсь [2]):

«Sire, la lettre pleine de bonté, dont Votre Majesté impériale m'a honoré, m'a été remise par le comte Nesselrode.

J'ai été fort malade, Sire, d'un mal simple en lui-même, mais compliqué par le mouvement naturel de mon âme. Elle s'est révoltée contre l'obstacle innattendu qui est venu se placer entre moi et le séjour si important de Czernovitz. Dieu et Votre Majesté m'ont sauvé. Le parti magnanime qu'Elle a pris, ce parti si grand et par là même si digne d'Elle m'a rendu le calme nécessaire pour ma guérison. Il y a une si grande différence, Sire, entre le mouvement d'âme d'un simple homme d'affaires et entre celui qu'éprouve l'homme qui sait s'élever à la

---

его императорскаго величества императора Александра князю Меттерниху изъ Черновицъ отъ 28-го сентября 1823 г.).

[1]) (Переводъ). Я не отвѣтилъ, ваше сіятельство, на письмо ваше отъ 3-го сентября потому, что, въ моментъ полученія его, я былъ на пути въ Черновцы, гдѣ разсчитывалъ имѣть случай лично съ вами объясниться по поводу важныхъ вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ заняты въ настоящее время союзныя правительства, а также выразить вамъ чувства, меня по отношенію къ вамъ одушевляющія. Сожалѣю очень, что болѣзненное состояніе, помѣшавшее вамъ покинуть Львовъ, разстроило всѣ мои разсчеты. Мнѣ пріятно думать, что обстоятельства, клонящіяся къ утвержденію мира и согласующіяся съ моими и вашими взглядами, успѣхъ, увѣнчавшій ваши труды, и сообщенія, которыя графъ Нессельроде имѣетъ передать вамъ лично, согласно моимъ указаніямъ, должны доставить вамъ полное удовлетвореніе. Примите, вмѣстѣ съ пожеланіями вамъ скораго выздоровленія, увѣренія въ совершенномъ моемъ почтеніи.

[2]) Copie d'une lettre du prince Metternich à S. M. l'Empereur Alexandre, en date de Lemberg, le 20-го octobre 1823 г. (копія съ письма князя Меттерниха къ его императорскому величеству императору Александру, изъ Львова, отъ 20-го октября 1823 г.).

hauteur de la défense d'une grande cause. Cette cause, Sire, est gagnée. Il y a longtemps que Votre Majesté impériale m'a vu saisir et lui signaler les premiers rayons de l'aurore d'un meilleur avenir. La constance admirable des Monarques, leur calme et la force de leur marche ont sauvé le monde. C'est à saisir les éléments du bien et à les utiliser que doivent tendre aujourd'hui tous nos soins. Nous réussirons, Sire, si nous ne dévions pas de la ligne que nous avons suivie jusqu'ici.

Le comte de Nesselrode veut bien se charger de porter aux pieds de Votre Majesté l'expression plus particulière de ma profonde reconnaissance. Elle se convaincra que nous avons terminé toutes les affaires en instance, dans cet accord qui signale depuis si longtemps les actes des deux Cabinets. Je prie Votre Majesté impériale de daigner agréer l'expression de mon plus profond respect»[1]).

Письма эти выдержаны въ томъ стилѣ, на которомъ умѣли съ такою любовью и искусствомъ выражаться монархи и государственные люди въ началѣ XIX вѣка. Искусство это, совершенно оправдывая всѣмъ извѣстное талейрановское выраженіе, заключалось въ умѣніи замаскировать самое дѣло и не договориться до сущности его при помощи хотя элегантнаго и корректнаго, но совершенно безсодержательнаго слога.

---

[1]) (Переводъ). Ваше величество, милостивое письмо, коимъ ваше величество меня осчастливили, передано было мнѣ графомъ Нессельроде.

Я былъ очень боленъ, государь, ибо недугъ мой, самъ по себѣ незначительный, осложнялся душевнымъ состояніемъ моимъ, вполнѣ понятнымъ, такъ какъ я былъ взволнованъ неожиданнымъ препятствіемъ, лишившимъ меня возможности прибыть въ столь важный моментъ въ Черновцы. Богъ и ваше величество исцѣлили меня. Великодушное рѣшеніе, принятое вашимъ величествомъ и столь достойное васъ, дало мнѣ успокоеніе, необходимое для возстановленія моего здоровья. Ваше величество, между душевными побужденіями простого дѣльца и тѣмъ, что испытываетъ человѣкъ, умѣющій стать на высоту защищаемаго имъ великаго дѣла,—большая разница. Дѣло это, государь, нынѣ выиграно. Я давно уже имѣлъ счастье указать вашему императорскому величеству на подмѣченные мною первые проблески занимающейся зари лучшаго будущаго. Удивительная твердость монарховъ, ихъ спокойствіе и мощь, съ которою они слѣдовали по избранному ими пути, спасли міръ. Нынѣ всѣ заботы наши должны клониться къ утвержденію добрыхъ началъ и къ тому, чтобы ими воспользоваться. Мы достигнемъ успѣха, ваше величество, если мы не уклонимся съ пути, по которому мы до сихъ поръ слѣдовали.

Графъ Нессельроде повергнетъ, по моей просьбѣ, къ стопамъ вашего величества выраженіе моей глубокой благодарности. Ваше величество убѣдитесь въ томъ, что мы привели всѣ дѣла къ окончанію въ духѣ того согласія, коимъ съ давнихъ поръ отмѣчены всѣ дѣйствія обоихъ кабинетовъ. Прошу ваше императорское величество принять увѣренія въ моемъ глубочайшемъ почитаніи.

Вернувшись въ Россію, графъ Нессельроде [1]) извѣстилъ князя Меттерниха, что императоръ Александръ остался въ полной мѣрѣ доволенъ результатомъ происходившихъ между Меттернихомъ и обоими русскими дипломатами, графомъ Нессельроде и Татищевымъ, переговоровъ. Государь, въ изъявленіе монаршаго своего благоволенія, разрѣшилъ Татищеву принять ленту св. Стефана, жалуя съ своей стороны совѣтнику австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, Мерси, Аннинскую ленту. Въ заключеніе письма своего графъ Нессельроде извѣстилъ князя Меттерниха, что, для дальнѣйшихъ обсужденій греческихъ дѣлъ, императоръ Александръ согласенъ на созывъ конференціи въ С.-Петербургѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года наше министерство разослало при циркулярной депешѣ [2]) записку о политическомъ положеніи Россіи послѣ свиданія въ Чѐрновцахъ. Въ запискѣ этой упоминалось, что Россія отправила въ Константинополь дѣйс. ст. сов. Минчіаки въ качествѣ агента по торговымъ дѣламъ, въ виду согласія Порты на открытіе проливовъ торговымъ судамъ всѣхъ европейскихъ державъ безъ исключенія. По сообщеніи лордомъ Странгфордомъ готовности Турціи очистить Дунайскія княжества, Россія съ своей стороны согласилась на возобновленіе дипломатическихъ сношеній своихъ съ Портою, присовокупляя, что какъ только ею будетъ назначенъ посланникъ въ Константинополь, ему поручено будетъ приступить къ переговорамъ по замиренію Турціи съ Греціею.

П. Вигель-Панчулидзевъ.

---

[1]) Нессельроде—Меттерниху. Одесса, 21-го октября 1823 г.

[2]) Циркулярная депеша. С.-Петербургъ, 16-го іюня 1824 г.

О найденномъ въ войсковой канцеляріи войска Донскаго французскомъ знамени.

19-го февраля 1831 г. войсковой прокуроръ Донскаго войска Броневскій донесъ министру юстиціи Д. В. Дашкову: «При разборѣ дѣлъ войсковой канцеляріи найдено дѣло, поступившее въ 1826 г. изъ Донецкаго сыскнаго начальства, объ отобранныхъ у урядника сего войска Ильи Безмолитвина вещахъ, которыя онъ продавалъ на рынкѣ въ сосѣднемъ городѣ Нахичевани и былъ съ оными, за неимѣніе письменнаго вида, задержанъ. По разсмотрѣніи сихъ вещей, оказалось, что одна изъ нихъ есть, такъ называемый, церковный воздухъ, а другая—весьма хорошо сохранившееся трехъ-цвѣтное знамя, принадлежавшее 127-му французскому пѣхотному полку, съ надписью: «L'Empereur Napoléon au 127-me Régiment d'infanterie de ligne».—Урядникъ Безмолитвинъ показываетъ, что знамя сіе отбито будто имъ въ сраженіи 1812 года подъ городомъ Краснымъ, но что онъ, по богатству украшеній онаго и по невѣдѣнію своему, желалъ оное удержать въ свою пользу и потому о томъ никому не объявлялъ и хранилъ у себя до 1826 года, а тогда, отправясь въ гор. Нахичевань, продалъ оное одному армянину за 115 рублей, но, за неимѣніе письменнаго вида, тамошнимъ магистратомъ задержанъ и представленъ въ сыскное начальство вмѣстѣ съ вещами.

«Полагая, что подобная вещь, какъ военный трофей, не должна находиться въ частныхъ рукахъ, я настаиваю въ войсковой канцеляріи, дабы знамя сіе было немедленно представлено къ г. управляющему главнымъ штабомъ его императорскаго величества».

Министръ юстиціи препроводилъ означенный рапортъ къ управляющему главнымъ штабомъ графу Чернышеву, а послѣдній доложилъ о томъ государю императору, и затѣмъ, возвращая министру рапортъ прокурора, 15-го марта того же 1831 г. сообщилъ, что государь высочайше повелѣть соизволилъ: знамя прислать въ Петербургъ для представленія его величеству, и что объ исполненіи монаршей воли предписано наказному атаману Донскаго воиска.

Сообщ. **А. В. Безродный.**

Записки Н. Г. Залѣсова.

XXIII [1]).

Возвращеніе въ Оренбургъ.—Послѣдняя тамъ служба.—Увольненіе въ отпускъ и окончательный выѣздъ изъ Оренбурга.

Какъ разъ въ субботу передъ масляной возвратился я въ Оренбургъ, обрадованный встрѣчею за станціею отъ города со старшей моей дочкой, тогда 12-ти-лѣтней дѣвочкой, выѣхавшей ко мнѣ съ одною изъ нашихъ родственницъ. На другой день я разсказалъ Крыжановскому подробно объ исполненіи всѣхъ порученій и былъ имъ весьма обласканъ. На прощаньи онъ сказалъ мнѣ:

— Какъ я радъ, какъ радъ, что вы возвратились, любезный Николай Гавриловичъ, я всѣ наряды войскъ въ степь и всѣ награды велѣлъ отложить до вашего пріѣзда, потому что не вѣрю вашему помощнику.

Я принялся за работу съ прежнимъ рвеніемъ. Степь, вопреки донесеніямъ, оказывалась далеко не успокоенною; потребовалось вновь высылать отряды, ассигновать суммы. Весною я подалъ въ отпускъ на 4 мѣсяца за границу и просилъ дать мнѣ пособіе изъ казачьихъ суммъ по примѣру бывшихъ начальниковъ штабовъ, но отпускъ мнѣ разрѣшили, а пособія не дали, несмотря на то, что это былъ первый мой отпускъ за всю службу. Крыжановскому мой отпускъ очень не понравился, и онъ

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1903 г.

сталъ меня уговаривать отложить его, объясняя, что за отъѣздомъ въ степь ему положительно не на кого оставить край и что онъ сдастъ мнѣ должность командующаго войсками въ округѣ; я однако же не согласился на это и убѣдилъ Крыжановскаго не сдавать мнѣ этой должности, а поручить только предсѣдательство въ окружномъ совѣтѣ, давъ обѣщаніе до возвращенія его изъ степи не уѣзжать въ отпускъ.

Въ отсутствіе Крыжановскаго дѣла шли заведеннымъ порядкомъ; я именемъ его давалъ разрѣшенія, посылая къ нему каждую недѣлю нарочныхъ съ донесеніями о болѣе крупныхъ событіяхъ. Въ это же время я началъ распродажу своего небогатаго имущества, напечатавъ ему списокъ. Продавъ небольшой свой домикъ за полцѣны, я живо сбылъ и всѣ другія вещи, такъ что къ возвращенію начальства въ началѣ іюля мѣсяца былъ совсѣмъ наготовѣ къ выѣзду.

Сборы мои были коротки. Помолившись на могилѣ дѣтей, отслуживъ молебенъ и пообѣдавъ въ послѣдній разъ съ чинами моего штаба, я выѣхалъ изъ Оренбурга 16-го іюля, напутствуемый слезами сильно любившей меня сестры.

Съ грустью я разстался съ Оренбургомъ, много испыталъ я здѣсь горя, но за то здѣсь же протекли лучшіе годы моей молодости. Здѣсь я воспитывался, здѣсь началъ службу бѣднымъ линейнымъ прапорщикомъ и чрезъ 22 года кончалъ ее генераломъ и начальникомъ штаба округа, прослуживъ въ этотъ разъ въ Оренбургѣ съ лѣта 1856 по лѣто 1870 года—14 лѣтъ. Съ чистою, безупречною совѣстью я покидалъ родной край, и если служба въ немъ выдвинула меня впередъ, то, въ свою очередь, и я послужилъ ему вполнѣ добросовѣстно и принесъ посильную пользу. Пробѣгая дорогой въ Петербургъ мысленно всю свою службу въ краѣ и опуская мелкія работы, я невольно вспоминалъ, сколько терпѣливаго и, смѣю сказать, честнаго труда было положено мною на систематическое обозрѣніе Самарской губерніи, на походъ и ознакомленіе со степью и ханствами Хивою и Бухарою въ то время, когда мы еще не смѣли носу показать далѣе форта Перовскаго, на съемки Башкиріи и земель Оренбургскихъ и Уральскихъ казачьихъ войскъ и Киргизской степи при самыхъ ничтожныхъ расходахъ казны, на переустройство Оренбургской кордонной линіи, давшее войску ежегодно 36.000 руб. сбереженія; мною же были составлены новые штаты военнаго управленія краемъ и степью при генералъ-адъютантѣ Безакѣ, произведены розысканія по Оренбургской желѣзной дорогѣ, розысканія каменнаго угля, устройство Оренбургскаго юнкерскаго училища, Аральской флотиліи, не считая ежегодной почти въ послѣднее время формировки новыхъ войскъ для Туркестана и другихъ работъ. Но самою дорогою жертвою, которую я только могъ принести краю—это была смерть 3-хъ моихъ дѣтей, похищенныхъ оренбургскими жарами, и наконецъ жертва моимъ здоровьемъ. Походы, разъѣзды

климатъ убили его совершенно, и я выѣхалъ изъ Оренбурга полуразвалиной съ окончательно разбитыми силами, которыхъ уже не могли возстановить впослѣдствіи ни воды, ни петербургскіе и заграничные доктора.

Я велъ въ Оренбургѣ по преимуществу замкнутую жизнь, служебную и семейную, званыхъ обѣдовъ и вечеровъ не любилъ, въ карты не игралъ и потому обширнаго знакомства не имѣлъ, но тѣмъ не менѣе обязанъ сказать, что и въ небольшомъ кружкѣ, въ которомъ я вращался, я нашелъ людей истинно добрыхъ, память о которыхъ сохранится во мнѣ навсегда. Къ числу такихъ лицъ я долженъ отнести начальника инженеровъ Е. И. Виршерта, командира бригады генерала Федяя, начальника крѣпостной артиллеріи Найлавкова, дежурнаго штабъ-офицера маіора Холецкаго, такъ рано похищеннаго смертью и др. Считаю долгомъ помянуть также добромъ бывшихъ моихъ начальниковъ генераловъ Данзаса и Дандевиля и почтеннаго секретаря штаба Г. Р. Семенова. Не могу также не вспомнить постояннаго нашего дачнаго мѣстопребыванія—казачьяго селенія Берды, знаменитой когда-то резиденціи Пугачева. Тамъ каждое лѣто въ крайней къ рѣкѣ Сакмарѣ избушкѣ я размѣщался съ своей семьей, и сколько пріятныхъ дней и въ особенности полныхъ нѣги оренбургскихъ вечеровъ провели мы въ кругу пріѣзжавшихъ къ намъ изъ города знакомыхъ. Тамъ иногда по цѣлымъ днямъ мы рыбачили съ удочкой и бреднемъ, гуляли, катались и бѣгали, какъ дѣти, проводя постоянно вечера на открытомъ воздухѣ. И что это были за чудные вечера, что за безоблачное, вѣчно синее небо, подъ которымъ прямо передъ нами скользила быстрая Сакмара, окаймленная на противоположной сторонѣ густою зеленью рощи, какая ласкающая теплота распространялась въ воздухѣ послѣ заката солнца, какой миръ, тишина спускались въ это время на бѣдную деревушку, и какъ благодѣтельно дѣйствовали они на покой моей души. Только въ дни семейныхъ нашихъ праздниковъ наша дачка оживлялась: пріѣзжала изъ города военная музыка, и любезные артиллеристы всегда появлялись къ намъ съ фейерверкомъ.

Но довольно будить дорогія воспоминанія, они болью отзываются въ моемъ сердцѣ, и прошлаго не вернуть.

Мы выѣхали изъ Оренбурга въ 11 часовъ и черезъ 20 минутъ были уже на Сакмарѣ, здѣсь я послѣдній разъ взглянулъ на городъ, на Маячную гору, гдѣ нерѣдко жилъ въ лагерѣ, поклонился церквамъ, и черезъ минуту густой лѣсъ скрылъ отъ меня на всегда все, что было дорого сердцу.

Черезъ полчаса мы были уже на первой станціи Чернорѣчьѣ. Здѣсь, къ немалому изумленію, я нашелъ прекрасно сервированный столъ и радушнаго хозяина. Сюрпризъ этотъ устроилъ почтенный начальникъ Оренбургскаго юнкерскаго училища лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка

полковникъ Котовъ, съ которымъ мы открывали училище и жили въ большомъ согласіи. Несмотря на прекрасный обѣдъ, мы съ женою почти ничего не ѣли и, поблагодаривъ добраго Котова за его любезность, черезъ полчаса ѣхали уже дальше.

Въ Бузулукѣ мы остановились ночевать и заняли одну изъ двухъ комнатъ станціи, въ другой же помѣстился еще раньше насъ проѣзжій изъ Ташкента офицеръ. Онъ пировалъ съ какимъ-то чиновникомъ, слышалось чоканье стакановъ, раздавались пѣсни. Я попросилъ черезъ смотрителя эту компанію не шумѣть въ уваженіе того, что рядомъ помѣщаются дамы и дѣти, но просьба осталась безъ вниманія. Покорившись несчастной необходимости терпѣть на станціяхъ всѣ невзгоды, я принялся за чай, когда дверь растворилась, и изъ сосѣдней комнаты вышелъ въ разстегнутомъ сюртукѣ съ красной физіономіей офицеръ и прямо подошелъ ко мнѣ. Я былъ въ сюртукѣ безъ погонъ, подорожная моя не была еще предъявлена, а обстановка моей семьи ничѣмъ не давала знать о моемъ служебномъ положеніи.

— Вы откуда ѣдете?—обратился ко мнѣ офицеръ.

— Изъ Оренбурга.

— Чортъ знаетъ, что у васъ тамъ за порядки! Просилъ денегъ на дорогу, да вашъ начальникъ штаба не далъ ни копѣйки.

— Вы лично просили?

— Вотъ пойду я къ нему... Онъ, говорятъ, меня сейчасъ выслалъ бы изъ города, а послѣ Ташкента, знаете, хотѣлось... Я докладную подавалъ.

— Вы гдѣ служите?

— Я въ интендантствѣ. А вы кто такой?

— Я начальникъ штаба Оренбургскаго округа.

Офицеръ оторопѣлъ и мгновенно исчезъ за дверью станціи; гдѣ онъ ночевалъ,—не знаю, но ночь мы провели совершенно покойно. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ просвѣтителей Ташкента, которые явились изъ Россіи для насажденія европейской цивилизаціи между дикими народами Средней Азіи. Эти цивилизаторы, по большей части фантазеры и негодяи, такъ мѣтко очерченные Щедринымъ въ его сатирѣ «Господа Ташкентцы», проѣздомъ черезъ Оренбургъ всегда безобразничали и просили денегъ и конечно получали отказъ, а часто самыя энергическія съ моей стороны побужденія, въ образѣ арестовъ или жандарма, къ немедленному выѣзду изъ города.

Переночевавъ затѣмъ въ Самарѣ, мы живо добрались на «Самолетѣ» до Нижняго и затѣмъ, не останавливаясь въ Москвѣ, прибыли 25-го іюля въ 9 часовъ утра въ Петербургъ.

Еще изъ Оренбурга я списался съ Мозелемъ объ оставленіи его квартиры за мной и потому, переодѣвшись въ «Знаменской гостиницѣ»,

тотчасъ же поѣхалъ на Васильевскій островъ и засталъ Мозеля выѣзжающимъ на желѣзную дорогу. Въ этотъ же день мы перебрались въ наше помѣщеніе, состоявшее изъ 4 маленькихъ комнатъ деревяннаго домика Александровскаго, во 2-й линіи, напротивъ академіи. Дурно и тѣсно намъ было тутъ послѣ 14 комнатъ казеннаго дома въ Оренбургѣ, а впослѣдствіи зимою мы всѣ переболѣли въ этой квартирѣ и чуть не замерзли, но что дѣлать? Не имѣя средствъ, надо было обречь себя и на нужду, тѣмъ болѣе, что она приходила по собственной моей волѣ, и если эта лачуга-квартира отзывалась такою сильною болью въ моемъ сердцѣ, то главнымъ образомъ изъ опасенія за здоровье дѣтей и въ особенности доброй моей жены, которая такъ безропотно согласилась промѣнять прежнюю привольную нашу жизнь на неизвѣстную будущность и скитальчество.

XXIV.

Служба при штабѣ гвардіи въ 1871 году.—Болѣзнь.—Поѣздка за границу.—Изданіе памятной книжки для офицеровъ.—Командировка въ Финляндію въ 1872 г.—Обще-обязательная воинская повинность въ 1873 г.—Статья „Голоса".—Вопросъ объ экспедиціи въ Хиву.

Устроившись на квартирѣ, первымъ моимъ дѣломъ было явиться начальству и хлопотать о пособіи на поѣздку за границу, изъ казачьихъ суммъ, по примѣру предшественника моего Левенгофа. Гейденъ принялъ меня любезно, но о какомъ-либо дальнѣйшемъ моемъ назначеніи ни полслова, сказавъ только: «живите здѣсь и отдыхайте». О пособіи нужно было хлопотать у тогдашняго начальника главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ Карлгофа; я отправился къ нему на дачу въ Царское Село, но ничего не могъ добиться. Привелось остаться въ Петербургѣ.

Послѣ неустанной живой дѣятельности Оренбурга, страшно тяжело и тоскливо показалось мнѣ настоящее бездѣлье. Затерянный въ громадномъ городѣ, безъ родныхъ и знакомыхъ, разъѣхавшихся по дачамъ, я сразу какъ-то почувствовалъ всю тяжесть одиночества и весь тотъ жосткій эгоизмъ, которымъ такъ рѣзко отличается столичная жизнь отъ провинціальной. Подошла осень, я сталъ хлопотать объ опредѣленіи старшей дочери въ Смольный монастырь, ѣздилъ въ 4-е отдѣленіе, просилъ, но добился только того, что ее приняли на мой счетъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ кончился мой отпускъ, и въ Петербургъ пріѣхалъ Крыжановскій. Еще изъ Оренбурга онъ писалъ ко мнѣ, прося возвратиться съ тѣмъ, что онъ сдастъ мнѣ на время поѣздки свою

должность, но я отклонилъ это желаніе. 16-го ноября я былъ отчисленъ отъ должности начальника штаба и на другой день поѣхалъ откланяться Крыжановскому. Онъ просилъ меня указать ему на преемника, и я посовѣтовалъ избрать на мѣсто мое генерала Звѣрева, что̀ и было исполнено.

Отвратительная до крайности погода, а главное совершенное бездѣлье начало видимо гнести мое здоровье, тщетно я просилъ какого-нибудь назначенія или работы, но графъ Гейденъ говорилъ постоянно:

— Вы живете въ Петербургѣ безъ службы, получаете все содержаніе и скучаете; тысячи лицъ только и мечтаютъ о такомъ положеніи, какъ ваше.

На Рождество добрѣйшій Гейденъ выхлопоталъ мнѣ пособіе въ 1.500 руб. на поѣздку за границу, но эта милость мало утѣшила меня, нравственное мое состояніе было уже сильно потрясено. Съ осени еще заболѣла жена, и болѣзнь ея принимала все болѣе и болѣе опасное положеніе; я платилъ огромныя деньги докторамъ, но толку не было; послѣ Рождества заболѣлъ опасно единственный мой сынъ, привелось опять тащить знаменитости. Наступили морозы, квартира оказалась до безобразія сырой и холодной, мы буквально мерзли день и ночь, все это, вмѣстѣ взятое, такъ подѣйствовало на меня, что наконецъ я и самъ слегъ, со мной сдѣлался сильный нервный припадокъ, отъ котораго я еле-еле поправился въ три мѣсяца. Не дай Богъ никому пережить такое время, какое я тогда прожилъ, и только неисчерпаемая милость Божія спасла меня отъ сумасшествія. Къ веснѣ наконецъ мы стали мало-по-малу поправляться, сынъ выздоровѣлъ, жену спасъ профессоръ Горвицъ, но за то дочка моя въ Смольномъ сильно заболѣла, и я взялъ ее оттуда. Доктора гнали насъ на воды. Я забылъ сказать, что еще передъ Рождествомъ вслѣдствіе моихъ просьбъ о службѣ, графъ Гейденъ выхлопоталъ мнѣ прикомандированіе къ 37-й дивизіи, стоявшей въ Петербургѣ, но какъ тамъ я тоже не имѣлъ никакого дѣла, то бывшій тогда начальникъ штаба гвардіи графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, весьма милостиво ко мнѣ отнесшійся, съ разрѣшенія великаго князя Николая Николаевича, прикомандировалъ меня къ гвардейскому штабу.

Въ маѣ мѣсяцѣ я взялъ заграничный отпускъ на 28 дней, а добрый графъ Шуваловъ разрѣшилъ мнѣ жить въ отпуску въ Россіи до самой осени, и въ началѣ іюня мы отправились на Друскеникскія воды. Пробывъ около мѣсяца на водахъ, мы поѣхали въ Вѣну, откуда, по совѣту докторовъ, переѣхали для купанья въ Тріэстъ. Неимовѣрно жаркое лѣто скоро однакожъ погнало насъ назадъ, и черезъ мѣсяцъ мы опять были въ Друскеникахъ. Дачная сельская жизнь, путешествіе и хорошій воздухъ благодѣтельно подѣйствовали на всѣхъ насъ, и въ

половинѣ августа мы вернулись въ Петербургъ. Я возобновилъ свою просьбу о работѣ, и графъ Гейденъ, по приказанію военнаго министра, поручилъ мнѣ составленіе: «Полевой памятной книжки для офицеровъ». Богъ видитъ, какъ я обрадовался этой работѣ, она заняла мое свободное время и даже спасла мое здоровье отъ послѣдствій того глубокаго несчастія, которое я вскорѣ перенесъ, а именно: въ ноябрѣ мѣсяцѣ мой сынокъ, возвратившись съ гулянья, почувствовалъ боль въ горлѣ, и на другой день его задушилъ крупъ.

Между тѣмъ работы по книжкѣ при помощи приглашенныхъ мною молодыхъ офицеровъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ, шли успѣшно, а рисунки къ ней подготовлялъ почтенный нашъ граверъ Сѣряковъ, съ прекрасными качествами котораго, какъ человѣка, я имѣлъ тутъ случай близко познакомиться. Весною, когда уже трудъ мой началъ поступать въ печать, меня призвалъ къ себѣ графъ Гейденъ и предложилъ ѣхать по нашимъ крѣпостямъ для опредѣленія размѣра разныхъ интендантскихъ и другихъ складовъ, которые нужно держать въ нихъ на случай войны, или же принять на себя командировку по составленію стратегическаго обзора Финляндіи въ связи съ Балтійскимъ прибрежьемъ. Я отказался отъ перваго порученія и принялъ съ охотою второе, дававшее мнѣ возможность осмотрѣть Финляндію и работать въ сферѣ моей спеціальности, какъ офицера генеральнаго штаба.

Въ началѣ іюня я переѣхалъ на дачу въ Гельсингфорсъ и оттуда началъ свои экскурсіи по Финляндіи. Все лѣто я провелъ въ разъѣздахъ по новой для меня странѣ; дороги вездѣ были такъ хороши, что я съ женой и второй дочерью объѣхали край въ городскомъ экипажѣ; къ осени мы переплыли въ Ревель и оттуда въ сентябрѣ вернулись въ Петербургъ. Черезъ мѣсяцъ я подалъ свою работу графу Гейдену. Въ ней было предположеніе мое упразднить Свеаборгъ, какъ не могущій въ данномъ видѣ (укрѣпленія его были выстроены шведами для защиты отъ атаки съ сухаго пути, и многіе острова вовсе не были укрѣплены) оградить Гельсингфорсъ отъ нападенія съ моря.

Наступила осень, пошли толки о всесословной воинской повинности. Составились разные редакціонные комитеты, и живо закипѣла работа.

Я сдалъ свою книжку, за которую графъ Гейденъ меня очень благодарилъ. Но въ одно прекрасное утро онъ прислалъ за мной фельдъегеря. Вхожу въ кабинетъ графа, и онъ озабоченно спрашиваетъ меня:

— Читали вы сегодняшній «Голосъ».

— Нѣтъ еще.

— Прочтите, тамъ есть ссылка на вашу книжку, которую фельдмаршалъ (Барятинскій) носилъ къ государю, чтобы убѣдить его въ крайнемъ самовластіи военнаго министра, объяснивъ, что книга печатана въ военной типографіи и составлена лицомъ оффиціальнымъ.

*

— Позвольте узнать, въ чемъ заключается моя вина?

— Какъ же вы, описывая военное управленіе, говорите: «высочайшая воля по предметамъ, относящимся до военно-сухопутныхъ силъ, приводится въ исполненіе военнымъ министерствомъ, которому подчинены войска, военныя управленія и военныя заведенія на всемъ пространствѣ Имперіи» [1]). Вамъ слѣдовало прежде всего сказать, что верховный предводитель арміи есть государь императоръ. Какъ могли вы допустить такой пропускъ?

— Помилуйте, ваше сіятельство, кто же изъ насъ, военныхъ, не знаетъ, что высшій начальникъ арміи есть государь, а какъ я всѣми мѣрами старался сократить объемъ книги, чтобы сдѣлать ее компактной, и избѣгалъ всѣхъ излишнихъ объясненій и даже приведенныя вами выраженія взялъ цѣликомъ изъ военно-статистическаго обозрѣнія Россіи Обручева, какъ изданія, уже пропущеннаго цензурой.

— Это васъ не извиняетъ: военно-статистическій сборникъ—сочиненіе ученое, предназначенное для высшихъ начальниковъ и офицеровъ генеральнаго штаба, ваша же книжка назначается для всѣхъ офицеровъ, слѣдовательно, есть сочиненіе популярное.

— Потому-то я и составлялъ ее такъ, что она назначается для офицеровъ и для удобства справокъ должна быть какъ можно кратка.

— Объ этомъ теперь не будемъ говорить. Скажите мнѣ откровенно только одно. Излагая въ такой редакціи кругъ дѣйствій военнаго министерства, вы, дѣйствительно, опуская о верховномъ командованіи государя надъ арміей, полагали, что это обстоятельство и безъ того всѣмъ извѣстно и писали такъ для краткости.

— Полагаю, ваше сіятельство, что другой мысли у меня не могло и быть никакой. Смѣю васъ увѣрить моимъ честнымъ словомъ.

— Хорошо, я такъ и доложу военному министру.

Отъ Гейдена я перешелъ къ графу Шувалову, чтобы потолковать о настоящемъ дѣлѣ. Графъ встрѣтилъ меня съ улыбкой.

— Что, батюшка, попались?

— Помилуйте, ваше сіятельство, чѣмъ же я виноватъ? Наконецъ, нельзя изъ такихъ пустяковъ дѣлать чуть не государственное преступленіе.

— Это все фельдмаршалъ. Онъ показалъ государю и вашу книжку, и номеръ «Голоса», въ которомъ о ней говорилось.

Въ то время князь Барятинскій принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы возстановить государя противъ военнаго министра, но интрига его не удалась.

---

[1]) Стр. 137 Полевой памятной книжки.

Осенью того же 1872 года, графъ Гейденъ какъ-то разъ пригласилъ меня къ себѣ и далъ прочитать записку туркестанскаго генералъ-губернатора Кауфмана объ экспедиціи въ Хиву, требуя моего мнѣнія. Высказавъ тогда свои взгляды, я потомъ и позабылъ объ этомъ дѣлѣ, однако же мѣсяца черезъ два получаю записку о назначеніи меня членомъ комитета по разсмотрѣнію туркестанскихъ предположеній съ извѣстіемъ, что комитетъ долженъ на другой же день собраться въ квартирѣ военнаго министра. По запискѣ Кауфмана, всю экспедицію предполагалось совершить войсками Туркестанскаго и Кавказскаго округовъ безъ всякаго участія со стороны Оренбурга. Крыжановскому, конечно, это было непріятно, и онъ всѣми мѣрами настаивалъ, чтобы и его войска приняли участіе въ экспедиціи.

— Я читалъ уже проектъ генерала Кауфмана,—сказалъ я Крыжановскому,—и думаю, что безъ участія оренбургскихъ войскъ экспедиція будетъ рискованною, что̀ помимо всякихъ симпатій къ Оренбургу и заявлю въ комитетѣ.

Въ комитетѣ участвовали Кауфманъ, Крыжановскій, графъ Гейденъ, начальникъ штаба Кавказскаго округа Свистуновъ, я и полковникъ Проценко (завѣдывающій азіятскими дѣлами въ Главномъ штабѣ). Изъ первыхъ же переговоровъ стало видно, что Кауфманъ имѣетъ за собою, кромѣ меня и Крыжановскаго, голоса всѣхъ членовъ, не исключая и военнаго министра, и когда дѣло дошло до оффиціальныхъ объясненій, то Кауфманъ смѣло, ясно изложилъ свои предположенія и рѣшительно опровергалъ необходимость участія оренбургскихъ войскъ. Послѣ Кауфмана говорили Гейденъ, ограничившійся лишь общими замѣчаніями на счетъ возможности успѣха экспедиціи, и Свистуновъ, очень рельефно и толково изложившій, какую помощь можетъ оказать экспедиціи Кавказскій округъ.

Очередь дошла, наконецъ, и до меня.

Я указалъ на картѣ предположенное направленіе войскъ Кауфмана и Кавказскаго округа и доложилъ комитету, что всѣ свѣдѣнія о путяхъ основаны на р а з с п р о с н ы х ъ данныхъ, а потому болѣе или менѣе гадательны, при чемъ войскамъ Кауфмана, чтобы подойти къ Хивѣ, предстоитъ еще переправиться черезъ такую рѣку, какъ Аму-Дарья, гдѣ при самомъ даже ничтожномъ сопротивленіи непріятеля можно встрѣтить громадныя затрудненія. Какъ человѣкъ, лично бывшій въ тѣхъ мѣстахъ, я сказалъ, что войска встрѣтятъ страшныя затрудненія въ довольствіи и водѣ, и могутъ легко погибнуть (что̀ потомъ едва не оправдалось на отрядахъ Кауфмана и Кавказскаго округа), что для движенія оренбургскихъ войскъ мы имѣемъ вполнѣ изслѣдованный и надежный путь, по которому отрядъ навѣрное дойдетъ до Хивы,—обстоятельство, особенно важное въ томъ случаѣ, если по изложеннымъ мною

причинамъ войскамъ Туркестана и Кавказа не удастся добраться до столицы ханства, почему полагаю, что движеніе со стороны Оренбурга рѣшительно необходимо, даже въ тѣхъ видахъ, чтобы не усиливать существующаго въ Средней Азіи мнѣнія о недоступности Хивы въ случаѣ задержки другихъ отрядовъ, и не кончить экспедиціи столь же плачевнымъ образомъ, какъ Перовскій въ 1839 году.

— Что вы возразите на это, Константинъ Петровичъ? — спросилъ военный министръ.—Я придаю особое значеніе мнѣнію генерала Залѣсова. Это единственный человѣкъ, который бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ и можетъ судить о нихъ не по наслышкѣ. Дорога, имъ указанная, дѣйствительно изслѣдована, снята и описана. Онъ самъ ходилъ по ней. Ваши же свѣдѣнія о путяхъ, равно и Кавказа основаны только на разспросахъ. Богъ знаетъ, въ какой степени они вѣрны. Наконецъ, и переправа черезъ Аму-Дарью меня очень смущаетъ.

Кауфманъ отвѣчалъ, что разспросамъ своимъ онъ вѣритъ, что имъ будутъ приняты всѣ мѣры на счетъ случайностей и что хотя онъ остался при прежнемъ убѣжденіи, что для наказанія Хивы совершенно довольно и однихъ туркестантскихъ войскъ, но, не желая подвергать даже и малѣйшему сомнѣнію успѣхъ предложенной имъ экспедиціи, онъ не возстаетъ болѣе противу посылки отряда изъ Оренбурга.

Такъ кончилось это дѣло.

Въ продолженіе зимы я время отъ времени продолжалъ заходить къ графу Шувалову, чтобы навѣдаться о моемъ губернаторствѣ; онъ предложилъ мнѣ съѣздить къ Тимашеву. Отправясь въ Морскую, я въ большой пріемной министра встрѣтилъ нѣсколькихъ губернаторовъ.

Тимашевъ, котораго я помнилъ еще конно-гвардейскимъ офицерикомъ, принялъ меня любезно и предложилъ современемъ занять мѣсто въ одной изъ польскихъ губерній, но когда я ему откровенно замѣтилъ, что не симпатизирую полякамъ, тогда онъ отвѣтилъ, что въ русской губерніи мнѣ будетъ трудно, ибо тамъ требуются отъ губернатора большіе расходы. Затѣмъ онъ съ министерскою важностью началъ развивать передо мною взгляды свои на Польшу. Я попросилъ Тимашева о Рязани, но онъ не согласился и оставилъ во мнѣ надежду только на польскія губерніи. Вскорѣ въ Рязань былъ назначенъ Абаза, имѣвшій конечно болѣе правъ на полученіе этой должности.

XXV.

Красносельскій лагерь. — Пріѣздъ императора Вильгельма и персидскаго шаха. — Поѣздка въ Старую Руссу и Кѣльцы. — Служба въ военно-ученомъ комитетѣ.

Къ веснѣ 1873 года Шуваловъ мнѣ посовѣтовалъ попрактиковать въ Красносельскомъ лагерѣ, на что я и согласился, нанявъ на лагерь дачу у священника противъ церкви.

Весной этого же года была торжественная встрѣча въ Петербургѣ императора Вильгельма и персидскаго шаха. Были парады, угощенія; императоръ щедрою рукою раздавалъ ордена, а Бисмаркъ, Мольтке и К° объѣдались нашей прекрасной земляникой до такой степени, что было трудно достать эту ягоду въ лавкахъ. Шахъ явился, навѣсивъ на себя всѣ свои брилліанты.

Я участвовалъ въ парадахъ, данныхъ Вильгельму и шаху. Для императора Вильгельма вызвали въ Петербургъ всѣ его полки: гренадерскій, драгунскій и Калужскій пѣхотный. На парадѣ государь салютовалъ своему дядѣ, дядя—племяннику. Шахъ на парадъ явился на своемъ конѣ-карликѣ. Государь везъ его со станціи желѣзной дороги въ особомъ шарабанѣ безъ кучера, такъ какъ этикетъ не дозволялъ, чтобы кто-нибудь сидѣлъ задомъ къ шаху. Онъ былъ очень скроменъ на раздачу своего Льва и Солнца.

Послѣ всѣхъ этихъ тревогъ мы перешли въ лагерь, и съ іюня начались у насъ ученья, смотры и, наконецъ, маневры. Я все время бился съ лошадью и никакъ не могъ съ нею устроиться. На малыхъ маневрахъ мнѣ довелось дѣйствовать противъ генерала Гельфрейха, по окончаніи маневра великій князь велѣлъ намъ подать другъ другу руки и поцѣловаться. Вскорѣ я участвовалъ на ночныхъ маневрахъ и, скакавъ на бѣшеной уральской лошади, упалъ и повредилъ ногу, что заставило меня слечь, отказаться отъ большихъ маневровъ и переѣхать въ городъ. За службу въ лагерѣ великій князь былъ столь милостивъ, что представилъ меня къ наградѣ, и мнѣ дали старшинство въ чинѣ со дня производства.

Въ августѣ мѣсяцѣ я былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 7-й дивизіи и хотя этимъ назначеніемъ былъ разжалованъ (послѣ мѣста начальника штаба округа) изъ поповъ въ дьяконы, но бѣдному человѣку нечего было разбирать, тѣмъ болѣе, что добрый графъ Гейденъ позволилъ мнѣ прожить зиму въ Петербургѣ и лѣтомъ слѣдующаго года съѣздить на воды въ Старую Руссу, т. е. отправиться въ бригаду почти черезъ годъ послѣ назначенія. Въ концѣ 1873 года я былъ назначенъ въ комитетъ по привлеченію башкиръ къ воинской повинности; мы

имѣли нѣсколько засѣданій, результатомъ которыхъ было образованіе Башкирскаго эскадрона, а нынѣ полка, а въ маѣ 1874 года, распродавъ всю свою мебель, отправился я на лѣто въ Старую Руссу.

Пробывъ два мѣсяца въ Руссѣ, мы возвратились въ Петербургъ. Въ это время шефъ жандармовъ Шуваловъ былъ уволенъ, и на его мѣсто назначили Потапова изъ Вильны, куда былъ посланъ Альбединскій.

15-го августа мы выѣхали черезъ Варшаву въ Кѣльцы, но въ Радомѣ жена моя опять сильно разболѣлась, и мы кое-какъ дотащились до мѣста. Мнѣ отвели квартиру въ гостиницѣ, пока отстроивался домъ одного русскаго купца, куда я потомъ и перешелъ.

Маленькій, чистенькій городокъ Кѣльцы скорѣе напоминалъ дачу, чѣмъ губернскій городъ. 7-й дивизіей тогда командовалъ генералъ Сарачинскій, извѣстный храбрецъ.

Въ Кѣльцахъ я усердно занялся службою, но сразу увидѣлъ, что при всемъ стараніи ничего изъ этого не выйдетъ при тѣхъ ничтожныхъ правахъ, которыми пользовались бригадные командиры. Разъ убѣдившись въ этомъ, оставаться въ Кѣльцахъ при моей жаждѣ дѣятельности я уже не могъ и, пробывъ тамъ до января, поѣхалъ въ Петербургъ.

Поѣздку мою ускорило еще и письмо Клугина, въ которомъ онъ мнѣ сообщалъ, что открылось мѣсто атамана Оренбургскаго казачьяго войска и что графъ Гейденъ хлопочетъ о предоставленіи его мнѣ. Пріѣхавъ съ частью семьи въ Петербургъ и доложивъ начальнику Главнаго штаба о положеніи бригаднаго командира, я прямо объявилъ, что въ бригаду ни за что не поѣду. Такое рѣзкое заявленіе раздражило Гейдена; онъ вспылилъ и сказалъ, что никакого мѣста и содержанія больше мнѣ не дастъ, но такова была доброта этого человѣка, что черезъ день онъ самъ же мнѣ передалъ, что будетъ просить за меня Тимашева. Дѣло казалось-было устроено. Тимашевъ заявилъ военному министру, что выбираетъ меня, но послѣдній посовѣтовалъ ему спросить еще согласія на мое назначеніе генералъ-губернатора Крыжановскаго. Зная, что Крыжановскій давно обѣщалъ мнѣ это мѣсто и, какъ оказалось по справкѣ въ Главномъ штабѣ, спустя два года по выѣздѣ моемъ изъ Оренбурга оффиціально просилъ назначить меня атаманомъ, я былъ почти увѣренъ, что мое назначеніе состоится. Прошло нѣсколько дней, явилась сначала телеграмма, а потомъ и письмо Крыжановскаго къ военному министру, гдѣ онъ просилъ назначить вмѣсто меня атаманомъ Зенъбуша, а я черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора былъ отчисленъ отъ должности командира бригады, а спустя полгода былъ прикомандированъ къ военно-ученому комитету и кромѣ того назначенъ членомъ главнаго статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Независимо отъ оффиціальныхъ за-

нятій я занялся и частною работою у добраго моего пріятеля редактора «Военнаго Сборника» Лаврентьева, помогая ему въ трудахъ по редакціи. Въ военно-ученомъ комитетѣ я работалъ подъ руководствомъ генерала Обручева и занимался составленіемъ плана войны на случай разрыва съ Австріей, ибо тогда уже началось возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ.

XXVI.

Назначеніе въ Вильну.—Состояніе 27-й дивизіи.—Мѣры, принятыя мною къ устройству дивизіи.—Устройство лагеря.—Высочайшій смотръ.

Весною 1876 года я поѣхалъ на морскія купанья и поселился на все лѣто съ семьею въ Ревелѣ. Тамъ, живя около прелестнаго Екатерининскаго парка, я съ любопытствомъ слѣдилъ за развивавшейся борьбой на Балканскомъ полуостровѣ, дѣйствіями Черняева въ Сербіи и отправкой туда нашихъ добровольцевъ. Энтузіазмъ къ славянамъ даже въ этомъ по преимуществу нѣмецкомъ городѣ все болѣе и болѣе разгорался.

Въ половинѣ августа мы вернулись въ Петербургъ, и спустя недѣлю или двѣ за мной пріѣхалъ фельдъегерь отъ графа Гейдена.

— Гдѣ вы пропадаете? что васъ нельзя сыскать?—встрѣтилъ меня графъ.

— Жилъ съ вашего разрѣшенія въ Ревелѣ, а на-дняхъ возвратился въ Петербургъ.

— Я телеграфировалъ ревельскому губернскому воинскому начальнику, но онъ отвѣчалъ, что васъ нѣтъ въ Ревелѣ. Пожалуйста, запишите вашу квартиру. Я васъ звалъ, чтобы предупрепредить, что вы предназначены въ дѣйствующую армію начальникомъ 33-й дивизіи, списки на утвержденіе пошли уже въ Ливадію. Вы человѣкъ бывалый въ походахъ и дѣлахъ, поэтому я васъ выбралъ.

Мнѣ оставалось только благодарить графа и поторопиться домой, чтобы приготовиться къ отъѣзду.

Дней чрезъ десять графъ вновь призвалъ меня и объявилъ, что списки возвращены изъ Ливадіи, но съ перемѣнами и между прочимъ въ 33-ю дивизію назначенъ генералъ Тимоѳеевъ, а я въ 27-ую — въ Вильну.

— Не горюйте,—прибавилъ графъ,—дѣло можетъ дойти и до васъ; Тимоѳеева же государь избралъ, вѣроятно, потому, что онъ его знаетъ

съ молодыхъ лѣтъ, когда они вмѣстѣ бывали у Паткуля, тогдашняго командира Павловскаго полка.

Такимъ образомъ вмѣсто дѣйствующей арміи я попалъ въ Литовскій край подъ команду генералъ-адъютанта Альбединскаго. Сборы мои были недолги. Въ половинѣ ноября я явился къ Альбединскому въ гостиницѣ «Демутъ», который принялъ меня весьма любезно.

21-го числа я съ старшей дочерью выѣхалъ изъ Петербурга.

Вагоны были запружены ѣхавшими въ Кишиневъ интендантскими чиновниками и топографами, и всѣ эти храбрые воины не пропускали ни одной станціи, чтобы не сходить въ Сербію; такъ они называли буфеты, въ которыхъ все время нагружались водкой.

Альбединскаго я уже засталъ въ Вильнѣ и въ первый же воскресный день, когда у него бывали пріемы, явился къ нему и познакомился съ его супругой, урожденной княжной Долгоруковой. И хозяинъ, и хозяйка встрѣтили меня крайне привѣтливо, съ тою деликатностью, которая вообще характеризуетъ людей высшаго круга, получившихъ хорошее воспитаніе.

По прибытіи въ Вильну, я тотчасъ началъ осмотръ ротъ. Во всѣхъ полкахъ я нашелъ полный наружный порядокъ, щегольство даже въ одеждѣ, но когда я разстегнулъ мундиры у людей, открылъ тюфяки и посмотрѣлъ, что лежитъ подъ подушками и подъ нарами, то бо́льшей грязи, вони, всякой мерзости рѣдко можно было встрѣтить.

О такомъ безобразіи я немедленно доложилъ Альбединскому и принялся оздоровлять людей и казармы. Строгія приказанія, частые, внезапные наѣзды, выговоры полковымъ командирамъ, которымъ я не подавалъ руки, произвели гвалтъ. На меня посыпались обвиненія въ излишней строгости, въ пренебреженіи къ частнымъ начальникамъ. Заѣхалъ ко мнѣ начальникъ штаба округа съ намекомъ на мое обращеніе, давая понять, что все это непріятно командующему войсками. Дѣло видимо пошло на интриги, но я ихъ кончилъ разомъ. На другой же день я поѣхалъ къ Альбединскому и, повторивъ ему еще разъ о порядкахъ въ полкахъ, заявилъ, что пока служу, не допущу, чтобы люди жили въ грязи и морились голодомъ, и что буду подавать полковому командиру руку только тогда, когда онъ своею честною дѣятельностью будетъ этого заслуживать. Къ чести Альбединскаго я долженъ сказать, что онъ внимательно меня выслушалъ и, признавъ доводы мои уважительными, поблагодарилъ меня, сказавъ: «всегда такъ дѣйствуйте». Эта поддержка сразу прекратила всѣ нашептыванія, и дѣло пошло успѣшно. У солдатъ явились чистые тюфяки, подушки, бѣлье, въ казармахъ опрятность, хорошая пища.

Затѣмъ я обратилъ вниманіе на хозяйство полковъ, которымъ полковые командиры распоряжались безконтрольно. Подвергнувъ смѣты хо-

зяйственныхъ распоряженій строгому просмотру, я предписалъ полкамъ распоряжаться только въ предѣлахъ помянутыхъ смѣтъ, всю же затѣмъ экономію въ деньгахъ отобралъ въ свое распоряженіе и образовалъ въ полкахъ оборотные капиталы. Они дали мнѣ возможность постоянно улучшать бытъ солдатъ и офицеровъ. На нихъ были заведены въ полкахъ умывальники, желѣзныя кровати, кухонная и столовая мѣдная посуда, чайныя; улучшалось довольствіе людей, поддерживалось дивизіонное собраніе, бывшее въ долгахъ, выдавались пособія бѣднымъ офицерамъ, выстроились конюшни, цейхгаузы и кухни въ лагерѣ и проч. Все это не нравилось полковымъ командирамъ, они роптали вслухъ, но я не обращалъ никакого вниманія и шелъ своею дорогою.

Отъ внутренняго быта полковъ слѣдовалъ переходъ къ ихъ строевому и научному образованію. Обученіе нижнихъ чиновъ, благодаря заботамъ Альбединскаго, было поставлено въ округѣ на основаніи строгой системы, но нельзя было сказать того же объ образованіи офицеровъ. Здѣсь я употребилъ уже свой личный трудъ, занимаясь два раза въ недѣлю съ офицерами самъ и измѣнивъ совершенно методъ занятій. Я сталъ въ роль противника и заставилъ офицеровъ баталіонными группами рѣшать противъ меня тактическія задачи на планѣ, при чемъ присутствовали всѣ другіе офицеры; я привлекъ къ этимъ занятіямъ безусловно всѣхъ ротныхъ командировъ, чего до сихъ поръ не было; всѣ занятія сталъ вести изустно, отбросивъ вовсе письменныя работы, изгналъ военную игру и впослѣдствіи ввелъ въ употребленіе вмѣсто плановъ раскрашенныя доски, которыя всѣ могли видѣть, и которыя потомъ вошли въ употребленіе почти повсюду.

Рядомъ съ этими мѣрами было обращено строгое вниманіе на нравственную сторону солдатъ и офицеровъ. Повсемѣстное введеніе солдатскихъ чайныхъ сразу уменьшило процентъ пьяницъ, а отсюда и преступленій. Выгонъ изъ службы нѣсколькихъ негодныхъ офицеровъ далъ острастку другимъ, а запрещеніе въ офицерскомъ собраніи азартныхъ игръ показало офицерамъ, что и такая профессія не безопасна. Съ цѣлью доставить развлеченіе офицерамъ, я обратилъ вниманіе на ихъ библіотеки и собраніе. Первыя были пересмотрѣны, а второе выпутано изъ долговъ. Офицерское собраніе занимало грязное помѣщеніе въ казармахъ и не имѣло никакихъ средствъ. Я сталъ каждый разъ самъ посѣщать вечера собранія, привозя туда дочь, изгналъ изъ него разныхъ арфистокъ и проч., оплатилъ долги изъ полковыхъ суммъ и постоянно требовалъ отъ офицеровъ строгаго благоприличія.

На Рождество я объѣхалъ загородныя роты, вводя тамъ тѣ же порядки, а за симъ представилъ самый подробный отчетъ Альбединскому о всѣхъ моихъ распоряженіяхъ, указавъ съ полною откровенностью на нѣкоторыя сдѣланныя мною ошибки. Петръ Павловичъ прочиталъ мою

записку, облобызалъ меня, просилъ такъ и впредь дѣйствовать и съ тѣхъ поръ до самаго отъѣзда изъ Вильны удостоивалъ меня самаго полнаго довѣрія и теплой дружбы.

Служебныя занятія и жизнь въ Вильнѣ пошли обычнымъ порядкомъ. Къ веснѣ 1877 г. все мое семейство переѣхало въ Вильну, и мы поселились на дачѣ Распопова.

Въ августѣ 1878 г. я былъ произведенъ внѣ правилъ въ генералъ-лейтенанты, а въ январѣ 1879 года, въ бытность мою въ Петербургѣ, государь встрѣтилъ меня очень любезно, благодарилъ за занятія въ дивизіи, сказавъ, что онъ надѣется въ скоромъ времени лично посмотрѣть ее. Слова государя я тотчасъ же телеграфировалъ Альбединскому, который остался этимъ очень доволенъ.

Помимо чисто фронтовыхъ занятій, вниманіе мое было обращено въ это время главнымъ образомъ на переустройство лагеря и дивизіоннаго офицерскаго собранія. Первый, воздвигнутый предмѣстникомъ моимъ Криденеромъ, состоялъ изъ землянокъ, бывшихъ по своей сырости источникомъ сильной болѣзненности, а второе помѣщалось въ низенькихъ мрачныхъ казарменныхъ комнатахъ, перегороженныхъ досками. Передѣлки эти требовали однако же большихъ денегъ, и только мои добрыя отношенія къ Альбединскому и постоянныя предъ нимъ ходатайства могли привести къ тому, что на переустройство лагеря самими войсками мнѣ дали 34.000 р., а на собраніе 18.000 т. руб., возложивъ однако же передѣлку послѣдняго на инженеровъ.

Войска на отпущенныя деньги передѣлали всѣ землянки на крестьянскіе домики, провели водопроводъ, выстроили особое помѣщеніе для начальника дивизіи и его штаба, и произвели много другихъ работъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. И. Гречъ, Ѳ. В. Булгаринъ и А. Мицкевичъ.

(Матеріалы для ихъ біографій).

1.

Всеподданнѣйшій докладъ Д. Н. Блудова.

31-го марта 1828 г.

Министръ народнаго просвѣщенія при докладѣ отъ сего числа представляетъ вашему императорскому величеству просьбу коллежскаго совѣтника Греча объ опредѣленіи его членомъ Главнаго правленія училищъ.

Онъ не изъявляетъ никакого мнѣнія о томъ, до какой степени г-нъ Гречъ можетъ имѣть право на сію милость. Я съ своей стороны также не дозволяю себѣ судить о семъ, но считаю долгомъ, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи и тягостнымъ, обратить вниманіе вашего величества на одно мѣсто прилагаемаго при семъ въ копіи секретнаго письма дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцова къ генералу-отъ-артиллеріи графу Аракчееву отъ 28-го декабря 1824-го года. Сіе письмо по высочайшей волѣ вашей сообщено мнѣ въ прошедшемъ году начальникомъ Главнаго штаба вашего императорскаго величества.

Я равномѣрно считаю долгомъ присовокупить, что мнѣ ни почему не извѣстно, основательны-ли подозрѣнія, изъявляемыя дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ въ его секретномъ отношеніи къ графу Аракчееву.

Г-нъ Гречъ мнѣ мало знакомъ, но кажется, онъ имѣетъ умъ, свѣдѣнія и могъ бы, какъ и министръ народнаго просвѣщенія полагаетъ,

быть съ пользою употребленъ въ комитетѣ, коему поручено разсмотрѣніе и приготовленіе классныхъ книгъ и другихъ учебныхъ пособій.

2.

Письмо Н. Н. Новосильцова—графу А. А. Аракчееву.

28-го декабря 1824 г. Вильно.

Польза службы и желаніе заслужить въ полной мѣрѣ лестную для меня довѣренность государя императора и оправдать назначеніе мое въ попечители Виленскаго учебнаго округа, которое послѣдовало въ томъ только предположеніи, что я болѣе найду способовъ противу другихъ искоренить вкравшееся въ здѣшнія училища зло, заставляютъ меня заблаговременно предусматривать и отвращать всѣ тѣ препятствія, которыя могутъ встрѣтиться съ исполненіемъ сего ревностнаго моего желанія. По сему поводу и въ надеждѣ на содѣйствіе и помощь вашу, я съ откровенностію отношусь къ вамъ обо всемъ, что меня тревожитъ.

Извѣстно, что здѣшніе жители вообще, а въ особенности все, что принадлежитъ къ университету, или, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ лица, которыя наиболѣе на него дѣйствуютъ, имѣютъ свои связи въ С.-Петербургѣ, посредствомъ коихъ они съ одной стороны: увѣдомляются обо всемъ, что даже входитъ токмо въ предположенія по разнымъ частямъ правительства, а съ другой, предуспѣваютъ разными происками своими по канцеляріямъ, ежели не совершенно ниспровергать, то по крайней мѣрѣ значительнымъ образомъ ослабливать всѣ тѣ мѣры, которыя ихъ видамъ не соотвѣтствуютъ.

Занимаясь на сей разъ тѣмъ только, что до ввѣренной мнѣ части принадлежитъ, считаю нужнымъ ваше сіятельство предупредить о необходимой надобности имѣть непримѣтное наблюденіе за тѣми изъ сихъ лицъ, жительствующими въ С.-Петербургѣ, которыя наиболѣе имѣютъ вплыву (?) по дѣламъ университетскимъ.

Между сими одинъ, котораго можно назвать всеобщимъ агентомъ здѣшняго края, есть г. Орда. Онъ служитъ нынѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ въ качествѣ чиновника по особымъ порученіямъ. Сей человѣкъ, родомъ изъ Литвы, будучи вездѣ вхожъ и имѣя во всѣхъ министерскихъ канцеляріяхъ свои знакомства, служитъ здѣшнимъ жителямъ главнѣйшимъ орудіемъ всѣхъ ихъ интригъ. Въ числѣ же значительнѣйшихъ содѣйствователей ему въ ономъ по части учебной поставить должно Сенковскаго, профессора восточныхъ языковъ; за симъ слѣдуютъ Булгаринъ и Гречъ, издатели журналовъ, которые принадлежали здѣсь къ весьма вредному обществу, существовавшему долгое

время подъ именемъ «Шубравцевъ», между коими они назывались Рустиканами. Но опаснѣйшая изо всѣхъ, по моему мнѣнію, есть г-жа Лабаржевская (старая интриганка, извѣстная еще со временъ покойнаго князя Кутузова). Я не знаю почему, но то дѣйствительная правда, что на нее болѣе всѣхъ кладутъ надежды.

Не подвержено также никакому сомнѣнію, что къ г. Ордѣ не рѣдко высылаются деньги, а на какое употребленіе, того не извѣстно. Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ ректоръ Твардовскій переслалъ къ нему 2.000 рублей, которые, какъ мнѣ донесено, были имъ взяты изъ суммы, въ университетской кассѣ остававшейся отъ положеннаго на канцелярію предмѣстника моего годоваго оклада, вѣроятно не безъ его дозволенія. Не выводя изъ сего никакого заключенія, я не могу однако же сокрыть отъ васъ одного происшествія, которое произвело во мнѣ не малое удивленіе. Ректоръ Твардовскій за нѣсколько времени предъ отъѣздомъ моимъ въ С.-Петербургъ подалъ, по причинѣ слабаго своего здоровья и разстройства домашнихъ дѣлъ, прошеніе въ отставку. Я препроводилъ оное по порядку къ министру просвѣщенія и, кажется, самъ ему говорилъ: что я очень радъ сему случаю, зная Твардовскаго со стороны человѣка весьма не твердаго характера и раболѣпствующаго предъ господствующими надъ мнѣніемъ здѣшней публики, хотя впрочемъ я кромѣ слабости ничего въ его поступкахъ предосудительнаго не находилъ. За симъ не имѣлъ я ни малѣйшей причины сомнѣваться, чтобы онъ не получилъ просимаго имъ увольненія; но къ немалому изумленію моему узналъ я отъ самого его по возвращеніи изъ С.-Петербурга, что между тѣмъ получено имъ было письмо отъ Александра Семеновича [1]), въ которомъ онъ просилъ его остаться на своемъ мѣстѣ, и что онъ, какъ сказывалъ, не могъ на то не согласиться. Согласіе то послѣдовало, однако же, какъ я позже узналъ, прежде, нежели повѣрили, что не графъ Лаваль, а я, назначенъ здѣсь въ кураторы. Съ пріѣздомъ же моимъ въ Вильну, когда нельзя было уже въ томъ сомнѣваться и когда увидѣли, что я не шутя принимаюсь за искорененіе безпорядковъ и никого не щажу, кто въ нихъ участвуетъ, то ректоръ Твардовскій подалъ мнѣ вторичную просьбу, которую я также препроводилъ къ министру, но до сей поры, чему уже прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, отставка ему еще не послѣдовала. Таковое отлагательство, оставляя дѣло въ нерѣшимости, производитъ весьма вредное дѣйствіе. Распущаются умышленно слухи, что ректоръ Твардовскій по сильной протекціи, которую онъ имѣетъ въ С.-Петербургѣ, получитъ конечно вновь приглашеніе не оставлять своего мѣста, хотя бы то было и противу желанія моего, и что заступающій его мѣсто докторъ Пеликанъ, кото-

[1]) Шишкова.

раго всѣ шалуны боятся, недолго останется при сей должности. Симъ способомъ питается въ ученикахъ и даже въ нѣкоторыхъ учителяхъ та надежда, что все оборотится въ прежній путь, несмотря на всѣ усилія мои перемѣнить оной; а изъ сего поселяется въ нихъ то мнѣніе: что нѣтъ еще необходимой нужды сообразоваться съ волею начальства и перемѣнять прежнія свои правила.

Кромѣ сего прошенія объ отставкѣ я препроводилъ къ министру еще новое, поданное мнѣ отъ г. Контрима, адъюнкта университета и библіотекарскаго помощника оной. Сей человѣкъ, дѣйствовавшій съ давнихъ лѣтъ во вредъ училищъ и къ распространенію безпокойнаго духа, самымъ скрытымъ и довольно хитрымъ образомъ, чтобъ не подпасть подъ явную отвѣтственность, имѣетъ также много покровителей въ С.-Петербургѣ между литераторами и либералистами, и я опасаюсь, чтобы и онъ не нашелъ средства остановить рѣшеніе на поданное имъ прошеніе, тѣмъ болѣе, что ни я, ни заступающій мѣсто ректора не могли, по совѣсти, удостоить его къ полученію пенсіона, и что кромѣ того, по обязанности моей, я почиталъ долгомъ представить его императорскому высочеству цесаревичу о необходимой надобности, чтобы вмѣстѣ съ его увольненіемъ послѣдовало и запрещеніе ему на въѣздъ и пребываніе въ Вильнѣ, гдѣ присутствіе его не можетъ быть не вреднымъ.

Послѣ столь огромнаго письма, которымъ я не смѣлъ бы обременять ваше сіятельство, ежели бы не былъ увѣренъ въ благорасположеніи ко мнѣ, остается мнѣ только просить васъ, чтобы оказали мнѣ ваше содѣйствіе въ томъ, первое: чтобы посланныя два прошенія объ отставкѣ, одно отъ ректора Твардовскаго, а другое отъ адъюнкта Контрима не оставались долгое время безъ разрѣшенія; и второе: чтобы все относящееся до внутренняго и полицейскаго управленія по учебному Виленскому округу, какъ-то: опредѣленіе учителей и другихъ по учебной части чиновниковъ, перемѣщеніе ихъ изъ одного училища въ другое, и изъ одной губерніи въ другую, отрѣшеніе ихъ отъ должностей, исключеніе безнадежныхъ студентовъ и учениковъ и введеніе строгаго порядка въ училищахъ, предоставлено было въ полное мое распоряженіе, такъ, чтобы кромѣ донесеній моихъ министру о томъ, что̀ мною сдѣлано будетъ по всѣмъ симъ предметамъ, не требовалось къ исполненію моихъ распоряженій никакихъ другихъ утвержденій: безъ чего всякое отлагательство въ исполненіи, ослабляя власть мою и обольщая надеждою на интриги, о коихъ выше говорено, подастъ поводъ къ неповиновенію и поставитъ впослѣдствіи непреоборимыя препятствія къ достиженію желаемой цѣли.

Я не сомнѣваюсь, что ваше сіятельство, найдя опасенія мои основательными, не откажетесь отвратить оныя искуснымъ внушеніемъ, и

колико можно безъ оскорбленія честолюбій, ежели бы они могли въ семъ дѣлѣ имѣть мѣсто.

3.

Письмо графа И. Дибича—Н. Н. Носильцову.

7-го апрѣля 1828 г. № 335.

Ваше высокопревосходительство въ отношеніи къ генералу-отъ-артиллеріи графу Аракчееву отъ 28-го декабря 1824 года, между прочимъ, изволили объяснить, что въ числѣ лицъ, имѣющихъ въ С.-Петербургѣ вліяніе на дѣла Виленскаго университета и содѣйствующихъ имъ, находятся Булгаринъ и Гречъ, издатели журналовъ, которые принадлежали въ Вильнѣ къ весьма вредному обществу, существовавшему долгое время подъ именемъ Шубравцевъ, между коими назывались они Рустиканами.

Государь императоръ, имѣя въ виду сіе отношеніе вашего высокопревосходительства, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ просить васъ увѣдомить, не открылось-ли съ того времени вновь какихъ-либо подобныхъ свѣдѣній или подробностей насчетъ Булгарина и Греча.

Сообщая вашему высокопревосходительству сію высочайшую волю, я покорнѣйше прошу доставить по сему предмету отзывъ, по случаю отъѣзда моего изъ здѣшней столицы, къ г. генералъ-адъютанту графу Чернышеву, для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія.

4.

Письмо Новосильцова—графу А. И. Чернышеву.

23-го мая 1828 г., Варшава.

Начальникъ Главнаго штаба его императорскаго величества графъ Дибичъ, въ отношеніи своемъ отъ 7-го апрѣля за № 335, прописывая, что я отъ 28-го декабря 1824 года, увѣдомлялъ генерала-отъ-артиллеріи графа Аракчеева, между прочимъ, что въ числѣ лицъ, имѣющихъ въ С.-Петербургѣ вліяніе на дѣла Виленскаго университета и содѣйствующихъ имъ, находятся издатели журналовъ Булгаринъ и Гречъ, которые принадлежали въ Вильнѣ къ весьма вредному обществу, существовавшему долгое время подъ именемъ Шубравцевъ, требовалъ за тѣмъ отъ меня по высочайшему повелѣнію извѣщенія: не открылось-ли съ того времени какихъ-либо новыхъ свѣдѣній или подробностей на счетъ Булгарина и Греча, съ тѣмъ, чтобы я по случаю отъѣзда

графа Ивана Ивановича изъ столицы доставилъ мой по сему предмету отзывъ къ вашему сіятельству, для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія.

Вслѣдствіе сего имѣю честь вамъ, м. г., изъяснить, что съ того времени, по поводу принятыхъ мною мѣръ и разныхъ распоряженій внутри университета, а наиболѣе по удаленіи изъ онаго нѣкоторыхъ лицъ, состоявшихъ въ связи съ Булгаринымъ и Гречемъ и бывшихъ, равно, какъ и они, членами общества Шубравцевъ, изъ коихъ самый дѣятельнѣйшій бывшій адъюнктъ университета Контримъ, высланъ по повелѣнію государя цесаревича [1]) изъ Вильны, съ запрещеніемъ туда возвращаться,—доселѣ не оказалось никакихъ обстоятельствъ, которыя заставляли бы предполагать, что вредныя сношенія вышеозначенныхъ двухъ особъ съ Виленскимъ университетомъ еще продолжаются.

Между тѣмъ, не могу умолчать при семъ случаѣ, что Булгаринъ въ издаваемыхъ имъ повременныхъ сочиненіяхъ продолжаетъ покровительствовать распространенію и укрѣпленію польскихъ патріотическихъ помышленій, въ превратномъ и ложномъ ихъ направленіи столь противныхъ тѣсному и откровенному соединенію сего народа съ россіянами. По поводу изданія въ С.-Петербургѣ польской поэмы, подъ названіемъ: «Konrad Wallenrod», сочиненной Мицкевичемъ, бывшимъ членомъ тайнаго патріотическаго польскаго общества «Филаретовъ», счелъ я обязанностью своею обратить вниманіе его императорскаго высочества цесаревича на предосудительное содержаніе сей книги. Такъ какъ въ донесеніи моемъ упоминается, между прочимъ, и о Булгаринѣ, сочиненіе сіе въ журналѣ своемъ одобрявшемъ, то я считаю неизлишнимъ приложить къ сему копію съ донесенія моего государю цесаревичу, по сему предмету.

5.

Рапортъ Новосильцова—великому князю Константину Павловичу.

10-го апрѣля 1828 г., № 582.

Въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ вмѣнилъ я себѣ въ обязанность довесть чрезъ начальника Главнаго штаба вашего императорскаго высочества графа Куруту до вашего высочества свѣдѣнія статью, помѣщенную въ «Варшавскихъ Вѣдомостяхъ» о польскомъ стихотворцѣ Мицкевичѣ.

Въ сей статьѣ упоминалось, что Мицкевичъ, принятый жительствующими въ столицѣ поляками съ толикимъ отличіемъ, пріѣхалъ туда для напечатанія новой своей поэмы, названной имъ «Конрадъ Валенродъ».

---

[1]) Великаго князя Константина Павловича.

Впослѣдствіи получилъ я печатанный въ С.-Петербургѣ экземпляръ сей поэмы и нашелъ содержаніе оной заслуживающимъ вниманія правительства до такой степени, что осмѣливаюсь представить объ оном вашему императорскому высочеству съ моими заключеніями.

Извѣстно и уже не однократно замѣчаемо было, что польскіе писатели превозносятъ дѣянія предковъ, твердятъ о народной славѣ, о великихъ подвигахъ польскихъ полководцевъ и правителей, и тѣмъ стараются питать польскій патріотизмъ. Доколѣ таковое стремленіе остается въ надлежащихъ границахъ, оно не заключаетъ въ себѣ еще ничего предосудительнаго. Въ областяхъ прежней Польши, къ Россіи присоединенныхъ, не отмѣнено ни прежнее законодательство, ни судопроизводство, ниже употребленіе польскаго языка. Полякъ оставленъ полякомъ и, будучи вѣрнымъ подданнымъ нынѣшнихъ своихъ государей, можетъ любить свой языкъ и переданные отъ отцовъ обычаи и уставы. Если патріотизмъ не выходитъ изъ сего круга, то онъ не есть преступнымъ и имѣетъ основаніе свое въ всемилостивѣйшихъ государей россійскихъ при присоединеніи польскаго края объявленіяхъ. Но дѣло пріемлетъ другой видъ, коль скоро съ таковымъ патріотизмомъ соединяются мечтанія о будущей независимой Польшѣ, и когда сочиненія польскихъ писателей клонятся къ питанію въ душахъ своихъ соплеменниковъ подобныхъ мыслей, ибо въ такомъ случаѣ они противны вѣрноподданнической преданности, отторгая сердца ихъ отъ дѣйствительнаго отечества и привязывая къ какому-то еще не существующему и будущему.

Если таковыя сочиненія вредны и даже преступны, то какъ назвать тѣ, которыя, будучи облечены въ заманчивую красоту поэзіи, учатъ питать скрытную вражду, притворную преданность и приготовлять соотечественникамъ, почитаемымъ за иноземцевъ, потому что они не сопле менники, самую коварнѣйшую измѣну? Къ сочиненіямъ сего рода принадлежитъ поэма Мицкевича подъ названіемъ «Конрадъ Валенродъ», содержаніе коей я осмѣлюсь вкратцѣ представить. Сочинитель назвалъ книгу свою историческою повѣстью и, чтобы связать исторію со стихотворческими своими вымыслами, дѣлаетъ онъ слѣдующія предположенія, истинной исторіи совершенно противныя.

Онъ предполагаетъ, что Литва и Пруссія составляли одно государство, находившееся подъ владѣніемъ литовскихъ князей, и что извѣстный рыцарскій орденъ, называемый Тевтоническимъ (l'ordre teutonique, der deutsche Bitterorden), завладѣвъ въ XI столѣтіи Пруссіею и Лифляндіею, отнялъ у литовцевъ ихъ достояніе. За симъ предполагаетъ онъ, что жившій въ XIV столѣтіи (1392 г.) начальникъ означеннаго ордена, или великій магистръ Конрадъ Валенродъ, неудачно съ Литвою воевавшій, былъ не нѣмецъ, а природный литвинъ. Будучи въ юности своей плѣненъ рыцарями, онъ у нихъ воспитанъ и облагодѣтельство-

ванъ, какъ родной сынъ; однако же воспитаніе и благодѣянія не перемѣнили его мыслей; онъ оставался въ душѣ своей литвиномъ и, желая отмстить рыцарямъ, скрылся въ свою родину; но вторично къ нимъ возвратился и, питая въ сердцѣ мщеніе, подъ ложнымъ нѣмецкимъ названіемъ Валенрода до такой степени въ войнахъ съ испанцами отличился, что былъ избранъ орденомъ великимъ своимъ магистромъ. По снисканіи сего верховнаго достоинства, уже въ преклонномъ вѣкѣ (возрастѣ) и въ сѣдинахъ, употребя всю свою жизнь къ пріуготовленію своего умысла, онъ приводитъ, наконецъ, въ исполненіе ужасное предпріятіе, о которомъ помышлялъ съ юныхъ лѣтъ. Уговоривъ орденъ начать войну съ Литвою, собираетъ онъ, какъ полководецъ, всю орденскую силу, даетъ о томъ знать литовцамъ, устраиваетъ съ ними вмѣстѣ скрытныя засады, ведетъ за тѣмъ воинство, которое вѣритъ ему, какъ своему начальнику, и предаетъ оное неизбѣжной гибели, посредствомъ измѣны, голода и холода.

Вотъ ужасный герой, котораго г. Мицкевичъ выбралъ для своей поэмы, украсивъ ее всѣмъ блескомъ поэзіи, коимъ токмо могъ располагать. Не нашедъ, и можно сказать къ чести историческихъ лицъ, въ дѣйствительной исторіи столь гнуснаго характера, онъ самъ его выдумалъ, въ чемъ признается въ замѣчаніяхъ къ своему сочиненію. Наперсникомъ его дѣлаетъ онъ стараго пѣвца, именемъ Галбана, подъ личиною котораго вѣроятно изображаетъ самого себя. Когда тайное судилище, узнавъ объ измѣнѣ Валенрода, осуждаетъ его на смерть и посылаетъ исполнителей своего приговора, тогда Валенродъ, предпочитая умереть отъ собственныхъ рукъ, выпиваетъ чашу съ ядомъ, половину коего предлагаетъ пѣвцу; но сей смерть сію отвергаетъ, говоря: «Нѣтъ, я переживу и тебя, сынъ мой, я хочу жить и закрыть тебѣ очи, жить,—чтобы славу твоего поступка (т. е. вышеописанную неблагодарность и гнусную измѣну) сохранить въ памяти людей и разгласить по всему свѣту. Я обойду литовскія села, замки и города, а куда не дойду, туда достигнетъ моя пѣснь. Бардъ будетъ пѣть ее воинамъ въ сраженіяхъ, а мать въ домѣ—своимъ дѣтямъ. Такъ я буду воспѣвать твой подвигъ, и изъ пѣсни моей возстанетъ въ грядущемъ времени мститель нашихъ костей!»

Обращая теперь вниманіе на то, что Мицкевичъ выдумалъ прославляемый имъ подвигъ Валенрода, коего по свидѣтельству историковъ и самого Мицкевича онъ никогда не совершилъ, и также на то, что нѣмцы никогда въ Литвѣ не владычествовали, что напротивъ того во времена Валенрода Литва имѣла своихъ независимыхъ и могущественныхъ князей, владѣнія коихъ заключали въ себѣ области, составляющія нынѣ губерніи Литовскія, Минскую, Бѣлорусскія, Подольскую и Волынскую и даже часть Херсонской губерніи и Царства Польскаго,—не

должно-ли затѣмъ заключать, что Мицкевичъ мечтаетъ о какомъ-либо будущемъ Валенродѣ, который имѣетъ мстить за разрушеніе литовской независимости, на которую рыцари никогда и не покушались. Прославляя впередъ мнимаго выдуманнаго Валенрода, надѣется онъ, можетъ быть, возбудить дѣйствительнаго и оживотворить въ будущей исторіи героя, въ его мечтаніяхъ возникшаго. Къ такому заключенію ведетъ кромѣ двусмысленнаго содержанія многихъ стиховъ въ его поэмѣ итальянскій эпиграфъ на заглавномъ листѣ, гдѣ сказано: вы должны еще знать, какъ должно сражаться съ двумя поколѣніями... надлежитъ быть лисицею и львомъ. На что подобное изреченіе, взятое вѣроятно изъ Махіавеля или другихъ подобныхъ политическихъ писателей, помѣщать на заглавномъ листѣ сказки, писанной въ стихахъ, если она дѣйствительно одна сказка и не имѣетъ другой сокровенной цѣли?

Но цѣль сія обнаружена. Она состоитъ въ стремленіи согрѣвать угасающій патріотизмъ, питать вражду и пріуготовлять будущія происшествія, учить нынѣшнее поколѣніе быть нынѣ лисицею, чтобы современемъ обратиться въ льва.

Вотъ вкратцѣ изложеніе о политической цѣли сочиненія. Теперь осмѣлюсь я представить еще нѣсколько замѣчаній относительно вліянія, которое оно можетъ имѣть на нравственность.

Герой, похвалу котораго будутъ пѣть во всѣхъ литовскихъ селахъ, замкахъ и городахъ и матери поставлять въ примѣръ своимъ дѣтямъ, описываетъ самъ себя слѣдующимъ образомъ:

«Внезапно раздается вопль, кричатъ: «непріятель въ городѣ, берите оружіе!» Отецъ мой устремился имъ навстрѣчу и болѣе уже не возвращался. Нѣмцы вбѣжали въ нашъ домъ, одинъ изъ нихъ схватилъ меня, посадилъ на коня и увезъ. Лѣта юности проходили, я жилъ посреди нѣмцевъ, какъ нѣмецъ,—имя было нѣмецкое, но душа осталась литовскою, сердце питало тоску по отчизнѣ и ненависть къ чужеземцамъ. Винрихъ, магистръ рыцарей, воспиталъ меня въ своихъ чертогахъ, онъ самъ былъ крестнымъ моимъ отцомъ, любилъ и лобызалъ, какъ сына; но я скучалъ въ его дворцѣ и убѣгалъ его, обращаясь съ старымъ литовскимъ пѣвцомъ, взятымъ нѣмцами въ полонъ—онъ внушалъ мнѣ ненависть къ врагамъ и месть. Помню, какъ я, возвращаясь въ замокъ, точилъ скрытно ножъ, съ какимъ восторгомъ мщенія рѣзалъ ковры Винриха, билъ зеркала и на свѣтлый щитъ его металъ песокъ и плевалъ. Когда я, слушая разсказы стараго пѣвца, внутренно терзался и хотѣлъ рѣзать рыцарей, то пѣвецъ мнѣ говорилъ: подожди еще и присмотрись къ военному искусству нѣмцевъ, старайся снискать

ихъ довѣріе, а потомъ увидимъ, что нужно будетъ дѣлать».

Вотъ признанія молодаго литвина, которому, по собственнымъ его словамъ, рыцари спасли жизнь, и магистръ воспиталъ у себя, какъ сына. Теперь выписываю еще послѣднія слова его, когда, сдѣлавшись главнымъ полководцемъ и погубивъ измѣною все войско, онъ самъ превозноситъ свой подвигъ:

«Я готовъ умереть, чего вы болѣе требуете? Хотите-ль отчета въ томъ, какъ я начальствовалъ по ввѣренному мнѣ званію? Смотрите на столь многія тысячи погибшихъ воиновъ, на города въ развалинахъ, на горящія села. Слышите-ли ревъ вѣтра? Онъ гонитъ снѣжную вьюгу, тамъ мерзнутъ остатки вашихъ полковъ. Слышите-ли? Воютъ стаи голодныхъ псовъ, они грызутся между собою за остатки труповъ. Я совершилъ сіе, я горжусь и удивляюсь самому себѣ, что однимъ ударомъ могъ отрубить у гидры толикое множество головъ!»

Мнѣ кажется, что подобныхъ характеровъ не слѣдуетъ поставлять въ примѣръ и если съ одной стороны допустить, что враждебныя помышленія и стремленія къ свободѣ суть чувствованія, свойственныя побѣжденнымъ, оправдывающія даже неблагодарность и самую измѣну, то изъ того слѣдовало бы съ другой стороны заключеніе, что побѣдители обязаны совершенно истреблять побѣжденныхъ, ибо если послѣдніе не хотятъ мира, но готовятъ скрытнымъ образомъ ужаснѣйшую войну, воспитывая къ тому и послѣдующія поколѣнія.

С.-Петербургская цензура, дозволивъ напечатаніе поэмы Мицкевича, поступила, по моему мнѣнію, не токмо не съ надлежащею осмотрительностію, но даже въ противность § 164 устава о цензурѣ 1826 г., гдѣ сказано, что произведенія словесности противныя нравственности подлежатъ запрещенію. Характеръ же коварнаго измѣнника Валенрода, выставляемый образцомъ къ подражанію, безъ всякаго сомнѣнія, не токмо совершенно противенъ нравственности, но есть высочайшая степень развращенія ума и сердца человѣческаго.

Я представляю о всемъ вышеизложенномъ вашему императорскому высочеству не съ тѣмъ, чтобы обратить какое-либо взысканіе на Мицкевича, ибо мнѣніемъ моимъ есть, что подобные умыслы слѣдуетъ не столько прекращать наказаніями, какъ предупреждать надежными мѣрами, но единственно для той причины, чтобы поставить на видъ: какого неослабнаго вниманія заслуживаютъ сочиненія лицъ, дѣйствующихъ по внушеніямъ мнимаго патріотизма.

Мицкевичъ, ознаменовавъ образъ мыслей своихъ соучастіемъ своимъ въ тайномъ обществѣ «Филаретовъ», къ основателямъ коего онъ принадлежалъ, и будучи вслѣдствіе того по высочайшему повелѣнію высланъ изъ польскихъ губерній, безъ всякаго впрочемъ взысканія,

описываетъ себя въ предыдущихъ своихъ сочиненіяхъ, напечатанныхъ на польскомъ языкѣ въ Москвѣ, какимъ-то политическимъ страдальцемъ, изгнанникомъ изъ своего отечества и скитающимся съ оскорбленною душою въ странахъ иноземцевъ. О пріѣздѣ его нынѣ въ С.-Петербургъ увѣдомляли польскія газеты съ необыкновеннымъ восторгомъ. Въ россійскихъ вѣдомостяхъ, издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ природнымъ полякомъ Булгаринымъ подъ названіемъ «Сѣверной Пчелы», помѣщена въ № 22 слѣдующая статья: «Въ Петербургѣ отпечатано новое сочиненіе перваго современнаго польскаго поэта Адама Мицкевича: «Конрадъ Валенродъ, историческая въ стихахъ повѣсть, почерпнутая изъ событій Литвы и Пруссіи». Мы давно уже намѣревались поговорить о произведеніяхъ сего поэта, теперь, при изданіи сочиненія, которое займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ славянскихъ народовъ, мы познакомимъ съ ними нашихъ читателей. Новое сіе сочиненіе съ тремя литографическими картинами продается въ книжной лавкѣ Грефа по 10 рублей за экземпляръ и проч.».

На что всѣ сіи объявленія о сочиненіи посредственномъ, которое хотя и вмѣщаетъ въ себѣ мѣстами весьма хорошіе стихи, но также много слабыхъ и незначущихъ, и составлено какъ бы изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, съ неровностію въ своихъ частяхъ, чего не должно быть въ сочиненіи толико превозносимомъ. Не оказывается-ли тѣмъ явное пристрастіе къ сочиненіямъ и сочинителямъ сего рода? Въ Мицкевичѣ видятъ мнимые патріоты репрезентанта тайныхъ своихъ помышленій и, хваля и превознося его сочиненія, распространяютъ мысленно въ другихъ собственныя свои чувствованія.

Осмѣлясь изложить вашему императорскому высочеству сужденіе мое о семъ предметѣ, полагаю заключеніемъ, что для предупрежденія распространенія подобныхъ мыслей посредствомъ печатанія, соотвѣтственно съ цѣлію было бы: предписать цензурнымъ комитетамъ, чтобы сочиненія Мицкевича и другія сего рода произведенія польской словесности, которыя заключаютъ въ себѣ предметы, позаимствованные изъ польской исторіи или относящіеся до польскаго національнаго, отсылались къ разсмотрѣнію въ Виленскій цензурный комитетъ. Таковою мѣрою можно будетъ безъ огласки и съ успѣхомъ, безъ излишняго впрочемъ стѣсненія для словесности, преградить изданіе вредныхъ сочиненій вышеописаннаго рода.

Небезъизвѣстно вашему императорскому высочеству, какое сильное впечатлѣніе и вредное вліяніе имѣла на умы молодыхъ людей Шиллерова трагедія: Разбойники. Во многихъ мѣстахъ, а именно въ городахъ, гдѣ находятся университеты, правительства нашлись вынужденными запретить представленіе сей трагедіи. Далеко вреднѣйшаго

вліянія должно однако жъ ожидать отъ сочиненій въ родѣ «Валенрода», ибо оно относится къ сильнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца и учитъ коварнѣйшей измѣнѣ, непримиримѣйшей враждѣ, представляя оныя благороднѣйшими стремленіями великодушнаго патріотизма.

О всемъ вышепредставленномъ имѣю счастіе повергнуть на благоуваженіе вашего императорскаго высочества.

6.

Объясненіе на представленіе дѣйств. тайнаго совѣтника Новосильцова о вредномъ духѣ сочиненія польскаго писателя Мицкевича подъ заглавіемъ «Конрадъ Валенродъ» и вредномъ вліяніи на Польшу журналиста Булгарина[1]).

14-го іюля 1828 г.

Еще въ прошломъ 1827 году поступила въ III отдѣленіе собственной канцеляріи его величества бумага, писанная отъ 28-го декабря 1824 года къ графу Аракчееву, въ которой г. Новосильцовъ обвиняетъ журналистовъ Греча и Булгарина и другія лица въ томъ, что они принадлежали къ вредному и тайному обществу въ Вильнѣ подъ названіемъ «Шубравцевъ», и что они дѣйствуютъ во вредъ правительству, имѣя сношенія съ Виленскимъ университетомъ.

Дѣло сіе было тогда же изслѣдовано во всей подробности, а изъ онаго открылось: 1) что общество Шубравское никогда не было тайнымъ, но явнымъ сатирико-литературнымъ, ибо уставъ онаго былъ напечатанъ и общество издавало журналъ; 2) что оно не было вреднымъ, ибо главные онаго члены и понынѣ находятся въ университетѣ и пользуются особеннымъ покровительствомъ г. Новосильцова; 3) что Булгарина и Греча сдѣлали почетными членами общества единственно изъ литературной вѣжливости за ихъ сатирическія статьи, въ какомъ духѣ издавался журналъ общества, и что ни Булгаринъ, ни Гречъ не участвовали въ трудахъ общества; 4) что Булгаринъ былъ въ жизни только три мѣсяца въ Вильнѣ, въ 1819 году, по частнымъ дѣламъ, и только одинъ разъ присутствовалъ въ засѣданіи общества, а Гречъ вовсе не былъ никогда въ Литвѣ, ни въ Польшѣ и не знаетъ языка польскаго; 5) что Булгаринъ не учился въ университетѣ Виленскомъ, не имѣетъ и не имѣлъ въ ономъ друзей, ни родственниковъ и едва поверхностно зналъ нѣсколько профессоровъ, не имѣлъ съ ними

[1]) Объясненіе это, повидимому, составлено не безъ участія самого О. В. Булгарина.

никакихъ дружескихъ сношеній и вовсе чуждъ всякаго участія въ дѣлахъ университета; Гречъ же не знаетъ ни одного изъ нихъ, кромѣ ректора Пеликана, который обучался въ Петербургѣ. При семъ приложенъ былъ уставъ Шубравскаго общества, издаваемый онымъ журналъ и патентъ Булгарина; также исторія общества и объясненъ духъ онаго, съ выписками изъ рѣчей, стиховъ и т. п. Бывшій тогда въ Петербургѣ его высочество цесаревичъ изволилъ найти всѣ показанія объ обществѣ Шубравцевъ совершенно справедливыми, и какъ г. Новосильцовъ не представилъ ни одного доказательства въ уличеніи Греча и Булгарина въ вредномъ вліяніи на университетъ и при изысканіи сего дѣла частнымъ образомъ не оказалось ни малѣйшихъ слѣдовъ сего вліянія, то дѣло и оставлено безъ вниманія.

Нынѣ поступили въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи двѣ бумаги: разборъ поэмы польской, соч. Мицкевича, «Конрадъ Валенродъ», съ мнѣніемъ, что она весьма вредная, и письмо къ графу Чернышеву, съ важными обвиненіями журналиста Булгарина. По порученію изслѣдовать и пояснить это дѣло, отдѣленіе, собравъ всѣ справки и свѣдѣнія съ величайшею точностью, заключаетъ:

Въ семъ письмѣ повторяется прежній доносъ 28-го декабря 1824 г. Г. Новосильцовъ, упоминая о семъ, говоритъ, что онъ уже доносилъ: «что въ числѣ лицъ, имѣющихъ въ С.-Петербургѣ вліяніе на дѣла Виленскаго университета и содѣйствующихъ имъ, находятся издатели журналовъ Гречъ и Булгаринъ, принадлежавшіе въ Вильнѣ къ весьма вредному обществу Шубравцевъ».

Какое могли имѣть вліяніе на дѣла университета Гречъ и Булгаринъ, какъ и кому содѣйствовали, о семъ не представлено никакихъ доводовъ. Справлялись подъ рукою во всѣхъ министерствахъ, гдѣ только находились дѣла университета, и у всѣхъ чиновниковъ, и удостовѣрились, что ни Булгаринъ, ни Гречъ не только никого не просили о дѣлахъ университета, но никогда не справлялись о нихъ, да и вовсе не извѣстно, какія были въ Петербургѣ дѣла университета, которымъ можно было содѣйствовать или помогать вліяніемъ ко вреду правительства, ибо ни Гречъ, ни Булгаринъ не были членами тайныхъ обществъ, открытыхъ въ Литвѣ и Вильнѣ и дѣла сіи производились тайно у графа Аракчеева. Если г. Новосильцовъ почитаетъ бывшее сатирико-литературное общество Шубравцевъ в р е д н ы м ъ, равно какъ и всѣхъ членовъ онаго, то онъ не надѣлилъ бы своею довѣренностью профессоровъ Андрея Снядецкаго, Мяновскаго, Шидловскаго, котораго даже сдѣлалъ цензоромъ, и другихъ бывшихъ дѣйствительными Шубравцами. Изъ нихъ Снядецкій былъ президентомъ общества, а Шидловскій первымъ ораторомъ.

Далѣе г. Новосильцовъ въ письмѣ своемъ говоритъ, что онъ по-

лучилъ предписаніе отъ графа И. И. Дибича, отъ 7-го апрѣля, увѣдомлять, не откроетъ-ли онъ какихъ вредныхъ сношеній Булгарина и Греча въ Литвѣ, для донесенія о семъ государю императору, вслѣдствіе сего извѣщаетъ: «что по поводу предпринятыхъ мною (т. е. г. Новосильцовымъ) мѣръ и разныхъ распоряженій внутри университета, а наиболѣе по удаленію изъ онаго нѣкоторыхъ лицъ, состоявшихъ въ связи съ Булгаринымъ и Гречемъ, и бывшихъ какъ и они членами Шубравцевъ, изъ коихъ самый дѣятельнѣйшій бывшій адъюнктомъ университета Контримъ высланъ изъ Вильны по велѣнію его высочества цесаревича, доселѣ не оказалось никакихъ обстоятельствъ, которыя заставили бы предполагать, что вредныя сношенія вышеозначенныхъ двухъ особъ съ Виленскимъ университетомъ еще продолжаются.

По сдѣланнымъ справкамъ оказывается въ сихъ краткихъ словахъ много противнаго истинѣ. Нельзя догадаться, какія мѣры могъ принять Новосильцовъ внутри университета, но достовѣрно то, что: 1) Булгаринъ, хотя не будучи знакомъ лично съ профессоромъ Лелевелемъ, получилъ отъ него статьи, а именно критическій разборъ исторіи Карамзина, и что сей Лелевель, высланный г. Новосильцовымъ изъ университета, вовсе не былъ Шубравцемъ. 2) Высланные г. Новосильцовымъ изъ университета профессоры Глуховскій, Даниловичъ и ксендзъ Бобровскій, хотя и не имѣли ни знакомства, ни сношеній съ нашими русскими журналистами, но такжекакъ и Лелевель не были въ обществѣ Шубравцевъ. Слѣдовательно, вся высылка ограничивается однимъ Контримомъ, который, однакожъ, былъ высланъ не зато, что принадлежалъ къ обществу Шубравцевъ. Напротивъ того самые дѣятельные Шубравцы, о коихъ упомянуто выше, оставлены въ университетѣ и пользуются по нынѣ расположеніемъ и довѣренностью г. Новосильцова.

Далѣе г. Новосильцовъ говоритъ объ одномъ Булгаринѣ: «между тѣмъ не могу умолчать при семъ случаѣ, что Булгаринъ въ издаваемыхъ имъ повременныхъ сочиненіяхъ продолжаетъ покровительствовать распространенію и укрѣпленію польскихъ патріотическихъ помышленій въ превратномъ и ложномъ ихъ направленіи, столь противномъ тѣсному и откровенному соединенію сего народа съ россіянами».

Сіе обвиненіе совершенно несправедливо и даже противоположно дѣйствіямъ Булгарина. Онъ, воспитанный въ Россіи, зная языкъ и духъ народа, своими сочиненіями пріобрѣлъ любовь русской публики и сдѣлался любимымъ ея писателемъ, чего не могъ бы достигнуть, еслибъ писалъ въ польскомъ духѣ, а не въ русскомъ, ибо въ русскомъ народѣ понынѣ существуетъ предубѣжденіе о полякахъ. Напротивъ того, всѣ его сочиненія исполнены русскимъ патріотизмомъ, основаннымъ на пре-

данности къ престолу. Ни одинъ полякъ не написалъ бы похвальнаго слова Петру I и Суворову, что сдѣлалъ однакожъ Булгаринъ. Кромѣ «Сѣвернаго архива», гдѣ помѣщено нѣсколько древнихъ польскихъ историческихъ документовъ, относительно русской исторіи, въ журналахъ, Булгаринымъ издаваемыхъ, не печатается вовсе ничего о Польшѣ, и онъ только по просьбѣ русскихъ литераторовъ написалъ обозрѣніе польской литературы въ 1820 году, когда самъ не издавалъ еще ни одного журнала.

По справкѣ оказалось, что Булгаринъ, выписывая множество газетъ и журналовъ изъ-за границы, не выписываетъ ни одного изъ Варшавы.

Самъ Булгаринъ до такой степени чуждъ Польшѣ, что хотя онъ родомъ изъ Литвы, но, не живя тамъ никогда и не имѣя никакихъ связей— рѣшился оставить навсегда сію провинцію и купить себѣ имѣніе въ Лифляндіи, чтобъ тамъ навсегда поселиться въ отдаленіи отъ Польши. Булгаринъ многократно въ своей газетѣ совѣтуетъ всѣмъ жителямъ Россіи, особенно нѣмцамъ и полякамъ, учиться русскому языку, за что даже заслужилъ упреки польскихъ патріотовъ. Булгаринъ въ сочиненіяхъ и разговорахъ распространяетъ одну мысль, вѣчное соединеніе поляковъ съ русскими. Въ статьѣ своей: «Освобожденіе отъ турокъ Трембовли», гдѣ героиня женщина, Булгаринъ говоритъ въ предисловіи къ польскимъ и русскимъ дамамъ: «Нынѣ вы составляете одно семейство, имѣете одного отца; ваши дѣти и братья навѣки соединены узами взаимнаго счастья. Вы должны знать и уважать другъ друга» и пр.

Повторяя, что въ журналѣ и сочиненіяхъ Булгарина нѣтъ ни одной строки, дышащей польскимъ патріотизмомъ, не возможно постигнуть на чемъ основано обвиненіе Булгарина г. Новосильцовымъ въ распространеніи польскихъ патріотическихъ помышленій! Наконецъ, по самомъ подробномъ изслѣдованіи оказывается, что подозрѣніе Булгарина въ сношеніяхъ съ университетомъ основывается на томъ единственно, что пріѣзжающіе въ Петербургъ польскіе профессоры, литераторы или люди высшаго званія, навѣщаютъ его, какъ своего единоземца, пользующагося славою отличнаго писателя и уваженіемъ многихъ знатныхъ особъ, и что Булгаринъ передъ ректоромъ Пеликаномъ, бывшимъ въ Петербургѣ, говорилъ неоднократно, что онъ не одобряетъ мѣръ, принимаемыхъ виленскимъ начальствомъ, чтобы выслуживаться несправедливыми доносами на юношей.

Что же касается до похвалы поэмы Мицкевича «Валенрода», то это относится къ литературному достоинству. Впрочемъ, Булгаринъ, по долгу журналиста, обѣщая извѣщать о всѣхъ выходящихъ въ Россіи книгахъ, только извѣстилъ въ нѣсколькихъ строкахъ о появленіи сего сочиненія, и сіе поставляется ему въ преступленіе, между тѣмъ какъ въ донесеніи г. Новосильцова вовсе не упомянуто, что сія поэма «Вален-

родъ» была подробно разобрана и расхвалена въ «Московскомъ Телеграфѣ» и вполнѣ переведена на русскій языкъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» съ величайшими похвалами. Изъ сего очевидно слѣдуетъ, что противъ Булгарина дѣйствуетъ личность. Въ русскомъ журналѣ «Вѣстникъ Европы» безпрестанно помѣщаются статьи изъ польскихъ газетъ, сеймовыя рѣчи и т. п., но о семъ г. Новосильцовъ не говоритъ ни слова. Въ журналѣ Булгарина не только не было никогда говорено о сеймѣ, или о чемъ-либо политическомъ, до Польши касающемся, но ничего о самой Польшѣ; однако жъ простое извѣщеніе о польской книгѣ подвергнуло Булгарина обвиненію въ злонамѣренности.

2) Касательно обвиненія поэмы: «Конрадъ Валенродъ», сочиненія Мицкевича.

Случай, описанный въ поэмѣ, принадлежитъ къ XIV вѣку, къ войнѣ между Литвою идолопоклонническою и крестовыми рыцарями. Валенродъ или Альфъ, воспитанный между рыцарями и крещеный, познакомился съ старымъ прусскимъ бардомъ и по его совѣту ушелъ къ великому князю литовскому Кейстуту и влюбился въ его дочь Альдону. Будучи образованнѣе другихъ литовцевъ, Валенродъ понравился княжнѣ, но родъ и вѣра поставляли препятствія къ браку, пока Кейстутъ добровольно согласился на соединеніе любовниковъ. Наступила опять война съ рыцарями, и Валенродъ, не будучи въ состояніи имъ сопротивляться и принужденъ будучи бѣжать и оставить жену, присягаетъ тестю своему Кейстуту, что отомститъ рыцарямъ. Онъ поступаетъ въ рыцари, заставляетъ выбрать себя магистромъ, объявляетъ войну Литвѣ и измѣною наноситъ бѣдствіе ордену. Наконецъ, узнаютъ, кто таковъ Валенродъ. Онъ мучится совѣстію и, осужденный Вестфальскимъ судомъ, гибнетъ отъ яда, лишивъ самъ себя жизни.

Поэма сія есть родъ историческаго романа, какъ «Марміонъ» Вальтера Скотта. Три четверти сей поэмы заключаютъ въ себѣ описаніе любви Валенрода и Альдоны и наполнены ихъ разговорами и воспоминаніями о прежнемъ счастіи. Остальное посвящено описанію несчастной войны и суда, наказавшаго Валенрода за измѣну.

Итакъ обвинители сей поэмы пропустили безъ вниманія основаніе сочиненія и главный его интересъ, а указываютъ только на эпизодъ, на описаніе бѣгства Валенрода съ войны съ рыцарями. Обвиняютъ поэму въ распространеніи вреднаго польскаго патріотизма, а въ поэмѣ нѣтъ ни слова ни о Россіи, ни о Польшѣ. Въ одномъ только мѣстѣ авторъ, исчисляя сосѣдей Литвы, говоритъ: Stąd dzielny Rusin, stąd Lach niespokojny, т. е. съ этой стороны мужественный русскій, а съ другой ляхъ безпокойный! Итакъ, коснувшись однимъ стихомъ Россіи и Польши, авторъ при избраніи эпитетовъ лучшій примѣнилъ къ русскому. Война, описанная въ поэмѣ, имѣетъ характеръ среднихъ вѣковъ,

это война религіозная, между идолопоклонниками и крестовыми рыцарями, между магистромъ ордена и литовскимъ владѣтелемъ. По прошествіи 500 лѣтъ, все политическое изгладилось, и въ сочиненіи осталась одна занимательность піитическая, политика не существуетъ ни для древней Литвы, ни для меченоснаго ордена.

Непонятно, почему обвиняютъ сію поэму въ томъ, что она не историческая и наполнена вымыслами. Конечно, это не исторія, ибо исторіи нельзя писать стихами! Авторъ вымыслилъ любовь и распространилъ это чувство піитически, но отъ этого сочиненіе не перестаетъ быть историческимъ, потому что главныя дѣйствующія лица взяты изъ исторіи, и характеры ихъ представлены такъ, какъ ихъ описываетъ исторія. Авторъ поэмы почерпалъ изъ Дюисбурга, Гарткноха и Коцебу. Въ концѣ поэмы есть ссылки и доказательства, что поэма основана на исторіи.

Напрасно также обвиняютъ автора, что съ умысломъ соединилъ исторію Литвы и Пруссіи, и что эти народы никогда не были соединены. Напротивъ того, всѣ историки, отъ Ниланда и Дюисбурга до Коцебу, Карамзина и Кеппена, трактуютъ исторію двухъ народовъ, какъ одинъ предметъ, и всѣ матеріалы для исторіи Литвы находятся въ исторіи Пруссіи. Впрочемъ, какая можетъ быть опасность отъ сего воспоминанія? Между пруссаками и литовцами уже нѣсколько вѣковъ нѣтъ никакихъ сношеній. Неужели можно предполагать, что пишущій о чухнахъ, татарахъ или новгородцахъ не можетъ имѣть другой цѣли, какъ возмутить сіи народы противъ Россіи, воспоминаніемъ ихъ прежняго состоянія? Въ поэмѣ «Валенродъ» нѣтъ никакихъ примѣненій къ этому, и поэма сія, пропущенная двумя цензурами въ Россіи, позволена къ напечатанію въ Пруссіи и напечатана въ Познани. Никто не нашелъ въ ней намековъ на нынѣшнія обстоятельства.

Обвиняютъ автора въ томъ, что характеръ Валенрода злой и безнравственный. Упрекъ сей справедливъ, хотя въ литературѣ вовсе не неслыханный! Еслибъ представлять однихъ нравственныхъ людей, то не было бы ни трагедіи, ни трагической поэмы, въ которыхъ описываются страсти и преступленія съ ихъ вредными послѣдствіями. Поэма Валенродъ приближается къ трагедіи и даже составлена изъ разговоровъ. Авторъ представилъ Валенрода таковымъ, каковымъ изобразили его историки Пруссіи: Дюисбургъ, Лука, Давидъ и Коцебу, нигдѣ не хваля его и не оправдывая. Валенродъ представленъ человѣкомъ съ буйными страстями, которыя вводятъ его въ погибель. Онъ мстителенъ и изъ мщенія рѣшается на измѣну, но совѣсть мучитъ его, и онъ наказанъ за сіе Провидѣніемъ. Мученіе Валенрода, презрѣніе, которымъ онъ покрытъ, и ужасная кончина должна, напротивъ того, возбудить въ

читателѣ отвращеніе къ подобнымъ поступкамъ, а не возрождать желаніе быть подобнымъ злодѣямъ.

Характеръ Валенрода ужасный. Онъ мужественъ, но коваренъ, и вотъ почему поставленъ эпиграфъ «Bisogna essere volpe e lione». Эпиграфъ не есть наставленіе или нравственный урокъ, но, такъ сказать, извлеченіе, или эссенція характера цѣлаго сочиненія, отблескъ главнаго лица и дѣйствія. Почему обвинители поэмы «Валенродъ» и эпиграфа къ оной, обвиняя автора въ желаніи распространять польскій патріотизмъ, воспоминаніемъ литовской исторіи, позабыли упомянуть о другомъ эпиграфѣ, находящемся въ семъ же сочиненіи, въ предисловіи, гдѣ авторъ, излагая свой образъ мыслей, между прочимъ говоритъ:

„Was unsterblich in Gesang soll leben
Muss im Leben untergehen".

Авторъ доказываетъ, что исторія Литвы именно отъ того поэматическая, что народъ литовскій не можетъ никогда существовать отдѣльно. Впрочемъ, эпиграфъ: «Bisogna essere volpe e lione», есть извѣстная эмблема итальянской политики среднихъ вѣковъ и примѣняется вообще ко всѣмъ измѣнникамъ.

Обвинители нападаютъ болѣе на мѣсто, гдѣ описано дѣтство Валенрода, или Альфа, который, будучи воспитанъ въ христіанскомъ законѣ, ненавидитъ магистра и снова уходитъ къ идолопоклонникамъ. Въ среднихъ вѣкахъ, въ войнахъ за вѣру такіе случаи были весьма обыкновенны. Кажется даже, что авторъ поэмы взялъ въ примѣръ бѣгство Брюсса отъ англичанъ къ шотландцамъ, изъ извѣстной поэмы Вальтера Скотта: «The Lord of the isler». Тогдашняя ненависть между Литвою и меченосцами и жестокости рыцарей не выдуманы авторомъ поэмы, но описаны во всѣхъ хроникахъ и въ исторіи Пруссіи Коцебу. Альфъ не есть выдуманное лицо, но историческое; онъ не только бѣжалъ изъ Маріенбурга къ идолопоклонникамъ, но даже увелъ съ собою литовскаго князя Кейстута, какъ пишутъ лѣтописцы и тотъ же Коцебу.

И такъ трудно найти примѣненія политическія въ поэмѣ «Валенродъ», безъ особеннаго предубѣжденія противъ автора и желанія видѣть въ немъ все дурнымъ. Весьма не мудрено въ каждой поэмѣ, въ каждой трагедіи найти примѣненія, ибо дѣла человѣческія вообще сходны между собою въ разныхъ эпохахъ и разныхъ странахъ. Каждый романъ Вальтера Скотта можно примѣнить къ Польшѣ, гдѣ столько же было войнъ и возмущеній, какъ и въ Шотландіи, и гдѣ феодализмъ дѣйствовалъ съ равною силою. Еслибъ поэма Валенродъ заключала въ себѣ польскій патріотизмъ и питала ненависть поляковъ къ русскимъ, какъ говоритъ обвинитель, то она не только не имѣла бы никакой зани-

мательности для русскихъ, но даже возбудила бы ихъ негодованіе. Напротивъ того, поэма сія переведена на русскій языкъ.

Г. Новосильцовъ обвиняетъ поэта Мицкевича въ томъ, что онъ въ изданныхъ имъ сонетахъ въ Москвѣ представляетъ себя, какъ жертву политическаго преслѣдованія, и воздыхаетъ объ отечествѣ. Объ этомъ именно нѣтъ ни слова въ сонетахъ, и удивительно, на чемъ основался обвинитель! Въ одномъ только сонетѣ поэтъ жалуется на невѣрность любовницы и спрашиваетъ: воспоминаетъ-ли она о прежнемъ другѣ, оставаясь на прежнемъ мѣстѣ? О преслѣдованіи нѣтъ ни слова, даже намека! Сонеты сіи переведены на русскій языкъ и названы любовными.

При семъ должно повторить однажды уже сказанное, что Мицкевичъ человѣкъ тихій, скромный, чуждый всѣхъ политическихъ мечтаній, занимающійся единственно поэзіей, какъ единственнымъ ремесломъ своимъ къ пропитанію. Онъ ведетъ себя отлично хорошо и возбудилъ къ себѣ уваженіе. Московскій генералъ-губернаторъ рекомендовалъ его съ самой лучшей стороны, и онъ вполнѣ оправдываетъ сію рекомендацію. Въ Вильнѣ и Варшавѣ есть партія литературная, которая преслѣдуетъ его изъ зависти къ его таланту.

Вся эта переписка была, по высочайшему повелѣнію, передана на разсмотрѣніе графа А. Х. Бенкендорфа, который письмомъ отъ 26-го ноября 1829 г. увѣдомилъ А. Н. Потапова [1]), что императоръ повелѣлъ ему, Бенкендорфу, «оставить сіе дѣло безъ дальнѣйшаго вниманія».

Сообщ. Н. Д.

---

[1]) Алексѣй Николаевичъ Потаповъ былъ въ то время дежурнымъ генераломъ главнаго штаба.

О невпускѣ въ Царство Польское поэмы Мицкевича «Панъ Тадеушъ».

Секретное письмо варшавскаго военнаго губернатора графа Ф. Нессельроде Е. А. Головину [1]).

27-го іюля 1834 г. № 4246.

Милостивый государь Евгеній Александровичъ.

Директоръ дипломатической канцеляріи князя намѣстника, по приказанію его свѣтлости, увѣдомилъ меня, что извѣстный польскій поэтъ Мицкевичъ издалъ недавно новую возмутительную поэму подъ названіемъ Панъ Тадеушъ, съ тою цѣлію, чтобы распространить оную между жителями Царства Польскаго и Галиціи. Сочиненіе сіе переведено лейпцигскимъ докторомъ Шпациромъ на нѣмецкій языкъ, а будетъ напечатано въ Стутгартѣ книгопродавцемъ Котта.

Какъ его свѣтлости угодно, чтобы приняты были всѣ мѣры къ воспрепятствованію распространенія означеннаго сочиненія, то сдѣлавъ надлежащее о семъ распоряженіе по подвѣдомственнымъ мнѣ частямъ, я почитаю вмѣстѣ съ тѣмъ обязанностью сообщить о семъ и вашему превосходительству.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Сообщилъ С. П. Никольскій.

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ Е. А. Головинъ былъ въ то время главный директоръ правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Платонъ Григорьевичъ Ободовскій [1]).

(27-го ноября 1803 г.—10-го февраля 1864 г.)

Двадцать седьмого ноября нынѣшняго 1903 года исполнится ровно сто лѣтъ со дня рожденія драматурга, пользовавшагося въ свое время широкой извѣстностью и кое-когда вспоминаемаго и нынѣ, автора «Велизарія»—Платона Григорьевича Ободовскаго. Пользуемся случаемъ напомнить о немъ читателямъ «Русской Старины» сообщеніемъ его краткаго біографическаго очерка и нѣсколькихъ писемъ изъ его архива, любезно предоставленныхъ намъ сыномъ покойнаго писателя—Константиномъ Платоновичемъ Ободовскимъ.

Платонъ Григорьевичъ и его братъ—Александръ Григорьевичъ были

---

[1]) Матеріаломъ для этой статьи послужили устныя свѣдѣнія, полученныя авторомъ отъ сына писателя—К. П. Ободовскаго и почерпнутыя изъ его семейнаго архива, и изъ архива Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Некрологи П. Г. Ободовскаго, напечатанные въ 1864 г. въ „Сѣв. Почтѣ", № 64; „Якорѣ", № 14; „Голосѣ", № 46; „Моск. Вѣд.", № 73; „Иллюстрир. Газ.", № 8; „Бирж. Вѣд.", № 46; „Кіевск. Телегр.", № 21; „Мѣсяцесловѣ" на 1865 г.—См. также „Русск. Арх." 1866 г., № 4—„Воспоминанія" и „Записки": К. А. Полевого, М. И. Глинки, Н. И. Греча, А. М. Каратыгиной Л. Л. Леонидова („Русск. Старина" 1888, № 4), „Стерлиговой („Русск. Архивъ"; 1898, № 4), „Дневникъ" А. В. Никитенки („Русск. Стар." 1898, № 9). Н. С. Карцовъ: „Нѣсколько фактовъ изъ жизни Спб. училища ордена св. Екатерины", Спб. 1898. Рецензіи и отзывы о пьесахъ Ободовскаго можно встрѣтить въ большинствѣ современныхъ журналовъ и газетъ; главнымъ же образомъ: А. И. Вольфъ: „Хроника петерб. театровъ" (passim.); Бѣлинскій: „Сочиненія" (ред. С. А. Венгерова, т. IV и V); „Отеч. Записки", „Репертуаръ и Пантеонъ", „Сѣв. Пчела" и др.

дѣтьми Григорія Анисимовича Ободовскаго. О послѣднемъ сохранилось не много свѣдѣній. Онъ родился въ Умани въ 1764 году, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе, которое продолжилъ въ Кіевской духовной академіи. Въ 1788 году онъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ и поступилъ въ мѣстный госпиталь лѣкарскимъ ученикомъ, черезъ четыре года сдалъ экзаменъ и былъ произведенъ въ лѣкари, а немного спустя, будучи уже въ Галичѣ—въ штабъ-лѣкари. Въ Галичѣ Григорій Анисимовичъ и провелъ бо̀льшую часть своей жизни, снискавъ себѣ репутацію искуснаго лѣкаря и добраго человѣка. Онъ скончался въ концѣ 1830-хъ годовъ въ чинѣ статскаго совѣтника. Въ Галичѣ родились у него и упомянутые выше два его сына, имена которыхъ небезъизвѣстны нашему обществу, педагогическому и литературному міру. По учебникамъ Александра Григорьевича начинало у насъ свое знакомство съ географіей не одно поколѣніе, а драму Платона Григорьевича «Велизарій» и по нынѣ можно кое-когда увидѣть на сценахъ нашихъ провинціальныхъ и въ частности народныхъ театровъ. Платонъ Григорьевичъ былъ на семь лѣтъ моложе своего брата-географа. Онъ родился 27-го ноября 1803 года. Первоначальное воспитаніе, полученное во второй Петербургской гимназіи, онъ закончилъ образованіемъ въ Высшемъ Училищѣ, тотчасъ по выходѣ изъ котораго (въ 1823 г.) опредѣлился на службу въ вѣдомство Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ слѣдующемъ году онъ поступилъ «комнатнымъ надзирателемъ» въ С.-Петербургскую Третью гимназію, гдѣ вскорѣ получилъ и уроки по предмету россійской и латинской грамматикъ; кромѣ того, тогда же ему поручено было давать уроки русскаго языка въ Воспитательномъ Домѣ. Въ 1827 г. онъ оставилъ службу при гимназіи, а въ 1830 г. прекратилъ педагогическія занятія и въ Воспитательномъ Домѣ, успѣвъ получить за время службы нѣсколько наградъ и чинъ титулярнаго совѣтника. Къ службѣ вообще на первыхъ порахъ Ободовскій не питалъ большого расположенія въ особенности потому, что она—по его словамъ—заключалась болѣе въ «бѣготнѣ по Петербургу для исполненія всякихъ порученій». Его влекло къ литературѣ, въ которой онъ значительно успѣлъ, будучи еще на школьной скамьѣ. Еще гимназистомъ онъ заявилъ себя въ печати, какъ начинающій поэтъ[1]), и едва окончилъ курсъ гимназіи, какъ былъ принятъ въ число членовъ Вольнаго общества словесности, наукъ и художествъ и вскорѣ сталъ ревностнымъ сотрудникомъ журнала «Благонамѣренный» и нѣкоторыхъ альманаховъ. Прекрасное знаніе иностранныхъ языковъ и литературный вкусъ дали Ободовскому возможность скоро снискать себѣ извѣстность; по крайней мѣрѣ, въ 1829 г. В. А. Каратыгинъ охотно поставилъ въ свой бенефисъ трагедію Шил-

[1]) См. „Литературную Газету“, 1820, № 27.

лера «Донъ Карлосъ» въ переводѣ Ободовскаго. Съ этого перевода Платонъ Григорьевичъ и началъ свою продолжительную и плодовитую карьеру драматическаго писателя.

Другимъ не менѣе сильнымъ увлеченіемъ Ободовскаго была его страсть къ наукѣ и образованію въ широкомъ смыслѣ; для удовлетворенія своихъ образовательныхъ и научныхъ интересовъ, Ободовскій, уже въ зрѣломъ возрастѣ, именно въ февралѣ 1830 года, тотчасъ по выходѣ въ отставку, отправился въ заграничное путешествіе, въ которомъ пробылъ до 1835 года. За эти пять лѣтъ онъ побывалъ и слушалъ лекціи во многихъ городахъ Германіи; затѣмъ намѣревался посѣтить Францію, но въ виду тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, когда— по словамъ Ободовскаго—«всякій русскій могъ подвергнуться въ Парижѣ оскорбленіямъ», онъ отправился въ Швейцарію.

Вотъ строки одного изъ писемъ Ободовскаго къ родителямъ, гдѣ онъ описываетъ первое впечатлѣніе, произведенное на него природой Швейцаріи. «Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я увѣдомилъ васъ о пріѣздѣ моемъ въ Швейцарію, куда съ дѣтства улеталъ съ Карамзинымъ въ воображеніи. Его путешествіе вселило въ меня страсть, желаніе странствовать. Какъ ни прекрасно описываетъ онъ здѣшнюю природу, но она выше всякаго описанія. Подлинно изумишься всемогуществу и благости Творца, при видѣ сихъ исполинскихъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, сихъ зеленыхъ пастбищъ подлѣ нетающаго льда. Съ Боденскаго озера вступилъ я на зеленый берегъ Швейцаріи, и чувство радости оживило меня. До Сентъ-Галена, городка въ кантонѣ того же названія, ѣхалъ я въ открытой коляскѣ по возвышенію. Передо мной лежали изумрудные ковры луговъ и долинъ съ деревенскими домиками, опрятными, свѣтлыми...» [1]).

Въ Швейцаріи, и именно въ Женевѣ, Ободовскій провелъ и наибольшую часть своей заграничной жизни, въ Женевѣ же получилъ онъ дипломъ на степень доктора философіи. Возвратившись въ Петербургъ съ большимъ запасомъ знаній и уже съ искреннимъ желаніемъ посвятить себя общественному служенію, Ободовскій въ маѣ 1835 года вновь опредѣлился въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ департаментъ внутреннихъ сношеній переводчикомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вскорѣ вернулся и къ педагогическимъ занятіямъ: въ 1839 году Ободовскій былъ назначенъ инспекторомъ классовъ въ училищѣ ордена св. Екатерины, а въ слѣдующемъ, не покидая обязанностей инспектора, занялъ мѣсто профессора россійской словесности въ главномъ Педагогическомъ институтѣ. Платонъ Григорьевичъ, какъ и его братъ, не былъ лишенъ педагогическихъ способностей: его толковые, живые уроки и увлека-

[1]) Изъ письма отъ 29-го ноября 1831 г.

тельныя лекціи, на которыхъ, вмѣстѣ съ талантомъ прекраснаго чтеца и оратора, Ободовскій умѣлъ выказать и значительную эрудицію во всеобщей литературѣ, пользовались извѣстностью, и онъ очень часто получалъ приглашенія давать приватно уроки во многихъ нашихъ аристократическихъ семьяхъ. Наконецъ, въ 1841 г. онъ былъ приглашенъ преподавать русскій языкъ ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ князьямъ Константину, Николаю и Михаилу Николаевичамъ и великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ. Ободовскій съ любовью отдался этому дѣлу, и его старанія не разъ были удостаиваемы особаго вниманія августѣйшей семьи. Какъ отличный педагогъ, Ободовскій имѣлъ доброе любящее сердце и искренно и горячо любилъ своихъ питомцевъ и учениковъ. Своимъ высокимъ ученикамъ онъ былъ горячо преданъ, и его муза, какъ умѣла, и совершенно искренно, не разъ откликалась на нѣкоторыя важныя событія, происходившія въ жизни членовъ августѣйшей семьи. Что касается его дѣятельности въ училищѣ ордена св. Екатерины, то и тутъ Ободовскій приложилъ не мало добросовѣстнаго труда и любви. Въ качествѣ инспектора онъ сумѣлъ, какъ говорится въ одномъ воспоминаніи, дружески связать кругъ преподавателей; кромѣ того, его усердію училище во многомъ было обязано болѣе быстрымъ осуществленіемъ реформъ въ учебномъ дѣлѣ: при немъ былъ видоизмѣненъ курсъ, состоявшій изъ двухъ трехгодичныхъ классовъ, въ семь одногодичныхъ; наконецъ, какъ педагогъ и начальникъ, онъ оставилъ по себѣ въ памяти своихъ питомицъ самое пріятное впечатлѣніе своей любовью къ нимъ и близкимъ участіемъ къ жизни училища [1]). Ободовскій не разъ писалъ кантаты и пѣсни, которыя въ музыкѣ М. И. Глинки распѣвались институтками на торжественныхъ актахъ.—Должность инспектора училища ордена св. Екатерины Платонъ Григорьевичъ занималъ по день своей смерти, послѣдовавшей послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни 10-го февраля 1864 г. Всѣ воспоминанія объ Ободовскомъ проникнуты глубокой симпатіей къ двумъ основнымъ чертамъ въ его характерѣ: честности и необычайной добротѣ. Въ кругу тогдашнихъ писателей онъ былъ принимаемъ радушно, тѣмъ болѣе, что никогда не былъ высокаго мнѣнія о своей литературной дѣятельности и умѣлъ цѣнить чужія дарованья. Пушкинъ былъ для него предметомъ культа, и Никитенко въ своемъ «Дневникѣ» разсказываетъ, какое сильное впечатлѣніе произвела на Ободовскаго смерть великаго поэта: послѣ отпѣванья Пушкина, Платонъ Григорьевичъ «упалъ ко мнѣ на грудь»,—говоритъ онъ,—«рыдая, какъ дитя» [2]). Кромѣ того, современники

[1]) См. Н. С. Карцовъ: „Нѣсколько фактовъ изъ жизни Спб. училища ордена св. Екатерины“, Спб. 1898, стр. 27.

[2]) „Русск. Стар.“ 1890, кн. 9, стр. 551.

отмѣчаютъ его искренность въ убѣжденіяхъ и рѣдкое трудолюбіе, всего яснѣе сказавшееся въ его литературной дѣятельности.

Несмотря на многосложныя и многочисленныя педагогическія занятія, Ободовскій находилъ время и для трудовъ литературныхъ. Помимо стихотвореній, которыя въ довольно обильномъ количествѣ Платонъ Григорьевичъ помѣщалъ въ періодическихъ изданіяхъ (главнымъ образомъ въ болѣе молодые годы), онъ успѣлъ за время своей литературной дѣятельности написать, перевести или передѣлать до 26 драматическихъ произведеній, изъ которыхъ весьма многія предназначались спеціально для В. А. Каратыгина, съ которымъ Ободовскій былъ друженъ. Въ 1840-хъ годахъ имя Ободовскаго помѣщалось на театральныхъ афишахъ, можно сказать, столь же часто, какъ имена Полевого и Кукольника. Изъ драматическихъ произведеній его наибольшимъ успѣхомъ пользовалась (и даже пользуется нынѣ) передѣланная имъ съ нѣмецкаго пятиактная драма въ стихахъ «Велизарій», въ свое время подавшая поводъ написать Бѣлинскому одну изъ лучшихъ своихъ статей, посвященныхъ критикѣ театральныхъ представленій. «Велизарій», поставленный въ первый разъ въ 1839 году, по словамъ Вольфа, имѣлъ успѣхъ колоссальный и сдѣлался одною изъ капитальныхъ пьесъ русскаго репертуара, а по воспоминаніямъ Леонидова, эту драму давали иногда для усиленія сбора на Большомъ театрѣ. Кромѣ «Велизарія» значительный успѣхъ выпалъ на долю его пьесъ: «Русская боярыня», «Заколдованный домъ», «Отецъ и дочь», «Боярское слово» и нѣк. др. За то всѣ прочія многочисленныя драматическія произведенія Ободовскаго имѣли временный и весьма непродолжительный успѣхъ. Не отрицая въ немъ большой начитанности, эрудиціи и литературнаго вкуса, должно замѣтить, что Платонъ Григорьевичъ не обладалъ крупнымъ литературнымъ талантомъ, и наилучшимъ качествомъ Ободовскаго какъ писателя слѣдуетъ признать его хорошую версификацію и несомнѣнное умѣнье владѣть правильнымъ русскимъ языкомъ. Оригинальныхъ произведеній, если не считать его стихотвореній, которыя, впрочемъ, и для того времени не представляли ничего выдающагося, у Ободовскаго мало: онъ бо́льшею частью переводилъ или передѣлывалъ (съ нѣмецк., франц., и итальянск. языковъ) и вѣрнѣе его можно характеризовать, какъ хорошаго переводчика, свободно владѣвшаго стихомъ и хорошо знавшаго сцену. Какъ писатель, Ободовскій по преимуществу писатель драматическій, оставившій послѣ себя, какъ сказано, до 26 пьесъ. Изъ нихъ поставлены были на сцену слѣдующія: переводныя или передѣланныя— «Донъ Карлосъ»—траг. въ 5 д., «Велизарій»—др. въ 5 д., «Отецъ и дочь»—др. въ 5 д., «Заколдованный домъ»—др. въ 5 д., «Прародительница» — въ 5 д., «Іоаннъ, герцогъ финляндскій» — др. въ 5 д.,

«Кипрскій вѣнецъ»—др. въ 5 д., «Гризельда»—др. въ 5 д., «Христина королева шведская»—др. въ 4 д., «Маріанна или герцогиня и нищій»—др. въ 5 д., «Черный Корсаръ»—др. въ 5 д. «Братья-купцы»—др. въ 5 д., «Камоэнсъ»—въ 1 д., «Брачное свидѣтельство»—др. въ 5 д., «Первая и послѣдняя любовь Карла XII»—др. въ 1 д., «Ужасный замокъ»—др. въ 5 д., «Проклятіе матери»—др. въ 5 д., «Арфистка»—др. въ 3 д., «Карлъ V въ Нидерландахъ»—др. въ 3 д., «Четверо часовыхъ у одной будки»—ком. въ 1 д.; оригинальныя—«Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій»—драм. предст. въ 5 д. съ прологомъ; «Князь Александръ Михаиловичъ Тверской»—др. въ 3 д., «Боярское слово или Ярославская кружовница»—драм. предст. въ 2 отд., «Русская Боярыня 17-го вѣка»—драм. предст. съ пѣніемъ и плясками въ 1 д., «Камиллъ Диктаторъ Римскій»—др. въ 5 д., «Бояринъ Матвѣевъ»—др. въ 5 д. За весьма малыми исключеніями («Брачное свидѣтельство», «Арфистка»), перечисленныя пьесы написаны стихами. Говоря о переводахъ и передѣлкахъ Ободовскаго, слѣдуетъ замѣтить, что Ободовскій въ большинствѣ случаевъ не придерживался близко оригинала и, стремясь сохранить лишь фабулу, допускалъ большія измѣненія въ частностяхъ и нерѣдко вставлялъ въ ту или другую передѣлываемую пьесу цѣлый рядъ самостоятельно составленныхъ сценъ; нѣкоторыя его передѣлки носятъ характеръ переложенія на русскіе нравы, хотя не очень удачнаго. Что касается оригинальныхъ пьесъ Ободовскаго, какъ, напр., «Царь В. И. Шуйскій», «Князь А. М. Тверской» и др., то онѣ не отличаются особеннымъ достоинствомъ: автору не только не удавалось удовлетворительно возсоздать изображаемую эпоху, но онъ не могъ дать рѣзко и ярко или правильно очерченныхъ типовъ; можно сказать, что оригинальныя пьесы Ободовскаго написаны имъ по шаблону тѣхъ многочисленныхъ нѣмецкихъ пьесъ, сбивающихся на мелодраму, которыя онъ часто предлагалъ русской публикѣ въ переводѣ. Критика въ большинствѣ случаевъ относилась къ Ободовскому благосклонно; общее мнѣніе признавало за нимъ болѣе трудолюбія, чѣмъ таланта. Онъ былъ выше многочисленной толпы современныхъ ему драматурговъ, но дарованіе его не переходило границъ посредственности. Въ ряду драматурговъ имя его помѣщали обыкновенно вслѣдъ за Кукольникомъ и Полевымъ.

Полнаго собранія сочиненій Ободовскаго нѣтъ. Изъ пьесъ Ободовскаго, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, намъ извѣстно лишь «Боярское слово или Ярославская Кружовница»—драм. представленіе въ 2-хъ отдѣленіяхъ. Изъ прочихъ произведеній Ободовскаго изданы отдѣльно: «Геро и Леандръ»—вольн. перев. изъ Шиллера 1826 (Первонач. въ «Невск. Альманахѣ на 1827 г.»); «Хіосскій сирота»—1828 г.; «Царскій цвѣтникъ»—(на русск. и нѣм. яз.) 1840 г.; «Петръ

Великій»—историческая ораторія въ 2-хъ отд., передѣланная съ нѣм. (положена на музыку И. Л. Фуксомъ) 1842 г.; «Царское спасибо — пѣсня храбрымъ защитникамъ Севастополя» 1855 г.; «Е. И. В. Николаю Николаевичу по случаю объявленія о помолвкѣ его» 1855 г.; «Бѣлому Царю отъ вѣрнаго русскаго народа»—1855 г.; «Прощальная пѣснь дѣвицъ училища орд. св. Екатерины по случаю выпуска 1850 г.» (музыка Глинки). Всѣ сочиненія напечатаны въ Петербургѣ.—Свои произведенія Ободовскій помѣщалъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ журналахъ: «Литературная Газета», «Благонамѣренный», «Соревнователь просвѣщенія», «Сѣверная Пчела», «Славянинъ», «Галатея», «Сынъ Отечества», «Новости Литературы», «Маякъ», «Репертуаръ». Кромѣ того, стихи Ободовскаго можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ альманахахъ 20—30-хъ годовъ.

Въ заключеніе статьи нашей о П. Г. Ободовскомъ не можемъ не выразить сожалѣнія, что богатый архивъ его пропалъ, какъ кажется, безвозвратно. Счастливый случай сохранилъ лишь незначительную часть обширной переписки драматурга, изъ которой мы приводимъ одно письмо Платона Григорьевича къ графу Каподистріи и письма къ Ободовскому А. В. Никитенки, М. И. Глинки, В. В. Самойловой и А. Г. Каратыгиной.

Ив. Кубасовъ.

Письмо П. Г. Ободовскаго графу Каподистріи.

24-го декабря 1828 г. С.-Петербургъ.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Въ 1822 году, во время разоренія турками острова Хіоса, наравнѣ съ прочими несчастными, пострадало и семейство грека Димитрія Ламброса.

Отецъ былъ убитъ, мать и малолѣтнія дѣти подѣлены между варварами и увезены въ неволю. Благодѣтельные люди выкупили мать, а она имѣла счастіе встрѣтиться въ Константинополѣ съ старшимъ своимъ сыномъ Костаки, бывшимъ также въ неволѣ у одного турка; съ нимъ удалось ей чудеснымъ образомъ убѣжать въ Одессу, гдѣ они и нашли себѣ спасеніе. Костаки Ламбросъ опасно занемогъ. Не находя средствъ къ его исцѣленію въ Одессѣ, соотечественникъ его г. Попандопуло привезъ его въ Петербургъ, гдѣ бѣдный малютка восемь мѣсяцевъ пострадалъ въ больницѣ. Здѣсь нашелъ онъ себѣ покровителя

въ г. Влангали [1]), по отъѣздѣ коего изъ столицы г. Аделунгъ [2]) принялъ сироту въ свое семейство и имѣлъ счастіе довести о его бѣдствіяхъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Костаки Ламбросъ былъ лично представленъ ихъ императорскимъ величествамъ и удостоился ихъ нѣжнѣйшаго участія. Государыня императрица Александра Ѳеодоровна соизволила помѣстить его на собственное иждивеніе въ С.-Петербургскую гимназію, гдѣ онъ донынѣ находится, оправдывая поведеніемъ, прилежаніемъ и и успѣхами въ наукахъ щедроты августѣйшей покровительницы. Несчастная мать его живетъ въ Одессѣ, находясь въ крайней бѣдности, она оплакиваетъ печальную судьбу младшаго сына Ламбрине, о существованіи коего она узнала чрезъ невѣстку свою Лулу Ламбрину, живущую въ Смирнѣ. Для удостовѣренія прилагаю при семъ извѣстіе о немъ, присланное изъ Одессы. Отъ г. Аделунга узналъ я плачевную исторію сего греческаго семейства: она растрогала меня и я описалъ ее въ небольшой стихотворной повѣсти, которую осмѣливаюсь представить вамъ и соотечественникамъ моимъ, находящимся при особѣ вашей [3]). Сумму, вырученную за повѣсть, я посвящаю, кромѣ временнаго вспоможенія матери, на искупленіе сироты Ламбрине, въ той надеждѣ, что вы, благодѣтельствуя всему греческому народу, не откажетесь осушить слезы матери, лишенной мужа, дѣтей и всего имѣнія, и посредничествомъ своимъ довершите начатое. Государыня императрица, одобряя мое намѣреніе, благоволила пожаловать на сей предметъ денежное пособіе, которое съ вырученною посильною суммою г. Аделунгъ положилъ въ Коммерческій банкъ. Многія знатныя особы согласились содѣйствовать сбору выкупа, и я надѣюсь вскорѣ собрать достаточную для выкупа сумму, которая, въ случаѣ неудачи, отошлется къ неутѣшной матери. Но я не смѣю и думать о неудачѣ, когда вы, какъ ангелъ спасенія, примете участіе въ беззащитномъ сиротѣ. Умоляю васъ именемъ человѣчества, отъ лица всѣхъ друзей сего несчастнаго семейства, прострите руку помощи, возвратите сына несчастной матери, которая по гробъ не престанетъ благословлять имя ваше; благоволите увѣдомить меня о вашемъ рѣшеніи, объ успѣхѣ розысковъ и суммѣ, которую вы употребите на выкупъ, и я немедленно вамъ доставлю оную. Благоговѣя предъ подвигами вашими для пользы Греціи, смѣю ласкаться надеждою, что вы не откажете русскому, принимающему пламенное участіе въ судьбѣ всего греческаго народа.

---

[1]) Георгій Михайловичъ Влангали,—въ то время д. ст. сов., переводчикъ восточ. языковъ при департ. мин. иностр. дѣлъ (ум. въ 1834 г.).

[2]) Ѳедоръ Павловичъ Аделунгъ,—(1768—1843),—въ то время директоръ Института восточныхъ языковъ.

[3]) Говорится о поэмѣ Ободовскаго: „Хіосскій сирота". Посвящается друзьямъ грековъ. С.-Пб. 1828.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть и пр.

Письмо А. В. Никитенки [1])—П. Г. Ободовскому.

4-го декабря 1839 г.

Милостивый государь, Платонъ Григорьевичъ!

Въ послѣднюю пятницу вы сдѣлали мнѣ нѣкоторыя замѣчанія относительно моихъ уроковъ въ институтѣ. Я привыкъ къ нѣкоторому праводушію и искренности въ поступкахъ и словахъ,—этимъ особенно я считаю себя обязаннымъ людямъ, которыхъ душевно уважаю,—а потому рѣшаюсь объясниться съ вами прямо и откровенно, чтобъ разомъ уничтожить недоразумѣнія, какія обыкновенно возникаютъ изъ принужденнаго молчанія, или полусловъ.

Болѣе десяти лѣтъ уже, какъ я, по нѣкоторому внутреннему расположенію, посвятилъ себя русской словесности, и какъ литераторъ, и какъ преподаватель; много, въ теченіе этого времени, досталось мнѣ говорить съ умомъ и сердцемъ юнаго поколѣнія, и съ каѳедры университетской, и со скромнаго учительскаго стула; есть ученики мои, сдѣлавшіеся уже учителями, передающіе другимъ мои идеи и по способу, мною указанному; есть и такіе, которыхъ я, въ оффиціальномъ качествѣ инспектора, руководствую въ ихъ званіи; есть нѣсколько печатныхъ мыслей, обнародованныхъ мною, какъ свидѣтельство духа и формы моего ученія. И вотъ уже скоро будетъ девять лѣтъ, какъ я преподаю словесность въ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ три выпуска, сопровождавшіеся лестными отзывами государыни императрицы, два—министра народнаго просвѣщенія и всѣхъ образованныхъ людей, служатъ доказательствомъ, что я нѣсколько знакомъ съ требованіями и женскаго воспитанія. Къ этому нахожу въ себѣ нѣкоторую привычку разсуждать о своемъ дѣлѣ, не ввѣряя случаю того, что можетъ зависѣть отъ моего ума и воли, и при томъ сознаю въ себѣ нѣсколько условій совершенствоваться и слѣдовать за ходомъ вѣка. Послѣ всего этого вы, конечно, согласитесь, что мнѣ какъ-то неловко видѣть себя въ числѣ школьныхъ учителей, за которыми надобно наблюдать, и которыхъ надобно разумлять въ ихъ обязанностяхъ, неловко слышать такія, напримѣръ, замѣчанія: «что лучше бы было, когда бы я употреблялъ побольше школьности въ ученіи, что не худо, когда бы дѣвицы больше имѣли дѣло съ тетрадями и, такимъ образомъ, бойко умѣли отвѣчать на всѣ вопросы

---

[1]) А. В. Никитенко (1805—1877) въ то время—профессоръ С.-Петербургскаго университета, преподаватель Екатерининскаго института и цензоръ.

цѣлою рѣчью» (разумѣется, затверженною, потому что иначе быть не можетъ). Признаюсь, я никакъ не могу согласиться съ этими требованіями ни по убѣжденію моему вообще, ни потому, что мнѣ открытъ опытъ относительно женскаго образованія. Я, впрочемъ, увѣренъ, что замѣчанія, вами мнѣ сдѣланныя, не были также плодомъ и вашего убѣжденія и что они имѣли какую-нибудь другую цѣль, которой однако жъ я не понимаю. Литературное образованіе женщины, послѣ религіознаго, можетъ быть есть самое вѣрное для нея, и именно потому, что оно дѣйствуетъ на ея с е р д ц е, пробуждая въ немъ и направляя чувство прекраснаго, слѣд., всего благороднаго, добраго и возвышеннаго. Я всегда смотрѣлъ на мой предметъ не иначе, какъ съ этой точки зрѣнія—и вотъ, можетъ быть, причина, почему мнѣ удавалось возбудить въ моихъ слушателяхъ и слушательницахъ живое участіе и любовь къ моимъ наставленіямъ; ибо сердце человѣческое, особенно въ юности, не такъ еще испорчено, чтобъ оно не могло воодушевляться, когда ему говорятъ отъ сердца о нравственномъ достоинствѣ и назначеніи человѣка. Итакъ, мнѣ всегда казалось, что я долженъ въ заведеніи женскомъ достигнуть трехъ цѣлей: 1) пробудить, какъ я сказалъ уже, живое чувство прекраснаго, а съ нимъ и всего, что̀ услаждаетъ и облагораживаетъ нашу бѣдную жизнь; 2) направить это чувство такъ, чтобы оно въ разнообразіи и хаосѣ литературныхъ понятій и формъ, съ которыми воспитанницы будутъ имѣть дѣло въ свѣтѣ, могло отличать ложно-прекрасное отъ истинно-прекраснаго и 3) развить практику русскаго слова такъ, чтобы онѣ могли излагать свои мысли по-русски правильно и свободно. При нѣсколько внимательномъ, а не отрывочномъ слѣдованіи за ходомъ моего ученія, легко можно увидѣть, что я довольно систематически слѣдую этому направленію,—и, можетъ быть, (говорю это съ чувствомъ сердечной радости, которой у меня никто отнять не можетъ),—можетъ быть, есть и плоды сего постояннаго стремленія—нѣсколько чистыхъ умовъ, спасенныхъ отъ пагубнаго безвкусія, заражающаго наши современныя литературныя идеи и нравы. Конечно, всего этого нельзя достигнуть въ заведеніи безъ нѣкоторыхъ учебныхъ снарядовъ, какъ-то: теоріи литературы и исторіи. Но надобно ли смотрѣть на это иначе, какъ на снарядъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ назначенію женщины? О многомъ и много иногда надобно говорить съ учениками, чтобы провести въ ихъ душу или сдѣлать для нихъ ясною одну идею; но должны ли они все это удержать въ своей головѣ? Дай Богъ, чтобы эта идея укрѣпилась и освѣтилась въ ихъ умѣ. Когда зданіе построено, лѣса разбираются; знаю, что существуютъ на свѣтѣ требованія экзамена; но экзамену—экзаменное, а жизни—жизненное. Спросите у вашей супруги [1]), коей за честь поставляю себѣ называться

[1]) Дарья Александровна, рожд. Остермейеръ.

наставникомъ и которая была одною изъ лучшихъ моихъ учениць [2]), много-ли осталось у ней для жизни изъ моихъ учебныхъ тетрадей, хотя она слѣдовала за ними столь же превосходно, какъ и за живыми идеями? Между тѣмъ, смѣю однакожъ думать, что мои наставленія не были для ней безполезны. Странное дѣло! у меня на рукахъ воспитанницы высшаго возраста, и при томъ лучшаго, перваго отдѣленія; онѣ, такъ сказать, наканунѣ своего выхода въ общество—и въ эту великую, торжественную эпоху перехода отъ школы къ жизни—я, вмѣсто того, чтобы ознакомить ихъ съ необходимыми для нихъ истинами,—я долженъ набивать ихъ голову затверженными знаніями, которыя, какъ паутина, распадутся отъ перваго толчка, отъ перваго дуновенія всякой новой для нихъ мысли,—долженъ набивать ихъ голову риторикою, школярствомъ. Помилуйте, съ чѣмъ это сообразно? И то бранятъ насъ за то, что мы дѣлаемъ ихъ школьницами. Дѣло въ томъ, что наша педагогія еще очень мало заботится о жизни, сокрытой въ наукѣ, а думаетъ только о формахъ науки, и что достиженіе экзаменныхъ цѣлей часто дѣлается на счетъ высшихъ цѣлей,—нравственнаго питанія и умственнаго развитія. Но это не законъ, и наставникъ съ талантомъ можетъ и долженъ возвыситься надъ невѣжествомъ или предразсудками. Гр. Сергій Семеновичъ Уваровъ [1]) просвѣщеннымъ взглядомъ своимъ умѣлъ оцѣнить мои понятія о преподаваніи литературы въ женскихъ заведеніяхъ. О нихъ я писалъ ему много въ пространномъ донесеніи—и желалъ только одного, чтобы въ сихъ заведеніяхъ былъ избѣгаемъ самый видъ учебнаго формализма. Я увѣренъ, что и вы сдѣлали бы то же, если бы имѣли случай ближе разсмотрѣть существенныя стороны моего ученія—и я удивляюсь только тому, что мнѣ нужно объ этомъ говорить. Впрочемъ, каждый на пути жизни стоитъ между тѣнью и свѣтомъ; придвинуть насъ туда или сюда такъ мало стоитъ для посторонняго взгляда, что объ этомъ почти и говорить не стоитъ. Я совсѣмъ не считаю себя исключеніемъ изъ общаго порядка и привыкъ смотрѣть съ здравымъ и полнымъ равнодушіемъ на то, какъ поворачиваютъ меня въ своемъ понятіи люди съ тѣсными понятіями, незнакомые съ дѣломъ. Иное дѣло люди мыслящіе; для нихъ пріятно было бы поставить себя такъ, чтобы они видѣли насъ въ истинномъ свѣтѣ и отличали въ насъ положительное и существенное отъ мелочей. И вотъ единственная причина этого длиннаго объясненія, которое прошу васъ принять съ такимъ же добрымъ расположеніемъ, съ какимъ оно написано. При такомъ замѣчаніи, какое изложено выше, сдѣланномъ мнѣ другимъ, по непривычкѣ къ этому, вмѣсто всякихъ объясненій, я попросилъ бы

[2]) Она окончила курсъ въ училищѣ ордена св. Екатерины въ 1835 году, съ шифромъ.

[1]) Гр. С. С. Уваровъ (1786—1855),—въ то время—президентъ Императ. Академіи наукъ, членъ совѣта Екатерининскаго института.

увольненія отъ должности; но кого любятъ и уважаютъ, съ тѣми говорятъ словами сердца, а не столь оффиціальнымъ языкомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, и пр.

Письмо М. И. Глинки—П. Г. Ободовскому.

С.-Петербургъ, 13-го января 1856 года.

Многоуважаемый Платонъ Григорьевичъ! Позвольте мнѣ надѣяться, что несмотря на то, что мы давно не видались, вы не измѣнились ко мнѣ, и что не прогнѣваетесь на меня за мою просьбу.

Сегодня былъ у меня Гавріилъ Екимовичъ Ламакинъ [1]) и сказалъ мнѣ, что партитура выпускного хора, сочиненная мною на слова ваши [2]), находится у васъ и что вы сами намѣрены доставить мнѣ оную. Излишнимъ считаю сообщить, какъ бы я радъ былъ видѣть васъ; но ежели вамъ нельзя ускорить пріѣздомъ вашимъ, то потрудитесь прислать мнѣ вышеозначенную партитуру хора какъ можно скорѣе. Я знаю, что нынѣшній годъ будетъ выпускъ, и обязуюсь доставить ее обратно къ 1-му февраля нынѣшняго года; сколько мнѣ извѣстно, партитура нужна бываетъ только при исполненіи и репетиціяхъ съ оркестромъ.

Раннею весною болѣзнь заставляетъ меня снова ѣхать за границу [3]); пользуюсь пребываніемъ здѣсь, чтобы привести въ возможный порядокъ всѣ мои сочиненія.

Повѣряя себя доброму вашему расположенію, остаюсь искренно преданный вамъ и уважающій васъ Михаилъ Глинка.

Письмо В. В. Самойловой [4])—П. Г. Ободовскому.

(1841 г.)

Милостивый государь, Платонъ Григорьевичъ! Вы были такъ добры, что предложили мнѣ вашу готовность написать для бенефиса моего пѣвсу. Не имѣя счастливаго случая видѣть ея лично, я рѣшилась письменно просить васъ украсить мой бенефисъ вашею пѣсою, которая бу-

---

[1]) Г. Я. Ламакинъ (1812—1885 г.) въ то время преподаватель пѣнія въ разныхъ учебн. заведеніяхъ.

[2]) М. И. Глинка не разъ писалъ музыку на слова П. Г. Ободовскаго. Такъ, въ началѣ 1841 г. онъ написалъ выпускной хоръ E-dur для воспитанницъ Института, въ 1849 г. написалъ музыку на его стихотвореніе: „Палермо“, въ 1850 г. написалъ музыку на „Прощальную пѣснь“ воспитанницъ Института и др.

[3]) М. И. Глинка выѣхалъ изъ Петербурга 27-го апрѣля 1856 г., это и было его послѣднее путешествіе за границу.

[4]) Вѣра Васильевна Самойлова (1821—1880)—извѣстная драматическая актриса.

детъ, вѣроятно, новымъ наслажденіемъ для любителей всего прекраснаго. При всемъ моемъ стараніи отыскать для піэсы сюжетъ, согласный съ условіями цензуры и стоющій вашихъ трудовъ,—я не могла найти, и такъ какъ бенифисъ мой назначенъ 5-го октября, и чтобъ не прошло время въ безполезныхъ хлопотахъ, то я полагаюсь совершенно на вашъ выборъ, въ полной увѣренности, что онъ будетъ прекраснѣ; если же для этого времени вамъ не достаточно и готовой піэсы у васъ нѣтъ,—(чего не дай Богъ!), то покорнѣйше прошу, Платонъ Григорьевичъ, меня увѣдомить, чтобъ принять другія рѣшительныя мѣры.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію остаюсь готовая къ услугамъ вашимъ В. Самойлова.

Письмо А. М. Каратыгиной [1])—П. Г. Ободовскому.

(1841 г.)

Не знаю, сказывала-ли вамъ, Платонъ Григорьевичъ, дама, которую я встрѣтила на вашей лѣстницѣ, что я пріѣзжала къ вамъ на другой день моего бенефиса? Я желала лично извиниться передъ Дарьей Александровной [2]), что взялась предложить ей отъ гр. Бобринской перемѣну ложъ, и хотѣла узнать, не разсердилась ли она и была ли въ театрѣ. А теперь адресуюсь къ вамъ съ другимъ дѣломъ, а именно: наступило время писать въ Москву объ нашемъ пріѣздѣ и о піэсахъ, которыя мы тамъ будемъ играть въ казну и въ свои бенефисы. Еслибъ была хоть искра надежды, что *когда-нибудь* можетъ тамъ быть принятъ «Велизарій» на поспектакльную плату, то мужъ мой и я слишкомъ деликатны, чтобъ пренебречь вашими выгодами для нашихъ. Но этого *никогда* быть не можетъ. М. Н. Загоскинъ [3]) объявилъ рѣшительно, что не заведетъ этого въ Москвѣ, да при бѣдности дирекціи имъ и нельзя. Вамъ не къ чему мстить ему за то, онъ не приметъ на такихъ условіяхъ піэсъ ни Полевого, ни Кукольника и ничьихъ. 15 лѣтъ назадъ Московскій военный губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ, какъ главный начальникъ, захотѣлъ, чтобъ во время коронаціи играла я въ «Обманѣ въ пользу любви» и велѣлъ заплатить Катенину [4]) проценты со сбора; дали два раза и конецъ,—съ тѣхъ поръ піэса не играется. Вотъ вамъ

---

[1]) Александра Михайловна Каратыгина (урожд. Колосова)—извѣстная драматическая актриса (1802—1880).

[2]) Супруга П. Г. Ободовскаго.

[3]) Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ (1789—1852) извѣстный писатель, въ то время директоръ Московскихъ театровъ.

[4]) Пьеса Мариво „Les fausses confidences“, въ переводѣ П. А. Катенина, подъ названіемъ: „Обманъ въ пользу любви“ была поставлена въ первый разъ въ 1826 году.

доказательство упрямства и правила ихъ. Вы знаете, что и здѣсь мы просили у васъ въ бенефисы только тѣ піэсы, которыя отказалась принять дирекція и когда онѣ пролежали непринятыя по 2 и по 3 года. Вспомните, что вы готовы были отдать «Велизарія» всего на всего за 300 р., а сколько вы получили и еще получите за него? Если вы отказали московскимъ актерамъ, то вы этой дряни и въ глаза не знаете, стало быть никто не удивится, что отказавъ мнѣ, вы позволите Каратыгину, которому піэса обязана своимъ неожиданнымъ успѣхомъ. Этимъ же не кончится: онъ и впередъ вамъ пригодится. Смѣю сказать, что безъ насъ не можетъ «Велизарій» въ Москвѣ произвести большого эффекта, а намъ, еслибъ (что̀ невозможно) мы и купили его, Загоскинъ не позволитъ играть въ немъ, потому что когда мы играемъ и старыя піэсы, народу бываетъ столько, сколько можетъ вмѣстить театръ, стало быть въ «Велизаріи» ужъ болѣе быть не можетъ; зачѣмъ же имъ давать новое, когда и старое привлекаетъ, да еще платить переводчику, чтобы послѣ передавать своимъ актерамъ, которыхъ не пойдутъ смотрѣть? Тамъ хорошъ водевиль, а трагедія не существуетъ. Замѣтьте, что и здѣсь любимую публикой піэсу «Велизарій» не назначили ни разу на масляницу, хотя вѣрно былъ бы биткомъ театръ, и бьюсь объ закладъ для того, чтобъ не платить вамъ. Это и х ъ мелочные разсчеты. Теперь прошелъ годъ, почти полтора, какъ «Велизарій» играется въ Петербургѣ [1]), сдѣлала-ли Москва вамъ какой-нибудь запросъ, чтобъ играть ее, купивъ у васъ въ казну? И не думаютъ, потому что не могутъ, и некому играть.—Черезъ два или три года, увидя, что не покупаютъ, вы позволите же кому-либо изъ нихъ отдать ее въ бенефисъ,—но ужъ насъ не будетъ на театрѣ. Подумайте хорошенько, и вы вѣрно не захотите сдѣлать большого неудовольствія человѣку, который ничѣмъ не заслужилъ того отъ васъ. Это такъ не похоже на васъ, что я не сомнѣваюсь въ благопріятномъ отвѣтѣ вашемъ и заранѣе готова благодарить васъ за то, повторяя при томъ, что одно твердое убѣжденіе въ томъ, что мы не лишаемъ васъ ничего, заставляетъ насъ просить піэсу, которая иначе пролежитъ безъ пользы для васъ и въ обиду намъ.

Подѣйствуютъ-ли на васъ мои доводы и просьба, или нѣтъ, усердно прошу васъ объ отвѣтѣ, чтобъ знать, какъ распорядиться и какъ дѣйствовать.

Устала писать, но видѣть васъ не дождемся: и мужъ и жена невидимки. Прощайте до дружескаго свиданія.

Александра Каратыгина.

---

[1]) Въ первый разъ „Велизарій“ былъ поставленъ въ Александринскомъ театрѣ 31-го октября 1839 года.

Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ

въ XV и XVI вѣкахъ.

XI [1]).

Торговыя сношенія Московскаго государства съ генуэзцами.—Прибытіе съ этою цѣлью Центуріона въ Москву.—Вопросъ о соединеніи церквей.—Максимъ Грекъ.—Посылка русскаго посла Герасимова въ Римъ.—Отвѣтное посольство папы въ Москву.—Отношенія польскаго короля Сигизмунда къ великому князю Василію.—Прибытіе въ Москву пословъ: отъ папы, императора австрійскаго и короля польскаго.—Заключеніе перемирія между Россіею и Польшею.—Посылка въ Римъ Трусова и Ладыгина, съ цѣлью пригласить въ Россію ремесленниковъ и художниковъ.

Полномоченный гросмейстера Тевтонскаго ордена Дмитрій Шенбергъ выхлопоталъ у великаго князя охранную грамоту для проѣзда въ Москву не только своему брату, Николаю Шенбергу, но и одному генуэзцу, Паолетто Центуріоне, который стремился въ Россію, чтобы осуществить составленный имъ обширный проектъ.

Человѣкъ начитанный и предпріимчивый, онъ много путешествовалъ въ молодости по торговымъ дѣламъ на Востокѣ, въ Египтѣ, Сиріи и по берегу Чернаго моря и убѣдился во время своихъ странствованій въ томъ, что нашествіе турокъ нанесло генуэзской торговлѣ страшный ударъ, точно такъ же, какъ и развитіе торговыхъ сношеній Португаліи.

Со времени открытія Васко де-Гамою морскаго пути въ Индію,

---

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1903 г.

португальцы стремились завладѣть міровою торговлею, отвлечь ее отъ Евфрата и Нила, направить океаномъ на Лиссабонъ и сдѣлаться такимъ образомъ единственными посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Индіей.

Пользуясь удобствами, какія представлялъ новый морской путь, они ставили покупателямъ самыя тяжелыя условія, такъ какъ спросъ всегда превышалъ предложеніе, и получали громадные барыши, продавая съ выгодою даже сомнительнаго качества товары, попорченные во время перевозки моремъ или отъ продолжительнаго лежанія въ складахъ въ Лиссабонѣ.

Торговые города Италіи завидовали возроставшему благосостоянію Португаліи, и старались изыскать новый удобный путь для торговли съ Востокомъ. Нѣкто Бенедетто Скотто, генуезецъ, предлагалъ направлять товары въ Индію вдоль береговъ Китая, огибая сѣверо-востокъ Европы; но записка, составленная имъ по этому поводу на италіанскомъ и французскомъ языкахъ, успѣха не имѣла.

Центуріонъ, болѣе свѣдущій по части географіи, составилъ болѣе удачный проектъ. По его предположенію, произведенія Востока, сосредоточенныя на берегахъ Индуса, одного изъ самыхъ многоводныхъ притоковъ Инда, могли быть направлены черезъ Гиндукушъ на Оксусъ и далѣе въ Астрабадъ, оттуда по Каспійскому морю къ устью Волги затѣмъ вверхъ по этой рѣкѣ, по Окѣ и Москвѣ рѣкѣ въ Москву и далѣе къ Балтійскому морю черезъ Ригу для отправленія на европейскіе рынки.

Выполненіе этого грандіознаго и чрезвычайно смѣлаго для того времени проекта представляло огромныя трудности. Не говоря уже о тѣхъ препятствіяхъ, какія могли встрѣтиться у подошвы Гималая и на его Арало-Каспійскомъ склонѣ, плаваніе верхъ по Волгѣ было весьма затруднительно. Встрѣчный вѣтеръ пріостанавливалъ судоходство, и судовщикамъ приходилось сходить на берегъ и тащить суда бичевой, преодолѣвая съ величайшимъ трудомъ быстроту теченія. Кромѣ этихъ естественныхъ препятствій, судовымъ караванамъ не мало приходилось терпѣть бѣды отъ разбойниковъ, которые скрывались въ непроходимыхъ лѣсахъ, на правомъ берегу Волги, откуда они нападали на мирныхъ торговцевъ, грабили ихъ суда и, нагруженные добычею, скрывались въ своихъ притонахъ. Вслѣдствіе этого, плаваніе по Волгѣ было сопряжено съ такою опасностью, что купцы нерѣдко предпочитали ѣхать изъ Астрахани въ Москву сухимъ путемъ вмѣстѣ съ татарами, которые направлялись въ столицу для продажи лошадей.

Конечно, Центуріону не могли быть извѣстны всѣ эти подробности. Но онъ жаждалъ видѣть все на мѣстѣ, чтобы рѣшить, насколько планы генуезцевъ были осуществимы; съ этой цѣлью онъ и отправился самъ

въ Москву, но для того, чтобы легче получить доступъ къ великому князю, онъ хотѣлъ заручиться письмомъ отъ папы и прибылъ съ этой цѣлью въ Римъ въ исходѣ 1518 или въ началѣ 1519 года.

Появленіе генуэзскаго торговца при блестящемъ дворѣ Льва X, среди поэтовъ, ученыхъ, музыкантовъ, скульпторовъ и художниковъ, прошло никѣмъ незамѣченнымъ; но все же ему удалось получить отъ Льва X письмо къ Василію, хотя это не придало, впрочемъ, его посольству оффиціальнаго значенія. Онъ ѣхалъ въ Москву отъ своего собственнаго имени, на свой страхъ, но папское посланіе, разумѣется, должно было облегчить ему доступъ въ Кремль, хотя онъ и явился туда, какъ простой путешественникъ, не облеченный никакимъ дипломатическимъ порученіемъ.

Объ его пріѣздѣ въ Кремль говорится въ русскихъ лѣтописяхъ кратко: «Въ томъ же (1520) году къ великому князю московскому прибылъ отъ папы римскаго его человѣкъ, Павелъ, съ письмомъ».

Не смотря на эту краткость, фактъ переданъ не вполнѣ точно: Центуріонъ не былъ ни слугою, ни «человѣкомъ» папы и прибылъ не отъ его имени.

Центуріону не удалось осуществить самую главную свою мечту. Великій князь не разрѣшилъ ему доступъ внутрь страны и онъ не могъ изучить способы сношеній съ Индіей.

Хотя въ шестнадцатомъ вѣкѣ русскіе допускали иностранцевъ въ Москву и были не прочь воспользоваться ихъ свѣдѣніями и талантами, но они считали необходимымъ зорко слѣдить за ними и не допускать ихъ въ глубь страны. Позволить иноземцу проѣхать одному безо всякаго контроля по Волгѣ значило бы нарушить исконныя традиціи и оскорбить народныя чувства.

Получивъ отказъ, Центуріонъ долженъ былъ оставить свой грандіозный планъ; но въ его умѣ возникъ тогда же новый проектъ, касавшійся развитія торговли на сѣверѣ. Судя по прошенію, поданному имъ королю датскому, краткое содержаніе котораго сохранилось въ Копенгагенскомъ архивѣ, Центуріонъ получилъ отъ Василія привилегію на торговлю въ Россіи съ западными державами черезъ Балтійское море. Онъ задумалъ учредить большую компанію, которая приносила бы огромные доходы. Съ этой цѣлью онъ просилъ датскаго короля дать ему извѣстныя льготы и выдать для начала дѣла ссуду, за уплату извѣстныхъ процентовъ. Складочнымъ мѣстомъ компаніи онъ избралъ Любекъ, но затѣмъ предпочелъ ему Копенгагенъ, изъ уваженія къ дружбѣ, которая связывала короля датскаго съ Василіемъ.

Король датскій, какъ видно изъ черноваго отпуска его отвѣтнаго письма Центуріону, отнесся къ этому предложенію благосклонно и хотя отказалъ ему въ помощи деньгами, но за то даровалъ ему всевозможныя

льготы. Такъ, напр., ему было разрѣшено торговать въ Даніи, Швеціи и Норвегіи и вести транзитную торговлю съ Россіей. Король взялъ подъ свое особое покровительство самого Центуріона, его наслѣдниковъ, агентовъ и слугъ, коихъ онъ рекомендовалъ особому попеченію властей.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ, Центуріонъ заинтересовался вопросомъ объ уніи, о которой онъ часто бесѣдовалъ съ приближенными великаго князя. Это объясняется тѣмъ любопытнымъ фактомъ, что въ православной столицѣ всѣ интересовались въ то время вопросомъ о соединеніи церквей и, что еще болѣе удивительно, въ самомъ центрѣ православія дѣлала большіе успѣхи католическая пропаганда.

Въ это дѣло былъ замѣшанъ врачъ-нѣмецъ, по имени Николай Луевъ или Булевъ, какъ называли его современники,—человѣкъ высоко даровитый. Австрійскій дипломатъ да-Колло, знавшій его лично въ Москвѣ, говоритъ, что онъ былъ очень свѣдущъ въ медицинѣ, астрологіи и во всѣхъ наукахъ; даже тѣ, кои относились къ нему недоброжелательно, признавали его нравственныя достоинства; что же касалось его искусства, какъ врача, то его цѣнили такъ высоко, что онъ былъ до конца любимымъ врачемъ великаго князя и пользовался всегда его милостями.

Этотъ достойный эскулапъ заботился о спасеніи человѣческихъ душъ не менѣе, какъ о врачеваніи ихъ тѣла, и посвящалъ все свободное время изученію догматическихъ вопросовъ. Онъ былъ горячій поборникъ церковной уніи и касался этого вопроса въ перепискѣ со многими изъ выдающихся людей своего времени, между прочимъ съ архіепископомъ ростовскимъ Вассіаномъ, съ Максимомъ Грекомъ и другими лицами, но, къ сожалѣнію, его письма утеряны, и, судя по полученнымъ отвѣтамъ, онъ проповѣдывалъ открыто необходимость всѣмъ вѣрующимъ соединиться подъ главенствомъ одного пастыря и признать его духовную власть. Тонъ его писемъ былъ, вѣроятно, примиряющій, такъ какъ противники обвиняютъ его въ томъ, что онъ старался смягчить догматы латинской церкви и расточалъ православію лицемѣрныя похвалы, какъ бы съ цѣлью подкупить этимъ довѣрчивыхъ русскихъ людей. Нѣкоторые поддались его увѣщаніямъ.

Скромные успѣхи врача-богослова были замѣчены. Противъ него ополчились ярые приверженцы православія, осыпавшіе его насмѣшками и бранью. Особенно ярымъ защитникомъ православія и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичнымъ противникомъ Луева выступилъ извѣстный монахъ Аѳонскаго монастыря Максимъ, прозванный Грекомъ.

Приглашенный въ Москву въ 1518 г. для перевода псалтыря, онъ проявилъ тамъ необычайную дѣятельность. Въ его келью стекались для бесѣды начетчики и обсуждали съ нимъ текущіе вопросы. Максимъ вступалъ въ споръ съ евреями, армянами, астрологами, магоме-

танами. Пропаганда католицизма глубоко волновала его. Чтобы утвердить русскихъ въ православіи, онъ сочинялъ посланія, въ коихъ разбиралъ вопросы о спорныхъ догматахъ, о церковной уніи, и нападалъ особенно яростно на Луева.

Въ этой полемикѣ ни разу не упоминается имя Центуріона, поэтому нельзя сказать, на сколько онъ принималъ въ ней участіе, тѣмъ болѣе, что этому мѣшало, вѣроятно, его незнакомство съ русскимъ языкомъ. Но Луевъ и его единомышленники были рады его пріѣзду, ибо, хотя онъ не былъ оффиціальнымъ агентомъ папы, все же онъ пріѣхалъ изъ Рима, привезъ письмо отъ св. отца и былъ убѣжденный католикъ, слѣдовательно, при его посредствѣ можно было установить сношенія съ папскимъ престоломъ.

Все то, что Центуріонъ слышалъ въ Москвѣ, показалось ему столь многознаменательнымъ, что онъ считалъ унію дѣломъ рѣшеннымъ и предлагалъ папѣ послать въ Москву своихъ легатовъ.

Въ то время, какъ приближенные великаго князя обсуждали эти вопросы съ Центуріономъ, самъ Василій, повидимому, мало интересовался ими. Непоколебимый въ вѣрѣ, замкнутый въ своей національности, онъ не допускалъ, въ душѣ, мысли объ уніи, тѣмъ не менѣе онъ далъ Центуріону письмо къ папѣ, написанное, какъ утверждаютъ современники, въ самомъ любезномъ тонѣ; текстъ этого письма не сохранился. Паолетто Центуріонъ съ восторгомъ отправился въ Римъ, куда онъ прибылъ лишь ко смерти Льва X, скончавшагося 1-го декабря 1521 г.

Желая какъ можно скорѣе предпринять вторично путешествіе въ Москву, Центуріонъ обратился къ преемнику Льва X, вновь избранному папѣ Адріану VI.

Адріанъ былъ совершенной противуположностью щедрому и просвѣщенному Льву X, извѣстному покровителю наукъ и искусствъ. Концерты и спектакли въ Ватиканѣ прекратились. Высоко честный, но суровый и бережливый, папа былъ всецѣло поглощенъ заботою о религіозномъ движеніи, вызванномъ въ Германіи Лютеромъ, и положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, откуда приходили все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти, такъ что походъ противъ турокъ становился неизбѣжнымъ.

29-го августа 1521 г. турки снова одержали надъ христіанскимъ міромъ крупную побѣду; въ этотъ день, послѣ двадцати неудачныхъ приступовъ, палъ Бѣлградъ, оплотъ христіанскаго міра. Непобѣдимый на сушѣ, Сулейманъ помышлялъ уже о морской войнѣ и угрожалъ острову Родосу.

Въ виду опасности, угрожавшей Европѣ отъ невѣрныхъ, одинъ близкій къ папѣ человѣкъ, Альбертъ Пигіусъ (Pighius), астрономъ и богословъ, обратилъ его вниманіе на Россію, совѣтуя привлечь ее къ лигѣ противъ турокъ и указывая на нее, какъ на страну, готовую воспринять проповѣдь католицизма. Поэтому весьма естественно, что папа

*

пожелалъ воспользоваться услугами человѣка, который горѣлъ желаніемъ побывать въ Москвѣ и могъ провѣрить на мѣстѣ все, что говорилось о Россіи.

Но едва лишь успѣлъ Адріанъ VI выразить свое согласіе на поѣздку въ Москву Центуріона, какъ его похитила преждевременная смерть, 24-го сентября 1523 г.

Тѣмъ не менѣе, рвеніе генуезскаго купца не охладѣло. Онъ возобновилъ свое ходатайство тотчасъ по избраніи на папскій престолъ Климента VII и, ссылаясь на расположеніе великаго князя къ папскому престолу, просилъ папу дать ему письмо къ Василію. Все еще мечтая о новомъ пути въ Индію, онъ надѣялся этотъ разъ на болѣе благосклонный пріемъ.

Все, что онъ говорилъ, вполнѣ согласовалось съ содержаніемъ любопытной записки, поданной Клименту VII Альбертомъ Пигіусомъ тотчасъ по его вступленіи на папскій престолъ. Этотъ документъ служитъ любопытнымъ отголоскомъ слуховъ, которые ходили въ то время въ извѣстныхъ сферахъ относительно Россіи. Настаивая на необходимости поддерживать дружескія отношенія къ великому князю, чтобы привлечь современемъ его народъ къ католической вѣрѣ, авторъ записки ссылался въ подтвержденіе своихъ словъ, на посольства, посланныя въ Римъ Іоанномъ III, которому одни только злонамѣренные люди помѣшали, по его словамъ, признать церковную унію. Указывалъ на пятилѣтнее перемиріе, заключенное съ Польшею при посредничествѣ нунція, и, наконецъ, на выраженное Василіемъ желаніе принять участіе въ войнѣ съ турками. По словамъ Пигіуса, Василій былъ болѣе христіанинъ, нежели всѣ наихристіаннѣйшіе монархи, такъ какъ онъ желалъ мира, между тѣмъ какъ всѣ прочіе постоянно воевали другъ съ другомъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать совмѣстно подъ знаменіемъ Христа.

Эти рѣчи должны были найти отголосокъ въ душѣ Климента VII, посвященнаго въ политическіе планы Льва X. Онъ заинтересовался планомъ Центуріона, хотя все-таки не далъ ему никакого оффиціальнаго порученія, ибо въ Ватиканѣ на него все-таки смотрѣли какъ на чужаго, на генуезца, а не на «папскаго человѣка». Воспользовавшись случаемъ, Климентъ VII послалъ, однако, съ нимъ великому князю письмо, помѣченное 25-мъ мая 1524 г., въ которомъ онъ намекалъ на свое желаніе сблизиться съ Москвою, обезпечить унію церквей и обѣщалъ прислать изъ Рима своего посла. «Центуріонъ или какой-либо иной посланный дастъ болѣе подробныя объясненія», писалъ папа.

Вторичное путешествіе Центуріона было непродолжительно. Уже состарѣвшійся и больной, онъ пустился въ путь съ чисто юношеской энергіей и ѣхалъ такъ быстро, что въ Римѣ полагали, что онъ только-что

прибылъ въ Кремль, какъ онъ уже вернулся обратно, этотъ разъ менѣе довольный, нежели въ первую свою поѣздку въ Москву.

Не останавливаясь въ Кенигсбергѣ, онъ быстро проѣхалъ черезъ Польшу, назвавъ себя въ Краковѣ папскимъ нунціемъ, и Сигизмундъ I этотъ разъ не только не препятствовалъ его путешествію, но даже взялъ на себя всѣ расходы по его содержанію до русской границы, далъ ему лошадей и прокормъ для нихъ. Мнимый нунцій такъ хорошо съумѣлъ подладиться къ королю польскому, что когда онъ ѣхалъ обратно 8-го іюня 1525 г., то Сигизмудъ написалъ о немъ папѣ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, прося его особенно позаботиться объ этомъ престарѣломъ и больномъ человѣкѣ.

Проживъ въ Москвѣ всего два мѣсяца, Центуріонъ поспѣшилъ обратно въ Италію. Добился-ли онъ того, изъ-за чего была имъ предпринята поѣздка? получилъ-ли онъ какія-либо личныя выгоды или преимущества для своихъ торговыхъ цѣлей? Напротивъ, послѣ вторичной поѣздки въ Москву, его, ни на чемъ не основанныя, надежды разлетѣлись въ прахъ и смѣнились глубокимъ унынiемъ. Ему удалось добиться только того, что великій князь послалъ вмѣстѣ съ нимъ къ папѣ своего посла Дмитрія Герасимова. Появленіе этого лица въ Римѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1525 г. было своего рода маленькимъ событіемъ.

Дмитрій Герасимовъ, котораго звали въ Россіи попросту Митя Малый, а за границей Деметріусъ Эразмусъ (Démétrius Erasmius), былъ человѣкъ довольно образованный, говорившій на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Онъ исполнялъ въ Москвѣ обязанности переводчика, что̀ соотвѣтствовало въ то время извѣстной дипломатической должности, поэтому онъ посылался съ дипломатическими порученіями въ Швецію, Данію, Пруссію и Австрію. Трудясь вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ надъ переводомъ псалтыря, онъ отличался отъ своихъ товарищей широтою взглядовъ. Этотъ переводъ былъ дѣломъ не легкимъ. Въ Москвѣ никто не зналъ греческаго языка. Предразсудки Византіи были болѣе распространены въ Россіи, нежели ея языкъ. Максимъ переводилъ текстъ съ греческаго на латинскій, Герасимовъ вмѣстѣ съ другими лицами переводилъ съ латинскаго на русскій; переписчики переписывали работу набѣло. Максимъ Грекъ скоро замѣтилъ, что Кремлевскій текстъ пестрѣлъ ошибками, и дѣятельно принялся исправлять его къ величайшему испугу остальныхъ переводчиковъ: «Страхъ обуялъ меня, и я дрожалъ отъ волненія,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—всякій разъ какъ приходилось измѣнить какую-либо букву или стереть знакъ».

Этотъ страхъ былъ предвѣстникомъ тѣхъ смутъ, какія вызвало при патріархѣ Никонѣ исправленіе текста древнихъ книгъ. Но Герасимова подобныя мелочи не пугали.

По пріѣздѣ въ Римъ, ему было отведено въ Ватиканѣ роскошное

помѣщеніе; онъ былъ окруженъ всевозможнымъ вниманіемъ и предупредительностью. На ауденцію къ папѣ Герасимовъ явился въ роскошномъ русскомъ одѣяніи и поднесъ папѣ отъ имени великаго князя соболя. Письмо Василія должно было поразить слушателей, представляя совершенную противоположность папскому посланію. Не распространяясь особенно въ изъявленіяхъ вѣжливости, великій князь придавалъ сближенію съ папскимъ престоломъ смыслъ военнаго союза, заключаемаго западной державою для борьбы съ невѣрными. Очевидно, онъ не хотѣлъ касаться религіозныхъ вопросовъ и рѣшилъ держаться, по крайней мѣрѣ письменно, исключительно на почвѣ политики. Онъ просилъ папу возможно скорѣе отослать обратно Дмитрія съ его уполномоченнымъ, который сообщилъ бы великому князю о тѣхъ мѣрахъ, какія ему слѣдовало предпринять для войны противъ турокъ. Какъ увидимъ далѣе, Василій вовсе не думалъ объ этой войнѣ; ему нужно было только получить искусныхъ рабочихъ.

Въ самомъ разгарѣ переговоровъ Герасимовъ заболѣлъ лихорадкою, но его могучая натура побѣдила недугъ, онъ снова окрѣпъ и началъ осматривать церкви, памятники и развалины вѣчнаго города, коимъ онъ искренно восторгался. 27-го октября, въ день Косьмы и Демьяна, онъ присутствовалъ на обѣднѣ, отслуженной папою, и пришелъ въ восторгъ отъ италіанской музыки.

Между тѣмъ многіе были увѣрены, что Герасимовъ сдѣлаетъ папѣ какія-либо важныя и секретныя сообщенія. Но эти предположенія не оправдались. Вѣроятно, онъ велъ себя настолько сдержанно и такъ взвѣшивалъ каждое слово, что это дало пищу обманчивымъ надеждамъ. Лично Климентъ VII вынесъ изъ разговора съ Герасимовымъ убѣжденіе, что Василій желалъ союза съ Римомъ, папа и высказалъ это королю и королевѣ польскимъ. Переговоры объ этомъ важномъ дѣлѣ папа предпочиталъ вести лично съ посланными великаго князя. Это было вполнѣ естественно, тѣмъ болѣе, что присутствіе въ Римѣ Герасимова поставило на очередь вопросъ о дипломатическихъ сношеніяхъ съ Москвою. Въ принципѣ, всѣ понимали важность и пользу этихъ сношеній, но никто не зналъ, какъ ихъ организовать. Только одинъ Пигіусъ ясно представлялъ себѣ истинное положеніе дѣла и придавалъ должное значеніе національному и политическому элементу. Папскимъ посломъ не долженъ быть ни шведъ, ни ливонецъ, ни полякъ, говорилъ онъ, такъ какъ между сосѣдями существуетъ обыкновенно вражда и ненависть, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ коихъ является война. Завоеванія русскихъ и польскихъ земель поселили вражду между этими двумя народами. Всякій король польскій, какой бы онъ ни былъ добрый христіанинъ, никогда не будетъ сочувствовать процвѣтанію Москвы и ея дружескимъ отношеніямъ къ Риму, причина этого ясна. До тѣхъ

поръ, пока великій князь московскій будетъ православнымъ, западные монархи будутъ относиться къ нему, какъ къ врагу, и папа дастъ всегда отпущеніе грѣховъ тому, кто подыметъ оружіе противъ него. Но если онъ признаетъ власть папы, то симпатіи могутъ оказаться на его сторонѣ, король и великій князь будутъ находиться въ одинаковыхъ условіяхъ, и истинная цѣль войны будетъ обнаружена.

Изъ этого Пигіусъ выводилъ заключеніе, что поляковъ слѣдовало устранить при переговорахъ съ Москвою; факты подтверждали справедливость этихъ словъ, ибо всякій разъ какъ папы пытались послать въ Москву своихъ нунціевъ, короли польскіе задерживали ихъ и вынуждали возвратиться обратно,—до такой степени они боялись соприкосновенія Кремля съ Римомъ. Устами Пигіуса говорила сама политическая мудрость. Но его совѣта не послушали.

Климентъ VII не имѣлъ представленія о тайнахъ, заключавшихся въ нѣдрахъ славянскаго міра. Италіанецъ, который былъ посланъ имъ въ Москву, сдѣлался орудіемъ въ рукахъ поляковъ, коимъ онъ предоставилъ руководить переговорами. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ папы посылали въ отдаленныя страны въ качествѣ своихъ пословъ предпочтительно простыхъ монаховъ. Лучше подготовленные и болѣе способные переносить всякія лишенія, нежели придворные прелаты, они охотнѣе промѣнивали суровую монастырскую жизнь на утомленіе и труды, сопряженные съ поѣздкою въ дальніе края. Въ данномъ случаѣ выборъ папы палъ на Джіана Франческа Цитуса (Gian Francesco Citus) изъ ордена миноритовъ, пользовавшагося славою человѣка ученаго.

Письма, коими Цитусъ былъ снабженъ при отъѣздѣ въ Москву, служатъ выраженіемъ политики римскаго двора. Въ первыхъ же строкахъ письма Климентъ VII упоминаетъ о Центуріонѣ и особенно настаиваетъ на томъ, что онъ ѣздилъ въ Москву по своимъ собственнымъ дѣламъ и никогда не былъ облеченъ папою оффиціальнымъ порученіемъ. Это было равносильно неодобренію его дѣятельности. Очевидно, въ Римѣ не хотѣли идти по стопамъ пылкаго генуезца, а предпочитали вести переговоры на совершенно иныхъ основаніяхъ. За этимъ заявленіемъ шли обычныя формулы вѣжливости, похвалы по адресу Герасимова и въ особенности самого Василія за то, что онъ отнесся со столь горячимъ участіемъ къ крестовому походу и выказалъ такую почтительность папѣ. Что касается инструкцій, данныхъ послу устно, то онѣ остались тайною.

Относительно короля польскаго послу было наказано открыться ему вполнѣ, руководствоваться его совѣтами и устроить дѣла, сообразуясь съ его интересами; это было равносильно посылкѣ въ Кремль польскаго агента.

Получивъ письма, Цатусъ отправился въ путь въ исходѣ 1525 г. въ сопровожденіи Герасимова и капеллана по имени Николая. Въ Венеціи

путешественники были приняты 17-го декабря коллегіей кардиналовъ, коимъ Цитусъ заявилъ, что онъ послалъ въ Москву папою для распространенія истинной вѣры. Что касается Герасимова, который появился на засѣданіе въ красномъ съ чернымъ одѣяніи и въ бѣлой войлочной шляпѣ на головѣ, то онъ выразилъ черезъ переводчика симпатіи великаго князя къ республикѣ и поднесъ дожу великолѣпную соболью шкуру, стоимостью въ пятьдесятъ дукатовъ.

Джіанъ Франческо пробылъ въ Венеціи нѣкоторое время, чтобы посовѣтоваться со свѣдущими людьми и запастись звонкой монетою, что̀ представляло въ шестнадцатомъ вѣкѣ одно изъ главныхъ затрудненій для путешественниковъ. Впослѣдствіи онъ горько раскаялся въ этомъ. Размѣнявъ деньги очень неудачно, онъ потерялъ большую сумму и эта задержка имѣла для него самыя непріятныя послѣдствія.

Въ Краковъ путешественники прибыли лишь 28-го февраля 1526 г. Послѣ длиннаго и утомительнаго путешествія по снѣгамъ Моравіи и Венеціи ихъ ожидало въ польской столицѣ новое разочарованіе. Король польскій уже одиннадцать дней какъ уѣхалъ въ Пруссію, королева жила за городомъ, о дѣлахъ говорить было не съ кѣмъ. Цитусъ не зналъ что дѣлать: ѣхать ли черезъ Пруссію, чтобы повидать Сигизмунда или отправиться прямо въ Москву? Обмѣнявшись курьерами съ королевою онъ отправился къ ней, чтобы посовѣтоваться съ нею лично.

Бона Сфорца, дочь герцога Миланскаго и Изабеллы Арагонской, съ которой Сигизмундъ сочетался вторымъ бракомъ, пользовалась при дворѣ большимъ вліяніемъ. Она очаровала короля своею красотою. Посланные, которымъ было поручено вести переговоры о бракѣ, донесли ему, что Бона походила скорѣе на нимфу или богиню, нежели на простую смертную. Они смѣрили ея талію, ея ножку и даже послали въ Краковъ ея сапожекъ.

Пользуясь своею властью надъ Сигизмундомъ, Бона, ловкая интриганка, съумѣла окружить себя приверженцами, создать себѣ партію и нерѣдко имѣла рѣшающее вліяніе на дѣла. Сношенія съ Москвою интересовали ее менѣе всего; поэтому она заявила папскому послу рѣшительно, что она въ нихъ не компетентна и не можетъ указать никакого образа дѣйствій, но настоятельно совѣтовала ему повидать короля.

Поѣздка въ глубь Пруссіи, гдѣ находился въ то время король, не представляла ничего привлекательнаго. Домоправитель королевы, съ которымъ Джіанъ Франческо встрѣчался въ Іерусалимѣ, сказалъ ему прямо: «готовьтесь ѣхать по пустынѣ египетской».

Дѣйствительно, въ этой пустынной странѣ, путешественники могли разсчитывать только на себя; нерѣдко приходилось ѣхать два и три дня, не встрѣтивъ ни одного жилища и не имѣя возможности достать съѣстныхъ припасовъ. Взволнованный этими разсказами, Джіанъ Франческо

съ тоскою думалъ объ Италіи но дѣлать было нечего, приходилось мириться съ обстоятельствами, запастись всѣмъ необходимымъ, купить фургонъ и, запасшись съѣстными припасами, ѣхать въ Пруссію. Герасимовъ, вначалѣ сильно протестовавшій противъ этого, рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

28-го марта путешественники прибыли въ Маріенбургъ, бывшую резиденцію гросмейстеровъ Тевтонскаго ордена, завоеванную Польшею, гдѣ находился въ то время король. По настоянію епископа, папскому послу была дана аудіенція на другой же день по пріѣздѣ, въ страстной четвергъ. Тутъ онъ услыхалъ впервые, въ чемъ именно заключалось порученіе, которое онъ долженъ былъ выполнить въ Кремлѣ. О туркахъ не было и рѣчи, точно такъ же какъ и объ уніи церквей, всѣ заботы были направлены къ заключенію съ Москвою перемирія или прочнаго мира.

Сигизмундъ I былъ не въ состояніи вести борьбу съ такимъ грознымъ соперникомъ, какъ Василій. Вѣчно стѣсненный недостаткомъ въ деньгахъ, неисправностью арміи и своеволіемъ шляхты, человѣкъ отъ природы добродушный, онъ не умѣлъ воодушевить народъ и придать ему энергію. Въ его царствованіе Габсбурги заключили браки, которые принесли имъ Богемію и Венгрію; берега Балтійскаго моря перешли къ Бранденбургскому дому. По отношенію къ Москвѣ, одержавъ надъ нею нѣсколько побѣдъ, за которыми слѣдовали пораженія, онъ держался выжидательной политики.

Въ 1522 г. было заключено перемиріе, не особенно благопріятное для поляковъ, такъ какъ важный и многолюдный Смоленскъ остался въ рукахъ русскихъ. Сигизмундъ видѣлъ съ неудовольствіемъ, что московскій флагъ развѣвался на стѣнахъ этой крѣпости. Ему хотѣлось оставить ее въ наслѣдіе своему сыну, но онъ хотѣлъ пріобрѣсти ее не силою оружія, а путемъ мирныхъ переговоровъ. Поэтому онъ былъ радъ прибытію Джіана Франческа, который предлагалъ ему свои услуги именно съ цѣлью начать переговоры о мирѣ. Желанія короля были выражены въ инструкціи, данной имъ папскому послу 10-го апрѣля 1526 года.

Во-первыхъ, Сигизмундъ настаивалъ на томъ, чтобы Василію было оффиціально заявлено, что переговоры начаты по иниціативѣ папы. Если бы Василій могъ думать, что поляки сами выпрашивали у него мира, то это было бы равносильно пораженію. Впрочемъ, Сигизмундъ, не смотря на посредничество папы не ожидалъ отъ Василія ничего добраго.

— Съ такимъ вѣроломнымъ человѣкомъ,—говорилъ онъ,—никакое соглашеніе, никакой договоръ не могутъ дать спокойствіе или внушить довѣріе.

Дѣлая попытку начать переговоры, онъ ставилъ, съ своей стороны непремѣннымъ условіемъ заключенія мира возвращеніе Смоленска. Въ противномъ случаѣ онъ соглашался заключить только перемиріе на пять или на десять лѣтъ, оставивъ самые важные вопросы нерѣшенными.

Предъявлять подобныя требованія могъ только человѣкъ, совершенно не знавшій Василія и его политическіе идеалы. Джіанъ Франческо, не смотря на всю свою опытность, съ своей стороны, понялъ, что вести переговоры на этихъ условіяхъ будетъ въ высшей степени трудно. Ему даже не пришло на умъ, что онъ можетъ дѣйствовать самостоятельно; онъ вполнѣ вошелъ въ роль простаго посредника, готоваго исполнить приказанія короля польскаго.

Въ Вильно миссія папскаго посла едва не разлетѣлась прахомъ. Литовскіе паны припомнили, что Захарій Феррери, посланный нѣкогда Львомъ X въ Москву, не былъ пропущенъ ими, и имъ вздумалось воспрепятствовать дальнѣйшему путешествію Джіана Франческа. Они опасались иностраннаго вмѣшательства и считали самымъ дѣйствительнымъ средствомъ охранять свои границы и не пропускать черезъ нихъ папскихъ пословъ. Поэтому они обратились къ королю съ просьбою пріѣхать лично для обсужденія этого вопроса, который уладился, впрочемъ, весьма скоро къ удовольствію посла: ему было разрѣшено продолжать свой путь въ таинственную Московію.

Прибывъ въ русскую столицу 20-го іюля 1526 г., онъ засталъ тамъ пословъ императора австрійскаго: Ногароли и Гербенштейна, представителей Карла V, и эрцгерцога Фердинанда, которые прибыли въ Москву за нѣсколько дней до него, и съ тою же цѣлью, какъ Джіанъ Франческо: именно склонить великаго князя къ участію въ антиоттоманской лигѣ и къ заключенію мира съ Польшею. Вначалѣ это обстоятельство не понравилось Сигизмунду, такъ какъ онъ не просилъ императора о посредничествѣ. Гербенштейнъ, одаренный отъ природы рѣдкою наблюдательностью, возбудилъ въ особенности его подозрѣніе.

Вслѣдъ за этими двумя посольствами, 14-го октября 1526 г., прибыли въ Московію послы отъ короля Сигизмунда, которыхъ уполномоченные великаго князя встрѣтили въ Можайскѣ; такимъ образомъ, Василій былъ окруженъ представителями иностранныхъ державъ; это должно было сильно возвысить его въ его собственныхъ глазахъ, ибо великіе князья московскіе придавали всегда большое значеніе собраніямъ иностранныхъ дипломатовъ.

Желая какъ можно скорѣе покончить возложенное на нихъ порученіе, послы тотчасъ принялись за дѣла. При чемъ на первомъ же засѣданіи возникло недоразумѣніе изъ-за этикета. Императорскіе послы хотѣли сидѣть выше папскаго посла подъ предлогомъ, что онъ не былъ

легатомъ, а простымъ посломъ. По этому поводу между ними, въ присутствіи русскихъ, происходили сильныя пререканія; въ концѣ концовъ Джіанъ Франческо добился того, что его признали легатомъ и предоставили ему занимать на засѣданіяхъ первое мѣсто. Всѣ симпатіи дипломатовъ были на сторонѣ поляковъ, съ коими они дѣйствовали заодно, при томъ во время переговоровъ только и было рѣчи о заключеніи мира или перемиріи.

Сначала съ той и другой стороны были предъявлены невозможныя условія: поляки требовали уступки Новгорода и Пскова. Русскіе требовали Кіева, Полоцка, Витебска и многихъ другихъ городовъ, на которые они предъявляли права, какъ на народное наслѣдіе. Когда посламъ настала очередь высказаться, то они заявили совершенно серьезно, что о подобныхъ уступкахъ нечего и думать.

Тогда заспорили о Смоленскѣ. Русскіе и поляки оказались относительно его одинаково несговорчивы. И посредники, желая помирить ихъ, предложили признать права обѣихъ сторонъ на Смоленскъ и учредить въ немъ нѣчто въ родѣ смѣшаннаго правительства и дѣлить пополамъ подати и налоги. Русскіе отвѣчали на это насмѣшками и презрѣніемъ. Впрочемъ, Василій, «изъ уваженія къ папѣ, къ Карлу V и Фердинанду», согласился отказаться отъ городовъ, которые давно уже были завоеваны поляками.

Такимъ образомъ, о заключеніи «вѣчнаго мира» нечего было и думать, такъ какъ Сигизмундъ не хотѣлъ заключить его въ томъ случаѣ, если Смоленскъ останется за русскими; русскіе также не хотѣли заключать мира, если непремѣннымъ условіемъ его было возвращеніе Смоленска. Было рѣшено заключить перемиріе. Но и тутъ возникло большое затрудненіе. Былъ поднятъ вопросъ объ обмѣнѣ плѣнныхъ, чего желали русскіе и на что не соглашались поляки.

Причина этого разногласія объясняется весьма просто: количество плѣнныхъ съ той и съ другой стороны было не одинаково, и вопросъ рѣшался въ ущербъ поляковъ и къ выгодѣ русскихъ. Не желая лишиться своихъ преимуществъ, послѣдніе особенно упорно настаивали на своихъ требованіяхъ, и если бы обмѣнъ плѣнныхъ не состоялся, то они соглашались заключить перемиріе всего на пять лѣтъ.

Хотя посредники находили, что было бы желательнѣе заключить перемиріе на болѣе долгій срокъ, но они сочли нужнымъ уступить и въ этомъ пунктѣ. Дѣло въ томъ, что великій князь, считая себя хозяиномъ положенія, не допускалъ и мысли, чтобы его могли къ чему-либо принудить, и соглашался лишь на то, что соотвѣтствовало его желаніямъ. Дипломаты убѣдились въ этомъ еще разъ, когда имъ было заявлено желаніе, чтобы ихъ имена фигурировали на оффиціальномъ мир-

номъ договорѣ. Имъ гордо отвѣчали, что это было бы нарушеніемъ всѣхъ существующихъ обычаевъ.

Посламъ пришлось уступить и этотъ разъ. Благодаря этой уступчивости, наконецъ, было заключено перемиріе на пять лѣтъ; оставалось только ратификовать его съ соблюденіемъ обычной формальности въ Краковѣ.

Лѣтописцы присовокупляютъ, что когда переговоры были окончены, то уполномоченные пили, по приглашенію великаго князя, вино изъ золотыхъ чаръ, цѣловали его руку и простились съ ними въ тотъ же день.

Одинъ только Джіанъ Франческо пробылъ въ Москвѣ нѣсколько долѣе. Цѣль, которую преслѣдовали Климентъ VII, Карлъ V и Фердинандъ, была достигнута только на половину; хотя миръ на сѣверѣ и былъ возстановленъ, но вопросъ о походѣ противъ турокъ ничуть не подвинулся впередъ. Василій ограничивался при обсужденіи его излюбленными въ Кремлѣ увѣреніями о ненависти къ невѣрнымъ и желаніи щадить христіанскую кровь. Въ душѣ онъ твердо рѣшилъ не измѣнять своей политики и поддерживать дружбу съ турками, не жертвуя, однако, ради нихъ своими отношеніями къ западнымъ державамъ.

Дѣйствительно, онъ обошелся съ Джіаномъ Франческо весьма благосклонно, бесѣдовалъ съ нимъ не только о Польшѣ, но и о Швеціи, не скупился на обѣщанія и заявилъ, что онъ заключилъ миръ съ этими двумя державами только для того, чтобы сдѣлать пріятное папѣ. Съ своей стороны, онъ просилъ Климента VII оказать ему услугу.

Онъ видѣлъ въ дѣтствѣ, какъ пріѣзжіе изъ Италіи художники и архитектора трудились, при его отцѣ, надъ украшеніемъ Москвы, онъ хотѣлъ также украсить свою столицу и, кромѣ того, хотѣлъ оживить вывозную торговлю. Для того, чтобы пріобрѣсти новые рынки и окружить себя способными людьми, было необходимо сблизиться съ Западомъ. Василій обратился къ папѣ съ просьбою помочь ему въ этомъ.

По желанію великаго князя, вмѣстѣ съ Джіаномъ Франческо отправились въ Италію два его уполномоченныхъ, Трусовъ и Лодыгинъ для того, чтобы пригласить архитекторовъ, рабочихъ, ремесленниковъ и привезти ихъ въ Москву.

Кромѣ этихъ дипломатовъ, которые, по обычаю того времени, занимались по пути прибыльною торговлею, съ ними ѣхалъ настоящій купецъ, Алексѣй Базей (Basei?), коему было поручено изучить на мѣстѣ особенности италіанской торговли.

Любопытно отмѣтить, что Василій въ шестнадцатомъ вѣкѣ примѣнилъ на практикѣ тотъ способъ, который считается современными дипломатами наиболѣе цѣлесообразнымъ для развитія международныхъ сношеній; тотъ московскій купецъ, который ѣхалъ съ Джіаномъ Франче-

ско, чтобы завязать торговыя сношенія между Сѣверомъ и Югомъ, былъ предвѣстникомъ тѣхъ торговыхъ агентовъ, которые состоятъ нынѣ при посольствахъ. Уѣзжая изъ Москвы въ сопровожденіи русскаго посла, Трусова, Джіанъ Франческо могъ похвастать оказаннымъ ему благосклоннымъ пріемомъ.

15-го февраля онъ былъ уже въ Краковѣ; король былъ весьма доволенъ достигнутымъ результатомъ и не зналъ, какъ благодарить папу и его посла: пятилѣтнее перемиріе освобождало его отъ вѣчной опасности со стороны сосѣда и давало возможность строить новые планы. Впрочемъ, всѣ его намѣренія парализовались однимъ обстоятельствомъ, которое, подобно привидѣнію, становилось поперекъ всѣхъ лучшихъ его стремленій: Польша страдала отъ истощенія финансовъ. Къ кому было обратиться въ этомъ затруднительномъ положеніи, ежели не къ папѣ, который долженъ былъ дать денегъ, коль скоро онъ просилъ солдатъ для войны съ турками? Сигизмундъ говорилъ объ этомъ откровенно съ Джіаномъ Франческо и убѣдительно просилъ его выхлопотать ему значительную сумму звонкою монетою или, по крайней мѣрѣ, похлопотать, чтобы папа разрѣшилъ ему оставлять въ своей кассѣ аннаты (папскій доходъ) и лепту св. Петра [1]). Всѣ эти деньги должны были, такъ или иначе, быть употреблены на крестовый походъ. Въ томъ же духѣ были написаны письма Клименту VII, кардиналу Пуччи и прочимъ членамъ коллегіи кардиналовъ.

Въ то время, какъ Джіанъ Франческо совершалъ свое путешествіе, въ Римѣ произошли важныя событія. Дружба Климента VII съ Карломъ V окончилась трагически; 5-го мая 1527 г. войска коннетабля Бурбонскаго взяли Римъ приступомъ. Папа заперся временно въ замкѣ св. Ангела и собирался уѣхать изъ Италіи. Римъ былъ разграбленъ; убійства, буйныя пиршества и осквернепіе храмовъ напоминали времена варварскаго нашествія.

Джіанъ Франческо былъ вынужденъ остановиться на долгое время въ Венеціи, чтобы выждать дальнѣйшій ходъ событій.

Онъ добрался до Анконы только къ концу года. Папа назначилъ состоять при немъ епископа Терамо Чіерикати (Chiericati), бывшаго чичероне Герасимова. Они должны были сопутствовать русскимъ посламъ и привезти ихъ въ Орвіето, гдѣ находился временно папскій дворъ.

Они прибыли туда въ январѣ мѣсяцѣ 1528 г. Папа былъ очень доволенъ миролюбіемъ великаго князя, пріемомъ, оказаннымъ Джіану Франческо, и, наконецъ, посольствомъ, посланнымъ въ Италію, и привезенными имъ подарками.

---

[1]) Подать, платимая папѣ.

Предложенія завязать торговыя сношенія между Москвою и Римомъ были приняты съ радостью; для купцовъ было выдано множество охранныхъ грамотъ. Что же касалось архитекторовъ и ремесленниковъ, которые, пострадавъ отъ осады, разсѣялись во всѣ стороны, то Климентъ VII могъ послать ихъ лишь самое ограниченное число.

Живя среди развалинъ Рима, папа все еще не отказывался отъ своей мечты—предпринять крестовый походъ противъ турокъ; онъ попрежнему думалъ о союзѣ христіанскихъ монарховъ, поощрялъ Василія не оставлять своихъ добрыхъ намѣреній и особенно благодарилъ его за то, что, исполняя желаніе папы, онъ заключилъ миръ съ Польшей и Швеціей. Такъ выразился Василій, и Климентъ VII принялъ его слова за чистую монету, не задаваясь особенно цѣлью провѣрить ихъ.

Въ то смутное для Италіи время пріѣздъ русскаго посольства прошелъ почти незамѣченнымъ. Трусовъ, повидимому, даже не былъ въ Римѣ; по крайней мѣрѣ, представляясь дожу въ Венеціи, онъ заявилъ, что онъ пріѣхалъ изъ Орвіето. Венеціанское правительство приняло его со своею обычною любезностью и помогло ему увезти съ собою литейщика, приглашеннаго имъ въ Москву, который былъ задержанъ по пути въ Равеннѣ. Помимо этихъ маловажныхъ подробностей, о посольствѣ Трусова въ Италіи не сохранилось никакихъ данныхъ.

Пятилѣтнее перемиріе, заключенное съ Польшею при участіи папы, было первымъ примѣромъ вмѣшательства папскаго престола въ дѣла двухъ славянскихъ народовъ, но это вмѣшательство было совершенно случайное. Призывъ къ войнѣ съ невѣрными, съ которымъ обращались къ Москвѣ папы, обыкновенно не находилъ въ ней отклика, точно такъ же, какъ и предложенія заключить миръ или перемиріе съ Польшею принимались или отвергались великими князьями, смотря по требованію ихъ политики. Было-ли, по крайней мѣрѣ, основаніе думать, что Василій былъ расположенъ къ римско-католической церкви и къ папѣ?

Онъ имѣлъ неоднократно случай высказаться по этому поводу въ то время, когда Дидрихъ Шенбергъ изображалъ ему многочисленныя выгоды, которыя могли проистечь для Россіи отъ уніи. Но великій князь отдѣлывался всякій разъ молчаніемъ или отвѣчалъ уклончиво, а въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ бывалъ вынужденъ отвѣтить ясно и опредѣленно, онъ всегда открыто признавалъ «православную вѣру» и свидѣтельствовалъ о своей преданности къ вѣрѣ своихъ предковъ.

Эти слова, какъ доказали факты, были искренни. Что касается личныхъ чувствъ Василія къ папѣ, то, не смотря на любезный пріемъ, оказанный его послу, и на посольство, отправленное въ Римъ, великій князь, по словамъ безпристрастнаго Герберштейна, питалъ къ папѣ особую ненависть и такъ мало помышлялъ признать его всемірное

главенство, что называлъ его просто-на-просто докторомъ римской церкви.

Хотя бы великій князь относился къ папѣ и не столь враждебно, его сближенію съ Римомъ могло помѣшать одно обстоятельство.

Женатый съ юныхъ лѣтъ на Саломоніи Сабуровой, Василій не имѣлъ дѣтей и съ грустью думалъ о томъ, что его родъ могъ пресѣчься. Тронутые его жалобами, бояре совѣтовали ему развестись съ супругою,—фактъ дотолѣ неслыханный въ великокняжеской семьѣ, и который могъ вызвать неудовольствіе народа. Однако, Василій, не видя инаго исхода, рѣшился на это послѣ долгихъ колебаній. Саломонія была заточена въ монастырь, и митрополитъ Даніилъ, послушный волѣ монарха, согласился благословить Василія на бракъ съ Еленой Глинской, молодой и прекрасной литвинкой.

Это произошло въ 1527 г., въ то самое время, когда Джіанъ Франческо велъ въ Москвѣ переговоры о перемиріи съ Польшею.

Изо всего вышесказаннаго вытекаетъ ясное заключеніе: въ Римѣ не имѣли яснаго представленія объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Московскомъ государствѣ. Въ этомъ, конечно, нельзя винить папу и его совѣтниковъ. Дальность разстоянія и трудность путей сообщенія, въ связи съ ложными слухами, которые время отъ времени распространялись въ Европѣ и Москвѣ, вполнѣ объясняютъ это. Такимъ образомъ, въ Римѣ выработалась по отношенію Москвы традиціонная политика, опиравшаяся на совершенно ложныхъ основаніяхъ.

XII.

Вступленіе на престолъ Іоанна IV.—Коронованіе его.—Принятіе имъ титула царя и самодержца всея Россіи.—Бракосочетаніе Іоанна съ Анастасіею Романовною.—Пожаръ въ Москвѣ и его послѣдствія.—Отношеніе Россіи къ западнымъ державамъ.—Гансъ Шлитте и его посылка въ Германію.—Вопросъ о соединеніи церквей.—Интриги польскаго короля Сигизмунда.—Отношенія Россіи къ Польшѣ.

Въ 1547 году Москва была свидѣтельницею большихъ народныхъ празднествъ и торжествъ и въ то же время сдѣлалась жертвою страшныхъ бѣдствій.

Юный монархъ, Іоаннъ IV, имѣлъ однажды продолжительную бесѣду съ митрополитомъ Макаріемъ, который вышелъ изъ царскихъ покоевъ, сіяя отъ радости. Немедленно были созваны бояре, и имъ была сообщена радостная вѣсть; царь рѣшилъ короноваться и вступить въ бракъ.

Поклонникъ византійскихъ традицій, Іоаннъ IV придавалъ обряду коронованія великое значеніе. Оно было совершено 16-го января 1547 г. со всевозможной пышностью и великолѣпіемъ, при огромномъ стеченіи народа и громкомъ звонѣ колоколовъ. Епископы, священники, монахи, усердно молили въ этотъ день Господа о томъ, чтобы монархъ правилъ ими вѣрою и правдою, чтобы онъ былъ отцомъ неимущихъ и покровителемъ церкви. По совершеніи коронованія, бояре трижды осыпали Іоанна золотыми монетами съ пожеланіями ему счастья и долгоденствія. Лѣтописцы присовокупляютъ, что онъ сталъ называться съ того дня «царемъ и великимъ княземъ, самодержцемъ всея Россіи».

И дѣйствительно, царскій титулъ, упоминавшійся до той поры лишь изрѣдка, начинаетъ появляться во всѣхъ граматахъ. Чтобы придать титулу болѣе торжественности и святости, къ нему стали присоединять мистическое упоминаніе о Св. Троицѣ и перечисленіе земель, пріобрѣтенныхъ Москвою.

Въ это время была въ особомъ почетѣ генеалогія, по которой Іоаннъ IV велъ свое происхожденіе по прямой линіи отъ императора Августа. По словамъ легенды, римскій цезарь раздѣлилъ міръ между своими ближайшими родственниками и назначилъ своему брату Пруссу бассейнъ Вислы и Нѣмана; Рюрикъ, основатель династіи русскихъ царей, былъ прямымъ потомкомъ Прусса.

Константинопольскій патріархъ Іосафъ торжественно призналъ верховныя права московскаго царя и подтвердилъ въ 1561 г. царственное достоинство потомковъ супруги великаго князя Владиміра, принцессы Анны, сестры византійскихъ императоровъ Василія и Константина. Іоаннъ не подозрѣвалъ, что на патріаршей граматѣ было всего двѣ подлинныя подписи: остальныя тридцать пять подписей были поддѣльныя.

Что касалось брака, то приготовленія къ нему дѣлались во всемъ согласно со старинными обычаями, напоминавшими библейскіе разсказы и византійскіе нравы; царь долженъ былъ избрать себѣ невѣсту изъ тысячи дѣвушекъ. Съ этой цѣлью самымъ знатнымъ семьямъ было приказано, подъ страхомъ смертной казни, въ случаѣ ослушанія прислать своихъ дочерей въ ближайшій къ ихъ мѣсту жительства городъ, гдѣ ихъ осматривали уполномоченные царя, получившіе самыя подробныя инструкціи. Послѣ этого счастливыя избранницы отвозились въ Москву и помѣщались въ обширномъ зданіи, гдѣ ихъ смотрѣлъ самъ царь въ сопровожденіи пожилаго боярина и дѣлалъ выборъ. Условнымъ знакомъ избранія былъ платокъ или обручальное кольцо, которое онъ давалъ избранницѣ.

Выборъ Іоанна палъ на Анастасію Романовну, дѣвушку несравненной красоты, славившуюся многими добродѣтелями.

Свадьба была отпразднована съ чисто-азіатскимъ великолѣпіемъ 13-го февраля 1547 г. Кремль и Москва ликовали въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ на столицу обрушилось страшное бѣдствіе. Москва была истреблена пожаромъ. Тѣсно скученные деревянные дома первые сдѣлались жертвою пламени, затѣмъ произошелъ взрывъ пороховыхъ погребовъ; всѣ улицы были загромождены развалинами. По словамъ лѣтописца, число жертвъ, погибшихъ въ пламени, доходило, не считая дѣтей, до семи тысячъ; что касается матеріальныхъ жертвъ, то онѣ были неисчислимы. Огонь не пощадилъ ничего: ни казеннаго, ни церковнаго имущества, ни иконъ, столь чтимыхъ нашими предками, ни частнаго имущества, ни запасовъ хлѣба. При видѣ этого страшнаго бѣдствія, народъ, бродившій среди развалинъ безъ крова и пищи, былъ объятъ суевѣрнымъ страхомъ. Среди него стали ходить зловѣщіе слухи; говорили о колдовствѣ, виновныхъ называли по именамъ; самыя тяжкія обвиненія были возведены на Глинскихъ, близкихъ родственниковъ царя по матери.

— Это наколдовала, — говорилъ народъ, — княгиня Анна, бабушка Іоанна. Видѣли, какъ она вырывала изъ земли трупы, вырѣзывала изъ нихъ сердце, погружала въ воду и поливала улицы этой ядовитой жидкостью. Вотъ истинная и единственная причина пожара.

Эти нелѣпые слухи переходили изъ устъ въ уста; страсти разгорались, и на развалинахъ пылавшаго еще города виталъ духъ мятежа.

Народъ волновался; одинъ изъ сыновей Анны, Юрій, былъ растерзанъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ искалъ убѣжища; вотчины Глинскихъ были разграблены, ихъ слуги избиты и умерщвлены; послѣ чего народъ, опьянѣвъ отъ крови, съ шумомъ и гамомъ двинулся къ Воробьевымъ горамъ, гдѣ Іоаннъ съ трепетомъ ожидалъ, чѣмъ разрѣшится волненіе. Обступивъ дворецъ, толпа съ громкими криками требовала, чтобы ей выдали Анну; всѣмъ Глинскимъ угрожала смерть. Мятежъ былъ подавленъ только вооруженной силой и потоками крови.

Эти событія, весьма важныя сами по себѣ, пріобрѣли особое значеніе въ виду того, что подъ ихъ вліяніемъ въ душѣ кровожаднаго и жестокосерднаго Іоанна, съ самыхъ юныхъ лѣтъ предававшагося всевозможнымъ излишествамъ, совершился крупный переворотъ.

Когда на Москву обрушилось вышеупомянутое бѣдствіе, извѣстный проповѣдникъ Сильвестръ смѣло изобличилъ царя въ его преступной жизни, приписывалъ ему всѣ бѣдствія, отъ коихъ страдалъ народъ, и увѣщевалъ его покаяться. Іоаннъ, взволнованный и напуганный, поддался его увѣщаніямъ.

По совѣту Сильвестра и нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ людей, во

главѣ коихъ стоялъ Алексѣй Адашевъ, былъ созванъ земскій соборъ, въ присутствіи котораго Іоаннъ далъ слово исправиться. Предшествуемый крестомъ и святыми иконами, окруженный епископами и боярами, онъ вышелъ къ народу, выразилъ строгое порицаніе лицамъ, правившимъ государствомъ, просилъ забыть прошлое, обѣщалъ впредь выслушивать жалобы и оказать всѣмъ справедливость. Эти слова не были пустымъ обѣщаніемъ: царствованіе юнаго монарха ознаменовалось рядомъ славныхъ дѣлъ и побѣдъ.

Къ этому же времени относятся первыя сношенія Іоанна IV съ Западомъ. Царь желалъ, чтобы его подданные воспользовались успѣхами западной цивилизаціи. Это не значитъ, что онъ былъ свободенъ отъ предразсудковъ, по отношенію къ иностранцамъ; напротивъ, онъ относился къ нимъ крайне недружелюбно, но понималъ, что русскимъ нужны были учители, которые научили бы ихъ вести борьбу не только съ западными сосѣдями, но и съ татарскими ордами, которыя, благодаря своей численности, побѣждали самыхъ храбрыхъ противниковъ, и которыхъ можно было побѣдить, только при помощи военнаго искусства.

Въ числѣ немногихъ иностранцевъ, появившихся въ то время въ Москвѣ, былъ нѣмецъ Гансъ Шлитте, или Слитте, какъ онъ себя называетъ, уроженецъ Ганновера. Это былъ человѣкъ умный, немного мечтатель, болѣе способный составлять грандіозные проекты, нежели приводить ихъ въ исполненіе. Подобно многимъ людямъ шестнадцатаго вѣка, онъ покинулъ свою родину, чтобы искать счастья въ чужихъ краяхъ, и, прибывъ въ Москву, изучилъ русскій языкъ и былъ представленъ царю, который рѣшилъ имъ воспользоваться, чтобы, по примѣру своего отца и дѣда, послать его въ Германію, съ порученіемъ пригласить оттуда свѣдущихъ людей, которые могли бы научить русскихъ наукамъ, искусствамъ и ремесламъ. Въ патентахъ, выданныхъ Шлитту съ этой цѣлью въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1547 г., не упоминалось ни о дѣлахъ церкви, ни о богословахъ,—обстоятельство, которое надобно особенно отмѣтить, въ виду дальнѣйшихъ дѣйствій Шлитте, который, въ письмѣ къ королю датскому отъ 25-го января 1554 г. писалъ, что ему было поручено пригласить также нѣсколько докторовъ и ученыхъ, свѣдущихъ въ священномъ писаніи, и ссылался при этомъ на свои патенты, въ которыхъ такъ же, какъ и въ прочихъ документахъ, не говорится ничего подобнаго.

Съ письмами и патентами, Шлитте явился къ Карлу V, который находился въ то время въ Аугсбургѣ на сеймѣ. Это было въ январѣ мѣсяцѣ 1548 г., вскорѣ послѣ блестящей побѣды, одержанной императоромъ надъ протестантами, подъ Мюльбергомъ, когда онъ мечталъ объ основаніи обширной католической монархіи.

Шлитте съумѣлъ обратить на себя вниманіе Карла V и снискать его благосклонность. Во-первыхъ, желая придать себѣ бо̀льшее значеніе, онъ принялъ самовольно громкое имя Шлитте фонъ-Шлиттенбергъ и титулъ императорскаго совѣтника, главнаго коммиссара, иногда называлъ себя даже посломъ.

Шлитте, пріѣхавшій въ Германію съ особымъ порученіемъ одинъ, безо всякой свиты, не могъ быть облеченъ званіемъ посла.

Тѣмъ не менѣе, къ его словамъ отнеслись съ полнымъ довѣріемъ. Онъ утверждалъ, что Іоаннъ IV раздѣляетъ чувства своего покойнаго отца Василія III и готовъ изъявить свою покорность папѣ и присоединиться къ латинской церкви, а это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало грандіознымъ планамъ Карла V.

Шлитте торжествовалъ. 30-го января 1548 г. ему были даны полномочія, чтобы навербовать людей ученыхъ и всякаго рода ремесленниковъ; кромѣ того, императоръ поручилъ ему отвезти Іоанну отвѣтное письмо, въ которомъ онъ разсыпался въ похвалахъ цивилизаторскимъ стремленіямъ царя, но не касался даже намекомъ вопроса о религіи.

Шлитте успѣлъ довольно скоро набрать сто двадцать три человѣка, которые должны были внести въ Москву свѣтъ западнаго просвѣщенія. Во главѣ списка красовались имена четырехъ богослововъ, о которыхъ не упоминалось въ оффиціальныхъ документахъ, и коихъ право славный царь навѣрно не поручалъ ему пригласить.

Вначалѣ путешествіе Шлитте и его спутниковъ шло благополучно, но въ Любекѣ счастье измѣнило путешественникамъ. Ганза и ливонцы, прослышавъ объ этомъ дѣлѣ, побоялись, что ихъ торговля пострадаетъ, если многіе иностранцы проникнутъ въ Москву, и приняли соотвѣтственныя мѣры.

Не смотря на охранный листъ, выданный императоромъ, Шлитте не могъ продолжать своего путешествія; онъ былъ задержанъ вслѣдствіе жалобъ, поданыхъ на него кредиторами, и заключенъ въ тюрьму въ Любекѣ, а его спутники, лишившись своего руководителя, разбрелись во всѣ стороны. Шлитте дважды пытался изъ тюрьмы дать о себѣ знать Іоанну, но безуспѣшно; точно также всѣ попытки его родныхъ и герцога Георга Силезскаго освободить его не привели ни къ чему. Просидѣвъ въ тюрьмѣ два года, Шлитте удалось бѣжать, какъ онъ говоритъ, какимъ-то чудомъ. Новая опасность ожидала его въ Рассбергѣ, гдѣ онъ нашелъ убѣжище. Жители г. Любека, возмущенные его побѣгомъ, требовали его выдачи, и ему съ великимъ трудомъ удалось избѣгнуть вторично тюрьмы.

Но эти невзгоды не лишили Шлитте энергіи и бодрости. Въ 1550 г. онъ снова принялся за осуществленіе своихъ плановъ. Посылая въ

*

Германію своего уполномоченнаго, царь имѣлъ въ виду привлечь въ Кремль только ученыхъ и артистовъ.

Во время своего пребыванія за границею Шлитте не имѣлъ переписки съ Москвою, слѣдовательно, въ возложенномъ на него порученіи не произошло никакой перемѣны, и если онъ преслѣдовалъ новыя цѣли, то надобно полагать, что это было сдѣлано имъ вполнѣ самовольно и даже безъ вѣдома царя.

Изъ наблюденій, сдѣланныхъ Шлитте во время пребыванія въ Москвѣ, онъ убѣдился, что между православной и латинской церковью существовало небольшое различіе, и вывелъ изъ этого заключеніе, что унія между обѣими церквами была дѣломъ возможнымъ.

«За исключеніемъ нѣкоторыхъ обрядовъ, царь признаетъ тѣ же главные догматы христіанской вѣры, какъ и мы»,—писалъ онъ датскому королю Христіану III,—«ученые богословы могли бы склонить его къ соединенію съ католической апостольской церковью».

Результатомъ его размышленій и наблюденій по этому поводу былъ проектъ примирить Іоанна IV съ папою и ввести въ Москвѣ католицизмъ. Но несостоятельный должникъ, только-что вышедшій изъ тюрьмы, не могъ льстить себя надеждою, что ему удастся благополучно довершить столь важное дѣло. Поэтому Шлитте рѣшилъ предоставить выполненіе этого плана другому.

Договоръ, заключенный имъ съ этой цѣлью въ г. Минденѣ, 1-го августа 1550 г., съ австрійскимъ дворяниномъ Іоганномъ Штейнбергомъ, былъ основанъ на категоричномъ заявленіи Шлитте, что царь Іоаннъ, не смотря на неудачу, постигшую планы его отца Василія III, твердо рѣшилъ заключить унію съ Римомъ, что̀ будетъ имѣть послѣдствіемъ торжество католической вѣры въ Москвѣ. Изложивъ въ общихъ чертахъ испытанныя имъ неудачи и возблагодаривъ Провидѣніе за освобожденіе свое изъ тюрьмы, онъ далъ Штейнбергу, въ силу особаго царскаго указа, званіе «латинскаго и нѣмецкаго» канцлера царя (chancelier latin et allemand du tzar), уполномочилъ его вести всѣ дѣла Московскаго государства, въ особенности же вести съ папою и императоромъ переговоры о вопросахъ религіи. Штейнбергъ, съ своей стороны, обязался предпринять какъ можно скорѣе, на свой счетъ, поѣздку въ Римъ и выхлопотать, если будетъ возможно, у папы грамоту на унію.

Получивъ эту драгоцѣнную грамоту, Шлитте хотѣлъ поспѣшить въ Москву, чтобы воспользоваться плодами своихъ трудовъ.

Таково приблизительно содержаніе документа, къ которому нельзя отнестись иначе, какъ съ величайшимъ недовѣріемъ; во-первыхъ, Іоаннъ никогда не имѣлъ въ мысляхъ принять католическую вѣру, во-вторыхъ, право Шлитте жаловать Штейнберга въ канцлеры такъ же сомнительно, какъ и присвоенное имъ званіе посла.

Въ древней Московіи подобныхъ примѣровъ не бывало. Кремлевскіе дипломаты не получали такихъ обширныхъ полномочій; тѣмъ менѣе можно допустить, чтобы Іоаннъ III поручилъ столь важное дѣло иностранцу и далъ бы ему такія обширныя полномочія. Какъ бы то ни было, съ появленіемъ на сцену Штейнберга, дѣло приняло иной оборотъ. Выборъ посредника оказался въ высшей степени удачнымъ; онъ имѣлъ связи при Вѣнскомъ дворѣ, у него были тамъ покровители, онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ нунціемъ Петромъ Бертано и горѣлъ желаніемъ быть полезнымъ; поэтому онъ отнесся совершенно серьезно къ своимъ канцлерскимъ обязанностямъ.

Какъ человѣкъ умный, онъ позаботился прежде всего обезпечить себѣ матеріальныя средства; графъ Филиппъ Эберштейнъ предложилъ ему свой кошелекъ и свое содѣйствіе подъ условіемъ, если папа возвратитъ ему старинное аббатство въ Виртембергѣ, принадлежавшее нѣкогда его предкамъ.

Тогда Штейнбергъ рѣшилъ немедленно отправиться въ Римъ. Успѣхъ его ходатайства зависѣлъ во многомъ отъ хорошихъ рекомендацій; въ этомъ отношеніи московскому «канцлеру» удивительно повезло. По его просьбѣ, Карлъ V написалъ 13-го сентября 1551 г. папѣ письмо, горячо убѣждая его содѣйствовать соединенію церквей и суля ему вѣчную славу, если ему удастся совершить это великое дѣло, которое могло имѣть неисчислимыя послѣдствія и было бы залогомъ союза противъ турокъ, владѣющихъ Святою землею. Императоръ выражалъ надежду, что папа Юлій III благосклонно приметъ царскаго канцлера и обратитъ на его слова должное вниманіе. Императорскому послу въ Римѣ были даны соотвѣтствующія приказанія.

Подобныя же доброжелательныя чувства были выражены и въ депешахъ венеціанскаго нунція Петра Бертано, который давно интересовался Москвою. Подкупленный убѣжденіями вновь испеченнаго канцлера, котораго онъ считалъ посвященнымъ въ московскія дѣла, увлекшись, подобно Карлу V, блестящимъ призракомъ единства христіанскаго міра, Бертано наивно предавался самымъ неосновательнымъ надеждамъ. Ему казалось, что унія Россіи и Рима была дѣломъ вполнѣ возможнымъ, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ IV будто бы дѣлалъ уже попытку вести объ этомъ переговоры съ Сигизмундомъ-Августомъ, но, замѣтивъ нѣкоторое разногласіе въ обрядахъ и церковномъ обиходѣ, онъ предпочелъ обратиться непосредственно къ самому папѣ.

Письма, которыя Штейнбергъ везъ съ собою въ Римъ, сулили ему успѣхъ, а пріемъ, оказанный ему въ вѣчномъ городѣ, куда онъ прибылъ въ исходѣ 1551 г., еще болѣе оживилъ его надежды.

Императоръ пользовался въ то время у папы значительнымъ вліяніемъ, и св. отецъ считалъ долгомъ сообразоваться въ своей политикѣ

съ политикой императора. Въ добавокъ Штейнбергъ встрѣтилъ въ Римѣ покровительствовавшаго ему Петра Бертано, который получилъ въ это время званіе кардинала.

Дѣятельность московскаго «канцлера» выразилась въ пространныхъ запискахъ, которыя онъ представилъ папѣ и кардиналамъ. Содержаніе этихъ записокъ было неизмѣнно одно и то же.

Штейнбергъ распространялся въ нихъ о проектѣ уніи съ Римомъ, возникшемъ при Василіи III, и который не былъ осуществленъ вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Объ этомъ проектѣ упоминаетъ и Карлъ V въ полномочіяхъ, данныхъ имъ Шлитте и въ письмѣ къ Юлію III; то же высказываютъ и другіе современные авторы.

Откуда могли исходить подобные слухи?

Лично Василій III относился къ папѣ враждебно. Герасимовъ и Трусовъ отправились въ Римъ по приглашенію папы, единственно съ цѣлью установить торговыя сношенія и пригласить изъ Италіи художниковъ и ремесленниковъ. Между тѣмъ всякій разъ какъ русскіе послы появлялись въ Римѣ, въ Европѣ распространялись таинственные слухи, говорили о данныхъ имъ въ высокой степени важныхъ инструкціяхъ и подозрѣвали, что рѣчь шла о церковной уніи.

Весьма возможно, что эти слухи распространялись самими посланными Василія, Шенбергомъ, Центуріоне, Вольпою, Джисларди и т. д. Шлитте говорилъ въ томъ же духѣ, а званіе посла придавало его словамъ еще болѣе вѣса.

Штейнбергъ просилъ у папы королевской короны для Іоанна и назначенія въ Россію примаса. «Король и примасъ трудились бы сообща надъ соединеніемъ церквей,—говорилъ онъ,—изъ Россіи посылались бы въ Римъ время отъ времени посольства, и папа, возстановивъ на сѣверѣ миръ, могъ бы организовать крестовый походъ противъ турокъ и татаръ и ввести новую систему политическаго равновѣсія и союзовъ».

Штейнбергъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы для окончанія дѣла въ Москву былъ посланъ папою онъ самъ вмѣстѣ съ графомъ Эберштейномъ. Съ точки зрѣнія дипломатической, это требованіе удивительно. Штейнбергъ, облеченный Шлитте званіемъ канцлера царя Іоанна, выражалъ желаніе быть посланнымъ въ качествѣ папскаго посла къ своему собственному монарху, чтобы ратификовать въ Москвѣ условія, подписанныя въ Римѣ. Это курьезное обстоятельство не возбудило ни въ комъ подозрѣнія, вѣроятно только потому, что въ Римѣ были поражены обширностью проекта, который приписывали самому Іоанну IV.

Какъ бы то ни было, вопросъ, поднятый Штейнбергомъ, обсуждался съ самаго начала, какъ дѣло государственное. Для разсмотрѣнія записокъ, представленныхъ имъ папѣ и кардиналамъ, была назна-

чена особая коммиссія изъ кардиналовъ Червини, Пачеко, дю-Пюи, Маффеи и Пигини. Дѣло приходило уже къ концу, какъ вдругъ случидось одно обстоятельство, едва не испортившее все. До тѣхъ поръ переговоры велись въ величайшей тайнѣ и подвигались довольно медленно, какъ всѣ дѣла римской куріи. Но въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1552 г. мнимая московская тайна была открыта оффиціально полякамъ. По повелѣнію папы, кардиналъ Маффеи, вице-протекторъ Польши, передалъ секретно Конарскому, въ отсутствіи протектора Александра Фарнезе, копіи съ письма Карла V и проектовъ Штейнберга, а также письмо на имя короля польскаго, въ которомъ кардиналъ выразилъ слѣдующимъ образомъ двоякую цѣль, которую преслѣдовалъ папа, вступая въ сношеніе съ Іоанномъ: сближаясь съ Россіей, св. отецъ хотѣлъ привлечь въ лоно католической церкви новаго члена и дать Польшѣ мирнаго сосѣда; впрочемъ, присовокуплялъ кардиналъ, никакое рѣшеніе не будетъ принято, не посовѣтовавшись предварительно съ королемъ; пусть онъ обсудитъ это дѣло и выскажетъ откровенно свое мнѣніе.

Адамъ Конарскій, оффиціальный представитель Сигизмунда II въ Римѣ, не питалъ никакой симпатіи къ Москвѣ. Однажды за обѣдомъ у кардинала Медичи къ нему обратились съ вопросомъ сообщить то, что ему извѣстно объ этой странѣ, и онъ поспѣшилъ, вмѣсто отвѣта, прочесть нѣсколько страницъ изъ Герберштейна. Мѣткія и остроумныя замѣчанія австрійскаго дипломата чрезвычайно заинтересовали присутствующихъ, какъ вдругъ они услышали, что великій князь Василій III питалъ величайшую въ душѣ вражду къ папѣ. Скандализированный Медичи велѣлъ тотчасъ прекратить чтеніе, но оно было принято къ свѣдѣнію. Сообщенія Маффеи показались Конарскому чрезвычайно важными, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ, какъ говорилъ Маффеи, съ нетерпѣніемъ ожидали королевскую корону. Онъ поспѣшилъ увѣдомить обо всемъ Сигизмунда.

Можно себѣ представить, какъ эти свѣдѣнія встревожили короля польскаго.

Политика Іоанна III пробудила вѣковую вражду, существовавшую между двумя славянскими народами. Католическая Польша представляла во всѣхъ отношеніяхъ совершенную противоположность Московіи, напоминавшей Византію своими традиціями, вѣрованіями и нравами, а съ тѣхъ поръ, какъ великій князь провозгласилъ, что при опредѣленіи границъ между обоими государствами долженъ быть принятъ во вниманіе этнографическій принципъ, вражда, существовавшая между ними, усилилась изъ-за русскихъ провинцій, коими владѣла Польша или коихъ она добивалась.

Помимо этого, были и другія обстоятельства, поддерживавшія неудовольствіе съ той и съ другой стороны. Громкій царскій титулъ, который присвоилъ себѣ Іоаннъ IV, вызвалъ сильное неудовольствіе Си-

гизмунда и сдѣлался источникомъ безконечныхъ столкновеній между обоими дворами. Русскіе, при малѣйшемъ отступленіи отъ тѣхъ формулъ, на коихъ они настаивали, отказывались принять письма короля и вести переговоры; гордость москвитянъ не допускала никакихъ уступокъ. На тайномъ совѣтѣ бояръ было рѣшено не обсуждать письменно вопроса о царскомъ титулѣ, но за то Іоаннъ постоянно ссылался на завоеваніе Казани, вспоминалъ о Владимірѣ Святомъ и о Владимірѣ Мономахѣ, даже объ императорѣ Августѣ. Сигизмундъ, не признавая этихъ доказательствъ довольно вѣскими, заявлялъ, что царскій титулъ, присвоенный Іоанномъ, заставляетъ предполагать, что императоръ и папа изъявили на него свое согласіе; на что бояре отвѣчали торжественно, что то и другое давно уже получено.

И вдругъ Сигизмунду было сообщено оффиціально о томъ, что въ Римъ прибылъ Штейнбергъ, что православный царь выражалъ готовность принять истинную вѣру, просилъ папу дать ему королевскую корону и что его просьбу поддерживаетъ самъ императоръ. Свѣдѣнія одно невѣроятнѣе другаго и совершенно необъяснимыя.

Была-ли это какая-нибудь уловка со стороны австрійскаго дома, или же это былъ коварный поступокъ со стороны самого Іоанна?

Всѣ эти предположенія тѣснились въ головѣ Сигизмунда, онъ не зналъ, на что рѣшиться, и просилъ у кардинала Маффеи дать ему срокъ, чтобы посовѣтоваться съ сенаторами и выяснить этотъ вопросъ.

Прежде всего Сигизмундъ повѣрилъ свои недоумѣнія Радзивиллу и герцогу прусскому Альберту, и просилъ ихъ совѣта относительно того, какъ дѣйствовать далѣе. Мечты Іоанна о католической вѣрѣ тревожили его менѣе, нежели вмѣшательство въ дѣло Карла V; но какъ заклятый врагъ Москвы, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало обнаружить лицемѣріе Іоанна, а для этого было необходимо, чтобы папа поставилъ царю такія тяжелыя условія, которыя онъ не могъ бы принять, не рискуя спокойствіемъ государства. А если бы Римъ и Москва пришли къ соглашенію безъ вѣдома Польши, то, по мнѣнію короля, слѣдовало дѣйствовать рѣшительно, войти въ соглашеніе съ датчанами и ливонцами и задержать на границѣ посланца, который повезетъ Іоанну корону.

Радзивиллъ во всемъ соглашался съ королемъ. Что же касается Альберта, двоюроднаго брата Сигизмунда, то его отвѣтъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Еще весьма недавно онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Риму и къ московскому царю, и былъ готовъ воевать съ турками и допустить коронованіе Василія III папою. Событія измѣнили его взгляды, и въ его отвѣтѣ королю проглядывало большое равнодушіе къ Москвѣ, ненависть къ императору и папѣ и крайняя неразборчивость въ средствахъ. Герцогъ совѣтовалъ Сигизмунду послать одновременно два посольства, одно папѣ, другое императору съ

энергическимъ протестомъ противъ посылки Іоанну королевской короны. А ежели бы это оказалось неизбѣжнымъ, то надобно было заставить Іоанна возвратить полякамъ захваченныя имъ провинціи, обезпечивъ этимъ прочный миръ между Россіей и Польшей. Но вслѣдъ затѣмъ въ его письмѣ проглядываетъ желаніе вырыть пропасть между папою и русскими. Съ этой цѣлью Альбертъ предлагалъ послать въ Москву секретно поляковъ или литовцевъ съ порученіемъ «очернить апостольскую церковь» и сдѣлать «папскую власть ненавистною» Іоанну, изобразивъ ее самыми черными красками, и дать понять Іоанну, что власть папы будетъ для русскихъ тяжелымъ игомъ.

Какъ только они присягнутъ папѣ и признаютъ его власть, онъ потребуетъ отъ нихъ, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, тяжкой дани. «Къ этому можно будетъ прибавить,—холодно продолжалъ герцогъ,—еще болѣе гнусныя обвиненія, смотря по людямъ и по времени».

«Если распространить подобнаго рода слухи,—писалъ онъ,—то у Іоанна отпадетъ желаніе вести переговоры съ Римомъ, и, во всякомъ случаѣ, это затруднитъ ихъ. Чтобы затруднить пропускъ римскихъ посланныхъ черезъ Данію и Ливонію, Альбертъ совѣтовалъ прибѣгнуть къ разнымъ коварнымъ мѣрамъ и хитростямъ».

Всѣ его совѣты, за исключеніемъ навѣтовъ, къ которымъ Сигизмундъ не согласился прибѣгнуть, были приняты королемъ, который исполнилъ ихъ въ точности. Въ исходѣ января 1553 года дѣло было доведено до свѣдѣнія польскаго сейма, засѣдавшаго въ Краковѣ, на которомъ было рѣшено войти по этому поводу въ переговоры съ императоромъ и папою.

Для переговоровъ съ австрійскимъ домомъ былъ избранъ Николай Радзивиллъ, литовскій канцлеръ и великій маршалъ. Благодаря своему имени, талантамъ, энергичному характеру и занимаемому имъ положенію, Радзивиллъ принадлежалъ къ числу знатнѣйшихъ лицъ воинственной Литвы, о независимости которой онъ мечталъ и которая послѣ его смерти накрѣпко соединилась съ Польшею на Люблинской уніи. Съ королемъ его соединяли прочныя узы: овдовѣвъ, Сигизмундъ влюбился въ двоюродную сестру Николая Радзивилла, Варвару, бывшую замужемъ за каштеляномъ Гаштольдомъ и также рано овдовѣвшую.

Узнавъ объ этомъ, семейство Радзивилловъ взволновалось; и маршалъ, явившись къ королю вмѣстѣ съ братомъ красавицы Варвары, заявилъ ему рѣшительно, что ихъ родственница никогда не будетъ ни чьей, хотя бы даже королевской любовницей. Страсть Сигизмунда была такъ сильна, что онъ предпочелъ тайно повѣнчаться съ избранницею своего сердца и, вступивъ на престолъ, раздѣлилъ съ нею корону, не смотря на энергичный протестъ дворянства и духовенства.

Въ силу этихъ обстоятельствъ, Николай сдѣлался лучшимъ другомъ

и совѣтникомъ Сигизмунда и съумѣлъ удержать свое вліяніе на него и при дворѣ даже по смерти своей двоюродной сестры.

Прежде, нежели отправиться для переговоровъ къ Карлу V, Радзивиллъ долженъ былъ заручиться содѣйствіемъ короля римскаго Фердинанда I, къ которому у него было и другаго рода порученіе.

Варвара Радзивиллъ, умирая, умоляла своего супруга жениться вторично, чтобы корона Польши осталась въ домѣ Ягеллоновъ, такъ какъ у Сигизмунда еще не было наслѣдника. Вѣрный данному ей слову, Сигизмундъ подумывалъ въ 1553 г. о новомъ бракѣ съ эрцгерцогиней Екатериной, вдовою герцога Мантуанскаго и дочерью Фердинанда. Ему было извѣстно, что его предложеніе будетъ принято австрійскими Габсбургами благосклонно; оставалось воспользоваться ихъ расположеніемъ, чтобы убѣдить короля римскаго замолвить слово за Сигизмунда его брату, императору Карлу V. Съ этимъ двоякимъ порученіемъ Радзивиллъ явился 17-го марта 1553 г. ко двору Фердинанда.

Можно себѣ представить, каково было изумленіе послѣдняго, когда онъ узналъ о жалобахъ Сигизмунда, высказанныхъ откровенно въ длинной дипломатической нотѣ. Поддержка, оказанная москвитянамъ Карломъ V, изображалась въ ней противной взаимнымъ отношеніямъ дружбы, существовавшимъ между Польшею и австрійскимъ домомъ, и даже заключеннымъ между ними союзнымъ договорамъ.

«Унія съ Римомъ,—говорилъ польскій посолъ,—есть только предлогъ, чтобы добиться королевской короны; не слѣдуетъ обольщаться этимъ обманчивымъ обѣщаніемъ; еще менѣе можно разсчитывать на помощь москвитянъ противъ турокъ; дальность разстоянія, предубѣжденіе противъ Запада, ненависть къ латинянамъ всегда будутъ достаточнымъ предлогомъ для вынужденнаго или добровольнаго бездѣйствія». Это подтверждалось ссылками на прошлое. Записка оканчивалась высокомѣрною просьбою добиться того, чтобы императоръ не только отказался отъ содѣйствія русскимъ, но, чтобы онъ выразилъ папѣ свое настоятельное желаніе, чтобы русскимъ было отказано въ ихъ просьбѣ.

Все сказанное посломъ произвело сильное впечатлѣніе на Фердинанда, который желалъ сдѣлать пріятное монарху, искавшему себѣ невѣсту. Въ исторіи Габсбурговъ брачные союзы играли, какъ извѣстно, большую роль; благодаря имъ, Австрія пріобрѣла болѣе земель, нежели силою оружія. Нѣжный отецъ, Фердинандъ интересовался гораздо болѣе бракомъ своей дочери Екатерины, нежели докучливыми дѣлами Москвы. Записка Радзивилла была поспѣшно передана имъ Карлу V при письмѣ, написанномъ въ самомъ добродушномъ тонѣ, и въ смыслѣ, конечно, благопріятномъ Сигизмунду-Августу.

Нѣсколько дней спустя былъ полученъ отвѣтъ. Карлъ V находился въ это время въ Брюсселѣ. Звѣзда великаго монарха начинала мерк-

нуть; въ Германіи происходило броженіе, вызванное реформою Лютера; императорскія войска потерпѣли унизительное пораженіе подъ неприступными стѣнами Меца; удрученный бременемъ власти, императоръ помышлялъ только объ умиротвореніи своихъ владѣній и о сохраненіи добрыхъ отношеній съ дружественными ему монархами. Въ московскихъ дѣлахъ его не столько интересовала политика, сколько распространеніе вѣры; поэтому, узнавъ объ опасеніяхъ поляковъ, онъ обѣщалъ брату отказаться отъ своихъ требованій и оказать посланному Сигизмунда содѣйствіе у папы.

27-го мая 1553 года папа Юлій III, въ отвѣтъ на письмо Фердинанда, писалъ, что онъ почитаетъ себя счастливымъ, имѣя возможность оказать одновременно услугу двумъ монархамъ: по настоянію короля польскаго, предложеніе русскихъ рѣшено было оставить безъ вниманія.

Такимъ образомъ, королемъ была одержана полная побѣда. Его взглядъ на это дѣло выразился въ инструкціяхъ, данныхъ имъ Альберту Крыскому (Krvski), который былъ посланъ въ Римъ для переговоровъ о московскихъ дѣлахъ.

Въ этомъ документѣ Сигизмундъ разсматриваетъ вопросъ о королевскомъ санѣ Іоанна съ точки зрѣнія интересовъ Польши, выгодъ христіанскаго міра и достоинства папскаго престола.

Онъ готовъ былъ признать за потомками Владиміра Святаго и Рюрика право на Великороссію или Московію. По его мнѣнію, они могли владѣть столицею, затерянною среди дремучихъ лѣсовъ, но прекрасныя и плодоносныя земли Бѣлоруссіи, Малороссіи и Червонной Руси, бассейнъ Днѣпра съ древнимъ Кіевомъ считались по всѣмъ правамъ владѣніемъ Польши. Сигизмундъ полагалъ, что ему слѣдовало во что бы то ни стало возвратить земли, которыя были захвачены русскими; онъ въ этомъ поклялся. Между тѣмъ, ему было бы не особенно удобно воевать съ королемъ московскимъ, коронованнымъ папою, ибо русское населеніе польскихъ провинцій принадлежало къ одному племени съ москвитянами и было связано съ ними, по сознанію самого Сигизмунда, искренними симпатіями, основанными на единствѣ обрядовъ и вѣры.

«Въ тотъ день, когда Іоаннъ возложитъ на свою главу королевскую корону,—писалъ король,—надобно будетъ ожидать политическихъ осложненій; придется отказаться отъ надежды получить обратно пограничныя провинціи». Эта мысль приводила Сигизмунда въ ужасъ; онъ не могъ помириться съ нею, тѣмъ болѣе, что молдаване и валахи, столь желанные союзники въ войнѣ противъ турокъ, прельщенные блескомъ королевской короны, могли также перейти на сторону новаго короля.

Въ инструкціяхъ короля польскаго дѣло христіанскаго міра отождествлено, какъ мы видимъ, съ интересами Польши. Между католическими монархами и Іоанномъ нѣтъ ничего общаго, говорилось далѣе

въ этихъ инструкціяхъ; напротивъ, если поляки объявятъ когда-либо войну туркамъ, то съ его стороны можно ожидать величайшихъ препятствій. Въ лучшемъ случаѣ, во время войны съ Турціей отъ москвитянъ нельзя будетъ ожидать существенной и своевременной пользы: отдѣленные отъ Турціи обширными чужеземными владѣніями, они ознаменуютъ свой путь такими ужасными грабежами и поборами, что будутъ бичемъ для союзниковъ; ихъ войско никогда не подойдетъ своевременно. Единственнымъ средствомъ избѣгнуть этихъ непріятностей было бы перевести московскія войска воднымъ путемъ, но Сигизмундъ полагалъ, что было бы неумѣстно обучить мореплаванію будущихъ пиратовъ и пустить въ Черное море корсаровъ.

Наконецъ, не слѣдовало терять изъ вида вопроса чести: не будетъ-ли унизительнымъ для папскаго престола, спрашивалъ онъ, если великій князь московскій проведетъ его, если ему удастся обмануть папу обманчивыми обѣщаніями? Сигизмундъ былъ вполнѣ увѣренъ въ лицемѣріи Іоанна и говорилъ съ убѣжденіемъ, что объ уніи не будетъ болѣе и рѣчи, какъ только Іоаннъ IV получитъ королевскую корону. Такъ поступилъ Даніилъ Галицкій съ папой Иннокентіемъ IV; Василій II чуть не умертвилъ кардинала Исидора за то, что онъ подписалъ Флорентійскую унію; москвитяне и посейчасъ также точно коварны, ихъ ненависть теперь стала еще сильнѣе, поэтому Александръ VI и Левъ X отказали Василію III въ коронѣ, о которой пріѣзжали хлопотать въ Римъ его послы. Выражая надежду, что папа не отступитъ отъ этого образа дѣйствій, Сигизмундъ кончалъ свои увѣщанія угрозою: Юлію III остается избрать одно изъ двухъ: либо исполнить просьбу «народа варварскаго, жестокаго, чуждаго всякой культуры, не твердаго въ вѣрѣ и нравахъ», или пощадить поляковъ, которые, «принявъ христіанскую вѣру, никогда не отдѣлялись отъ святой апостольской церкви».

Если бы папа послѣ этого еще колебался, то Радзивиллу велѣно было сказать ему, что не слѣдуетъ впускать новыхъ овецъ въ овчарню, не имѣя надежды удержать ихъ въ ней. Чтобы удостовѣриться въ преданности русскихъ къ латинской вѣрѣ, по мнѣнію короля, слѣдовало поставить имъ нѣкоторыя условія, которыя король тутъ же перечислялъ: царь и бояры должны клятвенно подтвердить свое присоединеніе къ латинской церкви и къ папѣ; они должны публично пріобщиться изъ рукъ римско-католическаго епископа; русскіе епископы должны съѣхаться на соборъ вмѣстѣ съ католическими епископами; надобно потребовать, чтобы были построены церкви, чтобы приглашено католическое духовенство, чтобы епископамъ были даны политическія привилегіи, чтобы католикамъ были даны значительныя должности и т. д. Все это должно быть скрѣплено присягой и приведено въ исполненіе до присылки короны. Въ добавокъ Сигизмундъ предлагалъ дать Іоанну только титулъ короля

Московскаго, а не Россійскаго, такъ какъ русскія земли должны быть со временемъ присоединены къ Польшѣ.

Такимъ образомъ, послѣ самыхъ горячихъ увѣреній въ желаніи распространить вѣру, поляки убѣждали папу предложить Іоанну фантастическія условія, которыя въ Москвѣ, какъ завѣдомо было извѣстно, никогда бы не могли принять.

Вышеупомянутыя инструкціи были посланы Крыскому 18-го февраля съ курьеромъ, который долженъ былъ вернуться въ Польшу тотчасъ по полученіи какого-либо отвѣта. Три дня спустя это приказаніе было измѣнено: если переговоры будутъ неудачны, если Іоанну будетъ послана корона, то Крыскій не долженъ былъ извѣщать объ этомъ короля; ему разрѣшалось подать торжественный протестъ, выразивъ въ немъ глубочайшее негодованіе короля; текстъ этого протеста былъ сообщенъ ему заранѣе.

Перечисливъ въ немъ заслуги своихъ предковъ и свои собственныя, Сигизмундъ изливался въ горькихъ упрекахъ противъ папы: дать Іоанну королевскій титулъ значило держать сторону враговъ Польши и нанести ударъ спокойствію королевства. Беря въ свидѣтеля самого папу и кардиналовъ, онъ заявлялъ, что, въ такомъ случаѣ, онъ не ручается за традиціонную преданность поляковъ папскому престолу и что и онъ самъ не будетъ уже питать къ папѣ безграничной преданности его предковъ. Если Римъ будетъ потворствовать честолюбивымъ замысламъ его соперника, то онъ употребитъ всѣ свои усилія, чтобы разрушить ихъ; также точно поступили бы и его предки. Доведенный до крайности, онъ заключитъ союзъ съ турками вмѣсто того, чтобы воевать съ ними; за это будутъ отвѣтственны другіе, а не онъ.

Въ энергичномъ протестѣ Сигизмунда, высказалась вся его вражда къ Іоанну и вся сущность его политики. Отдаленіе отъ Рима и союзъ съ турками—такова угроза короля польскаго въ томъ случаѣ, если московскому царю будетъ дана королевская корона. Собственно говоря, главною и почти единственною заботою короля польскаго было пріобрѣсти пограничныя земли и уладить спорные вопросы. Вѣсъ, который придала бы Іоанну столь высокая милость папы, былъ бы первымъ проиграннымъ сраженіемъ; этого слѣдовало избѣжать во что бы то ни стало.

Въ глазахъ Рима національное соперничество и пограничные вопросы имѣли второстепенное значеніе. Вступая въ сношеніе съ Москвою, папы преслѣдовали болѣе возвышенныя цѣли: въ ихъ глазахъ имѣлъ важность, главнымъ образомъ, вопросъ религіи; церковная унія должна была служить основою военнаго союза. Чтобы достигнуть своей цѣли, папа былъ готовъ дать Іоанну всякіе титулы и оказать всякія почести, а затѣмъ уже предполагалось выработать условія для заклю-

ченія почетнаго мира съ Польшею, которую папа также считалъ нужнымъ щадить.

Въ описываемое время Польша переживала тяжелый кризисъ. Она служила убѣжищемъ реформаторовъ и очагомъ всевозможныхъ ересей: послѣдователи Лютера, Кальвина, Цвингли, гусситы, находили въ Польшѣ убѣжище и пріютъ. Единство вѣры было подорвано и на Сигизмунда, не особенно твердаго въ вѣрѣ, нельзя было разсчитывать для поддержанія благочестивыхъ традицій Ягеллоновъ. Поэтому съ нимъ приходилось дѣйствовать осторожно, и неудивительно, что энергичныя и настоятельныя требованія короля одержали верхъ надъ неопредѣленными предложеніями Штейнберга.

Королю не пришлось приводить въ исполненіе свои угрозы, такъ какъ королевская корона никогда не была послана въ Москву и папа уступилъ легче, нежели онъ ожидалъ.

Юлій III уже не преслѣдовалъ на закатѣ своихъ дней никакихъ грандіозныхъ плановъ, а Штейнбергъ съ его предложеніями показался ему, быть можетъ, подозрительнымъ. Какъ бы то ни было, Крыскову въ непродолжительномъ времени было заявлено, что всѣ предложенія московскаго посла отвергнуты и что въ будущемъ всѣ подобнаго рода дѣла будутъ обсуждаться не иначе, какъ съ вѣдома короля и польскихъ епископовъ. То же самое было подтверждено 15-го апрѣля 1553 г. въ письмахъ на имя польскихъ епископовъ.

Поляки торжествовали побѣду.

Мы прослѣдили весь ходъ переговоровъ, походившихъ на какую-то странную мистификацію.

Начатые смѣлымъ авантюристомъ Гансомъ Шлитте, они превратились въ его рукахъ въ политическое дѣло и въ средство эксплоатаціи. Онъ обращался съ однимъ и тѣмъ же проектомъ то къ католическому императору, то къ протестантскому королю, что̀ свидѣтельствуетъ о его удивительномъ легкомысліи.

Самой интересной личностью въ этомъ дѣлѣ является, несомнѣнно, Іоаннъ Штейнбергъ, которому Шлитте передалъ свои полномочія, и котораго онъ облекъ громкимъ титуломъ канцлера царя Іоанна.

Всѣ дѣйствія Штейнберга, его хлопоты въ Римѣ, увлеченіе, съ коимъ онъ дѣйствовалъ, его настойчивость доказываютъ, что онъ глубоко вѣрилъ въ порученное ему дѣло. Повидимому, онъ былъ твердо убѣжденъ, что судьба Москвы и чуть-ли не всей Европы и всего міра была бы въ его рукахъ, если бы папа далъ Іоанну королевскую корону.

Германскій императоръ не придавалъ этимъ переговорамъ особаго значенія: по его мнѣнію, только крайняя подозрительность могла видѣть въ этомъ съ его стороны западню, устроенную Польшѣ. Онъ сталъ съ самаго начала на религіозную точку зрѣнія и оставался на ней

до конца. Поэтому, какъ только онъ услышалъ о непріятныхъ послѣдствіяхъ, какія могло имѣть это дѣло для Польши,—онъ сразу отказался покровительствовать Штейнбергу.

Въ Римѣ не имѣли никакого опредѣленнаго мнѣнія о московскомъ канцлерѣ. Энергичный протестъ короля польскаго и безучастное отношеніе къ нему Карла V нанесли его репутаціи большой ударъ. Этимъ объясняется, что онъ получилъ отказъ на свои предложенія, къ которымъ отнеслись въ Римѣ вначалѣ сочувственно.

Сигизмудъ-Августъ былъ вполнѣ жертвою мистификаціи. Онъ ни мало не сомнѣвался въ томъ, что желанія московитовъ были именно таковы, какими ихъ изображалъ Штейнбергъ; онъ былъ увѣренъ, что Іоаннъ хотѣлъ, при помощи обманчивыхъ обѣщаній, добиться королевской короны, и для того, чтобы предотвратить эту опасность, онъ считалъ нужнымъ принять энергичныя мѣры; такимъ образомъ выяснилась политическая система Польши по отношенію къ Москвѣ въ ея отношеніяхъ съ Римомъ. Все историческое значеніе этого любопытнаго факта заключается именно въ изобличеніи этой политики.

Царю ничего не было извѣстно о грандіозныхъ планахъ, которые были предъявлены папѣ отъ его имени. Въ самомъ дѣлѣ, Іоаннъ IV въ своей перепискѣ съ Григоріемъ XIII въ 1581—1582 гг. ссылается на сношеніе съ Римомъ своего отца, Василія III, и упоминаетъ о Флорентійскомъ соборѣ, на которомъ засѣдали русскіе епископы; вспоминаетъ также обо всѣхъ бывшихъ когда-либо попыткахъ сближенія съ папскимъ престоломъ, и при этомъ ни разу не упоминаетъ ни о Штейнбергѣ, ни о Шлитте. Но, быть можетъ, послѣднему были даны словесныя порученія, которыя не рѣшились довѣрить бумагѣ и о которыхъ не хотѣлъ упоминать царь?

Нѣтъ ни малѣйшаго основанія дѣлать предположеніе столь несовмѣстное съ нравами и обычаями Кремля и со взглядами Іоанна. То была самая блестящая эпоха его царствованія; при дворѣ наибольшимъ вліяніемъ пользовались попъ Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ; во главѣ русской церкви находился знаменитый митрополитъ Макарій, въ глазахъ котораго латиняне были еретиками. Въ 1547 г. митрополитомъ былъ назначенъ Іона, безпощадный противникъ кардинала Исидора; въ 1551 г. изданъ Стоглавъ—собраніе указовъ, одобренныхъ Іоанномъ, въ которыхъ каждая страница дышетъ стариннымъ московскимъ духомъ; въ немъ встрѣчаются даже намеки на призракъ латинской ереси. Самъ Іоаннъ, по случаю взятія Казани въ 1552 г., громко заявилъ о своей преданности православію. Не смотря на свои уклоненія отъ правилъ нравственности, онъ до конца жизни былъ глубоко преданъ православной вѣрѣ и просилъ о подтвержденіи своего царскаго титула никого инаго, какъ патріарха византійскаго.

Когда напуганный побѣдами короля польскаго Стефана Баторія Іоаннъ просилъ Григорія XIII о посредничествѣ для заключенія мира, то, не смотря на всю трудность положенія, когда папскій посолъ завелъ рѣчь о вѣрѣ, — Іоаннъ отложилъ обсужденіе этого вопроса до заключенія перемирія; а когда оно было подписано, то между посломъ и царемъ происходили лишь бурные споры о религіи, которые не привели ни къ чему. Нельзя допустить, чтобы Іоаннъ IV могъ быть сговорчивѣе и покладистѣе въ моментъ своей славы, нежели въ эпоху бѣдствій.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ неудачи, постигшей Штейнберга, въ 1567 г. въ Германіи была сдѣлана новая попытка воскресить проектъ Шлитте. Воспоминаніе объ немъ сохранилось въ запискѣ, составленной этимъ авантюристомъ о Москвѣ. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ продалъ ее въ свое время нѣкоему Фоглеру, который передалъ ее Фейтъ Зенгу изъ Нюренберга; послѣдній хотѣлъ извлечь изъ нея пользу и отправился съ этой цѣлью въ Кёнигсбергъ, но его похожденія не представляютъ ничего интереснаго. Любопытно только донесеніе Фейтъ Зенга о состояніи Москвы и о личности Іоанна. Въ Европѣ ходили о немъ неблагопріятные слухи, и Фейтъ Зенгъ, ссылаясь на авторитетъ нѣкоторыхъ нѣмцевъ, бывшихъ въ Россіи по дѣламъ торговли, старался опровергнуть эти слухи и подтвердить отзывы Шлитте о готовности Іоанна присоединиться къ латинской вѣрѣ. Эта наклонность къ оптимизму объясняетъ ихъ ложные взгляды и иллюзіи, какія нѣкоторыя лица составляли себѣ на западѣ относительно истиннаго положенія дѣлъ въ великой славянской монархіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Оренбургская гимназія стараго времени.

I.

Мое поступленіе въ гимназію.—1875 годъ.—Директоръ, инспекторъ и помощникъ класснаго наставника.—Инородцы гимназіи.—Учитель приготовительнаго класса.—Батюшка.—Посѣщеніе гимназіи министромъ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстымъ.

Оренбургская классическая гимназія моего времени представляетъ изъ себя нѣчто очень оригинальное и вполнѣ самобытное, такъ что воспоминанія о ея прошломъ не будутъ лишены нѣкотораго интереса. Начиная свои воспоминанія, я долженъ сказать, что во всемъ написанномъ здѣсь я не сгущалъ красокъ и ничего не преувеличивалъ. Напротивъ, мнѣ многое хотѣлось смягчить, объяснить чѣмъ-либо вполнѣ естественнымъ.

Я поступилъ въ гимназію въ 1875 году, когда мнѣ минуло девять лѣтъ и поступилъ въ приготовительный классъ. Въ то время въ гимназіи не было своей церкви, не было библіотеки и тѣхъ усовершенствованій, которыя ввелись уже позднѣе. При гимназіи существовалъ и пансіонъ.

Поступилъ я въ гимназію въ 1875 году совершенно неожиданно для своихъ родителей и только благодаря директору. Помню, что мнѣ ужасно хотѣлось учиться и что вообще меня сильно смущалъ синій мундиръ съ бѣлыми пуговицами и кепи съ лавровыми вѣтками и иниціалами: О. К. Г., т. е. оренбургская классическая гимназія. Предполагая, что поступленіе въ гимназію не связано ни съ какими особенными формаль-

ностями и не требуетъ подготовки, я, умѣя только читать, писать и зная четыре правила ариѳметики—рѣшилъ отправиться въ гимназію на пріемный экзаменъ. Директоръ гимназіи г. Колесниковъ (теперь уже покойникъ) мнѣ былъ знакомъ, такъ какъ бывалъ у отца и игралъ въ карты. Это былъ необыкновенно полный господинъ, съ брюшкомъ и добродушнымъ лицомъ. Преподавалъ онъ въ младшихъ классахъ географію по старому учебнику (теперь уже не существующему) Корнилова, при чемъ рѣдко слышалъ то, что ему отвѣчалъ ученикъ, занятый своими соображеніями. Когда ученикъ не зналъ урока, то Колесниковъ замѣчалъ это только въ томъ случаѣ, если ученикъ молчалъ, но если онъ что-либо говорилъ, то, продержавъ его около карты 10—15 минутъ, онъ отпускалъ его и ставилъ пятерку. Находчивые мальчуганы, обыкновенно, стоя у карты несли всякую чушь, читали стихи, молитвы и вообще все, что приходило въ голову—и за это получали изъ географіи—пять. Конфузящіеся, хотя нерѣдко и знающіе, молчали, ждали вопроса директора и за свою нерѣшительность получали двойки и единицы. Случалось, что директоръ внезапно прозрѣвалъ и замѣчалъ «отсебятину», но и тогда онъ хвалилъ за находчивость и хотя не ставилъ пятерки, но говорилъ:

— Садись, въ другой разъ спрошу. Смотри, выучи!

Къ этому-то директору въ августѣ 1875 года я и пришелъ съ заявленіемъ, что желаю экзаменоваться для поступленія въ приготовительный классъ. Колесниковъ меня погладилъ по головѣ, заставилъ прочитать, написать что-то и сложить два числа. Когда все это я продѣлалъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Ну, иди къ «батюшкѣ» (священнику) и скажи, что я тебя принялъ, пусть онъ проэкзаменуетъ. А своему отцу передай, чтобы деньги за ученье внесъ, да ждалъ меня. Я вечеромъ заѣду въ карты играть.

Священникомъ въ гимназіи въ то время былъ Шильновъ, человѣкъ въ высшей степени симпатичный, простой и ужасно добрый, любившій дѣтей. Познаніями онъ не обладалъ обширными, но умѣлъ прекрасно разсказывать священное писаніе, сообразно возрасту учениковъ. Сердиться, наказывать, ставить дурныя отмѣтки—онъ положительно не былъ способенъ. Ребятъ онъ всѣхъ любилъ одинаково, и мы платили ему тою же монетою. Въ приготовительномъ классѣ насъ было около 60 человѣкъ, и изъ этого числа только двое имѣли по четыре за законъ Божій въ общемъ выводѣ, всѣ же остальные имѣли круглую пятерку, и надо сказать, что всѣ дѣйствительно знали священную исторію хорошо, изучая ее со словъ батюшки тутъ же въ классѣ. Когда я пришелъ къ нему экзаменоваться, онъ прежде всего освѣдомился, сколько мнѣ лѣтъ, кто у меня родные, сколько отецъ

получаетъ жалованья, гдѣ я живу и уже потомъ спросилъ, что я знаю. Молитвы я зналъ, но не зналъ «Вѣрую» и ничего изъ священнаго писанія. Батюшка взялъ съ меня слово, что я выучу «Вѣрую» и отпустилъ, сказавъ, что и онъ принимаетъ меня.

И такъ я сталъ гимназистомъ.

Въ концѣ августа 1875 года, я впервые, въ синенькомъ мундирчикѣ и кепи, входилъ въ гимназію. Ученіе у насъ начиналось обычно послѣ молебна, который служили въ большомъ корридорѣ. По окончаніи такого молебна, говорилъ маленькую рѣчь директоръ или инспекторъ, и послѣ нея насъ разводили по классамъ, гдѣ мы занимались не болѣе полутора часа. И то все занятіе состояло въ томъ, что классный наставникъ спрашивалъ, какъ кто провелъ каникулы, указывалъ новые учебники, которые нужно пріобрѣсти, шутилъ, разговаривалъ и затѣмъ насъ отпускали домой. По традиціи всегда собирали служить молебенъ въ субботу, такъ что, отслуживъ его и проболтавъ съ класснымъ наставникомъ часовъ до одиннадцати, мы уходили домой до понедѣльника, и уже только съ этого дня начинались регулярныя занятія.

Поступивъ въ гимназію и прослушавъ впервые въ ней молебенъ, мнѣ прежде всего пришлось познакомиться съ инспекторомъ и помощникомъ класснаго наставника.

Инспектору я принесъ деньги за право ученія. Въ то время эту должность исполнялъ Н. П. В—ко. Преподавалъ онъ древніе языки. Я его зналъ еще раньше, и онъ меня тоже; знали мы другъ друга потому, что Н. П. В—ко жилъ наискосокъ отъ нашего дома и былъ страшный голубятникъ. Я тоже водилъ голубей, и мы часто даже не шутя съ нимъ ссорились, когда я у него загонялъ къ себѣ какого-нибудь «сизаго». Н. П. В—ко въ общемъ былъ добрый человѣкъ, любилъ дѣтей, голубей и лошадей, словомъ, весь міръ, кромѣ своихъ древнихъ языковъ. Надо отдать справедливость, что онъ не старался вбивать ихъ въ наши головы, и на его урокахъ древнихъ языковъ добрая половина учебнаго часа проходила въ разговорахъ и спорахъ о голубяхъ, лошадяхъ, пѣтушиныхъ бояхъ и проч. разговорахъ, ничего общаго съ древними языками не имѣющихъ. Когда уже оставалось до звонка минутъ 20—15, то Н. П. В—ко спѣшилъ открыть журналъ, отмѣтить кого въ классѣ нѣтъ и затѣмъ спросить урокъ у двоихъ-троихъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, «замарать» журналъ. Часто Н. П. запивалъ горькую и тогда сначала вмѣсто древнихъ языковъ занимался съ учениками гимнастикой, а потомъ совсѣмъ не появлялся въ гимназіи впредь до полнаго отрезвленія.

Когда я подалъ ему деньги за право ученія, онъ узналъ меня и весело сказалъ, принимая деньги:

— Ага, и ты поступилъ! Ну, смотри: теперь коли опять загонишь у меня сизаго къ себѣ, такъ единицу и влѣплю.

*

Съ помощникомъ класснаго наставника обязательно всѣ новички знакомились. Онъ постоянно былъ при насъ, замѣчалъ всѣ наши шалости и обо всемъ докладывалъ кому слѣдуетъ. Вотъ поэтому-то онъ и самъ искалъ всѣхъ новичковъ, разспрашивалъ, какъ фамилія, зовутъ, гдѣ живетъ, кто родители и проч., и все это записывалъ въ свою памятную книжечку.

Звали его Михаилъ Матвѣичъ по прозвищу «тараканъ». Какъ его фамилія, кажется, никто не зналъ изъ насъ, по крайней мѣрѣ, я до сихъ поръ рѣшительно не могу вспомнить его фамиліи и, кого изъ товарищей потомъ ни спрашивалъ,—никто не зналъ и не помнилъ.

Прозвали его «тараканомъ» по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ страшно, почти до обмороковъ боялся таракановъ и, во-вторыхъ, самъ своими усами имѣлъ сходство съ этимъ насѣкомымъ. Михаилъ Матвѣичъ былъ низенькаго роста, сутуловатый, коренастый. На широкихъ плечахъ сидѣла маленькая головка съ длиннѣйшими усами, какіе мнѣ рѣдко приходилось видѣть.

Глядя на его голову, всегда какъ-то становилось смѣшно; казалось, что по ошибкѣ эту голову приставили совсѣмъ не къ тому туловищу; но еще смѣшнѣе было, когда на этой головѣ вдругъ начинали двигаться въ разныя стороны ужасно длинные усы. Двигалъ онъ ихъ какъ-то непроизвольно, и они могли у него при удивленіи вдругъ разомъ подниматься кверху; чувствуя приближеніе начальства, они покорно опускались внизъ, а когда онъ сердился, то его усы, казалось, описываютъ круги, вертясь во всѣ стороны.

Верхомъ нашего удовольствія было наловить дома таракановъ въ коробочку и принести ихъ въ гимназію, а здѣсь вытаскивая по одному—показывать ихъ Михаилу Матвѣичу, при чемъ онъ приходилъ въ ярость и начиналъ бѣгать за школьникомъ, пока не задохнется, а затѣмъ шелъ жаловаться къ директору.

Жалобы его, впрочемъ, никому вреда не приносили и оставались безъ послѣдствій.

Эти три лица: директоръ Колесниковъ, инспекторъ Н. П. В—ко и Михаилъ Матвѣичъ Тараканъ вершили всѣ дѣла гимназіи. Она тогда еще принадлежала къ Казанскому учебному округу, и потому попечитель и окружные инспектора къ намъ только наѣзжали, о чемъ, конечно, начальство ранѣе увѣдомлялось, а сообразно этому чистилось, принаряжалось и подготовляло учениковъ. Въ силу этого и ревизія сходила всегда благополучно.

Прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшихъ событіяхъ гимназіи, о ея жизни и руководителяхъ, я позволю себѣ остановить вниманіе читателей на инородцахъ, которые обучались у насъ. Въ Оренбургской губерніи масса кочующаго народа. Правительство всѣми силами стара-

лось прикрѣпить и инородцевъ къ землѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ любезно открыло имъ двери школъ и гимназіи. На первыхъ же порахъ болѣе трети учащихся въ гимназіи были киргизы, башкиры, татары и отчасти чуваши.

Большинство этихъ инородцевъ или совсѣмъ не знало русскаго языка или знало его очень плохо, а потому этимъ инородцамъ, поступающимъ въ гимназію, разрѣшалось сидѣть въ каждомъ классѣ сколько угодно лѣтъ, при чемъ не обращалось также вниманія и на возрастъ поступающихъ, и потому не рѣдко можно было встрѣтить въ приготовительномъ или первомъ классѣ ученика съ бородой въ возрастѣ до 30 лѣтъ.

Разсказывали, что за годъ до моего поступленія изъ втораго класса вышли отецъ и сынъ, оба учившіеся въ гимназіи.

И въ мое время рядомъ со мной на одной партѣ сидѣлъ киргизъ Кувашовъ, который уже третій годъ былъ женатъ, и дома съ отцомъ у него оставались жена съ двумя ребятами. Въ первомъ классѣ онъ уже учился третій годъ и все-таки говорилъ и читалъ плохо, но писалъ положительно каллиграфически. Отмѣчу между прочимъ, что всѣ инородцы отличались красотою почерка, такъ что по чистописанію они всегда были первые ученики, также скоро они привыкали очень грамотно писать.

Привозили ихъ въ гимназію обыкновенно совсѣмъ дикарями, прямо изъ привольной степи, отъ совершенно свободной жизни, и здѣсь затягивали въ мундирчики и подчиняли дисциплинѣ, чего инородцы никакъ не могли усвоить себѣ, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ они ничего не говорили по-русски, кромѣ двухъ—трехъ словъ, которыя и издавали кстати и не кстати на всѣ обращенные къ нимъ вопросы. Переводчика при гимназіи не имѣлось, и учили говорить этихъ инородцевъ мы, мальчишки. Многіе изъ насъ, живя въ Оренбургѣ и толкаясь постоянно среди киргизъ, башкиръ и татаръ, не дурно болтали по-ихнему, и вотъ таковымъ обыкновенно прежде всего и поручалось воспитаніе вновь привезеннаго въ гимназію киргиза или башкира. Первый годъ онъ ничему не учился и только при нашей помощи начиналъ понимать русскую рѣчь да иногда преодолѣвалъ русскую азбуку и склады. Жили эти инородцы всѣ въ пансіонѣ, уплачивая за полный коштъ содержанія 250 рублей въ годъ. Отправляясь на каникулы домой, всегда почти половина ихъ въ гимназію не возвращалась, но за то прибывали новенькіе. При моемъ пребываніи въ гимназіи за всѣ девять лѣтъ, насколько я помню, окончило курсъ вполнѣ не болѣе десяти человѣкъ, при чемъ одинъ изъ нихъ получилъ даже золотую медаль и въ возрастѣ не болѣе 22 лѣтъ. Это, кажется, единствен-

ный случай за все то время такого ранняго окончанія гимназіи инородцемъ.

Понятно, обученіе разговорному русскому языку киргизъ нами, малышами, безъ всякаго руководства велось уморительно, безъ всякой системы и потому долго и неправильно.

Общеніе съ этими великовозрастными инородцами на насъ пагубно вліять не могло, потому, что они сами по себѣ были люди примитивно нравственные. Пошлостей, скабрезностей говорить стыдились и даже насъ останавливали.

Мать-природа, на лонѣ которой они выросли и бѣгали голыми подъ палящими лучами солнца, научила ихъ цѣломудрію, нравственности, терпѣнію и уваженію личности. Они скорѣе благотворно вліяли на насъ. Шалостей у насъ почти не было. Мы большею частью свободное время вели въ разговорахъ съ киргизами и башкирами, стараясь поскорѣе обучить ихъ своему языку.

Припоминая теперь это далекое прошлое, я не помню ни одного безнравственнаго поступка со стороны инородцевъ, несмотря на ихъ зрѣлость и замкнутую, институтскую жизнь. Припоминаю только одинъ случай буйства башкира Омарова въ пьяномъ видѣ, но и тутъ оказались виноваты русскіе старшеклассники, они затащили его съ собой въ гостиницу и тутъ насильно напоили водкой.

Въ общемъ же всѣ киргизы и башкиры очень скоро дружились съ русскими и привязывались къ намъ, мальчишкамъ, всей своей неиспорченной душой, готовые всегда для насъ все сдѣлать.

Надо сказать правду и о русскихъ. Племенной ненависти, брезгливости къ инородцамъ у насъ также не было. Я не помню ни одного случая, чтобы мы дразнили киргиза или башкира, смѣялись надъ его происхожденіемъ, хотя въ то же время потѣшались надъ евреями и нѣмцами.

Въ мое время въ старшихъ классахъ инородцевъ совсѣмъ не было. Рѣдко кто изъ нихъ доползалъ до четвертаго класса, а большею частью выходили уже изъ перваго или втораго. Во второмъ же классѣ былъ башкиръ Тлеповъ, который учился въ гимназіи чуть-ли не восьмой уже годъ. Это былъ совсѣмъ маленькій человѣчекъ съ огромной головой на плечахъ. Онъ былъ очень уморителенъ; прекрасно писалъ по-русски, но въ остальныхъ наукахъ не преуспѣвалъ и потому въ теченіе восьми лѣтъ едва доползъ до втораго класса. Надо сказать, что всѣ эти инородцы освобождались отъ изученія греческаго языка. Тлеповъ занимался и греческимъ языкомъ по своему собственному желанію. Онъ былъ, между прочимъ, любимецъ оренбургскаго генералъ-губернатора Н. А. Крыжановскаго, который часто посѣщалъ нашу гимназію, иногда совершенно неожиданно, приводя въ смущеніе

начальство и доставляя намъ удовольствіе. Посѣщая гимназію, онъ всегда спрашивалъ своего любимца Тлепова и, обнявъ его, обходилъ съ нимъ всѣ классы, часто экзаменуя насъ и одѣляя всѣхъ конфектами. На Пасху къ нему всегда водили отъ каждаго класса по три ученика (лучшихъ по ученію), и Н. А. Крыжановскій христосовался съ нами и каждому дарилъ на память яичко съ разными сюрпризами. Супруга его также принимала на своей половинѣ гимназистокъ и институтокъ.

Этотъ же башкиренокъ Тлеповъ имѣлъ отъ Н. А. Крыжановскаго въ подарокъ его собственные золотые часы. Случилось это такъ. На годичный актъ, для раздачи наградъ, прибылъ Крыжановскій, и его встрѣтилъ Тлеповъ на лѣстницѣ и прочелъ ему привѣтственные стихи, написанные имъ же. Это такъ понравилось генералъ-губернатору, что онъ снялъ съ себя часы свои и надѣлъ на маленькаго Тлепова.

Вообще инородцы ничѣмъ въ гимназіи не выдѣлялись, ихъ какъ будто совсѣмъ и видно не было. Всѣ они были очень прилежны, но наука имъ давалась очень туго, главнымъ образомъ потому, что они принимались за изученіе ея совершенно не зная русскаго языка. Но и при этомъ, можно было сразу видѣть, насколько способенъ и даровитъ этотъ народъ. Когда впослѣдствіи инородцы стали уже поступать въ гимназію, хорошо владѣя русскимъ языкомъ, они скоро становились лучшими учениками гимназіи и благополучно стали кончать курсъ даже съ медалями. Очень хорошо и скорѣе, чѣмъ русскій языкъ, они усвоивали новые языки и древніе.

Когда я впервые занялъ мѣсто въ приготовительномъ классѣ, указанное мнѣ Михаиломъ Матвѣевичемъ Тараканомъ, насъ въ большомъ классѣ было человѣкъ около семидесяти. На заднихъ партахъ помѣщались киргизы и инородцы, впереди русскіе. Среди моихъ сверстниковъ тутъ же оказался знакомый мнѣ раньше мальчикъ К., теперь ординарный профессоръ одного изъ нашихъ университетовъ и писатель. Съ нимъ вмѣстѣ мы благополучно окончили гимназію и изъ семидесяти человѣкъ приготовительнаго класса—окончили гимназію, дойдя до восьмаго, только насъ двое—я и К. Всѣ остальные или отстали, или вышли изъ гимназіи ранѣе.

Въ приготовительномъ классѣ преподавались: русскій языкъ, ариѳметика и чистописаніе—однимъ учителемъ Н. Н. Абрамовымъ и законъ Божій—батюшкой Шильновымъ.

Н. Н. Абрамовъ былъ уже пожилой господинъ, плотнаго сложенія, съ добрыми голубыми глазами и золотистыми длинными волосами на головѣ и въ бородѣ. Онъ былъ немного глуховатъ. Преподавалъ онъ по-старому. По русскому языку у насъ былъ знаменитый Паульсонъ, котораго мы читали, иногда со слезами декламируя наизусть «Мальчишка цыганенокъ для всѣхъ чужой ребенокъ» и т. п.

Самъ Николай Николаевичъ Абрамовъ не обладалъ обширными познаніями, но, съумѣвъ пріохотить насъ заниматься, заставилъ полюбить чтеніе и книгу. Кажется, въ этомъ и вся его заслуга, но она гораздо неоцѣненнѣе всѣхъ тѣхъ другихъ достоинствъ, которыми теперь обладаютъ преподаватели. Абрамовъ прекрасно понималъ, что книга—другъ человѣка, что дурному она не научитъ, и потому прежде всего старался развить въ насъ любовь къ ней и уваженіе.

Самъ по себѣ онъ былъ человѣкъ не совсѣмъ заурядный. Въ его время существовалъ еще эшафотъ и ужасъ наказанія публично плетьми. Ребенкомъ чуть-чуть помню и я еще черный помостъ и такой же столбъ съ веревкой на площади, гдѣ нынѣ помѣщается скверъ, противъ военнаго окружнаго суда. Смутно помню и печальную процессію подъ барабанный страшный бой...

По тогдашнимъ обычаямъ женщина, приговоренная къ публичному наказанію плетьми, освобождалась отъ этого наказанія въ томъ случаѣ, если ее кто-либо съ эшафота бралъ за себя замужъ. И вотъ, однажды попалъ на зрѣлище публичнаго наказанія женщины Николай Николаевичъ Абрамовъ. Самая процессія повліяла на него потрясающе. А когда палачъ спросилъ толпу, не желаетъ-ли кто такую-то взять за себя замужъ, то Абрамовъ, ничего не видя и рыдая, заоралъ: «я, я беру!»

И дѣйствительно взялъ и женился. Женщина попалась ему некрасивая, къ тому же еще пила водку, когда самъ Абрамовъ всю жизнь ничего не пилъ, но, несмотря на это, Николай Николаевичъ всю жизнь нѣжно любилъ свою жену и ухаживалъ за ней, какъ за ребенкомъ, а когда она умерла—онъ съ горя не долго прожилъ безъ нея. Отъ этого брака у него былъ только одинъ сынъ, родившійся глуховатымъ и такимъ оставшійся на всю жизнь. Онъ учился съ нами вмѣстѣ въ приготовительномъ классѣ, и его отецъ также любилъ всей душой.

Нашъ классъ помѣщался въ самомъ концѣ огромнаго корридора, такъ что мы рѣдко куда выходили и жили у себя въ классѣ своею жизнью, почти не зная другихъ учениковъ-товарищей и преподавателей.

Первый годъ промчался быстро, но въ первый классъ перешло изъ семидесяти человѣкъ немного болѣе половины.

Переходъ въ первый классъ тогда былъ очень заманчивъ, ибо съ переходомъ въ первый классъ на воротничекъ мундирчика нашивали серебряный галунъ. Начало занятій въ первомъ классѣ, гдѣ уже къ обычнымъ предметамъ еще присоединились географія и латинскій языкъ (по Кюнеру), совпало съ рѣдкимъ для гимназіи событіемъ, пріѣздомъ министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго.

Передъ его пріѣздомъ гимназія была выбѣлена, вымыта, приглажена. Мы ходили въ новенькихъ мундирчикахъ, гладко остриженные. Учи-

теля являлись на уроки въ парадныхъ мундирахъ съ шитьемъ и при шпагахъ и треуголкахъ.

Преподаваніе велось въ каждомъ классѣ при открытыхъ дверяхъ, а по корридору на цыпочкахъ изъ угла въ уголъ, какъ тѣнь, скользилъ Тараканъ. Перемѣны были не для всѣхъ сразу, а каждому классу отдѣльно, дабы не было шуму.

Дѣйствительно, гимназія точно замерла. Даже громкихъ рѣчей не было слышно. Изо дня въ день мы твердили все одинъ и тотъ же урокъ, такъ что каждый уже зналъ его какъ «Отче нашъ» и всегда могъ отвѣтить на пятерку.

Желѣзной дороги до Оренбурга еще не было, и потому пріѣздъ министра былъ неизвѣстенъ точно. Кажется, болѣе недѣли просидѣли мы въ такомъ томительномъ ожиданіи; наконецъ, въ одинъ день Михаилъ Матвѣевичъ Тараканъ, чуть не задыхаясь и весь красный, страшно ворочая своими усищами, влетѣлъ къ намъ въ классъ, отставилъ одну ногу, поднялъ къ верху палецъ и шопотомъ произнесъ:

— Пріѣхалъ! Сейчасъ будетъ!

И подбѣжалъ на цыпочкахъ оповѣстить другихъ о томъ же. Въ гимназіи все стихло. У насъ какъ разъ былъ урокъ русскаго языка, который преподавалъ Я. Р. Даниловъ, человѣкъ пожилой, неглупый, говорившій очень красно, но любившій по старой бурсацкой привычкѣ дергать учениковъ за уши и щелкать по лбу такъ, что вскакивала шишка, когда кто-либо не зналъ урока или отличался невниманіемъ. Въ моментъ оповѣщенія Таракана мы разбирали какую-то новую статью изъ «Роднаго Слова». Но теперь, по уходѣ Таракана, Я. Р. Даниловъ велѣлъ открыть намъ старый урокъ, который мы твердили всю недѣлю и знали наизусть.

Почти сейчасъ же послышались чьи-то шаги, и въ классъ нашъ вошелъ министръ. Онъ былъ въ простомъ фракѣ со звѣздою.

Войдя въ нашъ классъ, онъ просто сказалъ:

— Здравствуйте, дѣти. Садитесь.

Затѣмъ подалъ руку Данилову, что̀ того смутило; спросилъ, чѣмъ мы занимаемся, и добавилъ:

— Пожалуйста, продолжайте урокъ. Меня нѣтъ здѣсь. Онъ прошелъ весь классъ, подошелъ къ моей партѣ. Я всталъ. Онъ улыбнулся, положилъ на мое плечо руку и тихо сказалъ: «сиди, сиди» и самъ сѣлъ рядомъ со мной на партѣ же.

Даниловъ вызвалъ К., о которомъ я выше упоминалъ, и сталъ его спрашивать и объяснять что-то. Графъ Толстой слушалъ его внимательно, вмѣстѣ съ тѣмъ тихонько спрашивалъ меня, сколько въ классѣ учениковъ, много-ли киргизовъ, какъ они учатся, вообще обо всемъ. Я

не былъ изъ трусливыхъ, да и не понималъ тогда этихъ ранговъ и чиновъ и потому отвѣчалъ откровенно.

Даниловъ искоса поглядывалъ на меня и министра и видимо прислушивался къ нашему разговору, стараясь услыхать что-либо. Даже самъ путался, давая К. вопросы неясные и сбивчивые.

Графъ Д. А. Толстой на половинѣ перебилъ его.

— Будьте добры, спросите кого-либо изъ инородцевъ, это меня болѣе интересуетъ.

Вызвали рядомъ со мной сидѣвшаго Куватова, и съ первыхъ же словъ Данилова графъ перебилъ его, начавъ самъ спрашивать Куватова.

Вопросы давалъ онъ ясно, отчетливо, такъ что почти въ каждомъ вопросѣ готовъ былъ и отвѣтъ.

Куватовъ не посрамилъ гимназіи и отвѣчалъ на всѣ вопросы удовлетворительно, такъ что министръ видимо остался очень и очень доволенъ. Послѣ этого графъ поднялся, подалъ руку Данилову и, пожелавъ намъ продолжать успѣшно занятія, просто сказалъ: «Ну, прощайте, дѣти! учитесь и любите свою гимназію!»

Больше мы его и не видѣли. Всего онъ пробылъ въ Оренбургѣ три дня, но посѣщалъ уже другіе классы и женскія учебныя заведенія, городскія училища.

Его привѣтливое отношеніе ко мнѣ и сидѣніе рядомъ со мной на одной партѣ принесло мнѣ не мало непріятностей. Я. Р. Даниловъ, конечно, сообщилъ, что министръ со мной говорилъ тихонько и что я что-то много ему отвѣчалъ. Меня таскали къ директору, инспектору, и всѣ допытывали, о чемъ онъ спрашивалъ и что я ему говорилъ. Я положительно не зналъ, что говорить, потому что графъ меня спрашивалъ все о самыхъ простыхъ вещахъ, а отъ меня хотѣли услыхать всѣ чего-то особеннаго.

Подозрѣнія на меня еще болѣе усилились, когда мѣсяца черезъ три послѣ посѣщенія графа, внезапно были смѣщены директоръ Колесниковъ, инспекторъ Н. П. В—ко и кое-кто изъ преподавателей, о которыхъ я даже и понятія не имѣлъ.

II.

Лѣто на мѣновомъ дворѣ.—Ученики въ аулѣ.—Второй классъ и старые и новые товарищи.—Новый инспекторъ А. Л. Громачевскій.—Преподаватели.—Историкъ Н. Е. Сѣверный.—Общій тонъ гимназіи.—Представители классицизма.—Наши игры.

Изъ приготовительнаго класса я перешелъ въ первый съ отличіемъ, т. е. съ похвальнымъ листомъ; актъ всегда праздновался торжественно,

въ общественномъ собраніи, и награды раздавалъ самъ Крыжановскій, генералъ-губернаторъ Оренбургскаго края. Лѣто отецъ мой по обязанности службы проводилъ на мѣновомъ дворѣ, который, какъ и нынѣ, помѣщается верстахъ въ двухъ отъ самаго берега на азіатскомъ берегу Урала, совсѣмъ въ степи и очень далеко сравнительно отъ воды. Здѣсь отецъ слѣдилъ за прогономъ мелкаго и крупнаго скота, идущаго изъ Азіи и Сибири въ Россію, и ему полагалась безплатная квартира—на мѣновомъ дворѣ. Ярмарка здѣсь открывалась 1-го мая и продолжалась до 1-го ноября, но мы обыкновенно переѣзжали сюда вскорѣ послѣ Пасхи, такъ какъ весна въ Оренбургѣ всегда бываетъ ранняя, да и самая лучшая пора, и жили здѣсь въ степи до осени, пока не начиналась невылазная грязь и безконечные дожди. Мѣновой дворъ тѣхъ временъ рѣзко измѣнился. Въ то время это была своего рода небольшая крѣпостца, защищающая или прикрывающая городъ со стороны степи. Весь мѣновой дворъ выстроенъ каменный, онъ занимаетъ площадь около полутора квадратныхъ верстъ, и по угламъ его въ то время еще были сдѣланы выступы, окопанные глубокими канавами. Иногда здѣсь стояли роты солдатъ, напр. въ холерный 1871 годъ. Вообще мѣновой дворъ имѣлъ здѣсь отдѣльное управленіе; тутъ была и полиція, завѣдывалъ которой частный приставъ при двухъ старшихъ и десяти обыкновенныхъ полицейскихъ.

Посрединѣ двора помѣщался гостиный дворъ, гдѣ спеціально торговали бухарцы, хивинцы, туркмены и проч. Здѣсь же была русская церковь, въ которой служба впрочемъ совершалась только раза два во все лѣто: это во время приноса чудотворной Табанской иконы Божіей Матери и затѣмъ въ храмовой праздникъ.

Въ одномъ изъ угловъ двора помѣщалась мечеть. Во дворѣ было вырыто четыре колодца съ очень скверной водой и имѣлось много гостиницъ и харчевенъ. Сейчасъ же за мѣновымъ дворомъ шелъ аулъ, куда лѣтомъ прикочевывало до двухъ-трехъ тысячъ киргизовъ. Изъ Бухары, Хивы прибывалъ товаръ на верблюдахъ—караваномъ, и не рѣдко такой караванъ пригонялся въ 300—500 верблюдовъ; мѣновая торговля шла бойко.

Въ аулѣ я встрѣчалъ часто своихъ товарищей по гимназіи. Помню, я встрѣтилъ своего сосѣда по скамьѣ—киргиза Куватова. который былъ въ первомъ классѣ со мной, а на лѣто я засталъ его въ аулѣ за обдираніемъ барана. У него здѣсь была своя кибитка, гдѣ помѣщались двѣ жены его, а около него ползало двое его ребятишекъ. Куватовъ разспрашивалъ о моей жизни и угостилъ прекрасной похлебкой изъ киргизской (съ курдюкомъ) баранины, и мы съ нимъ часто бесѣдовали, хотя онъ былъ уже отцомъ семейства, а я только ребенокъ.

Я засталъ еще въ первомъ классѣ не только женатыхъ инородцевъ, но даже и русскихъ въ солидномъ для перваго класса возрастѣ. Помню — одного ученика—по фамиліи Соснинъ. Онъ ходилъ съ огромной бородой въ гимназическомъ мундирѣ и говорилъ густымъ басомъ. Учился онъ въ первомъ классѣ и, несмотря на свою зрѣлость, охотно принималъ участіе во всѣхъ дѣтскихъ играхъ и продѣлкахъ. Въ восьмомъ классѣ всѣ были люди почтенные, и я прекрасно помню, какъ на завтракъ они съ собою приносили закуску и водку, а иногда ходили въ 12-ть часовъ въ трактиръ, бывшій недалеко отъ гимназіи и на четвертый и пятый урокъ являлись пьяными. На это начальство смотрѣло какъ-то просто, считая это обычнымъ явленіемъ, порядкомъ совсѣмъ легальнымъ, и не преслѣдовало.

Часть такихъ оставалась еще въ гимназіи даже до 1881 года. Мой репетиторъ, жившій у отца въ домѣ, со мной собственно не занимался нисколько, ибо я учился вообще хорошо, да и не любилъ чьей-либо помощи, стараясь всегда всего добиться самъ. Жилъ онъ при мнѣ больше потому, что не имѣлъ средствъ къ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ составлялъ для моей матери и одной знакомой партнера въ карты, когда таковаго не доставало. Онъ оканчивалъ гимназію уже на двадцать шестомъ году.

Въ началѣ учебнаго года, когда я уже былъ во второмъ классѣ, къ намъ прибылъ вновь назначенный директоръ А. А. Мѣшковъ и инспекторъ А. Л. Громачевскій. Первый, т. е. А. А. Мѣшковъ окончилъ свою педагогическую дѣятельность здѣсь же въ Оренбургѣ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени добрый, простой, сердечный, не смотря на то, что онъ всегда былъ въ градусахъ и молчаливъ. Преподавалъ онъ математику. И преподавалъ крайне оригинально. Онъ не спрашивалъ никогда ученика. Вся учебная четверть проходила въ его объясненіяхъ и рѣшеніяхъ, но передъ концомъ четверти онъ давалъ письменную задачу на все пройденное и по ней судилъ о знаніи. Сухой самъ по себѣ предметъ въ его преподаваніи становился интереснымъ, и мы охотно занимались имъ. Не смотря на свою доброту, онъ почти никогда не возвышалъ голоса и не наказывалъ, его всѣ мы почему-то безпрекословно слушались и даже боялись, что̀ и выражалось въ томъ, что, не смотря на то, что онъ не требовалъ каждодневныхъ отвѣтовъ урока, все же мы всегда готовили уроки и знали ихъ.

Инспекторъ А. Л. Громачевскій былъ свѣтлою личностью добраго стараго времени. Преподавать у насъ онъ сталъ греческій и латинскій языки, а въ старшихъ классахъ—логику. Преподавалъ онъ древніе языки удивительно увлекательно; онъ всегда излагалъ просто, ясно, обильно сообщая всевозможныя свѣдѣнія по миѳологіи и исторіи. Такимъ образомъ нерѣдко его урокъ древняго языка часто превращался въ цѣлую

лекцію о добычѣ золота, приготовленіи стекла, способѣ производства тканей, или иногда посвящался цѣлому историческому обзору извѣстнаго событія, лица или цѣлой націи.

По отношенію къ ученикамъ, это былъ истый джентльменъ. Вѣжливъ до безконечности, спокоенъ, ровенъ всегда, онъ не позволялъ себѣ даже возвышать голоса на ученика, а если что-либо особенно сердило его, то онъ останавливалъ преподаваніе и уходилъ изъ класса. Минутъ черезъ пять, когда его вспыльчивость проходила, онъ являлся снова въ классъ, тѣмъ же веселымъ, ласковымъ и спокойнымъ Александромъ Лукичемъ, которымъ мы всегда привыкли его видѣть. Къ сожалѣнію, онъ пробылъ у насъ не долго, что-то не болѣе двухъ лѣтъ.

Онъ очень много сдѣлалъ хорошаго для Оренбургской гимназіи и главнымъ образомъ для библіотеки.

Едва-ли не первымъ человѣкомъ въ Оренбургской гимназіи, заговорившимъ о чтеніи и объ устройствѣ библіотеки, былъ А. Л. Громачевскій. Самъ лично онъ много пожертвовалъ книгъ изъ своей библіотеки для учениковъ, онъ же правильно и организовалъ всю ученическую библіотеку. Вообще онъ былъ самымъ ревностнымъ распространителемъ среди учениковъ разныхъ полезныхъ книгъ.

Помню, когда онъ получилъ новое назначеніе и покидалъ нашу гимназію, то всѣмъ ученикамъ нашего класса, коего онъ былъ класснымъ наставникомъ,—подарилъ отъ себя на память по книгѣ. Мнѣ досталась интересная книга «Школьные годы Тома Брауна»...

Надо вообще замѣтить, что всѣ новые преподаватели и начальствующіе въ нашей гимназіи какъ разъ составляли рѣзкій контрастъ со всѣми тѣми, кто раньше ею руководилъ и въ ней преподавалъ.

Когда я поступилъ въ гимназію, то въ ней и помину не было не только о библіотекѣ, но даже вообще трудно было встрѣтить въ гимназіи какую-либо другую книгу, кромѣ учебниковъ, введенныхъ какъ руководство по тому или другому предмету.

Гимназія ничего не читала. Въ классѣ прилежные зубрили урокъ, отвѣчали на «отъ сихъ и до сихъ», а камчадалы обыкновенно играли въ карты, шашки на заднихъ партахъ.

Когда сразу появились новые преподаватели, явилась въ гимназіи и посторонняя «не учебная» книга. И въ этомъ отношеніи починъ принадлежитъ А. Л. Громачевскому и Н. Е. Сѣверному.

Наступила своя особая жизнь и въ гимназіи. Она какъ-будто проснулась. Вмѣстѣ съ отношеніемъ къ намъ ученикамъ на «вы» со стороны учителей, пробудилось и въ насъ, мальчуганахъ, самосознаніе, явилось желаніе зубрить не только «отъ сихъ и до сихъ», но и читать другія книги, газеты и журналы. Уже во второмъ классѣ, гдѣ у насъ

былъ наставникомъ все тотъ же покойный Александръ Лукичъ, — возникаютъ литературные вечера.

Иниціатива ихъ устройства исходила отъ одного моего сотоварища, Саши Бугульминскаго.

Онъ поступилъ къ намъ прямо во второй классъ, поступилъ уже на четырнадцатомъ году и потому былъ всѣхъ насъ старше, не считая инородцевъ.

Это былъ очень серьезный и начитанный мальчикъ, и не мудрено, что онъ сразу овладѣлъ всѣми нами и явился среди насъ своего рода коноводомъ—авторитетомъ, которому мы, не вступая въ споръ, вполнѣ подчинились. Его всѣ слушались, слово его было рѣшающимъ, безъапелляціоннымъ. Правда, онъ былъ много серьезнѣе всѣхъ насъ и при томъ обладалъ большими познаніями и больше насъ зналъ жизнь.

Вотъ этотъ-то Саша Бугульминскій и предложилъ первый по субботамъ и вообще наканунѣ праздниковъ по вечерамъ собираться въ гимназію и вмѣстѣ читать, разговаривать о прочитанномъ, обсуждать и даже самимъ составлять нѣчто въ родѣ рефератовъ о болѣе интересномъ и гдѣ и кѣмъ-либо прочитанномъ. А. Л. Громачевскій разрѣшилъ намъ эти сборища, а слѣдомъ за нами тѣ же вечера начались и въ другихъ классахъ, такъ что черезъ мѣсяцъ вся гимназія отъ втораго до восьмаго класса по субботамъ вечерами собиралась по-классно и проводила время за чтеніемъ и спорами. Начальство даже дало намъ безплатное освѣщеніе отъ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не контролировало наши вечера. Иногда только заходилъ къ намъ самъ А. Л. Громачевскій, но уже не какъ начальникъ, а какъ добрый старшій нашъ товарищъ.

Онъ садился за-просто съ нами наравнѣ на парту и слушалъ, какъ кто-либо читалъ, а потомъ самъ принималъ участіе въ дебатахъ. Читали мы безъ всякаго плана и разбора. Помню, именно здѣсь прочли мы романы И. Тургенева, очерки бурсы Помяловскаго, первые романы Достоевскаго и проч., и здѣсь же впервые услышали имена Бѣлинскаго, Добролюбова, Ап. Григорьева, Н. Чернышевскаго, Д. Мордовцева («Знаменіе времени») и даже Герцена.

Дѣтскихъ, обычныхъ игръ не существовало, никто не предлагалъ въ рекреаціонное время просто побѣгать, поиграть въ мячъ, бабки... Это считалось унизительнымъ даже. Если было свободное время, мы или читали, или вели нескончаемые разговоры о томъ, что и кто прочелъ отдѣльно у себя дома. Какъ-то незамѣтно проникали къ намъ и уже чисто политическія событія тогдашняго времени, и они не были чужды для насъ. Да, это и не мудрено. Тогдашнія газеты писали свободно обо всемъ; отцы наши всѣ выписывали тѣ или другія газеты и волновались, говорили, спорили, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, а за

отцами и мы читали газеты и заинтересовывались политикой. Среди насъ какъ будто не было дѣтей, и теперь, вспоминая свое дѣтство, я не могу въ немъ найти ничего дѣтскаго, кромѣ тѣхъ двухъ лѣтъ, которыя я провелъ въ приготовительномъ и первомъ классѣ, когда еще царилъ въ гимназіи старый режимъ и никакія новыя вѣянія не проникали въ нее. Тотъ же Саша Бугульминскій на-ряду съ устройствомъ литературныхъ вечеровъ положилъ начало и журналамъ гимназическимъ. Во второмъ же классѣ сейчасъ же вслѣдъ за первымъ литературнымъ вечеромъ—у насъ по его почину возникъ первый рукописный журналъ, который мы назвали «Часъ досуга». Редакторомъ этого журнала былъ я, а Саша издателемъ и главнымъ сотрудникомъ.

Самаго журнала у меня не сохранилось. Я помню только, что въ немъ была помѣщена моя драма въ трехъ дѣйствіяхъ, называвшаяся «Вѣкъ живи, вѣкъ трудись»; помню, что ее мы даже играли у себя дома на домашнемъ спектаклѣ, и ученикамъ она очень нравилась, но не могу себѣ представить того, какую я могъ написать драму, когда мнѣ было всего на всего одиннадцать лѣтъ!.. Помню еще отрывокъ стихотворенія Саши Бугульминскаго. Вотъ онъ:

Разыграйся буря,
Подуй непогода.
Вихремъ закружися—
Путь—моя дорога.
* * *
Вихремъ закружися,
Чтобъ глаза слѣпило,
Чтобъ не видно было
Впереди мнѣ слѣду...

Былъ въ этомъ журналѣ и романъ Саши же, но содержанія его не помню, помѣщались тутъ же и стихи Ѳ. Кищука, ученика шестаго класса, котораго мы всѣ считали выдающимся поэтомъ, хотя его стихи такъ нигдѣ и не появились, кромѣ нашихъ рукописныхъ журналовъ.

Но самымъ интереснымъ въ нашемъ журналѣ былъ отдѣлъ подъ заголовкомъ: «замѣчанія читателей», гдѣ каждый могъ писать свои замѣтки о прочитанномъ и вообще обо всемъ, о чемъ хотѣлъ. Этотъ отдѣлъ принялъ грандіозные размѣры, и я помню, что въ первомъ же номерѣ онъ занялъ мѣсто что-то около двадцати листовъ, исписанныхъ всѣми читателями-гимназистами.

Нашъ журналъ до нѣкоторой степени былъ санкціонированъ начальствомъ, такъ какъ его читалъ А. Л. Громачевскій и даже произносилъ свое одобреніе или поправлялъ изложеніе.

Слѣдомъ за этимъ журналомъ появились и другіе, такъ что вскорѣ въ каждомъ классѣ былъ свой органъ, а въ нѣкоторыхъ даже по два.

Вскорѣ Саша Бугульминскій отдѣлился отъ меня и сталъ издавать отдѣльно свой журналъ, назвавъ его «Проблески». Выходили еще журналы подъ названіемъ «Трудъ», «Гимназистъ», «Обозрѣватель» и проч., и наконецъ, въ седьмомъ классѣ, ученикомъ Палицынымъ издавался филологическо-юмористическій журналъ подъ нескромнымъ названіемъ «Кукишъ», при чемъ отъ редактора каждому читателю выдавалась безплатная премія — лубочная картинка: «Какъ мыши кота хоронили».

Журналъ этотъ былъ очень остроуменъ для гимназистовъ; онъ осмѣивалъ царившій тогда сугубо классицизмъ. Редактировалъ его самъ преподаватель древнихъ языковъ, нѣмецъ Карлъ Ѳедоровичъ Скорре, плохо понимавшій русскій языкъ и почти совсѣмъ не знакомый съ русской литературой, но очень много смѣявшійся надъ преміей и надъ жизнеописаніемъ какого-то вымышленнаго преподавателя древнихъ языковъ, въ которомъ наивно не могъ узнать насмѣшки надъ самимъ собой. Этотъ учитель даже самъ сочинилъ стихи для названнаго журнала о пожарѣ, который уничтожилъ тогда почти весь Оренбургъ. Стихотвореніе это очень длинно, но я помню изъ него только такой стихъ:

„И большая наша улица
Нынѣ—словно мокра курица
Не имѣетъ видовъ тѣхъ".

Помимо журналовъ стали появляться и отдѣльные рукописные сборники разсказовъ, стиховъ, рефератовъ.

Помню еще, что въ нашемъ же журналѣ появилась первая статья рано умершаго молодаго и талантливаго публициста-народника С. М. Пономарева, которая называлась «Теорія Н. Златовратскаго».

Словомъ, это было время, когда какъ и въ жизни, такъ и въ гимназіи у насъ все кипѣло. Издавались журналы, читались книги, газеты, журналы, велись споры, дебаты, раздавались цѣлыя проповѣди, но нигдѣ не было слышно ничего, что̀ присуще вообще дѣтямъ.

Было бы непростительно, если бы я не упомянулъ здѣсь еще о Н. Е. Сѣверномъ, нашемъ учителѣ исторіи. Николай Емельяновичъ Сѣверный, какъ говорили тогда, былъ ученикъ извѣстнаго историка С. М. Соловьева, подъ руководствомъ котораго онъ работалъ. Это была одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей тогдашняго времени. Н. Е. Сѣверный не гнался за тѣмъ, чтобы ученикъ точно зналъ годы разныхъ событій, напр.: основанія Рима, изданія законовъ Солона или Марѳонской битвы. Онъ не требовалъ даже безусловнаго знанія названій разныхъ мѣстностей и городовъ, но всегда хотѣлъ пріучить ученика разсуждать и путемъ анализа предшествующихъ событій заставить его сдѣлать тотъ или другой логическій выводъ. Онъ не читалъ лекцій, но постоянно вызывалъ

то одного, то другаго ученика и начиналъ съ нимъ бесѣдовать на ту или другую тему изъ исторіи, при чемъ всегда подмѣчалъ, знаетъ-ли ученикъ то, о чемъ они бесѣдуютъ, и умѣетъ-ли разобраться въ томъ матеріалѣ, который даетъ ему исторія. Такимъ образомъ урокъ Н. Е. Сѣвернаго всегда проходилъ оживленно, иногда въ такомъ жаркомъ спорѣ учителя съ учениками, что и тотъ и другіе не слышали звонка, возвѣщающаго конецъ урока исторіи и начало другаго урока, и Николай Емельяновичъ, смущенный появленіемъ въ классѣ другаго учителя, торопливо собиралъ свои книги и журналъ для отмѣтокъ, извинялся и исчезалъ, не успѣвая даже задать урока, какъ это по традиціи было принято. Какъ человѣкъ—это былъ единственный въ своемъ родѣ. Онъ всегда былъ ровенъ, спокоенъ, невозмутимъ и всегда готовъ былъ отвѣчать на любой вопросъ ученика. На гимназистовъ онъ имѣлъ огромное вліяніе, его мы положительно обожали, и я не помню ни одного случая, чтобы въ его присутствіи кто-либо позволилъ себѣ шалить.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о преподавателяхъ древнихъ языковъ, чтобы картина прошлой жизни въ Оренбургской гимназіи была болѣе полна. Преподаватели эти почти всѣ были изъ нѣмцевъ и чеховъ. Они занимали свое особое положеніе и среди насъ и среди своихъ сослуживцевъ, которые отъ нихъ какъ-будто сторонились. Вообще эти преподаватели прежде всего не сходились близко ни съ кѣмъ, потому что плохо знали русскій языкъ, а во-вторыхъ, и потому, что имѣли совсѣмъ другіе взгляды на воспитаніе. Если А. Л. Громачевскій, преподавая древніе языки, вносилъ въ это преподаваніе нѣчто живое, свое, оригинальное, то всѣ остальные, наоборотъ, были и сами такъ же мертвы и чужды намъ, какъ и преподаваемые ими языки.

Н. Беккаревичъ.

Старый обычай на волжскихъ судахъ.

(Изъ моихъ путевыхъ записокъ 1853 года).

Въ 1853 году не было еще на Волгѣ собственно пассажирскихъ пароходовъ, но ходили уже буксирно-пассажирскіе, тянувшіе за собою тяжело нагруженныя баржи. Были неудачныя попытки основать пароходство на Волгѣ въ 1818, 1834 и 1836 годахъ, но всѣ эти пароходы оказались негодными, и народъ называлъ ихъ чертовыми разшивами. Начало Волжскаго пароходства считаютъ съ 1843 года, когда полковникъ Соколовскій построилъ первый, удовлетворявшій требованіямъ, пароходъ Соколъ.

Въ августѣ 1853 года мнѣ пришлось изъ Казани ѣхать въ Саратовъ; всѣ пароходы застряли на Нижегородской ярмаркѣ и пришлось бы долго ждать попутнаго внизъ. Я рѣшился нанять маленькую посудину (на Волгѣ простыя суда назывались посудой)—тихвинку, съ лоцманомъ и двумя бурлаками. Шли мы и сплавомъ, и парусомъ, и лямкой (тяга бичевой) болѣе 2-хъ недѣль до Саратова. Много любопытнаго удалось мнѣ видѣть за это время, но разскажу здѣсь одинъ обычай, котораго я не зналъ раньше и не слыхалъ впослѣдствіи.

Пройдя городъ Хвалынскъ (бурлаки называютъ его Хвалынь), Саратовской губерніи, мы обогнали судно, старавшееся прятать отъ насъ корму; лоцманъ обратилъ на него мое вниманіе; я не замѣтилъ ничего особеннаго, кромѣ куска дерева, привязаннаго къ рулю, на самой водѣ. Но онъ объяснилъ мнѣ, что подъ этимъ деревомъ привязанъ лоцманъ и что на Волгѣ обычай: ежели нанимается лоцманъ, положимъ въ Казани, довести судно до Астрахани и дорогой умираетъ, то его тѣло опускаютъ въ воду и привязываютъ къ рулю, заставляя его мертваго докончить принятую обязанность и доплыть до Астрахани или другаго мѣста назначенія, смотря по условію. Обычай этотъ держится судохозяевами въ большой тайнѣ отъ посторонняго глаза.

Вечеромъ 14-го августа увидали мы на западѣ комету съ хвостомъ, обращеннымъ къ верху, она медленно спускалась за горизонтъ. 15-го, 16-го и 17-го то же явленіе повторилось. «Не къ добру», говорили мои бурлаки, «быть мору или войнѣ».

Черезъ три мѣсяца вспыхнула война съ Турціей, за которой послѣдовала тяжелая Крымская кампанія.

А. Н. Минхъ.

КНЯГИНЯ Д. Х. ЛИВЕНЪ

и ея переписка съ разными лицами.

VI [1]).

Жизнь графини Ливенъ въ Царскомъ Селѣ. — Участіе ея въ воспитаніи наслѣдника. — Характеристика царскаго семейства. — Потеря двухъ сыновей. — Болѣзнь графини и отъѣздъ за границу. — Жизнь въ Парижѣ. — Поѣздка въ Лондонъ. — Возвращеніе въ Парижъ.

По отозваніи изъ Лондона, князь Ливенъ былъ назначенъ воспитателемъ наслѣдника. Пріѣхавъ въ Россію, онъ тотчасъ вступилъ въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей. 8-го сентября Ливены уже поселились въ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ имъ было отведено казенное помѣщеніе.

«Напишите мнѣ нѣсколько словъ», писала княгиня 10-го сентября своему брату, который въ то время сопровождалъ императора въ Москву, и «главное, скажите, что̀ мужу моему и мнѣ слѣдуетъ дѣлать, чтобы поступать вполнѣ согласно съ видами императора во время его отсутствія. Моя обязанность не выдумывать, а повиноваться. Но для того, чтобы повиноваться, мнѣ хотѣлось бы знать волю императора. Желаетъ-ли онъ, чтобы его дѣти имѣли побольше развлеченія или нѣтъ? Дѣйствительно-ли великій князь можетъ бывать у меня только по воскресеньямъ и не болѣе какъ на часокъ, какъ говорятъ, его наставники? Таково-ли желаніе государя? Словомъ, наставьте меня на этотъ счетъ».

«Я захожу ежедневно, въ полдень, къ великимъ княжнамъ

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1903 г.

По вечерамъ принимаю у себя фрейлинъ. Такимъ образомъ желаніе императрицы исполнено. Такъ проходитъ моя жизнь въ Царскомъ. Болѣе мнѣ нечего писать о себѣ. Я еще не видала его высочества вторично. Я ожидаю, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ честь посѣтить меня и попривыкъ бы къ моей физіономіи, чего я искренно желаю. Я не педантка, онъ не будетъ скучать со мною, но съ другой стороны я не имѣю возможности доставить ему особыхъ развлеченій».

12-го сентября великій князь Александръ Николаевичъ впервые провелъ у княгини вечеръ.

«Въ началѣ я почти такъ же оробѣла, какъ и онъ,—сообщала она брату въ тотъ же день;—вамъ это покажется смѣшно; но это правда; его шестнадцать лѣтъ также смущали меня, какъ его могли смутить мои пятьдесятъ лѣтъ. Это будетъ взаимное обученіе. Но затѣмъ дѣло пошло на ладъ. Онъ по истинѣ прелестенъ, въ высшей степени тактиченъ, изысканъ и старается быть пріятенъ.

«Выскажу вамъ откровенно сдѣланное мною наблюденіе: онъ выражается съ трудомъ, въ особенности затрудняется разсказать что-либо, вслѣдствіе чего я старалась доставить ему случай говорить. Я очень желаю, чтобы онъ чаще бывалъ у меня; я вполнѣ увѣрена, что съ каждымъ посѣщеніемъ онъ пріобрѣтетъ болѣе увѣренности въ себѣ, станетъ смѣлѣе и привыкнетъ вести бесѣду, а я уже позабочусь о томъ, чтобы она не казалась ему скучною».

Мало-по-малу Ливенъ свыкалась съ своей новой живнью, столь отличной отъ той, которую она вела въ Лондонѣ; ее занимали заботы о великомъ князѣ, и она всячески старалась снискать его довѣріе.

«Послѣ послѣдняго моего письма, великій князь былъ у меня дважды. Съ каждымъ его посѣщеніемъ намъ становится легче, и мнѣ очень пріятно засвидѣтельствовать, безо всякой лести, что я никогда не встрѣчала болѣе прелестнаго молодаго человѣка. Представьте себѣ: провести въ шестнадцать лѣтъ два съ половиною часа со старухой и серьезными людьми, говорить съ ними или слушать ихъ съ интересомъ, не зѣвая, ни разу не сказать ничего неумѣстнаго, все время быть внимательнымъ, не разсѣяннымъ,—увѣряю васъ, это удивительно. Вчера у насъ былъ случайно Михаилъ Воронцовъ. Мы пользуемся случаемъ залучить къ себѣ кого-нибудь новенькаго, если встрѣтится подходящій человѣкъ. Но чаще всего приходится довольствоваться своимъ обществомъ; впрочемъ, мы не унываемъ.

«Сегодня я имѣла честь принимать великую княжну Ольгу Николаевну [1]). Ея гувернантка сказала мнѣ, что императрица приказала

---

[1]) Письмо безъ даты, приведено въ „Une vie d'ambassadrice au siècle dernier". La princesse Lieven. Paris 1903 г., стр. 193.

мнѣ принимать въ Александровскомъ дворцѣ, если мое помѣщеніе окажется тѣснымъ и такъ какъ намъ надобно немного повеселиться, а для этого необходимо мѣсто, то мы устроимъ сегодня вечеромъ маленькіе танцы въ залахъ императрицы.

«Мнѣ дѣлается смѣшно, когда я вспоминаю свою прошлую жизнь. Какъ я далека теперь отъ политики!

«Нашъ великій князь очарователенъ; ему не достаетъ только того, что не свойственно его лѣтамъ и что рѣдко встрѣчается въ его положеніи. Ему надобно узнать людей: этимъ все сказано. Онъ пріобрѣтетъ это знаніе постепенно. У насъ все благополучно, все идетъ своимъ чередомъ и по заведенному порядку. Я посѣщаю ежедневно великихъ княженъ и позволяю себѣ навѣстить иногда и маленькихъ великихъ князей. Это по истинѣ очаровательное семейство; ихъ пріятно видѣть и наблюдать за ними; это придаетъ бодрость духа. Погода стоитъ очень холодная; постепенно всѣ разъѣзжаются отсюда; вскорѣ тутъ останемся только мы да вороны.

«Я думаю, что нашъ климатъ, въ видѣ привѣтствія, покажетъ мнѣ себя, и что нынѣшняя зима будетъ очень холодная, а лѣто очень жаркое. Боже мой, какъ я перенесу все это; пока, чтобы не погибнуть окончательно, я ѣду завтра въ городъ, гдѣ проведу весь день.

«Мои отношенія къ великому князю становятся съ каждымъ днемъ все лучше и лучше. Увѣряю васъ, онъ, кажется, уже привыкъ ко мнѣ, вовсе не скучаетъ въ моемъ обществѣ, иной разъ даже какъ будто находитъ въ немъ удовольстіе. Что въ немъ особенно хорошо, это положительное и твердое желаніе поступать, какъ слѣдуетъ, выслушивать, запоминать и воспользоваться слышаннымъ. Я бываю очень довольна, когда мнѣ удается зацѣпить собесѣдника, ибо какъ найти интересный предметъ для разговора, если никто не поддерживаетъ его! Мнѣ необходимо, чтобы присутствовалъ кто-нибудь, имѣющій понятіе объ Европѣ или интересущійся ею,—кто бы то ни было, безразлично. Я разсказываю кое-что изъ событій моей молодости, какіе-нибудь анекдоты, пересыпаю серьезный разговоръ шутками и, увѣряю васъ, что великій князь слушаетъ все это съ самымъ любезнымъ вниманіемъ. Я держусь своей системы и заставляю его разсказывать; его молодая жизнь, какъ она ни коротка, даетъ намъ новыя темы для разговора; въ немъ много чувства. Онъ очень хорошо умѣетъ передать свои впечатлѣнія, и выраженіе его очаровательнаго лица дополняетъ иной разъ то, что онъ не можетъ выразить словами. По моему мнѣнію, необходимо развить въ немъ умѣніе говорить. Императоръ обладаетъ имъ въ высшей степени; онъ выражаетъ всегда свою мысль ясно, мѣтко и въ то же время въ изящной формѣ. Я хотѣла бы, чтобы великій князь могъ подражать ему. Но это придетъ».

«Я устроила вчера для великихъ князей и великихъ княженъ вечеринку, которая доставила имъ большое удовольствіе. Я велѣла начать танцы ровно въ семь часовъ, такъ, чтобы всѣ могли принять участіе въ вечерѣ; увѣряю васъ, что маленькіе великіе князья Николай и Михаилъ съ такимъ же удовольствіемъ смотрѣли на танцы, съ какимъ остальные танцовали. Ольга Николаевна держитъ себя прелестно; она со всѣми ласкова и предупредительна; она веселится, какъ дитя и какъ царская дочь. Они всѣ очаровательны; трогательно видѣть, какъ они любятъ своихъ родителей; какъ они радуются и въ какомъ бываютъ восторгѣ, когда отъ нихъ получается письмо или хотя бы только извѣстіе. Наслѣдникъ совсѣмъ привыкъ ко мнѣ; онъ терпитъ мое общество, какъ будто оно доставляетъ ему удовольствіе. Третьяго дня графъ Нессельроде провелъ у меня весь вечеръ; это былъ для меня настоящій праздникъ и счастливый случай для великаго князя. Мы заставили Нессельроде разсказать исторію 1813 и 1814 гг. въ лицахъ. Нельзя лучше изучить исторію, какъ слушая разсказы ея дѣятелей. Великій князь слушалъ его съ величайшимъ вниманіемъ и интересомъ. Подобная бесѣда лучше всякихъ уроковъ».

Послѣдующія письма къ брату (отъ 4-го по 16-е октября 1834 г.) писаны въ такомъ же веселомъ, радостномъ тонѣ. Княгиня отмѣчаетъ съ удовольствіемъ, что «все идетъ на ладъ и даже съ каждымъ днемъ лучше и лучше, ибо все то, что входитъ въ привычку, становится легче. Великій князь выказываетъ по истинѣ трогательное желаніе поступать во всемъ какъ слѣдуетъ. Я никогда не встрѣчала юношу, одареннаго такими прекрасными душевными качествами; это основа для всего остальнаго. Всѣ царскія дѣти любезны и очаровательны со мною, и я провожу время въ ихъ обществѣ по истинѣ самымъ пріятнымъ образомъ».

Въ это время княгиню посѣтили въ Царскомъ Селѣ двое молодыхъ англичанъ: маркизъ Дуро, старшій сынъ Веллингтона, и Каннингъ, единственный сынъ бывшаго министра, съ которымъ она была нѣкогда въ дружественныхъ отношеніяхъ. Княгиня была искренно рада видѣть ихъ, показала имъ всѣ «закоулки Царскаго Села», но не рѣшилась пригласить ихъ къ себѣ вечеромъ, такъ какъ она ожидала великаго князя и было бы не согласно съ этикетомъ, «чтобы онъ увидѣлъ у нея иностранцевъ, которые еще не имѣли чести быть представленными императору. Но когда императоръ вернется, я буду умолять его оказать благосклонный пріемъ моимъ молодымъ англичанамъ. Лордъ Дуро до такой степени похожъ на отца, что даже смѣшно. Онъ военный, подполковникъ. Каннингъ будетъ членомъ парламента. Они оба люди умные, благовоспитанные, съ самыми прекрасными политическими принципами и принадлежатъ въ Англіи къ самому лучшему обществу».

Изъ вышеприведенныхъ выдержекъ можно было бы заключить, что княгиня чувствовала себя въ новой сферѣ довольной и даже счастливой. Но перемѣна образа жизни, среды и всѣхъ привычекъ была слишкомъ велика, чтобы она могла долго чувствовать себя удовлетворенной. Въ ея перепискѣ прозвучала вскорѣ грустная нота, сожалѣніе о прошломъ; однообразіе жизни въ Царскомъ Селѣ, полное отсутствіе волненій, строгая дисциплина, царившая при дворѣ, необходимость вѣчно и во всемъ повиноваться и полное отсутствіе той кипучей общественной жизни, къ которой она такъ привыкла во время своего долголѣтняго пребыванія въ Англіи,—стали тяготить ее.

«Мои письма глупы и неинтересны,—пишетъ она;—я такъ привыкла наполнять ихъ описаніемъ событій, важныхъ или просто забавныхъ, что я совершенно не умѣю описать ту монотонную, однообразную жизнь, какую я веду. Колебанія термометра — вотъ всѣ наши событія! Выше онъ или ниже нуля? Вотъ ежедневно великій для насъ вопросъ. Въ Лондонѣ я имѣла иные интересы».

Съ другой стороны она писала своему другу, лорду Эбердину [1]):

«Наше положеніе здѣсь почетное и блестящее. Мнѣ бы оно очень нравилось, если бы я могла забыть Англію и если бы мнѣ не приходилось жить въ климатѣ, созданномъ для медвѣдей. Я чувствую себя въ этомъ великолѣпномъ дворцѣ очень далеко отъ Европы, я имѣю пріятный кругъ знакомыхъ, но образъ мыслей и предметы разговора далеко не тѣ, къ чему я привыкла и что было для меня пищею послѣднія двадцать два года. Очень грустно, милордъ, разставаться съ привычками, усвоенными такъ давно и съ которыми я такъ сжилась».

Вспоминая, черезъ пять недѣль по пріѣздѣ въ Россію, съ тоскою о своемъ пребываніи въ Англіи, Ливенъ не подозрѣвала, что ее ожидало въ Петербургѣ въ скоромъ времени страшное горе, которое совершенно измѣнило всю ея жизнь.

Четыре мѣсяца спустя она имѣла несчастіе лишиться своихъ двухъ младшихъ сыновей, съ которыми она до тѣхъ поръ не разставалась. Они скончались одинъ за другимъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1835 г. Отчаяніе княгини не имѣло предѣловъ, она до конца жизни не могла забыть этой ужасной потери; особенно горько оплакивала она своего любимца, девятилѣтняго Артура.

Ея здоровье, уже значительно пострадавшее отъ суровой петербургской зимы, отъ которой она отвыкла, внушало серьезныя опасенія, и ей было предписано на время уѣхать изъ Россіи.

Получивъ позволеніе на поѣздку за границу, она отправилась въ

---

[1]) Письмо отъ 3-го октября 1834 г.

началѣ апрѣля, въ сопровожденіи мужа, въ Берлинъ, чтобы посовѣтоваться съ тамошними знаменитостями.

«Мы разстались съ мужемъ въ Фогельсдорфѣ,—писала она брату [1]),—гдѣ меня ожидали экипажи герцогини Кумберлэндской, въ которыхъ я доѣхала до Берлина; она приказала приготовить для меня помѣщеніе во дворцѣ своего сына, принца Фридриха прусскаго, гдѣ она меня ожидала. Она со мною не разстается. Я доѣхала живая, вотъ все, что я могу сказать вамъ самаго грустнаго о себѣ, дорогой братъ, такъ какъ смерть была бы для меня желанной. Могу-ли я жить съ такимъ горемъ въ душѣ? и могу-ли я избѣгать общества, въ которомъ я могла бы найти развлеченіе. Я горюю все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ. Сегодня я живѣе чувствую свою утрату, нежели вчера, и если такъ будетъ далѣе, то что ожидаетъ меня въ будущемъ? Если вы помолитесь за меня Богу, попросите Его соединить меня съ моими ангелами».

Въ Берлинѣ княгиню ожидала большая радость. Она увидѣлась тамъ съ своимъ сыномъ Павломъ, младшимъ изъ оставшихся въ живыхъ.

«При видѣ его я была счастлива на минуту [2]); онъ очень печаленъ, очень нѣженъ и внимателенъ къ своей бѣдной матери. Я очень люблю его, вамъ извѣстно, что въ настоящее время это мой любимецъ. Но мы пробудемъ вмѣстѣ недолго, и я слишкомъ хорошо знаю, что я ничего не могу сдѣлать для него. Бѣдный Павелъ! Онъ плачетъ, глядя на меня. Я очень слаба. До пріѣзда сюда меня поддерживало нервное возбужденіе. Но пережитое страшное несчастіе и утомленіе дороги дали себя знать, какъ только я отдохнула; я измучена, обезсилена».

Стараясь какъ-нибудь развлечься, Ливенъ принимала людей, которые могли «интересовать» ее. Въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ ее въ Берлинѣ, она называетъ прусскаго министра Ансильона, князя Витгенштейна, Рибопьера, герцогиню Кумберлэндскую, которая жила въ то время въ Берлинѣ и усердно о ней заботилась.

«Меня еще интересуютъ общественныя дѣла,—говорила княгиня,—слѣдовательно, я еще доступна развлеченію. Но, разумѣется, это бываетъ непродолжительно, и весь интересъ изсякаетъ, какъ только разговоръ прекратится».

Человѣка мало знакомаго съ Ливенъ могло бы удивить, что въ письмахъ, рядомъ съ горькими сѣтованіями по поводу понесенной утраты, то и дѣло встрѣчаются разныя политическія новости, но тотъ, кто знаетъ, какъ живо княгиня интересовалась всегда политикой и общественными дѣлами, пойметь, что она находила въ этихъ свѣдѣніяхъ утѣшеніе даже въ тѣ тяжелыя минуты, какія она переживала въ Берлинѣ.

[1]) Письмо къ А. Х. Бенкендорфу, приведено безъ даты въ соч. Daudet «Une vie и т. д.», стр. 203.

[2]) Тамъ же, стр. 204.

Впрочемъ, по ея собственному сознанію, она была слишкомъ испорчена лондонскою жизнью, чтобы найти въ Берлинѣ ту пищу для ума, къ которой она привыкла.

«Въ настоящее время для моего ума такъ же точно нѣтъ никакой пищи, какъ и для моего сердца. Бѣдное мое сердце, какъ оно разбито!

«Ахъ, если бы я была мужчиной! Я тронута тѣмъ, что императоръ и императрица вспомнили обо мнѣ. Скажите императрицѣ, что я не пишу ей потому, что не считаю себя болѣе на это въ правѣ. Когда я писала ей, мои письма представляли интересъ. Мои разсказы объ Англіи нравились ей. Въ настоящее время я могу говорить только о своей жалкой особѣ и потому не осмѣливаюсь докучать ей; но я никогда не забуду ея милостей... Эти дни я чувствовала себя хуже; доктора гонятъ меня отсюда, и я уѣзжаю черезъ нѣсколько дней сначала въ Франкфуртъ, а оттуда въ Баденъ-Баденъ».

Письма изъ Бадена были также полны грусти: ни прекрасный климатъ, ни живописная мѣстность не вызывали въ ней чувства удовлетворенія и спокойствія. Единственнымъ средствомъ позабыть свое горе было бы заняться чѣмъ-нибудь, но ни занятій, ни умственныхъ интересовъ въ это время у нея не было.

Ея мужъ и братъ настаивали на томъ, чтобы, окончивъ курсъ лѣченія, она поселилась въ Царскомъ Селѣ, гдѣ могла найти развлеченіе и свои старыя привычки. Но Ливенъ оставила Петербургъ съ твердымъ, хотя никому не высказаннымъ намѣреніемъ не возвращаться болѣе туда на постоянное жительство. Къ тому же въ Баденѣ, также какъ и въ Берлинѣ, доктора утверждали единодушно, что ей не пережить зимы въ Россіи. Она сама была въ этомъ убѣждена, но долго не могла рѣшить, гдѣ ей поселиться. Только въ исходѣ августа, когда курсъ лѣченія въ Баденѣ приходилъ къ концу, она начала высказывать въ своихъ письмахъ желаніе основаться въ Парижѣ.

«Доктора запрещаютъ мнѣ ѣхать въ Италію, тѣмъ болѣе, что тамъ холера. Мнѣ необходимъ умѣренный климатъ, но главное, умъ мой долженъ быть занятъ. Это единственное для меня лѣкарство, единственное средство продлить мое существованіе. Я потеряла все, но такъ какъ мнѣ все-таки еще суждено жить, то я должна гдѣ-нибудь спастись отъ моихъ ужасныхъ воспоминаній. Моему тѣлу необходимъ отдыхъ, а для ума мнѣ необходима пища. Я постараюсь найти то и другое въ кругу моихъ друзей»

У нея были друзья въ Англіи. Но она не считала удобнымъ жить въ странѣ, гдѣ она занимала такъ недавно оффиціальное положеніе; кромѣ того она была тамъ слишкомъ счастлива, чтобы желать жить въ Лондонѣ. Оставалось избрать Парижъ, куда ее посылали и доктора.

«Я предполагаю провести тамъ осень. Мнѣ кажется, дорогой братъ,

что я слишкомъ дорого заплатила за право искать утѣшенія въ моемъ ужасномъ горѣ тамъ, гдѣ я могу найти его. Если для этого необходимо получить разрѣшеніе императора, то я полагаю, что онъ не откажетъ мнѣ въ этомъ.

«Вы забываете, предлагая мнѣ жить въ Царскомъ Селѣ, что задолго до моего несчастья было рѣшено, что я должна уѣхать изъ Россіи года на полтора въ лучшій климатъ. Вы не можете предполагать, что я чувствую себя теперь лучше, нежели тогда. Дорогой братъ, вы пользуетесь всѣми благами міра. Вы не можете понять, что чувствуютъ несчастные, а на свѣтѣ нѣтъ человѣка несчастнѣе меня. У меня было все; теперь у меня нѣтъ ничего».

Рѣшивъ оставить по крайней мѣрѣ временно русскій дворъ, Ливенъ еще болѣе укрѣпилась въ этой мысли вслѣдствіе ея измѣнившихся въ это время отношеній къ ея другу, графинѣ Нессельроде, супругѣ канцлера, которая также была той же осенью въ Баденъ-Баденѣ. Ливенъ горько жаловалась брату на то, что графиня къ ней измѣнилась.

«Это меня огорчаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляетъ. До сихъ поръ я вездѣ имѣла счастье сохранить доброе расположеніе людей, кои считали меня въ числѣ своихъ друтей. Нынѣ мое несчастье какъ будто даетъ мнѣ на это еще болѣе права. Но я въ этомъ ошиблась, и я чрезвычайно этимъ оскорблена. Мнѣ до сихъ поръ не приходилось испытать такой измѣнчивости. Я считаю это естественнымъ послѣдствіемъ того, что всѣ русскіе, особенно дорожащіе высочайшей милостью, подражаютъ во всемъ г-жѣ Н. и поэтому избѣгаютъ меня. Это мнѣ испортило мое пребываніе здѣсь».

«Вспомните мою прошлую жизнь»,—продолжаетъ она,—«у меня были интересы, было занятіе для ума и для сердца, были семейныя и общественныя обязанности, теперь же всего этого нѣтъ! Въ пятьдесятъ два года лишиться всего—это жестоко, дорогой Александръ!

«Не знаю, что готовитъ мнѣ будущее, но въ настоящую минуту мое здоровье такъ плохо, что малѣйшій вѣтерокъ вредитъ ему; душа моя истерзана, я всѣми покинута, у меня нѣтъ никакихъ интересовъ и занятій. Въ этомъ грустномъ положеніи я стараюсь найти какое-либо утѣшеніе и разсчитываю на вашу любовь ко мнѣ и на великодушіе императора, чтобы найти единственное возможное для меня облегченіе. Убѣдите императора отнестись благосклонно къ моей просьбѣ, ибо мысль заслужить его неодобреніе омрачаетъ мнѣ тѣ немногія радости, которыя я могу еще найти».

Въ половинѣ сентября княгиня Ливенъ пріѣхала въ Парижъ въ сопровожденіи своей племянницы Маріи Бенкендорфъ, дочери ея брата Константина. Она предполагала провести въ Парижѣ всю зиму.

Объ ея образѣ жизни въ Парижѣ можно судить со словъ ея друга, англійской посланницы во Франціи, лэди Гренвилль.

«Она живетъ въ своей собственной квартирѣ, катается все утро въ экипажѣ съ своей красавицей-племянницей, которая живетъ у нея. Съ восьми до десяти вечера принимаетъ посѣтителей, отъ которыхъ она жаждетъ слышать новости».

— «Говорите, говорите», умоляетъ она.

«А мнѣ она пишетъ: «Дайте пищу моему уму». Мнѣ будетъ пріятно быть ей полезной, хотя я твердо рѣшила не позволять ей быть слишкомъ требовательной».

Въ это время княгиня еще не знала окончательно, поселится-ли она во Франціи, такъ какъ она не могла рѣшиться на это, не получивъ согласія императора, которое было получено ею только на слѣдующій (1836 г.) годъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Баденѣ, куда братъ писалъ ей:

«Императоръ ничего не запрещаетъ вамъ и предоставляетъ полную свободу дѣйствій».

Ливенъ слишкомъ хорошо знала, откуда было получено это лаконическое разрѣшеніе, чтобы не понять все то, что скрывалось подъ этими словами. Въ сущности императоръ очевидно не одобрялъ образа дѣйствій Ливенъ и только милостиво не выражалъ ей своего порицанія. Она не могла сомнѣваться въ этомъ, тѣмъ болѣе, что ея мужъ писалъ ей одновременно, что онъ «разрѣшаетъ ей жить гдѣ бы то ни было, гдѣ она пожелаетъ, только не въ Парижѣ».

Не смотря на этотъ отвѣтъ, княгиня не измѣнила своихъ плановъ. Зима, проведенная ею въ Парижѣ, оставила въ ней слишкомъ пріятныя воспоминанія, чтобы она могла отказаться отъ дружескихъ отношеній, которыя завязались у нея въ Парижѣ. Она въ первую же зиму познакомилась и сошлась съ Гизо, Беррье, Тьеромъ, Молле, и, разставаясь съ ними весною, обѣщала скоро вернуться въ Парижъ, что настоятельно совѣтовали ей и доктора. Извѣщая брата о своемъ рѣшеніи возвратиться въ Парижъ на зиму, она послала ему докторское свидѣтельство съ просьбою представить на благоусмотрѣніе государя.

Въ это время она была очень мрачно и грустно настроена, какъ свидѣтельствуютъ ея письма къ графинѣ Аппони, жившей въ Парижѣ.

15-го іюля она писала ей:

«Со времени моего пріѣзда сюда (въ Баденъ) прошло всего восемь дней, но они показались мнѣ восемью годами, до такой степени я скучаю и чувствую себя несчастной и всѣми покинутой».

26-го числа она писала еще:

«Любезная графиня, погода стоитъ ужасная, холодная, дождливая; все мое общество составляютъ трое мужчинъ: графъ Буоль, де-Бакуръ и принцъ Эмилій Гессенскій, но я вижу ихъ только вечеромъ на часокъ.

А день длиненъ; я не получаю ни слова отъ мужа. Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ я не имѣю отъ него никакихъ извѣстій. Я не могу строить никакихъ плановъ относительно будущаго, даже самаго ближайшаго; я не знаю, гдѣ я буду въ сентябрѣ. Мое положеніе заставляетъ меня очень страдать. Словомъ, я гораздо болѣе достойна сожалѣнія, нежели въ Парижѣ, и отъ души тоскую по немъ».

Во всѣхъ послѣдующихъ письмахъ повторяются тѣ же жалобы на скуку, на дурную погоду, на упорный кашель, ревматизмъ, отсутствіе писемъ отъ мужа, но вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что княгиню уже захватилъ Парижъ и его интересы и что она только и думала, какъ-бы вернуться туда.

«Я думаю сегодня о Парижѣ немного болѣе, чѣмъ обыкновенно,—писала она въ августѣ мѣсяцѣ;—такъ какъ вы переживаете теперь министерскій кризисъ. Я сожалѣю о томъ, что Тьеру придется выйти изъ министерства, такъ какъ вы знаете, что я питаю къ нему симпатію и онъ любитъ власть, какъ всякій человѣкъ. Мнѣ очень хочется знать, кто замѣнитъ его. Неужели Молле упуститъ и этотъ разъ случай сдѣлаться министромъ? Мы занимаемся здѣсь политикой съ Беррье. Но онъ занятъ здѣсь и другимъ, онъ восхитительно поетъ и играетъ въ водевилѣ и ухаживаетъ за Б. Вотъ крупныя баденскія событія. Если прибавить къ этому, что идетъ дождь, то болѣе сказать нечего».

«Знаете-ли, что доктора настоятельно совѣтуютъ мнѣ возвратиться въ Парижъ. Я чувствовала себя тамъ хорошо. Здѣсь мое здоровье очень плохо, хуже, чѣмъ прошлый годъ. Такъ какъ надъ моимъ бѣднымъ тѣломъ не стоитъ производить опытовъ, то они полагаютъ вполнѣ основательно, что лучше предпочесть вѣрное невѣрному».

Наконецъ рѣшеніе было принято. Ливенъ провела слѣдующую зиму въ Парижѣ, свыкаясь съ каждымъ днемъ все болѣе со своей новой жизнью, которая казалась ей уже столь привлекательной, что она не промѣняла бы ее ни на что.

Слѣдующее лѣто погостивъ нѣкоторое время въ Валензи у Талейрана и чувствуя себя лучше, она отправилась въ Лондонъ, гдѣ только-что скончался Вильгельмъ IV и вступила на престолъ королева Викторія. Хотя Ливенъ не была въ Англіи уже три года, но прежніе друзья встрѣтили ее тепло и радушно.

«Заботливость и теплое отношеніе моихъ друзей доставили мнѣ много отрады, — писала она въ іюлѣ мѣсяцѣ брату. Я живу въ великолѣпномъ дворцѣ герцогини Сутерландской. Всѣ мои знакомые посѣщаютъ меня; я окружена, обо мнѣ заботятся, мнѣ не даютъ предаваться грустнымъ воспоминаніямъ, и если бы эти доказательства дружескаго отношенія давали счастье, то на свѣтѣ не было бы никого счастливѣе меня. Я тронута, признательна, такъ какъ мнѣ выказываютъ теперь болѣе

вниманія и любви, чѣмъ когда-либо. Ко мнѣ съѣзжаются по обыкновенію люди всѣхъ партій, всѣхъ оттѣнковъ. Это привилегія, которой я пользуюсь вездѣ».

Охваченная атмосферою, въ которой она такъ долго жила, Ливенъ сдѣлалась въ Лондонѣ снова той же проницательной корреспондентшей, какою она была прежде.

«Завтра я буду представляться королевѣ. Новое царствованіе представляетъ нѣчто чудесное. Восемнадцатилѣтняя королева держитъ себя съ удивительнымъ тактомъ и увѣренностью, интересуется дѣлами, обладаетъ весьма твердой волею, никому не оказываетъ предпочтенія; отлично знаетъ, что она имѣетъ право хотѣть, и добивается своего съ удивительной настойчивостью, или, какъ говорятъ иные, съ упрямствомъ».

«Изумительная вещь—эта маленькая дѣвочка, въ день своего восшествія на престолъ, отрѣшилась отъ всѣхъ своихъ взглядовъ, привычекъ, привязанностей дѣтства; вышла изъ подъ вліянія своей матери и ея фаворита, сбросила съ себя дѣвичью рабость, стала въ какой-нибудь часъ настоящимъ человѣкомъ; робѣетъ менѣе, чѣмъ любой старикъ, все понимаетъ, всѣмъ занимается, говоритъ повелительнымъ высокомѣрнымъ тономъ и внушаетъ всѣмъ окружающимъ къ себѣ уваженіе и боязнь, какой не внушали старые короли, ея предшественники».

Ливенъ писала однажды брату, что событія общественной жизни всегда имѣли даръ интересовать и развлекать ее. Это было вполнѣ справедливо, и во время своего пребыванія въ Лондонѣ она какъ будто ожила и забыла свое горе, по крайней мѣрѣ оно было усыплено.

Ливенъ пробыла въ Лондонѣ весьма короткое время, когда ею было получено письмо отъ мужа, который увѣдомлялъ, что онъ ѣдетъ въ Германію на воды, а оттуда въ Италію, но не можетъ взять ее съ собой, а такъ какъ ему необходимо видѣть ее, то онъ просилъ жену назначить на его пути какое-нибудь мѣстечко, гдѣ бы они могли встрѣтиться. Поручая своему другу, графу Орлову, который ѣхалъ въ Лондонъ, передать княгинѣ это письмо, князь настоятельно просилъ его убѣдить Дарью Христофоровну въ необходимости этого свиданія. Но Орлову было достаточно увидать ее, чтобы понять, что она не была въ состояніи вынести столь длиннаго путешествія. Уже переѣздъ изъ Парижа въ Лондонъ дурно отразился на ея слабомъ здоровьи, и ей было необходимо беречься.

— Онъ долженъ пріѣхать къ вамъ, а не вы къ нему,—сказалъ графъ Орловъ. Назначьте ему свиданіе въ Гаврѣ или Дьеппѣ.

Она послѣдовала его совѣту, написала мужу въ этомъ смыслѣ и уѣхала въ Парижъ ожидать отвѣта на свое письмо.

Но по дорогѣ силы измѣнили ей. Она была вынуждена остановиться въ Аббевиллѣ, гдѣ, вслѣдствіе приключившагося съ нею сильнаго крово-

теченія, она была нѣсколько дней между жизнію и смертью; только недѣлю спустя она прибыла въ Парижъ совершенно измученная.

Едва оправившись отъ болѣзни, она получила отвѣтъ отъ мужа, который доставилъ ей тяжкія нравственныя страданія. Онъ «приказывалъ» ей немедленно покинуть Парижъ и заканчивалъ свое письмо такъ: «Я требую категорическаго отвѣта, ибо я самъ обязанъ дать черезъ нѣкоторое время отчетъ относительно тѣхъ мѣръ, какія будутъ приняты мною въ случаѣ отказа съ твоей стороны».

Эти слова означали ясно, что ей приходилось повиноваться высшей волѣ. Жалуясь на столь строгое приказаніе, княгиня напомнила мужу, что графъ Орловъ полагалъ, что она можетъ жить въ Парижѣ, не нарушая воли государя, подробно описывала ему свои страданія и въ подтвержденіе своихъ словъ сослалась на приговоръ врачей.

Но всѣ ея доводы было напрасны. Мужъ писалъ ей въ отвѣтъ на ея письмо:

«Надѣюсь, ты вполнѣ поняла изъ моихъ писемъ, что я настоятельно требую, чтобы ты вернулась. Я предупреждалъ тебя, что въ случаѣ отказа я буду вынужденъ принять такія мѣры, которыя для меня очень непріятны. Поэтому объявляю тебѣ, что если ты не вернешься, то я прекращу высылку тебѣ денегъ. Я долженъ предупредить тебя также, на случай, если настоящее письмо останется безъ отвѣта, что если таковой не будетъ полученъ мною черезъ три недѣли, то я буду вынужденъ поступить такъ, какъ будто ты отвѣтила мнѣ отказомъ».

Впослѣдствіи княгиня узнала, что императоръ запретилъ ея мужу видѣться съ нею точно такъ же, какъ онъ запретилъ сообщать ей о смерти ея сына Константина, скончавшагося въ Америкѣ. Она узнала объ этомъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, получивъ обратно посланное ему письмо, съ надписью «скончался».

Сообщая лорду Грею обо всѣхъ этихъ непріятностяхъ, княгиня писала между прочимъ, что ея мужъ никогда не говоритъ теперь о ней съ своими дѣтьми и не пишетъ ей потому, что она въ немилости при дворѣ.

Не имѣя возможности двинуться изъ Парижа, гдѣ ее удерживало болѣзненное состояніе, «не считая возможнымъ сдѣлать ради денегъ то, чего она не могла сдѣлать изъ расположенія», понявъ, наконецъ, что ея мужъ былъ только орудіемъ и что она будетъ безжалостно принесена въ жертву, Ливенъ, посовѣтовавшись со своими парижскими друзьями, съ русскимъ посланникомъ Медемомъ, съ лэди Гренвиль, съ англійскимъ посланникомъ и съ Гизо, обратилась лично къ императору съ просьбою разрѣшить ей пребываніе въ Парижѣ и написала графу Нессельроде и графу Орлову, умоляя ихъ замолвить за нее слово, чтобы смягчить государя.

Вотъ что она писала Орлову [1]).

«Любезный графъ, угрозы моего мужа станутъ совершившимся фактомъ, если я не выѣду черезъ недѣлю изъ Парижа, чтобы жить вмѣстѣ съ нимъ; онъ лишитъ меня своей поддержки, и я останусь безъ гроша. Вотъ къ какимъ крайнимъ мѣрамъ онъ будетъ вынужденъ прибѣгнуть, чтобы сдержать данное имъ, повидимому, императору слово вызвать меня во что бы то ни стало изъ Франціи, ибо я вижу ясно изъ его писемъ, что онъ обязанъ дать ему отчетъ въ принятомъ по отношенію ко мнѣ рѣшеніи. Мои письма и отзывы врачей имъ получены; поэтому ясно, что онъ желаетъ, чтобы я уѣхала отсюда живая или мертвая.

«Не можетъ быть, любезный графъ, чтобы императоръ одобрилъ это, я никогда этому не повѣрю. Г. Ливенъ принялъ какой-нибудь намекъ съ его стороны за приказаніе, и, очевидно, желая исполнить волю государя и заставить меня поступить такъ, какъ онъ хочетъ, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ очень некрасивому средству, недостойному меня и императора. Нѣтъ, быть не можетъ, чтобы императоръ приказалъ моему мужу поступить такимъ образомъ съ его женою; императоръ, самъ примѣрный мужъ, навѣрно не захочетъ быть причиной разлада между мужемъ и женою, прожившими вмѣстѣ тридцать семь лѣтъ.

«Относительно меня вопросъ какъ нельзя болѣе простъ; надобно выяснить, не хочу я или не могу уѣхать изъ Парижа. Я говорю это не голословно, но если докторское свидѣтельство считается недостаточнымъ, то остается только предписать здѣшнимъ представителямъ Россіи удостовѣриться въ истинѣ моихъ словъ. Вотъ чего я требую нынѣ, какъ права.

«Если будетъ подтверждено, что я не въ состояніи уѣхать, то я прибѣгну къ покровительству императора и попрошу его сказать моему мужу, что онъ ошибется, полагая сдѣлать ему пріятное, ставя свою жену въ безвыходное положеніе и предлагая ей на выборъ либо рисковать жизнью, уѣхавъ изъ Парижа, либо жить въ нищетѣ, если она останется тамъ. Во всякомъ случаѣ я избираю послѣднее. Но, любезный графъ, нищета, которой я буду обречена, будетъ всѣмъ извѣстна. Г. Ливена всѣ считали до сихъ поръ человѣкомъ чести, дворяниномъ. Никто не повѣритъ, чтобы онъ могъ сдѣлать поступокъ столь необъяснимый. А что касается меня, то я человѣкъ всѣмъ извѣстный и живу на глазахъ у моихъ друзей, а вамъ извѣстно, какъ много ихъ у меня. Всѣ будутъ доискиваться причинъ тѣхъ притѣсненій, коимъ я подвергнусь.

«Надѣюсь, любезный графъ, что вы предотвратите все это. Вы принадлежите, какъ я уже говорила вамъ, къ числу тѣхъ слугъ императора, кои умѣютъ служить ему въ его истинныхъ интересахъ и согласно съ

[1]) «Une vie d'ambassadrice», стр. 223.

его чувствами. Достаточно будетъ одного слова императора, чтобы отмѣнить мѣру, принятую моимъ мужемъ и я прошу его величество произнести это слово; а васъ, любезный графъ, прошу походатайствовать объ этомъ. Я разсчитываю на его справедливость! Въ счастливые дни моей жизни я привыкла къ его милостямъ. Надѣюсь, что онъ не лишитъ меня ихъ послѣ всѣхъ испытанныхъ мною несчастій. Буду ожидать отъ васъ отвѣта съ полною надеждою на успѣхъ».

О томъ же она просила и брата:

«Помните, какъ однажды мы ѣхали съ вами въ 1833 г. въ Петергофѣ въ вашихъ дрожкахъ, и вы сказали мнѣ, говоря о моемъ мужѣ:

— Если бы мужъ сталъ угрожать вамъ, обратитесь ко мнѣ; я не дамъ васъ въ обиду.

«Этотъ моментъ насталъ, защитите меня».

Разсказавъ брату всѣ свои бѣдствія, она заявляетъ рѣшительно, что она не тронется съ мѣста, что отъ нея ничего не добьются.

«Предпринять путешествіе значитъ обречь себя на смерть. Я не доставлю моему мужу постыдное удовольствіе сказать императору:

— Ваше величество, я исполнилъ ваше приказаніе, но моя жена умерла.

«Не мнѣ будетъ стыдно, если я буду жить въ нищетѣ. Если я буду лишена того обезпеченнаго существованія, къ которому я привыкла, и которое подобаетъ занимаемому мною положенію и богатству моего мужа, за то я найду здѣсь людей, сочувствующихъ мнѣ, найду въ нихъ братьевъ, друзей. Мнѣ уже начинаютъ выказывать все болѣе и болѣе сочувствія, видя, какъ несправедливо со мною поступаютъ».

Княгиня еще не получила отвѣта на эти письма, какъ къ ней пріѣхалъ неожиданно ея сынъ Александръ, посланный отцомъ, чтобы «разъяснить матери неизмѣнную волю императора и печальныя послѣдствія, коимъ она подвергала себя, оставаясь въ Парижѣ». «Мой мужъ велѣлъ сыну увезти меня, хотя бы то было въ ущербъ моему здоровью».

Александръ Ливенъ, посовѣтовавшись съ врачами, испугался послѣдствій, какія могло имѣть это безчеловѣчное приказаніе, и отвѣтственности, какую ему приходилось взять за себя, убѣждая мать уступить, и онъ самъ посовѣтовалъ ей остаться.

Между тѣмъ пришелъ отвѣтъ отъ А. Х. Бенкендорфа. Огорченная тѣмъ, что она не находила въ немъ положительнаго разрѣшенія, о которомъ она просила, а лишь одни уклончивыя фразы, Ливенъ задавалась вопросомъ, какія могли быть причины отказа, и, предполагая, что императоръ ставитъ ей въ вину то, что у нея былъ политическій салонъ, она защищалась, опредѣляя иначе характеръ тѣхъ собраній, которыя происходили у нея каждый вечеръ.

«Политическій салонъ, это неправда!

«Да, конечно, у меня бываютъ политическіе дѣятели, т. е. все выдающееся по уму изъ разныхъ партій, но въ общемъ бываетъ всего пять французовъ: Молле, Гизо, Тьеръ, Беррье и герцогъ де-Ноайль. Какъ видите, это люди всякихъ оттѣнковъ. Изъ числа ихъ у меня бываютъ запросто только первые два, и я глубоко уважаю того и другаго. Но развѣ я говорю съ ними о политикѣ? Что мнѣ до нея теперь? Я совершенно не въ курсѣ дѣлъ и такъ какъ это хорошо имъ извѣстно, то они въ этомъ отношеніи ничего не ищутъ у меня, и васъ, быть можетъ, удивитъ, если я вамъ скажу, что съ г. Гизо, напр., мы говоримъ преимущественно о религіи. Онъ испыталъ такія же несчастія, какъ я, и даже бо́льшія, онъ такъ же, какъ и я, лютеранинъ, человѣкъ высоконравственный, и бесѣда съ нимъ болѣе услаждаетъ мнѣ жизнь, нежели всѣ развлеченія и пустая болтовня.

«Вотъ лица, которыя бываютъ у меня, да еще нѣкоторые дипломаты съ самыми прекрасными принципами, нѣсколько знакомыхъ англичанъ, путешественники-австрійцы, нашъ посланникъ, который навѣщаетъ меня ежедневно. Вотъ, дорогой братъ, какъ я провожу время; по вечерамъ я всегда дома; я никогда нигдѣ не бываю, ни въ гостяхъ, ни въ театрѣ, ни гдѣ бы то ни было. Моя жизнь идетъ опредѣленно и это единственное развлеченіе мнѣ доступное и для меня пріятное. Объясните мнѣ, что худаго въ подобной жизни?»

Не смотря на требованіе русскаго правительства, Ливенъ рѣшила остаться въ Парижѣ и, какъ видно, весьма скоро устроила себѣ тотъ образъ жизни, который одинъ представлялъ для нея интересъ.

Ея салонъ былъ открытъ ежедневно еще болѣе, чѣмъ въ Лондонѣ; у нея бывали всѣ французскія и иностранныя знаменитости, и всѣ они превозносили умъ, аристократическія манеры и увлекательную бесѣду хозяйки дома.

Прелестная канониса, г-жа Мессингенъ предсѣдательствовала за чайнымъ столомъ, за которымъ собиралась молодежь, не интересовавшаяся политикой. Тамъ и сямъ образовывались группы и велась оживленная бесѣда.

«Ея салонъ представляетъ нейтральную почву—записалъ въ своемъ дневникѣ Чарльзъ Гревиль, посѣтившій ее въ Парижѣ въ 1837 г.,—у нея бываютъ люди всѣхъ партій, такъ что тамъ можно встрѣтить самыхъ ярыхъ противниковъ, мирно и любезно бесѣдующихъ между собой. При подобныхъ условіяхъ ея присутствіе въ Парижѣ должно быть весьма полезно двору, такъ какъ подобная женщина всегда съумѣетъ сдѣлать какое-нибудь интересное и полезное наблюденіе. Ей очень нравится въ Парижѣ, но она отзывается съ безграничнымъ презрѣніемъ о характерѣ французовъ и ставитъ очень высоко нравственное превосходство Англіи, и для друзей, которыхъ она пріобрѣла въ этой странѣ, ея двери

были всегда широко открыты, и они спѣшили къ ней, сойдя съ парохода, увѣренные въ томъ, что найдутъ у нея, всегда любезный пріемъ».

Естественно, что, послѣ долгихъ лѣтъ, проведенныхъ въ странѣ, гдѣ все было построено на прочныхъ основахъ, отсутствіе этой выработанности, нѣкоторая неясность взглядовъ, страсти и предубѣжденія, порожденныя частыми революціями, словомъ, неустойчивость мысли, свойственная тогдашнему французскому обществу, должны были вызвать критику интеллигентной наблюдательницы и внушить ей нѣкоторое презрѣніе.

Въ Парижѣ она встрѣтила много политическихъ друзей, между прочимъ Талейрана и его племянницу, графиню Дино, которые видѣли оба Англію у своихъ ногъ въ то время, когда посланникомъ въ Лондонѣ былъ Ливенъ. Они составляли оппозицію герцогу де-Брогли и помогали Тьеру достигнуть власти. «Изъ современныхъ французскихъ знаменитостей Ливенъ отдаетъ предпочтеніе Молле,—писалъ Гревиль въ вышеупомянутомъ дневникѣ;—это человѣкъ умный, любезный и если не самый блестящій, то навѣрно самый здравомыслящій и разсудительный изъ всѣхъ остальныхъ; Тьеръ—самый замѣчательный изъ нихъ, онъ въ высшей степени умный и живой; Гизо и Беррье — оба люди весьма почтенные. Княгиня утверждаетъ, что французы совершенно не знаютъ, что дѣлается у насъ. Такъ, напр., Молле сказалъ ей однажды:

— Наше положеніе, правда, не блестящее, но положеніе Англіи гораздо хуже.

«Но король лучше освѣдомленъ и лучше знаетъ нашу правительственную систему».

Тотъ же Гревиль пишетъ, что Тьеръ, который былъ въ то время главою кабинета, недовольный отношеніемъ англійской посланницы лэди Гранвиль къ г-жѣ Тьеръ, обратился къ Ливенъ и просилъ ее предупредить посланницу, что если она будетъ держать себя такъ, то она рискуетъ, что ея мужъ будетъ отозванъ, и это былъ не единственный случай, когда люди, весьма высоко поставленные, обращались къ посредничеству Ливенъ. Герцогъ Орлеанскій, пріискивавшій себѣ невѣсту, «вздумалъ прокатиться инкогнито въ Германію», чтобы взглянуть поближе на двухъ юныхъ виртембергскихъ принцессъ. Ихъ отецъ, король виртембергскій, узнавъ объ этомъ уже по его отъѣздѣ, писалъ Ливенъ, жалуясь на эту шалость, которую онъ называлъ «большою дерзостью».

Лэди Гранвиль, жившая въ 1836 году въ Парижѣ, гдѣ ея мужъ былъ посланникомъ, очень часто видѣлась съ Ливенъ. Она писала съ своей стороны одной изъ своихъ подругъ, лэди Карлейль:

«Г-жа Ливенъ постоянно окружена; она умѣетъ отдѣлаться отъ докучливыхъ людей, такъ какъ она имѣетъ смѣлость показать имъ свое

превосходство. Случается, что знаменитости сцѣпляются у нея, но по ея мнѣнію это не бѣда. Что касается до меня, то я не высидѣла бы втроемъ съ Беррье и Молле, которые на ножахъ, но она умѣетъ все уладить и выйдти изъ всякаго затруднительнаго положенія. На-днихъ я была у нея. У нея сидѣли г-жа Дюрапцо, Молле, Гумбольдтъ; докладываютъ, что пришелъ Пакье (Pasquier). Она въ восторгѣ, польщена и говоритъ мнѣ:

—Умоляю васъ, останьтесь, поболтайте съ канцлеромъ.

«Я отнѣкиваюсь. Она умоляетъ меня не покидать ея. Я уступаю.»

Сама княгиня описываетъ въ своихъ письмахъ съ присущимъ ей умомъ и остроуміемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ посѣтителей.

«Переходя отъ общихъ мѣстъ къ личностямъ, скажу, что я не интересуюсь людьми, такъ же точно, какъ событіями. Я уважаю г. Гизо потому, что онъ этого заслуживаетъ. Я сопричислила бы его къ средневѣковымъ героямъ, если бы средніе вѣка были просвѣщенны. Онъ отличается рѣдкою въ наше время прямотою, честностью и твердостью духа, которые вполнѣ подходятъ къ этой эпохѣ. Это человѣкъ возвышеннаго ума и правилъ, что такъ рѣдко въ наше время. Г. Молле обладаетъ тонкимъ умомъ и самыми изысканными манерами и обхожденіемъ. Онъ уступчивъ, кротокъ, любезенъ, но обидчивъ и завидуетъ всякой выдающейся личности. Г. Тьеръ—неистощимый фейерверкъ; у него самый богатый умъ, какой я знаю. Огромная впечатлительность и измѣнчивость принциповъ составляютъ отличительную черту его характера. Въ глубинѣ души это революціонеръ, но который, въ случаѣ надобности, можетъ принять любую окраску; у него сатанинская гордость, какъ онъ самъ говоритъ. Онъ говоритъ, что даже Карлу V пришлось бы посчитаться съ нимъ; я думаю, что Карлъ V приказалъ бы повѣсить его. Онъ способенъ сдѣлать всевозможное зло, а въ сущности онъ то, что называютъ très bon enfant (очень добрый малый). Не злопамятенъ, не завистливъ.

«Г. Беррье великолѣпнѣйшій ораторъ, человѣкъ въ высшей степени любезный, прекрасное дитя и самый легкомысленный изъ французовъ.

«Я передаю впечатлѣніе, которое производитъ на меня каждый изъ нихъ; я вижу ихъ только у себя. Первые два, въ особенности первый, г. Гизо, бываетъ у меня ежедневно. Я выслушиваю съ интересомъ мнѣнія, высказываемыя каждымъ изъ нихъ. Это напоминаетъ мнѣ мою прошлую жизнь, хотя теперь я не могу извлечь изъ этого никакой пользы, ибо все это только доставляетъ мнѣ развлеченіе, но я не могу себѣ представить болѣе интереснаго и болѣе уморительнаго развлеченія».

Такъ какъ Тьеръ былъ въ то время противникомъ Пальмерстона, то Ливенъ была готова служить ему; поэтому во время перваго непродолжительнаго министерства Тьера, въ 1836 г., она была съ нимъ

*

въ довольно дружественныхъ отношеніяхъ, но очень быстро предпочла ему Гизо.

Этого было достаточно, чтобы Тьеръ охарактеризовалъ ее болтуньей, лгуньей и дурой (sotte).

Судя по лицамъ, которыя посѣщали салонъ княгини Ливенъ почти ежедневно, можно составить себѣ понятіе о томъ, какое положеніе создала она себѣ, всего два года спустя послѣ своего пріѣзда въ Парижъ, благодаря своему глубокому знакомству съ дипломатическимъ міромъ, довѣрію, которое она внушала людямъ своимъ здравымъ сужденіемъ и довѣріемъ. Въ Парижѣ точно такъ же, какъ и въ Лондонѣ, она все знала и все жаждала знать. Она всѣхъ разспрашивала, все предвидѣла, все предусматривала, обо всемъ освѣдомлялась; всегда корректная, точная, логическая въ своихъ сужденіяхъ, преданная своимъ друзьямъ, «требовавшая, быть можетъ, слишкомъ многаго отъ дружбы, но неспособная обмануть или предать друга». Она тщательно скрывала свои матеріальныя и душевныя заботы отъ всѣхъ, кромѣ одного человѣка, съ которымъ она настолько сошлась въ Парижѣ, что говорила съ нимъ вполнѣ откровенно, безъ всякой задней мысли, и привыкла вскорѣ говорить ему все.

Этимъ человѣкомъ былъ для нея Гизо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Предложеніе о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи въ 1826 году.

Письмомъ, отъ 9-го (21-го) апрѣля 1826 года, англичанинъ Джонъ Галль предлагалъ императору Николаю I устроить рельсовые пути съ паровозами для перевозки товаровъ.

«На случай,—писалъ Галль,—если бы ваше императорское величество нашли затронутый мною вопросъ достойнымъ вниманія, я осмѣливаюсь присовокупить, что при осуществленіи въ Россіи предлагаемой мною системы перевозки товаровъ, при помощи рельсовыхъ путей, таковые менѣе чѣмъ въ три дня будутъ доставляться изъ Москвы до Петербурга. Къ тому же рельсовый путь далъ бы возможность подвозить менѣе чѣмъ въ 14 дней въ С.-Петербургъ всѣ богатства Уральскаго хребта, которыя ждутъ только своего распространенія. Издержки перевоза товаровъ по рельсовому пути составятъ лишь двадцатую часть расходовъ на провозъ товаровъ по самому лучшему водному каналу; при томъ предлагаемый способъ перевозки свободенъ отъ всякой опасности.

«Я не осмѣливаюсь занимать времени вашего императорскаго величества указаніемъ на важность открытія удобной перевозки избыточныхъ произведеній Юга въ районъ сѣверныхъ губерній, гдѣ жители терпятъ большіе недостатки. Я не осмѣливаюсь также указать и на то, насколько умножились бы отъ предлагаемаго проведенія рельсоваго пути въ Россіи могущество, благосостояніе и источники доходовъ обширнаго, сильнаго и знаменитаго государства. Но я всепокорнѣйше осмѣливаюсь лишь указать вашему императорскому величеству на тѣ способы, коими эта важная и спасительная перемѣна можетъ быть приведена въ исполненіе. Что касается меня лично, то я почту себя счастливымъ содѣйствовать достиженію означенной цѣли, не только до-

ставленіемъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній изъ Англіи, но даже указаніемъ на искуснаго инженера, подъ руководствомъ котораго можно было бы оборудовать предлагаемую систему рельсовыхъ путей...

«Во всякомъ случаѣ, если вашему императорскому величеству благоугодно будетъ заняться моими предложеніями и подвергнуть таковыя чьему-либо разсмотрѣнію, то я всепокорнѣйше прошу назначить для сего князя Василія Долгорукова, какъ человѣка, извѣстнаго своимъ патріотизмомъ, наблюдательностью, опытностью, знаніемъ и въ свое время много путешествовавшаго; къ тому же князь Долгоруковъ основательно знакомъ съ англійскимъ языкомъ. Все это дастъ послѣднему возможность обсудить представляемый нынѣ мною вашему императорскому величеству проектъ рельсовыхъ путей во всемъ его объемѣ и послѣдствія осуществленія таковаго».

Письмо Джона Галля 2-го мая было по высочайшему повелѣнію отправлено на заключеніе шталмейстера князя Долгорукова. Послѣдній 21-го мая писалъ управлявшему Собственною Его Величества канцеляріею Николаю Назарьевичу Муравьеву:

«Вслѣдствіе отношенія вашего превосходительства ко мнѣ отъ 2-го сего мая мѣсяца за № 917, съ препровожденіемъ по высочайшей волѣ на мое разсмотрѣніе письма на высочайшее имя Джона Галля, касательно предположеній его объ устройствѣ въ Россіи дорогъ, называемыхъ railroads, я осмѣливаюсь изложить здѣсь слѣдующее мнѣніе мое по сему предмету.

«Разсматривая общую пользу, каковую можно извлечь учрежденіемъ по означенному проекту дорогъ съ транспортными, паровыми машинами и вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдуя въ точности неудобства, съ которыми необходимо сопряжено таковое учрежденіе, я полагаю, что для Россіи, какъ государства весьма обширнаго, и по его обширности весьма мало населеннаго, неудобства сіи, по роду ихъ, слишкомъ увеличиваются и дѣлаютъ заведеніе подобныхъ дорогъ столь же мало выгоднымъ, какъ и затруднительнымъ.

«Вообще дабы видѣть настоящую пользу столь новаго у насъ учрежденія, надобно, чтобы сія польза, будучи исчислена, превышала бы проценты начальнаго капитала на устроеніе транспортныхъ паровыхъ машинъ и прочаго для нихъ потребнаго и сумму на ежегодный ремонтъ и на содержаніе при оныхъ команды нужную—условіе, которому, кажется, довольно трудно удовлетворить въ Россіи, какъ по недостатку еще къ тому внутренней ея промышленности, такъ и по дальности въ ней мѣстныхъ разстояній, увеличивающихъ обыкновенно при подобныхъ произведеніяхъ трудность въ изысканіи способовъ и, по мѣрѣ того, самое число издержекъ.

«Въ семъ отношеніи успѣхи такого предпріятія, по мнѣнію моему,

вообще не могутъ отвѣчать тѣмъ удобностямъ и выгодамъ, каковыя на опытѣ заключаются въ нынѣшнемъ состояніи водяныхъ сообщеній. Ибо сіи, какъ извѣстно, большею частью опредѣляются натуральнымъ теченіемъ рѣкъ и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ искусственными построеніями, и сверхъ того водяное сообщеніе, будучи разъ учреждено, требуетъ только весьма рѣдкихъ ремонтовъ. Изъ сего самаго уже оказывается, что такого рода издержки не такъ чувствительны, какъ тѣ, какихъ потребуетъ новое заведеніе въ Россіи описываемыхъ дорогъ съ транспортными паровыми машинами и трудное содержаніе оныхъ, а именно:

1) Для приведенія въ движеніе таковыхъ машинъ нужно устроить по всему пространству сообщеніе чугунныхъ дорогъ, которыя на приготовленномъ уже мѣстѣ, по извѣстному исчисленію, собственно матеріалами и работою должны стоить чрезвычайныхъ издержекъ, тѣмъ болѣе усиливающихся, что для избѣжанія встрѣчи паровыхъ транспортныхъ машинъ, въ противныхъ съ обѣихъ сторонъ направленіяхъ, необходимо завести сіи дороги на каждомъ трактѣ двойнымъ числомъ. Что же касается до самаго приготовленія мѣста, то Московское шоссе доказало, во что оно можетъ обойтиться, и къ какимъ расходамъ можетъ привести устроеніе дороги въ болотахъ, которыхъ у насъ нельзя избѣгнуть, построеніе мостовъ чрезъ встрѣчающіяся рѣки и прочее.

2) Таковое искусственное строеніе, какова чугунная дорога, должно требовать дѣятельнѣйшаго за нимъ присмотра, слѣдовательно, многочисленной и потому на большомъ пространствѣ дорого стоящей команды. При томъ въ зимнее время сіи дороги не могутъ быть употребительны и останутся совершенно праздными.

3) Учрежденіе самыхъ паровыхъ машинъ должно быть сопряжено съ немаловажными издержками. Для содержанія ихъ и наблюденія за ними, нужно имѣть искусныхъ и потому довольно дорогихъ надзирателей, а для приведенія ихъ въ движеніе, потребно большое количество дровъ, или уголья.

4) Сильныя перемѣны температуры, весьма обыкновенныя въ нашемъ климатѣ, особенно при переходѣ отъ зимы къ лѣту, заставятъ чувствительно расширяться или сжиматься чугунныя полосы, составляющія дорогу, а отъ сего сильнаго движенія подвергнутъ ихъ опасности трескаться по длинѣ такъ, что для того, чтобы не остановить удобнаго хода машинъ, нужно будетъ имѣть всегда въ запасѣ готовыя полосы въ замѣнъ попорченныхъ и для того завести по всей дорогѣ нарочныя кузницы.

«Сіи главнѣйшія и многія другія разсужденія, о коихъ здѣсь не распространяюсь, приводятъ меня къ рѣшительному заключенію, что проектъ Джона Галля объ учрежденіи въ Россіи дорогъ, называемыхъ

railroads сколько съ одной стороны неудобоисполнителенъ, столько, съ другой, не представляетъ никакой общественной выгоды.

«Обращая при семъ къ вашему превосходительству письмо его, на высочайшее имя по сему предмету поданное, имѣю честь быть» и проч.

Мнѣніе князя Долгорукова было препровождено на соображеніе главноуправлявшаго путями сообщеній герцога Александра Виртембергскаго, а имъ передано на заключеніе «Комиссіи для разсматриванія дѣлъ по строеніямъ разныхъ зданій, смѣтъ и проектовъ».

Комиссія вполнѣ согласилась съ мнѣніемъ князя Василія Долгорукова и признала осуществленіе рельсовыхъ путей въ Россіи неудобоисполнимымъ. При этомъ къ соображеніямъ князя Долгорукова комиссія сочла нужнымъ еще присовокупить, «что тонка машинъ, для движенія употребляемыхъ, необходимо производиться должна имѣющимся въ Англіи въ изобиліи каменнымъ углемъ, и что недостатокъ сего горнаго матеріала въ Россіи почесть должно не менѣе важнымъ препятствіемъ къ приведенію предположенія г. Галля въ исполненіе».

Постановленіе коммиссіи было утверждено герцогомъ Виртембергскимъ, и проектъ Галля не получилъ дальнѣйшаго движенія.

Сообщилъ **Н. Олферьевъ.**

Мелкія замѣтки объ отношеніяхъ императора Александра къ полякамъ [1]).

I.

Мнѣніе Каподистріи о цензурѣ въ Царствѣ Польскомъ.

По Вѣнскому трактату 1815 г. былъ образованъ вольный городъ Краковъ съ небольшимъ прилегавшимъ къ нему округомъ. Жители города, желая выразить императору Александру свою глубокую признательность за все имъ сдѣланное, возъимѣли намѣреніе въ концѣ 1817 года послать къ нему особую депутацію. Государь былъ этимъ очень тронутъ и выразилъ согласіе на то, чтобы въ Варшаву, во время его пребыванія въ этомъ городѣ, прибылъ въ качествѣ уполномоченныхъ отъ города Кракова одинъ сенаторъ, одинъ членъ законодательнаго собранія, а также одинъ представитель отъ академіи и чтобы такого рода депутація не имѣла бы слишкомъ торжественнаго вида и выдающагося значенія. Означенная депутація и была принята императоромъ въ Варшавѣ въ 1818 году.

1817 году, всѣ обыватели Кракова, мѣстныя власти и представители иностранныхъ державъ выразили желаніе почтить торжественнымъ богослуженіемъ день тезоименитства императора Александра I. Оберъ-священникъ собора Скурковскій отправлялъ службу въ соборѣ, пѣли гимнъ «Боже, царя храни» и т. д. Въ театрѣ также выражались восторги народа. Нѣкто Маѣрановскій сочинилъ въ стихахъ пьесу, въ которой указывалъ на все сдѣланное Александромъ I городу и на пожертвованный его величествомъ на пользу крестьянъ денежный фондъ,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г., № 2-й.

собранный съ обывателей на сооруженіе памятника въ честь перваго счастливаго пребыванія Александра I въ столицѣ Польскаго королевства.

Между тѣмъ въ коммиссіи объ устройствѣ города Кракова въ1817 г. было замѣчено, что если во время богослуженія молятся за императора Александра, то нѣтъ основанія не молиться за другихъ двухъ коронованныхъ лицъ, подъ покровительствомъ которыхъ Краковъ находится, т. е. за императора австрійскаго и короля прусскаго. Это дошло до свѣдѣнія Александра I, и онъ приказалъ 30-го октября (11-го ноября) 1817 г. сообщить коммиссіи, что епископство краковское со всѣмъ его личнымъ составомъ и его округомъ принадлежитъ, въ отношеніи дѣлъ духовнаго вѣдомства, къ царству Польскому, отъ котораго получаетъ жалованье и все необходимое для своего содержанія. Кромѣ того самое назначеніе епископа краковскаго зависитъ отъ русскаго императора, и самъ епископъ является членомъ варшавскаго сената. Поэтому его величество изволитъ полагать, что епископъ можетъ въ соборѣ вмѣстѣ со своимъ причтомъ возносить молитвы за его особу. Но какъ мѣстопребываніе епископа находится въ вольномъ городѣ Краковѣ, то его величество не полагаетъ возможнымъ воспрещать духовенству возносить молитвы за общее благоденствіе, по установленному на то въ городѣ порядку, какъ это признаютъ мѣстныя власти вольнаго города. Казалось бы, что это должно удовлетворить всѣхъ, ибо въ Петербургѣ, въ столицѣ Имперіи, въ англиканской церкви, всякій разъ, въ установленное время, возносятъ молитвы за англійскую королеву, а въ приходскихъ католическихъ церквахъ обѣихъ столицъ отправляется богослуженіе въ день Св. Людовика и молятся за патрона Франціи и за его королевское величество. Этимъ дѣло и кончилось.

Въ 1818 году, городъ Краковъ призналъ нужнымъ имѣть въ Варшавѣ своего дипломатическаго агента для сношенія съ державами, подъ покровительствомъ которыхъ городъ состоялъ по Вѣнскому трактату. По докладу объ этомъ, Заіончекомъ получено было изъ Царскаго Села, 25-го августа 1818 года, увѣдомленіе, что его величество приметъ съ удовольствіемъ въ своей Имперіи дипломатическаго агента отъ города Кракова.

II.

Въ 1818 году посѣтила Варшаву вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, проѣздомъ за границу, и была очень довольна оказаннымъ

ей пріемомъ, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго рескрипта императора Александра I изъ Ахена, на имя Заіончека отъ 7-го (19-го) октября 1818 года.

«Князь Заіончекъ! Покидая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Варшаву, я высказалъ народнымъ представителямъ, что въ довѣренности ихъ — все мое желаніе, въ привязанности — вся моя награда. Радуюсь возможности повторить это вамъ сегодня, имѣя новое тому доказательство. Самыя искреннія, самыя трогательныя выраженія глубокаго уваженія и преданности были оказаны моей матери во все время пребыванія ея въ царствѣ Польскомъ. Она встрѣчала вездѣ единодушное выраженіе привязанности, столь же искренней, какъ и живой. Ей, такъ сказать, принесена была дань сыновней любви. Моя признательность за это имѣетъ тотъ же характеръ. Вы, генералъ, снискали особое на это право, а потому съ удовольствіемъ вручаю оную вамъ съ просьбою передать по принадлежности. Будьте органомъ моей признательности и моего полнаго удовольствія. Передайте то и другое всѣмъ гражданамъ и служащимъ всякаго рода. Сообщите имъ, что взаимная любовь государей и подданныхъ является главною силою учрежденій и государствъ, и что божественное Провидѣніе, всегда покровительствуя такой счастливой симпатіи, повидимому, связываетъ съ нею свои самыя щедрыя благословенія.

«Призывая оныя еще разъ на пользу царства Польскаго, выражаю вамъ, генералъ, увѣренія моего совершеннаго уваженія».

III.

Конституціонная хартія царства Польскаго 1815 года содержала въ себѣ только одну статью относительно свободы печати, именно статью 16, по которой «обывателямъ царства обезпечивалась свобода печати, при чемъ способы прекращенія злоупотребленій печатью должны быть опредѣлены закономъ». Кромѣ того, тою же хартіею постановлялось, что никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе, какъ на основаніи существующихъ законовъ. Между тѣмъ какихъ-либо законовъ, опредѣлявшихъ одновременно съ хартіею или вскорѣ по ея обнародованіи порядокъ надзора за печатнымъ словомъ, также злоупотребленія онымъ и налагаемыя за это наказанія—издано не было. Въ этомъ отношеніи руководствовались правилами, установленными еще Наполеономъ въ 1809 и 1810 годахъ для бывшаго герцогства Варшавскаго, по которымъ наблюденіе за печатнымъ словомъ вообще возлагалось на администрацію.

Ей одной было предоставлено разрѣшать изданіе журналовъ и газетъ, наблюдать за ихъ содержаніемъ, пріостанавливать и прекращать изданія по своему усмотрѣнію, задерживать книги, по содержанію своему почему-либо признаваемыя вредными или опасными для чтенія и т. д. Подобные порядки, установленные еще Наполеономъ I, очевидно, не согласовались съ конституціею, но не вызывали на практикѣ недоумѣній или неудовольствій, пока не развилась печать и пока не стали заботиться о защитѣ священнаго огня націи (какъ называлъ хартію Нѣмоевскій). Долгое время единственною въ Варшавѣ газетою была «Газета Варшавская» (La gazette de Varsovie), выходившая всего три раза въ недѣлю [1]). Она доставляла мало пищи для ума и почерпала всѣ свои свѣдѣнія и разсужденія изъ «Гамбургской газеты» и «Австрійскаго наблюдателя», составлявшагося въ канцеляріи князя Меттерниха. Мѣстныхъ извѣстій въ газетѣ имѣлось очень мало; описывались преимущественно общественныя торжества и помѣщались различныя правительственныя сообщенія. Среди польскаго общества не существовало привычки обсуждать общественныя дѣла, и къ тому же было очень не много литературныхъ силъ.

Вообще мало писали и еще менѣе читали,—говоритъ Лисицкій [2]),—а потому и свобода печати являлась правомъ наименѣе полезнымъ и существеннымъ; это было своего рода предметъ роскоши. Постепенно, однако, все это измѣнилось; просвѣщеніе распространялось все болѣе и болѣе въ Польшѣ, а съ нимъ вмѣстѣ явилась и потребность чтенія, которую стали удовлетворять выпискою книгъ изъ-за границы и изданіемъ газетъ и журналовъ въ предѣлахъ царства. Тогда приведенный выше параграфъ конституціи сталъ получать практическое значеніе, но осуществленіе его на дѣлѣ было далеко не полное и не замедлило вызвать рядъ недоумѣній о предѣлахъ свободы печати.

Такъ уже въ началѣ 1814 года появился въ Варшавѣ, изданный въ Парижѣ «Историческій журналъ военныхъ дѣйствій 7-й легкой польской кавалерійской дивизіи, входившей въ составъ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса подъ начальствомъ дивизіоннаго генерала Сокольницкаго, со времени возобновленія военныхъ дѣйствій въ августѣ 1813 года» [3]).

---

[1]) См. Le marquis de Wielopolski—Sa vie et son temps 1803—1877—par Henri Lisicki, т. I, стр. 30.

[2]) Тамъ же, стр. 32.

[3]) „Journal historique des opérations militaires de la 7-e division de cavalerie legère polonaise, faisant partie du 4-e corps de la cavalerie de reserve, sous les ordres de M. le general de division Sokolnicki, depuis la reprise des hostelitée au mois d'aout 1813 jusqu'au passage du Rhin au mois de novembre de la même année. Paris. Imprimerie d'Ant. Bailleul".

Въ этомъ сочиненіи порицались дѣйствія генерала Круковецкаго и сообщались весьма не лестные отзывы, какъ о немъ самомъ, такъ и вообще о польскомъ войскѣ. Императоръ Александръ желалъ изъять это сочиненіе изъ обращенія, какъ пасквиль (libel), чтобы честь Круковецкаго оставалась незапятнанною, такъ какъ онъ былъ снова принятъ на службу. По поводу этого сочиненія князь Чарторыйскій писалъ Соболевскому въ 1818 году съ цѣлью напомнить ему о намѣреніи государя дать приказаніе объ изъятіи вышеупомянутаго сочиненія изъ обращенія [1]). Но противъ этого возстали газеты, находя, что такое распоряженіе несогласно съ конституціею.

Вскорѣ нѣсколько молодыхъ лицъ, едва окончившихъ курсъ ученія, основали ежедневную газету, отличавшуюся рѣзкимъ направленіемъ. Правительство въ Варшавѣ долго терпѣло эту газету, наполняемую компиляціями изъ разныхъ иностранныхъ журналовъ, по преимуществу изъ Minerve (въ Парижѣ), Vrai libéral (въ Брюсселѣ) и Patriote Allemand. Издатель газеты графъ Кицинскій, пользуясь правомъ безцензурнаго изданія, сталъ помѣщать статьи не только очень рѣзкія, порицавшія дѣйствія и распоряженія правительства, но даже оскорбительныя для послѣдняго. Тогда газета была запрещена, и типографія ея запечатана, а Кицинскій и Моравскій предприняли новое изданіе по подпискѣ, которое, состоя изъ ста томовъ, должно было выходить ежедневно выпусками по одному листу каждый. Этимъ путемъ они хотѣли замаскировать изданіе газеты и освободиться отъ предварительной цензуры.

Это изданіе называлось «Хроника первой половины XIX столѣтія»; въ ней принималъ участіе извѣстный Нѣмцевичъ, зло осмѣивавшій администрацію. Скоро эта «Хроника» преобразовалась въ газету «Бѣлый Орелъ», выходившую шесть разъ въ недѣлю. Она отличалась особенно крайнимъ направленіемъ.

Помѣщаемыя въ ней статьи о сеймикахъ, о выборѣ лицъ достойныхъ, а не трусовъ военныхъ вызвали внушеніе, сдѣланное ея редактору графу Бруно Кицинскому, принужденному извиниться печатно за статью, которая могла казаться оскорбительною для арміи [2]). Въ этой газетѣ проводились самые крайніе взгляды о цензурѣ вообще, высказывалось, что невозможно заглушить голосъ истины, рано или поздно его услышатъ и истину узнаютъ.

Въ виду такого злоупотребленія свободою печати, намѣстникъ царства находилъ необходимымъ учредить цензуру, съ цѣлью предупреждать распространеніе въ царствѣ сочиненій и статей вредныхъ по

---

[1]) Арх. Госуд. Совѣта, дѣло 1818 г., № 223.

[2]) Арх. Госуд. Совѣта, дѣло № 19, 1820 года.

своему направленію, унижающихъ достоинство правительства. При этомъ Заіончекъ находилъ, что цензуру необходимо поручить особому учрежденію.

Изъявивъ на то свое согласіе, императоръ Александръ повелѣлъ немедленно заняться проектомъ правилъ о цензурѣ и, собравъ всѣ прежнія постановленія, изданныя въ этомъ отношеніи для бывшаго Польскаго королевства и для герцогства Варшавскаго, положить предѣлъ той безграничной свободѣ печати, которую дозволяютъ себѣ нѣкоторые молодые люди въ газетахъ. Предлагалось составить проектъ правилъ болѣе строгихъ въ тѣхъ видахъ, чтобы потомъ, при обсужденіи въ сеймѣ, имѣть возможность сдѣлать уступки, при которыхъ проекты вѣроятно и будутъ приняты [1]).

Послѣ долгихъ обсужденій былъ составленъ проектъ положенія о цензурѣ для царства Польскаго, который, по разсмотрѣніи его въ 1820 г. въ административномъ совѣтѣ царства, былъ представленъ на высочайшее одобреніе, прежде внесенія его на разсмотрѣніе сейма. Императоръ Александръ приказалъ Соболевскому снестись по этому предмету съ Каподистріей.

Каподистрія 3-го мая 1820 г. сообщилъ ему слѣдующія свои соображенія по вопросу объ устройствѣ цензуры въ Польшѣ.

«Шестнадцатая статья конституціонной хартіи королевства,—писалъ онъ [2]),—обезпечиваетъ его обывателямъ свободу печати и добавляетъ, что способы предотвратить злоупотребленія ею будутъ опредѣлены законодательнымъ порядкомъ. Предстоитъ осуществить на дѣлѣ эту статью, но осуществить по доброй совѣсти. Для вполнѣ добросовѣстнаго осуществленія, повидимому, необходимы два условія, именно, первое: необходимо, чтобы духъ и стремленіе конституціи были бы уважены, и второе, чтобы благодѣяніе, ею установляемое, содѣлалось бы таковымъ на дѣлѣ, т. е. чтобы было обезпечено Польшѣ право, которымъ она могла бы пользоваться, а не прерогатива, которая, находясь внѣ ея обладанія, являлась бы тѣмъ самымъ даромъ призрачнымъ и пагубнымъ.

Смыслъ статьи конституціи ясенъ, а потому въ немногихъ словахъ, нѣсколько ниже, будетъ разсмотрѣнъ только указываемый ею законодательный порядокъ къ отвращенію злоупотребленій этой свободой. Теперь же попытаемся прежде всего указать мѣры, которыя могли бы сдѣлать свободу печати истинно-полезною въ королевствѣ: полезною странѣ тѣмъ, что она способствовала бы печатанію мнѣній мудрыхъ, взглядовъ правильныхъ, идей благотворныхъ и въ то же время полезною правительству,—сохраняя за нимъ всю власть, которою оно должно быть вооружено противъ пагубныхъ ученій и злонамѣренныхъ попытокъ.

[1]) См. дѣло 1819 г., № 122.

[2]) Записка Каподистріи написана на французскомъ языкѣ.

Въ отношеніи этихъ двухъ цѣлей необходимо разсмотрѣть состояніе просвѣщенія въ Польшѣ, степень распространенія въ странѣ познаній, отношеніе лицъ, которыя будутъ пользоваться правомъ высказывать свободно свои мысли къ общему населенію страны, а также степень образованія страны, необходимаго къ тому, чтобы допустить печатаніе различныхъ софизмовъ, безъ опасности, такъ какъ имѣлась бы увѣренность, что таковые будутъ отвергнуты значительнымъ большинствомъ людей, пріобрѣвшихъ здравое сужденіе. Бѣдствія, перенесенныя Польшею, отвѣчаютъ на эти вопросы и сколько бы она ни была невинна въ испытанныхъ ею бѣдствіяхъ, тѣмъ не менѣе таковыя сопровождались неизбѣжными ихъ послѣдствіями. Безъ сомнѣнія, нельзя на Польшу смотрѣть какъ на страну вполнѣ новую для пользованія свободою. Но ея прежнія учрежденія существенно отличаются отъ учрежденій новѣйшихъ. Печать объявлена свободною въ Польшѣ только послѣднею хартіею; очевидно, слѣдовательно, что Польша никогда не могла подготовиться къ осуществленію этого права, никогда не могла въ этомъ отношеніи воспользоваться уроками опыта. Однако, только опытъ, только время приводятъ къ зрѣлости не только народы и отдѣльныхъ людей, но и всѣ существа природы. Разумъ народовъ и разумъ (raison) отдѣльныхъ личностей подчиняется тѣмъ же самымъ законамъ; годы—развиваютъ, а воспитаніе—укрѣпляетъ оный. Въ юности народовъ онъ является не тѣмъ, чѣмъ оказывается въ зрѣломъ ихъ возрастѣ. Онъ не можетъ, слѣдовательно, вселять всегда одно и то же довѣріе, ни пользоваться одинаковыми преимуществами; есть эпохи, въ которыхъ разумъ находится какъ бы въ состояніи младенчества; въ эту эпоху онъ требуетъ поддержки, вызываетъ наблюденіе со стороны неизбѣжной опеки.

Поздравимъ, впрочемъ, Польшу, что ей предстоитъ еще совершить огромные успѣхи, тогда какъ другія страны Европы доходятъ уже до той предѣльной точки ихъ развитія, съ которой начинаютъ совершаться только шаги назадъ.

Постепенно возвысить эту страну на высшую степень цивилизаціи значитъ доставить ей возможность стоять прочно; желаніе же разомъ поднять ее на эту ступень—только подготовило бы ея паденіе.

Бросьте только взглядъ на государства, въ которыхъ установилось конституціонное правленіе. Всѣ они проходили по необходимымъ ступенямъ развитія, и коль скоро они отрекались отъ мудрой медленности, коль скоро они желали опередить ходъ времени, всѣ они испытывали неизбѣжное наказаніе за подобное пагубное неблагоразуміе.

Въ Англіи свобода печати, ограниченная и пріостановленная послѣдовательными съ 1637 года распоряженіями, начинаетъ существовать только съ 1694 года. Ни одно изъ правительствъ, возникавшихъ

и исчезавшихъ въ Англіи въ этотъ періодъ времени, не въ состояніи было даровать Великобританіи пользованіе этимъ правомъ, и только послѣ сорока лѣтъ опытовъ въ этомъ отношеніи она пріобрѣла ту нравственную зрѣлость, ту всеобщность познаній, безъ которыхъ печать, провозглашенная свободною, является только орудіемъ бѣдствій.

Еще разительнѣе болѣе близкій примѣръ Франціи; какъ дорого заплатила она за свою пагубную поспѣшность. Даже въ наши дни она обречена на опасныя попытки, и новѣйшая доказываетъ, что она не достигла въ этомъ отношеніи высоты Англіи.

Сѣверо-американцы были, безъ сомнѣнія, счастливѣе; но они являются только англійскими выходцами, переселенцами Англіи, которые въ Америкѣ воспользовались наслѣдіемъ различныхъ видовъ свободы, существовавшихъ въ прежнемъ ихъ отечествѣ, и благими послѣдствіями ихъ современнаго уединенія отъ другихъ державъ. Пусть намъ по чистой совѣсти отвѣтятъ на слѣдующее. Если Англія не была въ состояніи выдержать безусловную свободу печати въ ту эпоху, когда она уже давно пользовалась прочными конституціонными правами и когда столько знаменитыхъ людей украшали ея народныя собранія; если Франція и понынѣ остерегается опасностей, которыя влечетъ за собою безпредѣльное позволеніе развивать всякія ученія и печатать всякія мысли, то какъ же подобное позволеніе, подобная свобода печати можетъ быть дарована Польшѣ, которая никогда не знала эту свободу ранѣе, и въ которой развитіе цивилизаціи было замедлено различными обстоятельствами?

Вопросъ сводится къ тому, является-ли Польша такою же просвѣщенною страною, какъ Англія и Франція; распространено-ли въ Польшѣ образованіе настолько, какъ въ этихъ двухъ странахъ; столь-ли значительно число лицъ, умѣющихъ читать и обсуждать прочитанное въ Польшѣ, какъ въ Англіи и Франціи, и въ пользу кого именно будетъ установлена въ Польшѣ безусловная свобода печати?

Очевидно, такое право будетъ установлено не въ пользу большинства обывателей страны, которые не въ состояніи имъ воспользоваться, но только въ пользу немногихъ отдѣльныхъ личностей, могущихъ злоупотреблять этимъ правомъ. Такимъ образомъ, на дѣлѣ, свобода печати вмѣсто того, чтобы явиться правомъ общимъ для всѣхъ, явится только исключительною привилегіею немногихъ, а какъ заблужденія встрѣчаются чаще истины, а страсти нерѣдко высказываются громче, нежели чувства любви къ отечеству, то подобныя исключительно привилегированныя лица будутъ осуществлять на дѣлѣ, въ продолженіе долгаго времени, монополію столь же несправедливую въ принципѣ, какъ и могущую быть предосудительною по ея послѣдствіямъ.

Справедливость побуждаетъ признать, что Польша не созрѣла еще

для свободы печати; что эта свобода вызываетъ необходимую противъ нея же гарантію; что свобода печати, чтобы сдѣлаться благомъ, должна развиваться постепенно и что въ видахъ собственной ея пользы необходимы мудрыя, благоразумныя ограниченія и законы, предупреждающіе злоупотребленія ею.

Но такіе предупредительные законы, если бы они существовали одни, не соотвѣтствовали бы словамъ хартіи, въ которой съ точностью выражено, что злоупотребленія печати будутъ пресѣкаемы; слѣдовательно, хартія высказывается за карательныя мѣры. Поэтому, если ограничиться только мѣрами предупредительными, то добросовѣстное толкованіе хартіи будетъ осуществлено не вполнѣ, и самыя выраженія хартіи, быть можетъ, дадутъ народнымъ представителямъ основаніе къ тому, чтобы отвергнуть предлагаемыя правительствомъ предупредительныя правила цензуры.

Поэтому необходимо въ Польшѣ совмѣстить систему предупредительную и карательную, воспользоваться выгодами, представляемыми каждою изъ нихъ, и подобнымъ совмѣщеніемъ опредѣлить для Польши размѣръ свободы печати, соотвѣтствующій степени просвѣщенія этой страны.

Таково было бы основаніе закона, который обсуждался бы въ палатахъ.

Теперь разсмотримъ различныя части закона и главныя его положенія.

Цензура или предупредительные законы въ отношеніи печати подверглись въ нашъ вѣкъ сильнымъ нападеніямъ. Но если отнестись съ вниманіемъ ко всему высказанному противъ цензуры, то окажется, что возстаютъ не столько противъ самой цензуры, сколько противъ способа ея организаціи.

Высказывалось нерѣдко, что цензура замѣняетъ заблужденія одного лица заблужденіями другаго; что если одно лицо ошибается, намѣреваясь напечатать какую-либо мысль, то такъ же легко можетъ ошибаться и другое лицо, воспрещая печатать оную; что въ интересахъ послѣдняго (цензора) все запрещать, чтобы этимъ сохранить за собою выгодное для него занятіе; наконецъ, что до настоящаго времени [1]) ничто не обезпечиваетъ противъ произвола цензуры, и что произволъ и своеволіе приводятъ хотя и различными путями, но къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

Не опровергая высказаннаго и не признавая его безусловно, можно, повидимому, принять за основное положеніе, что цензура, предназна-

[1]) Это мнѣніе Каподистріи изложено 3-го мая 1820 года въ С.-Петербургѣ.

ченная предупреждать злоупотребленія, должна въ то же время представлять гарантіи: государству — противъ преступленій и проступковъ свободы печати, а писателямъ—противъ несправедливости и пристрастія цензоровъ; она должна доставлять первому увѣренность, что сочиненіе предосудительное, достойное порицанія, не получитъ преступнаго одобренія, а вторымъ вселять законное довѣріе въ ея безпристрастности.

Поэтому мы намѣреваемся предложить такое устройство цензуры, которое могло бы отвратить чрезмѣрную, крайнюю свободу печати и въ то же время поощрить свободу печати умѣренную; устройство, которое успокоило бы и правительство, доставивъ ему необходимое наблюденіе за произведеніями печати и писателей, обезпечивъ имъ безпристрастное сужденіе объ ихъ произведеніяхъ.

Въ этихъ видахъ предлагается учредить коммиссію, которая, называясь коммиссіею предварительнаго разсмотрѣнія сочиненій, состояла бы изъ слѣдующихъ лицъ:

1) трехъ членовъ, выбранныхъ писателемъ изъ числа депутатовъ, сенаторовъ и лицъ, избираемыхъ въ палату;

2) изъ трехъ должностныхъ лицъ по назначенію правительства;

3) изъ трехъ депутатовъ: одного отъ королевскаго общества изящной словесности и двухъ отъ университета. Предсѣдатель коммиссіи избирается по жребію изъ числа членовъ, назначаемыхъ правительствомъ въ эту коммиссію.

Всякое сочиненіе, предварительно его напечатанія, представляется въ коммиссію. Она разсматриваетъ представленное сочиненіе согласно законамъ, которыми будетъ опредѣлена виновность авторовъ противъ свободы печати, и рѣшаетъ по большинству голосовъ, можетъ-ли это сочиненіе быть напечатано или нѣтъ. Данное коммиссіи позволеніе печатать освобождаетъ автора отъ отвѣтственности предъ правительствомъ за его сочиненіе.

Заключеніе коммиссіи, что разсмотрѣнное сочиненіе не подлежитъ печатанію, не является обязательнымъ для автора и не можетъ безусловно препятствовать ему напечатать оное, такъ какъ, по смыслу хартіи, злоупотребленія печатью будутъ пресѣчены, и что, слѣдовательно, только изданіе карательныхъ правилъ противъ печати является согласнымъ съ хартіею. Въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы примѣненіе карательныхъ законовъ было бы неуклонно; необходимо не только, чтобы подобные законы были строги, но чтобы также ни одно злоупотребленіе печатью не ускользнуло отъ ихъ дѣйствія.

Единственное средство сдѣлать подобные законы дѣйствительными состоитъ въ томъ, чтобы они соотвѣтствовали свойству тѣхъ проступковъ, которые они должны карать. Эти проступки рѣдко заключаются въ фактахъ положительныхъ и вещественныхъ; рѣдко въ сочиненіяхъ

содержатся прямыя воззванія къ возстанію, или явно выраженныя презрѣнія къ господствующей церкви и правиламъ нравственности или какое-либо прямое обвиненіе должностнаго лица. Подобное опасное направленіе можетъ скрываться подъ кажущимся уваженіемъ порядка и законовъ; оно можетъ зависѣть даже отъ обстоятельствъ, при которыхъ сочиненіе напечатано. Нерѣдко виновность автора составляетъ смыслъ, ловко скрытый въ нѣкоторыхъ строкахъ, или различныя толкованія, которымъ они даютъ основаніе, или мысли. которыя они вселяютъ, и т. д. Преступленія противъ печати являются преступленіями, имѣющими характеръ нравственный, преступленіями, познаваемыми только внутреннимъ убѣжденіемъ, которыя положительный законъ не въ состояніи ни вполнѣ предусмотрѣть, ни даже перечислить.

Въ самомъ дѣлѣ какъ законъ опредѣлитъ всѣ формы, которыя принимаетъ выраженіе мысли? Какъ уловитъ онъ столь разнообразные оттѣнки, мысли и при томъ столь легко ускользающіе? Какимъ образомъ можетъ онъ указать ихъ общественной карѣ? Тѣмъ не менѣе, однако суды постановляютъ и должны постановлять свои приговоры по буквѣ положительнаго закона.

Очевидно, что эти суды, въ настоящемъ ихъ составѣ, оказываются неудовлетворительными при преслѣдованіи злоупотребленій, порождаемыхъ свободою печати, и можно заключить, что общественное благо въ этомъ отношеніи требуетъ другихъ гарантій. Оно прежде всего требуетъ наказанія виновныхъ. Слѣдовательно, оно требуетъ, чтобы виновность ихъ могла бы быть всегда доказана. Но мы видѣли уже, что, для полученія подобнаго доказательства по дѣламъ о преступленіяхъ противъ печати, приходилось часто разсматривать не фактъ, а мнѣніе и не столько отдѣльныя выраженія, употребленныя авторомъ, сколько общее впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ его сочиненія.

Необходимо, слѣдовательно, чтобы подобное мнѣніе могло быть изслѣдовано, чтобы подобное впечатлѣніе могло быть доказано; эту двойную обязанность необходимо возложить на власть, вѣдающую преступленіями печати. Равнымъ образомъ подобныя злоупотребленія нерѣдко ускользаютъ отъ вниманія обыденнаго разсудка. Чтобы различить ихъ, необходимо требуется образованіе, а такъ какъ злоупотребленія этого рода всегда въ высшей степени пагубны обществу, то послѣднее въ правѣ желать, чтобы эти преступленія вѣдались лицами, совмѣщающими съ требуемыми познаніями любовь къ порядку и желаніе обезпечить сохраненіе онаго.

Изъ вышесказаннаго нельзя не заключить, что разсмотрѣніе преступленій противъ печати должно быть ввѣрено суду, который былъ бы въ состояніи ихъ отличить и могъ бы ихъ удостовѣрить, суду, со-

ставленному изъ судей просвѣщенныхъ и гражданъ, по преимуществу друзей общественной тишины.

Высшая инстанція суда въ Польскомъ королевствѣ могла бы, безъ сомнѣнія, удовлетворить первому изъ трехъ условій. Но подобно другимъ судамъ, произносящимъ приговоры согласно съ буквою закона, полезно было бы къ этому суду присоединить совѣщательную коммиссію, съ цѣлью отвратить безнаказанность и произволъ судей, доставить судьямъ возможность удостовѣриться во вліяніи, произведенномъ сочиненіемъ, усвоить съ полнымъ сознаніемъ дѣла мнѣніе, которое вселяетъ прочитанное сочиненіе въ читателѣ, убѣдиться въ дѣйствительности цѣли, приписываемой сочиненію представителемъ власти, и примѣнить за тѣмъ наказанія, опредѣленныя законодательствомъ. Подобная коммиссія была бы составлена изъ семи членовъ, изъ которыхъ три были бы назначены правительствомъ, а четыре избраны самимъ судомъ изъ числа гражданъ, уплачивающихъ налоги въ размѣрахъ, дающихъ право быть избранными представителями въ палату депутатовъ или сенатъ, и которые, въ собственномъ своемъ интересѣ, должны желать строгаго соблюденія законовъ. Означенная коммиссія присутствовала бы при производствѣ дѣла и принимала бы участіе въ обсужденіи вопросовъ, которые будутъ поставлены предсѣдателемъ суда для удостовѣренія виновности или невиновности автора.

Мнѣніе, высказанное коммиссіею, даетъ суду основаніе къ оправданію автора или къ опредѣленію ему наказанія. Эти наказанія предварительно должны быть разсмотрѣны въ государственномъ совѣтѣ королевства; они составили бы дополненіе къ уголовному уложенію, разсмотрѣнному уже сеймомъ. Эти наказанія должны быть строги и могутъ быть двоякаго рода или въ видѣ денежныхъ штрафовъ или тюремнаго заключенія.

Преступнымъ должно быть признано:

1) всякое сочиненіе противное религіи или общественной нравственности;

2) всякое сочиненіе прямо, или косвенно стремящееся вызывать возстаніе или неповиновеніе законамъ и правительству;

3) всякое сочиненіе, прямо или косвенно стремящееся ослабить уваженіе, должное правительству и его авторитету.

4) всякое сочиненіе, которое содержитъ въ себѣ какое-либо порицаніе государя или членовъ его семейства;

5) всякое сочиненіе, заключающее порицаніе государей и князей иноземныхъ;

6) всякое сочиненіе, въ которомъ говорится съ хорошей или дурной стороны о лицѣ, находящемся въ живыхъ. Означеніе лицъ только начальными буквами ихъ именъ равнымъ образомъ воспрещается.

Частная жизнь гражданина составляетъ его исключительную собственность, и онъ одинъ имѣетъ право располагать ею, какъ заблагоразсудитъ. Какъ бы ни были достойны похвалъ его жизнь и поведеніе, онъ въ правѣ желать, чтобы все это оставалось неизвѣстнымъ. Съ другой стороны какого бы порицанія ни заслуживала жизнь человѣка, только одному суду частное лицо обязано отдавать отчетъ въ оной, и поэтому обвинители его должны обратиться съ своими жалобами и обвиненіями въ судъ, а не въ органъ печати. Если справедливо, что всякій покушающійся на чужую собственность долженъ подлежать наказанію, то тѣмъ болѣе справедливымъ является наказаніе за покушеніе на чужое имя, потому, что лицо, требующее наказанія за подобныя сочиненія, и прибѣгая къ вмѣшательству правительственныхъ властей, принуждено тѣмъ самымъ дать новое оглашеніе факту, тайна котораго должна принадлежать ему.

Этого рода уголовные законы должны быть изложены въ такомъ видѣ, чтобы они могли служить руководствомъ и коммиссіи предварительнаго разсмотрѣнія сочиненій; сообразно съ высказанными ею заключеніями будетъ постановлено судомъ рѣшеніе.

Что же касается періодическихъ изданій и полуперіодическихъ, а также сочиненій, содержащихъ въ себѣ какія-либо разсужденія по предметамъ законодательства, администраціи и политики, то они всѣ должны подлежать обсужденію коммиссіи предварительнаго разсмотрѣнія сочиненій.

Журналы же, которые ограничиваются печатаніемъ дѣлъ и распоряженій администраціи и фактовъ, сообщаемыхъ иностранными газетами, съ указаніемъ источниковъ, будутъ подлежать разсмотрѣнію должностнаго лица по назначенію отъ правительства, единственная обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы удостовѣриться въ отсутствіи въ журналѣ всякихъ замѣчаній объ этихъ фактахъ, безразлично, будутъ-ли таковыя прибавлены редакторомъ польскимъ или извлечены изъ иностраннаго листка.

Можно было бы постановить еще и слѣдующее:

1) сочиненіе или изслѣдованіе, чисто литературное или относящееся до положительныхъ наукъ, не будетъ подлежать формальностямъ предварительнаго разсмотрѣнія;

2) всякій гражданинъ, который безъ уважительныхъ на то причинъ три раза отказался бы исполнять обязанности члена коммиссіи предварительнаго разсмотрѣнія или совѣщательной коммиссіи, при высшемъ судѣ, лишается своихъ политическихъ правъ;

3) ни одно сочиненіе не можетъ быть напечатано, безъ означенія имени автора и отвѣтственнаго редактора, а также хозяина типографіи;

4) задержаніе сочиненія не одобреннаго должно послѣдовать до его выпуска;

5) съ этою цѣлью, каждый авторъ, отвѣтственный издатель, хозяинъ типографіи обязаны указать мѣсто склада всѣхъ экземпляровъ того сочиненія, которое они предполагаютъ выпустить въ свѣтъ.

Эти распоряженія предупредительнаго и карательнаго свойства должны составить основныя начала законодательства о печати. Но есть еще одно условіе, вызываемое тою же доброю совѣстью, самымъ могущественнымъ пособникомъ правительства.

Мы выше упомянули, что при содѣйствіи опыта и времени народы достигаютъ политической зрѣлости. Королевство Польское достигнетъ его точно также въ свою очередь; это должно быть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его учрежденій. Просвѣщеніе распространится, цивилизація увеличится, почти всѣ обыватели освоятся съ пользованіемъ конституціонныхъ преимуществъ. Можно, слѣдовательно, льстить себя надеждой, что въ одинъ прекрасный день мудрыя временныя правила, которымъ Польша будетъ обязана подобными благодѣяніями, перестанутъ быть необходимыми, и Польша очутится въ состояніи пользоваться безъ ограниченія правомъ, которымъ она не могла бы воспользоваться въ настоящее время.

Въ эту счастливую эпоху, быть можетъ, Европа, вполнѣ умиротворенная, будетъ пользоваться полнымъ спокойствіемъ и, быть можетъ, въ Польшѣ всеобщее образованіе уничтожитъ опасности свободной печати. Не будутъ болѣе прибѣгать къ клеветамъ, когда счастіе народовъ будетъ всегда воочію опровергать ихъ, не станутъ прибѣгать къ софизмамъ, когда будутъ увѣрены, что они разсѣятся благодаря проницательности сужденій, сдѣлавшейся всеобщею.

Новый законъ можетъ поэтому явиться закономъ временнымъ и сохранять значеніе лѣтъ десять. По истеченіи этого времени, онъ будетъ подлежать пересмотру, съ цѣлію сдѣлать въ немъ тѣ измѣненія, польза которыхъ будетъ указана опытомъ.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить слѣдующее:

Изданіе подобнаго закона, повидимому, необходимо потому, что полное отсутствіе законодательныхъ постановленій о печати уже ощущается въ королевствѣ Польскомъ.

Изданіе подобнаго закона было бы согласно съ началами конституціи потому, что авторъ продолжалъ бы имѣть возможность печатать свои сочиненія, не смотря на мнѣніе коммиссіи предварительнаго разсмотрѣнія.

Означенная коммиссія налагала бы благотворную узду на своеволіе писателей тѣмъ, что время, необходимое на разсмотрѣніе, лишало бы людей партій средствъ снискивать успѣхъ дня и тѣ минутныя впе-

чатлѣнія, къ достиженію которыхъ обыкновенно направляются подобныя сочиненія.

Кромѣ того если совѣщаніе, три члена котораго, избранные самимъ писателемъ, не одобрятъ его же сочиненія, то можно быть заранѣе убѣжденнымъ, что судъ, рѣшающій дѣло по тѣмъ же законамъ и среди котораго авторъ не найдетъ уже защитниковъ, неизбѣжно произнесетъ осужденіе его сочиненію.

Наконецъ, такъ какъ задержаніе сочиненія послѣдуетъ до его публикаціи, если бы авторъ не обратилъ вниманія на мнѣніе коммиссіи или если бы коммиссія сама допустила бы ошибку, то министерство, имѣющее право задержать всякое опасное сочиненіе и увѣренное въ томъ, что авторъ будетъ признанъ виновнымъ, можетъ во всякое время прекратить зло при самомъ его появленія.

Такимъ образомъ законъ поощритъ развитіе наукъ и литературы, будетъ содѣйствовать развитію мысли, но не на счетъ самыхъ дорогихъ интересовъ государства, и Польша, имѣвъ нѣкогда несчастіе явить міру примѣръ злоупотребленій свободою, покажетъ въ настоящее время, какъ можно мирно и счастливо ею пользоваться».

Означенный проектъ графа Каподистріи былъ одобренъ императоромъ Александромъ I и препровожденъ по его приказанію къ намѣстнику царства Польскаго для соображенія съ нимъ составлявшагося въ то время въ управленіи царствомъ проекта правилъ о цензурѣ [1]).

Положеніе дѣлъ въ царствѣ Польскомъ и общее настроеніе умовъ не только въ царствѣ, но и вообще въ Западной Европѣ было до крайности неблагопріятно составленію новаго проекта закона о печати. Плачевный исходъ сейма 1820 года, на которомъ большинство нунціевъ отвергло безъ различія всѣ предложенія и проекты, представленные правительствомъ ихъ разсмотрѣнію, лишало надежды полагать, что палаты одобрятъ и примутъ такой проектъ закона о цензурѣ, который не только каралъ бы злоупотребленія свободою печати, предоставленною народу польскому его хартіею, но и установлялъ мѣры къ предупрежденію подобнаго рода злоупотребленій, вводя предварительную цензуру, т. е. предварительное разсмотрѣніе произведеній печати, ранѣе появленія ихъ въ свѣтъ. Такое настроеніе умовъ побуждало самый вопросъ о цензурѣ и дальнѣйшемъ развитіи статьи 16-й хартіи отложить до болѣе спокойнаго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ изыскать рядъ временныхъ мѣръ къ огражденію злоупотребленій печатью. Вслѣдствіе этого препровождая намѣстнику царства имѣніе Каподистріи о печати, императоръ Александръ предоставлялъ его усмотрѣнію или составить проектъ

---

[1]) Изъ дѣла 1826 года, № 80.

закона о печати и представить его установленнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе палатъ, если обстоятельства позволяютъ надѣяться, что большинство въ палатахъ приметъ подобный законъ, или же, въ противномъ случаѣ, составить, безъ участія законодательной власти, только наказъ о цензурѣ, который являлся бы только мѣрою временною, опредѣляющею порядокъ огражденія отъ злоупотребленій печатью.

Заняться составленіемъ такого наказа вмѣстѣ съ другими вопросами по учебному вѣдомству было поручено Новосильцову, при чемъ ему предлагалось по этому дѣлу снестись съ Меттернихомъ, имѣвшимъ въ то время господствующее значеніе въ отношеніи всякаго рода политическихъ вопросовъ въ Европѣ.

Новосильцовъ исполнилъ возложенное на него порученіе въ 1824 году и представилъ проектъ карательной цензуры. Императоръ Александръ I, продержавъ этотъ новый проектъ у себя нѣкоторое время, возвратилъ его безъ утвержденія, находя не вполнѣ соотвѣтствующимъ. По мнѣнію его величества, дѣло идетъ не о развитіи статьи 16-й хартіи и не о томъ, чтобы представить будущему сейму (1825 годъ) такое крайне сложное и деликатное дѣло, но только о томъ, какъ организовать цензуру. Исходя изъ этого, императоръ находилъ, что проектъ Новосильцова этому не соотвѣтствуетъ, и полагалъ лучше сохранить status quo, т. е. существовавшій въ отношеніи цензуры порядокъ, и сдѣлать опытъ согласованія правилъ о цензурѣ въ царствѣ Польскомъ съ дѣйствовавшими уже въ этомъ отношеніи правилами въ Австріи, Пруссіи и Россіи. Новосильцову были даны новыя, согласныя съ этимъ, указанія для составленія проекта устава о цензурѣ. Императоръ Александръ I ждалъ этого проекта, былъ убѣжденъ въ необходимости цензуры даже строгой, но не имѣлъ желанія дать объ этомъ точный указъ. Новосильцовъ видѣлъ, что новый проектъ закона о цензурѣ, составленный по указаніямъ императора, не явится развитіемъ статьи 16-й хартіи, а чѣмъ-то совершенно противоположнымъ ей, потому что будетъ вводить предварительную цензуру, которая, лишая обывателей свободы писать и печатать по ихъ усмотрѣнію, тѣмъ самымъ дѣлаетъ злоупотребленія печатью невозможными. Новосильцовъ, какъ видно изъ переписки его съ Грабовскимъ, 25-го августа (6-го сентября) 1825 года, съ цѣлью избѣгнуть какихъ-либо разсужденій на предстоящемъ сеймѣ (1825 года) о такомъ щекотливомъ вопросѣ, какъ цензура, ходатайствовалъ предъ его величествомъ о томъ, чтобы былъ присланъ въ Варшаву вполнѣ готовый указъ о столь важномъ предметѣ, какъ цензура, или же было бы повелѣно распространить на царство Польское правила, дѣйствующія въ отношеніи цензуры въ Имперіи. Его величество, однако, на это не соизволилъ, находя, что правила о цензурѣ, изданныя для Имперіи, не на столько совершенны, чтобы могли служить образцомъ при составленіи

новыхъ объ этомъ правилъ для царства Польскаго. Поэтому Новосильцову предписывалось, принявъ это во вниманіе, заняться исполненіемъ возложеннаго на него порученія и труды свои представить на высочайшее воззрѣніе.

Между тѣмъ въ 1825 г., въ Варшавѣ открылся сеймъ, который въ послѣдній разъ осчастливилъ своимъ присутствіемъ императоръ. Во время этого пребыванія Александра I въ Варшавѣ ему было подано множество жалобъ отъ писателей, издателей и книгопродавцевъ на строгость цензуры, ея произволъ и непостоянство; всѣ эти жалобы были оставлены безъ послѣдствій. Палаты сейма также просили его величество положить предѣлъ строгостямъ и своеволію цензуры; даже министры ходатайствовали или о надлежащемъ указѣ въ отношеніи цензуры въ царствѣ Польскомъ или о распространеніи на царство Польское правилъ, дѣйствующихъ въ отношеніи цензуры въ Имперіи. Все это побудило императора Александра I вновь подтвердить приказаніе, данное имъ уже ранѣе Новосильцову, о составленіи устава о цензурѣ.

Вскорѣ послѣ этого императоръ Александръ I скончался въ Таганрогѣ 19-го ноября 1825 года; Новосильцовъ же только въ началѣ 1826 года выработалъ, по совѣщаніи съ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія царства Польскаго, новый проектъ о цензурѣ, раздѣлявшійся на двѣ главныя части, именно въ первой говорилось объ организаціи цензуры, а вторая заключала въ себѣ спеціальную инструкцію для исполненія правилъ о цензурѣ. По проекту вводилась цензура предварительная; одно лицо съ извѣстнымъ числомъ помощниковъ рѣшало безъапелляціонно, можно-ли или нѣтъ говорить печатно о томъ или другомъ предметѣ и при томъ въ какомъ именно направленіи. Новосильцовъ находилъ, что организація бдительной цензуры являлась «болѣе чѣмъ когда-либо настоятельною въ царствѣ Польскомъ въ настоящее время (1826 году), въ виду многочисленныхъ и пагубныхъ послѣдствій, большею частью порожденныхъ чтеніемъ иностранныхъ революціонныхъ сочиненій и крамольныхъ журналовъ, подобные которымъ будутъ несомнѣнно издаваться и въ царствѣ Польскомъ, если не будутъ установлены правила къ ихъ обузданію».

Великій князь Константинъ Павловичъ, находя, что проектъ Новосильцова соотвѣтствуетъ требованіямъ обстоятельствъ и содержитъ въ себѣ точныя правила на всевозможные случаи по дѣламъ печати, представилъ этотъ проектъ новому императору. Его высочество находилъ при этомъ со своей стороны необходимымъ держаться воззрѣній императора Александра I на цензуру и издать декретъ съ цѣлью воспрепятствовать обращенію опасныхъ сочиненій, распространяемыхъ злонамѣренными людьми. По мнѣнію великаго князя, завѣдываніе цензурою надежнѣе ввѣрить, какъ предлагаетъ и Новосильцовъ, одному лицу, не-

жели коллективной власти многихъ членовъ, въ средѣ которыхъ могутъ возникнуть различные имѣнія и взгляды, опасные для тѣхъ результатовъ, которые желательно достичь подобнаго рода учрежденіемъ.

Императоръ Николай I былъ также убѣжденъ въ несвоевременности представленія на разсмотрѣніе сейма проекта о цензурѣ и находилъ необходимымъ удержать въ силѣ всѣ распоряженія, сдѣланныя въ отношеніи цензуры ранѣе. Его величество полагалъ, что цензура должна быть строгая, но справедливая, способная остановить стремленіе столь обычныхъ въ наши дни мыслей, направленныхъ къ ниспроверженію общественнаго порядка, и въ то же время предоставить писателямъ нѣкоторое обезпеченіе противъ произвола. Поэтому императоръ повелѣлъ 20-го апрѣля (2-го мая) 1826 г. разсмотрѣть проектъ Новосильцова въ Совѣтѣ царства Польскаго и вполнѣ самостоятельно рѣшить вопросъ, въ состояніи-ли цензура, ввѣренная одному учрежденію (департаменту) или скорѣе одному должностному лицу съ извѣстнымъ числомъ докладчиковъ, соотвѣтствовать всѣмъ предъявляемымъ ей требованіямъ, или это является невозможнымъ физически и нравственно.

Разсмотрѣніе проекта Новосильцова въ Совѣтѣ царства Польскаго затянулось. Тѣмъ временемъ для Имперіи былъ высочайше утвержденъ 22-го апрѣля 1828 года новый уставъ о цензурѣ, которымъ опредѣлялось учрежденіе и составъ цензурныхъ комитетовъ и порядокъ ихъ дѣйствій. Одновременно было издано также положеніе о правахъ сочинителей. Всѣ означенныя узаконенія 22-го апрѣля 1828 года были препровождены министромъ народнаго просвѣщенія (въ то время адмираломъ Шишковымъ) по высочайшему повелѣнію въ ноябрѣ 1828 года къ статсъ-секретарю по дѣламъ царства Польскаго Грабовскому для надлежащихъ соображеній при разсмотрѣніи проекта Новосильцова, который однако окончательно разсмотрѣнъ и утвержденъ не былъ, такъ какъ вскорѣ произошло въ 1830 году возстаніе въ Польшѣ, послѣ котораго въ управленіи царствомъ Польскимъ произошли существенныя измѣненія, сдѣлавшія это разсмотрѣніе излишнимъ. На губерніи бывшаго царства Польскаго распространены были общія правила о цензурѣ, изданныя для Россійской Имперіи вообще.

Сообщилъ **П. М. Майковъ.**

Батуринскій переворотъ 13-го марта 1672 года.

(Дѣло гетмана Демьяна Многогрѣшнаго).

V [1]).

На другой день послѣ этого разговора, т. е. 17-го марта, Карпъ Мокріевичъ и Петръ Рославецъ привезли бывшаго гетмана въ Сѣвскъ и объявили Колупаеву, что протопопъ долженъ съ ними ѣхать въ Москву, предварительно отписавъ старшинѣ о милостивыхъ словахъ государя, слышанныхъ имъ въ Москвѣ, съ совѣтомъ надѣяться на милость великаго государя, а друзей Демьяна Многогрѣшнаго хватать и держать подъ карауломъ, если они станутъ распространять смуту.

На ночной сходкѣ у обознаго Забѣлы, 8-го марта, онъ самъ и его единомышленники дали Танѣеву самый неблагопріятный отзывъ о протопопѣ и просили задержать его въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Грибовичемъ, потому что, коли они будутъ отпущены, то у гетмана всякое зло ускорится и всякая-де бѣда чинится отъ такихъ совѣтниковъ гетмана, какъ протопопъ, Грибовичъ и Миклашевскій. Теперь же, подъ вліяніемъ, вѣроятно, Карпа Мокріевича, въ самые послѣдніе дни приставшаго къ противникамъ Демьяна и кажется бывшаго съ протопомъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ [2]), та же самая старшина черезъ него, Мокріевича,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г., октябрь.

[2]) На это какъ бы указываетъ письмо Карпа Мокріевича Адамовичу отъ 17-го февраля 1672 г. (оно находится въ столбцахъ Мал. прик. въ Моск. арх. минист. юстиціи), въ которомъ онъ просилъ ѣхавшаго въ Москву протопопа похлопотать тамъ объ освобожденіи отъ пошлинъ товара, посланнаго его шуриномъ на продажу, обѣщая отслужить за исполненіе этой просьбы.

просила протопопа ѣхать обратно въ Москву и помогать генеральному писарю «працовать (ходатайствовать) въ томъ, що належитъ къ вѣрности его царскому величеству и цѣлости добра посполитаго [1])».

Изъ письма обознаго Забѣлы къ великому государю видно, что генеральная старшина поручала протопопу Адамовичу объявить царскому величеству то, «що могъ вѣдать про Демка измѣны [2]).

Такое обращеніе старшины къ протопопу ставило послѣдняго въ довольно затруднительное положеніе. Онъ ничего не говорилъ въ Москвѣ, откуда только-что выѣхалъ, про измѣну гетмана, даже умолчалъ о тайныхъ порученіяхъ послѣдняго и кромѣ того выхлопоталъ разныя милости и дары Демьяну, обвинять котораго ему теперь предстояло. Поэтому Симеонъ Адамовичъ сначала пробовалъ уклониться отъ обратной поѣздки въ Москву, вмѣстѣ съ обвинителями гетмана, ссылаясь на слабость здоровья; но генеральный писарь скоро уломалъ его.

Смѣтливый протопопъ хорошо понималъ, что ему, какъ ближайшему совѣтнику низверженнаго гетмана, нельзя устраниться отъ участія въ этомъ дѣлѣ и гораздо лучше ѣхать въ Москву добровольно, въ дружбѣ и согласіи съ виновниками переворота, чѣмъ быть привлеченнымъ къ дѣлу, въ качествѣ единомышленника обвиняемаго въ измѣнѣ Демьяна.

Онъ такъ и сдѣлалъ, но счелъ нужнымъ предварительно съ нарочнымъ гонцомъ написать начальнику Малороссійскаго приказа А. С. Матвѣеву, извѣщая его, что ѣдетъ опять въ Москву ходатайствовать передъ государемъ за старшину [3]).

Это любопытное письмо свидѣтельствуетъ о ловкости и изворотливости искушеннаго долгимъ опытомъ въ политическихъ интригахъ протопопа — въ немъ онъ искусно отклонилъ навязанную ему роль обвинителя, предоставляя доказывать измѣну гетмана генеральному писарю Мокріевичу, «лучше котораго никто не можетъ того вѣдать и который можетъ о всемъ дать отвѣтъ по совѣсти». Защищать Демьяна Игнатовича осторожный протопопъ, конечно, не рѣшился; онъ видѣлъ, что положеніе его плохо, и потому въ означенномъ письмѣ написалъ, что «Демьянъ Игнатовичъ приложися скотомъ несмысленнымъ, задумавъ измѣнить». Въ концѣ письма Адамовичъ извѣщалъ Матвѣева, что въ Малороссіи смирно, и всѣ радуются, что безъ кровопролитія такъ сталось [4]).

---

[1]) Акты Ю. и Зап. Россіи, т. IX, стр. 692.

[2]) Тамъ же, стр. 696—698.

[3]) Письмо къ А. С. Матвѣеву было отправлено съ гонцомъ 18-го марта, самъ же протопопъ выѣхалъ изъ Сѣвска съ товарищами 19-го марта. Акты Ю. и Зап. Россіи, т. IX, стр. 701.

[4]) Это письмо напечатано въ IX т. Акт. Ю. и З. Россіи.

Вслѣдъ за письмомъ протопопъ съ колодникомъ-гетманомъ и сопровождавшими его лицами отправился въ Москву, а казацкая старшина, извѣщенная Мокріевичемъ о послѣдовавшемъ въ Сѣвскѣ соглашеніи съ Адамовичемъ, послала послѣднему въ Москву благодарственное письмо, въ которомъ Забѣла съ товарищами воздавалъ весьма милостивому своему господину и пріятелю отцу протопопу благодареніе, прося его ходатайствовать, вмѣстѣ съ генеральнымъ писаремъ, передъ великимъ государемъ, по данной отъ нихъ информаціи.

Виновники переворота были очень довольны, что успѣли заручиться содѣйствіемъ такого опытнаго дѣльца и знатока московскихъ обычаевъ и порядковъ, какъ протопопъ Адамовичъ; они еще не знали, какъ отнесутся въ Москвѣ къ низложенію гетмана, и усердно домогались склонить на свою сторону какъ протопопа, такъ и архіепископа черниговскаго.

Послѣднему было отправлено Забѣлой съ товарищами, какъ было указано выше, два посланія. Въ первомъ изъ нихъ, посланномъ на другой день послѣ переворота, т. е. 14-го марта, старшина объяснялъ вкратцѣ причины, вызвавшія арестъ гетмана [1]). Черезъ два дня Забѣла съ товарищами отправилъ второе оправдательное письмо къ Лазарю Барановичу, съ объясненіемъ, почему они не могли открыть ему заблаговременно своего намѣренія низложить измѣнника-гетмана. По полученіи этого втораго письма, архіепископъ Лазарь Барановичъ разослалъ по всей Малороссіи окружное посланіе, помѣченное 18-мъ марта, которымъ возвѣщалъ своей паствѣ, что бывшій гетманъ, забывъ присягу государю и милости его, хотѣлъ запрячь отчизну подбусурманское ярмо, но Богъ ему недопомогъ [2]). Въ этомъ окружномъ посланіи архіепископъ черниговскій, ради успокоенія населенія, привелъ подлинныя слова царя, которыя Алексѣй Михайловичъ произнесъ въ его присутствіи, вставъ съ престола: «Свидѣтель Богъ и Троица Единая, Пресвятая Дѣва Мати Божія, Святитель Великій Николай и преподобные отцы наши Антоній и Ѳеодосій, что не оставлю богоспасаемаго града Кіева и не отдамъ королевскому величеству, покамѣстъ царства моего будетъ, только пребывайте вѣрны и на прелести не склоняйтесь».

Немедленно по полученіи извѣстія о происшедшемъ въ Батуринѣ переворотѣ, архіепископъ черниговскій послалъ о томъ царю письмо,

---

[1]) Москов. архивъ министерства иностр. дѣлъ, малор. подлинныя грамоты, № 232.

[2]) Окружное посланіе архіепископа Лазаря Барановича отъ 18-го марта 1672 г. въ Архивѣ министерства юстиціи, въ дѣлахъ Малор. приказа, кн. № 16, л. л. 305—307.

въ которомъ писалъ, что всегда, по пастырскому своему обычаю, наказывалъ бывшему гетману вѣрно служить государю, чтобы онъ, гетманъ, помня свое крестное цѣлованіе, во всякой службѣ былъ вѣренъ, и Демьянъ ему, архіепископу, клялся за великаго государя достоинство кровь свою проливать; не смотря на это, 14-го марта, онъ, архіепископъ, получилъ отъ старшины извѣстіе, что Демка, сослався съ Дорошенкомъ, государю измѣнилъ и что старшина, служа великому государю, послала измѣнника къ Москвѣ.

Въ этомъ письмѣ архіепископъ просилъ государя дать указъ ратнымъ людямъ приблизиться къ малороссійскимъ городамъ, для береженія, чтобы среди людей смуты не дѣлалось и огонь не разрасталося. Вмѣстѣ съ тѣмъ архіепископъ послалъ генеральной старшинѣ, т. е. Забѣлѣ съ товарищами, въ отвѣтъ на ихъ письма, грамоту съ благословеніемъ, которая ихъ успокоила и послужила для нихъ, какъ они сами говорили, «неподвижнымъ фундаментомъ».

29-го марта привезли въ Москву скованнаго Демьяна, и сопровождавшій его генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ подалъ въ приказъ, отъ имени всей старшины, обвинительную информацію, состоявшую изъ 38 пунктовъ. Войсковое посольство на Святой недѣлѣ было на пріемѣ у государя, а 8-го апрѣля всѣ сопровождавшія гетмана лица, кромѣ Адамовича, были отпущены въ Малороссію, а онъ былъ оставленъ въ Москвѣ до окончанія слѣдствія надъ Демьяномъ [1]). 14-го апрѣля начался въ Посольскомъ приказѣ разборъ дѣла Многогрѣшнаго, и протопопъ былъ призванъ туда для показаній. Его показанія отличались сдержанностью и осторожностью — очевидно, давая ихъ, онъ вовсе не желалъ топить гетмана и старался лишь оградить себя. Протопопъ показалъ, что всегда увѣщевалъ Многогрѣшнаго вѣрно служить государю и не склоняться на Дорошенковы прелести, «но Демка того себѣ не внималъ и съ Дорошенкомъ ссылался». Сношенія Демьяна съ Дорошенкомъ и безъ того были достаточно удостовѣрены; ихъ не отрицалъ самъ Демьянъ, такъ что этими показаніями Адамовичъ не могъ повредить бывшему гетману, тѣмъ болѣе, что онъ ничего даже не сказалъ, о чемъ они именно ссылались. Правда, въ дальнѣйшихъ своихъ показаніяхъ протопопъ упомянулъ о непристойныхъ словахъ гетмана, сказанныхъ ему передъ отъѣздомъ въ Москву: «поѣзжай туда и будешь ты тамъ въ тюрьмѣ». Адамовичъ привелъ эти слова бывшаго гетмана въ подтвержденіе того, что всѣ его совѣты и увѣщанія, обращенныя къ Демьяну, не принимались послѣднимъ.

---

[1]) Архивъ министерства юстиціи, дѣла Малор. приказа кн. № 16. Карпъ Мокріевичъ 9-го апрѣля т. е. до начала разбора дѣла, былъ уже въ Калугѣ (тамъ же, л. л. 234 и 170).

Протопопъ вынужденъ былъ, чтобы обѣлить себя въ глазахъ московскаго правительства, выяснить это обстоятельство, и Демьянъ Многогрѣшный, упорно отрицавшій всѣ другія, данныя противъ него, показанія, вполнѣ подтвердилъ на допросахъ слова протопопа и винился въ томъ, что не слушалъ его совѣтовъ. Такое сознаніе бывшаго гетмана убѣдило московское правительство въ преданности протопопа и произвело самое благопріятное для него впечатлѣніе. Мы не будемъ подробно излагать производство суда надъ Демьяномъ Многогрѣшнымъ и разбирать состоявшійся надъ нимъ приговоръ, который былъ объявленъ 28-го мая 1672 года, ограничимся лишь краткимъ очеркомъ этого эпилога Батуринскаго переворота.

Дѣло затянулось вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ и, между прочимъ, потому, что братъ гетмана Василій Многогрѣшный и генеральный эсаулъ Павелъ Грибовичъ, задержанные въ Сѣвскѣ, были доставлены въ Москву только 28-го апрѣля.

Послѣ первыхъ допросовъ Демьяна, царь Алексѣй Михайловичъ, соблюдая права малороссійскаго народа, указалъ отправить бывшаго гетмана, съ другими прикосновенными къ дѣлу лицами, въ Малороссію, для преданія мѣстному войсковому суду. Но казацкая старшина отнюдь этого не желала. Забѣла съ товарищами [1]) 13-го мая послали царю челобитную, въ которой объяснили, что какъ только разнеслась вѣсть о намѣреніи государя прислать Демьяна въ Малороссію на войсковой судъ, то сдѣлалось смятеніе, и они, старшины, просятъ не посылать Демьяна въ Украйну, а совершить надъ нимъ достойную казнь въ Москвѣ.

Эту челобитную привезъ, 20-го мая, сынъ обознаго Степанъ Забѣла, посланный изъ Батурина наспѣхъ, съ тамошнимъ сотникомъ Григоріемъ Карпенкомъ, ѣздившимъ отъ Многогрѣшнаго къ Дорошенку и посланнымъ теперь въ Москву, для уличенія бывшаго гетмана [2]).

Положеніе дѣлъ въ Малороссіи требовало скорѣйшей развязки кризиса, вызваннаго низложеніемъ гетмана. Турецкое войско, собравшееся подъ Адріанополемъ, еще въ началѣ зимы, 25-го мая, перешло Дунай у Исакчи, и съ самимъ падишахомъ во главѣ двинулось къ Днѣстру, составлявшему тогда границу между Турціей и Польшей [3]). Между старшинами, низло-

---

[1]) Царской грамотой, посланной вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о переворотѣ, на имя Забѣлы съ товарищами, старшинѣ поручалось вѣдать Малороссіею впредь до новаго о томъ указа (Акт. Юж. и Зап. Россіи), т. IX, № 147 ст. 705 и слѣд.

[2]) Акты Юж. и Зап. Россіи, т. IX № 147.

[3]) Плохое состояніе дорогъ и длинный обозъ, сопровождавшій турецкое войско, замедляли его движеніе; оно слишкомъ мѣсяцъ спустя дошло до Подоліи. Вступивъ въ Польскую Украйну, султанъ получилъ извѣстіе о

жившими Демьяна, начались уже ссоры изъ-за гетманскаго уряда, какъ это видно изъ отписокъ воеводъ черниговскаго и нѣжинскаго. Первый доносилъ въ Малороссійскій приказъ, что писарь Карпъ Мокріевичъ и генеральный судья Самойловичъ, желающіе гетманства, въ спорѣ съ другимъ судьей Домонтовичемъ разбранились даже до драки. Нѣжинскій воевода Ржевскій писалъ главному московскому воеводѣ въ Малороссіи кн. Г. Г. Ромодановскому, что между старшинами начинаетъ быть безсовѣтство [1]).

Медлить долѣе было нельзя, и 28-го мая въ Москвѣ, на Болотѣ, былъ объявленъ приговоръ по дѣлу Демьяна Многогрѣшнаго и его сообщниковъ, въ которомъ было сказано, что онъ, Демьянъ Игнатовъ, забывъ Господа Бога и прежнее государево себѣ жалованье, умыслилъ отдаться турскому султану, чтобы невинныхъ христіанъ отдать въ вѣчную и нестерпимую бусурманскую неволю, ссылался объ этомъ съ гетманомъ той стороны Днѣпра, Дорошенкомъ и на томъ съ нимъ учинилъ присягу.

Ему кромѣ того было поставлено въ вину, что онъ, желая поссорить великаго государя съ королемъ польскимъ, неправильно овладѣлъ нѣкоторыми мѣстами въ повѣтахъ Мозырскомъ и Рѣжицкомъ [2]), и ложно донесъ царю, что такъ поступаетъ, по приговору старшинъ, и кромѣ того говорилъ, принимая въ Батуринѣ московскихъ посланцевъ подъячаго Михаила Савина, стрѣлецкаго полуголову Александра Танѣева и подъячаго Щоголева, непристойныя рѣчи о царскомъ величествѣ.

Въ вычитанномъ Демьяну приговорѣ также упоминалось, что онъ грозилъ послѣ Пасхи идти войной на Московское государство, въ соединеніи съ турками и татарами, воровски увѣрялъ старшинъ, будто царь хочетъ сослать ихъ въ Сибирь, приводилъ переяславскаго полковника Дмитрашку Райча къ присягѣ, чтобы царскихъ разныхъ людей въ малороссійскихъ городахъ побивать, объявлялъ старшинамъ, что не хочетъ быть въ подданствѣ у царя, и приказывалъ не пропускать въ Кіевъ и другіе города гонцовъ съ вѣстовыми письмами. Въ заключеніе приговора было сказано, что старшина, не допуская гетмана до конечной измѣны, его поймала и доставила въ Москву, а онъ подъ пыткой во всѣхъ своихъ измѣнныхъ словахъ винился и по желанію старшинъ,

---

побѣдѣ хана и Дорошенка, разбившихъ на голову поляковъ Лужицкаго и казаковъ Ханенка, 11-го іюля на Батогскомъ полѣ близъ Ладыжина. Первые отряды турокъ и татаръ появились въ Чигиринѣ, еще въ началѣ іюня.

[1]) Моск. арх. министерства ин. дѣлъ. Дѣла Малороссійскія 1671 г. № 11. Акт. Юж. и Зап., Рос. т. IX № 172, стр. 897.

[2]) Эти повѣты по Андруссовскому договору были уступлены Польшѣ.

полковниковъ, всего войска Запорожскаго, сей стороны Днѣпра, со всѣмъ народомъ малороссійскимъ, великій государь указалъ учинить ему смертную казнь.

Въ приговорѣ было сказано, что Демьянъ винился во всѣхъ своихъ измѣнныхъ словахъ, что представляетъ очевидную натяжку, потому-что Демьянъ, сначала запиравшійся во всемъ кромѣ словъ, сказанныхъ протопопу (онъ отказывался даже отъ того, что говорилъ Танѣеву), хотя послѣ истязаній на пыткѣ и винился, что говорилъ «неистовыя рѣчи въ безпамятствѣ и пьянствѣ», но упорно стоялъ на томъ, что объ измѣнѣ никогда не думалъ, а ссылался съ Дорошенкомъ о любви и дружбѣ, чтобы тотъ не ходилъ войной на этотъ берегъ Днѣпра, и что Дорошенко его къ турецкому султану не подговаривалъ.

Изобличенный батуринскимъ атаманомъ Яремой Андреенко въ тайныхъ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ, Демьянъ, послѣ 19 ударовъ кнутомъ, повинился только въ томъ, что говорилъ про измѣну на словахъ, но повторилъ то же самое, что объ измѣнѣ съ Дорошенкомъ не ссылался. Такое объясненіе его однако предоставляется мало вѣроятнымъ, въ виду показанія означеннаго Яремы Андреенко и сотника Карповича. Послѣдній былъ посланъ Демьяномъ за Днѣпръ къ митрополиту Іосифу Тукальскому, онъ сопровождалъ туда Семена Тихаго, привозившаго въ Батуринъ Спасовъ образъ, отъ Дорошенка и митрополита Тукальскаго, въ его присутствіи Тихій, возвращая образъ митрополиту, сказалъ: зачѣмъ посланъ былъ, все совершилось» [1]).

Письменныя свидѣтельства, разъясняющія тайныя сношенія Демьяна съ Дорошенкомъ, не дошли до насъ. При арестѣ Демьяна никакихъ документовъ, касающихся ихъ сношеній, не было найдено; «скрыня» (т. е. сундукъ) съ бумагами гетмана не была разыскана, часть имущества и утвари гетмана была передъ переворотомъ отправлена изъ Батурлина въ Седнево, но весьма вѣроятно, что письменныхъ документовъ, компрометтирующихъ Демьяна, вовсе не было. Демьянъ Игнатовичъ, какъ человѣкъ почти совсѣмъ неграмотный, терпѣть не могъ писарей, и писанной бумаги онъ боялся. Въ началѣ своихъ сношеній съ Москвой, осенью 1668 года, онъ давалъ знать въ Москву, что желаетъ тайно отъ своего писаря писать государю о надобныхъ дѣлахъ [2]).

---

[1]) Показанія сотника Карповича указываютъ, что посланецъ Дорошенка Семенъ Тихій ѣздилъ въ Батуринъ, чтобы привести Демьяна къ присягѣ. Карповичъ передалъ, что Тукальскій, выслушавъ указанное сообщеніе Тихаго, подошелъ къ нему, Карповичу, и, взявъ его за пуговицу, сказалъ: „давно бы такъ, пане сотнику, надобно было поступить вашему гетману: сами добре вѣдаете, при комъ ханъ, тотъ и панъ, а у турскаго султана такъ много силъ, что и Москвѣ и ляхамъ дастся въ знаки".

[2]) Акты Юж. и Зап. Россіи т. VII, № 52 стр. 156.

двухъ сыновей Петра и Ивана и дочери Елены [1]). Въ Тобольскѣ, куда былъ отправленъ первоначально бывшій гетманъ съ семьей, его было приказано держать за крѣпкимъ карауломъ. Изъ Тобольска всѣ ссыльные по этому дѣлу были разосланы по разнымъ острогамъ (крѣпостцамъ) Сибири для пѣшей казачьей службы. На пути въ Сибирь Грибовичъ бѣжалъ, и это обстоятельство отягчило участь остальныхъ ссыльныхъ. Демьянъ Игнатовичъ попалъ въ Селенгинскъ, а затѣмъ былъ переведенъ въ Иркутскъ, гдѣ содержался въ тюрьмѣ до 1682 года, когда ему было предписано быть въ дѣтяхъ боярскихъ и исправлять городовую и уѣздную службы. Въ 1684 г., по просьбѣ гетмана Самойловича, Демьянъ опять былъ заключенъ въ Селенгинскую тюрьму, въ 1686 году былъ уже на свободѣ и участвовалъ, съ сыномъ Петромъ, въ экспедиціи Головина противъ табунутовъ, а въ 1692 г. состоялъ сѣдокомъ въ Селенгинскѣ и велъ переговоры съ багдойскими людьми о мунгалахъ. Годъ его смерти неизвѣстенъ, но дочь его, Елена, бывшая замужемъ за сибирскимъ дворяниномъ Иваномъ Бейтаномъ, была жива еще въ 1726 году [2]).

На другой день послѣ объявленія приговора бывшему гетману Демьяну, т. е. 29-го мая 1672 г., протопопъ Адамовичъ былъ наконецъ отпущенъ изъ Москвы. Двухмѣсячное его тамъ пребываніе, во время слѣдствія и суда, было щедро награждено. Онъ получилъ жалованную царскую грамоту на маетность (имѣнія) Кладковку, данную ему бывшимъ гетманомъ Демьяномъ, изъ имѣній, отобранныхъ у епископа Меѳодія (епископъ былъ замѣшанъ въ бунтѣ Брюховецкаго и попалъ въ опалу); этой грамотой за нимъ было закрѣплено это владѣніе. Кромѣ того, при отпускѣ его изъ Москвы, 29-го мая, протопопу было дано много разныхъ подарковъ; онъ былъ награжденъ кромѣ денежнаго жалованія разнымъ добромъ и между прочимъ цвѣтной полотняной палаткой; ему сверхъ того было дано, по его просьбѣ, 20 пудовъ меда изъ оставшихся послѣ Меѳодія запасовъ, въ Нѣжинѣ взятыхъ на великаго государя, для приготовленія фруктовъ на дворцовый обиходъ.

Братъ гетмана Демьяна, Василій, бывшій, во время переворота, въ

---

[1]) Такъ называетъ ее Соловьевъ, а Костомаровъ указываетъ на разногласіе дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ ея имени. Истор. моногр., XV, стр. 387.

[2]) Свѣдѣнія, напечатанныя въ Исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго (т. II, стр. 196) о пребываніи Многогрѣшнаго въ Сибири, не совсѣмъ точны. Болѣе положительныя данныя по этому предмету находятся въ извѣстной книгѣ Максимова „Сибирь и каторга". ч. III. С.-Петербургъ 1871 г. Въ Чтеніяхъ Московскаго Общества истор. и древ. (кн. I за 1888 г.) помѣщены г. Голомбіевскимъ „Три документа о пребываніи Многогрѣшнаго въ Сибири".

Черниговѣ, при первомъ извѣстіи о случившемся, бѣжалъ и пробовалъ скрыться. Сначала онъ бросился въ Елецкій монастырь, близъ Чернигова, архимандритъ котораго, извѣстный Іоанникій Галятовскій [1]), хотя его не выдалъ, но посовѣтовалъ ему удалиться, сказавъ, что въ монастырѣ ему дѣлать нечего.

Игуменъ Максакивскаго монастыря Іеремія Ширкевичъ, заподозрѣнный въ Москвѣ въ соучастіи съ бывшимъ гетманомъ, по порученію котораго онъ, неизвѣстно за какимъ дѣломъ, ѣздилъ въ польскіе предѣлы, пріютилъ бѣглеца и затѣмъ тайкомъ препроводилъ на ту сторону Днѣпра, именно въ Кіевъ, давъ ему проводника изъ своихъ монаховъ, старца Исаію, вмѣстѣ съ которымъ Василій Многогрѣшный, переодѣтый въ монашеское платье, и явился на Страстной недѣлѣ къ игумену Братскаго монастыря, въ Кіевѣ, и ректору тамошнихъ школъ Варлааму Ясинскому, которому и объявился. Какъ выяснилось потомъ при слѣдствіи, Василій Многогрѣшный пробирался въ Каневъ къ Тукальскому.

Въ это время кіевскій воевода, до котораго дошли слухи, что братъ гетмана бѣжалъ въ Кіевъ, издалъ строгое распоряженіе о поимкѣ его. Струсившій Варлаамъ, обѣщавъ укрыть бѣглеца и выпроводить за тѣмъ изъ Кіева, какъ тотъ желалъ, отправился къ воеводѣ и, взявъ съ него обѣщаніе держать дѣло въ секретѣ и не выдавать его, сообщилъ о прибытіи брата измѣнника-гетмана въ его монастырь. Князь Козловскій, человѣкъ не особенно разсмотрительный, какъ это видно изъ всѣхъ его дѣйствій, отнюдь не постѣснился даннымъ имъ обѣщаніемъ и сейчасъ же послалъ въ монастырь ротмистра Григорія Веревкина съ ратными людьми и такимъ образомъ выдалъ Варлаама. Посланные воеводой ратные люди пришли въ монастырь прежде, чѣмъ ректоръ успѣлъ туда вернуться. Увидѣвъ ихъ, Василій хотѣлъ бѣжать, но его задержали, привели вмѣстѣ съ его спутникомъ, старцемъ Исаіей, въ приказную избу и отправили подъ сильнымъ конвоемъ въ Москву.

За поимку брата измѣнника-гетмана кіевскій воевода получилъ милостивую грамоту, а выдавшій его игуменъ Варлаамъ возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе братьевъ монастыря, вслѣдствіе котораго вскорѣ долженъ былъ отказаться отъ почетной должности ректора кіевскихъ школъ и игумена Братскаго монастыря [2]).

---

[1]) Іоанникій Галятовскій, извѣстный церковный ораторъ и писатель того времени, авторъ богословскаго трактата „Мессія Правдивый“ и др. сочиненій. Лазарь Барановичъ называлъ его „мужемъ ученымъ и зѣло для церкви потребнымъ“, онъ возвелъ его въ санъ архимандрита, желая въ лицѣ его воздать честь наукѣ, какъ самъ писалъ.

[2]) Это обстоятельство разъяснено В.О. Эйнгорномъ въ его книгѣ „О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства“, стр. 857, примѣч. къ ней.

Любопытно, что ни Галятовскій, ни Ширкевичъ никакимъ непріятностямъ не подверглись за то, что не выдали Василія Многогрѣшнаго, а Галятовскій и послѣ того, какъ это обнаружилось, продолжалъ пользоваться благосклонностью и покровительствомъ московскаго правительства.

Населеніе лѣвобережной Украйны, какъ это видно изъ отписки, отъ 19-го марта 1672 г. черниговскаго воеводы Желябужскаго, отнеслось равнодушно къ перевороту.

Вслѣдъ за переворотомъ черниговскій воевода Желябужскій разослалъ развѣдчиковъ изъ своихъ ратныхъ людей, для провѣдыванія вѣстей, поручивъ имъ слушать и разсматривать въ казакахъ и мѣщанахъ: «какія отъ нихъ мысли и слова исходятъ за то, что гетманъ взятъ». Изъ собранныхъ такимъ путемъ свѣдѣній оказалось, что народъ вовсе не жалѣетъ о бывшемъ гетманѣ Демьянѣ, который его всячески тяжелилъ и отдавалъ въ порабощеніе старшинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно озлобленъ и противъ старшины. Казаки, мѣщане и вся чернь говорили, что всѣхъ бы старшинъ побили, если бы не опасались государевыхъ ратныхъ людей. Сами старшины въ письмѣ къ архіепископу черниговскому, съ извѣстіемъ о переворотѣ, писали, что бывшій гетманъ съ братьями, зятьями и кумовьями имъ «надокучилъ». Волненія, о которыхъ говоритъ кн. Ромодановскій въ своей отпискѣ Малороссійскому приказу, отъ 12-го іюня 1672 г., на которую ссылается Костомаровъ, вовсе не были отголоскомъ народнаго неудовольствія противъ беззаконнаго переворота, какъ полагаетъ Костомаровъ, а обычное явленіе во время междугетманства, потому что, какъ писалъ тогда Лазарь Барановичъ государю, прося о скорѣйшемъ созваніи рады для избранія преемника Демьяна, безъ гетмана «никакой добръ разсудокъ на Украйнѣ быть не можетъ».

Опасались безпорядковъ отъ сторонниковъ Дорошенка и Сѣрка. Послѣдній, прослышавъ, что въ лѣвобережной Малороссіи не стало гетмана, поспѣшилъ туда. Лихой запорожецъ Сѣрко пріобрѣлъ громкую славу въ народѣ своими боевыми подвигами, и за него стояли не только чернь, но и нѣкоторые изъ старшинъ. Въ полтавщинѣ, именно въ мѣстечкѣ Новомъ Санджаровѣ, полтавскій полковникъ Ѳедоръ Жученко задержалъ Сѣрка, сковалъ его и отправилъ въ Батуринъ, откуда онъ и былъ отосланъ въ Москву [2]).

Пав. Матвѣевъ.

---

[2]) Указъ о доставкѣ Сѣрко въ Москву былъ посланъ старшинѣ, управлявшей Малороссіею, передъ самой радой, именно 9-го іюня 1672 г. Сѣрко былъ сосланъ въ Сибирь, но оставался тамъ не долго и по ходатайству патріарха и А. С. Матвѣева возвращенъ въ Малороссію.

Турецкіе эмиссары въ Россіи передъ войной 1877—1878 гг.

(Къ исторіи послѣдней русско-турецкой войны).

...Время было тревожное. Въ воздухѣ пахло порохомъ. Взоры всѣхъ русскихъ людей были устремлены на Востокъ, гдѣ изнывавшіе подъ тяжкимъ бременемъ турецкаго порабощенія христіане съ оружіемъ въ рукахъ добивались себѣ свободы. Россія готовилась вступиться за угнетенныхъ братьевъ-славянъ. Умы были взволнованы. Особенно въ тревожномъ состояніи находились мусульмане, частію вслѣдствіе распускавшихся среди нихъ зловредныхъ слуховъ, частію по причинѣ исконной вражды съ пришлыми русскими поселенцами.

Самой безпокойной областью въ русскомъ государствѣ издавна былъ Оренбургскій край, населенный разнородными племенами башкиръ, татаръ, киргизъ, тептярей, мещеряковъ, мордвы, чувашъ, черемисъ и вотяковъ. Частыми волненіями отличалась тамъ дикая Башкирія, гдѣ на свыше трехъ-милліонное населеніе туземцевъ приходилось всего лишь 800 тыс. русскихъ жителей.

Разбросанная въ глуши лѣсовъ и по склонамъ трудно проходимыхъ Уральскихъ горъ и отроговъ ихъ, въ губерніяхъ Пермской, Уфимской, частію Самарской и Оренбургской, страна эта, съ самыхъ первыхъ дней своего подчиненія (въ концѣ XVI столѣтія) Московскому государству, была постоянно ареной всякаго рода вспышекъ, волненій, посягательствъ на свободу, жизнь и чужое имущество, сильныхъ мятежей и «междоусобныхъ браней». Темныя массы населенія ея не забываютъ той эпохи, когда ихъ родичи порабощали русскихъ, и все еще тяготѣютъ къ единовѣрной имъ Турціи, съ благоговѣніемъ взирая на своего халифа, какъ священнаго потомка Магомета, «въ надеждѣ полученія отъ него помощи для сверженія ненавистнаго имъ иновѣрнаго ига».

Настроеніе такое поддерживалось изстари, благодаря постояннымъ сношеніямъ магометанъ Россіи съ мусульманами Востока, и въ былые годы въ Башкиріи довольно часто путешествовали разные проповѣдники изъ Хивы, Бухары и Турціи, еще болѣе поселяя среди инородцевъ вражду къ русскимъ.

Появлялись они тамъ большею частію во время какихъ-либо политическихъ событій, въ коихъ участвовала Россія, или въ годины бѣдствій другихъ туземныхъ странъ; наѣзжали цѣлыми партіями и, разсыпавшись по дебрямъ лѣснымъ и въ ущельяхъ горъ, своими злобными навѣтами доводили темный и склонный ко всякимъ вспышкамъ башкирскій народъ до того, что иногда на нѣсколько лѣтъ край охватывало волненіе.

Передъ войной 1877—1878 гг. мусульмане Востока также не хотѣли оставить «безъ должнаго внушенія» магометанъ отдаленнаго Сѣвера. При первыхъ же столкновеніяхъ герцеговинскихъ инсургентовъ съ турецкими войсками, мудрые софты предвидѣли, что Россія не оставитъ безъ своего покровительства единоплеменныхъ ей славянъ. И, чтобы насколько можно помѣшать этому вмѣшательству или, по крайней мѣрѣ, оттянуть на болѣе или менѣе долгое время столкновеніе Россіи съ Турціею, въ глубину нашихъ степей были отправлены османскіе проповѣдники съ цѣлью произвести среди инородцевъ переворотъ, «дабы такимъ образомъ затруднить дѣйствія русскаго правительства въ ожидаемой войнѣ съ Турціей и отвлечь часть военныхъ силъ для усмиренія предполагавшагося мятежа» [1]).

Первые трое такихъ уполномоченныхъ были задержаны лѣтомъ 1876 г. въ Оренбургскомъ краѣ, потомъ нѣсколько человѣкъ ихъ поймали въ киргизской степи Тургайской области и, наконецъ, въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ. По распоряженію генералъ-адъютанта Н. А. Крыжановскаго, были приняты мѣры «къ самому бдительному наблюденію за подобными выходцами». Вскорѣ оказалось, что турецкіе эмиссары стремились больше въ глубь Башкиріи, въ Бирскій и Белебеевскій уѣзды, Уфимской губерніи, ибо тамъ, по словамъ одного, пріѣхавшаго къ муллѣ дер. Байсаровой для сбора пожертвованій проповѣдника, была «благодатная страна, какъ по урожаю хлѣбовъ, такъ и травъ, и народъ жилъ тихій и смирный».

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ эмиссары разъѣзжали по всѣмъ направленіямъ, прибывая туда изъ губерній Самарской и Оренбургской. Въ пер-

---

[1]) Изъ дѣла Уфимск. губерн. архива за 1876 г., по описи № 265, связ. 7 № 49, „О появленіи въ средѣ мусульманскаго населенія Оренбургскаго края турецкихъ эмиссаровъ“,—обязательно доставленнаго намъ бывшимъ преподавателемъ Уфимской мужской гимназіи ст. с. М. Н. Правдинымъ.

выхъ числахъ іюня того же 1876 года изъ Оренбургскаго уѣзда, по тракту на г. Бугульму, ихъ разомъ проѣхало семь человѣкъ. Они заѣзжали къ одному муллѣ и, между прочимъ, говорили:

— Напрасно русскій царь началъ игру съ турками: мусульмане всегда восторжествуютъ [1]).

Большею частію прибывшіе довольствовались тѣмъ, что имъ дадутъ безъ принужденія и понуканія, но находились и такіе, которые въ рѣзкой формѣ требовали поборовъ тамъ, гдѣ имъ отказывали въ подачкахъ, формулируя свои требованія извѣстной цѣлью. Бывшій въ Мензелинскѣ эмиссаръ «ходилъ къ мѣстнымъ муллламъ и подстрекалъ ихъ, чтобы они понуждали жителей татаръ къ денежнымъ пожертвованіямъ въ пользу Турціи для борьбы съ Россіей» [2]).

Когда одного такого проповѣдника въ турецкой одеждѣ, назвавшагося Мустафой-Али, задержали (въ ноябрѣ мѣсяцѣ) въ дер. Ванышъ-Алпаутовой, Бирскаго уѣзда, то при немъ отыскалось до 200 руб. денегъ, изъ коихъ 11 руб. продырявленными серебряными монетами (двугривенными, пятіалтынными и гривенниками), очевидно, снятыми туземными женщинами съ своихъ косъ и головныхъ уборовъ, много татарскихъ скатертей, салфетокъ и полотенцевъ. Его подвергли допросу. Али, конечно, не сказалъ объ истинной цѣли пріѣзда въ Башкирію. Онъ повѣдалъ только, что еще осенью 1875 г. отправился изъ мѣстечка Сурмель, чтобы «сдѣлать сборъ денегъ въ свою пользу», поторговать нѣсколько въ Россіи и возвратиться уже разбогатѣвшимъ въ Турцію.

Подобныхъ лицъ поддерживали мѣстные ахуны и муллы.

На бывшей вскорѣ послѣ того въ дер. Калмыковой (Бирск. уѣзда) ярмаркѣ мѣстный ахунъ ходилъ по торговымъ рядамъ и, показывая какую-то бумагу, открыто собиралъ деньги съ пріѣзжихъ татаръ и башкиръ. Замѣтилъ это одинъ русскій торговецъ и по своей добротѣ спросилъ муллу, для какой цѣли онъ сбираетъ пожертвованія, намѣреваясь принести свою посильную лепту на доброе дѣло.

— Это не по вашей части,—грубо отвѣтилъ ахунъ,—до васъ не относится.

— «На государство» онъ собираетъ,—пояснилъ русскому стоявшій рядомъ татаринъ.

Носился слухъ, что у этого ахуна Мустафа оставилъ разные документы и вещи, въ числѣ которыхъ были завернутые, какъ святыни,

---

[1]) Изъ донесенія белебеевскаго исправника уфимскому губернатору 23-го декабря 1876 г.

[2]) Изъ сообщенія Уфимск. жандарм. управленія губернатору 17-го ноября 1876 года.

въ полотно «обрывки зеленой матеріи отъ знамени Магомета», чтобы при случаѣ развернуть ихъ и объявить священную войну.

Документы и письма изъ Турціи имѣлись и у другихъ фанатиковъ-магометанъ. Въ началѣ декабря въ дер. Байгузиной (Бирскаго уѣзда) помощникъ волостнаго старшины, башкирецъ Кадыкаевъ, воспользовавшись отсутствіемъ старшины и писаря, собралъ даже сходъ и сталъ читать сельчанамъ воззваніе, присланное, будто бы, отъ турецкаго правительства. Такія же воззванія читались муллами въ мечетяхъ и школахъ по другимъ деревнямъ; и многіе башкиры сочувственно относились къ призыву на возстаніе противъ русскихъ, открыто похваляясь о томъ.

— Въ скоромъ времени,—говорилъ въ кабакѣ башкирецъ,—мусульмане будутъ вѣшать православныхъ, вотъ такимъ же манеромъ,—указавъ на висѣвшій на стѣнѣ кафтанъ.

— А ты откуда знаешь?—спросилъ его сидѣлецъ.

— Да ужъ нашими муллами на этотъ счетъ получено нѣсколько писемъ изъ Турціи.

Между башкирами Бирскаго уѣзда было распространено убѣжденіе, что Аллахъ прогнѣвался на нихъ, оттого и Коранъ все больше и больше темнѣетъ; а чтобы заслужить благоволеніе Божіе, надо помогать Турціи и уничтожить здѣсь христіанъ.

Какой-то благочестивый мусульманинъ пророчествовалъ въ Уфимскомъ уѣздѣ: «Настанетъ скоро свѣтопреставленіе,—земля перевернется, татары поднимутся на верхъ, русскіе останутся подъ землей. Заживемъ тогда хорошо: хлѣбъ сѣять не станемъ,—онъ самъ будетъ родиться,—податей платить не будемъ; и вѣра будетъ одна».

— Не хороши вѣры у русскихъ, черемисъ и вотяковъ [1]),—говорилъ одинъ вотякъ сидѣльцу питейнаго дома въ дер. Татаркиной, Бирскаго уѣзда,—ну, да скоро всѣхъ этихъ вѣръ не будетъ, а станетъ одна хорошая вѣра магометанская, и царь будетъ одинъ, магометанскій,—русскаго царя не будетъ.

Татары и башкиры, въ обычное (мирное) время, довольно тихіе и смирные, теперь замѣтно измѣнились: сдѣлались смѣлѣе, заносчивѣе, и не только перестали сносить насмѣшки надъ собой, а тѣмъ болѣе обиды, но нерѣдко сами стали задирать русскихъ. Въ пылу гнѣва, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, они старались показать русскимъ свое превосходство и давали понять, что пришелъ ихъ конецъ.

Среди инородцевъ циркулировали положительные слухи «въ скоромъ возстановленіи Казанскаго царства съ магометанскимъ начальствомъ». «Татары будутъ господствующей, русскіе подчиненной націей». Такъ,

[1]) Послѣдніе до сей поры язычники.

будто-бы, было написано въ книгахъ Магомета. «И когда придетъ турокъ, деньги станутъ дешевле».

— Это будетъ въ Курбанъ-Байрамъ,—пояснялъ въ кабакѣ с. Александровскаго, Мензелинскаго уѣзда, одинъ татаринъ.—Какъ только въ Казань придутъ турки, а татары начнутъ рѣзать русскихъ («и за это имъ ничего не будетъ»), я одинъ управлюсь съ десятерыми.

Въ 1876 году праздникъ Курбанъ-Байрамъ приходился 16-го декабря. Къ этому времени магометане ждали прибытія въ Казань знатнаго паши, и тогда, молъ, начнется поголовное истребленіе русскихъ, при полномъ возмущеніи всѣхъ мусульманъ. Даже чуваши и черемисы (язычники) съ нетерпѣніемъ ждали этого дня, и многіе изъ нихъ охотно намѣревались пристать къ мятежу.

— Хотя бы намъ пришлось идти на очевидную гибель,—говорили послѣдніе,—но мы все-таки примкнемъ къ возстанію башкиръ и татаръ, въ случаѣ объявленія войны Россіей Турціи.

— Если будетъ война, я за русскихъ воевать не пойду,—говорилъ въ дер. Ермекеевой одинъ татаринъ русскому.—А вотъ если султанъ въ Казань придетъ,—я его встрѣчу, и будемъ бить русскихъ.

— Теперь бы хорошо жениться, — распространялся башкирецъ Утяковской волости (Стерлитамакскаго уѣзда) въ домѣ крестьянина Комлева,—русскаго богатства скоро будетъ много.

— Да откуда же ты его возьмешь?—невольно спросила жена хозяина.

— Мы только и ждемъ войны,—тогда перерѣжутъ здѣсь всѣхъ русскихъ.

Большинство туземцевъ было даже увѣрено, что, съ появленіемъ турокъ въ Казани, русскихъ не будетъ ни въ Башкиріи, ни въ сосѣднихъ областяхъ, населенныхъ магометанами.

— Вотъ у меня сынъ умеръ на службѣ,—болталъ полупьяный башкирецъ въ дер. Татаркиной (Бирскаго уѣзда),—но черезъ четыре года не будутъ наши дѣти на русской службѣ, — магометане истребятъ русскихъ.

Эта увѣренность открыто высказывалась не только простыми инородцами, но и ихъ учеными «мужами».

— И... зачѣмъ только тебѣ теперь росписку?..—убѣждалъ мулла дер. Байгузиной крестьянина Логунова, купившаго у него лошадь,— вѣдь все равно васъ, русскихъ, скоро оттѣснятъ отсюда.

Такія рѣчи, раздававшіяся отовсюду, конечно, сильно безпокоили русскихъ поселянъ. Составляя меньшинство, окруженные со всѣхъ сторонъ инородцами, они, по неволѣ, должны были опасаться ихъ угрозъ.

Между тѣмъ слухи о приготовленіяхъ къ мятежу росли все больше и больше. Передавалось за достовѣрное, что туземцы заготовляютъ оружіе, порохъ, льютъ пули, и всѣ эти запасы до поры до времени

хранятъ подъ мечетями. Объ этомъ говорилось всюду: на базарахъ, въ лавочкахъ, питейныхъ домахъ. Одинъ башкирецъ, не стѣсняясь, сообщилъ крестьянамъ дер. Зайцевой (Бирскаго у.), что у нихъ, «слава Богу, есть большой запасъ ружей и пороху. Пока солдаты придутъ на подмогу, мы скоро покончимъ съ русскими!».

Даже въ самой Уфѣ, передъ глазами, такъ сказать, губернскаго начальства, не умолкали эти разглашенія. Говорили, что «башкиры уже возстали, взяли одинъ изъ городовъ Пермской или Оренбургской губерніи; у муфтія [1]) былъ обыскъ, нашли скрываемыхъ имъ турокъ и закупленное изъ магазина Пенна оружіе, его хотѣли арестовать, но онъ успѣлъ бѣжать» [2]).

Еще страшнѣе шли извѣстія изъ Пермской губерніи, будто взбунтовавшіеся въ нѣкоторыхъ деревняхъ Осинскаго уѣзда башкиры намѣрены 25-го декабря напасть на сосѣдній г. Бирскъ и сжечь его; говорили, что въ магометанскихъ селеніяхъ муллы снимаютъ съ мечетей полумѣсяцы, что̀ служитъ условнымъ знакомъ провозглашенія священной войны; для подавленія мятежа ожидаютъ прибытія войскъ [3]).

Конечно, слухи эти удручающимъ образомъ дѣйствовали на русское населеніе края. Тревожному состоянію умовъ способствовали еще появившіяся въ нѣкоторыхъ столичныхъ газетахъ корреспонденціи, въ которыхъ сообщались крайне неблагопріятныя свѣдѣнія о мусульманахъ Казанской, Вятской и Уфимской губерній. Разсказывалось, что среди нихъ софтами проповѣдуется «газаватъ» (священная война), будто «у многихъ именитыхъ казанскихъ татаръ найдены большія суммы денегъ, спеціально собранныя для этой цѣли, и громадное количество оружія».

Слушая все это, народъ переживалъ тяжелыя минуты. Мѣстнымъ властямъ стоило большихъ трудовъ, чтобы убѣдить крестьянъ въ противномъ, чтобы разсѣять надвигающіяся тучи. Слухи оказались крайне преувеличенными, тѣмъ не менѣе, какъ выразился въ своемъ донесеніи (23-го декабря 1876 г.) уфимскому губернатору белебеевскій исправникъ: «турки свое дѣло сдѣлали». Пока шла русско-турецкая война, цѣлыхъ два года край находился въ самомъ безпокойномъ состояніи. Всѣ (и власти и народъ) свободно, съ облегченнымъ сердцемъ вздохнули только тогда, когда было объявлено «замиреніе».

Впослѣдствіи болѣе интеллигентные магометане говорили, что въ сущности не могло быть никакого возстанія, какъ по неимѣнію средствъ для этого, а главнымъ образомъ потому, что «нигдѣ мусульманамъ не живется такъ вольготно и хорошо, какъ въ Россіи»...

П. Юдинъ.

---

[1]) Глава заволжскихъ магометанъ, живетъ въ Уфѣ.

[2]) Объ этихъ слухахъ самъ муфтій писалъ 8-го ноября 1876 г. оренбургскому ген.-губернатору, прося принять мѣры къ ихъ пресѣченію.

[3]) Изъ донесенія бирскаго исправника отъ 20-го декабря 1876 г.

О пособіяхъ возвращающимся въ отечество полякамъ-изгнанникамъ.

Письмо С. Ланскаго кн. М. Д. Горчакову.

17-го октября 1856 г. № 418.

Вслѣдствіе личнаго объясненія съ вашимъ сіятельствомъ, я имѣлъ счастіе представлять государю императору всеподданнѣйшій докладъ, чтобы при объявленіи начальникамъ губерній и генералъ-губернаторамъ высочайше утвержденныхъ, по положеніямъ Комитета гг. министровъ 11-го и 25-го минувшаго сентября, правилъ о выдачѣ пособій возвращающимся въ отечество изгнанникамъ царства Польскаго и западныхъ губерній Имперіи, не сообщать имъ 5-го пункта сихъ правилъ о дополнительныхъ пособіяхъ, но принять оный только къ руководству и исполненію: въ царствѣ Польскомъ—вашему сіятельству, а въ Имперіи—мнѣ.

Его императорское величество на всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ высочайше соизволилъ собственноручно начертать: «согласенъ».

О таковой монаршей волѣ имѣю честь увѣдомить ваше сіятельство и препроводить при семъ копію съ помянутаго доклада.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч.

Выписка изъ журналовъ Комитета министровъ 11-го и 25-го сентября 1856 года.

Слушана записка товарища министра государственныхъ имуществъ отъ 4-го сентября за № 96-мъ (по канц.), съ представленіемъ, по высочайшему повелѣнію, всеподданнѣйшаго доклада бывшаго министра

государственныхъ имуществъ, и другихъ бумагъ, по дѣлу о пособіяхъ возвращающимся въ отечество изгнанникамъ царства Польскаго и западныхъ губерній Имперіи.

Во исполненіе высочайшаго повелѣнія его императорскаго величества, обсудивъ во всей подробности обстоятельства настоящаго дѣла и мнѣнія по оному, какъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ, такъ и намѣстника царства Польскаго, комитетъ усматривалъ, что его величество, даровавъ нѣкоторымъ политическимъ изгнанникамъ Царства и западныхъ губерній Имперіи ихъ личныя права состоянія и дозволивъ имъ возвратиться въ отечество, всемилостивѣйше соизволилъ, какъ видно изъ записки намѣстника, выразить высочайшую волю объ опредѣленіи пособій отъ правительства тѣмъ изъ сихъ лицъ, кои, при возвращеніи изъ-за границы, по преклонности лѣтъ или обремененію семействами, будутъ находиться въ крайности. Руководствуясь точными словами этой высочайшей воли, комитетъ считалъ нужнымъ войти въ обсужденіе только вопроса о томъ: какой именно слѣдуетъ принять способъ для производства таковыхъ пособій, т. е. производить ли оныя единовременно, какъ полагаетъ генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ, или же согласно мнѣнію генералъ-адъютанта графа Киселева, выдавать ихъ постоянно, въ видѣ пенсій. По мнѣнію комитета, опредѣленіе отъ правительства постоянныхъ вспомоществованій или пенсій могло бы дать поводъ предполагать о нѣкоторомъ правѣ на оныя упомянутыхъ лицъ, или о нѣкоторой обязанности правительства производить имъ таковыя пособія, что не только не согласовалось бы съ выше объясненною волею его величества, проистекающею единственно изъ чувствъ монаршаго милосердія и сострадания, но даже и со справедливостію въ отношеніи другихъ подданныхъ его величества. Подобными пенсіями воспользовались бы, и едва-ли не въ наибольшей части, такія лица, кои при удаленіи изъ отечества не имѣли никакой собственности, и такимъ образомъ участь ихъ, несмотря на ихъ преступленіе, была бы болѣе обезпечена, чѣмъ положеніе лицъ равнаго имъ состоянія, кои остались вѣрными долгу и присягѣ. Сверхъ того комитетъ не могъ также не обратить вниманія и на то, что мѣра сія предоставила бы политическимъ изгнанникамъ такое преимущество, коимъ не пользуются у насъ многочисленныя семейства военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, безукоризненно служившихъ, но умершихъ или вышедшихъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ, въ отставку прежде выслуги установленнаго въ законахъ, для полученія пенсіи, срока.

По симъ соображеніямъ, комитетъ признавалъ, что въ настоящее время слѣдуетъ ограничиться назначеніемъ возвращающимся изъ-за границы неимущимъ и престарѣлымъ изгнанникамъ лишь единовременныхъ пособій, самыхъ необходимыхъ для устройства ихъ быта при

новомъ водвореніи, съ тѣмъ, что эти пособія могутъ быть повторяемы и впослѣдствіи, если кто-либо изъ сихъ лицъ, по исключительному положенію своему или по обстоятельствамъ, заслуживающимъ особеннаго уваженія, будетъ дѣйствительно имѣть нужду въ новомъ вспомоществованіи. Что касается способовъ для покрытія потребныхъ на означенную надобность издержекъ, то, имѣя въ виду, съ одной стороны, отзывъ намѣстника царства Польскаго о затруднительномъ положеніи тамошняго казначейства, изъ коего слѣдуетъ производить означенныя пособія, такъ какъ доходы съ конфискованныхъ имѣній входятъ въ приходныя статьи годовыхъ росписей Царства; а съ другой стороны предположеніе бывшаго министра государственныхъ имуществъ о возможности отнести на сей предметъ ежегодный процентъ съ общаго остатка цѣнности конфискованныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ Имперіи, простирающійся нынѣ до 81 т. р. сер., комитетъ находилъ, что при такомъ состояніи сихъ способовъ, въ назначеніи изъ оныхъ на вышеизложенномъ основаніи вспоможеній означеннымъ лицамъ надлежитъ отклонять всякое излишество, наблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы всѣ они воспользовались таковымъ пособіемъ сколь возможно уравнительно и соразмѣрно степени дѣйствительныхъ нуждъ ихъ и мѣстному положенію.

Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ:

1) Тѣмъ изъ возвращающихся, на основаніи всемилостивѣйшаго разрѣшенія, изъ-за границы изгнанникамъ царства Польскаго и западныхъ губерній Имперіи, которые, по преклонности лѣтъ или обремененію малолѣтными дѣтьми, будутъ находиться въ крайности, назначать отъ правительства, но единственно лишь въ видѣ новой монаршей къ нимъ милости, единовременныя пособія для первоначальнаго обзаведенія и устройства быта ихъ при водвореніи въ отечествѣ.

2) Пособія сіи выдавать какъ самимъ изгнанникамъ, такъ и ихъ женамъ и законнымъ дѣтямъ, по прибытіи ихъ на мѣсто водворенія.

3) Для уравнительнаго и правильнаго во всѣхъ отношеніяхъ производства таковыхъ пособій, принимать къ назначенію оныхъ главнымъ основаніемъ: степень дѣйствительныхъ нуждъ упомянутыхъ лицъ, мѣстныя надобности по водворенію ихъ и способы каждаго изъ нихъ къ дальнѣйшему обезпеченію быта своего законными средствами.

4) Ближайшія соображенія объ опредѣленіи на семъ основаніи, для нуждающихся лицъ, размѣра означенныхъ единовременныхъ пособій возложить на обязанность начальниковъ губерній, а окончательное разрѣшеніе ходатайствъ ихъ по сему предмету предоставить: въ Имперіи — министру внутреннихъ дѣлъ, а въ царствѣ Польскомъ — намѣстнику онаго. Въ тѣхъ губерніяхъ Имперіи, гдѣ есть генералъ-губернаторы, представленія эти должны поступать къ министру внутреннихъ дѣлъ чрезъ нихъ и съ заключеніемъ ихъ.

5) Если кто-либо изъ возвратившихся въ отечество изгнанниковъ, получивъ отъ правительства денежное единовременное вспомоществованіе, по какому-либо исключительному случаю, или по другимъ уважительнымъ и совершенно независящимъ отъ него причинамъ, будетъ нуждаться въ дальнѣйшемъ еще пособіи для содержанія своего, то о назначеніи таковымъ лицамъ новаго вспомоществованія предоставить начальникамъ губерній входить съ представленіями порядкомъ вышеизложеннымъ.

6) Для покрытія потребныхъ въ сихъ случаяхъ расходовъ, всѣ упомянутыя выше пособія относить: въ Имперіи на счетъ суммы процентовъ, причитающихся по банковому размѣру съ общаго остатка отъ цѣнности конфискованныхъ въ западныхъ губерніяхъ имѣній, на каковой конецъ министръ внутреннихъ дѣлъ и имѣетъ каждый разъ сноситься предварительно съ министромъ государственныхъ имуществъ о возможности назначенія пособій изъ сего источника. Что же касается до царства Польскаго, то подобныя пособія относить тамъ на счетъ общихъ доходовъ сего края, согласно существующему въ оном въ на сей конецъ порядку.

7) При назначеніи пособій намѣстникъ Царства и министръ внутреннихъ дѣлъ входятъ также предварительно въ сношеніе съ шефомъ жандармовъ, въ отношеніи свѣдѣній, могущихъ быть въ виду о лицѣ, коему пособіе предназначается; и

8) Для увеличенія способовъ къ достиженію предполагаемой въ семъ случаѣ цѣли, поставить въ обязанность министерства государственныхъ имуществъ: а) уменьшить, по возможности, расходы изъ доходовъ съ конфискованныхъ имѣній, не уплачивая болѣе изъ сихъ доходовъ долговыхъ капиталовъ, а только по займамъ изъ банковъ вносить годовые проценты и погашеніе; сверхъ того ограничить сумму, опредѣленную на расходы для производства дѣлъ по ликвидаціи и управленію имѣніями (чѣмъ и увеличится сумма для пособій эмигрантамъ), и б) довершить, сколь можно поспѣшнѣе, отчетность по конфискованнымъ имѣніямъ.

Государь императоръ положеніе комитета высочайше утвердить соизволилъ, при чемъ послѣдовала собственноручная его величества резолюція: «совершенно согласно съ моими мыслями».

Комитетъ 25-го сентября опредѣлилъ: сообщить о томъ товарищу министра государственныхъ имуществъ къ исполненію выпискою изъ журнала, поручивъ ему объ изъясненномъ высочайше утвержденномъ положеніи комитета увѣдомить намѣстника царства Польскаго, министра внутреннихъ дѣлъ и шефа жандармовъ для зависящихъ отъ нихъ въ чемъ слѣдуетъ по вѣдомствамъ ихъ, распоряженій.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

шихъ въ Италіи, также проѣздъ въ Россію нанятыхъ въ Венеціи техниковъ и мастеровъ; о заграничной поѣздкѣ Петра онъ говоритъ въ началѣ только по слухамъ, и лишь пребываніе въ Равѣ, въ гостяхъ у польскаго короля Августа II, отмѣчено въ депешахъ Альберти съ большою обстоятельностью.

Слѣдующую группу въ сборникѣ составляютъ донесенія „конфидентовъ“, — неоффиціальныхъ агентовъ, которыми особенно было въ то время богато правительство Венеціанской республики. Изъ Константинополя о текущихъ политическихъ дѣлахъ постоянно освѣдомлялъ венеціанское посольство въ Вѣнѣ главнымъ образомъ Маркъ Антоніо Мамука делла Торре; изъ этого матеріала извлечены нѣкоторыя данныя о военныхъ приготовленіяхъ турокъ противъ русскихъ, о ихъ дѣйствіяхъ подъ Азовомъ, на Черномъ морѣ, въ Молдавіи, о дѣйствіяхъ крымскихъ татаръ. Кромѣ Константинопольскаго канцелярія венеціанскаго посольства въ Вѣнѣ получала неоффиціальныя свѣдѣнія также и изъ другихъ мѣстъ, между прочимъ, изъ Германіи и Россіи. Такова сообщенія пѣтербургскаго и гамбургскаго корреспондентовъ о пребываніи царя Петра и великаго посольства въ гостяхъ у курфюрста Бранденбургскаго и въ Кенигсбергѣ.

Въ особую группу выдѣлены документы, касающіеся спеціально приготовленій къ пріѣзду въ Венецію русскаго царя,—собственно распоряженія венеціанскаго сената и донесенія ему мѣстныхъ административныхъ органовъ.

Далѣе идутъ Acta Consistorialia,—свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи уніатскихъ епархій, собиравшіяся при назначеніи какого-либо лица на вакантную въ этой епархіи должность епископа. Послѣднюю группу составляютъ Notizie di fatti,—свѣдѣнія газетнаго характера, сообщающія много мелкихъ подробностей о великомъ посольствѣ, о поѣздкѣ Петра Великаго за границу и, въ частности, русскихъ „волонтеровъ“ въ Италіи.

По содержанію своему, весь историческій матеріалъ, содержащійся въ первомъ томѣ сборника, — можно сгруппировать въ слѣдующіе отдѣлы: 1) Азовскіе походы и вообще борьба Россіи съ Турціей (главнымъ образомъ по депешамъ Альберти и сообщеніямъ константинопольскихъ „конфидентовъ“); 2) Карловицкій міръ, подписанный въ 1699 г. конецъ войнѣ съ турками; 3) Россія и Польша въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—главнымъ образомъ въ донесеніяхъ Альберти и Рудзини (послѣдняго—изъ-подъ Карловича); 4) сношенія Россіи съ правительствомъ цезаря; 5) Венеція въ ея отношеніяхъ къ Россіи; 6) сношенія папскаго престола съ Россіею; при чемъ здѣсь можно выдѣлить: а) вопросъ о церковной уніи и, въ частности, о свободномъ отправленіи католическаго богослуженія въ Россіи, и б) вопросъ о проѣздѣ католическихъ миссіонеровъ въ Китай и въ Персію черезъ русскую территорію и, въ частности, архіепископа Ангорскаго; 7) уніатскій вопросъ въ Польшѣ; 8) великое посольство 1697—1698 гг. за границей; 9) Петръ Великій за границей и 10) поѣздка русскихъ „волонтеровъ“ и, въ частности, Б. П. Шереметева, въ Италію.

Что касается языка, то въ разсматриваемомъ нами сборникѣ преобладаютъ документы итальянскіе; на долю другихъ языковъ приходится немного. Сравнительно болѣе документовъ, послѣ итальянскихъ,—на латинскомъ языкѣ; сюда относятся римскія записи о пребываніи русскихъ въ папской столицѣ, о пребываніи въ Римѣ Б. П. Шереметева, acta consistorialia и кромѣ того нѣсколько приложеній къ нѣкоторымъ депешамъ, писаннымъ по-итальянски; на французскомъ языкѣ всего семь документовъ; на польскомъ—одинъ; на русскомъ, не считая пересказа писемъ отъ Воты къ кардиналу Барберини и письма кардинала Спады къ отъ Воте,—четыре. Вотъ что писалъ государственный секретарь, кардиналъ Спада, 14-го іюля 1696 г. отцу Карлу-Маріо Воте, изъ Рима: „Римская курія узнала о смерти польскаго короля съ величайшимъ прискорбіемъ. Это потеря не только для Польши, но и для всего христіанства: со смертію короля сошелъ со сцены монархъ, полный блеска и славы,—герой, не только радость своихъ вѣрноподданныхъ, но и ужасъ своихъ враговъ“.

Первый изъ четырехъ документовъ на русскомъ языкѣ есть отрывокъ изъ донесенія Григорія Островскаго, посланнаго изъ Гаги въ Шклавонскую землю, отъ 2-го января 1698 г... „да къ нему жъ (Гр. Островскому) въ Венеціи приходилъ католицкій доминиканъ, патеръ Матвей, говорилъ, что онъ умѣетъ математическое ученіе, и теологію, и инженерное дѣло, и морской ходъ подлинно знаетъ, и чтобъ ево принять въ его в. государя службу; а онъ обѣщается по своей наукѣ и художеству выучить въ скорыхъ годѣхъ многихъ русскихъ людей и книги о той наукѣ на русскомъ языкѣ будетъ выдавать“... Второй—письмо П. Б. Возницына О. А. Головину изъ Вѣны отъ 3-го (13-го) сентября 1698 г.; третій—дѣло по челобитью Цеперскаго монастыря—о вѣрѣ; послѣдній, четвертый,—царская грамота венеціанскому дожу отъ 8-го іюля 1700 г.; первые три документа извлечены изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, а послѣдній—изъ венеціанскаго государственнаго архива.

Безъ сомнѣнія, сборникъ Е. Ф. Шмурло займетъ видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ по данному вопросу, и остается только пожелать уважаемому ученому довести свой трудъ до конца.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1904 г.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ".

съ предисловіемъ и подъ редакц. И. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ пересылкою.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

Slav 25,10

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIV-й. ДЕКАБРЬ. 1903 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Послѣ отечественной войны. (Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка). Н. Дубровина . . . . 481—514

II. В. Г. Варенцовъ. (Біографическая замѣтка на основаніи неизданныхъ источниковъ). Профес. Е. Боброва . . . . . 515—522

III. Записки адъютанта. П. Задѣсова . . . . . 523—542

IV. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина . . . . . 543—559

V. Два письма (графа) М. Н. Муравьева къ шефу жандармовъ кн. В. А. Долгорукову о положеніи дѣлъ въ Сѣв.-Западномъ краѣ . . . . . 561—564

VI. Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ. 565—588

VII. Епископъ Аарон (Еропкинъ). В. В. Еропкиной . . . . . 589—593

VIII. Попытка напечатать «Черты исторіи государства Россійскаго» Н. А. Жуковскаго въ 1837 г. Сообщ. И. А. Бычковъ . . . . . 595—600

IX. Изъ архива Ѳ. В. Булгарина. Сообщ. Н. Никсановъ. 601—609

X. Княгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами . . . . . 611—628

XI. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Пав. Матѣева. 629—637

XII. Possevviniana. П. Пирлинга . . . . . 639—650

XIII. Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ въ XV и XVI вѣкахъ . . . 651—682

XIV. Цензура въ царствованіе императора Николая I-го. 683—698

XV. Наполеонъ I и Наполеонъ III. Сообщ. А. Н. Крыжановскій. . . 699—702

XVI. Неизданныя письма И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу. Сообщилъ П. Н. Тургеневъ. . . . . 703—720

XVII. Записная книжка „Русской Старины“: Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ П. Г. Лижову. Павловскъ, 25-го августа 1801 г. (стр. 560).—Воспрещеніе выводить воспитанниковъ училищъ въ Царствѣ Польскомъ на загородную прогулку 3 мая, 14-го (26-го) апр. 1834 г. Сообщилъ С. П. Никольскій. (594).—Объ отдачіи воинской чести нижними чинами Сената. 9-го ноября 1828 г. Сообщилъ А. В. Безродный (610).—Запрещеніе дѣлать куклы, изображающія духовныхъ лицъ. 12 сент. 1821 г. (638).

XVIII. Указатель личныхъ именъ въ «Русской Старинѣ» 1903 года.

XIX. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ епископа Аарона (Еропкина).
2) При сем. № прилагается объявленіе т-ва „Проводникъ“.
3) При сем. № прилагается объявленіе о подпискѣ на «Иллюстрированную Библіотеку Нивы» 1904 г., содержащую «Большой всемірный настольный Атласъ Маркса».

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1903.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1903 года.

Библіографическій листокъ.

Я. Б. Шиппперъ. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. Съ 155 рисунками и 19 отдѣльными таблицами, печатанными красками и золотомъ. Цѣна 4 р. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса.

Въ нашей литературѣ еще до настоящаго времени не имѣется ни одного цѣльнаго, систематическаго труда о происхожденіи и развитіи письменности у различныхъ народовъ.

Разсматриваемый нами трудъ Я. К. Шиппера восполняетъ этотъ пробѣлъ. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью вынести существованіе тѣсной родственной связи между всѣми письменами земнаго шара, т. е. показать, на основаніи сравнительнаго изученія различныхъ памятниковъ древней письменности, что письмена, подобно языкамъ, не выдумывались и не изобрѣтались отдѣльными личностями, какъ это принято было думать на основаніи преданій, а вырабатывались и развивались одно изъ другого, подчиняясь тѣмъ же законамъ эволюціи и постепеннаго развитія, какимъ подчинено происхожденіе міровъ, происхожденіе животныхъ, растеній и вообще всего того, что когда-либо возникало или возникаетъ въ природѣ.

Книга г. Шиппера состоитъ изъ двухъ частей; въ первой излагается состояніе письменности у различныхъ народовъ земнаго шара до появленія алфавитной системы; вторая отведена алфавиту и его происхожденію. Особое вниманіе обращено на наглядное уясненіе предмета. Съ этою цѣлью книга снабжена поясняющими таблицами, множествомъ всевозможныхъ рисунковъ, образцовъ письменъ и снимковъ съ памятниковъ древней письменности.

Въ введеніи выясняется сущность письменъ и ихъ всемірное значеніе. Изобрѣтеніемъ письменъ,—говоритъ авторъ,—человѣческій умъ разрѣшилъ одну изъ самыхъ трудныхъ и великихъ своихъ задачъ: онъ воплотилъ свое слово, фиксировалъ рѣчь и такимъ образомъ получилъ возможность сдѣлать свою мысль безсмертной. „Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ",—говоритъ пословица, и этими словами вполнѣ опредѣляется значеніе этого важнаго искусства. Благодаря письму наши мысли, идеи, знанія,—словомъ, вся наша умственная и духовная жизнь не умираетъ вмѣстѣ съ нами, а сохраняется въ неизмѣнномъ видѣ въ теченіе неопредѣленно долгаго времени, дѣлаясь драгоцѣннымъ достояніемъ дальнѣйшихъ поколѣній.

„Письмо, — говоритъ нѣмецкій писатель Вуттке, — это—чудесная, неиссякаемая чаша познаній и мудрости; это—чаша, которая всегда остается полною, не смотря на то, что всякій изъ нея черпаетъ". Облегчивъ въ значительной степени сношенія различныхъ народовъ между собою, письмо дало возможность производить обширный обмѣнъ мыслей и тѣмъ содѣйствовало развитію цивилизаціи. Цѣлый рядъ великихъ изобрѣтеній и открытій неразрывно связанъ съ искусствомъ письма. Безъ письма, напримѣръ, было бы совершенно немыслимо существованіе стенографіи, книгопечатанія и телеграфа. Однимъ словомъ, исторія письма есть въ то же время и всемірная исторія человѣческой культуры, и занимаетъ самое видное мѣсто въ общей картинѣ прогресса и цивилизаціи. Великое культурное значеніе письма сознается всюду, и распространеніе грамотности среди темной и некультурной массы составляетъ теперь главнѣйшую заботу цивилизованныхъ государствъ. Даже дикари, и тѣ съ большимъ интересомъ встрѣчаютъ письмо европейцевъ, хотя сразу они никакъ не могутъ понять его значенія и сущности. Когда Америка была завоевана европейцами, порабощенные дикари не могли никакъ освоиться съ понятіемъ о письмѣ; имъ казалось, что вся тайна, вся суть письма заключается въ самой бумагѣ, которую они называли „говорящей", и смотрѣли на нее, какъ на одушевленный предметъ, обладающій слухомъ, зрѣніемъ и сложною рѣчью.

Было время, когда люди не только не знали письма, но даже и не думали о возможности его существованія; тогда они вели совершенно независимую другъ отъ друга жизнь, жили небольшими семьями или группами, не имѣли никакихъ общественныхъ дѣлъ и интересовъ, а потому вполнѣ обходились своей устной рѣчью для взаимнаго пониманія. Съ теченіемъ времени отношенія между людьми становились все сложнѣе и сложнѣе; одной устной рѣчи было уже недостаточно, и потому люди начинаютъ дѣлать всевозможныя попытки найти себѣ, кромѣ языка, еще какое-нибудь другое средство для передачи своихъ мыслей и желаній. Единственный путь представлялся человѣку наиболѣе легкимъ для достиженія этой цѣли, это—воспользоваться окружающими его предметами и при помощи ихъ условно выражать всевозможныя понятія. Когда, напримѣръ, первобытные народы объявляли другъ другу войну, то они посылали своимъ врагамъ копье, стрѣлу или какое-нибудь другое оружіе, употребляемое въ битвахъ; у нѣкоторыхъ некультурныхъ народовъ существовалъ обычай, при заключеніи мирныхъ договоровъ, закуривать трубку и передавать ее изъ рукъ въ руки, и вотъ, благодаря этому, они пользовались трубкою, какъ символомъ мира.

Геродотъ разсказываетъ, что когда древніе персы потребовали отъ скиновъ добровольнаго признанія ихъ могущества и власти, то, вмѣсто отвѣта, скины послали имъ птицу, мышь, лягушку и пять стрѣлъ. Все это означало: „персы, если только вы не умѣете летать подобно птицамъ, прятаться въ землю подобно мышамъ, прыгать по болотамъ подобно лягушкамъ, то будете осыпаны нашими стрѣлами, лишь только вы вступите въ скиновскую землю". Нѣкоторыя дикія племена еще до настоящаго времени не оставили этого первобытнаго способа передачи своихъ мыслей и желаній; перуанцы и мексиканцы и дикія племена западной Африки употребляютъ для выраженія своихъ мыслей небольшія узловатыя веревочки, каждый узелокъ которыхъ имѣетъ опредѣленное значеніе. Къ узловому письму, употреблявшемуся еще въ глубокой древности, весьма близко подходитъ раковинное письмо, которое употреблялось гуронами, ирокезами и нѣкоторыми другими сѣверо-американскими племенами; мысли выражались разноцвѣтными морскими раковинами, нанизанными на ремешки или нит-

ЕПИСКОПЪ ААРОНЪ (А. В. ЕРОПКИНЪ).

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

II [1]).

Администрація въ губерніяхъ: губернаторы, губернскія правленія и другія учрежденія.—Злоупотребленія власти.—Безпорядки въ правленіи.—Нищенство служащихъ.—Уклоненіе отъ должностей.—Взяточничество.—Отсутствіе понятія о законности.—Коммиссія законовъ и ея бездѣятельность.—Попечительное общество о тюрьмахъ.—Взглядъ императора Александра I на обязанности правительства.—Необходимость преобразованій.—Письма А. Д. Балашова и Д. П. Извольскаго императору Александру.—Скрываніе отъ государя положенія дѣлъ въ губерніяхъ, во время его путешествій.—Истинное положеніе внутренней жизни Россіи.

Сычевскій городничій говорилъ С. Н. Глинкѣ [2]): деревни и села суть основанія зданія нашего; уѣздные и губернскіе города—стѣны, а столица—кровля. Послѣдняя, къ сожалѣнію, не была прочно соединена со стѣнами и фундаментомъ.—Министерства, не будучи связаны ни уставами, ни положеніями съ губернаторами и губернскими учрежденіями, часто вмѣшивались не въ свое дѣло и встрѣчали противодѣйствіе.—Губернаторы, не имѣя инструкціи, дѣйствовали по своему усмотрѣнію и часто по произволу; губернскія правленія, не зная своихъ отношеній къ министерствамъ и «по обя-

[1]) См. «Русскую Старину» ноябрь 1903 г.

[2]) Записки С. Н. Глинки, стр. 217.

занностямъ, на нихъ лежащимъ, при многосложномъ производствѣ дѣлъ, при весьма ограниченныхъ и совсѣмъ несоразмѣрныхъ надобностямъ способахъ, непрестанно останавливаются въ ходѣ своемъ».

Лишенныя руководства губернскія палаты выработали свои правила, различныя въ каждой губерніи, и, дѣйствуя самостоятельно, часто не подчинялись губернскому правленію и ссорились съ нимъ.

Губернскіе и уѣздные предводители дворянства не могли опредѣлить своего истиннаго положенія, такъ какъ обязанности ихъ были столь запутаны разными противорѣчащими постановленіями, что губернаторы часто требовали отъ нихъ дѣятельности званію ихъ не свойственной.

Всѣ эти и множество другихъ неудобствъ,—говоритъ современникъ[1]),—выгоняютъ изъ губерній всѣхъ лучшихъ людей. Губернаторы, сколько-нибудь «съ чувствами и о дѣлахъ понятіе имѣющіе, спѣшатъ уходить, удостовѣряясь, что поздно или рано, должны пасть жертвою запутанности». Многіе губернаторы тяготились опекою свыше и жаловались императору на неправильное будто бы вмѣшательство въ ихъ распоряженія министерствъ и даже Сената.

«При обозрѣніи мною нѣкоторыхъ внутреннихъ губерній государства,—писалъ императоръ Александръ [2]),—доведено до свѣдѣнія моего: что директоры министерскихъ департаментовъ присвоили себѣ право требовать объясненія отъ гражданскихъ губернаторовъ и дѣлать замѣчанія, чего не предоставлено имъ учрежденіемъ министерствъ и что совершенно противно намѣренію моему и оскорбительно званію начальниковъ губерній; что мѣстное губернское начальство не рѣдко долгое время не получаетъ разрѣшеній на представленія свои и оттого, сверхъ медленности въ производствѣ дѣлъ, происходятъ даже упущенія.

«Я повелѣваю Комитету министровъ распорядить, чтобы требованія отъ губернаторовъ отвѣтовъ, или замѣчанія и выговоры имъ происходили единственно отъ лицъ министровъ и за ихъ подписаніемъ, извѣщая всякій разъ о семъ Комитетъ министровъ для свѣдѣнія.—А министру юстиціи доводить равнымъ образомъ до свѣдѣнія Комитета, когда подобныя замѣчанія или выговоры будутъ дѣланы отъ Правительствующаго Сената, кромѣ по дѣламъ уголовныхъ департаментовъ.

«Гражданскимъ же губернаторамъ приказалъ я, чтобы каждые три мѣсяца доносили они мнѣ въ собственныя руки о предметахъ, на кои не получено разрѣшенія».

---

[1]) Въ запискѣ: „О внутреннемъ управленіи Россіи“, представленной въ 1818 г. Сборникъ матеріаловъ изъ архива Собств. Его Величества канцеляріи, выпускъ VII, стр. 131.

[2]) Въ указѣ Комитету министровъ 30-го октября 1816 г. Полное соб. законовъ, т. XXXIII, № 26493.

Такимъ образомъ въ лицѣ губернаторовъ устанавливался надзоръ за дѣйствіями и распоряженіями высшихъ государственныхъ учрежденій, обязанныхъ по закону контролировать дѣйствія подвѣдомственныхъ имъ инстанцій.—Министръ юстиціи князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій призналъ необходимымъ представить государю, что при такомъ положеніи дѣлъ ослабляется блюстительная власть Сената.—Императоръ Александръ остался, однако же, при мнѣніи о пользѣ сдѣланнаго имъ распоряженія.

«Чтобы безъ вѣдома моего,—писалъ онъ по поводу взысканій и выговоровъ князю Лобанову-Ростовскому [1]),—не происходило сего, я убѣжденъ былъ дать повелѣніе по двумъ причинамъ: во-первыхъ, замѣтилъ, что безвинные иногда дѣлаются выговоры и взысканія съ губернаторовъ по намѣреніямъ и видамъ канцелярій; а во-вторыхъ, чтобы поддержать достоинство начальниковъ губерній въ то наипаче время, когда, какъ и вамъ извѣстно, что въ арміи никакой генералъ не подвергается взысканію безъ моего позволенія.

«Время показало, что хотя Сенатъ, по изъясненію вашему, началъ уклоняться отъ излишнихъ съ мѣстныхъ начальствъ взысканій, но за всѣмъ тѣмъ замѣчаю я не заслуженные губернаторами выговоры и штрафы, которые нѣсколько разъ и отмѣчены мною.

«Не могъ однако никогда я думать, чтобы Сенатъ уклонился отъ всякихъ взысканій, дабы не обременить (меня) частыми представленіями и не заградить успѣшнаго теченія дѣлъ.

«Мѣра сія сколько не справедлива, столько и предосудительна для сенаторовъ, ибо долгъ ихъ излагать рѣшенія по точному разуму законовъ, а не разсуждать о предметахъ побочныхъ, особенно еще видя преступленіе должности или власти губернскаго правленія.—Въ такомъ случаѣ нѣтъ оправданія и оберъ-прокурорамъ, ежели они позволяютъ оставаться ненаказаннымъ и самомалѣйшему преступленію.

«Самый смыслъ указа моего 30-го октября 1816 г. даетъ видѣть, что я имѣлъ въ предметѣ усугубить блюстительную власть, поставивъ каждаго губернатора въ извѣстность, что и выговоръ даже съ моего утвержденія дѣлается, и что слѣдственно неправильное дѣйствіе и всякая медленность его будутъ мнѣ извѣстны. Словомъ, изданіемъ указа сего я на себя только принялъ излишній трудъ, а власть Сената ни мало не могла ослабнуть и рѣшительно не можетъ Сенатъ никакой имѣть отговорки къ ненаказанности мѣстныхъ начальствъ за упущенія.

«Но если бы сверхъ ожиданія допущено сіе было по Сенату, то я надѣюсь, что вы исправите, изъяснивъ прямой смыслъ указа 30-го

---

[1]) Въ рескриптѣ 22-го ноября 1817 г. Арх. Собств. Его Величества канцеляріи, кн. № 50.

октября 1816 г., на основаніи коего Правительствующій Сенатъ не только можетъ, но и обязанъ уничтожить неправильное опредѣленіе губернскаго правленія.... А мнѣ представлять собственно о взысканіи или выговорѣ и замѣчаніи губернскому правленію, означая: по какому случаю оные дѣлаются, и ожидать по сей только статьѣ утвержденія. Такимъ образомъ принятое мною въ разсужденіи губернаторовъ правило сохранится, медленности не произойдетъ и Правительствующій Сенатъ обращенъ будетъ къ своей обязанности».

Признавъ за собою право быть отвѣтственными только передъ государемъ, губернаторы съ продажною совѣстью не опасались ни выговоровъ, ни взысканій. «Имѣя до самаго отрѣшенія своего одну цѣль— удовлетвореніе корыстныхъ видовъ своихъ, они облагаютъ въ губерніи все, что могутъ. Капитанъ-исправники за позволеніе грабить платятъ имъ въ годъ по 1000, по 2000 р. и болѣе; винные откупщики платятъ по 2000 р. Однимъ словомъ, все обложено и многіе такіе недозволенные доходы исчисляются отъ 50 т. до 60 т. руб. въ годъ. Если же присоединить за такимъ злоупотребленіямъ еще то, что собрать должны земскіе коммиссары, городничіе и проч., то вѣроятно до нѣсколько сотъ тысячъ рублей составитъ въ губерніи сей непозволительный сборъ» [1]).

Къ этому надо прибавить, что губернаторы «мало-по-малу присвоили себѣ всю мѣстную власть и едва не сравнялись съ бывшими воеводами. Само высшее правительство смотрѣло на вещи не иначе, какъ ихъ токмо глазами, и не смѣло ни въ чемъ имъ противорѣчить» [2]). Они распоряжались почти безконтрольно, и своеволію ихъ не было предѣловъ.

Въ 1814 году Сенатъ призналъ необходимымъ напомнить губернаторамъ, что высочайшимъ указомъ, даннымъ Сенату 16-го августа 1802 года, повелѣно: 1) губернаторамъ управлять губерніями именемъ императора посредствомъ губернскихъ правленій, а не своимъ однимъ лицомъ; 2) не простирать власти своей за предѣлы законовъ; 3) не вмѣшиваться въ судныя дѣла, а дожидаться представленія ихъ имъ на утвержденіе и 4) не заводить никакихъ переписокъ съ частными лицами, а только съ учрежденіями.

«Нынѣ Сенатъ, усматривая изъ дѣлъ, что губернаторы столь далеко простираютъ свою власть, что собственными предписаніями своими разрѣшаютъ отдачу имѣнія отъ одного владѣльца другому, минуя установленный судебный порядокъ; что они не сообщаютъ губернскимъ правленіямъ самыхъ необходимыхъ свѣдѣній, получаемыхъ отъ высшаго правительства, а вмѣсто того, прямо сносятся съ предводителями дво-

[1]) Сборникъ матеріаловъ изъ архива Собств. Его Величества канцеляріи, выпускъ VII, стр. 131.

[2]) Показаніе Г. С. Батенкова 25-го марта 1826 г. Госуд. арх. I, д. № 11.

рянства и земскими исправниками, отчего губернскія правленія остаются въ невѣдѣніи и бездѣйствіи,—Сенатъ считаетъ долгомъ подтвердить, чтобы губернаторы, подъ страхомъ строгаго взысканія, исполняли указъ 1802 года» [1]).

Угроза эта не дѣйствовала: губернаторы самовольничали и злоупотребляли своей властью. Костромской губернаторъ Пасынковъ, при содѣйствіи губернскаго предводителя дворянства князя Козловскаго, взялъ 13.000 р. изъ дворянской суммы, а затѣмъ разложилъ платежъ ея на всѣ состоянія въ губерніи въ видѣ земскихъ повинностей. Въ 1812 году, при выборахъ дворянъ въ ополченіе, онъ произвольно оставилъ дома избранныхъ, а не избранныхъ назначилъ на службу; вещи въ войска поставлялись безъ торговъ и въ израсходованной суммѣ не было отчета. Чиновниковъ въ комитетъ пожертвованій опредѣлилъ безъ выборовъ. По окончаніи войны Пасынковъ произвольно назначилъ дворянскіе выборы, не дождавшись возвращенія ополченія, допустивъ на важнѣйшія мѣста лицъ, находившихся подъ судомъ. Такимъ былъ князь Козловскій, избранный въ губернскіе предводители дворянства; надворный совѣтникъ Насѣкинъ, избранный въ уѣздные предводители, и коллежскій ассесоръ Шадринъ—въ исправники; оба послѣдніе судились за убійство. Губернаторъ Пасынковъ составлялъ и заставлялъ подписывать у себя на квартирѣ ложные дворянскіе приговоры. На вопросъ ревизовавшаго губернію сенатора Алябьева, сколько нерѣшенныхъ дѣлъ, губернаторъ показалъ въ вѣдомости 141, а по ревизіи оказалось двѣ тысячи. При рекрутскихъ наборахъ Пасынковъ вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ брали деньги, чтобы забраковать представляемаго рекрута, и двѣ волости, Яковлевская и Шунгенская, заплатили имъ 60 тысячъ рублей. Присылаемыхъ въ Кострому плѣнныхъ Пасынковъ не обмундировывалъ и не отпускалъ имъ порціонныхъ денегъ, а заставилъ сдѣлать это одного купца, которому обмундированіе и содержаніе плѣнныхъ стоило болѣе 100 тысячъ рублей. Въ общемъ Пасынковъ обвинялся въ 22 судныхъ дѣлахъ [2]).

Тульскій губернаторъ Богдановъ, по произведенному слѣдствію, оказался виновнымъ: 1) въ совершенной безпечности и нерадѣніи къ должности; 2) въ послабленіи злоупотребленіямъ чиновниковъ; 3) въ превышеніи власти; 4) въ сборѣ денегъ съ городскихъ думъ на свою канцелярію; 5) въ удержаніи у себя казенныхъ денегъ; 6) въ незаконной продажѣ желѣза, принадлежавшаго Александровскому училищу; 7) въ продажѣ въ свою пользу пороха и снарядовъ, принадлежавшихъ

[1]) Указъ Сената 30-го ноября 1814 г. Полное собраніе законовъ, т. XXXII, № 25738.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе сенатора Алябьева отъ 23-го ноября 1815 г. Архивъ министерства юстиціи 1815 г., дѣло № 3221.

тульскому ополченію; 8) въ порученіи крапивинскому исправнику тѣснить откупщика, чтобы онъ далъ губернатору взятку [1]).

Словомъ, злоупотребленія губернатора и покровительство его въ томъ же чиновниковъ были такъ велики, что по постановленію Комитета министровъ были отрѣшены отъ должности: губернаторъ Богдановъ, вице-губернаторъ Новиковъ, предсѣдатель гражданской палаты Морозовъ и совѣтники казенной палаты Поповъ и Теляковскій [2]).

«Надобно быть въ Тулѣ,—писалъ сенаторъ Мясоѣдовъ [3]),—чтобы слышать ропотъ народный на бывшихъ правителей и перешнюю ихъ радость. Одинъ совѣтникъ казенной палаты Поповъ дѣлалъ здѣсь чудеса: всѣ казенные крестьяне были какъ бы его собственные. Сіи послѣдніе въ самомъ жалкомъ положеніи,—всѣ и за все, и за дѣло и безъ дѣла, брали съ нихъ деньги съ крайнимъ вынужденіемъ; жаловаться было некому, все было на откупу».

Высочайшимъ указомъ 28-го ноября 1815 года было повелѣно тайному совѣтнику Сиверсу удалить губернатора Волынской губерніи Комбурлея и вице-губернатора Хрущева за разнаго рода злоупотребленія власти.

Псковскій губернаторъ князь Шаховской сѣкъ дворянъ, утверждалъ постановленія уголовной палаты 1811 года только въ 1815 году, а обвиняемые все это время сидѣли въ тюрьмахъ. Онъ же распоряжался въ губерніи помимо губернскаго правленія [4]).

Казанскій губернаторъ графъ Толстой, вмѣстѣ съ губернскимъ правленіемъ бралъ взятки, забиралъ и удерживалъ у себя казенныя суммы, взялъ изъ Приказа общественнаго призрѣнія 5.000 р. на собственныя надобности, злоупотреблялъ заключеніемъ контрактовъ по подрядамъ, самопроизвольно продалъ домъ мѣщанина Крашенинникова и проч. [5]). Указомъ Сената 26-го февраля 1820 года графъ Толстой былъ удаленъ отъ должности.

Тамбовскій губернаторъ Безобразовъ требовалъ увѣковѣченія своего имени и памяти въ Тамбовѣ, поднесеніемъ ему отъ дворянства портрета его во весь ростъ и выбитія медали. Онъ желалъ помѣстить ихъ въ залѣ дворянскаго собранія съ надписью: «избавителю города Тамбова отъ злодѣевъ, съ изображеніемъ его тушащимъ злодѣйственный пожаръ губернскаго города». Это требованіе произвело раздоръ между дворянами,

---

[1]) Архивъ министерства юстиціи 1819 г., дѣло № 64.

[2]) Письмо Д. П. Трощинскаго—Н. Е. Мясоѣдову 25-го ноября 1815 г. Арх. мин. юстиціи, дѣло 1815 г., № 3800.

[3]) Трощинскому 10-го декабря 1815 г. Тамъ же.

[4]) Тамъ же, книга именныхъ указовъ 1819 г., № 392.

[5]) Рапортъ оберъ-прокурора Сената Маврина—князю Лобанову отъ 19-го ноября 1820 г. Арх. мин. юстиціи, дѣло 1819 г., № 3516.

раздѣлившимися на двѣ партіи. Въ этотъ раздоръ самопроизвольно вмѣшался сторонникъ Безобразова, предсѣдатель гражданской палаты Вердеревскій, который, не имѣя права, присутствовалъ въ собраніи предводителей дворянства и утверждалъ протоколы. Послѣдніе жаловались на произволъ губернатора министрамъ: юстиціи и внутреннихъ дѣлъ [1]).

Подольскій губернаторъ требовалъ, чтобы таможни пропускали для него безпошлинно вино, портеръ и другія заграничныя вещи [2]).

Вологодскій губернаторъ Винтеръ закупалъ продовольствіе по возвышеннымъ цѣнамъ, прикрывалъ злоупотребленія по откупамъ, давалъ подорожныя по казеннымъ надобностямъ лицамъ, не имѣвшимъ на то права, не платилъ за собираемыя подводы, выдавалъ медали 1812 года тѣмъ дворянамъ, которые были подъ судомъ, и такихъ же лицъ опредѣлялъ на службу въ губернское правленіе.

Въ Кадниковскомъ и Вельскомъ уѣздахъ, подъ предлогомъ продовольствія проходящихъ войскъ, собирались съ жителей поборы деньгами (отъ 2 до 9 руб. на душу) и продуктами: масломъ, курами и проч. Для той же цѣли въ нѣкоторыхъ волостяхъ собиралось по рублю съ души на овесъ, брались подводы и лошади безъ оплаты; за починку мостовъ собирали по рублю съ души. Все это дѣлалъ исправникъ Байберинъ, который былъ подъ судомъ за фальшивые векселя и въ то же время состоялъ въ должности губернскаго стряпчаго [3]).

Назначенный вмѣсто графа Толстаго губернаторомъ въ Казань Ниловъ растратилъ до 100.000 рублей, принадлежавшихъ купеческимъ опекамъ, и взялъ изъ нихъ же по заемному письму 65.340 р. [4]).

Самовластный и безконтрольный [5]) губернаторъ распоряжался въ губерніи какъ въ своемъ имѣніи. Онъ смотрѣлъ на чиновниковъ какъ на своихъ крѣпостныхъ и даже рабовъ, которымъ давалъ чины, отставлялъ по своему произволу отъ должностей и предавалъ суду, когда хотѣлъ. При такихъ условіяхъ чиновники были слѣпыми исполнителями воли начальника и участниками во всѣхъ его нарушеніяхъ закона и власти.

---

[1]) Переписка по этому дѣлу находится въ архивѣ министерства юстиціи, дѣло 1816 г., № 3297 и въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, по канцеляріи, дѣло 1815 г., № 222.

[2]) Журналы Комитета министровъ 23-го ноября и 13-го декабря 1819 г.

[3]) Губернаторъ Винтеръ преданъ былъ суду Комитетомъ министровъ. Арх. мин. юстиціи, дѣло 1817 г., № 803.

[4]) Ниловъ былъ по суду отставленъ отъ службы. Арх. мин. юстиціи, дѣло 1822 г., № 2562.

[5]) Единственнымъ контролемъ надъ дѣйствіями губернаторовъ были сенаторскія ревизіи, но онѣ назначались только по жалобамъ населенія, рѣшавшагося заявлять о своемъ тягостномъ положеніи только тогда, когда оно становилось невыносимымъ.

Мы могли бы привести много примѣровъ злоупотребленій губернаторовъ и вопіющія незаконныя дѣйствія ихъ, но считаемъ достаточнымъ и этихъ, тѣмъ болѣе, что познакомимся съ ними при описаніи дѣятельности подвѣдомственныхъ имъ губернскихъ правленій. Въ большинствѣ послѣднихъ, какъ и въ другихъ губернскихъ учрежденіяхъ, существовало неустройство въ самыхъ крупныхъ размѣрахъ.

Костромское губернское правленіе не исполняло указовъ Сената, вмѣшивалось въ непринадлежащія ему дѣла, не заботилось объ исполненіи своихъ и поступало противузаконно. Уголовная палата отличалась необыкновенною медленностью въ рѣшеніи дѣлъ; гражданская палата не соблюдала очереди въ рѣшеніи и давала преимущество купчимъ крѣпостямъ, какъ наиболѣе выгоднымъ; казенная палата съ 1809 по 1815 годъ не ревизовала суммъ. Приказъ общественнаго призрѣнія не могъ представить отчета въ расходованіи ихъ, и, при повѣркѣ книгъ, въ нихъ оказались невѣрности, подчистки и поправки. Совѣстный судъ не соблюдалъ закона; дворянское депутатское собраніе расходовало суммы по произволу и вовсе не занималось рѣшеніемъ дѣлъ.

Уѣздные суды, магистраты и ратуши затягивали дѣла подъ разными предлогами. Дворянскія опеки и сиротскіе суды не заботились о малолѣтнихъ, не требовали отчетовъ отъ опекуновъ и не ревизовали ихъ. Земскія и городскія полиціи были въ совершенномъ разстройствѣ и не исполняли предписаній высшихъ инстанцій. Въ городскихъ думахъ расходы превышали доходы, и сборы денегъ съ обывателей производились безъ приговоровъ; въ нѣкоторыхъ городахъ думъ совсѣмъ не оказалось. Въ общемъ положеніе дѣлъ въ Костромской губерніи было таково, что посланный на ревизію сенаторъ Алябьевъ принужденъ былъ отрѣшить отъ должностей 23 человѣка [1]).

Посланный на ревизію въ Тулу сенаторъ Мясоѣдовъ нашелъ, что въ Приказѣ общественнаго призрѣнія только къ его пріѣзду были заведены шнуровыя книги; что въ Воспитательный домъ съ 1811 по 1815 годъ поступило 800 младенцевъ, изъ нихъ 50 были отправлены въ Московскій воспитательный домъ, на лицо оказалось 100 человѣкъ, а остальные умерли отъ дурнаго содержанія [2]).

«Небреженіе начальства,—писалъ Мясоѣдовъ,—къ страждущему человѣчеству раздираетъ сердце». Городская тюрьма помѣщалась въ деревянномъ домѣ настолько ветхомъ, что была близка къ разрушенію. Въ полицейскомъ управленіи былъ полный хаосъ, оно не только не сообщало никакихъ свѣдѣній губернскому правленію, но безъ его вѣдома

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе сенатора Алябьева отъ 23-го ноября 1815 г. Арх. мин. юстиціи, дѣло 1815 г., № 3221.

[2]) Письмо Мясоѣдова—Д. П. Трощинскому 11-го октября 1815 г. Архивъ мин. юстиціи, дѣло 1815 г., № 3800.

опредѣляю къ себѣ чиновниковъ. Въ губернскомъ правленіи было не лучше: докладнаго и настольнаго реестровъ не было, а резолюціи писались на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги и ни кѣмъ не подписывались. Журналы составлялись не во время рѣшенія дѣлъ, а гораздо позже и часто безъ числъ.

Уѣздные и земскіе суды, а въ особенности городская полиція не слушали указовъ губернскаго правленія и по два года не отвѣчали на запросы. Полицеймейстеръ Кашинцевъ въ буквальномъ смыслѣ грабилъ народъ, не платилъ никому денегъ и назначалъ даромъ рабочихъ для постройки своего дома [1]).

По осмотрѣ сенаторомъ Миклашевскимъ Новгородской губерніи, оказалось: 1) рекруты изъ казенныкъ крестьянъ отдавались неправильно: старые, больные и къ службѣ неспособные; 2) высочайшій указъ 2-го мая 1805 года объ уравненіи земскихъ повинностей до 1815 года не былъ приведенъ въ исполненіе; 3) земскіе суды забирали подъ стражу людей по однимъ подозрѣніямъ, налагали на нихъ тяжкія оковы, остригали крестообразно половину головы и бороды; 4) сборовъ въ казну по 1-е февраля 1814 года было въ недоимкѣ 1.070.187 р. 43 к., въ томъ числѣ на содержателяхъ питейныхъ сборовъ числилось 310.017 р. 47 к.

Казанская губернія стонала подъ игомъ трехъ губернаторовъ и подвѣдомственныхъ имъ управленій. Въ губернскомъ правленіи, въ палатахъ уголовной и гражданской не заносились въ реестръ указы Сената, и никто не слѣдилъ за ихъ исполненіемъ. Въ этихъ учрежденіяхъ не было никакого наблюденія за подчиненными имъ мѣстами. Жалобы на разнаго рода притѣсненія оставлялись безъ вниманія, и нарушители закона не преслѣдовались.

Въ засѣданіи 8-го іюля 1819 года графъ Аракчеевъ представилъ Комитету министровъ письмо къ нему казанскаго губернскаго предводителя дворянства Киселева, сообщавшаго, что въ губерніи происходятъ неимовѣрныя злоупотребленія, и только личное изслѣдованіе довѣренной особы можетъ ясно открыть поведеніе тамошняго мѣстнаго начальства и утѣсненіе поселянъ.

«Простите смѣлость старику,—писалъ Григорій Киселевъ графу Аракчееву [2]),—посвятившему себя на службу казанскаго дворянства, окончившему сряду третье трехлѣтіе въ званіи губернскаго предводителя. Усердіе ваше къ отечеству, преданность монарху и его къ вамъ довѣренность извѣстны Россіи. Вы, можетъ быть, одинъ, который будетъ

---

[1]) Тоже отъ 18-го октября 1815 г. Тамъ же.

[2]) Отъ 9-го іюля 1819 г. Арх. мин. юстиціи, дѣло 1819 г., № 3516.

имѣть способъ прекратить всѣ отягощенія, падающія на поселянъ Казанской губерніи, и водворить правосудіе.

«Я, при многихъ подобныхъ случаяхъ, въ продолженіе моего служенія, извѣщалъ кого слѣдовало, но оканчивалось одними только отвѣтами начальниковъ губерніи [1]), а между тѣмъ зло возрастало».

Комитетъ министровъ испросилъ высочайшее повелѣніе на командированіе въ Казань сенаторовъ Кушникова и графа Санти [2]).

При бѣгломъ только обзорѣ казанскаго губернскаго правленія, сенаторы нашли «непомѣрное» число нерѣшенныхъ дѣлъ и принуждены были сдѣлать распоряженіе, чтобы члены правленія занимались по вечерамъ и по субботамъ [3]). Впослѣдствіи оказалось, что многія дѣла были скрыты отъ сенаторовъ и потомъ найдены въ растрепанномъ видѣ [4]). Въ уголовной палатѣ найдено множество нерѣшенныхъ дѣлъ, а которыя были рѣшены, то всѣ подсудимые, сидѣвшіе по нѣсколько лѣтъ въ тюрьмахъ, были оправданы. По разборѣ дѣлъ въ казанской полиціи оказалось, что въ теченіе четырехъ лѣтъ съ 1815 года было 1.142 неисполненныхъ указовъ и требованій. Исправники и другія лица въ полномъ смыслѣ неистовствовали. При сборѣ податей съ каждаго плательщика бралось по 10 коп. лишнихъ, а иначе подати не принимались и квитанціи не выдавались.

«Вообще въ Казанской губерніи,—доносили сенаторы [5]),—не было почти вѣдомства, отъ коего бы казенные крестьяне болѣе или менѣе не притѣснялись». По составленной сенаторами вѣдомости оказалось, что за одинъ 1818 годъ казенные крестьяне заплатили лишнихъ повинностей 417.785 р. и дали взятокъ чиновникамъ болѣе 200.000 р., не считая даровыхъ рабочихъ дней, денегъ, взятыхъ съ нихъ на этапныя строенія, исправленіе мостовъ и за паспорты отъ 2 до 4 р. за каждый [6]). Злоупотребленія были такъ велики, что сенаторы наложили запрещеніе на имѣнія исправниковъ и другихъ земскихъ чиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили учредить въ Казани особый слѣдственный комитетъ, на что̀ послѣдовало высочайшее соизволеніе, и предсѣдателемъ его былъ назначенъ казанскій дворянинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Тенишевъ, извѣстный своимъ безкорыстіемъ [7]).

---

[1]) Ограничивались запросами губернаторовъ и ихъ отвѣтами.

[2]) Журналы Комитета министровъ 8-го іюля и 12-го августа 1819 г.

[3]) Письмо графа Санти—князю Лобанову-Ростовскому 31-го октября 1819 г. Арх. мин. юстиціи, дѣло 1819 г., № 3516.

[4]) Письмо графа Санти ему же 3-го ноября 1819 г.

[5]) Арх. мин. юстиціи, дѣло 1819 г., № 3516.

[6]) Тамъ же.

[7]) Журналы Комитета министровъ 10-го и 27-го января 1820 г. Тамъ же.

Образованіе слѣдственнаго комитета было истиннымъ благомъ для Казанской губерніи, потому что посылаемые на ревизію сенаторы, какъ люди случайные, встрѣчали огромныя затрудненія къ раскрытію злоупотребленій.

«Дѣйствуя, какъ сенаторъ, — писалъ О. Ключаревъ графу Аракчееву [1]),—долженъ я основывать все на просьбахъ, на документахъ и на истинныхъ доводахъ; ожидалъ я въ Твери разныхъ на Глазова (секретаря губернатора) прошеній и позналъ, что страхъ отъ соучастниковъ его, вездѣ дѣйствующихъ, въ томъ положилъ преграды. Говорятъ, сенаторъ уѣдетъ, и все пойдетъ по-прежнему. Такова общая молва во в с ѣ х ъ губерніяхъ [2])».

Посланные въ Вятскую губернію сенаторы кн. Алексѣй Долгоруковъ и Дурасовъ встрѣтили точно такое же препятствіе со стороны мѣстныхъ властей. Полиція застращивала жителей, удаляла даже изъ предѣловъ губерніи лицъ, могущихъ быть свидѣтелями [3]). Тѣмъ не менѣе ревизія открыла полный безпорядокъ въ правленіи и громаднѣйшіе поборы. Съ казенныхъ крестьянъ брали отъ 2 до 6 руб. незаконныхъ поборовъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ составляло нѣсколько милліоновъ.

«Я надорвался внутренно,—писалъ М. Л. Магницкій графу Аракчееву [4]),—видя пять лѣтъ сряду и особливо теперь здѣсь (въ Воронежѣ), что у насъ дѣлается въ губерніяхъ. Ежели бы иностранецъ могъ найтиться, не зная, что онъ въ Россіи, въ одной изъ губерній нашихъ, повѣрилъ-ли бы онъ, что это Россія, въ благословеннѣйшее изъ всѣхъ земныхъ царствованій? Повѣрилъ-ли бы онъ, что это та самая Россія, за спасеніе и славу которой столько разъ самъ боготворимый ею государь несъ и великодушно подвергалъ безцѣнную жизнь свою величайшимъ опасностямъ? Сія Россія въ тысячѣ верстахъ отъ столицы его угнетена и разоряется, какъ т у р е ц к а я п р о в и н ц і я. Горестная истина сія столь положительна и зло такъ глубоко укоренилось, что никто изъ здравомыслящихъ мѣстныхъ начальниковъ не можетъ надѣяться ее исправить и никто изъ искренно преданныхъ государю и славѣ его царствованія не можетъ согласиться имѣть ежедневно передъ глазами плачевную сію картину, иначе какъ въ видѣ самаго тяжкаго наказанія.

«Здѣшній преосвященный, пастырь благочестивый и добродѣтельный также знаетъ истинное всего положеніе. Онъ давно гремитъ съ каѳедры соборной противъ враговъ внутренняго порядка и злоупотребленій; но

---

[1]) Отъ 28-го февраля 1817 г. Арх. Собствен. Его Величес. канцеляріи книга № 35.

[2]) Арх. министерства юстиціи, дѣло 1824 года № 3303.

[3]) Въ письмѣ отъ 29-го марта 1817 г. изъ Воронежа. Арх. Собствен. Его Величества канцеляріи, кн. 36.

тѣ, къ кому сіе относится, мало исправляются, и прекрасное здѣшнее духовенство за истинно апостольскія проповѣди страдаетъ отъ разныхъ гоненій полиціи, которая въ противность самыхъ законовъ ставитъ къ нему постой».

Спустя три недѣли тотъ же Магницкій писалъ графу Аракчееву [1]): «Ваше сіятельство изволите, можетъ быть, припомнить, что въ первомъ письмѣ моемъ назвалъ я здѣшній край турецкою провинціею. Положительная истина. Начальникъ здѣшней губерніи велъ себя точно какъ паша. Окруженъ будучи славою прежняго безкорыстія и увѣренъ, что онъ пользуется за сіе добрымъ мнѣніемъ государя, смѣло и открыто попиралъ онъ всякій порядокъ и самые законы. Одинъ духъ неограниченнаго самовластія руководствовалъ имъ. Всѣ самыя важныя просьбы и доносы на чиновниковъ и дворянъ, часто въ преступленіяхъ ихъ обличающіе, собиралъ онъ не для преслѣдованія, но для совершеннаго господства надъ виновниками. При малѣйшемъ сопротивленіи его власти или желанію, многимъ изъ нихъ показывалъ онъ просьбы на нихъ, у него хранящіяся, и тѣмъ покорялъ ихъ себѣ навсегда. Такимъ образомъ все его управленіе было не что иное, какъ продолжительная и непрерывная интрига. Всѣ мѣста, ему подчиненныя, загромождены дѣлами, по личностямъ, пристрастіямъ, или мщенію заведенными».

Мщенія и интриги производились при помощи предводителей дворянства, вице-губернаторовъ, предсѣдателей губернскихъ правленій, палатъ и проч. По ихъ почину возникли дѣла, вызывавшія многочисленныя жалобы.

Въ сентябрѣ 1817 года, когда императоръ Александръ, будучи въ г. Курскѣ, ѣхалъ верхомъ за городъ, то одна длинная улица была запружена народомъ, стоявшимъ на колѣняхъ съ поднятыми на головахъ прошеніями [2]). На пути по губерніи онъ встрѣчалъ повсюду жалобы.

«Множество поданныхъ мнѣ въ Курской губерніи просьбъ,—писалъ императоръ Александръ [3]),—показываетъ, что тамошнее губернское правленіе въ совершенномъ бездѣйствіи. Ближайшее же освѣдомленіе открыло, что дѣла въ правленіи запущены и даже растеряны и что по отправленіи губернатора Нелидова въ С.-Петербургъ безпорядокъ еще болѣе увеличился отсутствіемъ секретаря, котораго взялъ онъ съ собою подъ видомъ отпуска.

«Я повелѣваю вамъ объявить курскому гражданскому губернатору,

---

[1]) Въ письмѣ отъ 11-го апрѣля 1817 года. Тамъ же.

[2]) Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. „Русская Старина“ 1897 г. № 6, стр. 484.

[3]) Въ рескриптѣ управляющему министерствомъ полиціи С. К. Вязмитинову 29-го сентября 1817 г. № 132. Арх. Собств. Его Величества канцеляріи, кн. 50.

чтобы онъ немедленно слѣдовалъ къ своей должности и усугубилъ мѣры къ приведенію въ порядокъ дѣлъ губернскаго правленія, что̀ непосредственно на его отвѣтственность возлагается.

«Секретаря же того правленія, въ Петербургѣ находящагося, выслать въ Курскъ съ полученія сего повелѣнія».

Въ то время когда императоръ Александръ принималъ просьбы и жалобы, въ Курскѣ уже находился сенаторъ Н. Мясоѣдовъ, посланный туда на ревизію. Онъ писалъ графу Аракчееву [1]), что за злоупотребленія и лихоимство имъ предано суду болѣе 300 чиновниковъ, въ числѣ которыхъ были и вице-губернаторъ кн. Урусовъ, совѣтникъ губернскаго правленія Щербачевъ, предсѣдатель уголовной палаты Марковъ, предводители дворянства: обоянскій Сафоновъ и щигровскій Картавцовъ. Всѣ они перессорились между собою, и дѣло началось съ того, что вице-губернаторъ кн. Урусовъ желалъ въ засѣданіи сидѣть выше губернскаго предводителя дворянства генералъ-маіора Ушакова. «По сему предмету,—говорилъ Мясоѣдовъ,—писались у нихъ многіе журналы и жалобы». Дѣло доходило до Комитета министровъ, и тамъ высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ повелѣно: «губернскому продводителю, яко представляющему лицо дворянства той губерніи, занимать мѣсто первое по губернаторѣ». Это рѣшеніе породило личныя неудовольствія между спорившими, интриги, клеветы и отразилось на ходѣ дѣлъ.

Отправившись изъ Курска въ Орелъ, императоръ Александръ нашелъ губернію не въ лучшемъ положеніи.

«Замѣтивъ,—писалъ онъ [2]),—въ проѣздъ мой черезъ Орловскую губернію неисправность дорогъ, а въ губернскомъ городѣ неопрятность, слабое полицейское управленіе, большое число колодниковъ и вообще медленное производство дѣлъ по губернскому правленію, повелѣваю: орловскаго полицеймейстера капитана Лаврова отрѣшить отъ должности и не опредѣлять впредь до моего повелѣнія, а управляющему губерніею вице-губернатору Маслову сдѣлать строгій выговоръ, объявивъ о семъ въ примѣръ другимъ указами во всѣхъ губерніяхъ».

«Тверская губернія хотя и не имѣетъ такихъ, какъ въ другихъ губерніяхъ злоупотребленій,—писалъ Ключаревъ графу Аракчееву [3]),—однако находится въ подобномъ параличномъ состояніи».

«Общій видъ Тульской губерніи—доносилъ генералъ-адъютантъ Балашовъ [4]),—есть видъ бездѣйствія, запущенія, усыпленія и всѣхъ невыгодныхъ отъ того послѣдствій. Полиція уѣздныхъ городовъ почти ничто-

---

[1]) Отъ 12-го мая 1817 г.

[2]) Въ указѣ Сенату 24-го сентября 1817 года.

[3]) Въ письмѣ отъ 28-го февраля 1817 г.

[4]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи 21-го марта 1820 г.

жна, земская же полиція ослаблена до того, что смертоубійства часто не отыскиваются и бываютъ по дорогамъ грабежи».

Архангельскій генералъ-губернаторъ Клокачевъ писалъ, что Вологодская и Олонецкая губерніи въ общемъ управленіи столь много упущены, что требуютъ не малаго времени для ихъ поправленія [1]).

Въ такомъ же положеніи находилась и Рязанская губернія.

Въ Таврической области самопроизвольно продавались земли по 1 р. 21 коп. за десятину, и ихъ скупали большею частію мѣстные чиновники. Всѣ подряды въ губерніи производились безъ участія казенной палаты; дѣла слѣдственныя и судныя тянулись очень долго.

«Въ запущенной по всѣмъ частямъ Херсонской губерніи, Ѳеодосійскій судъ передъ всѣми мѣстами и властями отличался беззаконіемъ и безразсудіемъ.

«Худые поступки судебныхъ мѣстъ,—писалъ графъ Воронцовъ [2]),—кромѣ личнаго вреда для тѣхъ лицъ, кои непосредственно отъ нихъ терпятъ, еще имѣютъ то большое зло, что совершенно истребляютъ въ семъ новомъ краѣ всякую довѣренность къ нашему судостроительству и законному порядку.

«Всякая почта привозитъ мнѣ десятками просьбы на судебныя мѣста; всякій день я лично окруженъ просителями съ жалобами на оныхъ. Къ несчастію, самыя просьбы по большей мѣрѣ суть доказательствомъ, что въ судебныхъ мѣстахъ справедливости никакой ждать нельзя и что за всѣми понужденіями начальства, черезъ пустыя проволочки и ужасное накопленіе дѣлъ, часто нѣтъ надежды получить рѣшеніе. Имѣнія тяжущихся разоряются, или самые подсудимые изнуряются, а въ тюрьмахъ наказываются, по долгому заточенію, часто больше, нежели бы надлежало».

Безпорядки въ Таврической области достались графу Воронцову по наслѣдству. Они были такъ велики, что еще въ 1816 году высочайше повелѣно было образовать въ каждой губерніи по коммиссіи для изслѣдованія злоупотребленій [3]).

Въ 1819 года явилась мысль ввести въ Имперіи областныхъ начальниковъ или генералъ-губернаторовъ съ широкими полномочіями и властью, но скоро была оставлена, и въ видѣ полумѣры А. Д. Балашовъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ: Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерній.

---

[1]) Арх. министр. внутрен. дѣлъ, по департаменту полиціи, дѣло 1821 г. № 1163.

[2]) Въ письмѣ князю Лобанову-Ростовскому 28-го декабря 1823 г. Арх. министерства юстиціи, дѣло 1824 г. № 3230.

[3]) Указъ графу Ланжерону 4-го мая 1816 г. Полн. собраніе законовъ, т. XXXIII № 26254.

«Мысль ваша, государь,—писалъ онъ[1]),—объ учрежденіи областныхъ начальниковъ, еще повторю, есть мысль превосходная. Для блага отечества и для славы вашей я опасаюсь, чтобы недоброхоты не нашли способа ее переиначить или и совсѣмъ парализировать; она должна остаться въ предположенномъ нынѣ ей видѣ. Я готовъ отправиться и отправлюсь, подобно сенатору-ревизору, и польза изъ того, надѣюсь, произойдетъ, но въ видѣ маломъ, а зло встрѣчу вездѣ въ видѣ большомъ и многосложномъ, и тьму неудобствъ къ приведенію всего въ порядокъ. Впрочемъ, сіе бодрости моей не ослабитъ. Я хотя дряхлъ, но еще дѣятеленъ. Но для чего же бы, кажется, не сдѣлать пользы въ видѣ и большомъ? На сіе такъ же многаго бы не нужно; я изъяснюсь и о семъ предметѣ по свойству моему съ простотою и откровенностію. Удостойте имѣть вниманіе къ донесеніямъ моимъ; допустите меня имѣть вліяніе на выборъ людей служебныхъ, сіе необходимо; допустите на нужды службы вашей и благосостоянія края возможность тратить нѣкоторую и при томъ весьма ограниченную сумму денежную; напримѣръ, тысячъ по десяти на губернію, но безъ утомительныхъ переписокъ; прикажите подвергнуть меня въ томъ и другомъ строгому отвѣту и отчету. Прикажите, по крайней мѣрѣ, отличающимся дѣлать прибавки къ жалованью и другія награды по заслугамъ, а виновныхъ наказывать безъ упущенія и безъ медленности. Позвольте всякому, кто хочетъ, дѣлать на меня доносы (я ихъ не боюсь); на каждый потребуйте отъ меня отвѣты. Если окажется вина за мною или проступокъ (предъ вами сіе укрыться не можетъ), накажите и меня по мѣрѣ оной; но если обнаружится ябеда доносчика, или фальшивость доноса, прикажите поступить съ нимъ по закону о фальшивыхъ доносителяхъ; сіе также необходимо въ правосудіи.

«Если только вышеписанное наблюдаемо будетъ, я ручаюсь вамъ, государь, что въ немногое число лѣтъ видъ ввѣренныхъ мнѣ губерній будетъ совсѣмъ не тотъ, что теперь, и по собственному вашему усмотрѣнію и по общественному мнѣнію, и мнѣ пріятно будетъ и утѣшительно принести въ жертву остатокъ ослабѣвающихъ силъ моихъ на пользу края, къ которому вамъ меня приставить угодно,—и вотъ единая награда, льстящая моему самолюбію! Я, государь, не за свое дѣло не возьмусь, а сіе я управлю. Въ такомъ же случаѣ, если способы будутъ мнѣ не допущены, что тогда могу я сдѣлать, и не утомится-ли вскорѣ дряхлость моя! и дѣятельность моя можетъ-ли не ослабѣть и не полезно-ли, не нужно-ли будетъ и самой службѣ вашей, и необходимо и мнѣ самому быть устранену или уволену.

---

[1]) Письмо А. Д. Балашова государю 15-го января 1820 г. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. № 140.

«Я, государь, считаю мнѣ непростительнымъ и васъ недостойнымъ изъясняться съ вами иначе, какъ съ совершенною откровенностію. Вы, государь, такъ милостивы, что не вмѣняете сіе мнѣ въ дерзновеніе и не гнѣваетесь! При первомъ видѣ негодованія я замолчу».

Осмотрѣвъ ввѣренныя его управленію губерніи, А. Д. Балашовъ нашелъ ихъ «въ неимовѣрномъ запущеніи». Всѣ части управленія шли раздѣльно и не только не содѣйствовали, но часто затрудняли другъ друга. Запутанныя во множествѣ бумагъ губернскія правленія не только не могли дать въ нихъ порядочнаго отчета, но не знали и счета находившихся въ ихъ производствѣ дѣлъ. Надзоръ за полиціею былъ въ «неимовѣрной слабости», отчего полицейская часть была въ весьма худомъ положеніи. Ея дѣйствія были ничтожны, утомительно медленны или насильственны и произвольны. Не только воровство въ городахъ, по большей части не отыскиваемое, не только грабежи по дорогамъ, но цѣлыя шайки разбойниковъ грабили усадьбы и скрывались безнаказанно.

Все это прикрывалось мѣстною администраціею и происходило отъ бѣдности чиновничества, принужденнаго заботиться о дневномъ пропитаніи при помощи взятокъ и поборовъ.

«По нашему городовому положенію,—писалъ баронъ Штейнгель въ одномъ изъ своихъ показаній [1]),—всѣ права даны деньгамъ, а не лицамъ, и всякій безчестный богачъ предпочитается честнѣйшему бѣдняку».

Знаменитый фельдмаршалъ графъ Румянцовъ-Задунайскій говорилъ, что успѣхъ войны зависитъ отъ сытости солдатскаго брюха и что съ этого надо начинать ее. Изреченіе фельдмаршала можетъ быть отнесено и къ успѣху гражданскихъ преобразованій. Въ описываемое нами время административныя должности оцѣнивались не по значенію ихъ, а по размѣру получаемыхъ побочныхъ доходовъ. Чиновникъ, успѣвшій устроить свои дѣла въ теченіе своего служенія, сталъ равнодушно переносить удаленіе отъ должности. Служившіе по выборамъ дворянства, получавшіе, какъ мы видѣли, отъ 200 до 300 руб. жалованья, находились въ положеніи обнищанія.

«Бѣдный дворянинъ, который довольствовался въ забытой деревнѣ самою простою пищею, отъ плодовъ собственной земли получаемою, не имѣвшій нужды ни въ какихъ отличныхъ одеждахъ, ни для себя, ни для семейства своего, по поступленіи въ должность, находился въ совершенно противномъ положеніи. Онъ долженъ (былъ) нанять домъ, содержать экипажъ, одѣть себя и своихъ прилично образомъ, принимать просителей, которые, во многихъ уѣздныхъ городахъ, только у него и могутъ найти себѣ обѣдъ, угощать пріѣзжающихъ совѣтниковъ губернскаго пра-

[1]) Въ показаніи 9-го февраля 1826 г. Госуд. арх., I, д. № 28.

вленія и самого губернатора. Спрашивается, есть-ли средства сему бѣдному дворянину производить безмздоимственно судъ и расправу [1])?

Для пополненія всѣхъ этихъ расходовъ оставалось одно средство—взятки. Къ сожалѣнію, начиная съ малаго доходили до большаго. По мѣрѣ возвышенія въ должностяхъ и увеличивающейся потребности въ житейской обстановкѣ чиновникъ, привыкшій уже къ лихоимству, увеличивалъ размѣръ тайныхъ незаконныхъ пріобрѣтеній.

«Никто изъ служащихъ не дорожитъ своимъ мѣстомъ, если оно не прибыльно,—говорилъ П. Каховскій.—Гражданская часть унижена, жалованье совершенно недостаточно для насущнаго пропитанія, но секретарь, получающій 200 руб. въ годъ, проживаетъ тысячи. Всѣ это знаютъ, всѣ это видятъ, и правительство равнодушно терпитъ. Не значитъ-ли это поощрять преступленія и водворять развратъ?» [2]).

Взятки явились естественнымъ подспорьемъ въ жизни, и ихъ брали всѣ: губернаторы, прокуроры, предсѣдатели палатъ, судьи, а о секретаряхъ и мелкихъ чиновникахъ и говорить нечего.

— Лихоимство и подкупы,—говорилъ В. Кюхельбекеръ [3]),—производились безъ всякаго стыда и страха.

Имъ помогала канцелярская тайна. Законъ повелѣвалъ содержать въ секретѣ производство и теченіе тяжебныхъ дѣлъ и тѣмъ прикрывалъ лихоимство, предоставляя дѣльцамъ возможность запутывать дѣла какъ и сколько угодно. Кто подкупалъ, для того не было тайны; онъ всегда имѣлъ копіи со всѣхъ бумагъ и документовъ соперника, со всего, что ему нужно знать, и даже самое рѣшеніе суда проходило часто черезъ его цензуру прежде, чѣмъ оно было подписано. Бѣдному, надѣющемуся только на правду и справедливость судей, предстояли не только томленіе отъ неизвѣстности, но неизбѣжныя «претыканія», противопоставляемыя ему самими блюстителями законовъ. Такой человѣкъ не имѣлъ возможности предупредить криваго толкованія его дѣла, ни привести въ ясность того, что старались затмить. Правый, но бѣдный не могъ обличить несправедливость иска соперника, не зная, что онъ представляетъ суду; тайный допросъ свидѣтелей, часто подкупленныхъ и показывавшихъ ложно, былъ поводомъ къ притѣсненіямъ и несправедливымъ обвиненіямъ, особенно неграмотныхъ, которые часто показывали на словахъ не то, что записывалось судьями. Наблюдалъ-ли судъ порядокъ, предписанный законами, никто знать не могъ, а между

---

[1]) Взглядъ на гражданское устройство. Арх. Государст. Совѣта, дѣло Комитета 1826 г. № 31.

[2]) Всеподданнѣйшее письмо Каховскаго безъ числа. Госуд. арх., I, бумаги Блудова.

[3]) Въ показаніи 17-го февраля 1826 г. Госуд. арх., I, д. № 13.

тѣмъ ревизіи неоднократно открывали въ дѣлахъ фальшивыя бумаги, журналы и протоколы, сочиненные заднимъ числомъ, и другіе подлоги [1]).

Противъ кривды въ судахъ и тайнаго дѣлопроизводства въ нихъ роптали всѣ, что вызвало со стороны нѣкоторыхъ желаніе изыскать мѣры къ исправленію зла. Къ числу такихъ попытокъ принадлежитъ весьма любопытная записка, принадлежащая сенатору барону Икскулю и представленная имъ императору Александру 9-го іюня 1819 г.

«Всѣмъ извѣстно,—писалъ баронъ,—что высочайшая воля вашего императорскаго величества есть, дабы сильному и богатому ни въ чемъ не было потворствуемо и чтобы бѣдный и беззащитный не былъ стѣсняемъ и лишаемъ своихъ правъ и даже, чтобы жалобы его могли достигнуть и до престола вашего величества.

«Но для исполненія таковой высочайшей воли нужно бы было, чтобъ каждый судья, каждый служащій дѣйствовалъ согласно намѣренію своего государя—вещь невозможная по общественнымъ сношеніямъ. Разстояніе, отдѣляющее государя отъ притѣсняемаго, и невозможность, дабы каждая жалоба могла быть подвергнута высочайшему рѣшенію, позволяютъ пристрастію и несправедливости возвышаться и угнетать неимѣющаго защиты.

«Не можно-ли бы было въ прегражденіе сего прибѣгнуть къ способу, употребляемому въ чужихъ краяхъ и весьма дѣйствительному по вліянію своему на свойство человѣческихъ соотношеній. Способъ сей состоитъ въ томъ, дабы каждый, почитающій себя по суду обиженнымъ, имѣлъ право рѣшеніе онаго публиковать на свой счетъ, со всѣмъ производствомъ дѣла, но безъ всякихъ, однакожъ, отъ себя примѣчаній и такимъ образомъ черезъ напечатаніе подвергнуть общему сужденію дѣло, съ означеніемъ подписи всѣхъ судей. Быть можетъ, что одно уже опасеніе безпристрастнаго и строгаго разбора достаточно къ тому, чтобы правосудіе получило надлежащее направленіе и достигло той степени совершенства, какую только допускаетъ общественное образованіе людей.

«Публика судитъ строго; она не потворствуетъ. Нѣкоторая часть оной, конечно, можетъ быть увлечена пристрастіемъ, но всеобщій голосъ всегда будетъ слышенъ.

«Сужденія публики заключаютъ въ себѣ безпристрастное разсмотрѣніе, посредствомъ коего можно дознать какъ всѣ тайныя причины, подавшія поводъ къ судебному рѣшенію и превратному толкованію закона, такъ равно обнаружить всякое неправильное рѣшеніе, съ намѣреніемъ сдѣланное. Съ другой стороны каждый будетъ страшиться, чтобы сеобщее порицаніе не достигло до вашего величества, чтобы не воз-

---

[1]) Записка А. И. Арсеньева. Арх. Госуд. Совѣта, д. Комитета 1826 г., № 267.

никло новаго строжайшаго разсмотрѣнія и чтобы съ судьями, оказавшимися виновными въ пристрастіи, не было поступлено по всей строгости законовъ. Сужденіе публики придастъ всеобщему осужденію всякаго, кто бы, хотя и въ тайнѣ, употребилъ себя на неправильное дѣло. Оно заставляетъ каждаго судью со вниманіемъ разсматривать всякое дѣло и не полагаться изъ лѣности на другихъ [1]).

«Законы не ясны,—говорилъ П. Каховскій [2]),—не полны и указъ указу противорѣчитъ. Мы не только терпимъ физически (т. е. отъ налоговъ, бѣдности и проч.), но пусть вникнутъ сильные, какой моральный вредъ націи отъ неимѣнія законовъ».

Мы уже упоминали прежде, что тысячи указовъ, не приведенныхъ въ систему и не сведенныхъ въ одно цѣлое, давали обширный просторъ судьямъ примѣнять ихъ по своему усмотрѣнію; многіе указы были писаны старымъ языкомъ, служившимъ поводомъ корыстолюбцамъ къ двусмыслію и толкованію ихъ по-своему людямъ несвѣдущимъ и необразованнымъ.

Для устраненія этого зла, императоръ Александръ почти со дня вступленія своего на престолъ учредилъ коммиссію законовъ. «Набрали многихъ секретарей,—писалъ Н. М. Карамзинъ [3]),—редакторовъ, помощниковъ; не сыскали только одного и самаго необходимѣйшаго—человѣка способнаго быть ея душою, изобрѣсть лучшій планъ, лучшія средства и привести оные въ исполненіе лучшимъ образомъ».

Коммиссія эта въ полномъ смыслѣ бездѣйствовала и только съ назначеніемъ въ составъ ея М. М. Сперанскаго проявила нѣкоторую жизнь. Съ удаленіемъ же его въ 1812 году дѣятельность коммиссіи почти прекратилась настолько, что была предметомъ насмѣшекъ публики. Въ Петербургѣ ходила «Эпиграмма на государственныхъ тунеядцевъ коммиссіи составленія законовъ»:

Лѣтъ десять составляли,
Милліона два сожрали,
Напослѣдокъ составленье
Обратилось въ оставленье.

Записавъ эпиграмму, В. Н. Каразинъ прибавилъ: «Достойно примѣчанія, что сію эпиграмму на г. Розенкампфа съ товарищи не человѣкъ сдѣлалъ, но природа сама, неодушевленная природа произвела! Мра-

[1]) На письмѣ рукою графа Аракчеева написано: „Высочайше повелѣно оставить безъ движенія 27-го іюня 1819 г.“ Арх. Соб. Его Величества канцеляріи, кн. № 73.

[2]) Всеподданнѣйшее письмо Каховскаго безъ числа. Письмо его же генералу Левашову 14-го марта 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 11.

[3]) Въ запискѣ о древней и новой Россіи. „Русскій Арх.“ 1870 г., т. II, стр. 2323.

морная доска съ надписью надъ воротами пресловутой коммиссіи лопнула сверху внизъ и отдѣлила далеко литеру С, такъ, что теперь вмѣсто коммиссіи составленія законовъ можно читать коммиссія оставленія законовъ. Предоставляется сдѣлать повѣрку всякому, кто проѣзжаетъ по Литейной улицѣ».

Въ 1813 году предсѣдательствующій въ коммиссіи князь Лопухинъ отправилъ императору Александру, черезъ А. С. Шишкова, третью часть проекта законовъ [1]).—Будучи занятъ войною съ Наполеономъ, государь приказалъ повременить съ этимъ дѣломъ и только въ 1814 году, при отъѣздѣ своемъ въ Вѣну, Александръ приказалъ внести проектъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Тамъ проектъ надѣлалъ много шума и вызвалъ горячіе споры. Его находили необработаннымъ и неудобнымъ для обнародованія. Болѣе другихъ возставали: А. С. Шишковъ и Д. П. Трощинскій, которые подали Совѣту свои мнѣнія [2]).

«Я не могу достать,—писалъ Петръ Луниnъ А. П. Тормасову [3]),—печатное мнѣніе и возраженіе Д. П. Трощинскаго на сводъ и проектъ, законовъ; (оно) достойно вниманія, и подобнаго пера давно мы не читали, нужно и любопытно имѣть. Большое движеніе и распри въ Совѣтѣ надѣлала сія бумага; чѣмъ кончится».

Кончилось тѣмъ, что проектъ былъ возвращенъ въ коммиссію для переработки, и спустя много лѣтъ онъ перешелъ опять въ руки М. Сперанскаго. Въ 1821 году императоръ писалъ къ кн. Лопухину [4]):

«Труды коммиссіи законовъ, подъ главнымъ управленіемъ вашимъ доселѣ оконченные, поступятъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Я призналъ полезнымъ, чтобы членъ Совѣта тайный совѣтникъ Сперанскій особенно занимался въ Совѣтѣ симъ дѣломъ, представляя оному на всѣ важнѣйшія статьи Уложенія всѣ нужныя изъясненія и примѣчанія, излагалъ бы положенія Совѣта въ особенныхъ журналахъ и подносилъ оные мнѣ на дальнѣйшее усмотрѣніе. Для сего онъ будетъ въ сношеніи какъ съ Коммиссіею законовъ, такъ и съ государственною канцеляріею по всѣмъ предметамъ, къ сей части принадлежащимъ».

Въ тотъ же день императоръ Александръ писалъ Государственному Совѣту [5]):

---

[1]) Первыя двѣ части были представлены ранѣе, но Государственный Совѣтъ отложилъ сужденіе о нихъ, до представленія третьей части.

[2]) Мнѣніе А. С. Шишкова напечатано въ его Запискахъ, Т. II, стр. 53—73 (Берлинское изданіе). Мнѣніе Д. П. Трощинскаго помѣщено въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей“ 1859 г., кн. III.

[3]) Въ письмѣ отъ 9-го февраля 1815 г. Государс. Архивъ, XI, № 1049.

[4]) Въ рескриптѣ отъ 3-го ноября 1821 года. Арх. Собствен. Его Величества Канцеляріи, книга № 139.

[5]) Отъ 3-го ноября 1821 г.

«Коммиссія законовъ совершила часть трудовъ, ей порученныхъ. Я приказалъ внести ихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта.

«Полагая доброе законодательство въ числѣ первыхъ государственныхъ нуждъ, я ожидаю, что Государственный Совѣтъ обратитъ на сію часть особенное его вниманіе и всемѣрно будетъ способствовать къ ея усовершенію.

«Назначается особенный день въ недѣлѣ исключительно для сего предмета.

«Порядокъ разсужденій сохраняется тотъ же, какой былъ при первоначальномъ разсмотрѣніи гражданскаго уложенія.

«Проекты уложеній предлагаемы будутъ постепенно, важнѣйшія въ нихъ статьи сопровождаемы будутъ изъясненіями.

«Членъ Государственнаго Совѣта тайный совѣтникъ Сперанскій будетъ представлять сіи изъясненія».

Императоръ Александръ не дождался окончанія этого дѣла, и во все его царствованіе правосудіе хромало и тянулось безъ конца.

Мы говорили уже объ этой медленности, установленной, можно сказать, самимъ закономъ [1]), а здѣсь припомнимъ, что всякое дѣло начиналось въ нижнемъ земскомъ судѣ, затѣмъ переходило на разсмотрѣніе въ уѣздный, въ которомъ производство или ускорялось или задерживалось подъ вліяніемъ прокурора или губернскаго правленія.

По подписаніи протеста оно переносилось съ гражданскую палату, въ которой оканчивалось только въ случаѣ совершеннаго недостатка средствъ у одной изъ тяжущихся сторонъ. Въ случаѣ аппеляціи оно поступало въ соотвѣтствующій департаментъ Сената, оттуда въ общее собраніе и если, почему-либо, находили справки недостаточными, то отсылали дѣло снова въ нижній земскій судъ съ тѣмъ, чтобы оно прошло опять тотъ же путь. Такимъ образомъ часто недоставало жизни, чтобы дождаться его рѣшенія.

—У насъ,—говорилъ Каховскій,—дѣла тяжебныя длятся аппеляціями десятки лѣтъ, и очень часто справедливость вознаграждается лишь убытками.

Все это вызывало недовѣріе и даже презрѣніе къ судьямъ, а простой народъ страдалъ подъ бременемъ неправаго и медленнаго суда. Этою медленностію пользовались люди злонамѣренные, имѣвшіе возможность откупиться и не бояться суда. Правда, что преступленіе было преслѣдуемо, но,—говорилъ баронъ В. Штейнгель [2])—«отъ полумѣръ оставалось неисцѣленнымъ. Посылались сенаторы, производили изслѣдованіе, тысячами отдавали бѣдныхъ чиновниковъ подъ судъ и опредѣ-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1899 г. № 4 (апрѣль), стр. 65 и 66.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ 11-го января 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 11.

ляли новыхъ; а тѣ принимались за то же, только смѣлѣе, ибо обыкновенно поступали на мѣста съ протекціею». Съ ними бороться было еще труднѣе и лучше было дать взятку, чѣмъ тягаться въ судѣ. Этимъ пользовалась чиновничья мелкота, власть имѣющая, и наживала себѣ большія состоянія.

Въ іюнѣ 1816 г. В. Н. Каразинъ получилъ отъ секретаря земскаго суда письмо, въ которомъ тотъ писалъ: «По случаю начатой мною постройки дома, который, надѣюсь, оконченъ будетъ августа въ первыхъ числахъ, нуженъ мнѣ столяръ, для сдѣланія въ окошки 22 рамъ. Вашего высокородія всепокорнѣйше прошу собственно вашего одного столяра со всѣмъ его инструментомъ ко мнѣ отпустить; дерево же къ работѣ выготовится мое, а за труды, по желанію его, удовлетворить охотно соглашаюсь».

Препровождая это письмо графу А. А. Аракчееву для прочтенія, В. Н. Каразинъ прибавляетъ, что секретарь, «не имѣя отъ родителей ни малѣйшаго состоянія и бывъ только три года у мѣста, изъ двухсотъ рублей царскаго жалованья строитъ домъ въ 22 окна. За мѣсяцъ я самъ видѣлъ ѣдущія черезъ поле мое съ полсотни подводъ одного казеннаго селенія, которыя везли ему лѣсъ на этотъ домъ, разумѣется, безъ платы» [1]).

«Народъ,—писалъ В. Каразинъ графу Аракчееву въ другомъ письмѣ[2]),—тяготится не податями, извѣстными въ департаментахъ, но налогами неизвѣстными, ихъ сопровождающими, налогами, которые превышаютъ первыя по крайней мѣрѣ вдесятеро. Сіе происходитъ частію отъ образа собиранія податей, частію отъ необходимости, въ которую поставлены государственные чиновники жить противозаконно на счетъ народа, чего никакъ и никогда не возможно государю ни предѣчь, ниже познать, ибо за исключеніемъ весьма не многихъ лицъ, всѣ военные, гражданскіе и духовные чины всѣ, отъ мала до велика, интересованы поддерживать злоупотребленія; всѣ, такъ сказать, должны быть въ заговорѣ: одни, дабы существовать, дабы не умереть съ голода, другіе, сдѣлавъ привычку къ хищенію, котораго первоначальною причиною была такая же необходимость.

«При всякомъ возвышеніи подати, народъ приходитъ въ уныніе не отъ того, чтобы сія прибавка казалась ему несоразмѣрною его средствамъ, но отъ темнаго представленія поборовъ, которые, тѣмъ не менѣе, будутъ сопровождать его подати. Если бы онъ могъ быть увѣренъ, что за платою въ казну опредѣленной суммы безъ притѣсненія,

---

[1]) Письмо Каразина Аракчееву отъ 4-го іюля 1816 г. Изъ нашего собранія автографовъ.

[2]) Въ письмѣ отъ 16-го іюня 1816 г. То же.

безъ затрудненія, безъ бѣдственнаго, напримѣръ, отвлеченія отъ работъ, все для него кончится, то онъ былъ бы, конечно, покоенъ и, прославляя своего добраго государя, съ радостію платилъ бы, не говорю вдвое, но впятеро противу того, что нынѣ платитъ, ибо, заплативъ и впятеро, онъ бы остался еще въ великихъ выгодахъ.

— Подушный окладъ не великъ,—говорилъ П. Каховскій [1]),—но есть налоги, которые мы вдвойнѣ выполняемъ, напримѣръ дорожный: мы платимъ по 25 коп. съ души на дороги, а сами ихъ чинимъ и вновь дѣлаемъ.

Въ самомъ дѣлѣ поборы превысили всякую мѣру. Въ сентябрѣ 1816 г. казенные крестьяне Нижнедѣвицкаго уѣзда, Воронежской губерніи, жаловались Д. П. Трощинскому, что земскіе исправники Кологривовъ, Уткинъ и Харкевичъ грабятъ ихъ, а стряпчій прикрываетъ грабителей. Крестьяне просили прислать ревизора изъ Сената и не довѣрять никому изъ чиновниковъ Воронежской губерніи столь важное изслѣдованіе, которые «насъ не только обвинятъ, но въ тюрьмѣ невинно заморятъ и мы изъ нихъ никому не осмѣлимся ни одного слова правды сказать». Крестьяне просили также защиты и отъ предсѣдателя гражданской палаты Ковалева, который «большія взятки беретъ».

«Ваше высокопревосходительство не повѣрите намъ,—писали крестьяне [2]),—что всѣ наши исправники съ питейныхъ конторъ берутъ годовое жалованье и вино безденежно сколько хотятъ». Такъ исправникъ Харкевичъ получалъ отъ конторы 2.000 р. въ годъ и вина по требованію. Съ крестьянъ онъ бралъ: овесъ, сѣно, подводы; заставлялъ ихъ работать на себя, выгонялъ на свое поле бабъ по 200 жать его хлѣбъ въ теченіе нѣсколькихъ дней сряду въ самую рабочую пору, собиралъ съ крестьянъ барановъ, живность и всякаго рода съѣстные припасы. Къ Рождеству и Свѣтлому празднику волостные головы и выборные отъ обществъ собирали «Христославное» исправнику, письмоводителю его и секретарю: ветчину, поросятъ, яйца, коровье масло и всякой птицы, «видимо не видимо, чтобы и за весь годъ не скушали съ своими барынями и дѣтками». Другіе исправники, кромѣ полевыхъ работъ, посылали бабъ собирать для себя ягоды на варенье и сушенье.

«Мы теперь,—говорили крестьяне,—стали хуже нищихъ отъ нашихъ секретарей и приказныхъ. Кто только къ намъ въ селеніе завернетъ, тотъ что хочетъ, то съ насъ и беретъ. А жаловаться негдѣ; одинъ другому потакаетъ, и нигдѣ у нихъ суда и правды не найдешь».

Харкевичъ подговаривалъ крестьянъ заводить ссоры съ помѣщиками и когда начиналось дѣло, то съ нихъ же бралъ за это взятки; словомъ, по за-

---

[1]) Госуд. арх. I. Бумаги Блудова.

[2]) Въ письмѣ отъ сентября 1816 г. Архивъ министерства юстиціи дѣло 1816 г. № 1842.

явленію крестьянъ, въ короткій промежутокъ времени они уплатили ему болѣе 10 т. руб. Исправникъ Уткинъ, въ короткій промежутокъ своей службы, успѣлъ взять съ крестьянъ 18 т. рублей.

По произведенному генералъ-маіоромъ Бенкендорфомъ слѣдствію показанія крестьянъ оказались вполнѣ справедливыми, и при томъ обнаружилось, что Харкевичъ давалъ взятки губернатору, посылалъ ему провизію и проч. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета министровъ губернаторъ Бравинъ былъ удаленъ отъ должности, а виновные чиновники преданы суду.

Но ни одинъ изъ судовъ не пользовался довѣріемъ общества—судилища и судьи были въ неуваженіи. Всѣ жаловались на пристрастіе, притѣсненія, волокиту, взяточничество и ябедничество. Послѣднее практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

«Дошло до моего свѣдѣнія,—писалъ императоръ Александръ С. К. Вязмитинову [1]),—что нѣкто Извѣковъ, въ С.-Петербургѣ находящійся, не только самъ занимается сочиненіемъ разныхъ просьбъ и бумагъ по тяжбамъ, но имѣетъ подъ своимъ распоряженіемъ и другихъ людей, какъ бы домашнюю его канцелярію составляющихъ.

«Причина подобному упражненію въ столь обширномъ видѣ, естественно, не можетъ быть иная, кромѣ охоты заводить ябеды изъ корысти, слѣдовательно, терпѣть въ столицѣ занимающагося подобными упражненіями, съ одной стороны,—вредно для общаго спокойствія, съ другой—единственно служитъ къ разоренію просителей.

«Въ семъ разсужденіи, я предоставляю вамъ изслѣдовать подробно справедливость сихъ обстоятельствъ и если оныя окажутся справедливыми, то удалить Извѣкова немедленно изъ столицы, назначивъ ему жительство въ одной изъ губерній по вашему избранію, и имѣть его подъ надзоромъ полиціи».

Ябедничество плодило дѣла и масса народа, часто безъ вины, томилась многіе годы въ ужасныхъ тюрьмахъ. Тюрьмы и вообще мѣста заключеній были въ самомъ плохомъ состояніи и содѣйствовали разврату, а не исправленію нравственности. Даже въ С.-Петербургѣ въ такъ называемыхъ съѣзжихъ домахъ не было возможности отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ, молодыхъ отъ старыхъ. Всѣ помѣщенія были подземныя, сырыя и темныя, безъ кроватей; воздухъ въ нихъ былъ очень дуренъ. Заключенные жаловались на недостатокъ пищи; въ одномъ изъ съѣзжихъ домовъ было пять «стульевъ съ цѣпями», которые колодники должны были таскать на себѣ, ходя за нуждою.

Англичанинъ Венингъ, осматривавшій эти дома, писалъ: «Всякое

---

[1]) Въ то время управлявшему министерствомъ полиціи, въ рескриптѣ отъ 24 го октября 1817 года.

возможное улучшеніе не можетъ сдѣлать сіи мѣста способными къ тому предмету, къ которому они назначены по теперешнему ихъ положенію. Бѣдная дѣвушка, которая попадетъ въ сіе мѣсто, хотя на одну ночь, необходимо потерять должна всякое чувство добродѣтели и приготовиться на жизнь развратную и несчастную. По точномъ разсмотрѣніи сихъ мѣстъ я могу назвать ихъ истиннымъ разсадникомъ порока».

Для заключенныхъ при Петербургской управѣ благочинія было двѣ низменныхъ комнаты безъ кроватей и постелей; въ нихъ содержалось иногда до 100 человѣкъ, не имѣвшихъ возможности прилечь ни днемъ, ни ночью. Колодники привязывались за шею; женщины сидѣли въ желѣзныхъ рогаткахъ, такъ что не могли ложиться. Въ одной изъ комнатъ рабочаго дома содержалось 107 человѣкъ: дѣтей, взрослыхъ и стариковъ. Одинъ изъ нихъ Тимоѳей Чеоровъ, 72 лѣтъ, просидѣлъ въ такомъ заключеніи 22 года и во все время велъ себя похвально. Арестанты, дѣлавшіе покушеніе къ побѣгу, содержались въ цѣпяхъ. Мѣсто заключенія при губернскомъ правленіи было еще въ худшемъ положеніи: въ небольшой комнатѣ помѣщалось отъ 50 до 200 человѣкъ. Здѣсь несчастный мальчикъ, потерявшій паспортъ, находился вмѣстѣ съ величайшимъ преступникомъ, окованнымъ цѣпями. Городская тюрьма была ветха, тѣсна, и въ ней помѣщались безъ разбора и преступники и несостоятельные должники [1]).

Если въ столицѣ тюрьмы и мѣста заключеній находились въ такомъ положеніи, то въ губерніяхъ было еще того хуже.

Губернаторы тверской, новгородскій, воронежскій, пензенскій и другіе доносили о печальномъ положеніи тюремъ. Это обратило на себя вниманіе правительства, и 19-го іюля 1819 года, по докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, былъ высочайше утвержденъ уставъ объ учрежденіи попечительнаго общества о тюрьмахъ,—первымъ президентомъ котораго былъ назначенъ князь А. Н. Голицынъ [2]).

Дурное состояніе тюремъ и продолжительное въ нихъ содержаніе было причиною того, что въ 1820 году въ трехъ тюрьмахъ Волынской губерніи произошелъ бунтъ арестантовъ. Это послужило поводомъ къ предписанію всѣмъ начальникамъ губерній о скорѣйшемъ производствѣ и окончаніи арестантскихъ дѣлъ [3]).

— Въ нашихъ тюремныхъ острогахъ,—говорилъ Каховскій [4]),—гдѣ

---

[1]) Н. Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, ч. II, кн. I, стр. 549—555.

[2]) Полное собраніе законовъ, т. XXXVI № 27895.

[3]) Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, ч. II, кн. 2, стр. 36.

[4]) Въ своемъ показаніи слѣдственной коммиссіи.

всѣ преступленія смѣшаны вмѣстѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ занятій, ни трудовъ, ни порядка, ни чистоты; гдѣ обитаетъ развратъ, гдѣ самый воздухъ зараженъ смрадомъ; гдѣ содержащіеся, истлѣвая душой и тѣломъ, питаются лишь мірскимъ подаяніемъ, гдѣ часто надзирающіе за преступниками сами еще бо́льшіе преступники—въ таковыхъ заведеніяхъ, конечно, не исправится заключенный, но лишь ожесточится, или развратится совершенно.

Почти въ такомъ же положеніи находились и общественныя богоугодныя заведенія, оставленныя безъ соболѣзнованія къ участи призрѣваемыхъ. По словамъ А. Д. Балашова, богадѣльни были часто безъ пищи, «но въ нетрезвомъ видѣ отъ недосмотра за ними».

Дальнѣйшій подробный осмотръ А. Д. Балашовымъ порученныхъ ему губерній показалъ, что хозяйство городовъ и селеній оставлено безъ попеченія и находилось въ совершенномъ запущеніи. Запасные хлѣбные магазины были пусты. Видъ городовъ печальный, и городскія думы въ бѣдности и долгу. Взиманіе повинностей неправильно, безконтрольно и насильственно; недоимокъ милліоны. Въ школахъ ученики не рѣдко безъ учителей, а иногда и безъ обуви; расходы же по заведеніямъ весьма значительны. Училища министерства народнаго просвѣщенія оставлены безъ пособія и даже безъ присмотра начальства. Приказные служители почти вездѣ развратны. Хозяйственной части въ губерніяхъ не существовало, и казенные доходы были основаны на винной продажѣ, т. е. на поощреніи къ пьянству.

«Я ужаснулся,—писалъ Балашовъ [1]),—такому положенію внутренности государства, увидя его вблизи».

Какъ же и могло быть иначе тамъ, гдѣ все было продажно, гдѣ все было беззаконно и нечестно. Въ одномъ изъ архивовъ сохранился не состоявшійся манифестъ 1816 года, въ которомъ изложены не лишенные интереса взгляды Александра на порядокъ, законность и честное исполненіе обязанностей.

«Достопамятныя происшествія, въ наши дни случившіяся—сказано въ немъ,—не токмо призывали насъ въ отдаленные предѣлы съ побѣдоноснымъ воинствомъ нашимъ, для спасенія Европы, но и служили намъ поводомъ къ обозрѣнію многихъ иностранныхъ народовъ, ихъ образа жизни, обычаевъ и правительствъ [2]).

---

[1]) Въ отчетной запискѣ. — Арх. Государ. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., д. № 140.

[2]) „Мнѣ сказали,—пишетъ Даниловскій,—что государь дорогою въ Цюрихъ изъ Базеля много шелъ пѣшкомъ, любовался богатствомъ земли и неоднократно заходилъ въ крестьянскіе домы.—Дай Богъ, подумалъ я, чтобъ видъ изобилія, порядка и опрятности, которые онъ въ нихъ находилъ, на него подѣйствовали, въ чемъ я не сомнѣваюсь, зная, сколь онъ расположенъ къ улучшенію состоянія его подданныхъ".

«Итакъ, начиная путь нашъ отъ береговъ отечественной Невы и продолжая черезъ берега Вислы, Одера, Дуная, Рейна и Сены, и простирая далѣе путешествіе наше даже до береговъ Темзы, мы собственнымъ наблюденіемъ удостовѣрились, что въ тѣхъ точію странахъ неизсякаемо струятся источники общаго изобилія и благоденствія, гдѣ сила законовъ, охраняющихъ собственность и право каждаго гражданина, совершаются безъ лицепріятія, гдѣ ревнительное правительство, отъ высочайшей власти поставленное, дѣйствуетъ по направленію, для него назначенному, безъ уклоненія съ истиннаго пути и безъ послабленія къ виновнымъ. Но въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ законы остаются въ забвеніи, въ которыхъ начальство не рачитъ о своихъ и небрежетъ о выполненіи прочихъ учрежденій, тамъ, къ сожалѣнію, всякія мѣры сопряжены бываютъ съ притѣсненіемъ, и все клонится къ упадку и разрушенію.

«Столь различны суть послѣдствія силы и безсилія законовъ, дѣйствія и бездѣйствія правительства, не заботящагося достигать своей цѣли, предположенной для него по благотворнымъ намѣреніямъ высочайшей власти, яко отъ Бога истекающей».

Въ тогдашней Россіи все шло наоборотъ, и ея внутреннее положеніе требовало немедленнаго преобразованія административныхъ учрежденій и согласованія ихъ между собою.

«Всемилостивѣйшій государь!—писалъ А. Д. Балашовъ [1]),—позвольте издавна душою къ вамъ и славѣ вашей приверженному изъясниться передъ вами со смѣлою откровенностью чистой совѣсти: слава войны и дипломата гремитъ по Европѣ, но внутреннее правленіе въ государствѣ вашемъ разслабло. Всѣ части идутъ раздѣльно, одна другой ходъ затрудняетъ, и едва-ли которая подается впередъ. Единственное на сей разъ средство есть усилить мѣстныя управленія. Вы сіе и предполагали. Докончите, государь, намѣреніе ваше, отставьте меня, изберите достойныхъ генералъ-губернаторовъ. Но Бога ради наградите ихъ своею довѣренностію, усильте власть ихъ, оградите ихъ отъ противодѣйствія, поддержите ихъ мощною десницею вашею. Мысленный взоръ на будущія послѣдствія отъ разслабленнаго внутренняго управленія ужасаетъ приверженнаго къ вамъ всею душою».

Прошли полтора года послѣ этого письма, и никакого распоряженія не послѣдовало; тогда Балашовъ вновь обратился къ императору Александру.

«Сегодня два года,—писалъ онъ [2]),—что угодно было вашему величе-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 2-го мая 1820 г. изъ Воронежа.

[2]) Въ письмѣ отъ 4-го ноября 1821 г. изъ Рязани.—Арх. собствен. Его Величества канцеляріи, кн. 3.

ству назначить меня въ генералъ-губернаторы. Пользуясь позволеніемъ излагать истину предъ очами вашими, сказать долженъ, съ содроганіемъ сердца, что въ ужасномъ положеніи видѣлъ я все вокругъ себя въ теченіе сего времени. Злоупотребленія должностей ощутительны; священные законы ваши употребляются нерѣдко щитомъ самому злу сему, организованному въ тайнѣ. Жалованье ихъ (т. е. служащихъ) ничтожно, — поводъ къ лихоимству. Наказанія и награды, идя ходомъ медлительнымъ, не поражаютъ. Я инструкціи себѣ не имѣю, а единственный мой руководитель, «Учрежденіе о губерніяхъ», издано еще до существованія министерствъ и къ онымъ не приспособлено. Обрядъ и ходъ дѣлъ по гражданской службѣ затруднителенъ и съ обстоятельствами не соображенъ. Мои же руки связаны ими!

«Всемилостивѣйшій государь! Я, какъ приверженный къ славѣ вашей вѣрноподданный, осмѣливаюсь утвердительно мнѣніе свое сказать, что безпорядки внутренняго управленія дошли до неимовѣрной непристойности. Могутъ быть причины государственныя, не допускавшія до сего времени врачеванія зла сего, — я входить въ оныя не осмѣливаюсь, но генералъ-адъютанту вашему быть посреди онаго, и быть безмолвну, по истинѣ приличія нѣтъ никакого. Силы мои истощаются въ ежеминутной борьбѣ, и два года истощеваются безплодно! Позвольте мнѣ удалиться отъ управленія, доколѣ не придетъ время водворять улучшеніе онаго. Тогда пожалуйте мнѣ хотя одну какую-либо губернію (или сколько угодно будетъ) и позвольте мнѣ надъ оной доказать, что Россія, въ настоящемъ положеніи своемъ, при благополучномъ царствованіи вашемъ, способна во внутренности ея принять видъ, ей приличный, лишь бы начала, отъ коихъ пойдетъ преобразованіе сіе, были вѣрно отысканы и постановленія не многосложны; изящныя машины всегда видъ простоты имѣютъ».

Императоръ Александръ хотѣлъ сначала отвѣчать, но потомъ оставилъ Балашова вовсе безъ отвѣта, какъ видно изъ помѣты рукою графа Аракчеева: «Получено отъ государя 15-го ноября 1821 года» [1]).

---

[1]) Въ дѣлѣ сохранился однако же черновой набросокъ безъ даты и безъ обозначенія, отправленъ-ли былъ этотъ отвѣтъ Балашову или нѣтъ. Въ немъ сказано слѣдующее: „Письма ваши отъ 4-го дня сего мѣсяца я получилъ и то, которое касается перемѣны рязанскаго гражданскаго губернатора Наумова, отдалъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, для должнаго съ его стороны исполненія".

„Изъ другаго же (т. е. приведеннаго нами) я вижу, что вы скучаете обстоятельствомъ вашей службы и желаете ее оставить, Мнѣ кажется, что сіе желаніе происходитъ болѣе отъ нѣкоего мѣстнаго, временнаго вашего неудовольствія, ибо собственное ваше испытаніе (?) его не оспариваетъ. Вы пишете, что вы нашли, что по губерніямъ служба имѣетъ многіе и великіе недостатки и какъ же въ самое то время помышлять оставить ее вамъ, ко-

Подобной участи, какъ мы видѣли, подверглась записка барона Икскуля и многія другія. Такъ 14-го іюля 1817 года надворный совѣтникъ Д. П. Извольскій [1]) писалъ императору Александру:

«Вы возвратили свободу вселенной, установили политическую систему Европы, возвеличили Россію побѣдами и утвердили союзами. Вы сдѣлали все, какъ полководецъ и дипломатъ, ничего еще—какъ законодатель.

«Взгляните на классъ дворянскій: онъ властвуетъ надъ половиною населенія, обладаетъ, конечно, половиною всей обработанной земли, а между тѣмъ ни по числу, ни по качеству не удовлетворяетъ своему назначенію, т. е. государственной службѣ.

«Сообразите пособія (?) Россіи и согласитесь, что одно смѣшеніе работающихъ классовъ и возникающая изъ того невозможность уравнительной раскладки податей причиною, что 44 милліона жителей даютъ токмо 300 милліоновъ дохода.

«Вникните въ гибельныя послѣдствія рабства владѣльческаго и казеннаго—ваше сердце обольется кровью, когда вообразите всю жестокость, съ какою мелкопомѣстное дворянство во зло употребляетъ свое право мучить существа чувствительныя. Вы изумитесь, когда разсмотрите послѣдствія присвоенія поземельной собственности не лицу, а селенію.

«Вотъ, государь, предметы, въ коихъ будетъ судить васъ потомство, когда ихъ не исправите.

торый всегда имѣлъ къ себѣ доказательство моей довѣренности, который въ продолженіе стольких лѣтъ посвятилъ себя дѣламъ государства и безъ сомнѣнія пріобрѣлъ возможность устранить существованіе истинныхъ недостатковъ.

„Вы жалуетесь на недостатокъ инструкціи для генералъ-губернаторовъ. Я его давно видѣлъ и желалъ только, чтобъ инструкція сія была составлена съ достойною осмотрительностію. Благодаря Бога работа сія приведена къ концу, и я надѣюсь, вы скоро получите подробное въ ней изложеніе и обязанностей генералъ-губернаторовъ, и способовъ къ ихъ исполненію.

„Вы согласитесь со мною, что нѣтъ человѣка, который бы въ положеніи своемъ не встрѣчалъ трудностей, который не имѣлъ бы должности и обязанности преодолѣвать сіи трудности, и надѣюсь, что вы изъ сего и по собственному своему убѣжденію, отложите ваше намѣреніе оставить настоящее ваше служеніе отечеству“.

[1]) При письмѣ приложена слѣдующая справка: „Надворный совѣтникъ Дмитрій Павловичъ Извольскій считается въ статистическомъ отдѣленіи, при министерствѣ полиціи состоящемъ, а какъ отдѣленіемъ этимъ завѣдываетъ Александръ Дмитріевичъ (Балашовъ), то онъ и находится при немъ. Поведенія онъ былъ всегда похвальнаго, при томъ же человѣкъ образованный и съ познаніями, только, по обыкновенію всѣхъ ученыхъ, нѣсколько страненъ“.

«Я рѣшился говорить, когда ваши дѣла меня удостовѣрили, что вашего генія станетъ на все великое.

«Я говорю рѣзко, потому что увѣренъ въ тѣхъ путяхъ, коими можно достичь цѣли.

«Я говорю коротко, потому что для правды не надо много словъ.

«Самые законы для сихъ предметовъ нужны краткіе. Одно условіе: постепенность въ ихъ изданіи и тайна въ разсужденіи ихъ цѣли.

«Я кончилъ. Но мое письмо останется памятникомъ, какою силою довѣрія обладалъ монархъ, которому подданный могъ такъ говорить» [1]).

Императоръ Александръ передалъ это письмо графу Аракчееву съ порученіемъ переговорить съ Извольскимъ, но переговоры не привели ни къ чему, и сохранилась только надпись на письмѣ рукою Аракчеева: «видѣлъ его лично 12-го августа. Доложено вторично 15-го августа».

«Покойный императоръ,—писалъ П. Каховскій [2]),—объѣзжая области, встрѣчалъ повсюду радость и привѣтствіе, но были-ли они искренни? Клянусь Богомъ, нѣтъ».

Александръ зналъ, что его всегда и вездѣ обманываютъ. При частыхъ его путешествіяхъ по Россіи губернская администрація употребляла всѣ средства, чтобы скрыть отъ государя положеніе населенія. Въ нѣкоторыхъ городахъ, передъ пріѣздомъ императора, цѣлыя улицы обносились высокими заборами, чтобы скрыть за ними развалившіяся лачуги бѣдныхъ жителей. Полиція употребляла всѣ мѣры къ тому, чтобы не допускать населеніе къ подачѣ прошеній [3]).

«Я узнаю,—писалъ императоръ графу Вязмитинову [4]),—что полиція во время моихъ путешествій черезъ мѣста ихъ вѣдомства воспрещаетъ подаваніе прошеній ко мнѣ въ собственныя руки.

«Таковое дѣйствіе полиціи, въ нѣкоторой мѣрѣ, удаляющее отъ моего свѣдѣнія нужды жителей обозрѣваемыхъ мною частей государства, никогда не могло быть согласнымъ съ моимъ желаніемъ.

«Посему поручаю вамъ повсемѣстно и строго предписать полиціямъ, чтобы онѣ отнюдь не возбраняли подаванію ко мнѣ прошеній въ собственныя руки, но единственно наблюдали, чтобы дѣлалось сіе съ должною обстоятельствамъ пристойностію».

По свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго, такихъ просьбъ подавалось громадное число. Близъ Байдаръ въ Крыму, на пространствѣ 32 верстъ было подано 700 прошеній. Михайловскій-Данилевскій, кото-

---

[1]) Арх. Собствен. Его Величества канцеляріи, д. № 296.

[2]) Всеподданнѣйшее письмо Каховскаго 1826 г. безъ числа. Госуд. арх., бумаги Блудова.

[3]) Всеподд. письмо Каховскаго 4-го апрѣля 1826 г. Госуд. арх., I, дѣло № 11.

[4]) Въ указѣ отъ 2-го января 1819 г.

рому государь передавалъ ихъ, наполнилъ ими всѣ свои карманы и потомъ завязывалъ бумаги въ платки цѣлыми кучами [1]). Но не въ одномъ Крыму жаловались на злоупотребленія и неустройства: рѣпгали всюду и всеобщее недовольство росло съ каждымъ днемъ.

«Проѣхавъ отъ сѣвера на югъ Россіи, старался вникнуть въ положеніе различныхъ классовъ людей.—Отовсюду слышалъ ропотъ на правительство и правителей, имъ поставленныхъ [2])».

Отечественная война разорила купечество подрядами, затяжкою въ уплатѣ денегъ казною, учетами и несправедливыми прижимками. Многія солидныя фирмы или погибли совершенно или разстроились. Торговля уменьшилась на треть и перешла по большей части въ руки иностранцевъ. Запретительная система ввоза товаровъ, обогащая контрабандистовъ, не поднимала цѣны на наши издѣлія, и, слѣдуя модѣ, всѣ платили въ три раза дороже за такъ называемые конфискованные товары. Въ 1819 году послѣдовало всеобщее разрѣшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ, которыми скоро наводнили Россію и увлекли за границу наше золото и серебро. Многіе купцы обанкрутились, фабрики въ конецъ разорились, и народъ лишился способовъ къ пропитанію и оплачиванію податей. Недоимки возрасли до ужасающихъ размѣровъ, и не было возможности собрать ихъ, такъ какъ народъ былъ разоренъ «до полной нищеты».

«Вѣрите-ли, свѣтлѣйшій князь,—писалъ В. Н. Каразинъ князю Н. И. Салтыкову [3]),—что о сю пору нѣтъ почти казеннаго селенія, которое бы не задолжало на уплату податей. Мужикъ казенный тѣснимый своимъ начальствомъ, на уплату податей продаетъ послѣдній скотъ и самъ лишается способовъ къ дальнѣйшему пріобрѣтенію».

Строжайшія мѣры, принятыя ко взысканію недоимокъ, довершали всеобщее разореніе: выбить и выколотить недоимку сдѣлалось техническимъ словомъ. За недоимку помѣщичьи имѣнія отдавались въ опеку, у крестьянъ продавали послѣднія крохи, «а такъ какъ съ такихъ обобранныхъ взять уже было нечего», то было постановлено правиломъ за неимущихъ взыскивать съ обществъ [4]).

Среди такихъ неустройствъ, еще въ 1814 году правительство заставило винныхъ откупщиковъ сдѣлать весьма большую надбавку на откупную сумму. Эта надбавка разорила ихъ, и правительство при-

---

[1]) „Русская Старина“ 1897 г. № 8, стр. 312.

[2]) Всеподд. письмо Каховскаго безъ числа. Госуд. Арх. I, бумаги Блудова

[3]) Отъ „ “ мая 1815 года. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. № 267.

[4]) Показаніе В. И. Штейнгеля 11-го января 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 11.

няло на себя продажу вина, чѣмъ содѣйствовало гибельному народному развратy. Повсюду появились трактиры, харчевни, портерныя лавки, питейные домы, съ билліардами, музыкою и другими для черни приманками. Въ первые годы такія мѣры дѣйствительно принесли большую прибыль казнѣ; но впослѣдствіи эта прибыль значительно уступала недоимкамъ, а народъ развратился, обнищалъ и несъ въ кабакъ послѣднее свое имущество,—пилъ съ горя.

Упадокъ торговли отразился и на сословіи мѣщанъ. Постановленіе, чтобы они для мелкой торговли или записывались въ гильдіи или брали свидѣтельство на право торговли, съ платежемъ пошлинъ, ставило ихъ въ безвыходное положеніе. Будучи бѣдны, обременены повинностями, мѣщане были почти лишены средствъ къ пропитанію. Они шли работать на фабрикахъ, а съ закрытіемъ многихъ изъ нихъ кочевали, какъ цыгане, и занимались перепродажею.

Въ такомъ же жалкомъ положеніи находилось и духовенство, въ особенности сельское. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ ставилъ его въ полную зависимость отъ милости помѣщиковъ и крестьянъ. Принужденное угождать тѣмъ и другимъ, духовенство впадало въ пороки и лишилось всякаго уваженія.

Только недавно освобожденное отъ тѣлеснаго наказанія [1]), духовенство было грубо, необразовано и развратно. Оно являлось въ пьяномъ видѣ въ церковь на священнодѣйствіе, производило тамъ разныя безчинства и драки между собою [2]). Сверхъ подтвержденія архіереямъ слѣдить за тѣмъ, чтобы духовенство не пьянствовало, правительство вынуждено было, черезъ гражданскихъ губернаторовъ, распубликовать указъ, чтобы міряне не поили допьяна священниковъ.

«Положеніе духовенства въ Россіи,—писалъ неизвѣстный [3]),—требуетъ вниманія. Нынѣ оно большею частію есть органъ суевѣрія и пустосвятства. Невѣжество его почти весь черный народъ содержитъ въ идолопоклонствѣ. Занимаясь только наружностью богослуженія и исполненіемъ однихъ обрядовъ, оно совсѣмъ отдалилось отъ цѣли своего званія и ослабило въ народѣ прямое чувство религіи, толико же нужное въ государственномъ правленіи, колико нравы служатъ подпорою законовъ... Я не вижу надежнѣйшаго и удобнѣйшаго средства преобразовать Россію и посѣять въ сердцахъ народа правила благонравія, взаимной любви и привязанности къ отечеству, какъ, при законахъ мудрыхъ, дать ему пастырей кроткихъ, свѣдущихъ и просвѣщенныхъ».

---

[1]) Указомъ отъ 22-го мая 1801 г. Жены же священниковъ были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія указомъ 17-го мая 1808 г.

[2]) Полн. собр. законовъ, т. XXXVII, № 28373.

[3]) „Мои мысли“ Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 58.

При тогдашнемъ же положеніи духовенство тяготилось своимъ состояніемъ, не имѣло средствъ къ безбѣдному существованію и питалось единственно мірскимъ подаяніемъ. Оно обходило своихъ прихожанъ по праздникамъ, собирало скудное подаяніе за требы и жаловалось на свое убожество.

«Словомъ,—показывалъ А. Бестужевъ [1]),—во всѣхъ углахъ видѣлись, недовольныя лица; на улицахъ пожимали плечами, вездѣ шептались, всѣ говорили: къ чему это приведетъ? Всѣ элементы были въ броженіи! Одни судебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была обѣтованною землею. Лихоимство ихъ дошло до неслыханной степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики получали деревни, и только возвышеніе цѣнъ взяткъ отличало высшія мѣста. Въ столицѣ, подъ глазами блюстителей, производился явный торгъ правосудіемъ. Хорошо еще платить бы за дѣло, а то брали, водили и ничего не дѣлали. Прибыльныя мѣста продавались по таксѣ и были обложены оброкомъ. Центральность судебныхъ мѣстъ, привлекая каждую бездѣлицу кверху, способствовала аппеляціямъ, справкамъ, переѣздамъ, и десятки лѣтъ проходили прежде рѣшенія, т. е. разоренія обѣихъ сторонъ. Однимъ словомъ, въ казнѣ, въ судахъ, въ коммиссаріатахъ, у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ—вездѣ, гдѣ замѣшивался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ—тотъ кралъ. Вездѣ честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались».

— У насъ нѣтъ закона,—говорилъ П. Каховскій [2]),—нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли; у насъ внутренніе враги терзаютъ государство; у насъ тяжкіе налоги и повсемѣстная бѣдность.

Таково было внутреннее положеніе государства послѣ Отечественной войны и до кончины императора Александра.

«Когда я,—писалъ В. Штейнгель императору Николаю I [3]),—имѣлъ величайшее въ жизни моей несчастіе въ качествѣ преступника предстать взору вашему, тогда ваше величество удостоили мнѣ сказать: «и м о е п о л о ж е н і е н е з а в и д н о!» Незабвенныя слова сіи, услышанныя изъ устъ обладателя полъ-свѣта, поразили меня до глубины сердца, сдѣлали безмолвнымъ и заставили непрестанно размышлять о нихъ.

«Такъ, государь! Вамъ оставлено государство въ изнеможеніи, съ развращенными нравами и внутреннимъ разстройствомъ, съ истощевающимися доходами, съ преувеличенными расходами, съ внѣшними долгами, и при всемъ томъ ни единаго мужа у кормила государственнаго,

[1]) Госуд. Арх., I, д. № 11.

[2]) Во всеподд. письмѣ 4-го апрѣля 1826 г. Тамъ же.

[3]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ 29-го января 1826 года. Государств. Арх., I, дѣло № 11.

который бы съ извѣстнымъ глубокимъ умомъ, съ характеромъ твердымъ, соединяя полное и безошибочное свѣдѣніе о своемъ отечествѣ, питалъ къ нему любовь, себялюбіе превозмогающую,—словомъ, ни одного мужа, на которомъ бы могла возлечь высочайшая ваша довѣренность въ великомъ дѣлѣ государственнаго управленія. Если присовокупить къ сему разлившійся неспокойный духъ съ неудовольствіемъ противъ правительства прежняго, съ родившеюся изъ того недовѣрчивостію къ будущему и, наконецъ, самую необходимость, въ коей вы нашлись опечалить многія семейства въ обѣихъ столицахъ, то дѣйствительно положеніе ваше, государь, весьма затруднительно.

«Но если на все сіе изволите устремить внимательный взоръ съ другой стороны, коль богатый узрите источникъ для величія и славы! Какое обиліе случаевъ къ пріобрѣтенію сердецъ народа! Великій Фридрихъ былъ нелюбимъ и отъ него не ожидали ничего, когда царствовалъ еще его отецъ; но, сдѣлавшись государемъ, онъ сталъ кумиромъ своего народа и теперь живетъ въ сердцахъ пруссаковъ. Ему однакожъ стоило это воинскихъ подвиговъ и многаго пролитія крови, но вамъ, государь, это стоитъ одной рѣшительной твердости въ намѣреніи вашемъ—жить для отечества, т. е. сдѣлать его благополучнымъ гражданскими учрежденіями».

Этой рѣшимости не доставало Александру. Онъ видѣлъ истинное положеніе дѣлъ, но, по своему характеру, считалъ себя не въ силахъ исправить укоренившіеся безпорядки и злоупотребленія въ администраціи.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Г. ВАРЕНЦОВЪ.

(Біографическая замѣтка на основаніи неизданныхъ источниковъ).

Среди тружениковъ, работавшихъ надъ изученіемъ русской народности въ области пѣсеннаго творчества, нельзя не помянуть добрымъ словомъ В. Г. Варенцова, издателя двухъ сборниковъ, и до сихъ поръ не утратившихъ значенія. Въ виду скудности біографическимъ свѣдѣній объ этомъ нашемъ фольклористѣ, мы позволяемъ себѣ представить здѣсь нѣкоторыя данныя изъ числа тѣхъ матеріаловъ, какіе имѣются въ нашихъ бумагахъ и почерпнуты изъ архивовъ или изъ письменныхъ намъ сообщеній родныхъ Варенцова.

Викторъ Гавриловичъ Варенцовъ родился 20-го октября 1825 г. въ Вяткѣ. Его отецъ, чиновникъ Гавріилъ Васильевичъ Варенцовъ, былъ въ своей сферѣ человѣкъ замѣчательный. Двѣнадцати лѣтъ началъ онъ службу, первоначально въ Сарапульскомъ уѣздномъ судѣ. Выдающіяся дарованія проложили ему, не смотря на его очень юный возрастъ, дорогу къ быстрому (для глухой провинціи) возвышенію. Еще не имѣя чина, онъ уже занималъ классную должность. Затѣмъ онъ служилъ въ Вятскомъ губернскомъ правленіи и подъ конецъ состоялъ уже удѣльнымъ депутатомъ въ слободѣ Кукаркѣ. Дальше онъ не пошелъ, потому что умеръ 5-го декабря 1826 г. въ возрастѣ 24 лѣтъ, изъ нихъ двѣнадцать проведши на службѣ. При смерти отца будущему ученому было всего годъ и полтора мѣсяца. Вдова Варенцова, больная женщина, осталась съ дѣтьми на рукахъ и безъ средствъ. Не смотря на бѣдность, она старалась дать сыновьямъ образованіе. Виктора Гавриловича пристроили въ Вятскую гимназію, гдѣ онъ пошелъ блестяще. Когда онъ учился въ VI классѣ,

*

пріѣхалъ ревизовать гимназію самъ попечитель Казанскаго учебнаго округа, Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ. Изъ гвардейскихъ полковниковъ прямо пожалованный въ попечители, онъ такъ и не могъ отдѣлаться отъ казарменныхъ привычекъ того времени и налеталъ на своихъ подчиненныхъ, какъ на какихъ-нибудь полковыхъ фурлейтовъ. Мелкую сошку билъ изъ собственныхъ рукъ знаменитымъ своимъ костылемъ испанскаго камышу, а прочихъ, не исключая профессоровъ, третировалъ на «ты» и все грозилъ «забрить въ солдаты»; профессоровъ, разумѣется, не «забривалъ», студентовъ—случалось... Одно только появленіе Михаила Николаевича съ его костылемъ повергало служащихъ «по просвѣщенію» въ трепетъ до потери членораздѣльной рѣчи [1]), и немногіе знали, что этотъ самый нестерпимый человѣкъ имѣлъ доброе сердце...

Молодой Варенцовъ такъ понравился попечителю, что, вникнувъ въ его семейное положеніе, онъ предложилъ взять юношу на свой счетъ съ собою въ Казань, помѣстить тамъ въ одну изъ гимназій, а потомъ опредѣлить въ университетъ. Не смотря на лестность и выгоду такого предложенія, мать Варенцова, вѣроятно, уже предчувствовавшая свою близкую кончину, не согласилась отпустить сына, и В. Г. остался доучиваться въ Вятской гимназіи, гдѣ, не имѣя еще 16 лѣтъ, окончилъ въ 1841 г. курсъ съ золотою медалью. Немного спустя умерла мать, и В. Г. остался круглымъ сиротою.

Не имѣя средствъ, но желая продолжать учиться, юноша поѣхалъ въ Казань. На первое время онъ пріютился у дяди, отцова брата, Ѳедора Васильевича Варенцова, чиновника казенной палаты (гдѣ онъ прослужилъ болѣе 30 лѣтъ). Дядя, хоть и жилъ въ собственномъ домѣ въ Нижне-Ѳедоровской улицѣ, самъ былъ человѣкъ неимущій и долженъ былъ воспитывать собственнаго (единственнаго) сына, Петра Ѳедоровича. Виктору Гавриловичу пришлось снискивать себѣ пропитаніе, какъ водится, даваніемъ уроковъ. Но его постигла еще одна бѣда. Сдавая вступительный экзаменъ въ университетъ, онъ простудился, слегъ и прервалъ испытанія. Едва оправившись отъ болѣзни, онъ сталъ экзаменоваться снова, выдержалъ и 12-го сентября 1841 г. былъ зачисленъ въ студенты по словесному отдѣленію, но опоздалъ поступить на казенный счетъ: всѣ вакансіи были уже заняты. Очутившись въ безвыходномъ положеніи, юноша рѣшился обратиться прямо къ попечителю, который два года тому назадъ отнесся къ нему такъ благосклонно. Но оказалось, что доступъ предъ лицо высокаго начальника—дѣло не совсѣмъ легкое: съ трудомъ добился В. Г. личнаго свиданія

---

[1]) „Бывало, прежде енаралъ-то идетъ,—инда земля дрожитъ", отзывался о Мусинѣ университетскій буфетчикъ, Григорій Васильевичъ (въ „Воспоминаніяхъ стараго казанскаго студента" Э. П. Янишевскаго, стр. 5).

съ Мусинымъ-Пушкинымъ. Попечитель вспомнилъ его и помогъ ему изъ своего кармана на предметы первой необходимости, прежде всего, на постройку форменной одежды и прочей экипировки. Кромѣ того, Варенцову разрѣшили столоваться съ казеннокоштными студентами. Черезъ годъ, со II курса В. Г. поступилъ въ университетъ на полное содержаніе. Учился онъ здѣсь очень хорошо, такъ что на двадцатомъ году отъ рожденія, 1-го іюня 1845 г., онъ уже окончилъ курсъ со степенью кандидата русской словесности (въ одинъ годъ съ будущимъ профессоромъ, Н. Н. Буличемъ), а 15-го сентября того же года назначенъ былъ учителемъ словесности въ Пермскую гимназію.

Въ Перми В. Г. въ слѣдующемъ 1846 г. женился на дочери мѣстнаго инспектора врачебной управы, Евдокіи Дороѳеевнѣ Ардашевой. Этотъ бракъ былъ очень удачный. Не избалованный жизнью, В. Г., казалось, обрѣлъ себѣ счастье.

Изъ Перми Варенцовъ въ 1848 г. перепросился тѣмъ же званіемъ въ Пензенскую гимназію; потомъ въ 1854 г. онъ былъ перемѣщенъ преподавателемъ въ Саратовскую гимназію.

Въ Саратовѣ Варенцова постигло тяжелое горе: онъ овдовѣлъ. Жена его умерла родами 14-го октября 1856 г.; дѣтей не осталось, и Викторъ Гавриловичъ снова увидѣлъ себя бобылемъ. Какъ онъ писалъ, со смертью жены его покинули силы, здоровье и жизненная энергія; жена замѣняла ему полсвѣта, и съ нею онъ хоронитъ половину своей жизни....

16-го марта 1857 г. В. Г. получилъ служебное повышеніе: его назначили инспекторомъ Дворянскаго института въ Нижнемъ-Новгородѣ. Впрочемъ, здѣсь онъ прослужилъ недолго: 21-го ноября того же 1857 г. онъ былъ опредѣленъ и. д. адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности при Казанскомъ университетѣ.

Профессоромъ по этой каѳедрѣ былъ извѣстный Н. Н. Буличъ, однокурсникъ съ Варенцовымъ по выпуску изъ университета. При Буличѣ адъюнктомъ или помощникомъ по преподаванію состоялъ кандидатъ Павелъ Аполлоновичъ Ровинскій, впослѣдствіи много работавшій по этнографіи Черногорья. Ровинскій отчислился отъ университета 6-го октября 1856 г., и вакантная доцентура послѣ неудавшейся попытки замѣстить ее А. Н. Пыпинымъ была предоставлена Варенцову.

Это назначеніе, въ виду несомнѣнныхъ дарованій Варенцова, нельзя не признать удачнымъ. Къ сожалѣнію, служба его при университетѣ продолжалась весьма недолго, всего $2^1/_2$ года. За то она ознаменовалась въ наукѣ изданіемъ перваго его большаго труда: «Сборника русскихъ духовныхъ стиховъ», Спб. 1860 (298 стран. текста и 3 стр. оглавленія).

Трудъ Варенцова вполнѣ гармонировалъ съ настроеніемъ эпохи.

Изученіе народнаго творчества, собираніе и изданіе его памятниковъ было въ полномъ ходу. Достаточно сказать, что надъ разработкой народной поэзіи трудились такіе ученые, какъ Ѳ. И. Буслаевъ и А. Н. Аѳанасьевъ, а пѣсни записывали и собирали такіе мастера этого дѣла, какъ П. И. Якушкинъ.

Варенцовъ началъ собирать спеціально «духовныя» пѣсни. «Духовными стихами» онъ называетъ такіе, содержаніе которыхъ заимствовано изъ Св. Писанія, житій святыхъ, церковныхъ пѣснопѣній, а всего чаще изъ апокрифовъ и религіозныхъ преданій.

Къ изданію подобныхъ произведеній народнаго творчества цензура почему-то относилась всегда съ усугубленною бдительностью. Вышедшія за годъ передъ тѣмъ «Народныя русскія легенды», сборникъ А. Н. Аѳанасьева (и В. И. Даля), возбудили большое неудовольствіе. Несомнѣнно, что и варенцовскій сборникъ потерпѣлъ отъ цензуры (цензированъ онъ В. Бекетовымъ), — тѣмъ болѣе, что много стиховъ было записано со словъ бѣглопоповцевъ и даже сектантовъ, напр. духоборцевъ. Самъ Варенцовъ замѣчаетъ, что онъ не помѣстилъ нѣкоторыхъ стиховъ, напр., стиха о 12 пятницахъ. Изданіе сборника Варенцова принялъ на свой счетъ Д. Е. Кожанчиковъ, печатавшій тогда документы, любезные старообрядцамъ, въ родѣ «Стоглава», и прямо раскольничьи сочиненія, какъ «Сказаніе о хранительномъ былiи, мерзкомъ зелiи, еже есть табацѣ».

Стихи записаны частію самимъ издателемъ по живому преданію, частію извлечены имъ изъ рукописей, частью переданы ему другими. Коллекціонировалъ пѣсни Варенцовъ и у себя въ Казани, и въ Саратовѣ, и въ Нолинскѣ (Вятской губерніи). Для записыванія ему приходилось завязывать разнообразныя отношенія: въ Казани онъ писалъ со словъ нищихъ старцевъ особенно Кораблева, долгое время состоявшаго у слѣпцовъ «поводыремъ». Подходящіе стихи Варенцовъ почерпалъ изъ рукописей В. И. Григоровича, своего коллеги по факультету, изъ рукописи XVII в. въ библіотекѣ Казанскаго университета, изъ раскольничьихъ поморскихъ рукописей. Вкладчиками въ изданіе Варенцова были академикъ И. И. Срезневскій, передавшій ему рукописный сборникъ учителя Н. Отто, С. В. Максимовъ, доставившій стихи изъ Архангельской и Смоленской губерній, А. С. Павловъ, будущій извѣстный канонистъ, тогда еще скромный баккалавръ Казанской духовной академіи. Въ сборникъ вошли такъ же и бѣлорусскіе и малорусскіе стихи. Бѣлорусскіе стихи взяты изъ собранія пѣсенъ Кирѣевскаго, а малорусскіе— изъ диссертаціи Костомарова, сборниковъ Мордовцева, Метлинскаго, пинскихъ пѣсенъ Зенькевича. Издатель сравнивалъ, по возможности, содержаніе стиховъ и съ ихъ источниками, поскольку ихъ въ то время опредѣлили, и съ параллельными пѣснями другихъ народовъ, для чего

прибѣгалъ къ польскимъ пѣснямъ Жеготы Паули и лужицкимъ Гаупта и Смоляра.

За время службы при университетѣ В. Г. напечаталъ, кромѣ «Сборника», переводы сербскихъ пѣсенъ въ «Русской Бесѣдѣ» за 1857 г., замѣтку о рукописи XVII в., хранящейся въ библіотекѣ Казанскаго университета, — въ «Библіографическихъ Запискахъ» за 1859 г., а 24-го января 1860 г. прочелъ въ Казани публичную лекцію «Тредьяковскій и характеристика нашей общественной жизни въ первой половинѣ XVIII столѣтія», вошедшую въ «Московскія Вѣдомости» за 1860 г., №№ 36 и 37.

Въ 1859 г. Варенцовъ вступилъ въ Самарѣ во вторичный бракъ съ дочерью нѣмецкаго пастора. Вторая его жена, Берта Алексѣевна, пережила мужа и вдовою вторично вышла замужъ за г. Рихтера. Отъ этого втораго брака В. Г. имѣлъ единственнаго сына, Алексѣя Викторовича.

Отецъ, Викторъ Гавриловичъ, передалъ ему по наслѣдственности не только дарованія, но и слабое здоровье. Болѣзни и нѣкоторыя нравственныя потрясенія одолѣли Варенцова въ Казани, и уже зимою 1859 г. онъ заявилъ свое желаніе оставить ученую службу. 29-го марта 1860 г., въ пору полнаго расцвѣта силъ, всего на 35-мъ году жизни, В. Г. окончательно разстался съ университетомъ, бывъ назначенъ директоромъ училищъ Самарской губерніи. Въ Самарѣ Варенцовъ могъ пользоваться кумысомъ изъ тамошняго заведенія.

И въ Самарѣ, несмотря на недомоганіе и служебныя хлопоты, В. Г. Варенцовъ не оставилъ занятій фольклоромъ. Здѣсь ему удалось организовать большую коллективную работу надъ собираніемъ продуктовъ народнаго творчества. На этотъ разъ В. Г. задумалъ собрать мѣстныя пѣсни и придать сборнику локальный характеръ. Плоды этой работы вышли въ совѣтъ на средства Н. А. Серно-Соловьевича подъ заглавіемъ «Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края», Спб. 1862, VIII+267.

Пѣсни Самарскаго края представляли особый интересъ. Этотъ край былъ мѣстомъ, куда стекались пришельцы съ разныхъ сторонъ и концовъ Россіи, по крайней мѣрѣ изъ 20 губерній. Есть тутъ много инородцевъ: татары, башкиры, чуваши, мордва, вотяки, калмыки, цыгане, нѣмцы—колонисты. Есть и остатки польской шляхты и малороссы. Среди великороссовъ имѣются потомки курянъ, туляковъ, рязанцевъ, тамбовцевъ и т. п. Спасались въ Самару, какъ замѣчаетъ Варенцовъ, по различнымъ причинамъ: кто убѣжалъ сюда отъ звѣрства помѣщиковъ, или отъ религіозныхъ притѣсненій, кого загнала нужда на заработки, кто пришелъ промышлять разбоемъ. Пришельцы частію смѣшивались другъ съ другомъ, частію (какъ малороссы) ревниво охраняли свои

особенности, преимущественно, если были окружены инородцами. Благодаря такой чрезвычайной этнографической пестротѣ населенія, пѣсни этого края представляютъ большое разнообразіе.

В. Г. Варенцовъ организовалъ записываніе пѣсенъ съ помощью учениковъ Самарской гимназіи и особенно уѣзднаго училища; уѣздники, живя и вращаясь среди простаго народа, сами знали и пѣли ходячія пѣсни. Большую пользу начинаніямъ Варенцова принесъ учитель уѣзднаго училища Карлинъ; но хорошо помогали и ученики: такъ крестьянинъ Денисовъ, учившійся въ уѣздномъ училищѣ, доставилъ въ сборникъ весь отдѣлъ «свадебныхъ» пѣсенъ. Умѣнье Варенцова, пріобрѣтенное имъ при составленіи перваго сборника, пригодилось ему теперь какъ нельзя лучше. Вмѣстѣ съ тѣмъ изданіе Варенцова служитъ примѣромъ, чего можно достигнуть на поприщѣ фольклора съ самыми обыкновенными средствами, но при коллективной работѣ, поставленной разумно и цѣлесообразно.

Пѣсенный матеріалъ, собранный и переданный руководителю, сличался имъ съ текстами рукописныхъ и печатныхъ сборниковъ (Кирѣевскаго; Якушкина, Сахарова). Не упускались изъ виду и ученая литература, и журнальныя статьи, трактующія о народныхъ пѣсняхъ.

Всѣ пѣсни размѣщены у Варенцова по такой системѣ: прежде всего идутъ семейныя пѣсни, потомъ солдатскія, разбойничьи, къ которымъ присоединены лакейскія и фабричныя; сборникъ заканчивается шуточными и сатирическими пѣснями. Болѣе старыя пѣсни ставились вездѣ впереди, а матеріалъ въ каждой главѣ располагался такъ, чтобы по возможности получалась изъ пѣсенъ цѣлая картина какой-либо стороны народной жизни.

Нѣкоторыя замѣчанія Варенцова не лишены интереса. «Солдатскія пѣсни», полагаетъ онъ, заняли мѣсто прежнихъ «историческихъ»: въ старыхъ текстахъ «казакъ» подмѣнялся «солдатомъ». Но пѣсни солдатъ, возникшія уже въ XIX в., не могутъ быть названы народными, изъ числа собранныхъ самыя дикія и уродливыя не вошли въ сборникъ. Всего болѣе поэтическаго достоинства находитъ издатель въ разбойничьихъ пѣсняхъ. Зато пѣсни лакейскія, по мнѣнію Варенцова,—не пѣсни, а пародія на пѣсни: въ нихъ нѣтъ ни поэзіи, ни искренняго чувства; особаго отдѣла въ сборникѣ онѣ не составили, потому что странно было бы собирать и печатать эти уродливыя произведенія, въ которыхъ воспѣвается «лакейское донжуанство».

По своему времени варенцовскій сборникъ пѣсенъ Самарскаго края былъ задуманъ и выполненъ образцово. Стоитъ пожалѣть, что въ другихъ губерніяхъ не послѣдовали тогда же примѣру Варенцова. Теперь мы бы имѣли громадный, одновременною переписью фиксированный

матеріалъ, заключающій въ себѣ все наличное богатство русскихъ народныхъ пѣсенъ изъ разныхъ краевъ обширной Русской земли.

Въ Самарѣ здоровье Виктора Гавриловича отнюдь не поправилось, не смотря на кумысъ; каждый годъ лѣтнія каникулы онъ до осени проводилъ за границею и, получивъ нѣкоторое облегченіе, возвращался на зиму въ Самару. И эти свои заграничныя поѣздки В. Г. старался использовать, а именно въ цѣляхъ педагогики. Онъ присматривался къ заграничнымъ нововведеніямъ въ области воспитанія и образованія, и результаты своихъ наблюденій излагалъ въ статьяхъ. Въ это время въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1863 г., редакторомъ котораго состоялъ тогда извѣстный педагогъ К. Д. Ушинскій, появились статьи Варенцова: «О народномъ образованіи въ Швейцаріи» (т. 119), «О пріютахъ и школахъ для малолѣтнихъ и о дѣтскихъ садахъ Фр. Фребеля» (т. 119), «О народной грамотности въ Самарской губерніи» (т. 117).

Осенью 1863 г. В. Г. ради болѣе теплаго климата перешелъ на службу въ Одесскій учебный округъ на мѣсто директора Керченской гимназіи. Попечителемъ округа былъ его хорошій знакомый Арцимовичъ. При его поддержкѣ В. Г. сталъ повышаться по служебной лѣстницѣ. Въ 1864 г. его сдѣлали окружнымъ инспекторомъ, весною 1866 г. произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Но все это уже мало радовало его и не могло вернуть ему здоровья и душевнаго покоя. Онъ снова захворалъ и поѣхалъ лѣчиться за границу.

Какъ тяжело было его душевное настроеніе за послѣдніе годы жизни, видно изъ стихотворенія, которое мы сейчасъ приведемъ. Викторъ Гавриловичъ писалъ стихи, хотя не печаталъ ихъ. Съ братомъ своимъ, Васильемъ Гавриловичемъ, онъ переписывался не иначе, какъ стихами. Стихотвореніе Виктора Гавриловича, которое мы имѣемъ въ виду, есть

Сонетъ брату.

На память дней давно минувшихъ,
На память дѣтства чудныхъ лѣтъ,
На память лицъ, на вѣкъ уснувшихъ,
Я напишу тебѣ сонетъ.
Ты помнишь, мы дѣтьми играли...
Но это такъ давно... съ тѣхъ дней,
Какъ много счастья и печали
Видали мы въ судьбѣ своей.
И вотъ теперь, больной, усталый,
Стою одинъ я на глуши...
Пускай тебѣ бы небо дало
Покой и счастье впереди,
А мнѣ на долю бы послало
Скорѣй къ ночлегу добрести.

«Ночлега» В. Г. дождался скоро. Въ январѣ 1867 г. онъ вышелъ въ отставку, желая всецѣло посвятить себя дѣлу воспитанія своего единственнаго сына. Но было уже поздно: онъ расхворался, пролежалъ болѣе мѣсяца въ постели, и одесскіе медики послали его въ Сицилію, въ городъ Мессину. По прибытіи туда, В. Г. и скончался 1-го апрѣля 1867 г., всего на 43-мъ году жизни.

Журналъ «Дѣтскій садъ» (1867 г. № 78), издававшійся подъ редакціею г-жи А. Симоновичъ, посвятилъ В. Г. Варенцову некрологъ подъ заглавіемъ: «В. Г. Варенцовъ, извѣстный педагогъ, писатель и поборникъ дѣтскихъ садовъ въ Россіи».

Нельзя не пожалѣть, что разныя неблагопріятныя обстоятельства поставили Варенцова черезчуръ поздно и слишкомъ не надолго на служеніе наукѣ. Если бы онъ былъ оставленъ при университетѣ тотчасъ по окончаніи курса и продѣлалъ бы обычный профессорскій путь, какъ то удалось его товарищу Н. Н. Буличу, то, несомнѣнно, Варенцовъ сдѣлалъ бы для любимой имъ науки фольклора несравненно болѣе,— хотя оба его сборника по своему времени были тоже очень цѣнными трудами.

На прощанье съ личностью Виктора Гавриловича приведемъ еще одинъ образчикъ его сумрачной музы.

Передъ разлукой.

(посвящается М. В.)

Уныло качаются ивы
Склонившись надъ тихой рѣкой,
А вѣтеръ шумитъ привѣтливо,
И плещетъ о берегъ волной.

Надъ полемъ раскинулись тучи,
Осенняя ночь налегла.
А вѣтеръ играетъ летучій,
И гуще становится мгла.

Невольно былое проснется,
И душу тоска тяготитъ.
А вѣтеръ все дальше несется,
И что-то съ волной говоритъ:

То слышатся стоны разлуки,
То голосъ тревожной тоски—
И грустно разносятся звуки,
Далеко съ волнами рѣки.

Уныло такъ звуки тѣ льются
Въ печальное сердце ко мнѣ.
А волны несутся, несутся
И тонутъ въ синѣющей мглѣ.

Проф. **Е. А. Бобровъ.**

Записки адъютанта.

I.

Въ походѣ [1]).

Въ концѣ 1853 года я неожиданно долженъ былъ оставить дивизію: меня назначили старшимъ адъютантомъ въ штабъ Д...й (Дунайской) арміи.

Сборы армейскаго офицера не велики: весь багажъ помѣстился въ походномъ чемоданѣ, кисетъ съ табакомъ на пуговицу сюртука, трубка въ руки, денщикъ на козлы, и пошло грѣшное армейское тѣло гулять по казенной надобности, день и ночь, съ буерака на буеракъ.

Съ одной только вещью мы не знали тогда, какъ справиться,—съ каской. Въ чемоданъ нейдетъ, а положить въ телѣгу—того и гляди выбросить или поломаетъ. Долго бился я съ этимъ уборомъ, какъ бы приладить въ перекладной, и лишь благодаря Абраму Иванычу (денщикъ изъ крещеныхъ чувашъ Оренбургской губерніи), задача была рѣшена самымъ блистательнымъ образомъ. Въ одно прекрасное утро, каска блестѣла на головѣ денщика, и подслѣповатый Абрамъ Ивановичъ съ сіяющимъ лицомъ спрашивалъ меня:

— Карашо, ваше плагородіе?

— Хорошо,—отвѣчалъ я, едва удерживаясь отъ смѣха, и мы неслись въ даль, производя эффектъ на станціяхъ и въ деревняхъ.

---

[1]) Первая глава этихъ записокъ была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1873 г., № 4.

Послѣ двухъ-недѣльной тряски мы переѣхали границу и добрались наконецъ до города Б. (ухареста), гдѣ была расположена главная квартира арміи. Штабы тогда состояли изъ нѣсколькихъ частей, и въ каждой былъ свой начальникъ; поэтому, на другой же день по пріѣздѣ, облекшись въ форму, я пустился отыскивать домъ, въ которомъ помѣщалось наше отдѣленіе, мнѣ указали на большое двухъ-этажное, каменное зданіе, расположенное внутри чистаго, большаго двора.

Черезъ теплыя пустыя сѣни я взобрался по новой, только-что отстроенной лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ на площадкѣ передъ входомъ открылъ дремлющаго у окна казака.

— Здѣсь такой-то штабъ?

— Точно такъ, ваше благородіе.

— А гдѣ живетъ генералъ Бутуровъ?

— Здѣсь, на лѣвой сторонѣ, а направо канцелярія.

Я очутился въ большомъ залѣ, щеголевато убранномъ зеркалами, драпри и мягкой мебелью. Изъ зала вели двѣ двери: одна налѣво— затворенная, другая противъ первой открытая; черезъ эту послѣднюю видны были въ сосѣдней комнатѣ письменные столы, заваленные кипами бумагъ, дѣлъ и другихъ принадлежностей канцеляріи.

Около получаса стоялъ я въ залѣ, сосчиталъ всѣ бывшіе въ немъ кресла и стулья, покуда дверь налѣво пріотворилась, и въ щелкѣ блеснулъ чей-то глазъ.

Я пріостановился, подтянулъ мундиръ и приготовился явиться, но ожиданія были напрасны; изъ двери, по-прежнему, никто не показывался. Прошло еще съ полчаса, когда появилась въ залѣ опрятно одѣтая фигура въ статскомъ платьѣ и довольно грубо спросила:

— Вамъ что надо?

— Пришелъ явиться къ...

— Ваша фамилія?

— Штабсъ-капитанъ такой-то.

Фигура изчезла, и я опять остался въ ожиданіи, но къ счастію не надолго; минутъ черезъ пять, она снова явилась и, отворивъ дверь налѣво, произнесла не безъ достоинства: «пожалуйте».

Взявъ по формѣ каску и слегка дотрогиваясь носкомъ, я замаршировалъ въ сосѣднюю комнату, но едва переступилъ порогъ, какъ чуть было не столкнулся носъ къ носу съ какимъ-то высокимъ сухощавымъ господиномъ, въ черной суконной курткѣ съ выставленными изъ подъ нея бѣлыми воротничками и въ пестрыхъ триковыхъ панталонахъ. Комната, въ которую я вошелъ, была не велика, по срединѣ стояло два стола: одинъ письменный, а другой ломберный, заваленные планами и картами; прямо противъ меня, черезъ открытую дверь, виднѣлись по-

ходная кровать и столъ съ зеркаломъ и съ разнообразными косметическими принадлежностями.

Остановясь во-время, я началъ громко.

— Честь имѣю представиться вашему превосходительству. Штабсъ-капитанъ такой-то, назначенъ...

— Знаю, знаю,—прервалъ меня господинъ.—Вы назначены къ намъ старшимъ адъютантомъ, очень радъ познакомиться. И при этомъ благосклонно протянулъ мнѣ два пальца правой руки, которые я почтительно принялъ въ свою широкую ладонь.

Отъ волненія-ли при встрѣчѣ съ новымъ начальникомъ, или отъ долгаго ожиданія въ тѣсномъ мундирѣ, но я чувствовалъ небольшую испарину, а потому, когда мнѣ пришлось охватить руку генерала влажной ладонью, онъ нѣсколько поморщился и, взявъ со стола тончайшій батистовый платокъ, началъ съ особой щепетильностью вытирать свои пальцы. Я немного смутился отъ такой безцеремонности, но генералъ, не замѣчая этого и продолжая вытирать руку, спросилъ:

— Вы гдѣ прежде служили?

— Я былъ адъютантомъ въ такой-то дивизіи.

— И прекрасно... значитъ, письменная часть вамъ знакома, очень радъ, и потомъ, сунувъ платокъ въ карманъ, прибавилъ съ нѣкоторою важностію:—я васъ прошу явиться къ дежурному штабъ-офицеру, полковнику Саксу, а, потомъ и за работу. Время военное, дѣла много, я и всѣ ваши новые товарищи просиживаемъ нерѣдко цѣлыя ночи... Что дѣлать! для службы нужно жертвовать всѣмъ... Нѣсколько времени еще побудетъ здѣсь предмѣстникъ вашъ, подполковникъ Борчинскій, а покуда познакомьтесь съ перепиской, поучитесь, какъ вести дѣла. Я люблю, чтобы у меня работали живо и отчетливо; высшими соображеніями, конечно, я занимаюсь самъ, но желаю, чтобы и старшіе адъютанты пріучались къ серьезному дѣлу. Мирныя привычки теперь бросьте: обѣдайте, гуляйте, спите, когда будете свободны, я самъ веду довольно безпорядочную жизнь, но что дѣлать: à la guerre comme à la guerre!—добавилъ онъ, перегнувшись какъ-то на правый бокъ и раскланиваясь со мною.

Я почтительно поклонился, отдалъ въ дверяхъ еще поклонъ и вышелъ въ залъ.

— Послушайте!—раздался за мной веселый голосъ генерала, проходившаго въ канцелярію,—если вы любите хорошенькихъ, здѣсь ихъ много... этимъ тоже не мѣшаетъ заняться между дѣломъ... рекомендую

Я смѣшался отъ такой новой для меня шутки начальства, поклонился еще разъ и поспѣшилъ скрыться. Отъ генерала я поѣхалъ къ дежурному штабъ-офицеру, а потомъ къ новымъ моимъ сослуживцамъ, старшимъ адъютантамъ.

Устроившись на квартирѣ, я на третій день послѣ представленія началъ ежедневныя путешествія въ штабъ. Адъютанты обыкновенно собирались къ 10 часамъ утра и сидѣли до 3—4 часовъ, вечеромъ же засѣданія начинались часовъ въ 7 и оканчивались въ 11, а при экстренной работѣ—въ часъ и два ночи.

Мои занятія на первое время ограничились знакомствомъ съ перепиской и характеромъ предмѣстника моего, подполковника Борчинскаго—лысаго, нѣсколько сгорбленнаго господина съ гемороидальнымъ румянцемъ. Антонъ Игнатьевичъ—такъ звали Борчинскаго—занимался рядомъ съ залой; въ слѣдующей за тѣмъ комнатѣ помѣщались два другихъ старшихъ адъютанта, а еще далѣе шли комнаты писарей, журналиста и архивъ. Четвертое отдѣленіе штаба занимало квартиру въ особомъ домѣ.

Антонъ Игнатьевичъ, при болѣе короткомъ знакомствѣ, оказался человѣкомъ самаго тихаго и робкаго характера. Не только передъ генераломъ, но даже передъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ онъ былъ безгласенъ, поставляя себѣ долгомъ безотчетно исполнять всѣ ихъ приказанія. При немъ нельзя было сказать рѣзкаго слова о начальствѣ. Онъ сейчасъ начиналъ возражать или затыкалъ пальцами уши, открывая ихъ только по временамъ, какъ клапаны, чтобы узнать, прекратился-ли возмутительный для него разговоръ. Борчинскій былъ католикъ, но скрывалъ это и, не смотря на польскую фамилію, увѣрялъ всѣхъ, что онъ малороссъ. Писарей Борчинскій распекалъ не иначе, какъ въ полголоса и въ крайнихъ случаяхъ, грызя у одной руки ногти,—любимая его привычка,—другою давалъ провинившемуся легкій щелчекъ въ лобъ среднимъ и большимъ пальцами. Но эти щелчки были такъ комичны, что всегда сопровождались взрывомъ смѣха со стороны офицеровъ и удушливымъ сипѣньемъ писарей, закрывавшихъ изъ приличія ротъ рукою или бумагою.

Прошло уже съ недѣлю послѣ перваго моего визита въ штабъ, когда я рѣшился приступить къ пріему должности.

Въ назначенный день, слѣдующія къ сдачѣ дѣла въ новыхъ оберткахъ лежали на столѣ красивыми столбиками, въ родѣ того, какъ кладутся для просушки кирпичи; между дѣлъ были воткнуты два рапорта, мой и Борчинскаго, о пріемѣ и сдачѣ отдѣленія, а сверху ихъ красовалась сдаточная вѣдомость, написанная на щегольской голландской бумагѣ, сшитая форменнымъ шнуркомъ изъ желтаго и чернаго шелку. Карандаши, резина, перочинный ножикъ, куча очиненныхъ перьевъ—принадлежности адъютантскаго стола—лежали рядкомъ вокругъ чернильницы накладнаго серебра. Все показывало, что наружный порядокъ игралъ не послѣднюю роль въ служебныхъ привычкахъ Антона Игнатьевича.

— Вотъ вы теперь потрудитесь,—началъ мягкимъ голосомъ Борчинскій,—принять отъ меня по описи дѣла, а потомъ, какъ подадимъ рапорты, вы и вступите съ сегодняшняго числа въ должность, я же, по приказанію генерала, останусь здѣсь еще на нѣкоторое время и буду помогать вамъ.

— Кажется, въ моемъ отдѣленіи большая переписка?

— Нельзя этого сказать, больше все мелочь, отписки въ разныя мѣста, справки, одни только доклады отнимаютъ много времени, генералъ у насъ не то, что другіе, большой знатокъ русскаго языка и требуетъ того же отъ адъютантовъ.

— Развѣ доклады пишутся, и много ихъ?

— Помилуйте, да какъ же можно безъ докладовъ? Какимъ же образомъ испросить приказаніе главнокомандующаго или начальника Главнаго штаба?—отвѣтилъ Борчинскій, и на лицѣ его показалась легкая усмѣшка.

— Разумѣется, дѣла денежныя, провіантскія и вообще такія, гдѣ представляются большія соображенія, должны излагаться письменно, но нельзя же обо всемъ писать! Время военное—тутъ каждая минута дорога; наконецъ, къ чему же служатъ личные, словесные доклады?

— Такой порядокъ заведенъ изстари, а словесные доклады сами собой, мало-ли что еще требуется!

— Да вѣдь это потеря времени и труда; справедливо говорятъ, что мы не воюемъ, а пишемъ.

Борчинскій пристально посмотрѣлъ на меня, и усмѣшка на лицѣ его замѣнилась выраженіемъ какого-то сожалѣнія; вѣроятно, онъ внутренно смѣялся надъ моею неопытностію.

— Повѣрьте на слово,—началъ онъ послѣ небольшаго раздумья,—съ большими особами нельзя безъ письменныхъ докладовъ: неловко, невѣжливо. А чтобы вы уразумѣли, въ чемъ тутъ дѣло, вотъ вамъ образчикъ!

Сказавъ это, онъ подалъ мнѣ исписанный бланкъ, на полѣ котораго стояло крупно напечатанное слово «докладъ». Я со вниманіемъ прочелъ бумагу. Въ началѣ былъ изложенъ вопросъ, послужившій поводомъ къ докладу, затѣмъ выписаны законы, потомъ соображеніе штаба и какъ полагалось бы поступить, а въ концѣ стояла фраза: «почтительнѣйше испрашивается посему приказаніе вашего сіятельства».

— Что-съ! увѣрились теперь, что докладъ необходимъ?

— Нѣтъ, воля ваша, Антонъ Игнатьевичъ, не увѣрился нисколько! по-моему, очень легко можно бы обойтись безъ такихъ докладовъ и, во всякомъ случаѣ, безъ послѣдней фразы, которая составляетъ только лишній трудъ и...

Но Борчинскій уже не слушалъ; онъ отошелъ въ сторону, разводя

руками, и видимо готовился заткнуть уши. Дѣлать было нечего, надо было перейти къ другому разговору.

— Такъ вы говорите, Антонъ Игнатьевичъ, что генералъ знатокъ русскаго языка?

— Да-съ, на этотъ счетъ вамъ скажу, что бумаги собственнаго его сочиненія читаешь съ истиннымъ наслажденіемъ. Правильность, ловкость оборотовъ,—все тутъ найдете; ерика одного не пропуститъ; а гдѣ коснется высшихъ военныхъ соображеній, просто всѣ ему удивляются.

— Неужели въ военное время нужна такая щепетительность въ бумагѣ? Мнѣ кажется, была бы она изложена ясно, а ерики и пропустить можно.

— Ну-съ, съ этимъ я не согласенъ! Позволь нашимъ писаришкамъ пропускать ерики, они дойдутъ до того, что перестанутъ и бумагу обрѣзывать по формату.

— Что же, при спѣшной работѣ можно и въ министерство послать необрѣзанную бумагу: время военное—извинятъ.

— Къ министру-то бумагу не по формату! да что вы говорите, сохрани васъ Богъ! Нѣтъ, вы, пожалуйста, этого не дѣлайте!—умоляющимъ голосомъ просилъ Борчинскій, какъ будто я собирался сейчасъ же исполнить свое предположеніе.

— Ну, не спорю, Антонъ Игнатьевичъ, писать грамматически слѣдуетъ и должно, но нельзя же изъ-за какого-нибудь ерика заставить бѣдныхъ людей писать день и ночь: имъ надо отдохнуть, подумать немножко.

— Думать!—подхватилъ Борчинскій,—но, по крайней мѣрѣ, ужъ не надъ бумагой! иначе, бѣги вонъ изъ штаба. Вотъ, во второмъ отдѣленіи есть у насъ писарь, Степановъ, изъ семинаристовъ, такъ тотъ мастеръ думать. Только пустое дѣло выходитъ. То, вмѣсто «почтительнѣйше», «почтеннѣйше» напишетъ, то поставитъ запятую или точку въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ не полагается, а про иностранныя слова и не говори. На-днях, переписывалъ онъ бумагу отъ главнокомандующаго къ графу А. и написалъ: «Я не вижу достаточныхъ причинъ, почему ваше сіятельство предполагаете д е б о ш и р о в а т ь съ ввѣренными вамъ войсками въ такомъ-то пунктѣ»... Понимаете! это вмѣсто д е б у ш и р о в и т ь! А онъ вотъ и думаетъ, пожалуй!

Мы прошли нѣсколько комнатъ; передъ входомъ въ писарскія, Борчинскій остановился. Черезъ открытыя двери виднѣлось человѣкъ десять писарей, сидѣвшихъ за бумагами въ разныхъ позахъ.

— Въ вашемъ отдѣленіи,—началъ вполголоса Борчинскій,—всѣхъ писарей семь; въ числѣ ихъ два мальчика кантонисты, которые занимаются только перебѣлкой и подшивкой бумагъ. Писаря у насъ при-

командированные: кто изъ военнаго министерства, кто изъ полковъ и изъ другихъ мѣстъ, словомъ, набраны отовсюду, и, конечно, не изъ лучшихъ. Вотъ этотъ, что сидитъ съ краю у окна, подслѣповатый, маленькій, это Соколовъ; онъ изъ провіантскаго департамента; пишетъ правильнѣе другихъ и красиво; онъ же первый искусникъ на всѣ эдакія подскобки, затирки ногтемъ, сандаракомъ, хлѣбомъ, а заклеиваетъ проскобленныя мѣста такъ, что и въ очки не разсмотришь. Но зато, долженъ вамъ сказать откровенно, другаго такого мошенника въ цѣломъ штабѣ не отыщете. Читаетъ романы, на гитарѣ играетъ, пѣніемъ занимается, на ихнихъ, знаете, вечерахъ первый кавалеръ; съ платочкомъ пройтись, «конченъ, конченъ дальній путь», «крылья перелетныя»—все пропѣть можетъ. За нимъ глазъ да и глазъ надо: до дамскаго общества очень ужъ охотникъ. Кромѣ того, въ провіантскомъ вѣдомствѣ что-ли, привыкъ онъ секретцы изъ канцеляріи передавать за двугривенный, а за полтинникъ такъ разскажетъ что угодно. Рядомъ съ Соколовымъ—вонъ худощавый съ длиннымъ лицомъ это Цвѣтухинъ; онъ изъ армейскихъ, пишетъ такъ себѣ, по-старинному, сидитъ больше за вѣдомостями и за цифрами, мастеръ на счетахъ выкладывать. Всѣмъ бы хорошъ, да выпивку любитъ. А вотъ-съ эта рябая, толстая рожа, что наклонилась къ Цвѣтухину, этотъ инспекторскимъ департаментомъ намъ поднесенъ. Сокровище не послѣднее. Онъ, видите, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, да рожденъ-то въ нижнемъ званіи, фамилія его Соколовъ 1-й, возъ-ли нужно сдвинуть, столъ перевернуть, разрушить что-нибудь такое, все сдѣлаетъ! Пишетъ красиво, но зато такъ вретъ, такъ вретъ, мѣры нѣтъ. Сидѣть въ канцеляріи не любитъ, то и дѣло внизъ бѣгаетъ. Главное же, на счетъ чего, долженъ васъ предупредить, не подходите къ нему близко, передавайте бумаги черезъ столъ, а то поразитъ, совсѣмъ поразитъ, и не то чтобы отъ ногъ, а такъ отъ всей натуры его пахнетъ. Теперь подвинемтесь вправо. Видите тутъ въ углу, за особымъ столикомъ работаетъ маленькій, черноватый писарь—Кисловымъ прозывается, тоже изъ армейскихъ, пишетъ некрасиво, но зато, если нужно спѣшную бумагу приготовить, поручайте прямо ему: мигомъ настрочитъ и безъ ошибокъ. Самъ генералъ его знаетъ, и чуть случится что-нибудь экстренное, сейчасъ за Кисловымъ. Наклонностей онъ хорошихъ, конечно, хмѣльное употребляетъ, но въ мѣру и то по праздникамъ. Правѣе Кислова, за особымъ же столомъ, занимается трехъаршинный дѣтина; это вашъ старшій писарь Назаровъ, изъ малороссовъ. Я его назначилъ на это мѣсто не столько по способностямъ, сколько за силу, чтобы, знаете, была острастка писарямъ. Человѣкъ степенный, женатый, пишетъ чуть не вершковыми буквами и все больше для высшаго начальства, которое, между нами сказать, на глаза-то слабо, такъ мелкаго письма и не разбираетъ. Генералъ постоянно поручаетъ На-

зарову переписывать секретныя бумаги, потому глупъ очень, ничего въ толкъ не возьметъ. Вотъ вамъ и все отдѣленіе,—заключилъ Борчинскій,—можете теперь распоряжаться, какъ знаете.

На другой день, мы представили генералу рапортъ, и я вступилъ оффиціально въ должность.

Еще наканунѣ мнѣ показалось, что число дѣлъ, лежавшихъ на моемъ столѣ, было далеко меньше противъ означеннаго въ вѣдомостяхъ. На замѣчаніе мое по этому предмету, Антонъ Игнатьевичъ отвѣчалъ: «Справедливо, на столѣ были положены только дѣла, состоящія на производствѣ, а о прочихъ не угодно-ли справиться вонъ тамъ». Онъ указалъ на маленькую дверь. За дверью находилась свѣтлая, большая комната, углы которой были завалены кипами пыльныхъ, истерзанныхъ бумагъ.

— Это архивъ,—объяснилъ вошедшій за мною Назаровъ.

— Неужели тутъ все дѣла нашего отдѣленія?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, только вотъ это наши,—отвѣчалъ Назаровъ, указывая на первый уголъ съ правой стороны отъ двери,—а тамъ углы другихъ отдѣленій.

Я велѣлъ перебрать свой хламъ. Пыль поднялась страшная, не подшитыя бумаги полетѣли во всѣ стороны, а появившійся было на порогѣ Борчинскій, чихнувъ безостановочно нѣсколько разъ, поспѣшилъ скрыться.

— Какъ это ты не позаботился привести дѣла въ порядокъ?—обратился я къ Назарову.

— Не можно, ваше благородіе, шкаповъ нѣту, людей тоже мало; для подборки всего два кантониста.

— Отчего же дѣла, которыя лежатъ у полковника на столѣ, успѣли подобрать и переплести?

— Да и тамъ, какъ въ середку-то заглянуть,—отвѣчалъ, ухмыляясь, Назаровъ,—то же самое, только полковникъ для церемоніи велѣлъ оберточки сдѣлать.

Я махнулъ рукой и вышелъ изъ архива.

Кромѣ меня, въ томъ же домѣ занимались еще два адъютанта и дежурный штабъ-офицеръ; послѣдній постоянно сидѣлъ въ генеральскомъ кабинетѣ.

Одинъ изъ моихъ товарищей, капитанъ Никифоровъ, принадлежалъ къ числу людей весьма сосредоточеннаго характера, говорилъ мало, рѣдко улыбался и всегда находился въ какомъ-то раздумьи, хладнокровіе его выводило насъ изъ терпѣнія; на замѣчанія генерала онъ не обращалъ вниманія и къ дѣлу относился совершенно безстрастно.

Другой адъютантъ, ротмистръ Гольцъ, былъ нѣмецъ только по фамиліи, вѣрою же и душою чисто русскій. Онъ совсѣмъ не зналъ нѣмец-

каго языка и терпѣть не могъ соплеменниковъ. Высокій, худой, со впалой грудью, раздражительнаго характера, Гольцъ былъ врагъ неправды; онъ осуждалъ ее рѣзко и публично, особенно въ отношеніи начальствующихъ лицъ. Высшія власти къ нему не благоволили, ближайшее начальство терпѣло изъ необходимости, какъ дѣльнаго и свѣдущаго офицера, а отчасти изъ желанія показать, что оно не обращаетъ вниманія на желчныя выходки какого-то ротмистра; нѣмцы же смотрѣли на него, какъ на отступника, и вредили на каждомъ шагу.

Дежурный штабъ-офицеръ, полковникъ Карлъ Ивановичъ Саксъ, происходилъ изъ древней лифляндской фамиліи. Это былъ маленькаго роста полный мужчина съ короткой шеей и краснымъ лицомъ; рыжіе волосы и усы его торчали, какъ щетина, и всегда были подстрижены по-солдатски. Саксъ всю службу провелъ за письменнымъ столомъ и прошелъ всѣ штабныя должности, такъ что любопытные, вѣроятно, и теперь найдутъ въ штабѣ старый стулъ съ протертой кожанной обшивкой, на которомъ 20 лѣтъ просидѣлъ Карлъ Ивановичъ. Саксъ былъ нѣмецъ и въ душѣ и по наружности; онъ постоянно курилъ самыя вонючія рижскія сигары, пилъ цикорій и когда приходилось ему ѣсть на свой счетъ, то позволялъ себѣ это удовольствіе только разъ въ день. Бѣдный казакъ его, обязанный безотлучно находиться на квартирѣ полковника, едва не умиралъ съ голоду; въ казарму Саксъ его не отпускалъ и самъ не кормилъ.

Саксъ постоянно ходилъ въ старомъ, засаленномъ сюртукѣ и узенькихъ панталонахъ безъ штрипокъ; панталоны были такъ коротки, что подымались на четверть и едва прикрывали края голенищъ. Любимый звукъ, который издавалъ Карлъ Ивановичъ, былъ: «гмъ»; любимый жестъ— подергивать кончики подстриженныхъ усовъ, или сжимать большимъ и указательнымъ пальцами ноздри. Вѣроятно, въ молодости, когда онъ велъ еще любовную перестрѣлку глазами, Саксъ привыкъ ихъ томно закрывать; привычку эту сохранилъ онъ и впослѣдствіи, и когда начиналъ говорить, то на лицѣ его мгновенно появлялась какая-то особая нѣжность, а глаза уходили куда-то вверхъ. Передъ кампаніей, Саксъ женился и при томъ по любви, а потому не было ни одного курьера или проѣзжающаго, съ которымъ онъ не отправилъ бы огромнаго посланія къ супругѣ.

Прошло двѣ недѣли мирныхъ занятій въ штабѣ, и я началъ сомнѣваться въ справедливости разсказовъ моихъ товарищей о взбалмошномъ характерѣ нашего генерала. Но вдругъ, за затишьемъ, послѣдовала буря.

Помню, мы собрались въ штабъ около 10 часовъ утра; вслѣдъ за нами явился Саксъ и по обыкновенію молча прошелъ въ генеральскій кабинетъ. Прошло нѣсколько часовъ, когда въ залѣ показался ордина-

нарецъ главнокомандующаго съ запиской къ генералу; записки эти присылали такъ часто, что на ординарца никто не обратилъ вниманія, какъ вдругъ въ залъ выглянула встревоженная физіономія генерала и раздался кличъ: «журналиста!» Приказаніе исполнено быстро, но такъ же быстро журналистъ уже летѣлъ обратно, блѣдный, испуганный.

— Гдѣ отзывъ военнаго министра № 303?—торопливо спрашивалъ онъ у каждаго писаря, перерывая лежавшія на столахъ бумаги.—Говорятъ: гдѣ № 303?—повторилъ онъ, дико поводя глазами, и потомъ вдругъ обратился къ остроголовому съ глуповатымъ лицомъ кантонисту.

— Это ты, Башмаковъ! ты прячешь чортъ знаетъ куда бумаги! Подай сейчасъ!

— Ничего я не пряталъ,—рѣзко отвѣтилъ Башмаковъ, лоща ногтемъ какую-то подскобку.

Журналистъ осовѣлъ, развелъ руками и бросился къ адъютантамъ.

— Господа! ради Бога, бумагу военнаго министра № 303-й о мостахъ—у кого она? дайте поскорѣе. Главнокомандующій требуетъ немедленно.

— Полно вамъ суетиться,—сказалъ Никифоровъ:—поищите въ секретномъ ящикѣ у генерала; онъ вчера читалъ эту бумагу.

— Ахъ, Господи! да нѣтъ ея у генерала. Капитанъ! отзывъ этотъ по вашей части, посмотрите, пожалуйста!—жалобно просилъ чиновникъ.

Въ дверяхъ показался Саксъ и важно приказалъ подать сейчасъ же № 303-й.

— Да гдѣ же его взять?—крикнулъ журналистъ и съ какимъ-то отчаяніемъ бросился къ кабинету, вѣроятно, съ докладомъ, что бумага не сыскалась.

— Вонъ изъ штаба! вонъ!—раздался вдругъ бѣшеный голосъ генерала: бумагу сейчасъ, или запрячу туда! И за тѣмъ полился цѣлый потокъ всевозможныхъ дерзостей и ругательствъ.

Сцена этимъ не кончилась, явился отъ главнокомандующаго новый ординарецъ съ приказаніемъ прибыть немедленно и привезти бумагу военнаго министра.

— Теперь моя очередь пришла!—сказалъ съ усмѣшкою Никифоровъ. И дѣйствительно, не прошло и минуты, какъ выбѣжалъ генералъ въ какомъ-то сѣренькомъ пиджакѣ съ голубымъ платочкомъ на шеѣ.

— Нѣтъ, господа!—началъ онъ задыхающимся голосомъ и выдѣлывая руками и головой какія-то непонятныя штуки:—нѣтъ, такъ служить нельзя! Я не могу работать за всѣхъ! Самъ главнокомандующій сидитъ дни и ночи... Я доложу ему, сегодня же, что у меня нѣтъ помощниковъ...—что я одинъ, рѣшительно одинъ. Капитанъ! гдѣ бумага?—произнесъ онъ какимъ-то писклявымъ бабьимъ голосомъ, быстро обратясь къ Никифорову: это по вашей части, я васъ спрашиваю, гдѣ бумага?

— У меня нѣтъ бумаги,—отвѣчалъ Никифоровъ.—Ваше превосходительство взяли ее, вѣроятно, она у васъ въ секретномъ ящикѣ.

— Полковникъ! закричалъ бѣшено Бутуровъ, обращаясь къ Саксу: сдѣлайте одолженіе—объясните этому господину, что я при васъ пересмотрѣлъ свой ящикъ, и тамъ нѣтъ бумаги. Лицо генерала сморщилось, точно онъ откусилъ чего-нибудь кислаго, и затѣмъ онъ продолжалъ саркастически:—Вотъ мои помощники, старшіе адъютанты! хороши! очень хороши! И потомъ, вспомнивъ, что его ждетъ главнокомандующій, кинулся въ кабинетъ, крича въ страшномъ азартѣ:—На гауптвахту капитана Никифорова! подъ арестъ! передрать писарей, всѣхъ передрать!..

Никифоровъ совершенно равнодушно выслушалъ весь этотъ крикъ и не торопясь пошелъ въ кабинетъ. Что тамъ было, мы не слыхали, но черезъ четверть часа генералъ съ торжествующимъ лицомъ везъ главнокомандующему злосчастную бумагу.

Признаюсь, сцена эта очень меня поразила, что̀ не укрылось отъ Гольца.

— Пожалуйста,—сказалъ онъ,—не удивляйтесь тому, что̀ вы видѣли и слышали. Подобныя исторіи у насъ не рѣдкость. Генералъ плохо знаетъ дѣло и пуще огня боится главнокомандующаго, а особенно начальника Главнаго штаба. Послужите у насъ, такъ наслушаетесь всего, и если дойдетъ очередь до васъ, то совѣтую быть какъ можно хладнокровнѣе.

— Но скажите, какимъ же образомъ генералъ до сихъ поръ держится на мѣстѣ?

— Держится такъ, какъ и многіе изъ сидящихъ не на своемъ мѣстѣ. Во-первыхъ, къ нему привыкли, и потому смотрятъ на его недостатки сквозь пальцы; во-вторыхъ, его можно безнаказанно третировать, что̀ не всякій позволитъ; въ-третьихъ, Бутуровъ милый человѣкъ въ обществѣ: онъ много путешествовалъ, знаетъ кучу анекдотовъ, богатъ, и внѣ службы одинъ изъ самыхъ веселыхъ собесѣдниковъ; въ-четвертыхъ, связи порядочныя имѣетъ и... но въ это время Гольца перервалъ Борчинскій, робко выглянувшій изъ писарской комнаты.

— Что... кончилось все... уѣхалъ?—произнесъ онъ едва слышнымъ голосомъ.

— Успокойтесь, можно смѣло выйти изъ засады,—отвѣчалъ Гольцъ и потомъ, обратясь ко мнѣ, добавилъ:—Вотъ онъ всегда такъ. Какъ только начнется здѣсь шумъ—сейчасъ въ архивъ, и сидитъ тамъ; нервами, знаете, слабъ, начальническаго крику не выноситъ.

Черезъ полчаса пріѣхалъ генералъ; онъ былъ покоенъ и веселъ. Мы посидѣли еще нѣкоторое время, въ кабинетѣ было тихо, одинъ Саксъ вынырнулъ оттуда и, схвативъ свою засаленную фуражку, скрылся изъ штаба.

— Присутствіе кончено,—сказалъ Гольцъ:—спѣшной работы не будетъ, пора подумать и о желудкѣ. Вы гдѣ обѣдаете?

— Да гдѣ Богъ пошлетъ.

— Ну, такъ пойдемте со мной въ «Европейскую гостиницу», тамъ всегда хорошій столъ, старое вино и веселая компанія.

Гостиница находилась на главной улицѣ города и занимала бельэтажъ большаго каменнаго дома. Посѣтители собрались въ длинной съ хорами залѣ, установленной вдоль стѣнъ маленькими столиками; къ залѣ, съ каждаго конца, примыкали по двѣ небольшихъ комнаты для желающихъ обѣдать особнякомъ. Когда мы вошли, народу было еще не много. Въ срединѣ залы, за сдвинутыми столами, засѣдала компанія уланъ изъ пяти или шести безъусыхъ корнетовъ и поручиковъ подъ предсѣдательствомъ стараго ротмистра съ огромными сѣдыми баками и такими же усами, котораго молодежь называла дядей и говорила ему «ты».

Уланы, судя по переходившей изъ рукъ въ руки карточкѣ, только начинали обѣдать; съ ихъ стола слышались различныя требованія: кто просилъ водки, кто супу, а другіе прямо начинали съ мороженаго.

Всѣ эти голоса покрывались довольно сиплымъ басомъ «дяди», немилосердно стучавшаго ножемъ въ тарелку съ крикомъ: «а мнѣ щей! понимаешь: русскихъ щей!»

Невалекѣ отъ уланъ, за однимъ столомъ обѣдали фельдъегерскій офицеръ и провіантскій чиновникъ, порядочно выпившіе. Фельдъегерь съ жаромъ что-то разсказывалъ, а чиновникъ ежеминутно постукивалъ шпорами, какъ бы давая знать, что и у него есть это украшеніе.

Рядомъ со столомъ фельдъегеря, занималъ постъ мой старый знакомецъ, лысый капитанъ, а вдали отъ всѣхъ пристроились по особымъ уголкамъ: аудиторъ и жандармскій офицеръ.

Аудиторъ сидѣлъ, понуривъ голову, точно боясь взглянуть на общество; напротивъ, жандармъ строго поводилъ глазами по залѣ, и при малѣйшемъ шумѣ физіономія его какъ будто говорила: прошу не забываться, а не то...

Между столами вилялъ во всѣ стороны молодой топографскій офицеръ съ эксельбантомъ, одинъ конецъ котораго былъ развѣшанъ во всю ширину груди, точно для просушки, а другой, застегнутый на вторую снизу пуговицу, висѣлъ чуть не до колѣна. Мы усѣлись около капитана въ ту минуту, когда ему поднесли большую рюмку водки; онъ выпилъ съ удовольствіемъ, крякнулъ два раза чуть не на весь залъ и понюхалъ корочку хлѣба.

— Вы какими судьбами здѣсь?—спросилъ я капитана.

— Да вотъ-съ изъ деревни верстъ за 40 пріѣхалъ—пообносился, да и на счетъ желудка... полакомиться захотѣлось.

— А какова служба теперь?

— Слава Богу, полегче, занимательность есть.

— Какъ легче! мнѣ кажется напротивъ, переходы, биваки, дождь, пыль; дома чище и покойнѣе.

— Для васъ, для штабныхъ,—можетъ быть; а намъ это не совсѣмъ хорошо. Другой разъ какъ просидишь на мѣстѣ мѣсяца три, четыре въ захолустьи, такъ и тяжело. Ну, а здѣсь все-таки увѣренъ, что бродишь не даромъ. Наконецъ, и разсчетъ-съ: полугодовое получили на подъемъ, содержаніе даютъ заграничное, форма сберегается-съ. И солдатикамъ-то не въ примѣръ вольготнѣе, даромъ что переходы верстъ въ сорокъ отмахиваютъ. Мясную порцію получаютъ чуть не каждый день, водочку три раза въ недѣлю пьютъ, ученій почти никакихъ, а еслибъ Богъ далъ амуницію поудобнѣе, такъ и горевать бы не о чемъ.

— А тоска по родинѣ, по семьѣ?

— Что жь, вѣдь вѣкъ дома не проживешь. И въ Россіи приходится иной разъ стоять за тридевять земель отъ своихъ, да терпишь. За то здѣсь начальство ласковѣе, вотъ хоть бы Иванъ Мартынычъ нашъ... не командиръ, а звѣрь, а и тотъ сталъ потише. Богу молится, а обходится иной разъ такъ, что даже совѣстно: всѣ же таки начальникъ!

— Какъ совѣстно?.. что же онъ дѣлаетъ?

— Такъ, совѣстно-съ... очень уже онъ нашего брата сталъ приближать къ себѣ. Вотъ недѣли три назадъ, стояли мы около К. Насъ два дня сряду таскали на позицію, для примѣру-съ; я съ своей ротой въ цѣпь былъ назначенъ; лѣсочекъ тамъ, знаете, на правомъ флангѣ занималъ. Что же бы вы думали? Вѣдь самъ ко мнѣ пріѣхалъ и не то, чтобы на мѣстность взглянуть, нѣтъ, а какъ прибылъ, такъ и закричалъ: «попросить говорить, слышите, попросить ко мнѣ капитана Забудку»—и фамилію мою вспомнилъ! Нечего дѣлать, скрѣпя сердце иду, а самъ думаю: вѣрно подлыя фланговыя пары тамъ что-нибудь подгадили—плохо! Ну, подошелъ... ничего, лицо ласковое! Руку къ козырьку приложилъ... Тоже ничего! отнять только велѣлъ, да потомъ и вступилъ въ разговоръ со мной, какъ быть съ человѣкомъ. Позиція, говоритъ, ваша, капитанъ, важная; въ случаѣ чего, держитесь тутъ съ молодцами до крайности: я, говоритъ, убѣжденъ, что вы оправдаете мою довѣренность. Да самъ, знаете, даже руку протянулъ! Ужъ и не помню, что я отвѣчалъ, знаю только, что на сердцѣ у меня стало весело; всѣ оскорбленія, какія были, всѣ забылъ; кажется, и жизнь-то бы отдалъ за него: вотъ что значитъ ласковое-то слово!

Капитанъ перевелъ духъ; открытое лицо его сіяло такою искренностію и чувствомъ, что невольно приходило въ голову, какъ немного нужно начальству, чтобы привязать къ себѣ нашего брата-армейца. Маленькое участіе, слово ласки и всепрощающій армейскій офицеръ,

безъ всякой задней мысли, готовъ идти въ огонь и воду за своимъ командиромъ.

Но мысль мою перервалъ капитанъ.

— Позвольте,—продолжалъ онъ,—это еще не все. Въ тотъ же день Иванъ Мартынычъ удостоилъ меня и къ обѣду пригласить—это вѣдь въ первый разъ за десятилѣтнюю мою съ нимъ службу: такъ вотъ оно какъ-съ!

Пока мы разсуждали, появилась на хорахъ музыка. Гостиница то наполнялась, то пустѣла. На мѣстѣ уланъ сидѣли статскіе, хотя имъ видимо было неловко въ военномъ обществѣ.

Раздалась полька.

— Вотъ она, вотъ полечка-то моя!—вскрикнулъ пьяный провіантскій чиновникъ, пристукивая не въ тактъ шпорами и отмахиваясь рукою, точно отгоняя муху. Ахъ, Петербургъ, Петербургъ! скоро-ли я тебя у... у... вижу!—промычалъ онъ, икнувъ на послѣднемъ словѣ. Видно было, что дальнѣйшая кутежка становилась ему не подъ силу, и товарищъ его, фельдъегерь, не долго думая, тутъ же нахлобучилъ на него фуражку, взялъ подъ руку и повелъ къ выходу.

Поднялись и мы. Около лѣстницы, въ одной изъ боковыхъ комнатъ, гдѣ всегда обѣдали адъютанты и ординарцы главнокомандующаго, шла исправная попойка, и оттуда слышались восклицанія: «чинъ получилъ», «представленъ», «будетъ непремѣнно въ гвардіи».

На крыльцѣ мы еще застали провіантскаго чиновника; онъ чѣмъ-то былъ озабоченъ и, не смотря на хмѣль, старательно обыскивалъ свои бока.

— Да брось ее!—кричалъ фельдъегерь,—ну на что тебѣ шпажонку!.. брось! вѣдь ты со мной ѣдешь! слышишь, со мной—ну, и не бойся ничего!

Чиновникъ мычалъ.

— Я, братъ, здѣсь свой. Посылочку привезти, съ генеральшей поѣхать,—продолжалъ фельдъегерь: все я. Ну, хочешь, поѣдемъ къ дежурному генералу, онъ на «ты» со мной, поѣдемъ сейчасъ?

Чиновникъ опять промычалъ.

— Что! не поѣду!—крикнулъ фельдъегерь,—такъ врешь же поѣду, не побоюсь! Эй! извозчикъ!

— Куда прикажете?

— Куда прикажу?.. протянулъ фельдъегерь, усаживаясь съ чиновникомъ... Пошелъ къ Юлькѣ! И въ то же время онъ такъ двинулъ извозчика въ спину, что шляпа возницы мгновенно съѣхала на затылокъ.

Наступила осень. Въ главную квартиру собралась дивизія пѣхоты, стоявшая прежде частями въ разныхъ пунктахъ. Главнокомандующій

назначилъ смотръ, приказавъ войскамъ собраться не на учебномъ плацу, а на указанномъ имъ мѣстѣ, верстахъ въ пяти отъ города. Вѣроятно, ему хотѣлось посмотрѣть, какъ частные начальники примѣняются къ мѣстности, потому, что поле для смотра выбрано было волнистое, пересѣченное кустарниками и небольшими оврагами.

Поднялась суматоха. Войска мылись, чистились; офицеры генеральнаго штаба поскакали съ эккеромъ выбирать линію для церемоніальнаго марша и устанавливать жалонеровъ.

Въ день смотра, въ 9 часовъ утра, весь штабъ собрался на учебномъ полѣ.

Войска въ составѣ дивизіи пѣхоты съ артиллеріею, бригады кавалеріи, двухъ конныхъ батарей и двухъ казачьихъ полковъ, построились въ четыре линіи: впереди пѣхота, потомъ ея артиллерія, кавалерія и конныя батареи.

Чины штаба выстроились на правомъ флангѣ пѣхоты; передъ нами красовался на бѣлой кобылѣ нашъ генералъ, имѣя вправо и нѣсколько сзади своего адъютанта, корнета какого-то гусарскаго полка.

Не смотря на осень, южное солнце пекло крѣпко, а тогдашнее обмундированіе еще болѣе изнуряло людей, особенно пѣхоту. Ранцовые перекрестные ремни давили грудь; плотно застегнутые стоячіе воротники, которые почти во всей арміи шили до безобразія туго, разсчитывая лишь на красоту,—затрудняли кровообращеніе; голову давила тяжелая каска, быстро нагрѣвавшаяся на солнцѣ. Если къ этому прибавить длинныя шаровары, которыя задѣвали за траву и мѣшали ходить, то, конечно, нельзя было позавидовать обмундировкѣ пѣхотинцевъ.

Ровно въ 10 часовъ показалась коляска, запряженная четверкой пѣгихъ лошадей; въ ней ѣхали главнокомандующій и начальникъ Главнаго штаба.

Раздалась команда: «смирно!».

Мы выровнялись по первой линіи войскъ; генералъ, не смотря на то, что въ юности служилъ въ гвардейской кавалеріи, съѣхалъ въ сѣдлѣ на лѣвую сторону, а адъютантъ его бился съ своимъ воронымъ жеребцомъ, который, чувствуя присутствіе генеральской лошади, постоянно плясалъ подъ всадникомъ.

— На плечо!.. слушай... на кра... улъ!—зычнымъ голосомъ скомандовалъ начальникъ пѣхотной дивизіи.

Блеснули штыки, джинь, джинь! Звякнулъ пріемъ, и съ послѣднимъ умирающимъ его звукомъ грянула музыка. Начальникъ дивизіи взялъ подвысь и съ довольнымъ лицомъ отъ такой гармоніи ружейной хватки съ музыкой, поскакалъ курцъ-галопомъ къ правому флангу, какъ слѣдуетъ пѣхотному ѣздоку, то есть опустивъ носки внизъ, засунувъ всю ногу въ стремя и подскакивая на сѣдлѣ съ поклонами передней лукѣ.

Главнокомандующій сѣлъ на коня и принялъ рапортъ, пристально смотря на войска. Онъ видимо не слушалъ, что доносилъ ему генералъ, пытливо всматриваясь чуть не въ каждаго солдата и какъ бы соображая, на сколько онъ можетъ положиться на этихъ загорѣлыхъ усачей, такъ упорно смотрѣвшихъ на него въ настоящую минуту. Въ свою очередь, солдатамъ былъ дорогъ каждый взглядъ, каждое слово главнокомандующаго. Они представляли себѣ что-то сверхъестественное въ своемъ старикѣ (такъ звали они главнокомандующаго) и безотчетно вѣровали въ чудесность его дѣйствій. Не смотря на добродушную натуру нашего солдата, онъ, даже въ то время, относился иногда въ своемъ кружкѣ критически къ распоряженіямъ начальства, хотя, по тому же добродушію, у него въ большей части случаевъ оказывались виновными или погода, или проклятая сторонка, или какая-нибудь совершенно посторонняя причина. Если же, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ уже не находилъ ничего къ оправданію командировъ, то и тогда представленіе о главнокомандующемъ всегда соединялось у него съ какою-то отрадною надеждою. «Вишь ты, говорятъ, бывало на бивакѣ голодные солдатики, запивая запѣсневѣлый сухарь грязною водою, горячаго и не сварили! Узналъ бы самъ, досталось бы командирамъ!»

Главнокомандующій ѣздилъ не красиво, но бойко, и всегда на уздечкѣ; у него былъ великолѣпный донской конь, за которымъ мы едва успѣвали скакать.

Начался объѣздъ линій. Адъютантъ нашего генерала выбивался изъ силъ, сдерживалъ своего жеребца, который неистово ржалъ, порываясь къ генеральской лошади. Генералъ то и дѣло оборачивался съ умоляющимъ лицомъ, отмахивалъ рукою, приказывалъ адъютанту отстать. Наконецъ, когда главнокомандующій, объѣхавъ войска, направился шагомъ къ первой линіи, генералъ, выведенный изъ себя, крикнулъ съ какимъ-то страхомъ адъютанту: «убирайтесь къ чорту съ вашей лошадью!»

Скомандовавъ нѣсколько ружейныхъ и сабельныхъ пріемовъ, главнокомандующій перешелъ къ деплоядамъ, какъ тогда выражались въ арміи. Дѣло сначала шло хорошо, хотя пѣхота все лѣто была въ разбродѣ; тамъ и сямъ гремѣло: «ради стараться, ваше-ство». Войска двинулись въ кусты, пошли по холмамъ и отдалились на довольно большое разстояніе отъ главнокомандующаго, когда онъ отдалъ приказаніе строить третій боевой порядокъ.

Старымъ служивымъ извѣстно, какимъ камнемъ преткновенія былъ этотъ порядокъ для многихъ командировъ, а тутъ какъ на грѣхъ въ дивизіи все лѣто не только дивизіонныхъ, но и полковыхъ ученій не производилось. Большая часть второстепенныхъ начальниковъ въ продолженіе кампаніи перемѣнилась, а новые не успѣли достаточно присноровиться къ такому сложному построенію; въ добавокъ, привелось

учиться не на плацу, а Богъ знаетъ въ какихъ кустарникахъ и по буеракамъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, баталіоны спутались. Кто спрятался въ оврагѣ, кто вылѣзъ на линію, не обращая вниманія на мѣстность и равненіе. На лицѣ главнокомандующаго выразилось неудовольствіе: онъ подозвалъ нашего генерала и отдалъ какое-то приказаніе, указывая на войска.

— Поѣдемте скорѣе за свиту, а то генералъ увидитъ насъ,—шепнулъ Гольцъ и толкнулъ мою лошадь.

Чтобы объяснить предложеніе Гольца, нужно сказать, что генералъ нашъ вовсе не зналъ строя. Вся служба его прошла въ должностяхъ адъютанта и чиновника особыхъ порученій, и, очутясь при войскахъ, онъ былъ какъ въ туманѣ. Изучать въ подробности уставы было лѣнь, или не подъ силу, и потому при большихъ смотрахъ или ученьяхъ онъ старался всегда оставаться въ тѣни и подальше отъ главнокомандующаго, избѣгая порученій. Всего же хуже было то, что въ подобныхъ случаяхъ онъ старался свалить бѣду на кого-либо изъ состоящихъ при немъ лицъ, объясняя начальнику Главнаго штаба, что передалъ распоряженія черезъ такого-то своего офицера и что послѣдній не понялъ его. Штабъ зналъ это хорошо, и потому наши офицеры, во время ученій, старались держаться отъ генерала подальше, чтобы не быть исполнителями его собственныхъ фантазій.

Отъѣхавъ за свиту, мы нашли тамъ почти всѣхъ нашихъ товарищей; но, къ сожалѣнію, укрывательство не помогло. Генералъ открылъ насъ и распекъ. Но такъ какъ ему некогда было браниться, то онъ вскорѣ обратился къ чиновнику особыхъ порученій, полковнику Волосову, и, указывая на войска, сказалъ:

— Поѣзжайте скорѣе! Главнокомандующій приказалъ... тамъ безпорядокъ... поѣзжайте!

— Что же прикажете дѣлать?

— Какъ что? Главнокомандующему угодно передвинуть кавалерію. Начальникъ дивизіи путаетъ! поѣзжайте скорѣе!

— Да позвольте спросить, что именно желаетъ главнокомандующій?

— Ахъ, Боже мой! вы еще разсуждаете, поѣзжайте!—говорятъ вамъ.

Но полковникъ не ѣхалъ, добиваясь опредѣленнаго приказанія, между тѣмъ, главнокомандующій, выведенный изъ терпѣнія, послалъ къ войскамъ своего адъютанта, что̀ не укрылось отъ генерала, такъ какъ онъ въ ту же минуту крикнулъ:

— Ну, такъ, поѣдемъ всѣ вмѣстѣ! И помчался къ войскамъ. За нимъ поскакали и мы.

Направляясь къ лѣвому флангу боєваго порядка, мы спустились въ

лощину, повернули вправо и въѣхали въ лѣсокъ. Генералъ поѣхалъ шагомъ. Пробравшись чрезъ кусты, мы какъ разъ очутились около одного изъ баталіоновъ второй линіи; слѣва баталіона торчалъ на конѣ раскрасивѣвшійся маіоръ, а передъ нимъ кипятился начальникъ дивизіи.

— Глупо! — раздалось въ минуту нашего появленія, но послѣдній слогъ точно улетучился, и мы вдругъ услыхали самый пріятный, ласковый голосъ, спрашивавшій нашего генерала:

— Что прикажете, ваше превосходительство?

— Я ничего, ваше превосходительство... Главнокомандующій приказалъ.

— Адъютантъ уже передалъ мнѣ повелѣніе: устроиться, перемѣнить фронтъ и собрать кавалерію на лѣвомъ флангѣ. Кажется, такъ?—спросилъ начальникъ дивизіи, а можетъ быть, и что другое прикажете, ваше превосходительство?

— Нѣтъ, нѣтъ! прощайте, ваше превосходительство. И, довольный, что все обошлось благополучно, генералъ поѣхалъ вдоль линіи.

Подъѣхали къ другому баталіону; командиръ приложился къ козырьку.

— Подвижности больше, полковникъ, подвижности надо!—произнесъ внушительно генералъ. Полковникъ недоумѣвалъ; онъ вопросительно посмотрѣлъ на генерала, и тотъ же вопросительный взглядъ перенесъ и на насъ, но мы не могли ничего ему разъяснить, тѣмъ болѣе, что баталіонъ стоялъ на мѣстѣ и въ порядкѣ.

Въ это время главнокомандующій подъѣхалъ къ войскамъ, и мы примкнули къ свитѣ; онъ какъ бы не замѣтилъ насъ, но за то начальникъ Главнаго штаба посмотрѣлъ съ такою усмѣшкой на генерала, что послѣднему стало очень неловко: онъ вспыхнулъ и завертѣлся въ сѣдлѣ.

Послѣ перемѣны фронта войска свернулись въ колонны и приготовились къ церемоніальному маршу.

Пошла пѣхота, за ней кавалерія и артиллерія.

Жаль было смотрѣть на пѣхоту: потъ ручьями лилъ съ бѣдныхъ солдатъ, и физіономіи ихъ напоминали вареныхъ раковъ. Люди крѣпко устали, шли вначалѣ какъ-то согнувшись, разрывались, но едва такой строй подходилъ къ главнокомандующему, какъ мгновенно все перерождалось, сплочивалось, оживало, и на этихъ суровыхъ лицахъ появлялась такая отвага, что любо было смотрѣть.

— Рады стараться, ваше-ство!—гремѣлъ баталіонъ за баталіономъ, въ отвѣтъ на привѣтствіе главнокомандующаго.

На правомъ флангѣ одного изъ баталіоновъ стоялъ бакенбардистъ, старый унтеръ-офицеръ съ георгіевскимъ крестомъ.

— Что, усталъ?—обратился къ нему главнокомандующій.

— Есть немного, ваше-ство!

— А если сейчасъ въ походъ?

— Противъ непріятеля можно, ваше-ство,—отвѣтилъ бойко ветеранъ:—только бы вотъ ранцы....—добавилъ онъ вполголоса, обращаясь къ свитѣ, и не докончилъ фразы.

Пошла кавалерія шагомъ и на рысяхъ. Главнокомандующій пристально смотрѣлъ на лошадей, но благодарилъ мало. Затрусили казаки въ оборванныхъ мундирахъ, въ растрепанной аммуничкѣ; мохнатыя ихъ лошаденки, казалось, отъ роду не были чищены, но, не смотря на это, и люди и лошади смотрѣли бойко и весело.

— Хорошо, казаки! спасибо, донцы!—повторялъ безпрерывно главнокомандующій, и когда прошла послѣдняя сотня, онъ подозвалъ старшаго изъ командировъ, полковника Желтобрюшкина.

Какъ изъ земли выросъ штабъ-офицеръ съ сѣдою бородой, въ засаленномъ чекменѣ и грязныхъ, полуоборванныхъ эполетахъ.

— Давно не стоялъ на квартирахъ?—спросилъ главнокомандующій.

— Шесть мѣсяцевъ, ваше-ство, крова человѣческаго не видали.

— Спасибо, спасибо вамъ, молодцы! дай отъ меня казакамъ по чаркѣ водки.

— Позвольте и мнѣ одну, ваше-ство?

Главнокомандующій улыбнулся, ласково кивнулъ головой, и Желтобрюшкинъ понесся къ своимъ донцамъ.

За казаками пошла пѣшая артиллерія, а затѣмъ пустили и конную, по-дивизіонно въ карьеръ, но и тутъ большая часть похвалъ главнокомандующаго досталась на долю Донской батареи.

Кончился смотръ, главнокомандующій съ начальникомъ Главнаго штаба уѣхалъ, войска пошли по квартирамъ, а мы всѣ верхами потянулись въ городъ. Генералъ нашъ ѣхалъ съ своимъ другомъ, атаманомъ казачьихъ полковъ арміи. Атаманъ этотъ былъ премилый человѣкъ: имѣя большое состояніе и прекраснаго повара, онъ держалъ постоянно открытый столъ, къ которому приглашалъ, за исключеніемъ начальника Главнаго штаба, почти всѣхъ представителей разныхъ отдѣловъ главной квартиры, между которыми, конечно, было не мало охотниковъ поѣсть на чужой счетъ. Послѣ сытнаго обѣда всегда слѣдовала здоровая попойка, и большая часть гостей уходила отъ атамана въ веселомъ расположеніи духа, превознося до небесъ радушнаго хозяина.

Генералъ нашъ постоянно посвящалъ атамана въ тайны всѣхъ передвиженій и дѣйствій войскъ, объясняя ему менторскимъ тономъ стратегическіе и тактическіе термины, о которыхъ атаманъ имѣлъ самое смутное понятіе.

— Скажи, пожалуйста, какую чегтовщину,—картавилъ атаманъ,—вы тамъ стгоили?

— Это, братецъ, третій боевой порядокъ,—отвѣчалъ генералъ,—одно изъ лучшихъ нашихъ построеній!

— Какое лучшій! чегтъ знаетъ, какая егунда вышла, и ты тамъ скакалъ не знаю зачѣмъ!

— Какъ зачѣмъ?.... меня главнокомандующій послалъ устроить все, распорядиться...

— Ладно, ладно, ты скажи-ка мнѣ лучше, что это за штука, тгетій боевой погядокъ, для чего онъ?

— Какъ бы это тебѣ разсказать пояснѣе, жаль, что ты тактики не знаешь. Ну, вотъ, видишь-ли, когда силы непріятеля уже извѣстны и когда мы хотимъ перейти въ рѣшительное наступленіе, тогда строится третій боевой порядокъ преимущественно противъ тактическаго ключа позиціи непріятеля..... понимаешь?

— Не понимаю я твоихъ ключей! ты, бгатъ, дѣло говоги мнѣ.

— Дѣло и говорю, вѣдь понятно, что когда такой порядокъ построенъ, то мы съ одинаковымъ удобствомъ можемъ дѣйствовать и огнемъ, и штыками, т. е. готовы на всѣ случайности и, избравъ предметъ дѣйствія, сообразно линіи огня противника, можемъ деплоировать.

— А ну те къ чогту! поѣдемъ лучше обѣдать, у меня есть полдюжинки замогоженнаго. И они весело поскакали.

Н. Залѣсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

XII [1]).

Поѣздка М. Н. Муравьева въ Петербургъ.—Его докладъ государю.—Возвращеніе въ Вильну. — Встрѣча, ему сдѣланная.— Приготовленія въ Вильнѣ къ прибытію государя. — Пріѣздъ императора.—Назначеніе генералъ-адъютанта Потапова помощникомъ виленскаго генералъ-губернатора по гражданской части.—Характеристика его.—Записка, поданная минскимъ предводителемъ дворянства Потапову.—Бытовыя особенности края.—Борьба православія съ католицизмомъ.

Покончивъ съ вооруженнымъ мятежомъ еще въ концѣ октября 1863 года, главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края сталъ готовиться къ поѣздкѣ въ Петербургъ, чтобы всеподданнѣйше доложить государю о тогдашнемъ положеніи ввѣреннаго его управленію края и о принятыхъ мѣрахъ къ возстановленію православія и русской народности, столь долго находившихся въ поруганіи у латинства. По всѣмъ приготовленіямъ видно было, что графъ Муравьевъ твердо рѣшился во что бы ни стало или побороть противодѣйствіе тѣхъ изъ петербургскихъ высшихъ властей, которыя стояли еще за мѣры снисхожденія и уступчивости, или упросить государя освободить его отъ дальнѣйшаго управленія краемъ, гдѣ онъ окончательно разстроилъ здоровье, неустанно борясь день и ночь съ крамолою въ теченіе уже цѣлаго года. Дружно закипѣла подготовительная работа, и результатомъ ея явилась извѣстная записка, лично представленная М. Н. Муравьевымъ государю императору [2]).

---

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1903 года.

[2]) Напечатана въ „Русской Старинѣ“, 1902 годъ № 6, стр. 487.

24-го апрѣля М. Н. Муравьевъ выѣхалъ изъ Вильны въ С.-Петербургъ, куда и прибылъ благополучно на другой день. При отъѣздѣ я получилъ приказаніе привезти нѣкоторыя дѣла и бумаги не позже 28-го числа. Въ первомъ часу по полуночи, съ 27-го на 28-го апрѣля, пріѣхалъ и я въ сѣверную столицу. На другой день въ восемь часовъ утра я былъ уже въ кабинетѣ у Михаила Николаевича, который на мой поклонъ отвѣтилъ вопросомъ:

— Когда вы пріѣхали?

— Сегодня, въ часъ по полуночи; остановился въ «Европейской гостиницѣ».

— Почему же вы не пріѣхали сюда тотчасъ?

— Полагалъ, что будетъ поздно, а потому не посмѣлъ безпокоить ваше высокопревосходительство.

— Пожалуйста, не полагайте этого впередъ. Вамъ хорошо извѣстно, что на службѣ для меня нѣтъ безпокойства. Прошу садиться.

Не смотря на болѣзненное состояніе Михаила Николаевича, удерживавшее его дома въ теченіе нѣсколькихъ дней, такъ что онъ лишенъ былъ возможности представиться государю, доклады въ Петербургѣ шли обычнымъ порядкомъ и раньше перваго часу ночи рѣдко когда оканчивались. Дней семь спустя послѣ его пріѣзда въ столицу докладываютъ ему однажды, что министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ желаетъ его видѣть. Разумѣется, приказано было просить. Въ первый разъ тогда удалось мнѣ взглянуть на главнаго моего начальника; прослуживши въ этомъ министерствѣ восемнадцать лѣтъ, я никогда тамъ не былъ. Величественною поступью прошелъ онъ въ кабинетъ, привѣтливо раскланявшись со всѣми нами. Онъ былъ въ бѣломъ галстухѣ съ лентой Бѣлаго Орла по жилету и во фракѣ; заѣхалъ изъ дворца, прямо съ доклада у государя, который спросилъ его, видѣлся-ли онъ съ больнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края? Михаилъ Николаевичъ встрѣтилъ министра близъ своего письменнаго стола въ кабинетѣ; бесѣда у нихъ длилась около часу. Провожая своего гостя, Михаилъ Николаевичъ довелъ его до столовой. За обѣдомъ онъ разсказалъ намъ, что министръ пріѣхалъ извиниться, что не могъ дотолѣ улучить свободнаго времени повидаться съ нимъ. Вскорѣ за первымъ посѣщеніемъ министръ пріѣхалъ во второй разъ; Михаилъ Николаевичъ встрѣтилъ его тогда въ столовой и при отъѣздѣ проводилъ до передней.

Всеподданнѣйшая записка объ устройствѣ С.-Западнаго края на русскихъ началахъ была представлена 14-го мая лично М. Н. Муравьевымъ государю императору. Его величество, выслушавъ докладъ, изъявилъ предварительное свое на все согласіе, кромѣ обязательной продажи въ извѣстный срокъ имѣній лицъ, высланныхъ изъ края, и повелѣлъ разсмотрѣть ее въ Комитетѣ министровъ не въ очередь, что и было испол-

нено въ теченіе семи дней. Много борьбы пришлось выдержать главному начальнику края при этомъ случаѣ, но онъ вышелъ побѣдителемъ. Оппозиція не смѣла прямо отвергнуть представленныя соображенія, но старалась ослабить редакцію; впрочемъ, главныя мѣроположенія прошли безъ измѣненія. По утвержденіи положенія Комитета министровъ государемъ, намъ объявлено было собираться къ возврату въ Вильну.

25-го мая главный начальникъ края, къ общей радости всѣхъ русскихъ, пріѣхалъ, наконецъ, въ Вильну; пріемъ ему былъ оказанъ восторженный. При отъѣздѣ его въ Петербургъ всѣмъ извѣстно было, что, если не будутъ утверждены мѣропріятія его государемъ, онъ не возвратится; а потому возвращеніе его предвѣщало намъ полное торжество русскаго дѣла. Когда Михаилъ Николаевичъ вышелъ на крыльцо, народная толпа привѣтствовала его нашимъ роднымъ «ура!», которое сопровождало его отъ станціи желѣзной дороги вплоть до самаго дворца, гдѣ ожидала насъ всѣхъ серьезная работа по мирному переустройству края въ духѣ православія и русской народности.

Главный начальникъ края поспѣшилъ отъѣздомъ въ Вильну, такъ какъ на 27-ое число мая назначенъ былъ отъѣздъ ихъ величествъ за границу, а потому нужно было распорядиться пріемомъ. При проѣздѣ Вильны, государь благодарилъ Михаила Николаевича за пріемъ и объявилъ ему, что на обратномъ слѣдованіи произведетъ смотръ войскамъ въ Вильнѣ и Динабургѣ. Тотчасъ за отъѣздомъ ихъ величествъ, начались самыя дѣятельныя приготовленія къ высочайшему пріему. Городъ Вильна богатъ своими красивыми окрестностями; даже въ самомъ центрѣ его есть такая мѣстность, которая невольно поразитъ каждаго,—я говорю о Каѳедральной площади, съ которой открывается величественный видъ на три историческія горы: Замковую, Крестовую и Бекешовую. Первую изъ нихъ назначено было иллюминовать цвѣтными огнями. Остатки древняго замка на гребнѣ горы съ уцѣлѣвшею башней, въ которой въ началѣ пятидесятыхъ годовъ помѣщался еще сигнальный телеграфъ, представляли всѣ удобства къ приведенію въ исполненіе сдѣланнаго предположенія; работа закипѣла, и недѣли черезъ три сдѣлано было пробное освѣщеніе. Избранъ былъ чрезвычайно теплый, тихій вечеръ, чисто лѣтній. Какъ только смерклось, Михаилъ Николаевичъ съ семействомъ своимъ размѣстился на балконѣ, выходившемъ на небольшую площадь, откуда открывался видъ на горы. По поданному знаку взвилась сигнальная ракета, разсыпалась цвѣтными звѣздками, и вслѣдъ за тѣмъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, начала расти изъ земли величественная башня изъ разноцвѣтныхъ огней; башня эта съ каждой минутой поднималась все выше и выше и, наконецъ, завершилась огненнымъ шпилемъ съ цвѣтнымъ флагомъ изъ шкаликовъ, которые на довольно значительной высотѣ казались брил-

ліантовыми звѣздочками... Послѣдовалъ выстрѣлъ, и на скатѣ горы начался фейерверкъ; въ заключеніе вся Замковая гора, покрытая молодыми деревьями и кустарниками, освѣтилась разноцвѣтными бенгальскими огнями. Картина была дѣйствительно поразительная! Михаилъ Николаевичъ остался очень доволенъ репетиціею и тотчасъ же далъ указанія и средства на то, чтобы къ пріѣзду государя все было заблаговременно приготовлено, дабы достойно почтить столь дорогое для каждаго русскаго посѣщеніе.

7-го іюля вечеромъ императоръ благополучно изволилъ прибыть въ Вильну изъ-за границы и остановился въ Дворцѣ, гдѣ все было заблаговременно приготовлено къ высочайшему пріему. Городъ былъ великолѣпно иллюминованъ; толпы народа наводнили улицы. Тотчасъ по пріѣздѣ, государь отправилъ собственноручно написанную телеграмму къ наслѣднику, въ которой выражалъ свое удовольствіе за встрѣчу и за блестящую иллюминацію. Въ исходѣ одиннадцатаго часа ночи Михаилъ Николаевичъ получилъ приглашеніе къ государю съ докладомъ. Докладъ продолжался довольно долго и увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Въ семь часовъ назначенъ былъ высочайшій смотръ войскамъ въ лагерѣ. На другой день въ седьмомъ часу утра послѣ пріема крестьянъ, съ которыми государь очень милостиво разговаривалъ, его величество изволилъ отправиться въ лагерь за Зеленый мостъ; проѣзжать нужно было мимо римско-католическаго каѳедральнаго собора св. Станислава, подъ портикомъ котораго стояло въ парадномъ облаченіи римско-католическое духовенство. Но государь проѣхалъ мимо. За то онъ былъ привѣтствованъ нашимъ маститымъ архипастыремъ, митрополитомъ Іосифомъ, въ монастырѣ Св. Духа, по выѣздѣ изъ котораго государь поѣхалъ на вокзалъ желѣзной дороги, который былъ изящно декорированъ тропическими растеніями, гирляндами и флагами, и отправился въ Динабургъ (нынѣ Двинскъ), гдѣ предстоялъ высочайшій смотръ войскамъ. Въ этотъ пріѣздъ Михаилъ Николаевичъ былъ назначенъ шефомъ Пермскаго полка, нижнимъ чинамъ котораго нѣсколько дней спустя онъ назначилъ на дворцовомъ дворѣ парадное угощеніе; нарочно устроены были столы со скамейками, и цѣлый полкъ угощенъ былъ сытнымъ обѣдомъ. Когда главный начальникъ края, обойдя по рядамъ, поднялъ чарку за здоровье государя, оглушительное, могучее русское «ура!» минуты двѣ потрясало воздухъ; тостъ за здоровье шефа полка покрытъ былъ задушевнымъ «ура!» Въ этотъ день всѣ офицеры Пермскаго полка приглашены были на обѣдъ къ главному начальнику края.

Въ то время когда для успѣха русскаго народнаго дѣла необходимо было дружно направить всѣ честныя русскія силы къ этой высокой цѣли, злосчастная судьба подсунула въ помощники М. Н. Муравьеву генералъ-адъютанта Потапова, преданнаго душою полякамъ и человѣка

совершенно противнаго лагеря, не сочувствовавшаго тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя предстояло проводить въ краѣ, хотя явно этого не высказывавшаго; но въ этомъ-то и заключалась вся опасность: тайный врагъ всегда страшнѣе явнаго недруга. Поневолѣ придетъ на мысль, что всесильная полякующая партія въ Петербургѣ, не успѣвшая забраковать выработанный М. Н. Муравьевымъ проектъ мѣроположеній для управленія краемъ, ловкимъ оборотомъ подсунула ему этотъ административный тормозъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца Потаповъ пріѣхалъ въ Вильну. По приказанію Михаила Николаевича, на другой день въ 10 часовъ утра всѣ служащіе отправились представляться новопріѣзжему. Остановился онъ неподалеку отъ дворца, въ домѣ богатаго польскаго помѣщика Умястовскаго, противъ русской Благовѣщенской церкви. Въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось встрѣтить такого маленькаго генерала; обращался онъ со всѣми представлявшимися съ изысканной вѣжливостью, крѣпко пожималъ каждому руку. На другой день послѣ пріема помощникъ генералъ-губернатора отдалъ мнѣ визитъ и, не заставши меня дома, оставилъ свою карточку. Такъ какъ ему было поручено распоряженіе по дѣламъ общей генералъ-губернаторской канцеляріи, гдѣ правителемъ былъ А. Д. Тумановъ, то мнѣ всего одинъ только разъ пришлось побывать у него по порученію М. Н. Муравьева, который послалъ меня къ нему съ проектомъ записки о жандармскихъ командахъ.

По вечерамъ у Потаповыхъ собирались гости, въ числѣ которыхъ большую часть составляли поляки, не посѣщавшіе русскихъ домовъ. Мнѣ не случилось бывать у него; занятый цѣлый день службой, съ 9-ти до 5-ти часовъ дня и съ 8-ми до 12-ти вечера и очень часто долѣе, я радъ былъ въ рѣдкія свободныя минуты посидѣть дома въ семьѣ.

— Отчего вы не удостоите меня посѣщеніемъ вечеркомъ?— спросилъ онъ меня однажды, выйдя изъ кабинета главнаго начальника.

— Извините меня великодушно, ваше превосходительство, я рѣшительно нигдѣ не бываю, за неимѣніемъ свободнаго времени.

— Знаю, знаю это,—продолжалъ онъ, пожимая мнѣ крѣпко руку,— мнѣ и женѣ моей было бы очень пріятно видѣть васъ въ числѣ нашихъ добрыхъ знакомыхъ.

— Позвольте поблагодарить васъ; постараюсь воспользоваться вашей любезностью.

Воспользоваться мнѣ, однако, не пришлось. Не знаю почему, но сердце мое не имѣло влеченія къ этому человѣку; видно, предчувствовало въ будущемъ бѣду отъ него.

Прежде чѣмъ поведу разсказъ о томъ, что было сдѣлано графомъ М. Н. Муравьевымъ во второй половинѣ 1864 года, считаю нужнымъ

сказать нѣсколько словъ для разъясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ тогдашняго служебнаго положенія дѣйствующихъ лицъ. Въ концѣ января 1864 года пріѣхалъ въ Вильну генералъ-адъютантъ Н. А. Крыжановскій на мѣсто помощника командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, которое занималъ предъ тѣмъ генералъ-адъютантъ Н. С. Фроловъ, назначенный сенаторомъ. Отношенія между главнымъ начальникомъ края и его помощникомъ по военной части съ самаго пріѣзда послѣдняго установились, повидимому, самымъ лучшимъ образомъ; многіе думали, что постоянно хворавшій М. Н. Муравьевъ готовилъ его себѣ въ преемники, тѣмъ болѣе, что генералъ-адъютантъ Крыжановскій присутствовалъ при многихъ докладахъ по общей канцеляріи, въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ командировку въ Ковенскую губернію, ѣздилъ въ Ригу и Двинскъ (Динабургъ); съ своего объѣзда онъ присылалъ къ главному начальнику края подробныя описанія о результатахъ своего обозрѣнія и по всѣмъ этимъ сообщеніямъ въ виленскомъ управленіи шла большая переписка съ губернаторами и военными начальниками. По возвращеніи своемъ въ Вильну, Н. А. Крыжановскій, представивши подробный отчетъ о своей поѣздкѣ, выѣхалъ вскорѣ въ Минскую и Гродненскую губерніи; въ это-то время, какъ говорятся, пробѣжала черная кошка между главнымъ начальникомъ края и его помощникомъ по военной части. Услужливые болтуны разнесли вѣсть, что, объѣзжая край, послѣдній выдавалъ себя за настоящаго генералъ-губернатора и высказывался даже при пріемахъ, что Михаилъ Николаевичъ по случаю своей болѣзни не можетъ оставаться въ Вильнѣ и что онъ присланъ замѣстить его. На дѣлѣ вышло однако же иное: болѣзненный М. Н. Муравьевъ послѣ своей поѣздки въ Петербургъ возвратился въ Вильну съ новыми силами, а его помощникъ, заболѣвшій серьезно, вынужденъ былъ уѣхать лѣчиться за границу. Этотъ отъѣздъ подалъ поводъ къ праздными толкамъ, что онъ былъ спущенъ подъ благовиднымъ предлогомъ, а русскому дѣлу въ краѣ нанесъ большой вредъ, такъ какъ помощникомъ по гражданской части назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Потаповъ, до пріѣзда котораго въ Вильну М. Н. Муравьевъ не зналъ, такъ какъ на одномъ изъ вечернихъ моихъ докладовъ онъ спросилъ меня, знаю-ли я его и что про него слышно и, на мой отрицательный отвѣтъ, добавилъ:—«Я его не знаю, онъ былъ мнѣ рекомендованъ въ Петербургѣ». Кѣмъ, не сказалъ, но, вѣроятно, министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Вильну генералъ-адъютанта Потапова, главный начальникъ края передалъ въ его распоряженіе генералъ-губернаторскую канцелярію и такимъ образомъ облегчилъ себя для серьезныхъ занятій по переустройству края на русскихъ началахъ.

Къ сожалѣнію, ему скоро пришлось перемѣнить мнѣніе о своемъ помощникѣ по гражданской части.

— Потаповъ съ Тумановымъ все путаютъ и дѣлаютъ глупости,— сказалъ онъ мнѣ однажды,—общая канцелярія благодаря послѣднему не можетъ доселѣ освободиться отъ польской заразы, которая тамъ загнѣздилась; нужно заложить въ ней окна и двери, да выжечь стѣны и обновить составъ лицъ... Я васъ назначу правителемъ канцеляріи.

Помолчавъ затѣмъ немного, онъ продолжалъ:

— Не знаю, впрочемъ, какъ это сдѣлать? Вы мнѣ необходимы въ особой канцеляріи. Тутъ дѣла важнѣе. Наблюдайте за ними, пожалуйста, и тамъ.

— Готовъ исполнить ваше приказаніе, но я буду поставленъ въ неловкое положеніе.

— Правда. Такъ вотъ что̀ мы сдѣлаемъ: я испрошу у государя соизволеніе назначить васъ временно помощникомъ правителя канцеляріи, и тогда вы будете имѣть полное право интересоваться тѣмъ, что̀ творится тамъ; назначеніе васъ на эту новую должность заставитъ ихъ обоихъ быть осторожнѣе.

4-го декабря 1864 года послѣдовалъ высочайшій указъ о назначеніи меня на временную должность помощника правителя генералъ-губернаторской канцеляріи; казалось непонятнымъ въ то время, но я былъ совершенно счастливъ, такъ какъ въ немъ выразилось полное довѣріе ко мнѣ моего незабвеннаго начальника, служить подъ начальствомъ котораго я считалъ истиннымъ счастіемъ. Привыкшій всегда смотрѣть на службу серьезно, какъ это водилось при благословенной памяти императорѣ Николаѣ Павловичѣ, и пріученный еще калужскимъ губернаторомъ Н. М. Смирновымъ ко всякаго рода служебной дѣятельности, благодаря дарованнымъ мнѣ отъ Господа способностямъ, развитымъ университетскимъ образованіемъ, при моей искренней любви къ труду, я весьма легко справлялся съ многоразличными порученіями, которыя возлагалъ на меня М. Н. Муравьевъ, и въ продолженіе двухлѣтняго почти безотлучнаго моего пребыванія при немъ я не видалъ отъ него не только ничего дурнаго, но даже и косаго взгляда. Мои доклады, какъ онъ самъ нерѣдко выражался, дѣйствовали на него успокоительно. Дай Богъ, чтобы у насъ въ Россіи было побольше такихъ начальниковъ! Онъ былъ очень и даже очень требователенъ и строгъ, но справедливъ и заботливъ о подчиненныхъ. Своимъ постояннымъ и усидчивымъ трудомъ онъ подавалъ намъ всѣмъ примѣръ, какъ нужно служить государю и Россіи, и тѣмъ поддерживалъ во всѣхъ энергію и силы. Вотъ причина, по которой въ столь кратковременный срокъ, въ два года, онъ такъ много сдѣлалъ для успѣха русскаго дѣла въ этомъ ополяченномъ и ожидовленномъ злосчастномъ краѣ.

Н. М. Муравьевъ очень скоро понялъ Потапова и оцѣнилъ его по достоинству. Въ тогдашнее время единственно только у Потаповыхъ появлялись по вечерамъ польскіе паны и взапуски другъ передъ другомъ ухаживали за нимъ, а когда онъ, по порученію главнаго начальника края, пріѣхалъ въ Минскъ для обозрѣнія губерніи, то его приняли тамъ съ восторгомъ и пустили въ ходъ польскую интригу; черезъ помѣщика Льва Ваньковича, бывшаго минскаго уѣзднаго предводителя дворянства, поднесенъ былъ ему на французскомъ языкѣ слѣдующій курьезный документъ, переданный мнѣ минскимъ губернаторомъ П. Н. Шведовымъ,

Привожу его въ дословномъ переводѣ.

«Ваше превосходительство!

«Объѣздъ и ревизія вашего превосходительства, вообще принимаемые, какъ первый проблескъ надежды, какъ первое благодѣяніе къ мѣстнымъ дворянамъ-землевладѣльцамъ, много виновнымъ, но еще болѣе несчастнымъ, даетъ мнѣ смѣлость ходатайствовать предъ вами, генералъ, во имя правосудія и справедливости какъ за виновныхъ, такъ и за невинныхъ.

«Главный начальникъ края введенъ въ заблужденіе, обойденъ подвѣдомственными чиновниками, тайная власть и темныя интриги которыхъ подавляютъ служащихъ по разнымъ отраслямъ администраціи и парализуетъ ихъ честныя намѣренія. Эти люди двоеличные, произведеніе соціальнаго и революціоннаго движенія, паразиты до сихъ поръ на почвѣ русской, слишкомъ заинтересованные, экзальтированные, малоопытные, или излишне довѣрявшіеся общему увлеченію, рано сняли маски и разоблачили свои разрушительныя стремленія. Они забылись до такой степени, что сами себѣ даютъ имя разрушителей всего класса дворянъ-землевладѣльцевъ въ Россіи. «Мы красные и прекрасные», вотъ тривіальный каламбуръ, достойный происхожденія этихъ людей, который они бросаютъ въ лицо каждому, кто пытается вызвать ихъ на обсужденіе и серьезную полемику, или замѣтитъ, что если даже допустить, что ихъ назначеніе состоитъ въ приведеніи въ нищенство землевладѣльцевъ, то они все-таки не должны извращать постановленій, утрировать правила и захватывать огромную власть для того, чтобы скандально пользоваться ею. Эти чиновники-поджигатели суть первые руководители повѣрочныхъ коммиссій, злоупотребленія которыхъ превосходятъ всякую мѣру.

«Надо жить посреди этого хаоса, этого смѣшенія властей, этихъ неслыханныхъ злоупотребленій, которыхъ даже не трудятся прикрывать законными формами, и прослѣдить день за днемъ ходъ дѣлъ общественныхъ, чтобы знать вліяніе этой децентрализаціи власти. Нѣтъ болѣе власти, чѣмъ мировые посредники! Кто они? Они всякаго сорта!

Чиновники, прогнанные со службы, прежніе шпіоны по профессіи, на которыхъ, какъ на шпіоновъ, указываютъ пальцами уличные зѣваки. Находятся порядочные только между присланными намъ изъ внутреннихъ губерній. То же самое и съ повѣрочными коммиссіями.

«Эти новые въ краѣ чиновники раздѣляются на два класса, совершенно различные: имѣющіе традиціи, прошедшее, помѣщики, служители прежняго царствованія, молодые люди, болѣе или менѣе благовоспитанные, люди принципа или воспоминанія, уважающіе законы, на которыхъ зиждется общество. Составляя слабое меньшинство, они безсильны доставить торжество своимъ принципамъ и предохранить основные законы, общіе всѣмъ націямъ, правильно развившимся. Противная партія, состоящая изъ людей безъ имени, безъ прошедшаго, бѣдныхъ и честолюбивыхъ членовъ большой ассоціаціи, разсѣянной по всей Россіи, держитъ дѣла въ своихъ рукахъ. Прибывъ подъ знаменемъ патріотизма, они очень скоро оставили свое наружное призваніе, чтобы показаться въ настоящемъ свѣтѣ и обнаружить свои соціальныя стремленія, которыя они предполагаютъ примѣнить къ цѣлой Россіи.

«Ваше превосходительство соизволите замѣтить, что менѣе, чѣмъ въ годъ, личный составъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія перемѣнился, и какъ онъ пополненъ? Ни одинъ порядочный человѣкъ не могъ остаться!

«Слѣдя въ продолженіе четырехъ лѣтъ, часъ за часомъ, за событіями, разыгравшимися въ странѣ, движимый чувствомъ и убѣжденіями, —я нахожусь обязаннымъ, генералъ, выразить вамъ свои опасенія за послѣдствія настоящей администраціи, которая, безъ сомнѣнія, рано или поздно, будетъ имѣть отраженіе и во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи; если не прикроютъ тѣхъ, которые открыто готовятся расширить и распространить свою разрушительную систему въ центрѣ Россіи и далѣе, то послѣдствія могутъ быть плачевны.

«Взросши съ крестьяниномъ страны, я остался его другомъ, и, не смотря на разность интересовъ, долженствовавшихъ насъ разобщить, онъ продолжалъ удостоивать меня своимъ довѣріемъ. И вотъ, ваше превосходительство, вы не повѣрите, но крестьянинъ недоволенъ настоящимъ порядкомъ вещей, онъ не вѣритъ въ продолжительность этого порядка, потому что у него есть инстинктъ правды, и мнѣніе крестьянина есть лучшее доказательство по этому предмету; вотъ его нынѣшнее выраженіе: «сегодня паны крехтятъ, заутру будзе мужику». Я недавно спросилъ въ корчмѣ у крестьянина сосѣдняго уѣзда, какъ высока цѣна земли въ его краѣ. «Я плачу столько-то», отвѣчалъ онъ. «Ты долженъ быть очень доволенъ?» «Я бы предпочелъ платить вдвое, цѣна была бы справедлива, если бы былъ увѣренъ, что она не измѣнится ни для меня, ни для моихъ дѣтей».

«Уничтожить сословіе въ государствѣ лишнее, предать разрушенію буйную и враждебную національность—можетъ быть политически спасительно, но разрушить страну экономически, потрясти вѣру ея жителей въ крѣпость учрежденій, водворить безпорядокъ, анархію, снять съ народа всѣ узы, довѣрить его управленію людей большею частью безъ вѣры и закона, учредить коммиссіи, рѣшающія окончательно, цѣль которыхъ—споліація (грабежъ, похищеніе), самая несправедливая и иногда невиданная—это, мнѣ кажется, угрожаетъ спокойствію страны. Если бы не поздняя осень, то я просилъ бы ваше превосходительство остановиться въ какомъ-либо пунктѣ пути вашего, чтобы показать на мѣстѣ, какого рода люди распоряжаются нашею судьбою въ томъ, что̀ есть самое священное въ другихъ странахъ—въ собственности, и какъ они искажаютъ законъ и злоупотребляютъ неслыханною властью, имъ данною.

«Наши надежды и сердца обращены къ вамъ, генералъ! Назначеніе на переходный постъ, вами занимаемый, произвело скрытый трепетъ радости въ небольшой средѣ тѣхъ честныхъ чиновниковъ, которыхъ намъ послали, старыхъ слугъ монарха, достойныхъ дѣтей Россіи, преслѣдуемыхъ столько же, сколько и мы притѣснены отверженцами, которыхъ общество въ справедливо оскорбленномъ, но слишкомъ фанатическомъ патріотизмѣ извергло на насъ.

«Какія бы ни были ваши намѣренія, генералъ, мы ихъ принимаемъ съ довѣріемъ и радостью; что̀ вы сдѣлаете, будетъ хорошо сдѣлано и разумно устроено. Вашъ высокій разумъ не допуститъ, чтобы происхожденіе и вѣра могли исключить изъ управленія вѣрныхъ подданныхъ, людей, положительно преданныхъ монарху Россіи и которые были бы слишкомъ счастливы служить ему во всѣхъ случаяхъ, какъ бы ни былъ малъ кругъ ихъ дѣятельности.

«Милосердіе къ виновнымъ, справедливость къ невиннымъ, правда всѣмъ—вотъ, генералъ, что̀ упрочится вашимъ возвышеніемъ ко власти, которую Господь Богъ, изъ жалости, не замедлитъ болѣе даровать намъ.

«Имѣю честь быть, генералъ, вашего превосходительства самый послушный и покорнѣйшій слуга, Леонъ Ваньковичъ. Минскъ, 19-го ноября 1864 года».

Этотъ интересный документъ служитъ наглядным доказательствомъ тѣхъ обычныхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ польская справа приводитъ въ исполненіе свои крамольные замыслы; лесть, ложь и клевета служила ей постоянно съ успѣхомъ, благодаря русской довѣрчивости. Чтобы незнакомые съ бытовыми особенностями здѣшняго края могли оцѣнить это письмо по его достоинству, считаю нужнымъ сдѣлать указанія на нѣкоторыя историческія данныя. Польскіе періодически повторявшіеся мятежи доказали наглядно, что Россіи нечего разсчитывать

на шляхетско-ксендзовскую интеллигенцію Сѣверо-Западнаго края. Оторвавшись отъ историческихъ преданій своей родины, забывши свое русско-литовское происхожденіе и измѣнивши ради честолюбивыхъ и корыстныхъ видовъ православной вѣрѣ, эти отщепенцы способны служить вѣрно только крамолѣ, а не монарху Россіи, какъ выразился авторъ вышеприведеннаго письма, составленнаго скопомъ пановъ. Яркое свѣтило западо-русской Церкви митрополитъ Іосифъ въ словѣ своемъ, сказанномъ 8-го сентября 1840 г., при освященіи въ Вильнѣ православнаго собора во имя святителя и чудотворца Николая, между прочимъ высказалъ слѣдующее:

«Не скорбите о торжествѣ нашемъ, ревнители Западныя Церкви. Взгляните безпристрастно на здѣшній край—это достояніе Православныя Церкви. Много-ли здѣсь кореннаго народа римской вѣры? Онъ ограничивается предѣлами сѣверной части Виленской губерніи [1]); остальной совращенъ изъ православія. Много-ли здѣсь дворянскихъ родовъ, не бывшихъ прежде православными? Это одни только переселенцы въ Литву изъ Польши. Князья Сангушки, Масальскіе, Любецкіе, Вишневецкіе, Острожскіе, Рожинскіе, Четвертинскіе, Пузины и многіе другіе; знаменитые роды—Огинскихъ, Поцѣевъ, Сапѣговъ, Ходкевичей, Пацовъ, Хребтовичей, Воловичей, Тышкевичей, Корсаковъ и прочихъ безъ числа—все это были дѣти Русскія Православныя Церкви. Взгляните на самую Вильну: двѣсти лѣтъ тому назадъ здѣсь было еще тридцать шесть православныхъ церквей. За что же порицать Церковь Православную, если она простираетъ материнскія объятія свои къ дѣтямъ своимъ, хотя и забывшимъ ее, но все для нея не чуждымъ? За что порицать и обитателей здѣшнихъ странъ, если они прибѣгаютъ въ нѣдра матери своея—Православныя Церкви, чтобы, наконецъ, успокоиться на лонѣ ея послѣ вѣковыхъ треволненій? Признайтесь, что дѣло Православныя Церкви справедливо, и обратите лучше вниманіе на тѣхъ, кои сватотатственными внушеніями и происками сѣютъ вражду между дѣтьми одного и того же семейства, разъединяютъ сердца единокровныя! Не виды-ли гордости и честолюбія, не закоренѣлая-ли нехристіанская ненависть и злоба, не своекорыстіе-ли и соумышленіе съ врагами отечества руководствуютъ ими? Берегите же сердца и помышленія ваши отъ помысловъ злобы, отъ наущенія духа тьмы, дѣйствующаго чрезъ усердныхъ клевретовъ своихъ: и очи ваши отверзутся видѣть истину, а сердца ваши откроются для любви православныхъ собратій вашихъ».

Къ несчастію, архипастырскія посланія въ духѣ любви евангельской и исторической правды оказались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; сердца и помышленія ренегатовъ православной вѣры и русской народности пе-

[1]) Которая въ 1843 г. отошла въ новообразованную Ковенскую губернію.

реполнены и понынѣ одною только ненавистью къ Россіи и къ ея державному вождю. О томъ же, какъ они служили имъ, могутъ засвидѣтельствовать слѣдующія слова именнаго указа 12-го октября 1835 года:

«Обращая вниманіе на настоящее положеніе возвращенныхъ отъ Польши губерній, мы съ особеннымъ неудовольствіемъ удостовѣрились, что дворянство сего края, большею частью избѣгая службы въ войскахъ нашихъ или по части гражданской, упорствуетъ въ праздности. Отъ сей причины на выборахъ на мѣста внутренней по губерніямъ службы большая часть должностей поручается дворянствомъ лицамъ, или вовсе не бывшимъ, или весьма мало бывшимъ на дѣйствительной государственной службѣ. Такимъ образомъ преимущества, справедливо дарованныя великороссійскому дворянству за вѣрность и благородное жертвованіе жизнью на службѣ отечеству, обращается здѣсь единственно въ предлогъ къ пользованію преимуществомъ безъ всякихъ заслугъ и для наполненія мѣстъ внутренней службы людьми вовсе неопытными, неспособными и часто неблагонадежными».

Такъ какъ ожиданія русскаго правительства, чтобы ополяченное дворянство въ западныхъ нашихъ губерніяхъ посвящало себя службѣ государственной, не осуществилось, то 21-го апрѣля (3-го мая) 1852 г. послѣдовалъ новый именной указъ о высылкѣ сыновей дворянъ неправославныхъ помѣщиковъ западныхъ губерній, у родителей которыхъ было не менѣе 100 душъ крестьянъ, по достиженіи ими 18 лѣтъ, въ великороссійскія губерніи на службу. Въ этомъ указѣ, надѣлавшемъ много шуму и толковъ, высказано прямо, что «большая часть молодыхъ дворянъ, принадлежащихъ къ зажиточнымъ семействамъ (польскаго происхожденія), пребываетъ въ праздности, чуждаясь всякой службы».

При вступленіи на престолъ императора Александра Николаевича, манифестомъ 26-го августа 1856 года, всѣ служебныя ограниченія для польскихъ дворянъ были уничтожены, и для нихъ были распространены общія по этому предмету государственныя постановленія: «Мы не сомнѣваемся, что сей знакъ нашего довѣрія будетъ для дворянъ западныхъ губерній новымъ побужденіемъ посвящать себя службѣ государственной съ тѣмъ постояннымъ усердіемъ, коимъ всегда отличалось благородное россійское дворянство». И чѣмъ же отблагодарило польское дворянство?—Кровавымъ мятежомъ 1863—1864 годовъ. Подпольный революціонный комитетъ приказалъ польскимъ чиновникамъ, занимавшимъ почти всѣ должности въ краѣ, оставить службу государю и Россіи, что̀ ими большею частью и было исполнено... И вотъ послѣ этого, клевеща на русскихъ чиновниковъ, полякъ осмѣлился увѣрять помощника главнаго начальника края Потапова, что «высокій разумъ его не допуститъ, чтобы происхожденіе и вѣра могли исключить изъ управленія вѣрныхъ подданныхъ, людей положительно преданныхъ монарху Россіи и кото-

рые были бы слишкомъ счастливы служить ему во всѣхъ случаяхъ, какъ бы ни былъ малъ кругъ ихъ дѣятельности». Стоило бы только повѣрить этой лжи, и освобожденіе крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ осталось бы одною мертвою буквою закона, польскіе посредники такъ обработали бы уставныя грамоты, что русскій народъ здѣшняго края послѣ дарованной ему свободы былъ бы закрѣпощенъ панамъ еще болѣе, чѣмъ до его освобожденія!..

По поводу клеветъ, разсѣеваемыхъ поляками о русскихъ чиновникахъ, графъ М. Н. Муравьевъ во всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ объ управленіи оставленнымъ имъ въ 1865 году краемъ, высказалъ слѣдующее: «Я вынужденъ былъ въ томъ же маѣ (1863 г.) закрыть всѣ мировыя учрежденія и сдѣлать вызовъ русскимъ людямъ для занятія должностей мировыхъ посредниковъ. Россія и на это отозвалась со свойственной ей готовностью; отовсюду явились русскіе дѣятели съ искреннимъ желаніемъ помочь русскому дѣлу и утвердить въ краѣ русскій бытъ и православіе; отовсюду стекались замѣчательныя личности, которыя постепенно были разсылаемы во всѣ уѣзды... Само-собою разумѣется, что мѣры эти, необходимыя для умиротворенія края и справедливыя въ своихъ началахъ, возбудили ропотъ со стороны польскихъ и нѣмецко-католическихъ помѣщиковъ; все возопіяло, и жалобы стали доходить до престола вашего императорскаго величества. Я все это зналъ, но оставался непреклоненъ и твердъ въ исполненіи начатаго дѣла, столь необходимаго для утвержденія русскаго владычества къ краѣ, ибо одно только сельское населеніе и старообрядцы того края, столь усердно содѣйствовавшіе потушенію мятежа, преданы вашему императорскому величеству; такъ-называемая же шляхта, паны и ксендзы были и будутъ всегдашними нашими врагами; ихъ преданности и увѣреніямъ не должно никогда вѣрить; крамола и обманъ есть основа ихъ чувствованій и воспитанія; они измѣняли Россіи и вѣнценосцамъ ея всякій разъ, когда встрѣчали къ тому возможность, они измѣняли собственному своему правительству—Рѣчи Посполитой и были виновниками ея паденія. Они и теперь ползаютъ и увѣряютъ въ преданности, тогда какъ на душѣ у нихъ таятся кинжалы, ядъ и убійства... Мировыя учрежденія, составленныя болѣе, чѣмъ изъ 400 лицъ, вызванныхъ изъ Россіи, съ примѣрнымъ самоотверженіемъ достигали цѣли, и нынѣ осталась одна треть всей работы... Но много потерпѣли гоненій и сіи дѣятели, много пущено было на нихъ клеветы и неправды, которыя доходили и до вашего императорскаго величества; ихъ обвиняли въ идеяхъ соціализма, въ разрушеніи общественнаго порядка, въ уничтоженіи правъ собственности, словомъ, во всемъ, что могло только опорочить ихъ честь и ослабить энергическую дѣятельность... Къ сожалѣнію, не одни поляки обвиняли мировыхъ дѣятелей, но и въ самомъ правительствѣ находились

поборники тѣхъ же мыслей, увлеченные происками польской и нѣмецко-католической аристократіи. Между мировыми посредниками встрѣчались иногда люди, не оправдывавшіе довѣрія, но ихъ тотчасъ же смѣняли и замѣщали достойнѣйшими. То же самое долженъ я сказать и о прочихъ русскихъ дѣятеляхъ, вызванныхъ для занятія гражданскихъ должностей въ Сѣверо-Западномъ краѣ на мѣста поляковъ... Всѣ возгласы и осужденія противу русскихъ дѣятелей, едва призванныхъ къ край и совершившихъ столь многое для пользы Россіи, есть большею частью клевета и, смѣю сказать, преступная измѣна; надобно понимать управленіе и знать, что вездѣ и всегда въ огромномъ дѣлѣ есть много недостатковъ, и что тамъ, гдѣ нужно было, не оглядываясь, быстро идти впередъ, чтобы потушить все обхватившій пожаръ, тамъ всѣ средства, даже въ обыкновенное время и не легальныя, должны были быть употреблены, ибо съ законностью насъ вынесли бы изъ края, какъ выносятъ сонныхъ дѣтей, а мы въ 1863 году были точно въ такомъ положеніи»...

Наконецъ, архіепископъ Антоній (Зубко), въ посмертномъ почти письмѣ своемъ отъ 26-го января 1884 года изъ Пожайскаго монастыря про русскихъ дѣятелей Сѣверо-Западнаго края писалъ слѣдующее: «Это письмо перенесло меня мыслью въ то прошедшее свѣтлое время, когда я лично бесѣдовалъ съ вами и товарищами вашими, когда вы честно трудились для блага Сѣверо-Западнаго края, сердечно обласкали тамошнюю горсточку русскихъ, почти забытыхъ людей, когда они, истомленные и изстрадавшіеся, нашли полное сочувствіе въ вашихъ сердцахъ. Счастливое то было время! Въ вашей русской семьѣ свободно дышалось, легко чувствовалось съ вами, было что-то простое, доступное, родное, невыразимо пріятное сердцу. Эти воспоминанія занимаютъ меня до такой степени, что я забываю даже физическія страданія. Рѣдко бываютъ въ жизни такія счастливыя минуты; но еще рѣже старушка Москва посылаетъ намъ Муравьевыхъ съ подобранными безкорыстными русскими людьми [1]).

Послѣ изложенія историческихъ данныхъ о государственной службѣ ополяченнаго дворянства въ западныхъ нашихъ губерніяхъ не будетъ излишнимъ сказать нѣсколько словъ и о служебной дѣятельности автора вышеприведеннаго письма, который, вопреки упованію благочестивыхъ его предковъ, далеко уклонился отъ завѣщанной ими потомкамъ любвеобильной заботливости объ огражденіи въ Западномъ краѣ православной вѣры и русской народности, отъ преслѣдованія и посягательствъ латинства. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что фамиліи Ваньковичей принадлежала къ именитымъ родамъ православнаго дворянства здѣшняго края; на актѣ, составленномъ дво-

[1]) „Московскія Вѣдомости“ 1884 г., № 35.

рянами православнаго вѣроисповѣданія въ 1617 году[1]), гдѣ они заявили протестъ, что «мимо позволенія всей Руси, нѣкоторые духовные отступили православной старожитной греческой религіи, пристали подъ послушничество папежа римскаго, на что̀ они, дворяне, согласія никогда не давали»; въ числѣ 52 подписей находится и Адамъ Ваньковичъ, который принималъ дѣятельное участіе въ устроеніи Минскаго православнаго братства и православнаго Петропавловскаго монастыря, подъ который уступилъ свою землю, а умирая, завѣщалъ своимъ потомкамъ «строго хранить православную вѣру и быть защитниками восточной церкви» (Собр. гр. Мин. губ.).

Послѣ смерти Адама Ваньковича имѣніе «Волма» было завѣщано Ивану Ваньковичу, впослѣдствіи перешло Аполлинарію, уже римско-католику, а отъ него къ автору письма Льву Ваньковичу, предводителю дворянства Минскаго уѣзда; крестьяне Волмянскаго прихода приняли въ 1865 году православіе; костелъ былъ закрытъ и обращенъ въ православную церковь. Вообще, послѣ умиренія мятежа, стало обнаруживаться между крестьянами латинскаго исповѣданія желаніе переходить въ православіе. Да иначе оно и быть не могло: видя всю мерзость, которую продѣлывали ксендзы, припоминая гнетъ польской панщины и сравнивая все это съ дѣйствіями православнаго духовенства и повѣрочныхъ коммиссій, которыя ограждали ихъ отъ папско-ксендзовскаго произвола, они припомнили свое русское происхожденіе и пожелали возвратиться въ ту вѣру, къ которой еще такъ недавно принадлежали ихъ дѣды, и которую исповѣдуетъ русскій царь, даровавшій имъ свободу. При К. П. Кауфманѣ движеніе это приняло серьезный оборотъ: не только цѣлые приходы съ ксендзами во главѣ начали обращаться въ православіе, но даже и болѣе благомыслящіе паны, видя рѣшительныя мѣры правительства къ упроченію въ краѣ русской вѣры и русской народности, обратились къ минскому архіепископу съ заявленіемъ, что они не прочь были бы сдѣлаться православными, но желали бы предоставить инициативу въ этомъ дѣлѣ правительству. Архіепископъ Михаилъ написалъ объ этомъ главному начальнику края, но тутъ польская интрига успѣла повести дѣло такъ, что на мѣсто К. П. Кауфмана былъ назначенъ графъ Э. Т. Барановъ, и вотъ въ первыхъ числахъ октября мѣсяца 1866 года, т. е. въ то время, когда разнеслись слухи о томъ, что генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ не возвратится въ Вильну, предводитель дворянства Ваньковичъ представилъ губернатору поданное ему волмянскими крестьянами прошеніе, въ которомъ они жаловались «на насильственное посредствомъ побоевъ обращеніе римско-католиковъ въ православіе». Прошеніе это было напи-

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ Минской губ., 1848 г. № 65.

сано отъ имени крестьянъ Василія и Григорія Кулей, Антона Химодры и Михаила Золотаря, а подписано за нихъ, какъ за неграмотныхъ, Андреемъ Михайловичемъ Котлубовичемъ. Бывшій тогда минскимъ губернаторомъ, генералъ-маіоръ П. Н. Шелгуновъ поручилъ тотчасъ же старшему чиновнику особыхъ порученій Дмитровскому произвести по этой просьбѣ строжайшее дознаніе. Что же обнаружилось? Спрошенные при свидѣтеляхъ, каждый порознь, крестьяне, отъ имени которыхъ написано было прошеніе къ предводителю дворянства Минскаго уѣзда Ваньковичу, показали, что никакого прошенія ему не подавали; затѣмъ на вторично предложенный имъ вопросъ, не подавали-ли они г. Ваньковичу прошеніе съ жалобою на насильственное обращеніе римско-католиковъ въ православіе, крестьяне пояснили, что такого прошенія они ему не подавали; подписавшаго прошеніе крестьянина Андрея Михайлова Котлубовича они не знаютъ. Оказалось, что оба Кули вѣроисповѣданія римско-католическаго, къ принятію православія никто ихъ не принуждалъ, и что они не были въ волостномъ правленіи въ то время, когда волмянскіе крестьяне дали подписку въ добровольномъ присоединеніи къ православію. Такимъ образомъ обнаруживался подлогъ въ подачѣ прошенія. Дальнѣйшимъ розысканіемъ было открыто, что сказанный крестьянинъ Андрей Котлубовичъ съ малолѣтства проживаетъ у предводителя дворянства Ваньковича; до 19-го февраля 1861 года былъ дворовымъ человѣкомъ и камердинеромъ, а послѣ того приписался къ Волмянской волости въ крестьяне, оставаясь при прежнихъ занятіяхъ, вѣроисповѣданія римско-католическаго. Спрошенный чиновникомъ особыхъ порученій, крестьянинъ Котлубовичъ сознался, что предъявленное ему прошеніе дѣйствительно подписано имъ въ канцеляріи уѣзднаго предводителя дворянства, и что передъ отъѣздомъ его барина въ Петербургъ, крестьянинъ В. Куль просилъ его подписать какое-то прошеніе, но кѣмъ было написано это прошеніе и какого содержанія—онъ не знаетъ. Такъ какъ въ почеркѣ руки переписчика оказалось большое сходство съ почеркомъ штатнаго письмоводителя канцеляріи минскаго уѣзднаго предводителя дворянства, чиновника Павловскаго, то на предложенный ему вопросъ по этому поводу онъ пояснилъ, что прошеніе дѣйствительно переписано его рукой, и имъ же составлено со словъ просителя крестьянина В. Куля въ канцеляріи предводителя дворянства г. Ваньковича съ вѣдома и разрѣшенія сего послѣдняго; чиновникъ Павловскій былъ тоже римско-католикъ. Когда объ всемъ этомъ было доложено губернатору, онъ немедленно распорядился производствомъ слѣдствія, которое было прекращено по телеграфному приказанію вновь назначеннаго генералъ-губернатора графа Э. Т. Баранова. Послѣ всего вышесказаннаго невольно приходитъ на мысль вопросъ: каковы же должны были быть тѣ «вѣрные подданные и положительно преданные монарху Россіи» польскіе чиновники, которые были удалены со службы графомъ

М. Н. Муравьевымъ, если оставленный имъ на мѣстѣ дозволялъ себѣ подобныя продѣлки? А между тѣмъ, польскіе крамольники, а вслѣдъ за ними и наши либералы, борзописцы Петербурга, въ которомъ свила себѣ темное гнѣздо разношерстая крамола, распускали разные нелѣпые слухи о поголовномъ, будто бы, изгнаніи графомъ М. Н. Муравьевымъ «невинныхъ польскихъ чиновниковъ», въ видахъ преслѣдованія имъ «польской вѣры и народности». Насколько мало правды въ этомъ злонамѣренномъ разглагольствованіи, каждый можетъ убѣдиться, заглянувъ въ сборникъ циркулярныхъ его распоряженій [1]), въ которыхъ онъ спрашивалъ губернаторовъ: «достаточно-ли благонадежны чиновники польскаго происхожденія, чтобы ихъ возможно было оставить на дальнѣйшее время на службѣ», при чемъ поручилъ имъ «замѣщать тѣхъ изъ нихъ, которые не представляютъ достаточной политической благонадежности, чиновниками изъ русскихъ уроженцевъ». Въ подобныхъ распоряженіяхъ не предстояло бы надобности, если бы всѣ польскіе чиновники были имъ удалены со службы; мало того, благонадежные чиновники изъ польскихъ уроженцевъ пользовались покровительствомъ графа М. Н. Муравьева; онъ предоставлялъ имъ въ Августовской губерніи отличныя мѣста съ содержаніемъ отъ 1.500 руб. до 4.000 руб. въ годъ. Подпольный ржондъ распорядился иначе со своими чиновными собратіями; онъ издалъ строжайшій приказъ, чтобы они поголовно оставили службу русскому правительству, подъ угрозой смертной казни, что̀ многими изъ мировыхъ посредниковъ и было исполнено въ послѣднее время генералъ-губернаторствованія В. Н. Назимова. Положеніе было критическое, такъ какъ русскихъ чиновниковъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ было немного; пріѣхавшій вскорѣ послѣ этого распоряженія графъ М. Н. Муравьевъ тотчасъ же отдалъ подъ судъ всѣхъ подавшихъ просьбу объ отставкѣ, а остальныхъ уволилъ по ихъ общей политической неблагонадежности, что̀ они доказали на дѣлѣ составленными уставными грамотами для крестьянъ, посредствомъ которыхъ они подготовили имъ положеніе еще болѣе тяжелое, чѣмъ было при крѣпостномъ правѣ. Государственный умъ графа М. Н. Муравьева ясно понялъ все это и далъ надлежащее направленіе разрѣшенію крестьянскаго вопроса въ Западномъ краѣ; польская справа тотчасъ же почуяла надвигающуюся на нее бѣду и забила тревогу; раздались жалобы польско-нѣмецко-католической аристократіи въ Петербургѣ, и вотъ какъ бы на выручку имъ появляется генералъ Потаповъ, разсчитывая на котораго, паны не постыдились въ письмѣ своемъ льстить ему и тѣмъ расположить его въ свою пользу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Изданный генераломъ Цыловымъ. См. циркуляры подъ числами: 23-го іюня, 19-го іюля, 2-го сентября 1863 года, 15-го января, 23-го марта, 21-го и 22-го іюля и 24-го ноября 1864 года.

Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ П. Г. Дивову.

Pawlowsky, le 23 Août 1801.

Monsieur le conseiller d'état de Divoff.

Je suis très sensible à la confiance que vous m'avez témoignée, en me communiquant le mémoire et les plans que vous avez dressés sur la situation actuelle de la Russie; mais comme ce sont des matières d'état et que je me suis fait une règle irrévocable de n'y prendre aucune part, ni directe, ni indirecte, je me vois dans le cas de vous renvoyer ces pièces, supposant que vous les ferez parvenir par la voie ordinaire à la connaissance de l'empereur, mon très cher fils.

Je suis au reste votre bien affectionnée

Marie.

Переводъ. Павловскъ, 23-го августа 1801 г.

Господинъ статскій совѣтникъ Дивовъ. Я весьма тронута довѣріемъ, которое вы мнѣ оказали, сообщивъ мнѣ записку и предположенія ваши о современномъ состояніи Россіи. Но такъ какъ это касается дѣлъ государственныхъ, а я поставила себѣ непреложнымъ правиломъ не принимать въ нихъ никакого участія, ни прямого, ни косвеннаго, то я вынуждена вернуть вамъ эти бумаги, полагая, что вы доведете ихъ, установленнымъ порядкомъ, до свѣдѣнія государя императора, моего любезнѣйшаго сына. Впрочемъ пребываю къ вамъ доброжелательною. Марія.

Два письма (графа) М. Н. Муравьева

къ шефу жандармовъ князю В. А. Долгорукову

о положеніи дѣлъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

1.

Вильна, 20-го іюля 1863 г.

Милостивый государь князь Василій Андреевичъ.

Приношу вашему сіятельству мою искренную благодарность за обязательное исполненіе моего ходатайства о назначеніи генерала Скворцова въ Гродно губернаторомъ; я надѣюсь, что онъ будетъ полезенъ въ этой должности, ибо Гродненская губернія требуетъ дѣятельнаго и знающаго порядокъ управленія начальника. Буду жалѣть, ежели генералъ Дренякинъ по причинѣ нездоровья откажется отъ 4-го округа; онъ здѣсь былъ бы очень полезенъ, ибо знаетъ хорошо край; впрочемъ, мнѣ кажется, что, до времени, могъ бы управлять округомъ полковникъ Лосевъ, человѣкъ весьма дѣльный и благонамѣренный. Что же касается до полковника Буцковскаго, я его знаю съ весьма хорошей стороны; но едва-ли онъ знакомъ съ здѣшнимъ краемъ, что̀ въ настоящее время весьма необходимо; впрочемъ, при содѣйствіи полковника Лосева, я полагаю, что и Буцковскій будетъ полезенъ, и потому прошу ваше сіятельство устроить это дѣло, какъ вы изволите признать это за лучшее и возможнымъ, я же искренно вамъ благодаренъ за ваше обязательное содѣйствіе и вниманіе къ моему ходатайству.

Дѣло укрощенія мятежа идетъ весьма успѣшно. Во всѣхъ губерніяхъ все почти утихло; скитаются только кой-гдѣ небольшія разбойническія шайки въ Гродненской и Ковенской губерніяхъ и немного въ Минской; въ Виленской же губерніи все совершенно утихло. Теперь

одна забота переловить этихъ разбойниковъ, которые дѣлаютъ въ иныхъ мѣстахъ злодѣянія, стараясь навести страхъ на крестьянъ, которые всѣ усердно содѣйствуютъ правительству, даже и въ Ковенской губерніи. Надѣюсь, что за принятыми мѣрами скоро справлюсь и съ этими бандами, которымъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочувствуютъ помѣщики и даютъ пріютъ.

Много крестьянъ и вообще простолюдиновъ возвращаются въ свои домы; имъ объявляется пощада, и съ приводомъ къ присягѣ водворяются на прежнее мѣсто жительства подъ поручительствомъ ихъ сельскихъ обществъ. Я признаю эту мѣру необходимою для успокоенія края. Впрочемъ, теперь рабочая пора, и потому всѣ уходятъ изъ шаекъ. Увидимъ впослѣдствіи, будутъ-ли они вновь формировать шайки; по всѣмъ вѣроятіямъ, имъ уже этого не удастся, ибо вездѣ дѣйствуютъ военно-гражданскія управленія, даже и въ Ковенской губерніи, изъ которой я получилъ весьма утѣшительныя свѣдѣнія.

Прошу ваше сіятельство доложить объ этомъ государю; смѣю теперь завѣрить, что главное дѣло сдѣлано; власть правительства вездѣ возстановлена, и устрашенные мятежники скрываются, гдѣ только могутъ, и многіе уже ушли въ Царство Польское; теперь послѣднихъ забираемъ.

Ежели европейскія державы не помѣшаютъ, то въ Литвѣ мятежъ будетъ очень скоро окончательно подавленъ. Я даже распорядился объ уменьшеніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ войскъ, которыя буду сосредоточивать для отправленія, въ случаѣ войны, къ Балтійскому прибрежью.

Надѣюсь, что постепенно можно будетъ въ скоромъ времени собрать до 50 и болѣе ротъ для отправленія на сѣверъ Ковенской губерніи. Надобно только повременить, чтобы удостовѣриться, какое произведетъ въ краѣ вліяніе вмѣшательство Европы, ежели таковое будетъ.

Дворянство здѣсь совсѣмъ упало духомъ и готово просить пощады, но чего-то еще ждетъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что скоро и это одолѣю, ибо партія революціонная всякій день переходитъ въ остроги, и главные ея дѣятели взяты.

Ваше сіятельство мнѣ изволили писать, что строгія мѣры устрашаютъ Европу и препятствуютъ нашимъ переговорамъ съ иностранными державами. Опытъ достаточно указалъ, что однѣ энергическія мѣры могли усмирить мятежъ и возвратить край Россіи, ибо, конечно, можно съ положительностью сказать, что въ Литвѣ уже не было правительственной власти и всѣ повиновались революціонному комитету. Впрочемъ, я теперь свою обязанность предъ государемъ и Россіею выполнилъ по совѣсти, не взирая ни на какія препоны, опасности и

возгласы заграничныхъ и, къ сожалѣнію, даже и нѣкоторыхъ русскихъ, и потому, ежели признается нужнымъ возвратиться къ прежней системѣ, то можно уже обойтись и безъ меня. Вашему сіятельству извѣстно, что я не искалъ занимаемаго мною теперь мѣста, и ежели ваше сіятельство находите, что, по высшимъ государственнымъ соображеніямъ, надобно измѣнить здѣсь образъ дѣйствій, то я, конечно, почту себя счастливымъ оставить безъ замедленія трудное поприще, на которое я призванъ волею государя, тѣмъ болѣе, что мнѣ измѣняетъ здоровье, а въ особенности глаза.

Простите, ваше сіятельство, что я съ полною откровенностью отвѣчаю на письмо, въ коемъ вы сообщили взглядъ свой на неблагопріятное впечатлѣніе, происходящее отъ моего образа управленія. Я это зналъ при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга и предупреждалъ въ этомъ и его величество и васъ. Теперь мнѣ удалось, съ помощью Божіею, смирить мятежный край, и потому, можетъ быть, и лучше будетъ, ежели назначатъ другаго на мое мѣсто; я же почту себя совершенно счастливымъ, когда избавятъ меня отъ тяжкаго во всѣхъ отношеніяхъ бремени управленія и окончательнаго умиротворенія этого края.

Обращаясь къ моральному настроенію здѣсь умовъ, я полагаю, что, при общемъ упадкѣ здѣсь духа, можно будетъ справиться съ дворянствомъ и оградить Россію на долгое время отъ повторенія подобнаго общаго возстанія.

Я увѣренъ, что ваше сіятельство, по постоянно обязательному ко мнѣ расположенію, примете сіе мое искреннее изліяніе мыслей и чувствъ со свойственною вамъ снисходительностью и полною увѣренностью, что всѣми моими дѣйствіями руководило одно пламенное желаніе исполнить долгъ вѣрноподданнаго и русскаго, и потому при трудности обстоятельствъ могу надѣяться на нѣкоторое снисхожденіе къ тѣмъ ошибкамъ, которыя не могли не быть мною сдѣланы въ огромномъ ввѣренномъ мнѣ управленіи.

Оканчиваю письмо, ибо слишкомъ обременилъ васъ длиннымъ моимъ и при томъ неразборчивымъ письмомъ; извините, меня увлекли мысли и желаніе сообщить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о положеніи края. Въ непродолжительномъ времени я васъ увѣдомлю и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ по управленію.

Примите увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности.

Михаилъ Муравьевъ.

Я бы покорнѣйше просилъ ваше сіятельство сообщить мнѣ о ходѣ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Европою, это чрезвычайно важно для здѣшняго края.

*

2.

Вильна, 16-го января 1864 г.

Милостивый государь князь Василій Андреевичъ.

Приношу вашему сіятельству мою искренную благодарность за благія пожеланія на нынѣшній начинающійся годъ. Богъ укрѣпилъ силы мои въ продолженіи трудной борьбы съ крамолою въ здѣшнемъ краѣ и благословилъ успѣхомъ; нынѣ молю Всевышняго о дарованіи долготерпѣнія противу лжи и клеветы. Здоровье мое сильно потерпѣло, и въ особенности зрѣніе, отъ понесенныхъ трудовъ; но исполню волю государя императора и останусь здѣсь, доколѣ силы мои дозволятъ. Не полагаю однакожъ, чтобы сіе могло долго продолжиться.

Теперь край вездѣ спокоенъ; ожидаю приближенія весны; надѣюсь, что и тогда будетъ вездѣ смирно; развѣ появятся кое-гдѣ въ лѣсахъ разбойничьи небольшія банды, обыкновенное послѣдствіе послѣ политическихъ безпорядковъ; но и онѣ при бдительномъ дѣйствіи военно-гражданскаго управленія будутъ скоро уничтожены.

Въ настоящее время главная предстоитъ забота, будущее прочное устройство края и уничтоженіе всякаго элемента мятежа. Для этого необходимо единодушное содѣйствіе главнаго центральнаго управленія въ столицѣ; по этой же собственно причинѣ представляются и теперь даже немаловажныя затрудненія и медленность въ дѣйствіяхъ на мѣстахъ.

Ваше сіятельство препроводили ко мнѣ просьбу графа Тишкевича о продолженіи ему пребыванія за границею; я нахожу, что удовлетвореніе его желанія было бы вредно въ политическомъ отношеніи для края. Графъ Тишкевичъ былъ главный зачинщикъ мятежа, и всѣ здѣшніе крамольники смотрятъ на него, какъ на представителя польской пропаганды. Прошу ваше сіятельство доложить объ этомъ государю императору и представить прилагаемую при семъ записку и мое мнѣніе о графѣ Тишкевичѣ.

Сформированіе жандармскихъ командъ идетъ довольно медленно, и едва-ли даже въ половинѣ февраля удастся окончательно сформировать хотя часть оныхъ. Люди прибудутъ изъ полковъ въ концѣ нынѣшняго мѣсяца.

Еще разъ благодарю ваше сіятельство за ваше обо мнѣ воспоминанье и прошу принять увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и преданности.

Михаилъ Муравьевъ.

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ[1]).

Num. 37.

À Pawlowsk. Ce 1 Juillet 1815.

J'ai à vous remercier, mes bons et chers enfants, mes bons amis, de vos aimables lettres qui embrassent depuis Manheim jusqu'à Weissemburg, car vous faites bien du chemin. Il se passe des choses, des choses non dans votre maison, mais dans le pays où vous vous trouvez, qui font faire la figure étonnée de Nicolas dans le Proverbe. Je suis bien aise de vous voir juger la fameuse abdication de Napoléon en faveur de son fils comme elle doit l'être, et bénis mon Dieu de voir cette unanimité de façon de voir dans tous les souverains. Mais quelle audace de Napoléon de supposer que les souverains reconnaîtront son abdication sans qu'ils n'ont pas reconnu son avènement! Au reste la bonne nouvelle du gouvernement provisoire au nom de Louis XVIII se vérifie par les gazettes; des lettres particulières disent que Napoléon est arrêté: ce serait le premier des bonheurs, qu'au reste vous ne me laisserez pas ignorer, car vous savez, mes amis, le tendre intérêt que je prends à lui. Je vous rendrai compte demain de ma journée et de mes occupations: je me sens bien fatiguée aujourd'hui, et ma matinée a commencé bien tristement ayant appris à mon réveil la mort subite d'un de mes gens, de mon bon Kussof, qui se portait bien, avait bien dîné, bien soupé, m'avait roulé les cheveux; en sortant de ma chambre.

[1]) См. „Русскую Старину", августъ 1903 г.

il sort là où se tiennent les domestiques pour aller chez lui, il lui prend un vertige, il demande de l'eau, il veut s'asseoir, tombe et meurt trois minutes après être sorti de ma chambre. Creitton était au Palais Taurique ayant eu l'attention d'y rester parce que nous n'avions pas même un chirurgien avec nous, on accourt le chercher, mais il n'y avait rien à faire. Le pauvre malheureux s'était proposé d'aller ce matin à la pêche, et au lieu de cela le voilà dans l'autre monde. Il se plaignait des vertiges depuis une quinzaine, mais qui lui passaient à l'instant, même il devait prendre à cause de cela une décoction, dès ce qu'il ferait un peu plus chaud. Harry m'a dit ce soir qu'il avait été pour les hémorrhoïdes dans l'état du comte Golovkin et qu'il perdait beaucoup de sang, que ses enfants de 7 ans avaient la même maladie, que depuis quelque temps ce sang s'était arrêté et qu'il souffrait de fortes constipations; il y a quinze jours qu'il lui avait donné une médecine pour cela, mais que sa constitution était telle qu'il lui avait dit de veiller: peut-être s'est-il négligé et avec ce sang arrêté par la constipation la congestion s'est portée à la tête. Mes gens ont eu l'attention de me cacher ce malheur hier au soir, toujours je m'en suis bien effrayée ce matin, car de voir un homme bien portant et dispos, la veille se préparant à son plaisir, et le savoir mort le lendemain, c'est cruel, en outre il est affreux de perdre un bon serviteur. Bonsoir, mes bons amis, vous le regretterez, car vous aimez aussi les vôtres. Je vous embrasse tendrement. J'ai béni mon Dieu de m'avoir épargné l'horrible spectacle de le voir tomber dans ma chambre; s'il était resté quelques minutes de plus à me rouler les cheveux, cela lui serait arrivé chez moi. Jugez de l'effroi que j'en aurais ressenti. Dieu a été miséricordieux pour moi, d'autant plus qu'en lisant les gazettes je m'étais endormie, c'est à dire je sommeillais pendant qu'il me roulait les cheveux et ne me suis presque pas aperçu lorsqu'il est sorti de la chambre. Quel aurait été mon réveil, si je l'avais entendu tomber! Pauvre homme, sa perte me fait grande peine.

Ce Vendredi, 2 Juillet.

Je conçois, mes bons amis, combien les marches que vous faites avec l'empereur doivent vous faire plaisir. Je me réjouis de ses bontés pour vous et suis bien persuadée que vous les mériterez toujours comme vous le faites. L'empereur me parle de vous avec bien de l'amitié ce qui me rend très heureuse. Il me paraît que vous cheminez tout bonnement vers Paris. Au cas que vous vous y trouviez de nouveau, mes bons amis, j'aurais à vous conjurer de vous répéter journellement que c'est le siège de toutes les corruptions et qu'aussi la plus grande vigilance sur vous-mêmes et la plus grande prudence est de nécessité: soyez bien et bien precautionnés sur le choix des français que vous admettrez chez

vous; j'espère que vu les intrigues de Madame Hortense vous ne la verrez pas: cela ne conviendrait pas sous aucun rapport. Les gazettes d'Hambourg disent Napoléon arrêté, tout aussi bien que les nouvelles de Berlin, et Macdonald et Oudinot à la tête des affaires. J'attends avec impatience que ces nouvelles se vérifient, mais vu la marche des affaires je n'attends pas de sitôt des nouvelles de l'empereur, car il doit être bien occupé. Ma journée n'offre rien de remarquable: il a fait assez beau, et je me suis promenée ce matin à pied; ce soir nous avons soupé au Pavillon des roses. Kurakin est revenu chez moi; il a l'air défait et boit de l'eau de santé par ordre du médecin. Bonsoir, mes bons amis. Morphée s'empare de moi. Je vous embrasse bien tendrement.

Ce 3 Juillet.

Chers enfants, j'ai écrit.....[1]) ce matin et n'ai plus qu'un instant pour vous faire mes doléances parce que la nouvelle de l'arrestation de Napoléon est fausse. Que je voudrais vous dire tout ce que je pense, mais je crois que la prudence est plus nécessaire que jamais. Parlez-moi des nouvelles publiques. Est-il vrai que Macdonald et Oudinot sont pour le roi? Si tel est le cas, j'espère que la nation se déclarera pour lui; Dieu le veuille, car sans le retour de la dynastie des Bourbons en France pas de calme, ni de bonheur pour aucun pays: chaque ambitieux voudra jouer un rôle et je crains les ambitieux jacobins en principe de libéralité. Adieu, mes enfants. Cher Nicoche, le crayon est-il cassé? Pas un petit dessin. Vos farces royales m'ont fait rire, mais si le prince royal vous demande ce que j'ai dit, dites-lui que me trouvant seule avec vous quatre j'en rirais de bon coeur, mais que devant le monde il n'en serait pas de même, que dans notre siècle les princes ont besoin de tous leurs efforts pour se faire respecter et estimer et que je prends si grand intérêt à lui, que je désire qu'il le soit depuis sa première jeunesse. Adieu, chers et bons enfants, mes compliments à M-r de Konovnitzin et à vos messieurs. J'ai des lettres de papa Lamsdorf; il se plaint de sa santé. Je vous embrasse et vous bénis de toutes mes bénédictions. Ne m'oubliez pas. Marie.

Tout le monde demande de vos nouvelles. Dites à Arsénief que j'ai vu sa femme aujourd'hui qui se porte bien.

Voici, chers enfants, une lettre pour le fils du comte Tolstoi.

Павловскъ, 1-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Я должна поблагодарить васъ, добрыя и дорогія дѣти, добрые друзья мои, за ваши милыя письма, въ которыхъ вы описываете путь отъ Мангейма до Вейсенбурга; вы ѣдете очень быстро. Происходятъ такія

[1]) Слово не разобрано.

вещи,—такія вещи, но не въ вашемъ домѣ, а въ той странѣ, гдѣ вы находитесь, которыя заставляютъ меня сдѣлать такое же удивленное лицо, какое имѣлъ Николай, когда играли «Proverbe». Я очень довольна, что вы высказываете правильное сужденіе о пресловутомъ отреченіи Наполеона въ пользу своего сына, и благословляю Бога за то, что всѣ монархи имѣютъ объ этомъ одинаковое мнѣніе. Но какова дерзость со стороны Наполеона предполагать, что монархи признаютъ актъ его отреченія, когда они не признали его правъ на престолъ. Впрочемъ, пріятное извѣстіе объ учрежденіи временнаго правительства отъ имени Людовика XVIII подтверждается газетами; въ частныхъ письмахъ сообщаютъ о томъ, что Наполеонъ арестованъ: это было бы величайшее счастье, о чемъ, впрочемъ, вы навѣрно сообщите мнѣ, ибо вы знаете, друзья мои, какое нѣжное участіе я принимаю въ немъ. Завтра я сообщу вамъ о томъ, какъ я провела день и чѣмъ занималась: сегодня я чувствую себя весьма утомленной; утро началось для меня самымъ печальнымъ образомъ, такъ какъ, проснувшись, я узнала о внезапной кончинѣ одного изъ моихъ слугъ, моего добраго Кусова, который былъ совсѣмъ здоровъ, хорошо пообѣдалъ, хорошо поужиналъ, причесалъ мнѣ волосы; выйдя изъ моей комнаты, онъ прошелъ туда, гдѣ стоятъ лакеи, чтобы отправиться къ себѣ, какъ вдругъ у него закружилась голова, онъ попросилъ воды, хотѣлъ сѣсть, упалъ и умеръ три минуты спустя послѣ того, какъ онъ вышелъ изъ моей комнаты. Крейтонъ находился въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ онъ хотѣлъ остаться, потому что при насъ не было даже лѣкаря; за нимъ побѣжали, но ничего нельзя было сдѣлать. Несчастный собирался сегодня утромъ на рыбную ловлю, а вмѣсто этого отправился на тотъ свѣтъ. Онъ уже недѣли двѣ жаловался на головокруженіе, но оно бывало непродолжительно, ему былъ даже прописанъ по этому случаю какой-то декоктъ, который онъ долженъ былъ пить съ наступленіемъ теплаго времени. Гарри сказалъ мнѣ, что онъ страдалъ геморроемъ, какъ гр. Головкинъ, и много терялъ крови; его дѣти, съ 7 лѣтъ, страдаютъ тою же болѣзнію; послѣднее время кровотеченіе остановилось, и онъ страдалъ сильными запорами; недѣли двѣ тому назадъ Гарри прописалъ ему отъ этого лѣкарство, но его сложеніе было такого рода, что Гарри велѣлъ ему слѣдить за собой; быть можетъ, онъ не обращалъ вниманія на свое здоровье, и кровь, застоявшаяся вслѣдствіе запоровъ, ударила ему въ голову. Мои люди были настолько внимательны, что скрыли отъ меня это несчастье вчера вечеромъ; тѣмъ не менѣе я была чрезвычайно напугана сегодня утромъ, ибо тяжело видѣть человѣка, который былъ вполнѣ бодръ и здоровъ наканунѣ, а на другой день былъ уже мертвъ; кромѣ того ужасно потерять хорошаго слугу. Прощайте, добрые друзья мои, вы пожалѣете о немъ, такъ какъ вы такъ же любите своихъ слугъ. Нѣжно обнимаю васъ. Я благодарила

Бога, что мнѣ не пришлось быть свидѣтельницей этого ужаснаго зрѣлища, и что онъ не упалъ въ моей комнатѣ; если бы онъ прочесывалъ меня нѣсколько минутъ долѣе, это случилось бы съ нимъ у меня. Можете посудить о томъ, какъ бы это напугало меня. Богъ былъ милостивъ ко мнѣ, тѣмъ болѣе, что, читая газеты, я заснула, т. е. я задремала въ то время, какъ онъ прочесывалъ меня, и почти не замѣтила, когда онъ вышелъ изъ моей комнаты. Каково было бы мое пробужденіе, если бы я услыхала, какъ онъ упалъ! Бѣдный, его смерть очень огорчаетъ меня.

Пятница, 2-го іюля.

Могу себѣ представить, добрые друзья мои, какое удовольствіе должны вамъ доставлять переходы, совершаемые вами вмѣстѣ съ императоромъ. Я радуюсь его милостивому расположенію къ вамъ и увѣрена, что вы и впредь заслужите его такъ же, какъ и теперь. Императоръ отзывается мнѣ о васъ съ большою любовью, что̀ меня очень радуетъ. Мнѣ кажется, что вы идете прямо на Парижъ. Если вы снова очутитесь тамъ, добрые друзья мои, то умоляю васъ повторять себѣ ежедневно, что это есть средоточіе всякаго разврата, и что поэтому вамъ необходимо какъ можно болѣе слѣдить за собой и соблюдать величайшую осторожность: будьте очень и очень осторожны въ выборѣ тѣхъ французовъ, которыхъ вы допустите къ себѣ; надѣюсь, что, въ виду интригъ королевы Гортензіи, вы не увидитесь съ нею; это было бы неподходящимъ для васъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ гамбургскихъ газетахъ пишутъ, что Наполеонъ арестованъ; то же сообщаютъ изъ Берлина, а также что дѣлами руководятъ Макдональдъ и Удино. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ, чтобы эти извѣстія подтвердились, но, при теперешнемъ ходѣ дѣлъ, я не надѣюсь получить особенно скоро извѣстій отъ императора, такъ какъ онъ, вѣроятно, очень занятъ. Сегодня не произошло ничего особеннаго; погода была довольно хороша, и я гуляла по утру пѣшкомъ; вечеромъ мы ужинали въ Розовомъ павильонѣ. Куракинъ вернулся; у него нездоровый видъ, и по совѣту врача онъ пьетъ воды. Прощайте, добрые друзья мои. Морфей овладѣваетъ мною. Нѣжно обнимаю васъ.

3-го іюля.

Дорогія дѣти, я писала..... сегодня утромъ и располагаю только свободной минутой, чтобы высказать вамъ мое сожалѣніе по поводу того, что извѣстіе объ арестѣ Наполеона оказалось ложнымъ. Какъ хотѣла бы я высказать вамъ все, что̀ я думаю, но я полагаю, что осторожность теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо. Сообщите мнѣ новости, которыя ходятъ въ обществѣ; правда-ли, что Макдональдъ и Удино за короля; если это такъ, то надѣюсь, что народъ выскажется за него; дай Богъ, ибо если династія Бурбоновъ не вернется во Францію, то ни въ одной

странѣ не будетъ ни спокойствія, ни благополучія: всякій честолюбецъ захочетъ играть роль, а я боюсь честолюбивыхъ якобинцевъ, проповѣдующихъ либеральные принципы. Прощайте, дѣти мои. Дорогой Никошъ, развѣ вашъ карандашъ сломанъ? Я не вижу ни одного, хотя бы самаго маленькаго, рисунка. Сообщаемыя вами королевскія шутки посмѣшили меня, но если наслѣдный принцъ спроситъ васъ, что я объ этомъ сказала, то передайте ему, что еслибы мы были съ вами вчетверомъ, то я отъ души посмѣялась бы, но что я не сдѣлала бы этого при всѣхъ; въ нашъ вѣкъ монархамъ слѣдуетъ всячески заботиться о томъ, чтобы снискать уваженіе; я принимаю въ немъ такое большое участіе, что мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ пользовался этимъ уваженіемъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Прощайте, дорогія и добрыя дѣти, поклонъ г. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ. Я получила письмо отъ папаши Ламсдорфа, онъ жалуется на свое здоровье. Обнимаю васъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Не забывайте меня. Марія.

Всѣ спрашиваютъ о васъ. Скажите Арсеньеву, что я видѣла сегодня его жену; она здорова.

Вотъ, дорогія дѣти, письмо для сына гр. Толстаго.

Num. 38.

Ce 3 Juillet au soir 1815.

M-r de Baranof, fils de celui qui est aux enfants trouvés, est nommé par M-r de Wiasmitinof pour se rendre au quartier général; il m'a fait avertir de son départ, et me voici donc la plume en main pour vous dire que je pense sans cesse à vous, mes chers enfants, que je voudrais voir finie cette guerre et vous revoir tous chez nous. Depuis que des nouvelles de Berlin disent celle de l'arrestation de Napoléon fausse et que tout se borne à son abdication pour son fils, je nourris des inquiétudes, quoique l'empereur m'ait marqué qu'on ne pouvait reconnaître l'abdication de celui qu'on n'avait pas reconnu être sur le trône, mais je suis inquiète des intrigues du comte M. [1]) (je parle franchement, cette lettre vous passant de mains en mains au lieu que je suis prudente pour le courriers). Il croira régner en France si le b a m b i n est reconnu. Que Dieu nous en préserve. L'exemple serait affreux et entraînerait les suites les plus funestes. Vous n'avez pas d'idée, mes enfants, combien généralement on désire ici le retour des Bourbons sur le trône, et cela par respect pour les droits de la famille: bienheureux le pays où la nation vénère l'antiquité des droits d'une dynastie régnante! Il ne faut pas altérer cette vertu, car elle base sur la tranquillité des états. Ensuite on attache une espèce de honte chez nous à voir occupé le trône par les descendants d'un brigand heureux. Enfin Dieu en décidera mieux

[1]) Вѣроятно, Меттерниха.

que les hommes; n'anticipons pas sur Ses décrets. Ma journée n'a été marquée d'aucun événement: nous avons dîné au Pavillon des roses; la princesse Galitzin a présenté aujourd'hui sa petite-fille la comtesse Stroganof (Sophie), elle est charmante, c'est une figure de Greuse dont la candeur enchante et est préférable à mes yeux à la plus grande beauté; j'ai vu ce soir Madame Archarof et sa fille qui a beaucoup embelli. Ma belle-soeur part demain matin pour les bains de mer en Courlande: sa jambe va mieux, mais il faut la fortifier et chasser le reste de l'enflure. Elle me laisse ses enfants et quitte Pawlowsk et sa maison avec la plus grande peine, s'y étant beaucoup plue; Dieu veuille que les bains la défassent de ce vilain mal de genoux. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et vous souhaite la bonne nuit.

Ce Dimanche, 4 Juillet.

Bonsoir, chers enfants, enfin il fait un beau temps et depuis 2 fois 24 heures nous n'avons pas de pluie: jugez de notre bonheur; je suis fâchée de ce qu'Annette ne puisse profiter de cette belle journée: le pied auquel elle s'est donné l'entorse lui fait mal et Harry lui a donné quelque chose pour le frotter, du reste elle se porte à merveille et a bien bonne mine. Je lui dis: la marmotte a mal au pied. Je ne vous ai pas parlé hier de la nouvelle répandue en ville que Napoléon avait été fusillé à Paris, parce que je n'y crois pas et qu'il n'est pas dit qui l'a fait fusiller. Le bruit de sa détention a répandu un enthousiasme en ville dont vous n'avez pas d'idée, le peuple s'embrassait et on m'a conté qu'ici à Pawlowsk, pendant que j'étais en ville, lorsque cette nouvelle s'est répandue il y a eu des hourras si fréquents que la police du lieu s'est rassemblée. Grâce à Dieu le peuple déteste encore les traîtres chez nous, et puisse-t-il toujours conserver cette aversion. Je viens de voir aujourd'hui le fils aîné de Narischkine qui est venu ici pour quelques jours; il a mauvaise mine, mais il va rejoindre le quartier général; son frère Kirill et sa jolie femme sont venus s'établir hier soir chez nous, de même que le bon Mukhanof et sa femme qui est toujours dans un pitoyable état, crachant souvent le sang; pour lui, il me paraît mieux. Faites-moi l'amitié, mes bons amis, de m'envoyer toutes les gazettes françaises que vous pourrez attraper. Marquez-moi, je vous en prie, pourquoi a-t-on quitté la ligne de direction que la marche sur Weissembourg indiquait et pourquoi est-on allé à Haguenau? Ne savez-vous rien du prince d'Orange? Les gazettes assurent qu'il est mieux; l'empereur ne m'en dit pas mot. Puisse notre espoir se réaliser, j'avoue que j'en fais l'objet de tous mes voeux: la noble conduite du prince légitime le désir de cette union. Adieu, chers et bons enfants. Je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous donne mille et mille bénédictions. Mes

compliments au g(énéral) Konovitzin et bien des choses à vos messieurs. Une caresse au garçon.

Marie.

M-r de Baranof est un homme très estimé, on en dit beaucoup de bien.

3-го іюня 1815 г., вечеръ.

(Переводъ). Барановъ, сынъ того, который служитъ въ Воспитательномъ домѣ, назначенъ Вязмитиновымъ для поѣздки въ главную квартиру; онъ просилъ предупредить меня о своемъ отъѣздѣ, и вотъ я взялась за перо, чтобы сказать вамъ, что я непрестанно думаю о васъ, дорогія дѣти, что я хотѣла бы, чтобы война была окончена и чтобы вы вернулись къ намъ. Съ тѣхъ поръ какъ по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Берлина, выяснилось, что слухъ объ арестованіи Наполеона оказывается ложнымъ и что онъ только отрекся отъ престола въ пользу своего сына, я сильно безпокоюсь, хотя императоръ и писалъ мнѣ, что нельзя признать отреченіе того, права котораго на престолъ не были признаны; но меня тревожатъ интриги графа М.[1]) (я пишу откровенно, такъ какъ это письмо будетъ передано вамъ изъ рукъ въ руки, въ письмахъ же, которыя посылаются съ курьерами, я осторожна). Онъ будетъ воображать, что управляетъ Франціею, если мальчуганъ будетъ признанъ. Да сохранитъ насъ отъ этого Господь. Это былъ бы пагубный примѣръ, и онъ повлекъ бы за собою самыя пагубныя послѣдствія. Вы не можете себѣ представить, дѣти мои, до какой степени всѣ желаютъ здѣсь возвращенія на престолъ Бурбоновъ, изъ уваженія къ правамъ этой семьи; счастлива страна, гдѣ народъ уважаетъ давность правъ царствующей династіи! Не слѣдуетъ измѣнять этой добродѣтели, такъ какъ на ней основано спокойствіе государствъ. Затѣмъ у насъ считаютъ постыднымъ, чтобы на престолѣ возсѣдали потомки разбойника, которому везло счастье. Но Господь все лучше устроитъ, нежели люди, не будемъ предвосхищать Его рѣшеній. Сегодняшній день не ознаменовался никакимъ событіемъ, мы обѣдали въ Розовомъ павильонѣ; княгиня Голицына представляла сегодня свою внучку графиню Строганову (Софью); она очаровательна, это грёзовская головка; она прельщаетъ своей душевной чистотою, которую, по моему мнѣнію, надобно предпочитать самой выдающейся красотѣ; я видѣла сегодня вечеромъ г-жу Архарову и ея дочь, которая очень похорошѣла. Моя невѣстка уѣзжаетъ завтра утромъ на морское купанье въ Курляндію; ея ногѣ лучше, но ее нужно еще полѣчить и добиться того, чтобы опухоль окончательно исчезла. Она оставляетъ у меня своихъ дѣтей и уѣзжаетъ изъ Павловска и изъ своего дома съ большимъ сожалѣніемъ

[1]) Вѣроятно, Меттерниха.

такъ какъ она чувствовала себя тамъ очень хорошо; дай Богъ, чтобы купанье избавило ее отъ этой скверной боли въ колѣнѣ. Прощайте, добрые друзья мои, обнимаю васъ отъ всего сердца и желаю вамъ покойной ночи.

Воскресенье, 4-го іюля.

Здравствуйте, дорогія дѣти; наконецъ настала хорошая погода, вотъ уже двое сутокъ, какъ нѣтъ дождя; можете себѣ представить, какъ мы счастливы; мнѣ очень жаль, что Аннета не можетъ воспользоваться этимъ прекраснымъ днемъ; у нея болитъ нога; она была вывихнута, Гарри далъ ей что-то, чтобы натирать ногу; впрочемъ, она чувствуетъ себя какъ нельзя лучше и имѣетъ прекрасный видъ. Я сказала ей: у сурка болитъ нога. Я не писала вамъ вчера о распространившемся у насъ въ городѣ слухѣ, что Наполеонъ разстрѣленъ въ Парижѣ, ибо я этому не вѣрю и такъ какъ не упоминаютъ, по чьему приказанію онъ разстрѣленъ. Вы не можете себѣ представить, какой восторгъ возбудилъ въ городѣ слухъ о томъ, что онъ арестованъ; въ народѣ другъ друга обнимали, и мнѣ разсказывали, что когда это извѣстіе разнеслось здѣсь въ Павловскѣ, въ то время какъ я была въ городѣ, то народъ такъ неистово кричалъ ура, что мѣстная полиція сбѣжалась. Благодаря Бога, народъ еще ненавидитъ у насъ измѣнниковъ; было бы хорошо, если бы онъ всегда чувствовалъ эту ненависть. Я видѣла сегодня старшаго сына Нарышкина, который пріѣзжалъ сюда на нѣсколько часовъ; онъ имѣетъ дурной видъ, но онъ ѣдетъ въ главную квартиру; его братъ Кириллъ со своей хорошенькой женой вчера поселились у насъ, такъ же какъ и добрый Мухановъ съ женою; она находится въ очень жалкомъ состояніи: часто кашляетъ кровью; ему же, по-моему, лучше. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, добрые друзья мои, присылайте мнѣ всѣ французскія газеты, какія вамъ удастся достать. Напишите мнѣ, пожалуйста, почему измѣнено направленіе, котораго, судя по вашему движенію на Вейсенбургъ, вы намѣревались держаться, и почему вы двинулись на Гагенау? Не извѣстно-ли вамъ чего-нибудь о принцѣ Оранскомъ? Газеты утверждаютъ, что ему лучше; императоръ не пишетъ мнѣ объ этомъ ни слова. Дай Богъ, чтобы наши ожиданія осуществились; признаюсь, это составляетъ предметъ всѣхъ моихъ желаній; доблестное поведеніе принца вполнѣ оправдываетъ желаніе, чтобы этотъ бракъ состоялся.

Прощайте, дорогія и добрыя дѣти. Цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу, тысячу разъ благословляю васъ. Поклонъ генералу Коновницыну и вашимъ кавалерамъ. Поцѣлуйте за меня мальчика. Марія.

Барановъ человѣкъ весьма почтенный, о немъ говорятъ много хорошаго.

Num. 39.

Ce Lundi soir, 5 Juillet 1815.

Ma lettre par le courrier ne sera que de deux jours, mes bons et chers enfants, car celle d'hier est partie par M-r de Baranof qui se rend au quartier général. L'huile manque à notre lampe, mes bons enfants, car nous n'avons pas de vos nouvelles: il est bien malheureux que vous ne puissiez pas écrire quelques mots seulement par la poste pour nous donner la simple assurance que vous vous portez bien, en ne mettant que la date et que le nom de la ville d'où vous écrivez; il paraîtrait qu'il n'y aurait rien de plus simple. Je vous avoue, mes enfants, que la privation de vos nouvelles m'est d'un pénible que je ne puis exprimer; et les courriers sont si rares que je ne puis espérer à en recevoir que tous les 8 ou 10 jours et c'est un long espace pour le coeur d'une mère. Je suis bien pauvre en nouvelles, mes bons et chers amis, et cependant je veux vous conter ma journée qui a commencé par une promenade à cheval, ensuite je me suis promenée à pied, j'ai fait mes affaires, on m'a annoncé M-r de Martos et Rossi venus tous deux pour le monument d'Alexandrine. Après avoir donc terminé mes paperasses, je suis allée vite en calèche pour arranger et fixer avec ces messieurs ce qu'on devait faire pour terminer les alentours, conduire les chemins et soigner les plantations. Le comte Tolstoi est venu chez nous, nous avons dîné en haut à cause du pied d'Annette qui l'empêche encore de bien s'appuyer sur les talons, mais cela va mieux cependant. Messieurs les officiers de la garde des invalides ont dîné chez moi, cela a été retardé jusqu'à présent par mille petits empêchements. Le soir nous nous sommes promenés à pied et en ligne et avons soupé à la ferme: le bétail a passé en revue. Chers enfants, je me suis rappelée notre promenade de ce printemps et n'ai pu m'empêcher de rire à ce souvenir: nous avons parlé gazettes. On dit que Vendamme s'est fait..... [1]): cela est-il vrai? Notre change avait singulièrement monté après la nouvelle de l'arrestation de Napoléon; il est retombé aujourd'hui qu'on sait qu'elle est fausse: puisse-t-elle se réaliser en peu. Bonsoir, mes bons amis, je me sens fatiguée ce soir et vous souhaite la bonne nuit en vous embrassant de tout mon coeur.

Ce 6 Juillet.

J'ai fait ce matin une promenade de $2^1/_2$ à pied. Notre bon Tolstoi est venu me voir et je lui ai fait admirer toutes les Herrlichkeiten de mon jardin; il est sûr, mes bons amis, qu'il est beau, mais il lui manque ce qui manque en général à la Russie, des prôneurs. Pas de courrier, pas de vos nouvelles, это все очень скучно. Les gazettes nous arriveront

[1]) Не разобрано.

ce soir, peut-être nous diront-elles quelques nouveautés. Par Dieu, mes bons amis, à moins de vous parler de mes moutons et prairies, de mes vaches et de mes veaux, il n'y a rien à vous dire; cependant la nouvelle du jour c'est que mes invalides son entrés en fonction et que je me réjouis chaque fois quand je les rencontre. Annette se porte bien et sa petite patte va mieux aussi, ainsi nous dinerons au Pavillon. Sur ce adieu, mes enfants, que le Ciel vous conserve et vous ramène au plus tôt chez nous: je me meurs d'envie de vous revoir et vous assure bien qu'éloignée de vous il n'y a pas de bonheur pour maman. Pensez-vous quelquefois à moi? Voici mon incluse pour le g(énéral) Konovitzin. Mes compliments à vos messieurs et au bon Ruhl. Toute à vous de coeur et d'âme.

Marie.

Rossi a fait un dessin de village russe, qui est la plus jolie chose qui puisse se voir.

Понедѣльникъ вечеромъ, 5-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Въ письмѣ, посылаемомъ вамъ съ курьеромъ, добрыя и дорогія дѣти мои, я сообщаю вамъ извѣстія всего за два дня, такъ какъ мое вчерашнее письмо отправлено съ Барановымъ, который ѣдетъ въ главную квартиру. Мы не живемъ, а прозябаемъ, добрыя дѣти мои, не получая отъ васъ извѣстій; очень печально, что вы не можете написать намъ хотя нѣсколько словъ по почтѣ, чтобы успокоить насъ насчетъ того, что вы здоровы, обозначивъ только число и названіе города, откуда вы пишете; казалось бы, нѣтъ ничего легче; увѣряю васъ, дѣти мои, что мнѣ невыразимо тяжело не имѣть отъ васъ извѣстій, а курьеры такъ рѣдки, что можно разсчитывать на нихъ только каждые 8 или 10 дней, а это большой промежутокъ времени для материнскаго сердца. Я не богата новостями, добрые и дорогіе друзья мои, тѣмъ не менѣе я хочу разсказать вамъ, какъ я провела день; я начала его съ прогулки верхомъ; затѣмъ сдѣлала прогулку пѣшкомъ, занялась дѣлами, потомъ мнѣ доложили о пріѣздѣ Мартоса и Росси, которые пріѣхали для памятника Александрины; поэтому, окончивъ поскорѣе съ бумагами, я поѣхала въ колескѣ, чтобы выяснить и рѣшить съ этими господами, что надобно сдѣлать, чтобы окончить работы вокругъ памятника, провести дорожки и разбить цвѣтникъ.

Къ намъ пріѣхалъ гр. Толстой, мы обѣдали наверху изъ-за больной ноги Анеты; она еще не можетъ ступить на пятку; хотя ей уже лучше. У меня обѣдали офицеры инвалидной команды; до сихъ поръ къ этому встрѣчались всевозможныя помѣхи. Вечеромъ мы совершили прогулку пѣшкомъ и въ линейкѣ, и ужинали на фермѣ; былъ произ-

веденъ осмотръ скоту. Дорогія дѣти, я вспоминала нашу весеннюю прогулку и не могла не посмѣяться при этомъ воспоминаніи; мы говорили объ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ газетами. Говорятъ, будто Вандамъ.....; правда-ли это?

Послѣ того, какъ было получено извѣстіе объ арестѣ Наполеона, нашъ курсъ необыкновенно поднялся; теперь же, когда это извѣстіе не подтвердилось, курсъ снова упалъ; дай Богъ, чтобы этотъ слухъ вскорѣ оправдался. Прощайте, добрые друзья мои, я чувствую себя сегодня утомленной и желаю вамъ покойной ночи, обнимая васъ отъ всего сердца.

6-го іюля.

Я совершила сегодня прогулку пѣшкомъ, продолжавшуюся $2^1/_2$ часа. Меня посѣтилъ нашъ добрый Толстой, и я показала ему всѣ прелести моего сада; безъ сомнѣнія, онъ очень хорошъ, добрые друзья мои, но у него нѣтъ того, чего нѣтъ вообще у Россіи,—усердныхъ хвалителей. Курьера все нѣтъ и нѣтъ извѣстій отъ васъ, это очень скучно. Сегодня вечеромъ ожидаемъ газеты; быть можетъ, онѣ сообщатъ намъ что-либо новое.

Право, добрые друзья мои, остается только говорить о моихъ баранахъ и лугахъ, о коровахъ и телятахъ, болѣе писать не о чемъ; впрочемъ, вотъ новость: мои инвалиды вступили въ отправленіе своихъ обязанностей, и я радуюсь каждый разъ при встрѣчѣ съ ними. Аннета здорова, ея маленькая лапка также поправляется; поэтому мы будемъ обѣдать въ павильонѣ, затѣмъ прощайте, дѣти мои, да хранитъ васъ Господь и да приведетъ Онъ васъ скорѣе къ намъ; я умираю отъ желанія увидѣть васъ, и увѣряю васъ, что вдали отъ васъ нѣтъ счастія для вашей матери. Вспоминаете-ли вы когда-нибудь меня? Прилагаю письмо къ генералу Коновницыну. Поклонъ вашимъ кавалерамъ и доброму Рюлю. Ваша душою и сердцемъ Марія.

Росси набросалъ въ высшей степени хорошенькій рисунокъ русской деревни.

Num. 40.

Ce 6 Juillet 1815.

Voici deux mots par la poste, mes bons amis, je vous ai écrit par le courrier, ainsi ce n'est qu'un supplément après le dîner. Les gazettes sont arrivées et les nouvelles sont bonnes, car on dit Louis XVIII proclamé roi de France. J'ai dîné au Pavillon des roses: nous étions les nôtres et Narischkin et sa jolie petite femme. Demain je vais à Gatschina. Adieu, mes bons enfants, mes chers amis, que Dieu vous bénisse et vous ramène bientôt dans mes bras. Mes compliments à tous les vôtres et à nos braves militaires qui sont de ma connaissance.

Marie.

6-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Вотъ два слова по почтѣ, добрые друзья мои, я писала вамъ съ курьеромъ, слѣдовательно, это послѣобѣденное прибавленіе. Газеты нами получены, и извѣстія благопріятны, ибо пишутъ, что Людовикъ XVIII провозглашенъ королемъ Франціи. Я обѣдала въ Розовомъ павильонѣ, мы были все свои, а также Нарышкинъ со своей хорошенькой женою.

Завтра я ѣду въ Гатчину. Прощайте, добрыя дѣти мои, дорогіе друзья мои, да благословитъ васъ Господь и да приведетъ Онъ васъ вскорѣ въ мои объятія. Мой поклонъ всѣмъ вашимъ и нашимъ храбрымъ военнымъ, коихъ я знаю. Марія.

Num. 41.

Ce 7 Juillet, Mercredi, 1815.

J'ai à vous rendre compte, mes bons amis, de ma course de Gatschina que j'ai faite ce matin en société de M-lle Diwof, du comte Tolstoi (pour lui faire voir les serres) et de Paschkof; je suis partie d'abord après les 7 heures, le temps était charmant; j'ai débarqué aux instituts et me suis mise à courir les hôpitaux, la maison des pauvres, des aveugles et puis les enfants trouvés; en attendant le comte Tolstoi était déjà à l'orangerie. Après avoir fini mon inspection, j'ai été à l'église du château, puis dans mes chambres d'été et d'hiver; je vous ai fait visite, mes bons amis, dans vos chambres et vous avoue que je me suis sentie le coeur bien serré; après cela j'ai été à l'arsénal, nous y avons déjeuné, et le comte Tolstoi est venu me conter toutes les perfections de mon jardinier: il en est enchanté; nous avons été ensemble parcourir le petit jardin, qui a infiniment gagné; de là nous nous sommes mis en ligne et avons été aux orangeries, qui sont dans le plus bel état: il y a plaisir à les voir; de là nous avons été plus loin et avons été voir les nouvelles plantations, qui ont très bien réussi: toutes les fleurs ont un air de prospérité qui font plaisir à l'oeil. A trois heures j'étais revenue; j'ai un peu sommeil ce soir, mais ne suis pas fatiguée. Les gazettes nous disent mille choses, qu'elles contredisent quelques lignes plus bas, mais elles sont d'accord à dire que nous battons notre..... [1]), et que Wellington et Blucher se préparaient à attaquer de vive force Paris. Ah, mes enfants, mon coeur est angoissé: j'espérais que le sang ne coulerait plus. Bonsoir, mes bons amis, que Dieu vous conserve et vous ramène bientôt dans mes bras.

Ce 8 Juillet. Jeudi.

Pas de courrier, chers et bons enfants, cela me désole et m'inquiète à me faire palpiter le coeur, car nous savons que vous avancez et allez

[1]) Слово не разобрано.

grand train, d'un autre côté nous savons que les maréchaux Wellington et Blucher étaient aux portes de Paris le 18 (30) Juin, et que le lendemain il serait décidé, s'ils employeraient leurs forces pour s'en franchir l'entrée, qu'on remarquait des troupes du côté de St. Denis: jugez donc combien mon attente est grande, car c'est ce jour-là qui décidera de beaucoup. Les gazettes disent encore qu'au lieu d'être le 6 ou 7 à Nancy vous y serez le 3! Les mêmes gazettes annoncent que Napoléon est gardé au château de Vincennes, d'autres articles disent qu'il s'est ressaisi des rènes du gouvernement, d'autres encore que Louis XVIII est proclamé, si bien qu'on n'y comprend rien, qu'on n'y conçoit rien dans l'éloignement dans lequel je me trouve, mais il y en a assez pour s'inquiéter. Ah, mes bons amis, si vous avez un moyen quelconque de me donner de vos nouvelles, de grâce faites-le. Nous avons eu une très belle journée aujourd'hui, sans être chaude, cependant la soirée a été très agréable, aussi j'ai fait une grande promenade à pied, après laquelle nous nous sommes rendus au salon d'Annette et avons passé la soirée chez elle, car quoique son pied va beaucop mieux nous avons voulu qu'elle le ménage encore, ayant déjà descendu l'escalier pour se promener, pour le dîner et avant cela pour me dire le bonjour: ce soir elle m'a dit qu'il allait encore mieux que tantôt; on le lui frotte avec de la boule d'acier détrempée dans de l'eau-de-vie. Notre jolie Narischkine est des nôtres, et ce soir nous est arrivée notre bonne et digne Adlerberg au moment que nous allions nous retirer; elle passera une quinzaine de jours chez nous: je suis persuadée que sa santé y gagnera beaucoup et que le grand air et la distraction lui feront du bien. Je la verrai demain de bon matin pour vous en donner des nouvelles. Elle loge dans la maison de l'empereur, au-dessus des chambres de l'impératrice dans un appartement charmant. M-lle de Nélidof, élève de la communauté de cette sortie, que vous trouvez si belle, l'accompagne. Bonsoir, mes bons amis, c'est de tout mon coeur et de toute mon âme que je vous embrasse en vous donnant mille bénédictions. Papa Lamsdorf est à Dresde, il s'est mis entre les mains de Coppe, qui lui a consulté de rester à Dresde et d'y faire une cure. Que Dieu le rétablisse. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse encore mille et mille fois et vous donne tout ce que je possède en bénédictions.

Ce Vendredi, 9 Juillet.

J'ai eu le plaisir de voir Madame d'Adlerberg chez moi, elle se porte bien, elle a bien bonne mine et paraît très satisfaite d'être des nôtres. J'espère que ce délassement contribuera au rétablissement ou plutôt à l'affermissement de sa santé; malheureusement le temps est de nouveau bien mauvais aujourd'hui et il pleut à verse: ce temps sombre ajoute à la mélancolie que me cause le manque total de vos nouvelles,

qui me désole. Me voici le neuvième jour sans lettres: j'en tire la conclusion que vous marchez grand train pour vous approcher de Paris. Dieu veuille bénir toutes les entreprises de l'empereur et nous accorder les plus heureux résultats. La poste d'aujourd'hui nous dira quelque chose sur les entreprises des deux maréchaux. Notre attente est grande, nos angoisses de même: dites-le et répétez à l'empereur, combien son silence me rend malheureuse et combien il peine en général par le manque de ses nouvelles. Adieu, mes bons amis, je ne puis rien vous dire d'intéressant de chez nous, l'uniformité fait notre devise. Je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous donne mille bénédictions; bien mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos messieurs, de même qu'à mes connaissances militaires. Que Dieu vous conserve. Portez-vous bien et ne nous oubliez pas.

Marie.

7-го іюля, среда, 1815 г.

(Переводъ). Я должна дать вамъ отчетъ, дорогіе друзья мои, о поѣздкѣ въ Гатчину, которую я совершила сегодня утромъ въ обществѣ М-elle Дивовой, гр. Толстаго (которому я хотѣла показать оранжереи) и Пашкова. Я выѣхала въ началѣ восьмаго; погода была восхитительная; прежде всего я заѣхала въ институтъ, обошла госпитали, домъ для призрѣнія бѣдныхъ, слѣпыхъ, затѣмъ побывала въ воспитательномъ домѣ; тѣмъ временемъ гр. Толстой былъ уже въ оранжереѣ; окончивъ ихъ осмотръ, я прошла въ дворцовую церковь, потомъ въ мои лѣтніе и зимніе покои; побывала у васъ, добрые друзья мои, въ вашихъ комнатахъ; признаюсь вамъ, у меня было очень тяжело на душѣ; затѣмъ я отправилась въ арсеналъ, гдѣ мы завтракали; гр. Толстой говорилъ о прелестяхъ моего сада; онъ въ восторгѣ отъ него; мы обошли вмѣстѣ маленькій садъ, который сталъ значительно красивѣе съ тѣхъ поръ, какъ я его не видала; выйдя оттуда, мы сѣли въ линейки и поѣхали въ оранжереи; онѣ находятся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; пріятно смотрѣть на нихъ; оттуда мы отправились далѣе и осмотрѣли новые питомники, которые идутъ отлично; всѣ цвѣты ростутъ такъ пышно, что радуютъ взоръ. Я возвратилась въ три часа; сегодня вечеромъ меня немного клонитъ ко сну, хотя я не утомлена. Въ газетахъ сообщаютъ тысячу новостей, которыя опровергаются нѣсколько строкъ далѣе, но всѣ онѣ утверждаютъ единогласно, что мы побиваемъ нашего..... и что Веллингтонъ и Блюхеръ хотятъ взять Парижъ приступомъ. Какъ я грущу по этому поводу, дѣти мои: я надѣялась, что кровь не будетъ болѣе пролита. Прощайте, добрые друзья мои, да хранитъ васъ Господь и да приведетъ Онъ васъ скорѣе въ мои объятія.

*

8-го іюля, четвергъ.

(Переводъ). Курьера все нѣтъ, дорогія и добрыя дѣти мои, это приводитъ меня въ отчаяніе и безпокоитъ меня до такой степени, что у меня дѣлается сердцебіеніе; ибо намъ извѣстно, что вы идете впередъ и при томъ весьма быстро; съ другой стороны мы знаемъ, что фельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ были 18-го (30-го) іюня у воротъ Парижа и что на слѣдующій день долженъ былъ рѣшиться вопросъ, пойдутъ-ли они со своими войсками на приступъ, и что со стороны Сенъ-Дени виднѣлись войска: можете судить поэтому, какъ велико мое нетерпѣніе (въ ожиданіи извѣстій), такъ какъ этотъ день рѣшитъ многое. Въ газетахъ пишутъ также, что вы будете въ Нанси не 6-го или 7-го, а 3-го! Въ тѣхъ же газетахъ сообщаютъ, что Наполеонъ содержится въ Венсенскомъ замкѣ; въ другихъ газетахъ пишутъ, что онъ снова захватилъ въ свои руки бразды правленія, въ иныхъ,—что королемъ провозглашенъ Людовикъ XVIII, такъ что ничего нельзя понять, я, находясь на такомъ далекомъ разстояніи, нельзя ровно ничего постичь, хотя и того, что извѣстно, достаточно, чтобы тревожиться. Если вы имѣете, друзья мои, какую-либо возможность сообщить мнѣ что-либо о себѣ, Бога ради сдѣлайте это. Сегодня у насъ была прекрасная погода; хотя день былъ не жаркій, но вечеръ былъ очень пріятный, такъ что я сдѣлала большую прогулку пѣшкомъ, послѣ чего мы прошли въ залу къ Аннетѣ и провели вечеръ у нея, ибо хотя ея ногѣ гораздо лучше, но намъ хотѣлось, чтобы она поберегла ее, такъ какъ она уже спускалась съ лѣстницы на прогулку, къ обѣду и еще раньше, чтобы поздороваться со мною; сегодня вечеромъ она сказала мнѣ, что ея ногѣ стало еще лучше; ей натираютъ ногу водкою, настоенною на шарикахъ изъ поташа и желѣза. У насъ гоститъ хорошенькая Нарышкина, а сегодня вечеромъ, когда мы уже собирались разойтись, пріѣхала наша добрая и достойная уваженія Адлербергъ. Она проведетъ у насъ недѣли двѣ; я убѣждена, что это будетъ весьма полезно для ея здоровья и что чистый воздухъ и развлеченіе принесутъ ей пользу. Я увижусь съ ней завтра рано утромъ и сообщу вамъ о ней. Ей отведено прелестное помѣщеніе во дворцѣ императора, надъ комнатами императрицы; ее сопровождаетъ M-elle Нелидова, выпущенная изъ Смольнаго въ нынѣшнемъ году, которая, по вашему мнѣнію, такъ хороша собою. Прощайте, добрые друзья мои; цѣлую васъ отъ всего сердца и отъ всей души и посылаю вамъ тысячу благословеній. Папаша Ламсдорфъ въ Дрезденѣ; онъ лѣчится у Коппа, который посовѣтовалъ ему остаться въ Дрезденѣ и пройти тамъ курсъ лѣченія. Дай Богъ, чтобы онъ поправился. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и посылаю вамъ свое благословеніе.

Пятница, 9-го іюля.

Я имѣла удовольствіе видѣть у себя г-жу Адлербергъ; она здорова; бодра на видъ и повидимому очень довольна тѣмъ, что пріѣхала къ намъ. Я надѣюсь, что этотъ отдыхъ будетъ способствовать возстановленію или, лучше сказать, укрѣпленію ея здоровья; къ сожалѣнію, погода сегодня опять очень дурная, идетъ проливной дождь; эта сумрачная погода еще болѣе усиливаетъ мою грусть по поводу того, что я не имѣю отъ васъ никакихъ извѣстій; это приводитъ меня въ отчаяніе. Сегодня девятый день, какъ я не получала отъ васъ писемъ; я заключаю изъ этого, что вы идете въ Парижъ форсированнымъ маршемъ. Да благословитъ Господь всѣ начинанія императора и да увѣнчаетъ Онъ ихъ успѣхомъ. Съ сегодняшней почтой мы получимъ какія-либо извѣстія о дѣйствіяхъ обоихъ маршаловъ: мы ожидаемъ ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ и тревогою; передайте это императору и скажите ему еще разъ, насколько я чувствую себя несчастной, не имѣя отъ него извѣстій, и что онъ огорчаетъ меня вообще, не давая о себѣ вѣсти. Прощайте, добрые друзья мои, я не могу сообщить вамъ ничего интереснаго отсюда, нашъ девизъ—однообразіе. Цѣлую васъ отъ всего, отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю васъ. Передайте мой искренній привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ, а равно моимъ знакомымъ изъ военныхъ. Да хранитъ васъ Господь. Будьте здоровы и не забывайте насъ.

Марія.

Num. 42.

Ce 9 Juillet 1815.

Ces lignes vous portent, mes enfants, bénédiction, tendresse, souvenir, enfin mon coeur entier. Je viens de vous écrire longuement par le courrier, mais fidèle à mes engagements je vous écris par la poste. Ah, si vous pouviez suivre mon exemple, combien vous renderiez mon coeur maternel heureux. Je vais vous quitter présentement pour aller voir les enfants de ma belle-soeur qui me sont confiés. J'ai plaisir à me trouver dans votre maison, cela me donne d'heureuses illusions. Adieu, chers enfants. Madame d'Adlerberg vous dit mille choses, et moi je vous embrasse et vous bénis de tout mon coeur, en vous priant de faire mes compliments à M-r de Konovnitzin et à vos messieurs, de même qu'aux braves militaires de ma connaissance. Toute à vous pour la vie

Marie.

Ce 10 Juillet, Samedi, 1815.

Nous connaissons la capitulation de Paris depuis hier au soir, mes chers enfants, par un feuilleton de la gazette de Berlin, et aujourd'hui

mon frère m'a fait le plaisir de m'envoyer une estafette avec cette même nouvelle en y joignant la capitulation. Voilà donc le grand coup frappé, et s'il plaît à Dieu il n'y aura plus d'effusion de sang, mais le départ de Napoléon est un rabat-joie pour moi, je l'avoue, car où va-t-il? Et n'est-ce pas pour revenir à la première occasion? J'aurais préféré qu'il fût resté sous la bonne garde. Nous sommes toujours sans courrier de l'empereur, et nous voici donc 10 jours sans nouvelles, ce qui est désolant, et d'autant plus que nous voyons par les gazettes de Berlin l'arrivée régulière et fixée des estafettes prussiennes et des courriers, au lieu que nous autres, nous sommes perpétuellement à nous désoler de ce silence et manque de nouvelles: j'en sens vivement la privation, mes enfants, car elle me ravit le bonheur de recevoir de vos nouvelles. Je n'ai rien de bien intéressant à vous mander d'ici, mes enfants. Notre bonne Adlerberg se porte bien, mais je la trouve toujours faible depuis sa maladie, cependant Chreihton assure que si elle persiste à continuer ses remèdes quelque temps elle sera tout-à-fait bien. Notre temps est changeant comme en Avril, il a plu à verse cette nuit, la matinée a été belle et pour le soir il a plu de nouveau. Tous les esprits sont tant occupés des événements, chers enfants, et de l'attente d'un courrier. Bonsoir, mes bons amis, c'est de coeur et d'âme que je vous embrasse. La comtesse Branitzki écrit à la comtesse Litta de Berlin, qu'on vous aime beaucoup; elle a vu de loin Alexandrine, mais n'a pas pu distinguer son visage ayant eu un grand chapeau, mais la taille lui a paru superbe. Bonsoir, mes enfants, je vous donne toutes mes bénédictions.

Ce Dimanche, 11 Juillet.

Je voudrais vous atteindre de mes deux bras et vous embrasser, mes bons et chers enfants, le plus tendrement possible pour vous remercier de vos aimables et bonnes lettres du 12 jusqu'au 23 Juin que j'ai reçues ce matin à mon reveil et qui m'ont rendue bien heureuse. Ne croyez jamais à la possibilité que je passe un courrier sans vous écrire, si j'étais malade même, ce serait Annette qui vous écrirait: si vous manquez donc de mes lettres, ce ne sera jamais ma faute. Je suis charmée que le courrier a retrouvé le paquet, mais êtes-vous bien sûrs qu'il ne l'a qu'égaré et n'a-t-il pas passé par des mains indiscrètes? Que tous les détails que vous me donnez m'intéressent, surtout je me sens heureuse des bontés fraternelles de l'empereur pour vous, de ses tendres soins. Dieu l'en récompensera, et la Sainte Écriture ajoutant une récompense particulière pour les enfants qui remplissent aussi bien les devoirs filiaux que le fait notre cher Alexandre, il doit vivre longtemps ce cher Alexandre et être heureux. J'ai mille choses à vous dire, mes enfants, mais je ne peux le faire ce soir et me borne à vous embrasser et bénir tendrement.

Ce Lundi, 12 Juillet.

J'étais si heureuse hier d'avoir reçu de vos lettres que je ne me sentais pas capable d'autre sentiment que de celui de jouir de mon bonheur, mais comme il ne faut pas cependant que maman gâte ses enfants, je dirai à mon cher Nicoche qu'il n'est pas sage de porter un jugement téméraire, en se hâtant d'accuser maman de paresse en fait d'écriture, lorsqu'ensuite le cher fils est obligé d'avouer qu'il a eu tort et que ce n'est pas maman qui est coupable, mais un sot de courrier. Ergo donc, plus jamais de précipitation dans vos jugements, et n'accusez pas maman lorsqu'elle vous écrit journellement et même quelquefois deux fois par jour! Que je sens avec vous, mes bons amis, de vous voir porter le jugement que vous portez sur cette malheureuse nation française: elle est bien corrompue, bien démoralisée, mais comment ne le serait-elle pas, n'ayant ni religion, ni principes, ni morale, on peut même dire ni honneur; car jusqu' à nos jour même l'homme corrompu respectait cependant sa parole, son serment, et présentement on s'en fait un jeu, je dirai un marchepied pour parvenir à son but, et lorsqu'il n'est plus nécessaire, on le renverse: cela fait frémir. J'espère, mes chers enfants, que tout ceci qui s'est passé ce temps-ci altérera votre goût pour le séjour de Paris et vous le fera envisager sous son vrai jour; le matériel en est beau, la réunion des arts, des sciences doit vous intéresser, mais c'est sous ce rapport qu'il faut vouloir y passer son temps et non pas en se vouant simplement aux amusements et distractions qui fourmillent à Paris: il faut préserver votre imagination sage, pure et innocente, et pour cela, mes bons amis, il faut vous imposer le devoir d'une occupation sérieuse et réfléchie de quelques heures dans la journée. J'en ai parlé aujourd'hui à l'empereur et en écris de même au g(énéral) Konovnitzin: de loin comme de près mon coeur veille sur vous. Si le séjour de l'empereur se prolongeait à Paris, je lui ai proposé de vous faire une course instructive là où il le jugerait à propos; mais s'il n'est que de peu de semaines, de 3 ou 4, comme je l'espère, alors employez ce temps à l'étude, c'est-à-dire fixez-vous des heures pour elle; après les avoir bien remplies il vous en restera encore pour l'agrément de la promenade et même des spectacles; mais pour ceux-ci évitez ce qu'on vous dira être trop leste: il ne faut pas en un mot se relâcher dans la plus petite des choses, surtout ce qui tient aux bonnes moeurs. Quant aux sociétés, je ne vois pas que vous serez dans le cas d'en voir beaucoup (je parle de celles des français): la plupart d'entre eux sont tarés par le cachet du vice, ainsi, autant que faire se peut, il est bien de les éviter. Je ne puis assez vous exprimer, mes chers enfants, combien vos lettres me charment par votre candeur et franchise; restez tel que vous êtes, Nicoche, et ne changez pas vos principes:

ceci est à ce que vous me marquez que vous vous trouviez malgré toute l'amabilité et l'esprit de Catau de différentes opinions avec elle: chacun a sa manière de voir; je ne décide pas, si celle de Catau ou la vôtre est meilleure, mais comme vous dites la vôtre basée sur vos principes, il faut vous y tenir: en changer d'après l'opinion de chacun est une faiblesse, et on finit par ne pas avoir de caractère; il ne faut en changer que lorsque la raison vous dit que vous avez tort, alors y tenir serait caprice et entêtement; mais dès que la raison et la conscience sont d'accord, il faut rester ferme à sa façon de penser. Vous me ferez plaisir, mes chers enfants, de m'envoyer le Moniteur et les feuilles du jour: quant à mes autres commissions je vous les donnerai la première fois. Parlez-moi de l'opinion de Paris et s'il s'est prononcé pour Louis XVIII. Je souffre de voir la capitulation signée par Davoust, le satellite de Napoléon! Ou croit-on que Napoléon s'est rendu? J'espère qu'enfin vous verrez le m(aréchal) Wellington et vous prie de beaucoup m'en parler: je lui porte un sentiment de vénération. Si vous voyez le prince d'Orange, vous me le direz, j'en suis sûre. L'empereur me dit que sa blessure est légère; la bonté de l'empereur de m'en parler me donne l'espoir qu'il s'occupe du sort d'Anne: je viens de le prier encore de tâcher de terminer cette bonne affaire. Annette a un peu mal à la tête aujourd'hui, mais son pouls étant très calme, Harry espère que c'est de passage. Elle jeûne trop à l'huile, je suis persuadée que cette odeur lui est nuisible. Mille compliments à vos messieurs, au bon Ruhl, bien des choses à tous nos braves militaires qui sont de ma connaissance. Dites au g(énéral) Raiéwski que j'ai soigné sa lettre pour sa femme. Le comte Tolstoi a reçu la sienne de son fils. Adieu mille et mille fois, chers, bien aimés enfants! Que Dieu vous bénisse comme je le fais, soyez constamment heureux et vertueux et n'oubliez pas maman. Tous les miens vous disent mille choses.

Marie.

9-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Вмѣстѣ съ этими строками шлю вамъ, дѣти мои, свое благословеніе; онѣ скажутъ вамъ, какъ я васъ люблю, какъ вспоминаю о васъ, словомъ, я вложила въ нихъ все свое сердце. Я только-что отослала вамъ длинное письмо съ курьеромъ; но, свято исполняя свое обѣщаніе, я пишу вамъ по почтѣ. Ахъ, если бы вы могли послѣдовать моему примѣру, какое это было бы счастье для материнскаго сердца! Пока я прощусь съ вами, такъ какъ я должна навѣстить дѣтей моей невѣстки, которыя поручены мнѣ. Мнѣ пріятно бывать въ вашемъ домѣ, это даетъ мнѣ пріятную иллюзію. Прощайте, дорогія дѣти. Г-жа Адлербергъ по-

сылаетъ вамъ привѣтъ, я же цѣлую васъ и благословляю васъ отъ всего сердца, и прошу васъ передать отъ меня поклонъ ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ, равно и тѣмъ молодцамъ военнымъ, коихъ я знаю.

Ваша навѣки Марія.

10-го іюля, суббота, 1815 г.

Вчера вечеромъ, дорогія дѣти, мы узнали изъ прибавленія къ Берлинской газетѣ о капитуляціи Парижа, а сегодня мой братъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ мнѣ эстафету съ этимъ извѣстіемъ, приложивъ къ ней условія капитуляціи. Итакъ, великое дѣло свершилось, и кровопролитіе съ помощью Божіей прекратится, но, признаюсь, отъѣздъ Наполеона нѣсколько уменьшилъ мою радость. Куда же онъ ѣдетъ? и не съ тѣмъ-ли, чтобы возвратиться при первой же возможности? Я предпочла бы, чтобы онъ находился подъ надежнымъ карауломъ. Мы все еще не имѣли курьера отъ императора; такимъ образомъ вотъ уже 10 дней, какъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій; это можетъ привести въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что мы видимъ изъ берлинскихъ газетъ, что прусскіе эстафеты и курьеры пріѣзжаютъ аккуратно въ извѣстные опредѣленные сроки, тогда какъ насъ это молчаніе и отсутствіе извѣстій приводитъ постоянно въ отчаяніе. Я сильно испытываю это лишеніе, дѣти мои, такъ какъ оно лишаетъ счастья получать отъ васъ извѣстія. Я не имѣю сообщить вамъ отсюда ничего особенно интереснаго, дѣти мои. Наша добрая Адлербергъ здорова, но, по моему мнѣнію, она все еще слаба послѣ болѣзни; хотя Крейтонъ увѣряетъ, что если она будетъ еще нѣкоторое время аккуратно принимать лѣкарства, то она совсѣмъ поправится. Погода стоитъ у насъ такая же перемѣнчивая, какъ въ апрѣлѣ; сегодня ночью шелъ проливной дождь, утро было прекрасное, а вечеромъ снова шелъ дождь. Всѣ умы поглощены совершающимися событіями, дорогія дѣти, и ожиданіемъ курьера. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца и отъ всей души. Графиня Браницкая пишетъ графинѣ Литта изъ Берлина, что васъ очень любятъ; она видѣла издали Александрину, но не могла разсмотрѣть ея лица, такъ какъ на ней была большая шляпа; но ея фигура показалась ей прекрасной. Прощайте, дѣти мои, посылаю вамъ свое благословеніе.

Воскресенье, 11-го іюля.

Мнѣ хотѣлось бы протянуть къ вамъ руки и обнять васъ, мои добрыя и дорогія дѣти, какъ можно нѣжнѣе, чтобы поблагодарить васъ за ваши милыя и любезныя письма отъ 12-го по 23-е іюня, которыя я получила сегодня утромъ, проснувшись, и которыя доставили мнѣ много счастья. Никогда не вѣрьте тому, что я могу пропустить курьера, не написавъ вамъ; даже если бы я была больна, то вамъ написала бы

Аннета; поэтому, если вы не имѣете отъ меня писемъ, то это не по моей винѣ. Я въ восторгѣ, что курьеръ разыскалъ пакетъ; но вполнѣ-ли вы увѣрены въ томъ, что онъ только затерялъ; не попалъ-ли этотъ пакетъ въ руки любопытныхъ? Какъ меня интересуютъ всѣ сообщаемыя вами подробности, въ особенности меня радуютъ братская доброта императора и его нѣжная заботливость о васъ. Господь вознаградитъ его за это, а такъ какъ въ Священномъ Писаніи обѣщана особая награда тѣмъ дѣтямъ, которыя такъ хорошо исполняютъ сыновнія обязанности, какъ нашъ дорогой Александръ, то онъ, нашъ дорогой Александръ, будетъ долголѣтенъ и счастливъ. Я имѣю бездну вещей сказать вамъ, дѣти мои, но не могу сдѣлать этого сегодня вечеромъ и ограничиваюсь тѣмъ, что цѣлую васъ и нѣжно благословляю.

Понедѣльникъ, 12-го іюля.

Я была такъ счастлива вчера, получивъ ваши письма, что не могла предаваться никакимъ инымъ чувствамъ, а могла только радоваться своему счастью, но такъ какъ мамаша не должна баловать своихъ дѣтей, то я скажу моему дорогому Никошу, что не хорошо высказывать слишкомъ поспѣшное сужденіе и обвинять мамашу въ томъ, что она лѣнится писать, ибо милому сыну приходится потомъ сознаться, что онъ былъ неправъ и что виновата не мамаша, а глупый курьеръ. Итакъ, не спѣшите впредь со своими заключеніями и не обвиняйте мамашу, коль скоро она пишетъ вамъ всякій день, а иной разъ даже два раза въ день! Какъ я сочувствую вамъ, добрые друзья мои, слыша ваши сужденія относительно несчастнаго французскаго народа; онъ очень испорченъ, очень развращенъ, но можетъ-ли и быть иначе, коль скоро у него нѣтъ ни религіи, ни принциповъ, ни нравственности, можно даже сказать: нѣтъ чести, ибо до сегодня самый испорченный человѣкъ уважалъ свое слово и данную имъ клятву, а въ настоящее время все это обращаютъ въ шутку; я сказала бы, что все это употребляется какъ средство для достиженія цѣли, а когда оно становится ненужнымъ, то отъ него отказываются; это заставляетъ содрогнуться. Надѣюсь, дорогія дѣти мои, что послѣ всего происшедшаго за послѣднее время вы уже не такъ охотно останетесь въ Парижѣ и что это покажетъ вамъ его въ настоящемъ свѣтѣ; съ внѣшней стороны онъ прекрасенъ; какъ средоточіе искусствъ и науки, онъ долженъ васъ интересовать; въ этомъ именно отношеніи и слѣдуетъ стремиться побыть тамъ, но не для того только, чтобы предаваться увеселеніямъ и развлеченіямъ, коими кишитъ Парижъ; вы должны сохранить чистоту и невинность воображенія, и съ этой цѣлью, добрые друзья мои, вы должны поставить себѣ за правило посвящать ежедневно нѣсколько часовъ серьезнымъ и разумнымъ занятіямъ. Я бесѣдовала объ этомъ сегодня съ императоромъ

и писала также ген. Коновницыну; издали точно такъ же, какъ вблизи, я слѣжу сердцемъ за вами. Въ случаѣ, если бы пребываніе императора въ Парижѣ затянулось, я предлагаю ему, чтобы онъ посовѣтовалъ вамъ совершить съ образовательной цѣлью поѣздку, туда, куда онъ сочтетъ для этого наиболѣе подходящимъ; если же онъ проведетъ въ Парижѣ всего нѣсколько недѣль, какъ я полагаю недѣли 3 или 4, то воспользуйтесь этимъ временемъ для занятій науками, т. е. назначьте для этого опредѣленные часы, проведя ихъ съ пользою; вы будете имѣть достаточно времени для прогулки и даже для посѣщенія спектаклей; что касается послѣднихъ, то избѣгайте всего, что, по отзыву людей, слишкомъ вольно и неприлично; однимъ словомъ, не слѣдуетъ давать себѣ волю въ самыхъ пустякахъ, въ особенности въ томъ, что касается добрыхъ нравовъ. Относительно же общества, я не думаю, что вамъ придется часто посѣщать его (я говорю объ обществѣ французовъ); изъ нихъ большинство отмѣчено печатью порока, поэтому слѣдуетъ по мѣрѣ возможности избѣгать ихъ. Я не могу достаточно выразить вамъ, дорогія дѣти, какъ я восхищена искреннимъ и откровеннымъ тономъ вашихъ писемъ; оставайтесь такимъ, каковъ вы есть, дорогой Никошъ, и не измѣняйте вашимъ нравственнымъ правиламъ. Я говорю это по поводу вашихъ словъ, что, несмотря на любезность и умъ Катò, вы не сходитесь съ ней во мнѣніи; у каждаго свой взглядъ на вещи: я не берусь рѣшать, чьи взгляды лучше,—ваши или Катò, но такъ какъ вы говорите, что ваши взгляды основаны на вашихъ принципахъ, то вамъ слѣдуетъ ихъ держаться; измѣнять свои правила сообразно съ взглядами каждаго было бы слабостью, и въ концѣ концовъ это поведетъ къ безхарактерности; слѣдуетъ измѣнить свои правила лишь тогда, когда разумъ говоритъ вамъ, что вы ошибаетесь; въ такомъ случаѣ упорствовать въ нихъ было бы капризомъ и упрямствомъ; но, коль скоро умъ и совѣсть не находятся въ разладѣ, слѣдуетъ твердо держаться своихъ взглядовъ. Сдѣлайте одолженіе, дорогія дѣти мои, пришлите мнѣ «Монитёръ» и текущія газеты; что касается другихъ порученій, то я дамъ ихъ вамъ при первомъ случаѣ. Напишите мнѣ о томъ, каково общественное мнѣніе въ Парижѣ, высказалось-ли оно въ пользу Людовика XVIII. Я вижу съ грустью, что капитуляція подписана Даву, приверженцемъ Наполеона! Или полагаютъ, быть можетъ, что Наполеонъ сдался? Надѣюсь, что вы увидите наконецъ фельдмаршала Веллингтона, и усердно прошу васъ написать мнѣ о немъ; я питаю къ нему чувство глубокаго уваженія. Если вы увидите принца Оранскаго, то я увѣрена, что вы сообщите мнѣ объ этомъ. Императоръ пишетъ, что онъ раненъ слегка; такъ какъ императоръ такъ добръ, что пишетъ мнѣ объ этомъ, то это подаетъ мнѣ надежду, что онъ заботится о судьбѣ Анны; я только-что еще разъ просила его постараться привести къ окончанію это благое дѣло.

У Аннеты сегодня немного болитъ голова, но такъ какъ пульсъ у нея очень спокойный, то Гарри полагаетъ, что это пройдетъ. Она слишкомъ много кушаетъ на постномъ маслѣ; я убѣждена, что этотъ запахъ вреденъ для нея. Передайте мой привѣтъ вашимъ кавалерамъ, доброму Рюлю, всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, которыхъ я знаю; скажите генералу Раевскому, что я позаботилась о томъ, чтобы его письмо было передано его женѣ; гр. Толстому передано письмо отъ сына. Прощайте тысячу, тысячу разъ, дорогія, любезныя мои дѣти! Да благословитъ васъ Господь, какъ я благословляю васъ; будьте счастливы и добродѣтельны и не забывайте своей мамаши. Всѣ мои шлютъ вамъ привѣтъ.

Марія.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Епископъ Ааронъ (Еропкинъ).

(Біографическая замѣтка).

Епископъ Ааронъ, въ мірѣ Аѳанасій Владиміровичъ Еропкинъ, былъ сынъ стольника, боярина Влад. Михайл. Еропкина, потомка Владиміра Мономаха, и его внука вел. князя Смоленскаго Ростислава, который былъ на великомъ княженіи Смоленскомъ и Кіевскомъ († 1166).

Аѳанасій Еропкинъ родился около 1663 г., получилъ домашнее образованіе, зналъ латинскій языкъ, изучалъ священное писаніе и не вдругъ избралъ себѣ иноческую жизнь. Изъ боярской книги видно, что въ 1683 г. онъ былъ въ походѣ къ Троицкому монастырю и въ 1687 г. участвовалъ въ 1-мъ походѣ на Крымъ. Изъ тѣхъ же книгъ видно, что онъ числился въ дворцовомъ вѣдомствѣ, стольникомъ царя Петра I-го.

Но свѣтская служба была не по душѣ Аѳанасію Еропкину, онъ удалился изъ родительскаго дома въ Нилову Столбенскую пустынь, которая славилась благоустроенною жизнію иноковъ. Нареченный по постриженіи Ааономъ, Аѳанасій Еропкинъ былъ вскорѣ назначенъ казначеемъ, а въ 1699 г. строителемъ-намѣстникомъ монастыря. Въ 1700 г. новгородскій митрополитъ Іовъ перевелъ Аарона, на пользу монастыря, намѣстникомъ въ Крестный монастырь, на островѣ Кіѣ, на Бѣломъ морѣ. Ааронъ поѣхалъ съ монахомъ Ѳерапонтомъ въ Соловки, получивъ на дорожныя издержки двухъ лицъ «одинъ рубль», да съ рыболововъ на озерѣ Ильменѣ два руб. съ полтиною.

Въ 1700 г. скончался патріархъ Адріанъ; царь Петръ 1-й, задумавъ преобразовать церковное управленіе, не опредѣлилъ Адріану преемника, а назначилъ въ концѣ 1700 г. «мѣстоблюстителемъ» патріаршаго престола рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго. Первымъ же, между

россійскими іерархами, по кончинѣ патріарха, по значенію новгородской архіерейской каѳедры, сталъ новгородскій митрополитъ.

Въ 1704 г. митрополитъ Іовъ перевелъ Аарона архимандритомъ въ Валдайскій-Иверскій монастырь, а въ 1708 г. перемѣстилъ его въ Новгородскій Юрьевъ монастырь. Жизнь подъ руководствомъ мудраго архипастыря была для Аарона новою школою. Онъ велъ истинно монашескую жизнь, и въ Валдайскомъ монастырѣ до 1813 года сохранялась власяница, которую носилъ Ааронъ.

Въ Новгородъ пріѣзжалъ иногда по дѣламъ тогдашній настоятель Ниловой пустыни, игуменъ Иринархъ. Ааронъ помогалъ ему своими ходатайствами и передъ свѣтскими правителями, между которыми у него было много истинныхъ друзей.

16-го іюня 1712 г. скончался духовникъ митрополита Іова, Іоиль, епископъ корельскій и ладожскій, и на его мѣсто былъ опредѣленъ архимандритъ Ааронъ. Въ ночь на 3-е февраля 1716 г. отошелъ на вѣчный покой митрополитъ Іовъ, и до распоряженія правительства, кому управлять архіерейскимъ домомъ, временный надзоръ принялъ на себя новгородскій комендантъ, князь Вяземскій. Въ февралѣ того же года завѣдываніе домомъ и вотчинами новгородскаго архіерея и управленіе Новгородскою епархіею поручено было Аарону. Управленіе было тяжело, по самой уже обширности Новгородской епархіи. Преосвященный Ааронъ не имѣлъ себѣ такого помощника въ управленіи епархіею, какого имѣлъ въ Ааронѣ покойный митрополитъ Іовъ. Бремя управленія еще усиливалось отъ неустроенности въ духовенствѣ, отъ его бродяжничества, отъ оставшагося отъ прежняго времени потворства этому бродяжничеству, особенно если такіе бродяги оказывались внѣ предѣловъ своей епархіи. Случалось, что какой-нибудь священникъ отлучится отъ мѣста служенія, скитается по мірскимъ домамъ, иногда пристроится для службы въ домовой церкви у кого-либо изъ богатыхъ и знатныхъ дворянъ. А если монахъ отлучался за предѣлы своей епархіи, то онъ былъ свободно принимаемъ въ чужой епархіи и даже отправлялъ богослуженіе, если имѣлъ санъ іеромонаха или іеродіакона. Усилія преосвященнаго Аарона возвратить подобныхъ ослушниковъ въ прежнюю епархію не всегда были успѣшны.

Не мало терпѣлъ преосвященный Ааронъ отъ клеветъ и продѣлокъ чиновничества, но по его дѣйствіямъ видно, что онъ стоялъ за правду, заступался за безсильныхъ и угнетенныхъ. По недостатку развитія среди духовенства Новгородской епархіи и мірянъ, а также и недостатку научнаго просвѣщенія суевѣріе было въ силѣ, и духовенство злоупотребляло имъ.

Въ Новгородской епархіи, особенно въ Заонѣжьѣ, былъ силенъ расколъ; расколоучителями были извѣстные выгорѣцкіе раскольники «Се-

менъ и Андрей Денисовы». Семенъ еще при жизни митрополита Іова былъ схваченъ и сидѣлъ подъ карауломъ; но потомъ бѣжалъ и жилъ въ Заонѣжьѣ.

Помѣщики иногда презрительно относились къ своимъ супружескимъ обязанностямъ, жестоко обращались съ женами, а одинъ изъ нихъ, Петръ Весленевъ, въ февралѣ 1719 г. заставилъ іеромонаха Осиновской пустыни, Корнилія, насильно постричь въ монашество свою жену [1]) Агаѳію.

Такое положеніе преосвященнаго, во время управленія его епархіею, требовало отъ него большаго благоразумія, твердости, терпѣнія, благодушія, разсудительности, и Ааронъ въ теченіе пяти лѣтъ своего труднаго управленія велъ его съ достоинствомъ, съ твердостью истиннаго пастыря, употребляя въ дѣло просьбы, а въ случаѣ нужды, внушенія, выговоры и законное преслѣдованіе.

Вотчины новгородскаго архіерея разсѣяны были по разнымъ мѣстамъ Новгородской епархіи. Ими управляли дѣти боярскія архіерейскаго дома, злоупотреблявшіе иногда своею властію.

Преосвященный Ааронъ былъ весьма добръ къ крестьянамъ: если съ нихъ требовались лишніе поборы, то онъ всегда ходатайствовалъ за нихъ, отстаивая ихъ интересы. 16-го марта 1718 г. изъ Валдайскаго Ландратскаго правленія пришелъ указъ Меншикова, «подрядный обрѣтающійся на Мстѣ въ Вышнемъ Волочкѣ, и въ селѣ Боровичахъ, провіантъ отвезти нынѣ въ скорости въ Санктъ-Петербургъ на уѣздныхъ крестьянскихъ подводахъ», которыхъ требовалось съ 2-хъ дворовъ по подводѣ. Время самое неудобное: весна, распутица, не только везти провіантъ, но добраться до мѣстъ, гдѣ онъ былъ сложенъ, было невозможно; бѣднымъ крестьянамъ грозило разореніе, имъ и безъ того отъ разныхъ податей, подводъ, работъ и недороду хлѣба было тяжело. Преосвященный Ааронъ обратился съ сердечной просьбою 18-го марта къ Д. М. Меншиковой походатайствовать передъ мужемъ объ отмѣнѣ высылать провіантъ, въ весеннюю распутицу, а отправлять позже, водянымъ путемъ.

Въ декабрѣ 1718 г. пришелъ указъ въ Новгородъ о требованіи съ крестьянъ Новгородской провинціи за прошедшіе годы ландмилицкихъ солдатъ и доимочныхъ рекрутъ. Крестьяне, обремененные податями, терпѣли нужду отъ недородовъ. Преосвященный Ааронъ и тутъ употребилъ свое стараніе. При отправленной общей челобитной дворянъ, монастырей новгородскихъ, объ отмѣнѣ этого указа, преосвященный послалъ о томъ же просительныя письма генералъ-адмиралу Апраксину, Бутурлину, сенаторамъ: Матвѣеву, Пушкину, князю Д. М. Голицыну, Т. Н.

[1]) Описаніе дѣлъ и докумен. Св. Синода 1726 г., т. VI, № 218—117.

Стрѣшневу и другимъ. Ааронъ просилъ сжалиться надъ слезами бѣдныхъ крестьянъ, которые «отъ таковыхъ поборовъ и несказанной хлѣбной скудости иные врозь бредутъ, иные гладомъ, такоже гибнутъ». Это прошеніе скоро удовлетворили. 25-го февраля 1719 г. стряпчій П. Гр. Гавриловъ увѣдомилъ объ отмѣнѣ указа.

Митрополитъ Іовъ основалъ въ Новгородѣ «нищепиталища» или госпитали, которые содержались на средства архіерейскаго дома [1]), первыхъ было 2, вторыхъ 3, въ нихъ помѣщалось масса сирыхъ и убогихъ. На содержаніе ихъ государь пожаловалъ Олонецкія вотчины и Серматскія рыбныя ловли. Въ этихъ госпиталяхъ при кончинѣ Іова призрѣвались 468 человѣкъ. Что же касается до построекъ архіерейскаго дома въ Новгородѣ, преосвященный ограничился только самыми необходимыми.

Не смотря на многотрудное управленіе свое Новгородскою епархіею, преосвященный Ааронъ не забывалъ и братію Ниловой пустыни. Посылаемые по монастырскимъ дѣламъ, въ Новгородъ и въ Петербургъ, при всякой поѣздкѣ, обязательно являлись къ нему какъ своему покровителю и отъ него получали совѣты и направленія, какъ поступать. Искреними благопріятелями преосвященнаго были: сенаторъ Гр. Анд. Артамонъ-Матвѣевъ, Я. Н. Римскій-Корсаковъ, И. И. Мякининъ и И. Ю. Татищевъ. Преосвященный пользовался также уваженіемъ современныхъ ему архіереевъ. Первенствующій Стефанъ Яворскій не только переписывался съ нимъ, но предварялъ его своими поздравленіями къ праздникамъ. Митрополитъ Холмскій Сильвестръ желалъ видѣть въ немъ себѣ совѣтника, получить утѣшеніе въ скорбяхъ; прочіе преосвященные по-братски относились къ нему, съ радушіемъ и любовію. Митрополитъ Іовъ называлъ его мужемъ «боголюбивымъ», Гр. Ан. Артамонъ-Матвѣевъ приписывалъ ему «милосердіе всюду похвальное», архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ письмѣ къ Аарону 10-го іюня 1728 г. называетъ его человѣкомъ, прямымъ путемъ ходящимъ.

Утомленный трудами, Ааронъ просилъ объ увольненіи его на безмолвіе въ Нилову пустынь, на что и получилъ благословеніе Синода въ 1723 г. Вслѣдъ за Ааропомъ, на покой въ Нилову пустынь отправился бывшій нѣкогда судья новгородскаго архіерейскаго приказа, престарѣлый архимандритъ Серапіонъ Аничковъ, какъ будто для того, чтобы провести послѣдніе дни и кончить жизнь при прежнемъ своемъ наставникѣ и руководителѣ.

Послѣ паденія Меншикова, Ѳеофанъ Прокоповичъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе, онъ опять вспомнилъ объ Ааронѣ Еропкинѣ, назначилъ его въ 1727 году корельскимъ епископомъ на помощь ему, Ѳеофану, по

---

[1]) Московскіе патріархи. Изд. 1848 г., стр. 105.

управленію Новгородскою епархіею. Побывавши въ Петербургѣ, преосвященный Ааронъ въ февралѣ 1728 г. отправился на мѣсто служенія въ Новгородъ и помѣстился въ Юрьевомъ монастырѣ. Вторичное его служеніе въ званіи викарнаго епископа новгородскаго архіерея продолжалось болѣе 2-хъ лѣтъ.

Въ 1730 году онъ снова просилъ объ увольненіи его въ Нилову пустынь, гдѣ 3-го апрѣля 1740 г. принялъ схиму съ именемъ Алипія, и 1-го мая того же года съ миромъ отошелъ ко Господу.

Портретъ преосвященнаго, масляными красками, хранится въ Ниловой пустыни. На верху портрета надпись: преосвященный Ааронъ Владиміровичъ, епископъ корельскій и ладожскій, по фамиліи Еропкинъ, въ схимѣ нареченъ Алипій.

В. В. Еропкина.

Воспрещеніе выводить воспитанниковъ училищъ въ Царствѣ Польскомъ на загородную прогулку 3-го мая.

Отношеніе намѣстника главному директору, предсѣдательствующему въ правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

14-го (26-го) апрѣля 1834 г.

Дошло до моего свѣдѣнія, что въ школѣ м. Александрова существуетъ обыкновеніе дѣлать 3-го маія н. с. загородныя прогулки, что въ 1833 году ученики выходили на прогулку съ церемоніальнымъ маршемъ, надѣлали себѣ дорогою штандарты изъ платковъ и бумаги и пѣли возмутительныя пѣсни.

Увѣдомляя о томъ ваше превосходительство, предлагаю сдѣлать распоряженіе, дабы загородныя прогулки учениковъ отнюдь не были производимы въ Царствѣ 3-го маія, но въ другой день, и дабы оныя не были сопровождаемы никакими неприличными и предосудительными дѣйствіями, что̀ и возложить на отвѣтственность директоровъ и инспекторовъ училищъ.

Подписалъ генералъ-фельдмаршалъ, князь Варшавскій, графъ Паскевичъ Эриванскій.

Главный директоръ генералъ-лейтенантъ Е. А. Головинъ предложилъ Совѣту Народнаго Просвѣщенія сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія и одновременно просилъ военныхъ начальниковъ воеводствъ: „строго наблюсти съ своей стороны, дабы подобныя прогулки не были допускаемы въ день 3-го мая, и если будетъ что-либо замѣчено въ противность сему распоряженію, немедленно ему доносить“.

Сообщ. С. П. Никольскій.

ПОПЫТКА НАПЕЧАТАТЬ

«ЧЕРТЫ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО»

В. А. Жуковскаго въ 1837 году.

Однимъ изъ плодовъ дѣятельности Жуковскаго, какъ наставника цесаревича Александра Николаевича, является его трудъ «Черты исторіи государства Россійскаго», имѣющій значеніе и для характеристики политическихъ воззрѣній Жуковскаго. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ «Черты» были напечатаны въ самомъ незначительномъ числѣ экземпляровъ для особъ императорской фамиліи и приближенныхъ къ нимъ лицъ [1]), а въ 1849 году, съ небольшими перемѣнами, были внесены Жуковскимъ въ послѣднее при его жизни исполненное изданіе его сочиненій [2]).

Еще ранѣе, въ 1837 году, Жуковскій намѣревался познакомить русское общество съ своимъ трудомъ, но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Предполагалось помѣстить «Черты» въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». Помощникомъ редактора этого журнала былъ въ то время А. А. Краевскій. Въ 1836 году онъ напечаталъ въ «Журналѣ» свою статью: «Объ историческихъ таблицахъ В. А. Жуковскаго» [3]). По просьбѣ Краевскаго, Жуковскій далъ согласіе на помѣ-

---

[1]) См. „Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества“, т. 30, Спб. 1880, стр. 195—196, а также „Древняя и Новая Россія“, 1881 г., февраль, стр. 318.

[2]) Томъ седьмой, стр. 261—314. Текстъ въ первоначальной редакціи перепечатанъ, по рѣдчайшему печатному экземпляру, принадлежащему И. А. Шляпкину, въ „Сборникѣ Импер. Русск. Историч. Общества“, т. 30, стр. 169—195, и въ „Древней и Новой Россіи“ 1881 г., февраль, стр. 319—343 (при чемъ здѣсь г. Шляпкинымъ указаны отличія первоначальной редакціи отъ позднѣйшей).

[3]) Журн. мин. нар. просв., 1836 г., ч. X, отдѣленіе II, стр. 409—438.

щеніе въ томъ же «Журналѣ» и своей статьи «Черты исторіи государства Россійскаго». Краевскій, изъ осторожности, представилъ статью, въ рукописи, черезъ М. М. Попова на предварительный просмотръ начальника штаба корпуса жандармовъ Л. В. Дубельта.

Вотъ что писалъ Дубельтъ Попову, 5-го сентября 1837 года, ознакомившись съ статьею Жуковскаго:

«Я ничего не читалъ прекраснѣе этой статьи и прошу васъ, родной мой Михаилъ Максимовичъ, принять на себя трудъ поблагодарить г-на Краевскаго за доставленіе мнѣ удовольствія прочесть новый прекрасный трудъ Жуковскаго. Поблагодарите его и за оказываемую имъ мнѣ довѣренность, за которую я долженъ отплатить ему откровенностію.

«Статья безусловно—прекрасна, но будетъ ли существенная польза, ежели ее напечатаютъ? Вопросъ этотъ дѣлаю по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, чтобъ видѣть всю красоту и пользу этого сочиненія, нужно знать твердо исторію государства Россійскаго; а какъ, къ несчастію немногіе у насъ ее знаютъ, то статья эта для немногихъ будетъ понятна. Во-вторыхъ, она оканчивается первымъ нашествіемъ Батыя. Вѣдь тутъ можно сказать: по усамъ текло, въ ротъ не попало! Второй набѣгъ этого татарина, еще болѣе ужасный, когда, послѣ паденія Кіева, состояніе Россіи было самое бѣдственное, когда живые завидовали спокойствію мертвыхъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, когда Ярославъ, изъ любви къ Россіи, изнуренной, безлюдной, полной гробовъ и развалинъ, долженъ былъ ѣхать въ станъ Батыевъ, а сына своего послать къ Октаю,—и далѣе отъ этого ужаснаго времени до начала освобожденія нашего отечества, когда ратныя дѣйствія россіянъ начинаются противъ моголовъ, когда бѣды наши прославили берега Непрядвы и поле Куликово,—сочинитель статьи останавливается и, описавъ темныя времена быта Россіи, не хочетъ говорить о ея свѣтломъ времени,—жаль!

«Теперь два слова о 39-й, 40, 40^2, 41, 48^2 и 49^2 страницахъ. Не думаю, чтобы подобныя разсужденія цензура дозволила напечатать—и не совѣтую представлять въ цензуру статью съ этими разсужденіями,—они не ведутъ къ добру. Въ монхъ понятіяхъ царь есть отецъ, подданные—его дѣти, а дѣти никогда не должны разсуждать о своихъ родителяхъ,—иначе у насъ будетъ Франція, поганая Франція.

«Вотъ, мой другъ, мое мнѣніе,—браните или хвалите меня, какъ вамъ угодно, я не менѣе буду благодаренъ г-ну Краевскому и за доставленное мнѣ удовольствіе, и за его ко мнѣ довѣренность».

Въ бумагахъ Жуковскаго [1]) сохранился переписанный рукою писца экземпляръ статьи Жуковскаго, бывшій, очевидно, въ рукахъ Дубельта.

---

[1]) См. И. Бычковъ, Бумаги В. А. Жуковскаго, Спб. 1887, стр. 171, № 108.

Въ этомъ экземплярѣ именно на листахъ 39, 40, 40 об., 41, 48 об. и 49 об. отчеркнуты сбоку карандашомъ слѣдующія мѣста:

На листѣ 39. «... въ жизни народовъ, какъ и въ жизни природы, бываютъ сіи вулканическія потрясенія, коихъ никакая человѣческая мудрость ни отвратить, ни преодолѣть не въ силахъ: надолго исчезаетъ общее благоденствіе, и цѣлыя столѣтія проходятъ въ бѣдствіяхъ прежде, нежели новое, счастливѣйшее поколѣніе мирно процвѣтетъ на лавѣ минувшихъ лѣтъ [1])».

На листѣ 40 и 40 об. «Она (*т. е. исторія*) говоритъ властителямъ: будьте согласны съ вашимъ вѣкомъ; идите съ нимъ вмѣстѣ впереди, но ровнымъ шагомъ; отстанете—онъ васъ покинетъ; повлечете его быстро впередъ—ниспровергнете все и себя; осмѣлитесь преградить ему дорогу—онъ васъ раздавитъ. Ваша сила не въ вашей верховной власти и великихъ правахъ ея—она въ достоинствѣ вашего народа: униженъ онъ—унижены и вы; онъ страждетъ—вы ненавистны; тогда могущество ваше на пескѣ; первый вѣтеръ его опрокинетъ. Она говоритъ народамъ: покорствуйте порядку; сносите съ достоинствомъ и твердостію бремя настоящаго; свергнуть его силою—есть произвольно отворить жерло волкана: лава его можетъ быть плодотворна, но для временъ отдаленныхъ; губить настоящее для пользы грядущаго есть преступленіе безумства, которое прихотливо зажигаетъ домъ свой, въ надеждѣ, что изъ пепла его воздвигнется лучшій. Наконецъ, она говоритъ каждому: храни святыню клятвы и закона; знай свое мѣсто на землѣ и стой на немъ твердо; какъ человѣкъ образуй себя нравственно и твори что велитъ просвѣщенная совѣсть; какъ гражданинъ совершай вполнѣ, что велитъ особенный долгъ твой; люби общее благо но заботься только о ввѣренномъ тебѣ частномъ [2])».

На л. 41. «Гдѣ каждый на своемъ мѣстѣ покореинъ закону, тамъ и для всѣхъ совокупно нѣтъ другаго властителя кромѣ закона. Таковы совѣты исторіи, которымъ мы властны послѣдовать [3])».

На л. 48 об. «Что утверждаетъ могущество государства? Устройство внутреннее, плодъ долговременнаго мира. Подъ сѣнію мира мужаетъ власть верховная, обезпечиваются установленіями права народа, становятся ясны взаимныя отношенія между государемъ и подданными: первый узнаетъ, что его сила въ благѣ общемъ и неприкосновенности закона; послѣдніе, благоденствующіе подъ защитою власти, убѣждаются, что покорность закону и свобода одно и то же. Тогда любовь и уваже-

---

[1]) „Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.“, т. 30, стр. 188—189; „Древ. и Нов. Россія“, 1881 г., февраль, стр. 337.

[2]) „Сборникъ“, т. 30, стр. 189; „Древ. и Нов. Россія“, стр. 337.

[3]) Тамъ же.

ніе властителя къ народу производитъ любовь и уваженіе народа къ властителю; тогда утверждается въ душахъ любовь и къ отечеству... [1])».

На л. 49 об. «... и свобода, хранимая закономъ, и дѣятельность мысли, не притѣсняемой подозрительнымъ самовластіемъ, отъ чего она и не мятежна и вѣрна порядку, и просвѣщеніе, болѣе и болѣе объясняющее высокое назначеніе человѣка... [2])».

Статью Жуковскаго Краевскій сопроводилъ собственноручнымъ примѣчаніемъ отъ редакціи «Журнала», которое впослѣдствіи тщательно было зачеркнуто, но, тѣмъ не менѣе, можетъ быть, хотя съ трудомъ, прочтено:

«Всѣмъ образованнымъ русскимъ читателямъ, вѣроятно, уже извѣстно намѣреніе знаменитаго нашего поэта и мудраго педагога, воспитанію коего ввѣрена будущая надежда Россіи, Василья Андреевича Жуковскаго, издать таблицы, которыя служили бы пособіемъ въ преподаваніи исторіи, и вмѣстѣ съ ними напечатать объяснительный для оныхъ текстъ. Извѣстіе объ этомъ помѣщено было еще въ прошломъ году въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» (№ VI, іюнь). Здѣсь представляется образецъ такого текста для Русской исторіи. Излишне, кажется, замѣчать, что эта статья, по глубокомыслію и краснорѣчивому, увлекательному изложенію, далеко не похожа на такъ называемые объяснительные тексты къ таблицамъ, но можетъ стать на-ряду съ лучшими произведеніями исторической литературы, и мы не можемъ вполнѣ выразить той благодарности, которой обязалъ насъ знаменитый ея авторъ, дозволивъ украсить ею страницы нашего журнала».

Вышеприведенную записку Дубельта М. М. Поповъ послалъ въ тотъ же день (5-го сентября 1837 г.) Краевскому при слѣдующемъ письмѣ:

«Милостивый государь Андрей Александровичъ!

«Изъ посылаемой записки Леонтья Васильевича вы изволите увидѣть, сколько онъ благодаренъ вамъ за вашу довѣренность къ нему. Удовольствіе его, по прочтеніи статьи Жуковскаго, было такъ велико, какъ милы и добродушны строчки, которыя онъ набросалъ. Вотъ писатель и вотъ критикъ: одинъ другаго стоитъ! Случилось то, чего, кажется, еще не было у насъ..... Статьѣ Василья Андреевича слѣдовало непремѣнно захватить позднѣйшее время. Начало жизни нашего народа, описанное сочинителемъ, есть самая худая половина этой жизни: а свѣтлое-то, блестящее—скрыто. Лучше было бы издать исторію временъ съ Іоанна III-го или нѣсколько прежде, безъ начала, чѣмъ начало безъ продолженія. Тутъ—одно огорченіе, тутъ нѣтъ того, что

[1]) „Сборникъ“, стр. 193—194; „Др. и Нов. Россія“, стр. 341.
[2]) „Сборникъ“, стр. 194; „Др. и Нов. Россія“, стр. 341.

миритъ насъ съ предками и судьбою. А какъ сладокъ былъ бы его голосъ тамъ, гдѣ онъ могъ бы быть и отраденъ!

«Еще, на оборотѣ 3-й страницы, вы замѣтите вопросительный знакъ. Здѣсь Леонтій Васильевичь находитъ, что неосторожно сказано вообще о наслѣдіи, какъ будто Олегъ подалъ бѣдственный примѣръ всякому наслѣдію, не исключая и того, какое теперь у насъ [1]). Эти строчки или опустить, или выразиться яснѣе о наслѣдіи по праву старѣйшинства. Думаю, что мѣста, отмѣченныя генераломъ, можно выбросить. Ихъ такъ мало, а статья и безъ нихъ прекрасна.

«Я нарочно распространяюсь, чтобъ ни вы, ни Василій Андреевичь не приняли къ дурному замѣчаній моего благороднаго генерала. Онъ самъ опасался передать вамъ эти мысли: ему было бы очень прискорбно потерять и немногое въ мнѣніи Жуковскаго. Онъ хотѣлъ было, чтобъ вы отослали статью въ цензуру, какъ она есть, безъ его замѣчаній, хотѣлъ не спорить ни противъ чего. Можетъ быть, я взялъ на себя лишнее, но я за васъ обоихъ увѣрилъ, что вамъ не придетъ и на мысль, чтобъ въ этихъ откровенныхъ и слишкомъ справедливыхъ замѣчаніяхъ не было столько же благонамѣренности, сколько ума и вкуса.

«Я сказалъ Леонтью Васильевичу, что пошлю записку его къ вамъ, что не сниму съ васъ воли, если вздумаете передать ее Жуковскому. Я увѣренъ, что двое изъ насъ, у котораго не останется подлинника этой записки, будутъ завидовать третьему. Мнѣ еще хорошо: вы прочтете однѣ набросанныя наскоро мысли генерала, а я, кромѣ этого, велъ разговоръ съ нимъ въ счастливѣйшую минуту его таланта. Статья Василья Андреевича такъ понравилась ему, что онъ пришелъ именно въ то положеніе, которое зовутъ вдохновеніемъ. Кому жъ она не понравится?

«Съ своей стороны принося вамъ искреннѣйшую благодарность за сдѣланное вами мнѣ порученіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою М. Поповъ».

Слѣдствіемъ этой переписки было то, что «Черты исторіи государства Россійскаго» въ 1837 году не стали общимъ достояніемъ и, вѣроятно тогда же, были изданы лишь въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Замѣчанія же Дубельта впослѣдствіи были приняты Жуковскимъ во вниманіе, и, помѣщая въ 1849 году эту статью въ собраніи своихъ сочиненій, Жуковскій сдѣлалъ въ отмѣченныхъ Дубельтомъ мѣстахъ нѣкоторыя перемѣны. Въ первоначальной же редакціи

---

[1]) Вопросительный знакъ стоитъ противъ слѣдующей фразы: „Олегъ, старшій въ родѣ послѣ Рюрика, наслѣдуетъ престолъ его вмѣсто малолѣтняго Игоря и тѣмъ подаетъ бѣдственный примѣръ наслѣдованія для временъ грядущихъ“.

«Черты исторіи государства Россійскаго» были переизданы, какъ сказано выше, лишь въ 1880 году въ 30-мъ томѣ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», посвященномъ «годамъ ученія наслѣдника цесаревича Александра Николаевича».

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

Изъ архива Ѳ. В. Булгарина.

Помѣщаемыя ниже письма М. Т. Каченовскаго печатаются съ оригиналовъ, хранящихся въ Карловскомъ архивѣ, Ѳ. В. Булгарина.

Въ помѣстьи Карловѣ, близъ Дерпта, съ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія получившемъ литературную извѣстность и въ былые годы нерѣдко видѣвшемъ такихъ гостей, какъ Грибоѣдовъ, А. А. Бестужевъ, Кюхельбекеръ и многіе другіе литераторы, сохраняются богатая библіотека и архивъ Ѳаддея Венедиктовича, которые онъ собиралъ въ теченіе своей многолѣтней журнальной дѣятельности, ставившей его въ близкія отношенія съ широкими кругами литературными, общественными и административными.

Изъ богатаго собранія рукописей Карловскаго архива уже не разъ черпались важные матеріалы для исторіи русской литературы и общества александровскихъ и николаевскихъ временъ. Здѣсь долгое время хранилась извѣстная Булгаринская рукопись, «Горя отъ ума» съ надписью Грибоѣдова: «Горе мое поручаю Булгарину»; отсюда, главнымъ образомъ чрезъ посредство сыновей Ѳ. В., Владислава и Болеслава Ѳаддеевичей, и Т. А. Сосновскаго, перешли на страницы «Русской Старины» письма и другія бумаги многихъ русскихъ писателей [1]).

Несмотря на это, рукописное собраніе архива доселѣ еще не исчерпано. Благодаря любезности Вячеслава Болеславовича Булгарина, внука Ѳаддея Венедиктовича, мы получили доступъ въ Карловскую библіо-

[1]) См. роспись „Рус. Старины“, за 1870—1874 гг., №№ 1169, 1491, 1514, 2103, 2104, 2105; также „Рус. Стар.“ 1901, № 2; были и другія публикаціи изъ Карловскаго архива.

теку и архивъ, равно какъ и разрѣшеніе снять для опубликованія въ печати копіи съ хранящихся тамъ неизданныхъ рукописей, за что и приносимъ здѣсь В. Б. Булгарину свою благодарность.

Н. Пиксановъ.

Письма М. Т. Каченовскаго къ Ѳ. В. Булгарину (1823—1824).

1.

2-го января 1823 г. Москва.

Съ усерднѣйшимъ поздравленіемъ по случаю новаго года пріимите и душевную благодарность мою за благосклонное ко мнѣ расположеніе [1]).

Оба письма ваши я получилъ исправно, и... Но прежде всего позвольте рекомендовать себѣ моего сослуживца, предстоящаго предъ вами, здѣшняго профессора Ивана Ивановича Давыдова, мною отлично уважаемаго за превосходныя качества ума его и сердца. Мы съ нимъ частенько-таки и бранимся по дѣламъ цензуры (ибо онъ читаетъ мой Вѣстникъ); однако жь это нисколько не мѣшаетъ нашей дружбѣ [2]). Рецензію Лелевеля на предисловіе я читалъ съ большимъ удовольствіемъ; имѣю причины ожидать еще болѣе при чтеніи дальнѣйшаго разбора [3]). Кажется мнѣ, что elegance принадлежитъ переводу, а не подлиннику; ибо читавши Лелевеля на польскомъ, я находилъ слогъ его не слишкомъ нарядным [4]). Мнѣ весьма пріятно было встрѣтаться въ нѣкоторыхъ своихъ мысляхъ съ симъ ученымъ испытателемъ исто-

---

[1]) Редакторъ „Вѣстника Европы" М. Т. Каченовскій и издатель „Сѣвернаго Архива" Ѳ. В. Булгаринъ были союзниками въ журнальной полемикѣ, предметомъ которой служила „Исторія государства Россійскаго" Карамзина. Помимо дружеской переписки Каченовскій и Булгаринъ обмѣнивались и другими любезностями. Такъ Каченовскій предоставилъ Булгарину страницы „Вѣстника Европы", для полемики съ А. Ѳ. Воейковымъ

[2]) И. И. Давыдовъ, профессоръ русской словесности въ Московскомъ университетѣ, впослѣдствіи ординарный академикъ, предсѣдательствовавшій во II отдѣленіи Имп. Академіи наукъ.

[3]) Рѣчь идетъ о статьяхъ польскаго историка Лелевеля: „Разсмотрѣніе Исторіи Государства Россійскаго, соч. г. Карамзина", переведенныхъ Булгаринымъ и печатавшихся въ „Сѣверномъ Архивѣ" 1822—1824 гг.

[4]) Что Булгаринъ, дѣйствительно, сглаживалъ въ переводѣ слогъ Лелевеля, объ этомъ свидѣтельствуетъ С. Л. Пташицкій, въ своихъ примѣчаніяхъ къ перепискѣ Лелевеля съ Булгаринымъ (по поводу выше названныхъ статей Лелевеля); „Рус. Стар." 1878, № 8, стр. 640.

ріи [1]).—Не думаю, чтобы у васъ было болѣе, чѣмъ здѣсь, партизановъ почтеннаго нашего исторіографа; по крайней мѣрѣ мнѣ встрѣчались они на каждомъ шагу, а узнавалъ я ихъ потому, что они или ругали меня, или проходили мимо, отворотившись [2]).

Чего я отъ нихъ не вытерпѣлъ?

Боясь задержать отъѣзжающаго, прерываю бесѣду съ вами. Надѣюсь скоро имѣть другой случай. Еще два слова. Повѣрьте мнѣ, что разномысліе между вами и мною, ни даже невыгодный отзывъ обо мнѣ въ вашемъ журналѣ не уменьшатъ во мнѣ уваженія къ вашему Архиву, а къ особѣ вашей того истиннаго почтенія и преданности, съ которыми имѣю честь быть навсегда вашимъ покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Каченовскій.

P. S. Скажите, ради Бога, А. Бестужеву, что пьеса его Венденъ [3]) была уже набрана; но послѣ запрещена ректоромъ и самимъ цензоромъ, которому [4]) прошу не вѣрить, если скажетъ противное.

2.

7-го января 1823 г. Москва.

Полагаю, что поздравленіе мое съ новымъ годомъ уже дошло къ вамъ чрезъ И. И. Давыдова, который теперь долженъ быть въ Петербургѣ.—Г. Анастасевичъ [5]) имѣетъ причину сердиться на меня не за одну только гривну, но еще и за ненапечатаніе толстыхъ его тетрадей, которыя присылалъ онъ для моего журнала. Но ради Бога скажите, какимъ образомъ все печатать? У меня и безъ того проскакиваетъ множество нелѣпостей, которыя иногда помѣщаются по отношеніямъ, а иногда и за недосугами. Завидую вамъ, свободному че-

---

[1]) Самъ Каченовскій еще въ 1819 году выступилъ съ критикою знаменитаго „предисловія“ Карамзина; „Вѣстникъ Европы“, 1819, ч. 103, №№ 2, 3, 4; ч. 104, №№ 5, 6.

[2]) Нападки на Каченовскаго „партизановъ“ исторіографа продолжались уже нѣсколько лѣтъ. Еще въ 1820 году, въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу изъ Москвы, Каченовскій жаловался на это. „Жуковскій, выругавъ меня добрымъ порядкомъ въ письмѣ, прекратилъ со мною всякое сношеніе“. „Рус. Архивъ“, 1868, № 6, столбц. 970—972.

[3]) „Замокъ Венденъ“. Пьеса вошла потомъ въ собраніе сочиненій А. А. Бестужева-Марлинскаго (изд. 1838 г., ч. 4-я).

[4]) Т. е. И. И. Давыдову, предъявителю письма.

[5]) Василій Григорьевичъ Анастасевичъ, библіографъ и переводчикъ. Онъ напечаталъ „Любопытное извѣстіе о золотой гривнѣ, найденной близъ Чернигова въ 1821 году“; „Отечествен. Записки“, 1821, ч. 8, № 20, стр. 425 и сл. Каченовскій отвѣчалъ ему полемическими статьями: „Розысканіе по поводу старинной золотой медали, недавно открытой“; „Вѣстн. Европы“, 1822, ч. 121, № 4; ч. 122, №№ 5, 6; ч. 124, № 15.

ловѣку, тѣснимому одною лишь цензурою. Но гдѣ же забавляется надъ нами почтенный истолкователь греческой надписи на черниговской гривнѣ? Я читалъ Gazetę Warszawskę, Pamiętnika Warsz. и Dziennika Wileńsk.—въ сихъ изданіяхъ ничего нѣтъ. Но Богъ съ нимъ. Желаю ему самому получить свыше златую гривну и съ трехъязычною надписью.

Буду весьма радъ случаю лично познакомиться съ вами и съ г-мъ Сенковскимъ, котораго я равнымъ образомъ весьма уважаю. Онъ найдетъ у меня на столѣ арабскую и еврейскую азбуки, и я буду просить его, чтобы поучилъ меня складамъ. Удивляюсь вамъ и завидую! Какъ вы, милостивые государи! можете авторствовать на разныхъ языкахъ съ равнымъ успѣхомъ? Я очень понимаю, что по имѣнію, въ разныхъ государствахъ находящемуся, можно быть подданнымъ двухъ или трехъ государей, напримѣръ подданнымъ россійско-австрійскимъ и проч.; но я постигнуть не могу, какъ можно считаться и быть дѣйствительно гражданиномъ двухъ литературъ въ одно время.

Одно меня утѣшаетъ: симъ только средствомъ обѣ литературы, русская и польская, могутъ сблизиться (ко взаимной пользѣ, многими до сихъ поръ непонимаемой, а особливо тѣми господчиками, для которыхъ вся премудрость заключается въ свѣтскомъ болтаньи по-французски); тогда и словесники обоихъ народовъ перестанутъ съ дикою недовѣрчивостью смотрѣть другъ на друга.—Знаете ли что? Вѣдь г. Раковецкій [1]), равно какъ и г. Суровѣцкій [2]) слишкомъ уже далеко простираютъ славянскую свою ревность. Со всѣмъ тѣмъ я желалъ бы взглянуть на Русскую Правду перваго; а здѣсь негдѣ взять этой книги. Простите. Имѣю честь быть навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью и проч.

P. S. Къ Сомову [3]) отъ меня есть письмо у А. Е. Измайлова.

---

[1]) Игнатій-Бенедиктъ Раковецкій, польскій историкъ; упоминаемая ниже „Prawda Ruska“ напечатана имъ въ Варшавѣ, 1820—1822.

[2]) Въ „Сѣвер. Архивѣ“ 1822 г. было помѣщено извлеченіе изъ диссертаціи Лавр. Суровѣцкаго: „Нѣчто о руническихъ письменахъ у европейскихъ народовъ среднихъ вѣковъ и догадки о степени бывшаго у нихъ просвѣщенія“ (ч. 4, № 24). Впослѣдствіи, въ 1826 г., также была переведена диссертація Л. Суровѣцкаго: „Изслѣдованіе происхожденія Славянскихъ народовъ“. „Сѣв. Архивъ“, 1826, ч. 20, №№ 7, 8; ч. 21, №№ 9, 10, 11, 12; ч. 22, №№ 13, 14, 15, 16; ч. 23, №№ 17 и 18.

[3]) Орестъ Михайловичъ Сомовъ, журналистъ, критикъ и переводчикъ; былъ постояннымъ сотрудникомъ въ изданіяхъ Ѳ. В. Булгарина.

3.

12-го февраля 1823 г. Москва.

Пользуюсь короткимъ временемъ и пишу къ вамъ о нужнѣйшемъ. На примѣчанія г-на Калайдовича [1]), ни впредь могущія случиться выходки противъ меня въ журналѣ вашемъ не должны дѣлать вамъ ни препятства, ни остановки. Пишите и печатайте все, что вамъ будетъ угодно; цензура знаетъ свое дѣло. Мы съ г-мъ Калайдовичемъ во многомъ не соглашаемся и будемъ не соглашаться дотолѣ, пока онъ не рѣшится выучиться иностраннымъ языкамъ, начитаться хорошихъ историковъ, познакомиться съ историческою критикою и стать въ своей сферѣ такимъ образомъ, чтобы могъ знать гдѣ востокъ, гдѣ западъ (s'orienter). За неодобреніе г-на Калайдовича я съ избыткомъ вознагражденъ отзывомъ г-на Газе [2]) изъ Парижа къ нашему канцлеру [3]). «Je me range entièrement de l'avis de M-r de Katschenowsky»,—пишетъ онъ—«surtout dans ce qui concerne la légende indechiffrable... Si nous avions ici le memoire de M-r de Katschenowsky, nous en ferions imprimer l'analyze, ou un extrait» и проч. Предварительно благодарю васъ покорнѣйше за все доброе, что̀ успѣете вы сдѣлать для Ивана Ивановича. О хлопотахъ вашихъ я имѣю понятіе. Я совершенно былъ безъ головы почти в е с ь прошлый годъ отъ безпокойствъ, у насъ на святой Руси неразлучныхъ съ постройками и перестройками. Еще и теперь не могу оправиться. Скажу еще разъ: журнальныя статьи въ Архивѣ и въ Вѣстникѣ не должны препятствовать связямъ нашимъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть и проч.

4.

26-го марта 1823 г. Москва.

Вотъ и я удосужился отнестись къ вамъ съ моимъ отвѣтомъ.

Бога ради перестанемъ же говорить о К. Ѳ. Калайдовичѣ. Я сказалъ вамъ искренно, что вы властны печатать въ своемъ журналѣ, что заблагоразсудите. Покорнѣйше васъ благодарю за лестный для меня

---

[1]) К. Ѳ. Калайдовичъ, историкъ. Калайдовичъ еще въ 1822 г. полемизировалъ съ Каченовскимъ по поводу твореній Кирилла Туровскаго; см. „Вѣстникъ Европы“, 1822, ч. 121, № 1 и 2, и ч. 122, № 6. Онъ писалъ также и въ „Сѣверномъ Архивѣ“.

[2]) Вѣроятно, Бенедиктъ Газе, ученый эллинистъ, профессоръ въ Парижской школѣ восточныхъ языковъ (1780—1864).

[3]) Графу Н. П. Румянцову.

отзывъ въ V книжкѣ Архива: только тамъ слишкомъ уже много сказано [1]).

Записные геллинисты и латинисты врядъ-ли могутъ похвастаться совершеннымъ знаніемъ древнихъ языковъ. Сдѣлаю замѣчаніе у себя въ Вѣстникѣ, если только не забуду.

Въ Москвѣ нѣтъ книжной лавки греческихъ книгъ. Дѣльныя и ученыя книги мы выписываемъ обыкновенно изъ Петербурга, изъ Риги или изъ чужихъ краевъ. Наши книгопродавцы держатъ товаръ единственно годный для читающей свѣтской публики—для дамъ и для мужчинъ женоподобныхъ. Русскую Правду г-на Раковецкаго недавно я получилъ изъ Вильны. А. А. Бестужевъ прелюбезный человѣкъ. Наши зажиточные литераторы давали для него праздники. Покорнѣйше прошу, при поклонѣ отъ меня, утѣшить его извѣщеніемъ, что статья о Катенинѣ останется безъ продолженія. Вижу по всему, что онъ самъ смастерилъ себѣ панегирикъ [2]). Попался я! Г. Анастасевичъ недавно писалъ ко мнѣ; онъ оправдывается весьма учтиво, и я раскаиваюсь, что задѣлъ его. То же самое можно бы сказать помягче. Увѣдомьте меня чистосердечно, почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ! имѣетъ-ли какое-нибудь дѣйствіе переводимая мною статья о происхожденіи русскаго языка? То есть, люди свѣдущіе въ исторіи находятъ-ли ее сколько-нибудь дѣльною? А вопросъ, рѣшаемый ею, чрезвычайно важенъ! [3]). Что же Лелевель? Я долженъ сказать, что многіе ваши читатели, именно же всѣ безпристрастные, нетерпѣливо ожидаютъ критики, обѣщанной вами. Хорошъ молодецъ La bête noire! Не понимаю, какъ его терпятъ! Между тѣмъ пора въ университетъ. Простите.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

5.

6-го августа 1823 г. Москва.

До вакаціи не было мнѣ покоя отъ собраній факультетскихъ и комитетскихъ, отъ лекцій и экзаменовъ и проч. и проч., а во время вакаціи—отъ жаровъ да отъ лихихъ немощей: вотъ почему дружеское письмо ваше, лежащее всегда у меня предъ глазами на кучѣ другихъ

---

[1]) Въ „Краткомъ обозрѣніи русской литературы 1822 года“ „Сѣверный Архивъ“, 1823, мартъ, № 5, данъ хвалебный отзывъ о „Вѣстникѣ Европы“.

[2]) Въ „Вѣст. Европы“ 1823 г., ч. 126, № 3, стр. 193 сл., помѣщена статья „О стихотвореніяхъ Г. Катенина“; здѣсь перечисляются достоинства стихотвореній П. А. Катенина, въ отвѣтъ на враждебную ему рецензію въ „Сынѣ Отечества“, 1816, № 17. Статья, дѣйствительно, не имѣла продолженія.

[3]) „Вѣст. Европы“, 1823, ч. 127, №№ 2, 3; ч. 128, №№ 5, 7; ч. 129, № 9.

писемъ, оставалось донынѣ безъ отвѣта. Но къ чему извиненія? Вѣстникъ оправдаетъ меня передъ вами: обѣ книжки іюля выдутъ не прежде, какъ 8-го августа! Стало быть, множество было препятствъ всякаго рода.

Критика ваша на почтеннаго калмыцкаго историка принята нашею публикою, или, скажу справедливѣе, нашими грамотеями, очень хорошо. Я неохотно печатаю у себя вещи, находящіяся уже въ другихъ журналахъ; но для гроссъ-мейстера знаменитыхъ друзей можно на часъ и отмѣнить принятое правило. Благодарю васъ покорнѣйше, что вы стоите за правду и насъ, смиренныхъ, иногда защищаете. Господь даровалъ вамъ крѣпость силъ дивную: вы не страшитесь легіоновъ!

Человѣкъ, примѣчаніемъ своимъ скрѣпившій критику Вяземскаго (на которую вы отвѣчали) по авторской своей славѣ, по своему чину, по возрасту, по вліянію на свѣтскихъ людей, по опытности въ свѣтской жизни, могъ бы быть теперь главою, старшиною, совѣтникомъ и покровителемъ всѣхъ пишущихъ. Что вмѣсто того дѣлаетъ онъ? Явно держится одной партіи, имъ покровительствуемой, а тайно ссоритъ между собою всѣхъ, кто ему позволяетъ себя дурачить. Боже мой! Не стыдно-ли заниматься сплетнями, стараться и хлопотать не о распространеніи свѣдѣній въ нашемъ отечествѣ, а о томъ, чтобы всѣ безусловно хвалили писателя, которому вѣрно уже и самому похвалы надоѣли, ежели онъ самолюбивъ не до безумія?

Извините! Всѣ мои причины не годятся. Мнѣ бы надлежало сказать, что я со дня на день надѣялся видѣть васъ въ Москвѣ и съ Н. И. Гречемъ, какъ вы писали, и потому не отправлялъ къ вамъ граматки.

В. Г. Анастасевичъ требовалъ отъ меня объясненія по случаю сдѣланной съ моей стороны выходки за гривну; я отвѣчалъ, и дѣло кончилось миролюбиво. Вслѣдъ за тѣмъ онъ возложилъ на меня коммиссію: отыскивать въ здѣшней сунодальной библіотекѣ славянскіе и греческіе номоканоны, сличать ихъ и переписывать (т. е. дѣлать выписки) для коммиссіи законовъ[1]). Предложеніе весьма для меня лестное, но ужасное по своей неудобоисполнимости. Не имѣя возможности управиться съ своими собственными дѣлами, простительно-ли впутываться въ новыя, для которыхъ потребно не одно время, но и вниманіе, труды, издержки! Я не успѣлъ еще ничего отвѣчать, а В. Г. присылаетъ граматки за граматками, и каждая написана въ такомъ тонѣ, что какъ будто бы уже я сижу обложенный со всѣхъ сторонъ номоканонами и будто въ нихъ роюсь, забывъ о цѣломъ мірѣ! Шутки въ

[1]) Въ коммиссіи составленія законовъ В. Г. Анастасевичъ былъ помощникомъ начальника отдѣленія польскаго и малорусскаго права.

сторону, а право я въ большомъ затрудненіи: какимъ образомъ сказать, что я до сихъ поръ и въ глаза еще не видалъ номоканоновъ?

Поручая себя благорасположенію вашему, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и проч.

6.

31-го декабря 1823 г. Москва.

Съ завтрашнимъ днемъ новаго года имѣю честь васъ душевно поздравить. Въ нынѣшнемъ истекающемъ году пишу къ вамъ въ послѣдній разъ, однако же и не въ первый; мѣсяца за два или за три передъ симъ я кое о чемъ къ вамъ относился. Продолжайте стоять за матку-правду. Мнѣ остается только вамъ завидовать. Вы не служите подъ начальствомъ особъ, которыя близки по родству и по привычкѣ съ нѣкоторыми знаменитыми персонажами. Листки ваши in 8-vo и in 4-to [1]) я читаю съ большимъ удовольствіемъ; но могу-ли быть безпристрастнымъ ихъ цѣнителемъ? Развѣ вы не отозвались обо мнѣ съ излишнею похвалою? Скажу вамъ, по крайней мѣрѣ, не свое, скажу, что здѣшняя публика очень полюбила легкое, остроумное, замысловатое и смѣлое перо ваше. Увѣренъ я, что не меньше будетъ она вамъ благодарна и за Модную Лавку, которую вчера нашелъ я въ Звѣздѣ «Полярной» [2]).

Вы шутите съ Ваською котомъ! А читали-ль эпиграмму въ журналѣ нашего князя-костюмиста? Такая же слово въ слово была и ко мнѣ прислана отъ неизвѣстнаго при весьма усердныхъ похвалахъ моему безпристрастію. Смѣхъ да и только! На сихъ дняхъ мнѣ сказывали, что soi-disant Слонъ разскакивается въ своей опрометчивости и не знаетъ, какъ поправить дѣло. Лелевелевой критикѣ стало быть не конецъ? Я этому очень радъ! Пріятно читать нѣкоторыя истины, но еще пріятнѣе думать, что подобными критиками публика мало-помалу пріучается судить безъ лицепріятія. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и проч.

7.

12-го апрѣля 1824 г. Москва.

Долго не писавши къ вамъ, теперь имѣю пріятнѣйшее удовольствіе вмѣстѣ и поздравить васъ съ истекающими праздниками. Война моя

---

[1]) Разумѣется „Сѣверный Архивъ“ (in 8-vo) и „Литературные Листки“ (in 4-to); послѣдніе Булгаринъ сталъ издавать со второй половины 1823 г.

[2]) Въ „Полярной Звѣздѣ“ 1823 г. Булгаринъ напечаталъ „Модную Лавку, или что значитъ фасонъ?“

съ знаменитыми друзьями идетъ своимъ чередомъ; печатаемыя же въ «С. О.» статьи къ ней ни мало не принадлежатъ: это подшучиваютъ надо мною знакомые люди и даже весьма короткіе пріятели. Но вотъ что̀ ужасно! Вяземскій, почитая меня авторомъ в т о р а г о разговора, извергнулъ въ «Дамскомъ Журналѣ» кипящую лаву ругательствъ, сарказмовъ и даже угрозъ. Видно, разгнѣвался не на шутку. Слышно, что хотятъ ему отвѣчать со всевозможнымъ хладнокровіемъ [1]). Постараюсь сыскать случай сказать доброе слово о вашихъ Литературныхъ листкахъ; но вы напрасно думаете, будто бы нужно з н а к о м и т ь съ ними нашу московскую публику. Сколько мнѣ извѣстно, здѣсь очень знаютъ ихъ и любятъ. Ни мало васъ не благодарю, что прижали къ ногтю какія-то двѣ статьи, противъ меня писанныя, если только въ нихъ было что-нибудь дѣльное. Намъ не должно стѣснять себя личными отношеніями, но говорить прямо объ истинахъ, которыя почитаемъ для всѣхъ полезными. Иное дѣло, когда бранятся для того лишь, чтобы браниться: благонамѣренная публика этого весьма не жалуетъ.

Не имѣвши времени писать къ вамъ, я поручилъ книгопродавцу адресовать на ваше имя одинъ экземпляръ П о с л ѣ д н я г о Б а р д а для г-на Бестужева. Надѣюсь, что вы догадались исполнить безмолвную мою просьбу, то-есть вручили книжку по принадлежности. Пожелавъ вамъ мужества, терпѣнія, на враги же побѣды и одолѣнія, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч.

Сообщ. **Н. Пиксановъ.**

---

[1]) При изданіи „Бахчисарайскаго Фонтана“ А. С. Пушкина (Спб., 1824) кн. П. Вяземскій помѣстилъ статью: „Вмѣсто предисловія: Разговоръ между издателемъ и классикомъ Выборгской Стороны или Васильевскаго Острова“; въ отвѣтъ въ „Вѣстникѣ Европы“ появилась статья N. (М. А. Дмитріева): „Второй разговоръ между классикомъ и издателемъ „Бахчисарайскаго Фонтана“ („Вѣстн. Евр.“, 1824, ч. 134, № 5, стр. 47 и сл.). На эту статью кн. Вяземскій возражалъ въ „Дамскомъ Журналѣ“ (1824, № 7, стр. 33 и сл.): „О литературныхъ мистификаціяхъ, по случаю напечатаннаго въ 5-й книжкѣ „Вѣстника Европы“ втораго и подложнаго разговора между классикомъ и издателемъ Бахчисарайскаго Фонтана“. Полемика продолжалась и далѣе („Вѣстн. Евр.“, ч. 134, № 8; „Дамскій Журналъ“, №№ 8 и 9).

Объ отданіи воинской чести писарями Сената.

Предписаніе министра юстиціи князя Алексѣя Долгорукова оберъ-прокурору Журавлеву.

9-го ноября 1828 г.

Товарищъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества, по высочайшему повелѣнію государя императора, сообщилъ мнѣ, что какъ писаря, въ Правительствующемъ Сенатѣ находящіеся, обмундированы по военной формѣ, то его величеству угодно, дабы, для сохраненія должнаго уваженія къ старшимъ, не только при встрѣчѣ съ военными генералами, штабъ и оберъ-офицерами, но и съ своими начальниками, когда замѣтятъ оныхъ, непремѣнно снимали шапки, не останавливаясь однакожъ во фронтъ.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи я даю знать вашему превосходительству, для учиненія по 1 Департаменту Правительствующаго Сената и другимъ вамъ подвѣдомымъ мѣстамъ должныхъ распоряженій, къ непремѣнному онаго исполненію.

Сообщ. А. В. Безродный.

КНЯГИНЯ Д. Х. ЛИВЕНЪ

и ея переписка съ разными лицами.

VII [1]).

Сближеніе княгини Ливенъ съ Гизо и ихъ переписка.—Назначеніе Гизо посломъ въ Лондонъ.

Встрѣча съ Гизо была эпохою въ жизни княгини Ливенъ; они познакомились 15-го іюня 1836 г. за обѣдомъ у герцога де-Брогли, гдѣ они сидѣли за столомъ рядомъ и разговаривали впервые. Первое время они видѣлись изрѣдка, но мало-по-малу между ними возникли вполнѣ искреннія дружескія отношенія, не прерывавшіяся до самой смерти княгини.

Одна записочка, адресованная ею къ Гизо, даетъ возможность точно опредѣлить день, съ котораго они стали друзьями; эта записочка помѣчена 24-мъ іюня 1839 г.

«Сегодня два года,—писала Ливенъ,—какъ мы обѣдали въ Шатене, и какъ мы оттуда возвратились. Помните!»

Слѣдовательно, 24-го іюня 1837 г. между ними были произнесены тѣ слова, которыя связываютъ людей «на вѣки» [2]). Этотъ день былъ знаменательнымъ въ ихъ жизни, судя по воспоминанію, какое они сохранили о немъ. Два года спустя, Гизо побывавъ, одинъ, въ Шатене, писалъ 14-го іюля (1839 г.) своему другу: «Шатене очаровательное мѣстечко. Я доставилъ себѣ печальное удовольствіе прогуляться одинъ

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1903 г.

[2]) „Une vie d'ambassadrice“ и т. д., стр. 236.

по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы были вмѣстѣ съ вами. Тѣ же аллеи, та же прогулка! Какъ жаль, что жизнь не можетъ остановиться на какомъ-нибудь излюбленномъ моментѣ!»

Въ тотъ памятный для нихъ день, 24-го іюня 1837 г., они были приглашены за городъ, къ графинѣ де-Буань (de Boigne) и, гуляя вдвоемъ въ паркѣ, излили другъ другу все то, что у каждаго изъ нихъ наболѣло на душѣ.

Въ прошломъ у обоихъ было много тяжелаго. Княгиня потеряла двухъ сыновей, смерть которыхъ была для нея тяжелымъ ударомъ. Супружеская жизнь не оставила въ ней пріятныхъ воспоминаній; отъ нея осталась въ душѣ пустота, которую она не знала чѣмъ наполнить.

Гизо, устраненный отъ власти нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, также не былъ счастливъ. Обманувшись, какъ государственный человѣкъ, въ своихъ честолюбивыхъ мечтахъ, потерявъ незадолго передъ тѣмъ свою вторую жену, онъ оплакивалъ также любимаго сына, котораго не могъ забыть.

Таковы были причины нравственнаго свойства, сблизившія Ливенъ и Гизо; къ тому же оба они уже не ждали ничего отъ жизни, оба были не молоды: Ливенъ было пятьдесятъ три года, Гизъ пятьдесятъ лѣтъ. Подѣлившись своимъ горемъ, изливъ другъ другу все то, что у каждаго наболѣло въ груди, они рѣшили, что быть можетъ полная откровенность, частое общеніе, ежедневныя свиданія могли доставить имъ нѣкоторую отраду, скрасить ихъ жизнь.

Княгиня, которую нравственное одиночество тяготило болѣе, нежели Гизо, говорила ему:

— Въ минуту грусти, унынія, у васъ есть дѣти, есть работа, все то, что смерть пощадила, коснувшись вашего домашняго очага; у васъ есть политическое честолюбіе. А у меня ничего не осталось. Я одна, вѣчно одна.

Тронутый до глубины души ея горемъ, подкупленный мыслію, что ей нужны были участіе, ласковое слово, Гизо предложилъ ей свою дружбу.

— Вспомните,—говорилъ онъ ей однажды,—что первое слово, которое дѣйствительно связало насъ, было: «вы не будете больше одиноки».

Увѣренная въ томъ, что она пріобрѣла въ немъ преданнаго друга, Ливенъ отдалась ему всей душою, и съ тѣхъ поръ (1837 г.) для нея уже не могло быть рѣчи о томъ, чтобы уѣхать изъ Парижа. Поселясь въ немъ на всегда, княгиня была занята единственно мыслію «устроить свою жизнь» для Гизо. Изъ улицы Риволи, гдѣ она жила вначалѣ, она переѣхала въ іюлѣ мѣсяцѣ 1838 г. въ домъ, принадлежавшій нѣкогда Талейрану, на улицѣ Saint-Florentin, который былъ пріобрѣтенъ Джемсомъ Ротшильдомъ. Ея комнаты были тѣ самыя, въ которыхъ жилъ нѣкогда

Талейранъ [1]). Въ этой самой квартирѣ, гдѣ онъ принималъ, въ 1814 г., императора Александра, она прожила около двадцати лѣтъ, принимая у себя ежедневно, послѣ полудня и вечеромъ, всѣхъ выдающихся людей дипломатическаго міра, счастливая тѣмъ, что она могла принимать въ своемъ салонѣ Гизо, которому принадлежало въ немъ всегда первое мѣсто.

Салонъ княгини посѣщали столько же ради Гизо, сколько ради самой хозяйки. Но близкіе знакомые являлись къ ней только въ извѣстный часъ; они знали, что Ливенъ и Гизо, когда онъ былъ въ Парижѣ, видѣлись обязательно два раза въ день и желали проводить время безъ докучливыхъ посѣтителей. Всѣмъ было извѣстно, въ какое время онъ пріѣзжалъ къ ней, и всѣ спѣшили къ этому времени удалиться. По той же причинѣ, по вечерамъ, къ Ливенъ съѣзжались поздно, такъ какъ послѣобѣденное время она посвящала своему другу.

Когда Гизо бывалъ въ Парижѣ, Ливенъ оживала и была въ его присутствіи такъ счастлива, какъ только могла быть, но когда онъ уѣзжалъ, то она скучала и горько жаловалась на тоску.

28-го іюля 1838 г. они разстались.

— Ахъ, какъ томительно, невыносимо будетъ тянуться время,—говорила она, прощаясь съ Гизо;—это угнетаетъ меня заранѣе. Я готова плакать по двадцати разъ въ день. Я такъ одинока!

«Мнѣ кажется, что мы не видались уже цѣлый годъ,—писала она ему нѣсколько дней спустя.—Гдѣ мнѣ взять мужества? Прощайте, я пойду перечитывать ваше письмо; но перечитывать его значитъ плакать. Дайте мнѣ силъ».

«Вы просите у меня силъ,—отвѣчалъ онъ;—у меня въ жизни всегда было достаточно силы, но мнѣ всегда казалось, что ея мало. Все, что я могу вамъ дать, это мою привязанность. Почерпните въ ней силу, если можете, я былъ бы радъ этому. Подлѣ васъ, я надѣюсь, что это бы мнѣ удалось. Но вдали отъ васъ! впрочемъ, мнѣ кажется, что и вдали можно черпать изъ этого источника».

Къ несчастью Ливенъ никогда не мирилась съ разлукою. Ей необходимо было присутствіе ея друзей, которое давало возможность обмѣниваться мыслями, находить удовлетвореніе въ продолжительной дружеской бесѣдѣ.

Однажды, въ 1838 г., она была въ Баденѣ, въ то время какъ Гизо

---

[1]) Герцогиня Талейранъ, которая была въ дружескихъ отношеніяхъ съ княгинею Ливенъ, обидѣлась по поводу того, что Ливенъ наняла помѣщеніе, въ которомъ скончался Талейранъ, говоря, что этимъ она „закрыла для нея свои двери".

— Только въ случаѣ ея болѣзни, я рѣшусь войти въ комнату, гдѣ я пережила такое страшное горе,—говорила она.

былъ въ Val-Richer; не получивъ отъ него обычнаго письма, котораго она ожидала ежедневно, Ливенъ жаловалась:

«Какъ, отъ васъ нѣтъ письма! Ради Бога, не волнуйте меня, я не могу выносить этого. Мнѣ кажется теперь, что самое большое несчастье, которое могло бы постигнуть меня, это два дня не имѣть отъ васъ извѣстій. Я только объ этомъ и думаю со вчерашняго дня, съ самаго прихода почты. Я была далеко, въ горахъ, въ лѣсу. Тамъ было бы такъ хорошо съ вами! Мнѣ бы тогда никого и ничего не было нужно; для меня было бы безразлично, что дѣлается на свѣтѣ. Мнѣ было такъ скучно, такъ скучно, такъ скучно. Вы такъ далеко отъ меня!»

Эти жалобы, эта грустная нотка повторяются въ цѣломъ рядѣ писемъ; напр. 26-го августа 1838 г. Ливенъ писала:

«Ваше вчерашнее письмо заставило меня плакать. Да, мы оба несчастны, очень несчастны. Но я гораздо несчастнѣе васъ. У васъ есть дѣти, которыхъ вы должны воспитывать; у васъ есть отечество; у васъ есть общественныя обязанности, прекрасная карьера. У васъ есть home (домашній очагъ). А что я имѣю? Подумайте о томъ, что я потеряла. Подумайте о томъ, что у меня осталось, и не пеняйте на меня, когда я бываю грустна, очень грустна. Я менѣе скучаю, когда я съ вами. Иной разъ я даже забываю о своемъ горѣ въ вашемъ присутствіи. Но когда я остаюсь одна, совсѣмъ одна! О, это ужасно!

«Я всякій день чувствую это сильнѣе, такъ какъ я не предвижу конца этому тягостному положенію. Я нахожу, напротивъ, что оно ухудшается съ каждымъ днемъ; я докучаю или доставляю неудовольствіе всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ я говорю. Быть можетъ, я докучаю вамъ самимъ и доставляю вамъ неудовольствіе. Вы находите, что я не достаточно цѣню единственное утѣшеніе, ниспосланное мнѣ Небомъ. Вы ошибаетесь, я глубоко вамъ благодарна и расположена къ вамъ, но, повторяю еще разъ, я слишкомъ многою потеряла; я встрѣчаю холодность и жесткость тамъ, гдѣ я въ правѣ была ожидать поддержки, утѣшенія. И чѣмъ далѣе это продолжается, тѣмъ болѣе сердце мое возмущается. Право, оно иной разъ готово лопнуть. Мнѣ кажется, что мнѣ никогда не было такъ грустно. Мнѣ не слѣдовало бы говорить вамъ всего этого, но подумайте, вѣдь у меня нѣтъ кромѣ васъ человѣка, которому я бы могла сказать это. Простите и не сердитесь. Пожалѣйте меня».

Отвѣтное письмо Гизо говоритъ лучше всего, на какой почвѣ сошлись эти два глубоко несчастные, много пережившіе и выстрадавшіе человѣка:

«Когда я встрѣчаю сердце, которое не знаетъ забвенія,—писалъ Гизо княгинѣ Ливенъ,—сердце, въ которомъ жива память объ умершихъ, я тотчасъ проникаюсь къ нему симпатіею и уваженіемъ. Уже по одному этому вы представляли для меня огромный интересъ. И онъ постоянно возрасталъ по мѣрѣ того, какъ я узнавалъ васъ ближе.

«Первое время у меня возникали сомнѣнія относительно васъ, относительно самого меня, или по поводу того, что мнѣ приходилось слышать. Впослѣдствіи расположеніе къ вамъ заставило меня простить вамъ то, что меня огорчало и оскорбляло. Въ настоящее время мое участіе къ вамъ несравненно сильнѣе того, какое я испыталъ въ тотъ день, когда я сидѣлъ возлѣ васъ за обѣдомъ у герцога Брогли, когда меня поразилъ взглядъ вашихъ кроткихъ глазъ, которые три раза заволакивались слезами во время незначительнаго разговора и который проникъ мнѣ въ самое сердце.

«Не сомнѣвайтесь поэтому ни въ какомъ случаѣ, ни одной минуты въ моей безконечной, неизмѣнной симпатіи къ вамъ».

Короткаго времени было достаточно для Гизо, чтобы изучить Ливенъ до глубины души. Эта проницательность писавшаго выразилась особенно ярко въ письмѣ, которое въ этомъ отношеніи настолько любопытно, что мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ, такъ какъ въ высокой степени характеристично для обоихъ.

«Вы спрашиваете, не нахожу-ли я, что вы бываете иногда дурно настроены, придирчивы? Да, я это находилъ и иной разъ готовъ былъ обидѣться за это на васъ. Кромѣ моей матери, я ни въ комъ не выносилъ придирчивости. Когда я подмѣтилъ это, я уже очень, очень любилъ васъ. Кромѣ того, я вскорѣ понялъ источникъ вашей придирчивости. Она происходитъ не отъ какого-либо недостатка вашего характера, ни отъ обидчивости, ни отъ грубости, ни отъ требовательности, ни отъ мелочности. Вы отъ природы очень кротки, у васъ ровный характеръ, съ вами пріятно имѣть дѣло. Ваша придирчивость происходитъ только отъ горя, отъ глубокаго горя, съ которымъ вы не можете помириться; оно захватываетъ васъ всецѣло и въ такіе моменты все, что не вполнѣ гармонируетъ съ вашимъ душевнымъ состояніемъ, раздражаетъ васъ. Горестное настроеніе выражается у васъ придирчивостью.

«Я слишкомъ люблю васъ, чтобы глубокая симпатія, внушаемая мнѣ вашимъ горемъ, не заставила меня мириться съ этой придирчивостью.

«Вы глубоко страдали. Но позвольте сказать вамъ, что я испыталъ еще болѣе физическихъ и нравственныхъ страданій, нежели вы. Испытаніе постигло васъ поздно; до тѣхъ поръ жизнь ваша была легка, пріятна, блестяща. Вы не знали несчастья, непріятностей. Вы не несли никакой тягости. Даже ваши чувства, не смотря на всю серьезность вашего характера, были довольно поверхностны. Когда васъ постигло горе, вы были изумлены, вы возмутились, какъ это бываетъ въ молодости, когда человѣка впервые посѣтитъ горе, и такъ какъ у васъ, для того, чтобы справиться съ горемъ, не было всего того, что даетъ молодость, подвижности, способности развлечься, стремленія пользоваться неизвѣданной жизнью, то вы такъ и остались подъ впечатлѣніемъ этого удивленія и

возмущенія. И вы страдали такъ же нетерпѣливо и остро, какъ страдаютъ въ молодости. Видя, какъ вы страдаете, я испыталъ и испытываю до сихъ поръ чувство стараго израненнаго солдата, который видитъ страданіе и томленіе молодаго человѣка, котораго онъ любитъ и которому хочетъ помочь.

«Когда васъ преслѣдуютъ мрачныя картины, когда вы окружены тѣнями умершихъ, сдѣлайте усиліе, вырвитесь изъ этихъ могилъ. Тѣхъ, кто вамъ дорогъ, уже тамъ нѣтъ, они въ иномъ мѣстѣ. И мы будемъ тамъ же, гдѣ они. Я долго мучился, чтобы узнать, гдѣ они. Эти поиски только повергали мою душу во мракъ и тревогу, ибо намъ не дано, намъ не позволено видѣть то, что дѣлается на томъ берегу. Если бы мы могли видѣть это, если бы они были тутъ, передъ нашими глазами, и звали бы и ожидали насъ, развѣ мы могли бы оставаться тутъ, на землѣ, такъ долго, какъ велитъ намъ Господь? Довершили-ли мы бы свою задачу до конца? Мы отказались бы отъ всего, мы бросили бы все; мы бросили бы свою ношу, свои обязанности и устремились бы на тотъ берегъ, гдѣ бы мы видѣли ихъ ясно. Богъ этого не хочетъ, другъ мой. Онъ хочетъ, чтобы мы оставались тамъ, куда Онъ насъ поставилъ до тѣхъ поръ, пока Онъ этого хочетъ. Вотъ почему Онъ не даетъ намъ видѣть ясно то, что привлекло бы насъ неудержимо въ тотъ міръ; вотъ почему загробный міръ покрытъ мракомъ; иначе тѣ, кто намъ дорогъ, увлекли бы туда нашу душу.

«Но мракъ не уничтожаетъ то, что за нимъ скрыто; тотъ берегъ, куда они попали раньше насъ, все же существуетъ, хотя рѣку, отдѣляющую насъ отъ него, и заволакиваетъ туманъ. Надобно отказаться отъ желанія видѣть, отъ желанія понять. Надобно вѣрить въ Бога. Съ той поры, какъ я глубоко увѣровалъ въ Него, съ той поры, какъ я попралъ ногами всѣ дерзновенныя попытки моего ума и даже честолюбивые помыслы души, я испытываю душевный миръ, хотя и блуждаю въ потьмахъ. Помирившись съ неизвѣстностью, я пріобрѣлъ увѣренность. Какъ бы я хотѣлъ внушить вамъ эту увѣренность, этотъ душевный миръ! Но я не теряю этой надежды!»

Таковы были слова утѣшенія, которыя посылалъ своему другу этотъ великій писатель, философъ и христіанинъ, который многими свойствами своего характера, строгостью и опредѣленностью своихъ принциповъ и безупречностью жизни долженъ былъ часто напоминать Ливенъ лорда Грея и подобно ему долженъ былъ подкупать ее тѣмъ контрастомъ, какой представляли ихъ натуры.

Такъ велико было, съ другой стороны, обаяніе, которое производила своей душевной личностью Ливенъ на тѣхъ, кто зналъ ее близко, что и этотъ разъ человѣкъ высокаго ума, посвященный во всѣ государственныя тайны, оказывалъ полное довѣріе подданной монарха, не располо-

женнаго къ Франціи, другу странѣ, которая оказывала Франціи систематическую оппозицію.

Гизо, точно такъ же, какъ Грей, не имѣлъ повода раскаяться въ этомъ довѣріи.

Письма Ливенъ къ Гизо, конечно, не были полны исключительно жалобами и сѣтованіями. Она отдавала въ нихъ своему другу отчетъ въ разныхъ, болѣе или менѣе важныхъ фактахъ своей жизни; разсказывала все то, что она слышала о людяхъ и текущихъ событіяхъ. Такимъ образомъ получилась цѣлая серія очаровательныхъ, любопытныхъ, писемъ, «пересыпанныхъ,—какъ говоритъ Гревиль,—блестками самаго тонкаго остроумія». Эти страницы представляютъ настоящіе историческіе документы, которые по прошествіи болѣе полувѣка ярко освѣщаютъ прошедшія событія и ихъ дѣятелей, давно сошедшихъ въ могилу.

Такъ, 12-го іюля 1839 г., встрѣтившись съ Поццо-ди-Борго, который былъ съ 1815 по 1820 годъ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ и имѣлъ во Франціи огромное вліяніе на дѣла, княгиня писала:

«Я видѣла Поццо; онъ ужасно похудѣлъ, съежился, какъ будто сталъ меньше; глаза у него ввалились, окружены черными кругами; голосъ дрожитъ, спина сгорблена, ноги подгибаются; платье на немъ широко, его мысли такъ же сбивчивы, какъ его рѣчь. Мы бесѣдовали одни въ маленькой гостиной г-жи de-Boigne. Вошелъ Эдуардъ де-Лагранжъ. Онъ принялъ его за маркиза de-Dalmatie и спросилъ его о маршалѣ; затѣмъ, когда Лагранжъ ушелъ, онъ сказалъ мнѣ тихонько, какъ бы сомнѣваясь въ самомъ себѣ:

— Вѣдь это маркизъ de-Dalmatie, не правда-ли?

Впрочемъ, онъ долго говорилъ со мною о послѣднемъ лондонскомъ дѣлѣ, о разговорахъ, которые онъ имѣлъ съ лордомъ Мельбурномъ и лордомъ Пальмерстономъ, обо всемъ, что онъ сказалъ имъ о необходимости поддержать миръ, и все это было сказано очень ясно, умно и устроумно, какъ въ былое время, но рѣчь его была неясна, языкъ заплетался».

Четыре дня спустя она опять писала о Поццо-ди-Борго:

«Вчера я видѣлась два раза съ Поццо, утромъ у него, а вечеромъ у г-жи Аппони. У него мы бесѣдовали очень хорошо, тихо, безъ шума.

«У г-жи Аппони онъ обѣдалъ, былъ утомленъ; въ залѣ было шумно; память и языкъ измѣнили ему. Сегодня ему будутъ ставить мушку и банки. Я спросила, кто лѣчитъ его? Онъ назвалъ Лерминье, который умеръ три года тому назадъ. Въ сущности, онъ понимаетъ свое положеніе.

— Я пожертвовалъ императору десять лѣтъ жизни, проведя двѣ

зимы въ Англіи. Долѣе я оставаться не могу. Не знаю, кѣмъ императоръ меня замѣнитъ. Но съ меня довольно.

«Вотъ что онъ сказалъ мнѣ вчера».

Другой разъ Ливенъ описывала вечеръ, проведенный ею у г-жи де-Буань.

«Я обѣдала вчера у Аппони, откуда я поѣхала къ г-жѣ de-Boigne. Она поселилась теперь здѣсь. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе того получаса, который я провела у нея. Тамъ былъ Сентъ-Бевъ. Первыя двѣ минуты онъ говорилъ въ полголоса съ Росси. Когда вошелъ канцлеръ (Pasquier), г-жа Буань, не здороваясь съ нимъ, указала ему на Сентъ-Бева и сказала, что онъ поддерживаетъ янсенистовъ. Послѣ этого я только и слышала голоса Паскаля, Арно, Николя, цѣлый потокъ фразъ и сентенцій съ той и съ другой стороны, такъ что нельзя было вставить ни слова. Въ сущности, мнѣ было очень смѣшно. Это была настоящая выставка. Росси мнѣ понравился, онъ не открывалъ рта. Онъ бы еще болѣе мнѣ понравился, если бы я знала, что все это показалось ему такъ же смѣшно, какъ мнѣ; но я въ этомъ сомнѣваюсь; что касается бесѣдовавшихъ, то я никогда не видала людей болѣе самодовольныхъ, а когда я уѣхала, въ тотъ моментъ, когда они вели оживленный споръ, я увѣрена, что они подумали, что я была уничтожена (confondu)».

Въ 1839 году, когда во Франціи пало министерство Моле и власть его перешла къ Сульту, новое министерство назначило Гизо посломъ въ Лондонъ. Посылая его въ Лондонъ, правительство оказывало ему знакъ довѣрія, назначая его на столь отвѣтственный постъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы не довѣряло ему и поэтому спѣшило удалить его изъ Парижа.

Его выдающіяся качества, политическое прошлое, опытность, наконецъ, его историческіе этюды объ Англіи,—все указывало на него, какъ на человѣка, достойнаго занять этотъ видный постъ, который пріобрѣлъ въ то время особое значеніе не только въ виду положенія дѣлъ въ Европѣ, но и въ виду отношенія иностранныхъ правительствъ къ правительству Людовика-Филиппа. Отношеніе это было, по большей части, недоброжелательное. Сѣверные монархи относились къ іюльской монархіи несочувственно, и только въ Лондонѣ, гдѣ у власти находились виги, Франція встрѣтила за послѣднія десять лѣтъ нѣкоторую симпатію и поддержку. Поэтому было весьма важно, чтобы представителемъ ея явился человѣкъ способный поддержать эти чувства, вся непрочность которыхъ обнаружилась въ скоромъ времени, когда возстаніе египетскаго паши противъ турецкаго султана поставило на очередь Восточный вопросъ.

Гизо съ радостью принялъ предложенный ему постъ, который представлялъ для него то преимущество, что онъ могъ такимъ образомъ

удалиться отъ борьбы партій, гдѣ воспоминаніе о роли, которую онъ игралъ въ коалиціи, не дало бы ему возможности играть въ то время въ правительственныхъ кругахъ особенно видной роли.

Единственное возраженіе, которое онъ могъ бы сдѣлать противъ этого назначенія, заключалось въ томъ, что до тѣхъ поръ ему не приходилось дѣйствовать на дипломатическомъ поприщѣ, и онъ былъ не такъ хорошо знакомъ съ вопросами внѣшней политики, но люди, подобные Гизо, одаренные выдающимся умомъ и почерпающіе въ изученіи прошлыхъ временъ умѣніе руководить партіями, рѣдко могутъ оказаться не на высотѣ положенія, къ какое они бываютъ поставлены обстоятельствами.

Княгиня Ливенъ не могла не огорчиться по поводу назначенія Гизо въ Англію, которое угрожало имъ разлукою.

VIII.

Гизо въ Лондонѣ.—Совѣты, даваемые ему княгинею Ливенъ.—Ихъ переписка.—Переговоры о перевезеніи тѣла Наполеона I съ острова Елены въ Парижъ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ въ первыхъ числахъ февраля, Гизо не успѣлъ еще хорошенько устроиться, какъ министерство, коимъ онъ былъ посланъ, было вынуждено подать въ отставку и уступить свое мѣсто кабинету Тьера. Тогда для него явился вопросъ, могъ-ли онъ поддерживать политику лѣвой стороны, сохранивъ свой постъ. Успокоенный послѣ объясненій съ Тьеромъ, который увѣрилъ его, что относительно основныхъ вопросовъ новое министерство будетъ держаться прежней политики, онъ рѣшилъ остаться на своемъ посту.

Въ Англіи, у власти были въ то время, какъ мы уже говорили, виги. Первымъ министромъ былъ лордъ Мельборнъ; послѣ него самымъ вліятельнымъ членомъ кабинета былъ министръ иностранныхъ дѣлъ Пальмерстонъ, человѣкъ энергичный, твердый и прекрасный работникъ; въ составъ кабинета входили, кромѣ того, лордъ Голландъ, лордъ Джонъ Руссель, лордъ Кларендонъ. Въ гостепріимномъ домѣ лорда Голланда, жена котораго отличалась любезностью и выдающимися качествами ума, съѣзжались обыкновенно самые выдающіеся члены правительства.

Гизо былъ оказанъ въ этомъ кругу самый любезный пріемъ, и онъ быстро въ немъ освоился. Какъ консерваторъ, онъ не могъ бы чувствовать себя хорошо въ кругу виговъ, или англійскихъ радикаловъ, если бы они были воодушевлены одинаковыми страстями, какъ члены лѣвой

партіи французскаго парламента. Но въ Англіи это было иначе, и виги были преданы царствующей династіи не менѣе, чѣмъ торіи.

Достойно вниманія, что молодая королева Викторія предпочитала даже въ это время виговъ торіямъ. Найдя ихъ у власти при восшествіи своемъ на престолъ, она была довольна тѣмъ, что могла ихъ удержать, искала въ нихъ поддержки и оказывала имъ знаки своего довѣрія.

Въ числѣ дѣлъ, стоявшихъ на очереди и которыми новому посланнику приходилось заняться тотчасъ по пріѣздѣ въ Лондонъ, самымъ важнымъ было столкновеніе, происшедшее между султаномъ Махмудомъ и египетскимъ пашою, который, свергнувъ турецкое иго, провозгласилъ себя независимымъ. Франція считала для себя выгоднымъ поддержать его, но Англія, Россія, Австрія и Пруссія были на сторонѣ султана. Положеніе обострялось и угрожало столкновеніемъ между Франціей и остальными заинтересованными державами.

Гизо было поручено какъ-нибудь уладить дѣло, не жертвуя притязаніями Франціи. Онъ старался выиграть время, въ надеждѣ, что Мехметъ-Али, одержавъ побѣду надъ турецкими войсками, успѣетъ, вопреки желанію прочихъ державъ, отстоять свою независимость. Выжидая рѣшенія этихъ важныхъ вопросовъ, Гизо занялся изученіемъ той совершенно новой для него среды, въ какую обстоятельства поставили его.

Никто не могъ быть ему, въ этомъ случаѣ, лучшимъ руководителемъ, нежели княгиня Ливенъ, проведшая въ Англіи двадцать два года и близко знакомая съ ея государственными дѣятелями, съ которыми у нея еще сохранились дружескія отношенія.

Никто не могъ лучше ея указать ему съ тактомъ и не оскорбляя его самолюбія безчисленные оттѣнки того міра, въ который онъ попалъ.

Сколько полезныхъ совѣтовъ могла дать эта великосвѣтская дама, привыкшая всю жизнь къ этикету старинныхъ дворовъ, къ высшему дипломатическому кругу, неопытному новичку, который легко могъ сдѣлать тысячу мелкихъ ошибокъ, которыя и бываютъ иной разъ важнѣе крупныхъ промаховъ.

Когда Гизо появился въ Лондонѣ въ качествѣ посланника, высшее общество нашло его немного «parvenu» (выскочкой) [1]), находило, что онъ слишкомъ показывалъ свою радость по поводу того, что онъ занималъ столь высокій постъ, свою боязнь, чтобы кто-либо не нарушилъ

---

[1]) Гизо, какъ извѣстно, былъ сынъ адвоката, погибшаго на эшафотѣ въ 1794 г. По окончаніи образованія, онъ былъ сначала домашнимъ учителемъ у Сюара, въ домѣ котораго познакомился съ литературнымъ обществомъ той эпохи и встрѣтилъ писательницу, Полину де-Меланъ, на которой женился. Ея связи съ вождями роялистской партіи открыли молодому Гизо доступъ къ политической дѣятельности, въ которой, благодаря своему уму и способностямъ, онъ достигъ выдающагося положенія.

его правъ, что онъ слишкомъ спѣшилъ предложить свою руку хозяйкѣ дома, куда онъ бывалъ приглашенъ.

Ливенъ своимъ тонкимъ умомъ понимала, чего не доставало ея другу, и не скупилась на совѣты.

3-го марта 1839 г. она давала ему слѣдующія весьма дѣльныя указанія:

«Видите, какъ часто я возвращаюсь къ заботамъ о васъ. Мнѣ помнится, вы просили меня повторять вамъ почаще то, что я уже не разъ говорила вамъ здѣсь. И такъ повторяю, оставайтесь такимъ, какой вы есть, серьезнымъ, сосредоточеннымъ и естественнымъ. Не опьяняйтесь новымъ положеніемъ, въ какомъ вы очутились. Не забывайте, что вы живете въ стеклянномъ домѣ. Всякій вашъ шагъ будетъ замѣченъ. Англичане гораздо умнѣе и хитрѣе, нежели объ нихъ думаютъ, и замѣчательно наблюдательны и любопытны, хотя дѣлаютъ видъ, будто не обращаютъ на многое вниманія».

Совѣты княгини были весьма благоразумные, но вскорѣ ей показалось, что Гизо мало обращалъ на нихъ вниманія. Изъ его ежедневныхъ писемъ, въ которыхъ онъ передавалъ ей разные мелкіе факты своей лондонской жизни, она вывела заключеніе, что онъ ведетъ слишкомъ разсѣянную жизнь и, не давая себѣ отчета въ томъ, что въ ея упрекахъ играло значительную роль плохо скрываемое ревнивое чувство, она писала ему 3-го апрѣля 1839 г. съ упрекомъ, почти съ гнѣвомъ:

«Вотъ ваше письмо. Сказать вамъ откровенно? Оно мнѣ вовсе не нравится. Не смотря на мои предостереженія, вы принимаете всѣ дѣлаемыя вамъ приглашенія. Кто же обѣдаетъ у М. М.? Его жена самая развратная женщина въ Лондонѣ. Гости, повидимому, вполнѣ соотвѣтствовали этому. По правдѣ сказать, мужъ мой скорѣе переплылъ бы Темзу вплавь, чѣмъ обѣдать у этихъ людей, а онъ далеко не имѣлъ репутаціи такого серьезнаго человѣка, какъ вы. Если вы будете принимать, такимъ образомъ, приглашеніе всякаго, то настоящій «свѣтъ» не будетъ уже считать за честь пригласить васъ къ обѣду.

«Замѣтьте, что вы должны, въ свою очередь, отвѣтить имъ тѣмъ же, а я не ручаюсь, что тамъ, гдѣ будетъ г-жа М., удастся собрать къ обѣду приличное общество. Дамы не примутъ приглашенія, многіе мужчины также. Я очень недовольна вашимъ поступкомъ. На-дняхъ говорили о вашихъ успѣхахъ въ Лондонѣ, и кто-то сказалъ:

— Онъ даже ухаживаетъ за женщинами.

— Пожалуй,—замѣтилъ другой,—онъ вернется оттуда шалопаемъ (mauvais sujet).

«По правдѣ сказать, обѣдая у г-жи М., вы не далеки отъ этого. Прошу васъ извинить меня, что я такъ рѣзко выражаю вамъ свои мысли, но я не могу говорить иначе, когда я огорчена.

«Не стану болѣе повторять вамъ: оставайтесь тѣмъ, чѣмъ вы были: серьезнымъ, сосредоточеннымъ. Вы объ этомъ болѣе не думаете. Другъ мой, вы падете, и это доставитъ мнѣ истинное огорченіе».

Выговоръ былъ строгій, но Гизо не обидѣлся и съ своимъ обычнымъ терпѣніемъ и мягкостью доказалъ Ливенъ всю ея несправедливость.

5-го марта (1839 г.), на другой день пятой годовщины того печальнаго дня, когда Ливенъ потеряла обоихъ сыновей, она получила отъ своего друга одно изъ тѣхъ писемъ, какія онъ одинъ умѣлъ писать и которыя всегда приносили ей утѣшеніе:

«Я сейчасъ всталъ. Какъ провели вы эту ночь? Вчера былъ грустный для васъ день. Меня мучаетъ раскаяніе, что я далеко отъ васъ. Я никогда не дѣлалъ для васъ всего, что̀ мнѣ бы хотѣлось. Вы не знаете и никогда не будете знать, какъ много добра я бы хотѣлъ сдѣлать для васъ; я слишкомъ люблю васъ, чтобы помириться съ мыслію, что я не въ состояніи ничего сдѣлать, когда я вижу, что у васъ горе, все равно какое, все равно въ прошломъ или настоящемъ. Я никогда съ этимъ не помирюсь, я всегда буду сѣтовать на неполность нашихъ отношеній, на то, что мы не живемъ вмѣстѣ, что я не могу выказать вамъ всего, что я чувствую къ вамъ; что я не могу излить вамъ всего расположенія, выказать вамъ всю свою нѣжную заботливость, это единственное средство, которое Господь далъ въ наше распоряженіе, чтобы излѣчивать душевныя раны. Dearest, вы много страдали и никогда не испытали счастья во время этихъ страданій. Нельзя вычеркнуть страданія изъ человѣческой жизни; они съ нею неразлучны. Но въ жизни можетъ быть и счастье, и самый несчастный человѣкъ, самое истерзанное сердце могутъ въ то же время испытывать самую сокровенную, самую великую радость. Мнѣ хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, чтобы вы испытали это смѣшеніе добра и зла. Будучи съ вами, я могъ такъ мало сдѣлать для васъ. Что же я могу сдѣлать издалека?»

Помимо столь трогательнаго выраженія своихъ чувствъ, Гизо живо и увлекательно изображаетъ въ своихъ письмахъ людей, съ которыми онъ встрѣчался въ Англіи, и событія, коихъ былъ свидѣтелемъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Лондонъ, онъ встрѣтился съ герцогомъ Веллингтономъ. Герой 1810, 1814 и 1815 годовъ сильно постарѣлъ; отъ него осталась одна тѣнь.

«Я видѣлъ герцога Веллингтона,—писалъ Гизо 5-го марта 1839 г.;—грустное зрѣлище, такое же грустное, какое представлялъ Поццо; онъ сталъ на три или на четыре дюйма меньше ростомъ, похудѣлъ, шатается, смотритъ на васъ блуждающимъ, потухшимъ взглядомъ, въ которомъ уже отражается душа, готовая отлетѣть отъ сего міра, говоритъ дрожащимъ голосомъ, до того слабымъ, что онъ походитъ на прощальный

вздохъ. Душевно онъ не дошелъ еще до того состоянія, какъ Поццо; умъ его еще дѣйствуетъ, но это стоитъ ему большихъ усилій воли и утомляетъ его. Онъ извинился, что не былъ еще у меня.

— Я былъ за городомъ, мнѣ необходимъ свѣжій воздухъ».

Въ томъ же письмѣ Гизо описываетъ обѣдъ въ королевскомъ дворцѣ:

«Я сидѣлъ за обѣдомъ по правую руку отъ королевы; слѣва отъ нея сидѣлъ ея супругъ. Она была весьма любезна со мною. Будьте покойны; не было ни малѣйшаго намека на дѣла.

«Темою разговора служила королевская семья, принцесса Марія, m-lle Рашель, Парижъ, Бирмингамскій дворецъ. Королева была со мною такъ же милостива, какъ и герцогиня Орлеанская; она читала мои сочиненія. У нея красивые глаза, пріятный звукъ голоса; она отмѣнила обычай, чтобы женщины уходили изъ-за стола раньше мужчинъ. Но вчера соблюдался старый обычай. Справа отъ меня сидѣли: лэди Мельборнъ, маркизъ Вестминстеръ, лэди Брагамъ; всего было двадцать восемь человѣкъ».

«Послѣ обѣда, всѣ усѣлись за круглымъ столомъ, въ красивомъ желтомъ залѣ. Сердце дрогнуло у меня, когда я вошелъ туда. Обои почти такіе же, какъ въ вашемъ первомъ залѣ. Двѣ или три дамы принялись работать. Мы бесѣдовали довольно оживленно, благодаря лэди Пальмерстонъ и мнѣ, до четверти двѣнадцатаго, когда королева удалилась.

«Надъ тремя дверьми этой залы висятъ три портрета. Угадайте чьи: Фенелона, царя Петра и Анны Гайде (Hyde), герцогини Іоркской. Я удивился этому сопоставленію трехъ личностей, имѣющихъ между собою такъ мало общаго. Никто не обратилъ на это вниманія. Никто не могъ объяснить мнѣ причину этого. Но я отгадалъ ее. Эти портреты выбраны по величинѣ. Они приходятся какъ разъ по мѣркѣ на этихъ мѣстахъ».

2-го апрѣля Гизо дѣлаетъ другое замѣчаніе, касающееся личностей, или, лучше сказать, англійскихъ нравовъ.

«Теперь я уже достаточно видѣлъ, поэтому позволю себѣ сказать то, что чувствую. Женщины здѣсь весьма мало щепетильны. Я не поклонникъ и не защитникъ неприступности (prudérie), но есть извѣстная свобода обращенія и рѣчи, извѣстная безцеремонность въ выраженіи своего восторга передъ красотою и физической силой, которыя производятъ на меня непріятное впечатлѣніе. Непринужденность въ обхожденіи и разговорѣ очаровательна, когда она является плодомъ интимности. Но отношенія между людьми посторонними требуютъ сдержанности, и нѣтъ ничего похвальнаго думать и говорить во всеуслышаніе то, что человѣкъ чувствуетъ и говоритъ только въ минуты интимности.

«Мои слова преувеличены, какъ и всѣ слова, но вы оцѣните ихъ какъ должно и поймете меня».

«Я провелъ вчера съ полчасика на балу у лэди Елизаветы Фальдингъ,—писалъ Гизо 23-го мая 1839 г. Удивительно, сколько нагромождаютъ людей въ дома, похожіе на настоящія коробки. Лэди Лансдаунъ была затиснута въ уголъ, откуда она не могла выйти. Лэди Пальмерстонъ, которая пріѣхала одновременно со мною, не удалось еще присѣсть, когда я уѣхалъ. А она пріѣхала на балъ на три четверти часа. Надобно бы имѣть стулья по крайней мѣрѣ для мамашъ».

На другой день онъ писалъ [1]): «Кажется, у меня провели вчера время пріятно и остались довольны обѣдомъ. Но лэди Голландъ пережила ужасныя мученія. Она обѣдала наканунѣ въ пять часовъ, чтобы ѣхать въ театръ, сегодня не завтракала и поэтому изнемогла отъ голода. Лордъ Пальмерстонъ заставилъ насъ ожидать до половины девятаго. Лэди Голландъ сначала сердилась, потомъ пришла въ отчаяніе, наконецъ стала изнемогать отъ голода. Когда мы пошли въ столовую, она подозвала лорда Дунканнона и просила его позаботиться о ней, такъ какъ она боялась, что ей сдѣлается дурно. За обѣдомъ все прошло, но мнѣ кажется, что она была мною немного недовольна за то, что я поджидалъ лорда и лэди Пальмерстонъ».

«Сегодня вечеромъ (30-го мая 1839 г.) былъ концертъ у королевы; онъ доставилъ бы намъ удовольствіе, если бы вы были тамъ. Мы одушевили бы другъ для друга эту прекрасную, но холодную музыку. Все было холодно, пѣвцы и зрители. У англичанъ нѣтъ вкуса къ музыкѣ, нѣтъ умѣнья выбрать піесы. Тутъ распѣвали большія драматическія сцены, которыя хороши только на сценѣ. Все это было холодно: всѣ выражали удовольствіе какъ бы по заказу. Королева слѣдила за исполненіемъ, повидимому, съ бо́льшимъ интересомъ, чѣмъ ея гости.

«Принцъ Альбертъ дремалъ. Она взглядывала на него, улыбалась, но, повидимому, досадовала и толкала его локтемъ. Онъ просыпался и, проснувшись, выражалъ одобреніе, кивая головою, затѣмъ снова засыпалъ. Тогда королева опять принималась будить его».

Ливенъ изъ Парижа также подробно сообщала Гизо все, что она видѣла и слышала.

Ея письмо отъ 28-го мая (1839 г.) было настоящей политической хроникой: «Слушайте же: я встрѣтилась вчера съ Тьеромъ за обѣдомъ у русскаго посланника. Выйдя послѣ обѣда въ залу, онъ сказалъ мнѣ:

— Я получилъ сейчасъ по телеграфу депешу изъ Лондона.

«Услыхавъ слово «телеграмма», я просіяла.

«Тьеръ сидѣлъ за столомъ возлѣ меня. Онъ очень доволенъ извѣстіями,

---

[1]) 24-го мая 1839 г.

полученными изъ Лондона; онъ не нахвалится вами. Онъ говоритъ, что вы съ нимъ дѣлаете чудеса. Онъ присовокупилъ:

— Я веду дѣло такъ, чтобы моимъ преемникомъ могъ быть никто иной, какъ г. Гизо.

— Иначе говоря, вы ведете дѣло такъ, чтобы остаться всегда у власти?

— О, разумѣется! я молодъ и я знаю отлично, что когда-нибудь я упрочусь на своемъ мѣстѣ; но когда это будетъ, я не знаю. Увидимъ. Но если г. Гизо соскучится въ Лондонѣ, я устрою его здѣсь.

— Мнѣ кажется, что г. Гизо очень веселъ въ Лондонѣ и что онъ съ удовольствіемъ останется тамъ.

— Это такъ, но поѣзжайте и вы въ Лондонъ, иначе онъ вамъ измѣнитъ.

«На этомъ разговоръ о васъ окончился.

«Онъ говорилъ обо всемъ, и его разговоръ доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Онъ говоритъ очень пикантно. По поводу отвѣтственности министровъ онъ сказалъ:

— Это лицемѣріе деспотизма.

«Вчера онъ былъ въ ударѣ. Онъ говорилъ все время только со мною; Онъ отрицаетъ всякую заслугу Веллингтона и восхваляетъ болѣе чѣмъ когда-либо Наполеона».

Давнишней мечтою Тьера было перевезти останки Наполеона съ острова св. Елены въ Парижъ, и Гизо, три мѣсяца послѣ пріѣзда въ Лондонъ, пришлось, по требованію своего правительства, вести объ этомъ переговоры съ великобританскимъ правительствомъ.

Увѣренный, подобно большинству своихъ современниковъ, въ томъ, что во Франціи не было болѣе бонапартистовъ, и не воображая, что настанетъ день, когда они появятся вновь и предложатъ престолъ наслѣднику императора, Тьеръ хотѣлъ доказать французамъ, что изо всѣхъ дѣятелей іюльской революціи онъ былъ самый горячій патріотъ, и полагалъ, что это поможетъ ему достигнуть своихъ собственныхъ честолюбивыхъ видовъ.

Рѣшивъ поднять вопросъ о перенесеніи останковъ Наполеона I и заручившись содѣйствіемъ герцога Орлеанскаго, онъ обратился съ этимъ предложеніемъ къ королю.

1-го мая, въ день своего тезоименитства, когда Тьеръ явился къ нему съ поздравленіемъ, король сказалъ:

— Я сдѣлаю вамъ подарокъ. Вы желаете перевезти останки Наполеона во Францію. Я на это согласенъ. Условьтесь объ этомъ съ великобританскимъ кабинетомъ. Мы пошлемъ на островъ св. Елены Жуанвиля.

Тьеръ тотчасъ написалъ Гизо, предлагая ему начать переговоры съ лордомъ Пальмерстономъ.

«Если это вамъ удастся,—писалъ онъ,—то это сдѣлаетъ вамъ большую честь, и я, лично, буду весьма благодаренъ вамъ за успѣхъ».

Письмо Тьера было получено Гизо 7-го мая. Онъ видѣлся въ тотъ же день съ Пальмерстономъ и 9-го числа уже получилъ его согласіе. Англійскій министръ не заставилъ себя долго просить.

«Вотъ по истинѣ французская просьба»,—писалъ Пальмерстонъ своему брату,—показывая этимъ, что онъ вполнѣ понималъ, насколько былъ опасенъ этотъ шагъ французскаго правительства. «Но съ нашей стороны было бы нелѣпо отвѣчать отказомъ. Поэтому мы рѣшили дать свое согласіе какъ можно скорѣе и охотнѣе».

Въ оффиціальной депешѣ къ лорду Гранвилю, англійскому посланнику въ Парижѣ, Пальмерстонъ присовокупилъ, намекая на національную вражду, существовавшую нѣкогда между французскимъ и англійскимъ народомъ:

«Правительство ея величества надѣется, что если подобныя чувства существуютъ до сихъ поръ, то они будутъ погребены въ могилѣ, въ которую будутъ опущены останки Наполеона».

Въ этомъ отвѣтѣ было болѣе лицемѣрія, нежели искренности. Англійскій министръ исполнялъ тѣмъ охотнѣе желаніе Франціи, что онъ намѣревался настоять на своемъ, въ болѣе важномъ, восточномъ вопросѣ; къ тому же онъ полагалъ, что это создастъ для іюльской монархіи не малыя затрудненія.

Какъ бы то ни было, 10-го мая Гизо сообщилъ княгинѣ Ливенъ объ успѣхѣ своего ходатайства.

«Я покончилъ въ три дня переговоры по одному дѣлу, которое надѣлаетъ не мало шума. Я попросилъ отдать намъ останки Наполеона, и англійское правительство на это согласилось. Съ лордомъ Пальмерстономъ пріятно имѣть дѣло, когда онъ одного мнѣнія съ вами. Онъ ведетъ его быстро и безъ фокусовъ. Не говорите объ этомъ никому, пока объ этомъ не заговорятъ. Но, вѣроятно, объ этомъ уже говорятъ. Мнѣ обѣщали въ Парижѣ большую популярность, если это дѣло мнѣ удастся. Еще разъ, подождите, пока объ этомъ не заговорятъ».

Но Ливенъ не успѣла еще получить этого письма, какъ въ Парижѣ министръ внутреннихъ дѣлъ Ремюза просилъ у палатъ кредита въ милліонъ франковъ для того, чтобы «встрѣтить достойнымъ образомъ останки Наполеона на французской землѣ».

Ливенъ отозвалась на этотъ фактъ со свойственной ей мѣткостью сужденія:

«Я напрасно искала ваше имя въ рѣчи Ремюза,—писала она Гизо 13-го мая,—но не нашла его. Это меня удивляетъ. Этотъ фактъ надѣлалъ много шума. Хорошо-ли взвѣсили все его значеніе? Воспретятъ-ли семейству Бонапарта присутствовать при погребеніи его останковъ? Это

было бы неслыханной несправедливостью. Но дозволить это было бы опасно. Такъ какъ эта церемонія придется, быть можетъ, въ моментъ новыхъ выборовъ, то не будетъ-ли это подстроено лѣвой? Словомъ, все это довольно странно. Значитъ, Моле былъ освѣдомленъ лучше васъ, такъ какъ онъ говорилъ мнѣ недѣль пять тому назадъ, что они просятъ возвратить останки Наполеона. Вы въ то время отрицали это.

«Здѣсь только и говорятъ объ останкахъ Наполеона. Посланники не допускаютъ, чтобы можно было дозволить семейству Бонапарта присутствовать при погребеніи, ибо союзные монархи воспретили имъ пребываніе на французской землѣ.

«Я нахожу, что одинаково трудно позволить это и запретить. Несомнѣнно одно,—что вы создали себѣ этимъ очень большія затрудненія въ будущемъ. Иностранцы прибавляютъ: «Это создастъ затрудненіе только Франціи. Пусть она выпутывается изъ него, какъ знаетъ». Гранвиль говоритъ въ томъ же смыслѣ. Онъ, повидимому, очень доволенъ тѣмъ, какъ отнесся къ этому лордъ Пальмерстонъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ поступилъ очень любезно».

«Я видѣла [1]) вчера утромъ де-Буркене [2]). Онъ сказалъ мнѣ:

— Здѣсь довольны г. Гизо по успѣхамъ его переговоровъ, относительно останковъ Наполеона. Вамъ бы слѣдовало написать ему это.

— Мнѣ? Да я этого не знаю. Я не слыхала даже, чтобы во всемъ этомъ упоминали имени г. Гизо.

— Можетъ-ли быть? Тьеръ еще вчера вечеромъ говорилъ со мною объ этомъ.

— По секрету, быть можетъ».

На опасенія, которыя высказывала Ливенъ по поводу перенесенія во Францію останковъ Наполеона, Гизо отвѣчалъ, слагая съ себя всякую отвѣтственность за это событіе, въ которомъ онъ былъ только посредникомъ, но онъ былъ нѣсколько удивленъ тѣмъ, что правительство какъ будто замалчивало его участіе въ этомъ дѣлѣ.

«У меня былъ сегодня утромъ принцъ Павелъ Виртембергскій,—писала Ливенъ 18-го мая, возвращаясь еще разъ къ вопросу, который волновалъ въ то время весь Парижъ. Онъ предвидитъ всяческія бѣдствія. Онъ не понимаетъ, какъ правительство добровольно ищетъ повода къ смутѣ и къ уличнымъ безпорядкамъ. Онъ говорилъ объ этомъ Тьеру и страшно все преувеличивалъ. Тьеръ сказалъ:

— Я отвѣчаю за все; но я одинъ могу сдѣлать это. При всякомъ другомъ министерствѣ, это могло бы вызвать революцію.

«Принцъ присовокупилъ:

---

[1]) Письмо къ Гизо отъ 15-го мая 1839 г.

[2]) Былъ впослѣдствіи посланникомъ въ Россіи.

*

— Тьеръ считаетъ себя кардиналомъ Ришелье. Ничто не сравнится съ его смѣлостью и самоувѣренностью».

Въ то время, какъ Ливенъ обмѣнивалась съ Гизо этими письмами, у нея созрѣлъ планъ совершить поѣздку въ Англію, чтобы повидать своего друга. Предлогомъ къ поѣздкѣ было желаніе «продать свои брилліанты и повидать друзей».

Она радовалась этому путешествію, какъ вдругъ возникло неожиданное препятствіе, едва не разстроившее ея планы.

Русскій посланникъ въ Англіи, Брунновъ, узнавъ объ ея намѣреніи, «самымъ грубымъ и неделикатнымъ образомъ» просилъ передать ей, что ея присутствіе въ Лондонѣ могло быть весьма неудобнымъ. Онъ далъ ей понять, въ какомъ затруднительномъ положеніи онъ могъ очутиться по отношенію къ русскому двору, оказавъ княгинѣ Ливенъ любезный пріемъ, а по отношенію къ англійскому, встрѣтивъ ее нелюбезно.

Ливенъ была глубоко возмущена и, разумѣется, не хотѣла уступить.

«Да я вовсе не нуждаюсь, чтобы онъ меня принималъ какъ бы то ни было,—писала она Гизо. Какое мнѣ дѣло до Бруннова? Онъ для меня не существуетъ. Я ни въ комъ не нуждаюсь; можно только посмѣяться всѣмъ глупостямъ, какія онъ наговорилъ бѣдному Александру. Онъ совѣтуетъ мнѣ быть въ ладахъ съ нимъ, въ виду моихъ собственныхъ интересовъ. Англія, видите-ли, будетъ слѣдить за нами, за каждымъ нашимъ жестомъ, за каждымъ нашимъ словомъ! Нѣтъ, это слишкомъ глупо»!

Лэди Пальмерстонъ она писала не менѣе рѣшительно: «Будьте увѣрены, дорогая моя, что я не замедлю пріѣхать. Я не обязана никому давать отчета въ моихъ поступкахъ. Напрасно гг. дипломаты хлопочутъ. Я не мѣшаюсь въ ихъ дѣла, пусть они не мѣшаются въ мои!»

«Не будемъ болѣе думать объ этомъ, — писала она Гизо нѣсколько дней спустя,—я твердо рѣшила и поѣду, если только вы не отсовѣтуете это мнѣ, а я прошу васъ не дѣлать этого».

Нѣсколько дней спустя, въ половинѣ іюня 1839 года, Ливенъ была уже въ Лондонѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Съ большимъ интересомъ прочелъ я статью Н. Гутьяра «И. С. Тургеневъ и польскій вопросъ» [1]). Съ раннихъ лѣтъ я былъ горячимъ почитателемъ автора «Записокъ Охотника», «Рудина» и «Дворянскаго гнѣзда» и горѣлъ желаніемъ его видѣть и знать лично.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, родившійся въ городѣ Орлѣ [2]), былъ мценскій помѣщикъ, и одно изъ имѣній его матери (В. П. Тургеневой) находилось въ 3 верстахъ отъ имѣнія моего отца. Самъ Ив. Сергѣевичъ, сколько мнѣ извѣстно, не бывалъ однако въ немъ—это имѣніе с. Сычи досталось его брату.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, во время своихъ пріѣздовъ въ Орловскую губернію (болѣе частыхъ, чѣмъ думаютъ), обыкновенно проживалъ въ другомъ, доставшемся ему, послѣ матери, имѣніи, подъ Мценскомъ, с. Спасскомъ-Лутовинѣ [3]).

Мое желаніе исполнилось довольно скоро, именно 15-го іюля 1862 г. на именинномъ обѣдѣ у Влад. Ал. Шеншина, тогдашняго мценскаго предводителя дворянства. Владиміръ Александровичъ Шеншинъ былъ хлѣбосолъ и полагалъ, что, въ качествѣ образованнаго человѣка и предводителя, онъ обязанъ водить знакомство съ людьми, извѣстными въ литературѣ, и читалъ болѣе распространенные журналы. Онъ, конечно, былъ знакомъ съ И. С. Тургеневымъ и называлъ его «честью и славой Мценскаго уѣзда».

---

[1]) „Русская Старина“, кн. IX (сентябрь за текущій годъ).

[2]) 28-го окт. 1818 года, какъ это теперь вполнѣ установлено.

[3]) Его мать была урожденная Лутовинова, богатая помѣщица.

Я былъ очень доволенъ, что отецъ отправлялся въ с. Волково, имѣніе предводителя, 15-го іюля 1862 года, и согласился взять меня съ собой. Волково было подъ самымъ городомъ Мценскомъ и отъ нашей деревни отстояло слишкомъ въ 20 верстахъ; поэтому хотя мы выѣхали тотчасъ послѣ завтрака, но пріѣхали на именины не задолго передъ обѣдомъ и нашли гостей и именинника на большомъ балконѣ волковскаго дома. Въ числѣ гостей были: И. С. Тургеневъ и пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ А. А. Фетъ.

Въ мою память врѣзались нѣкоторыя характерныя особенности Тургенева, на котораго я смотрѣлъ едва-ли не съ благоговѣніемъ и въ о б а г л а з а. Одѣтъ онъ былъ съ большимъ вкусомъ (Тургеневъ пріѣхалъ изъ Парижа; одежда его была сшита тамошними портными) [1]), а обращеніе его отличалось простотой и мягкостью, при чемъ однако въ немъ было замѣтно раздраженіе противъ молодежи и излюбленнаго въ то время его журнала—«Современника».

Ко мнѣ И. С. Тургеневъ отнесся любезно и ласково (я только-что поступилъ на первый курсъ Харьковскаго университета и былъ совсѣмъ юноша). Въ семьѣ В. А. Шеншина на лѣто былъ приглашенъ для младшихъ дѣтей студентъ Московскаго университета, къ которому И. С. Тургеневъ относился явно недружелюбно, и присутствіе котораго какъ будто не замѣчалъ. Старшій сынъ хозяина, немного старше меня, разсказалъ мнѣ, что у Ивана Сергѣевича съ самаго начала вышла стычка съ этимъ студентомъ, большимъ поклонникомъ «Современника», весьма не лестно отзывавшагося объ искусствѣ и художникахъ, что̀ и вызвало споръ между ними. Иванъ Сергѣевичъ, вопреки обыкновенію, весьма горячо и даже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ съ нимъ спорилъ и въ заключеніе даже отъ него отвернулся, сказавъ: «Вы добролюбовецъ и спорить съ вами совершенно безцѣльно».

Затѣмъ въ то же лѣто я встрѣтилъ Тургенева у другаго Шеншина [2]), служившаго тогда мировымъ посредникомъ. Тургеневъ былъ сердечно расположенъ къ его семейству, особенно къ женѣ его Елизаветѣ Дмитріевнѣ, урожденной Карповой. Она по семейнымъ преданіямъ была большая либералка и свободомыслящая; Тургеневъ ее любилъ и цѣнилъ за искренность и часто посѣщалъ ихъ деревенскій домъ, когда проводилъ лѣто въ своей мценской деревнѣ—Спасскомъ.

---

[1]) Впрочемъ, какъ говорятъ знатоки, Тургеневъ шилъ свое платье у одного извѣстнаго портного въ Лондонѣ.

[2]) Николай Никитичъ, родственникъ предводителя. А. А. Фетъ-Шеншинъ происходилъ изъ другой линіи Шеншиныхъ, которыхъ называли Неоффидовичами, братъ Н. Н. Шеншина былъ женатъ на дочери Аван. Неофидовича Шеншина, признаннаго по ходатайству лейбъ-медика Боткина отцомъ поэта—Фета.

Въ семьѣ Елизаветы Дмитріевны Тургеневъ былъ, какъ дома, и держался менѣе сдержанно и принужденно, чѣмъ у предводителя. Онъ меня, при этой встрѣчѣ, совсѣмъ очаровалъ своей простотой и добродушіемъ.

Послѣ этого я встрѣтилъ разъ Ивана Сергѣевича въ Парижѣ и былъ у него даже въ Буживалѣ. Дальнѣйшее мое знакомство съ знаменитымъ нашимъ писателемъ продолжалось въ Петербургѣ, во время его пріѣздовъ; въ деревнѣ я у него не былъ, хотя онъ однажды меня приглашалъ къ себѣ, сказавъ: «если будете въ Мценскомъ уѣздѣ, вспомните и меня-старика».

Это было въ 1880 году, когда Тургеневъ былъ въ Петербургѣ проѣздомъ въ Москву и деревню. Онъ останавливался въ «Европейской гостиницѣ» и много говорилъ о Пушкинѣ, котораго называлъ своимъ учителемъ и не только великимъ русскимъ поэтомъ и писателемъ, но и однимъ изъ самыхъ умныхъ русскихъ людей. Относительно взгляда Тургенева на Пушкина есть рядъ указаній въ его сочиненіяхъ. Всякій, кто зналъ И. С. Тургенева, согласится, что непочтительный отзывъ о великомъ русскомъ поэтѣ былъ однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ разсердить благодушнаго писателя, прощавшаго многое, но ни въ какомъ случаѣ не допускавшаго легкомысленнаго и недоброжелательнаго отношенія къ геніальному создателю новой русской литературы, передъ которымъ онъ самъ почтительно преклонялся. Я слышалъ отъ Тургенева, что ода «Клеветникамъ Россіи» приводила его, въ молодые годы, въ восторгъ, хотя онъ чаще, какъ замѣчаетъ г. Гутьяръ, по свойству своей натуры, долженъ былъ повторять другіе извѣстные стихи Пушкина.

Они (т. е. поляки) народный Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца [1]).

Я познакомился съ И. С. Аксаковымъ нѣсколько позднѣе, именно, въ ноябрѣ 1865 года. Аксаковъ близко зналъ Тургенева, онъ былъ съ нимъ, одно время, даже въ перепискѣ и, какъ я склоненъ думать, любилъ его [2]). Мнѣ не разъ приходилось говорить съ Аксаковымъ о

---

[1]) Тургеневъ неоднократно повторялъ, что вся новая русская поэзія зажглась отъ свѣточа Пушкина. То же мнѣніе, но гораздо ранѣе, было высказано Гоголемъ, въ его статьѣ о русской литературѣ, въ которой была сдѣлана мастерская характеристика Пушкина. Эта чисто литературная статья напечатана въ „Перепискѣ съ друзьями“.

[2]) Переписка эта напечатана: письма Тургенева въ „Вѣстникѣ Европы“, первыя двѣ книжки за 1894 г.; письма Аксаковыхъ—въ московскомъ журналѣ „Русское Обозрѣніе“; они доставлены этому журналу покойнымъ академикомъ Л. Н. Майковымъ, получившимъ эти письма отъ вдовы Аннен-

Тургеневѣ, художественный талантъ котораго редакторъ «Дня» и «Руси» ставилъ довольно высоко. Аксакову особенно нравились нѣкоторые разсказы изъ «Записокъ Охотника», напр., «Хорь и Калинычъ» и «Дворянское гнѣздо»; къ «Наканунѣ» же онъ относился весьма отрицательно, утверждая, что Тургеневъ плохо зналъ болгаръ и въ его Инсаровѣ несомнѣнно это видно, ибо въ немъ не мало выдуманнаго и сочиненнаго, напр. чтеніе Инсаровымъ болгарскихъ лѣтописей, которыхъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ (и потому нельзя найти ни въ одномъ книгохранилищѣ). И. С. Аксаковъ ни въ какомъ случаѣ не относился бы къ Тургеневу сочувственно, если бы послѣдняго можно было заподозрить въ сочувствіи къ полякамъ, чего И. С. Аксаковъ совсѣмъ не прощалъ русскимъ людямъ и за что̀ жестоко укорялъ самого издателя «Колокола», въ которомъ признавалъ крупное дарованіе.

Всего лучше можно судить о личныхъ взглядахъ и симпатіяхъ писателя по его произведеніямъ. Сколько мнѣ извѣстно, въ произведеніяхъ Тургенева встрѣчаются всего два поляка и оба весьма мало симпатичные. Это фатъ и игрокъ Стельчинскій, въ повѣсти «Затишье», и графъ Малевскій, въ другой, не сомнѣнно имѣющей автобіографическое значеніе повѣсти «Первая любовь», и оба они едва-ли внушаютъ собой симпатіи автору и читателямъ [1]). Убитый на парижскихъ баррикадахъ Дмитрій Рудинъ былъ русскій человѣкъ, по рожденію воспитанію и складу характера, и только легкомысленные и невѣжественные, въ отношеніи Россіи, французскіе защитники баррикадъ могли его считать за refugie, polonais.

Тургеневъ не любилъ поляковъ, и многое въ національномъ ихъ характерѣ, который сложился подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, его отъ нихъ отталкивало. Много весьма любопытнаго разсказывалъ на эту тему Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ (поэтъ). Фетъ былъ давно и близко знакомъ съ Тургеневымъ, эти ихъ отношенія меня сначала удивляли. И. С. Тургеневъ относился къ Фету покровительственно-фамиліярно, отчасти цѣнилъ въ немъ большое лирическое дарованіе, любилъ стихи Фета, но все же рѣзко и даже желчно отзывался объ его публицистическихъ произведеніяхъ, печатаемыхъ въ «Рус. Вѣстникѣ». На шумныя діатрибы А. А. Фета, ожесточенно нападавшаго и громившаго мужиковъ, Тургеневъ обыкновенно говорилъ и даже при посторонннихъ: «угомонись, Аѳоня».

кова. Въ редакціонной замѣткѣ „Вѣстника Европы“ сказано, что переписка Тургенева съ семействомъ Аксаковыхъ имѣетъ важное значеніе не для одной только біографіи Тургенева.

[1]) Я слышалъ отъ самого И С. Тургенева, что его любимая повѣсть—это „Первая любовь“ и „Вешнія воды“. „Въ эти повѣсти я вложилъ много личнаго,—говорилъ онъ,—оттого онѣ тщательно отдѣланы и мнѣ особенно дороги“.

Въ началѣ 80-хъ годовъ недавно минувшаго вѣка, т. е. когда новое сближеніе Тургенева съ молодежью и передовымъ направленіемъ русскаго общественнаго мнѣнія стало фактомъ и онъ исключительно сталъ печатать свои произведенія въ «Вѣстникѣ Европѣ», я посѣтилъ Тургенева въ Петербургѣ, въ «Европейской гостиницѣ», гдѣ онъ остановился.

Меня, какъ горячаго почитателя Ивана Сергѣевича и его произведеній, занималъ вопросъ объ его отношеніяхъ къ польскому вопросу—я не разъ слышалъ объ его полонофильствѣ, хотя я этому не вѣрилъ, глядя на его симпатичное, чисто русское лицо, грустное, добродушное и полное мысли. Заставъ Тургенева дома и одного, я рѣшилъ спросить его самого о полякахъ и Польшѣ, пользуясь тѣмъ, что Тургеневъ былъ очевидно въ хорошемъ расположеніи духа и принялъ меня радушно и ласково. Вотъ его подлинныя слова, записанныя мною тогда же.

— Меня,—я это знаю—упрекаютъ за мою м н и м у ю любовь къ полякамъ, хотя меня можно скорѣе укорять въ противномъ. Человѣку и писателю, въ мои годы, надо быть безстрастнымъ, а я этимъ похвалиться едва-ли могу. Я поляковъ не люблю за ихъ шляхетскій гоноръ, глубоко въѣвшійся въ ихъ національный характеръ, и надутое самомнѣніе, также какъ и узкій патріотизмъ. Они видятъ великихъ писателей только у себя и готовы ставить Мицкевича и даже Крашевскаго выше Гёте и Пушкина [1]). Ихъ національная нетерпимость противна, а мелкое національное самолюбіе и «падамъ до ногъ» и того болѣе. Бѣлинскій былъ того же мнѣнія. Онъ не любилъ поляковъ, хотя весьма уважалъ Мицкевича, «сочувствуя его скорби о погибшей родинѣ». Бѣлинскій говорилъ въ своемъ кружкѣ, что русскій характеръ много лучше польскаго, нашъ русскій умъ гораздо трезвѣе, и въ насъ есть наклонность къ самообличенію, чего и тѣни не встрѣтишь у поляковъ. Мнѣ одинъ французъ говорилъ, что въ полякахъ есть что-то мелочное и чисто п р о в и н ц і а л ь н о е.

— Я,—продолжалъ Тургеневъ послѣ нѣкотораго раздумья,—вовсе не грѣшу излишнимъ расположеніемъ и пристрастіемъ къ полякамъ и даже упрекалъ за это Александра Ивановича (т. е. Герцена), который, живя за границей, поддерживалъ дружескія связи съ польской эмиграціей. Посѣщая Герцена, я, конечно, встрѣчалъ у него и польскихъ эмигрантовъ, но никогда не желалъ и не искалъ сближенія съ ними, потому что всѣ они были мнѣ мало симпатичны. Мои чувства и отношенія къ польскому вопросу я с ч и т а л ъ н е у м ѣ с т н ы м ъ высказывать п е ч а т н о, потому что держался всегда народной пословицы: л е ж а ч а г о

---

[1]) Въ другой разъ Тургеневъ сказалъ: „да вѣдь въ сущности Мицкевичъ былъ не полякъ, а литвинъ—натура литвина гораздо глубже и серьезнѣе польской. Онъ былъ ополяченный литвинъ, горячій католикъ-мечтатель".

не бьютъ. Мои пріятели, которые иногда бываютъ хуже враговъ, во время польскаго мятежа, меня упрекали въ слишкомъ мягкихъ отношеніяхъ къ полякамъ. «Они насъ рѣжутъ сонныхъ, а вы на нихъ хотите брызгать одеколономъ».

Тургеневъ, хотя и говорилъ, что онъ воздерживался отъ печатнаго выраженія своихъ мнѣній по части польскаго вопроса, но это было не совсѣмъ такъ. По крайней мѣрѣ въ письмахъ И. С. Тургенева есть указаніе на его несомнѣнно русское чувство въ то печальное время. Вотъ что писалъ Тургеневъ, отъ 1-го іюня 1863 г. Щербаню [1]). «Я сейчасъ прочелъ статью вашу въ Nord'ѣ о подложной царской волѣ и рукоплескалъ вамъ. Нѣтъ такой грязной клеветы, которую бы на насъ не взводили, и спасибо тѣмъ, которые протестуютъ» [2]).

Умѣренныя симпатіи Тургенева къ Польшѣ—иначе и быть не могло въ горячемъ почитателѣ Пушкина и другѣ Бѣлинскаго,—окончательно были разсѣяны Н. А. Милютинымъ, Ник. Ив. Тургеневымъ и В. П. Боткинымъ, съ которыми Иванъ Сергѣевичъ часто видѣлся и много говорилъ зимой 1862—63 годовъ, въ Парижѣ о польскомъ вопросѣ.

Дружескія и близкія отношенія И. С. Тургенева къ Николаю Милютину совершенно исключаютъ возможность обвиненія въ полонофильствѣ Тургенева; онъ, правда, былъ весьма враждебно настроенъ къ М. Н. Муравьеву, котораго тогда многіе называли Виленскимъ (въ отличіе отъ его брата Муравьева Карскаго), но на это были другія причины. Нерасположеніе Тургенева къ этому извѣстному политическому дѣятелю было основано не на польскихъ симпатіяхъ нашего русскаго писателя, а создано совсѣмъ другимъ обстоятельствамъ [3]).

Дыма не бываетъ безъ огня, и, конечно, упреки, сыпавшіеся на Тургенева за его мнимое сочувствіе къ полякамъ, имѣли нѣкоторое основаніе, и вѣроятно почитателямъ нашего великаго романиста интересно и желательно знать, какое именно.

Н. Гутьяръ разбираетъ и объясняетъ эти основанія въ своей вышеуказанной статьѣ. Но первую и главную причину въ такомъ несомнѣнно ложномъ взглядѣ на отношенія Тургенева къ польскому вопросу очевидно надо искать въ немъ самомъ. И. С. Тургеневъ, конечно, былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ и представлялъ собой таковаго со всѣми, или, по крайней мѣрѣ, многими свойственными намъ достоинствами и недостатками. Онъ желалъ

---

[1]) В. П. Боткинъ.

[2]) Щербань жилъ за границей и былъ усердный сотрудникъ изданій Каткова и нашего полуоффиціальнаго Nord'а, издававшагося въ Бельгіи.

[3]) Въ данномъ случаѣ причиной едва-ли не было вліяніе Герцена, которое было очень велико и сильно, а Герценъ, какъ это извѣстно, ненавидѣлъ М. Н. Муравьева и въ „Колоколѣ“, безъ надлежащаго основанія, называлъ его казнокрадомъ и трехъ-прогоннымъ министромъ.

быть нелицепріятнымъ, но только желалъ и во всю жизнь едва-ли этого достигъ. И. С. Тургеневъ не заботился и даже, повидимому, не желалъ отчасти, можетъ быть, по своей излишней деликатности, отчасти, вслѣдствіе своихъ дружескихъ отношеній къ А. И. Герцену, публично и печатно высказать свои настоящія чувства къ полякамъ и Польшѣ. Онъ боялся быть зачисленнымъ въ лагерь враговъ поляковъ, въ которомъ были люди ему не симпатичные. Добродушный и мягкій, Иванъ Сергѣевичъ былъ сильно раздраженъ и даже озлобленъ противъ извѣстнаго романиста и писателя Болеслава Михайловича Маркевича, котораго онъ дѣйствительно не любилъ, чтобы не сказать презиралъ. Онъ обыкновенно избѣгалъ произносить его имя, и близость Маркевича къ Каткову была, конечно, одной изъ причинъ рѣшительнаго разрыва между Тургеневымъ и редакціей «Русскаго Вѣстника».

Хронологія указываетъ, что Тургеневъ, во время историческихъ статей М. Н. Каткова о польскомъ вопросѣ, печаталъ свои произведенія исключительно въ журналѣ Каткова.

Его «Дымъ», надѣлавшій столько шума въ литературныхъ кружкахъ и даже въ публикѣ, былъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1867 годъ, когда взглядъ М. Н. Каткова на польскій вопросъ былъ вполнѣ высказанъ и достаточно опредѣленъ.

И. С. Аксаковъ, весьма чуткій къ національнымъ вопросамъ и несомнѣнно нѣсколько страстно и даже пристрастно порицавшій этотъ романъ Тургенева, на который онъ смотрѣлъ одинаково съ поэтомъ Ѳ. И. Тютчевымъ (стихотвореніе послѣдняго «Дымъ» напечатано въ Сборникѣ его стихотвореній), говорилъ не безъ раздраженія: «въ этомъ романѣ Тургенева сказался старый и неисправимый западникъ». Но и Аксаковъ ни разу не упрекалъ своего тёзку въ полонофильствѣ—я это могу сказать съ нѣкоторой увѣренностью, ибо мнѣ не разъ случалось говорить съ Аксаковымъ и даже спорить о Тургеневѣ [1]).

Аксаковъ обвинялъ нашего романиста въ совершенно другомъ. Онъ обвинялъ и упрекалъ Тургенева въ слабости характера, въ подчиненіи разнымъ вліяніямъ и даже одинъ разъ—въ малодушіи. Это послѣднее обвиненіе—помню это очень хорошо, меня сильно покоробило, и я сталъ

---

[1]) И. С. Аксаковъ изъ всѣхъ, за исключеніемъ своего брата, наиболѣе былъ близокъ къ Тургеневу. Благодаря одному его стихотворенію и началась переписка Тургенева съ Аксаковымъ. Сначала старикъ Аксаковъ (С. Т.) приглашалъ Тургенева къ сотрудничеству въ предполагавшемся III т. „Московскаго Сборника“, а затѣмъ И. С. Аксаковъ, приступя къ изданію „Дня“, настойчиво добивался сотрудничества Тургенева, который и обѣщалъ дать въ „День“ свое произведеніе „Четыре мѣсяца въ деревнѣ“. Эта статья или замѣтка Тургенева не была однако напечатана ни въ „Днѣ“, ни въ другомъ журналѣ.

горячо возражать И. С. Аксакову. Нашъ споръ принялъ нѣсколько непріятный тонъ, въ которомъ слышалось извѣстное раздраженіе. И. С. Аксаковъ самъ это замѣтилъ и прервалъ его, сказавъ: «ну, если вамъ не нравится это слово, пусть будетъ по-вашему. Но Тургеневъ былъ и есть неисправимый западникъ, хотя въ немъ, несмотря на европейское образованіе и долгую жизнь за границей, глубоко сидитъ русскій баринъ». Съ этимъ я поневолѣ долженъ былъ согласиться.

Тургеневъ былъ несомнѣнно весьма большой художникъ и совсѣмъ русскій человѣкъ, только клеветники могутъ утверждать, что онъ былъ отщепенецъ русской земли и болѣе любилъ Западную Европу, чѣмъ свою родину. Это совершенно неправда, и ее могутъ повторять только люди ясно пристрастные и имѣющіе личное нерасположеніе къ Тургеневу.

Я не вижу ни малѣйшихъ основаній порочить его имя, преслѣдуя даже цѣли патріотическія и національныя. Мы вовсе не такъ богаты литературно-художественными силами, о чемъ довольно наглядно свидѣтельствуетъ современное оскудѣніе нашей литературы, въ которой довольно очевиденъ упадокъ талантовъ, чтобы толкать Тургенева, вполнѣ русскаго писателя, въ лагерь враговъ Россіи. Даже нѣкоторые наши консерваторы видятъ въ Тургеневѣ то же самое, т. е. русскаго человѣка и писателя. Спасибо имъ и за это.

Будущему біографу Тургенева предстоитъ довольно трудная и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарная задача,—снять съ его памяти тѣ не заслуженныя обвиненія, на которыя онъ при жизни считалъ излишнимъ возражать [1]).

И. С. Тургеневъ вслѣдствіе безтактныхъ и грязныхъ выходокъ противъ него «Иногороднаго Обывателя», печатавшихся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», перешелъ изъ «Русскаго Вѣстника» въ журналъ М. М. Стасюлевича и сталъ исключительно печатать у него, въ «Вѣстникѣ Европы», свои произведенія. Размолвка Тургенева съ Катковымъ началась еще и прежде, а «Новь», послѣдній романъ Тургенева, былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы».

Тургеневъ отвернулся отъ М. Н. Каткова на литературномъ обѣдѣ

---

[1]) Не смотря на то, что произведенія Тургенева до сихъ поръ усердно читаются во всѣхъ концахъ Россіи, а память о немъ чествуютъ люди самыхъ различныхъ направленій, у насъ нѣтъ пока полной и хорошей его біографіи. Книга И. И. Иванова (молодой и весьма талантливый проф. Московскаго университета) „И. С. Тургеневъ, жизнь, личность, творчество", изданная въ Петербургѣ въ 1896 г.,—при всѣхъ ея достоинствахъ едва-ли представляетъ желательную полноту. Это—собраніе журнальныхъ статей г. Иванова, помѣщенныхъ въ журналѣ „Міръ Божій" и изданныхъ редакціей означеннаго журнала.

въ Москвѣ лѣтомъ 1880 года, обнаруживъ явное нежеланіе съ нимъ чокаться бокаломъ. Это фактъ общеизвѣстный и котораго ни въ какомъ случаѣ одобрить нельзя. Катковъ сказалъ краткое, но весьма краснорѣчивое слово на этомъ обѣдѣ о Пушкинѣ и желалъ выразить свое сожалѣніе о томъ, что произошло (напечатанныя въ его журналѣ грязныя и несправедливыя изобличенія «Иногороднаго Обывателя»); Тургеневъ оскорбительно отъ него отвернулся, что̀ порицали даже нѣкоторые почитатели Тургенева.

На дѣлаемые ему упреки—я это самъ слышалъ—за его отношенія къ Каткову Тургеневъ говорилъ: «зачѣмъ я буду съ нимъ (Катковымъ) мириться на праздникѣ, хотя бъ и весьма дорогомъ для меня, если мнѣ неизбѣжно приходится съ нимъ ссориться въ будни. Я считаю то вліяніе, которымъ теперь пользуется Катковъ, котораго я хорошо знаю, несомнѣнно вреднымъ».

Пав. Матвѣевъ.

Запрещеніе дѣлать куклы, изображающія духовныхъ.

Письмо князя Александра Голицына къ графу Виктору Павловичу Кочубею.

12-го сентября 1821 г. № 2808.

Г. управляющій Саратовской губерніею, извѣщая меня, что преосвященный Амвросій, епископъ пензенскій и саратовскій, относился къ нему, требуя, дабы куклы, привозимыя на Саратовскую ярмарку, изображающія монаха, несущаго въ снопѣ крестьянку, и подобныя тому соблазнительныя вещи не только не были продаваемы, но даже не находились бы нигдѣ въ употребленіи, препроводилъ ко мнѣ таковую куклу, присовокупляя, что, по мнѣнію Саратовскаго губернскаго правленія, она служитъ не соблазномъ, а примѣромъ добродѣтели, представляя старца, стремящагося спасти невинную жертву отъ злодѣевъ.

Усматривая, что таковое изображеніе можетъ дать поводъ къ толкамъ противнымъ благонравію, и заражая тѣмъ невинныя понятія неопытной юности, внушить неуваженіе къ духовенству, я нахожу, что давать подобныя вещи въ забаву дѣтямъ совсѣмъ неприлично, и поставляю долгомъ препроводить къ вашему сіятельству означенную фигуру, представляя на усмотрѣніе ваше, милостивый государь, угодно-ли будетъ вамъ снестись съ г. министромъ финансовъ о воспрещеніи продавать и выдѣлывать на фабрикахъ подобныя вещи, или не признаете-ли нужнымъ поручить сего мнѣ [1]).

---

[1]) По поводу этого письма послѣдовалъ циркуляръ министра финансовъ губернаторамъ отъ 7-го ноября 1821 г., чтобы запретить изготовленіе куколъ на фабрикахъ, а продающіяся въ лавкахъ отобрать.

Posseviniana.

I. Архивъ Поссевина.

Извѣстный въ русской исторіи іезуитъ Антоній Поссевино отличался цѣльностью характера и многостороннимъ образованіемъ. Конечно, дававшіяся ему самыя разнообразныя порученія не всегда исполнялись съ одинакимъ успѣхомъ, за то разъ намѣченная цѣль никогда не упускалась изъ виду, а руководствующая мысль была постоянно та же самая.

Внѣшнее единство его дѣятельности обусловливалось единствомъ его душевныхъ силъ и строгимъ подчиненіемъ ихъ одному началу. Съ раннихъ лѣтъ въ его итальянскую, горячую душу глубоко заронилось стремленіе къ высшему и вѣчному. По вступленіи въ орденъ, при частыхъ сношеніяхъ съ выдающимися личностями, духовными и свѣтскими, при близкомъ знакомствѣ съ тогдашнимъ общественнымъ строемъ, это міросозерцаніе еще болѣе выяснилось и опредѣлилось. Какъ и другіе передовые люди, онъ почиталъ главною современною задачею порабощеніе турокъ соединенными силами христіанскихъ государствъ подъ верховнымъ руководствомъ папства. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой побѣды креста надъ полумѣсяцомъ было бы торжество римской церкви, упроченіе ея вліянія, распространеніе ея ученія и усиленное направленіе всего человѣчества къ загробному блаженству.

Въ такихъ общихъ чертахъ эта система была достояніемъ очень многихъ. Оставшіяся послѣ Поссевина бумаги, его «архивъ» показываетъ намъ, какъ онъ умѣлъ ее примѣнять въ частныхъ случаяхъ, и какъ всѣ его начинанія сводились окончательно къ воплощенію коренной идеи его жизни.

Замѣтимъ сперва, что Поссевино былъ въ одинаковой степени человѣкомъ дѣла, слова и пера. Все, что онъ зналъ и видѣлъ, его соображенія и планы, исполненіе данныхъ ему порученій, все это переводилось на бумагу. Кромѣ того онъ велъ обширную переписку съ отдаленными странами и вліятельными личностями. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени накопился у него богатый письменный матеріалъ, которымъ онъ чрезвычайно дорожилъ.

И вотъ, въ 1604 году, бывъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, предвидя возможность неожиданной смерти, онъ задался мыслью объ устройствѣ личнаго своего архива. Жилъ онъ тогда въ Венеціи, тамъ же были сосредоточены его рукописныя сокровища. Онъ привелъ ихъ въ порядокъ, расположилъ въ отдѣльномъ мѣстѣ и сдѣлалъ имъ полный обстоятельный списокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 7-го мая того же года, онъ предупредилъ обо всемъ орденскаго генерала, Клавдія Аквавиву и поручилъ ему заблаговременно участь своего архива, въ надеждѣ, что собранныя бумаги, пожалуй, пригодятся для исторіи Общества Іисуса, для разъясненія нѣкоторыхъ происшествій и вообще послужатъ для пользы ближняго [1]).

Составленный Поссевиномъ архивный списокъ дошелъ до насъ, но, къ счастію-ли или къ сожалѣнію, трудно рѣшить. Ибо, узнавъ изъ него, что когда-то существовали интересныя рукописи, приходится убѣдиться, что онѣ большею частью утрачены. Какая невзгода постигла архивъ Поссевина, и какъ онъ улетучился, не извѣстно. Особенно потерпѣла русская, историческая часть, какъ будетъ сказано ниже.

Займемся теперь самимъ каталогомъ [2]).

Ужъ изъ одного подбора рукописей видно, какимъ широкимъ взглядомъ обладалъ Поссевино. Все его интересуетъ: богословіе, аскетизмъ, проповѣдничество, преуспѣяніе римской церкви, борьба съ иновѣрными, распространеніе Евангелія, дѣятельность Общества Іисуса, отдаленныя миссіонерскія страны, общее положеніе христіанства на Западѣ и на Востокѣ, дѣла шведскія, московскія, польскія, венгерскія, исторія всеобщая и особенно мантуанская, римская обстановка, культурныя условія, сношенія папства съ государствами, наконецъ учрежденіе семинарій, педагогика и музыка. Но чѣмъ разнообразнѣе составъ архива, тѣмъ болѣе вѣска существенная оговорка, которая служитъ введеніемъ для каталога. Призваніе и долгъ человѣка, говоритъ приблизительно Поссевино,

---

[1]) Собственноручное письмо Поссевина 7-го мая 1604 года находится въ моемъ собраніи. Тамъ же хранятся и всѣ прочія documentalia, которыя будутъ приводиться безъ особой ссылки.

[2]) Каталогъ написанъ на латинскомъ языкѣ и имѣетъ слѣдующее заглавіе: Catalogus manuscriptorum quae extant apud P. Antonium Possevinum, Societatis Iesu.

состоитъ въ собственномъ усовершенствованіи по евангелическимъ завѣтамъ, что̀ и даетъ ему возможность быть полезнымъ ближнему. А внѣшняя дѣятельность должна истекать изъ этого настроенія и быть ея плодомъ. Поссевино неуклонно придерживался этого правила и всю жизнь стремился къ возможно лучшему его исполненію.

Въ самомъ дѣлѣ, что не мало удивитъ многихъ читателей, на первомъ мѣстѣ каталога находятся рукописи, числомъ тринадцать, относящіяся къ Обществу Іисуса вообще и особенно къ такъ называемымъ «духовнымъ упражненіямъ» святаго Игнатія. Это не что иное какъ превосходное руководство для обращенія грѣшника въ праведнаго и для утвержденія праведнаго на пути спасенія. Ими Поссевино былъ пропитанъ, а, чтобы всесторонне съ ними познакомиться, онъ собиралъ составленные его собратьями комментаріи и усердно изучалъ различные способы ихъ примѣненія.

Не довольствуясь однако жъ этими, преимущественно для тѣсныхъ кружковъ предназначенными, упражненіями,онъ выступалъ также, какъ проповѣдникъ, предъ многочисленными слушателями въ Туринѣ, Ліонѣ, Авиніонѣ, Руанѣ, Римѣ, Венеціи, Мантуѣ и въ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ. Обыкновенно это не были случайныя, отдѣльныя проповѣди, но цѣльныя изложенія какого-либо христіанскаго ученія, которыя дѣлались неустанно по недѣлямъ и мѣсяцамъ. Поссевино проповѣдывалъ на латинскомъ, италіанскомъ и французскомъ языкахъ. Не полагаясь на мгновенное вдохновеніе, онъ старательно приготовлялъ свои проповѣди, и такъ тщательно ихъ писалъ, что ихъ накопилось цѣлыхъ двадцать большихъ томовъ. Кромѣ того, нѣкоторые другіе томы содержали подготовительныя работы, извлеченія и матеріалы. Ни одинъ изъ этихъ томовъ не сохранился въ архивѣ. Нѣкоторые панегирики и рѣчи Поссевина появились въ печати, а въ рукописи имѣется только одна его проповѣдь, произнесенная въ 1581 году, въ польскомъ лагер подъ Псковомъ, въ присутствіи Стефана Баторія [1]). Судя по этимъ отрывочнымъ даннымъ, надо признаться, что Поссевино подчинялся духу своего времени. У него преобладаетъ искусственность, онъ гоняется за изысканными сравненіями; встрѣчаются натяжки и лишнія классическія цитаты. Не рѣдко однако жъ природный талантъ торжествуетъ надъ условнымъ тономъ, вырывается образное слово, и рѣчь течетъ плавно и просто. Современникамъ онъ безъ сомнѣнія нравился, потому что очень часто прибѣгали къ его ораторскимъ услугамъ. А при мантуанскомъ дворѣ ему, какъ выдающемуся подданному, поручались надгробныя рѣчи при похоронахъ владѣтельныхъ герцоговъ.

---

[1]) Текстъ этой проповѣди Поссевино помѣстилъ въ неизданномъ сборномъ сочиненіи о своихъ миссіяхъ, которое онъ назвалъ Decades. Оно не упоминается между рукописями архива, ибо было составлено послѣ 1604 г.

Проповѣдническая дѣятельность Поссевина совпадаетъ преимущественно съ первыми десятью или пятнадцатыми годами его призванія въ Общество Іисуса. Въ совершенно зрѣлыя лѣта, достигнувъ полнаго развитія умственныхъ и физическихъ силъ, онъ былъ посланъ папою Григоріемъ XIII съ важными порученіями въ Швецію, Польшу и Москву. Здѣсь онъ уже выступаетъ не только какъ общественный, но отчасти какъ политическій дѣятель. Онъ причастенъ къ государственнымъ дѣламъ, во имя папы ведетъ переговоры съ царями и съ самимъ императоромъ. Сношенія его расширяются. Въ его рукахъ стекаются самыя разнородныя дѣла. И это его не стѣсняетъ. Онъ всегда готовъ отвѣтить на сдѣланные запросы и отстранить возникшія препятствія, заняться даннымъ порученіемъ. Между тѣмъ архивъ его быстро обогащается самымъ цѣннымъ, истинно историческимъ матеріаломъ. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ названія слѣдующихъ сюда подходящихъ томовъ in folio:

Шведскіе акты первой и второй миссіи съ соотвѣтствующими докладами Григорію XIII и съ гербовникомъ шведскихъ королей, полученнымъ отъ самого короля Іоанна III. Тѣ же шведскіе акты, частью списанные, частью съ прибавленіемъ писемъ.

Акты трехлѣтнихъ переговоровъ между императоромъ (Рудольфомъ II) и польскимъ королемъ (Стефаномъ Баторіемъ), веденныхъ по повелѣнію Григорія XIII и съ Божіею помощью успѣшно завершившихся. Тѣ же акты съ письмами.

Акты сатмарскихъ переговоровъ между императоромъ и польскимъ королемъ.

Московскіе акты съ письмами.

Мѣшокъ, наполненный подлинными отвѣтами, данными на русскомъ языкѣ, московскимъ великимъ княземъ (Іоанномъ IV) отцу Поссевину, вмѣстѣ съ заключеніемъ перемирія (въ Запольскомъ Ямѣ) и возвращеніемъ Ливоніи [1]).

Ливонія и письма къ императору, королямъ, епископамъ и другимъ.

Акты прусскіе.

Инструкціи папы Григорія XIII для миссій отца Поссевина. Письма кардинала Коменскаго. Порученія Сикста V.

Письма и полномочія, данныя отцу Поссевину Григоріемъ XIII. Его же и другихъ папъ письма къ императору, королямъ и другимъ, относящіяся къ миссіямъ отца Поссевина.

Письма кардинала Коменскаго, касающіяся миссій отца Поссевина.

---

[1]) Saccus item plenus responsionum rutenice factarum Patri Possevino, et quidem authentice scriptarum, atque a Duce Moscoviae traditarum una cum compositione pacis et restitutione Livoniae.

Письма польскаго короля, великаго канцлера (Яна Замойскаго) и другихъ.

Письма разныя къ королямъ, кардиналамъ и другимъ съ отвѣтами.

Къ несчастію, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что большая часть только-что упомянутыхъ томовъ безслѣдно пропала. Хотя Ватиканскія рукописи отчасти и пополняютъ этотъ пробѣлъ, но все-таки нѣкоторыя потери остаются незамѣнимыми. Такъ, нигдѣ не встрѣчается полная переписка Поссевина съ Баторіемъ и Замойскимъ, а по извѣстнымъ намъ нѣкоторымъ письмамъ можно догадываться, что она многосодержательна. Далѣе, московскіе акты съ письмами содержали вѣроятно кое-что болѣе, чѣмъ напечатанные впослѣдствіи акты перемирія 1582 года. Что же касается до московскаго «мѣшка», то единственное, до насъ дошедшее, подлинное русское письмо достаточно свидѣтельствуетъ о значеніи сдѣланной нами утраты.

Лучше, въ смыслѣ сохранности, обстоитъ дѣло съ литературно-историческимъ отдѣломъ. Къ такого рода изслѣдованіямъ Поссевино имѣлъ не малую наклонность. Всѣмъ извѣстны его комментаріи о Московіи и Ливоніи. Въ каталогѣ упоминается еще исторія Трансильваніи, написанная на италіанскомъ языкѣ, доведенная до послѣднихъ временъ, снабженная картами и письмами. Въ томъ же томѣ, по словамъ автора, есть очень многое о Венгріи. Но, родомъ изъ Мантуи, обласканный Гонзагами, Поссевино съ легко постижимымъ пристрастіемъ относился къ мѣсту своего происхожденія и къ своему владѣтельному дому. Онъ написалъ подробную исторію Мантуи и, кромѣ того, составилъ цѣлый рядъ жизнеописаній членовъ семейства Гонзаговъ. Эта задача тѣмъ удобнѣе ему поддавалась, что съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ лично и, можно сказать, даже коротко знакомъ.

Въ культурномъ отношеніи замѣчателенъ томъ, о которомъ Поссевино такъ отзывался, что онъ содержитъ важныя писанія. Обще-христіанскія дѣла и процвѣтаніе церкви были постояннымъ предметомъ размышленій и заботъ неутомимаго іезуита; и онъ не былъ самозваннымъ ревнителемъ, ибо поощреніе давалось ему свыше. При Григоріи XIII онъ исполнялъ не только дипломатическія миссіи, но былъ также главнымъ учредителемъ папскихъ семинарій въ Германіи и Польшѣ, и тѣмъ значительно содѣйствовалъ сплоченію духовенства съ Римомъ. Добытыми обширными свѣдѣніями онъ воспользовался при Иннокентіѣ IX. Этотъ папа стремился къ улучшеніямъ и преобразованіямъ въ церковной жизни, что и сдѣлалось задачею вновь учрежденной, особой конгрегаціи. Поссевино былъ привлеченъ къ ней въ качествѣ совѣтника и ему поручили собрать и представить матеріалъ для дальнѣйшихъ обсужденій. Можно себѣ представить, съ какимъ усердіемъ онъ исполнилъ свою обязанность и какъ онъ расширилъ ея предѣлы. Въ концѣ того

*

же тома находятся, напримѣръ, такого рода заглавія: «Средства для защиты христіанскаго дѣла въ Германіи, Богеміи, Штиріи, Каринтіи, Венгріи». «Переговоры, по порученію папы, съ венеціанскимъ дожемъ». «Докладъ о Московіи». «О всеобщемъ союзѣ противъ турокъ».

Здѣсь мы прекратимъ перечисленіе архивныхъ томовъ. Цѣлью этихъ строкъ—только общее знакомство съ письменнымъ наслѣдіемъ Поссевина и бѣглый намекъ на его характеръ и дѣятельность.

II. Письмо Поссевина къ Гейденштейну.

Между бумагами Поссевина находится черновикъ одного его письма къ Гейденштейну, содержаніе котораго не безъинтересно для исторіографіи [1]).

Оба автора занимались единовременно тѣмъ же предметомъ: походомъ Баторія противъ Москвы.

Гейденштейнъ, всецѣло преданный Замойскому, причисленный къ его канцеляріи, задавался преимущественно описаніемъ военныхъ дѣйствій и подчинялся вліянію своего начальника. Кромѣ того онъ былъ протестантъ и не придавалъ особаго значенія нѣкоторымъ обстоятельствамъ, которыя въ глазахъ усерднаго католика имѣли первостепенное значеніе.

При такихъ условіяхъ понятно, что точка зрѣнія Поссевина была совершенно другая. Въ московскомъ походѣ онъ ставилъ на первомъ планѣ перемиріе 1582 года, а въ самомъ перемиріи выдвигалъ посредничество папы Григорія XIII, съ которымъ была тѣсно связана его собственная дѣятельность.

Въ ученыхъ кружкахъ и при дворѣ извѣстно было, что Гейденштейнъ готовилъ сочиненіе о Московіи. Поссевино домогался прочесть самую рукопись и подвергнуть ее предварительной цензурѣ; онъ даже писалъ объ этомъ Баторію, но не получилъ удовлетворительнаго отвѣта [2]). Такъ онъ и остался при своемъ желаніи, а Гейденштейнъ не потерпѣлъ, по этому поводу, никакого стѣсненія. Окончивъ предпринятый трудъ, въ исходѣ 1585 года [3]), онъ послалъ Поссевину экземпляръ

---

[1]) Поссевино снабдилъ черновикъ такою надписью: Reinoldo Eidenstenio Antonius Possevinus a Secretis Ser-mi Stephani, Poloniae Regis, qui, Reinoldus suos de bello Moscovitico libros Antonio Possevino dono, ac quidem iudicium ab eo exquirens, miserat.

[2]) Такъ повѣствуетъ самъ Поссевино въ запискѣ: Occasione et causa della stampa del libro della Moscovia di Possevino.

[3]) Этимъ подкрѣпляется утвержденіе Михаила Брута, что книга Гейденштейна вышла въ 1585 году, хотя она и помѣчена 1584.

De Bello Moscovitico съ любезною просьбою высказать свое мнѣніе и дать свою оцѣнку.

Предложеніе было принято дословно. Поссевино находился тогда въ Ригѣ и собирался ѣхать въ Гродно для свиданія съ королемъ. Время было тревожное. Московскій вопросъ стоялъ опять на очереди. Дорогою неутомимый труженикъ прочелъ присланную книгу, а 14-го января 1586 года обратился къ Гейденштейну съ письмомъ изъ Гродно.

Оно начинается самыми лестными похвалами: построеніе сочиненія величаво, ему вполнѣ соотвѣтствуетъ умѣлая разработка и чистый латинскій языкъ. «Да здравствуетъ книга,—восклицаетъ Поссевино,—ибо истина не умираетъ; и самыя событія посредствомъ этого писанія пріобрѣли какъ бы безсмертную душу». Далѣе онъ надѣется, что трудъ Гейденштейна послужитъ оплотомъ и защитою противъ королевскихъ недоброжелателей; грядущія поколѣнія найдутъ въ немъ примѣры для подражанія и свыкнутся съ заманчивымъ планомъ расширенія Польши и покоренія Азіи. Вслѣдъ затѣмъ, въ отвѣтъ, кажется, на сдѣланный запросъ, одобряется намѣреніе переслать книгу царствующимъ особамъ, испанскому королю, венеціанскому дожу, баварскому герцогу и другимъ.

Похвальнымъ отзывомъ былъ проложенъ путь для замѣчаній, предлагаемыхъ въ виду вѣроятнаго новаго изданія. Здѣсь и обнаруживаются историческіе пріемы Поссевина, которые стоитъ прослѣдить.

Какъ цѣль московскаго похода выставляется у Гейденштейна желаніе Стефана Баторія оказаться на высотѣ своего королевскаго призванія. И, безъ сомнѣнія, избранному поляками вѣнценосцу не были чужды такого рода стремленія. Но въ своихъ разговорахъ съ Поссевиномъ онъ часто упоминалъ о возвращеніи Польшѣ завоеванныхъ русскими земель, о порабощеніи опаснаго сосѣда, особенно о распространеніи католической вѣры. Все это вмѣстѣ и составляло цѣль похода, потому не слѣдовало, упоминая объ одномъ, умалчивать о другомъ.

Здѣсь Поссевино вступается, и вполнѣ правильно, за историческую полность. Но въ дальнѣйшемъ примѣненіи этого закона у него отмѣчается нѣкоторая шаткость. Объективная истина не допускается къ исключительному господству. Отъ исторіи онъ не отдѣляетъ назиданія и пользы. Появляется задняя мысль, которая подсказываетъ, что пропустить, что смягчить, не затрогивая сущности дѣла.

Такъ Баторій нуждался въ деньгахъ для войны. Поляки скупились, и онъ обратился съ просьбою займа къ протестантскимъ князьямъ, герцогу Прусскому, курфюрстамъ Саксонскому и Бранденбургскому. Это извѣстіе приводится у Гейденштейна. Поссевину оно казалось лишнимъ и неумѣстнымъ. Онъ опасался, чтобъ другіе историки имъ не злоупотребляли. Что подумаютъ о католическомъ королѣ, требующемъ

отъ протестантовъ то, что каждый состоятельный торговецъ могъ ему доставить, ибо займы были сами по себѣ незначительны и оплачивались крупными процентами? Что скажутъ католическіе вѣнценосцы, которые косвенно какъ бы обвиняются, что сами не предложили безпроцентнаго займа? Поэтому Поссевину казалось лучше не называть по имени протестантскихъ князей, а сказать вообще, что нѣкоторые вѣнценосцы, пораженные славою короля, одолжили ему деньги и прислали на помощь пѣхоту.

Въ другомъ мѣстѣ шаткость, о которой говорилось выше, еще нагляднѣе обнаруживается. Поссевино удивляется, что Гейденштейнъ такъ рѣдко упоминаетъ о численности войска, сколько воиновъ пало въ сраженіи и сколько въ немъ участвовало. Здѣсь же онъ самъ себѣ задаетъ вопросъ: что именно предпочтительнѣе, приводить такого рода обстоятельство или его замалчивать? Вовсе не думая о простой объективности, заботясь только о впечатлѣніи на читателя, онъ приходитъ къ довольно странному заключенію. Всего лучше было бы, по его мнѣнію, вслѣдъ за Курціемъ и Цезаремъ, говорить о численности войска съ такимъ разсчетомъ, чтобъ навести читателя на слѣдующее размышленіе: если Баторій могъ съ сравнительно малочисленнымъ войскомъ побѣдить могучаго князя Московскаго, то, безъ сомнѣнія, при нѣкоторой посторонней помощи, онъ съумѣлъ бы, какъ другой Александръ Македонскій, завоевать всю Азію.

Есть и другія замѣчанія того же рода. Всѣ они клонятся къ удачному подбору фактовъ и ихъ опредѣленной окраскѣ. Гейденштейнъ не могъ осуждать такихъ пріемовъ, ибо самъ, какъ увидимъ, прибѣгалъ къ нимъ. Но замѣчанія іезуита, вѣроятно, ему не понравились, и онъ, судя по слѣдующимъ изданіямъ, ими не воспользовался [1]).

Остался также и пробѣлъ, который всего больше задѣвалъ Поссевина, и жертвою котораго было перемиріе 1582 года. Какъ выше уже сказано, бывшій представитель Григорія XIII придавалъ этому факту самое высокое значеніе, особенно въ виду послѣдствій, которыя оно могло имѣть. Помиривъ, хотъ и не надолго, Стефана Баторія съ Иваномъ Грознымъ, тотъ же миротворецъ, во имя папы, цѣлые три года мирилъ Баторія съ императоромъ Рудольфомъ II. Онъ уже обдумывалъ новое европейское законодательство, которое замѣняло бы кровавыя войны третейскимъ судомъ, и трибуналъ, нынѣ созданный въ Гагѣ, уже носился предъ его глазами, только подъ верховнымъ предсѣдательствомъ папы и по его иниціативѣ. А. Гейденштейнъ, повидимому, не

[1]) Даже очевидныя ошибки не были исправлены. Такъ Лаврентій Каньоли, не смотря на поправку Поссевина, называется постоянно Іеронимъ. Въ изданіи Археографической коммиссіи нѣтъ также оговорки.

особенно жаловалъ римскую курію и не любилъ распространяться о ней и о іезуитахъ.

Поссевино очень откровенно ставитъ ему на видъ, что самый ходъ преній въ Запольскомъ Яму и ихъ содержаніе имѣютъ не малое значеніе. Настанетъ время, когда будетъ полезно припомнить, какіе вопросы русскіе всего охотнѣе выдвигали, какъ они ихъ обстанавливали, что поляки отвѣчали, и какъ все уладилось, благодаря посредничеству папы. Но не таковъ былъ Поссевино, чтобы довольствоваться пустыми жалобами. Онъ объявляетъ Гейденштейну, что вскорѣ самъ напечатаетъ свои комментаріи о Московіи съ подлинными актами перемирія въ Запольскомъ Яму и письмами Баторія и Замойскаго. Такимъ образомъ сдержанность протестантскаго автора искупалась съ лихвою.

Въ общемъ изъ замѣчаній Поссевина можно сдѣлать такое заключеніе насчетъ его критическихъ пріемовъ: ему недостаетъ главнымъ образомъ объективности; онъ слишкомъ увлекается посторонними цѣлями; смотря по обстоятельствамъ, то борется за историческую полность, то требуетъ замалчиваніе или туманные намеки вмѣсто подробностей. Искаженія истины онъ не допускаетъ, но онъ не прочь и искусственно подкрасить, иное пропустить, другое перетолковать. Очевидно, онъ считаетъ позволительнымъ имѣть двойную цѣль: писать правдивую исторію и проводить назидательную мысль, что̀, по нашимъ понятіямъ, и неудобно, и часто несовмѣстимо. Здѣсь надо вспомнить, что въ XVI вѣкѣ критика еще не вполнѣ выработалась, научная добросовѣстность была менѣе развита и чутка, историкъ почиталъ себя моралистомъ и не достаточно отрѣшался отъ любимой идеи. Всѣ эти вѣянія отразились на Поссевинѣ.

III. Письмо Поссевина къ Замойскому.

Переписываясь съ Гейденштейномъ, Поссевино не предвидѣлъ гоненій, ожидавшихъ автора комментаріевъ о Московской войнѣ. На конвокаціонномъ сеймѣ 1587 года, послѣ смерти Баторія, литовцы требовали уничтоженія ненавистнаго имъ, какъ они выражались, пасквиля. А обижались они тѣмъ, что ихъ подвигамъ якобы не воздавалось должное. Къ литовцамъ присоединились, хоть и по другимъ побужденіямъ, противники Яна Замойскаго; и отстоять своего сторонника стоило великому канцлеру не мало труда.

Но если Замойскій горячо защищалъ Гейденштейна, то Поссевину и его комментаріямъ о Московіи онъ, кажется, не мирволилъ. Вскорѣ послѣ ихъ появленія, еще въ 1586 году, до свѣдѣнія іезуитовъ дошло, что съ этой стороны грозитъ опасность. Королевскій секретарь, Мат-

вѣй Пискаревскій, обязательно сообщилъ имъ, что канцлеръ ужасно негодуетъ на Поссевина за его книгу и открыто, во всеуслышаніе, на него нападаетъ. При этомъ случаѣ, всѣхъ болѣе перепугался добрый отецъ Петръ Скарга. Онъ даже совѣтовался съ орденскимъ генераломъ, Клавдіемъ Аквавивою, какъ бы отвратить предстоящую, пожалуй, бѣду [1]).

Мало-по малу, эти слухи дошли до Поссевина, по крайней мѣрѣ, отчасти. Хотя онъ и отнесся къ нимъ скептически, однако же просилъ преданныхъ ему друзей провѣрить ихъ на мѣстѣ. Оказалось, что его друзья ничего подобнаго не слышали, и полагали, что Замойскій никогда бы не унизился до такого рода выходокъ.

Поссевино на этомъ не успокоился. Дѣятельность его въ Польшѣ тогда уже закончилась. Онъ временно пребывалъ въ Падуѣ и трудился надъ своими сочиненіями вдали отъ міра сего, пока разрѣшеніе отъ ереси Генриха IV не вызвало его снова на видное поле. Тѣмъ не менѣе, не желая, чтобъ Замойскій поминалъ его лихомъ, онъ обратился къ нему съ оправдательнымъ письмомъ 26-го января 1588 года. Это была какъ-бы прощальная грамата [2]). Замѣчательно, что въ ней всѣ трое: Замойскій, Гейденштейнъ и Поссевино, являются поборниками и послѣдователями того же антикритическаго направленія, о которомъ говорилось выше.

На самомъ дѣлѣ, жалобы Замойскаго, по словамъ Поссевина, сводились къ тому, что въ комментаріяхъ о Московіи кое-что помѣщено, что̀ слѣдовало пропустить, и кое-что пропущено, что̀ слѣдовало помѣстить. Такія требованія предъявлялъ бывшій блестящій ученикъ падуанской школы, человѣкъ отлично образованный и, въ свое время, конечно передовой.

Гейденштейнъ совершенно согласенъ съ своимъ патрономъ и, безъ зазрѣнія совѣсти, примѣняетъ его начала практически, удѣляя и другимъ совѣты въ томъ же смыслѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Поссевино, и можно положиться на его слово, ибо онъ зналъ, что его письму не избѣжать строгой провѣрки. И такъ, чтобы вполнѣ оправдаться передъ Замойскимъ, онъ не только переслалъ ему письмо къ Гейденштейну отъ 14-го января 1586 года, но даже изложилъ послѣдующій обмѣнъ мыслей съ тѣмъ же кліентомъ великаго канцлера. Случилось такъ, что они оба встрѣтились при королевскомъ дворѣ въ Гроднѣ, въ 1586 году. Не смотря на разногласіе мнѣній и на взаимные недочеты, они относились другъ къ другу почтительно и даже дружественно. До-

---

[1]) Письмо Скарги къ Аквавивѣ изъ Кракова отъ 1-го ноября 1586 г.

[2]) На оборотѣ черновика Поссевино отмѣтилъ собственноручно: Ultima al S.r Cancelliere di Polonia.

шло до того, что іезуитъ сообщалъ историку-протестанту свою рукопись съ просьбою ее пересмотрѣть. Такимъ образомъ онъ добровольно подвергался цензурѣ, въ которой ему было отказано, когда онъ самъ вызывался быть цензоромъ чужаго труда. Гейденштейнъ одобрилъ комментаріи о Московіи, совѣтовалъ только, вѣроятно въ силу государственныхъ соображеній, пропустить нѣкоторыя подробности. Онѣ касались переговоровъ въ Запольскомъ Яму, то есть такого предмета, который Поссевино считалъ своею собственностью областью и въ которомъ онъ охотно расходился. Тѣмъ не менѣе онъ повинуется данному совѣту, зачеркиваетъ намѣченныя предложенія, и лишь въ исправленномъ видѣ отсылаетъ свою рукопись въ типографію. Въ глазахъ Замойскаго такая снисходительность была не безъ значенія, а одобреніе Гейденштейна почти совершенно его обезоруживало. Намъ остается только сожалѣть, что прибѣгалось къ такимъ уступкамъ. Въ данномъ случаѣ они, правда, незначительны [1]). Но пагубна самая теорія, и она чревата печальными послѣдствіями. Такъ Поссевино хотѣлъ было напечатать письмо Стефана Баторія къ Ивану Грозному отъ 2-го августа 1581 года; оно исторически важно и характерно; но вотъ онъ подѣлился своимъ намѣреніемъ съ Гейденштейномъ, а тотъ опять-таки задержалъ его и отсовѣтовалъ печатаніе. Другихъ внушеній и нельзя ожидать отъ оффиціальнаго историка Московской войны, приступившаго къ своему труду съ предвзятымъ намѣреніемъ восхвалять Замойскаго.

Заручившись авторитетомъ Гейденштейна, Поссевино кромѣ того заявляетъ канцлеру, что въ случаѣ перевода комментаріевъ на другіе языки и даже въ предстоящемъ новомъ изданіи онъ готовъ сдѣлать надлежащія поправки. Къ чести іезуита замѣтимъ, что здѣсь прибавляется важная оговорка, хотя она и выражается единственнымъ словомъ: по возможности [2]). Безусловно подчиняться Замойскому, вслѣдъ за Гейденштейномъ, онъ не хотѣлъ, и, конечно, въ существенныхъ вопросахъ остался бы при своемъ.

Покончивъ съ своимъ общимъ оправданіемъ, Поссевино переходитъ къ упрекамъ, въ частности на него взведеннымъ. Если онъ намѣренно ихъ не сокращалъ, то они дошли до него не въ полности. Однако же главное было ему извѣстно. Свои жалобы Замойскій облекалъ отчасти въ политическую форму, обвиняя Поссевина въ раскрытіи государственныхъ тайнъ, какими онъ считалъ королевскую и свою переписку и

---

[1]) Поссевино въ своемъ письмѣ такъ выражается: erasis denique pauculis, quae cum Mosci, dum pax curaretur, objecissent, ille (Гейденштейнъ) censuit omittenda, librum misi typographo edendum....

[2]) Simulque curabo, ut... libri... ad limam Vestrae Dominationis Illustrissimae, quoad ejus fieri poterit, edantur.

вообще всѣ акты, относящіеся къ перемирію 1582 года. При этомъ обнаруживалась и маленькая человѣческая слабость. Въ числѣ изданныхъ Поссевиномъ актовъ находилось и довольно нескладное латинское посланіе, составленное по приказанію Замойскаго, хотя и не имъ самимъ. Ревнителю классическаго образованія было все-таки очень досадно, что изъ его канцеляріи вышла и по всему свѣту распространялась плохая оффиціальная бумага. Здѣсь государственная мудрость смахивала на научное самолюбіе.

Но Поссевина трудно было взять въ расплохъ. Онъ былъ человѣкъ предусмотрительный. Въ свое время, переговоривъ съ Баторіемъ, онъ получилъ отъ него разрѣшеніе на печатаніе актовъ перемирія 1582 года, о чемъ имѣлъ даже письменное удостовѣреніе. Лучшаго отвѣта нельзя было дать Замойскому. Только изъ вѣжливости Поссевино старался еще его успокоить на счетъ канцелярской невзгоды. Полководецъ во время похода или осады крѣпости,—писалъ онъ,—и не долженъ заботиться о такихъ пустякахъ; а то подумаютъ, пожалуй, что у него есть лишнее время на бездѣліе.

Изъ приведенной переписки видно, какъ относились къ историческому дѣлу даже просвѣщенные люди того времени. Но, упрекая ихъ въ недостаткѣ критическаго духа, не должно вдаваться въ другую крайность и XVI-му вѣку безпощадно примѣнять мѣрку XX-го.

П. Пирлингъ.

Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ

въ XV и XVI вѣкахъ.

XIII [1]).

Вопросъ о Тридентскомъ соборѣ.—Характеристика Іоанна IV.—Сношенія папы съ Москвою.—Цѣли, ими преслѣдуемыя.

25-го декабря 1559 г. на папскій престолъ былъ избранъ Пій IV Злобою дня въ Римѣ былъ, въ это время, вопросъ о Тридентскомъ соборѣ, засѣданія котораго уже прерывались дважды [2]). Католики, сознавая необходимость противодѣйствовать распространенію протестантства, настаивали на возобновленіи собора, въ надеждѣ, что его постановленія будутъ имѣть важные результаты для христіанскаго міра. Подготовительныя работы къ собору были возложены на племянника папы, кардинала Карла Борромея, прославившагося своими добродѣтелями. Человѣкъ обширнаго ума и строгой жизни, онъ былъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ истиннымъ представителемъ католической реакціи и пользовался при польскомъ дворѣ огромнымъ вліяніемъ. Борромей внесъ въ порученное ему дѣло всю энергію своего дѣятельнаго характера.

Согласно понятіямъ и нравамъ того времени, папа считалъ нужнымъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1903 г.

[2]) Засѣданія Тридентскаго собора, созваннаго въ Тріентѣ 13-го декабря 1545 г. императоромъ Карломъ V и папою Павломъ III, продолжались съ перерывами до 4-го декабря 1563 г. Надежда Карла V на возстановленіе церковнаго единства, нарушеннаго реформаціей, путемъ созыва этого собора не осуществилась. Но онъ имѣлъ чрезвычайно важное значеніе для окончательной формулировки догматовъ католической церкви и усиленія папской власти.

привлечь къ участію въ засѣданіяхъ вселенскаго собора не только духовныхъ лицъ, но и монарховъ католиковъ и диссидентовъ. Въ этомъ смыслѣ были начаты переговоры съ различными дворами, а въ мартѣ мѣсяцѣ 1561 г. было рѣшено отправить къ «герцогу московскому» съ приглашеніемъ особаго посла. Нынѣ, триста лѣтъ спустя, странно себѣ представить, что благочестивый кардиналъ приглашалъ къ участію въ соборѣ православнаго московскаго царя. Но современники, вѣроятно, смотрѣли на это иначе; ибо императоръ Фердинандъ I одобрилъ эту мысль; а Коммендоне, извѣстный римскій дипломатъ былъ увѣренъ, что результатъ этого посольства будетъ удачный и что царь окажетъ посланному по крайней мѣрѣ благосклонный пріемъ. Оставалось избрать посла и посовѣтоваться съ императоромъ, который интересовался успѣхомъ предпріятія, и съ королемъ польскимъ, который всегда желалъ быть освѣдомленъ о московскихъ дѣлахъ.

У папы имѣлось въ виду два кандидата: Захарій Дельфино, епископъ Ѳаросскій, уже аккредитованный при германскихъ владѣтельныхъ особахъ, съ цѣлью заинтересовать ихъ въ соборѣ, и Джіованни-Франческо Мацца-де-Канобіо. Папскія граматы были написаны на имя того и другаго въ двухъ экземплярахъ; окончательный выборъ было предоставлено сдѣлать папскому нунцію въ Вѣнѣ, кардиналу Гозіусу, пользовавшемуся полнымъ довѣріемъ св. отца.

Выборъ Гозіуса палъ на Канобіо, уроженца Болоньи, доктора Падуанскаго университета, который уже исполнялъ съ успѣхомъ весьма важныя дипломатическія порученія въ Венеціи, Пармѣ, Португаліи и Испаніи. Только что пріѣхавъ изъ Вѣны, гдѣ онъ торжественно вручилъ императору освященный папою мечъ и снискалъ живѣйшее расположеніе Гозіуса, Канобіо снова выѣхалъ изъ Рима 16-го апрѣля 1561 г. яко бы для того, чтобы отвезти венгерской королевѣ золотую розу, но въ сущности онъ везъ секретныя депеши, касавшіяся собора, и питалъ надежду быть посланнымъ въ Москву.

Въ исходѣ того же мѣсяца онъ уже былъ въ Вѣнѣ. При данныхъ обстоятельствахъ, по мнѣнію самого Борромео, въ Москву слѣдовало послать именно Канобіо. Императоръ на вопросъ Гозіуса отвѣчалъ, что онъ вполнѣ полагается на выборъ кардинала.

Такимъ образомъ, на Канобіо было возложено порученіе поднести Іоанну IV папскую буллу и грамату отъ 8-го апрѣля 1561 г. и пригласить его къ участію въ Тридентскомъ соборѣ, созванномъ главнымъ образомъ, съ цѣлью искоренить ереси и вернуть народы въ лоно истинной церкви. Съ согласія Пія IV Гозіусъ возложилъ на папскаго посла еще другаго рода порученіе.

Враждебныя отношенія между Польшею и Москвою въ это время настолько обострились, что они угрожали войною. Канобіо велѣно было

предложить свои услуги чтобы примирить монарховъ, сообразуясь, однако, во всемъ съ совѣтами и намѣреніями императора Фердинанда. По мнѣнію Гозіуса, на путевыя издержки Канобіо слѣдовало дать двѣ тысячи дукатовъ. Изъ Рима послѣдовало на это согласіе, хотя тамъ находили, что было бы достаточно и половины этой суммы.

Сама по себѣ мысль о вмѣшательствѣ папы для улаженія спора между Іоанномъ IV и королемъ польскимъ была не своевременна; обѣ стороны согласились на это посредничество лишь двадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ были пролиты потоки славянской крови и когда обѣимъ сторонамъ наскучило воевать.

Что касается порученія, даннаго Канобіо относительно собора, то, не смотря на прямоту и искренность папскихъ намѣреній, надобно признать, что папа лелѣялъ въ данномъ случаѣ самыя странныя и обманчивыя мечты.

Мы уже знаемъ, какую страшную бурю вызвало въ Москвѣ обнародованіе буллы Евгенія IV, какія анаѳемы были произнесены противъ кардинала Исидора и съ какимъ ожесточеніемъ тамъ нападали при этомъ на догматы католической церкви. Съ тѣхъ поръ теологическія воззрѣнія Кремля не измѣнились: ни бракъ Іоанна III съ Зоей Палеологъ, въ которомъ принималъ участіе кардиналъ Виссаріонъ, ни посольства, коими обмѣнялись папы и Василій III, не измѣнили взглядовъ москвитянъ; среди нихъ все еще царствовалъ византійскій духъ оппозиціи и вражды къ католикамъ, коими былъ одушевленъ и самъ митрополитъ Макарій, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его сочиненія и его дѣйствія.

Поэтому не было ни малѣйшаго основанія предполагать, что въ Москвѣ отнесутся болѣе сочувственно къ Тридентскому, нежели къ Флорентійскому собору.

Въ ту мрачную эпоху, которая настала тогда на Руси, ко всякому подобнаго рода предложенію должны были отнестись въ Москвѣ не иначе, какъ съ величайшимъ негодованіемъ. Іоаннъ уже не былъ въ то время монархомъ который дорожилъ счастьемъ своего народа и старался искупить свои прежнія ошибки какими либо подвигами; въ немъ совершилась глубокая и прискорбная перемѣна измѣнившая его до неузнаваемости.

Вслѣдствіе какого-то сложнаго душевнаго процесса, который не поддается анализу, въ душѣ царя, оплакивавшаго преждевременную кончину Анастасіи, обманутаго боярами, боявшагося утратить свою власть, проснулись снова всѣ дурные инстинкты его юныхъ лѣтъ. Относясь подозрительно къ окружающимъ, онъ удалилъ отъ двора своихъ наилучшихъ совѣтниковъ, попа Сильвестра и Алексѣя Адашева. Мало-помалу были устранены и всѣ ихъ приверженцы, коихъ замѣнили недо-

стойные фавориты. Басмановъ со своимъ юнымъ сыномъ Ѳедоромъ, надъ которымъ тяготѣютъ самыя ужасныя подозрѣнія, Бѣльскій, Воеводскій. Василій Грязной, Малюта Скуратовъ,—таковы были люди, окружавшіе Іоанна съ тѣхъ поръ, какъ онъ предался разврату, оргіямъ, и убійствамъ. Кремль совершенно преобразился; къ великому соблазну бояръ въ немъ то и дѣло происходили шумныя пиршества, маскарады, похотливые танцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Іоанномъ овладѣла неистовая страсть къ разрушенію, какъ будто въ немъ разнуздались долго сдерживаемыя кровожадныя страсти, которыми онъ не могъ насытиться. Мучимой угрызеніями совѣсти, Іоаннъ совершалъ покаянные обряды, но въ его рукѣ то и дѣло поднимался топоръ, и число жертвъ пріумножалось. Съ этихъ поръ отличительною его чертою сдѣлалась неистовая жажда крови, смѣнявшаяся трубымъ мистицизмомъ.

Первыя казни, повергшія Москву въ ужасъ, относятся къ 1561 г., т. е. къ тому именно времени, когда Канобіо, ничего не подозрѣвая, употреблялъ всѣ усилія, чтобы проникнуть въ Россію.

Ему такъ же трудно было разсчитывать на успѣхъ у Іоанна IV, какъ и на сочувствіе польскаго двора, но за то императоръ Фердинандъ I одобрялъ его предпріятіе и всячески готовъ былъ помочь его осуществленію; Канобіо, повидимому, снискалъ его довѣріе и пользовался вполнѣ его покровительствомъ. Еще по пути въ Вѣну Канобіо остановился въ Инспрукѣ, чтобы повидать дочерей императора, которыя жили въ этомъ городѣ какъ монахини. Онъ былъ посвященъ въ щекотливые семейныя дѣла, о которыхъ велись переговоры съ Польшею, и состоялъ впослѣдствіи долгое время въ перепискѣ съ Фердинандомъ. Но ему нельзя было злоупотреблять покровительствомъ императора, такъ какъ это могло возбудить подозрительность недовѣрчиваго Сигизмунда. Отношенія между обоими дворами, которыя зачастую были натянуты, въ то время обострились: къ великому неудовольствію императора, одинъ изъ племянниковъ Сигизмунда домогался венгерской короны; а самъ Сигизмундъ, охладѣвшій къ своей болѣзненной супругѣ, жестоко оскорблялъ этимъ родительскія чувства Фердинанда. Добиться чего-нибудь отъ короля польскаго могъ скорѣе всего кардиналъ Гозіусъ. Ему, какъ поляку и представителю папы, горячему патріоту и человѣку преданному папскому престолу, болѣе всего приличествовала роль посредника между папою и королемъ.

И, дѣйствительно, онъ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы уладить дѣло, и познакомилъ Канобіо съ посланникомъ Сигизмунда въ Вѣнѣ, Мартиномъ Кромеромъ, который былъ его закадычнымъ другомъ. Разсмотрѣвъ документы, которые везъ Канобіо, Кромеръ написалъ королю донесеніе въ благопріятномъ для него смыслѣ и кромѣ того далъ Кано-

біо рекомендательное письмо, въ которомъ онъ отзывался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ его осторожности и способностяхъ.

Въ исходѣ мая Канобіо пріѣхалъ въ Краковъ, но Сигизмундъ, дѣятельно занятый приготовленіями къ войнѣ, былъ уже въ это время въ Вильно. Это создавало новое затрудненіе, ибо въ то время, когда король польскій находился въ столицѣ Литвы, иностранные дипломаты имѣли къ нему доступъ не иначе, какъ получивъ на то особое разрѣшеніе, и Канобіо, чтобы не нарушать правилъ этикета, приходилось потерять нѣсколько дней.

Нунцій Бернардъ Бонджіованни, къ которому онъ обратился за разрѣшеніемъ, высказался сначала за точное соблюденіе этикета и въ этомъ смыслѣ написалъ въ Вильно; однако, послѣ свиданія съ канцлеромъ Осѣцкимъ онъ измѣнилъ свое мнѣніе; но тутъ подоспѣлъ и отвѣтъ короля.

Сигизмундъ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ отозвавшійся о Москвѣ, обѣщалъ, однако, папскому послу милостивый пріемъ и даже какъ будто былъ доволенъ пріѣзду Канобіо, а нунцій, напутствуя его разными дипломатическими совѣтами, особенно настаивалъ на томъ, чтобы Канобіо въ бесѣдѣ съ королемъ не упоминалъ о сочувствіи, оказанномъ ему императоромъ. Къ сожалѣнію, депеши, полученныя отъ Кромера, сдѣлали эти благоразумные совѣты безполезными. Предугадывая съ какой стороны папскій посолъ могъ встрѣтить особое противодѣйствіе, Бонджіованни далъ Канобіо письмо къ заклятому врагу Москвы;—Радзивиллу, прозванному Чернымъ, вліяніе котораго при польскомъ дворѣ съ приближеніемъ войны замѣтно усилилось.

Получивъ инструкціи, папскій посолъ выѣхалъ въ Вильно 16-го іюня 1561 г. Его сопровождалъ монахъ-доминиканецъ; оба они были одушевлены самыми радужными надеждами, которыя кардиналъ Гозіусъ однако, не раздѣлялъ, ибо Сигизмундъ, отвѣчая ему на письмо, предупреждалъ его, что всѣ дороги были заняты войскомъ и что военныя дѣйствія могли помѣшать сообщеніямъ. Это совершенно не согласовалось съ успокоительными рѣчами Осѣцкаго. Тонъ, какимъ король говорилъ о предстоявшихъ посланному препятствіяхъ, внушилъ Гозіусу опасеніе, что Канобіо никогда не увидитъ Бѣлокаменной.

Вначалѣ эти опасенія показались Канобіо преувеличенными, ибо король отнесся къ нему столь благосклонно и милостиво, что посолъ разсчитывалъ въ скоромъ времени уѣхать въ Москву. Однако, Сигизмундъ не далъ ему на это разрѣшенія, рѣшивъ посовѣтоваться предварительно съ польскими и литовскими сенаторами, для чего онъ задержалъ Канобіо на нѣсколько дней въ Вильно.

Эта задержка оказалась для него пагубной; оппозиція почерпнула въ этомъ новыя силы, чтобы помѣшать осуществленію плана, который

ей не нравился. Всѣ попытки, которыя дѣлались Москвою для сближенія съ Западомъ, возбуждали обыкновенно сильное неудовольствіе поляковъ; литовцы протестанты были недовольны вмѣшательствомъ въ это дѣло Рима; самъ король, какъ мы видѣли, также не одобрялъ этого. Къ тому же, по словамъ нунція, Канобіо отчасти былъ и самъ виноватъ въ печальномъ исходѣ дѣла.

По пріѣздѣ въ Вильно онъ не ограничился исполненіемъ своихъ дипломатическихъ порученій, а то и дѣло посѣщалъ австрійское посольство и удалялся отъ Радзивилла. Кромѣ того, онъ не скрывалъ своихъ симпатій къ королевѣ Екатеринѣ, что̀ задѣло за живое легкомысленнаго Сигизмунда, который легко могъ принять его за агента императора. Радзивиллъ сумѣлъ какъ нельзя лучше воспользоваться этими обстоятельствами; его шпіоны сообщали ему обо всѣхъ дѣйствіяхъ Канобіо, а онъ, въ свою очередь, доносилъ обо всемъ королю, который волновался, и не давалъ Канобіо окончательнаго отвѣта. Въ Вильно нашелся только одинъ человѣкъ, который рѣшился вступить въ борьбу съ Радзивилломъ; это былъ вице-канцлеръ Падневскій, только-что передъ тѣмъ назначенный епископомъ краковскимъ, онъ одобрялъ планъ, выработанный въ Римѣ. Радзивиллъ, понявъ, что для того, чтобы повліять на короля, нужно было разыграть комедію, поспѣшилъ отправить курьера въ Вѣну, гдѣ у него были услужливые друзья, отъ которыхъ онъ получилъ о Канобіо самыя компрометтирующія свѣдѣнія. Ему писали, что Канобіо имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ Фердинандомъ и получилъ отъ него инструкціи; по словамъ этихъ лицъ, можно было ожидать со стороны императора какой-нибудь западни и слѣдовало принять мѣры предосторожности. Падневскій имѣлъ по этому поводу съ королемъ бурное объясненіе. Заподозрѣвъ тайное соглашеніе между Вѣною и Римомъ, Сигизмундъ осыпалъ вице-канцлера упреками. Но Падневскій этимъ не смутился; онъ выразилъ сомнѣніе въ правдивости донесеній, полученныхъ изъ весьма сомнительныхъ источниковъ, и такъ искусно защитилъ Канобіо, что въ Вѣну былъ посланъ второй курьеръ съ порученіемъ разспросить уже не друзей Радзивилла, а Мартина Кромера, оффиціальнаго представителя короля; отвѣтъ получился, разумѣется, успокоительный.

Тогда въ Вильно начались бурныя пренія. Радзивиллъ стоялъ на своемъ, ссылался на бывшія дипломатическія осложненія, на положеніе Литвы, которая, какъ ближайшая сосѣдка Москвы, первая могла подвергнуться нападенію съ ея стороны. Падневскій, съ своей стороны, настаивалъ на необходимости не портить отношеній къ Риму, такъ какъ разрывъ съ папою могъ отразиться на судьбѣ католицизма въ Польшѣ, гдѣ и безъ того развивались всякія ереси. Въ виду этихъ разногласій въ мнѣніяхъ, положеніе короля было весьма затруднительно; онъ не

зналъ, на что рѣшиться; ему не хотѣлось сдѣлать угодное ни Москвѣ ни Австріи, ни порвать открыто связи съ папскимъ престоломъ. Канобіо, измученный полуторамѣсячнымъ пребываніемъ при иностранномъ дворѣ, гдѣ его томило бездѣйствіе, требовалъ окончательнаго рѣшенія.

Посовѣтовавшись еще разъ съ окружающими, Сигизмундъ заявилъ Канобіо рѣшительно, что онъ не можетъ дать своего согласія на его поѣздку въ Москву, такъ какъ въ военное время иностраннымъ посламъ не разрѣшается проѣзжать черезъ Литву. Въ то же время онъ горячо увѣрялъ Канобіо въ своей преданности папскому престолу. Отговорка найдена была удачно; Канобіо пытался оспаривать эти доводы, но Сигизмундъ былъ непреклоненъ.

— Если разрѣшить проѣздъ въ Москву папскому послу,—говорилъ онъ,—то нельзя будетъ отказать въ этомъ посланнымъ протестантскихъ монарховъ, которые также хотятъ завязать сношенія съ Москвою, а это не понравится ни королю, ни папѣ.

Спорить было безполезно. Желая какъ-нибудь смягчить свой отказъ, Сигизмундъ написалъ, 10-го сентября, собственноручное письмо кардиналу Фарнезе, протектору Польши, а два дня спустя—самому папѣ, объясняя мотивы своего рѣшенія. Ссылаясь, главнымъ образомъ, на обычаи страны, онъ высказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое глубокое убѣжденіе, что отъ Іоанна ничего не удалось бы добиться; что царь, коего грубость, варварскіе взгляды и ненависть къ латинянамъ ему извѣстны, никогда не послалъ бы своего уполномоченнаго въ Тріентъ.

Канобіо приписывалъ свою неудачу, съ одной стороны, зловредному вліянію протестантовъ, коихъ было большинство среди литовскихъ сенаторовъ, а съ другой—робости защитниковъ папскаго посла. Но дѣлать было нечего, пришлось покориться. Посланный Пія IV, выѣхалъ 19-го августа въ Кенигсбергъ. Но и это ему разрѣшили съ трудомъ, изъ боязни, чтобы онъ не проѣхалъ оттуда въ Москву. Въ Пруссіи ему также точно не удалось ничего добиться, какъ и въ Польшѣ. Хотя престарѣлый герцогъ Альбертъ принялъ его любезно, но онъ рѣшительно и даже въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ отказался принять участіе въ засѣданіяхъ собора.

Что касается папы, по желанію котораго Канобіо былъ посланъ въ Москву, то, приглашая Іоанна къ участію въ Тридентскомъ соборѣ болѣе для очистки совѣсти, онъ не желалъ дѣлать непріятное королю польскому и нунцію было даже разрѣшено помѣшать дальнѣйшему путешествію Канобіо, ежели бы король Сигизмундъ не одобрилъ его.

Такимъ образомъ, вопросъ по существу былъ рѣшенъ отрицательно, хотя онъ вызвалъ еще нѣкоторыя объясненія дипломатическаго характера. Въ Римѣ были огорчены тѣмъ, что король польскій такъ легко поддавался неосновательнымъ подозрѣніямъ, и нунцій, имѣвшій въ

январѣ мѣсяцѣ 1562 г. аудіенцію у короля въ Ломжѣ, счелъ нужнымъ коснуться этого вопроса и разсѣять непріятное впечатлѣніе, произведенное на короля пріѣздомъ Канобіо. Самъ папа подтвердилъ королю письменно, что Канобіо было поручено только пригласить Іоанна IV на Тридентскій соборъ и что это не имѣло бы для Польши никакихъ непріятныхъ послѣдствій.

Сигизмундъ не раздѣлялъ этого взгляда; онъ радовался тому, что Канобіо не попалъ въ Москву, и остался въ этомъ случаѣ вѣренъ своей традиціонной политикѣ, а папа, съ своей стороны, не отказался отъ своихъ намѣреній.

Въ началѣ 1560 г. въ Римъ прибылъ новый венеціанскій посланникъ, Маркъ-Антоній да-Мула. Посвященный во всѣ тайны политики, онъ игралъ, до назначенія своего посланникомъ къ папскому двору, видную роль при дворѣ Карла V и Филиппа II.

Какъ ловкій дипломатъ, онъ снискалъ въ скоромъ времени въ Римѣ всеобщее сочувствіе и удостоился лестной награды. Папа пожаловалъ ему, мірянину и человѣку пятидесяти лѣтъ, санъ епископа, безъ вѣдома и согласія Венеціанской республики. Это было явнымъ нарушеніемъ закона, по которому ни одинъ гражданинъ Венеціи не имѣлъ права получать бенефицій и подарковъ отъ иностранныхъ монарховъ. Правило это не допускало исключеній. Послѣ долгихъ переговоровъ Пій IV согласился отмѣнить это назначеніе, но за то Мула былъ возведенъ имъ 26-го февраля 1561 г. въ кардинальскій санъ.

Это вызвало въ Венеціи страшный переполохъ. Гордая Венеціанская республика не позволяла никому располагать своими подданными, хотя бы для того, чтобы оказать имъ какое-либо отличіе. На этотъ разъ переговоры съ папой не повели ни къ чему. Въ видѣ возмездія венеціанцамъ было запрещено торжественно привѣтствовать новаго кардинала. Посланникомъ въ Римъ было назначено другое лицо, которому было воспрещено посѣщать Мулу.

Не смотря на все стараніе папы загладить прошлое и убѣдить Венеціанскую республику въ томъ, что все это сдѣлалось безъ всякихъ происковъ со стороны Мулы, отношеніе къ нему правительства осталось неизмѣнно враждебнымъ.

— Это человѣкъ лукавый,—говорилъ о немъ папѣ новый посланникъ Джіакомо Соранцо;—онъ извѣстенъ, какъ таковой въ Венеціи; надобно только желать, чтобы онъ не измѣнилъ вашему святѣйшеству точно такъ же, какъ онъ измѣнилъ своему отечеству.

— Что за измѣна,—отвѣчалъ папа;—ужъ не вздумаетъ-ли онъ отравить меня?

Но посланникъ настаивалъ съ таинственнымъ видомъ на необходимости быть осторожнымъ и увѣрялъ папу въ преданности дожа нап-

скому престолу. Эти дипломатическіе навѣты не поштатнули, однако, положеніе Мулы; папа по-прежнему совѣтовался съ нимъ, осыпалъ его милостями, назначилъ его состоять при Ватиканской библіотекѣ и поручилъ ему завѣдывать спеціально дѣлами Тридентскаго собора и антитоманской лиги.

По его настоянію, или, по крайней мѣрѣ, по его совѣту, было рѣшено отправить въ Москву новое посольство.

Это было въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1561 г. Неудача, постигшая Канобіо заставляла папу дѣйствовать осторожнѣе и считаться съ Польшею. Было рѣшено держать дѣло въ глубокой тайнѣ. Съ Венеціей папа также не могъ войти ни въ какое соглашеніе, такъ какъ Мула былъ въ немилости у своего правительства. Папа рѣшилъ дѣйствовать на свой страхъ и хотя дѣломъ руководилъ венеціанецъ, но онъ дѣйствовалъ исключительно отъ имени папы и подъ его руководствомъ.

При этихъ условіяхъ, надобно было избрать посломъ въ Москву человѣка ловкаго, который съумѣлъ бы найтись во всякомъ положеніи. Выборъ кардинала палъ на одного изъ его соотечественниковъ Джіованни Джиральди, который раньше служилъ у него. Этотъ италіанецъ зналъ польскій и нѣмецкій языки, что было большою рѣдкостью въ шестнадцатомъ вѣкѣ, и, повидимому, было главною причиною его назначенія.

Цѣль его миссіи была та же, что и прежде. Джиральди долженъ былъ поднести царю папскую буллу съ приглашеніемъ принять участіе въ Тридентскомъ соборѣ и грамоту Пія IV, которая до насъ не дошла.

Изъ инструкцій, данныхъ послу, видно, что этотъ разъ было рѣшено дѣйствовать тайно, не посвящая въ дѣло ни императора Фердинанда, ни короля польскаго и не прося у нихъ поддержки. Прибывъ тайно въ Москву, Джиральди долженъ былъ лично изложить дѣло самому царю.

Тотъ, кто писалъ эти инструкціи, видимо былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что посла ожидалъ въ Москвѣ успѣхъ; его заботила только Польша, которая могла и этотъ разъ помѣшать осуществленію плановъ папы. Поэтому Мула совѣтовалъ русскимъ отправиться на соборъ тайкомъ, переодѣтыми, ѣхать моремъ до Голландіи, откуда имъ уже будетъ легко добраться до Тріента. Джиральди было дозволено, если понадобится, остаться въ Россіи. Въ заботахъ о будущемъ, венеціанцу было предписано навербовать нѣсколько юношей и привезти ихъ въ Римъ, гдѣ они изучили бы латинскій языкъ и познакомились бы съ обрядами католической церкви, а затѣмъ вернулись бы въ Москву и служили бы отечеству своими талантами и знаніемъ.

Особенностью этихъ инструкцій было то, что Іоаннъ названъ въ нихъ королевскимъ величествомъ. Въ глазахъ папы королевскій ти-

тулъ былъ могучимъ средствомъ привлечь великаго князя къ папскому престолу; поэтому на первый взглядъ кажется страннымъ, что эта честь была оказана Іоанну, безъ всякаго повода, тѣмъ болѣе, что въ послѣдующихъ документахъ снова появляется прежній великокняжескій титулъ. Въ этомъ отношеніи инструкціи, данныя Джиральди, являются единственными въ своемъ родѣ.

Каковъ былъ результатъ этой миссіи? былъ ли Джиральди счастливѣе Канобіо и удалось-ли ему пробраться въ Москву? Онъ самъ разсказалъ свои похожденія Поссевину, когда тотъ, бывъ посланъ Григоріемъ XIII къ Іоанну IV, останавливался по пути на нѣсколько дней въ Венеціи. Вотъ какъ передаетъ объ этомъ Поссевинъ.

«Нѣкто Джіованни Джиральди, венеціанецъ, знающій нѣмецкій и польскій языки, явился ко мнѣ и разсказалъ, что при Піѣ IV онъ былъ посланъ въ Москву кардиналомъ Мулою по повелѣнію его святѣйшества; но что ни поляки, ни король Сигизмундъ не согласились пропустить его черезъ границу изъ опасенія, чтобы папскій престолъ не учинилъ такимъ образомъ какихъ-либо козней Польшѣ. Тогда онъ вернулся обратно, чтобы проѣхать черезъ Ливонію, но такъ какъ, въ силу разныхъ препятствій, ему не удалось проѣхать въ Москву, то онъ былъ вынужденъ возвратиться въ Италію такъ же точно, какъ это случилось съ Канобіо, который посылался нѣкогда съ тою же цѣлью въ Россію».

Такимъ образомъ, результатъ миссіи Джиральди былъ точно также неудаченъ; что касается подробностей, то объ нихъ ничего не извѣстно. Хотя инструкціи, данныя Джиральди, помѣчены 1561 г., но о немъ упоминается въ бумагахъ польскаго нунція Коммендоне впервые въ 1564 г. Къ величайшему его изумленію, нунцій узналъ однажды, что въ Польшѣ былъ перехваченъ пакетъ съ шифрованными депешами и посланіемъ папы къ Іоанну IV. Джиральди, везшій эти документы, отсидѣлъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ и, будучи выпущенъ, утверждалъ, что вся корреспонденція находилась въ рукахъ короля, а отъ дальнѣйшихъ объясненій отказался. Сигизмундъ былъ глубоко возмущенъ этимъ обвиненіемъ; а нунцій, не зная что думать, выразилъ кардиналу Борромео, въ депешѣ отъ 3-го января 1564 г., желаніе знать это дѣло подробно. Что отвѣтилъ ему кардиналъ, не извѣстно, такъ какъ его отвѣтъ не сохранился.

Три мѣсяца спустя, 5-го апрѣля, нунцій возвращается въ своихъ письмахъ къ этому предмету и говоритъ:

«Что касается меня, то я не вижу особой бѣды въ томъ, если король убѣдится, что папа можетъ когда-либо вступить самостоятельно въ сношенія съ Москвою. Этимъ дѣломъ, быть можетъ, стоило бы заняться».

Въ дальнѣйшихъ письмахъ Коммендоне не упоминается болѣе о миссіи въ Москву. Впрочемъ, когда засѣданія Тридентскаго собора прекратились въ 1563 г., то самъ собою исчезъ главный поводъ вести объ этомъ дальнѣйшіе переговоры. Что касается Джиральди, то его преслѣдовали неудачи.

Въ томъ же 1564 г., когда онъ едва избѣгнулъ тюрьмы въ Польшѣ, онъ былъ заключенъ въ тюрьму въ Венеціи. Передъ тѣмъ онъ былъ въ Римѣ и получилъ новыя инструкціи отъ Мулы. Это обстоятельство возбудило подозрѣніе венеціанскаго правительства, еще болѣе усилившееся, когда у Джиральди нашли папскую грамату и записку, составленную венеціанскимъ кардиналомъ. Грамоту сенаторы передали нунцію, увѣривъ его, что они не ознакомились съ ея содержаніемъ, но записка сдѣлалась въ ихъ рукахъ грознымъ обвинительнымъ документомъ. Было начато слѣдствіе о заговорѣ, составленномъ будто бы Мулою. Джиральди удалось вполнѣ оправдаться, и въ 1580 г. онъ благополучно проживалъ въ Венеціи, пользовался полнымъ довѣріемъ сената и занимался переводомъ русскихъ писемъ. Въ слѣдующемъ году онъ сообщилъ Поссевину выше приведенный разсказъ о своихъ приключеніяхъ; о дальнѣйшей его судьбѣ ничего не извѣстно.

Хотя Пію IV такъ и не удалось пригласить московскаго царя на Тридентскій соборъ, но онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, сообщить Іоанну постановленія этого собора и нашелъ для этой цѣли вполнѣ подходящаго посредника. Еще въ 1561 г. францисканскій монахъ Бонифаціо, уроженецъ Рагузы, окончившій курсъ въ Парижскомъ университетѣ и знакомый съ языками, просилъ у папы позволенія отправиться миссіонеромъ въ Венгрію, Трансильванію, Польшу и Московію. Возведенный въ 1564 г. въ санъ епископа, онъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ Тридентскаго собора, по окончаніи котораго Пій IV поручилъ ему отправиться въ Москву сообщить Іоанну принятыя на немъ постановленія и разузнать его намѣренія относительно лиги. Папская грамата къ царю помѣчена 10-мъ іюля 1565 г. Упомянувъ вкратцѣ о томъ, что военныя дѣйствія задержали въ пути Канобіо и что Джиральди также не удалось выполнить возложенную на него тайную миссію, папа настоятельно рекомендовалъ Іоанну епископа Бонифаціо.

Удалось ли новому папскому послу исполнить повелѣніе Пія IV, объ этомъ въ современныхъ дипломатическихъ документахъ не говорится ни слова, но любопытно, что Пій IV былъ самаго благопріятнаго мнѣнія объ Іоаннѣ IV и считалъ его одушевленнымъ самой ревностной вѣрой и не имѣвшимъ ничего общаго съ еретиками. Этотъ взглядъ раздѣлялся и его преемникомъ Піемъ V, который также рѣшилъ сдѣлать попытку къ сближенію съ Москвою.

XIV.

Папа Пій V.—Война Турціи съ Венеціанскою республикою.—Старанія папы образовать союзъ противъ турокъ.—Переговоры съ Москвою.—Характеристика Іоанна Грознаго.—Посылка Новосильцова въ Константинополь.—Отношенія Россіи къ Польшѣ.—Лига противъ турокъ.—Богословскій споръ Іоанна съ Рокитою.—Нашествіе крымскаго хана на Москву.

Всѣ три вышеупомянутыя посольства были вызваны, главнымъ образомъ, желаніемъ папы привлечь москвитянъ къ участію въ Тридентскомъ соборѣ. По окончаніи его, папская политика вступила, по отношенію къ Москвѣ, на тотъ традиціонный путь, по которому слѣдовали Левъ X, Адріанъ VI и Климентъ VII.

Пію V, сопричисленному впослѣдствіи къ лику святыхъ, было предназначено судьбою нанести ударъ могуществу турокъ. Это былъ типъ монаха, возсѣдавшаго на папскомъ престолѣ. Всѣ юные годы его прошли въ монастырскихъ стѣнахъ, гдѣ подъ вліяніемъ строгой дисциплины и серьезныхъ занятій наукою выработался его суровый, непреклонный характеръ и строго аскетическій взглядъ на жизнь. Съ теченіемъ времени, эти черты опредѣлились еще рѣзче, и онъ не отступалъ передъ самыми строгими мѣрами для поддержанія дисциплины и упроченія вѣры; въ борьбѣ же съ исламомъ онъ проявилъ такой воинственный, почти юношескій пылъ, который поражалъ всѣхъ въ этомъ убѣленномъ сѣдинами и изможденномъ физическими недугами старцѣ.

Въ исходѣ шестнадцатаго вѣка христіанскій міръ былъ взволнованъ слухами о предстоявшей неминуемо войнѣ съ турками.

При султанѣ Сулеймановѣ границы Турціи были отодвинуты на востокъ до крѣпости Ванъ (въ Арменіи), а на западѣ до Бѣлграда и Грана; на югѣ Турція также расширила свои владѣнія на счетъ варварскихъ племенъ.

Его преемникъ Селимъ II не настолько изнѣжился въ гаремѣ, чтобы оставить всякія мечты о завоеваніяхъ. Предметомъ его особыхъ вожделѣній былъ островъ Кипръ съ его голубымъ небомъ, роскошной растительностью, ароматными винами, оливковымъ масломъ и медомъ, соляными копями, мѣдными рудниками и розсыпями драгоцѣнныхъ камней.

Желаніе завладѣть этимъ островомъ зародилось у него подъ вліяніемъ португальскаго еврея, Іосифа Нази, который доставлялъ султану венеціанскіе дукаты и, вопреки предписаніямъ Корана, самыя лучшія кипрскія вина, рисуя ему въ то же время соблазнительный планъ завоеванія Кипра.

Селимъ поддался его убѣжденіямъ. Онъ уже успѣлъ умиротворить Венгрію и подавить возстаніе въ Іеменѣ. Когда до его свѣдѣнія дошло

о страшномъ бѣдствіи, постигшемъ Венецію: у нея сгорѣлъ въ это время обширный арсеналъ, и она долго не могла оправиться отъ этого несчастія, султанъ счелъ моментъ подходящимъ для объявленія войны и заявилъ свои притязанія на островъ Кипръ. Республика святаго Марка, владѣвшая имъ съ 1489 г., легко могла доказать свои права на этотъ островъ, но у нея не было времени для переговоровъ. 13-го января 1570 г. венеціанскій посланникъ въ Константинополѣ Маркъ-Антоній Барбаро былъ посаженъ въ тюрьму; венеціанскія суда, стоявшія на якорѣ въ турецкихъ портахъ, были секвестрованы и въ Средиземномъ морѣ появились знаменитые турецкіе корсары, а на границахъ Далматіи турецкіе разбойники. Не могло быть сомнѣнія: турки объявили войну Венеціанской республикѣ.

Это повергло всѣхъ въ величайшее смятеніе и ужасъ, такъ какъ всѣмъ еще была памятна кровопролитная осада Мальты. Опасность угрожала одинаково всѣмъ державамъ; никто не могъ предугадать, каковы будутъ послѣдствія войны, если она окончится не въ пользу христіанъ; нельзя было предвидѣть, какими завоеваніями удовольствуется врагъ, поклявшійся истребить христіанскій міръ. Надобно было какъ можно скорѣе думать о защитѣ; ею долженъ былъ руководить глава христіанской церкви, ибо полумѣсяцъ ополчился противъ креста; Магометъ оспаривалъ у Христа владычество надъ міромъ.

Пій V энергично взялся за дѣло. Его давно уже занимала мысль о всемірной лигѣ противъ турокъ. При приближеніи опасности, онъ съ удвоенною энергіей сталъ искать союзниковъ, вооружать на свои средства галеры, взывалъ ко всѣмъ преданнымъ сынамъ католической церкви, неустанно велъ переговоры со многими западными монархами и даже съ нѣкоторыми восточными владѣтелями, съ цѣлью соединить ихъ подъ общимъ знаменемъ противъ турокъ. Въ то же время онъ старался сблизиться съ Москвою. Это было вполнѣ естественно, ибо опасность была такъ велика и казалась всѣмъ такою близкою, что нужно было вездѣ искать сочувствія съ надеждою на успѣхъ. Венеція была готова дѣйствовать въ томъ же смыслѣ. Совѣтъ десяти, основываясь на словахъ греческаго эмигранта Малаксоса, надѣялся возбудить возстаніе въ Морѣ; въ эти происки рѣшено было посвятить константинопольскаго патріарха Чтобы войти съ нимъ въ сношеніе, венеціанское правительство обратилось къ польскому нунцію, какъ къ старинному другу, съ просьбою переслать ему венеціанскія депеши черезъ посредство «московскаго короля», котораго Венеція также призывала къ борьбѣ противъ турокъ. Но эти депеши не дошли по назначенію.

Въ Римѣ въ это время также возлагали большія надежды на Москву, и папа былъ самаго благопріятнаго мнѣнія о москвитянахъ и ихъ царѣ. Переговоры, которые велись между Римомъ и Москвою въ 1550—

1551 гг., вполнѣ оправдывали эти радужныя надежды; и хотя оба папскіе посла, которые были посланы послѣ этого къ Іоанну IV, не доѣхали до Россіи, но въ этомъ, оба раза, былъ виною король польскій, не пропустившій ихъ черезъ свои владѣнія. Такимъ образомъ, благопріятное впечатлѣніе, произведенное на папу предложеніями Штейнберга, сохранилось въ полной силѣ. Позднѣйшія оффиціальныя сношенія поддерживали это пріятное заблужденіе папы. Такъ, папскій нунцій въ Польшѣ, Джіуліо Рудджіери, по возвращеніи въ Римъ въ 1568 г., писалъ въ отчетѣ, представленномъ папѣ, что русскій царь относится враждебно къ лютеранамъ и, быть можетъ, скорѣе согласится на унію съ католической церковью, если бы была возможность разъяснить ему ея догматы. Что касалось политики, то Рудджіери не скрывалъ, что между поляками и москвитянами существовала вражда, и прочный миръ, по его словамъ, былъ невозможенъ; самое бо̀льшее, если можно было разсчитывать на заключеніе перемирія на нѣсколько лѣтъ.

Вся совокупность этихъ фактовъ произвела сильное впечатлѣніе на Пія V, человѣка въ высокой степени практичнаго, и послужила для него указаніемъ, какъ ему надлежало дѣйствовать, чтобъ достигнуть намѣченной цѣли. Согласно съ этимъ, вновь назначенному въ Польшу нунцію, Викентію дель Портико (Vintcent del Portico), было велѣно прежде всего примирить Іоанна IV съ Сигизмундомъ-Августомъ, въ виду того, что папа хотѣлъ отправить въ Москву своего посла для заключенія союза съ турками. Война, возгорѣвшаяся вслѣдъ за тѣмъ изъ-за Кипра, заставила папу еще болѣе желать сближенія съ Москвою, и имъ были начаты по этому поводу дипломатическіе переговоры.

Папскому нунцію въ Польшѣ, который долженъ былъ служить посредникомъ въ сношеніяхъ съ Москвою, были посланы новыя, настоятельныя инструкціи, въ которыхъ Пій V излилъ всю свою душу. Во-первыхъ, папа выражалъ желаніе, чтобы Портико отправился, если возможно, самъ въ Москву и изложилъ царю откровенно положеніе дѣлъ. Упомянувъ о томъ, что посольства, посланныя въ Римъ при Павлѣ III и Юліи III, оставили по себѣ самое пріятное воспоминаніе, папа выражалъ желаніе знать, имѣли-ли послы надлежащія полномочія и былъ-ли царь одушевленъ тѣми же чувствами, какъ прежде. Преемникъ св. Петра, заботясь о спасеніи душъ, выражалъ готовность, съ своей стороны, послать въ Москву епископовъ и проповѣдниковъ. Изъ предосторожности нунція предупреждали, чтобы онъ говорилъ о религіи въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и не касался спорныхъ догматическихъ вопросовъ, если только царь самъ не затронетъ ихъ. Очевидно, папа считалъ Іоанна гораздо болѣе свѣдущимъ въ богословіи, нежели то было на самомъ дѣлѣ. Что касалось проекта лиги противъ Турціи, то нунцію повелѣвалось изложить его подробно, подать царю надежду исторгнуть Святую землю

изъ рукъ «этой собаки и кровожаднаго тирана», напомнить о проектѣ союза между Римомъ, Венеціей и Испаніей, просить царя двинуть войско противъ турокъ на слѣдующій годъ вмѣстѣ съ императоромъ и королемъ польскимъ, и, произведя большую диверсію въ Венгріи, способствовать этимъ дѣйствію христіанскаго флота въ Средиземномъ морѣ. Въ припискѣ къ этому письму шифрованными буквами было написано:

«Московскій царь выразилъ, какъ слышалъ его святѣйшество, желаніе получить слѣдующія милости и привилегіи: королевскій титулъ, священниковъ для наставленія русскихъ въ правилахъ католической вѣры, артистовъ и ремесленниковъ и нѣкоторыя другія вещи; если все это правда, то ваше преподобіе можете упомянуть объ этомъ».

Къ этимъ инструкціямъ было приложено письмо къ Іоанну, въ коемъ были высказаны тѣ же мысли, но въ иной формѣ и въ обратномъ порядкѣ; на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о войнѣ.

Чтобы убѣдить царя въ необходимости воевать съ Турціей, папѣ лучше было бы упомянуть о подвигахъ великаго визиря, неутомимаго Магомеда Соколли, который совершилъ въ это время опасную для Москвы стратегическую операцію, двинувшись съ войскомъ къ устьямъ Дона и Волги.

Получивъ папскія депеши, нунцій былъ, вѣроятно, глубоко изумленъ и, быть можетъ, даже пораженъ ими. Лучше освѣдомленный о московскихъ дѣлахъ, нежели ихъ знали въ Италіи, онъ понималъ, конечно, что между планами, созданными въ Римѣ, и дѣйствительностью существовала цѣлая пропасть. Если царь и прежде не выказывалъ того «страстнаго желанія» заключить унію съ Римомъ, какое ему приписывали, то въ 1570 году онъ менѣе, чѣмъ когда-либо, былъ расположенъ къ этому. Рѣзкая перемѣна, совершившаяся въ его характерѣ въ 1561 г., не была явленіемъ временнымъ; позабывъ, что онъ поклялся нѣкогда быть отцомъ своего народа, Іоаннъ сдѣлался настоящимъ его тираномъ.

Человѣкъ богатырскаго тѣлосложенія, онъ предавался безнаказанно самымъ грубымъ излишествамъ, заглушая угрызенія совѣсти лицемѣрной набожностью, и это удивительное смѣшеніе набожности и порока, молитвы и преступленій сообщило особый характеръ той мрачной эпохѣ.

Въ 1564 г. царь прибѣгнулъ къ весьма странному средству, чтобы облечь злоупотребленіе власти въ законную форму.

Въ началѣ зимы онъ уѣхалъ неожиданно изъ Москвы, увезъ съ собою свое семейство, свои сокровища и заявилъ всенародно, что онъ не можетъ болѣе править страною: бояре-измѣнники, говорилъ онъ, исчисляя ихъ вины, они вымогаютъ у народа деньги и готовы продать отечество съ публичнаго торга; царь обвинялъ духовенство въ ходатайствѣ за виновныхъ и измѣнниковъ; не желая терпѣть измѣны, добро-

вольный изгнанникъ «ѣхалъ поселиться туда, куда Богъ ему укажетъ путь».

Когда эта неожиданная вѣсть была получена въ Москвѣ, то всѣ были объяты ужасомъ.

Народъ не столько горевалъ о своемъ царѣ, сколько боялся олигархіи бояръ, особенно опасной при существовавшихъ непріязненныхъ отношеніяхъ въ Польшѣ. Самые знатные бояре, съ духовенствомъ во главѣ, отправились въ Александровскую слободу, гдѣ остановился царь, и умоляли его принять снова въ свои руки бразды правленія. Тронутый ихъ просьбами и слезами, Іоаннъ изъявилъ на это свое согласіе, съ тѣмъ, чтобы ему вольно было казнить измѣнниковъ, налагать на нихъ опалу, лишать имущества безъ докуки и печалованій со стороны духовенства.

Это не предвѣщало ничего добраго. Іоаннъ воротился въ Москву 2-го февраля 1565 г. и поспѣшилъ примѣнить на дѣлѣ права, выговоренныя имъ въ слободѣ. Тогда возникла печальной памяти опричина. Страна была раздѣлена на двѣ неравныя части; бо́льшая, названная земщиной, была отдана подъ управленіе земскихъ бояръ подъ высочайшимъ наблюденіемъ Іоанна; самъ царь завѣдывалъ лично меньшей частью, выдѣленной для содержанія царскаго двора и опричниковъ и составленной изъ нѣсколькихъ кварталовъ Москвы и извѣстнаго числа второстепенныхъ городовъ, оттуда были выселены среди зимы прежніе помѣщики и вотчинники съ ихъ женами и дѣтьми.

Триста человѣкъ опричниковъ, самыхъ порочныхъ и развращенныхъ, составили свиту царя и были его постоянными спутниками.

Мрачный и печальный дворецъ слободы сдѣлался обычнымъ ихъ мѣстопребываніемъ. Іоаннъ завелъ тамъ нѣчто въ родѣ монастыря и себя назвалъ игуменомъ. Одѣтые въ монашескія рясы, они, днемъ и ночью отправлялись въ церковь и распѣвали тамъ молитвы во время богослуженія; царь звонилъ въ колокола, управлялъ пѣвчими, клалъ земные поклоны передъ иконами; въ извѣстный часъ они сходились за общей трапезой, во время которой царствовало безмолвіе, прерываемое только чтеніемъ житія святыхъ. Эти импровизированные монахи подчинялись безропотно всѣмъ стѣснительнымъ правиламъ только потому, что они вознаграждали себя въ остальное время, которое проводили въ отвратительныхъ оргіяхъ, за коими слѣдовали пытки и казни. Царя объяла жажда крови; доносчики не успѣвали открывать достаточное число виновныхъ, палачи истомились казня ихъ, но ничто не трогало очерствѣвшее сердце кровожаднаго тирана; онъ приказывалъ молиться за упокой души невинныхъ людей—казненныхъ на его глазахъ и, помолясь, отправлялся присутствовать на пыткахъ.

1570 годъ особенно памятенъ въ лѣтописяхъ опричины разгромомъ Новгорода.

Этотъ, нѣкогда цвѣтущій городъ былъ ложно обвиненъ въ участіи въ заговорѣ съ поляками, и его участь была рѣшена. Іоаннъ выступилъ противъ Новгорода во главѣ своихъ опричниковъ, одно появленіе которыхъ вносило всюду ужасъ; къ ихъ сѣдлу были прикрѣплены собачья голова и метла, въ знакъ того что они грызутъ какъ собаки и выметаютъ измѣнниковъ царю. Ихъ путь былъ отмѣченъ кровавыми слѣдами; позади ихъ, въ особенности въ Твери, страна была опустошена и разорена до тла.

Объятый ужасомъ Новгородъ встрѣтилъ своего царя со всѣми внѣшними знаками преданности и покорности.

Напрасное стараніе! Ему не суждено было избѣгнуть своей печальной участи. Для вида начался судъ, который обвинилъ всѣхъ поголовно, не принимая никакихъ оправданій. Но и эта процедура казалась Іоанну слишкомъ сложной: чаще всего смертный приговоръ произносился совершенно произвольно; людей забивали до смерти палками; цѣлыя семьи бросали въ Волховъ. Опричники разъѣзжали въ лодкахъ и добивали копьями тѣхъ несчастныхъ, коимъ удавалось выплывать. Это страшное побоище продолжалось пять недѣль, послѣ чего городъ былъ преданъ разграбленію. По словамъ лѣтописцевъ, въ немъ погибло болѣе десяти тысячъ человѣкъ, подвергнувшихся всевозможнымъ истязаніямъ и казнямъ. Что касается царя и его опричниковъ, то, насытивъ свою злобу, они отправились, нагруженные добычею, обратно въ слободу.

Таковъ былъ человѣкъ, къ которому былъ посланъ Портико съ словами любви и съ предложеніемъ принять участіе въ лигѣ противъ Турціи; порученіе тѣмъ болѣе безполезное, что Іоаннъ предпочиталъ не воевать съ турками, а самымъ мирнымъ образомъ вести съ ними переговоры.

Въ 1570 г. въ Константинополь былъ посланъ Новосильцовъ съ жалобою по поводу набѣговъ турокъ на Донъ и Волгу: ему велѣно было сказать султану, что царь не врагъ ислама. Іоаннъ писалъ Селиму собственноручно, что мусульмане пользуются въ Москвѣ полной свободой и предлагалъ ему поддержать добрыя отношенія, установленныя Баязетомъ.

Что могъ сдѣлать нунцій въ виду подобныхъ затрудненій, получивъ инструкціи, столь мало согласовавшіяся съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ. Какъ дипломатъ, онъ былъ обязанъ разъяснить все это, папѣ а какъ преданный его слуга, долженъ былъ попытаться исполнить полученныя имъ приказанія. Онъ сдѣлалъ то и другое.

Чтобы попасть въ Москву, ему было необходимо прежде всего зару-

читься согласіемъ на это короля польскаго, такъ какъ его путь лежалъ черезъ Польшу. Обычай требовалъ, чтобы полякамъ было сообщено о переговорахъ, которые велись съ ихъ сосѣдями; этотъ разъ дѣло было въ высшей степени щекотливое. Сигизмундъ давно уже вложилъ мечъ въ ножны и не думалъ воевать съ Турціей; онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Іосифомъ Нази, евреемъ всемогущимъ на Босфорѣ; мысль о войнѣ съ турками не могла имѣть успѣха въ Польшѣ. Относясь къ московскому царю по прежнему враждебно, Сигизмундъ не могъ быть доволенъ, узнавъ, что и ему также предлагали примкнуть къ лигѣ.

1569 годъ ознаменовался для Польши весьма важной побѣдой, совершившейся мирнымъ путемъ: на Люблинскомъ сеймѣ Литва присоединилась къ Польшѣ, но Полоцкъ, весьма важная крѣпость, остался въ рукахъ Іоанна IV.

Сигизмундъ не могъ помириться съ этимъ и поэтому относился къ Москвѣ еще болѣе враждебно, чѣмъ прежде.

Такъ, въ 1570 г., прослышавъ что въ Россію ѣдутъ венеціанцы, онъ употребилъ всевозможныя уловки, чтобы задержать ихъ, опасаясь, чтобы они не внесли въ Москву просвѣщеніе.

Нунцій пользовался довѣріемъ короля и какъ будто даже былъ въ Варшавѣ на лучшемъ счету, нежели въ Римѣ, гдѣ ему рѣшительно отказали въ кардинальской шапкѣ, о которой хлопоталъ для него король польскій. Когда онъ завелъ впервые рѣчь о Москвѣ, Сигизмундъ-Августъ заявилъ, что онъ согласенъ, чтобы къ Іоанну былъ посланъ папскій нунцій съ условіемъ, чтобы этимъ нунціемъ былъ самъ Портико или кто-либо въ такой же степени достойный довѣрія; чтобы единственной цѣлью его миссіи былъ вопросъ о религіи. Обставить свое согласіе подобнымъ условіемъ было равносильно отказу.

На запросъ кардинала Гозіуса, своего представителя въ Римѣ, король высказалъ уже совершенно откровенно свою мысль.

23-го мая 1571 г. онъ писалъ ему, что, согласно заключенію своего совѣта, онъ не можетъ дать папскому нунцію паспортъ на проѣздъ въ Москву, хотя бы во время перемирія. Это рѣшеніе мотивировалось слѣдующими двумя соображеніями: если въ Кремлѣ появятся иностранцы, то мало образованный Іоаннъ болѣе возгордится и станетъ еще менѣе сговорчивъ; обращеніе москвитянъ въ католическую вѣру, не смотря на всѣ старанія, никогда не можетъ осуществиться.

Иными словами, это означало, что папа отъ сближенія съ Іоанномъ ничего не выиграетъ, а король польскій можетъ потерять.

Сигизмундъ присовокупилъ, что русскаго человѣка труднѣе обратить въ истинную вѣру, чѣмъ жида. Въ заключеніе приводилось сравненіе, которое папа могъ всецѣло принять на свой счетъ: король выражалъ опасеніе, какъ бы «кого-либо» не постигла участь эзоповой собаки, которая

выпустила изо рта добычу, которую она держала въ зубахъ, чтобы схватить тѣнь, отражавшуюся въ водѣ. Мораль этой басни была ясна: заискивать дружбу Москвы—значило поссориться съ Польшей. Кардиналъ Гозіусъ понялъ намекъ, но онъ былъ слишкомъ скроменъ, чтобы передать кому-либо подобнаго рода откровенное заявленіе; письмо короля, по всей вѣроятности, пролежало въ его портфелѣ.

25-го мая 1571 г. Піемъ V, Филиппомъ II и венеціанскимъ дожемъ была заключена лига противъ турокъ; это была тринадцатая со времени основанія Турецкой имперіи. Въ отдѣльной статьѣ заключеннаго договора было оговорено, что къ ней могутъ присоединиться всѣ прочіе христіанскіе монархи. Папа воспользовался этимъ, чтобы предложить королю польскому принять участіе въ походѣ. Но Сигизмундъ не былъ къ этому расположенъ и не хотѣлъ также, чтобы къ лигѣ былъ привлеченъ его сѣверный сосѣдъ.

Впрочемъ, онъ писалъ папѣ 3-го сентября 1571 г., что будетъ содѣйствовать поѣздкѣ нунція въ Москву, подъ условіемъ, что будутъ соблюдены первоначальныя условія и что главнымъ предметомъ миссіи будетъ религія, а не война.

Прежде нежели отправиться самому въ Москву, нунцій рѣшилъ послать туда своихъ агентовъ, чтобы развѣдать почву. Но имена ихъ и всѣ обстоятельства ихъ путешествія остались тайною; весьма возможно, что имъ даже вовсе не удалось совершить это путешествіе.

Въ это время всѣ были заинтересованы богословскимъ споромъ, который Іоаннъ IV велъ съ Рокитою, миссіонеромъ богемскихъ братьевъ, сопровождавшимъ въ Москву польское посольство въ 1570 г. Царь любилъ выказать свою начитанность въ священномъ писаніи и воспользовался случаемъ, чтобы сказать слово въ защиту православной вѣры. По окончаніи спора, обѣ стороны обмѣнялись догматическими сочиненіями. Венгіерскій (Wengiersky) утверждаетъ, что онъ самъ видѣлъ изящно переплетенную книгу, которую царь далъ Рокитѣ. Въ иностранныхъ газетахъ описывались подробности преній, происходившихъ въ Кремлѣ. Считая возможнымъ извлечь изъ этого нѣкоторую пользу, нунцій приказалъ перевести ихъ съ русскаго на польскій языкъ и съ польскаго на латинскій. Въ то же время появилось изданное въ Сандомірѣ опроверженіе протестантской вѣры. Всѣ эти занятія не мѣшали нунцію дѣятельно готовиться въ путь, пріобрѣсти дорожные экипажы, носилки и прочія принадлежности путешествія.

Въ то время, какъ нунцій старался всячески собрать свѣдѣнія относительно Іоанна, ему пришла на помощь счастливая случайность. Какой-то солдатъ, уроженецъ Помераніи, по имени Альбертъ Шлихтинъ, пробывшій семь лѣтъ въ Москвѣ въ плѣну, бѣжалъ оттуда, явился въ Польшу и занялся на досугѣ изложеніемъ своихъ воспоминаній. Онъ

состоялъ на службѣ у врача Іоанна, италіанца Арнольдо, многое видѣлъ лично, многое слышалъ отъ людей. Составленная имъ пространная записка, занимавшая шестьдесятъ пять большихъ страницъ, посвящена Сигизмунду-Августу; онъ излагаетъ въ ней съ болѣе или менѣе достовѣрными подробностями исторію организаціи опричины, разгромъ Новгорода, казни, которыя совершались въ Москвѣ, и даетъ характеристику Іоанна. Картина получалась мрачная, подавляющая. Эта реляція, вышедшая изъ-подъ пера очевидца, попала въ руки Портико весьма для него кстати; онъ поспѣшилъ препроводить ее въ Римъ, чтобы познакомить съ нею папу и его ближайшихъ совѣтниковъ. Тѣмъ же путемъ попали въ Ватиканъ донесенія польскихъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1570 г. Оскорбленія, коимъ они подвергались въ пути, холодный пріемъ, оказанный имъ царемъ, не могли внушить папѣ особеннаго желанія завязать съ Іоанномъ дипломатическія сношенія.

На основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ нунціемъ, въ Римѣ составили себѣ болѣе вѣрное представленіе о характерѣ Іоанна, и онъ внушалъ папѣ такое отвращеніе, что Пій V отказался отъ своихъ плановъ.

«Мы отказываемся окончательно,—писалъ онъ королю польскому 30-го ноября 1571 г.,—отъ всякаго дѣла съ Москвою, вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ нами объ образѣ жизни царя».

Нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ увѣдомилъ о томъ же Портико:

«Мы прочитали то, что вы сообщаете намъ относительно московскаго царя. Откажитесь отъ мысли ѣхать въ эту страну, хотя бы король польскій и одобрилъ вашу поѣздку и способствовалъ ей, ибо мы не желаемъ входить въ сношеніе съ націей, столь жестокой и варварской».

Утѣшеніемъ въ постигшей неудачѣ послужила Пію V побѣда, одержанная 7-го октября 1571 г. христіанскимъ флотомъ надъ турками при Лепантѣ. Потомки крестоносцевъ побѣдили, соединенными усиліями, могущество мусульманъ. Оставалось поддержать и упрочить союзъ христіанскихъ державъ,—задача трудная, которой Пій V-й посвятилъ остатокъ своей жизни. Поглощенный этими заботами, онъ забылъ о Московіи, которая, впрочемъ, и не могла бы, въ это время, принять участіе въ общемъ дѣлѣ, такъ какъ ее постигло новое бѣдствіе. 1571-й годъ былъ тяжелымъ годомъ для Россіи; въ то время, какъ папа добивался союза Іоанна противъ турокъ, владѣнія царя подвергались нападенію татаръ. Воспользовавшись благопріятнымъ весеннимъ временемъ, крымскій ханъ Девлетъ-Гирей дошелъ до Москвы, разоряя все по пути, и поджегъ предмѣстья столицы. Царь уѣхалъ на сѣверъ и былъ вынужденъ подписать унизительный миръ.

Возможно-ли было, послѣ этого, разсчитывать на его союзъ?

Король польскій, которому всѣ эти факты были прекрасно извѣстны, не упомянулъ, однако, въ своихъ письмахъ папѣ ни слова о нашествіи

татаръ. Въ депешахъ Портико мы находимъ объясненіе этого страннаго факта: оказывается, что въ исходѣ 1571 г. уполномоченные Девлетъ-Гирея явились въ Варшаву требовать платы за совершенный имъ набѣгъ; такимъ образомъ, польское золото побудило ихъ идти на Москву. Татарскія орды не брезгали подобнаго рода сдѣлками, а христіанскіе монархи пользовались этимъ, впрочемъ втайнѣ. Такимъ образомъ, папа отказался отъ своихъ плановъ, устрашенный варварствомъ и жестокостью москвитянъ. Онъ сталъ искать себѣ союзниковъ въ иныхъ странахъ и обратилъ свои взоры на Персію, Аравію и Эѳіопію.

Дальнѣйшій ходъ событій измѣнилъ, однако, намѣренія Рима относительно Москвы. Уже Портико въ своемъ послѣднемъ донесеніи настаивалъ на томъ, что прочный миръ, заключенный между славянскими народами, представлялъ бы для всѣхъ огромныя выгоды. Преемникъ Пія V-го, папа Григорій XIII, сдѣлалъ снова попытку къ сближенію съ Іоанномъ.

XV.

Папа Григорій XIII и его попытки къ сношенію съ Москвою.—Учрежденіе греческой духовной коллегіи на берегахъ Тибра.—Іоаннъ IV подъ перомъ австрійскаго посла Кобенцеля.—Война Россіи съ Польшей.—Вторженіе Баторія въ Бѣлоруссію.—Неудачная попытка папы Григорія къ образованію лиги противъ турокъ.

Въ правленіе Григорія XIII сношенія Рима съ Москвою въ шестнадцатомъ вѣкѣ достигли своего наивысшаго развитія.

Высокаго роста, худощавый и серьезный, съ маленькими проницательными глазами и римскимъ носомъ, свѣжимъ цвѣтомъ лица и цѣлой копною сѣдыхъ волосъ, онъ обладалъ прекраснымъ здоровьемъ; неутомимый ходокъ, онъ не боялся свѣжаго воздуха, ѣлъ мало, пилъ еще того меньше, ложился и вставалъ рано—таковъ былъ новый папа.

«Человѣкъ справедливый, развитой, преданный римско-католической церкви и ея горячій защитникъ, но мало свѣдущій въ политикѣ и не интересовавшійся подобнаго рода дѣлами»—такъ изобразилъ его качества и недостатки Паоло Тіеполи.

Сношенія съ иностранными монархами велись папскимъ секретаремъ, Птоломеемъ Галли, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ кардинала Комо. Онъ былъ ума не особенно далекаго, но сговорчивъ и пріятенъ въ обхожденіи и, главное, человѣкъ въ высшей степени вѣрный и надежный. По отзыву тонкихъ венеціанскихъ дипломатовъ, эта часть папской администраціи оставляла желать весьма многаго; планы Гри-

горія XIII не отличались ни глубиною, ни послѣдовательностью мысли; всѣ затруднительные, щекотливые вопросы обсуждались безъ конца, со всевозможными юридическими тонкостями, не обращая вниманія на заявленія монарховъ.

Но если юристъ нерѣдко затемнялъ въ Григоріи XIII государственнаго человѣка, то, какъ глава церкви, папа всегда былъ вѣренъ себѣ. Интересы ея были всегда дороги его сердцу; особенное его вниманіе было обращено на распространеніе вѣры и искорененіе злоупотребленій. Такимъ образомъ, преобразованія, провозглашенныя на Тридентскомъ соборѣ, пустили глубокіе корни. Главною заботою папы было всегда образованіе юношества и упорядоченіе быта духовенства. Благодаря стараніямъ Григорія XIII, въ разныхъ мѣстностяхъ было основано около двадцати двухъ коллегій и, какъ вѣнецъ дѣла, въ Римѣ было основано обширное, центральное учебное заведеніе, во главѣ котораго были поставлены іезуиты. Учащаяся молодежь, стекалась со всѣхъ сторонъ въ эту коллегію, укрѣплялась тамъ въ правилахъ истинной вѣры и преданности папскому престолу. По возвращеніи на родину, молодые ученые распространяли по всему свѣту идеи, усвоенныя ими въ Римѣ.

Въ 1576 г. на берегахъ Тибра была основана греческая коллегія св. Аѳанасія, предназначенная для грековъ; впрочемъ, въ нее допускались и православные славяне.

Тотчасъ по основаніи коллегіи, папскому нунцію въ Польшѣ, Викентію Лаурео, было поручено подыскать человѣкъ двѣнадцать русскихъ юношей, людей интеллигентныхъ, честныхъ, жаждавшихъ пріобрѣсти познанія и искренно преданныхъ своему отечеству, и прислать ихъ для обученія въ коллегію. Въ Римѣ разсчитывали, что русскія провинціи Польши могли дать шесть кандидатовъ; остальные шесть должны были быть истые москвитяне, которые поѣхали бы въ Римъ, соблазненные выгодными обѣщаніями.

Исполнить это порученіе было не легко. Вмѣсто двѣнадцати кандидатовъ нунцій едва могъ найти троихъ, изъ коихъ только одинъ былъ чисто русскій.

Заботясь о будущемъ, папа не могъ не думать и о текущихъ дѣлахъ. Когда венеціанскій посланникъ Барбара явился послѣ Лепантской битвы къ Соколли, то великій визирь сказалъ ему:

— Ты хочешь, вѣроятно, знать, куда дѣвалась наша храбрость; но между вашей и нашей потерею большая разница. Завоевавъ у васъ королевство, мы отрубили вамъ руку, а вы, разбивъ нашъ флотъ, сбрили намъ бороду. Отрѣзанная рука не прирастетъ вновь; обритая же борода станетъ расти съ еще бо̀льшей силою.

И, дѣйствительно, всѣ были поражены тѣмъ, съ какою изумитель-

ною быстротою турки возстановили свои морскія силы. Въ 1572 г. въ оттоманской эскадрѣ было уже не менѣе двухъ сотъ пятидесяти вымпеловъ; полумѣсяцъ бороздилъ снова моря, а христіанскимъ державамъ угрожала опасность нашествія турокъ, предотвратить которое можно было только всеобщей лигою. Григорій XIII рѣшилъ попытать счастья. Задача была не легкая, такъ какъ въ то время уже нельзя было разсчитывать на прежнихъ союзниковъ. 7-го марта 1573 г. Венеція заключила миръ съ турками, а Испанія заключила съ ними перемиріе въ 1578 г. Между тѣмъ, непріязненныя отношенія, возникшія между Персіей и Турціей, давали надежду, что настанетъ моментъ, когда турки могутъ очутиться между двухъ огней, если бы христіанскіе монархи атаковали ихъ одновременно съ запада. Съ этой точки зрѣнія союзъ съ Москвою былъ крайне необходимъ.

Депеши, которыя Григорій XIII получалъ изъ Польши отъ своего нунція, поддерживали въ немъ самыя обманчивыя надежды относительно Іоанна IV. По мнѣнію Лаурео, Іоаннъ, какъ храбрый полководецъ, которому всегда сопутствовала побѣда, у котораго было многочисленное войско и который былъ одушевленъ ненавистью къ туркамъ, могъ лучше всего рѣшить восточный вопросъ. По странному стеченію обстоятельствъ, австрійскіе дипломаты, основываясь на донесеніи своего посла Ивана Кобенцеля, еще болѣе восхваляли московскаго царя.

Австрійскій посолъ, очевидно, былъ подкупленъ пріемомъ, оказаннымъ ему въ Кремлѣ. Самая наружность царя привела его въ изумленіе: на первой аудіенціи Іоаннъ появился въ дорогой парчевой мантіи, усѣянной рубинами, изумрудами и алмазами величиною съ грецкій орѣхъ,—восклицаетъ съ восторгомъ Кобенцель. Старшій сынъ царя одѣвается также роскошно, только не носитъ короны и скипетра. При видѣ великолѣпія, коимъ окружалъ себя московскій царь, посланникъ былъ ошеломленъ. Ничто не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ Москвы, говоритъ онъ, ни папскія тіары, ни митры, ни драгоцѣнности Франціи и Испаніи, ни сокровища Тосканы, Богеміи и Венгріи. За обѣденнымъ столомъ, къ которому былъ приглашенъ посолъ послѣ аудіенціи,—новое великолѣпіе. Царь и его сынъ казались ему окруженные сіяніемъ, такъ великолѣпенъ былъ блескъ драгоцѣнныхъ камней, коими были усѣяны ихъ пунцовые кафтаны; вокругъ столовъ, заставленныхъ золотой и серебряной вызолоченной посудою и дорогими стопами, стояли многочисленные слуги въ блестящихъ ливреяхъ. Обѣденный столъ, за которымъ подавалось несмѣтное число яствъ и напитковъ, продолжался шесть часовъ. Послѣдняя здравица была предложена самимъ царемъ въ честь иностранныхъ гостей. Послѣ чего ихъ проводили, при свѣтѣ факеловъ, въ отведенное для нихъ помѣщеніе, гдѣ они продолжали пировать до зари.

Кобенцель нашелъ услужливыхъ друзей, которые описали ему подробно сокровища Іоанна и численность его военныхъ силъ. Въ Кремлѣ хранятся несмѣтныя богатства,—пишетъ онъ:—триста телѣгъ золота и серебра, взятыхъ въ Новгородѣ; драгоцѣнности пятнадцати княжествъ, покоренныхъ Василіемъ III, добыча взятая въ Казани, Астрахани, Дерптѣ, Перновѣ и нѣкоторыхъ другихъ, завоеванныхъ русскими городахъ, которые не были преданы разграбленію. Что касается военныхъ силъ, то Кобенцель опредѣляетъ ихъ въ триста тысячъ всадниковъ, сто тысячъ пѣхотинцевъ, вооруженныхъ ружьями, сто тысячъ другихъ вооруженныхъ копьями, которые могли быть мобилизованы въ двѣ недѣли. Этого послѣдняго достаточно, чтобы показать, въ какой степени можно довѣрять его разсказамъ. Всѣмъ извѣстно, какъ медленно и съ какимъ трудомъ стекались подъ царскія знамена солдаты, жившіе по деревнямъ: двухнедѣльный срокъ былъ злою ироніею.

Оптимизмъ дипломата не ограничивался матеріальной стороною дѣла; онъ высказался и въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ царя, который, по его словамъ, горѣлъ желаніемъ заключить противъ турокъ лигу съ папою, императоромъ, королемъ испанскимъ и всѣми христіанскими монархами. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ съ политическимъ союзомъ всегда связывалась мысль объ уніи церквей. Въ этомъ отношеніи, по словамъ Кобенцеля, москвитяне были великолѣпно подготовлены; нужно было только дѣйствовать осторожно и не спѣша. Нѣтъ ничего легче,—говоритъ онъ,—какъ вернуться въ лоно церкви тѣмъ, кои никогда не выходили изъ него. Москвитяне признаютъ за весьма малыми исключеніями тѣ же догматы, какъ и римско-католическая церковь, исполняютъ тѣ же обряды, также постятся и почитаютъ святыхъ, соблюдаютъ тѣ же таинства и не питаютъ ненависти къ католикамъ; народъ проявляетъ ту же набожность въ церковныхъ процессіяхъ, въ примѣрной жизни монаховъ и монахинь.

Высказывая надежду на возможность сближенія съ Москвою, Кобенцель счелъ нужнымъ указать на о. Станислава Варжевицкаго, ректора коллегіи въ Вильнѣ, какъ на человѣка, который, по его мнѣнію, былъ способенъ содѣйствовать планамъ папы.

Таковъ былъ взглядъ Кобенцеля, который разсѣялъ довольно мрачное впечатлѣніе, произведенное въ Римѣ депешами Портико. Австрійскій дипломатъ пользовался извѣстнымъ авторитетомъ; его записка, разосланная, какъ кажется, нѣсколькимъ лицамъ одновременно, читалась въ высшихъ кругахъ и, судя по числу сохранившихся экземпляровъ, была весьма распространена.

Политическія событія заставляли папу держаться того же образа мыслей. Претендентовъ на польскій престолъ было такъ много, и они такъ враждовали между собою, что нельзя было ожидать мирнаго исхода

выборовъ. 12-го и 14-го декабря 1575 г. были избраны два короля: Максимиліанъ II и Стефанъ Баторій. Воевода трансильванскій оказался энергичнѣе своего соперника; онъ поспѣшилъ прибыть въ Польшу, вступилъ въ бракъ съ пятидесятилѣтней Анной, сестрою Сигизмунда-Августа, возложилъ на свою главу корону Ягеллоновъ, привлекъ къ себѣ сердца поляковъ своимъ мужествомъ и удалью, между тѣмъ какъ императоръ Максимиліанъ обсуждалъ въ то время со своими совѣтниками свои шансы на успѣхъ, боялся неудачи и ограничился только изданіемъ прокламацій.

Нунцій Лаурео очутился въ щекотливомъ положеніи: во время избирательной борьбы онъ поддерживалъ оффиціально кандидатуру Габсбурговъ и о Баторіи вовсе не думалъ. Когда же послѣдній былъ избранъ на престолъ, то Лаурео, чтобы остаться вѣрнымъ своимъ взглядамъ, уѣхалъ изъ Варшавы и поселился въ Бреславлѣ. Эта путаница представляла лишь то преимущество, что Римъ могъ вести переговоры съ королемъ польскимъ относительно Москвы безъ вѣдома поляковъ. Въ Римѣ надѣялись, что, быть можетъ, трансильванскій воевода окажется сговорчивѣе Ягеллона.

Предлогъ завязать переговоры представился самъ собою при отправленіи въ Германію кардинала Мороне, аккредитованнаго легатомъ при Максимиліанѣ II.

Въ папскихъ инструкціяхъ, данныхъ ему 26-го апрѣля 1576 г., пространно излагаются выгоды непосредственныхъ сношеній съ Москвою, даже съ точки зрѣнія интересовъ Священной имперіи.

Опасаясь, что султанъ Мурадъ III завоюетъ Персію, папа писалъ Мороне, что онъ не теряетъ надежды заручиться содѣйствіемъ Испаніи, Португаліи, Италіи и Венеціи и для увеличенія числа союзниковъ онъ разрѣшилъ кардиналу попытать счастье у шаха и у Іоанна IV. Особенныя надежды папа возлагалъ на Москву. Поэтому папскому легату была послана грамата къ Іоанну IV при депешѣ отъ 25-го августа, въ которой встрѣчаются самые любопытные взгляды относительно Москвы.

Въ депешѣ говорилось, во-первыхъ, что въ Римѣ хорошо извѣстны прекрасныя намѣренія царя, его почтеніе и глубокое уваженіе къ папѣ. До сихъ поръ св. отецъ не сближался съ Іоанномъ, щадя Австрію, но такъ какъ Габсбурги находятся нынѣ въ хорошихъ отношеніяхъ съ царемъ, то почему бы не позаботиться объ интересахъ церкви одновременно съ интересами Священной имперіи? На основаніи этого Мороне было приказано отправить въ Москву посла, одновременно съ политической и религіозной миссіей. Папа, повидимому, былъ такъ увѣренъ въ содѣйствіи Максимиліана, что въ депешѣ даже былъ набросанъ черновикъ письма, которое онъ долженъ былъ послать Іоанну.

Въ Римѣ, какъ видно, были увѣрены въ благопріятномъ результатѣ

*

этой миссіи и мечтали о торжественномъ посольствѣ, которое будетъ послано въ Римъ изъ Москвы.

Кардиналъ Мороне смотрѣлъ на дѣло такъ же оптимистично, какъ и его коллеги въ Ватиканѣ, ибо, не сдѣлавъ папѣ никакихъ возраженій на полученную депешу, онъ поспѣшилъ исполнить полученное имъ приказаніе. Императоръ словесно выразилъ свое согласіе на посылку въ Москву посла, а кардиналъ нашелъ для этого вполнѣ подходящаго человѣка въ лицѣ священника Рудольфа Кленке; это былъ человѣкъ ученый, весьма начитанный, обладавшій богатырскимъ здоровьемъ, строгой жизни, почти спартанецъ, посвящавшій все свое свободное время занятію богословіемъ, гражданскимъ правомъ и восточными языками; онъ охотно взялъ на себя эту миссію.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1576 г. Мороне имѣлъ случай познакомиться съ Кленке въ Регенсбургѣ и, видя въ немъ человѣка высоко образованнаго, ревностнаго къ вѣрѣ и способнаго вести богословскій споръ, онъ предложилъ ему отправиться въ Москву. Предложеніе было принято съ радостью. Не предвидя болѣе никакихъ препятствій, легатъ написалъ для Кленке цѣлый листъ инструкцій, въ которыхъ говорилось по обыкновенію объ уніи церквей и о войнѣ съ турками. Кленке было поручено выхлопотать, чтобы въ Римъ было отправлено посольство, и ему велѣно было обѣщать царю, что ему будутъ присланы богословы и священники, если онъ пожелаетъ познакомиться съ католической вѣрой.

Можно себѣ представить Іоанна Грознаго обучающагося у католическаго священника правиламъ латинской вѣры и опричниковъ смиренно признающихъ главенство папы!

Разсчитывая на содѣйствіе и помощь Австріи, ни Григорій XIII, ни кардиналъ Мороне не приняли во вниманіе измѣнчивость характера, коей отличались всегда Габсбурги. Отвѣтивъ сначала уклончиво, а затѣмъ давъ свое полное согласіе на посылку въ Москву папскаго посла, Максимиліанъ вслѣдъ затѣмъ измѣнилъ свое рѣшеніе. 15-го сентября всѣ были повергнуты въ величайшіе изумленіе, когда Максимиліанъ заявилъ, что надобно повременить посылкою Рудольфа Кленке или какого бы то ни было посла, потому что переговоры могли начаться въ Москвѣ только по пріѣздѣ пословъ германскаго, испанскаго и датскаго; прежде чѣмъ начать переговоры съ царемъ, иностраннымъ дипломатамъ слѣдовало, по его словамъ, условиться между собою, ибо отдѣльно каждый изъ нихъ ничего не могъ бы добиться.

На самомъ же дѣлѣ совѣтники императора, опасаясь новаго успѣха папскаго престола, убѣдили его помѣшать поѣздкѣ въ Москву папскаго посла.

Между тѣмъ въ Лиссабонъ прибыло персидское посольство просить содѣйствія западныхъ монарховъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ

туркамъ. Воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, Григорій XIII снова ухватился за проектъ, который постоянно лелѣяли въ Римѣ. Онъ полагалъ, что турки, терпя въ Азіи пораженіе отъ персовъ, не могли бы долго противустоять христіанской арміи, если бы она атаковала ихъ одновременно въ Европѣ. Слѣдовательно, побѣда могла зависѣть, главнымъ образомъ, отъ того, какъ скоро удалось бы организовать лигу, дабы военныя дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ совпали съ таковыми въ Персіи. Папа разсчитывалъ соединить подъ одними знаменами Испанію и Венецію, двухъ гордыхъ и могущественныхъ соперницъ, содѣйствіе которыхъ было необходимо для успѣха. Главное начальство надъ войскомъ онъ полагалъ ввѣрить королю польскому. Баторій, казалось, самой судьбою былъ предназначенъ для великихъ побѣдъ. Скромный въ своихъ привычкахъ, въ одеждѣ, столѣ и обхожденіи, онъ выказалъ съ самаго вступленія своего на польскій престолъ большую самостоятельность и доблестную храбрость, коей отличались всѣ члены знаменитаго рода трансильванскихъ воеводъ.

Извѣстная храбрость Баторія, его неизмѣнная преданность церкви и ненависть къ Турціи снискали ему расположеніе Рима; между Римомъ и Варшавою установились самыя дружескія отношенія, и папа, весьма естественно, предназначилъ королю роль руководителя антиоттоманской лиги. Баторій, во главѣ блестящей и несокрушимой польской кавалеріи и храбрыхъ и выносливыхъ венгерскихъ пѣхотинцевъ, могъ скорѣе, чѣмъ кто-либо иной, проникнуть въ самое сердце Турціи, черезъ Молдавію и Валахію, доступъ въ которыя ему былъ открытъ.

Но тутъ встрѣтилось затрудненіе въ томъ, что „Pacta conventa“, которыя король клятвенно обѣщалъ соблюдать свято, обязывали его поддерживать миръ съ Турціей и возвратить Польшѣ завоеванныя москвитянами земли. Въ Римѣ прекрасно понимали, что воевать одновременно съ двумя могущественными противниками было невозможно; поэтому, по мнѣнію папы, Баторію слѣдовало какъ можно скорѣе заключить союзъ съ Іоанномъ и сосредоточить свои силы противъ Мурада.

Если бы король на это согласился, то сеймъ, конечно, освободилъ бы его отъ даннаго обѣщанія. Григорій XIII, какъ видимъ, возвращался снова къ излюбленному проекту своихъ предшественниковъ на папскомъ престолѣ.

Кардиналъ Комо тотчасъ принялся за дѣло. 10-го іюня 1579 г. имъ была послана пространная депеша къ варшавскому нунцію, Андрею Калигари, заступавшему мѣсто Лаурео. Склонить Баторія принять командованіе надъ войскомъ противъ турокъ и предоставить папѣ возстановить миръ съ Москвою (ибо, не смотря на заключенное перемиріе, въ Ливоніи уже сражались)—таково было порученіе, возложенное на нунція; при этомъ папа обѣщалъ королю щедрую субсидію и сулилъ по-

бѣду. Баторію можно будетъ округлить Трансильваніею,—писалъ онъ,—овладѣть Молдавіей, Валахіей, даже Константинополемъ.

Папа предлагалъ начать переговоры съ Москвою, какъ бы по своему собственному почину, безъ вѣдома короля, такъ что въ Москвѣ не могли бы даже заподозрѣть, что онъ былъ посвященъ въ тайну. Калигари было поручено написать въ этомъ смыслѣ инструкціи послу, добиваться, главнымъ образомъ, заключенія мира между Москвой и Польшей и соединенія Москвы съ Римомъ на почвѣ постановленій Флорентійскаго собора.

Съ этимъ порученіемъ долженъ былъ отправиться въ Кремль, съ согласія короля, племянникъ архіепископа Гнезенскаго, Іаковъ Збарата-Воронецкій.

Калигари была поставлена задача почти неразрѣшимая. Іоаннъ IV, предаваясь все болѣе и болѣе своимъ кровожаднымъ инстинктамъ, былъ далекъ отъ идеи объ уніи съ Римомъ, а Баторій, съ своей стороны, въ 1579 г., также не былъ расположенъ слушать проповѣдь мира. Въ его головѣ созрѣвали обширные планы завоеваній, о которыхъ онъ говорилъ съ нунціемъ еще въ апрѣлѣ 1578 г.: идти на Полоцкъ и Смоленскъ, застигнуть Москву въ расплохъ, потребовать отъ побѣжденныхъ уступки Ливоніи и продиктовать Кремлю условія мира—таковъ былъ грандіозный планъ короля польскаго.

Въ томъ же году сеймъ съ удивительной щедростью вотировалъ огромные налоги и этимъ далъ королю возможность выполнить этотъ планъ. Какъ только приготовленія къ походу были окончены, курьеръ Лопацинскій отправился въ Москву, 26-го іюня 1579 г., съ формальнымъ объявленіемъ войны.

Счастье, съ самаго начала, благопріятствовало Баторію. Совершивъ ловкое и поспѣшное движеніе, онъ занялъ Бѣлоруссію въ то время, какъ Іоаннъ двинулъ свои главныя силы къ Пскову и Новгороду, чтобы приблизиться къ Ливоніи.

29-го августа грозныя твердыни Полоцка были объяты пламенемъ; на слѣдующій день былъ сдѣланъ послѣдній, рѣшительный приступъ; Баторій, колѣнопреклоненный въ своей палаткѣ, воздымалъ руки къ небу и далъ обѣтъ построить іезуитскую коллегію, если ему удастся взять городъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ожесточеннаго боя, Полоцкъ былъ въ его рукахъ.

11-го сентября былъ сожженъ и разграбленъ Соколъ, въ которомъ произошла страшная рѣзня; самые старые солдаты не могли запомнить ничего подобнаго. Другія, менѣе значительныя московскія крѣпости подверглись той же участи; всѣ окрестныя земли были преданы разграбленію.

Баторій былъ упоенъ побѣдою, въ тотъ именно моментъ, когда нунцій Калигари, получивъ упомянутыя депеши изъ Рима, обратился къ

нему, 8-го сентября, съ предложеніемъ относительно образованія лиги. Не упоминая о Москвѣ, нунцій писалъ королю, въ общихъ чертахъ, о необходимости заключить союзъ противъ турокъ и предлагалъ пріѣхать для переговоровъ въ Полоцкъ, ежели походъ затянется. Вмѣстѣ съ королемъ находился въ Полоцкѣ канцлеръ Янъ Замойскій, слывшій заклятымъ врагомъ Москвы. Баторій и Замойскій, которые въ принципѣ ничего не имѣли противъ лиги, оба часто жаловались на турокъ: они высказывали подозрѣніе, что паши сѣяли раздоръ между поляками, коихъ слабость составляла силу Турціи, и отвѣтили нунцію въ одинъ и тотъ же день, 20-го сентября, въ одинаковомъ смыслѣ. Вопросъ былъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ важенъ, чтобы его можно было обсуждать среди сумятицы лагерной жизни; нунцію, по ихъ словамъ, не къ чему было пріѣзжать въ Полоцкъ. Замойскій писалъ, что король вернется скоро въ Вильно; а король указывалъ, кромѣ того, на плохое состояніе дорогъ и на продолжительность путешествія. Калигари уже неоднократно получалъ подобные уклончивые отвѣты, когда онъ касался какого-нибудь щекотливаго вопроса, но этотъ разъ онъ могъ скорѣе разсчитывать на успѣхъ, такъ какъ у него была въ рукахъ папская грамата, уполномочивавшая его дѣйствовать въ смыслѣ заключенія мира съ Москвою и организаціи лиги.

Дипломатъ, который являлся въ шестнадцатомъ вѣкѣ къ двору католическаго монарха съ папской грамотой, былъ достаточно хорошо вооруженъ, чтобы преодолѣть всѣ препятствія или, по крайней мѣрѣ, чтобы получить категорическій отвѣтъ. Но Калигари преслѣдовала неудача.

Блестяще окончивъ походъ въ 1579 г., Стефанъ Баторій спѣшилъ возвратиться въ свои владѣнія, чтобы присутствовать на сеймѣ. 5-го октября нунцію была дана въ Вильно первая аудіенція. Наканунѣ ея онъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ Замойскимъ. Воинственному канцлеру улыбалась мысль о европейской войнѣ противъ турокъ, лишь бы поляки къ ней успѣли подготовиться и чтобы все было сдѣлано въ тайнѣ; что касалось сношеній съ Москвою, то онъ отказался обсуждать этотъ вопросъ, не желая вступать ни въ какія отношенія съ царемъ, который, по его словамъ, не считалъ нужнымъ держать данную клятву и отъ котораго Польша должна была остерегаться.

По этимъ намекамъ нунцій могъ предугадать, каковъ будетъ отвѣтъ короля. Его аудіенція у Баторія была весьма продолжительна; король былъ съ нимъ въ высшей степени любезенъ, говорилъ много, но осторожно. Какъ католикъ, онъ не могъ отвѣтить на лестное предложеніе стать во главѣ лиги, иначе, какъ увѣреніями въ своей сыновней преданности папѣ и готовности принести свою жизнь и свои владѣнія къ услугамъ св. отца и освободить свою родину—Венгрію, отъ турецкаго

ига. Но прежде чѣмъ начать столь трудную кампанію, онъ считалъ нужнымъ взвѣсить всѣ шансы на успѣхъ.

Развивая эту мысль въ своей депешѣ отъ 5-го октября, Калигари по желанію короля, просилъ папу составить записку, на латинскомъ языкѣ, въ которой былъ бы изложенъ планъ оборонительной войны противъ турокъ, и перечислены всѣ монархи, которые примутъ участіе въ походѣ, численность ихъ арміи, число галеръ и транспортныхъ судовъ для солдатъ, боевыхъ снарядовъ и провіанта, и условія, на какихъ предполагалось заключить лигу; наконецъ, король просилъ точно опредѣлить число лошадей и людей, коихъ должна была доставить Польша. Баторій предоставлялъ себѣ право сдѣлать на записку свои замѣчанія, дать совѣты, подсказанные ему его военной опытностью, послѣ чего записка будетъ представлена на обсужденіе сейма, который выскажетъ о ней свое мнѣніе.

Король не отказывался оказать содѣйствіе папскому послу, который будетъ посланъ въ Москву, но не скрылъ своего желанія, чтобы посылка его была отложена до открытія сейма; ибо со дня на день ожидалось либо возвращеніе изъ Москвы курьера Лопацинскаго, либо прибытіе русскаго посольства. Во время аудіенціи, Баторій произнесъ нѣсколько угрозъ по адресу своего соперника. Прежде чѣмъ начать войну съ турками, онъ надѣялся справиться съ москвитянами, ибо силы Іоанна, по его словамъ, были вовсе не такъ значительны, какъ нѣкоторые полагали. Въ его столицѣ легко могъ вспыхнуть мятежъ, лучшіе русскіе воеводы изчезли съ лица земли, а изъ трехъ, оставшихся въ живыхъ прославленныхъ полководцевъ, одинъ былъ не опытенъ, второй не достаточно преданъ царю, а третій несчастенъ на войнѣ.

Не смотря на всю осторожность, съ какою дѣйствовалъ Калигари, несомнѣнно, что онъ не успѣлъ ничего добиться въ Польшѣ.

Настаивая на своей программѣ дѣйствій, папа однако не особенно спѣшилъ ея выполненіемъ; онъ не имѣлъ яснаго представленія о причинахъ, вызвавшихъ войну между Россіей и Польшей. Въ побѣдахъ Баторія, сооружавшаго церкви и основывавшаго коллегіи, Григорій XIII видѣлъ только торжество вѣры; онъ горячо привѣтствовалъ короля съ этими побѣдами и въ исходѣ 1579 г. прислалъ ему шапку и мечъ, освященные, по обычаю, въ ночь на Рождество Христово, которые давались по очереди монархамъ, наиболѣе заслуживавшимъ этого отличія.

Баторій, увѣренный въ поддержкѣ сейма, вскорѣ измѣнилъ тонъ. Не болѣе какъ три мѣсяца спустя послѣ первой аудіенціи, данной нунцію, именно 1-го января 1580 г., онъ уже отвѣчалъ холодно на намекъ, сдѣланный Калигари относительно войны съ турками, что препятствія къ ней кажутся ему непреодолимы. Персы, по его словамъ, были утомлены войною, король испанскій только и думалъ о Нидерландахъ, и

такимъ образомъ Польша могла очутиться въ совершенномъ одиночествѣ. Точно также онъ измѣнилъ свои рѣчи относительно Москвы; и нунцію былъ поданъ совѣтъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать оффиціальнымъ путемъ, войти въ сношеніе съ Ѳедоромъ Шереметевымъ, однимъ изъ самыхъ видныхъ московскихъ плѣнныхъ.

Баторій не только не думалъ о мирѣ съ Москвою, но даже твердо рѣшилъ продолжать военныя дѣйствія до тѣхъ поръ, пока у него хватитъ солдатъ и денежныхъ средствъ. Утвержденные сеймомъ налоги и охватившая поляковъ страсть къ завоеваніямъ давали королю возможность принять болѣе радикальныя мѣры, не обращая вниманія на Калигари и его требованія. Такимъ образомъ, обѣщанное ему свиданіе съ Шереметевымъ не состоялось, и московскій плѣнный уѣхалъ изъ Варшавы, не увозя съ собою папскаго письма. Нунцію было объяснено, что онъ былъ такъ набоженъ и такъ глубоко преданъ православной вѣрѣ, что его посредничество могло бы повредить дѣлу. Въ то же время нашлись преданные друзья, которые намекнули нунцію на то, что его стараніе примирить двухъ соперниковъ въ тотъ моментъ, когда они готовились помѣриться на полѣ битвы, могло не понравиться польскому королю, и что пока отъ этого лучше было отказаться. Двѣ недѣли спустя, 18-го февраля 1580 г., Калигари заявилъ оффиціально кардиналу Комо, что онъ вынужденъ отказаться отъ этого дѣла, такъ какъ его сношенія съ Москвою могутъ вызвать подозрѣніе со стороны короля и канцлера, и что онъ будетъ впредь только слѣдить за ходомъ событій и выжидать благопріятнаго момента для того, чтобы начать дѣйствовать.

Онъ сдержалъ слово. Не смотря на щедрость сейма, Баторію приходилось постоянно бороться съ затрудненіями финансоваго характера. Продолжительный зимній походъ пугалъ самыхъ храбрыхъ воиновъ; всѣ тѣ, кои слѣдили внимательно за ходомъ военныхъ дѣйствій, предсказывали ихъ неблагопріятный исходъ. Въ маѣ мѣсяцѣ пессимисты боялись, что королю придется «заключить съ Москвою постыдный миръ». Калигари ожидалъ, что Господь накажетъ того, кто неоднократно отклонялъ вмѣшательство папы и не допустилъ препроводить его письмо къ Іоанну, и поэтому онъ поспѣшилъ написать королю, что при посредничествѣ папы примиреніе могло бы состояться на болѣе выгодныхъ условіяхъ, но что прежде всего надобно умилостивить Господа и возложить всѣ свои упованія на Него.

Три мѣсяца спустя, нунцію снова представился случай обратиться къ королю, Неожиданное стеченіе обстоятельствъ сблизило Швецію съ Польшею; онѣ хотѣли соединить свои силы, чтобы дѣйствовать совмѣстно противъ общаго врага, Іоанна IV. Посвященный въ эту дипломатическую тайну, Калигари рѣшилъ принять дѣятельное участіе въ за-

ключеніи этого союза и, въ случаѣ удачи, сдѣлать попытку воспользоваться услугами короля шведскаго и переслать Іоанну папскую грамату черезъ Стокгольмъ. Но событія шли быстрѣе, нежели нунцій могъ выполнить свои намѣренія.

Такимъ образомъ, грандіозный планъ Григорія XIII остался неосуществленнымъ. Намѣченный имъ глава антиоттоманской лиги начиналъ войну съ христіанскимъ монархомъ, слѣдовательно, нельзя было соединить подъ однимъ знаменемъ всѣхъ противниковъ ислама. Трудно упрекать Баторія за то, что онъ не особенно спѣшилъ исполнить желаніе папы. Предубѣжденный противъ Москвы, увѣренный въ своей счастливой звѣздѣ, не знавшій пораженій, король былъ глубоко оскорбленъ московскимъ царемъ, который признавалъ въ немъ только «сосѣда», а не «брата», и не хотѣлъ пожертвовать преимуществами пріобрѣтенными имъ на полѣ битвы.

Въ скоромъ времени разсчетъ Баторія оправдался; вмѣстѣ съ тѣмъ папѣ открылось обширное поприще дѣятельности. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, роли перемѣнились: и Григорію XIII уже не пришлось болѣе совѣтовать католическому монарху сложить оружіе, ибо самъ православный царь послалъ къ нему своего уполномоченнаго (Шавригина) просить о посредничествѣ для заключенія мира съ Баторіемъ. Съ посольствомъ въ Москву Поссевина осуществилось, наконецъ, завѣтное желаніе папскаго престола завязать непосредственныя сношенія съ Москвою, къ чему предшественники Григорія XIII тщетно стремились въ теченіе цѣлаго, слишкомъ, столѣтія.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

XVII [1]).

Полное собраніе анекдотовъ о Балакиревѣ.—Романъ Сементовскаго „Княжна Наталья Долгорукова“. — Статистико-топографическое описаніе Лебедянскаго уѣзда Тамбовской губерніи.—Колыбельная пѣсня Некрасова.—Полное собраніе сочиненій Козлова.—Романъ Дюма „Подвѣнечное платье“.—Статья профессора Рулье „О первомъ появленіи растеній и животныхъ на землѣ“.—Танецъ Мазепы.—„Московскій сборникъ“.—Статья „Онъ“ въ „Москвитянинѣ“.—Повѣсть „Битва русскихъ съ кабардинцами“.—Русская грамматика академика Давыдова.—„Записки Охотника И. С. Тургенева“.—Вопросъ по поводу названія лошадей.—Сборникъ Сушкова „Раутъ“.

17-го сентября 1851 года статсъ-секретарь князь Голицынъ конфиденціально писалъ товарищу министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Норову (временно управлявшему министерствомъ) о пошлости и нелѣпости большей части анекдотовъ, находящихся въ недавно перепечатанномъ «Полномъ собраніи анекдотовъ о Балакиревѣ бывшемъ шутѣ Петра Великаго», въ образецъ чего представлялъ а) анекдотъ 23-й «Бережетъ царскую казну», гдѣ повѣствуется, какъ однажды, Петръ Великій, въ веселомъ пиру насулилъ всякихъ милостей, а на другой день, проснувшись, много о томъ тужилъ, повѣдалъ Балакиреву о своей безразсудности и тѣмъ кончилъ, что не сдержалъ своего царскаго слова; б) анекдотъ 27-й, Балакиревъ мститъ Меншикову; в) анекдотъ 57-й, Балакиревъ отвращаетъ императрицу отъ грибовъ, и проч. Въ очеркѣ жизни Балакирева сказано, что его заставили умереть за то, что онъ не хотѣлъ жить такъ,

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь, 1903 г.

какъ жили тогда преданные Бирону. Не осмѣливаясь утруждать государя императора предметомъ, столь недостойнымъ его вниманія, князь Голицынъ, отъ имени Комитета 2-го апрѣля, передавалъ этотъ сборникъ анекдотовъ, очевидно, предназначенный для распространенія между простымъ народомъ, на усмотрѣніе товарища министра народнаго просвѣщенія. Тайный совѣтникъ Норовъ отозвался, что онъ приказалъ поставить на видъ цензору Снегиреву (пропустившему сборникъ) быть болѣе строгимъ къ невѣжественнымъ выраженіямъ, замѣченнымъ Комитетомъ 2-го апрѣля, а потомъ прибавилъ: «при сдѣланныхъ уже и высочайше утвержденныхъ соображеніяхъ министерства о приспособленіи книгъ, полезныхъ для народнаго чтенія, можно справедливо надѣяться, что книги, подобныя «Анекдотамъ Балакирева», будутъ постепенно вытѣснены изъ обращенія; не менѣе того, воспрещеніе печатать такія книги было бы неудобно и только придало бы имъ болѣе вѣсу въ невѣжественномъ классѣ людей. Время и попеченія правительства о благомъ просвѣщеніи исполнятъ это».

Комитетъ 2-го апрѣля далѣе не настаивалъ.

Когда же, вскорѣ послѣ того, московскій попечитель, генералъ-адъютантъ Назимовъ, 24-го октября конфиденціально сообщалъ о готовящемся къ печати новомъ еще изданіи анекдотовъ Балакирева и испрашивалъ разрѣшенія: можно-ли допустить ихъ печатаніе вполнѣ, или съ исключеніемъ нѣкоторыхъ анекдотовъ, князь Ширинскій-Шихматовъ отвѣчалъ, конфинденціально же, что не считаетъ въ настоящее время удобнымъ воспретить вовсе печатаніе этихъ анекдотовъ, потому, что такого рода воспрещеніе могло бы придать этой книгѣ еще болѣе вѣса въ не просвѣщенномъ классѣ читателей; но находитъ необходимымъ подвергнуть эту книгу, при одобреніи къ новому изданію, самому строгому цензурному разсмотрѣнію, согласно съ нынѣшними требованіями цензуры и сообщенными отъ министерства замѣчаніями.

12-го января 1852 года главное управленіе цензуры постановило не дозволять печатанія романа Сементовскаго подъ заглавіемъ: «Княжна Наталья Борисовна Долгорукова». Поводомъ къ этому запрещенію послужило то, что еще въ Кіевскомъ цензурномъ комитетѣ возникъ вопросъ: можно-ли событія новѣйшей исторіи, извѣстныя по однимъ историческимъ матеріаламъ, назначаемымъ преимущественно для занимающихся наукою исторіи, вводить въ область романа, и такимъ образомъ въ формѣ беллетристической дѣлать достояніемъ и той части русской публики, на которую, по недостатку ея образованія, подобное чтеніе можетъ произвести невыгодное впечатлѣніе и возбудить различные превратные толки и понятія. При томъ, умѣстно-ли въ настоящее время выставлять въ романѣ, хотя исторически вѣрно, но по этому въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, Меншиковыхъ и Долгорукихъ, которыхъ потомки

и родственники занимаютъ теперь высшія мѣста въ государствѣ. Хотя въ романѣ Сементовскаго не высказано ничего новаго объ интригахъ двора императора Петра II вообще и о преступныхъ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, въ особенности, а повторяется то же, что объ этомъ давно уже извѣстно русской публикѣ изъ вышедшихъ въ прежнее время какъ историческихъ сочиненій, такъ и произведеній легкой литературы, и вообще романъ не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, подлежащаго запрещенію по уставу о цензурѣ, однако, въ этомъ романѣ представлено въ невыгодномъ свѣтѣ царственное лицо императора Петра II, какъ игралище и жертва окружающихъ его честолюбцевъ.

15-го ноября 1851 года, князь Ширинскій-Шихматовъ писалъ полтавскому генералъ-губернатору Кокошкину, что въ № 41 «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» напечатано продолженіе статьи: «Статистико-топографическое описаніе части Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губерніи», гдѣ содержатся слѣдующія выраженія: «Характеристическую черту жителей составляетъ также недовѣрчивость къ лицамъ, служащимъ по распоряженію правительства. Всякаго чиновника крестьянинъ считаетъ своимъ естественнымъ врагомъ. Эта наклонность къ недовѣрчивости сильно замедляетъ всѣ благія начинанія правительства,—тѣмъ болѣе, что люди, одинъ разъ умѣвшіе выиграть довѣріе жителей, какъ бы они ни были далеки отъ желанія имъ пользы, остаются для нихъ уже навсегда неподдѣльной правдой. Къ несчастію, этимъ пользуются, по большой части, изъ корыстолюбивыхъ видовъ, люди недостойные. И вотъ причина неудачныхъ попытокъ къ осуществленію многихъ, истинно благихъ предположеній». На слѣдующихъ страницахъ, говоря о заблужденіяхъ, свойственныхъ низшему классу мѣстныхъ жителей, авторъ статьи приписываетъ ихъ преимущественно крестьянамъ государственнымъ и говоритъ: «Въ помѣщичьихъ, впрочемъ, имѣніяхъ этихъ заблужденій незамѣтно, и, кажется, отъ того, что тамъ крестьянинъ весь непосредственно принадлежитъ помѣщику». Хотя, на основаніи § 10 ценз. уст., всякое общее описаніе или свѣдѣніе, касательно исторіи, географіи и статистики Россіи, дозволяется цензурою, если только изложено съ приличіемъ и безъ нарушенія цензурныхъ правилъ, но выписанныя выше мѣста заключаютъ въ себѣ неприличныя въ правительственномъ отношеніи и въ особенности неумѣстныя въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», издаваемыхъ для общенароднаго чтенія, разсужденія о недовѣрчивости и даже враждебномъ расположеніи жителей описываемаго уѣзда къ лицамъ, служащимъ по опредѣленію отъ правительства, и о мнимомъ преимуществѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ предъ государственными. Находя, по изложеннымъ причинамъ, что вышеизложенныя мѣста статьи: «Статистико-топографическое описаніе части Лебедянскаго уѣзда» не должны были являться въ печати, министръ просилъ

Кокошкина сдѣлать учителю Воронежской гимназіи, Малыхину, цензуровавшему неоффиціальную часть «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», за пропускъ къ напечатанію той статьи, замѣчаніе, со внушеніемъ ему быть на будущее время осмотрительнѣе.

21-го ноября 1851 года князь Ширинскій-Шихматовъ конфиденціально поручилъ московскому попечителю сдѣлать внушеніе цензору Ржевскому, позволившему перепечатать въ «Москвитянинѣ»—«Колыбельную пѣснь» Некрасова, первоначально напечатанную въ «Московскомъ Сборникѣ» 1846 года и подвергшуюся тогда же порицанію правительства. «Хотя о семъ обстоятельствѣ,—говорилъ министръ,—и не было сообщено Московскому цензурному комитету, но не менѣе того, цензоръ Ржевскій не могъ не замѣтить крайней неприличности содержанія и выраженій «Колыбельной пѣсни», а потому, при нынѣшнихъ еще болѣе строгихъ требованіяхъ цензуры, никакъ не долженъ былъ допустить онаго къ печати.

Въ декабрѣ 1851 года началось въ главномъ управленіи цензуры дѣло о дозволеніи перепечатать «Полное собраніе сочиненій Козлова», длившееся потомъ почти два года: лишь 11-го сентября 1853 года преемникъ князя Ширинскаго-Шихматова въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ, сообщилъ с.-петербургскому попечителю, что главное управленіе цензуры опредѣлило разрѣшить книгопродавцу Смирдину приступить къ новому (4-му) изданію стихотвореній Козлова, въ томъ видѣ, въ какомъ они были напечатаны въ 3-мъ (1840 г.), за исключеніемъ лишь стихотворенія «Дружба», имени «Адама Мицкевича», въ одномъ мѣстѣ, и словъ: «Посвящено Мицкевичу отъ переводчика» въ другомъ мѣстѣ. Необходимо при этомъ замѣтить, что во время первоначальнаго производства этого дѣла, готовилась совершенно иная резолюція и высшіе чины министерства просвѣщенія, повидимому, были во многихъ пунктахъ согласны съ цензоромъ Крыловымъ, высказавшимъ, въ отношеніи къ Козлову, необычайную строгость и придирчивость. Имъ составлено было нѣсколько категорій мѣстъ, по его мнѣнію, недозволительныхъ въ стихотвореніяхъ Козлова. Первая изъ нихъ была употребленіе словъ: «святой, святыня», при чемъ выписано было огромное количество мѣстъ, гдѣ такія слова попадались; противъ этого отдѣла директоръ департамента Гаевскій поставилъ очень крупнымъ шрифтомъ отмѣтку—«кощунство», присоединивъ еще восклицательный знакъ; вторая: «Неумѣстныя сближенія съ предметами высокими и священными»; третья: «Увлеченіе къ идеѣ свободы и краски въ изображеніяхъ удалой, разбойнической жизни, совсѣмъ для нея неприличныя»; четвертая: «Выписки изъ сонетовъ Мицкевича». Но всѣ эти замѣчанія и привязки цензора до

такой степени были лишены основанія, что всѣ вообще члены главнаго управленія цензуры высказалась противъ нихъ (кромѣ приведенныхъ выше исключеній).

17-го января 1852 года князь Ширинскій-Шихматовъ написалъ московскому попечителю, что въ напечатанномъ недавно, въ Москвѣ, переводѣ романа Ал. Дюма «Подвѣнечное платье», относящагося къ 1807 году, является, между прочими лицами, эмигрантка, маркиза Деларошъ-Берто, которая спаслась отъ ужасовъ революціи въ Англію, впослѣдствіи же, при Наполеонѣ, воротилась во Францію, и при этомъ случаѣ говорится: «Маркиза ожидала найти столицу мрачною и печальною. Вышло напротивъ: беззаботный, забывчивый Парижъ давно уже снялъ свою траурную маску и смотрѣлъ такъ весело, такъ гордо, какъ никогда... Такъ всегда бываетъ съ измѣнниками: имъ кажется, что ихъ отечество должно всегда остаться тѣмъ, что они его оставили». Находя неприличнымъ примѣненіе названія «измѣнниковъ» къ тогдашнимъ французскимъ эмигрантамъ, такъ какъ самое оставленіе ими отечества было слѣдствіемъ преданности своему законому государю, министръ просилъ попечителя предложить Московскому цензурному комитету, дабы онъ имѣлъ это въ виду при новомъ изданіи означеннаго романа.

18-го января 1852 года князь Ширинскій-Шихматовъ въ конфиденціальномъ, очень пространномъ отношеніи (черновой проектъ былъ написанъ собственною его рукою) высказалъ московскому попечителю неудовольствіе свое по поводу напечатанной въ № 4 «Московскихъ Вѣдомостей» статьи: «О первомъ появленіи растеній и животныхъ на землѣ», составлявшей отрывокъ изъ публичныхъ лекцій московскаго профессора Рулье. Въ своемъ отношеніи министръ обличалъ неосновательность всѣхъ этихъ «мечтательныхъ гаданій пытливаго ума», сравнивъ ихъ съ разсказами св. писанія о созданіи міра, и въ концѣ изъявлялъ сожалѣніе, что подобная статья напечатана, и при томъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», имѣющихъ читателями многія тысячи людей всякаго состоянія. Вслѣдствіе того, онъ требовалъ отчета отъ редактора «Московскихъ Вѣдомостей», адъюнктъ-профессора Каткова, и, пріостановивъ печатаніе всѣхъ вообще публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1851 году, и въ особенности лекцій профессора Рулье, предписалъ подвергнуть ихъ напередъ строгому цензурному просмотру, а декану факультета Шевыреву велѣно, подъ его личною отвѣтственностью, строго наблюдать за лекціями Рулье. Шевыревъ и Катковъ представляли длинныя оправдательныя записки: первый изъ нихъ старался доказать, что профессоръ Рулье, хотя и сообразовался съ новыми изслѣдованіями науки, но вездѣ искалъ сообразовать ихъ съ повѣствованіемъ Ветхаго Завѣта (чему, впрочемъ, мало повѣрилъ министръ, судя по многочисленнымъ отмѣткамъ и отвѣтамъ его на

поляхъ записки Шевырева); второй же заявлялъ, что считаетъ себя виновнымъ въ напечатаніи такой статьи, которая собственно не подходила подъ программу «Московскихъ Вѣдомостей», но, впрочемъ, онъ къ этому вынужденъ былъ тѣмъ, что эта газета есть изданіе университетское, и, значитъ, онъ не могъ отказать въ печатаніи отрывка такихъ лекцій университетскаго профессора, которыя, имѣвъ успѣхъ въ публикѣ, были одобрены университетскимъ начальствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Катковъ доказывалъ благонамѣренность профессора Рулье и согласованія его ученаго изложенія со св. писаніемъ. Послѣ того, князь Ширинскій-Шихматовъ отправилъ, 23-го февраля 1852 года, новое конфиденціальное отношеніе къ московскому попечителю (опять очень обширное и написанное вчернѣ собственноручно самимъ министромъ), гдѣ доказывалъ несогласіе лекцій Рулье со св. писаніемъ. «По всѣмъ изложеннымъ здѣсь уваженіямъ,—говорилъ онъ въ заключеніе попечителю,—вы, конечно, согласитесь со мною, что лекціи профессора Рулье въ настоящемъ ихъ видѣ не могутъ быть дозволены къ продажѣ и обращенію въ публикѣ безъ поколебанія одного изъ важнѣйшихъ догматовъ, исповѣдуемыхъ нашею церковью—сотворенія міра—и что такое распоряженіе, безъ сомнѣнія, посѣяло бы въ читателяхъ справедливое недовѣріе къ направленію университетскихъ преподаваній въ духѣ православія, между тѣмъ, какъ Московскій университетъ такого нареканія вовсе не заслуживаетъ. Выпускъ въ свѣтъ этихъ лекцій, по моему мнѣнію, можетъ быть разрѣшенъ только подъ однимъ условіемъ, именно: если Рулье признаетъ возможнымъ присовокупить къ нимъ общее заключеніе, въ которомъ, назвавъ все несогласное со св. писаніемъ содержаніе ихъ гипотезою, или предположеніями, до которыхъ дошелъ умъ человѣческій самъ собою и естественнымъ методомъ, онъ обратился бы къ истинамъ откровенія и положительно выразилъ, что въ сотвореніи міра вѣрно и непреложно только то, что сказано о томъ въ книгѣ «Бытія».

Это и было выполнено при изданіи остальныхъ лекцій Рулье, а автору ихъ сдѣлано конфиденціальное внушеніе.

27-го января 1852 года князь Ширинскій-Шихматовъ конфиденціально писалъ петербургскому попечителю (черновой проектъ написанъ также собственноручно министромъ), что въ фельетонѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» № 22, въ числѣ новостей изъ Парижа, говорится съ большой похвалой о новомъ танцѣ, la Mazeppa.

«Находя,—говорилъ министръ,—что извѣстіе о новомъ танцѣ, названномъ нашими недоброжелателями «Мазепою» въ честь извѣстнаго измѣнника Россіи, не должно было въ такомъ видѣ имѣть мѣста въ русской газетѣ, издаваемой отъ правительства, и что это ненавистное для всякаго русскаго имя злодѣя, даже и въ приложеніи къ танцу, не

могло по чувству вѣрноподданническаго усердія, подлежать ни малѣйшему одобренію, я покорнѣйше прошу, въ присутствіи Петербургскаго цензурнаго комитета, сдѣлать строгій выговоръ цензору Пейкеру и редактору «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Очкину». Объ этомъ распоряженіи въ то же время сообщено циркулярно всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ.

19-го мая 1852 года князь Ширинскій-Шихматовъ изъяснилъ въ докладѣ государю, что въ недавно напечатанной въ Москвѣ книгѣ подъ заглавіемъ: «Московскій Сборникъ», томъ I, многія статьи обратили особенное его вниманіе. Такъ, въ статьѣ: «Нѣсколько словъ о Гоголѣ» безотчетное расточеніе похвалъ этому писателю можетъ дать даже поводъ къ предположенію, что онъ имѣлъ притязаніе сдѣлаться у насъ какимъ-то преобразователемъ, и такимъ образомъ «наводитъ тѣнь сомнѣнія на намѣренія и дѣйствія, чего покойный писатель нашъ не заслужилъ ни жизнію, ни христіанскою своею кончиною». Въ статьѣ: «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи», авторъ ея, Н. Кирѣевскій, утверждаетъ, что западное просвѣщеніе не соотвѣтствуетъ пользамъ Россіи, что у нея были особенныя начала просвѣщенія, не оцѣненныя европейскимъ умомъ, которыми она жила прежде и которыя теперь еще замѣчаются, помимо европейскаго вліянія, въ русскомъ бытѣ, уцѣлѣвшемъ почти неизмѣнно въ низшихъ классахъ народа. Сочинитель изъявляетъ желаніе, чтобы Россія возвратилась къ началамъ, которыя хранятся въ ученіи православной церкви, и чтобы эти начала, господствуя надъ просвѣщеніемъ европейскимъ и не вытѣсняя его, но, напротивъ, обнимая своею полнотою, дали ему высшій смыслъ и послѣднее развитіе: всѣмъ этимъ, находилъ министръ, «авторъ не отдаетъ должной справедливости безсмертнымъ заслугамъ великаго преобразователя Россіи и державныхъ его преемниковъ, которые, начиная съ царствованія Елизаветы Петровны, обращали вниманіе на сохраненіе неприкосновенными основныхъ началъ нашего быта, какъ это доказываютъ многія государственныя постановленія, особенно послѣдовавшія въ настоящее благополучное царствованіе». Въ послѣдующей статьѣ: «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще, и у русскихъ въ особенности», К. Аксаковъ утверждаетъ, что въ древней Руси было общинное устройство, или общинный бытъ; другими словами, въ ней преобладало начало демократическое; все это министръ находилъ столько же не справедливымъ, сколько и вреднымъ. Указавъ, далѣе, на не совсѣмъ одобрительныя стихотворенія: «Мы родъ избранный», Хомякова, и «Бродяга». И. Аксакова, князь Ширинскій-Шихматовъ говорилъ въ заключеніе: «Когда я кончилъ разсмотрѣніе вполнѣ цѣлой книги, мнѣ само собою представилось замѣчательное сходство во взглядахъ участниковъ этого изданія на не-

удовлетворительность, для русскихъ, образованности западной и необходимость обратиться къ нашимъ собственнымъ началамъ просвѣщенія... Эта господствующая мысль въ «Московскомъ Сборникѣ» едва-ли можетъ быть признана дѣломъ случайнымъ и невольно приводитъ къ вѣроятности предположенія, что она не чужда цѣли изданія. Осмѣливаюсь думать, что хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней должно быть одностороннее и безусловное, иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и, вмѣсто пользы, принести существенный вредъ»... Сдѣлавъ, за пропускъ этого Сборника, строгій выговоръ цензору, князю Львову, министръ обратилъ вниманіе Московскаго цензурнаго комитета на «Сборники» вообще и на другіе томы «Московскаго Сборника» въ особенности. На этомъ докладѣ послѣдовало, 27-го мая, высочайшая резолюція: «Ваши замѣчанія совершенно справедливы, впредь сборники подвергнуть тѣмъ же правиламъ цензуры, какъ и всѣ другіе журналы».

4-го іюня 1852 года генералъ-адъютантъ Анненковъ, не зная этого производства, сообщилъ, конфиденціально, князю Ширинскому-Шихматову свои замѣчанія по поводу приведенной уже выше статьи К. Аксакова «О древнемъ бытѣ у славянъ» (помѣщенной въ «Московскомъ Сборникѣ» [1]) по которымъ послѣдовала еще 27-го мая, высочайшая резолюція: «Все справедливо, и сборники впредь подчинить тѣмъ же цензурнымъ правиламъ, какъ и журналы». Князь отвѣчалъ, что это дѣло было уже имъ самимъ доложено государю и получило высочайшее разрѣшеніе. Но вскорѣ послѣ того, 24-го іюля, министръ въ новомъ докладѣ изложилъ, что для разрѣшенія возникшихъ затрудненій въ опредѣленіи понятія «сборникъ», онъ полагалъ бы объявить по цензурному вѣдомству слѣдующее поясненіе: 1) Подъ именемъ «сборника» слѣдуетъ разумѣть собраніе новыхъ оригинальныхъ или переводныхъ сочиненій и статей разныхъ писателей, подъ общимъ заглавіемъ. Сборникъ можетъ выйти одинъ только разъ, или выходить ежегодно. Содержаніе его бываетъ литературное, ученое или художественное, но безъ систематической связи и послѣдовательности; 2) сборники должны выходить въ полномъ объемѣ своемъ, а не отдѣльными выпусками или томами; 3) къ сборникамъ не относятся: а) собранія напечатанныхъ уже прежде сочиненій и переводовъ, въ родѣ хрестоматіи, б) собранія древнихъ актовъ, в) записки ученыхъ обществъ, г) мѣстные календари и д) разнаго рода словари.

---

[1]) Должно также замѣтить здѣсь, что по высочайше утвержденному мнѣнію Комитета 2-го апрѣля, запрещено перепечатаніе, гдѣ бы то ни было, статьи К. Аксакова.

На этомъ докладѣ послѣдовала, 25-го іюля, высочайшая резолюція: «Согласенъ».

Когда же, впослѣдствіи, была представлена въ цензуру И. Аксаковымъ рукопись II-го тома «Московскаго Сборника», то генералъ-лейтенантъ Дубельтъ представилъ 23-го января 1853 года слѣдующее свое мнѣніе: «Разсмотрѣвъ статьи, помѣщенныя во II-мъ томѣ «Московскаго Сборника», я нахожу, что московскіе славянофилы смѣшиваютъ приверженность свою къ русской старинѣ съ такими началами, которыя не могутъ существовать въ монархическомъ государствѣ, и, явно недоброжелательствуя нынѣшнему порядку вещей, въ заблужденіи мыслей своихъ, безпрерывно желаютъ оттолкнуть наше отечество ко временамъ равноапостольнаго князя Владиміра, что хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ-то: Ивану Аксакову, Константину Аксакову и Хомякову уже были дѣлаемы внушенія, но это на нихъ не подѣйствовало, а первый изъ нихъ такое сочиненіе, которое правительствомъ было признано неумѣстнымъ, не только дополнилъ, но и напечаталъ; что вообще они, даже послѣ сдѣланныхъ имъ внушеній, дерзко представляютъ къ напечатанію статьи, которыя обнаруживаютъ ихъ открытое противодѣйствіе правительству. Дабы разъ навсегда положить предѣлъ распространенію такого вреднаго образа мыслей и предупредить строгія, но справедливыя взысканія правительства, которымъ подвергаются цензоры, я полагаю: 1) второй томъ «Московскаго Сборника» вполнѣ запретить; 2) равно прекратить и дальнѣйшее изданіе этого сборника; 3) редактора Ивана Аксакова лишить права быть редакторомъ какихъ бы то ни было изданій; 4) И. Аксакову, К. Аксакову, Хомякову, Кирѣевскому и князю Черкасскому, сдѣлавъ наистрожайшее внушеніе за желаніе распространять нелѣпыя и вредныя понятія, воспретить даже и представлять къ напечатанію свои сочиненія; 5) всѣхъ ихъ, какъ людей открыто неблагонамѣренныхъ, подвергнуть не секретному, но явному полицейскому надзору».

Вслѣдъ за тѣмъ, 2-го марта 1853 года, князь Ширинскій-Шихматовъ вошелъ къ государю съ весьма обширнымъ докладомъ (предварительно просмотрѣннымъ начальникомъ III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, графомъ Орловымъ), котораго главныя черты были слѣдующія: Во II-мъ (рукописномъ) томѣ «Московскаго Сборника» не мало статей, которыя, по предосудительности выраженныхъ въ нихъ мыслей, высказывающихъ недоброжелательство къ настоящему порядку вещей и косвенное неодобреніе предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ къ благу народному, не только не могутъ войти въ составъ настоящаго сборника, но и вообще не могутъ быть допущены къ печатанію, и должны быть подвергнуты строгому запрещенію. Таковы статьи: 1) «Нѣсколько словъ по поводу

*

статьи г. Кирѣевскаго, помѣщенной въ I-мъ томѣ «Московскаго Сборника»: «О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи», соч. А. Хомякова. Здѣсь Хомяковъ защищаетъ статью Кирѣевскаго, а отъ себя говоритъ такія, напримѣръ, вещи: «Со временъ Владиміра, большая часть русскихъ были христіанами по обряду, а не по разуму»... «Желѣзныя формы административнаго просвѣщенія»... «Западъ былъ счастливо бѣденъ, а Востокъ богатъ ересями»... «Таблица счетоводства между Богомъ и его твореніемъ»... и т. д. 2) «Богатыри великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ», соч. К. Аксакова. Здѣсь авторъ изображаетъ равенство и братство богатырей за пирами у Владиміра; богатыри собираются около него вольно, безъ подобострастія; съ великою княгинею чинятся еще менѣе; нецѣломудренныя и неблаговидныя дѣянія великаго князя и дружины его, выставленныя, какъ бы на показъ, совершаются не въ язычествѣ, но въ христіанствѣ. 3) «О подвижности народонаселенія въ древней Россіи», сочин. князя В. Черкасскаго. Начиная отъ древнѣйшихъ временъ до «варяжскаго порабощенія» (такъ авторъ называетъ прибытіе Рюрика съ братьями и дружиной), князь Черкасскій указываетъ на обычай свободныхъ переходовъ крестьянъ (т. е. побѣжденныхъ) отъ одного землевладѣльца (т. е. побѣдителя) къ другому. Это право перехода было постепенно ограничиваемо князьями и наконецъ совершенно отнято царемъ Борисомъ Годуновымъ. Такимъ образомъ, статья эта есть болѣе или менѣе неосторожное прикосновеніе къ одному изъ основныхъ началъ государственнаго нашего быта. 4) «О общественной жизни въ губернскихъ городахъ», соч. И. Аксакова. Явленіями провинціальнаго прогресса, по словамъ его, служатъ: учрежденіе клубовъ, наполненныхъ эманципированными дамами и дѣвицами, дѣтскіе балы, которые онъ называетъ нравственнымъ душегубствомъ, отягощеніе крестьянъ для пособія бѣднымъ дамскаго общества. «Въ провинціяхъ, говоритъ онъ, смотрятъ сквозь пальцы на всѣ злоупотребленія. Тамъ существуетъ радушное панибратство съ развратомъ и взяточничествомъ, хлѣбосольство, со всякимъ порокомъ, будь только онъ въ знатной и богатой оправѣ. Помѣщики сѣкутъ своихъ музыкантовъ за фальшивую ноту въ симфоніи Бетховена, помѣщицы рядятся на деньги, собранныя съ крестьянскихъ дѣвокъ, откупившихся у нихъ отъ принужденнаго замужества». Вообще вся эта статья есть не что иное, какъ крайне неприличная и непрерывная насмѣшка надъ нравами и обычаями губернскихъ дворянскихъ обществъ, не столько дѣйствительно существующими, сколько воображаемыми авторомъ. Въ этой статьѣ оскорбляются, а часто и искажаются нравственное приличіе и благопристойность. 5) «О замѣчательномъ ремесленномъ устройствѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ярославской губерніи», соч. Ивана Аксакова. Здѣсь выставляется, какъ бы въ обра-

зецъ, ремесленный союзъ пяти селеній, какъ проявленіе общиннаго быта. Крестьяне, управляющіеся сами собой безъ вмѣшательства помѣщиковъ, которые съ ними на это согласились, по своему призванію занимаются дѣланіемъ ящиковъ для купцовъ, поровну дѣлятъ межъ собой выработанныя деньги, и сходка ихъ называется «всемірною», которая выбираетъ бурмистра и старшинъ на неопредѣленное время, «пока міру будутъ любезны». Сочинитель, въ заключеніе, благодаритъ помѣщиковъ, «которые не насилуютъ крестьянскаго быта и не вмѣшиваются въ ихъ дѣла, давая имъ жить и устраиваться по-своему». Въ противуположность этому союзу ремесленному, выставляется городская производительность, которая «существуетъ не совсѣмъ на русскихъ основаніяхъ». Такое особенное проявленіе въ жизни народной, замѣчалъ министръ, какъ единственное въ своемъ родѣ, завися отъ мѣстности и нравовъ, не можетъ быть всеобщимъ въ разноплеменной, разноклиматной и разнохарактерной Россіи, гдѣ все приводится къ спасительной для нея цѣлости самодержавіемъ и православіемъ». 6) «Отвѣтъ крестьянъ помѣщику о работѣ на фабрикахъ», соч. Ивана Аксакова. Въ одной многочисленной вотчинѣ крестьяне, работавшіе для фабрикантовъ у себя дома, отказались отъ весьма выгоднаго предложенія, сдѣланнаго имъ помѣщиками ихъ, работать для нихъ на самихъ фабрикахъ. Этимъ примѣромъ авторъ старается подкрѣпить свое мнѣніе о нравственномъ преимуществѣ перваго рода работъ надъ послѣдними, и что не слѣдуетъ стѣснять крестьянъ въ выборѣ ихъ промышленныхъ занятій. 7) «Мірской приговоръ Рыбинской-Ловецкой слободы, Ярославской губерніи», Ивана Аксакова. Этотъ старинный документъ (напеч. въ «Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1850 г.) состоялся, за 166 лѣтъ, относительно мѣръ, установленныхъ крестьянскимъ обществомъ къ предупрежденію побѣговъ изъ ихъ слободы. Аксаковъ считаетъ, что губернскія вѣдомости читаются у насъ мало, а онъ желаетъ доказать сходство мірскаго управленія и крестьянскихъ приговоровъ до-Петровской Россіи съ современными. 8) «Мелкія стихотворенія»: а) «Въ душѣ видна», К. Аксакова, б) «Луна и Солнце», его же в) «На борьбу съ порокомъ», Ивана Аксакова, г) «На борьбу съ неправдою и развратомъ», его же. Эти стихотворенія, говорилъ министръ, содержатъ въ себѣ не весьма благонамѣренныя идеи, весьма загадочно и темно выраженныя. Такъ, въ послѣднемъ, поэтъ видитъ невозможность идти въ настоящее время на жаркій бой, на подвигъ испытаній, потому что.

„..... подвиговъ живыхъ
„Высокихъ жертвъ, борьбы великодушной
„Пора прошла, и намъ, въ замѣну ихъ,
„Борьбы глухой достался жребій скучный.
„Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!“

Но въ замѣну того:

„Есть путь иной...
„..... Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка
„Онъ точитъ дубъ.. долбитъ и капля камень"!

Нельзя по справедливости не опасаться, чтобы подобныя сомнительныя выраженія не были перетолкованы читателями скорѣе въ дурную, чѣмъ въ хорошую сторону; а потому эти стихотворенія не могутъ быть дозволены къ печати». Послѣ того, сказавъ, что прочія 6 статей не заключаютъ ничего предосудительнаго, и повторивъ снова тѣ же доводы противъ славянофиловъ, которые были имъ высказаны по поводу I-го тома «Московскаго Сборника», министръ говорилъ, что изданіе II-го тома, не одобрительнаго въ общемъ духѣ и направленіи, и обнаруживающаго неблагонамѣренное прикосновеніе къ государственнымъ началамъ, не можетъ быть допущено. А потому, главное управленіе опредѣлило: 1) Воспретить печатаніе II-го тома «Московскаго Сборника»; 2) редактору Ивану Аксакову, который не оправдалъ довѣренности правительства при изданіи I-го и приготовленіи II-го томовъ, отказать въ просьбѣ его о продолженіи этого изданія, и вообще изданіе это прекратить совершенно; 3) сверхъ того, И. Аксакова лишить права быть редакторомъ какого бы ни было изданія; 4) сочинителямъ тѣхъ статей, которыхъ общее содержаніе не признано предосудительнымъ, предоставить, буде пожелаютъ, напечатать ихъ отдѣльно или въ повременныхъ изданіяхъ (но отнюдь не въ составѣ Сборника), представить ихъ въ подлежащій цензурный комитетъ; 5) предписать циркулярно по цензурному вѣдомству, чтобы рукописи И. и К. Аксаковыхъ, Хомякова, Кирѣевскаго и князя Черкасскаго не были впредь принимаемы къ разсмотрѣнію цензурными комитетами. Къ этому князь Ширинскій-Шихматовъ присовокупилъ, что по мнѣнію графа Орлова, отъ означенныхъ пяти писателей можно принимать рукописи, но съ тѣмъ, чтобы они представляли ихъ прямо въ главное управленіе цензуры, къ чему и онъ, министръ, не находитъ препятствія.

На этомъ докладѣ послѣдовала 3-го марта 1853 года высочайшая резолюція: «Справедливо».

16-го мая 1852 года, князь конфиденціально писалъ московскому попечителю, что въ мартовскомъ «Москвитянинѣ» № 6, въ смѣси, помѣщена статья: «Онъ», гдѣ обнаруживается нелюбовь, непочтеніе и даже пренебреженіе дочери къ своимъ родителямъ. Напримѣръ, она говоритъ: «Папенька былъ сегодня пьянъ... сердитый такой. Маменьку заперъ въ чуланъ... Папенька сегодня опять заперъ маменьку въ чуланъ. Маменька вѣчно при насъ торчитъ». Въ другомъ мѣстѣ, дочь опять намекаетъ, что отецъ ея, возвратившись изъ гостей, былъ пьянъ, и что его тошнило цѣлый день. Потомъ, съ непонятнымъ въ дочери равно-

душіемъ, говоритъ о болѣзни своего отца, у котораго сдѣлалась водяная: «У папеньки что-то ростетъ животъ. Съ каждымъ днемъ все больше. Маменька говоритъ: водянка». Въ дневникѣ барышня описываетъ, какъ она проводитъ и обманываетъ отца своего и мать, какъ она назначаетъ свиданія своему возлюбленному, какъ онъ ее цѣлуетъ и обнимаетъ, и какъ она проводитъ потомъ ночи безъ сна, въ волненіи и съ головой въ огнѣ. Наконецъ, когда барышню выдаютъ замужъ, она, за двѣ недѣли до свадьбы, назначаетъ въ саду, вечеромъ, въ 8 часовъ, въ сентябрѣ, свиданіе прежнему своему возлюбленному. Бывъ уже невѣстой другаго, пишетъ къ нему, при назначеніи помянутаго свиданія: «Твоя на вѣки» и говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Ахъ, какъ бы хотѣлось расцѣловать его!» По такому содержанію и изложенію статьи «Онъ», ее не слѣдовало позволять печатать, и потому онъ, министръ, просилъ попечителя сдѣлать цензору Ржевскому замѣчаніе за допущеніе ея въ печать.

20-го мая 1852 года князь Ширинскій-Шихматовъ конфиденціально писалъ тому же попечителю, по поводу новаго (10-го) изданія повѣсти: «Битва русскихъ съ кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего мужа», соч. Зрякова, что въ этой повѣсти находятся существенные недостатки. Ясно, что авторъ хотѣлъ польстить не совсѣмъ чистымъ побужденіямъ читателей, допустивъ въ изображеніи взаимной страсти своихъ героевъ такія вольности, которыя нарушаютъ скромность и цѣломудріе (объятія, поцѣлуи). Въ этомъ романѣ говорится иногда и о предметахъ вѣры безъ надлежащаго уваженія; наконецъ, авторъ коснулся и военнаго нашего управленія, выражаясь о немъ не совсѣмъ правильно. Столь же неосновательно безпрестанное употребленіе словъ: ангелъ, ангельскій, небесный, боготворить, обожать, въ примѣненіи къ описаніямъ, исполненнымъ чувственности. Значительное число изданій и заглавіе книги, свидѣтельствующее о предназначеніи ея для многочисленнаго средняго класса читателей, должны бы были побудить цензора Снегирева къ внимательному ея разсмотрѣнію. Вслѣдствіе всего этого, министръ и поручилъ попечителю замѣтить Снегиреву неосмотрительность его въ пропускѣ, безъ измѣненія, 10-го изданія этой книги,

4-го іюня 1852 года князь Ширинскій-Шихматовъ писалъ въ докладѣ, представленномъ, за отсутствіемъ государя, наслѣднику цесаревичу: «генералъ-лейтенантъ Дубельтъ передалъ мнѣ, по принадлежности, письмо къ нему отъ одного изъ издателей «Сѣверной Пчелы», Булгарина, гдѣ онъ изъясняетъ, что предсѣдательствующій во II-мъ отдѣленіи Академіи наукъ, Давыдовъ, сочинилъ русскую грамматику и издалъ ее отъ имени и на счетъ Академіи. По мнѣнію Булгарина, эта грамматика исполнена ошибокъ, недоразумѣній и запутанностей до такой степени, что если она будетъ принята за образецъ въ учебныхъ заведеніяхъ, то до конца исказитъ русскій языкъ. Нѣкоторыя

цвъ замѣченныхъ въ ней Булгаринымъ несообразностей онъ выставилъ наружу и хотѣлъ напечатать, на основаніи цензурнаго устава. Однако же цензура возвратила ему статью, съ пометками карандашемъ, и объявила, что я не дозволяю печатать статью, и все, что только издано и будетъ издано Академіей, должно быть признаваемо ненарушимымъ и неприкосновеннымъ, какъ святыня. Пропуская дерзкія выходки Булгарина противъ академиковъ русскаго отдѣленія, людей почтенныхъ, которыхъ заслуги русской словесности и русскому языку всѣмъ извѣстны, я перехожу къ заключенію письма Булгарина. «Знаю, говоритъ онъ, и убѣжденъ я въ любви его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича къ русскому языку и увѣренъ, что вы (т. е. онъ, Дубельтъ), сдѣлаете пріятность его высочеству, если при докладѣ представите ему мою статью, которая была у министра народнаго просвѣщенія и возвращена мнѣ съ помарками карандашомъ. Эта статья можетъ быть полезна преподавателямъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Пусть они разсмотрятъ ее и удостовѣрятся: правъ-ли я?» Далѣе министръ объяснялъ, что русская грамматика составлена академикомъ Давыдовымъ—тщательно и добросовѣстно, и потомъ, будучи одобрена Академіею, напечатана на ея счетъ; что приводимая изъ цензурнаго устава статья не относится къ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, а также и къ Академіи наукъ, которая есть первенствующее ученое сословіе въ Россійской Имперіи, и цензура не должна пропускать къ напечатанію статей, унижающихъ достоинство ученыхъ сочиненій, одобренныхъ Академіею, чѣмъ поколебался бы авторитетъ ея, и что, убѣдившись въ неблагонамѣренности статьи Булгарина, неприличномъ и слишкомъ рѣзкомъ тонѣ ея, онъ, министръ, не дозволилъ ея къ напечатанію и приказалъ объявить Булгарину, что если онъ дѣйствительно имѣетъ въ виду пользу русскаго языка, то можетъ представить свои замѣчанія, изложенныя со скромностью и приличіемъ, прямо въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности.

На этомъ докладѣ послѣдовала, 7-го іюня, резолюція государя наслѣдника цесаревича: «Совершенно справедливо, и Булгарину замѣтить, чтобы впредь былъ осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ».

12-го августа 1852 года князь Ширинскій-Шихматовъ вошелъ къ государю съ докладомъ, въ которомъ изъяснялъ, что хотя московскій цензоръ князь Львовъ и былъ показанъ, по списку III-го отдѣленія, въ числѣ славянофиловъ, и генералъ-лейтенантъ Дубельтъ обращался къ нему, министру, съ вопросомъ: не признано-ли будетъ нужнымъ уволить Львова отъ должности цензора? но онъ счелъ возможнымъ оставить его въ этой должности на нѣкоторое время, подъ строгимъ наблюденіемъ, съ тѣмъ, чтобы немедленно донести, какъ скоро замѣчено будетъ, что онъ, Львовъ, не воспользовался сдѣланными ему внушеніями и строгимъ выговоромъ. Между тѣмъ,—продолжалъ князь,—въ те-

кущемъ году напечатана въ Москвѣ книга: «Записки охотника», сочин. Тургенева, разрѣшенная къ печати именно Львовымъ. Значительная часть помѣщенныхъ въ ней статей имѣетъ рѣшительное направленіе къ униженію помѣщиковъ, которые представляются вообще или въ смѣшномъ и каррикатурномъ или, еще чаще, въ предосудительномъ для нихъ видѣ. Распространеніе столь невыгодныхъ мнѣній насчетъ помѣщиковъ, безъ сомнѣнія, можетъ послужить къ уменьшенію уваженія къ дворянскому сословію со стороны читателей другихъ состояній. Пропускомъ этой книги прежняя вина цензора Львова усугубилась, и послѣ этого министръ ходатайствовалъ о высочайшемъ соизволеніи на увольненіе его отъ службы.

На этомъ докладѣ послѣдовала, 15-го августа, высочайшая резолюція: «Отставить за небрежное исполненіе своей должности».

Вслѣдъ за тѣмъ (20-го августа) министръ испрашивалъ высочайшаго милосердія относительно того, чтобы объявить просто въ высочайшемъ приказѣ, что Львовъ увольняется отъ службы, безъ объясненія причины, и такимъ образомъ включить это обстоятельство въ увольнительный его видъ.

На этомъ представленіи послѣдовала, 21-го августа, высочайшая резолюція: «Не могу съ вами согласиться; явное небреженіе, а можетъ быть и умыселъ, не могутъ оставаться безъ должнаго взысканія въ примѣръ другимъ».

Въ концѣ того же года министръ государственныхъ имуществъ ходатайствовалъ передъ государемъ о разрѣшеніи поступить на службу Львову, какъ одному изъ главныхъ дѣятелей оказавшейся весьма успѣшною Московской выставки общества сельскаго хозяйства, но государь императоръ отозвался: «Рано».

Послѣ того, вслѣдствіе письменно выраженнаго о томъ желанія начальника военно-учебныхъ заведеній, наслѣдника цесаревича, князь Ширинскій-Шихматовъ испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія на вступленіе князя Львова на службу, не по цензурному вѣдомству; при чемъ ссылался на участіе, принимаемое наслѣдникомъ цесаревичемъ въ этомъ чиновникѣ, который, по прежнему служенію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, былъ всегда извѣстенъ за самаго благонамѣреннаго и усерднаго.

На это послѣдовала, 6-го апрѣля 1853 года, высочайшая резолюція: «Рано».

Львовъ прощенъ и получилъ дозволеніе поступить вновь на службу лишь въ ноябрѣ 1853 года, по личному докладу наслѣдника цесаревича. По докладу же графа Орлова 20-го ноября высочайше повелѣно не считать Львова отставленнымъ отъ службы, а только уволеннымъ. Наконецъ, 23-го ноября 1855 года, высочайше разрѣшено ему вступить вновь въ цензурную службу.

Вслѣдствіе вопроса московскаго попечителя: могутъ-ли быть допу-

щены къ печати въ статьѣ «Московскія скачки, сентябрьскія 1851 года и іюльскія 1852 г.», названія лошадей, заимствованныя отъ именъ святыхъ, какъ-то: «Магдалина», «Маргарита», «Людмила», «Аглая», «Самсонъ», «Олимпія», «Олегъ», «Агнеса», а сверхъ того названія: «Праздничный», «Кандидатъ», «Гречъ», князь Ширинскій-Шихматовъ 16-го августа отвѣчалъ, что названія: «Маргарита», «Аглая», «Олимпія», «Олегъ», «Агнеса», «Праздничный» и «Кандидатъ» могутъ быть допущены къ печати, потому, что первыхъ пяти именъ нѣтъ въ святцахъ, а послѣднее слово имѣетъ болѣе обширный смыслъ, нежели значеніе его какъ ученой степени. Что же касается до пропуска именъ святыхъ: «Магдалина», «Людмила» и «Самсонъ», въ приложеніи къ названію лошадей, то онъ, министръ, не можетъ на это согласиться, также какъ и признать возможнымъ допустить къ печати называть лошадей по фамиліи извѣстнаго нашего писателя (Гречъ), потому что это было бы сопряжено съ личнымъ для него оскорбленіемъ. Когда же московскій попечитель донесъ, что возникли затрудненія по поводу представленной въ цензуру для выпуска изъ типографіи книги «Скачки, рысистые бѣга, и возовыя испытанія Лебедянскаго скаковаго общества съ 1837 по 1847 годъ», которая была одобрена къ напечатанію въ апрѣлѣ 1852 года цензоромъ княземъ Львовымъ, и гдѣ встрѣчались такія имена лошадей, какъ: «Надежда», «Антонія», «Станиславъ», «Мери», «Брюловъ», «Зонтагъ», «Пеликанъ», «Лампада», «Невѣста», «Принцесса»,—то главное управленіе цензуры 29-го ноября 1852 года нашло, что хотя и желательно было бы, чтобы названія лошадей заимствовались только отъ предметовъ, не могущихъ обращать на себя цензурной строгости, но какъ это зависитъ не отъ цензуры, а измѣненіе въ названіяхъ повело бы къ замѣшательству въ родословіяхъ лошадей, обращающихъ на себя справедливое вниманіе охотниковъ, то главное управленіе цензуры опредѣлило: не стѣсняться впредь цензурѣ названіями лошадей, и за симъ выпустить въ свѣтъ книгу: «Скачки, рысистые бѣга» и проч., съ названіями, указанными Московскимъ цензурнымъ комитетомъ; съ каковымъ рѣшеніемъ согласился и министръ народнаго просвѣщенія.

9-го марта 1853 года, князь Ширинскій-Шихматовъ ходатайствовалъ о дозволеніи дѣйствительному статскому совѣтнику Сушкову продолжать изданіе сборника «Раутъ», вышедшаго въ свѣтъ уже два раза, въ 1851 и 1852 годахъ. Главное управленіе полагало возможнымъ дозволить продолженіе этого изданія, но въ видѣ одного лишь тома въ годъ. На этомъ докладѣ послѣдовала, 10-го марта, высочайшая резолюція: «Строго смотрѣть, чтобы не было славянофильныхъ бредней и тому подобнаго вздора».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Наполеонъ I и Наполеонъ III.

(Сравненіе ихъ дѣятельности) [1]).

Запутанность дипломатическихъ отношеній всѣхъ европейскихъ государствъ достигла въ настоящее время высочайшей степени, и какъ сюда входятъ не только интересы политики, но и современные соціальные вопросы,—то отъ этого смѣшались и пришли въ близкое соприкосновеніе всѣ принципы государствъ и обществъ. Окончательное разрѣшеніе такого напряженнаго состоянія представляетъ непреодолимыя препятствія для самыхъ талантливыхъ и искуснѣйшихъ дипломатовъ, и потому предоставлено пока только развитію времени, — ибо при настоящемъ положеніи дипломатіи всякая попытка уладить подобныя дѣла повлекла бы за собою ужасную катастрофу, коей элементы распространены повсемѣстно, и при малѣйшемъ толчкѣ произведутъ всеобщее движеніе, обозначаемое именемъ всеобщей европейской войны.

Такое затруднительное положеніе европейскихъ государственныхъ отношеній не могло быть произведено однимъ человѣкомъ, а напротивъ есть результатомъ повсемѣстно развивающагося направленія вѣка, множества требованій народовъ и многоразличныхъ стремленій соціальныхъ корпорацій,—главную же причину надо искать въ эгоистическомъ матеріализмѣ, составляющемъ основу государственной дипломатіи, при величайшей безсовѣстности въ выборѣ средствъ къ достиженію цѣлей.

Всѣ эти, однако, взаимно противуположные элементы могли бы еще долго оставаться въ спокойномъ равновѣсіи, и, быть можетъ, съ теченіемъ времени подвергнулись бы въ своемъ развитіи различнымъ измѣненіямъ, если бы одинъ современный человѣкъ силою энергіи и хитрости своей не успѣлъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, соединить ихъ и привести въ движеніе для достиженія предначертанныхъ эгоистическихъ цѣлей. Въ какой мѣрѣ противуположны собранные имъ и сое-

[1]) Записка 1860 г. агента В. въ Лембергѣ, составленная на основаніи свѣдѣній, сказанныхъ ему лично бывшимъ въ Лембергѣ провинціаломъ ордена резурекціонистовъ польскихъ Кассевичемъ. — Записка эта представлена князю М. Д. Горчакову.

диненные элементы, въ такой же степени противуположны и противорѣчатъ другъ другу тѣ средства, которыя онъ употребляетъ, чтобы пустить въ ходъ тѣ, даже, повидимому, незначительныя и отдаленнѣйшія пружины, для достиженія предначертанныхъ цѣлей,—при чемъ Макіавелевское правило «цѣль освящаетъ средство» примѣняется въ самомъ обширномъ значеніи слова.

Виновникомъ и руководителемъ этой новой и столь роковой дипломатіи, коей примѣръ преподалъ уже однажды Наполеонъ I, есть императоръ Наполеонъ III, явившійся подобно дядѣ своему орудіемъ судьбы на сценѣ переворотовъ міра.

Этотъ государь достигъ престола Франціи при такихъ же самыхъ предшествовавшихъ революціонныхъ событіяхъ, какъ и Наполеонъ I,—только въ измѣненномъ видѣ и при другихъ обстоятельствахъ. Оба они явились, какъ избранныя дѣтища революціи, оба были ей равно невѣрны, употребивъ ее только орудіемъ своего эгоизма, и, наконецъ, оба подобны другъ другу какъ въ цѣли своихъ дѣйствій, такъ и въ выборѣ средствъ,—съ тою только разницею, что одинъ возвысился быстрыми побѣдами, а другой хочетъ возвыситься своею изворотливою дипломатіею, и какъ Наполеонъ I палъ слѣдствіемъ своихъ безконечныхъ войнъ, такъ, повидимому, и Наполеона III ждетъ та же участь отъ его извращенной дипломатіи.

Какъ Наполеонъ I, подавивъ революцію, проложилъ мечемъ кровавую дорогу къ своей дальнѣйшей цѣли, такъ и Наполеонъ III старается втайнѣ проложить себѣ тотъ же опасный путь посредствомъ коварныхъ дипломатическихъ интригъ, попирая ногами всѣ договоры, всѣ права, даже собственныя обѣщанія, — измѣняя и извращая ихъ смыслъ для собственныхъ выгодъ. Даже революціонныя силы, которыя въ своей монархіи подавляетъ желѣзною рукою, въ чужихъ странахъ развиваетъ усердно, лишь бы только вѣрнѣе достигнуть цѣли своего эгоизма.

Этотъ блескъ величія, къ которому стремится Наполеонъ III, будто бы для Франціи, но собственно для личнаго эгоизма и своей династіи, къ чему онъ приготовляетъ французскій народъ и всю Европу различными брошюрами,—опирается на усвоенныхъ идеяхъ величія его дяди, которому онъ старается подражать во всѣхъ дѣйствіяхъ, а главное на извѣстной суетности французскаго народа, который такъ легко привести въ движеніе посредствомъ обаятельнаго вліянія славы. При такой обстановкѣ, главною основою его трансцендентальной эгоистической политики, равно какъ и французскаго стремленія къ славѣ, есть безъ сомнѣнія владычество надъ міромъ, и прежде всего надъ европейскимъ континентомъ, къ чему первые шаги уже сдѣланы.

Не многіе, конечно, догадывались, что Наполеонъ уже пролагалъ себѣ этотъ путь ослабленіемъ Австріи въ италіанскую кампанію прошедшаго года, и что Сардинія служила ему только предлогомъ, а сво-

бода Италіи — только прикрытіемъ его дѣйствительной цѣли. Австрія, истощенная внутри, не проникавшая замысловъ своего непріятеля, и управляемая неспособными людьми, получила сильный ударъ въ этой войнѣ, но не окончательное пораженіе, какъ это и можно было предвидѣть; теперь она отказывается служить добровольнымъ орудіемъ властолюбивой политики, должна и за это испытать второй и рѣшительный ударъ, ибо такъ рѣшено уже Наполеономъ.—Послѣ ослабленія Австріи, вліяніе на дѣла Италіи есть новый успѣхъ Наполеона на пути къ предназначенной цѣли; особенно же важнымъ шагомъ должно считать стремленіе его къ уничтоженію власти папы, какъ вѣрнаго приверженца Австріи.

Всѣми, однако, этими успѣхами, особенно пріобрѣтенными въ итальянской войнѣ, долженъ быть Наполеонъ обязанъ главнымъ образомъ нравственному подкрѣпленію Россіи. Эта держава, за всѣмъ тѣмъ, представляетъ для него непреодолимое препятствіе къ достиженію владычества надъ Европою и поэтому составляетъ теперь ближайшую цѣль его замысловъ,—къ чему всѣ возможныя мѣры онъ уже, повидимому,и принялъ.

Уже въ Виллафранкѣ Наполеонъ обращалъ вниманіе Франца-Іосифа на двусмысленныя дѣйствія Россіи (о чемъ слышалъ я отъ одного лица, занимающаго значительное мѣсто), стараясь этимъ пріобрѣсть въ Австріи орудіе противъ Россіи; теперь же, когда эта попытка не удалась, Наполеонъ готовится не только уничтожить вліяніе Австріи въ Италіи, но и заставить ее быть орудіемъ его противъ Россіи, — такъ точно, какъ сдѣлалъ Наполеонъ I передъ походомъ 1812 года.

Необходимость унизить и ослабить Россію составляетъ, быть можетъ, единственный пунктъ, на которомъ Пальмерстонъ сошелся съ Наполеономъ, потому что отъ ослабленія Россіи Англія получитъ гораздо бо́льшія для себя выгоды, нежели Франція можетъ ожидать. Поспѣшныя и огромныя вооруженія Франціи и Англіи указываютъ на то, что эти державы не думаютъ на долго откладывать исполненіе давно задуманнаго плана. Только этимъ можно объяснить уступчивость Пальмерстона въ дѣлахъ Италіи и даже насчетъ Суэцскаго канала. Что же касается цѣли англо-французскаго союза, то, нѣтъ сомнѣнія, что конечнымъ его результатомъ будетъ второй экземпляръ Крымскаго похода.

Опасеніе передъ вліяніемъ Россіи на Востокѣ, покореніе Кавказа и облегченіе этихъ средствъ къ завоеванію Турціи,—все это заставляетъ Англію употребить всѣ средства, чтобы подкопать могущество Россіи, а самыми очевидными доказательствами этого служатъ: отсрочка конгресса (и конечно на всегда), неудавшійся заемъ русскаго правительства въ Англіи, дѣятельныя старанія къ скорѣйшему окончанію италіанскаго вопроса и, наконецъ, значительныя въ послѣднее время военныя приготовленія Турціи.

Какъ въ прошедшемъ году Сардинія была употреблена орудіемъ для

ослабленія Австріи, такъ теперь и съ тою же цѣлью думаетъ Наполеонъ употребить Турцію орудіемъ противъ Россіи. Обнаруживающіяся въ послѣднее время интриги французскаго правительства противъ владѣтелей Сербіи и Черногоріи указываютъ на желаніе вызвать Россію, чтобы она первая начала войну съ Турціею, точно такъ, какъ была приведена, въ прошедшемъ году, къ войнѣ съ Сардиніею Австрія. Маркизъ де-ла-Валеттъ, тотъ самый, который извѣстенъ непріязненностью къ Россіи въ 1853 и 1854 годахъ, назначенъ теперь снова посланникомъ въ Константинополь, и уже далъ почувствовать свое вліяніе въ сербскихъ дѣлахъ.

Впрочемъ, не только Турція, но и возстановленіе Польши входитъ въ планы Наполеона и Пальмертона. Вовлечь Россію въ войну съ Турціею, потомъ явиться съ соединенными силами Англіи и Франціи посредникомъ въ пользу Турціи, а за тѣмъ и въ пользу возстановленія Польши,—все это составляетъ цѣль, на счетъ которой уже давно согласились, и которую даже худо скрываютъ, потому, что всѣмъ извѣстны надежды, данныя Наполеономъ польскимъ эмигрантамъ въ Ниццѣ, въ прошедшемъ году—конечно только для того, чтобы вооружать поляковъ противъ Россіи. Еще менѣе имѣется въ виду цѣлость Турціи, раздѣлъ коей, повидимому, уже рѣшенъ въ англо-французскомъ союзѣ. Франція явно утверждаетъ свое вліяніе на Востокѣ, она уже стала твердою ногою въ Абиссиніи, и египетская экспедиція, быть можетъ, еще разъ повторится въ подражаніе замысловъ Наполеона I.

Такимъ образомъ, скорое выполненіе обширной задачи англо-французскаго союза зависитъ отъ скораго рѣшенія дѣлъ въ Италіи. Но Австрія предоставляетъ въ этомъ случаѣ величайшее сопротивленіе, и какъ это обстоятельство затрудняетъ развитіе дальнѣйшаго плана союзниковъ, то Россія могла бы имѣть довольно времени для необходимыхъ приготовленій и сосредоточенія своихъ силъ.

Хотя Россія имѣетъ значительныя силы и неисчерпаемыя средства для того, чтобы обезопасить себя противъ подобнаго насильственнаго нападенія; но въ настоящемъ случаѣ, для успѣшнѣйшаго ниспроверженія замысловъ бонапартистской политики и разсчетовъ англо-французскаго союза, было бы весьма полезнымъ сдѣлать только впрочемъ моментальное сближеніе съ Австріею,—тѣмъ болѣе, что теперь можно легко склонить вѣнскій кабинетъ на уступки въ Восточныхъ дѣлахъ.

Мы стоимъ на краю ужасной исторической катастрофы, то-есть всеобщей европейской войны. Куда она поведетъ, какіе цѣли и успѣхи будутъ ею достигнуты,—отвѣтъ на это лежитъ въ будущемъ развитіи событій, которыя во всякомъ случаѣ представляютъ глубокомысленному политику обширное поле для государственныхъ комбинацій.

Сообщ. **А. Н. Крыжановскій**.

Неизданныя письма И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу.

1.

19-го апрѣля 1806 г. Москва.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичъ.

Чувствительно благодарю васъ за дружеское ваше писаніе; все, что вы ни сказали въ немъ, лестно и сердцу моему и самолюбію; желалъ бы хотя десятою долею оправдать ваше обо мнѣ заключеніе. Увѣряю также въ благодарности моей и Дмитрія Николаевича, котораго, право, я искренно почитаю; я удивляюсь моему счастію, что есть еще добрые люди, которымъ я могу казаться сноснымъ; мнѣ кажется, кучи нелѣпостей, непрестанно выходящія изъ нашихъ привилегированныхъ типографій, могутъ произвести отвращеніе ко всей вообще россійской словесности. Что бы сказали наши внучата о нашемъ просвѣщеніи, если бы дошли до нихъ только русскіе нашихъ временъ журналы? Однакожъ я забылся; мое дѣло теперь читать сенатскія записки. Пусть Хвостовъ ратоборствуетъ на поприщѣ славы и топчутъ [1]) Шаликовыхъ; пусть цензоры раздаютъ имъ лавры и похвалы: предъ ними честь и слава, а я избираю счастливую посредственность и буду очень доволенъ, ежели милые мнѣ люди не перестанутъ меня любить, какъ добраго ихъ друга. Простите, любезный Александръ Ивановичъ! будьте счастливы и увѣрьтесь навсегда въ непремѣнномъ почтеніи къ вамъ и пріязни покорнѣйшаго вашего слуги. Иванъ Дмитріевъ.

---

[1]) Такъ въ оригиналѣ.

2.

4-го февраля 1809 г.

Милостивый государь Александръ Ивановичъ!

Сколько я порадованъ былъ вашимъ письмомъ, столько недоволенъ тѣмъ, что оно уже не застало меня въ Костромѣ; почему я и не могъ болѣе для васъ сдѣлать, какъ просить отсюда предсѣдателя уголовной палаты г-на Абрамова, чтобъ онъ принялъ въ покровительство свое г-на Ажбукова. Надѣюсь, что эта просьба послужитъ въ его пользу.

Искренно васъ поздравляю съ новымъ званіемъ, которое подъ руководствомъ человѣка, не лестно почитаемаго мною, конечно, принесетъ и вамъ и намъ пользу. Скажите мое почтеніе Михайлу Михайловичу (Сперанскому) и увѣрьте его, что я, какъ патріотъ, право, былъ порадованъ, услыша о новой къ нему высокомонаршей милости.

Ежели Дмитрій Николаевичъ (Блудовъ) уже возвратился, то передайте и ему мое поздравленіе съ полученіемъ въ отечествѣ виттовъ знака отличія.

Я еще меньше вашего знаю о московской литературѣ, ибо, возвратясь изъ Костромы больной, уже третья недѣля сижу дома и почти никого не вижу во все это время. Залетѣла ко мнѣ одна только ода вашего лирика гр. Хвостова: «На случай обрученія ея высочества», которая еще болѣе увѣрила меня, что истинный геній не имѣетъ своего запада.

Между тѣмъ примите искреннее увѣреніе въ душевномъ къ вамъ почтеніи и привязанности преданнѣйшаго вамъ слуги. И. Дмитріевъ.

3.

10-го августа 1812 г. Москва [1]).

Искренно благодарю васъ, милостивый государь Александръ Ивановичъ, за два письма и два гостинца. Въ такъ называемой поэмѣ я нашелъ довольно сильныхъ стиховъ, но сряду читать всю, право, устанешь. Родимое покороче, однакожъ и оно, для бесѣды съ цвѣточкомъ, также длинновато. По крайней мѣрѣ я не могъ бы имѣть столько терпѣнія. Одолжите меня сообщеніемъ и обѣщанныхъ двухъ донесеній; я ожидаю, что они будутъ растворены шутливою веселостью, и слѣдственно болѣе придутъ на мой вкусъ. Просилъ бы также васъ прислать хотя нѣсколь-

---

[1]) Напечатано въ Собраніи сочиненій И. И. Дмитріева (СПБ. 1893, т. II, стр., 251—252), но съ невѣрнымъ обозначеніемъ года.

ко стиховъ изъ поэмы молодаго Пушкина. Батюшковъ раздразнилъ мое любопытство.

Вчера я порадованъ былъ Дашковымъ, который пишетъ, что онъ уже рѣшился непремѣнно возвратиться въ отчизну. Воздухъ Константинополя не благопріятствуетъ его здоровью. Хорошо, если бы и Вяземскому пришлось венгерское, а Батюшкову пріѣлись устрицы и макароны.

Сегодня братъ мой отправился во-свояси; можетъ быть, черезъ недѣлю и я пущусь вслѣдъ за нимъ; можетъ быть, въ ветхомъ домѣ, моемъ ровесникѣ, ибо въ немъ праздновали новоселье вмѣстѣ съ моимъ рожденіемъ, удастся мнѣ написать первыя страницы моихъ воспоминаній. Не поздно-ли? Можетъ быть, тамъ и умру. Чему быть, того не миновать. Между тѣмъ мысленно васъ обнимаю и съ душевнымъ почтеніемъ пребуду на всегда, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ. Кланяйтесь отъ меня почтеннымъ Карамзинымъ и Натальѣ Яковлевнѣ.

4.

18-го сентября 1813 г. Москва [1].

Милостивый государь мой Александръ Ивановичъ!

На сей почтѣ отправится отсюда въ благотворительную коммиссію свидѣтельство о разореніи здѣшняго почтамтскаго доктора Фейлера. Онъ мнѣ давно знакомъ, и я дѣйствительно увѣренъ въ томъ, что онъ потерялъ почти все свое имущество, доведенъ содержать жену, тещу, свояченицу и дочь однимъ только жалованьемъ, котораго получаетъ не болѣе 600 рублей. Прибавьте къ тому, что шестидесятилѣтняя старость уже не позволяетъ ему имѣть большой практики, въ которой онъ по искусству своему не имѣлъ недостатка. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, любезный Александръ Ивановичъ, объясните, когда надобно будетъ, о всѣхъ обстоятельствахъ этого почтеннаго человѣка князю Александру Николаевичу [2]). Зная расположеніе его къ христіанскимъ добродѣтелямъ, я почти увѣренъ въ успѣхахъ моего ходатайства, если вы, по свойственной вамъ чувствительности и по пріязни вашей ко мнѣ, возьмете на себя быть моимъ органомъ.

Я хотя и въ Москвѣ, но вижусь съ Карамзинымъ не часто, ибо онъ живетъ еще въ деревнѣ.

На сихъ дняхъ получилъ я довольно новостей петербургской слове-

---

[1]) Въ „Рус. Арх“. 1867 г. (№ 7, стр. 1081) даты не обозначено.

[2]) Голицыну.

сности: отъ двухъ сенаторовъ по одѣ, отъ одного изъ двухъ еще и переводъ Горація и Буало о стихотворствѣ, да отъ преосвященнаго и прелюбезнаго Ѳеофилакта эстетическія разсужденія Анонильона. Разумѣется, что я начну чтеніе мое съ послѣдней, дабы она вразумила меня лучше почувствовать изящность первыхъ.

Прошу васъ сказать мое почтеніе Алексѣю Николаевичу Оленину и попросить его, не можно-ли поскорѣе доставить ко мнѣ виньеты къ моимъ сочиненіямъ.

Между тѣмъ желая вамъ всевозможныхъ благъ съ нельстивымъ почтеніемъ имѣю честь быть покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

5.

17-го января 1814 г. Москва [1]).

Чувствительно благодарю васъ за письмо и за присылку надгробнаго слова несчастному Моро. Въ то же время получилъ его и отъ самого автора [2]). Сдѣлайте мнѣ одолженіе, увѣрьте его въ моей признательности, равно какъ и въ почтеніи къ его таланту. Я читалъ съ большимъ удовольствіемъ его произведеніе. Если можно чего пожелать къ бо́льшему его совершенству, такъ развѣ только подробнѣйшаго изложенія воинскихъ подвиговъ прославляемаго полководца; впрочемъ, всѣ условія оратора исполнены.

Поздравляю васъ не съ однимъ новымъ годомъ, но и съ концомъ минувшаго: я очень порадовался, увидя въ газетахъ о пожалованіи васъ статскимъ совѣтникомъ; не меньшее взялъ участіе и въ Николаѣ Ивановичѣ [3]), дай Богъ и ему ваше счастіе.

Между тѣмъ съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ и привязанностію имѣю честь быть вашего высокородія покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Семеновнѣ [4]) прошу васъ засвидѣтельствовать непремѣнное почтеніе.

---

[1]) Письмо это напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г. № 7, стр. 1082, но съ невѣрною датой.

[2]) С. С. Уварова, напечатавшаго книжку: «Eloge funèbre de Moreau». St.-Pétersbourg. 1813.

[3]) Младшій братъ А. И. Тургенева.

[4]) Мать А. И. Тургенева.

6.

10-го января 1815 г. Москва.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичъ!

Хотя успѣхъ и не отвѣчалъ моему желанію, тѣмъ не менѣе увѣренъ въ вашемъ доброжелательствѣ Аннѣ Львовнѣ [1]).

Чувствительно благодарю васъ за сообщеніе мнѣ литературныхъ новостей: истолкованіе псалма довольно любопытно, желалъ бы и впередъ получать подобное. Успѣлъ на досугѣ воспользоваться и отчетомъ: порадовался успѣхамъ и съ умиленіемъ читалъ въ немъ многія письма.

Для чего вы лишили меня удовольствія прочитать и рѣчи . . . . [2]) желалъ бы очень сравнить ее съ прежнею.

Съ отъѣздомъ Сѣверина изъ Парижа, я ничего не получаю изъ французской словесности. Очень одолженъ буду вамъ, если вы обогатите меня излишкомъ.

Что же касается до поэмы Жуковскаго, я уже читалъ ее: прекрасныхъ стиховъ и даже цѣлыхъ мыслей очень много; только я желалъ бы больше ровности и авторскаго искусства въ консепціи, желалъ бы, чтобы онъ наблюдалъ болѣе экономіи въ описаніяхъ и не повторялъ бы, какъ иногда случается, одной и той же мысли. Тогда прекрасные стихи его были бы еще совершеннѣе. Но подаждь Фебъ, чтобы и эдакъ у насъ больше писали!

Наконецъ, усерднѣйше привѣтствую васъ съ новымъ годомъ, будьте въ продолженіе онаго счастливы во всѣхъ отношеніяхъ. Это есть самое непремѣнное желаніе пребывающаго къ вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ и пріязнію, милостивый государь мой, вашего покорнѣйшаго слуга, Ивана Дмитріева.

7.

16-го апрѣля 1816 г. Москва.

Поспѣшаю изъявить вамъ искреннюю признательность мою за пріятное ваше письмо и доставленную при ономъ книгу. Покорнѣйше прошу васъ передать за нее благодарность мою князю Александру Николаевичу (Голицыну).

Эта книга довольно любопытна; для меня же особенно по многимъ грамотамъ, въ ней помѣщеннымъ. Ежели я не отыщу нѣкоторыхъ томовъ въ своей библіотекѣ, то съ благодарностію воспользуюсь благосклоннымъ предложеніемъ вашимъ.

---

[1]) Пушкиной.

[2]) Фамилія не разобрана.

Вы привѣтствуете меня съ возвращеніемъ В. Л. (Пушкина), но на долго-ли? Это перелетная птица. Выслужа арзамасскаго гуся, онъ теперь еще болѣе вскруженъ отъ Петербурга. Только и говоритъ о скоромъ переселеніи.

Наконецъ, привѣтствую васъ заднимъ числомъ съ недавно минувшимъ высокоторжественнымъ днемъ всего христіанства, и поручивъ себя продолженію вашей пріязни, съ душевнымъ почтеніемъ навсегда пребуду вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Поцѣлуйте за меня Василія Андреевича (Жуковскаго) и увѣрьте въ моей искренной признательности за вторую часть прекрасной поэзіи.

8.

Іюля 20-го 1816 г. Москва [1]).

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь, Александръ Ивановичъ, за дружеское ваше письмо и сообщеніе мнѣ вашего отчета. Требуя отъ меня критики, вы конечно предполагаете во мнѣ самую холодную душу: можно-ли искать недостатковъ въ слогѣ въ такомъ родѣ сочиненія, которое дышетъ человѣколюбіемъ, милостынею и пользою? Я читалъ его съ большимъ участіемъ, отъ первой до послѣдней страницы, и заключеніе ваше назову безъ всякой лести прекраснымъ произведеніемъ чувствительнаго и при томъ искуснаго литератора, даже оратора.

Искренно раздѣляю съ вами чувства о потерѣ И. В. [2]) и всегда съ уваженіемъ вспомню имя его; а о кончинѣ Державина всегда вздохну отъ сердца: онъ былъ геній, благонамѣренный гражданинъ и нѣкогда любилъ меня. Наконецъ, заключаю сердечнымъ желаніемъ, чтобы и вы не переставали любить искренняго вашего почитателя и покорнѣйшаго вашего слугу. Иванъ Дмитріевъ.

9.

11-го декабря 1816 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь, Александръ Ивановичъ, за дружеское ваше одолженіе исполненіемъ просьбы моей. Я показывалъ ваше письмо С. С. Кушникову, и онъ столько же вамъ благодаренъ.

---

[1]) Письмо это напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» (1867 г. № 7 стр. 1085), но дата невѣрна.

[2]) Ив. Владим. Лопухинъ, извѣстный мистикъ.

Я позавидовалъ вамъ въ богатствѣ литературныхъ новостей. Хотѣлъ бы прочитать и то и другое. Мы, бѣдные москвичи, очень бѣдны въ новостяхъ иностранной словесности, и только, увы, питаемся отъ крупицъ, падающихъ со стола Антона Антоновича Антонскаго, т. е. басенками Василія Львовича и Вельяшева.

Простите, любезный Александръ Ивановичъ, я поручилъ Н. А. Всеволожскому побывать у васъ и разсказать о моемъ житьѣ-бытьѣ. Пожалуйста приласкайте его; онъ, право, человѣкъ хорошій и умный. Затѣмъ, сердечно васъ обнимаю и съ искреннымъ почтеніемъ къ вамъ пребуду вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

10.

22-го декабря 1816 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь, Александръ Ивановичъ, за путешествіе двухъ членовъ. Я съ умиленіемъ читалъ о крестьянинѣ-проповѣдникѣ на островѣ Эзель. Хорошо, если бы всѣ такъ были проникнуты искренною любовью къ Божьему слову!

Между тѣмъ, какъ міряннинъ, и увѣренный при томъ въ вашей ко мнѣ пріязни, убѣдительнѣйше прошу васъ увѣдомить меня, не знаете-ли вы, какой ходъ данъ двумъ спискамъ нашей коммиссіи, которые отъ нашего генералъ-губернатора уже давно отправлены къ государю. Не отданы-ли они для разсмотрѣнія къ князю Александру Николаевичу, какъ управляющему благодѣтельными обществами. Вы очень одолжите меня, если не отречетесь быть со мною искренны въ этомъ случаѣ.

Извѣщеніемъ въ прежнемъ вашемъ письмѣ о полученныхъ новостяхъ, кажется, вы хотѣли только раздразнить мое любопытство: для чего бы не прислать хотя крошечку и мірскаго? Напримѣръ, воспоминанія Шатобріана объ Англіи, Италіи и пр. только не петербургскаго изданія, или два письма Фуше къ Веллингтону. Сколько я ни старался, но здѣсь не могъ отыскать ихъ.

Затѣмъ, простите, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ; примите искренное поздравленіе съ наступающимъ новымъ годомъ и будьте увѣрены въ непремѣнномъ моемъ почтеніи вашего превосходительства покорнѣйшаго слуги Ивана Дмитріева.

11.

3-го января 1817 г. Москва.

Милостивый государь, Александръ Ивановичъ!

Чувствительно благодарю васъ за всѣ доказательства вашей ко мнѣ пріязни. Я не въ правѣ ожидать, чтобъ всѣ мои просьбы имѣли равный

успѣхъ, по крайней мѣрѣ, никогда не усомнюсь въ вашемъ ко мнѣ доброжелательствѣ.

Покорнѣйше прошу васъ передать благодарность мою и Николаю Ивановичу за его милый подарокъ. Какъ бы жаль было, если бы и эта умная брошюра писана была на русскомъ и попала въ графскія руки!

На послѣдней почтѣ я писалъ къ вамъ опять объ моемъ племянникѣ. Между тѣмъ, онъ увѣдомляетъ батюшку, будто надѣется скоро быть выпущенъ въ офицеры. Какъ бы я обязанъ былъ вамъ, почтенный Александръ Ивановичъ, если бы вы взяли трудъ прежде, нежели отдадите письмо князю Александру Николаевичу, увидѣть самого племянника, развѣдать объ немъ отъ его начальниковъ и переговорить съ сестрой моей Анной Николаевной Смирновой (она живетъ на Васильевскомъ островѣ подлѣ Академіи художествъ), а послѣ я уже просилъ бы васъ поступить по собственному вашему благоусмотрѣнію.

Чувствую самъ, что слишкомъ докучаю вамъ моими просьбами, но извиняюсь только тѣмъ, что вижу въ васъ моего земляка и достойнаго сына Ивана Петровича, который никогда не умиралъ въ моемъ сердцѣ.

Съ душевнымъ почтеніемъ и привязанностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

12.

10-го января 1817 г. Москва.

Милостивый государь, Александръ Ивановичъ!

Чувствительно благодарю васъ за пріятное ваше письмо отъ 5-го сего мѣсяца. Я желалъ бы, чтобъ князь Александръ Николаевичъ не успѣлъ доложить, пока не получите послѣднее мое письмо; въ немъ я просилъ васъ увидѣть самаго племянника и поговорить объ немъ съ моею сестрою и съ его учителями. Признаюсь вамъ, что я по хилому его здоровью и по весьма бѣдному росту, не предвижу, чтобъ онъ, хотя бы и вышелъ въ офицеры, могъ имѣть удачу въ военной службѣ, а потому и желаю видѣть его въ гражданской; но, съ другой стороны, боюсь и сдѣлать ему насиліе въ выборѣ службы. Теперь же еще и болѣе боюсь, чтобъ не выпустили его безъ офицерскаго чина. Въ такомъ случаѣ, я лучше бы желалъ, чтобъ испросить ему изъ Пажескаго корпуса годовой отпускъ для поправленія его здоровья.

Сдѣлайте милость, любезный Александръ Ивановичъ, примите на себя быть его покровителемъ и поступите такъ, какъ согласно будетъ съ его выгодами.

Милость, оказанная Жуковскому, принесла и мнѣ большое удовольствіе, я мысленно поздравляю его отъ всего сердца, а васъ поблагодарилъ,

что умѣете быть другомъ на самомъ дѣлѣ. Пѣсню его еще не получилъ, съ нетерпѣніемъ ожидать буду.

Отъ Библіотеки же даровъ и ожидать не смѣю. Она и Академія благоволила только ко мнѣ, когда я былъ министромъ, со времени моего ничтожества я и продолженія Академическаго словаря не получаю.

Праздники прошли, всѣ новости уже прочли, и у насъ теперь все успокоилось, кромѣ университета; профессоры готовятся къ смотру, а ученики налаживаютъ лиры и затверживаютъ аріи для привѣтствія новаго пастыря.

Съ душевнымъ почтеніемъ и привязанностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

13.

8-го февраля 1817 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за дружеское ваше письмо и присылку пріятнаго для меня подарка отъ милаго Жуковскаго. Въ то же время получилъ я и отъ Воейкова переводъ Делилевой поэмы. Хотя послѣдній пѣвецъ и уступитъ первому, но все пѣвецъ, а не стихотворецъ и отличается многими прекрасными мыслями и стихами; особенно же полюбилось мнѣ заключеніе: нѣчто новое и религіозное. Къ достоинству «С а д о в ъ» недостаетъ развѣ только богатыхъ риемъ; впрочемъ, переводъ дышетъ поэзіей и тѣмъ прекраснѣе, что не похожъ на переводъ. Въ послѣднее пятилѣтіе поэзія наша довольно отличилась и все ей благопріятствовало. Со всѣмъ тѣмъ невольно вырывается вздохъ и приходитъ на мысль: когда и у насъ будутъ писать книги? Мы можете дождаться, а мнѣ, конечно, придетъ(ся) почить на высокопарныхъ извѣстіяхъ и извѣщеніяхъ.

Участь племянника совершенно ввѣряю вашей ко мнѣ пріязни и вашему благоразумію. Сестра пишетъ, что лучше бы прежде испросить ему отпускъ: ежели первая мѣра будетъ для него слишкомъ крута, то я и на эту согласенъ; еще повторяю, какъ вы сами лучше разсудите, за все буду сердечно къ вамъ признателенъ.

Рудуюсь пріобрѣтенію почтеннаго Михаила Александровича; сорадуюсь и всѣмъ счастливымъ состязателямъ на поприщѣ фортуны, и пребуду навсегда съ душевнымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

А князь Колхиды? будетъ-ли ему малѣйшая отрада? Еще вы ничего не говорите о нашихъ спискахъ, конечно, какъ политикъ, хотите скромничать.

14.

11-го февраля 1817 г. Москва.

Я имѣлъ удовольствіе получить сегодня ваше письмо, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, и спѣшу изъявить вамъ сердечную благодарность мою за увѣдомленіе меня объ отпускѣ моего племянника, равно какъ и за содѣйствіе ваше въ семъ дѣлѣ.

Покорнѣйше прошу васъ передать и князю Александру Николаевичу чувствительную благодарность мою за оказанное мнѣ при семъ случаѣ одолженіе.

Вижу теперь на опытѣ, что вы по дѣламъ вашихъ пріятелей не безпечны и не лѣнивы: да поставитъ васъ Богъ въ такое положеніе, чтобы вы еще болѣе имѣли къ тому способовъ.

Впрочемъ, съ чувствами совершеннаго моего почтенія и привязанности навсегда имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

15.

28-го апрѣля 1817 г. Москва.

Милостивый государь мой, Александръ Ивановичъ!

Присланныя отъ васъ проповѣди и переводъ книги св. Максима о любви я имѣлъ удовольствіе получить и покорнѣйше прошу васъ изъявить князю Александру Николаевичу искреннюю благодарность мою за вниманіе, которымъ благоволилъ почтить меня.

Я успѣлъ только прочитать проповѣдь отца Филарета на великій пятокъ: ни одна изъ его проповѣдей, по моему мнѣнію, не имѣла столь важнаго вступленія. Но одно это не составило бы еще достоинства цѣлаго: я нахожу при томъ, что всѣ части обдуманы, выдержаны и дышутъ, такъ сказать, тою силою, которая располагаетъ душу къ умиленному благочестію.

Не премину исполнить вашего порученія насчетъ Алексѣя Ѳедоровича М(ерзлякова), между тѣмъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и привязанностію къ любезному моему земляку имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

16.

Іюля 9-го дня 1817 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за духовный гостинецъ; мнѣ очень нравится, что обѣ духовныя

Академіи и Харьковскій университетъ знакомятъ насъ съ успѣхами своихъ студентовъ; желательно, чтобъ и Московскій университетъ послѣдовалъ сему примѣру.

Что же касается до новаго перевода Евангелія, то я въ такомъ только случаѣ прошу васъ прислать мнѣ втораго (?) изданія, когда послѣдуютъ какія поправки въ слогѣ. Если же оныхъ не будетъ, то для меня довольно и одного экземпляра перваго изданія, который уже давно имѣю. Я просилъ васъ прислать на веленевой бумагѣ, не видавъ еще на простой. Теперь же нахожу, что и простая бумага почти не уступаетъ нашей веленевой.

Радуюсь, слыша хорошія вѣсти о Пушкинѣ. Завтра буду обѣдать у дяди его по зву и праздновать съ тетушкинымъ пріѣздомъ и выздоровленіе племянника.

Дисо куплю, когда пришлютъ его въ Москву. Нынѣ у французскихъ писателей вошло въ моду собирать свои крохи, которыя разсыпаны были въ журналахъ; послѣдуя имъ, и наши стали печатать свои прозаическія крошечки и раздѣлять на томики.

Удивительно, что я такъ давно не имѣю писемъ ни отъ Кривцова, ни отъ Блудова. Ужели онъ и вамъ ничего не отвѣчалъ на счетъ послѣднихъ томовъ «Mémoires de Georgell»? Скоро-ли же вы обрадуете меня свиданіемъ? Въ лестномъ ожиданіи, пребуду навсегда съ отличнымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

17.

Августа 23-го дня 1817 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за дружеское ваше письмо и посылку проспектуса. Теперь всѣ мои знакомцы въ разбродѣ по деревнямъ и подмосковнымъ; при первомъ съ ними свиданіи буду вербовать сускрибентовъ, но едва-ли усердіе мое увѣнчано будетъ желаемымъ успѣхомъ; надѣюсь только на Вяземскаго и Пушкина. Мы всѣ москвичи послѣ пожара еще не пришли въ прежнюю силу. Каждый обстраиваетъ себя, и между тѣмъ исправляетъ городскія повинности, а цѣны и на матеріалы, и на работниковъ утроились.

Ни мало не усумнюсь въ участіи вашемъ къ Батюшкову; вчера я получилъ отъ него письмо изъ Устюга.

Наконецъ мысленно обнимаетъ васъ пребывающій съ душевнымъ къ вамъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

18.

4-го ноября 1818 г. Москва.

Милостивый государь, Александръ Ивановичъ!

Чувствительно благодарю васъ за дружеское ваше письмо съ литературною новизною и за обѣщаніе портретовъ и Галіани. Сдѣлайте одолженіе, выхлопочите для меня у Д. Н. Блудова 5-й, 6-й и 7-й томы записокъ («Mémoires» Жоржеля). Неужели онъ хотѣлъ раздразнить только мое любопытство и оставить меня безъ утоленія? Это была бы пріятельская жестокость!

Московскіе книгопродавцы тиснули вновь мои стихотворенія. Завтра отправлю къ вамъ цѣлый коробокъ съ экземплярами оныхъ. Покорнѣйше прошу васъ принять одинъ изъ нихъ въ знакъ искренней любви къ вамъ и почтенія, а прочія доставить по надписямъ общимъ нашимъ пріятелямъ. Можно-ли послѣ препроводить къ вамъ же и для отсутствующихъ въ чужихъ краяхъ?

Затѣмъ препоручаю себя въ продолженіе вашей пріязни, и съ отличнымъ почтеніемъ навсегда пребуду вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою И. Дмитріевъ.

Нетерпѣливо жду отъ васъ вашей рѣчи, которую всѣ здѣсь очень хвалятъ, и разсужденіе Н. М. (Карамзина).

19.

9-го января 1819 г. Москва.

Сколько я благодаренъ вамъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за всѣ доказательства вашей ко мнѣ дружбы! Наконецъ дождался и я давно ожиданной мною рѣчи! Цѣлые два дни читалъ съ моимъ знакомымъ и торжествовалъ, какъ будто самъ былъ творцомъ ея. Но радость друга не заглушила чувствительности сердца. Оно искренно вздохнуло о судьбѣ музы поэзіи, которая вопреки божественному чину стала отъ лѣтъ преклонна и уныла, вѣроятно, за тѣмъ и не читаны послѣдніе стихи, дабы отъ прочихъ пѣснопѣвцевъ удалить жалкій образъ старушки и не охладить въ нихъ прежняго къ музамъ довѣрія.

Одолженіе ваше Граматину доставленіемъ ему директорскаго мѣста въ К. (Костромской) гимназіи превратилось для него въ большія хлопоты: цѣлые два года провелъ онъ въ борьбѣ съ тремя педагогами. Богу извѣстно, кто изъ нихъ правъ. Онъ описываетъ ихъ мятежнымъ тріумвиромъ, а Граціанскій съ товарищами, кажется, видятъ въ немъ Суллу, который будто хочетъ стиснуть ихъ въ желѣзную лапу. Наконецъ, онъ рѣшилъ добровольно сложить съ себя бремя начальства, и отправляетъ съ кн.

Вяземскимъ прошеніе объ отставкѣ. Сдѣлайте ему и мнѣ одолженіе, нельзя-ли стараніемъ вашимъ исходатайствовать ему благовидное увольненіе. Онъ ничего болѣе не желаетъ, какъ удостоиться получить при отставкѣ орденъ св. Владиміра 4 степени и посвятить себя къ прежней мирной жизни словесника. Сколько я умѣю отгадывать людей, кажется, онъ совсѣмъ не Сулла. Можетъ быть, хотѣлъ только ввести порядокъ и должную подчиненность. Часто и это принимается за строгость, даже и за жестокость.

Я просилъ у В. А. Ж(уковскаго) его портрета, но онъ отзывается, что пришлетъ его не прежде, какъ по полученіи отъ С. С. Уварова; нельзя-ли пособить ему въ томъ, а меня утѣшить скорѣйшимъ доставленіемъ онаго. Не вытерплю, чтобы не напомнить вамъ и о послѣднихъ томахъ «Mémoires de Georgel» 5, 6 и 7.

В. Л. (Пушкинъ) опять въ подагрѣ. Сегодня обѣдаю у него съ кн. Вяземскимъ; постараемся возбудить въ немъ испарину прочтеніемъ рѣчи и кое-чего домашняго. Авось вылѣчимъ.

Съ душевнымъ почтеніемъ и пріязнію вашего превосходительства покорный слуга И. Дмитріевъ.

P. S. Братцу мое почтеніе.

20.

Марта 27-го дня 1819 г. Москва.

Милостивый государь мой, Александръ Ивановичъ!

Чувствительно благодарю васъ за дружеское ваше письмо и сообщеніе тетрадки критическаго журнала. Могу-ли васъ просить сообщать мнѣ и слѣдующія по мѣрѣ, какъ онѣ выходить будутъ? Если мало найду въ нихъ корысти, по крайней мѣрѣ отдамъ справедливость безкорыстію издателей. Деньги же я сталъ бы пересылать къ вамъ по накопленіи 60 тетрадокъ, да врядъ, накопится-ли ихъ столько въ теченіе года. Правда-ли, что Николай Ивановичъ намѣренъ издавать также журналъ. Прошу васъ сказать ему, что я непремѣнный его подписчикъ. Я уже усталъ насыщаться журналомъ профессора Московскаго университета, забавляющаго обѣ столицы не критикою, а глумленіемъ своимъ на счетъ почетнаго члена М. У. (Московскаго университета) и исторіографа Имперіи. Не за это-ли онъ принятъ въ члены Россійской Академіи? Кривцовъ прислалъ ко мнѣ послѣднее сочиненіе Прадта. Будучи невѣждою въ политикѣ, не смѣю судить о немъ, какъ о публицистѣ, но скажу, что онъ, какъ авторъ, довольно занимателенъ, и слогъ его время отъ времени получаетъ большую силу. Простите, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, съ чувствами душевнаго почтенія пребудетъ къ вамъ на всегда преданный вамъ Дмитріевъ.

21.

Іюня 5-го 1819 г. Москва.

Простите меня, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, что я съ послѣднею почтою не успѣлъ благодарить васъ за пріятное ваше письмо и новый подарокъ новѣйшимъ отчетомъ; признаюсь вамъ, что я, распечатывая пакетъ, думалъ вынуть новое Евангеліе на зеленевой бумагѣ. Я непремѣнно куплю его и здѣсь, но только на простой, а мнѣ хотѣлось бы на хорошей бумагѣ и въ простой бумажкѣ. Еще не можете-ли вы для меня выписать, ежели нѣтъ въ С.-Петербургѣ, «Mémoires de Fouché, duc d'Otrante» втораго изданія въ двухъ томахъ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ непремѣнно поставили цѣну. Я не хочу разорять никого, еще менѣе, которые любятъ меня.

Вчера имѣлъ удовольствіе получить отъ Сѣверина письмо изъ Лондона. Обрадованъ имъ и очень растроганъ. Онъ былъ очень боленъ, и унынie его въ прежней силѣ. Нетерпѣливо желаю возвратить его въ Петербургъ.

Какъ я благодаренъ вамъ за всѣ ваши милости къ Франку! Не знаю даже въ лицо его, но искренно беру въ немъ участіе потому, что очень люблю брата его.

Когда же мы дождемся васъ? Теперь лучшая пора жить въ Москвѣ. Время прекрасное, все вокругъ ея цвѣтетъ и зеленѣетъ; Василій Львовичъ ходитъ уже, какъ здоровый, слѣдственно, вездѣ можно его увидѣть, скучныхъ, но необходимыхъ визитовъ меньше: половина москвичей разъѣхались за городъ, по деревнямъ и по ярмонкамъ. Словомъ, въ Москвѣ теперь раздолье.

И такъ у васъ теперь къ Шиллеру прибавился и Ифландъ? я радъ сосѣдству послѣдняго; они привыкли жить вмѣстѣ и любятъ другъ друга. Можетъ быть, Плещеевъ успѣетъ обратить Жуковскаго къ поэзіи и простудить его къ грамматическимъ таблицамъ. Какъ можно поэту заниматься такою работою!! Что же вы ничего не сказали о судьбѣ піесы Вяземскаго? Неужели она предана забвенію или сожженію. Это было бы не очень либерально. Пріѣзжайте, пріѣзжайте скорѣе. Съ сею надеждою душевно обнимаетъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга И. Дмитріевъ.

Покорнѣйше прошу васъ поздравить его высокородіе Николая Ивановича съ новымъ чиномъ. Готовъ пожелать ему и еще высшаго, но только съ тѣмъ, чтобъ не откладывалъ изданіе журнала.

22.

Іюля 22-го дня 1819 г. Москва.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, за два ваши письма и за обѣщаніе прислать мнѣ что-нибудь изъ французской словесности. Если вы еще ничего не послали, то предваряю васъ, что для меня пріятнѣе было бы получить не стихи, а прозу; напримѣръ, что-нибудь ораторское, историческое или сатирическое. До трагедій же я и смолоду не былъ охотникомъ.

Хотя и отрекаюсь отъ французскихъ стиховъ, но очень радъ выздоровленію Пушкина, съ удовольствіемъ читалъ остроумную его бездѣлку и искренно желаю, чтобы, пользуясь свободою въ сельскомъ уединеніи, дописалъ свою поэму или по крайней мѣрѣ прибавилъ хоть одну пѣсню. Надѣюсь, что вы сдержите слово и пришлете Вяземскаго прозу, коль скоро вырвете ее изъ когтей гасильщиковъ.

Жаль Осипа Петровича [1]), однакожъ И. А. Рушковскій, сообщая мнѣ ваше послѣднее письмо, увѣдомляетъ меня, что опасность уже прошла, и ему стало гораздо лучше. Дай Богъ, чтобъ это было вѣрнѣе вашего извѣстія.

Довольно пищи и для нашего клуба: у васъ огонь, а у насъ вода надѣлала хлопотъ полиціи, а еще болѣе лѣснымъ промышленникамъ. Отъ великаго напора воды снесло Дорогомиловъ мостъ, и смиренная Москва рѣка внутри города запружена прибитымъ льдомъ.

Поздравляю заочно П. съ полученіемъ за выслугу лѣтъ чина; я, право, и не зналъ, что онъ все это время служилъ, пока двадцать лѣтъ жилъ въ деревнѣ.

Прощайте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, кланяйтесь братцу, напомните ему объ журналѣ, будьте здоровы и продолжайте любить пребывающаго къ вамъ съ отличнымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшаго слугу Ивана Дмитріева.

23.

Іюля 30-го дня 1819 г. Москва [2]).

Сердечно сожалѣю, милостивый государь и любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, о кончинѣ Осипа Петровича [3]). Я долженъ съ признатель-

---

[1]) Ководавлева.

[2]) Письмо это напечатано въ „Русск. Архивѣ“ 1867 г. № 7, стр. 1109, но мѣсяцъ обозначенъ не вѣрно.

[3]) Козодавлева.

ностію вспомнить его: онъ захотѣлъ быть знакомъ со мною еще въ моемъ сержантствѣ, продолжалъ пріязнь свою ко мнѣ въ министерскомъ нашемъ служеніи и впослѣдствіи доказалъ мнѣ, что онъ любитъ и отставныхъ наравнѣ съ служащими. Прошу васъ, если будетъ случай и мѣсто, увѣрить Анну Петровну въ искренномъ моемъ участіи въ ея потерѣ.

Сегодня я обѣдалъ въ клубѣ: тамъ уже начинаютъ ворожить, кто будетъ преемникомъ. Будучи увлеченъ заразою примѣровъ, и я про себя подалъ голосъ въ пользу Арш. (Аршеневскаго) и тогда же подумалъ: а можетъ быть Кампенгаузенъ или Карнѣевъ.

Я разбогатѣлъ «Опытами» воспитанниковъ духовной академіи: сегодня еще получилъ три экземпляра отъ ректора. За бездѣйствіемъ нашихъ геніевъ искренно радъ и опытамъ. Утѣшьте меня присылкою, если можно, хотя первой пѣсни поэмы Пушкина; нетерпѣливо хочу узнать ее.

Скажите Николаю Михайловичу, что я въ первый разъ доволенъ его портретомъ (Уткина). Онъ очень сходенъ. Глядя на него, я какъ будто вижу и слышу самого исторіографа.

Затѣмъ мысленно васъ обнимаю и съ душевнымъ почтеніемъ навсегда пребуду вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою, Иванъ Дмитріевъ.

24.

24-го декабря, вечеромъ, 1819 г. Москва.

Очень сожалѣю, что не могу услужить бездѣлкою, она печатана была въ маломъ числѣ въ типографіи Бекетова и давно уже вся разошлась по пріятелямъ В. Л. (Пушкина), даже ни одного экземпляра нѣтъ и у самого писца, который велъ журналъ путешественника. Можетъ быть, вы самого его скоро увидите. Я слышалъ, что онъ будетъ препровождать новаго сенатора, который не замедлитъ явиться въ резиденцію.

Нетерпѣливо жду отвѣта на прежнія мои просьбы къ вашему превосходительству, какъ-то: о подареніи меня портретомъ лѣниваго Жуковскаго, переводомъ Ѳомы Кемпійскаго на веленевой бумагѣ, первыми листами журнала Н. И. (Тургенева) и любопытными брошюрами, которыя были, есть и впредь будутъ.

Заключаю искреннимъ привѣтствіемъ васъ съ наступающимъ праздникомъ и благополучнымъ совершеніемъ года; безъ фразъ, но отъ искренняго сердца желаю вамъ и впредь всевозможнаго благополучія. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

25.

28-го декабря 1819 г. Москва.

Прежде всего привѣтствую васъ, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, съ благополучнымъ совершеніемъ года. Отъ всего сердца желаю, чтобы и въ теченіе новаго вы также были здоровы, веселы и счастливы.

Очень, очень благодаренъ вамъ и за душеспасительную книгу. Надѣюсь, что она пріятнымъ образомъ займетъ меня.

О стихахъ В(яземскаго) ничего не скажу, пока не получу отъ васъ его стиховъ: Первый снѣгъ. Хотѣлъ бы вамъ напомнить и объ обѣщанной вами его же прозаической піесѣ, которую цензура не пропустила,—помнится, о перепискѣ Вольтера.

Нетерпѣливо буду ожидать академической тетрадки, чтобъ увидѣть Кар. (Карамзина) отрывокъ 9-го тома. Такъ рѣчь превратилась уже въ стихи? Жаль этого; по крайней мѣрѣ, что-нибудь услышимъ.

Простите, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, мысленно васъ обнимаетъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Прошу васъ сказать мое почтеніе Николаю Ивановичу; сейчасъ сидѣлъ у меня Пушкинъ съ Писаревымъ (позабылъ поблагодарить васъ за вашъ комплиментъ) и оба отправились ужинать въ новооткрытое отдѣленіе городскаго собранія.

26.

Марта 8-го 1820 г. Москва [1]).

Милостивый государь, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!

Милліонъ благодарностей за ваши два письма и доставленіе книгъ отъ любезнаго поэта. Надѣюсь, что вы не откажетесь одолжить меня доставленіемъ къ нему прилагаемаго при семъ письма, когда вы сами будете писать къ нему.

Вѣчная память доброму и честному Вейдемейеру. Предчувствую, что ровесникъ мой не замѣшкаетъ прислать ко мнѣ стихотворный свой плачъ по сему случаю. Читали-ли вы IV номеръ «Благонамѣреннаго», Измайлова? Мнѣ кажется, въ первой пьесѣ подъ заглавіемъ Разсказовъ Лужницкаго старца, присланной изъ М., мѣчено на Н. М. (Карамзина); какіе скареды! Въ безсиліи своемъ начали опять перебивать московскій журналъ и вытаскивать оттуда фразы и рѣчи; примѣшивая, можетъ быть, и фразы Ш. (Шаликова) и М(акарова), Изм.,—и все это

---

[1]) Письмо это напечатано на стр. 1122 „Русскаго Архива“ 1867 г. № 7, но безъ даты.

конечно въ угодность К(аченовскому)! До чего дойдетъ наша литература, если вся молодежь, еще зыбкая въ своихъ понятіяхъ, обольстится внушеніемъ Зоила, котораго она уже и такъ признаетъ своимъ оракуломъ? Если и впредь ни цензоры не будутъ пропускать, ни журналисты добровольно печатать никакихъ возраженій про неприкосновеннаго крохобора? Когда это продолжится,—то легко можетъ кончиться тѣмъ, что Ку(тузовъ) признанъ будетъ Пиндаромъ, Х(востовъ)—Виргиліемъ, а Чер.—Титъ Ливіемъ. Случилось-ли вамъ читать въ третьемъ томѣ его «Древней и новой всеобщей исторіи» о войнѣ 812 г.? Трудно повѣрить, чтобъ это было писано нынѣшнихъ временъ профессоромъ. Чѣмъ нападать на единственнаго у насъ Кар(амзина), лучше бы исправлять своего собрата.

Простите, любезный Александръ Ивановичъ, если я вамъ наскучилъ, а можетъ быть и смѣшнымъ кажусь. Чувствую самъ, что лучше бы молчать, подражая великодушному Карамзину. Но это выше силъ моихъ: невольно волнуюсь и кипячусь отъ всего низкаго и несправедливаго.

Съ душевнымъ почтеніемъ преданный вамъ навсегда И. Дмитріевъ.

P.S. Всякую назначенную для пересылки книгу я прошу васъ предварительно давать Натальѣ Яковлевнѣ.

Сообщ. **П. Н. Тургеневъ.**

Поправка къ статьѣ «Замѣтка по поводу статьи: Башня Марины Мнишекъ».

(Ноябрь стр. 272, строка 6 снизу).

Напечатано: былъ назначенъ испанскимъ архіепископомъ; слѣдуетъ читать: былъ назначенъ испаганскимъ архіепископомъ.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1903 г.

ТОМЪ СТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Воспоминанія К. С. Веселовскаго . . .	5—42
II.	Новички. (Изъ воспоминаній о Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка). Н. Фирсова (Л. Рускина)	43—63
III.	Записки Н. Г. Залѣсова. Сообщ. Н. Длусская . . . . . 69—86,	317—332
IV.	Изъ воспоминаній о графѣ П. А. Валуевѣ. П. Д. Стремоухова.	273—293
V.	Оренбургская гимназія стараго времени. Н. Беккаревича	401—417
VI.	Записки адъютанта. Н. Г. Залѣсова. .	523—542
VII.	Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.	543—559
VIII.	Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. (Изъ личныхъ воспоминаній). Пав. А. Матвѣева . .	629—637

Портреты.

I. Портретъ ординарнаго академика К. С. Веселовскаго.
(При 10-ой книгѣ).

II. Портретъ Платона Григорьевича Ободовскаго.
(При 11-ой книгѣ).

III. Портретъ епископа Аарона (Еропкина).
(При 12-ой книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Высочайшее повелѣніе объ удержаніи трети жалованья у великаго князя Константина Павловича. Сообщ. А. В. Безродный	64
II.	Участіе Екатерины II въ семейномъ дѣлѣ графа К. Г. Разумовскаго	65—68
III.	Императоръ Николай I (историческая характеристика). II. . . . . 87—104,	295—306
IV.	Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ въ XV и XVI вѣкахъ . 105—130, 367—400,	651—682
V.	Батуринскій переворотъ 13-го марта 1672 г. (дѣло гетмана Демьяна Многогрѣшнаго). П. Матвѣева. . . . . 131—146,	459—470
VI.	Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская. (Оконч.). А. Слезскинскаго	147—164
VII.	Цензура въ царствованіе императора Николая I. 165—183,	683—698
VIII.	Высочайшая благодарность за основаніе въ Тулѣ дворянскаго училища, 19-го августа 1801 г. .	184
IX.	Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщ. И. А. Бычковъ	185—203
X.	Кости еврея, какъ предохраненіе отъ падежа скота. 28-го февраля 1810 г.	204
XI.	Императоръ Николай I въ донесеніяхъ шведскаго посланника. Сообщ. С. Вародель . .	205—219
XII.	Крестъ для ношенія духовенствомъ въ память 1812 г. 30-го августа 1814 г. Разрѣшеніе особамъ женскаго пола носить медали 1812 года. 18-го января 1816 года.	220
XIII.	Письма декабриста И. Горбачевскаго—князю Е. П. Оболенскому. Сообщ. княг. М. Г. Оболенская	221—239
XIV.	Посылка флигель-адъютанта Порошина для препровожденія въ Петербургъ принца Голштинскаго Георгія. 2-го января 1762 года. . . .	240
XV.	Послѣ отечественной войны. (Изъ русской жизни въ началѣ XIX в.). Н. Дубровина. 241—271,	481—514
XVI.	Замѣтка по поводу статьи: Башня Марины Мнишекъ. П. Пирлинга	272
XVII.	Рескриптъ и двѣ собственноручныя записки императрицы Екатерины II къ статсъ-секретарю С. Ѳ. Стрекалову	294
XVIII.	Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 г. П. Вигель-Панчулидзева. . .	307—315
XIX.	О найденномъ въ войсковой канцеляріи войска Донскаго французскомъ знамени. Сообщ. А. В. Безродный	316

		стран.
XX.	Н. И. Гречъ, Ѳ. В. Булгаринъ и А. Мицкевичъ. (Матеріалы для ихъ біографій). Сообщ. Н. Д.	333—351
XXI.	О невпускѣ въ Царство Польское поэмы Мицкевича «Панъ Тадеушъ». Сообщ. С. П. Никольскій	352
XXII.	Платонъ Григорьевичъ Ободовскій. Ив. Кубасова	353—366
XXIII.	Старый обычай на волжскихъ судахъ. Сообщ. А. Н. Минхъ	418
XXIV.	Княгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами . . . . . 419—436,	611—628
XXV.	Предложеніе о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи въ 1826 г. Сообщ. Н. Олферьевъ.	437—440
XXVI.	Мелкія замѣтки объ отношеніяхъ императора Александра къ полякамъ. Сообщ. П. М. Майковъ	441—458
XXVII.	Турецкіе эмиссары въ Россіи передъ войной въ 1877—1878 гг. П. Юдина	471—476
XXVIII.	О пособіяхъ возвращающимся въ отечество полякамъ-изгнанникамъ	477—480
XXIX.	В. Г. Варенцовъ. (Біографическая замѣтка на основаніи неизданныхъ источниковъ). Проф. Е. А. Боброва	515—522
XXX.	Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ П. Г. Дивову	560
XXXI.	Два письма (графа) М. Н. Муравьева къ шефу жандармовъ князю В. А. Долгорукову о положеніи дѣлъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ	561—564
XXXII.	Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ	565—588
XXXIII.	Епископъ Ааронъ (Еропкинъ). (Біографическая замѣтка). В. В. Еропкиной	589—593
XXXIV.	Воспрещеніе выводить воспитанниковъ училищъ въ Царствѣ Польскомъ на загородную прогулку 3-го мая. Сообщ. С. П. Никольскій	594
XXXV.	Попытка напечатать «Черты исторіи государства Россійскаго» В. А. Жуковскаго въ 1837 г. Сообщ. И. А. Бычковъ	595—600
XXXVI.	Изъ архива Ѳ. В. Булгарина. Сообщ. Н. Пиксановъ	601—609
XXXVII.	Объ отданіи воинской чести писарями Сената. Предписаніе министра юстиціи князя Алексѣя Долгорукова оберъ-прокурору Журавлеву. Сообщ. А. В. Безродный	610
XXXVIII.	Запрещеніе дѣлать куклы, изображающія духовныхъ. Письмо князя Александра Голицына къ графу Виктору Павловичу Кочубею	638
XXXIX.	Possevviniana. П. Пирлинга	639—650

		стран.
XL.	Наполеонъ I и Наполеонъ III. (Сравненіе ихъ дѣятельности). А. Н. Крыжановскаго . .	699—702
XLI.	Неизданныя письма И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу. Сообщ. П. Н. Тургеневъ . . .	703—720
XLII.	Систематическое оглавленіе 116-го тома . . .	721—724
XLIII.	Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ 113-мъ, 114-мъ, 115-мъ и 116-мъ томахъ «Русской Старины» изданія 1903 г.	1— 96

Библіографическій листокъ.

1. Н. К. Козминъ. Очерки по исторіи русскаго романтизма. Н. А. Полевой, какъ выразитель литературныхъ направленій современной ему эпохи. Спб. 1903 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ октябрьской книги).

2. Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи царствованія императора Петра Великаго. Собралъ Е. Шмурло, профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета. Томъ I. 1693—1700. Юрьевъ. 1903 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ ноябрьской книги).

3. Я. Б. Шницеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. Спб. 1903 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ декабрьской книги).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 113, 114, 115 и 116 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1903 года.

А.

Ааронъ, еписк., см. Еропкинъ Аѳанас. Влад.

Абаза, 1872 г., т. CXVI, нояб., 326.

Аббасъ II, шахъ, 1614 г., т. CXIV, апр., 155—161.

Абрамовичъ, маіоръ, 1812 г., т. CXIII, янв., 65.

Абрамовъ, Никол. Никол., педагогъ, 1875 г., т. CXVI, нояб., 407, 408.

Авдѣевъ, Мих. Вас., писат., род. 1821†1876 г., т. CXIII, янв., 89.

Авенаріусъ, Алексд. Андр., полк., 1821 г., т. CXIV, іюнь, 494, 495.

Адамовичъ, Б., сообщ.: «Оригинальная подписка. Изъ Миргородской старины», т. CXIII, янв., 122.

Адамовичъ, Симеонъ, свящ., 1672 г., т. CXV, сент., 668—687, т. CXVI, окт., 131—146, нояб., 460—468.

Аделунгъ, Ѳед. Павл., 1768†1843 г., директ. институт. вост. яз., т. CXVI, 360.

Адлербергъ, гр., Влад. Ѳед., мин. двора, ген.-ад., р. 1790†1884 г., т. CXIV, апр., 16, май, 380, 382, т. CXV, іюль, 224, 225, авг., 450, т. CXVI, окт., 165, 166, нояб., 290.

Адлербергъ, Юлія Ѳед., въ зам. Баракова, воспитат. имп. Николая I, т. CXIII, февр., 345, 355, 356, т. CXIV, апр., 82—84, т. CXVI, декаб. 580—585.

Адріанъ, патріархъ †1700 г., т. CXVI, декаб., 589.

Адріанъ VI, папа, т. CXVI, нояб., 371, 372, декаб., 662.

Аксаковъ, Ив. Серг., писат., род. 1823†1886 г., т. CXIV, май, 261—266, т. CXV, сент., 591—594, 666, т. CXVI, декаб., 631, 632, 635, 636, 689—694.

Аксаковъ, Ив. Тимоѳ., славяноф., т. CXV, сент., 663.

Аксаковъ, Конст. Серг., писат. род. 1817†1860 г., т. CXIII, мартъ, 537, т. CXV, сент., 664, 666, т. CXVI, декаб., 690—694.

Аксаковъ, Конст. Тимоѳ., магистръ словесн., 1852 г., т. CXV, сент. 663.

Аксаковъ, Серг. Тимоѳ., писат., род. 1791†1859 г., т. CXIII, янв., 92, февр., 301, 305, 315, 322, 327, т. CXIV, апр., 42, т. CXVI, окт., 165, 172, 173, декаб., 635

Акуловъ, Ник. Павл., лейт., декаб., т. CXIV, іюнь, 482, 483, 486.

Александра Николаевна, великая княжна, т. CXIV, апр., 23, т. CXVI, нояб., 356.

Александра Ѳеодоровна, импер-ца, род. 1798†1860 г., т. CXIII, янв., 200, февр., 354, 355, мартъ, 497, 569, т. CXIV, апр., 139, іюнь, 546, 588—597, 699, 702, т. CXV, іюль, 120, 122, 128, 136, авг., 319, сент., 552, 701—703, т. CXVI, окт., 90—93, 186, 212, 217, 300, нояб., 360, 361, декаб., 585.

Александръ I, императоръ, род. 1777 †1825 г., т. CXIII, янв., 5—36, 43, 44, 50, 142—198, февр., 211—234, 271—274, 278, 282, 349, 351, 411—417, мартъ, 419—442, 528, 543, т. CXIV, апр., 29—40, 90—108, 142, 260, май, 346, 376, 377, 397, 419, 441, 467—478, іюнь, 502—525, 555, 556, 563—571, 583—601, 624, 629, 631, 714, т. CXV, іюль, 5, 8—20, 48, 64, 74, 86, 87, 116, 121, 142, 143, 158, 224, 233, авг., 264, 299—319, 404, 438, 448, 468, 469, 473, 476, сент., 511—513, 544, 547—557, 640, 703, т. CXVI, окт., 7—15, 90—104, 157, 205—218, 220, нояб., 241—271, 296—298, 307—315, 334, 337, 346, 351, 441—458, декаб , 481—498.

Александръ II, императоръ, род. 1818 †1881 г., т. CXIII, янв., 89, 122, 125, 126, 130, 155, 186, февр., 259, 285, 286, 289, 298, 299, 361, 367, 371, 374, 379, 380, 384, 385, мартъ, 453, 518, 543, 553, 561, 565, т. CXIV, апр., 19, 20, 24, 28, 65—75, май, 244, 245, 249—255, 258, 300, 301, 351—355, 401, іюнь, 493, 537, 543—551, т. CXV, іюль, 36, 37, 79, 126, 136, 167—170, 222, 224, авг., 264, 282, 325, 397—402, 444, 455, сент., 587, 590, т., CXVI, окт., 92, 186—190, нояб., 273—293, 471—480, декаб., 595—600.

Александръ III, императоръ, род. 1845†1894 г., т. CXIV, ап., 67, 68, май, 250, 297, 299, т. CXVI, нояб., 289.

Александровъ, педагогъ 1834 г., т. дек., 594.

Алексѣева, Марія Степ., 1792 г., т. CXIII, февр., 213.

Алексѣевъ, Илья Ив., ген.-лейт., род. 1773†1830 г., т. CXV, авг., 448—450.

Алексѣй Михайловичъ, царь, род. 1629—1676 г., т. CXIII, янв., 132, т. CXIV, апр., 21, май, 375, іюнь, 563, 580, т. CXV, сент., 670, 673, 680, т. CXVI, окт., 107, 131—146, 459—470.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, т. CXVI, окт., 177.

Алмазовъ, помѣщ., т. CXIII, мартъ, 465.

Алопеусъ, гр., Давыдъ Максим., послан. въ Берлинѣ, род. 1769†1831 г., т. CXV, авг., 443, 453.

Алферьевъ, т. CXIII, мартъ, 601.

Альбединскій, Петръ Павл., варшав. ген.-губерн., род. 1825†1883 г., т. CXIV, май, 416.

Альбертъ, инсп. врач. управы, 1827 г., т. CXIII, янв., 72.

Алябьевъ, сенат. 1812 г., т. CXVI, дек., 485, 488.

Альбединская, урожд. княжна Долгорукова, т. CXVI, нояб., 330.

Альбединскій, Петръ Павл., ген.-ад., 1874 г., т. CXVI, нояб., 328, 330, 331, 332.

Амвросій (Орнатскій), еписк. пензенск., род. 1778†1827 г., т. CXIV, іюнь, 555, 562, 565, дек., 638.

Амвросій, Подобѣдовъ, митроп. спб., новгор., род. 1742†1818 г., т. CXIV, іюнь, 576, т. CXV, авг., 466.

Аммосовъ, купецъ, 1828 г., т. CXIII, мартъ, 592.

Ананьевскій, кол. сов., т. CXV, іюль, 209.

Анастасевичъ, Васил. Григ., библіографъ и переводч., т. CXVI, дек., 603, 607.

Анастасія Романова, царица, т. CXVI, нояб., 384.

Анатолій, могилевск. еписк., †1872 г., т. CXIV, май, 415.

Андреевъ, офиц. 1877 г., т. CXV, авг., 288, 296.

Андреевъ, Петръ Леонт., чиновн. 1820 г., т. CXIV, іюнь, 569.

Андреенко, Ярема, батуринскій атаманъ, 1672 г., т. CXVI, нояб., 465, 466.

Андросовъ, чиновн., 1835 г., т. CXIII, мартъ, 590.

Анерть, архитект., академ., 1829 г., т. CXVI, окт., 11.

Аничковъ, Никол. Андр., диплом. 1850 г., т. CXVI, окт., 18.

Аничковъ, проф., т. CXIV, іюнь, 527—531, т. CXV, іюль, 31, т. CXVI, дек., 84.

Аничковъ, 1863 г., т. CXV, авг., 325, 327.

Анна Іоанновна, имп-ца, род. 1693 †1740 г., т. CXIV, май, 366, 367.

Анна Павловна, вел. княг., въ супр. королева Нидерландская, род. 1795 †1865 г., т. CXIII, февр., 339, 342, т. CXIV, апр., 86—90, іюнь, 588—598, т. CXV, іюль, 215, 229, авг., 306, 441.

Анна Ѳеодоровна, вел. княг. (принцесса Саксенъ-Кобургская), супруга вел. князя Константина Павловича, т. CXVI, окт., 92, 95.

Анненковъ, Ив. Алексд., декабр., т. CXIII, янв., 73, 79—83, т. CXV, сент., 712.

Анненковъ, Пав. Васил., писат., род. 1813†1887 г., т. CXIII, янв., 79—84, т. CXV, сент., 648.

Анненковъ, ген.-ад., предсѣд. ценз. комит. 1849 г., т. CXIII, мартъ, 558, т. CXV, авг., 416—436, сент., 641—661, т. CXVI, окт., 169, 171, дек. 690.

Антокольскій, художн., т. CXIV май, 258

Антоній (Зубко), архіеп. 1884 г., т. CXVI, дек., 556.
Антоновичъ, Максимъ Алексѣевичъ, критикъ, р. 1834 г., т. CXIII, янв., 87, т. CXVI, окт., 175.
Анучинъ, Дм. Гавр., ген.-губ. вост. Сибири, ген.-отъ-инф., сенат., сообщ.: «Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ», т. CXIII, янв., 201—210.
Анучинъ, Никол. Гавр., офиц. 1877, т. CXIII, мартъ, 448.
Апраксина, фрейл. имп-цы Екатерины, т. CXIV, іюнь, 701, т. CXV, іюль, 220, 221, 226.
Апраксинъ, Петръ Ѳед., гр., ген.-поруч., род. 1728†1811 г., т. CXVI, окт., 65—68.
Апраксинъ, Степ. Степ., смоленск. губернат., ген.-отъ-кав., род. 1747 †1827 г., т. CXIV, апр., 103, 104.
Аракчеевъ, гр., **Алексѣй Андр.**, род. 1769†1834 г., т. CXIII, янв., 18—27, февр., 230, т. CXIV, май, 473, 474, іюнь, 503—525, 531, 596, 597, 624, т. CXV, іюль, 47—49, 238, авг., 469, т. CXVI, окт., 96, 97, 157, 220, нояб., 244, 245, 254, 255, 296, 297, 335—345, декаб., 489, 508.
Арди, артистъ, т. CXIV, іюнь, 628.
Армфельдъ, Алексд. Осип., профес., 1852 г., т. CXV, сент., 663.
Арнольди, Ю. К., чиновн. архива мин. ин. дѣлъ, т. CXVI, нояб., 249.
Арсеньевъ, Конст. Ив., препод. статист., т. CXV, іюль, 129.
Артамонъ-Матвѣевъ, Гр. Андр., сенат. 1719 г., т. CXVI, дек., 592.
Артамоновъ, Никол. Дм., полковн. ген. шт. 1878 г., нынѣ ген.-лейт., нач. военно-топогр. управл. гл. шт., т. CXIII, янв., 119, т. CXIV, апр., 68.
Архаровъ, Никол. Петр., спб. генер.-губерн., род. 1742†1814 г., т. CXIV, іюнь, 512, 517, т. CXVI, нояб., 248.
Арцымовичъ, попеч. Одесск. окр. 1863 г., т. CXVI, дек., 517.
Арцымовичъ, тайн. сов. 1861 г., т. CXIII, мартъ, 504, 559, 560.
Арцыбашевъ, писат. 1840 г., т. CXIV, іюнь, 643, 647—649, т. CXVI, окт., 165—177.
Арцыбашевъ, декабр., т. CXIV, іюнь, 496.
Аршеневскій, Іона Венедикт., род. 1727†1779 г., коменд. Нерчинскихъ заводовъ, т. CXIII мартъ, прилож., 82.
Аршеневскій, Никол. Яковл., астраханск. губерн. 1798 г., т. CXIII, мартъ, 519, 520.
Асенкова, актриса, †1841 г., т. CXV, іюль, 40, сент., 561, 566—558.
Атуевъ, корнетъ, 1849 г., т. CXV, авг., 416, 431.
Ахвердовъ, ген.-м., преподав. вел. кн. Николая Павловича, т. CXIII, янв., 143, 144, февр., 341, т. CXIV, іюнь, 589, т. CXV, сент., 545.
Ахшарумовъ, 1849 г., т. CXV, сент., 531.
Ашъ, бар., К. И., смоленск. губерн., 1812 г., т. CXIV, апр., 108—110, іюнь, 575, 579.
Ашикъ, А. Б., бывш. директ. керчен. муз., † 1854 г., т. CXIV, май, 415.
Аѳанасій, еписк. пензенск., 1818 г., т. CXIV, іюнь, 562.
Аѳанасьевъ, А. Н., т. CXVI, дек., 518.
Аѳанасьевъ, подполк., т. CXIV, апр., 55.

В.

Вабкинъ, Петръ Петр., капит., т. CXIV, май, 318.
Вабкинъ, помѣщ., т. CXV, іюль, 57.
Вагговутъ, Карлъ Ѳед., ген., гатчин. коменд., род. 1761†1812 г., т. CXIV, іюнь, 529, 531.
Багратіонъ, кн., **Петръ Иван.**, род. 1765†1812 г., т. CXIII, янв., 50, февр., 225, т. CXIV, апр., 110.
Багратіонъ, кн., подполк., т. CXIV, іюнь, 512.
Багреева, Елиз. Мих., рожд. Сперанская, т. CXV, сент., 514.
Бажановъ, Вас. Бор., протопр., род. 1800†1883 г., т. CXIV, май, 399, іюнь, 547.
Ваклановъ, Яковъ Петр., ген.-лейт., р. 1809†1873 г., т. CXIII, февр., 285, 296, мартъ, 499, 512.
Бакунинъ, Мих. Алексд., род. 1814 †1876 г., т CXIII, янв., 82.
Бакунинъ, Мих. Мих., спб. губернат., сенат., род. 1765†1826 г., т. CXIII, янв., 146.
Балашовъ, Алексд. Дм., мин. полиц., 1809 г., род. 1770†1837 г., т. CXIII, янв., 8, т. CXIV, май, 474, т. CXV, іюль, 85, 233, 239, сент., 511, 513, т. CXVI, нояб., 262, декаб., 493—509.
Балуганскіе, т. CXV, сент., 711.
Балугьянскій, Мих. Андр., профес., род. 1769†1847 г., т. CXIV, апр., 34—39, т. CXV, сент., 543.
Балюзекъ, тургайск. губерн., 1868 г., т. CXV, авг., 333, т. CXVI, окт., 70—77.
Вантышъ-Каменскій, Влад. Ник., т. CXV, іюль, 208.
Вантышъ-Каменскій, Дм. Ник., тобольск. и затѣмъ виленск. губерн., писат., род. 1788†1850 г., т. CXIII,

*

янв., 67—72, февр., 325, т. CXV, іюль, 164, 208.
Варакова, Юлія Өед., см. Аллербергъ.
Варановичъ, Лазарь, 1672 г., т. CXVI, нояб., 461, 469, 470.
Барановъ, гр., Э. Т., т. CXVI, дек., 557, 558.
Барановъ, 1815 г., т. CXVI, декаб., 572, 573, 575.
Варичевскій, тайн. совѣтн., 1864 г., т. CXIII, февр., 370.
Барклай-де-Толли, кн., Мих. Богд., фельдмарш., род. 1761†1818 г., т. CXIII, янв., 106, февр., 282, 412, т. CXIV, апр., 109, т. CXV, іюль, 237, 238.
Барятинскій, кн., Алексд. Ив., фельдмарш., род. 1814†1879 г., т. CXIII, февр., 289—291, т. CXIV, іюнь, 546, 547, т. CXV, авг., 293, 333, т. CXVI, нояб., 323, 324.
Барятинскій, кн., Ив. Ив., послан. въ Мюнхенѣ, 1808 г., т. CXIV, май, 477.
Барятинскій, кн., Мих. Петр., 1618 г., т. CXIV, апр., 159, 160.
Басмановъ, Өед., опричн., т. CXVI, декаб., 654.
Батеньковъ, Гавр. Степ., декабр., р. 1793†1863 г., т. CXIII, февр., 271—282, т. CXIV, апр., 186, іюнь, 624, т. CXV, сент., 514, т. CXVI, нояб., 254, 256, 259.
Баторій, Андрей, кардин., 1586 г., т. CXIV, апр., 231—235, май, 445.
Баторій, Стефанъ, король польск., †1587 г., т. CXIII, янв., 165—185, февр., 389—410, мартъ, 594—608, т. т. CXIV, апр., 209—240, май, 443—465, т. CXVI, нояб., 400, декаб., 642—682.
Батюшковъ, Конст. Никол., писат., род. 1787†1855 г., т. CXVI, декаб., 705, 713.
Бахерахтъ, конс. въ Гамбургѣ, 1834 г., т. CXVI, окт., 24.
Бахметевъ, орловск. вице-губерн., 1809 г., т. CXVI, нояб., 261.
Бахметевъ, подполк., т. CXIV, апр., 12.
Бегровъ, художн., т. CXIV, май, 380.
Безакъ, Алексд. Павл., ген.-губ. Зап. края, род. 1800†1868 г., т. CXIII, мартъ, 452—454, т. CXV, іюль, 27—37, авг., 222—331, т. CXVI, нояб., 318.
Безбородко, кн., Алексѣй Андреев., канцл., род. 1747†1799 г., т. CXIII, февр., 212, 213, 218.
Безнинъ, Мих., посолъ, 1584 г., т. CXIV, апр., 223, 224.
Безобразовъ, А., т. CXVI, нояб., 251.
Безобразовъ, тамбов. губерн. 1815 г., т. CXVI, декаб., 486, 487.
Безпаловъ, В., 1779 г., т. CXIII, янв., прилож., стр. 9.
Безродный, А. В., сообщ.: «Путешествіе императора Павла I по Россіи въ 1797—1798 гг.», т. CXV, іюль, 107—114; «О разрѣшеніи А. И. Герцену пріѣзжать въ Петербургъ», т. CXV, сент., 584; «Высочайшее повелѣніе объ удержаніи трети жалованья у великаго князя Константина Павловича», т. CXVI, окт., 64; «О найденномъ въ войсковой канцеляріи войска донскаго французскомъ знамени», т. CXVI, нояб., 316; «Объ отданіи воинской чести писарями Сената», т. CXIV, декаб., 610.
Безродный, Вас. Кирил., сенат., 1827 г., т. CXIII, янв., 68, 72.
Безсоновъ (де-Висто), Алексд., учит. Екатеринослав. гимназ., 1825 г., т. CXIII, янв., 186.
Бекетовъ, В., цензоръ 1863 г., т. CXVI, 518.
Бекетовъ, Ив. Петр., офиц., т. CXV, авг., 270.
Бекетовъ, Петръ Петр., т. CXIII, февр., 267.
Бекмаревичъ, Н., сообщ.: «Оренбургская гимназія стараго времени», т. CXVI, нояб., 401—417.
Беклемишевъ, А. П., могилевск. губ., 1863 г., т. CXIII, мартъ, 509.
Беклемишевъ, Ник. Петр., офиц., т. CXIV, апр., 57, т. CXV, сент., 614.
Беклемишевъ, Петръ, 1716 г., т. CXV, авг., 479—480.
Беклешовъ, Алексд. Андр., ген.-прокур., р. 1745†1808 г., т. CXIV, май, 471.
Бекъ, тайн. совѣт., 1802 г., т. CXIV, апр., 30, 32.
Беневскій, докт., т. CXIII, мартъ, 459, 465.
Бенкендорфъ, Анна-Юліанна, рожд. бар-са Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, †1797 г., т. CXIII, янв., 187.
Бенкендорфъ, бар-са, Марія Христоф., т. CXIII, янв., 188.
Бенкендорфъ, гр., Алексд. Христоф., шефъ жандарм., род. 1783†1844 г., т. CXIII, янв., 192—200, февр., 259—269, 312—315, мартъ, 548, 549, 573, 583, 590, т. CXIV, апр., 5—27, 165—175, май, 307—319, 351, 356, 357, 386, 389, 390, 418—441, іюнь, 572, 656, 659, 662, т. CXV, іюль, 61, 62, авг., 385, 448, 449, сент., 545, 695—698, 703, 704, т. CXVI, окт., 154, 159, нояб., 300, 304, 351, 419—436, дек., 504.
Бенкендорфъ, Констант. Христоф.,

ген.-ад., род. 1785†1829 г., т. CXIII, февр., 355.
Веннендорфъ, Марія Конст., т. CXVI, нояб., 426.
Веннендорфъ, Христоферъ Ив., ген.-отъ-инфант., т CXIII, янв., 187.
Веннигсенъ, гр., Леонтій Леонтіев., ген.-отъ-кав., род. 1746†1826 г., т. CXIV, май, 468, т. CXV, іюль, 234.
Вераръ, педагогъ, 1830 г., т. CXVI, окт., 14.
Вергъ, Өед. Өед., фельдм., намѣстн. ц. польскаго, род. 1694†1874 г., т. CXIII, янв., 123—129, 210, февр., 332, 334, мартъ, 490—504, т. CXIV, іюнь, 532, 568, т. CXV, іюль, 216, 229, авг., 409, т. CXVI, окт., 85, нояб., 289, 290.
Вердяева, Зинаида Никол., замуж. Траскина, т. CXIV, апр., 183.
Вередниковъ, академ., т. CXIV, іюнь, 652, 653.
Верстель, Алексд. Карл., декабристъ, †1836 г., т. CXIV, іюнь, 486, 493.
Вестужевъ (Марлинскій), Алексд. Алексд., писат., декабр., род. 1797 †1837 г., т. CXIV, іюнь, 486, 492, 493, т. CXV, сент., 514, т. CXVI, декаб., 601—609.
Вестужевъ, Бор. Петр., лейт., т. CXIV, май, 316.
Вестужевъ, Мих. Алексд., декабр., род. 1800†1871 г., т. CXV, сент., 709, 712, 713, 716, т. CXVI, окт., 224, 229, 231, 236, 239.
Вестужевъ, Никол. Алексд., декабр., род. 1791†1855 г., т. CXV, сент., 514.
Вестужевъ, Пав. Алексд., т. CXIV, іюнь, 497.
Вестужевъ, Петръ Алексд., мичманъ, декабр., т. CXIV, іюнь, 482, 483, 486.
Вестужевъ, Сергѣй Мих., отст. шт.-ротм., т. CXV, сент., 663.
Вестужевъ, ген.-маіоръ, т. CXIV, май, 329, 330.
Ветаминуръ, ген., род. 1758†1824 г., т. CXVI, окт., 218.
Вибикова, Софья Сергѣевна, т. CXV, авг., 386, 393, 395.
Вибиковъ, Гавр. Гавр., т. CXV, авг., 386.
Вибиковъ, Дм. Гавр., кіевск. ген.-губерн., впослѣд. мин. вн. дѣлъ, род. 1792†1870 г., т. CXIV, апр., 177—181, іюнь, 664, 665, т. CXV, іюль, 61, 224, авг., 383—395, сент., 648.
Вибиковъ, полковн., 1826 г., т. CXVI, нояб., 306.
Вибиковъ, Илья Гавр., артил., т. CXV, авг., 386.
Виньонъ, бар., т. CXIII, янв., 56.
Виршертъ, Е. И., начальн. инженер., т. CXVI, нояб., 319.
Висмаръ, кн., германск. канцлеръ, т. CXIII, февр., 357, 358.
Вланкъ, Бор. Карл., помѣщ., т. CXIII, янв., 141, 142.
Вларамбергъ, директ. военно-топогр. депо, т. CXIV, іюнь, 527, т. CXV, іюль, 32.
Влудовъ, гр., Дм. Никол., мин. вн. дѣлъ, род. 1785†1864 г., т. CXIII, февр., 261, 262, 312, мартъ, 442, 586, т. CXIV, апр., 35, май, 404, 405, іюнь, 658, 659, т. CXV, іюль, 124, авг., 449, 455, сент., 518, т. CXVI, нояб., 333—351, декаб., 704, 713, 714.
Влюхеръ, фельдмарш., †1819 г., т. CXV, авг., 302, 310.
Воборыкинъ, атаманъ оренб., казач. войска, оренб. губерн., 1865 г., т. CXV, авг., 333, т. CXVI, окт., 69—71, 77.
Бобриковъ, Георгій Ив., полковн., 1877 г., т. CXIV, апр., 68.
Вобрищевъ-Пушкинъ, Пав. Серг., 1861 г., т. CXV, сент., 713, 714.
Воборыкина, урожд. Кошкина, 1867 г., т. CXVI, окт., 70.
Вобровскій, ксендзъ, т. CXVI, нояб., 346.
Вобровъ, Ев., проф., сообщ.: «Семейная хроника рода Струйскихъ въ связи съ біографіею поэта А. И. Полежаева», т. CXV, авг., 265—280, сент., 481—496; «В. Г. Варенцовъ», т. CXVI, декаб., 515—522.
Вобровъ, актеръ, т. CXIV, іюнь, 604.
Вогацѣвичъ, ген.-маіоръ, 1877 г., т. CXIII, янв., 97.
Богдановичъ, Модестъ Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г., т. CXIV, 531.
Богдановъ, тульск. губернат., 1812 г., т. CXVI, декаб., 485, 486.
Богуславскій, А. П., полковн., 1863 г., т. CXV, авг., 327, 328.
Водиско, Бор. Андр., лейт., декабр., т. CXIV, іюнь, 482, 483.
Водянскій, Осипъ Максим., профес., род. 1808 †1877 г., т. CXIII, мартъ, 339, 537, т. CXV, сент., 664.
Волговскій, дѣйств. стат. сов., тверск. губерн., 1843 г., т. CXIV, апр. 175.
Волдыревъ, цензоръ, т. CXIII, мартъ, 583.
Волотовъ, ген., т. CXIV, іюнь, 529.
Волтинг, Захарій, 1580 г., т. CXIII, февр., 408, 409, мартъ, 604.
Волтинъ, Ив. Никит., историкъ, 1790 г., т. CXV, авг., 457.
Вонумбръ, Антоній, еписк., т. CXV, сент., 606—614.
Боратынскій, Евг. Абрамов., поэтъ, род. 1800†1844 г., т. CXIV, іюнь, 632, т. CXV, авг., 447.

Воргъ, проф., т. CXIV, апр. 147.
Борисъ, Годуновъ, царь, см. Годуновъ.
Воровиковскій, Влад. Лукичъ, худ., †1825 г., т. CXIII, янв., прилож., 14.
Вороднинъ, офиц., 1877 г., т. CXIII, янв., 121.
Вороздинъ, К. М., сенат., т. CXIV, апр., 37.
Ворхъ, гр., фл.-ад., полковн., 1869 г., т. CXVI, окт., 79.
Ворчинскій, Антонъ Игнатьев., подполковн., 1853 г., т. CXVI, дек., 526—528, 530.
Вотинцъ, Вас. Петр., писат., р. 1811 †1869 г., т. CXV, сент., 590, т. CXVI, декаб.. 634.
Вотинцъ, Серг. Петр., лейбъ-медикъ, †1889 г., т. CXV, авг., 292, т. CXVI, декаб., 630.
Вотинцъ, почет. гражд., т. CXV, сент., 652.
фонъ-Брадке, Егоръ Өед., директ. департ. государств. имущ., 1839 г., т. CXVI, окт., 22, 30.
Врановскій, С. Н., сообщ.: «Изъ жизни одного декабриста», т. CXIII, мартъ, 541—565.
Врандтъ, Ө. Ө., академ., т. CXV, іюль, 72.
Враницкая, гр-ня, род. 1775†1808 г., т. CXIII, февр., 413, 414.
Враницкая, гр-ня, 1815 г., т. CXVI, декаб., 585.
фонъ-деръ-Бриггенъ, Алексд. Өед., декабр., род. 1794†1859 г., т. CXIII, мартъ, 541—565, т. CXV, іюль, 67—69, т. CXVI, окт. 190—203.
фонъ-Брикманъ, препод. тактики воронежск. кадет. корп., т. CXV, іюль, 83, 84.
Броке, Алексѣй Алексд., т. CXIV, іюнь, 496.
Брокъ, ст.-секр., т. CYVI, окт., 170.
Броневичъ, ксендзъ, т. CXV, авг., 346.
Броневскій, войск. прокуроръ Донскаго войска, 1831 г., т. CXVI, нояб., 316.
Броневскій, ген., директ. михайлов. воронеж. корп., т. CXV, іюль, 81—83.
Броневскій, ген., 1812 г., т. CXIII, февр., 277.
Бростовскій, Пав., польск. посолъ, 1672 г., т. CXV, сент., 689.
Брунновъ, гр., Филип. Ив., послан. въ Лондонѣ, 1832 г., т. CXV, іюль, 216, т. CXVI, декаб., 628.
Брюховецкій, Ив., гетманъ, 1672 г., т. CXV, сент., 671—674, 680, 681, 686, т. CXVI, окт., 139—146, нояб., 468.
Брянскій, Як. Григ., актеръ, т. CXIV, іюнь, 611, т. CXV, авг., 398, 402.
Брянчаниновъ, подполковн., т. CXIV, апр., 133, 134.
Будбергъ, бар., Андрей Яковл., мин. ин. дѣлъ, род. 1806†1812 г., т. CXIII, февр., 227, 231, мартъ, 441, 442, т. CXIV, май, 467—473.
Будде, полковн., т. CXV, авг., 283.
Вугульминскій, Алексд., восп. оренб. гимназ., 1878 г., т. CXVI, нояб., 414—416.
Буйносова-Ростовская, кн., Марія, т. CXIII, февр., 237.
Вукгевденъ, Өед. Өед., ген.-отъ-инф., род. 1750†1811 г., т. CXIV, май, 468, 474, 477.
Булгаковъ, Алексд. Яковл., московск. почтъ-директ., т. CXV, авг., 445, т. CXVI, окт., 217.
Булгаринъ, Болеславъ Өад., т. CXVI, декаб., 601.
Булгаринъ, Владисл. Өад., т., CXVI, декаб., 601.
Булгаринъ, Өад. Венедикт., писат., род. 1789†1860 г., т. CXIII, янв., 21, февр., 305, 322, мартъ, 529, 531, т. CXIV, апр., 163, 174—177, іюнь, 612, 613, 650, т. CXV, іюль, 137, 142, 143, 156, авг., 451, 454, 469, сент., 561, 649—651, т. CXVI, нояб., 333—351, декаб., 601—609, 696.
Вуличъ, Н. Н., профес., 1845 г., т. CXVI, декаб., 521, 522.
Вулычинъ, маіоръ, 1798 г., т. CXIII, мартъ, 521, 522.
Вунина, Анна Петр., пис-ца, р. 1774 †1828 г., т. CXIII, янв., 142—145, т. CXIV, апр., 136.
Вунинъ, Ив. Петр., т. CXIII, янв., 143, февр., 274, 276, т. CXIV, апр., 137, май, 284.
Вураковскій, т. CXIV, іюнь, 621.
Вурцовъ, Ив. Григор., полк., декабр., т. CXIV, іюнь, 497—500.
Вуслаевъ, Ѳ. И., профес., т. CXVI, декаб., 518.
Вутаковъ, А. И., флотск. оф., 1848 г., т. CXIV, апр., 118, май, 289, т. CXV, іюль, 21, 25, 27.
Вуташевичъ-Петрашевскій, Мих. Вас., см. Петрашевскій.
Вутковъ, дѣйст. стат. совѣт., т. CXIII, февр., 320, т. CXV, авг., 417.
Вутурлинъ, Дм. Петр., чл. государ. совѣта и директоръ публичной библіотеки, †1849 г., т. CXV, іюль, 137—155, авг., 405, 416, сент., 518.
Вутурлинъ, Н. А., т. CXV, сент. 515.
Вутурлинъ, ген., квартирм., 1854 г., т. CXIV, іюнь, 487, 491, 499, 533, 534, 537, 541, 542, т. CXV, іюль, 26.
Вутуровъ, ген., 1853 г., т. CXVI, дек., 533.

Вутырскій, цензоръ, 1831 г., т. CXIII, февр., 324.
Вухановъ, америк. послан., т. CXV, сент., 703.
Вухмейеръ, начальн. инженеровъ, т. CXIV, іюнь, 533.
Вуцковскій, полковн., 1863 г., т. CXVI, декаб., 561.
Выховецъ, акад., т. CXV, авг. 327.
Бычкова, Алексд. Кировна, урожд. Коптева, т. CXV, сент., 495.
Бычковъ, Аѳанас. Ѳед., академ., род. 1818 г., т. CXIII, янв., 5, февр., 211, т. CXIV, апр., 29, т. CXV, іюль, 130, авг., 439, сент., 497, т. CXVI, окт., 186, 188.
Бычковъ, Ив. Аѳанас., сообщ.: «Александръ I и его приближенные до эпохи Сперанскаго», т. CXIII, янв., 5 — 36, февр., 211 — 234, 359 — 362; «Изъ неизданныхъ стихотвореній и писемъ Н. М. Языкова», мартъ, 477—496, т. CXIV, апр., 28; «Сперанскій въ 1808 — 1811 гг.», апр., 29—40, «Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ», т. CXIV, май, 397—415, т. CXVI, окт., 185—203; «Графъ Аракчеевъ передъ поѣздкою за границу въ 1826 г.», т. CXV, іюль, 47—49, 115—135, т. CXV, 439—456, «Дополнительныя замѣтки и матеріалы къ жизни графа Сперанскаго (изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова), сент., 497—518; Попытка напечатать «Черты исторіи государства Россійскаго, В. А. Жуковскаго» въ 1837 году, т. CXVI, декаб., 595—600.
Бѣлинскій, Виссар. Григ., писат., род. 1810†1848 г., т. CXIII, янв., 73—76, мартъ, 537, т. CXIV, іюнь, 613, 615, т. CXV, сент., 529, 559, 567, 585, 586, т., CXVI, нояб., 357, дек., 633.
Бѣловерскій, Викт. Мих., 1847 г., т. CXVI, окт., 34.
Бѣловерскій, Г., т. CXV, авг., 274.
Бѣльскій, Богданъ, т. CXIII, февр., 399.
Бѣльскій, Давидъ, т. CXIII, февр., 403.
Бѣльскій, Ив. Данилов., 1581 г., т. CXIII, февр., 396.
Бѣляевъ, Алексд. Петр., декабристъ, т. CXIV, іюнь, 493.
Бѣляевъ, Петръ Петр., декабристъ, т. CXIV, іюнь, 493.
Бѣляевъ, И., авт. ст. «Русск. общ. при Петрѣ I» 1864 г., т. CXIV, май, 290.
Вэръ, К. М., акад., т. CXVI, окт., 25.

В.

Вадбольскій, кн., А. П., сообщ: „Изъ воспоминаній бывшаго гвардейскаго офицера“, т. CXIV, іюнь, 543—551.
Вадковскій, декабр., т. CXIV, іюнь, 497.
Валевскій, гр., т. CXV, іюль, 219, сент., 693.
Валуевъ, гр., Петръ Алекс., мин. вн. дѣлъ род. 1815†1890 г., т. CXIV, май, 290, т. CXVI, нояб., 273—293 декаб., 544.
Вальховская, Марья Вас., т. CXIII, мартъ, 548.
Ванновскій, Петръ Сем., ген.-ад., т. CXV, авг, 281—297.
Ваньковичъ, Адамъ, помѣщ. 1863 г., т. CXVI, декаб., 557.
Ваньковичъ, Левъ, помѣщ. 1863 г., т. CXVI, декаб., 550, 552, 557, 558.
Варенцова, Берта Алексѣевна, во вт. бракѣ Рихтеръ, т. CXVI, декаб., 519.
Варенцова, Евд. Дороѳеев., рожд. Аркашева, † 1856 г., т. CXVI, декаб., 521.
Варенцовъ, Алексѣй Никт., т. CXVI, декаб., 519.
Варенцовъ, Викт. Гаврил., адъюнктъ проф. по рус. словесн. Казан. унив., р. 1825 †1867 г., т. CXIII, декаб., 515—522.
Варенцовъ, Гавр. Васил., чиновн. 1825 г., т. CXVI, декаб. 515.
Варенцовъ, Ѳед. Васил., чиновн., т. CXVI, декаб. 520.
Варламовъ, артистъ, т. CXIV, іюнь, 628.
Вародель, С., сообщ: „Графъ П. К. Сухтеленъ. (Его характеристика по шведскимъ источникамъ)“, т. CXV авг., 467—477. „Императоръ Николай I въ донесеніяхъ шведскаго посланника“, т. CXVI, окт., 205—219.
Варжевицкій, 1581 г., т. CXIII, мартъ, 594, 595.
Варламовъ, капельм. московск. оперы 1834 г., т. CXIII, мартъ, 589, 590.
Василій II, Темный, великій князь, т. CXV, іюль, 89—105, авг., 349—371, сент., 639.
Василій III, вел. князь, т. CXVI, окт. 116, 123—130, нояб., 369—399.
Васильевъ, гр. Алексѣй Ив., госуд казначей 1798 г., впосл. мин. финанс., род. 1742†1807 г., т. CXIII, февр., 219, т. CXIV, апр., 33, 140, май, 470, т. CXV, іюль, 233.
Васильевъ, Алексѣй, прот., т. CXIV, 1812 г., май, 340—348.

Васильковскій, полковн., 1877 г., т. CXV, авг., 294.
Васильчиковъ, Алексд. Алексѣев., гофмейст., писатель, р. 1832†1890 г., т. CXVI, окт., 65.
Васильчиковъ, кн., Илар. Васил., ген.-ад., р. 1777†1847 г., т. CXIII, янв. 7, т. CXIV, іюнь, 538, т. CXVI, окт., 88.
Васильчиковъ, декабр., т. CXIV, іюнь, 497.
Вассіанъ, архіеп. ростовск., т. CXV, сент., 621.
Ватаци, Алексд. Ив., директ. Михайлов. Воронеж. корпуса, 1862 г., т. CXIII, февр., 331, т. CXV, іюль, 83, 84.
Вегелинъ, Александ. Ив., декабр., т. CXIV, іюнь, 493.
Веденяпинъ, Алексѣй Вас., прап., декабр., т. CXIV, іюнь, 482, 483, 486.
Вейдемейеръ, рож. княжна Херхеулидзева, Татьяна Семеновна, писательница, т. CXV, авг., 445.
Вейдемейеръ, писат., 1832 г., т. CXIII, февр., 317.
Вейдемейеръ, тайн. совѣт., т. CXIII, февр., 213, т. CXVI, нояб., 243.
Вейденбаумъ, Е., сообщ.: „Декабристы на Кавказѣ", т. CXIV, іюнь, 481—502, „Виллокъ и А. С. Пушкинъ", т. CXV, авг., 320.
Вейкардъ, Георгій, 1812 г., т. CXIII, февр., 280, 283.
Вейсъ, дирек. Петровск. уч., т. CXIII, мартъ, 542.
Велепольскій, маркизъ Алексд., р. 1803†1877 г., т. CXV, сент., 588, 589, 693.
Великановъ, Никол., смоленск. полицейм., 1812 г., т. CXIV, май, 342—347, іюнь, 573, 574, іюнь, 573.
Великопольскій, Иванъ Ермолаев, писат., род. 1793†1868 г., т. CXIV, іюнь, 649.
Велланскій, Дм. Мих., профес., род. 1774†1847 г., т. CXIV, май, 379, 386, 389.
Веллингтонъ, герцогъ, т. CXIV, май, 419—441, іюнь, 673—679, 682—695, т. CXV, авг., 302, 306, 310, сент., 696.
Вельяминовъ, И. А., ген.-лейт. 1820 г., т. CXV, авг., 320.
Вельяминовъ, Миронъ Андр., нач. опол. 1613, г., т. CXIV, апр., 155.
Вельяминовъ, Н. А., тобольск. ген.-губерн., 1831 г., т. CXIII, мартъ, 548.
Вельяминовъ, оф. 1812 г., т. CXIV, май, 340.
Вельяшевъ, писат., 1816 г., т. CXVI, декаб. 709.
Веневитиновъ, Алексѣй Влад., надв. сов., 1837 г., т. CXVI, окт., 20.
Венедиктовъ, Ив. Ив. капит., † 1901 г., т. CXV., авг., 281—297.
Веніаминовъ, Іоаннъ, впосл. еписк. Камчатскій Иннокентій, т. CXIV, май, 415.
Вергуновъ, протоіер. 1827 г., т. CXIII, янв., 70, 71.
Веревкина, т. CXVI, окт., 78.
Веревкинъ, атаманъ Уральск. каз., 1866 г., т. CXV, авг., 328, 330, 333, 336, CXVI, окт., 70—79.
Веревкинъ, Григ., ротмистръ, 1672 г., т. CXVI, нояб., 469.
Верещагинъ, худож., 1884 г., т. CXIV, май, 264.
Веригинъ, ген.-квартирмейс. 1863 г., т. CXV, 322, 324, 331.
Веселовская, Луиза Антоновна, урожд. баронес. Плотенъ, т. CXVI, окт., 7.
Веселовскіе, 1820 г., т. CXVI, окт. 9.
Веселовскій, Н. И., проф., т. CXIV, май, 304.
Веселовскій, Конст. Сем., фл.-ад., 1825 г., CXVI, окт., 15.
Веселовскій, Конст. Степ., акад., род. 1819†1901 г., т. CXVI, окт., 5—42.
Веселовскій, Пав. Сем., 1819 г., т. CXVI, окт., 9.
Веселовскій, Петръ Ильичъ, полков., т. CXVI, окт., 7.
Веселовскій, Сем. Петр., маіоръ, т. CXVI, окт., 7.
Веселовскій, Сем. Сем., 1829 г., т. CXVI, окт. 11.
Веселовскій, Степ. Сем., полковн., род. 1781†1852 г., CXVI, окт., 6—16.
Веселевъ, Петръ, помѣщ. 1719 г., т. CXVI, декаб., 591.
Вердеревскій, предсѣд. гражд. палаты въ Тамбовѣ 1815 г., т. CXVI, декаб. 487.
Вешняковъ, Влад. Ив., помощн. редакт., 1854 г., т. CXVI, окт., 34.
Вигель, Наталія Филиповна, въ зам. Алексѣева, т. CXV, авг., 448, 449.
Вигель-Панчулидзевъ, П., сообщ.: „Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 г.", т. CXVI, нояб., 307—315.
Вигель, Филиппъ Филип., управл. деп. духов. дѣлъ ин. исповѣд., род. 1786† 1856 г., т. CXIII, март., 582 т. CXV, авг., 448—450 сент. 498, 500, т. т. CXVI, окт., 7, 89.
фонъ-Визинъ, Наталія Дмитріевна, 1850 г., т. CXV, сент., 708, 712, 714.

фонъ-Визинъ, Мих. Алексд., дек., т. CXIII, мартъ, 542.
Виллямовъ, Григ. Ив., секрет., императрицы Маріи Ѳеодор., т CXIV, апр., 89, т. CXV, іюль, 121, авг., 303.
Виллебланшъ, интенд. Смоленск. губ., 1812 г., т. CXIV, май, 331—344.
Виллié, баронетъ, Яковъ Васильев, лейбъ-медикъ, р. 1765 † 1854 г., т. CXIII, янв., 6.
Вильбоа, ген.-фельдцейхмейстеръ, 1762 г., т. CXV, сент., 706.
Вильде, Густавъ Григор., т. CXV, сент., 516.
Винтеръ, вологод. губернат. 1815 г., т. CXVI, декаб., 487.
Винтуловъ, Алексд. Дм., ген., директ. михайлов. воронеж. корп., 1835 г, т. CXV, іюль, 77—80.
Виртембергскій, принцъ, Алексд., главноуправл. пут. сообщ. 1826 г., т. CXVI, нояб., 440.
де-Висто, Алекс., см. Везсоновъ.
Витбергъ, А. Л. художн., историч. живоп. 1810 г., т. CXIII, янв., прилож., 14.
Витгенштейнъ, кн., Эмилій, ген., р. 1824†1878 г., т. CXV, іюль, 220.
Витовтъ, ген.-ад. 1855 г., т. CXIV, іюнь, 544.
Витте, Серг. Юліев., пред. комит. мин., т. CXIV, май, 259.
Вишневецкій, Адамъ, т. CXIII, февр., 238, 248, т. CXV, іюнь, 162.
Вишневецкій, Констант., т. CXIII, февр., 248.
Вишневскій, Ѳед. Гавр, декаб., т. CXIV, іюнь, 482, 483, 486.
Віардо, Полина, пѣвица, т. CXIV, апр., 199, 200.
Віельгорскій, гр., Мих. Юрьев, об.-шенкъ, р. 1788†1856 г., т. CXV, авг., 440.
Владиміръ Александровичъ, великій князь, т. CXV, авг., 285, т. CXVI, окт., 74.
Владиславъ III, король польскій, 1443 г., т. CXV, авг., 352, 355, 357.
Влангали, Георгій Мих., перевод. восточ. яз. при департ. мин. иностр. дѣлъ, †1834 г., т. CXVI, нояб., 350.
Власьевъ, Аѳанасій, дьякъ, посолъ въ Римѣ 1602 г., т. CXIV, май, 463.
Водаръ, полковн., 1877 г., т. CXIV, апр. 69.
Воеводскій, смоленск. предвод. дворянства, 1812 г., т. CXIV, апр, 109.
Воейкова, Алексд. Андр, р. Протатова, т. CXV, іюль, 125—128, авг., 442.
Воейковъ, Алексд. Ѳед, проф., писат., р. 1773†1839 г., т. CXIV, апр., 144, 147, 149, 152, т. CXVI, декаб., 602, 711.
Воейковъ, Д. И., 1884 г., т. CXIV, май, 261.
Воиновъ, студ. Моск. унив. 1801 г., т. CXIV, апр., 102.
Волковъ, Алексд. Алексд., ген.-лейт., нач. 2-го окр. корп. жанд., т. CXIII, февр., 260—267.
Волковъ, Влад. Ѳед., шт.-капит., т. CXIV, іюнь, 496.
Волконская, княжна Алексд. Петр., въ зам. Дурново, р. 1804†1859 г., т. CXV, авг., 443.
Волконскій, кн., Вл. Ив., путиловск. воевода, 1671 г., т. CXV, сент., 686.
Волконскій, кн. Григ. Петр., гофмейст., р. 1808†1882 г., т. CXV, авг., 443.
Волконскій, кн. Дм. Петр., ген.-лейт., интенд., гофмейст., р. 1805†1859 г., т. CXV, авг., 443, т. CXVI, окт., 64.
Волконскій, гр., Ив., ген.-поруч. 1762 г., т. CXIV, іюнь, 526.
Волконскій, кн., Никол., полковн., т. CXIV, апр., 154.
Волконскій, кн., Петръ Мих., ми-ръ двора, фельдмаршалъ, р. 1776†1852 г, т. CXIV, апр., 20, 165, 176, 177, май, 381, іюнь, 496, т. CXV, іюль, 74, 224, авг., 404, 426, 438, т. CXVI, окт., 101.
Волконскій, кн. Сергѣй Григор., декабристъ, р. 1788†1865 г., т. CXV, сент. 582, 712, т. CXVI, окт., 228.
Волконскій, полковн., т. CXIV, іюнь, 500.
Вольпа, Іоаннъ, Батистъ, дипломатъ, 1470 г., т. CXV, сент., 598—614.
Вольфъ, авт. „Хроники спб. театр.“, т. CXV, сент., 562, 569, 572.
Вонсовичъ, полковн., 1817 г., т. CXIV, май, 353.
Воренцъ, Григорій, гравер., т. CXV, сент., 630.
Воробьевъ, Г. А., сообщ.: „Посылка Тадеуша Вылежинскаго въ Петербургъ“, т. CXIV, май, 351—361.
Вороновъ, капит.-лейт., 1812 г., т. CXIII, февр, 277, 280.
Воронцова, гр-ня т. CXV, іюль, 227, 228.
Воронцовъ, гр., Алекд. Роман., госуд. канцл., р. 1741†1805 г., т. CXIII, февр., 216.
Воронцовъ, гр. Ив., т. CXIV, іюнь, 526.
Воронцовъ, гр., Михаилъ Сем., новорос. ген.-губ., намѣстн. Кавказ., р 1781 † 1856 г., т. CXIII, янв., 194, т. CXIV, апр., 208, май, 350,

424, т. CXV, іюль, 227, авг., 393, т. CXVI, нояб., 263, 269.
Воронцовъ, гр., Сем. Ром., послан. въ Англіи, р. 1774†1832 г., т. CXIII, янв., прилож. 4, т. CXVI, нояб., 253.
Воронцовъ-Дашковъ, гр., об.-церемоніймейст., т. CXV, іюль, 230.
Воскресенскій, докт., т. CXV, авг. 385.
Врангель, военный инжен., 1862 г., т. CXIII, янв., 164.
Врангель, бар., М. Е., капит., 1863 г., т. CXIII, февр., 291, 299.
Враницкій, декабр., т. CXIII, мартъ, 545.
Врасскій, чиновн. 1836 г., т. CXIII, мартъ, 588.
Вревская, баронеса, Евпраксія Никол., р. Вульфъ, р. 1810†1883 г., т. CXIII, мартъ, 487, 492—495.
Вронченко, Мих. Павл., писат., переводч. Шекспира, р. 1801†1855 г., т. CXIII, мартъ, 486.
Вронченко, Ѳед. Павл., ми-ръ финанс., †1862 г., т. CXIV, апр., 31, т. CXV, авг., 408.
Всеволожскій, Н. А., 1816 г., т. CXVI, декаб., 709.
Вульфъ, Алексѣй Никол., поэтъ, р. 1805†1881 г., т. CXIII, мартъ, 485—495.
Вылежинскій, Тадеушъ, полковн. †1844 г., т. CXIV, май, 351—361.
Вѣтринскій, инженер., подполк., т. CXV, іюнь, 30.
Вяземская, княгиня, т. CXIII, мартъ, прилож., 73, т. CXVI, нояб., 242.
Вяземскій, кн., Петръ Андр., товар. мн-ра народн. просв., писат., род. 1792†1878 г., т. CXIII, февр., 260—263, мартъ, 537, т. CXIV, май, 406, 411, т. CXV, іюль, 132, 133, 203, авг., 272, 273, 443, 447, 453, т. CXVI, нояб., 242, декаб., 607, 609, 705, 715.
Вяземскій, кн., Пав. Петр., секрет. посольства въ Констант. 1849 г., впосл. сенат., р. 1820†1888 г., т. CXIV, май, 411.
Вяземскій, кн., новгород. коменд. 1716 г., т. CXVI, декаб. 590.
Вязмитиновъ, гр. Серг. Кузьмичъ, воен. мин. съ 1802—1808 г., род. 1748†1819 г., т. CXIII, февр., 219, т. CXVI, нояб., 242, 244, декаб., 504, 510, 572.

Г.

Габбе, Алексд. Андр., полковн., 1815 г., т. CXIV, іюнь, 563.
Гавріилъ, новгород. митроп., 1797 г., т. CXV, іюль, 109.
Гагарина, княгиня Марія Алексд., 1838 г., т. CXIV, май, 401.
Гагаринъ, кн. Евг. Григ., 1838 г., т. CXIV, май, 401.
Гагаринъ, кн., Пав. Павлов., предсѣд. госуд. сов., р. 1789†1872 г., т. CXV, сент. 537, т. CXVI, нояб., 287.
Гагаринъ, кн., С. П., архангельск. губерн., т. CXVI, нояб., 286, 287, 288.
Гагаринъ, кн., Серг. Сергѣев., об.-гофмейст., директ. театровъ†1852 г., т. CXIV, 608, 609.
Гагаринъ, Ѳеофилъ Григор., младш. секр. посольства во Франкфуртѣ, т. CXIV, май, 413.
Гагаринъ-Стурдза, Григ., т. CXIV, май, 407.
Гагемейстеръ, стат. совѣтн., 1848 г., CXV, авг., 415, т. CXVI, окт., 165—171.
Гаевскій, Викт. Павл. 1832 г., т. CXIII, февр., 317, 325, т. CXV, декаб., 686.
Галль, Джонъ, 1826 г., т. CXVI, нояб., 437—440.
Голятовскій, Іоанникій, архиман., ораторъ, писат., 1672 г., т. CXVI, нояб., 469, 470.
Гамбургеръ, т. CXIV, апр., 166—169, май, 295.
Гамильтонъ, Ал., посолъ въ Россіи, 1809 †1852 г., т. CXV, авг., 443.
Гангеблонъ, Алексд. Сем., декабр., т. CXIV, іюнь, 484, 497, 498.
Ганецкій, Ив. Степ., генер.-лейтен., команд. финлянд. пол., т. CXIII, февр., 288, 290.
Гансъ, Эдуардъ профес., р. 1798 †1838 г., т. CXV, авг., 453.
Гаршинъ, писат., т. CXIV, май, 262,
Гастфордъ, полковн., 1855 г., т. CXIV, май, 245.
Гастфордъ, ген.-губ. зап. Сибири, 1851 г., т. CXIII, мартъ, 557—559.
Гвинтовка, Матвѣй, полковн., 1672 г., т. CXV, сент., 670, 676, 683, 684, т. CXVI, нояб., 467.
Гвоздевъ, Алекд. Ник., подп., т. CXIV, іюнь, 497.
Гедеоновъ, Алексд., Мих., директ. имп. театровъ, р. 1790†1867 г., т. іюнь, 610, 611, т. CXV, авг., 400.
Гедеоновъ, Д. Я., смол. губер., 1801—1803 г., т. CXIV, апр., 103.
Гедеоновъ, т. CXVI, окт., 174.
Гедеоновъ, ген.-маіоръ, астрах. коменд. 1798 г., т. CXIII, мартъ, 519, 520.
Гейденъ, гр., Лог. Лог., адм., т. CXIV, май, 429, т. CXVI, нояб., 321—329.
Гейденъ, гр., нач. гл. штаба 1870 г., т. CXVI, окт., 82, 86.

Гейденштейнъ, 1582 г., т. CXVI, декаб., 644—650.
Гейксъ, ген. директ. департ. общ. дѣлъ мин. пут. сообщ., 1870 г., т. CXVI, окт. 83.
Гейтесбери, лордъ, послан. въ Петерб., 1832 г., т. CXV, сент., 700, 701, 704.
Георгій, принцъ Гольштинскій, 1762 г., т. CXV, сент., 706.
Гельмертъ, Θед. Θед., капит., т. CXV, іюль, 59, 61.
Герасимовъ, посолъ въ Римѣ, 1525 г., т. CXVI, нояб., 375, 376.
Геригроссъ, подполк., 1862 г., т. CXIII, янв. 154.
Геркъ, ген.-маіоръ, т. CXIV, іюнь, 527.
Герсеванова, ген.-квартирм. 1855 г., т. CXIV, іюнь, 534.
Герсфельдъ, ген.-лейтен., 1884 г., т. CXIII, февр., 370.
Герфордъ, маркизъ, послан., 1827 г., май, 424.
Герценъ, Алексд. Ив., писат. и публицистъ, р. 1812†1870 г., т. CXIII, янв., 77, 78, февр., 376—379, т. CXV, іюль, 32, сент., 584, 589, 594, т. CXVI, нояб., 280, декаб., 633, 635.
Гизо, историкъ и франц. государст. дѣят., р. 1787†1875 г., т. CXV, авг., 442, т. CXVI, декаб., 611—628.
Гильдебрандъ, Платонъ Ив., офиц. 1864 г., т. CXIII, мартъ, 445, 451—453.
Глазовъ, ген.-маіоръ, 1800 г., т. CXIII, мартъ, 525.
Глинка, Григ. Андр., профес., род. 1777†1818 г., т., т. CXVI, окт., 186.
Глинка, Дм. Григ., †1883 г., т. CXVI, окт., 186, 187.
Глинка, Мих. Ив., композит., т. CXVI, нояб., 356, 359, 364.
Глинка, Никол. Дм., консулъ во Франкфуртѣ, р. 1838†1884 г., т. т. CXVI, окт., 187.
Глинка, Сер. Никол., писат., род. 1774†1847 г., т. CXIII, февр., 263—266, 323, т. CXIV, апр., 162, т. CXVI, нояб., 249, декаб., 481.
Глинка, Θед. Никол., писат., †1880 г., т. CXIII, февр., 325.
Глинка, полковн., 1814 г., т. CXIII, мартъ, 543.
Глиноецкій, редакт. „Военнаго Сборника", т. CXIV, іюнь, 532, 538.
Глумилина, Софья Тимоѳ., рожд. Аксакова, т. CXIV, іюнь, 540.
Глумилина, въ зам. Бутлерова, т. CXIV, іюнь, 540.
Глумилина, въ зам. Юмъ, т. CXIV, іюнь, 540.
Глумилинъ, Мих. Вас., т. CXIV, іюнь, 540.
Глумилинъ, Мих. Мих., т CXIV, іюнь, 540.
Глуховскій, проф., унив., т. CXVI, нояб. 346.
Глѣбовъ, Алексд. Ив., ген.-прокур., ген.-кригсъ-коммис., 1762 г., т. CXV, 706.
Глѣбовъ, ген., 1855г., т. CXIV, іюнь, 538.
Гнинскій, Янъ, польск. посолъ, 1672 г., т. CXV, сент., 689.
Гнѣдичъ, Ник. Ив., поэтъ, писат., р. 1784†1833 г., т. CXV, іюль, 117—120, т. CXVI, нояб., 249, декаб., 603.
Гогель, флиг.-адъют., т. CXIV, апр. 133.
Гоголь, Никол. Васильев., писат., р. 1809†1852 г., т. CXIII, февр., 301—304, мартъ, 530—539, т. CXIV, май, 262, іюнь, 643, 653—655, т. CXV, сент., 529, 655, 662, т. CXVI, окт., 199.
Годейнъ, ген.-лейт., т. CXIV, апр., 48.
Годуновъ, Борисъ, царь, т. CXIV, апр., 113, 218—231, май, 451—464, іюнь, 648, 649, т. CXV, авг., 435, 436, т. CXVI, окт., 107.
Голенищевъ-Кутузовъ, см. Кутузовъ.
Голицынъ, кн., Алексд. Мих., вице-канцл., генер.-фельдм., род. 1723 †1807 г., т. CXVI, окт., 65—68.
Голицынъ, кн., Алексд. Никол., об. прокур. синода, мин. дух. дѣлъ и просв., р. 1773†1844 г., т. CXIII, янв., 10, февр., 219, 220, 229, мартъ, 515—518, т. CXIV, апр., 104, 105, 172, іюнь, 624, 659, 663, 669, іюнь, 578, т. CXV, іюль, 74, 87, 121, сент., 513, т. CXVI, окт., 96, 220, нояб., 300, декаб., 505, 638, 683—698, 705—712.
Голицынъ, кн., Васил. Васильевъ, боярин, р. 1633†1713 г., т. CXIII, янв., 184, февр., 236, т. CXIV, апр., 99.
Голицынъ, кн., Валер. Мих., декабр., т. CXIV, іюнь, 486, т. CXV, іюль, 69.
Голицынъ, кн. Григ. Серг., пензенск. губернат. 1815 г., т. CXIV, іюнь, 555—560.
Голицынъ, Дм. Владим., моск. ген.-губерн., р. 1771†1844 г., т. CXIII, февр., 263, т. CXV, іюль, 121.
Голицынъ, кн., Серг. Мих., москов. ген.-губ., т. CXIII, февр., 312, 313, 322—325, т. CXIV, апр., 17.
Голицынъ, полковн. 1797 г., т. CXIV, іюнь, 518, 519, 520, т. CXV, іюнь, 234.
Головачевъ, П., сообщ.: „Значеніе Андруссовскаго перемирія для международныхъ отношеній восточ-

ной Европы, т. CXV, іюль, 159—166.
Головинъ, Евг. Алексд., главноком. на Кавказѣ 1831 г., род. 1782†1858 г., т. CXIV, іюнь, 672, т. CXVI, нояб., 352, декаб., 594.
Головинъ, Ив. Гаврилов., публицистъ-эмигрантъ, р. 1816 г., т. CXV, сент., 655, 662.
Головинъ, Конст. Өед., журналистъ 1884 г., т. CXIV, 261—266.
Головинъ, Никол. Вуколовичъ, лейт., т. CXIV, апр., 134.
Головинъ, Петръ Петр., воев., т. CXIV, апр., 157.
Головинъ, полковн., команд. эстлянд. пол. 1877 г., т. CXIII, янв., 120.
Головинъ, мин. нар. просв., т. CXIV, апр., 140.
Головинъ, 1686 г.,т. CXVI, нояб., 468.
Головинъ, гр., 1815 г., т. CXIV, іюнь, 589, 596.
Головнинъ, Алексд. Васил., мин. нар. просв., р. 1821†1886 г., т. CXV, авг., 384.
Голубевъ, подпол. 1863 г., т. CXV, авг., 324.
Голубевъ, чиновн., т. CXIV, апр., 131, 132.
Голубцовъ, Өед. Алексд., госуд. казнач., сенат., р. 1758†1829 г., т. CXV, сент., 508, т. CXIV, апр., 34, май, 470, 471, іюль, 234.
Голынскій, Ив. Осип., помѣщ., предвод. двор. могилев. губ. 1780 г., т. CXIII, мартъ, прилож., 74—77.
фонъ-Гольштейнъ, принцъ, ген.-фельдмаршалъ, спб. и ревельск. ген.-губер., 1762 г., т. CXV, сент., 596, 706
Гончаровъ, Ив. Алексд., писат., род. 1814†1891 г., т. CXIII, янв., 74, 89.
Горбачевскій, И., декабр., 1860 г., т. CXV, его письма—князю Е. П. Оболенскому, т. CXV, сент., 707—716, т. CXVI, окт., 221—239.
Горбачевскій, Евгеній Ив., 1863 г., т. CXVI, окт., 238.
Горвицъ, профес., т. CXVI, нояб., 322.
Горголи, Ив. Савичъ, спб. об.-полицейм., сенат., р. 1770†1862 г., т. CXIV, апр., 11, 12.
Горихвостовъ, маіоръ, т. CXIV, май, 340.
Горскій, А. В., протоіер., ректор Моск. духов., акад., †1873 г., т. CXIV, май, 415.
Горчаковъ, кн., Алексд. Мих., канцлеръ, р. 1799†1883., т. CXIII, февр. 358, т. CXIV, май, 291, 295, 414, т. CXV, авг., 326, 334.
Горчаковъ, кн., Андрей Ив., ген.-отъ-инф., р. 1778†1855 г., т. CXIV, іюнь, 564—568.
Горчаковъ, кн., Мих. Дм., главноком. крымск. арм. 1855 г., намѣстн. ц. Польск. 1856 г., р. 1756 г., †1861 г., т. CXIV, іюнь, 532—537, т. CXV, сент., 589, т. CXVI, нояб. 477—580, декаб., 699.
Горшенковъ, Ник. Ив., помощ. режиссера, т. CXV, авг., 402.
Горчаковъ, кн., Петръ Дм., сибирск. ген.-губ., р. 1789†1868 г., т. CXIII, мартъ, 555—558, т. CXV, авг., 447.
Граббе, гр. Пав. Христоф., ген.-отъ-инф., р. 1787†1875 г., т. CXIII, янв., 149—164, т. CXV, авг. 441.
Грабовскій, ст.-секр., царства Польскаго, 1828 г., т. CXIV, апр., 177, 180, т. CXVI, нояб., 456, 458.
Грановскій, Тимоѳ. Никол., профес. †1855 г., т. CXIII, янв., 77, мартъ, 589.
Грей, графъ, мн-ръ въ Англіи, р.1764 †1845 г., т. CXIII, янв., 198, т. CXIV, май, 417—442, іюнь, 683, 687—695, CXV,сент.,691—705, т. CXVI, декаб., 616, 617.
Гречъ, Никол. Ив., писат., р. 1787 †1867 г., CXIII, февр., 305, 322—324, т. CXIV, май, 309, т. CXV, іюль, 67, 68, авг., 384, 451, 454, т. CXVI, окт., 97, нояб., 333—351.
Грибовичъ, Пав., есаулъ, 1672 г., т. CXV, сент., 668, 670, т. CXVI, окт., 138—146, нояб., 459, 463, 467, 468.
Грибовскій, Андріанъ Моисеев., ст.-секр. им-цы Екатерины II, 1792 г., т. CXIII, янв., 9, февр., 213.
Грибоѣдовъ, Алексд. Серг., писат., р. 1795†1829 г., т. CXIV, іюнь, 604, 606, 643—645, т. CXVI, декаб., 601.
Григорій XIII, папа, 1560 г., т. CXVI, декаб., 642—682.
Григорій, монахъ, т. CXV, іюль, 95, авг., 350—366.
Григоровичъ, Апол. Алекс., писат., р. 1822†1864 г., т. CXIII., янв., 75.
Григоровичъ, В. И., т. CXVI, декаб., 518.
Григоровичъ, Дм. Вас., писат., 1893 г., т. CXIII, мартъ, 567, 570.
Григорьевъ, Вас. Вас., профес., т. CXIV, іюнь, 542, т. CXV, іюль, 33—36.
Григорьевъ, Петръ Ив., артистъ, т. CXV, авг., 400, 402, 403, сент., 571.
Григорьевъ, Апол. Алекс., писат., т. CXIV, май 265.
Громачевскій, А. А., инспект. оренб. гимназ. 1878 г., т. CXVI, нояб., 412—417.

Гротъ, Конст. Карл., ст.-секрет., самарск. губерн., т. CXV, іюль, 21, 22.
Грудевъ, учитель, т. CXV, авг., 384.
Грузинскій, кн., т. CXV, іюль, 114.
Гудима, декабр., т. CXIV, іюнь, 497.
Гулакъ-Артемовскій, профес., т. CXV, сент., 664.
Гумбольдтъ, т. CXIV, іюнь, 705.
Гурко, Іосифъ Влад., фельдмарш., т. CXIV, апр., 68—74, май, 295, 416.
Гурьевъ, гр., Дм. Алексд., мин. удѣл. 1809 г., впосл. мин. финанс., р. 1751†1825 г., т. CXIII, февр., 219, 220, 414, т. CXIV, апр., 34—40, май, 471, 472, іюнь, 624, т. XCV, іюль, 233, 234, 237, авг. 271, окт., 486.
Гурьевъ, гр., кіевск. ген.-губ., 1835 г., т. CXIII, мартъ, 587.
Гусева, Ел. Ив., артистка, т. CXV, авг., 402, 403.
Гутьяръ, сообщ.: „И. С. Тургеневъ и Н. А. Некрасовъ", т. CXIII, янв., 73—93, „И. С. Тургеневъ и польскій вопросъ", т. CXV, сент., 585 — 595; упом., т. CXVI, декаб., 629, 634.
Гуща, Станисл. Клемен., офиц. 1854 г., т. CXIII, мартъ, 448.
Гуфеландъ, Христоферъ Васильевичъ, профес., писат., род. 1762 †1836 г., т. CXIV, май, 400—403, т. CXV, авг., 453.

Д.

Даву, маршалъ Франціи, † 1823 г., т. CXIII, янв., 39.
Давыдова, Прасковья Ив., въ зам. Яковлева, т. CXIV, іюнь, 639.
Давыдова, 1861 г., жена декабр., т. CXV, сент., 712.
Давыдовъ, Вас. М., декабр. 1860 г., т. CXV, сент., 708.
Давыдовъ (Горѣловъ), Влад. Никол., артистъ, 1900 г., т. CXIV, іюнь, 628.
Давыдовъ, Денисъ Васильев., партизанъ, писат., род. 1784†1839 г., CXIII, февр., 272, 273, т. CXV, авг., 446—448.
Давыдовъ, Ив. Ив., проф. р. 1794 †1863 г., т. CXIII, февр., 262, т. CXVI, декаб., 602, 603, 696.
Даль, Влад. Ив., писат., род. 1801 †1872 г., т. CXV, іюль, 71—73, 137, 144, т. CXVI, декаб., 518.
Дандевиль, ген., 1856 г, т. CXIV, іюнь, 541, т. CXV. іюль, 21—28, 34, т. CXVI, нояб., 319.
Данвасъ, Алексд. Логгинов., генер. 1856 г., т. CXV, іюль, 23—33, авг., 325, т. CXVI, окт., 85, нояб., 319.
Данилевскій, Никол. Яковл., публицистъ, род. 1822†1885 г., т. CXV, сент., 528—532.
Даниловичъ, проф. Игнат. Никол., р. 1787†1843 г., т. CXIV, апр., 178, т. CXVI, нояб., 346.
Даниловъ, Я. Р., педагогъ, 1875 г., т. CXVI, нояб., 409, 410.
Даниловъ, инж. 1860 г., т. CXIII, февр., 384.
Даніилъ, волынск.-житомірск. епископъ, 1810 г., т. CXVI, окт., 204.
Дараганъ, камеръ-пажъ велик. княгини Александры Ѳеодоровны, авт. записокъ, т. CXVI, окт., 90.
Дарія, груз. царица, т. CXIV, май, 472.
Дашкова, княгиня, Екатер. Роман., 1784 г., т. CXVI, нояб., 294.
Дашковъ, Дм. Васил., мин. юстиц., р. 1784†1839 г., т. CXIV, апр., 35, т. CXV, авг., 391, сент., 518, т. CXVI, нояб., 316, декаб., 705.
Двигубскій, Ив. Алексѣев., ректоръ моск. унив., р. 1771 † 1839 г., т. CXIII, мартъ, 578, т. CXIV, апр., 102.
Дебу, Ипполитъ, 1849 г., т. CXV, сент., 523, 531.
Дебу, К. М., 1849 г., т. CXV, сент., 523, 531.
Дебу, генер.-лейт., 1856 г., т. CXV, іюль, 27.
Дегай, ст.-секр., 1842 г., т. CXV, іюль, 138.
Делакроа, правит. канц. курлянд. губернат., 1844 г., т. CXIV, апр. 182.
Деллингсгаузенъ, Ив. Ѳед., баронъ, ген.-ад., 1839 г., т. CXVI, октябрь, 17, 23.
Дельвигъ, бар., Андр. Н., инж. пут. сооб. 1862 г., т. CXIII, янв., 149—157, т. CXVI, нояб., 275.
Дельвигъ, бар. Антонъ Антонов., писат., род. 1798†1831 г., т. CXIV, іюнь, 630—632, т. CXV, авг., 447, 453—455
Денферъ, новгород. губернат., 1832 г., т. CXVI, окт. 152.
Депрерадовичъ, декабр., т. CXIV, іюнь, 496.
Дервизъ, Дм. Григор., т. CXIII, февр., 383.
Дервизъ, Пав. Григ., строит. жел. дорогъ, 1864 г., т. CXIII, февраль, 369, 376—388.
Державинъ, Гавр. Романов., писат., р. 1743†1816 г., т. CXIII, февр., 219, т. CXIV, апр., 23, 29, 30, т. CXVI, окт., 64.
фонъ-Дерфельденъ, С., сообщ. „Изъ моихъ воспоминаній о жизни въ

Варшавѣ въ 60-хъ годахъ". (По поводу записокъ Паткуль), т. CXIII, февр., 334, „Воспоминанія стараго кадета", т. CXV, іюль, 75—84.
Дестуннисъ, Спиридонъ Юрьевичъ, † 1848 г., переводч., т. CXIV, май, 397, 399.
Дибичъ, гр. Ив. Ив., фельдмар., р. 1785 †1831 г., т. CXIII, мартъ, 546, CXIV, май, 351—356, іюнь, 484—502, 676—678, 683, т. CXV, сент., 692, т. CXVI, окт., 10, 101, 103, нояб., 311, 337, 338, 346.
Дивова, фрейлина, т. CXVI, декаб. 579.
Дивовъ, Пав. Гавр., сенат., род. 1765†1841 г., его дневникъ, т. CXIII, мартъ, 440—442, т. CXIV, май, 467—478, т. CXV, іюль, 233, т. CXVI, декаб., 560.
Дивовъ, декабр., † 1840 г., т. CXIV, іюнь, 493.
Дидло, балетмейст., т. CXIV, іюнь, 609—611.
Димитрій Донской, т. CXV, сент. 635.
Дмитрій Іоанновичъ, царевичъ, 1594 г., т. CXIV, апр. 218, май, 454, іюнь, 648, 649, т. CXV, авг., 435, 436,
Димитрій Палеологъ, 1453 г., т. CXV, авг., 372.
Димитрій, Самозванецъ. т. CXIII, февр., 236, 240—258, т. CXIV, апр., 155—161, май, 304.
Димитрій, еписк., 1803 г. т. CXIV, апр., 102, 103.
Дирина, Анна Серг., т. CXIII, мар. 477, 479.
Дитрихсъ, полковн., 1850 г. т. CXIV, іюнь, 529, т. CXVI, окт., 56.
Длотовскій, полк., 1877 г., т. CXIII, янв., 120.
Длусская, Н. Н., сообщ.: „Записки Н. Г. Залѣсова", т. CXIV, апр., 41—64, май, 267—289, іюнь, 527—542, т. CXV, іюль, 21—37, авг., 321—348, томъ CXVI, окт., 69—86, нояб., 317—332.
Длусскій, прелатъ, т. CXIII, янв., 56.
Дмитревскій, Ив. Аѳанас., актеръ, писат., переводч., род. 1736†1821 г., т. CXIII, февр., прилож., 55, мартъ, прилож., 70, т. CXIV, іюнь, 604.
Дмитріевъ, Ив. Иванов., мин. юст., писат., р. 1760 † 1837 г., т. CXIII, янв., 9, февр. 220—222, т. CXIV, апр., 145, т. CXV, іюль, 116, сент., 499, т. CXVI, окт., 182, нояб., 244, декаб., 703—720.
Дмитріевъ, Мих. Александ., об.-прок. моск. сената, писат. †1866 г., т. CXIII, янв., прил. 12, т. CXV, авг. 270, т. CXVI, декаб., 609.
Дмитріева-Мамонтова, графиня, Марія Алексд., 1818 г., т. CXV, авг., 438.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Александ. Ив. р. 1788†1836 г., т. CXIII, мартъ, 541—560.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Эммануилъ Александ., студентъ, т. CXV, сент., 663.
Дмитровскій, чиновн. особ. поруч., 1866 г., т. CXVI, декаб., 558.
Добринскій, декабр., т. CXIV, іюнь, 496.
Добровольскій, ген.-м. † 1877 г., т. CXIII, янв., 120, 121, мартъ, 445—457, т. CXIV, апр., 65, май, 295.
Добролюбовъ, Ник. Александ., критикъ, р. 1836 † 1861 г., т. CXIII, янв., 81—88, мартъ, 448.
Добрынинъ, Г. И., т. CXIII, янв., 41,
Долгово-Сабурова, Луиза Петр., зам., Веселовская, р. 1799†1865 г., т. CXVI, окт., 9—16.
Долговъ-Сабуровъ, Петръ Вас., подполк., т. CXVI, окт., 8, 9.
Долгоруковъ, кн., А. А., мин. юст., 1829 г., т. CXIV, апр., 7—10, т. CXVI, декаб., 610.
Долгоруковъ, кн., Алексѣй, сенат., 1819 г., т. CXVI, декаб., 491.
Долгоруковъ, кн., Васил., шталм., 1826 г., т. CXVI, нояб., 438—440.
Долгоруковъ, кн., Вас. Андр., воен. мин., вносл. шефъ жанд., р. 1804 † 1868 г., т. CXV, сент., 537, т. CXVI, декаб., 561—564.
Долгоруковъ, кн., Владим. Андр., сен., ген.-губ. москов., † 1890 г., т. CXIC, май, 250.
Долгорукій, кн. Влад. Тимофеев., боярин., †1633 г., т. CXIII, февр., 244.
Долгоруковъ, кн., Ив. Мих., влад. губерват., писат., р. 1764†1823 г., т. CXV, іюль, 210, авг., 269, 274, сент., 511, 513.
Долгоруковъ, кн., полковн. 1797 г., т. CXIV, іюнь, 509.
Долгоруковъ, кн., ген.-лейт., †1808 г., т. CXIV, май, 477.
Долгоруковъ, кн., 1809 г., т. CXV, іюль, 238.
Долженко, шт.-кап., 1877 г., т. CXV, авг., 283.
Дольфусъ, Камиллъ, 1840 г., т. CXIV, іюнь, 705.
Домантовичъ, судья, т. CXVI, окт., 142, 144.
Домбровскій, ген., 1814 г., т. CXIII, февр., 412.
Доиаурова, т. CXIV, іюнь, 540.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Алексд. Мих., ген.-отъ-кав., р. 1821†1893 г.,

т. CXIII, янв., 149—152, 161, т. CXIV, май, 253, 259, т. CXV, авг., 295.
Дондуковъ-Корсаковъ, цензоръ, т. CXIV, апр., 167 169, 176.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., попечит. спб. учебн. окр. 1839 г., т. CXIV, апр., 167, 168, 173, іюнь, 649.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., 1848 г., т. CXV, авг., 415.
Дороховъ, декабр., 1827 г., т. CXIV, іюнь, 484, 485.
Дорошенко, Петръ Дороѳеев., гетманъ, 1672 г., т. CXV, іюль, 164, 165, сент., 668—690, т. CXVI, окт., 131—146, нояб., 462—470.
Досифей, старорус. еписк., т. CXV, іюль, 110.
Достоевскій, Ѳед. Мих., писат. р. 1822†1881 г., т. CXIII, янв., 85, т. CXIV, май, 262, 266, т. CXV, сент., 519—540.
Дохтуровъ, Дм. Серг., ген., р. 1756 † 1816 г., т. CXIV. апр., 113.
Дохтуровъ, полковн., помощ. началъ шт., 1877 г., т. CXV, авг., 286.
Драгомировъ, Мих. Ив., ген.-м., †1900 г., т. CXIV, май, 246.
Драхенфельсъ, статсъ-секрет., т. CXIV, май, 476.
Драшусова, Елизав. Алекс., т. CXV, сент., 664.
Дрейеръ, ген.-маіоръ, 1859 г., т. CXV, іюль, 26, 27.
Дрентельнъ, Алексд. Романовичъ, ген.-ад., р. 1820†1888 г., т. CXIII, февр., 290, т. CXIV, май, 298, 302.
Дренякинъ, ген. 1863 г., т. CXVI, декаб., 561.
Дружининъ, Алексд. Вас., писат., р. 1824†1864 г., т. CXIII, янв., 89.
Дуббельтъ, Леонт. Вас., ген.-лейт., нач. шт. корп. жанд., род. 1792 †1862 г., т. CXIV, май, 307—314, 390, 393, іюнь, 710, т. CXV, іюль, 138, сент., 537, 662—664, т. CXVI, окт., 172, 180, 190, декаб., 596—599, 695, 696.
Дуббельтъ, ген.-маіоръ, 1861 г., т. CXIII, февр., 290.
Дубенская, Варв. Ив., въ замуж. Лагрене, фрейлина великой княжны Маріи Николаевны, т. CXV, авг., 439.
Дубровинъ, Никол. Ѳед., ген.-лейт., акад., писат., сообщ.: „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“, томъ CXIII, янв., 37—65, „Николай Алексѣевичъ Полевой. Его сторонники и противники по „Московскому Телеграфу“, февр., 259—270, „Попытка въ борьбѣ съ Наполеономъ при помощи періодической печати“, мартъ, 437—443, „Письмо В. А. Жуковскаго им-цѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ“ 11 мая 1826 г., 497—498, „Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ“, т. CXIV, апрѣль, 5—27, „Великій князь Александръ Павловичъ и А. А. Аракчеевъ“, т. CXIV, іюнь, 503—525, „Стихотвореніе В. Н. Каразина, написанное имъ въ 1809 г.“, т. CXV, сент., 558, „Н. И. Гречъ, Ѳ. В. Булгаринъ и А. Мицкевичъ“ (Матеріалы для ихъ біографій), т. CXVI, ноябрь, 333—351, „Послѣ отечественной войны (изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка)“, 241—271, декаб., 481—514, кромѣ того всѣ замѣтки, подписанныя „Ред.“, принадлежатъ Н. Ѳ. Дубровину; упом. т. CXIII, янв., прилож., 14.
Дувингъ, ген.-лейт., т. CXV, іюль, 57.
Дурасовъ, Н. А., 1811 г., т. CXIV, іюнь, 631, 632.
Дурасовъ, сенат., 1819 г., т. CXVI, декаб., 491.
Дьяконовъ, педагогъ, 1841 г., томъ CXIV, апр., 46.
Дюгамель, 1864 г., т. CXV, авг., 329.
Дюръ, артистка, т. CXIV, іюнь, 605.
Дюръ, Никол. Осип., актеръ, р. 1807 †1839 г., т. CXV, іюль, 40—42, сент., 562, 571.

Е.

Евгеній, принцъ Виртембергскій, ген. 1812 г., т. CXVI, окт., 98.
Евгеній, еписк. костромск., 1799 г., т. CXV, сент., 504, 507, 508.
Евдокимова, Вѣра В., т. CXV, сент., 582.
Евдокія, царица, 1772 г., т. CXVI, окт., 177.
Евреиновъ, директ. Технологическ. институ., 1830 г., т. CXVI, окт. 11.
Европеусъ, Абрамъ Матв., врачъ, т. CXV, авг., 271, сент., 531.
Езерскій, гр., Я., депут. польскаго сейма, 1830 г., т. CXIV, май, 352.
Екатерина I, императрица, род. 1679 †1727 г., т. CXIV, май, 367, т. CXV, іюль, 170.
Екатерина II, императрица, р. 1729 †1796 г., т. CXIII, янв., 7, 10, 11, 16, 20, 21, февр., 212, 213, 217, 220—224, мартъ, 469, 473, мартъ, прилож., 68, 75, 78. т. CXIV, апр., 100, 101, 131, май, 258, 368—375, іюнь, 563, т. CXV, іюль, 170, авг., 268, 467, т. CXVI, окт., 9, 65—68, 94, 165, 173, нояб., 294.
Екатерина Павловна, вел. княг.,

*

въ зам. принц. Голшт.-Ольденбургская, во втор. бракѣ королева Виртембергская, † 1818 г., т. CXIII, янв., 144, т. CXIV, май, 478, томъ CXV, іюль, 228, 234.

Елагинъ, Никол. Васил., писат., цензоръ 1849 г., т. CXV, авг., 413, 414.

Елена, вел. княжна, дочь Іоанна III, т. CXVI, окт., 105—122.

Елена Павловна, вел. княг., (принцесса Виртембергская), род. 1806 †1873 г., т. CXIV, май, 411, іюнь, 701, 702, 707, т. CXV, іюль, 220, 228, т. CXIV, нояб., 311.

Еленевъ, Яковъ, протоіер., 1812 г., т. CXIV, май, 341, 345.

Еленевъ, учит., 1818 г., CXIV, іюнь, 579.

Елецкій, кн., т. CXIII, мартъ, 602—604.

Елизавета Алексѣевна, императрица, р. 1779†1826 г., т. CXIII, янв., 12, 32, 34, мартъ, 497, т. CXIV, май, 376, 472, 475, т. CXV, іюль, 170, 231, т. CXVI, окт., 97.

Елизавета Петровна, императрица, р. 1709†1761 г., т. CXIV, май, 367, 368, 370, т. CXVI, окт., 181.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген.-отъ-артил., р. 1777†1861 г., т. CXIV, май, 384, іюнь, 483, 491—501, томъ CXV, авг., 320, 446, сент., 571, т. CXVI, окт., 195.

Ермоловъ, Гавр. Петр., 1814 г., т. CXVI, нояб., 250, 251.

Еропкина, В. В., сообщ.: „Посылка Петра Бекленишева во Флоренцію въ 1716 г.“, т. CXV, авг., 479—480, „Епископъ Ааронъ (Еропкинъ)“, томъ CXVI, декаб., 589—593.

Еропкинъ, Аѳанас. Влад., въ монаш. Ааронъ, въ схимѣ Аліпій, р. 1663 †1740, т. CXVI, декаб., 589—593.

Еропкинъ, Влад. Мих., стольникъ 1663 г., т. CXVI, декаб., 589.

Есиповъ, Григ. Вас., директ. архива мин—ва импер. дв., т. CXVI, окт., 17.

Ефиловичъ, Мих. Матв., полковн., директ. красносельск. театра, т. CXV, авг., 403.

Ефимова, Вѣра Владим., рожд. Раевская, т. CXIII, февр., 418, т. CXV, сент., 582.

Ефимовъ, Ѳед. Влад., чл. сов. главн. управл. восточн. Сибири отъ министер., р. 1823†1882 г., т. CXV, сент., 582.

Ефремовъ, Александ. Павл., отст. надв. совѣтн., т. CXV, сент., 663.

Ефремовъ, учит., 1812 г., т. CXIV, іюнь, 574.

Ж.

Жадовскій, В. Н., членъ совѣта при главнонач. надъ почтов. деп., т. сент., 497.

Жадовскій, Анатолій, тн. сов., томъ CXV, сент., 515.

Жевановъ, оф. генер. штаба, 1877 г., т. CXIII, февр., 291—294.

Жегулинъ, бѣлорус. губерн., 1797 г., т. CXV, іюль, 111.

Желиговскій, Ант., 1861 г., т. CXV, сент., 595.

Желтухинъ, В. П., директ. москов. кадет. корп., 1843 г., томъ CXIV, май, 244.

Жедѣновъ, спб. вице-губернат., т. CXIV, апр., 137.

Желябужскій, черниговск. воевода, 1762 г., т. CXVI, нояб., 470.

Жерве, ст. совѣт., т. CXIV, май, 469—472.

Жеребцовъ, Никол. Арсен., писат., 1849 г., т. CXV, авг., 405, 409, т. CXVI, окт., 20.

Жидовинъ, Левъ, врачъ, т. CXV, сент., 618, 627.

Жиркевичъ, Ив. Степан., симбирск. губерн., т. CXIV, май, 307—330.

Жихаревъ, Степ. Петр., сенат., р. 1787†1860 г., т. CXV, авг. 440.

Жомини, бар., виленск. губернаторъ, 1812 г., т. CXIII, янв., 56.

Жуковская, Екат. Аѳан., въ зам. Протасова, т. CXV, іюль, 132.

Жуковскій, Васил. Андреев., писат., р. 1788†1852 г., т. CXIII, февр., 301, мартъ, 497—498. 534—565, т. CXIV, апр., 28, 149, май 397—415. 643, 655, т. CXV, іюль, 115—135, т. CXV, сент., 486, т. CXVI. окт., 91, 98, 185—203, декаб., 595—600. 707, 711, 715.

Жуковскій, художн., 1849 г., т. CXVI, окт., 173.

Жуковъ, декабр., т. CXIV, іюнь. 493.

Жулева, Екат. Никол., артистка, т. CXV, авг., 402, 403.

Журавлевъ, об.-прокур. 1828 г., т. CXVI, декаб., 610.

Жученко, Ѳедоръ, полтавск. полков., 1782 г., т. CXVI, нояб., 470.

З.

Заблоцкій-Десятовскій, Андр., Парѳен., директ. департ. сельск. хозяйства, р. 1808†1881 г., т. CXVI. окт., 18—42.

Заблоцкій-Десятовскій, Мих. Парфенов. †1858 г., т. CXIII, мартъ, 588.
Забѣла, Петръ, казацк. старшина, 1672 г., т. CXV, сент., 667, 669, т. CXVI, окт., 142—145, нояб., 459—467.
Завадовскій, гр., Петръ Васил., мин. нар. просв., р. 1739†1812 г., томъ CXIII, февр., 219, т. CXIV, апр., 30, май, 472, т. CXV, іюль, 234.
Завалишинъ, Дм. Иринарх., декабр. писат. р. 1804†1892 г., т. CXV, сент., 583, 812, 713, 716, т. CXVI, окт., 224—239.
Загорѣцкій, Ник. Александ., декабр., т. CXIV, іюнь, 49 .
Загоскинъ, Алексѣй Ник., т. CXIV, іюнь, 556.
Загоскинъ, Мих. Никол., романистъ, род. 1789†1852 г., т. CXIII, февр., 360, мартъ, 529, т. CXV, іюль, 117, авг., 450—452, т. CXVI, нояб., 365 366.
Заграфо, рожд., Суцуо, томъ CXV, іюль, 228.
Загряжскій, симбирскій губерн., т. CXV, іюль, 51, 61.
Заіончекъ, 1817 г., т. CVIII, мартъ, 419, 421, 434, т. CXVI, нояб., 442—446.
Закревскій, гр., Арсеній Андреев., мин. вн. дѣлъ, москов. ген.-губ., род. 1883†1865 г., т. CXIII, янв., 26, февр., 361, т. CXIV, апр., 85, т. CXV, іюль, 69, авг., 413, сент., 662, 663.
Залевскій, губерн. секретарь, 1863 г., т. CXV, авг., 347, 348
Залусскій, гр., ген.-маіоръ, т. CXIV, май, 385.
Залѣсовъ, Гавр. Ив., т. CXIV, апр., 42—46.
Залѣсовъ, Никол. Гавр., ген.-отъ-инф., р. 1828†1896 г., „его записки", т. CXIV, апр., 41—64, май, 267—289, іюнь, 527—542, т. CXV, іюль, 21—37, авг., 321—340, т. CXVI, окт., 69—86, нояб., 317—332, декаб., 523—542.
Замойскій, гр., Владиславъ, 1866 г., т. CXIII, февр., 332, 333.
Замойскій, литовск. канцл., 1625 г., т. CXIII, янв., 177, 182—184, февр., 392, 394, 404—410, мартъ, 596—607, т. CXIV, апр., 37, 211—239, май, 443—463, т. CXVI, декаб., 647—650.
Зандеръ, подполк., 1877 г., т. CXV авг., 286, 289—291.
Зарубаевъ, ген.-маіоръ, 1877 г., т. CXV, авг., 287, 292, 295.
Заруцкій, Ив. Мартын., атам. казацк. войска, 1609 г., томъ CXIII, февр., 250—257, т. CXIV, апр., 155—161, май, 304, 305.
Затлеръ, бар., Ѳед. Карлов., ген.-интенд., род. 1805†1876, т. CXIV, іюнь, 533.
Захаржевскій, ген., комендантъ Царскаго Села, 1849 г., т. CXV, авг., 413.
Захаровъ, Ив. Сем., бѣлорус. вицегуберн. 1797 г., т. XIII, мартъ, 522—528, т. CXV, іюль, 111.
Захаровъ, капит.-лейт., 1832 г., т. CXIII, мартъ, 474—475, т. CXIV, апр., 117.
Звѣревъ, Поликарпъ, свящ., 1812 г., т. CXIV, май, 334, 337, 342—346, іюнь, 573, 574.
Звѣревъ, ген., 1873 г., томъ CXVI, нояб., 322.
Зедделеръ, бар., Логгинъ Ив., ген.-лейт., р. 1791†1852 г., томъ CXV, авг. 409.
Зедделеръ, бар., Логгинъ Логгинов., ген., т. CXIV, апр. 69, т. CXV, іюль, 23, 24.
Зедергольмъ, Конст. Карлов., (въ монаш. Климентъ), т. CXIII, февр., 302—304.
Зеленво, ксендзъ, т. CXIV, май, 281—284.
Зеленой, Александ. Алексѣев., мин. госуд. им., 1862 г., †1880 г., т. CXVI, окт., 41, 42.
Зенгбушъ, атаманъ, 1874 г., т. CXVI, нояб., 328.
Зентковскій, А. К., чиновн., 1864 г., т. CXIII, янв., 205.
Зерновъ, цензоръ, т. CXIV, май, 391.
Зигмунтовскій, подполк., 1877 г., т. CXIII, февр., 298.
Зиновьевъ, ген., воспит. велик. кн. Николая Александровича, 1852 г., т. CXV, іюль, 223.
Зонтагъ, Анна Петр., рожд. Юшкова, писательница, т. CXV, іюль, 120, 129, 132.
Зонтагъ, суперъ-интендентъ, 1838 г., т. CXIII, мартъ, 585.
Зотовъ, Пав. Дм., ген.-отъ-инфант., †1879 г., томъ CXIII, янв., 95—98, 105—119, февр., 213, т. CXIV, май, 299.
Зотовъ, Рафаилъ Мих., романистъ и драмат., р. 1795†1871 г., т. CXIV, іюнь, 612, 613, т. CXV, сент., 560, 570.
Зубовичъ, комиссаръ Маріампольск. уѣзда, 1877 г., т. CXIII, мартъ, 507.
Зубовъ, кн. Платонъ Александ., р. 1767†1822 г., т. CXIII, янв., 10, 15, февр., 213.
Зыбинъ, воевода, 1670 г., т. CXV, сент., 684.

И.

Ивановскій, Андрей Ив., правит. канц. въ Смолен. 1817 г., т. CXIV, іюнь, 579.

Ивановскій, Мих. Петр., чиновн. 1802 г., т. CXV, сент., 500.

Ивановъ, Александр. Андр., художн., род. 1806†1858 г., т. CXIII, мартъ, 532, 537, 538.

Ивановъ, И. И., проф. москов. унив. 1896 г., т. CXVI, дек., 636.

Ивановъ, тульск. гражд. губернат., 1801 г., т. CXVI, окт., 184.

Ивановъ, 1797 г., т. CXV, сент., 501.

Ивановъ, морск. офиц., т. CXIV, апр., 124.

Ивановъ, комендант., 1812 г., т. CXIII, февр., 277, 280.

Ивановъ, помощн. интенд. Варшавск. округа, т. CXIV, апр., 47.

Иванчинъ-Писаревъ, Ник. Дм., род. 1790†1849 г., т. CXV, іюль, 115, 116.

Иванчинъ-Писаревъ, т. CXV, сент., 638.

Ивашевъ, дек., т. CXV, сент., 712.

Игельстромъ, Конст. Евстафьев., дек., т. CXIV, іюнь, 493.

Игнатьевъ, гр., Никол. Павл., дипломатъ, т. CXIV, апр., 72, т. CXV, іюль, 23—26, авг., 323, 324, т. CXVI, окт., 70.

Игнатьевъ, ген.-лейт., 1819 г., т. CXIV, іюнь, 564.

Иззольскій, Дм. Павл., чиновн. мин-ва полиц., 1817 г., т. CXVI, дек., 509, 510.

Иззѣковъ, 1845 г., т. CXVI, дек., 504.

Измайловъ, Александр. Ефимовичъ, баснопис., род. 1779†1831 г., т. CXIV, іюнь, 629—641, т. CXV, іюль, 196, 209, т. CXVI, дек., 604.

Измайловъ, Ив. Вас., 1613 г., т. CXIV, апр., 155.

Измайловъ, московск. главнокоманд. 1797 г., т. CXV, іюль, 108.

Иконниковъ, Влад. Степ., проф., 1686 г., т. CXV, іюль, 160.

Икскуль, бар., 1816 г., т. CXVI, дек., 509.

Ильинская, Екат. Дм., т. CXV, сент., 715.

Ильинскій, гр., 1809 г., т. CXV, іюль, 234.

Ильинъ, докторъ, 1849 г., CXV, іюль, 22.

Имеретинскій, кн., Алексд. Конст., ген.-ад. 1877 г., т. CXIV, янв., 95, 100—121, т. CXIV, апр., 65—67.

Иннокентій (Борисовъ), архіеп. херсонск., р. 1800†1857 г., т. CXIV, іюнь, 581, 665, т. CXV, авг., 409.

Иннокентій (Смирновъ), епископъ уфимск., р. 1784†1819 г., т. CXIV, іюнь, 555, 562, 665.

Иностранцевъ, капит., 1833 г., т. CXIV, апр., 133.

Ирилархъ, игуменъ Ниловой пустыни, 1704 г., т. CXVI, дек., 590.

Иринней (Клементьевскій), архіепископ. тверск., 1796 г., р. 1751†1818 г., т. CXV, іюль, 109.

Иринней (Нестеровичъ), архіеп. иркутскій, † 1864 г., т. CXIV, апр., 129—134.

Иринней (Фальковскій), еписк. смоленск., 1812†1823 г., т. CXIV, апр., 107, 108, май, 342, т. CXIV, іюнь, 573, 575.

Ирманъ, Андр. Абрамов., ген.-поруч., 1773 г., т. CXIII, янв., прилож., 20.

Исидоръ, митроп. кіевск. 1439 г., т. CXV, іюль, 89—105, авг., 349—379, сент., 599, 610.

Искрицкій, Демьянъ Алексд., дек., т. CXIV, іюнь, 497—500.

І.

Іаннисъ, Бичуринъ, начальн. духовн. миссіи въ Пекинѣ съ 1807—21 гг., т. CXIV, апр., 126.

Іерихонскій, Ив. Вас., 1815 г., т. CXIV, іюнь, 555.

Іоаннъ III, вел. князь, род. 1462 † 1505 г., т. CXIII, февр., 406, мартъ, 595, т. CXV, сент., 597—634, т. CXVI, окт., 105—130.

Іоаннъ IV, Грозный, царь, род. 1530† 1584 г., т. CXIII, янв., 132, 165—185, февр., 389, 410, мартъ, 594—614, т. CXIV, апр., 209—240, май, 451, 453, 460—465, іюнь, 652, т. CXV, сент., 611, 623, 639, т. CXVI, окт., 107, 110.

Іоаннъ-Альбертъ, польскій король, т. CXVI, окт., 117.

Іоасафъ (Срѣтенскій), еписк. смоленск. 1813 г., т. CXIV, іюнь, 575—579.

Іовъ, митроп. новгород. 1700 г., т. CXVI, дек., 589, 590—593.

Іоиль, еписк. корельскій и ладожск., †1712 г., т. CXVI, дек., 590.

Іона, митроп. кіевск. 1458 г., т. CXV, іюль, 90, 91, авг., 355—271. т. CXVI, нояб., 399.

Іосифъ, Величковскій, еписк., 1828 г., т. CXIV, іюнь, 580.

Іосифъ, Семашко, митроп. литовскій, 1863 г., т. CXVI, дек. 546, 553.

К.

Кабратъ, чиновн., 1863 г., т. CXIV, апр., 132.

Кабритъ, Вильг. Ант., сарат. коменд., †1800 г., т. CXIV, май, 306.

Кавелинъ, Конст. Дм., профес., род. 1818†1885 г., т. CXIII, мартъ, 543, т. CXV, сент., 585.

Каверинъ, Пав. Никит., калужск. губерн., 1812 г., т. CXIV, іюнь, 574.

Казариновъ, Алексѣй Алексд., стат.-совѣтн., 1847 г., т. CXV, сент., 500.

Казариновъ, Вас. Алексд., т. CXV, сент., 502.

Казарскій, Алексд., капит. 2-го ранга, 1829, т. CXIV, апр., 164.

Казиміръ IV, король польск., т. CXV, сент., 616—626, т. CXVI, окт., 117.

Казначеевъ, Алексд. Ив., таврическ. губерн., 1828 г., т. CXV, іюль, 120.

Кайсаровъ, П. С., т. CXIV, апр., 102.

Калайдовичъ, К. Ѳ., историкъ, т. CXVI, дек., 605.

Калистратъ, чигиринск. игуменъ, 1672 г., т. CXVI, нояб., 466, 467.

Каменскій, Алексд., директ. деп. жел. дор. 1850 г., т. CXV, іюль, 167—194.

Каменскій, гр., Мих. Ѳедот., ген.-фельдмарш., род. 1738†1809 г., т. CXIII, янв., 24, 25, 140.

Кампенгаузенъ, Балтазаръ Балтаз., бар., госуд. контрол. 1821 г., т. CXIV, апр., 36, іюнь, 624, т. CXV, іюль, 143.

Каннингъ, гр., Егоръ Франц., мин. финанс., съ 1823—1844 г., род. 1776 †1845 г., т. CXIII, февр., 306, 307, т. CXIV, апр., 35, 40, 128, т. CXV, іюль, 129, сент., 515, 516, т. CXVI, окт., 10, 11, 154.

Каннингъ, Стратфордъ, англійск. пос. въ Константин., †1827 г., т. CXIV, май, 420—437, т. CXV, сент., 701, 703, 704.

Кантемиръ, кн., Антіохъ Дм., писат., †1744 г., т. CXVI, окт., 165—183.

Каподистріа, гр., Ив. Антонов., ст.-секрет., мин. ин. дѣлъ, род. 1776 †1831 г., т. CXIV, апр., 166, май, 400—404, 426, т. CXVI, нояб., 359—361, 441—455.

Капустинъ, Семенъ Яковл., публицистъ, р. 1828†1791 г., т. CXV, іюль, 160.

Капцевичъ, ген.-губ. зап. Сибири, 1826 г., т. CXIII, мартъ, 546.

Карабановъ, Пав. Ѳедот., р. 1767 †1851 г., т. CXIV, іюнь, 638.

Каразинъ, Вас. Назар., профес., писат., род. 1773†1842 г., т. CXIV, апр., 5—27, т. CXV, авг., 457—465, сент., 558, т. CXVI, нояб., 252—255, декаб., 499, 502, 511.

Каразинъ, Филадельфъ Вас., т. CXIV, апр., 18.

Карамзинъ, Никол. Мих., писат., р. 1765†1826 г., т. CXIII, янв., 28, февр., 232, мартъ, 485, 499, 518, 532—538, т. CXIV, апр., 30, т. CXV, іюль, 117, 122, т. CXVI, окт., 96, дек., 499, 602, 603, 705, 719, 720.

Карамышевъ, поруч. 1877 г., т. CXIII, янв., прилож., 97.

Карамышевъ, Алексд. Матв., минералогъ, род. 1744 г., т. CXIII, янв., прилож., 5, 11, 26, 39, февр., прилож., 33—64, мартъ, прилож., 65—102.

Каратыгина, А. Г., артистка, т. CXV, сент., 567, 572, т. CXVI, нояб., 359.

Каратыгина, Алексд. Мих., урожд. Колосова, драмат. актриса, 1802—1880 г., т. CXVI, нояб., 365, 366.

Каратыгинъ, Вас. Андреев., артистъ, †1853 г., т. CXIV, апр., 145, т. CXV, авг., 402, т. CXVI, нояб., 354, 357, 366.

Каратыгинъ, Петръ Андр., артистъ, род. 1805†1879 г., т. CXIV, іюнь, 603—623, т. CXV, іюль, 39—45, т. CXV, авг., 402.

Карасевъ, А., сообщ.: „По поводу статьи: „Декабристы на Кавказѣ“, т. CXV, авг., 478.

Карачевъ, офиц., 1877, т. CXV, авг., 286, 289.

Карвицкій, гр., Станисл. Станисл., дек., т. CXIV, іюнь, 487, 488.

Карлгофъ, начальн. главн. управл. иррегулярн. войскъ, т. CXVI, нояб., 321.

Карлинъ, педагогъ 1826 г., т. CXVI, дек., 516.

Карпенко, Григ., сотн., 1672 г., т. CXVI, нояб., 463.

Карповичъ, сотникъ, 1672 г., т. CXVI, нояб., 465.

Картавцовъ, предв. дворян. курск. губ., 1814 г., т. CXVI, дек., 493.

Карчминъ, Вас., капит., 1702 г., т. CXIV, май, 364.

Карцовъ, Алексд. Петров., профес. воен. акад., р. 1817†1875 г., т. CXIV, іюнь, 529.

Карцовъ, Пав. Петр., ген.-отъ-инф., воен. писат., †1892 г., т. CXIII, февр., 331, 332.

Карцовъ, поруч., т. CXIII, мартъ, 462, 466.

Карцовъ, дѣйст. стат. сов., т. CXV, авг., 390, 391.

Касинскій, Викт. Матв., дирижеръ, т. CXV, авг., 401.
Кастельбажакъ, фр. послан. въ Россіи 1852 г., т. CXIV, іюнь, 697—705, 710, т. CXV, іюль, 215, 225—231.
Касьяновъ, интендантъ, т. CXV, іюль, 22.
Катакази, дѣйствит. статск. совѣтн., 1831 г., т. CXIII, февр., 328.
Катенина, Варв. Ив., рожд. Вадковская, т. CXV, іюль, 23, 35, 36.
Катенинъ, Алексд. Андреев., оренб. ген.-губ. съ 1857†1860 г., т. CXV, іюль, 21—29, авг., 331.
Катенинъ, П. А., т. CXVI, нояб., 365, дек., 606.
Катенинъ, артистъ, т. CXIV, іюнь, 604, т. CXV, іюль, 214.
Катковъ, Мих. Никиф., публицистъ, род. 1818†1887 г., т. CXV, авг., 332, сент., 594, т. CXVI, нояб., 289, дек., 635, 636, 637, 687, 688.
Кауфманъ, Конст. Петров., виленск., затѣмъ туркест. ген.-губ., 1867 г., род. 1818†1882 г., т. CXIV, май, 244—259, т. CXV, авг., 331, 332, т. CXVI, окт., 69—72, 81, нояб., 325, 326, декаб., 557.
Каховскій, гр. Мих. Вас., ген.-отъ-инф., р. 1734†1800 г., т. CXIV, іюнь, 517.
Каховскій, капит., 1863 г., т. CXV, авг., 328.
Каховской, управл. Вятскаго удѣльн. конт., 1821 г., т. CXV, сент., 640.
Каченовскій, М. Т., т. CXVI, дек., 601—609, 720.
Кашинцевъ, тульск. полицеймейст. 1814 г., т. CXIV, дек., 489.
Кашкадамовъ, Никол. Ив., над. сов., его библіограф. листокъ на оберткѣ каждой книги журнала „Русская Старина".
Кашкинъ, Н. С., т. CXV, сент. 531.
Квартано, Ник. Ник., дек., т. CXIV, іюнь, 488, 489.
Квистъ, ген., профес. воен. академ., 1860 г., т. CXIII, мартъ, 446.
Кеппенъ, Петръ Ив., акад., р. 1793 † 1864 г., т CXIV, апр., 172, 173, т. CXVI, окт., 20, 32.
Кикинъ, Петръ Андр., р. 1772†1834 г., т. CXIII, февр., 263.
Кирпичниковъ, А. И., профес., т. CXIII, янв., прилож., 14.
Кирьяковъ, М. М., т. CXIV, іюнь, 582.
Кирѣевская, Авдотья Петр., во вт. бр. Елагина, 1830 г., т. CXV, авг., 452.
Кирѣевскій, Ив. Вас., славяноф. писат., р. 1806†1856 г., т. CXIII, февр., 302—305, 313, 314, мартъ, 532—534, 590, т. CXV, авг., 452—454, сент., 663, 664, 666, т. CXVI, окт., 228, 239.
Кирѣевскій, Н., писат., т. CXVI, дек., 689, 690, 691.
Кирѣевскій, Петръ Вас., литерат., р. 1808†1856 г., т. CXIII, мартъ, 491, 531, 532.
Кирѣевъ, дек., т. CXV, сент., 714.
Киселевъ, Григорій, казанск. губ. предвод. дворян., 1819 г., т. CXVI, дек., 489.
Киселевъ, гр., Пав. Дм., мин. госуд. имущ., род. 1888†1872 г., т. CXIII, янв., 26, мартъ, 568, 569, 588, т. CXIV, іюнь, 535, т. CXVI, окт., 20—40, нояб., 478.
Киселевъ, Никол. Дм., послан. въ Парижѣ, 1852 г., р. 1800†1869 г., т. CXIV, іюнь, 697—712.
Кицинскій, гр., Бруно, издатель газеты, т. CXVI, нояб., 445.
Кишенскій, генер.-маіоръ, т. CXIV. іюнь, 567.
Кладищевъ, полковникъ, 1877 г., т. CXIV, апр., 68.
Клейнмихель, гр., Петръ Андреев., главноуправл. п. сообщ., род. 1793 †1869 г., т. CXIV, май, 379, 380, т. CXV, іюль, 47, 138, авг., 392, 393, 409, т. CXVI, окт., 57, 158, 159, 169.
Клетченко, Дм. Дм., экзекуторъ и казнач. сибир комитета, т. CXV, сент., 513, 514.
Климентъ VIII, папа, т. CXIV, май, 443—466, т. CXVI, нояб., 375, дек., 662.
Клингеръ, ген., т. CXIV, іюнь, 587.
Клириковъ, Н. Н., чл. плоцкаго губернск. правл. 1879 г., т CXIV, май, 416.
Кличка, Францъ Никол., ген.-маіоръ, иркутск. губерн., съ 1778 до 1783 г., т. CXIII, мартъ, прилож., 80—102.
Клодтъ, бар. Петръ Карлов., скульпт., род. 1805†1867 г., т. CXIII, февр., 277.
Клокачевъ, арханг. ген.-губерн., 1814 г., т. CXVI, нояб., 265, дек. 494.
Клугинъ, акад., 1867 г., т. CXVI, окт., 84.
Ключаревъ, Никол. Влад., 1851 г., сенат., т. CXVI, окт., 34, дек., 491, 493.
Кноррингъ, бар., Карлъ Ѳедор., ген. 1800 г., т. CXIII, мартъ, 525, 526.
Кнорингъ, ген.-адъют., 1877 г., т. CXIII, мартъ, 454.
Княжевичъ, Дм. Максимов., попечит. одесск. учебн. окр. и президент. общества ист. и древн., род. 1788 †1844 г., т. CXIV, май, 405.

Кодрингтонъ, адм., т. CXIV, май, 428—430.
Кожевниковъ, Андрей, т. CXIV, іюнь, 498.
Кожевниковъ, Нилъ Павл., подпор, дек., т. CXIV, іюнь, 482, 483, 486.
Козловскій, кн., кіевск. воевода, 1670 г., т. CXV, сент., 684, 689, т. CXVI, окт., 134, 137, нояб., 466, 469.
Козловъ, Ив. Ив., поэтъ, р. 1779 †1840 г., т. CXV, авг., 445, т. CXVI, дек., 686.
Козлятниковъ, т. CXIV, іюнь, 538.
Ководавлевъ, Осипъ Пет., тов. мин. вн. дѣлъ, писат., род. 1752†1819 г., т. CXVI, нояб., 257, дек., 717.
Кокошкинъ, полтавск. ген.-губерн., 1851 г., т. CXVI, дек., 685, 686.
Колачевскій, капит., дек., т. CXIV, іюнь, 495.
Колесниковъ, директ. оренб. гимн., 1875 г., т. CXVI, нояб., 402, 404.
Колчинскій, Григор., переводчикъ, 1672 г., т. CXV, сент., 669.
Колупаевъ, Мих., стрѣлецкій голова, 1671 г., т. CXV, сент., 686, т. CXVI, окт., 141—146, нояб., 459.
Комаровскій, гр., Евгр. Ѳедот., ген.-ад., р. 1769†1843 г., т. CXIII, янв., 17—24, т. CXV, сент., 514.
Комаровскій, гр., чиновн., особыхъ пор., 1850 г., т. CXVI, окт. 174.
Комаровскій, гр., полковн., 1869 г., т. CXVI, окт., 79.
Комаровъ, Никол. Ив., ст. сов., т. CXVI, окт., 11.
Комбурлей, волынск. губернаторъ, 1815 г., т. CXVI, дек., 486.
Комовскій, чиновн. 1841 г., т. CXIV, іюнь, 651.
Комуловичъ, аббатъ, т. CXIV, май, 443—458.
Кондратьевъ, ген., 1869 г., т. CXVI, окт. 79.
Кондыревъ, Вас. Ив., 1820 г., т. CXV, іюль, 117, 118.
Коновницына, графиня, Елиз. Петр., зам. Нарышкина, т. CXIV, іюнь, 497.
Коновницынъ, гр., Петръ Петров., ген.-ад., р. 1766†1822 г., т. CXIV, апр., 8, 79, 85, 94, 96, іюнь, 588, 595, 598, 601, т. CXV, авг., 304—319, сент., 549—553, т. CXVI, дек., 576, 587.
Коновницынъ, гр., Петръ Петров., поруч. генер. штаба 1825 г., дек., т. CXIV, іюнь, 482—497
Константинъ Николаевичъ, велик. князь, род. 1827†1892 г., т. CXIII, февр., 330, т. CXIV, іюнь, 554, т. CXVI, окт., 83, нояб., 278, 356.
Константинъ Павловичъ, вел.-князь, цесаревичъ, род. 1779†1831 г., т. CXIII, янв., 17, 194, мартъ, 419—429, т. CXIV, апр., 79, 97, май, 356, 357, 359, 377, іюнь, 570, т. CXV, іюль, 74, 233, авг., 275, 276, 441, сент., 545, т. CXVI, окт., 64, 90—103, 218, нояб., 298—302, 336—346, 457.
Контримъ, адъюнктъ унив., 1824 г., т. CXVI, нояб., 336, 338, 346.
Коппъ, Іоганнъ-Генрихъ, докторъ, р. 1777†1858 г., т. CXIII, мартъ, 490, 492, 535, 539.
Коптева, Екатер. Никол., т. CXV, сент., 495.
Корниловичъ, Алексд. Осип., дек., т. CXIV, іюнь, 493, т. CXV, сент., 514.
Корниловъ, Ив. Петров., попечит. виленск. уч. окр., т. CXIII, мартъ, 510, т. CXIV, май, 254.
Корниловъ, 1831 г., т. CXIII, мартъ, 548.
Корніолинъ-Пинскій, Матв. Мих., сенаторъ, т. CXV, сент., 518.
Корнѣевъ, В. И., ст.-секр., т. CXVI, окт., 35, 36.
Корнѣенко, Андрей, 1671 г., т. CXV, сент., 686, т. CXVI, окт., 142.
Коровиченко, полковн., т. CXIV, май, 293.
Корсаковъ, Мих. Матв., дек., т. CXIV, іюнь, 497.
Корфъ, баронъ, впосл. гр., Модестъ Андр., р. 1800†1876 г., т. CXIII, янв., 5, февр., 211, т. CXIV, апр., 30—37, іюль, 138, сент., 490, 491—497 — 518, 546, 641, 650, 652, 654.
Косичъ, ген.-маіоръ, т. CXV, авг., 290.
Коссаковскій, гр. Іосифъ, т. CXIII, янв., 61.
Костомаровъ, Никол. Ив., р. 1817 †1885 г., т. CXIII, мартъ, 448, т. CXV, сент., 664, 665, 668—689, т. CXVI, окт., 132, 144, нояб., 467, 470, дек., 578.
Костюшко, Ѳаддей, главноком. въ Польшѣ, род. 1746 ум. 1817 г., т. CXIII, февр., 414—416.
Котовъ, полковн., начальн. оренбург. юнкерск. уч. лейбъ-гв финляндск. полка, т CXVI, нояб., 320.
Кохановскій, т. CXV, іюль, 13.
Коховская, воспитательница ихъ королевскихъ величествъ принцессъ Виртембергскихъ Маріи и Софіи, т. CXV, сент., 640
Коховскій, П., 1814 г., т. CXVI, нояб., 255, дек., 497—510.

Кохъ, Θед. Андр., полковн., т. CXIV, іюнь, 556, 557.
Коцебу, Маврик. Евстафіев., морск. оф., р. 1789, ум. 1861 г., т. CXIV, іюнь, 600.
Коцебу, ген.-адъют., 1855 г., т. CXIV, іюнь, 533, 534, 538, т. CXVI, окт., 82.
Коцебу, драмат. писат., т. CXIV, іюнь, 604.
Кочубей, гр., Викт. Павл., министръ вн. дѣлъ, р. 1768, ум. 1834 г., т. CXIII, янв., 12, 29, февр., 214, 218, 222, 230, 232, т. CXIV, апр., 11, 19, 29, 31, 36, 78, іюнь, 624, 699, т. CXV, іюль, 236, авг., 457—465, сент., 516, т. CXVI, нояб., 306, дек., 638.
Кочубей, кн., помѣщ. 1821 г., т. CXV, іюль, 46.
Кошелевъ, Алексд. Иванов., земскій дѣят., публицистъ, р. 1807, ум. 1883 г., т. CXIII, мартъ, 509, 513, т. CXV, іюль, 236, сент., 663.
Кошенскій, надв. совѣтн., т. CXV, іюль, 114.
Краббе, морск. мин., т. CXIV, май, 289.
Кравкова, Екат. Петр., помѣщ., т. CXV, сент., 484.
Краевскій, Андр. Алексд., издатель „Голоса", род. 1810 ум. 1889 г., т. CXIII, мартъ, 537, 588, т. CXV, іюль, 144, 157, сент., 655, т. CXVI, окт., 21, 32, дек., 595—598.
Красинскій, гр., Викентій, ген.-отъ-кавал., ген.-адм., чл. госуд. сов., р. 1783, ум. 1858 г., т. CXIII, янв., 61, 62, мартъ, 425.
Краснокутскій, дек., т. CXV, сент., 514.
Красовскій, маіоръ, 1820 г., т. CXV, авг., 320.
Крашевскій, писат., т. CXV, сент., 595.
Крафтштремъ, генер.-лейт., т. CXV, сент., 643.
Краюшкинъ, А. А., 1851 г., т. CXV, авг., 401.
Крейтонъ, лейбъ-мед., т. CXIV, іюнь, 596, т. CXVI, дек., 585.
Крекшинъ, Петръ Никиф., писат., р. 1684, ум. 1763 г., т. CXV, авг., 405, 414, 415.
Кривцовъ, Серг. Ив., дек., т. CXIV, іюнь, 493.
Кроузольдъ, Конст. Эмман., 1851 г., т. CXVI, окт., 34.
Кругъ, Вильгельмъ-Францъ, род. 1770, ум. 1842 г., т. CXVI, окт., 197, 198.
Крузенштернъ, Ив. Θед., адм., р. 1770, ум. 1846 г., т. CXIV, іюнь, май, 308, іюнь, 600, т. CXV, авг., 384.
Кругликовъ, И. Г., т. CXIV, іюнь, 492.
Крупскій, Ив. Петров., поэтъ, т. CXIV, іюнь, 639.
Крыжановскій, А. Н., сообщ: „Наполеонъ I и Наполеонъ III, сравненіе ихъ дѣятельности", т. CXVI, дек., 698—702.
Крыжановскій, Никол. Андр., оренб. ген.-губерн., 1864 г., т. CXV, авг., 326, 330—340, т. CXVI, окт., 69—86, нояб., 317—328, 406, 407, 411, 472, дек., 548.
Крыжановскій, вице-губернаторъ, 1821 г., т. CXIV, май, 260.
Крыловъ, Андр. Лукьян., цензоръ, 1812 г., т. CXIII, февр., 318, т. CXIV, апр., 169, 171, май, 390, 391, т. CXV, іюнь, 655, авг., 405, 411, 412, 420—422, сент., 651, т. CXVI, дек., 686.
Крыловъ, Ив. Андр., баснопис., род. 1768, ум. 1844 г., т. CXVI, окт., 179, 182.
Крыловъ, генер., 1877 г., т. CXIII, янв., 95, 96, 107, 108, 112.
Кубасовъ, Ив. сообщ.: „Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ", т. CXIV, іюнь, 629—642, т. CXV, іюль, 195—214, „Платонъ Григорьевичъ Ободовскій", т. CXVI, нояб., 353—366.
Куборскій, капит., т. CXIII, мартъ, 451.
Кудрявцевъ, директ. деп. мин. финанс., т. CXIV, іюнь, 542.
Кузнецовъ, Ив. Ефим., откупщикъ 1830 г., т. CXIII, февр., 271, 283, 284.
Кузнецовъ, чиновн., т. CXVI, окт., 174.
Кукольникъ, Несторъ Вас., писат., т. CXV, сент., 543, т. CXVI, нояб., 357, 358, 365.
Кулешъ, учит., т. CXV, авг., 406, сент., 665, т. CXVI, окт., 34.
Куликовъ, артистъ, т. CXV, сент., 562.
Куломзинъ, А. Н., т. CXIV, апр., 36.
Кунаковъ, русск. послан., 1649 г., т. CXV, іюль, 162.
Купферъ, А. Я., акад., т. CXVI, окт., 37.
Куракинъ, кн., Александръ, Борис., вице-канцлеръ, т. CXV, сент., 501.
Куракинъ, кн., Алексѣй Борисов., ген.-прокур., мин. внутр. дѣлъ съ 1807 г., род., 1759, ум. 1826 г., т. CXIII, февр., 230, мартъ, 519, 523, т. CXV, іюль, 107—113, сент., 499—506, 511.
Куракинъ, кн., Бор. Алексѣв., сенат., 1827 г., т. CXIII, янв., 68, 72.
Куракинъ, кн., об.-гофмарш., 1825 г.,

т. CXIII, февр., 343, т. CXIV, апр., 89, іюнь, 598, т. CXVI, окт. 210.
Курбскій, кн., 1578 г., т. CXIII, янв., 167, мартъ, 604.
Курдюмовъ, полковн., т. CXIV, іюнь, 532.
Куропаткинъ, Алексѣй Николаев, ген.-отъ-инфант., воен. министр., т. CXIII, янв., 95, 99, 105, 107, 118—121, мартъ, 457, т. CXIV, май, 253, 298.
Курсель, полковн., 1877 г., т. CXIII, янв., 121.
Курута, гр., начальн. главн. штаба, 1828 г, т. CXVI, нояб., 338.
Кутайсовъ, гр., Ив. Павл., камердин. Павла I, ум. 1834 г., т. CXIII, янв., 18, мартъ, 525.
Куторга, М. С., профес., 1840 г., т. CXIV, май, 386, 387, т. CXV, іюль, 137, 141.
Кутузовъ, кн., Мих. Иллар., фельдмарш., род., 1745, ум. 1813 г., т. CXIII, янв., 24, 65, 106, февр., 212, 215, 216, 228, 231, 271, 272, 279, т. CXIV, апр., 107.
Кутузовъ, Пав. Вас., сиб. воен. губернат., р. 1772, ум 1843 г., т. CXIII, февр., 349, мартъ, 426, т. CXIV, май, 470, іюнь, 577, 602, т. CXV, сент., 549, 554, 555, 557.
Кутыгинъ, лейтен., 1812 г., т. CXIII, февр., 278.
Кушинина, Софья Александровна, урожд. Ребиндеръ, т. CXIV, іюнь, 567, т. CXV, авг., 447.
Кушининъ, Андр. Андр., адъют., т. CXIV, іюнь, 567.
Кушниковъ, сенат., 1820 г., т. CXVI, дек., 490, 708.
Кюхельбекеръ, Вильг. Карл., дек., т. CXVI, дек., 497, 601.
Кюхельбекеръ, Мих. Карлов., дек., ум 1859 г., т. CXIV, іюнь, 496, т. CXV, іюль, 70.

Л.

Лабзина, Анна Евдокимов., р. 1758 † 1827 г., т. CXIII, янв., прилож., 3—32, февр., прилож., 33—64, мартъ, прилож., 65—102.
Лабзинъ, Александръ Евдок., унтеръ-шихтмейстеръ, т. CXIII, февр., прилож., 50, 60, 61, 63, мартъ, прилож., 69—72, 78, 80.
Лабзинъ, Алексд. Θед., вице-президент. акад. худ., р. 1766†1825 г., т. CXIII, янв., прилож., 3, 10—13.
Лавинскій, ген.-губерн. иркутск., т., CXIV, апр., 127—134.
Лаврентьевъ, полк., редакт., „Русскаго Инвалида", т. CXIV, іюнь, 538, т. CXVI, окт., 85, нояб., 329.
Лавровъ, проф., т. CXIII, мартъ, 448.
Лавровъ, капит., 1814 г., т. CXVI, декаб., 493.
Ладыженскій, ген., 1866 г., т. CXIV, іюнь, 542, т. CXV, іюль, 34, авг., 330.
Лажечниковъ, Ив. Ив., писатель, р. 1792†1869 г., т. CXIV, іюнь, 643, 652.
Лазарь, Барановичъ, архіеп. черниг., т. CXV, сент., 673—679, томъ CXVI, окт., 131—145.
Ламакинъ, Гавр. Еким., 1812—1885 г., т. CXVI, нояб., 364.
Ламанскій, Е. И., управл. госуд. банк., т. CXIII, февр., 364.
Ламме, банкиръ, т. CXIII, февр., 387.
Ламсдорфъ, гр., Матв. Ив., ген.-отъ-кав., воспитат. имп. Николая I, род. 1745†1828 г., т. CXIII, февр., 336—351, т. CXIV, апр., 79—96, іюнь, 588, 598, 601, т. CXV, авг., 304—306, 311, 318, сент., 542, 543, 549—552, 557, т. CXVI, декаб., 580.
Лангель, ревельск. губерн., 1797 г., т. CXV, іюль, 112.
Ланской, гр., Вас. Серг., мин. внд. дѣлъ, род. 1787†1862 г., т. CXIII, янв., 68, 71, мартъ, 442.
Ланской, гр., Серг. Степ., мин. внд. дѣлъ, род. 1787†1862 г., т. CXVI, нояб., 273, 274, 306, 477—480.
Ланской, ген.-маіоръ, т. CXIV, іюнь, 567.
Лагарпъ, Фредерикъ-Сезаръ, воспит. имп. Александра I, р. 1754†1838 г., т. CXIII, янв., 8, 9, 19, 23, февр., 221.
Лаппа, Мих. Демьян., декабр., томъ CXIV, іюнь, 482, 483, 486.
Лаптевъ, тульск. губерн., т. CXV, іюль, 108, 113.
Лебедевъ, Петръ Семен., ген.-лейт., проф. воен. акад., т. CXIV, іюнь, 529.
Лебедевъ, чиновн., т. CXIV, май, 379—392.
Левашевъ, гр., Вас. Вас., предсѣд. Госуд. Сов., р. 1783†1843 г., т. CXV, іюль, 138.
Левашевъ, Никол., т. CXIV, іюнь, 540.
Левашевъ, ген., 1815 г., т. CXIII, февр., 347, 349.
Левенговъ, ген., 1863 г., т. CXV, авг., 321—338, т. CXVI, нояб., 321.
Левицкій, Казиміръ Вас., ген., 1877 г., т. CXIV, апр., 67, 68, 74, т. CXV, авг., 286.

Левковичъ, об.-провіантм., 1863 г., т. CXV, іюль, 35.
Левшѣева, артистка, 1900 г., томъ CXV, іюль, 42.
Левшинъ, Алексѣй Иракліев., тов. мин. вн. дѣлъ. р. 1798†1879 г., томъ CXVI, окт., 38.
Левъ XIII, папа римскій, р. 1810 † 1903 г., т. CXV, авг., 241—263, т. CXVI, нояб., 369, 371.
Лежайскій, Мих. архим. новгор., т. CXVI, окт., 145.
Лейхтенбергскій, герцогъ, Максиміанъ, президп. акад. худож., 1847 г., т. CXIV, май, 381.
Лейхтенбергскій, герц., Ник. Макс., т. CXIV, апр., 69.
Лелевель, польск. историкъ, 1823 г., т. CXVI, нояб., 346, декаб., 602, 606.
Лелевель, участн. вост., 1863 г., т. CXIV, май, 385, т. CXV, сент., 586.
Леманъ, Никол. Алексд., ген., 1877 г., т. CXIII, мартъ, 453.
Леманъ, Пав. Мих., полковн., томъ CXIV, іюнь, 497, 500.
Ленскій, артистъ, т. CXV, сент., 562.
Леонардъ, еписк. митиленск., 1452 г., т. CXV, авг., 359.
Леонидовъ, Леонидъ Львов., артистъ спб. театр., р. 1821†1889 г., т. CXV, сент., 573, т. CXVI, нояб., 357.
Леонтьева, зам. Глумилина, т. CXIV, іюнь, 540.
Леонтьевъ, ген.-маіоръ, 1825 г., томъ CXIV, іюнь, 564.
Лепехинъ, маіоръ, 1848 г., т. CXIV, апр., 54, 63, май, 269, 279.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писат., род. 1814 † 1841 г., т. CXIII, янв., 92, т. CXIV, май, 379, 389, 393.
Лермонтовъ, контръ-адм., 1833 г., т. CXIV, апр., 137—141, май, 307.
Лесовскій, ген.-лейт., нач. 2-го окр. корп. жанд., 1834 г., т. CXIII, февр., 269.
Лешковъ, В. Н., цензоръ, 1849 г., т. CXV, авг., 410.
Ливенъ, кн. Алексд. Карлов., томъ CXVI, нояб., 432.
Ливенъ, гр-ня, Дарья Христофор., рожд. Бенкендорфъ, р. 1785†1857 г., ея переписка съ разными лицами, т. CXIII, янв., 187—200, февр., 347, т. CXIV, май, 417—442, 468, 477, іюнь, 673—696, т. CXV, іюль, 223, сент., 691—705, т. CXVI, нояб., 419—436, декаб., 611—628.
Ливенъ, кн., Карлъ Андреев., ген.-лейт., мин. нар. просв., род. 1767 † 1845 г., т. CXIII, февр., 267, 307—328, мартъ, 571, 577, т. CXIV, іюнь, 645, т. CXVI, нояб., 308, 310, 431.
Ливенъ, гр., Христ. Андреев, посолъ въ Лондонѣ, † 1838 г., томъ CXIII, янв., 188—194, февр., 219, т. CXIV, май, 417, 420, іюнь 673—688, т. CXV, сент., 549, 555, 556, 693—696, 704.
Ливенъ, бар., ген.-квартирм. 1855 г., т. CXIV, іюнь, 538, т. CXV, іюль, 21—32.
Ливенъ, ген.-маіоръ, 1800 г., т. CXIII, мартъ, 528.
Линдерсъ, гр., Алексд. Никол., ген.-ад., р. 1790†1874 г., т. CXIV, іюнь, 534, 537, 538.
Линдеманъ, Ф. Э., проф. зоол., томъ CXIV, іюнь, 626.
Линдросъ, Августина Ив., 1865 г., т. CXIII, февр., 333.
де-Линь, принцъ, фельдм., р. 1735 † 1814 г., т. CXV, авг., 414.
Липсъ, медикъ, 1837 г., т. CXIV, іюнь, 659—662.
Литвиновъ, штабсъ-ротм., т. CXIV, май, 293.
Литвиновъ, подольск. губерн., 1809 г., т. CXV, іюнь, 239.
Литта, гр-ня, 1815 г., т. CXVI, дек., 585.
Лифляндъ, ген., 1840 г., т. CXIV, апр., 60, май, 269.
Лихаревъ, Влад. Ник., дек., †1840 г., т. CXIII, мартъ, 549, 553, т. CXIV, іюнь, 493.
Лихачевъ, ген., 1859 г., т. CXV, іюль, 67, 68.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Борис., мин. ин. дѣлъ, род. 1824 † 1896 г., т. CXVI, нояб., 288, дек., 483.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Дм. Ив. мин. юстиц., р. 1758†1838 г., томъ CXIII, янв., 72, т. CXVI, нояб., 266—271.
Лобановъ, кн., спб. губерн., 1808 г., т. CXV, іюль, 233.
Лобачевскій, Никол. Ив., ректк. казан. унив., р. 1793†1856 г., т. CXIV, май, 394, 395.
Лобода, полковн., 1594 г., т. CXIV, май, 449, 450.
Ловичъ, княгиня, Жанета Антонов., (Іоанна Грудзинская), супруга цес. Константина Павловича, род. 1795 † 1831 г., т. CXVI, окт., 95.
Логинова, писат-ца, 1844 г., т. CXIV, май, 390, 391.
Ложкина, Вѣра Ѳед., т. CXIV, іюнь, 558.
Ломовъ, Максимъ Кузьм., помѣщ., т. CXIII, янв., 136.

Ломоносовъ, Мих. Вас., писат., р. 1711 † 1765 г., т. CXIV, май, 264.
Ломоносовъ, Серг. Григор., дипломатъ, послан. въ Гаагѣ, р. 1799 † 1857 г., т. CXV, авг., 445.
Лонгиновъ, Мих., Никол., библіографъ, р. 1823†1875 г., т. CXIV, апр., 22, іюнь, 554, т. CXV, сент., 511.
Лонгиновъ, Никол. Мих., секрет. импер-цы Елизаветы Алексѣевны, чл. государст. совѣта, т. CXV, іюль, 121.
Лопухинъ, Ив. Влад., мистикъ, томъ CXVI, декаб., 708.
Лопухинъ, кн., Петръ Вас., мин. юстиц., р. 1753 † 1827 г., т. CXIII, мартъ, 523—525, т. CXIV, апр., 33, іюнь, 714, т. CXV, сент., 503, томъ CXVI, дек., 500.
Лореръ, Никол. Ив., дек., т. CXIII, мартъ, 542, 549, 553, т. CXIV, іюнь, 493.
Лорисъ-Меликовъ, гр., 1868 г., томъ CXVI, нояб., 292.
Лосевъ, полковн., 1863 г., т. CXVI, декаб., 561.
Лошкаревъ, Н. Г., ген., т. CXIII, февр., 288.
Лубяновскій, Ѳед. Петров., сенат., р. 1777†1869 г., т. CXIV, іюнь, 555, 562—571.
Лужинъ, моск. об.-полицейм., 1846 г., т. CXIV, май, 391.
Лузгинъ, плацъ-адъют., 1845 г., томъ CXIV, апр., 48.
Лунинъ, Петръ, 1814 г., т. CXVI, нояб., 248, 256, 257, дек., 500.
Лысовъ, Гераснмъ Макар., т. CXIV, іюнь, 569.
Львовъ, Алексѣй Ѳедор., директ. пѣвч. капеллы, композиторъ, р. 1798 † 1870 г., т. CXV, авг., 272.
Львовъ, кн., Влад. Влад., цензоръ, т. CXV, сент., 664, т. CXVI, дек., 690—698.
Львовъ, Серг. Лавр., ген.-отъ-инф., 1800 г., т. CXIII, мартъ, 525—528.
Львовъ, нижегор. губерн., 1898 г., т. CXV, іюль, 113.
Любецкій, кн., Ф. К., мин. финанс. п. Польскаго, 1830 г., т. CXIV, май, 352—354.
Любимовъ, Никол. Ив., чл. совѣт. мин. ин. дѣлъ, сенаторъ, т. CXVI, окт., 18.
Любомірскій, кн., 1815 г., т. CXIII, февр., 352.
Любовицкій, полковн., 1877 г., томъ CXIV, апр., 69.

М.

Магницкій, Мих. Леонтьев., попечит. казанск. окр., р. 1778†1855 г., т. CXV, сент., 499, т. CXVI, дек., 491, 492.
Мадатовъ, кн., ген.-лейт., 1821 г., т. CXIV, май, 384, іюнь, 495.
Майборода, А. Ив., кап., 1828 г., т. CXIV, іюнь, 502.
Майдель, докторъ, 1848 г., т. CXIV, май, 267—270, 278.
Майдель, бар., нач. артил. кіев. окр., 1877 г., т. CXIII, мартъ, 454.
Майковъ, Леонидъ Никол., акад., † 1900 г., т. CXV, авг., 444, томъ CXVI, декаб., 632.
Майковъ, П. М., сообщ.: „Мелкія замѣтки объ отношеніяхъ императора Александра къ полякамъ“, т. CXIII, февр., 411—417, „Царство польское послѣ вѣнскаго конгресса“, мартъ, 419—436, „Письмо М. М. Сперанскаго С. С. Уварову, по поводу избранія его почетнымъ членомъ Академіи Наукъ“, 444, „Письмо А. Н. Оленина къ М. М. Сперанскому“, т. CXIV, іюнь, 714—716, „Царство польское послѣ вѣнскаго конгресса“, т. CXV, іюль, 5—20, „Папа Левъ XIII. (Біографическій очеркъ), авг., 241—263, „Мелкія замѣтки объ отношеніяхъ императора Александра къ полякамъ, томъ CXVI, нояб., 441—458.
Макарій, митроп., 1545 г., т. CXVI, нояб., 399.
Македонскій, Е., писат., т. CXV, авг., 416—418.
Маковъ, Л. С., мн-ръ внутр. дѣлъ, т. CXVI, нояб., 279.
Максимовъ, А. М., артистъ, † 1861 г., т. CXIV, іюнь, 620, т. CXV, іюль, 39—45, авг., 402, 403, сент., 571, 572.
Максимовичъ, М. А., проф., 1850 г., т. CXIII, февр., 301, мартъ, 529, 530, 531.
Максимовъ, писат., 1861 г., т. CXV, сент., 712.
Макшеевъ, проф., т. CXIV, іюнь, 527.
Мальтицъ, бар. Францъ Петр., послан. въ Гаагѣ, р. 1798 † 1857 г., т. CXV, авг., 452.
Манассеинъ, Серг., сообщ.: „Въ Рущукскомъ отрядѣ“, т. CXV, авг., 281—297.
Мандтъ, лейбъ-мед., 1855 г. т. CXIV, іюнь, 545.

Манюкинъ, ген.-лейт., 1863 г., томъ CXIII, февр., 290.
Марія Александровна, императрица, р. 1824 † 1880 г., т. CXIII, янв., 157, т. CXV, іюль, 222, 223, томъ CXVI, окт., 189, нояб., 281.
Марія, Нагая, т. CXV, сент., 600, 611.
Марія Николаевна, вел. княг., въ супруж. герцог. Лейхтенбергская, р. 1819 † 1879 г., т. CXIV, апр., 23, 90, іюнь, 708, т. CXV, іюль, 130, 131.
Марія Павловна, вел. кн., въ супруж. герц. Саксенъ-Веймарская, р. 1786†1859 г., т. CXV, авг., 304, 310, сент., 542.
Марія Ѳеодоровна, императрица, р. 1759 † 1828 г.. т. CXIII, янв., 143–145, 187—194, февр., 223, 335—356, т. CXIV, апр., 77—97, май, 376, 442, 479, іюнь, 583—601, томъ CXV, іюль, 47—49, 114, 115, 118, 235, авг., 264, 299—319, 466, сент., 542—557, т. CXVI, окт., 90—102, 211, 212, нояб., 442, декаб., 560—588.
Маржевичъ, Болеславъ Мих., писат., т. CXIV, май, 262, т. CXVI, декаб., 635.
Маржевичъ, т. CXIV, іюнь, 595, 597.
Марковъ, Алексѣй Тарасов., акад., историческій живописц., род. 1801 † 1878 г., т. CXVI, окт., 187, 188.
Марковъ, И. М., директ. Неплюевск. корпуса, 1848 г., т. CXIV, май, 269.
Марковъ, предсѣд. уголов. палаты, 1814 г., т. CXVI, декаб., 493.
Марковъ, подполк., т. CXIV, апр., 46.
Марксъ, лейбъ-мед., т. CXV, сент., 571.
Маркусъ, тайн. сов., т. CXV, іюль, 137, 145.
Мартыновъ, Алексд. Естафьев., р. 1816 † 1860 г., артистъ, т. CXIV, іюнь, 603 – 623, т. CXV, іюль, 39–45, авг., 402, 403, сент., 562, 569.
Мартыновъ, Н. Н., офиц., т. CXIII, мартъ, 451.
Марченко, Васил. Романов., госуд. секрет. р. 1782 † 1838 г., т. CXVI, нояб., 270.
Масальскій, Петръ Григ., т. CXV, сент., 508, 509.
Масловъ, Ст. Алекс., дѣйст. стат. совѣтн., 1852 г., т. CXV, сент., 664, т. CXVI, окт., 27.
Масловъ, полковн., т. CXIV, май, 314, 317.
Матвѣевъ, Артамонъ Сергѣев., нач. Малорос. приказа, 1671 г., т. CXV, сент., 682, 683, т. CXVI, окт., 133—143, т. CXVI, нояб., 460, 470.
Матвѣевъ, Пав. А., сообщ.: „Гоголь въ Оптиной пустыни“, т. CXIII, февр., 301—304, „Батуринскій переворотъ 13 марта 1672 г.“ т. CXV, сент., 667 — 690, т. CXVI, окт., 131—146, нояб., 459—470. „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ“, т. CXVI, декаб., 629—637.
Матусевичъ, гр., дѣйст. стат. сов., т. CXIV, іюнь, 567.
Меглинскій, о., † 1840 г., т. CXIV, май, 406.
Медемъ, бар., Ник. Вас., ген.-лейт., † 1870 г., томъ CXV, авг., 409. 415.
Межевичъ, ред., „Спб. Полиц. Вѣд.“, 1849 г., т. CXV, авг., 419.
Мезенцовъ, флиг.-адъют., 1862 г., т. CXIII янв., 150.
Мекекъ, Карлъ Ѳедоров., т. CXIII. февр., 382–387.
Мелина, графиня, т. CXVI, окт., 13.
Мельгуновъ, ген.-поруч., 1762 г., т. CXV, сент., 706.
Мельниковъ, Алексѣй Петровичъ, 1864 г., т. CXIII, февр., 370, 374, 375.
Мельниковъ, Пав. Петр., инж. пут. сообщ., р. 1804 † 1880 г., т. CXIII, февр., 363—376, 386–388.
Мельниковъ, полиц., майоръ, томъ CXIV, май, 341, 342, 349, іюнь, 573, 574.
Мельниковъ, камердин. императора Александра I, т. CXV, сент., 513.
Мейндорфъ, австрійск. посл., томъ CXIV, іюнь, 697, 702, 707.
Меньковъ, ген., редакт. „Инвалида“, 1870 г., т. CXIV, іюнь, 533, 534, т. CXVI, окт., 82.
Меншикова, Д. М., 1718 г., т. CXVI декаб., 591.
Меншиковъ, кн., Алексд. Данил., генералис., р. 1673 † 1729 г., т. CXIII, янв., 67—72, т. CXIV, май, 367. т. CXV, авг., 461, т. CXVI, декаб., 591.
Меншиковъ, кн., Алексд. Серг., морск. мин., р. 1787 † 1869 г., т. CXIII, янв., 26, 68—71. т. CXIV, апр., 129, 137, 138, май, 307, 308, іюнь, 532, 534, 537, т. CXV, іюль, 125, 137—139, 227, авг., 383, 392, 393, томъ CXVI, окт., 107.
Мердеръ, Алексѣй, сообщ.: „Послѣдствія посѣщенія столицы для двухъ евреевъ“, томъ CXIV, май, 362.
Мерзляковъ, Алексѣй Ѳед., проф.,

† 1830 г., т. CXV, іюль, 121—124, т. CXVI, декаб., 712.
Мержуловъ, Ѳед., стрѣлецкій сотникъ, 1672 г., т. CXVI, нояб., 467.
Меттерниховъ, кн., австр. дипломатъ, р. 1773 † 1859 г., т. CXIII, янв., 194, 195, 196, т. CXIV, май, 417—442, іюнь, 674—690, т. CXV, сент., 693.
Мещериновъ, ген., 1870 г., т. CXVI, окт., 82 86.
Мещерскій, кн., Сергѣй Ив., поруч., 1820 г., т. CXV, авг., 320.
Мехелинъ, цензоръ, 1849 г., т. CXV, іюль, 145, авг., 422.
Меѳодій, кіевск. митроп., 1661 г., т. CXV, сент., 673, 674, 680, 682, т. CXVI, нояб., 468.
Миддендорфъ, акад., т. CXVI, окт., 39.
Миклашевскій, Алексд. Мих., дек., т. CXIV, іюнь, 497—499.
Миклашевскій, 1672 г., т. CXVI, нояб., 459.
Миклашевскій, сенат., 1814 г., томъ CXVI, декаб., 489.
Микуцкій, т. CXIII, мартъ, 502.
Миллеръ, Алексд. Ив., служ. въ минист. ин. дѣлъ, т. CXIV, май, 401, 404.
Миловидовъ, А., сообщ.: „Изъ исторіи польскаго возстанія“ 1863 г., т. CXV, авг., 341—348.
Милорадовичъ, гр., Мих. Андр., спб. ген.-губ., р. 1771 † 1825 г., томъ CXIII, февр., 349, 352, т. CXIV, апр., 19, 78—84, 145, іюнь, 587, 589, 597, 601, т. CXV, авг., 303, 310, 311, т. CXVI, окт., 88.
Милославскій, Ив. Богд., воевода, т. CXVI, окт., 132.
Милославскій, трагикъ, т. CXV, іюль, 22.
Милюковъ, полковн., т. CXIV, іюнь, 532.
Милютинъ, Борисъ Алексв., 1841 г., т. CXVI, окт., 27.
Милютинъ, Влад. Алексѣев., пом. редактора, 1853 г., т. CXVI, окт., 27, 34.
Милютинъ, гр., Дм. Алекс., воен. мин., т. CXIV, май, 252, іюнь, 531, т. CXV, авг., 328, 329, сент., 590.
Милютинъ, Никол. Алексѣев., ст.-секрет., р. 1818 † 1872 г., т. CXII, янв., 210, февр., 285, 299, 300, мартъ, 499—514, т. CXV, сент., 590—593, т. CXVI, окт., 20, 27—34, нояб., 277.
Минквицъ, ген., нач. шт. округа, 1870 г., т. CXVI, окт., 85.
Минхъ, А. Н., сообщ.: „Изъ старинныхъ обычаевъ въ городѣ Саратовѣ“, т. CXIV, май, 306, „Старый обычай на волжскихъ судахъ“, томъ CXVI, нояб., 418.
Минчіаки, дѣйств. ст. сов., агент., посланный въ Констант. по торговымъ дѣламъ, т. CXVI, нояб., 315.
Мирковичъ, виленск. ген.-губ., 1845 г., т. CXIV, іюнь, 670.
Мисевичъ, г-жа, 1865 г., т. CXV, авг., 337.
Митусовъ, сенаторъ, 1850 г., томъ CXIV, іюнь, 506, т. CXV, авг., 416.
Михаилъ Николаевичъ, вел. князь, ген.-фельдцейхм., т. CXIV, май, 245, т. CXVI, нояб., 356, 422.
Михаилъ Павловичъ, велик. князь, р. 1798 † 1849 г., т. CXIII, янв., 143, февр., 335—356, т. CXIV, апр., 13, 14, 46, 77—97, май, 315, іюнь, 488, 555, 561, 583—601, т. CXV, іюль, 40, 220, 228, 386, авг., 299—319, сент., 542—553, т. CXVI, окт., 90—99, 165, 173, 209, нояб., 303, 311, декаб., 565—588.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, томъ CXIII, февр., 256, 257, т. CXIV, апр., 158, 159, т. CXV, авг., 450, сент., 639.
Михайловскій-Данилевскій, Алекс. Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1848 г., т. CXIII, янв., 39, февр., 225, 230, т. CXIV, май, 392, томъ CXVI, окт., 95, окт., 510.
Михайловъ, Влад. Мих., чиновн., 1837 г., т. CXVI, окт., 20.
Михайловъ, Ив Ив., помощн. редак., „Астрах. Губ. Вѣд.“, † 1897 г., т. CXVI, окт., 34.
Михневичъ, проф. филос., 1849 г., т. CXV, сент., 652, 653.
Михайловъ, инж., т. CXV, іюль, 34.
Мицкевичъ, Адамъ, писат., р. 1798 † 1855 г., т. CXVI, май, 379, 385, 386, т. CXVI, нояб., 333—351, 352.
Мнишекъ, Марина, т. CXIII, февр., 235—258, т. CXIV, апр., 155—161, май, 303—305, т. CXV, сент., 635—639, т. CXVI, нояб., 272.
Мнишекъ, Станиславъ, т. CXIII, февр., 238, 239, 249.
Мнишекъ, Юрій, воевода сендомірскій, т. CXIII, февр., 235—250.
Мнишекъ, Янъ, т. CXIII, февр., 239, 241.
Многогрѣшная, Анастасія, жена гетмана, 1672 г., т. CXVI, нояб., 468.
Многогрѣшный, Вас., гетманъ, томъ CXV, сент., 673, 676, 683, 684, т. CXVI, окт., 142, 143, нояб., 467—470.

Многогрѣшный, Демьянъ Игнатьев., 1672 г., т. CXV, сент., 667—690, т. CXVI, окт., 131—146, нояб., 459—470.

Модзалевскій, Б., сообщ.: „Воспоминанія А. Е. Лабзиной", т. CXIII, янв., прилож., 3—14.

Моденъ, гр., оберъ-гофм., т. CXVI, окт., 91, 206.

Модестовъ, проф., т. CXVI, іюнь, 526.

Мокріевичъ, Карпъ, генеральн. писарь, 1672 г., т. CXVI, окт., 143, 144, нояб., 459—464.

Молвяниновъ, Яковъ, посолъ въ Римѣ, 1582 г., т. CXIV, апр., 211—223.

Моллерусъ, бар., гол. послан. при рус. дворѣ съ 1842 г., т. CXV, іюль, 229, 230.

Моллеръ, адм., морск. мин., т. CXIV, май, 307, 308.

Монюшко, минск. предвод. дворян., 1812 г., т. CXIII, янв., 41. 65.

Морганъ, архитект., т. CXIV, май, 380.

Мордвиновъ, гр., Ник. Сем., морск. мин., р. 1754 † 1845 г., т. CXIII, февр., 219, 262, 263, 345, 356, томъ CXIV, апр., 36, 82, 163, 171, май, 386, іюнь, 509, 714.

Моріи, гр., франц. посолъ, т. CXIV, іюнь, 550.

Морововъ, предсѣд. гражд. палаты въ Тулѣ, 1812 г., т. CXVI, декаб., 486.

Мостовскій, гр., мин. вн. дѣлъ, цар. польск., т. CXIII, мартъ, 423 430, т. CXV, іюль, 12.

Мотовиловъ, Егоръ Никол., симбирск. помѣщ., т. CXV, іюль, 51 57.

Морозовъ, капит., 1828 г., т. CXIV, апр., 208.

Мудровъ, Матв. Яковл., профес, врачъ, † 1831 г., т. CXIII, янв., прилож., 12, 13.

Муравьева, Алексд. Григ., 1861 г., т. CXV, сент., 712, 714.

Муравьева, жена декаб., т. CXVI, нояб., 300.

Муравьевъ, Алексд. Никол., декаб., нижегород. воен. губерн. съ 1856—1861 г., ген.-лейт., сенат., р. 1792 † 1863 г., т. CXIV, апр., 186, томъ CXVI, нояб., 274—280.

Муравьевъ, Андр. Ник., писатель, р. 1806 † 1874 г., т. CXIV, май, 410, 411, 414.

Муравьевъ, А. Н., управл. Тоб. губ., 1834 г., т. CXIII, мартъ, 549.

Муравьевъ, Леонидъ Никол., 1859 г., т. CXV, іюль 69.

Муравьевъ, Мих. Никитичъ, товар. мин. нар. просв., попечит. Московск. унив., сенат., писат., р. 1757 † 1807 г., т. CXIII, янв., 10, томъ мартъ, 518, т. CXIV, апр., 11.

Муравьевъ, Мих. Никол., мин. гос. им., ген.-губ. Сѣв.-Зап. края, р. 1796 † 1866 г., т. CXIII, февр., 285—300, мартъ, 501—513, 540, т. CXIV, май, 249, 254—258, т. CXV, авг., 342—348, сент., 592, 594, т. CXVI, окт., 39—41, декаб., 543—564, 634.

Муравьевъ, Ник., Назарьев., археол., ст.-секрет. имп. Николая I, р. 1775 † 1845 г., т. CXIII, янв., 68, томъ CXIV, апр., 208, іюнь, 552, т. CXVI, нояб., 430.

Муравьевъ (Карскій), Ник. Никол., р. 1794 † 1866 г., т. CXIV, іюнь, 490, 495, 532.

Муравьевъ-Апостолъ, Ив. Матв., писат., р. 1765 † 1851 г., т. CXV, іюль, 121.

Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй, декабр., 1870 г., т. CXVI, нояб., 297.

Муральдъ, Эдуардъ, библіот. Импер. Публ. Библіот., т. CXIV, май, 410.

Муравьевичъ, Илья Никиф., чиновн. мин-ва народн. просвѣщ., т. CXIV, май, 336, 337, іюнь, 581.

Муравьевичъ, Конст. Никиф., врачъ, т. CXIV, іюнь, 581.

Муравьевичъ, Никиф. Адріан., священ., 1769 † 1834 г., т. CXIV, апр., 99—116, май, 331—349, іюнь, 573—582.

Муравьевичъ, Никол. Никиф., историкъ, знатокъ древностей Новорос. края, 1848 г., директ. Ришельевск. музея, 1852 г., т. CXIV, іюнь, 581, 582.

Муравинъ, Адріанъ Вас., проповѣдникъ-импровизаторъ, т. CXIV, апр., 100.

Муравинъ, Вас., т. CXIV, апр., 99.

Муруви, княжна, мать А. С. Стурзы, т. CXIV, май, 401.

Мусинъ-Пушкинъ, Епафр. Степ., лейт., декаб., т. CXIV, іюнь, 482, 483, 486, 498.

Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Никол., попеч. казанск. окр., 1840 г., томъ CXVI, декаб., 520, 521.

Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Никол., попечит. казанскаго учебн. окр., предсѣд. цензурн. комит., р. 1795 † 1862 г., т. CXIV, май, 383, томъ CXV, авг., 410, 414, 415, 421.

Муханов, Серг. Никол., полковн., 1830 г., т. CXIV, апр., 14, 16.

Муханов, 1861 г., т. CXV, сент., 711.

Мясоѣдовъ, П. А., чиновн. особ. поруч., 1863 г., т. CXIII, февр., 292—298, мартъ, 509.
Мѣшковъ, Алексд. Лукичъ, директ. Оренб. гимн., 1878 г., т. CXVI, нояб., 412, 414.
Мѣшковъ, Г. И., „его воспоминанія", т. CXIV, іюнь, 555—572.
Мякининъ, И. И., сенат., 1719 г., т. CXVI, декаб., 572.
Мяновскій, проф., т. CXVI, нояб., 345.
Мясоѣдовъ, сенат., 1812 г., т. CXVI, декаб., 486, 488, 493.

Н.

Набоковъ, начальн. воен. посел. 1825 г., т. CXVI, окт. 157, 158.
Набоковъ, коменд. Спб. крѣпости, 1849 г., т. CXV, сент., 537.
Нагибинъ, 1828 г., тобольск. губ., т. CXIII, мартъ, 545.
Нагловскій, Дм. Станиславъ., нач. штаба одесск. воен. окр., † 1890 г., т. CXIII, мартъ, 445—457, т. CXIV, апр., 68, май, 295.
Надеждинъ, Никол. Ив., профес., р. 1804 † 1856 г., т CXIII, февр., 312, 322, мартъ, 572, 577, 583.
Назимовъ, Влад. Ив., ген.-адъют., попечит. моск. унив., ген.-губ. с.-з. края, 1802†1874 г., т. CXIII, мартъ, 508, т. CXIV, іюнь, 551, т. CXV, авг., 348, 427, 432, сент., 646 т. CXVI, декаб., 559, 684.
Назимовъ, Мих. Александр., декаб., т. CXIII, мартъ, 549, 553, т. CXIV, іюнь, 493.
Найдановъ, начальн. крѣпост. артиллеріи, т. CXVI, нояб., 319.
Наливайко, казакъ. предводит. 1594 г. т. CXIV, май, 449, 450.
Напирскій, цензоръ, 1838 г., т. CXIII, мартъ, 584.
Наполеонъ I, императоръ, т. CXIII, янв., 37—65, февр., 224—233, 271—273, 282, 415, мартъ, 437, т. CXIV, апр., 110, 114, май, 331—346, 355, іюнь, 575, 577, т. CXV, іюль, 158, авг., 302, 303, 309—311, 318, 319, т. CXVI, декаб., 699—702.
Наполеонъ III, императоръ, т. CXVI, декаб., 699—702.
Нартовъ, Андр. Андр., писат., род. 1737†1813 г., т. CXIII, февр., прилож., 63, мартъ, прилож., 69—74.
Нарышкина, Елиз. Петров., супруга декаб., т. CXIII, мартъ, 548,—553.
Нарышкина, Марія Антонов., т. CXIII, янв., 193, т. CXV, іюль, 235.
Нарышкинъ, Кириллъ Александ., об.-гофмарш., президт. придворной конторы, род. 1786†1838 г., т. CXIII, янв., 122, т. CXVI, декаб., 573.
Нарышкинъ, Мих. Мих., декаб., т. CXIII, мартъ, 548—553, т. CXIV, іюнь, 493, 497, т. CXV, сент., 712.
Нарышкинъ, т. CXIII, янв., 142 147, 148, февр., 274.
Насѣкинъ, уѣздн. предвод. дворян. Костром. губ. 1812 г., т. CXVI, декаб., 485.
Невѣдомскій, Никол., 1843 г., т. CXIV, апр., 175.
Негри, Александ. Θед., писат.-археологъ, род. 1784†1854 г., т. CXIV, іюнь, 633—636.
Некрасовъ, Никол. Алексѣев., писат., р. 1821†1877 г. т. CXIII, янв., 73—93, т. CXIV, апр., 189, 190, май, 379, 382, т. CXV, сент., 570, т. CXVI, декаб., 686.
Нелединскій-Мелецкій, Ю. А., 1815 г., т. CXV, іюль., 115—135.
Нелидова, Екат. Ив., фрейлина, т. CXIV, апр., 89, іюнь, 596.
Нелидовъ, курск. губернат. 1814 г., т. CXVI, декаб., 492.
Нелидовъ, дипломатъ, 1877 г., т. CXIV, май, 295.
Немировичъ-Данченко, писатель, т. CXV, авг., 290.
Неплюевъ, Никол. Ив., сенат., 1800 г., т. CXIII, мартъ, 527.
Непокойчицкій, Артуръ Адамовичъ, ген.-ад., 1878 г., т. CXIV, апр., 68, іюнь, 532, 538.
Нессельроде, гр-ня, супруга канцлера, т. CXVI, нояб., 426.
Нессельроде, гр-ня, Марія Дм., рожд. Гурьева, статсъ-дама, т. CXVI, нояб., 295, 303.
Нессельроде, гр., Карлъ Вас., канцл., род. 1780†1862 г., т. CXIII, янв., 34, 191, 195, 196, мартъ, 531, т. CXIV, апр., 13, 166, май, 420, 426, іюнь, 567, 671, 678, 687, 695, 706—710, т. CXV, іюль, 132, 215—230, сент., 556, 557, 697—701, т. CXVI, окт., 205—217, нояб., 430.
Нессельроде, гр., Ф., варш. воен. губерн., 1834 г., т. CXVI, нояб., 352.
Нессельроде, гр., тайн. совѣт., ст. секр., т. CXVI, нояб., 242, 303, 308—315.
Нефловъ, Григор., стрѣлецкій голова, 1672 г., т. CXV, сент., 668, 669, т. CXVI, окт., 133—144.
Никитенко, А. В., проф. Спб. унив. и цензоръ, р. 1805†1877 г., т. CXVI, нояб., 356, 359, 361.
Никитенко, Александ. Вас., академ., цензоръ, т. CXIV, іюнь, 654, 655, т. CXV, іюль, 133.

Николай I, императоръ, р. 1796† 1855 г., т. CXIII, янв., 29, 67—69, 143, 193, 199, 200, февр., 263—268, 305—328, 335—356, 361, мартъ, 366—388, 485; 497—500, 511, 512, 537, 538, 540, 548, 553, 558, 563, 568, 569, 571—591, 592, т. CXIV, апр., 5, 10—26, 27, 77—97, 128—133, 163—182, 208, май, 307—315, 321, 322, 355 356—362, 379—396, 402, 419—442, іюнь, 482—502, 530, 532, 536, 537, 543, 544, 545, 552, 553, 570, 571, 576, 577, 583—601, 643—671, 673, 677, 678, 683, 689, 696—712, томъ CXV, іюль, 21, 29, 38—40, 46—50, 79, 137—157, 168, 216—231, авг., 299—319, 385—393, 397—437, сент., 514—518, 541—557, 560—565, 571, 641—666, 692—703, т. CXVI, окт., 87—104, 153, 159, 165—183, 189, 205—219, нояб., 295—306, 427—440, 458, декаб., 513, 565—588, 683—698.

Николай Александровичъ, вел. кн., цесаревичъ, †1865 г., т. CXIII, янв., 149, 157—164, мартъ, 497, т. CXIV, іюнь, 545, 702, т. CXV, іюль, 222, 223, 224, авг., 322, т. CXVI, нояб., 281.

Николай Николаевичъ, великій князь, т. CXV, авг., 284—297, т. CXVI, нояб., 322, 327, 356, 422.

Никольскій, С. П., сообщ.: „О невпускѣ въ царство Польское поэмы Мицкевича „Панъ Тадеушъ“, т. CXVI, нояб., 352. „Воспрещеніе выводить воспитанниковъ училищъ въ царскомъ Польскомъ на загородную прогулку 3 мая“, т. CXVI, декаб., 594.

Никотинъ, Ив. Акимов., его записки, т. CXIII, февр., 285—300, мартъ, 499—514, т. CXVI, декаб., 543—559.

Ниловъ, казанск. губернат. 1815 г., т. CXVI, декаб., 487.

Нильскій, артистъ, т. CXIV, іюнь, 603.

Новиковъ, тульск. вице-губернат. 1812 г., т. CXVI, декаб., 486.

Новиковъ, надворн. совѣт., 1821 г., т. CXV, іюль, 46.

Новицкій, офиц. 1877 г., т. CXIII, янв., 95.

Новосельскій, 1866 г., т. CXIII, февр., 376, 386, 387.

Новосильцовъ, Никол. Николаев., предсѣд. гос. сов., р. 1761†1836 г., т. CXIII. янв., 10, 24, февр., 214—232, т. CXIV, апр., 29, 30, 228, май, 385, 470, 471, т. CXVI, нояб., 333—351, 456—458.

Норовъ, Авраамъ Серг., ми-ръ нар. просв., †1869 г., т. CXIII, февр., 361, 362, т. CXIV, іюнь, 493, т. CXV, авг., 416, сент., 642, 643, 660—664, т. CXVI, окт., 183, декаб., 683, 684, 686.

Норовъ, Вас. Серг., кап., 1832 г., т. CXIV, іюнь, 498.

Нѣмоевскій, т. CXIII, февр., 237.

Нѣмцевичъ, Юліанъ, польск. писат., 1614 г., т. CXIV, апр., 160, т. CXV, сент., 693, т. CXVI, нояб., 445.

О.

Ободовская, Дарья Александровна, рожд. Остермейеръ, т. CXVI, нояб., 362, 365.

Ободовскій, Алексан. Григ., географъ, 1810 г., CXVI, нояб., 353.

Ободовскій, Григ. Анисим., врачъ, р. 1764 г., т. CXVI, нояб., 354.

Ободовскій, Конст. Плат., т. CXVI, нояб., 353.

Ободовскій, Плат. Григ., р. 1803 †1864 г., т. CXVI, нояб., 353—366.

Оболенская, княг., Мар. Гр., сообщ.: „Три письма декабриста Н. Цебрикова кн. Евгенію Петровичу Оболенскому“, т. CXV, іюль, 67—70, „Письма декабриста И. Горбачевскаго—князю Е. П. Оболенскому“, сент., 707—716, т. CXVI, окт., 221—239.

Оболенская, Нат. Петр., т. CXV, сент., 714.

Оболенскій, кн., Евг. Петр., 1856 г., декабр., т. CXIII, мартъ, 560, томъ CXV, іюль, 67, сент., 707—716, томъ CXVI, окт., 222—239.

Обольяниновъ, Петръ Хрисанфов., фаворитъ Павла I, ген.-прокур., т. CXIV, апр., 142, т. CXV, авг., 265, т. CXVI, окт., 64.

Обрѣзковъ, Петръ Алексѣев., сенат., р. 1752†1814 г., т. CXV, іюль, 214.

Обручева, 1848 г., т. CXIV, май, 282, 283, 289.

Обручева, въ зам. Дувингъ, т. CXV, іюль, 57.

Обручевъ, Влад. Аванасьев., оренб. ген.-губ, съ 1842 по 1851 г., ген. отъ инф., р. 1795†1866 г., т. CXIV, апр., 49—64, май, 276—289.

Обручевъ, Никол. Никол., ген.-ад., т. CXIV, май, 246, 248, іюнь, 529, т. CXVI, нояб., 324, 329.

Овсянниковъ, ген., 1877 г., т. CXIII, мартъ, 453.

Огарева-Тучкова, Наталія, т. CXV, сент., 482.

Огаревъ, Никол. Платон., писат., р. 1813†1877 г. т. CXIII, янв., 77, т. CXV, іюль, 32.

Оде-де-Сіонъ, кол. сов., 1829 г., т. CXVI, окт., 11.

Одинцовъ, полковн., т. CXV, авг., 387.

Одинцовъ, А. А., нижегородск. губ., 1862 г., т. CXVI, нояб., 276—280.
Одоевскій, кн., Александ. Ив., поэтъ, декаб., р. 1803†1839 г., т. CXIV, іюнь, 493.
Одоевскій, кн., Влад., Ѳед., писат., р. 1803 г., т. CXIII, мартъ, 531, 532, 544, 588, т. CXVI, окт., 18, 32.
Одоевскій, 1613 г. т. CXIV, апр., 156.
Ожаровскій, гр., 1824 г., т. CXIII, янв., 187, 198.
Озеровъ, А. П., т. CXV, авг., 265.
Оленинъ, Алексѣй Никол., директ., публич. библ., президт. акад. худ., р. 1763†1843 г., т. CXIII, февр., 320, 327, 417, т. CXIV, іюнь, 714—716, т. CXV, іюль, 117, 118, т. CXVI, нояб., 251, 252, декаб., 706.
Олинъ, писат. 1832 г., т. CXIII, февр., 316, 317.
Олоховъ, ген., 1877 г., т. CXIII, мартъ, 454.
Олсуфьевъ, гр., адъют. 1877 г., томъ CXV, авг., 293.
Олферьевъ, Н., сообщ.: „Предложеніе о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи въ 1826 г., т. CXVI, нояб., 437—440.
Ольга Николаевна, великая княгиня, въ зам. корол. Виртембергская, т. CXV, іюль, 130, 131, т. CXVI, нояб., 420.
Ольдекопъ, цензоръ, т. CXIV, апр., 171, іюнь, 649.
Ольденбургскій, принцъ, т. CXV, іюль, 234.
Ольхинъ, книгопродавецъ, 1843 г., т. CXIII, мартъ, 587.
Оранскій, прусскій принцъ, 1821 г., т. CXVI, окт., 96.
Ордынъ-Нащокинъ, Аѳан. Лавр., 1667 г., т. CXV, іюль, 166, сент., 674, 682, 689.
Оржевскій, виленск. губ.-губернат., т. CXIV, май, 255
Оржитская, въ зам. Муравьева, томъ CXV, іюль, 69.
Оржитскій, Ник. Ник., т. CXV, іюль, 68.
Оржицкій, Ник., шт.-ротм., декаб., т. CXIV, іюнь, 482, 483, 486, 489.
Орлова-Чесменская, гр., Анна Алек., †1848 г., т. CXIV, іюнь, 562, томъ CXVI, окт., 147—164.
Орлова, Прасковья Ив., артистка, т. CXV, авг., 402, 403.
Орлова, гр-ня, 1815 г., т. CXIII, февр., 342, 343, 349, т. CXIV, апр., 78, 84.
Орловскій, И. И., сообщ: „Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 г.“, томъ CXIV, апр., 99—116, май, 331—349, іюнь, 573—582.
Орловъ, гр., Алексѣй Ѳед., шефъ жанд., р. 1787†1862 г., т. CXIII, янв., 26, февр., 343, 344, 349, 350, мартъ, 560, т. CXIV, апр., 181. 182, май, 312, 382, 391, 392, іюнь, 656, т. CXV, іюль, 137, 150, 167, 221, авг., 2:5, 405, 407, 431, сент., 648, 661, 662, 697, 698, т. CXVI, окт., 153—159, т. CXVI нояб., 436, 431. декаб., 697,
Орловъ, кн., Григ. Григ., ген.-фельдцейхмейст. р. 1734 1783 г., т. CXIII, янв., 94.
Орловъ, Григор., 1831 г., т. CXVI, окт., 161.
Орловъ, Давыдъ Ив., полковн. 1877 г., т. CXIII, янв., 106.
Орловъ, Мих. Ѳед., ген.-м., фл.-ад., р. 1788†1842 г., т. CXV, іюль, 214, сент., 577.
Орловъ, кн., Никол. Алексѣев., дипломатъ, писат., 1862 г., т. CXV, сент., 588.
Орловъ, Ѳед., 1831 г., т. CXVI, окт., 161.
Орловъ, докт., 1865 г., т. CXIII, янв., 123.
Орловъ-Денисовъ, ген.-адъют., 1862 г., т. CXIII, янв., 151., т. CXIV, іюнь, 533.
Осиповъ, Александръ Степ., тобольск. губерн., 1821 г., т. CXV, сент., 494.
Осиповъ, полковн., т. CXIII, мартъ, 445, 449, 450, 454.
Остенъ-Сакенъ, бар., гр съ 1855 г., р. 1763†1881 г., т. CXIV, іюнь, 490, 500.
Остерманъ, гр., О. А., вице-канц., т. CXIV, апр., 102.
Островскій, Александ. Никол., писат., р. 1823†1886 г., т. CXIII, янв., 74, т. CXV, авг., 416, 426, 427, т. CXIV, іюнь, 622.
Островскій, Антонъ-Янъ, 1817 г., т. CXIII, февр., 411.
Островскій, гр., Ѳома, президентъ Сената въ Варшавѣ, ум. 1817 г., т. CXIII, февр., 411.
Острожскій, Конст., воевода Кіевск., т. CXIV, апр., 214—217, май, 443, 447, 448, т. CXVI, окт., 125, 127.
Остроградскій, Мих. Вас., акад., математикъ, 1860 г., т. CXIII, февр., 275, мартъ, 446, 447.
Очинъ, Амилій Никол., редакторъ „Спб. Вѣд.“, р. 1802†1865 г., томъ CXIII, мартъ, 484, т. CXIV, апр., 176, т. CXV, іюль, 155.

*

П.

Павелъ I, императоръ, р. 1754†1801 г., т. CXIII, янв., 10—27, 143, февр., 212—224, 414, мартъ, 458, 520—528, т. CXIV, іюнь, 503—525, т. CXV, іюль, 107—114, 170, 214, авг., 265, сент., 499—502, 544, 549, 550, томъ CXVI, окт., 64, нояб., 301.

Павловскій, цензоръ, 1856 г. т. CXV, сент., 648.

Павловъ, А. С., бакалавръ Казанск. дух. акад., 1860 г., т. CXVI, декаб., 518.

Павловъ, В. И., адъют., т. CXIII, февр., 288.

Павловъ, Никн. Филип., журналистъ, поэтъ, р. 1803†1864 г., т. CXIII, мартъ, 448, 532.

Павскій, Герасимъ Петров., протоіер., р. 1787†1863 г., т. CXIV, іюнь, 659.

Паленъ, Петръ Алексѣев., спб., ген.-губ., 1801 г., †1826 г., т. CXIII, янв., 19, 20, февр., 212, 221.

Паленъ, гр., Петръ Петр., ген., р. 1777†1864 г., т. CXV, іюль, 229.

Паленъ, бар., попечит. окр., 1833 г., т. CXIII, мартъ, 576—580.

Палеологи, т. CXV, сент., 599—607, т. CXVI, окт., 105—120.

Палеологъ, Софія (Зоя) 1453 г., томъ CXV, авг., 372—382, сент., 596—622, т. CXVI, окт., 105—130, декаб., 653.

Палицинъ, С., декаб., т. CXIV, іюнь, 493.

Палласъ, П. С., акад., 1774 г., томъ CXIII, янв., прилож., 9.

Пальмшернъ, швед. послан. въ Петер., 1826 г., т. CXVI, окт., 205—219.

Панагіодоръ-Никовулъ, Александ. Θед., археол., †1848 г., т. CXIV, май, 405.

Панаевъ, Валер. Александ., его воспоминанія, т. CXIII, янв., 149—164, февр., 363—388, упом., мартъ, 567—570, т. CXIV, апр., 189—207.

Панаевъ, Ив. Ив., писат., 1865 г., т. CXIII, янв., 74, 83, т. CXIV, апр., 189, 190, т. CXV, авг., 410.

Панинъ, гр., Викторъ Никит., мин. юстиціи, р. 1801†1874 г., т. CXIII, февр., 380, мартъ, 587.

Панкратьевъ, ген.-маіоръ, т. CXIV, май, 384.

Пановъ, писат., т. CXIII, мартъ, 535—538.

Паренсовъ, Петр. Дм., ген.-отъ-инф., сооб. „Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877 г“., т. CXIII, янв., 95—121, мартъ, 445—457, т. CXIV, апр., 65—75, май, 291—302.

Парсеній, еписк. †1795 г., т. CXIV, апр., 101, 102.

Паскевичъ, кн. Варшавскій, гр. Эриванскій, Ив. Θед., ген.-фельдм., р. 1781†1856 г., т. CXIII, февр., 380, мартъ, 454, т. CXIV, апр., 111, 112, май, 287, 384, 385, іюнь, 483—492,—498—579, т. CXV, авг., 446, т. CXVI, декаб., 594.

Пасынковъ, костромск. губерн., 1812 г., т. CXVI, нояб., 261, декаб., 485.

Паткановъ, свящ., 1849 г., т. CXV, авг., 415.

Патиуль, Александ. Влад., 1865 г., т CXII, февр., 329—334.

Патиуль, Марія Александ., 1865 г., т. CXIII, февр., 333, 334.

Пауверъ, инж., т. CXIII, февр., 376.

Пашковскій, ген., 1817 г., т. CXIII, февр., 416.

Пашковъ, 1815 г, т. CXIII, февр., 345, т. CXIV, апр., 89, т. CIV, авг., 303, 306, 310.

Пащенко, т. CXV, сент., 531.

Пеликанъ, докт., ректоръ 1824 г., т. CXVI, нояб., 335—347.

Первоухинъ, Ив. Ив., 1861 г. т. CXV, 711.

Переверзевъ, кіевск. губерн., т. CXV, авг., 393.

Перевощиковъ, Θ. М., моск. проф., т. CXIV, апр., 153, т. CXVI, окт., 19.

Перемусихина, Марья Савишна, камеръ-фрау Екатерины II, томъ CXIII, февр., 213.

Переяславцевъ, маіоръ, 1877 г., томъ CXIII, янв., 120.

Перлинъ, П. Т., ген.-отъ-инфант., начальн., штаба кавказ. воен. округ., т. CXIV, май, 249.

Перовскій, гр. Вас. Алексѣев., оренб. ген.-губ., †1857 г., т. CXIII, мартъ, 557—559, т. CXIV, апр., 56—58, 62, май, 281, 282, 287, т. CXV, іюль, 21—36, 61—73, 124, 127, 224, томъ CXVI, нояб., 318, 326.

Перовскій, гр., Левъ Алексѣев., ми-ръ внутр. дѣлъ, †1856 г., т. CXIV, апр., 175, 176, май, 386, 393, 394, іюнь, 670, т. CXV, авг., 407—410, сент., 584, 643, 647.

Пестель, Ив. Борисов., ген.-губерн. Восточн. Сибири, р. 1765†1844 г., т. CXIII, янв., 148, февр., 278, мартъ, 543, 544, т. CXVI, нояб., 254.

Петерсенъ (Георгъ-Густавъ), Евстафій Андреев., лифл. губерн. прокуроръ, т. CXI, авг., 454.

Петерсенъ, Юлій, 1830 г., т. CXV авг., 454.

Петерсъ, ген., 1877 г., т. CXIII, мартъ, 453.
Петкевичъ, протоіер., т. CXIII, мартъ. 501.
Петрашевскій, Мих. Вас., †1867 г., т. CXV, сент., 519—540.
Петровъ, Осипъ Аѳан., артистъ, томъ CXV, авг., 403.
Петрушевскій, полковн., командиръ 4-го армейск. корп., т. CXVI, окт., 70.
Петръ I, императоръ, р. 1672†1725 г., т. CXIII, янв., 67—70, 184, февр., 266, т. CXIV, май, 257, 290, 364—378, 460, т. CXV, іюль, 169, 170, 178, авг., 442, сент., 623, 633, 664, 665, т. CXVI, декаб., 589.
Петръ III, императоръ, р. 1728†1762 г., т. CXV, сент., 544, 596, т. CXVI, окт., 6.
Пивомъ-Заполоскій, польск. полков., 1672 г., т. CXV, сент., 669, т. CXVI, окт., 138.
Пиксановъ, Н., сообщ: „Изъ архива Ѳ. В. Булгарина", т. CXVI, декаб., 601—609.
Пирлингъ, П., сообщ: „Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома", томъ CXIII, февр., 235—258, т. CXIV, апр., 155, 160, „Письмо П. Пирлинга о Маринѣ", май, 303—305, т. CXV сент., 635, 638. „Замѣтка по поводу статьи: Башня Марины Мнишекъ", т. CXVI, нояб., 272. „Possevininna", декаб., 639—650.
Писаревъ, Ал. Александр., ген.-м., попеч. московск. уч. окр., т. CXIV, апр., 105, іюнь, 577, 578.
Писаревъ, Александ. Никол., поруч., т. CXIII, мартъ, 448.
Писаревъ, Дм. Ив., писат., т. CXIII, янв., 85, 90.
Писемскій, Алексѣй Ѳеофил., писат., р. 1820†1881 г., т. CXIII, янв., 89.
Платоновъ, Валеріанъ Платоновичъ, тов. мин-ра ст.-секрет. царст. Польскаго 1865 г., т. CXIII, янв., 125, 126.
Платонъ, митроп. моск., 1855 г., т. CXIII, февр., 361, т. CXVI, окт., 166.
Плетневъ, Петръ Александ., акад., †1864 г., т. CXV, іюль, 130—132, авг., 416, 432, 434, 453, т. CXVI, окт., 34.
Плещеевъ, Мих., т. CXVI, окт., 105, 107.
Плюшаръ, Александ., 1806 г., издатель Словаря, т. CXIII, мартъ, 441, 442.
Повалишинъ, Андр Вас., ген.-лейт., 1800 г., т. CXIII, мартъ, 527, 528.
Повалишинъ, Никол., лейтен., 1812 г., т. CXIII, февр., 277, 280, мартъ, 459, 460, 467.
Погодинъ, Мих. Петров., акад., род. 1800†1875 г., т. CXIII, февр., 305, 315, мартъ, 336—339, 499, 509—511, 529—539, 590, т. CXIV, апр., 163, 174, іюнь, 651, т. CXV, сент., 516—518, 656, т. CXVI, окт., 176—189.
Подгорный, капит., т. CXIV, май, 316.
Поджіо, Александ. Викт., декаб., 1861 г., т. CXV, сент., 709, 714, томъ CXVI, окт., 224—238.
Пожарскій, кн. Романъ Петров., 1611 г., т. CXIII, февр., 255, томъ CXIV, апр., 155.
Поздѣевъ, Алек. Осип., офиц., томъ CXIV, апр., 129, 135, 136.
Познякъ, маіоръ, т. CXV, авг., 389.
Покровскій, коменд., т. CXIV, апр., 132.
Полевой, Валер., 1851 г., т. CXVI, окт., 34.
Полевой, Никол. Алексѣев., писат., р. 1796†1846 г., т. CXIII, февр., 258—270, 305, 312, 313, мартъ, 531, 571, 572, 577, 579, т. CXIV, апр., 174, іюнь, 606, 645, т. CXVI, нояб., 357, 358, 365.
Полежаева, Олимпіада Ив., т. CXV, сент., 495.
Полежаевъ, Александ., Ив., поэтъ, †1838 г., т. CXV, авг., 265—280, сент., 481—496.
Полетика, плоцк. губерн., т. CXIV, май, 416.
Полешка, ген., 1850 г., т. CXIV, іюнь, 532.
Поливановъ, ген.-лейт., 1865 г., томъ CXIII, февр., 380, 382.
Политковскій, инж.-ген., 1864 г., т. CXV, авг., 327.
Полонскій, Андрей, 1580 г., т. CXIII, февр., 405—410.
Полонскій, Яковъ Петров, писат., р. 1820†1898 г., т. CXIII, янв., 76, 90—93.
Полторацкій, Дм. Марков., сельск. хозяинъ, т. CXV, сент., 509, 510.
Полторацкій, управл. азіатск. отд. въ гл. шт., 1865 г., т. CXV, авг., 326—339.
Полѣновъ, Петръ Андр., директоръ канц. мин-ва ин. дѣлъ, 1847 г., томъ CXV, іюль, 133.
Поляковъ, строитель желѣз. дорогъ, т. CXIII, февр., 376, 385.
Пономаревъ, С. М., публицистъ, т. CXVI, нояб., 416.
Понятовскій, кн., Іосифъ, род. 1761 †1813 г., т. CXIII, февр., 412, 413.
Понятовскій, кн., Станиславъ, род. 1754†1833 г., т. CXIII, февр., 216, 413, 414, т. CXIV, апр., 115.
Попель, еписк., т. CXIII, янв., 202.
Попова, Вѣра Ѳедосеев., рожд. Раевская, † 1891 г., т. CXIV, апр., 183—188.
Поповъ, Вас. М., тайн. сов., директ. деп. мин-ва народн. просв., вносл.

членъ сов. главноначальств. надъ почтов. вѣдом., мистикъ, † 1842 г., т. CXVI, нояб., 242.
Поповъ, Вас. Степ., предсѣд. департ. гражд. и духовн. дѣлъ, род. 1745 †1822 г., т. CXIV, май, 471.
Поповъ, Іоасафъ Александ., томъ CXIV, апр., 184—186.
Поповъ, Мих. Максимов., 1837 г., т. CXVI, дек., 596, 598, 599.
Поповъ, Ст. Мих., т. CXIV, іюнь, 570.
Поповъ, сов. казен. палаты въ Тулѣ, 1812 г., т. CXIV, дек., 486.
Поповъ, коллежск. ассесоръ, 1847 г., т. CXIII, мартъ, 589, 590.
Поповъ, чиновн. по полиц. части, т. CXV, авг., 395.
Поповъ, ген.-поруч., 1796 г., т. CXIII, февр., 415.
Порошинъ, т. CXIV, іюль, 643, 651.
Посошковъ, Ив. Тихонов., † 1726 г., т. CXIV, іюнь, 643, 650, 651.
Поспѣловъ, чиновн., 1829 г., т. CXIII, янв., 66.
Поссевинъ, Антон., іезуитъ, †1611 г., т. CVIII, янв., 166, 173—185, февр., 389—410, мартъ, 593—614, т. CXIV, апр., 209—240, май, 444, 458—464, т. CXVI, дек., 639—650.
Потаповъ, Александ. Львов., р. 1818 †1886 г., т. CXIV, іюнь, 483, т. CXVI, нояб., 328, дек. 549, 554, 559.
Потаповъ, Алексѣй Никол., генер., 1829 г., т. CXVI, нояб., 351.
Потемкинъ-Таврическій, кн., Григ., Алексд., р. 1738 † 1791 г., т. CXIII, янв., 140, февр., прилож. 62—64, мартъ, прилож. 67—75, т. CXIV, май, 350, іюнь, 564, т. CXVI, окт., 9.
Потемкинъ, ген.-адъютан., 1815 г., т. CXIII, февр., 340, т. CXIV, апр., 82, 83.
Потемкинъ, Ѳедоръ, 1581 г., т. CXIV, февр., 394.
Потоцкая-Вансовичъ, гр-ня, рожд. гр-ня Тышкевичъ, 1817 г., р. 1775 г., т. CXIII, февр., 412.
Потоцкая, графиня, Софія, т. CXIII, февр., 229.
Потоцкій, Артуръ, т. CXIII, февр., 235
Потоцкій, гр., Леонъ, т. CXIII, февр., 413.
Потоцкій, Северинъ, сенат., т. CXIII, апр., 35.
Потоцкій, гр., Станисл., 1818 г., т. CXIII, янв., 122, мартъ, 425, 432, 435, т. CXIV, май, 424, т. CXV, іюль, 11, 12.
Потоцкій, гр., ред. „Сѣверн. Газ.“, т CXIV, май, 467.
Потто, В. А., т. CXIV, іюнь, 490.
Потуловъ, уфимск. губерн., т. CXIV, іюнь, 540.
Потье, ген.-маіоръ корн. инж. пут. сообщ., 1828 г., т. CXIV, апр., 208.
Поццо-ди-Борго, гр., Карлъ Андр., ген. ад., бывш. посломъ въ Лондонѣ, род. 1764 † 1842 г., авг., 443.
Похитоновъ, т. CXIII, февр., 387.
Прежецовъ, Б. П., полк., т. CXIV, іюнь, 544.
Присницъ, докторъ, т. CXIII, мартъ, 495.
Прожекъ, Марья Петров., рожд. Бѣлякова, т. CXV, іюль, 51, 52, 58.
Прокоповичъ-Антонскій, Антонъ Антон., директ. благородн. пансіон. при Моск. унив., т. CXV, іюль, 122.
Прокофьева, Марія Ѳед., т. CXIII, мартъ, прилож., 65.
Прокофьевъ, оф., т. CXIV, май, 346.
Протасова, Александ. Андр., т. CXV, іюль, 132.
Протасова, Марія Андр., т. CXV, іюль, 132.
Протасовъ, гр., Никол. Александр., об. прокур. Синода, † 1855 г., томъ CXIV, апр., 168, 169, май, 389, 394, т. CXV, авг., 416, т. CXVI, окт., 166, 167.
Проценко, полковн., т. CXVI, нояб., 325.
Пташицкій, С. Л., т. CXVI, декаб., 602.
Пташникъ, полковн., т. CXV, іюль, 80.
Пуженъ, 1815 г., т. CXV, авг., 303.
Пукаловъ, 1816 г., т. CXIV, апр., 105.
де-Пулэ, М. Ѳ., препод. Воронежск. кадет. корп., т. CXV, іюль, 83.
Путята, коллежск. совѣт., т. CXIV, 565.
Пушкаревъ, авт. „Опис. Рос. Имп.“ 1844 г., т. CXIV, май, 379.
Пушкина, Анна Львовна, т. CXVI, дек., 707.
Пушкина, Капит. Михайл., 1806 г., т. CXIII, мартъ, 515—517.
Пушкина, граф. Праск. Вас., ст.-дама, т. CXV, авг., 276, 277.
Пушкинъ, Александ. Серг., поэтъ, р. 1798 † 1837 г., т. CXIII, февр., 262, мартъ, 483—531, 590, т. CXIV, апр., 161, 174, май, 305, 401, іюнь, 499, 607, 630—638, 643—646, 654, т. CXVI, іюль, 214, авг., 320, 454, 453, сент., 578, 585, 595, т. CXVI, окт., 185, нояб., 356, дек., 609, 631, 705, 713, 718.
Пушкинъ, Алексѣй Мих., переводч. Мольера, † 1825 г., т. CXVI, нояб., 242.
Пушкинъ, Вас. Львов., писат., 1806 г.,

т. CXIII, мартъ, 515—517. т. CXVI, дек., 708, 709, 715, 718.
Пушкинъ, Левъ Серг., членъ одесск. таможни, † 1852 г., т. CXV, авг., 454, 455.
Пушкинъ, посолъ въ Римѣ 1571 г., т. CXIII, янв., 183, февр., 392, 393.
Пущинъ, Ив. Ив., декабр., 1861 г., т. CXV, сент., 710, 711, т. CXVI, окт., 221.
Пущинъ, Мих. Ив., капит., декабр., т. CXIV, іюнь, 482—493, 500.
Пфуль, ген., т. CXIV, май, 473.
дю-Пюже, преподават. истор. и географ. Николая Павловича, т. CXV, сент., 546, 547, т. CXVI, нояб., 299.
Пыпинъ, Алексд. Никол., т. CXVI, дек., 521.

Р.

Рагозинъ, Дмитрій, воевода, 1670 г., т. CXV, сент., 684.
Раденъ, бар., Ѳедоръ Карл., 1839 г., т. CXVI, окт., 18.
Радецкій, ген., 1852 г., т. CXIV, іюнь, 703.
фонъ-Радовицъ, гр-ня, рожд. фонъ-Фоссъ, т. CXV, авг., 452.
фонъ-Радовицъ, Іосифъ. прусск. государст. дѣят., род. 1797 † 1853 г., т. CXV, авг., 452. 453
Раевская, Вѣра Владим., см. Ефимова.
Раевская, Евдокія Моис., т. CXV, сент., 583.
Раевская, Софія В., въ зам. Дьяченко, т. CXV, сент., 583.
Раевская, Надежда Ѳедосеев., въ зам. Бердяева, т. CXIV, апр., 183.
Раевская, Любовь Ѳедосеев., въ зам. Веригина, т. CXIV, апр., 183, 185.
Раевская, Вѣра Ѳедосеев., т. CXIV, апр., 183—187.
Раевскій, Александр. В., т. CXV, сент., 583.
Раевскій, Вадимъ Влад., род. 1848 † 1882 г., т. CXV, сент., 583.
Раевскій, Валерій Ѳедосеев., 1865 г., т. CXIV, апр., 187.
Раевскій, Влад. Ѳедосеев., декабр., поэтъ, род. 1795 † 1872 г., т. CXIII, февр., 418, т. CXIV, апр., 183—188, т. CXV, сент., 577—583.
Раевскій, Влад., сообщ.: „Поправку къ письму декабр. В. Ѳ. Раевскаго", т. CXIII, февр., 418, „Четыре письма Вл. Ѳед. Раевскаго къ сестрѣ его В. Ѳ. Поповой", т. CXIV, апр., 183—188, „В. Ѳ. Раевскій", т. CXV, сент., 577—583.
Раевскій, Мих. В., казач. полковн., т. CXV, сент., 583.
Раевскій, Мих. Ѳед., протоіер., род. 1811 † 1884 г., т. CXIV, май, 411.
Раевскій, Никол. Никол., ротмистръ, 1820 г., т. CXV, авг., 320.
Раевскій, Ник. Ник., ген., род. 1771 † 1839 г., т. CXIV, іюнь, 487—492, 500, 578.
Раевъ, правит. канцеляріи при губернат. въ Симбирскѣ, 1834 г., томъ CXIV, май, 329.
Разинъ, Стенька, т. CXV, сент., 682 685, т. CXVI, окт., 132.
Разумовская, гр-ня, Елизав. Кирил., въ монаш. Августа, † 1802 г., томъ CXVI, окт., 65—68.
Разумовскій, кн., Алексѣй Григор., р. 1709 † 1771 г., т. CXV, іюль, 231.
Разумовскій, гр., Андр. Кирил., род. 1752 † 1836 г., т. CXV, іюль, 235.
Разумовскій, гр., Кириллъ Григор., ген.-фельдм., род. 1728 † 1783 г., т. CXVI, окт., 65—68.
Райчъ, Дмитрашка, переяславск. полковн., 1672 г., т. CXVI, нояб., 464.
Рамбахъ, оф., т. CXIV, апр., 50.
Рангони, польскій нунцій, 1601 г., т. CXIV, май, 462.
Растопчинъ, гр., Ѳед. Вас. москов. ген.-губерн., род. 1763 † 1826 г., CXIII, янв., 63, т. CXIV, іюнь, 508.
Ратмановъ, М. А., членъ Археолог. институт., т. CXV, сент., 635.
Ребиновъ, коммиссіонеръ, т. CXV, сент., 583.
Рейзетъ, гр., фр. послан. въ Россіи съ 1852—1855 г., т. CXIV, іюнь, 697—713, т. CXV, іюль, 215—232.
Рейневаль, гр., Алоизъ, 1840 г., томъ CXIV, іюнь, 705.
Рейтернъ, Мих. Христоф., мин. финансовъ, р. 1820 † 1890 г., т. CXIII, февр., 364, т. CXVI, окт., 83.
Рейтернъ, маіоръ, т. CXIV, іюнь, 542.
Рейхенбахъ, т. CXIV, апр., 50.
Репнинъ, кн., Николай Вас., ген.-фельдм., р. 1734 † 1801 г., т. CXIII, февр., 212, т. CXIV, апр., 154.
Репнинъ, кн., малорос. воен.-губерн. 1814 г., т. CXVI, нояб., 262.
Ржевскій, Ив. Ив., воевода, 1670 г., т. CXV, сент., 682, 687, т. CXVI, окт., 133, нояб., 464.
Ржевскій, Матвѣй Констант., свящ., т. CXIII, февр., 304.
Ржевусскій, гр., польскій писат., 1843 г., т. CXIV, апр., 177, 180.
Рибопьеръ, дипломатъ 1856 г., томъ CXV, іюль, 231.
Ридигеръ, гр., Ѳед. Вас., ген.-ад., р. 1783 † 1856 г., т. CXIV, май, 287, іюнь, 532.

Рикордъ, Людм. Иван., т. CXIII, мартъ, 467, 473.
Рикордъ, писат., т. CXV, авг., 384.
Рикордъ, Петръ Ив., адм., род. 1779 † 1855 г., т. CXIII, мартъ, 467, 468, 472, т. CXIV, май, 309.
Римскій-Корсаковъ, Я. Н., сенат. 1719 г., т. CXVI, декаб., 592.
Рихтеръ, О. Б., полковн., т. CXIII, янв., 159.
Рихтеръ, ген., т. CXV, авг., 285.
Рихтеръ, чинов. мин. иностр. дѣлъ, т. CXV, авг., 416.
Ровинскій, Пав. Аполлон., адъюнктъ-проф. 1857 г., т. CXVI, дек., 521.
Родзянко, т. CXVI, окт., 174.
Родіоновъ, т. CXV, іюль, 132, 134.
Розенбахъ, ген., 1877 г., т. CXIV, апр., 69.
Розенкампфъ, бар., Густавъ Андр., предсѣд. коммис. составл. законовъ, род. 1764 † 1832 г., т. CXIV, апр., 29—39.
Розенъ, бар., Андр. Евг., декабристъ, т. CXIII, мартъ, 542—553, т. CXIV, іюнь, 481, 493, т. CXVI, нояб., 296.
Розенъ, Евген. Андр., декабристъ, т. CXIII, мартъ, 548.
Розенъ, бар., Егоръ Ѳедор., писат., род. 1800 † 1860 г., т. CXV, авг., 455, 456.
Рожинскій, кн., Романъ, т. CXIII, февр., 250—257.
Рожнецкій, ген., начальникъ тайной полиц., 1830 г., т. CXIII, февр., 412, т. CXIV, май, 358.
Роллеръ, художн., т. CXV, авг., 399.
Романовскій, ген., т. CXIV, май, 248, т. CXV, авг., 332—340, т. CXVI, окт., 69, 70.
Романовъ, Никита, бояринъ, 1571 г., т. CXIII, янв., 180, февр., 397, 398.
Романовъ, Петръ Ив., маіоръ, помѣщ., т. CXV, іюль, 65, 66.
Ромишевскій, шт.-капит., т. CXIV, іюнь, 527.
Ромодановскій, кн., Г. Г., 1672 г., т. CXV, сент., 669—677, 686, томъ CXVI, нояб., 464, 470.
Рославецъ, Петръ, полковн., 1672 г., т. CXV, сент., 673—677, т. CXVI, нояб., 459.
Росси, комендантъ смоленск. 1812 г., т. CXIV, апр., 111.
Россицкій, интендантъ, томъ CXIV, іюнь, 538.
Россоловскій, В., корреспонд. 1877 г., т. CXIII, янв., 95, 96.
Ростиславъ, кн. смоленск., † 1166 г., т. CXVI, дек., 589.
Ростовцевъ, Яковъ Ив., ген.-адъют., начальн. штаба воен.-учеб. завед., род. 1803 † 1860 г., т. CXIV, май, 244, т. CXV, іюль, 134, сент., 537.
Ростопчинъ, гр., Ѳед. Вас., москов. главноком., род. 1763 г., † 1826 г., т. CXVI, нояб., 244, 249, 253.
Рошфоръ, полковн., т. CXVI, окт., 210.
Роховъ, прусскій послан., т. CXIV, іюнь, 697—707, т. CXV, іюль, 215.
Ртищевъ, ген.-лейт., 1798 г., т. CXIII, мартъ, 520.
Рудаковъ, Андр., протодіак., т. CXIV, май, 337, 338, 345, 348.
Рулье, профес. 1851 г., т. CXXI, дек. 687, 688.
Румянцевъ, гр., Никол. Петр., канц., род. 1754 † 1826 г., т. CXIII, февр., 219, 226, 231, 232, т. CXIV, апр., 104, май, 470—477, іюнь, 579, 580, 600, т. CXV, іюль, 234—238, авг., 470, т. CXVI, дек., 605.
Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Александ., фельдм., р. 1725 † 1796 г., т. CXIV, май, 372, т. CXV, сент., 649, т. CXVI, дек., 496.
Руничъ, владим. губерн., 1797 г., т. CXV, іюль, 113.
Руничъ, Дм. Павл., попеч. спб. учеб. окр., род. 1798 † 1860 г., т. CXV, іюль, 211, т. CXVI, нояб., 242.
Рутковскій, И. А., 1819 г., т. CXVI, дек., 717.
Рыльскій, начальн. польск. отряда, 1863 г., т. CXV, авг., 348.
Рылѣева, жена декабр., т. CXVI, нояб., 300.
Рылѣевъ, Кондр. Ѳед., поэтъ, декабристъ, р. 1796 † 1826 г., т. CXVI, нояб., 300.
Рылѣевъ, ген., т. CXV, авг., 292.
Рынкевичъ, т. CXIV, іюнь, 497, 498.
Рыхлевскій, Андр. Ив., вятскій губерн. съ 1826—1830 г., т. CXV, іюль, 209.
Рѣдкинъ, губернск. рязанскій предводит., 1862 г., т. CXVI, нояб., 281.
Рѣпинскій, Григ. Козьмичъ, сенат., сообщ.: „Послѣдствія ухаживанія на Невскомъ проспектѣ", т. CXIII, янв., 66, 67. „О считаніи оберъ-церемоніймейстера во второмъ классѣ. Предложеніе министра юстиціи Правительствующ. Сенату". 1827 г., 122, „О сохраненіи нашивокъ нижними чинами при переходѣ ихъ на службу въ гражданское вѣдомство", 130. „Просьба француза Виста перемѣнить свою фамилію и именоваться Безсоновымъ", 186. „Поощреніе кораблестроенія частными лицами", мартъ, 592, „Объ оставленіи цензора С. Н. Глинки въ маіорскомъ чинѣ", т. CXIV, апр., 162, „Высо-

чайшій выговоръ за небрежность", іюнь, 552, „Порядокъ выговоровъ губернаторамъ", т. CXV, іюль, 50, сент., 513, 517.
Рядинскій, воен., т. CXIV, май, 295.
Рязанцевъ, артистъ, т. CXIV, іюнь, 606.

С.

Саблуковъ, Никол. Александ., полковн., т. CXVI, окт., 95.
Сабуровъ, Вас. Мих., т. CXIV, іюнь, 556.
Саввиновъ, офиц. кон.-артил. 1877 г., т. CXIV, май, 295.
Савинъ, полковн., т. CXV, іюль, 36.
Савинъ, Мих., подъячій, 1672 г, т. CXVI, нояб., 464.
Садовскій, Провъ Мих., артистъ московск. театр. †1873 г., т, CXIV, іюнь, 618.
Савоновъ, артистъ, т. CXIV, іюнь, 628.
Саженъ, гр., т. CXIV, іюнь, 564, 566.
Саксъ, Карлъ Ив., полков. 1843 г., т. CXVI, декаб., 531, 533.
Салацкій, шт.-капит., т. CXIV, іюнь, 23.
Салмоновичъ, Исидоръ, 1830 г., т. CXIII, февр., 321, 322.
Салтыковъ, кн., Александ. Никол., мин. ин. дѣлъ 1806 г., т. CXIII, февр., 231, т. CXIV, май, 475—478.
Салтыковъ, Мих., боярин, 1602 г., т. CXIV, май, 463.
Салтыковъ, гр., Никол. Ив., фельдм., р. 1736 † 1816 г., т. CXIII, янв., 9, т. CXV, іюль, 233, 236, т. CXVI, ноябр., 243, 257, 258, декаб., 511.
Салтыковъ, полковн. 1853 г., т. CXIV, іюнь, 532.
Самариновъ, т. CXV, іюль, 44.
Самаринъ, Ив. Вас., артистъ, р. 1817 † 1885 г., т. CXV, сент., 562.
Самаринъ, В. Ѳ., адъют. 1863 г., т. CXIII, февр, 292—296.
Самаринъ, Мих., стольникъ, 1672 г., т. CXVI, окт., 131.
Самаринъ, Юрій Ѳед., писат., род. 1819 † 1876 г., т. CXIII, мартъ, 534, 537.
Самборскій, Андрей Аѳанас., протоіерей, 1798 г., томъ CXV, сент., 502.
Самойлова, Вѣра Вас., артистка, въ зам. Мичурина, т. CXV, авг., 402, сент., 560, 567—569, т. CXVI, нояб., 359, 364, 365.
Самойлова, Марья Вас., т. CXV, сент., 560.
Самойлова, Надежда Вас., артистка, т. CXV, іюль, 42, авг., 402, 403, сент., 560—572.
Самойловичъ, Ив., гетманъ, т. CXVI, окт., 142—145, нояб., 464, 468.
Самойловъ, гр. Александ. Никол., ген.-прокур., 1796 г., т. CXIII, февр., 415.
Самойловъ, Вас. Вас., артистъ, род. 1813†1887 г., т. CXIV, іюнь, 614, 618, 619, т. CXV, іюль, 40, 44, авг., 402, т. CXV, сент., 559—576.
Самойловъ, Вас. Мих., пѣвецъ, род. 1782 † 1839 г., т. CXV, сент., 560, 563.
Санти, гр., сенат. 1819 г., т. CXVI, декаб., 490.
Саполовичъ, лейт., т. CXIII, мартъ, 467.
Сапѣга, Левъ, канцлеръ, т. CXIII, февр., 257, т. CXIV, май, 457—463.
Сапѣга, Янъ, т. CXIII, февр., 246—255.
Сарачинскій, ген., 1874 г., т. CXVI, нояб., 328.
Сатинъ, Н. М., 1849 г., писат., т. CXIII, янв., 77.
Сафонова, 1848 г., т. CXIII, мартъ, 588.
Сафоновъ, предвод. двор. Курской губ. 1814 г., т. CXVI, декаб., 493.
Сахаровъ (Августинъ, Мих. Степановъ.), еписк. оренбург., 1797 г., т. CXV, сент., 504.
Сахаровъ, 1812 г., т. CXVI, нояб., 250.
Сварчевскій, подполк., 1848 г., томъ CXIV, май, 279—288.
Свербеевъ, Дм. Никол. 1832 г., т. CXIII, мартъ, 531, т. CXIV, апр., 144, т. CXV, сент., 663.
Свиньинъ, Пав. Петр. издат. „Отеч. Запис.", † 1839 г., т. CXIII, февр., 263, мартъ, 572.
Свирскій, студ. Спб. универс., томъ CXIV, апр., 196—206.
Свистуновъ, Петръ Никол., декабр., т. CXIII, мартъ, 550, 553, т. CXV, сент., 711.
Свистуновъ, нач. шт. Кавказскаго окр., 1870 г., т. CXVI, окт., 83, нояб., 325.
Свистуновъ, гр. 1797 г., т CXIV, іюнь, 517.
Свѣчина, Софья Петров., рожд. Соймонова, р. 1782 † 1837 г., т. CXV, авг., 440, 441.
Северинъ, Дм. Петров., тайн сов., послан. при Баварск. дв., т. CXIV, май, 402—413, іюнь, 567, 707, томъ CXV, іюль, 217, 218.
Семеновъ, Вас., цензоръ, 1831 г., т. CXIII, февр., 315—326, т. CXIV май, 310—313, іюнь, 645.

Семеновъ, Г. Р., секрет. штаба, томъ CXVI, нояб., 319.
Сементовскій, писат., 1851 г., томъ CXVI, декаб., 683.
Семичевъ, инж. пут. сообщ., т. CXIII, февр., 367—375.
Семичевъ, декабр., т. CXIV, іюнь, 497, 499.
Сенковскій, Осипъ Ив., писат., род. 1800 † 1858 г., т. CXIII, февр., 305, 328, мартъ, 573, т. CXIV, апр., 170, 171, 178 — 180, май, 310, 311, іюнь, 644 - 657, т. CXVI, нояб., 334, декаб., 604.
Сенявинъ, тов. мин. иностр. дѣлъ, т. CXIV, іюнь, 709, т. CXV, іюль, 216, 217.
Сераѳіонъ Аничковъ, архимандр. 1728 г., т. CXVI, декаб., 592.
Серафимъ, митроп., т. CXVI, окт., 150—164.
Сербиновичъ, Конст. Степанов., директ. канц. об.-прокур. свят. синода, 1850†1847 г., т. CXV, авг., 416.
Сергѣй Максимиліановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, т. CXV, авг., 289—293.
Сергѣевъ, подполк. путей сообщ., т. CXVI, окт., 73.
Сердюковъ, могилевскій помѣщикъ, 1819 г., т. CXV, авг., 416, 430.
Сержпутовскій, начальн. арт., томъ CXIV, іюнь, 533.
Серно-Соловьевичъ, Н. А., т. CXVI, декаб., 519.
Сеславинъ, партизанъ 1812 г., томъ CXIII, февр., 272.
Сибиряковъ, купецъ, т. CXIV, апр., 130.
Сиверсъ, тайн. сов., 1815 г., т. CXVI, декаб., 486.
Сигизмундъ I, король польскій, т. CXVI, окт., 123—130.
Сигизмундъ III, кор. польск., томъ CXIII, февр., 246, 252, 257.
Сильвестръ, епископъ смоленскій, 1581 г., т. CXIII, февр., 395.
Сильвестръ, митр. холмскій, 1719 г., т. CXVI, декаб., 592.
Симонова, въ зам. Обольянинова, т. CXV, авг., 265.
Симоновъ, штабъ-оф., т. CXV, іюль, 32.
Синельниковъ, Никол. Петр., полковн., сибирск. ген.-губ., т. CXV, авг., 397—403.
Синюхаевъ, Георгій, сообщ.: „Марина Мнишекъ и шахъ Аббасъ II", томъ CXIV, апр. 155—161, „Башня Марины Мнишекъ", томъ CXV, сент., 635—639, упом. т. CXIV, май, 303—305, т. CXVI, нояб., 272.
Сипягинъ, ген.-ад., т. CXIV, іюнь, 486, 564, 587, 588.
Сіовъ, кригсъ-комминс., т. CXIV, май, 337, 338.
Скабичевскій, писат., т. CXIII, янв., 92
Скабовскій, Ив. Аѳанас., адъюнктъ-профес. физики и математики спб. медикохирургической акад., 1800 г., т. CXV, сент., 508.
Скабовскій, Мих. Аѳан., 1800 г., т. CXV, сент., 507.
Скабовскій, Петръ Аѳан., секретарь, 1800 г., т. CXV, сент., 507, 508.
Скарга, Петръ, польск. проповѣд., 1525 г., т. CXIV, апр., 209, 210.
Скалонъ, вице-директ., деп. 1861 г., т. CXV, іюль, 32.
Скворцовъ, гродн. губернат. 1863 г., т. CXVI, декаб., 561.
Скобелевъ, Мих. Дм., ген.-ад., род. 1843†1882 г., т. CXIII, янв., 95—121, мартъ, 457, т. CXIV, апр., 66, 74, май, 251—253, 298—300.
Скопинъ, протоіер., 1798 г., т. CXIII, мартъ, 521—527.
Скрыпицынъ, дѣйств. стат. совѣтн., 1849 г., т. CXV, авг., 417.
Скурковскій, оберъ-свящ. въ Краковѣ, т. CXVI, нояб., 441.
Славинъ, артистъ, т. CXV, іюль, 42.
Слатвинскій, ген.-маіоръ, 1833 г., т. CXIV, апр., 163.
Слевскинскій, А., сообщ.: „Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская", т. CXVI, окт., 147—164.
Словцовъ, П. А., т. CXV, сент., 499, 500.
Смарагдовъ, писат., т. CXV, авг., 418.
Смирдинъ, Александ. Филип., издатель, р. 1795 † 1857 г., т. CXIII, мартъ, 571—576, т. CXIV, май, 399, т. CXV, іюль, 132, 133.
Смирнова, Анна Никол., рожд. Дмитріева, т. CXVI. декаб., 710.
Смирновскій, 1849 г., т. CXV, авг., 419.
Смирновъ, Н. М., калужск. губернат. 1863 г., т. CXVI, декаб., 549.
Снегиревъ, попечит. спб. окр. 1852 г., т. CXVI, декаб., 595.
Снегиревъ, цензоръ, т. CXV, сент., 645, 646.
Снядецкій, Андр., проф., т. CXVI, нояб., 345.
Соболевскій, гр., 1817 г., т. CXIII, февр., 416, мартъ, 420, 434, т. CXV, іюль, 5, 14—19.
Соболевскій, писат., 1842 г., т. CXVI. окт., 32, нояб., 445, 446.
Соболевъ, Л. Н., полковн., 1877 г., т. CXIV, апр., 67.

Собѣскій, Янъ, гетманъ польскій, 1671 г., т. CXV, сент., 688, 689
Содальскій, прот. Петропавл. собора, 1848 г., т. CXIV, апр., 47, май, 267, 270.
Соймоновъ, Мих. Ѳед., президентъ Бергъ-коллегіи, дѣйст. тайн. совѣтн., р. 1730 † 1804 г., т. CXIII, янв., прилож., 6—10, мартъ, прилож., 65.
Соколовъ, Яковъ, свящ., т. CXIV, апр., 111, 114, май, 337, 341—346, 349, іюнь, 573, 574.
Соколовскій, капит., т. CXV, авг., 297.
Солнцевъ, Матв. Мих., камергеръ, † 1848 г., т CXVI, окт., 185, 186.
Соловьевъ, Сер. Мих., истор., томъ CXIII, мартъ, 536, т. CXV, іюль, 159, 160, сент., 663, 666, 669, 670, т. CXVI, нояб., 416
Соловьевъ, Яковъ Александ., членъ редакц. коммис., † 1876 г., т. CXIII, мартъ, 499, 509, 513, т. CXVI, нояб., 277.
Соллогубъ, гр., Влад. Алекс., писат, р. 1814 † 1882 г., т. CXIII, мартъ, 532, 569
Соллогубъ, гр., 1877 г., т CVIV, май, 297.
Соломка, ген. 1859 г., т. CXV, іюль, 67, 68.
Сомовъ, Анд., т. CXV, іюль, 56, 57.
Сомовъ, Орестъ Мих., критикъ и переводч., т. CXVI, декаб., 604.
Сосницкій, Ив. Ив., артистъ, р. 1794 † 1871 г., т. CXIV, іюнь, 604, 621, т. CXV, іюль, 42, сент., 569, 571.
Сосновскій, Т. А., т. CXVI, декаб., 601.
Софья Алексѣевна, царевна-правительница, р. 1657 † 1704 г., томъ CXIII, янв., 184, т. CXIV, апр., 99, т. CXV, сент., 639.
Сперанская, Марія, въ замуж. Абакумова, т. CXV, сент., 498.
Сперанскій, Мих. Мих., род. 1772 † 1839 г., т. CXIII, янв., 5—36, февр., 227—234, 271, 278—283, 317, 318, 359, 360, мартъ, 444, т. CXIV, апр., 29—40, май, 350, 471, 473, іюнь, 555, 560—562, 624, 714—716, томъ CXV, іюль, 85—88, 142, 238, сент., 490—493, 497—518, т. CXVI, декаб., 499—501, 704.
Сперанскій, Орестъ, т. CXIV, апр., 22
Спѣшневъ, т. CXV, сент., 531.
Срезневскій, Вяч. Изм., сообщ.: „Празднованіе столѣт. Петербурга“, т. CXIV, май, 363—378
Срезневскій, Измаилъ Ив., акад., † 1880 г., т. CXVI, декаб., 518.
Срезневскій, цензоръ, 1849 г., томъ CXV, авг., 417—422.
Стадницкій, Станиславъ, т. CXIII, февр., 246, 252.
Сталь, ген.-отъ-кавалер. 1878 г., т. CXV, авг., 415.
Станиславская, т. CXVI, окт., 75.
Сарцовъ, Дм. Дм., томъ CXV, сент., 71.
Старынкевичъ, Ник. Александ., (состояв. приН. Н. Новосильцовѣ), сенат. варш. департ. сената, р. 1784 † 1857 г., т. CXV, авг., 441.
Стаховскій, надворн. совѣт., т. CXV, іюль, 112.
Стебутъ, уфимск. воинск. начальн. 1868 г., т. CXVI, окт., 75
Степанова, пѣвица, том. CXV, авг., 402, 403.
Степановъ, шт.-ротм., 1877 г., томъ CXV, авг., 286.
Стефанъ Яворскій, митроп. рязанск. 1700 г., т. CXVI, декаб., 589.
Стефанъ, ген.-маіоръ 1850 г., т. CXV, іюнь, 527—530.
Стивенсъ, Елизав., въ зам. Сперанская, 1798 г., CXV, сент., 502, 503.
Стоговъ, Гавр. Максим., т. CXIII, янв., 139, 140.
Стоговъ, Дм. Дмент., т. CXIII, янв., 132, 138—141.
Стоговъ, Ив., р. 1766 † 1852 г., томъ янв., 134—144, т. CXIV, апр., 128.
Стоговъ, Мих. Дм., капит., т. CXIII, янв., 133, 134.
Стоговъ, Ѳед. Дм., прапорщ., томъ CXIII, янв., 133, 144.
Стоговъ, Эразмъ Ив., р. 1797 † 1880 г., его записки, т CXIII, янв., 131—148, февр., 271—284, мартъ, 459—476, т. CXIV, апр., 117—141, май, 307—330, т. CXV, іюль, 51—69, авг., 383—395.
Стоговы, т. CXV, іюль, 51—66.
Столпянскій, П., сообщ.: „Эпизодъ изъ жизни В. И. Даля“, т. CXV, іюль, 71—73.
Столыпинъ, А. А., писат., 1845 г., т. CXIII, мартъ, 532.
Столыпинъ, П. А., губернск. предводит. дворянства Ковенск. губ., т. CXIV, май, 247.
Столыпинъ, атаманъ Урал. войска 1858 г., ген.-ад., об.-камергеръ, томъ CXV, іюль, 24.
Стрекаловъ, Степ. Степ., т. CXIII, мартъ, 553.
Стрекаловъ, Степ. Ѳед., ст.-секр. императрицы Екатерины II, томъ CXVI, нояб., 294.
Стремоуховъ, П. Д., нижегор. предводитель дворян., сообщ.: „Князь Бисмаркъ и его „Тирасъ“. (Изъ моихъ воспоминаній), томъ CXIII,

февр., 357, 358, „М. Р. Шидловскій (по поводу оперы „Псковитянка)“, т. CXIV, іюнь, 553 554, „Изъ воспоминаній о гр. П. А. Валуевѣ“, т. CXVI, нояб., 273—293.
Стремоуховъ, директ. азіат. департ. 1870 г., т. CXVI, окт., 83.
Строганова, гр-ня, Софія, 1815 г., т CXVI, декаб., 572.
Строгановъ, гр., Александ. Серг., президъ. Акад. худож., т. CXIII, февр., 214, 216, т. CXIV, апр., 26, 27, 181, т. CXV, іюль, 38, 138.
Строгановъ, гр., Пав. Александр., † 1817 г., т. CXIII, янв., 10, февр., 214—230
Строгановъ, гр., Пав. Христофор., т. CXIII, янв., 155, 159—263.
Строгановъ, гр., Серг. Григ., попеч. моск. учебн. окр. 1845 г., т. CXIII, мартъ, 532. 536, 583, 584, 589, томъ CXIV, май, 379, 382, 390, іюнь, 646, 647, 653, 654, т. CXV, сент., 664, т CXVI, окт., 29.
Строгановъ, бар., послан. въ Константинопь., 1821 г., т. CXVI, нояб., 307.
Строевъ, Влад., т. CXIV, іюнь, 614.
Струзе, тайн. совѣтн., чинов. мин. ин. дѣлъ, т. CXV, іюль, 145.
Струйская, Авдотья Ник., т. CXV, сент., 483, 484.
Струйская, Александра Петровна, рожд. Орлова, † 1840 г., т. CXV, авг., 265—274, сент., 482—496.
Струйская, Александра Юрьевна, † 1901 г., т. CXV, авг., 274.
Струйская, Елизавет. Ив., т. CXV, сент., 489.
Струйскіе, т. CXV, авг., 265—280.
Струйскій, Алексд. Ник., полковн., 1812 г., т. CXV, авг., 274—280, сент., 481—486, 495.
Струйскій, Дм. Юрьев, поэтъ, томъ CXV, авг., 269—273.
Струйскій, Леонт. Никол., т. CXV, авг., 271—274, сент., 485—496.
Струйскій, Мих. Петр., т. CXV, сент., 484, 486, 496.
Струйскій, Ник. Еремѣев. † 1796 г., поэтъ, т. CXV, 265—274, сент., 485, 488.
Струйскій, Петръ Ник., т. CXV, сент., 484—492.
Струйскій, Юрій Ник., † 1819 г., т. CXV, авг., 268 — 275, сент., 486—493.
Струйскій, Юрій Серг., т. CIV, авг., 273.
Струковъ, камеръ-юн., 1839 г., томъ CXVI, окт., 24.
Струковъ, Д. П., сообщ.: „Болѣзнь князя Г. Г. Орлова и назначеніе надъ нимъ опеки. (Рескриптъ императрицы Екатерины II братьямъ Орловымъ), 1782 г., т. CXIII, янв., 94.
Стуартъ, бар., дипломатъ, т. CXIV, май, 291, 295.
Студитскій, т. CXIII, мартъ, 538, 539.
Ступишинна, г-жа, т. CXIV, іюнь, 558.
Ступишинъ, пензенск. губернаторъ съ 1780—1796 г, т. CXIV, іюнь, 556. 558.
Стурдза, Алексд. Скарлатов., томъ CXIV, май, 397—415.
Стюартъ, послан. въ Спб., съ 1841—1844 г., т. CXIV, іюнь, 676.
Суворовъ, гр., Александ. Вас., генералис., р. 1727 † 1800 г., т. CXIII, янв., 108, т. CXIV, май, 372.
Суворовъ, В. И., завѣдующ. Нерчинскими заводами, томъ CXIII, янв., прилож., 10.
Судейкинъ, В. Т., сообщ.: „Виталій НиколаевичъТроцкій“, т.CXIV, май, 241—259.
Сулима, ген.-губерн. Западной Сибири 1835 г., т. CXIII, мартъ, 549.
Сумароковъ, Пав., тайн. совѣтн., сенаторъ, т. CXVI, нояб., 258—267.
Сумароковъ, гр., Серг. Павл., ген.-адъют., чл. Госуд. Сов., род. 1791 † 1875 г., т. CXIV, май, 404.
Сумароковъ, сенат., 1832 г., т. CXIII, февр., 319, 320.
Супоневъ, ген.-маіоръ, гражданскій губерн. Владим. губерн., т. CXV, сент., 513.
Суровѣцкій, Лавр., писат., т. CXVI, декаб., 604.
Суттофъ, Александр. Ник., декабр., † 1872 г., т. CXIV, іюнь, 493.
Сухово-Кобылинъ, Александр. Вас., драматургъ, т. CXIV, іюнь, 625—628.
Суховѣй, гетманъ, 1672 г., т. CXV, сент., 672, 681.
Сухозанетъ, г-жа, т. CXIV, іюнь, 608.
Сухозанетъ, Ник. Онуфр., воен. мин., 1861 г., т. CXIV, іюнь, 527—531, 538, т. CXV, іюль, 21.
Сухоруковъ, есаулъ войска Донск., декабр., † 1841 г., томъ CXV, авг., 478.
Сухоруковъ, Вас. Дм., т. CXIV, іюнь, 497—500.
Сухтеленъ, гр., Петръ Корнилов., р. 1751†1836 г., т. CXIV, май, 469, т. CXV, іюль, 158, авг., 467—477.
Сухтеленъ, гр., П. П., ген.-ад., 1828 г., т. CXIV, іюнь, 502, т. CXVI, окт., 212, 215.
Сушковъ, издат. „Раутъ“, 1852 г., т. CXVI, декаб., 698.

Сычевъ, архит., 1856 г., т. CXV, авг., 398.
Сѣверной, Никол. Емельянов., педагогъ, 1878 г., т. CXVI, нояб., 413, 416, 117.
Сѣдовъ, Сергѣй, 1799 г., т. CXIII, мартъ, 524, 525.
Сѣножацкій, Янъ, 1671 г., т. CXV, сент., 686.
Сѣраковскій (Доленго), Сигизмундъ, предв. вост. въ Литвѣ † 1863 г., т. CXIII, янв., 41.
Сѣрко, 1672 г., т. CXVI., нояб., 470.
Сѣряковъ, граверъ, т. CXVI, нояб., 323.

Т.

Таборъ, Адальбертъ, виленск. еписк., 1495 г., т. CXVI, окт., 119.
Тальони, танцовщица, р. 1804†1884 г., т. CXV, авг., 443.
Талызинъ, ген.-маіор., 1797 г., т. CXIV, іюнь, 516.
Танѣевъ, Александ., стрѣлецъ, 1672 г., т. CXV, сент., 669, 689, т. CXVI, окт., 135—144, нояб., 459—466.
Тарасенко-Атрѣшковъ, т. CXVI, окт., 17.
Тарасовъ, прокур., 1799 г., т. CXIII, мартъ, 525.
Татищевъ, Дм. Пав., диплом., †1845 г., т. CXIII, янв., 34, 196.
Татищевъ, И. Ю., сенат., 1719 г., т. CXVI, декаб., 592.
Татищевъ, Мих. Игнат., т. CXIII, февр., 236.
Татищевъ, послан. въ Вѣнѣ, 1823 г., т. CXVI, ноябр., 308—315.
Татищевъ, ген., воен. мин., т. CXVI, нояб., 299.
Таубе, г., 1815 г., т. CXIII, февр. 352, 356, т. CXIV, апр., 97.
Тебякинъ, ген.-м., †1877 г., т. CXIII, янв., 120, т. CXIV, апр., 65.
Тевяшевъ, Александръ Петр., офиц., т. CXIV, іюнь, 540.
Телятковскій, сов. казен. пал. въ Тулѣ, 1512 г., т. CXVI, дек., 486.
Темниковъ, подполковникъ, т. CXVI, окт., 75.
Тенгоборгскій, тайн. сов., 1848 г., т. CXV, авг., 415,
Тенишевъ, кн., д. ст. сов., 1819 г., т. CXVI, дек., 490.
Теребеневъ, Ив. Ив., скульпт. и карикатуристъ, р. 1780†1815 г., т. CXVI, ноябр., 252.
Тетенборнъ, г.-маіоръ, 1861 г., т. CXV, іюль, 37.
Терентьевъ, генер., 1859 г., т. CXV, іюль, 68.
Тизенгаузенъ, фрейл., 1852 г., т. CXV, іюль, 222.
Тилло, подполк., 1868 г., т. CXVI окт., 81.
Тимашевъ, Ал. Ег., мин. вн. дѣлъ, т. CXIV, май, 289, т. CXV, авг., 326, т. CXVI, окт., 83, ноябр., 296, 326.
Тимковскій, Ник. Ильичъ, т. CXVI, окт., 18.
Тимоѳеевъ, ген., 1876 г., т. CXVI, нояб., 329.
Тимоѳей, новгород. еписк., 1330 г., т. CXVI, окт., 152.
Тимощукъ, Вѣра Вас., сообщ.: „Россія и папскій престолъ“, т. CXIII, янв., 165—185, февраль, 389—410, мартъ, 594—614, т. CXIV, апрѣль, 209-240, май, 443—466, „Княгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами“, т. CXIII, янв., 187—200, т. CXIV, май, 417—442, іюнь, 673—696, т. CXV, сент., 691—705, т. CXVI, нояб., 419—436, дек., 611—628, „Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ въ XV и XVI вѣкахъ“, т. CXV, іюль, 89—105, авг., 349—382, сент., 597—634, т. CXVI, окт., 105—130, нояб., 367—400, дек., 651—682.
Титова, Юлія, рожд. Левицкая, бывшая фрейлина, †1895 г., т. CXV, іюль, 240.
Титовъ, Петръ Павловичъ, декабр., т. CXIV, іюнь, 497, т. CXV, іюль, 240.
Тихомировъ, Дм. Роман., 1791 г., т. CXV, сент., 504.
Тихонъ, еписк. воронеж., т. CXIV, май, 415.
Толбузинъ, Сем., русск. дипломатъ 1474 г., т. CXV, сент., 625.
Толмачевъ, Аѳан. Емельян, г.-лейт., 1848 г., т. CXIV, апрѣль, 53, 55, май, 280.
Толстая, графиня, т. CXV, іюль, 126.
Толстой, гр., Алекс. Петр., 1850 г., т. CXIII, февр., 302, 304.
Толстой, Влад. Серг., дек., т. CXIV, іюнь, 486.
Толстой, гр., Дм. Андреев., мин. нар. просв., р. 1823 † 1889 г., т. CXVI, ноябр., 302, 408—410.
Толстой, гр., Дм. Ник, дир. деп., полиц., пом. 1860 г., т. CXVI, нояб., 277, 283, 292, 293.
Толстой, Ив. Ник., сенат., †1854 г., т. CXV, авг., 416.
Толстой, Илья, нач. погр. стражи, сенаторъ, т. CXIV, іюнь, 541.
Толстой, гр., Левъ Никол., писат., т. CXIII, янв., 74.
Толстой, гр., Никол. Александ., гоф-

марш., т. CXIII, янв., 24, февр., 220, 231.
Толстой, гр., Ник. Александ., об.-гоф-марш., 1814 г., т. CXVI, нояб., 244.
Толстой, гр., Петръ, 1815 г., т. CXIII, февр., 340, т. CXIV, апр., 83, 90.
Толстой, Ѳ. М., критикъ, род. 1810, ум. 1881 г., т. CXIV, іюнь, 554.
Толстой, гр., Ѳед Петр., вице-президентъ академіи худож., р. 1783 г., † 1873 г., т. CXIV, апр., 167—169.
Толстой, тайн. сов., 1850 г., т. CXVI, окт., 177.
Толстой, гр., казан. губер., 1815 г., т. CXVI, декаб., 486.
Толстой, гр., гофм., 1810 г., т. CXIV, май, 477, іюнь, 601, т. CXV, іюль, 238, авг., 309, 310, т. CXVI, декаб., 575, 576, 579.
Толстой, гр., ген.-отъ-инфан., 1830 г., т. CXIV, май, 353.
Толстой, плоцкій губ., 1881 г., т. CXIV, май, 416.
Толь, гр., Карл. Ѳед., ген., 1812 г., ум. 1842 г., т. CXIII, февр., 272, т. CXIV, іюнь, 564, 568.
Торвальдсонъ, скульпторъ, т. CXIII, февр., 413.
Тормасовъ, Александ. Петр., ген.-отъ-кав., род. 1736 ум 1819 г., т. CXV, авг., 404, 438, т. CXVI, нояб., 244, 248, 256, 257, дек., 500.
Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., инжен., род. 1818 г., ум. 1884 г., т. CXIV, апр., 70, т. CXV, авг., 294—296.
де-Траверсе, маркизъ, 1812 г., т. CXV, іюль, 158.
Трембицкій, т. CXIV, май, 359.
Тремеръ, учитель, т. CXV, сентяб., 641, 643.
Тренделенбургъ, Карлъ Андр., арх., 1827 г., т. CXVI, окт., 11.
Треповъ, Ѳ. Ѳ., варшав. полицейм., т. CXIII, мартъ, 504.
Тресскинъ, иркут. губернат., 1812 г., т. CXIII, февр., 271, 278—283, мартъ, 459, т. CXIV, іюнь, 581.
Тройницкій, Александ. Григор., ред. „Одесск. Вѣсти", тов. мин. вн. дѣлъ, 1864 г., ум. 1871 г., т. CXIV, май, 290.
Тройницкій, Г. А., сообщ.: „П. А. Валуевъ о Петрѣ Великомъ и письмо Валуева къ А. Г. Тройницкому", т. CXIV, май, 290.
Троекуровъ, кн., посолъ въ Варшавѣ, 1584 г., т. CXIV, апр., 223—229.
Троцкій, Вит. Ник., ген.-ад., ген.-губер., С.-З., края, род. 1835 г., ум. 1901 г., т. CXIV, май, 241—259.
Троцинскій, Дм. Прок., мин. юст., р. 1754, ум. 1829 г., т. CXIII, янв., 7, 20, февр., 212—219, т. CXIV, іюнь, 714, т. CXVI, нояб., 241, 259—261, дек., 500, 503.
Трубецкая, кн., ур. Безакъ, т. CXVI, окт., 85.
Трубецкая, жена декаб., т. CXVI, нояб., 300.
Трубецкой, кн., Никита Юрьев., ген.-фельдмарш., 1762 г., т. CXV, сент., 706.
Трубецкой, кн., Серг. Петр., дек., р. 1790, ум. 1860 г., т. CXIII, мар., 542 544, т. CXV, сент., 712.
Тугендгольдъ, ценз., 1839 г., т. CXIV, іюнь, 665.
Тумальскій, Іосифъ, митр., т. CXVI, нояб., 465—469.
Тумановъ, А. Д., правит. канц. Виленск. ген.-губерн., 1863 г., т. CXVI, декаб., 547, 549.
Тургенева, В. П., рожд. Лутовинова, т. CXVI, декаб., 629.
Тургеневъ, Александр. Ив., дир. деп. дух. дѣлъ, писат., ум. 1845 г., т. CXV, авг., іюль, 122, 123, авг., 439—444, т. CXIII, мартъ, 536, т. CXIV, апр., 102, іюнь, 580, т. CXVI, декабр., 703—720.
Тургеневъ, Александ. Мих., писат. р. 1784†1845 г., т. CXIII, февр., 260
Тургеневъ, Ив. Петр., масонъ, 1802 г. т. CXIII, янв., прилож. 12, т. CXIV апр., 102.
Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 †1883 г., т. CXIII, январь, 73—93, мартъ, 570, т. CXIV, апр., 199, 200, май, 262—266, т. CXV, сент., 572, 585, 595, 655, 662, т. CXVI, декаб., 629—637, 718.
Тургеневъ, Ник. Ив., писат., дек., р. 1789, ум. 1871 г., т. CXIII, янв., 19, 21, 31, мартъ, 541—546, т. CXIV, апр., 35, 36, т. CXV, авг., 440, 443, 445, сент., 590—592, т. CXVI, окт., 191.
Тургеневъ, Ник. Сергѣев., т. CXVI, окт., 25.
Тургеневъ, П. Н., сообщ.: „Неизданныя письма И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу", т. CXVI, декаб., 703—720.
Тургеневъ, Петръ Петр., помѣщ., т. CXIII, янв., прилож., 12.
Тургеневъ, Серг. Ив., совѣт. посол. въ Константин., ум. 1827 г., т. CXV, авг., 440, 441, 444.
Тургеневъ, т. CXIV, май, 317—319.
Турманскій, шт.-капит., т. CXVI, окт., 169.
Турчаниновъ, А. А., нижегородскій губернск. предвод., 1862 г., т. CXVI, нояб., 278—282.
Тучковъ, Н. А., 1849 г., пис., т. CXIII, янв., 77.

Тучковъ, Павелъ Алексѣев., членъ государств. сов., т. CXV, сентябрь, 502.
Тышковичъ, графъ, 1863 г., т. CXVI, декаб., 564.
Тютчевъ, Андр. Никол., род. 1805, ум. 1831 г., т. CXIII, мартъ, 486.
Тютчевъ, Ѳед. Ив., писат., ум. 1873 г., т. CXIII, янв., 92.
Тюфякинъ, кн., Григ. Вас., т. CXIV, апр., 155.
Тюфякинъ, кн., Петръ Ив., гофмейст., бывш. директ. императ. театровъ, род. 1769, ум. 1845 г., въ Парижѣ, т. CXV, авг., 442.

У.

Убри, П. Я., дипломатъ, 1812 г., т. CXIII, февр., 225—227.
Уваровъ, гр., Серг. Сем., мин. нар. просв., † 1855 г., т. CXIII, февр., 310—313, мартъ, 444, 532, 533, 571—590, т. CXIV, апр., 164—182, май, 379—396, іюнь, 643—671, т. CXV, іюль, 132, 134, 137—155, авг., 405—416, 434, сент., 666, т. CXVI, окт., 166, нояб., 363, дек. 706.
Угличинина, Евг. Степан., рожд., Аксакова, 1828 г., т. CXIV, стр. 42, 45.
Угличининъ, полковн., 1828 г., т. CXIV, апр. 42.
Удомъ, секундъ-маіоръ, 1796 г., т. CXIII, февр. 415.
Унгернъ, бар., ген.-ад., 1762 г., т. CXV, сент., 706.
Урусовъ, Никол. Юрьев., 1799 г., т. CXIII, мартъ, 523—526.
Урусовъ, кн., курск. вице-губернат. 1814 г., т. CXVI, декаб., 493.
Устрицкій, Авксентій, игуменъ Прилуцкаго монаст., 1672 г., т. CXVI, нояб., 467.
Устряловъ, Никол. Герасим., проф. акад., историкъ, род. 1805 † 1870 г., т. CXIV, іюнь, 648, т. CXV, авг., 406, 414—416, 434—436, т. CXVI, окт., 34, 176, 177.
Устьянцевъ, подполковн., т. CXIV, іюнь, 574.
Утвинъ, Никол. Ив., т. CXVI, декаб., 718.
Ушаковъ, Констант. Мих., полковн., директ. Красносельск. театра, т. CXV, авг., 403.
Ушаковъ, Петръ Александр., полков., † 1878 г., т. CXIV, май, 291—295.
Ушаковъ, ген.-м. 1814 г., т. CXIV, іюнь, 533, т. CXVI, декаб., 493.
Ушинская, Екатерина Карловна, т. CXIV, апр., 121.
Ушинскій, Конст. Дмитр., т. CXVI, декаб., 517.
Ушинскій, капит. 1 ранга, 1840 г., т. CXIII, мартъ, 460.

Ф.

Фадѣевъ, писат. 1866 г., т. CXV, авг., 331.
Федай, ген., т. CXVI, нояб., 319.
Федяевъ, Логгинъ Ив., ген.-маіоръ, т. CXIV, апр. 54.
ла-Ферроне, гр., Петръ, фр. послан. въ С.-Пб. съ 1819—1825 г., т. CXV, авг., 444.
Фесслеръ, Игнатій, суперинтенд. саратов. евангелич. консист., р. 1756, ум. 1839 г., т. CXV, іюль, 85.
Фетъ, см. Шеншинъ.
Фигнеръ, партизанъ 1812 г., т. CXIII, февр., 272, 273.
Филаретъ (Васил. Дроздовъ), митр. москов., р. 1782 † 1867 г., т. CXIII, февр., 359—362, т. CXIV, апр., 105, май, 408—414, т. CXV, іюль, 88, авг. 425, т. CXVI, окт. 96, нояб. 251.
Филаретъ, старецъ Оптиной пустыни, 1850 г., т. CXIII, февр., 302.
Филиппъ, митроп., т. CXV, сент., 600, 610. 611.
Философовъ, смоленск. ген.-губерн., 1798 г., т. CXV, іюль, 108.
Фиркъсъ, бар., т. CXV, авг. 293.
Фирсовъ, Н. (Л. Рускинъ), сообщ.: «Новички» (изъ воспоминаній о Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка), т. CXVI, окт., 43—63.
Фіораванти, Рудольфъ, архитект., т. CXV, сент., 618, 625, 627, 634.
Флетчеръ, путешествен., т. CXIV, май, 444.
Фокъ, Александр. Александр., декаб., т. CXIV, іюнь, 482, 483, 486.
фонъ-Фокъ, управл. III отд. собств. его вел. канц., 1833 г., т. CXIV, іюнь, 645.
Фонвизинъ, сенат., 1800 г., т. CXIII, мартъ, 527.
Фонтонъ, 1823 г., т. CXIV, ноябрь, 309.
Фоссъ, Іоганнъ, род. 1751 † 1826 г., т. CXVI, окт., 199, 202.
Фотій, юрьевск. архиман. † 1838 г., т. CXVI, окт., 147—164.
Фохтъ, декаб., 1834 г., т. CXIII, мартъ, 549.
Фредериксъ, бар., т. CXIV, май, 291, 295.
Фрезе, офиц. 1877 г. CXIV, апр., 68.
Фролова-Багрѣева, Елизав. Мих.

рожд. Сперанская, т. CXV., сент., 499, 515.
Фроловъ, Н. С., сенат., 1863 г., т. CXVI, декаб., 548.
Фундуклей, Ив. Ив., чл. госуд. сов., вице-губ. въ Житомірѣ, коллеж. сов., т. CXV, авг., 383, 393—395.
Фуссъ, Пав. Никол., академ., род., 1798 † 1855 г., т. CXVI, окт., 39.

Х.

Ханенко, Мих., полковн., т. CXV, сент., 688, т., CXVI, окт., 131.
Ханыковъ, 1849 г., т. CXV, сент., 531.
Ханыковъ, Н. В., 1862 г., т. CXV, сент., 588.
Ханыковъ, Яковъ, уфимскій губернат., т. CXIV, іюнь, 542, т. CXV, іюль, 24.
Ханыковъ, адм., т. CXIII, январь, 142—146.
Хворостининъ, кн., Ив. Дм., воевода, 1616 г., т. CXIV, апр., 156, 158.
Хвостовъ, гр., Дм. Ив. писат., т. CXIV, іюнь, 638, т. CXV, іюль, 210, т. CXVI, декаб., 703.
Хемницеръ, И. И., баснописецъ, т. CXIII, янв., прилож., 9, т. CXVI, окт., 165—182, нояб., 256.
Хераскова, Елизав. Васил., рожден. Неронова, писат., род. 1737 † 1809 года, т. CXIII, февр., прилож., 53.
Херасковъ, Мих. Матв., писат., кураторъ москов. унив., род. 1733 † 1807 г., т. CXIII, февр., приложен., 52—63, мартъ, прилож., 73, 79—100.
Херасковъ, Романъ Петр., род. 1760† 1826 г., т. CXIII, февр, приложен., 56—60.
Хитрово, Алексѣй Зах., т. CXV, сент., 508.
Хитровъ, ген., т. CXV, іюль, 208.
Хлопицкій, Іосифъ, польск. ген., диктат., 1830 года, т. CXIV, май, 351—360
Хмѣльницкій, Богданъ, ген., казац гетманъ, 1672 г., т. CXV, сент., 670, 675, т. CXVI, окт., 144, 145.
Ходневъ, Конст., сообщ.: „Встрѣча съ А. В. Сухово-Кобылинымъ", т. CXIV, іюнь, 625—628.
Хозиковъ, Маркъ Никол., редакт., т. CXVI, окт., 33.
Холецкій, шт.-оф., маіоръ, т. CXVI, нояб., 319.
Холодковскій, т. CXV, авг., 333.
Хомутовъ, Мих. Григ., наказн. атаманъ войска Донского, род. 1795 † 1864 г., т. CXIII, янв., 149, 151, 164.
Хомяковъ, Алексѣй Степ., писатель, † 1860 г., т. CXIII, янв., 93, февр., 301, мартъ, 488—495, 534, 537, т. CXIV, апр., 163, 173, 174, т. CXV, сент., 663 — 666, т. CXVI, декабрь, 689—691.
Хоткевичъ, гр., Александр., драмат., р. 1776 † 1838 г., т. CXV, іюль, 208, 209.
Хохловъ, Вас. Данил., 1614 года, т. CXIV, апр., 159.
Храповицкій, Александ. Вас., писат. сенат., † 1801, т. CXIV, іюнь, 643, 647.
Храповицкій, 1815 г., т. CXIII, февр. 339, 345, 355, 356, т. CXIV, апр., 82—84.
Хрипковъ, Александ. Дмитр., род. 1799 г., пейзаж., т. CXIII, мартъ, 487, 492.
Христофоровъ, Констант., переводч., т. CXV, сент., 682.
Хрулева, помѣщ., т. CXV, сент., 497.
Хрулевъ, полковн., 1853 г., т. CXIV, май, 287, т. CXV, авг., 323.
Хрущовъ, Дм. Петр., камеръ-юнк., товарищъ мин-ра госуд. имущ., 1856 года, т. CXIV, окт., 20, 39.
Хрущевъ, волынск. вице-губернат. 1815 г., т. CXVI, декаб., 486.

Ц.

Цвѣтаевъ, Дм. В., профес., сообщ. „Характерная ошибка". По дѣлу всеподданнѣйшаго представленія намѣстника графа Берга о дополнительныхъ суммахъ по вѣдомству просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ на 1865 г.", т. CXIII, янв., 123—129.
Цвѣтаевъ, цензоръ, 1832 г., т. CXIII, февр. 310, 226, т. CXIV, іюнь, 645.
Цебриковъ, Никол. Роман., поруч., декаб., т. CXIV, іюнь, 482 — 486, т. CXV, іюль, 67—70
фонъ-Цедельманъ, Алексѣй Юрьев., иркутск. вице-губерн., ген.-маіоръ, р. 1723 † 1793 г., т. CXIII, мартъ, прилож., 80.
Цейеръ, д. ст. сов., т. CXIV, іюнь, 624, т. CXV, іюль, 86.
Циммерманъ, докт., 1802 г., т. CXVI, окт., 173.
Цинскій, ген., 1846 г., т. CXIV, май, 391.
Цитреусъ, полицейм., т. CXIV, іюнь, 574.
Циціановъ, кн., командующ. въ Грузіи, 1851 г., т. CXVI, окт., 176.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковлев., писат., р. 1793 † 1856 г., т. CXIII, мартъ, 538, 571, 580—583, т. CXV, сент., 663, т. CXVI. окт., 185, 186.
Чалѣева, Варв. Ив., † 1830 г., томъ CXIV, май, 479, 480.
Чаплевскій, капельм. гвард. корпуса, 1851 г., т. CXV, авг., 401.
Чарторыйскій, кн., Адамъ, р. 1734 † 1823 г., т. CXIII, янв., 10—29, 46, 47, 52, февр., 214—231, мартъ, 440, 441, т. CXIV, май, 256, 468—470, т. CXV, сент., 692—695, т. CXVI, нояб., 445.
Чацкій, тайн. сов., 1807 г., т. CXIV, май, 470.
Чевкинъ, Конст. Влад., главноуправл. 1862 г. пут. сообщ., † 1875 г., т. CXIII, февр., 366, 367, 374, т. CXV, іюль, 239, т. CXVI, окт., 82, 83.
Чегодаева, княжна, Олимпіада Алексѣев., т. CXIV, іюнь, 556, 557, 559.
Челаковскій, Францъ - Ладиславъ, чешскій поэтъ, род. 1799 † 1852 г., т. CXV, іюль, 134, 135.
Черкасскій, кн., Влад. Александр., † 1878 г., т. CXIII, мартъ, 503, 504.
Черкасовъ, бар., Алексѣй Иванов., декабристъ, т. CXIII, мартъ, 545, т. CXIV, іюнь, 493.
Чержесовъ, ген., т. CXIV, май, 298, 302.
Чернышева, граф., С. Г., т. CXIV, іюнь, 492.
Чернышевскій, писатель, т. CXIII, янв., 82—86, мартъ, 448.
Чернышевъ, гр., Алксдр. Ив., воен. мин., † 1852 г., т. CXIII, янв., 66, т. CXIV, апр., 19, 20, 83, 164, 165, май, 351, 357—361, 380—392, іюнь, 505, 531, т. CXV, іюль, 215, 219, 238, 491, 492, 499, 500, 595, авг., 407, сент., 515, 698, т. CXVI, нояб., 316, 337, 345.
Чернышевъ, гр., Григ. Ив., оберъ-шенкъ, † 1830 г., т. CXIV, іюнь, 491, 492.
Чернышевъ, гр., Захаръ Григ., об.-мундшенкъ, декабр., т. CXIV, іюнь, 486—492.
Чернявевъ, Мих. Григ., ген., т. CXIV, май, 248, т. CXV, іюль, 23, 27, 33—36, авг., 321—337, т. CXVI, ноябрь, 329.
Чертковъ, Мих. Ив., варшав. губерн., 1862 г., т. CXIII, февр., 331.
Четвериковъ, Пав. Филип., г.-лейт., 1864 г., т. CXIII, февр, 370.
Чигирь, полковн., 1848 г., т. CXIV, апр., 54, 55, 63, 64, май, 276—281.
Чижовъ, проф., т. CXV, сент., 665.
Чижовъ, писатель, 1846 г., т. CXIII, мартъ, 537, 539.
Чирикова, Авд. Ник., воспит. граф. Мусиной-Пушкиной, т. CXV, авг., 276, 277.
Чириковъ, Пав. Николаев., т. CXV, сент., 484.
Чичаговъ, П. В., адм. морск. мин., т. CXIV, апр., 36, 37, 166, май, 475, т. CXVI, окт., 8.
Чубаровъ, подполк., т. CXIV, іюнь, 512.

Ш.

Шавригинъ, посолъ, 1580 г., т. CXIII, янв., 168—183, февр., 395, мартъ, 611.
Шаликовъ, кн., Петръ Ив., писат., р. 1768 † 1852 г., т. CXIII, мартъ, 566.
Шаховской, Алексд. Алексд., драм. писат., р. 1777 † 1846 г., т. CXIV, апр., 145, іюнь, 603, 605, т. CXV, авг., 451.
Шаховской, кн., псковск. губернат. 1815 г., т. CXVI, дек., 486.
Шведовъ, П. Н., минскій губернат. 1863 г., т. CXVI, дек., 550.
Шебуевъ, Вас., художникъ, 1821 г. т. CXIII, февр., 417.
Шевичъ, г.-лейт., т. CXIII, янв., 188.
Шевченко, Тарасъ Григ., поэтъ, р. 1814 † 1861 г., т. CXIV, май, 289, т. CXV, сент., 605.
Шевыревъ, Степ. Петров., профес., писат., р. 1806 † 1864 г., т. CXIII, мартъ, 534, 536, 590, 591, т. CXIV, май, 407, іюнь, 650, т. CXV, сент., 664, т. CXVI, дек., 687, 688.
Шейдеманъ, ген., 1877 г., т. CXIII, мартъ, 453.
Шелгуновъ, П. Н., ген.-м., минскій губерн., 1866 г., т. CXVI, дек., 558.
Шеллингъ, т. CXV, сент., 641, 652 653.
Шелудякъ, Ѳедька, атам., т. CXVI, окт., 132.
Шембекъ, ген., 1830 г., т. CXIV, май, 351, 353, 359 361.
Шенрокъ, Влад. Ив., сообщ.: „Изъ писемъ Языкова къ брату его Александру Михайловичу“, т. CXIII, мартъ, 529—539, „Къ біографіи Н. М. Языкова“, т. CXIV, апр., 153, „П. А. Каратыгинъ и его ученики по сценѣ: Мартыновъ и Максимовъ“, т. CXIV, іюнь, 603—623, т. CXV, іюль, 39—

45, „Семейство Самойловыхъ“, сент., 559—576, упом. т. CXIII, февр., 302.
Шеншина, Екат. Дм., рожд. Карпова, т. CXVI, дек., 630, 631.
Шеншинъ (Фетъ), Аѳанасій Аѳан., писат., р. 1820 † 1892 г., т. CXV, сент., 593, т. CXVI, дек., 630—632.
Шеншинъ, Аѳан. Неофидовичъ, т. CXVI, дек., 630.
Шеншинъ, Влад. Ал., мценск. предводитель дворян., 1862 г., т. CXVI, дек., 629, 630.
Шеншинъ, Никол. Никит., т. CXVI, дек., 630.
Шепелевъ, Петръ Никол., р. 1806 г., т. CXIII, мартъ, 487.
Шервудъ-Вѣрный, поруч., 1827 г., т. CXVI, ноябрь, 304.
Шереметева, Надежда Николаевна, т. CXIII, мартъ, 535.
Шереметева, Софія Михайл., томъ CXIII, февр., 288.
Шереметевъ, Вас. Александр., 1856 г., т. CXVI, окт., 39.
Шереметьевъ, Ник. Вас., т. CXIV, іюнь, 496.
Шереметевъ, П. В., кіевскій воев., бояринъ, 1668 г., т. CXV, сент., 678.
Шестаковъ, полк., т. CXIV, апр., 66.
Шидловскій, М. Р., т. CXIV, іюнь, 553—554.
Шидловскій, цензоръ, 1849 г., томъ CXV, авг., 412, т. CXVI, нояб., 345.
Шилингъ - фонъ-Канштадъ, бар., д. с. сов., т. CXIV, апр., 126, май, 307.
Шиловъ, полковн., т. CXIV, іюнь, 527, т. CXV, іюль, 31.
Шильдеръ, Ник. Карлов., ген.-лейт., историкъ, р. 1842 † 1902 г., т. CXV, сент., 542—544, 546—548, 557, томъ CXVI, окт., 91—103, нояб., 296, 301, 302.
Шильновъ, свящ., препод. оренбур. гимназіи, 1875 г., т. CXVI, ноябрь, 402, 407.
Шиповъ, Серг. Павл., г.-ад. † 1876 г., т. CXIV, іюнь, 501, т. CXV, авг., 415.
Ширинскій-Шихматовъ, кн., Платонъ Александр., мн-ръ нар. просв., род. 1790 † 1853 г., т. CXIV, апр., 175—177, т. CXV, іюль, 123, авг., 416—431, сент., 641—666, т. CXVI, окт., 153—183, дек., 685—698.
Шишковъ, Александр. Семенов., мин. нар. просв., р. 1763 † 1841 г., томъ CXIII, янв., 16, 20, 21, февр., 230, 231, 263, 317, т. CXIV, апр., 162, 163, 171, 172, т. CXV, іюль, 121, 123, авг., 298, т. CXVI, нояб., 244, 245, 247, 335, 458, дек., 500.
Шляпкинъ, И. А., т. CXVI, декабрь, 595.
Шмаковъ, Мих., корнетъ, 1791 г., т. CXIII, янв., 122.
Штакельбергъ, гр., послан. въ Вѣнѣ, 1817 г., т. CXIII, февр., 416.
Штейнбокъ, гр., полковн., 1848 г., т. CXV, авг., 415.
Штейнгель, бар., Влад. Ив., декабр., род. 1784 † 1862 г., т. CXV, сент., 711, т. CXVI, декабр., 496, 501, 513.
Штемпель, бар., подполк., 1869 г., т. CXVI, окт., 79.
Шторхъ, Андр. Карл., акад., род. 1766 † 1835 г., т. CXIII, февр., 308, 309.
Шторхъ, преподават. имп. Николая I, т. CXV, сент., 543.
Штукенбергъ, Ив. Христіан., авторъ трудовъ по гидрограф. Россіи, т. CXVI, окт., 34.
Шубинъ, ст. сов., т. CXV, іюль, 28.
Шуваловъ, гр., Пав. Андр., шефъ жанд. т. CXIV, апр., 69, т. CXV, сент., 508, т. CXVI, нояб., 322—328.
Шуваловъ, гр., Петръ Андр., т. CXV, сент., 508.
Шуйскій, Василій, царь, т. CXIII, февр., 235 — 252, 403, мартъ, 599, т. CXIV, іюнь, 648, 649.
Шуйскій, Иванъ, т. CXIII, февр., 403.
Шуленовъ, ст.-совѣт., т. CXV, іюль, 235—238.
Шульгинъ, профес., т. CXIV, іюнь, 529.
Шульцъ, ген.-маіоръ, т. CXIV, іюнь, 527, т. CXV, іюль, 27.
Шумахеръ, Александ. Данилов., директ. хоз. деп. мин—ва вн. дѣлъ въ 1861—1878 г., † 1898 г., т. CXVI, нояб., 289.
Шумскій, артистъ, т. CXIV, іюнь, 619.

Щ.

Щегловъ, В. В. сообщ: „Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ велик. князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ“, т. CXIII, февр., 335—356, т. CXIV, апр. 77—97, іюнь, 583 — 607, т. CXV, авг., 299.—319, т. CXVI, декаб., 563—588.
Щеголевъ, подъячій, 1672 г., т. CXVI, нояб., 464.
Щедринъ (Салтыковъ), Мих. Евгр., писат.; род. 1826, † 1889 г., т. CXVI, нояб., 320.
Щелкаловъ, дьякъ, т. CXIII, февр., 406, т. CXIV, апр., 228.

Щепкинъ, проф. матем. Моск. унив., т. CXVI, окт., 19.
Щепкинъ, Мих. Сем., † 1895 г., артистъ, т. CXIV, іюнь, 619, т. CXV, сент., 563, 564.
Щепкинъ, М., сообщ.: „Основаніе Красносельскаго театра", т. CXV, авг., 397—403.
Щербань, Никол. Васил., журналистъ, т. CXV, сент., 589, 592, т. CXVI, декаб., 634.
Щербатовъ, кн. Констант., москов. воевода, 1668 г., т. CXV, сент., 675.
Щербачевъ, совѣт. губернск. правл. 1814 г., т. CXVI, декаб., 493.
Щировскій, Вас., свящ., т. CXIV, май, 343—348.

Э.

Эверсъ, Іоганнъ Филип., т. CXIV, апр., 151.
Эдайръ, Робертъ, сэръ, 1832 г., т. CXV, сент., 701.
Эдлингъ, гр-ня, Р. С., † 1844 г., т. CXIV, май, 401, 405, 414.
Эйнгорнъ, Вит. Осип., т. CXV, сент., 670, т. CXVI, окт., 134.
Элленбогенъ, Александръ, виленск. ученый, цензоръ, т. CXIV, іюнь, 665.
Эльжановскій, полковн., 1877 г., т. CXIII, янв., 120.
Эмме, Ив. Өед., ген.-лейт., т. CXIV, іюнь, 563, 564.
Энгельгардтъ, Егоръ Антон., дирек. Царскос. лицея, род. 1775 † 1862, т. CXV, сент., 500, 501.
Энгельгардтъ, Пав. Ив., подполк., 1812 г., т. CXIV, май, 334, 336, 339.
Энгельке, тобольск. губ., 1850 г., т. CXIII, мартъ, 558.
Энкельке, поруч., т. CXIV, апр., 46—51.
Эстергази, кн., австр. послан., т. CXIV, 430, 431, 438.
Эссенъ, гр., П. К., спб. воен. ген.-губ. 1840 г., т. CXIV, апр., 169, май, 467, іюнь, 669.

Ю.

Юдинъ, П. Л., сообщ.: „Споръ губернатора съ городомъ", т. CXIII, мартъ, 519—528. „Турецкіе эмиссары въ Россіи передъ войной 1877—1878 гг.", т. CXVI, нояб., 471—476.
Юрьевичъ, Сем. Алексѣев., ген.-отъ-инфант., помощ. воспит. вел. князя Александра Николаевича, т. CXV, іюль, 132.
Юсуповъ, кн., Н. Б., мн-ръ удѣл., т. CXIV, апр., 83, т. CXVI, окт., 64.
Юшинскій, еписк., т. CXIII, янв., 202.
Юшковъ, Ал. Ив., ген.-лейт., т. CXIV, іюнь, 563.
Юшневскій, 1861 г., т. CXV, сент., 712.

Я.

Ягужинская, гр-ня, Анна Павлов., въ зам. Апраксина, постриглась въ монахини, † 1801 г., т. CXVI, окт., 66.
Языкова, Прасковья Мих., т. CXIV, апр., 151.
Языковъ, Александр. Мих., 1831 г., т. CXIII, мартъ, 529—539.
Языковъ, Никол. Мих., писат., род. 1803 г., † 1846 г., изъ неизданныхъ его стихотвореній и писемъ, т. CXIII, мартъ 477—496, 529, т. CXIV, апр., 143 153.
Языковъ, Петръ Александ., директ. департ. жел. дорогъ, 1863 г., т. CXIII, февр., 367, 370—373.
Языковъ, Петръ Мих., минералогъ, т. CXIV, апр., 146.
Якоби, проф., т. CXIV, апр., 166—169.
Якобъ, Лудвигъ-Генрихъ, нѣмец. философъ и экономистъ, професс. въ Харьковск. унив., род. 1759 † 1827 г., т. CXV, авг., 440, 441.
Яковлева, Праск. Ив., см. Давыдова.
Яковлевъ, Евдок. Яковл., надворн. совѣтн., род. 1692 г., † 1764 г., т. CXIII, янв., прилож., 4—23.
Яковлевъ, Лукьянъ Яковл., чиновн., т. CXIV, іюнь, 631.
Яковлевъ, Мих. Лукьян., композит., т. CXIV, іюнь, 630.
Яковлевъ, Пав. Лукьян., писат., род. 1789 † 1835 г., т. CXIV, іюнь, 629—642, т. CXV, іюль, 195—214.
Яковлевъ, артистъ, т. CXV, іюль, 44.
Якубовичъ, декабр., т. CXIII, мартъ, 543, 544, т. CXIV, іюнь, 496, т. CXV, сент., 712.
Якушкинъ, П. И., собират. пѣсенъ, т. CXVI, декаб., 518.
Якушкинъ, декабристъ, т. CXV, іюль, 69.
Яновъ, Никол. Алексѣев., полковн., т. CXIII, мартъ, 445—455.
Янсонъ, проф., 1846 г., т. CXVI, окт., 33.

*

Янчуковскій, Викт., подполк., 1861 г., т. CXV, сент., 711.
Ясинскій, Варлаамъ, игуменъ Братскаго монастыря въ Кіевѣ, т. CXVI, нояб., 469.
Ястржембскій, политическ. эконом., т. CXV, сент., 528.
Яшвиль, кн., ген.-отъ-артил., т. CXIV, іюнь, 564, 566.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Б. М., т. CXIV, іюнь, 638.
Ѳедоровъ, Гавр. Антонов., полковн., директ. Красносельск. театра, т. CXV, авг., 403.
Ѳедоровъ, П. С., водевилистъ, т. CXV, сент., 570.
Ѳедоровъ, матем., т. CXIV, апр., 50.
Ѳедотовъ, худож., 1852 г., т. CXV, сент., 659.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь, †1682 г., т. CXV, іюль, 163, т. CXVI, нояб., 467.
Ѳеодоръ Іанновичъ, царь, т. CXIV, апр., 214 238, май, 444—464, іюнь, 648, т. CXV, авг., 435, т. CXVI, окт., 107.
Ѳеоктистовъ, главноупр. по дѣламъ печати, т. CXV, сент., 662.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіеписк., 1728 г., т. CXVI, декаб., 592.
Ѳеофилактъ, архіеп., 1813 г., т. CXIV, май, 331, 342, іюнь, 573—575.
Ѳома, епископъ суздальск., боярин, т. CXV, авг., 350, 351.
Ѳоминъ, ген.-маіоръ, 1862 г., т. CXIII, янв., 151—163.
Ѳотій, митроп., † 1431 г., т. CXV, іюль, 89, 90, 94.

Указатель составила **В. В. Тимощукъ.**

волоку. Цвѣтъ, форма, величина и различныя комбинаціи этихъ раковинъ выражали различныя понятія: красныя означали войну, бѣлыя—миръ, черныя—непріятность или смерть.

Такимъ образомъ видно, что появленію начертательнаго письма предшествовалъ подготовительный періодъ, когда люди выражали свои мысли при помощи предметовъ и знаковъ; за этотъ періодъ люди научились придавать предметамъ опредѣленное значеніе и такимъ образомъ подготовили себя къ послѣдующему періоду, когда для выраженія мыслей они стали употреблять не самые предметы, а только ихъ изображенія. Этимъ собственно и начинается исторія начертательнаго письма, представляющая три главныя стадіи: 1) письмо идеографическое или картинное, 2) гіероглифическое и 3) фонетическое или буквенное.

Первые зачатки начертательнаго письма мы встрѣчаемъ у всѣхъ почти народовъ земнаго шара на низшихъ ступеняхъ ихъ культурнаго развитія: многіе народы имѣли свои особые, таинственные знаки, свои загадочныя изображенія, которыя въ большинствѣ случаевъ относились къ области культа и стояли въ связи съ религіозными воззрѣніями первобытнаго человѣка. Съ теченіемъ времени, когда живопись достигла уже извѣстнаго развитія,—людямъ не трудно было убѣдиться, что при помощи рисунковъ несравненно легче выражать свои мысли, чѣмъ при помощи предметовъ. Напримѣръ, если хотѣли написать, что человѣкъ былъ растерзанъ тигромъ, то рисовали фигуру распростертаго человѣка позади изображенія тигра. Однако, этотъ способъ картиннаго письма оказался недостаточнымъ. Вмѣстѣ съ осложненіемъ жизни и съ расширеніемъ духовнаго кругозора, все болѣе и болѣе выдвигалась необходимость въ отысканіи способа выраженія на письмѣ и понятій отвлеченныхъ. Для этого былъ созданъ цѣлый рядъ условныхъ символовъ; напр., понятіе „дружба“ выражалось въ видѣ двухъ соединенныхъ рукъ, „любовь“—въ видѣ двухъ связанныхъ сердецъ. Картинное письмо существовало не у однихъ только американскихъ индѣйцевъ. Извѣстно, что прежде чѣмъ у египтянъ возникла звуковая система гіероглифовъ, ихъ письмо точно также состояло изъ различныхъ изображеній вещественныхъ предметовъ.

Египетъ, повліявшій своей культурой на евреевъ, грековъ и римлянъ, въ свою очередь передавшихъ результаты своего умственнаго и нравственнаго развитія христіанской Европѣ,—по справедливости считается колыбелью общечеловѣческой цивилизаціи. Прислушиваясь, въ продолженіе многихъ вѣковъ, къ своему разговору, египтяне замѣтили, что человѣческая рѣчь состоитъ изъ звуковъ, повторяющихся въ различномъ порядкѣ въ различныхъ словахъ. Эти наблюденія навели египтянъ на мысль замѣнить существовавшее у нихъ образное или картинное письмо такими письменами, въ которыхъ каждый слогъ обозначался бы опредѣленнымъ знакомъ. Каждый рисунокъ сталъ изображать уже не цѣлое понятіе, но только отдѣльный слогъ извѣстнаго слова. Такимъ образомъ они перешли отъ картиннаго письма къ силлабическому (слоговому), или, какъ его иначе называютъ,—гіероглифическому (гіеросъ—жрецъ; глюфа—рѣзьба, письмо), такъ какъ оно появилось впервые у египетскихъ жрецовъ и у нихъ достигло своего наиболѣшаго развитія.

Съ изобрѣтеніемъ папируса, наступила новая эпоха, ознаменовавшаяся, съ одной стороны, развитіемъ скорописи, а съ другой—быстрымъ распространеніемъ письменности среди народа; съ развитіемъ скорописи, стали прибѣгать къ упрощенному способу начертанія, замѣняя изображенія заблематическими крючками, имѣвшими, однако, отдаленное сходство съ фигурами. Какъ наиболѣе легкое и удобное, это гіератическое или жреческое письмо вытѣснило прежніе гіероглифы; а къ VII вѣку оно измѣнилось въ письмо демотическое или народное, гдѣ знаки приняли уже совершенно буквенный характеръ.

Изобрѣтеніе алфавита представляетъ уже послѣднее явленіе въ исторіи письма. До сихъ поръ еще точно не опредѣлено то время, въ которое произошло это великое изобрѣтеніе. Древнѣйшіе памятники алфавитнаго письма, о которыхъ дошли до насъ достовѣрныя свѣдѣнія,—восходятъ ко временамъ Моисея. По общепринятому мнѣнію, изобрѣтеніе алфавита приблизительно относится къ XV вѣку до Р. Х. Въ настоящее время не можетъ уже быть никакого сомнѣнія въ томъ, что между всѣми европейскими письменами существуетъ тѣсная родственная связь, что всѣ они являются потомками древняго письма семитовъ и происходятъ, какъ единогласно признано всѣми учеными палеографами, отъ одного общаго родоначальника—финикійскаго алфавита; съ этимъ алфавитомъ раньше всѣхъ европейскихъ народовъ познакомились греки, а черезъ нихъ и другіе европейцы. Греческая азбука легла въ основу глаголицы, которая постепенно была вытѣснена кириллицей. Кирилловская письменность просуществовала въ Россіи до времени Петра Великаго, который поручилъ въ Амстердамѣ составить образецъ новой русской азбуки, отлить шрифтъ съ, который и былъ привезенъ въ Россію въ 1707 г. Послѣдняя перемѣна въ русской азбукѣ была произведена въ 1758 г. учрежденнымъ при Академіи наукъ „Россійскимъ Собраніемъ“.

Н. К-ш-ъ.

Вышли новыя книги: „Разговоръ православнаго съ штундистомъ объ истинной вѣрѣ, на основаніи св. писанія“ и „Подъ кровомъ Всевышняго“. Изъ дѣйствительной жизни. Цѣна 1-й—60 к. и 2-й—25 к. Обращаться: г. Евпаторія, Таврич. губ., П. П. Тихвинскому.

„Лжедимитрій сватъ“. Драматическая хроника И. А. Кунчинскаго, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, 6-ти картинахъ. Цѣна 35 к.

„Описаніе русскихъ періодическихъ изданій XIX вѣка. „Московскій Меркурій“ 1803 г., ежемѣсячный журналъ, изд. П. И. Макарова“. Историко-библіографическое изслѣдованіе А. Г. Максимова. Оттискъ изъ 8-й кн. „Литературнаго Вѣстника“ за 1902 г. Цѣна 35 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1904 г.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1903 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

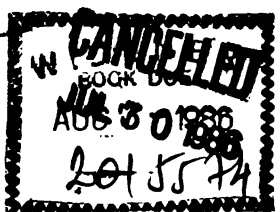
„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ".

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ пересылкою.
Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

3 2044 019 324 946

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.



7.28.86